ХИМИЯ И ЖИЗНЬ 2

Фантастика и детектив

1975-1984

КОМПИЛЯЦИЯ

«Химия и жизнь». Фантастика и детектив. 1975-1984

Кир Булычёв, Рэй Брэдбери, Станислав Лем, Виталий Ручинский, Ричард Маккена, Пол Андерсон, Г. Степанов, Борис Гедальевич Штерн, Михаил Георгиевич Пухов, Валентин Исаакович Рич, Клиффорд Саймак, Альфред Бестер, Бертран Рассел, Борис Антонович Руденко, Роман Фурман, Роберт Шекли, Эрик Винников, Джон Рональд Руэл Толкин, Владислав Ксионжек, Мюррей Лейнстер, Поль Валери, Фред Сейберхэген, Михаил Абрамович Кривич, Ольгерт Ольгин, Михаил Иосифович Веллер, Герман Гессе, Айзек Азимов, А. Морозов, Валерий Романович Полищук, Владимир Владимирович Третьяков, Курт Воннегут, В. Кантор,

Анри Труайя, Борис Виан, Святослав Владимирович Логинов, Владимир Валерьевич Покровский, В. Коть

Аннотация
«Химия и жизнь». Фантастика и детектив. 1975–1984. ___ ___ ___ ___
1975. ___ ___ ___ ___
№ 1. ___ ___ ___ ___
Кир Булычёв. Садовник в ссылке. ___ ___ ___ ___
№ 2, 3. ___ ___ ___ ___
Рэй Брэдбери. Электрическое тело пою
№ 10. ___ ___ ___
Кир Булычёв. Любимый ученик факира
1976. ___ ___ ___
№ 1. ___ ___ ___ ___
Г. Степанов. Молекулярная эндохронность. ___ ___ ___. (научный фольклор)
№ 3, 4, 5, 6. ___ ___ ___
Кир Булычев. Журавль в руках
1. ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___
2. ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___

3. ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___

4. ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___

5. ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___

6. ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___

7. ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___

8. ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___

9. ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___

10. ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___

11. ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___

12. ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___

13. ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___

14. ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___

15. ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___

№ 7, 8. ___ ___ ___

Станислав Лем. Маска

№ 9. ___ ___ ___

Вит. Ручинский. «Я зверек и ты зверек…»

№ 10. ___ ___ ___

Ричард Маккена. Тайник

№ 11. ___ ___ ___ ___

Пол Андерсон. Сокровища марсианской короны

№ 12. ___ ___ ___ ___

Борис Штерн. Фокусники

1977. ___ ___ ___ ___

№ 1. ___ ___ ___ ___

Кир Булычёв. Ретрогенетика

№ 2

А. Азимов. Pâté de foie gras

№ 4. ___ ___ ___

Д-р А. Кон. Драконы: какими они были?. ___ ___ ___. (научный фольклор)

1. К вопросу о систематике драконов. ___ ___ ___

2. Особенности физиологии драконов. ___ ___ ___

3. Драконы и эволюция жизни на Земле. ___ ___

№ 5. ___ ___ ___ ___

Вит. Ручинский. Не ищите кролика Кузю
№ 6. ___ ___ ___ ___
Борис Штерн. Сумасшедший король
№ 7. ___ ___
Михаил Пухов. Цейтнот
№ 12. ___ ___
Кир Булычёв. О любви к бессловесным тварям
1978. ___ ___
№ 1. ___ ___
Станислав Лем. Экстелопедия Вестранда в 44 магнитомах
№ 2. ___ ___
Кир Булычёв. Глаз
№ 3, 4, 5. ___ ___ ___ ___
Клиффорд Саймак. Кто там, в толще скал?. ___ ___ ___
1. ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___
2. ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___
3. ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___
4. ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___
5. ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___
6. ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___
7. ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___ ___

№ 6. ___ ___ ___

Кир Булычёв. Не гневи колдуна. ___ ___ _. _

№ 7. ___ ___ ___

Г. К. Честертон. Деревянный меч

№ 9. ___ ___

Кир Булычёв. Письма разных лет

№ 11. ___ ___ ___

Альфред Бестер. Перепутанные провода

№ 12. ___ ___ ___

Бертран Рассел. Инфракрасныи глаз. ___ ___ ___

1979. ___ ___ ___

№ 2. ___ ___ ___

Борис Руденко. Экзотический вариант

№ 3. ___ ___ ___

Роман Фурман. Первый день эпохи возрождения

№ 5. ___ ___ ___

Валентин Рич. Как оно было

№ 6. ___ ___

Рэй Брэдбери. Наказание без вины

№ 7. ___ ___

Роберт Шекли. Доктор Вампир и его друзья

№ 8, 9, 10, 11, 12. ___ ___

Кир Булычёв. Похищение чародея

1980. ___ ___ ___

№ 1. ___ ___ ___

Э. Винников, М. Мартин. Последняя охота

№ 2. ___ ___ ___

Клиффорд Саймак. Игра в цивилизацию

№ 3. ___ ___ ___

Дж. Блиш. День статистика

№ 4. ___ ___ ___

Кир Булычёв. Лёшенька-Леонардо

Поль Валери. Сократ и его врач

№ 5. ___ ___ ___

Альфред Бестер. Старик

№ 7. ___ ___ ___

Дж. Р. Толкин. Лист работы Мелкина. ___

№ 8. ___ ___ ___ ___

Вл. Ксионжек. Мальчик, Старик и Собака

№ 9. ___ ___ ___ ___

Борис Штерн. Чья планета?

№ 10. ___ ___ ___ ___

Мэррей Лейнстер. Замочная скважина

№ 11. ___ ___ ___

Роджер Желязны. Одержимость коллекционера

1981. ___ ___ ___ ___

№ 1. ___ ___ ___ ___

Фред Сейберхэген. О мире и о любви

№ 4. ___ ___ ___ ___

Михаил Кривич, Ольгерт Ольгин. В который раз про любовь

№ 6. ___ ___ ___

Валентин Варламов. Наваждение, или к вопросу о суевериях

№ 8. ___ ___ ___

Герман Гессе. Финал доктора Кнельге. ___ ___ ___

№ 11. ___ ___ ___

Михаил Веллер. Кнопка

№ 12. ___ ___ ___

Рэй Брэдбери. Превращение

1982. ___ ___

№ 2. ___ ___ ___ ___

В. Полищук. Смысл 54

№ 4. ___ ___ ___ ___

Кир Булычев. Родимые пятна

№ 5. ___ ___ ___ ___

Айзек Азимов. Окончательный ответ

№ 6. ___ ___ ___ ___

М. Кривич. Синтез ПСА

№ 8. ___ ___ ___ ___

Александр Морозов. Если заплыть под плотину

№ 12. ___ ___

В. Полищук. Контакт

1983. ___ ___

№ 4. ___ ___

Борис Штерн. Человек — это.... [Необходимое дополнение к трём законам Азимова]

№ 6. ___ ___

Владимир Третьяков. Я понятно говорю?

№ 7. ___ ___

Кир Булычев. Свободные места есть

№ 8. ___ ___

Курт Воннегут. Сила духа

№ 10. ___ ___

Айзек Азимов. Памяти отца

№ 11. ___ ___

В. Кантор. Пугач

№ 12. ___ ___

Борис Штерн. Дед Мороз

1984. ___ ___

№ 1. ___ ___

Анри Труайя. Странный случай с мистером Бредборо

Борис Виан. Париж, 15 декабря 1999...

№ 3. ___ ___ ___

Кир Булычёв. Копилка

№ 4. ___ ___ ___

Святослав Логинов. Исцелися сам

№ 5. ___ ___ ___

Владимир Покровский. Самая последняя в мире война

№ 6. ___ ___ ___ ___

Роберт Шекли. Абсолютная защита

№ 7. ___ ___ ___ ___

Михаил Кривич, Ольгерт Ольгин. Из жизни бывшего автолюбителя

№ 8, 9, 10, 11. ___ ___ ___

Кир Булычев. Агент КФ

№ 12. ___ ___ ___

В. Коть. К нам едет ревизор!

Аннотация

Сборник беллетристики, напечатанной за все годы в журнале «Химия и жизнь».

Все журнальные комментарии, предваряющие, либо резюмирующие произведения сборника, приведены целиком.

Вторая книга серии.

Fb2•

«Химия и жизнь». Фантастика и детектив 1975–1984

1975

№ 1

Кир Булычёв

Садовник в ссылке

КИР БУЛЫЧЕВ

САДОВНИК В ССЫЛКЕ

Павлыш застрял на Дене и сам был в этом виноват. Когда ему сказали, что мест нет и не будет, он еще успел бы сбегать в диспетчерскую, но рядом с ним стояла пожилая женщина, которой было очень нужно успеть на Фобос до отлета Экспедиции, и Павлышу стало неловко при мысли, что, если он раздобудет себе место, женщина, оставшаяся в космопорту, увидит, как он едет к кораблю.

Вот он и ушел в буфет, решив, что десять часов до отлета грузового к Земле-14 он проведет за неспешным чтением, хотя куда лучше было бы провести за неспешным чтением эти часы в каюте корабля.

Через полчаса космодром опустел. Он вообще на Дене невелик. Планетка эта деловая — для собственного удовольствия никто здесь жить не будет — что за радость гулять вечерами в скафандре высокой защиты? Правда, притяжение здесь 0,3, и потому движения у всех размеренные и широкие.

Марианна — Павлыш уже успел познакомиться с ней и узнать, что геологи дежурят в баре по дню в месяц, — занималась своим делом — прижимала к губам диктофон и бормотала что-то об интрузиях и пегматите. Грустный механик сосал

лимонад за столиком и с отвращением поглядывал на консервированные сосиски; парочка, сидевшая к Павлышу спинами, переживала какое-то тяжелое объяснение, и Павлыш подумал, что буфет космодрома — самое уединенное место на всей планетке, где каждый ее обитатель знает всех остальных в лицо.

...Человек влетел в буфет, словно прыгнул в длину. Сначала показались башмаки, измазанные землей, хотя никакой земли на Дене нет, потом башмаки втащили за собой прогнувшееся в спине нескладное худое тело. Человек не смог остановиться и пронесся, если это кошмарное движение можно так определить, — до самой стойки. Закачались от движения воздуха шторы с неизбежными березками, за которыми не было окон. Зазвенели бокалы на полке. Барменша уронила диктофон, и тот, переключившись на воспроизведение, забормотал ее голосом об интрузиях и пегматитах. Замолкли влюбленные. Механик схватил и приподнял тарелку с консервированными сосисками.

— Я этого не потерплю! — воскликнул человек, врезаясь в стойку. Голос у него был дребезжащий и резкий. — Они не привезли удобрений!

Тут ему удалось уцепиться за край стойки, и,

смахнув на пол бокал, он, наконец, принял вертикальное положение. У него оказалось узкое, устремленное вперед лицо с острым носом, серые, близко посаженные глаза и лоб, столь сильно сжатый впадинами на висках, что выдавался вперед, как у щенка охотничьей собаки.

— Ну? — спросил он строго. — Что делать? Куда жаловаться?

Павлыш ожидал какой-нибудь резкости со стороны геологини за стойкой, смешков или улыбок со стороны других, но реакция девушки была совершенно неожиданной. В полной, как будто даже почтительной тишине она сказала:

— Это действительно безобразие, профессор.

— Сколько раз, Марианна, я велел тебе не называть меня профессором?

— Извините, садовник.

— Вы, товарищ, откуда? — обернулся человек к Павлышу.

Но тут он увидел кого-то за спиной Павлыша и бросился вперед, к двери буфета, с такой скоростью, что обе его ноги в грузных башмаках оторвались от пола. И исчез. Лишь его высокий голос трепетал в зале ожидания.

Павлыш пожал плечами и поглядел вокруг. Все было тихо, словно только так садовники на

Дене посещают местный космодром. Механик с отвращением жевал сосиски, а барменша чинила диктофон. Влюбленные шептались. Интересно, подумал Павлыш, а что здесь делает садовник? Где его сады?

Он подошел к бару.

— Простите, Марианна, — сказал он. — Я, как видно, не все понял.

— А, — сказала девушка, поднимая на Павлыша глаза. — Вы приезжий.

— Да. Жду рейса.

— Вам кофе?

— Нет, вы назвали его профессором…

— Он и в самом деле профессор, — сказала девушка, понизив голос. — Самый настоящий профессор. Он у нас в ссылке.

— Что? — вот тут уж Павлыш удивился.

— В ссылке, — сказала девушка, наслаждаясь произведенным эффектом.

— Это точно, — сказал механик, отодвигая сосиски. — Он сейчас к диспетчерам побежал. Пропесочивает их. Боевой старик.

— Простите, — Павлыш был заинтригован. — Я полагал, что ссылка — понятие историческое.

— Это точно, доктор, — согласился механик, присмотревшись к нашивкам Павлыша.

— Он не шутит, — сказал молодой человек, который шептался со своей возлюбленной. — Садовник — самый популярный человек на Дене. Наша достопримечательность.

— Он совершил преступление, — сказала барменша Марианна.

— Дай сюда диктофон, — сказал молодой человек. — Мы его тебе сейчас починим.

— Но разве существуют преступления, за которые… — начал было Павлыш.

За дверью послышался грохот, звон стекла и в буфете снова возникли подошвы летящего садовника.

Павлыш на этот раз был начеку, а потому бросился навстречу садовнику и подхватил его раньше, чем он успел что-нибудь разрушить.

Садовник сказал возмущенно Павлышу;

— Отпустите меня в конце концов. Никуда я не денусь.

Павлыш опустил его на пол, и садовник, собиравшийся в этот момент вырваться собственными силами, тут же по причине малого притяжения потерял равновесие. Павлышу снова пришлось его ловить.

— Спасибо, — сказал садовник. — А вы, случайно, не из службы перевозок?

— Я из Космической разведки, — сказал Павлыш. — Я врач.

— Очень приятно познакомиться, — сказал садовник. — Гурий Ниц. Садовник.

Он смотрел на Павлыша оценивающе, словно спрашивал: а какая от тебя польза? Чем ты можешь нам пригодиться?

— У вас здесь оранжерея? — спросил Павлыш, чтобы завязать разговор.

— Оранжерея? Маленький клочок почвы, привезенной с Земли.

— Профессор шутит, — сказала Марианна, которая все слышала. — У нас замечательная оранжерея. Лучшая на астероидах. К нам прилетали с Марса. У них условия куда лучше, но они так и не смогли добиться ничего подобного…

— Марианна, — строго прервал ее профессор. — Ни слова больше.

— И вы выращиваете овощи?

— Какие это овощи! Я даже не могу накормить как следует моих людей. Вот если бы вы помогли нам добыть еще один корабль с черноземом…

Он посмотрел на Павлыша умоляюще.

— Но я…

— Может быть у вас есть друзья в службе перевозок? К нам так часто приходят густые корабли

за рудой. Ну что стоит их загрузить вместо балласта!

— Вы по профессии биолог? — спросил Павлыш осторожно.

— Биолог? — Ниц горько захохотал. Хохот вырывался из горла, будто завели мотоциклетный мотор. — Я историк литературы.

— Он гениальный биолог, — сказала Марианна. — И гениальный историк литературы.

— Я немедленно ухожу отсюда! — возмутился Ниц. — Как ты смеешь, Марианна, ставить меня в неудобное положение перед чужим человеком?

— Простите, профессор, — сказала Марианна твердо, давая понять, что от своих слов отступаться не намерена.

Ниц махнул рукой.

— Тут создалось обо мне преувеличенное мнение. Некоторые успехи, которых я добился в огородике, связаны лишь с моей настойчивостью. Ни таланта, ни школы, ни настоящих знаний у меня, увы, нет.

— Профессор! — взмолилась Марианна.

— Все! — сказал Ниц, поднимаясь. — Я ухожу.

Он обернулся к Паелышу.

— А если вы желаете поглядеть на мои овощи…

Тут голос его упал, и Ниц застыл с полуоткрытым ртом. Он глядел на книги, купленные Павлышем в киоске космопорта.

— Новое издание. — сказал он, словно умолял Павлыша разубедить его.

— Да, — сказал Паелыш. — Полное. Я со школы не удосужился перечитать. А на Земле слышал, что выходит полное издание «Мертвых душ», да упустил.

— Вы это купили здесь?

— А где же?

— И я упустил! Бежим же, купим еще!

— Боюсь, что это была последняя книга, — сказал Павлыш. — Но если вам она так нужна, возьмите.

Паелыш взял с дивана том Гоголя и протянул садовнику.

— Считайте, что она ваша.

— Ну что же, — сказал Ниц. — Спасибо.

Он раскрыл книгу и показал Павлышу на титульный лист. Там было написано: «Публикация, комментарии и послесловие профессора Гурия Ница».

Ниц схватил Павлыша за руку и повлек к выходу. Лишь оказавшись в зале, он сказал ему на ухо:

— Они не должны знать. Мне будет страшно неудобно, если они узнают. Они думают, что я сюда приехал в качестве садовника. Но они славные люди, и, когда в шутку называют меня профессором, я не сержусь.

Павлыш подумал, что профессор недооценивает проницательность своих соседей, но спорить не стал. Он уже понял, что Ниц не из тех людей, с которыми легко и приятно спорить.

— Пойдемте, наденем скафандры, и я проведу вас в оранжерею, — сказал Ниц. — Здесь нас могут услышать. Вы скоро улетаете?

— У меня еще несколько часов до отлета.

— Отлично. Я так оторван от жизни на Земле — вы себе не представляете.

Оранжерея оказалась и на самом деле обширной и великолепной. Длинные грядки овощей, яблоневые саженцы, клумбы цветов — все это занимало площадь больше гектара. Мощные лампы помогали далекому солнцу обогревать и освещать растения. Роботы медленно ехали вдоль гряд, пропалывая морковь и редиску. В оранжерее стоял теплый, влажный запах земли и листьев. Жужжали пчелы.

— Когда я приехал, ничего этого здесь не было, — сказал Ниц. — Раздевайтесь. Здесь жарко.

Сначала меня никто не принимал всерьез. Теперь же оранжерея — гордость Дены. Каждому хочется помочь мне. Здесь чудесные люди. И если бы не дела на Земле, я бы остался здесь навсегда. Но мне еще надо свести кое-какие счеты.

В голосе Ница зазвенел металл, и Павлышу даже показалось, что садовник стал выше ростом.

— Ну хорошо, — продолжал он совсем другим тоном. — Как вам понравилось мое послесловие? Мне нет смысла скрываться от вас. Надеюсь, что никто больше на Дене не купил эту книжку и моя тайна остается скрытой от этих милых простых людей.

— Я не успел его прочесть, — сознался Павлыш.

— А я ее отобрал у вас. Грустно. Но вы еще купите. А мне должны были прислать авторский экземпляр. Но пока не прислали. Это тоже безобразие.

Ниц привел Павлыша в небольшую комнату в дальнем конце оранжереи, где находился его кабинет. Одна из стен была занята стеллажом с книгами и микрофильмами. Беглого взгляда Павлышу было достаточно, чтобы понять, что все книги так или иначе относятся либо к ботанике, либо к истории первой половины XIX века Слов-

но хозяин библиотеки разрывался между двумя страстями.

— Подождите меня здесь, — сказал Ниц. — Сейчас я вас угощу…

Он исчез, опрокинув по дороге горшок с рассадой.

Павлыш поймал горшок и подошел к полкам. На третьей полке сверху стояло восемь экземпляров книги «Мертвые души» точно того же издания, как и та, что Ниц выпросил у Павлыша. Садовник лгал. Лгал не очень умело — в конце концов никто не заставлял его вести Павлыша в кабинет. Чтобы не ставить хозяина а неудобное положение, Павлыш отошел от стеллажа и уселся в кресло, спиной к книгам. Раскрыл «Мертвые души» — толстый том и перелистал его, разыскивая, откуда начинается послесловие Ница. Вот оно. Сразу после слов «Конец второго тома» начиналась статья Ница.

«Знаменательное событие в истории русской литературы… и — прочел Павлыш, но тут появился садовник с подносом абрикосов и яблок.

— Ешьте, — сказал он Павлышу. — Они сладкие.

— Спасибо.

— Вы, я вижу, читаете. Очень похвально. Вы

вообще произвели на меня благоприятное впечатление. Мне даже хочется рассказать вам обстоятельства моей жизни. Тот, кто знает главное, имеет право знать второстепенные детали.

— Мне очень интересно, — сказал Павлыш.

— Я понимаю, вы заинтригованы. Что делает здесь профессор Ниц? Вам раньше не приходилось слышать мою фамилию?

— К сожалению, нет.

— Ничего удивительного. Я не обижаюсь. Но, должен сказать, что когда я перед отъездом посетил всемирный конгресс историков литературы, мое появление в зале было встречено овацией. Да, овацией. И я уехал сюда. У меня был выбор. Мне предложили стать профессором литературы в Марсианском университете. Меня приглашали заведовать литературными курсами на Внешних Базах. Но я выбрал стезю огородника. И пусть пожимают плечами мои коллеги. Растения вседа были моей любовью. Сначала справедливость. Затем растения. Вам понятно?

— Почти, — сказал Павлыш.

— До конца не могут понять друг друга даже очень близкие люди. Мы же с вами знакомы всего час.

— Так, значит, вы отказались от литературы? —

спросил Павлыш.

— Да. И уехал сюда. Любое из предложений, которые сделала мне Академия наук, было выражением несправедливости. Я предпочел их удивить.

И профессор усмехнулся. Потом спросил:

— Ну и как вам Тентетников?

— Кто?

— Тентетников. Могли бы вы предположить в свете всего, что мы знаем, что Улинька поедет за ним в Сибирь?

— Тентетников? — повторил Павлыш, чувствуя, что время от времени совершенно не понимает профессора.

— Так вы читали «Мертвые души» или не читали их?

— А… Тентетников?.. Как же, как же. — Павлыш лихорадочно пытался вспомнить, кто такой этот Тентетников. Собакевича помнил. Манилова помнил. Чичикова, конечно, помнил. И Коробочку с Плюшкиным. А вот Тентетникова…

— Я так давно читал, — сказал Павлыш виновато. — Так давно. Еще в школе. И совсем смутно помню Тентетникова.

— Так, — Сказал профессор, пронзая Павлыша уничтожающим взором. — Конечно, в школе…

давно. Вы не могли читать о том, как Тентетникова выслали в Сибирь, молодой человек. Не могли, потому что Гоголь написал эту главу — за десять дней до смерти, а за девять дней он весь второй том «Мертвых душ» сжег. Так-то.

— Конечно, — вспомнил Павлыш. — Конечно. Простите, профессор.

Теперь он понял, кого напоминает ему профессор. Гоголя. Не такого элегантного, светского, что стоит на Гоголевском бульваре, а того, грустного, настоящего, что сидит у Суворовского бульвара. Да, да, конечно, Гоголь сжег второй том. Он был при смерти и попал под влияние священников.

Павлыш обрадовался, что память его все-таки не подвела:

— Значит, второго тома нет?

— Нет, — отрезал Ниц. — А теперь откройте книгу. Смотрите в оглавление!

«Том первый, страница три...» — было написано в оглавлении, — «Том второй»...

— Вы, — сказал Паелыш. — Вы нашли рукопись! И опубликовали зе?

— Почти, — ответил профессор. — Почти.

— Но как же вам это удалось!

— Что же, — сказал профессор, вгрызаясь в зеленое и явно кислое яблоко. — Можно рассказать.

Главная черта моего характера — стремление к справедливости…

Профессор задумался, глядя прямо перед собой очень светлыми прозрачными глазами. Павлыш не торопил его.

— Меня всегда волновали проблемы исторической справедливости, — продолжал Ниц. — И всегда возмущало, если она заставляла себя ждать. Историческая справедливость — а в литературе ее действие наиболее обнажено — не всегда успевает появиться на сцене до закрытия занавеса. И если появляется, то порой может показаться, что она уже не нужна. И вот в таких случаях наш долг, долг потомков, помочь ей. Можно гнать и уничтожать писателя или поэта. Можно убить его. Но обязательно наступит день, когда его слова победят врагов. Это закон, аксиома. Знали бы мы что-нибудь о князе Игоре — одном из ничтожных князей рядом с такими гигантами, как Андрей Боголюбский или Владимир Мономах! Нет, не знали бы. А не исключено, что он с высокомерным презрением относился к жалкому писаке — автору «Слова о полку Игоревен. Может, даже приказал казнить его, в княжьей своей гордыне полагая, что этот поэт его скромпрометировал. А вот оказывается, что

«Слово» куда важнее для нас, чем дела и мысли князя. Что и остался он в истории лишь благодаря «Слову». На этом примере мы видим сразу и действие исторической справедливости, указавшей на действительное соотношение в системе князь — поэт, и также ограниченность ее действия, потому что имени поэта она нам не подарила.

— Но я слышал… — начал Павлыш.

— Совершенно верно, — профессор поднял вверх указательный палец. — Вы хотели сказать мне, что сегодня историки не так беспомощны перед временем, как сто лет назад. Что институт времени планирует экспедицию в двенадцатый век, чтобы узнать, кто написал «Слово», и найти его первоначальные списки. Вот об этом я и хочу сказать. Здесь содержится моя радость и моя трагедия. Радость, что я могу приобщиться к тем, кто может не только искать, исследовать, но и помогать исторической справедливости. Трагедия в том, что даже в такой ситуации мы не всесильны. Дантес убил Пушкина и дожил до старости сенатором и богатым человеком. Впрочем, уверяют, что перед смертью Дантеса мучила совесть. Но он не имел права так долго жить!

Профессор поперхнулся, и Павлышу пришлось встать и как следует хлопнуть его по спине.

— Спасибо. Оставим Дантеса. Возьмем другой случай. Гоголь в конце жизни попадает под тягостное и мрачное влияние священника Матфея. Матфей уговаривает его бросить литературу, поститься, уйти в монахи. Матфей глуп и фанатичен. Но психика Гоголя надломлена неудачами, разочарованием в друзьях. И вот Гоголь — умница и человек, не чуждый житейских радостей, любитель славно поесть, — становится аскетом. Он молится, читает нелепейшие жития святых, едет в Иерусалим. Но не может отказаться от одного. Он не может перестать писать. «Не писать для меня совершенно значило бы то же, что не жить», — говорит он. И продолжает работать над «Мертвыми душами». И почти кончает второй том. Люди, которым он читал главы из книги, — Шевырев, Толстой, Смирнова, Аксаков — уверяют, что это были гениальные страницы. Казалось бы, Гоголь победит. Но побеждает отец Матфей. После его последнего приезда Гоголь униженно благодарит его, клянет себя за жестокосердие. За девять дней до смерти он сжигает все свои бумаги, в том числе «Мертвые души» — плод многих лет работы. И перестает принимать пищу, перестает двигаться. Умирает, потому что подчинился отцу Матфею, но не смог жить без

литературы. Это страшная трагедия. И знаете, что сказали после смерти Гоголя те, кто направлял руку Матфея? Митрополит Филарет прослезился и заявил, что следовало действовать иначе: «следовало убеждать, что спасение не в посте, а в послушании». Чувствуете, какое лицемерие?

Профессор соскочил со стула, и Павлышу пришлось поддержать его, чтобы он не ударился обо что-нибудь в порыве гнева.

— Он же сам говорил: в послушании. А что сделал Гоголь? Послушался. А знаете, что сказал о Гоголе епископ Калужский? «Он просто сбившийся с истинного пути пустослов».

Профессор дышал глубоко и часто.

— Убийцы всегда находят удивительно подлые слова, — сказал он наконец. — Они даже снисходят до крокодильих слез. Но им не должно доставаться места в истории!

— Но как же вам удалось найти рукопись? — спросил Павлыш, чтобы отвлечь профессора от горьких мыслей.

— Как? С рукописью было не очень сложно. Просто понадобилась моя настойчивость. И все. Мы не можем воскресить Пушкина, потому что его смерть от пули Дантеса — исторический факт. Мы не можем спасти Гоголя. Хотя мы должны

мстить и карать… Нет, что я говорю. Ладно… да, о рукописи. Если она сгорела, то для нас, могущих путешествовать во времени, ее гибель не окончательна. В общем, я правдами и неправдами получил разрешение на поездку в 1В52 год, попал туда за несколько дней до сожжения рукописи. Само путешествие было нетрудным. Труднее готовиться к нему. Я должен был полностью вписаться в то время. Ну а на месте я узнал, как выглядят рукописи, достал их на ночь и переснял. Гоголь спал. Его слуга-мальчик — тот самый, что отговаривал его жечь бумаги, так трогательно повторяя: «Зачем вы это делаете? Может, оне пригодятся еще», — его слуга тоже спал. Меня никто не видел. Вот и все. И в результате я здесь.

— Ничего не понимаю, — сказал Павлыш. — Вы ведь докладывали на конгрессе, писали послесловие. Почему вы здесь?

— По собственной воле, — сказал профессор. — Мне предложили выбирать между несколькими постами вне Земли.

Павлыш понял, что профессор недоговаривает. Но не стал спорить.

— Сейчас дело не в этом, — сказал профессор. — Я рассказал вам всю историю, потому что нуждаюсь в вашем сочувствии и в вашей помо-

щи. Мне необходимо попасть на Землю..

— Но как я могу помочь вам? Садитесь на корабль…

— Нет, нет, я дал слово, и будет очень неудобно… Мы с вами одного роста. Уступите мне вашу форму и дайте мне ваши документы. А пока останьтесь здесь за меня. Скажитесь больным. Народ здесь деликатный, и вас не будут тревожить.

— Как же можно, — сказал Павлыш и не удержался от улыбки. Он был на голову выше профессора и вдвое шире его в плечах. — Вас же сразу узнают, — сказал он.

— Конечно, — сдался профессор. — Я и сам так думаю. Но иногда меня посещает надежда, что с моей помощью…

Но он не успел договорить. Зазвенел видеотелефон. Профессор включил его. Не экране появилось лицо диспетчера.

— Здесь доктор Павлыш? — спросил он. — Марианна сказала, что он пошел к вам, профессор.

— Сколько раз я вам должен говорить, что я не…

— Извините, садовник, — чуть улыбнулся диспетчер. — Но мы получили сообщение, что приближается корабль. Он немного выбился из

графика. Так что доктору Павлышу лучше поскорее приехать на космодром. Мы не знаем, сколько корабль здесь пробудет.

— Спасибо вам, профессор, — сказал Павлыш, поднимаясь. — Я рад, что познакомился с вами. Это большая честь для меня.

Профессор махнул рукой и, ничего не сказав, отвернулся.

На космодроме снова пришлось ждать. Диспетчер поторопился с вызовом Павлыша. Корабль задерживался. Павлыш вернулся в буфет и подошел к стойке.

— Вы были у него в оранжерее? — спросила Марианна.

— Да, — сказал Павлыш. — Он добился сказочных успехов.

— Мы очень уважаем профессора, — сказала Марианна. — Он так много сделал. Вы видели его «Мертвые души»?

— Вы знаете?

— Все знают. Но если он не хочет говорить — это его право.

— А почему его сюда сослали?

— Я не совсем точно тогда выразилась. Ему предложили несколько мест на выбор. При условии, что он улетит с Земли.

— Но почему же?

— Он нарушил правила путешествий во времени.

— Разве это основание?..

— И все знали, что если он останется на Земле, то не выдержит. А с его изобретательностью и умом он обязательно проберется в прошлое.

— Так что же он там натворил?

— К счастью, немного.

— Он сказал мне, что переснял второй том.

— За это его никто не собирается наказывать. Но он еще разыскал отца Матфея и, представляете, избил его. Вы не смотрите, что профессор такой худенький. Он жилистый и быстрый. Как Суворов.

— Правильно сделал, — сказал Павлыш.

— Никто с вами не спорит. Но нельзя же отправляться в собственное прошлое и наводить там порядок. Даже ради справедливости.

— Отец Матфей никому не рассказал об этом?

— Никому. И это бы еще сошло профессору с рук. Но вы знаете, как его поймали?.. Он под видом уланского офицера сумел пробраться к Дантесу и, оскорбив его действием, вызвал на дуэль. Вы понимаете, чем это грозило? И профессора пришлось срочно отправить подальше от Земли.

— Но Дантес об этом тоже никому не рассказал?

— Нет, но после отъезда профессора в девятнадцатый век выяснилось, что он позаимствовал в историческом музее дуэльный пистолет и тренировался в стрельбе. Тогда-то и возникло жуткое подозрение…

— Доктор Павлыш, — сказал механическим голосом динамик. — Вас просят в диспетчерскую.

— До свидания, — сказала Марианна. — Приезжайте еще. Мы вас тут такими помидорами угостим!

№ 2, 3

Рэй Брэдбери

Электрическое тело пою

Фантастика
Я пою электрическое
Рэй Брэдбери

Бабушка!..

Я помню, как она родилась.

Постойте, скажете вы, разве может человек помнить рождение собственной бабушки?

И все-таки мы помним этот день.

Ибо это мы, ее внуки — Тимоти, Агата и я, Том, — помогли ей появиться на свет. Мы первые дали ей шлепка и услышали крик «новорожденной». Мы сами собрали ее из деталей, узлов и блоков, подобрали ей темперамент, вкусы и привычки, повадки и склонности и те элементы, которые заставили потом стрелку ее компаса отклоняться то к северу, когда она бранила нас, то к югу, когда утешала и ласкала, или же к востоку и западу, чтобы показать нам необъятный мир; взор ее искал и находил нас, губы шептали слова колыбельной, а руки будили на заре, когда вставало солнце.

Бабушка, милая Бабушка, прекрасная электрическая сказка нашего детства…

Когда за горизонтом вспыхивают зарницы, а зигзаги молний прорезают небо, ее имя огненными буквами отпечатывается на моих смеженных

веках. В мягкой тишине ночи мне по-прежнему слышится мерное тиканье и жужжание. Она, словно часы-привидение, проходит по длинным коридорам моей памяти, как рой мыслящих пчел, догоняющих призрак ушедшего лета. И иногда на исходе ночи я вдруг чувствую на губах улыбку, которой она нас научила…

Хорошо, хорошо, прервете вы меня с нетерпением, расскажите же, наконец, черт побери, как все произошло, как «родилась» на свет эта ваша столь замечательная, столь удивительная и так обожавшая вас бабушка.

Случилось это в ту неделю, когда всему пришел конец…

Умерла мама.

В сумерках черный лимузин уехал, оставив отца и нас троих на дорожке перед домом. Мы потерянно глядели на лужайку и думали: «Нет, это не наша лужайка, хотя на площадке для крокета все так же лежат брошенные деревянные шары и молотки, стоят дужки ворот и все, как три дня назад, когда из дома вышел рыдающий отец и сказал нам. Вот лежат ролики, принадлежавшие некогда мальчугану, — этим мальчуганом был я. Но это время безвозвратно ушло. На старом дубе висят качели, однако Агата не решится встать на

них — они не выдержат, оборвутся и упадут».

А наш дом? О боже…

Мы с опаской смотрели на приоткрытую дверь, страшась эха, которое могло прятаться в коридорах, тех гулких звуков пустоты, которые мгновенно поселяются в доме, как только из него вынесли мебель и ничто уже не приглушает голосов и шумов, наполняющих дом, когда в нем живут люди. Нечто мягкое и уютное, нечто самое главное и прекрасное исчезло из нашего дома навсегда.

Дверь медленно отворилась.

Нас встретила тишина. Пахнуло сыростью — должно быть, забыли закрыть дверь погреба. Но ведь у нас нет погреба!..

— Ну вот, дети… — промолвил отец.

Мы застыли на пороге.

К дому подкатила большая канареечно-желтая машина тети Клары.

Нас словно ветром сдуло — мы бросились в дом и разбежались по своим комнатам.

Мы слышали голоса — они кричали и спорили, кричали и спорили. «Пусть дети живут у меня!» — кричала тетя Клара. «Ни за что! Они скорее согласятся умереть!..» — отвечал отец.

Хлопнула дверь. Тетя Клара уехала.

Мы чуть не заплясали от радости, но вовремя опомнились и тихонько спустились вниз.

Отец сидел, разговаривая сам с собой или, может быть, с бледной тенью мамы еще из тех времен, когда она была здорова и была с нами. Но звук хлопнувшей двери вспугнул тень и она исчезла. Отец потерянно бормотал, глядя в пустые ладони:

— Пойми, Энн, детям нужен кто-то… Я люблю их, видит бог, но мне надо работать, чтобы прокормить нас всех. И ты любишь их, Энн, я знаю, но тебя нет с нами. А Клара?.. Нет, это невозможно. Ее любовь… угнетает. Няньки, прислуга…

Отец горестно вздохнул, и мы, вспомнив, вздохнули тоже.

Нам действительно не везло на нянек, воспитательниц, даже на приходящую прислугу. Мы не помним, чтобы хоть одна из них не пилила, как пила. Их появление в доме можно сравнить со стихийным бедствием, торнадо или ураганом, с топором, который неожиданно падал на наши ни в чем не повинные головы. Конечно же, они все никуда не годились; на нашем языке — горелые сухари, либо прокисшее суфле. Мы для них были чем-то вроде мебели, на которую можно без спроса садиться, которую следует чистить и вы-

колачивать, весной и осенью менять обивку и раз в год вывозить на взморье для большой стирки.

— Дети, нам нужна… — вдруг тихо произнес отец.

Нам пришлось придвинуться поближе, чтобы расслышать слово, которое он произнес почти шепотом:

— …бабушка.

— Но наши бабушки давно умерли! — с беспощадной логикой девятилетнего мальчишки воскликнул Тимоти.

— С одной стороны, это так, но с другой…

Что за странные и загадочные слова говорит наш отец!

— Вот взгляните. — Он протянул нам сложенный гармошкой яркий рекламный проспект.

Сколько раз мы видели его в руках отца, и особенно в последние дни! Достаточно было одного взгляда, чтобы стало ясно, почему оскорбленная и разгневанная тетя Клара так стремительно покинула наш дом.

Тимоти первым прочел вслух слова на обложке:

«Электрическое тело пою!»[1]

---

[1] notes: 1

Стихотворение американского поэта Уолта Уитмена. Пер. К. Чуковского

Нахмурившись, он вопросительно посмотрел на отца.

— Это что еще такое?

— Читай дальше.

Мы с Агатой виновато оглянулись, словно испугались, что вот-вот войдет мама и застанет нас за этим недостойным занятием. А потом закивали головами: да, да, пусть Тимоти читает.

— «Фанто…»

— «Фанточини»[2], — не выдержав, подсказал отец.

— …«„Фанточини Лимитед“. Мы провидим… Вот ответ на все ваши трудные и неразрешимые проблемы. Всего ОДНА МОДЕЛЬ, но ее можно видоизменять до бесконечности, создавая тысячи и тысячи вариантов, добавлять, исправлять, менять форму и вид… Единственная, уникальная… единая, неделимая, с свободой и справедливостью для всех».

— Где, где это написано? — закричали мы.

— Это я от себя добавил. — И впервые за много дней Тимоти улыбнулся. — Так вдруг, захотелось. А теперь слушайте дальше: «Для тех, кого измучили недобросовестные няньки и приходящая

---

[2] notes: 2
Марионетки, куклы *(итал.)*.

прислуга, на виду у которой нельзя оставить початую бутылку вина, кто устал от советов дядей и теток, преисполненных самых добрых намерений…»

— Да, добрых… — протянула Агата, а я, как эхо, повторил за ней.

«…мы создали и усовершенствовали модель человека-робота на микросхемах с перезарядкой марки АС-ДСУ, электронную Бабушку…»

— Бабушку?!

Проспект упал на пол.

— Папа?..

— Не смотрите на меня так, дети, — прошептал отец. — Я совсем потерял голову от горя, я почти лишился рассудка, думая о том, что будет завтра, а потом послезавтра… Да поднимите же вы его, дочитайте до конца!

— Хорошо, — сказал я и поднял проспект.

«…это Игрушка и вместе с тем нечто большее, чем Игрушка. Это Электронная Бабушка фирмы „Фанточини“. Она создана с величайшим тщанием и заряжена огромной любовью и нежностью к вашим детям. Мы создавали ее для детей, знакомых с реальностью современного мира и еще в большей степени с реальностью невероятного. Наша модель способна обучать на двенадцати

языках одновременно, переключаясь с одного на другой с быстротой в одну тысячную долю секунды. В ее электронной памяти, похожей на соты, хранится все, что известно людям о религии, искусстве и истории человечества…»

— Вот здорово! — воскликнул Тимоти… — Значит, у нас будут пчелы! Да еще ученые!..

— Замолчи, — одернула его Агата.

«Но самое главное, — продолжал я, — что это Существо — а наша модель действительно почти живое существо, — это идеальное воплощение человеческого интеллекта, способное слушать и понимать, любить и лелеять ваших детей (как способно любить и лелеять совершеннейшее из творений человеческого разума), — наша фантастическая и невероятная Электронная Бабушка. Она будет чутко откликаться на все, что происходит не только в окружающем вас огромном мире и в вашем собственном маленьком мирке, но также во всей вселенной. Послушная малейшему прикосновению руки, она подарит чудесный мир сказок тем, кто в этом так нуждается…»

— Так нуждается… — прошептала Агата.

Да, да, нуждается, печально подумали мы. Это написано о нас, конечно о нас!

Я продолжал:

«Мы не предлагаем ее счастливым семьям, где все живы и здоровы, где родители могут сами растить и воспитывать своих детей, формировать их характеры, исправлять недостатки, дарить любовь и ласку. Ибо никто не заменит детям отца или мать. Но есть семьи, где смерть, недуг или увечье кого-либо из родителей грозят разрушить счастье семьи, отнять у детей детство. Приюты здесь не помогут. А няньки и прислуга слишком эгоистичны, нерадивы или слишком неуравновешенны в наш век нервных стрессов.

Прекрасно сознавая, сколь многое предстоит еще додумать, изучить и пересмотреть, постоянно совершенствуя из месяца в месяц и из года в год наше изобретение, мы, однако, берем на себя смелость уже сейчас рекомендовать вам этот образец, по многим показателям близкий к идеальному типу наставника друга — товарища — помощника — близкого и родного человека. Гарантийный срок может быть оговорен в…»

— Довольно! — воскликнул отец. — Не надо больше. Даже я не в силах вынести этого.

— Почему? — удивился Тимоти. — А я только-только начал понимать, как это здорово!

Я сложил проспект.

— Это правда? У них действительно есть такие

штуки?

— Не будем больше говорить об этом, дети, — сказал отец, прикрыв глаза рукой. — Безумная мысль…

— Совсем не такая уж плохая, папа, — возразил я и посмотрел на Тима. — Я хочу сказать, что если, черт побери, это лишь первая попытка и она удалась, то это все же получше, чем наша тетушка Клара, а?

Бог мой, что тут началось! Давно мы так не смеялись. Пожалуй, несколько месяцев. Конечно, я сморозил глупость, но все так и покатились со смеху, стонали и охали, да и я сам от души расхохотался. Когда мы наконец отдышались и пришли в себя, глаза наши невольно снова вернулись к рекламному проспекту.

— Ну? — сказал я.

— Я… — поежилась не готовая к ответу Агата.

— Это то, что нам нужно. Нечего раздумывать, — решительно заявил Тимоти.

— Идея сама по себе неплоха, — изрек я, по привычке стараясь придать своему голосу солидность.

— Я хотела сказать, — снова начала Агата, — можно попробовать. Конечно, можно. Но когда, наконец, мы перестанем болтать чепуху и когда…

наша настоящая мама вернется домой?

Мы охнули, мы окаменели. Удар был нанесен в самое сердце. Я не уверен, что в эту ночь кто-нибудь из нас уснул. Вероятнее всего, мы проплакали до утра.

А утро выдалось ясное, солнечное. Вертолет поднял нас над небоскребами, и не успели мы опомниться, как он высадил нас на крыше одного из них, где еще с воздуха была видна надпись: «ФАНТОЧИНИ».

— А что такое Фанточини? — спросила Агата.

— Кажется, по-итальянски это куклы из театра теней. Куклы из снов и сказок, — пояснил отец.

— А что означает: «Мы провидим»?

— «Мы угадываем чужие сны и желания», — не удержался я показать свою ученость.

— Молодчина, Том, — похвалил отец.

Я чуть не лопнул от гордости.

Зашумев винтом, вертолет взмыл в воздух и, на мгновение накрыв нас своей тенью, исчез из виду.

Лифт стремительно упал вниз, а сердце, наоборот, подпрыгнуло к горлу. Мы вышли и сразу же ступили на движущуюся дорожку — она привела нас через синюю реку ковра к большому прилавку, над которым мы увидели надписи:

«МЕХАНИЧЕСКИЕ ИГРУШКИ»
«КУКЛЫ — НАША СПЕЦИАЛЬНОСТЬ»
«ЗАЙЧИК НА СТЕНЕ — ЭТО СОВСЕМ ПРОСТО»
— Зайчик?

Я сложил пальцы и показал на стене тень зайца, шевелящего ушами.

— Это заяц, вот волк, а это крокодил.

— Это каждый умеет, — сказала Агата.

Мы стояли у прилавка. Тихо играла музыка. За стеной слышался приглушенный гул работающих механизмов. Когда мы очутились у прилавка, свет в магазине стал мягче, да и мы повеселели, словно оттаяли, хотя внутри все еще оставался сковывающий холодок.

Вокруг нас, в ящиках и стенных нишах или просто свешиваясь с потолка на шнурах и проволоке, были куклы, марионетки с каркасами из тонких бамбуковых щепок, куклы с острова Бали, напоминающие бумажного змея и такие легкие и прозрачные, что при лунном свете кажется, будто оживают твои сокровенные мечты и желания. При нашем появлении потревоженный воздух привел их в движение. «Они похожи на еретиков, повешенных в дни празднеств на перекрестках дорог в средневековой Англии», — подумал я. Как видите, я еще не забыл историю…

Агата с недоверием озиралась вокруг. Недоверие сменилось страхом и наконец отвращением.

— Если они все такие, уйдем отсюда.

— Тс-с, — остановил ее отец.

— Ты уже однажды подарил мне такую глупую куклу, помнишь, два года назад, — запротестовала Агата. — Все веревки сразу перепутались. Я выбросила ее в окно.

— Терпение, — сказал отец.

— Ну что ж, в таком случае постараемся подобрать без веревок, — произнес человек, стоявший за прилавком.

Отлично знающий свое дело, он смотрел на нас серьезно, без тени улыбки. Видимо, знал, что дети не очень-то доверяют тем, кто слишком охотно расточает улыбки, — тут сразу чувствуется подвох.

Все так же без улыбки, но отнюдь не мрачно, без всякой важности и совсем просто он представился:

— Гвидо Фанточини, к вашим услугам. Вот что мы сделаем, мисс Агата Саймонс одиннадцати лет.

Вот это да! Он-то прекрасно видел, что Агате не больше десяти. И все-таки это он здорово придумал прибавить ей год. Агата на наших глазах

выросла по меньшей мере на вершок.

— Вот, держи.

Он вложил ей в ладонь маленький золотой ключик.

— Это чтобы заводить их? Вместо веревок, да?

— Ты угадала, — кивнул он.

Агата хмыкнула, что было вежливой формой ее обычного: «Так я и поверила».

— Сама увидишь. Это ключ от вашей Электронной Бабушки. Вы сами выберете ее, сами будете заводить. Это надо делать каждое утро, а вечером спускать пружину. И следить за этим поручается тебе. Ты будешь хранительницей ключа, Агата.

И он слегка прижал ключ к ладони Агаты, а та по-прежнему разглядывала его с недоверием.

Я же не спускал глаз с этого человека, и вдруг он лукаво подмигнул мне. Видимо, хотел сказать: «Не совсем так, конечно, но интересно, не правда ли?»

Я успел подмигнуть ему в ответ, до того как Агата наконец подняла голову.

— А куда его вставлять?

— В свое время все узнаешь. Может, в живот, а может, в левую ноздрю или в правое ухо.

Это было получше всяких улыбок.

Человек вышел из-за прилавка.

— Теперь, пожалуйста, сюда. Осторожно. На эту бегущую дорожку, прямо как по волнам. Вот так.

Он помог нам ступить с неподвижной дорожки у прилавка на ту, что бежала мимо с тихим шелестом, словно река.

Какая же это была славная река! Она понесла час по зеленым ковровым лугам, через коридоры и залы. Под темные своды загадочных пещер, где эхо повторяло наше дыхание и чьи-то голоса мелодично, нараспев, подобно оракулу, отвечали на наши вопросы.

— Слышите? — промолвил хозяин магазина. — Это все женские голоса. Слушайте внимательно и выбирайте любой. Тот, что больше всех понравится…

И мы вслушивались в голоса, высокие и низкие, звонкие и глухие, голоса ласковые и чуть строгие, собранные здесь, видимо, еще до того, как мы появились на свет.

Агаты не было рядом, она все время отставала. Она упорно пыталась идти вспять по бегущей дорожке, будто все происходящее ее не касалось.

— Скажите что-нибудь, — предложил хозяин. — Можете даже крикнуть.

Долго просить нас не пришлось.

— Э-гей-гей! Слушайте, это я, Тимоти!

— Что бы мне такое сказать? — промолвил я и вдруг крикнул: — На помощь!

Агата, упрямо сжав губы, продолжала шагать против течения.

Отец схватил ее за руку.

— Пусти! — крикнула она. — Я не хочу, чтобы мой голос попал туда, слышишь, не хочу!

— Ну вот и отлично, — сказал наш проводник и коснулся пальцем трех небольших циферблатов приборчика, который держал в руках. На боковой стороне приборчика появились три осциллограммы: кривые на них переплелись, сливаясь воедино, — наши возгласы и крики.

Гвидо Фанточини щелкнул переключателем, и мы услышали, как наши голоса вырвались на свободу, под своды дельфийских пещер, чтобы поселиться там, заглушив другие, известить о себе. Гвидо снова и снова касался каких-то кнопок то здесь, то там на приборчике, и мы вдруг услышали легкое, как вздох, восклицание мамы и недовольное ворчание отца, бранившего статью в утренней газете, а затем его умиротворенный голос после глотка доброго вина за ужином. Что уж он там делал, наш добрый провожатый, со своим приборчиком, но вокруг нас плясали шепоты и звуки, словно мошкара, вспугнутая светом. Но

вот она успокоилась и осела; последний щелчок переключателя — и в тишине, свободной от всяких помех, прозвучал голос. Он произнес всего лишь одно слово:

— Нефертити.

Тимоти замер, я окаменел. Даже Агата прекратила свои попытки шагать в обратную сторону.

— Нефертити? — переспросил Тимоти.

— Что это такое? — требовательно спросила Агата.

— Я знаю! — воскликнул я.

Гвидо Фанточини ободряюще кивнул головой.

— Нефертити, — понизив голос до шепота, произнес я, — в Древнем Египте означало: «Та, что прекрасна, пришла, чтобы остаться навсегда».

— Та, что прекрасна, пришла, чтобы остаться навсегда, повторил Тимоти.

— Нефер-ти-ти, — протянула. Агата.

Мы повернулись и посмотрели в тот мягкий далекий полумрак, откуда прилетел к нам этот нежный, ласковый и добрый голос.

Мы верили — она там.

И судя по голосу, она была прекрасна…

Вот как это было.

Во всяком случае, таким было начало.

Голос решил все. Почему-то именно он показался нам самым главным.

Конечно, нам не безразлично было и многое другое, например ее рост и вес. Она не должна быть костлявой и угловатой, чтобы мы набивали о нее синяки и шишки, но, разумеется, и не толстой, чтобы не утонуть и не задохнуться в ее объятиях. Ее руки, когда они будут касаться нас или же вытирать испарину с наших горячих лбов во время болезни, не должны быть холодными, как мрамор, или обжигать, как раскаленная печь. Лучше всего, если они будут теплыми, как тельце цыпленка, когда утром берешь его в руки, вынув из-под крыла преисполненной важности мамы-наседки. Только и всего. Что касается деталей, то уж тут мы показали себя. Мы кричали и спорили чуть ли не до слез, но Тимоти все же удалось настоять на своем: ее глаза будут только такого цвета, и никакого другого. Почему — об этом мы узнали потом.

А цвет волос нашей Бабушки? У Агаты, как у всякой девчонки, на сей счет было свое особое мнение, но она не собиралась делиться им с нами. Поэтому мы с Тимоти предоставили ей самой выбирать из того множества образцов, которые,

подобно декоративным шпалерам, украшали стены и напоминали нам разноцветные струйки дождя, под которые так и хотелось подставить голову. Агата не разделяла наших восторгов, но, понимая, как неразумно в таком деле полагаться на мальчишек, велела нам отойти в сторону и не мешать ей.

Наконец удачная покупка в универсальном магазине «Бен Франклин — Электрические машины и компания „Пантомимы Фанточини“. Продажа по каталогам» была совершена.

Река вынесла нас на берег. Был уже конец дня.

Что и говорить, люди из фирмы «Фанточини» поступили очень мудро.

Как, спросите вы?

Они заставили нас ждать.

Они понимали, что о победе говорить рано. Во всяком случае, полной и, если хотите, даже частичной.

Особенно если говорить об Агате. Ложась спать, она тут же поворачивалась лицом к стене, и, кто знает, какие печальные картины чудились ей в рисунке обоев, которых она то и дело касалась рукой. А утром мы находили на них нацара-

панные ногтем силуэты крохотных существ, то прекрасных, то зловещих, как в кошмаре. Одни из них исчезали от малейшего прикосновения, как морозный узор на стекле от теплого дыхания, другие не удавалось стереть даже мокрой губкой, как мы ни старались.

А «Фанточини» не торопились.

Прошел июнь в томительном ожидании.

Минул июль в ничегонеделании.

На исходе был август и наше терпение.

Вдруг 29-го Тимоти сказал:

— Странное у меня сегодня чувство…

И не сговариваясь, после завтрака мы вышли на лужайку.

Возможно, мы заподозрили что-то, когда слышали, как отец вчера вечером говорил с кем-то по телефону, или от нас не укрылись осторожные взгляды, которые он бросал то на небо, то на шоссе перед домом. А может, виною был ветер, от которого, как бледные тени, всю ночь метались по спальне занавески, будто хотели нам что-то сказать.

Так или иначе, мы с Тимом были на лужайке, а голова Агаты, делавшей вид, будто ей решительно все равно, то и дело мелькала где-то на крыльце за горшками с Геранью.

Мы словно не замечали нашу сестренку. Мы знали: стоит нам вспугнуть ее, и она убежит. Поэтому мы просто смотрели на небо. А на нем были лишь птицы да далекий росчерк реактивного самолета. Мы не забывали изредка поглядывать и на шоссе, по которому то и дело проносились машины. Ведь любая из них могла доставить нам… Нет, нет, мы ничего не ждем.

В полдень мы с Тимоти все еще валялись на лужайке и жевали травинки.

В час дня Тим вдруг удивленно заморгал глазами.

И вот тут-то все и произошло с невероятной точностью и быстротой.

Словно «Фанточини» передался весь накал нашего нетерпения, и они безошибочно выбрали момент.

Дети отлично умеют скользить по поверхности. Каждый день мы проделывали это, чуть задевая зеркальную поверхность озера, и нам знакомо то странное ощущение, будто в любую секунду можешь вспороть обманчивую гладь и уйти и тебя уже не дозовешься.

Будто почувствовав, что нашему долготерпению должен прийти конец, что это может случиться в любую минуту, даже секунду, и все

исчезнет, будет забыто, словно ничего и не было никогда, именно в это так точно угаданное мгновение облака над нашим домом расступились и пропустили вертолет, словно мифические небеса колесницу бога Аполлона.

Колесница медленно опускалась на крыльях потревоженного воздуха, горячие струи которого, тут же остывая, вздыбили наши волосы, захлопали складками одежды, будто кто-то громко зааплодировал, а волосы Агаты, стоявшей на крыльце, превратились в трепещущий флаг. Испуганной птицей вертолет коснулся лужайки, чрево его разверзлось, и на траву упал внушительных размеров ящик. И, не дав времени ни на приветствие, ни на прощание, еще сильнее взвихрив воздух, вертолет тут же рванулся вверх и, словно небесный дервиш, унесся дальше, чтобы где-то еще повторить свой фантастический трюк.

Какое-то время Тимоти и я недоуменно глядели на ящик. Но когда мы увидели маленький лапчатый ломик, прикрепленный к крышке из грубых сосновых досок, мы больше не раздумывали Мы бросились к ящику и, орудуя ломиком, стали с треском отрывать одну доску за другой. Увлеченный, я не сразу заметил, что Агаты уже нет на

крыльце, что, подкравшись, она с любопытством наблюдает за нами, и подумал, как хорошо, что она не видела гроба, когда маму увозили на кладбище, и свежей могилы, а лишь слышала слова прощания в церкви, но самого ящика, деревянного ящика, так похожего на этот, она не видела!..

Отскочила последняя доска.

Мы с Тимоти ахнули. Агата, стоявшая теперь совсем рядом, тоже не удержалась от возгласа удивления.

Потому что в большом ящике из грубых сосновых досок лежал подарок, о котором можно только мечтать. Отличный подарок для любого из смертных, будь ему семь или семьдесят семь.

Сначала просто не было слов и перехватило дыхание, но потом мы разразились поистине дикими воплями вое торга и радости.

Потому что в ящике лежала… мумия! Вернее, пока лишь саркофаг.

— Нет, не может быть! — Тимоти чуть не заплакал от счастья.

— Не может быть! — повторила Агата.

— Да, да, это она!

— Наша, наша собственная?!

— Конечно, наша!

— А что, если они ошиблись?

— И заберут ее обратно?!

— Ни за что!

— Смотрите, настоящее золото! И настоящие иероглифы! Потрогайте!

— Дайте мне потрогать!

— Точь-в-точь такая, как в музее!

Мы говорили все разом, перебивая друг друга. Слезинки сползли по моим щекам и упали на саркофаг.

— Ты испортишь иероглифы! — Агата поспешно вытерла крышку.

Золотая маска на саркофаге смотрела на нас, чуть улыбаясь, словно радовалась вместе с нами, и охотно принимала нашу любовь, которая, мы думали, навсегда ушла из наших сердец, но вот вернулась и вспыхнула при первом лучике солнца.

Ибо лицо ее было солнечным ликом, отчеканенным из чистого золота, с тонким изгибом ноздрей, с нежной и вместе с тем твердой линией рта. Ее глаза сияли небесно-голубым, нет, аметистовым, лазоревым светом или, скорее, сплавом всех этих трех цветов, а тело было испещрено изображениями львов, человеческих глаз и птиц, похожих на воронов, золотые руки, сложенные на груди, держали плеть, символ повиновения, и

еще диковинный цветок, означавший послушание по доброй воле, когда плеть вовсе не нужна.

Глаза наши жадно изучали иероглифы, и вдруг мы сразу поняли…

— Эти знаки, ведь они… Вот птичий след, вот змея!.. Да, да, они говорят совсем не о Прошлом.

В них было Будущее.

Это была первая в истории мумия, таинственные письмена которой сообщали не о том, что было и прошло, а о том, что будет через месяц, год или полвека!

Она не оплакивала безвозвратно ушедшее.

Нет, она приветствовала яркое сплетение грядущих дней и событий, записанных, хранимых, ждущих, когда наступит их черед.

Мы благоговейно встали на колени перед грядущим и возможным временем. Руки протянулись, сначала одна, потом другая, пальцы робко коснулись, стали ощупывать, пробовать, гладить, легонько обводить контуры чудодейственных знаков.

— Вот я, смотрите! Это я в шестом классе! — воскликнула Агата (сейчас она была в пятом). — Видите эту девочку? У нее такие же волосы и коричневое платье.

— А вот я в колледже! — уверенно сказал Ти-

моти, совсем еще малыш; но каждую неделю он набивал новую планку на свои ходули и важно вышагивал по двору.

— И я… в колледже, — тихо, с волнением промолвил я. Вот этот увалень в очках. Конечно же, это я, черт побери! — И я смущенно хмыкнул.

На саркофаге были наши школьные зимы, весенние каникулы, осень с золотом, медью и багрянцем опавших листьев, рассыпанных по земле, словно монеты, и над всем этим символ солнца, вечный лик дочери бога Ра, негасимое светило на нашем небосклоне, путеводный свет в сторону добра.

— Вот здорово! — хором воскликнули мы, читая и перечитывая книгу нашей судьбы, прослеживая линии наших жизней и всего прекрасного и непостижимого, что с такой щедростью было начертано вокруг.

— Вот здорово!

И, не сговариваясь, мы ухватились за сверкающую крышку саркофага, не имевшего ни петель, ни запоров, которая снималась так же легко и просто, как снимается чашка, прикрывающая другую, приподняли ее и отложили в сторону.

Конечно… в саркофаге была настоящая мумия!

Такая же, как ее изображение на крышке, но

только еще прекрасней и желанней, ибо она совсем уже походила на живое существо, запеленутое в новый, чистый холст, а не в истлевшие, рассыпающиеся в пыль погребальные одежды.

Лицо ее скрывала уже знакомая золотая маска, но оно казалось еще моложе и, как ни странно, мудрее. Три чистых холщовых свивальника стягивали ее тело. Они были тоже испещрены иероглифами, но на каждом — разными: вот иероглифы для девочки десяти лет, а вот для девятилетнего мальчика и мальчика тринадцати лет. Выходит, каждому из нас свое!

Мы растерянно переглянулись и вдруг засмеялись.

Не думайте, что кто-нибудь из нас позволил себе глупую шутку. Просто нам пришло в голову, что если она запеленута в холст, а на холсте — мы, значит, ей уже от нас никуда не деться!

Ну и что ж, разве это плохо! Нет, это здорово придумано, чтобы мы тоже в этом участвовали, и тот, кто это сделал, знал: теперь никто из нас не останется в стороне. Мы бросились к мумии, и каждый потянул за свою полоску холста, которая разворачивалась как волшебный серпантин!

Вскоре на лужайке лежали горы холста. А мумия оставалась неподвижной, дожидаясь своего

часа.

— Она мертвая! — вдруг закричала Агата. — Тоже мертвая! — И в ужасе отшатнулась прочь.

Я вовремя успел схватить ее.

— Глупая. Она ни то ни другое, — не живая и не мертвая. У тебя ведь есть ключик. Где он?

— Ключик?

Вот балда! — закричал Тим. — Да тот, что тебе дал этот человек в магазине. Чтобы заводить ее!

Рука Агаты уже шарила за воротом, где на цепочке висел символ, возможно, нашей новой веры. Она рванула его, коря себя и ругая, и вот он уже в ее потной ладошке.

— Ну давай, вставляй же его! — нетерпеливо крикнул Тимоти.

— Куда?

— Вот дуреха! Он же тебе сказал: в правую подмышку или в левое ухо. Дай сюда ключ!

Он схватил ключ и, задыхаясь от нетерпения и досады, что сам не знает, где заветная скважина, стал обшаривать мумию с ног до головы, тыча в нее ключом. Где, где же она заводится? И уже отчаявшись, он вдруг ткнул ключом в живот мумии, туда, где, по его предположению, должен быть у нее пупок.

И о чудо! Мы услышали жужжание.

Электрическая Бабушка открыла глаза! Жужжание и гул становились громче. Словно Тим попал палкой в осиное гнездо.

— Отдай! — закричала Агата, сообразив, что Тимоти отнял у нее всю радость первооткрытия. — Отдай! — И она выхватила у него ключик.

Ноздри нашей Бабушки шевелились — она дышала! Это было так же невероятно, как если бы из ее ноздрей повалил пар или полыхнул огонь!

— Я тоже хочу!.. — не выдержал я и, вырвав у Агаты ключ, с силой повернул его… Дзинь!

Уста чудесной куклы разомкнулись.

— Я тоже!

— Я!

— Я!!!

Бабушка внезапно поднялась и села.

Мы в испуге отпрянули.

Но мы уже знали: она родилась! Родилась! И это сделали мы!

Она вертела головой, она смотрела, она шевелила губами. И первое, что она сделала, она засмеялась.

Тут мы совсем забыли, что минуту назад в страхе шарахнулись от нее. Теперь звуки смеха притягивали нас к ней с такой силой, с какой влечет зачарованного зрителя змеиный ров.

Какой же это был заразительный, веселый и искренний смех! В нем не было ни тени иронии, он приветствовал нас и словно бы говорил: да, это странный мир, он огромен и полон неожиданностей, в нем если хотите, много нелепого, но при всем при этом он прекрасен и я рада в него войти и теперь не променяю его ни на какой другой. Я не хочу снова уснуть и вернуться туда, откуда пришла.

Бабушка проснулась. Мы разбудили ее. Своими радостными воплями мы вызвали ее к жизни. Теперь ей оставалось лишь встать и выйти к нам.

И она сделала это. Она вышла из саркофага, отбросив прочь пеленавшие ее покрывала, сделала шаг, отряхивая и разглаживая складки одежды, оглядываясь по сторонам, словно искала зеркало, куда бы поглядеться. И она нашла его — в наших глазах, где увидела свое отражение. Очевидно, то, что она увидела там ей понравилось, ибо ее смех сменился улыбкой изумления.

Что касается Агаты, то ее уже не было с нами. Напуганная всем происшедшим, она снова спряталась на крыльце. А Бабушка будто и не заметила этого.

Она, медленно поворачиваясь, оглядела лужайку и тенистую улицу, словно впитывала в себя

все новое и незнакомое. Ноздри ее трепетали, будто она и в самом деле дышала, наслаждаясь первым днем в райском саду, и совсем не спешила вкусить от яблока познания добра и зла и тут же испортить чудесную игру…

Наконец взгляд ее остановился на моем братце Тимоти.

— Ты, должно быть…

— Тимоти, — радостно подсказал он.

— А ты?..

— Том, — ответил я.

До чего же хитрые эти «Фанточини»! Они прекрасно знали, кто из нас кто. И она, конечно, знала. Но они нарочно подучили ее сделать вид, будто это не так. Чтобы мы сами как бы научили ее тому, что она и без нас отлично знает. Вот дела!

— Кажется, должен быть еще один мальчик, не так ли? — спросила Бабушка.

— Девочка! — раздался с крыльца обиженный голос.

— И ее, кажется, зовут Алисия?..

— Агата! — Обида сменилась негодованием.

— Ну если не Алисия, тогда Алджернон…

— Агата!!! — и наша сестренка, показав голову из-за перил, тут же спряталась, багровая от

стыда.

— Агата. — Бабушка произнесла это имя с чувством полного удовлетворения. — Итак: Агата, Тимоти и Том. Давайте-ка я погляжу на вас всех.

— Нет, раньше мы! Мы!..

Наше волнение было огромно. Мы приблизились, мы медленно обошли вокруг нее, а потом еще и еще раз, описывая круги вдоль границ ее территории. А она кончалась там, где уже не слышно было мерного гудения, так похожего на гудение пчелиного улья в разгар лета. Именно так. Это было самой замечательной особенностью нашей Бабушки. С нею всегда было лето, раннее июньское утро, когда мир пробуждается и все вокруг прекрасно, разумно и совершенно. Едва открываешь глаза — и ты уже знаешь, каким будет день. Хочешь чтобы небо было голубое, оно будет голубым. Хочешь чтобы солнце, пронизав кроны деревьев, вышило на влажной от росы утренней лужайке узор из света и те ней, — так оно и будет.

Раньше всех за работу принимаются пчелы. Они уже побывали на лугах и полях и вернулись, чтобы полететь снова и вернуться, и так не один раз, словно золотой пух в прозрачном воздухе, все в цветочной пыльце и сладком нектаре, который

украшает их, как золотые эполеты. Слышите, как они летят? Как парят в воздухе? Как на языке танца приветствуют друг друга, сообщают, куда лететь за сладким сиропом, от которого шалеют лесные медведи, приходят в неописуемый экстаз мальчишки, а девочки мнят о себе бог знает что и вскакивают по вечерам с постели, чтобы с замиранием сердца увидеть в застывшей глади зеркала свои гладкие и блестящие, как у резвящихся дельфинов, тела.

Вот такие мысли пробудила в нас наша Электрическая Игрушка в этот знаменательный летний полдень на лужайке перед домом.

Она влекла, притягивала и околдовывала, заставляла кружиться вокруг нее, запоминать то, что и залом нить, казалось, невозможно, ставшая столь необходимой нам, уже обласканным ее вниманием.

Разумеется, я говорю о Тимоти и о себе, потому что Агата по-прежнему пряталась на крыльце. Но голова ее то и дело появлялась над балюстрадой — Агата стремилась ничего не упустить, услышать каждое слово, запомнить каждый жест.

Наконец Тимоти воскликнул:

— Глаза!.. Ее глаза!

Да, глаза, чудесные, просто необыкновенные

глаза. Ярче лазури на крышке саркофага или цвета глаз на маске, прятавшей ее лицо. Это были самые лучезарные и добрые глаза в мире, и светились они тихим, ясным светом.

— Твои глаза, — пробормотал, задыхаясь от волнения, Тимоти, — они точно такого цвета, как…

— Как что?

— Как мои любимые стеклянные шарики…

— Разве можно придумать лучше!

Потрясенный Тим не знал, что ответить.

Взгляд ее скользнул дальше и остановился на мне; она с интересом изучала мое лицо — нос, уши, подбородок.

— А как ты. Том?

— Что я?

— Станем мы с тобой друзьями? Ведь иначе нельзя, если мы хотим жить под одной крышей и в будущем году…

— Я… — не зная, что ответить, я растерянно умолк.

— Знаю, — сказала Бабушка. — Ты как тот щенок — рад бы залаять, да тянучка пасть залепила. Ты когда-нибудь угощал щенка ячменным сахаром? Очень смешно, не правда ли, и все-таки грустно. Сначала покатываешься со смеху, глядя, как вертится бедняга, пытаясь освободиться, а по-

том тебе уже жаль его и ужасно стыдно. Уже сам чуть не плачешь, бросаешься помочь и визжишь от радости, когда наконец слышишь его лай.

Я смущенно хмыкнул, вспомнив и щенка, и тот день, когда я проделал с ним такую штуку.

Бабушка оглянулась и тут заметила моего бумажного змея, беспомощно распластавшегося на лужайке.

— Оборвалась бечевка, — сразу догадалась она. — Нет, потерялась вся катушка. А без бечевки змея не запустишь. Сейчас посмотрим.

Бабушка наклонилась над змеем, а мы с любопытством наблюдали, что же будет дальше. Разве роботы умеют запускать змея? Когда Бабушка выпрямилась, змей был у нее в руках.

— Лети, — сказала она ему, словно птице.

И змей полетел.

Широким взмахом она умело запустила его в облака. Она и змей были единое целое, ибо из ее указательного пальца тянулась тонкая сверкающая нить, почти невидимая, как паутинка или леска, но она прочно удерживала змея, поднявшегося на целую сотню метров над землей, нет, на три сотни, а потом и на всю тысячу, уносимого все дальше в головокружительную летнюю высь.

Тим радостно завопил. Раздираемая противо-

речивыми чувствами Агата тоже подала голос с крыльца. А я, не забывая о том, что я совсем взрослый, сделал вид, будто ничего особенного не произошло, но во мне что-то ширилось, росло и наконец прорвалось, и я услышал, что тоже кричу. Кажется, что-то о том, что и мне хочется иметь такой волшебный палец, из которого тянулась бы бечевка, не палец, а целую катушку, и чтобы мой змей мог залететь высоко-высоко, за все тучи и облака.

— Если ты думаешь, что это высоко, тогда смотри! — сказала наша необыкновенная Электрическая Игрушка, и змей поднялся еще выше, а потом еще и еще, пока не стал похож на красный кружок конфетти. Он запросто играл с теми ветрами, что носят ракетные самолеты и в одно мгновение меняют погоду.

— Это невозможно! — не выдержал я.

— Вполне возможно! — ответила Бабушка, без всякого удивления следя за тем, как из ее пальца тянется и тянется бесконечная нить. — И к тому же просто. Жидкость, как у паука. На воздухе она застывает, и получается крепкая бечевка…

А когда наш змей стал меньше точки, меньше пылинки в луче солнца, Бабушка, даже не обернувшись, не бросив взгляда в сторону крыльца,

вдруг сказала.

— А теперь, Абигайль?..

— Агата! — резко прозвучало в ответ.

О мудрость женщины, способной не заметить грубость.

— Агата, — повторила Бабушка, ничуть не подлаживаясь, совсем спокойно. — Когда же мы подружимся с тобой?

Она оборвала нить и трижды обмотала ее вокруг моего запястья, так что я вдруг оказался привязанным к небу самой длинной, клянусь вам, самой длинной бечевкой за всю историю существования бумажных змеев. Вот бы увидели мои приятели, то-то удивились бы! Когда я им покажу, они просто лопнут от зависти.

— Итак, Агата, когда?

— Никогда!

— Никогда, — вдруг повторило эхо.

— Почему?..

— Мы никогда не станем друзьями! — выкрикнула Агата.

— Никогда не станем друзьями… — повторило эхо.

Тимоти и я оглянулись. Откуда эхо? Даже Агата высунула нос из-за перил.

А потом мы поняли. Это Бабушка сложила ла-

дони наподобие большой морской раковины, и это оттуда вылетали гулкие слова.

— Никогда… друзьями…

Повторяясь, они звучали все глуше и глуше, замирая вдали.

Склонив головы набок, мы прислушивались, мы — это Тимоти и я, ибо Агата, громко крикнув. «Нет!», убежала в дом и с силой захлопнула дверь.

— Друзьями… — повторило эхо. — Нет!.. Нет!.. Нет!.. — И где-то далеко-далеко, на берегу невидимого крохотного моря, хлопнула дверь. Таким был первый день.

Потом, разумеется, был день второй, день третий и четвертый, когда Бабушка вращалась, как светило, а мы были ее спутниками, когда Агата сначала неохотно, а потом все чаще присоединялась к нам, чтобы участвовать в прогулках, всегда только шагом и никогда бегом, когда она слушала и, казалось, не слышала, смотрела и, казалось, не видела и хотела, о, как хотела прикоснуться…

Во всяком случае, к концу первых десяти дней Агата уже не убегала, а всегда была где-то поблизости: стояла в дверях или сидела поодаль на

стуле под деревьями, а если мы отправлялись на прогулку, следовала за нами, отставая шагов на десять.

Ну, а Бабушка? Она ждала. Она не уговаривала и не принуждала. Она просто занималась своим делом — готовила завтраки, обеды и ужины, пекла пирожки с абрикосовым вареньем и почему-то всегда оставляла их то тут, то там, словно приманку для девчонок-сластен. И действительно, через час тарелки оказывались пустыми, пирожки и булочки съедены, разумеется, без всяких спасибо и прочего. А у повеселевшей Агаты, съезжавшей по перилам лестницы, подбородок был в сахарной пудре или со следами крошек.

Что касается нас с Тимоти, то у нас было такое чувство, что, едва успев взбежать на вершину горки, мы уже видели Бабушку далеко внизу и снова мчались за ней.

Но самым замечательным было то, что каждому из нас казалось, будто именно ему одному она отдает все свое внимание.

А как она умела слушать, что бы мы ей ни говорили! Помнила каждое слово, фразу, интонацию, каждую нашу мысль и даже нелепую выдумку. Мы знали что в ее памяти, как в копилке, хранится каждый наш день, и если нам вздумается

узнать, что мы сказали в такой-то день, час или минуту, стоит лишь попросить Бабушку, и она не заставит нас ждать.

Иногда мы устраивали ей проверку.

Помню, однажды я нарочно начал болтать какой-то вздор, а потом остановился, посмотрел на Бабушку и сказал:

— А ну-ка повтори: что я только что сказал?

— Ты, э-э…

— Давай, давай, говори.

— Мне кажется, ты… — И вдруг Бабушка зачем-то полезла в свою сумку. — Вот, возьми. — Из бездонной глубины сумки она извлекла и протянула мне — что бы вы думали?..

— Печенье с сюрпризом!

— Только что из духовки, еще тепленькое. Попробуй разломать вот это.

Печенье и вправду обжигало ладони. И, разломив его, я увидел внутри свернутую в трубочку бумажку.

«Буду чемпионом велосипедного спорта всего Западного побережья. А ну-ка повтори, что я только что сказал… Давай, давай, говори», — с удивлением прочел я.

Я даже рот раскрыл от изумления:

— Как это у тебя получается?

— У нас есть свои маленькие секреты. Это печенье рассказало тебе о том, что только что было. Хочешь, возьми еще.

Я разломил еще одно, развернул еще одну бумажку и прочел «Как это у тебя получается?»

Я запихнул в рот оба печенья и съел их вместе с чудесными бумажками. Мы продолжали прогулку.

— Ну как? — спросила Бабушка.

— Очень вкусно. Здорово же ты их умеешь печь, — ответил я.

Тут мы от души расхохотались и пустились наперегонки.

И это тоже здорово у нее получалось. В таких соревнованиях она никогда не стремилась проиграть, но и не обгоняла, она бежала, чуть отставая, и поэтому мое мальчишечье самолюбие не страдало. Если девчонка обгоняет тебя или идет наравне — это трудно стерпеть. Ну а если она отстает на шаг или два — это совсем другое дело.

Мы с Бабушкой частенько делали такие пробежки — я впереди, она за мной — и болтали не закрывая рта.

А теперь я вам расскажу, что мне в ней нравилось больше всего.

Сам я, может быть, никогда и не заметил бы это-

го, если бы Тимоти не показал мне фотографии, которые он сделал. Тогда я тоже сделал несколько фотографий и сравнил, чьи лучше. Как только я увидел наши с Тимоти фотографии рядом, я заставил упирающуюся Агату тоже незаметно сфотографировать Бабушку.

А потом забрал все фотографии, пока никому не говоря о своих догадках. Было бы совсем неинтересно, если бы Агата и Тим тоже знали.

У себя в комнате я положил их рядом и тут же сказал себе: «Конечно! На каждой из них Бабушка совсем другая!» «Другая?» — спросил я сам себя. «Да, другая». — «Постой, давай поменяем их местами». — Я быстро перетасовал фотографии. — «Вот она с Агатой. И похожа… на Агату! А здесь с Тимоти. Так и есть, она похожа на него! А это… Черт возьми, да ведь это мы бежим с ней, и здесь она такая же уродина, как я».

Ошеломленный, я опустился на стул. Фотографии упали на пол. Нагнувшись, я собрал их и снова разложил, уже на полу. Я менял их местами, раскладывая то так, то эдак Сомнений не было! Нет, мне не привиделось!

— Ох, и умница ты, наша Бабушка! Или это Фанточини? До чего же хитры, просто невероятно, умнее умного, мудрее мудрого, добрее доброго…

Потрясенный, я вышел из своей комнаты и спустился вниз. Агата и Бабушка сидели рядышком и почти в полном согласии решали задачки по алгебре. Во всяком случае, видимых признаков войны я не заметил. Бабушка терпеливо выжидала, пока Агата не образумится, и никто не мог сказать, когда это произойдет и как приблизить этот час. А пока…

Услышав мои шаги. Бабушка обернулась. Я впился взглядом в ее лицо, следя за тем, как она «узнает» меня. Не показалось ли мне, что цвет ее глаз чуть-чуть изменился? А под тонкой кожей сильнее запульсировала кровь, или та жидкость, которая у роботов ее заменяет? Разве щеки Бабушки не вспыхнули таким же ярким румянцем, как у меня? Не пытается ли она стать на меня похожей? А глаза? Когда она следила за тем, как решает задачи Агата — Абигайль Альджернон, разве в это время ее глаза не были светло-голубыми, как у Агаты? Ведь мои гораздо темнее.

И самое невероятное… когда она обращается ко мне, чтобы пожелать доброй ночи, или спрашивает, приготовил ли я уроки, разве мне не кажется, что даже черты ее лица меняются?..

Дело в том, что в нашей семье мы трое совсем не похожи друг на друга Агата с удлиненным,

тонким лицом — типичная англичанка. Она унаследовала от отца этот взгляд и норов породистой лошади. Форма головы, зубы, как у истой англичанки, насколько пестрая история этого острова позволяет говорить о чистоте англо-саксонской расы.

Тимоти — прямая противоположность: в нем течет итальянская кровь, унаследованная от предков нашей матери, урожденной Мариано. Он черноволос, с мелкими чертами лица, с жгучим взглядом, который когда-нибудь испепелит не одно женское сердце.

Что касается меня, то я славянин, и тут мою родословную можно проследить до прабабки по отцовской линии, уроженки Вены. Это ей я обязан высокими скулами с ярким румянцем, вдавленными висками и приплюснутым широковатым носом, в котором было больше от татарских предков, чем шотландских.

Поэтому, сами понимаете, сколь увлекательным занятием было наблюдать, как почти неуловимо менялась наша Бабушка. Когда она говорила с Агатой, черты лица удлинялись, становились тоньше, поворачивалась к Тимоти — и я уже видел профиль флорентийского ворона с изящно изогнутым клювом, а обращалась ко мне

— и в моем воображении вставал образ кого бы, вы думали? Самой Екатерины Великой.

Я никогда не узнаю, как удалось Фанточини добиться этих чудеснейших превращений, да, признаться, и не хотел этого Мне было достаточно неторопливых движений, поворота головы, наклона туловища, взгляда, таинственных взаимодействий деталей и узлов, из которых состояла Бабушка, такого, а не какого-либо другого изгиба носа, тонкой скульптурной линии подбородка, мягкой пластичности тела, чудесной податливости черт. Это была маска, но в данную минуту твоя, и никого больше. Вот она пересекает комнату и легонько касается кого-нибудь из нас, и под тонкой кожей ее лица начинается таинство перевоплощений; подходит к другому — и она уже поглощена им, как только может любящая мать.

Ну а если мы собирались вместе и говорили, перебивая друг друга? Что ж, эти перевоплощения были поистине загадочны. Казалось, ничто не бросается в глаза, и лишь я один, открывший эту тайну, способен что-либо заметить. И не перестаю удивляться и приходить в восторг.

Мне никогда не хотелось проникнуть за кулисы и разгадать секрет фокусника. Мне достаточно было иллюзий. Пусть Бабушкина любовь — это

результат химических реакций, а щеки пылают потому, что их потерли ладонями, но я вижу, как искрятся теплом глаза, руки раскрываются для объятий, чтобы приголубить, согреть… Нас с Тимом, разумеется, ибо Агата продолжала противиться до того, самого страшного дня.

— Агамемнон…

Это уже стало веселой игрой. Даже Агата не возражала, хотя продолжала делать вид, что злится. Как-никак это доказывало ее превосходство над несовершенной машиной.

— Агамемнон! — презрительно фыркала она. — До чего же ты…

— Глупа? — подсказывала Бабушка.

— Я этого не говорю.

— Но ты думаешь, моя дорогая несговорчивая Агата… Да, конечно, у меня бездна недостатков, и этот, пожалуй, самый заметный. Всегда путаю имена. Тома могу назвать Тимом, а Тимоти то Тобиасом, то Томатом.

Агата прыснула. И тут Бабушка допустила одну из столь редких своих ошибок. Она протянула руку и ласково потрепала Агату по голове. Агата — Абигайль — Алисия вскочила как ужаленная.

Агата — Агамемнон — Альсибиада — Аллегра Александра — Аллиссон убежала и заперлась в своей комнате.

— Мне кажется, — глубокомысленно заметил потом Тимоти, это оттого, что она начинает любить Бабушку.

— Ерундистика! Галиматья!

— Откуда ты набрался эдаких словечек?

— Вчера Бабушка читала Диккенса. Вздор, чушь, ерунда, черт побери! Не кажется ли вам, мастер Тимоти, что вы не по летам умны?

— Тут большого ума не требуется. Ясно и дураку. Чем сильнее Агата любит Бабушку, тем сильнее ненавидит себя за это. А чем больше запутывается, тем больше злится.

— Разве когда любят, то ненавидят?

— Вот осел. Еще как!

— Наверное, это потому, что любовь делает тебя беззащитным. Вот и ненавидишь людей, потому что ты перед ними весь как на ладони, такой как есть. Ведь только так и можно. Ведь если любишь, то не просто любишь, а ЛЮБИШЬ!!! с массой восклицательных знаков…

— Неплохо сказано… для осла, — съехидничал Тим.

— Благодарю, братец.

И я отправился наблюдать, как Бабушка снова отходит на исходные позиции в поединке с девочкой — как ее там… Агата — Алисия — Алджернон?..

А какие обеды подавались в нашем доме! Да что обеды. Какие завтраки, полдники! Всегда что-то новенькое, но такое, что не пугало новизной. Тебе всегда казалось, будто ты уже это когда-то пробовал.

Нас никогда не спрашивали, что приготовить. Потому что пустое дело — задавать такие вопросы детям они никогда не знают, а если сам скажешь, что будет на обед, непременно зафыркают и забракуют твой выбор. Родителям хорошо известна эта тихая непрекращающаяся война и как трудно в ней одержать победу. А вот наша Бабушка неизменно побеждала, хотя и делала вид, будто это совсем не так.

— Вот завтрак номер девять, — смущенно говорила она, ставя блюдо на стол. — Наверно, что-то ужасное боюсь, в рот не возьмете. Сама выплюнула, когда попробовала. Едва не стошнило.

Удивляясь, что роботу свойственны такие чисто человеческие недостатки, мы тем не менее не

могли дождаться, когда же наконец можно будет наброситься на этот «ужасный» завтрак номер девять и проглотить его в мгновение ока.

— Полдник номер семьдесят семь, — извещала она. Целлофановые кулечки, немножко петрушки и жевательной резинки, собранной на полу в зале кинотеатра после сеанса. Потом обязательно прополощите рот.

А мы чуть не дрались из-за добавки. Тут даже Абигайль Агамемнон — Агата уже не пряталась, а вертелась у самого стола, а что касается отца, то он запросто набрал те десять фунтов веса, которых ему не хватало, и вид у него стал получше.

Когда же А. — А. — Агата почему-либо не желала выходить к общему столу, еда ждала ее у дверей ее комнаты, и в засахаренном яблоке на десерт торчал крохотный флажок, а на нем — череп и скрещенные кости. Стоило только поставить поднос, как он тут же исчезал за дверью.

Но бывали дни, когда Агата все же появлялась и, поклевав, как птичка, то с одной, то с другой тарелки, тут же снова исчезала.

— Агата! — в таких случаях укоризненно восклицал отец.

— Не надо, — тихонько останавливала его Бабушка. — Придет время, и она, как все, сядет за

стол. Подождем еще.

— Что это с ней? — не выдержав, как-то воскликнул я.

— Просто она полоумная, вот и все, — заключил Тимоти.

— Нет, она боится, — ответила Бабушка.

— Тебя? — недоумевал я.

— Не столько меня, как того, что, ей кажется, я могу сделать, — пояснила Бабушка.

— Но ведь ты ничего плохого ей не сделаешь?

— Конечно, нет. Но она не верит. Надо дать ей время, и она поймет, что ее страхи напрасны. Если это не так, я сама отправлю себя на свалку.

Приглушенное хихиканье свидетельствовало о том, что Агата прячется за дверью.

Разлив суп по тарелкам, Бабушка заняла свое место за столом, напротив отца, и сделала вид, будто ест. Я так до конца и не понял — да, признаться, и не очень хотел, — что она все же делала со своей едой. Она была волшебницей, и еда просто исчезала с ее тарелок.

Однажды отец вдруг воскликнул:

— Я это уже ел. Помню, это было в Париже в маленьком ресторанчике, рядом с «Дё Маго». Лет двадцать или двадцать пять назад. — И в глазах его блеснули слезы. — Как вы это готови-

те? — наконец спросил он, опустив нож и вилку, и посмотрел через стол на это необыкновенное существо, этого робота… Нет, на эту женщину!

Бабушка спокойно выдержала его взгляд, так же как и наши с Тимоти взгляды; она приняла их, как драгоценный подарок, а затем тихо сказала:

— Меня наделили многим, чтобы я могла все это передать вам. Иногда я сама не знаю, что отдаю, но неизменно делаю это. Вы спрашиваете: кто я? Я — Машина. Но этим не все еще сказано. — Я — это люди, задумавшие и создавшие меня, наделившие способностью двигаться и действовать, совершать все то, что они хотели, чтобы я совершала. Следовательно, я — это они, их планы, замыслы и мечты. Я то, чем они хотели бы стать, но почему-либо не стали. Поэтому они создали большого ребенка, чудесную игрушку, воплотившую в себе все.

— Странно, — произнес отец. — Когда я был мальчиком, все тогда восставали против машин. Машина была врагом, она была злом, которое грозило обесчеловечить человека…

— Да, некоторые из них — это зло. Все зависит от того, как и для чего они создаются. Капкан для зверя, простейшая из машин, но она хватает, калечит рвет. Ружье ранит и убивает. Но я не кап-

кан и не ружье. Я машина-Бабушка, а это больше, чем просто машина.

— Почему?

— Человек всегда меньше собственной мечты. Следовательно, если машина воплощает мечту человека, она больше того, кто ее создал. Что в этом плохого?

— Ничего не понимаю, — воскликнул Тимоти. — Объясни все сначала.

— О небо! — вздохнула Бабушка. — Терпеть не могу философских дискуссии и экскурсов в область эстетики. Хорошо, скажем так Человек отбрасывает тень на лужайку, и эта тень может достигнуть огромного размера. А потом человек всю жизнь стремится дотянуться до собственной тени, но безуспешно. Лишь в полдень человек догоняет свою тень, и то на короткое мгновение. Но сейчас мы с вами живем в такое время, когда человек может догнать любую свою Великую Мечту и сделать ее реальностью. С помощью машины. Вот поэтому машина становится чем-то большим, чем просто машина, не так ли?

— Что ж, может, и так, — согласился Тим.

— Разве кинокамера и кинопроектор — это всего машины? Разве они не способны мечтать? Порой о прекрасном, а порой о том, что похоже на

кошмар. Назвать их просто машиной и на этом успокоиться было бы неверно, как ты считаешь?

— Я понял! — воскликнул Тимоти и засмеялся, довольный своей сообразительностью.

— Значит, вы тоже чья-то мечта, — заметил отец. — Мечта того, кто любил машины и ненавидел людей, считавших, что машины — зло?

— Совершенно верно, — сказала Бабушка. — Его зовут Гвидо Фанточини, и он вырос среди машин. Он не мог мириться с косностью мышления и шаблонами.

— Шаблонами?

— Той ложью, которую люди пытаются выдать за истину. «Человек никогда не сможет летать» — тысячелетиями это считалось истиной, а потом оказалось ложью. Земля плоская, как блин; стоит ступить за ее край, и ты попадешь в пасть дракона — ложь, опровергнутая Колумбом. Сколько раз нам твердили, что машины жестоки? И это утверждали люди во всех отношениях умные и гуманные, а это была избитая, много раз повторяемая ложь «Машина разрушает, она жестока и бессердечна, не способна мыслить, она чудовище!»

Доля правды в этом, конечно, есть. Но лишь самая ничтожная. И Гвидо Фанточини знал это,

и это не давало ему покоя, как и многим другим, таким, как он. Это возмущало его, приводило в негодование. Он мог бы ограничиться этим. Но он предпочел другой путь. Он сам стал изобретать машины, чтобы опровергнуть вековую ложь о них.

Он знал, что машинам чуждо понятие нравственности; они сами по себе ни плохи, ни хороши. Они никакие. Но от того, как и для чего вы будете создавать их, зависит преобладание добра или зла в людях. Например, автомобиль, эта жестокая сила, не способная мыслить куча металла, вдруг стал самым страшным в истории человечества растлителем душ. Он превращает мальчика-мужчину в фанатика, обуреваемого жаждой власти, безотчетной страстью к разрушению, и только к разрушению. Разве те, кто создавал автомобиль, хотели этого? Но так получилось.

Бабушка обошла вокруг стола и наполнила наши опустевшие стаканы прозрачной минеральной водой из указательного пальца левой руки.

— А между тем нужны другие машины, чтобы восполнить нанесенный ущерб. Машины, отбрасывающие грандиозные тени на лик Земли,

предлагающие вам потягаться с ними, стать столь же великими. Машины, формирующие вашу душу, придающие ей нужную форму, подобно чудесным ножницам обрезая все лишнее, ненужное, огрубелости, наросты, заусеницы, рога, копыта, в поисках совершенства формы. А для этого нужны образцы.

— Образцы? — переспросил я.

— Да, нужны люди, с которых можно брать пример. Чем усерднее человек следует достойному примеру, тем дальше уходит от своего волосатого предка.

Бабушка снова заняла свое место за столом.

— Вот почему вы, люди, тысячелетиями имели королей, проповедников, философов, чтобы, указывая на них, твердить себе: «Они благородны, и мне следует походить на них. Они достойный пример». Но будучи всего лишь людьми, достойнейшие из проповедников и гуманнейшие из философов делали ошибки, выходили из доверия, впадали в немилость. Разочаровываясь, люди становились жертвой скептицизма или, что еще хуже, холодного цинизма, добродетель отступала, а зло торжествовало.

— А ты? Ты, конечно, никогда не ошибаешься, ты совершенство, ты всегда лучше всех!

Голос донесся из коридора, где, мы знали, между кухней и столовой, прижавшись к стене, стояла Агата и, разумеется, слышала каждое слово.

Но Бабушка даже не повернулась, а спокойно продолжала, обращаясь к нам:

— Конечно, я не совершенство, ибо что такое совершенство? Но я знаю одно: будучи механической игрушкой, я лишена пороков, я неподкупна, свободна от алчности и зависти, мелочности и злобы. Мне чуждо стремление к власти ради власти. Скорость не кружит мне голову, страсть не ослепляет и не делает безумной. У меня есть достаточно времени, более чем достаточно, чтобы впитывать нужную информацию и знания о любом идеале человека, чтобы потом уберечь его, сохранить в чистоте и неприкосновенности. Скажите мне, о чем вы мечтаете, укажите ваш идеал, вашу заветную цель. Я соберу все, что известно о ней, я проверю и оценю и скажу, что сулит вам исполнение вашего желания. Скажите, какими вы хотели бы быть добрыми, любящими, чуткими и заботливыми, уравновешенными и трезвыми, человечными… и я проверю, заглянув в будущее, все дороги, по которым вам суждено пройти. Я буду факелом, который осветит вам путь в неизвестность и направит ваши шаги.

— Следовательно, — сказал отец, прижимая к губам салфетку, — когда мы будем лгать…

— Я скажу правду.

— Когда мы будем ненавидеть…

— Я буду любить, а это означает дарить внимание и понимать, знать о вас все, и вы будете знать, что, хотя мне все известно, я сохраню вашу тайну и не открою ее никому. Она будет нашей общей драгоценной тайной, и вам никогда не придется пожалеть о том, что я знаю слишком много.

Бабушка поднялась и стала собирать пустые тарелки, но ее глаза все так же внимательно смотрели на нас. Вот, проходя мимо Тимоти, она коснулась его щеки, легонько тронула меня за плечо, а речь ее лилась ласково и ровно, словно тихая река уверенности и покоя, до берегов заполнившая наш опустевший дом и наши жизни.

— Подождите, — воскликнул отец и остановил ее. Он посмотрел ей в глаза, он собирался с силами для какого-то шага. Тень омрачила его лицо. Наконец он сказал: — Ваши слова о любви, внимании и прочем. Черт побери, женщина, ведь за ними ничего нет… там!

И он указал на ее голову, лицо, глаза и на все то, что было за ними, — на светочувствительные линзы, миниатюрные батарейки и транзисторы.

— Вас-то там нет!

Бабушка переждала одну, две, три секунды.

А потом ответила:

— Да, меня там нет, но зато там есть все вы — Тимоти, Том, Агата и вы, их отец. Все ваши слова и поступки я бережно собираю и храню. Я хранилище всего, что сотрется из вашей памяти и лишь смутно будет помнить сердце. Я лучше старого семейного альбома, который медленно листают и говорят: вот это было в ту зиму, а это в ту весну. Я сохраню то, что забудете вы. И хотя споры о том, что такое любовь, будут продолжаться еще не одну тысячу лет, мы с вами, может быть, придем к выводу, что любовь — это когда кто-то может вернуть человеку самого себя. Возможно, любовь — это если кто-то, кто все видит и все помнит, помогает нам вновь обрести себя, но ставшим чуточку лучше, чем был, чем смел мечтать…

Я ваша семейная память, а со временем, может быть, память всего рода человеческого. Только это будет не сразу, а спустя какое-то время, когда вы сами об этом попросите. Я не знаю, какая я. Я не способна осязать, не знаю, что такое вкус и запах. И все же я существую. И мое существование усиливает вашу способность ощущать все. Разве в этом предопределении не заключена любовь?

Она ходила вокруг стола, смахивая крошки, складывая стопкой грязные тарелки, и в ней не было ни безвольной покорности, ни застывшей гордости.

— Что я знаю? Прежде всего я знаю, что испытывает семья, потерявшая кого-либо из близких. Казалось бы, невозможно отдавать каждому все свое внимание в равной степени, но я делаю это. Каждому из вас я отдаю свои знания, свое внимание и свою любовь. Мне хочется стать чем-то вроде семейного пирога, теплого и вкусного и чтобы каждому досталось поровну. Никто не должен быть обделен. Кто-то плачет — я спешу утешить, кто-то нуждается в помощи — я буду рядом. Кому-то захочется прогуляться к реке — я пойду с ним. По вечерам я не буду усталой и раздраженной и поэтому не стану ворчать и браниться по пустякам. Мои глаза не утратят зоркости, голос — звонкости, руки — уверенности, внимание не ослабеет.

— Но, — промолвил отец, сначала неуверенно дрогнувшим, а потом окрепшим голосом, в котором прозвучали нотки вызова, — но вас нет во всем этом, нет! А ведь любовь…

— Если быть внимательной означает любить, тогда я люблю. Если понимать означает любить,

тогда я люблю. Если прийти на помощь, не дать совершить ошибку, быть доброй и чуткой означает любить, тогда я люблю.

Вас четверо, не забывайте. И каждый из вас единственный и неповторимый. Он получит от меня все и всю меня. Даже если вы будете говорить все вместе, я все равно буду слушать только одного из вас, так, словно он один и существует. Никто не почувствует себя обойденным. Если вы согласны и позволите мне употребить это странное слово, я буду «любить» вас всех.

— Я не согласна! — закричала Агата.

Тут даже Бабушка обернулась. Агата стояла в дверях.

— Я не позволю тебе, ты не смеешь, ты не имеешь права! — кричала Агата. — Я тебе не разрешаю! Это ложь! Меня никто не любит. Она сказала, что любит, и обманула. Она сказала и солгала!

— Агата! — Отец вскочил со стула.

— Она? — переспросила Бабушка. — Кто?

— Мама! — раздался вопль самого горького отчаяния. — Она говорила: я люблю тебя. А это была ложь! Люблю, люблю! Ложь, ложь! И ты тоже такая. Но ты еще пустая внутри, поэтому ты еще хуже. Я ненавижу ее. А теперь ненавижу тебя!

Агата круто повернулась и бросилась прочь по коридору. Хлопнула входная дверь.

Отец сделал движение, но Бабушка остановила его.

— Позвольте мне.

Она быстро направилась к двери, скользнула в коридор и вдруг побежала, да, побежала, легко и очень быстро.

Это был старт чемпиона. Куда нам поспеть за ней, но, беспорядочно толкаясь и что-то крича, мы тоже бросились вслед, пересекли лужайку, выбежали за калитку.

Агата уже мчалась по краю тротуара, петляя из стороны в сторону, поминутно оглядываясь на нас, уже настигавших ее. Бабушка бежала впереди, она тоже что-то крикнула, и тут Агата, не раздумывая, бросилась на мостовую, почти пересекла ее, как вдруг откуда ни возьмись машина. Нас оглушил визг тормозов, вопль сирены Агата заметалась, но Бабушка была уже рядом. Она с силой оттолкнула Агату, и в то же мгновение машина, не сбавляя своей чудовищной скорости, врезалась в цель — в нашу драгоценную Электронную Игрушку в чудесную мечту Гвидо Фанточини. Удар поднял Бабушку в воздух, но ее простертые вперед руки все еще удерживали,

умоляли, просили остановиться безжалостное механическое чудовище. Тело Бабушки успело еще дважды перевернуться в воздухе, пока машина наконец затормозила и остановилась. Я увидел, что Агата лежит на мостовой целехонькая и невредимая, а Бабушка как-то медленно и словно нехотя опускается на землю. Упав на мостовую, она еще скользила по ней ярдов пятьдесят, ударилась обо что-то, отскочила и наконец застыла, распластавшись. Стон отчаяния и ужаса вырвался из наших уст.

Фантастика

Я пою электрическое тело

Рэй Брэдбери

Затем наступила тишина. Лишь Агата жалобно всхлипывала на асфальте, готовая разрыдаться уже по-настоящему.

А мы все стояли, неспособные двинуться с места, парализованные видом смерти, страшась подойти и посмотреть на то, что лежит там, за замершей машиной и перепуганной Агатой, и поэтому мы заплакали и запричитали, и каждый, должно быть, про себя молил небо, чтобы самого страшного не случилось… Нет, нет, только не это!..

Агата подняла голову, и ее лицо было лицом человека, который знал, предвидел, даже видел воочию, но отказывается верить и не хочет больше жить. Ее взгляд отыскал распростертое женское тело, и слезы брызнули из глаз. Агата зажмурилась, закрыла лицо руками и в отчаянии упала на асфальт, чтобы безутешно зарыдать…

Наконец я заставил себя сделать шаг, потом другой, затем пять коротких, похожих на скачки шагов и, когда я наконец оказался рядом с Агатой, увидел ее, сжавшуюся в комочек, упрятавшую голову так далеко, что рыдания доносились откуда-то из глубины ее съежившегося тела, я вдруг испугался, что не дозовусь ее, чти она ни когда не вернется к нам, сколько бы я ни молил, ни просил

и ни грозил… Поглощенная своим неутешным горем, Агата продолжала бессвязно повторять: «…Ложь, все ложь! Как я говорила… и та и другая… все обман!»

Я опустился на колени, бережно обнял ее, так, словно собирал воедино, — хотя глаза видели, что она целехонькая, руки говорили другое. Я остался с Агатой, обнимал и гладил ее и плакал вместе с ней. Потому что не было никакого смысла помогать Бабушке. Подошел отец, постоял над нами и сам опустился на колени рядом. Это было похоже на молитву, посреди мостовой, и какое счастье, что не было больше машин.

— Кто «другая», Агата, кто? — спрашивал я.

— Та, мертвая! — наконец почти выкрикнула она.

— Ты говоришь о маме?

— О, мама! — простонала она, вся дрожа и сжавшись еще больше, совсем похожая на младенца. — Мама умерла, мама! Бабушка тоже, она ведь обещала всегда любить, всегда-всегда, обещала быть другой, а теперь посмотри, посмотри… Я ненавижу ее, ненавижу маму, ненавижу их всех… ненавижу!

— Конечно, — вдруг раздался голос. — Ведь это так естественно, иначе и быть не могло. Как же я

была глупа, что не поняла сразу!

Голос был такой знакомый. Мы не поверили своим ушам.

Мы обернулись.

Агата, еще не смея верить, чуть приоткрыла глаза, потом широко распахнула их, заморгала, приподнялась и застыла в этой позе.

— Какая же я глупая! — продолжала Бабушка. Она стояла рядом и смотрела на нашу семейную группу, видела наши застывшие лица и внезапное пробуждение.

— Бабушка!

Она возвышалась над нами плачущими, убитыми горем. Мы боялись верить своим глазам.

— Ты ведь умерла! — наконец не выдержала Агата. — Эта машина…

— Она ударила меня, это верно, — спокойно сказала Бабушка, — и я даже несколько раз перевернулась в воздухе, затем упала на землю. Вот это был удар! Я даже испугалась, что разъединятся контакты, если можно назвать испугом то, что я почувствовала. Но затем я поднялась, села, встряхнулась как следует, и все отлетевшие молекулы моей печатной схемы встали на свои места и вот, небьющаяся и неломающаяся, я снова с вами. Разве это не так?

— Я думала, что ты уже… — промолвила Агата.

— Да, это случилось бы со всяким другим. Еще бы, если бы тебя так ударили да еще подбросили в воздух, — сказала Бабушка, — но только не со мной, дорогая девочка. Теперь я понимаю, почему ты боялась и не верила мне. Ты не знала, какая я. А у меня не было возможности доказать тебе свою живучесть. Как глупо с моей стороны не предвидеть этого. Я давно должна была успокоить тебя. Подожди. — Она порылась в своей памяти, нашла нужную ленту, видимую только ей одной, и прочла, что было записано на ней, должно быть, еще в незапамятные времена: — Вот слушай. Это из книги о воспитании детей. Ее написала одна женщина, и совсем недавно кое-кто смеялся над ее словами, обращенными к родителям:

«Дети простят вам любую оплошность и ошибку, но помните: они никогда не простят вам вашей смерти».

— Не простят, — тихо произнес кто-то из нас.

— Разве могут дети понять, почему вы вдруг ушли? Только что были, а потом вас нет, вы ушли и не вернулись, не сказав ни слова, не объяснив, не простившись и не оставив даже записки, ничего.

— Не могут, — согласился я.

— Вот так-то, — сказала Бабушка, присоединяясь к нашей маленькой группе и тоже встав на колени возле Агаты, которая уже не лежала, а сидела, и слезы текли по ее лицу, но не те слезы, в которых тонет горе, а те, что смывают последние его следы.

— Твоя мама ушла, чтобы не вернуться. Как могла ты после этого кому-нибудь верить? Если люди уходят и не возвращаются, разве можно им верить? Поэтому, когда пришла я, что-то зная о вас, а что-то не зная совсем, я долго не понимала, почему ты отвергаешь меня. Агата, ты просто боялась, что я тоже обману и уйду. А два ухода, две смерти в один короткий год — это было бы слишком! Но теперь ты веришь мне, Абигайль?

— Агата, — сама того не сознавая, по привычке поправила ее моя сестра.

— Теперь ты веришь, что я всегда буду с вами, всегда?

— О да, да! — воскликнула Агата, и снова слезы полились ручьем. Мы тоже, не выдержав, заревели, прижавшись друг к другу, а вокруг нас уже останавливались машины и выходили люди, чтобы узнать, что случилось, выяснить, сколько человек погибло и сколько осталось в живых.

Вот и конец этой истории.

Вернее, почти конец.

Ибо после этого мы зажили счастливо. То есть Бабушка, Агата — Агамемнон — Абигайль, Тимоти, я и наш отец. Бабушка, словно в праздник, вводила нас в мир, где били фонтаны латинской, испанской, французской поэзии, мощно струился Моби Дик и прятались изящные, словно струи версальских фонтанов, невидимые в затишье, но зримые в бурю поэтические родники. Вечно наша Бабушка, наши часы, маятник, отмеривающий бег времени, циферблат, где мы читали время в полдень, а ночью, измученные недугом, открыв глаза, неизменно видели рядом — она терпеливо ждала, чтобы успокоить ласковым словом, прохладным прикосновением, глотком вкусной родниковой воды из своего чудо-пальца, охлаждающей пересохший от жара, шершавый язык. Сколько тысяч раз на рассвете она стригла траву на лужайке, а по вечерам смахивала незримые пылинки в доме, осевшие за день, и, беззвучно шевеля губами, повторяла урок, который ей хотелось, чтобы мы выучили во сне.

Наконец одного за другим проводила она нас в большой мир. Мы уезжали учиться. И когда настал черед Агаты, Бабушка тоже стала готовиться к отъезду.

В последний день этого последнего лета мы застали ее в гостиной, в окружении чемоданов и коробок. Она сидела, что-то вязала и поджидала нас. И хотя она не раз говорила нам об этом, мы восприняли это как жестокий удар, злой и ненужный сюрприз.

— Бабушка! Что ты собираешься делать?

— Я тоже уезжаю в колледж. В известном смысле, конечно. Я возвращаюсь к Гвидо Фанточини, в свою Семью.

— Семью?

— В семью деревянных кукол, буратино. Так называл он нас поначалу, а себя — папа Карло. Лишь потом он дал нам свое настоящее имя — Фанточини. Вы были моей семьей. А теперь пришло время мне вернуться к моим братьям и сестрам, теткам и кузинам, к роботам, которые…

— …которые что? Что они там делают?.. — перебила ее Агата.

— Кто что, — ответила Бабушка. — Одни остаются, другие уходят. Одних разбирают на части, четвертуют, так сказать, чтобы из их частей комплектовать новые машины, заменять износившиеся детали. Меня тоже проверят, выяснят, на что я еще гожусь. Может случиться, что я снова понадоблюсь и меня тут же отправят учить

других мальчиков и девочек и опровергать еще какую-нибудь очередную ложь и небылицу.

— Они не должны четвертовать тебя! — воскликнула Агата.

— Никогда! — воскликнул я, а за мной Тимоти.

— У меня стипендия! Я всю отдам ее тебе, только… — волновалась Агата.

Бабушка перестала раскачиваться в качалке, казалось, она смотрит на спицы и разноцветный узор из шерсти, который только что связала.

— Я не хотела вам говорить этого, но раз уж вы спросили, то скажу: совсем за небольшую плату можно снять комнатку в доме с общей гостиной и большим темным холлом, где тихо и уютно и где живут тридцать или сорок таких, как я, электронных бабушек, которые любят сидеть в качалках и вспоминать о прошлом. Я не была там. Я, в сущности, родилась совсем недавно. За скромный ежемесячный или ежегодный взнос я могу жить там вместе с ними и слушать, что они рассказывают о себе, чему научились и что узнали в этом большом мире, и сама могу рассказывать им, как счастлива я была с Томом, Тимом и Агатой и чему они научили меня.

— Но это ты… ты нас учила!

— Это вы так думаете, — сказала Бабушка. — Но

все было как раз наоборот. Вернее, вы учились у меня, а я у вас. И все это здесь, во мне. Все, из-за чего вы проливали слезы, над чем потешались. Обо всем этом я расскажу им, а они расскажут мне о других мальчиках и девочках и о себе тоже. Мы будем беседовать и будем становиться мудрее, спокойнее и лучше с каждым десятилетием, двадцатилетием, тридцатилетием. Общие знания нашей Семьи удвоятся, утроятся, наша мудрость и опыт не пропадут даром. Мы будем сидеть в гостиной и ждать, и, может быть, вы вспомните о нас и позовете, если вдруг заболеет ваш ребенок или, не дай бог, семью постигнет горе и кто-нибудь уйдет навсегда. Мы будем ждать, становясь старше, но не старея, все ближе к той грани, когда однажды и нас постигнет счастливая судьба того, чье забавное и милое имя мы вначале носили.

— Буратино, да! — воскликнул Тим.

Бабушка кивнула головой.

Я знал, что она имела в виду. Тот день, когда, как в старой сказке, добрый и храбрый Буратино, мертвая деревянная кукла, заслужил право стать живым человеком И вдруг я увидел всех этих буратино и фанточини, целые поколения их: они обмениваются знаниями и опытом, тихонько переговариваются в просторных, располагающих

к беседе гостиных и ждут своего дня, который, мы знали, никогда не придет.

Бабушка, должно быть, прочла это в моих глазах.

— Посмотрим, — сказала она. — Поживем — увидим.

— О, бабушка! — не выдержала Агата и разрыдалась так, как когда-то много лет назад — Тебе не надо ждать. Ты и сейчас живая Ты всегда живая. Ты всегда была для нас только такой!

Она бросилась старой женщине на шею, и тут мы все бросились обнимать и целовать нашу Бабушку, а потом покинули дом, вертолеты унесли нас в далекие колледжи и в далекие годы, и последними словами Бабушки, прежде чем мы поднялись в осеннее небо, были:

— Когда вы совсем состаритесь, будете беспомощны и слабы, как дети, когда вам снова нужна будет забота и ласка, вспомните о старой няне, глупой и вместе с тем мудрой подруге вашего детства, и позовите меня. Я приду, не бойтесь, и в нашей детской снова станет шумно и тесно.

— Мы никогда не состаримся! — закричали мы. — Этого никогда не случится!

— Никогда! Никогда!..

Мы улетели.

Промелькнули годы. Мы состарились: Тим, Агата и я. Наши дети стали взрослыми и покинули родительский дом, наши жены и мужья покинули этот мир, и вот теперь — хотите верьте, хотите нет — совсем по Диккенсу, мы снова в нашем старом доме.

Я лежу в своей спальне, как лежал мальчишкой семьдесят, о боже, целых семьдесят лет назад! Под этими обоями есть другие, а под ними еще и еще одни и наконец старые обои моего детства, когда мне было всего девять лет.

Верхние обои местами оборваны, и я без труда нахожу под ними знакомых слонов и тигров, красивых и ласковых зебр и свирепых крокодилов. Не выдержав, я посылаю за обойщиками и велю им снять все обои, кроме этих, последних. Милые зверюшки снова будут на воле.

Мы шлем еще одно послание. Мы ждем.

Мы зовем. «Бабушка! Ты обещала, что вернешься, как только будешь нам нужна. Мы больше не узнаем ни себя, ни время. Мы стары. Ты нам нужна!»

В трех спальнях старого дома в поздний час трое беспомощных, как младенцы, стариков при-

поднимаются на своих постелях, и из их сердец рвется беззвучное:

«Мы любим! Мы любим тебя!»

Там, там в небе! — вскакиваем мы по утрам, — разве это не тот вертолет, который?.. Вот он сейчас опустится на лужайку.

Она будет там, на траве перед домом. Ведь это ее саркофаг! И наши имена на полосках холста, в который завернуто ее прекрасное тело, и маска, скрывающая лицо!

Золотой ключик по-прежнему на груди у Агаты, теплый, ждущий заветной минуты. Когда же она наступит? Подойдет ли ключик? Повернется ли он, заведется ли пружина?

Перевела с английского Татьяна Шинкарь

♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦

Больше блага, чем зла

«Заинтересовано ли человечество в дальнейшем раскрытии секретов природы, достаточно ли оно созрело для того, чтобы с пользой применить полученные знании, не могут ли они

повлиять отрицательно на будущее человечества?.. Я отношусь к числу тех, кто думает, что человечество извлечет из новых открытий больше блага, чем зла».

Это было сказано Пьером Кюри в речи, произнесенной им при получении Нобелевской премии «за выдающиеся исследования в области радиоактивности».

С тех пор прошли семьдесят два года, заполненных множеством событий, и немало из них было тесно связано с научными открытиями Кюри и его современников, положившими начало использованию ядерной энергии и созданию ракетной техники. И нам теперь доподлинно известно и то благо, и то зло, которое извлекло из этих открытий человечество.

Однако мы не воспринимаем историю как сумму событий, мы воспринимаем ее как стрелу, как вектор. И в этом главное наше знание.

На заре цивилизации люди создали образ человечества, замученного своими открытиями — прикованного к скале Прометея, которого терзает коршун. Образ такой же силы, прославляющий счастье, которое наука несет человечеству, по-видимому, еще не создан. Но то, что на страницы фантастики Рэя Брэдбери, сменив травящих человека электронных псов из «451° по Фаренгейту», вышла Электрическая Бабушка, вышла машина, производящая доброту, — это хороший признак.

Само собой очевидно, что мы — граждане социалистического общества — убеждены: да, человечество извлечет из новых открытий больше блага, чем зла. То, что эту нашу уверенность разделяет сегодня один из ведущих фантастов Америки, весьма симптоматично.

Валентин Рич

№ 10

Кир Булычёв

Любимый ученик факира

События, впоследствии смутившие мирную

жизнь города Великий Гусляр, начались, как и положено, буднично.

Автобус, шедший в Великий Гусляр от станции Лысый Бор, находился в пути уже полтора часа. Он миновал богатое рыбой озеро Копенгаген, проехал дом отдыха лесных работников, пронесся мимо небольшого потухшего вулкана. Вот-вот должен был открыться за поворотом характерный силуэт старинного города, как автобус затормозил, съехал к обочине и замер, чуть накренившись, под сенью могучих сосен и елей.

В автобусе люди просыпались, тревожились, будили утреннюю прохладу удивленными голосами:

— Что случилось? — спрашивали они друг у друга и у шофера. — Почему встали? Может, поломка? Неужели авария?

Дремавший у окна молодой человек приятной наружности с небольшими черными усиками над полной верхней губой также раскрыл глаза и несколько удивился, увидев, что еловая лапа залезла в открытое окно автобуса и практически уперлась ему в лицо.

— Вылезай! — донесся до молодого человека скучный голос водителя. — Загорать будем. Говорил же я им, куда мне на линию без домкрата?

Обязательно прокол будет. А мне механик свое, не будет сегодня прокола и у домкрата все равно резьба сошла!..

Молодой человек представил себе домкрат с намертво стертой резьбой и поморщился: у него было сильно развито воображение. Он поднялся и вышел из автобуса.

Шофер, окруженный пассажирами, стоял на земле и рассматривал заднее колесо, словно картину Рембрандта. Мирно шумел лес. Покачивали гордыми вершинами деревья. Дорога была пустынна. Лето уже вступило в свои права. В кювете цвели одуванчики, и кареглазая девушка в костюме джерси и голубом платочке, присев на пенечке, уже плела венок из желтых цветов.

— Или ждать, или в город идти, — сказал шофер.

— Может мимо кто проедет? — выразил надежду невысокий плотный белобрысый мужчина с редкими блестящими волосами, еле закрывающими лысину. — Если проедет, мы из города помощь пришлем.

Говорил он авторитетно, но с некоторой поспешностью в голосе, что свидетельствовало о мягкости и суетливости характера. Его лицо показалось молодому человеку знакомым, да и сам

мужчина, закончив беседу с шофером, обернулся к нему и спросил прямо:

— Вот я к вам присматриваюсь с самой станции, а не могу определить. Вы в Гусляр едете?

— Разумеется, — ответил молодой человек. — А разве эта дорога еще куда-нибудь ведет?

— Нет, далее она не ведет, если не считать проселочных путей к соседним деревням, — ответил плотный блондин.

— Значит я еду в Гусляр, — сказал молодой человек, большой сторонник формальной логики в речи и поступках.

— И надолго?

— В отпуск, — сказал молодой человек. — Мне ваше лицо также знакомо.

— А на какой улице в Великом Гусляре вы собираетесь остановиться?

— На своей, — сказал молодой человек, показав в улыбке ровные белые зубы, которые особенно ярко выделялись на смуглом, загорелом и несколько изможденном лице.

— А точнее?

— На Пушкинской.

— Вот видите, — обрадовался плотный мужчина и наклонил голову так, что луч солнца отразился от его лысинки, попал зайчиком в глаз

девушки, создававшей венок из одуванчиков, и девушка зажмурилась. — А я что говорил?

И в нем была радость, как у следователя, получившего при допросе упрямого свидетеля очень важные показания.

— А в каком доме вы остановитесь?

— В нашем, — сказал молодой человек, отходя к группе людей, изучавших сплюснутую шину.

— В шестнадцатом? — спросил плотный блондин.

— В шестнадцатом.

— Я так и думал. Вы будете Георгий Боровков, Ложкин по матери.

— Он самый, — ответил молодой человек.

— А я — Корнелий Удалов, — сказал плотный блондин. Помните ли вы меня, если я вас в детстве качал на колене?

— Помню, — сказал молодой человек. — Ясно помню. И я у вас с колена упал. Вот шрам на переносице.

— Ох! — безмерно обрадовался Корнелий Удалов. — Какая встреча. И неужели ты, сорванец, все эти годы о том падении помнил?

— Еще бы, — сказал Георгий Боровков. — Меня из-за этого почти незаметного шрама не хотели брать в лесную академию раджа-йога гуру Кума-

расвами, ибо это есть физический недостаток, свидетельствующий о некотором неблагожелательстве богов по отношению к моему сосуду скорби.

— К кому? — спросил Удалов в смятении.

— К моему смертному телу, к оболочке, в которой якобы спрятана нетленная идеалистическая сущность.

— Ага, — сказал Удалов и решил больше а этот вопрос не углубляться. — И надолго к нам?

— На месяц или меньше, — сказал молодой человек. — Как дела повернутся. Может, вызовут обратно в Москву... А с колесом-то плохо дело. Запаска есть?

— Без тебя вижу, — ответил шофер с некоторым презрением глядя на синий костюм, на импортный галстук, повязанный, несмотря на утреннее время и будний день, и на весь изысканный облик молодого человека.

— Запаска есть, спрашивают? — вмешался Удалов. — Или тоже на базе оставил?

— Запаска есть, а на что она без домкрата?

— Ни к чему она без домкрата, — подтвердил Удалов и спросил у Боровкова, — А ты, говорят, за границей был?

— Стажировался, — сказал Боровков. — В по-

рядке научного обмена. Надо будет автобус приподнять, а вы тем временем подмените колесо. Становится жарко, а люди спешат в город.

— Ну и подними, — буркнул шофер.

— Подниму, — сказал Боровков. — Только попрошу вас не терять времени даром.

— Давай, давай, шеф, — сказала ветхая бабушка из толпы пассажиров. — Человек тебе помощь предлагает.

— И она туда же! — сказал шофер. — Вот ты, бабка, с ним на пару автобус и подымай.

Но Боровков буднично снял пиджак, передал его Удалову и обернулся к шоферу с видом человека, который уже собрался работать, а рабочее место оказалось ему не подготовлено.

— Ну, — сказал он стальным голосом.

Шофер не посмел противоречить такому голосу и поспешил за запаской.

— Расступитесь, — строго сказал Удалов. — Разве не видите?

Пассажиры немного подались назад. Шофер с усилием подкатил колесо и брякнул на гравий разводной ключ.

— Отвинчивайте, — сказал Боровков.

Шофер медленно отвинчивал болты, и его губы складывались в ругательное слово, но присут-

ствие пассажирок удерживало. Удалов стоял в виде вешалки, держа пиджак Боровкова на согнутом мизинце, и спиною оттеснял тех, кто норовил приблизиться.

— А теперь, — сказал Боровков, — я приподниму автобус, а вы меняйте колесо.

Он провел руками под корпусом автобуса, разыскивая место, где можно взяться понадежнее, затем вцепился в это место тонкими, смуглыми пальцами и без натуги приподнял машину. Автобус наклонился вперед, будто ему надо было что-то разглядеть внизу перед собой, и вид у него стал глупый, потому что автобусам так стоять не положено.

В толпе екнули, и все отошли подальше. Только Корнелий Удалов, как причастный к событию, остался вблизи.

Шофер был настолько подавлен, что мгновенно снял колесо, ни слова не говоря подкатил другое, и начал надевать его на положенное место.

— Тебе не тяжело? — спросил Удалов Боровкова.

— Нет, — ответил тот просто.

И Удалов с уважением оглядел племянника своего соседа по дому, дивясь его внешней субтильности. Но тот держал машину так легко,

что Удалову подумалось, что, может, автобус и впрямь не такой уж тяжелый, а это только сплошная видимость.

— …Все, — сказал шофер, вытирая со лба пот. — Опускай.

И Боровков осторожно поставил зад автобуса наземь.

Он даже не вспотел и ничем не показывал усталости. В толпе пассажиров кто-то захлопал в ладоши, а кареглазая девушка, которая кончила плести венок из одуванчиков, подошла к Боровкову и надела венок ему на голову. Боровков не возражал, а Удалов заметил:

— Размер маловат.

— В самый раз, — возразила девушка. — Я будто заранее знала, что он пригодится.

— Пиджачок извольте, — сказал Удалов, но Боровков засмущался, отверг помощь Корнелия Ивановича, сам натянул пиджак, одарил девушку белозубой улыбкой и, почесав свои черные усики, поднялся в автобус, на свое место.

Шофер мрачно молчал, потому что не знал, объяснить ли на базе, как автобус голыми руками поднимал незнакомый молодой человек, или правдивее будет сказать, что выпросил домкрат у проезжего МАЗа. А Удалов сидел на два сиде-

ния впереди Боровкова и всю дорогу до города оборачивался, улыбался молодому человеку, подмигивал и уже на въезде в город не выдержал и спросил:

— Ты штангой занимался?

— Нет, — скромно ответил Боровков. — Это неиспользованные резервы тела.

По Пушкинской они до самого дома шли вместе. Удалов лучше поговорил бы с Боровковым о дальних странах и местах, но Боровков сам все задавал вопросы о родственниках и знакомых. Удалову хотелось вставить что-нибудь серьезное, важное, чтобы и себя показать в выгодном свете: он заикнулся было о том, что в Гусляре побывали пришельцы из космоса, но Боровков ответил:

— Я этим не интересуюсь.

— А как же, — спросил тогда Удалов, — загадочные строения древности, в том числе пирамида Хеопса и Баальбекская веранда?

— Все веранды дело рук человека, — отрезал Боровков. — Иного пути нет. Человек — это звучит гордо.

— Горький, — подсказал Удалов. — Старуха Изергиль. — Он все поглядывал на два боровковских заграничных чемодана с личными вещами и подарками для родственников: если бы он не

видел физических достижений соседа, наверняка предложил бы свою помощь, но теперь предлагать было все равно что над собой насмехаться.

Вечером Николай Ложкин, боровковский дядя по материнской линии, заглянул к Удалову и пригласил его вместе с женой Ксенией провести вечер в приятной компании по поводу приезда в отпуск племянника Георгия. Ксения, которая уже была наслышана от Удалова о способностях молодого человека, собралась так быстро, что они через пять минут уже находились в ложкинской столовой, которая заодно была и кабинетом: там были аквариумы, клетки с певчими птицами и книжная библиотека.

За столом собрался узкий круг друзей и соседей Ложкиных. Старуха Ложкина расщедрилась по этому случаю настойкой, которую берегла к октябрьским, потому что — а это и сказал в своей застольной речи сам Ложкин — молодые люди редко вспоминают о стариках, ибо живут своей, занятой и посторонней жизнью, и в этом свете знаменательно возвращение Гарика, то есть Георгия, к своим дяде и тете, когда он мог выбирать любой санаторий или дом отдыха на

кавказском берегу или на Золотых песках.

Все аплодировали, а потом Удалов тоже произнес тост.

Он сказал:

— Наша молодежь разлетается из родного гнезда кто куда, как перелетные птицы. У меня вот тоже подрастают Максимка и дочка. Тоже оперятся и улетят. Туда им и дорога. Широкая дорога открыта нашим перелетным птицам. Но если уж они залетят обратно, то мы просто поражаемся, какими сильными и здоровыми мы их воспитали.

И он показал пальцем на смущенного и скромно сидящего во главе стола Георгия Боровкова.

— Так поднимем же этот тост, — закончил свою речь Корнелий, — за нашего родного богатыря, который сегодня на моих глазах вознес в воздух автобус с пассажирами и держал его в руках до тех пор, пока не был завершен текущий ремонт. Ура!

Многие ничего не поняли, кто понял — не поверили, а сам Боровков попросил слова:

— Конечно, мне лестно. Однако я должен внести уточнения. Во-первых, я автобуса на руки не брал, а только приподнял его, что при определенной тренировке может сделать каждый. Во-вторых,

в автобусе не было пассажиров, поскольку они стояли в стороне, так как я не стал бы рисковать человеческим здоровьем.

Соседям и родственникам приятно было смотреть на недавнего подростка, который бегал по двору и купался в река, а теперь, по получении образования и заграничной командировки, не потеряв скромности, вернулся к родным пенатам.

— И по какой специальности ты там стажировался? — спросил усатый Грубин, сосед снизу, когда принялись за чай с пирогом.

— Мне, — ответил Боровков, — в дружественной Индии была предоставлена возможность пробыть два года на обучении у одного известного факира, отшельника и йога — гуру Кумаресвами.

— Ну и как ты там? Показал себя?

— Я старался, — скромно ответил Гарик, — не уронить достоинства.

— Не скромничай, — вставил Корнелий Удалов. — Небось был самым выдающимся среди учеников!

— Нет, были и более выдающиеся, — сказал Боровков. — Хотя гуру иногда называл меня своим любимым учеником. Может, потому, что у меня неплохое общее образование.

— А как там с питанием? — поинтересовалась

Ксения Удалова.

— Мы питались молоком и овощами. Я с тех пор не потребляю мяса.

— Это правильно, — сказала Ксения, — я тоже не потребляю мяса. Для диеты.

Боровков вежливо промолчал и потом обернулся к Удалову, который задал ему следующий вопрос:

— Вот у нас в прессе дискуссия была, хорошо это — йоги или мистика?

— Мистики на свете не существует, — ответил Боровков. — Весь вопрос в мобилизации ресурсов человеческого тела. Опасно, когда этим занимаются шарлатаны и невежды. Но глубокие корни народной мудрости, имеющие начало в Ригведе, требуют углубленного изучения.

И после этого Гарик с выражением прочитал на древнем индийском языке несколько строф из поэмы «Махабхарата».

— А на голове ты стоять умеешь? — спросил неугомонный Корнелий.

— А как же? — даже удивился Гарик и тут же, легонько опершись ладонями о край стола, подкинул кверху ноги, встал на голову, уперев подошвы в потолок, и дальнейшую беседу со своими ближними вел в таком вот, неудобном

для простого человека, положении.

— Ну это все понятно, это мы читали, — сказал Грубин, глядя на Боровкова наискосок. — А какая польза от твоих знаний для народного хозяйства?

— Этот вопрос мы сейчас исследуем, — ответил Боровков, сложил губы трубочкой и отпил из своей чешки без помощи рук. Потом отпустил одну руку, протянулся к вазончику с черешней и взял ягоду. — Возможности открываются значительные. Маленький пример, который я продемонстрировал сегодня на глазах товарища Корнелия Ивановича, тому доказательство. Каждый может внутренне мобилизоваться и сделать то, что считается не под силу человеку.

— Это он вспоминает, как автобус поднял, — напомнил Удалов и все согласно закивали головами.

— Ты бы перевернулся, Гарик, и сел, — сказала старуха Ложкина. — Кровь в голову прильет.

— Спасибо, я постою, — сказал Гарик.

Общая беседа продолжалась и постепенно все привыкли к тому, что Боровков пребывает в иной, чем остальные, позе. Он рассказывал о социальных контрастах в Индии, о тамошней жизни, о культурных памятниках, о гипнозе, хатха-йоге

и раджа-йоге. И разошлись гости поздно, очень довольные.

А на следующее утро Боровков вышел на двор погулять уже в ковбойке и джинсах и оттого казался своим, гуслярским. Удалов, собираясь на службу, выглянул из окна, увидел, как Боровков делает движения руками, и вышел.

— Доброе утро, Гарик, — сказал он, присев на лавочку. — Что делаешь?

— Доброе утро, — ответил Боровков, — тренирую мысль и пальцы. Нужно все время тренироваться, как исполнитель на музыкальных инструментах, иначе мышцы потеряют форму.

— Это правильно, — согласился Удалов. — Я тебя вот о чем хотел спросить: мне приходилось читать, что некоторые факиры в Индии умеют укрощать диких кобр. Звуками мелодии на дудке. Как ты на основании своего опыта полагаешь, они это в самом деле или обманывают?

Наверное, он мог бы придумать вопрос получше, поумнее, но спросить чего-нибудь хотелось, вот и сказал первое, что на ум пришло. И не спроси он про змей, может, все бы и обошлось.

— Есть мнение, что кобры в самом деле гипнотизируются звуком музыки, — ответил с готовностью Боровков. — Но у них чаще всего

вырывают ядовитые зубы.

— Не приходилось мне кобру видеть, — сказал Удалов, заглаживая белесые волоски на лысину. — Она внушительного размера?

— Да вот такая, — сказал Боровков и наморщил лоб. Он помолчал с полминуты или минуту, а потом Удалов увидел, как на песочке, в метре от них появилась свернутая в кольцо большая змея.

Змея развернулась и подняла голову, раздувая шею, а Удалов подобрал ноги на скамью и поинтересовался:

— А не укусит?

— Нет, Корнелий Иванович, — сказал молодой человек. — Змея воображаемая. Я же вчера рассказывал.

Кобра тем временем подползла поближе. Боровков извлек из кармана джинсов небольшую дудочку, приставил к губам и воспроизвел на ней незнакомую простую мелодию, отчего змея прекратила ползание, повыше подняла голову и начала раскачиваться в такт музыке.

— И это тоже мне кажется? — спросил Удалов.

Боровков, не переставая играть, кивнул. Но тут пошла с авоськой через двор гражданка Гаврилова из соседнего флигеля.

— Змея! — закричала она страшным голосом и

бросилась бежать. Змея испугалась ее крика и поползла к кустам сирени, чтобы в них спрятаться.

— Ты ее исчезни, — сказал Удалов Боровкову, не спуская ног.

Тот согласился, отнял от губ дудочку, провел ею в воздухе, дудочка растаяла и вся уже скрылась, но Удалов не мог сказать, вообще она исчезла или в кустах.

— Неудобно получилось, — сказал Гарик, почесывая усики. — Женщину испугали.

— Да. Неловко. Но ведь это видимость?

— Видимость, — согласился Боровков. — Хотите, Корнелий Иванович, я вас провожу немного? А сам по городу прогуляюсь.

— Правильно, — сказал Удалов. — Я только портфель возьму.

Они пошли рядышком по утренним улицам, Удалов задавал вопросы, а Гарик на них с готовностью отвечал.

— А этот гипноз на многих людей действует?

— Почти на всех.

— А если много людей?

— Тоже действует. Я же рассказывал.

— Послушай, — пришла неожиданная мысль в голову Удалову. — А с автобусом, там тоже гипноз был?

— Ну что вы! — сказал Гарик. — Колесо же поменяли?

— Правильно, колесо поменяли.

Удалов задумался.

— Скажи, Гарик, — спросил он. — А эту видимость использовать можно?

— Как?

— Ну, допустим, в военных условиях, с целью маскировки. Ты внушаешь фашистам, что перед ними непроходимая река, они и отступают. А на самом деле перед ними мирный город.

— Теоретически возможно, но только чтобы фашистов загипнотизировать, надо обязательно к ним приблизиться…

— Другое предложение сделаю: в театре. Видимый эффект. Ты гипнотизируешь зрителей, и им кажется, что буря на сцене самая настоящая, даже дождь идет. Все как будто мокрые сидят.

— Это можно, — согласился Боровков.

— Или еще, — тут уж Удалов ближе подошел к производственным проблемам. — Мне дом сдавать надо, а у меня недоделки. Подходит приемочная комиссия, а ты их для меня гипнотизируешь, и кажется им, что дом — ну просто импортный.

— Дом — это много. Большой формат, — ска-

зал любимый ученик факира. — Мой учитель когда-то смог воссоздать Тадж-Махал, великий памятник прошлого Индии. Но это было дикое напряжение ума и души. Он до сих пор не совсем еще пришел в себя. А нам, ученикам, можно материализовать вещи не больше метра в диаметре.

— Любопытно, — с сомнением сказал Удалов. — Но я пошутил. Я никого в заблуждение вводить не намерен. Это мы оставим для очковтирателей.

— А я бы, — мягко поддержал его Боровков, — даже при всем к вам уважении, помощь в таком деле не хотел бы оказывать.

И тут, по дороге, имел место еще один инцидент, который укрепил веру Удалова в способности Гарика.

Навстречу им шел ребенок, весь в слезах и соплях, который громко горевал по поводу утерянного мяча.

— Какой у тебя был мяч, мальчик? — спросил Боровков.

— Си-и-ний! — и ребенок заплакал пуще прежнего.

— Такой? — спросил Боровков и к удивлению мальчика, а также и Удалова, тут же создал синий мяч среднего размера: мяч подпрыгнул и подкатился мальчику под ноги.

— Не то-от, — заплакал мальчик еще громче. — Мой был большой!

— Большой? — ничуть не растерялся Боровков. — Будет большой.

И тут же в воздухе возник шар размером с десятикилограммовый арбуз. Шар повисел немного и лениво упал на землю.

— Такой? — спросил Боровков ласковым голосом, потому что он любил детей.

А Удалов уловил в сообразительных глазенках ребенка лукавство: глазенки сразу просохли — мальчик решил использовать волшебника.

— Мой был больше! — завопил он. — Мой был с золотыми звездочками. Мой был как дом!

— Я постараюсь, — сказал виновато Боровков. — Но мои возможности ограничены.

— Врет мальчонка, — сказал Удалов убежденно. — Таких мячей у нас в универмаге никогда не было. Если бы были, знаете, какая бы очередь стояла! Таких промышленность не выпускает.

— А мне папа из Москвы привез, — сказал ребенок трезвым голосом дельца. — Там такие продаются.

— Нет, — сказал Удалов. — ГОСТ не позволяет такие большие мячи делать и таких импортных не завозят. Можно кого-нибудь зашибить

невзначай.

— Вы так думаете? — спросил Боровков. — Я, знаете, два года, был оторван…

— Отдай мой мяч! — скомандовал ребенок.

Боровков очень сильно нахмурился, и рядом с мальчиком возник шар даже больше метра в диаметре. Он был синий и переливался золотыми звездочками.

— Такой подойдет? — спросил Боровков.

— Такой? — Мальчик смерил мяч взглядом и сказал не очень уверенно: — А мой был больше. И на нем звезд было больше…

— Пойдем, Гарик, — возмутился Удалов. — Сними с него гипноз. Пусть останется без шаров.

— Не надо, — сказал Боровков, с укоризной посмотрел на мальчика, пытавшегося обхватить мячи, и пошел вслед за Удаловым.

— А вот и мой объект, — сказал Корделий. — Как, нравится?

Боровков ответил не сразу. Дом, созданный конторой, которой руководил Корнелий Удалов, был далеко не самым красивым в городе. И наверное, Гарику Боровкову приходилось видеть тщательнее построенные дома как в Бомбее и

Дели, так в Париже и Москве. Но он был вежлив и потому только вздохнул, а Удалов сказал:

— Поставщики замучили. Некачественный материал давали. Ну что с ними поделаешь?

— Да, да, конечно, — согласился Боровков.

— Зайдем? — спросил Удалов.

— Зачем?

— Интерьером полюбуешься. Сейчас как раз комиссия придет, сдавать дом будем.

Боровков не посмел отказаться и последовал за хитроумным Корнелием Ивановичем, который, конечно, решил использовать его талант в одном сложном деле.

— Погляди, — сказал он молодому человеку, вводя его в совмещенный санузел квартиры на первом этаже. — Как здесь люди жить будут?

Боровков огляделся. Санузел был похож на настоящий. Все в нем было: и умывальник, и унитаз, и ванная, и кафельная плитка, хоть и неровно положенная.

— Чего не хватает? — спросил Удалов.

— Как не хватает?

— Кранов не хватает, эх ты, голова! — подсказал Удалов. — Обманули нас поставщики. Заявку, говорят, во время не представил. А сейчас комиссия придет. И кто пострадает? Пострадает твой сосед

и почти родственник Корнелий Удалов. На него всех собак повесят.

— Жаль, — с чувством сказал Боровков. — Но ведь еще больше пострадают те, кто здесь будет жить.

— Им не так печально, — вздохнул Корнелий Иванович. — Им в конце концов все поставят. И краны и шпингалеты. Они напишут, поскандалят, и поставят им краны. А вот меня уже ничто не спасет. Дом комиссия не примет — и прощай премия! Не о себе пекусь, а о моих сотрудниках, вот о тех же, например, плиточниках, которые, себя не щадя, стремились закончить строительство к сроку.

Боровков молчал, видимо, более сочувствуя жильцам дома, чем Удалову. А Удалов ощущал внутреннее родство с мальчиком, который выпросил у Боровкова мячи. Внешне он лил слезы и метался, но изнутри в нем радовалось ожидание, потому что Боровков был человек мягкий и оттого обреченный на капитуляцию.

— Скажи, а для чистого опыта ты бы смог изобразить водопроводный кран? — спросил Удалов.

— Зачем это? — ответил вопросом Боровков. — Обманывать ведь никого нельзя. Разве для шутки?..

Он глубоко вздохнул, как человек, который делает что-то помимо своей воли, и в том месте, где положено быть крану, возник медный кран в форме рыбки с открытым ртом. Видно, такие краны Боровков видел в Индии.

— Нет, — сказал Удалов, совсем как тот мальчик. — Кран не такой. Наши краны попроще, без финтифлюшек. Как у твоего дяди. Помнишь?

Боровков убрал образ изысканного крана и на его место посадил стандартный образ.

Удалов подошел к крану поближе и, опасаясь даже тронуть его пальцем, пристально проверил, прикреплен ли кран к соответствующей трубе. Как он и опасался, кран прикреплен не был, и любой член комиссии углядел бы это сразу.

— Нет, ты посмотри вот сюда, — сказал Удалов возмущенным голосом. — Разве так краны делают? Халтурщик ты, Гарик, честное слово. Как вода из него пойдет, если он к трубе не присоединен?

Боровков даже оскорбился:

— Как так вода не пойдет? — И тут же из крана, ни к чему не присоединенного, разбрызгиваясь по раковине, хлынула вода.

— Стой! — крикнул Удалов. — Она же еще не подключена! Дом с сетью не соединен. Ты что, меня под монастырь хочешь подвести?

— Я могу и горячую пустить! — азартно сказал Гарик, и вода помутнела и от нее пошел пар.

— Брось свои гипнотизерские штучки, — строго сказал Удалов. — Я тебе как старший товарищ говорю. Закрой воду и оставь кран в покое.

И тут в квартиру ворвался молодой человек, весь в штукатурке и в сложенной из газеты шляпе, похожей на треуголку полководца Наполеона.

— Идут! — крикнул он сдавленным голосом. — Что будет, что будет!

— Гарик! — приказал Удалов. — За мной. Поздно рассуждать. Спасать надо.

И они пошли навстречу комиссии.

Комиссия стояла перед домом на площадке, где благоустройство еще не было завершено, и рассматривала объект снаружи. Удалов вышел навстречу как радушный хозяин. Председатель комиссии, Иван Андреевич, человек давно ему знакомый, вредный, придирчивый и вообще непреклонный, протянул Корнелию руку и сказал:

— Плохо строишь. Неаккуратно.

— Это как сказать, — осторожно возразил Удалов, пожимая руку. — Как сказать. Вот Екатерина из райисполкома… — он запнулся и тотчас по-

правился, — то есть представитель, Екатерина Павловна, в курсе наших временных затруднений. — И он наморщил лоб, изображая работу мысли.

— Ты всех в комиссии знаешь, — сказал председатель. — Может только с Ветлугиной не встречался.

И он показал Удалову на кареглазую девушку в костюме джерси, ту самую, которая у автобуса сплела венок из одуванчиков и возложила его на лоб Боровкову. У девушки была мужественная профессия сантехника. Боровков тоже ее узнал и покраснел, и девушка слегка покраснела, потому что теперь она была при исполнении служебных обязанностей и не хотела, чтобы ей напоминали о романтических движениях души.

Она только спросила Гарика:

— Вы тоже строитель?

И тот ответил:

— Нет, меня товарищ Удалов пригласил осмотреть дом.

— Ну, — Удалов приподнялся на цыпочки, чтобы дотянуться губами до уха Боровкова, — или ты спасаешь, или мне — сам понимаешь...

Боровков вновь вздохнул, поглядел на кареглазую Ветлугину, потрогал усики и послушно

последовал за нею внутрь дома. Удалов решил не отставать от них ни на шаг. Что там другие члены комиссии, если главная опасность — сантехник!

Они начали с квартиры, в которой Боровков уже пускал воду. Кран был на месте, но не присоединен к трубе.

Девушка опытным взглядом специалиста оценила блеск и чистоту исполнения крана, но тут же подозрительно взглянула в его основание. Удалов ахнул. Боровков понял. Тут же от крана протянулась труба, и сантехник Ветлугина удивленно приподняла брови, похожие на перевернутых чаек, как их рисуют в детском саду. Но придраться было не к чему, и Ветлугина перешла на кухню. Удалов ущипнул Боровкова, и Гарик, не отрывая взгляда от Ветлугиной, сотворил кран и там.

Так они и переходили из квартиры в квартиру, и везде Боровков гипнотизировал Ветлугину блистающими кранами, а Удалов боялся, что ей захочется проверить, хорошо ли краны действуют, ибо когда ее пальчики провалятся сквозь несуществующие металлические части, получится великий скандал.

Но обошлось. Спас Боровков. Ветлугина слишком часто поднимала к нему свой взор, а Боровков

слишком часто искал ее взгляд, так что в качестве члена комиссии Ветлугина была почти нейтрализована.

Они вышли, наконец, на лестничную площадку последнего этажа и остановились.

— У тебя, Ветлугина, все в порядке? — спросил Иван Андреевич.

— Почти, — ответила девушка, глядя на Гарика.

«Пронесло, — подумал Удалов. — Замутили мы с Боровковым ее взор!»

— А почему почти? — спросил Иван Андреевич.

— Кранов нет, — сказала девушка: эти слова прогрохотали для Удалова как зловещий гром, и в нем вдруг вскипела ненависть. Тысячи людей по науке поддаются гипнозу, а она, ведьма, не желает поддаваться!..

— Как нет кранов! — заспешил с опровержением Удалов. — Вы же видали. Все видали! И члены комиссии видали, и лично Иван Андреевич.

— Это лишь одна фикция и видимость материализации, — грустно ответила девушка. — И я знаю, чьих рук это дело.

Она глядела на Боровкова завороженным взглядом, а тот молчал.

— Я знаю, что вот этот товарищ, — продолжала коварная девушка, не сводя с Гарика глаз, — находился в Индии по научному обмену и научился там гипнозу и факирским фокусам. При мне еще вчера он сделал вид, что поднимает автобус за задние колеса, а это он нас загипнотизировал. И моя бабушка была в гостях у Ложкиных, и там всем казалось, что он целый вечер стоял на голове. И пил чай…

А Боровков молчал.

«Ну вот теперь и ты в ней разочаруешься за свой позор!» — подумал с надеждой Удалов. Им овладело мстительное чувство: он уже погиб, и пускай теперь гибнет весь мир, — как, примерно, рассуждали французские короли эпохи абсолютизма.

— Пошли, — сказал сурово Иван Андреевич. — Пошли заново, очковтиратель. Были у меня подозрения, Удалов, что по тебе ОБХСС плачет, а теперь они, наконец, материализовались.

Боровков молчал.

— А этого юношу, — продолжал Иван Андреевич, — который за рубежом нахватался чуждых для нас веяний, мы тоже призовем к порядку… Выйдите на улицу, — сказал он Боровкову. — И не надейтесь в дом заглядывать!..

— Правильно, — пролепетала коварная Ветлугина. — А то он снова всех нас загипнотизирует.

— Может, и дома не существует? Надо проверить, — сказал Иван Андреевич.

— Нет, — сказала Екатерина из райисполкома. — Дом и раньше стоял, его у нас на глазах строили. А этот молодой человек только вчера к нам явился.

Гусляр — город небольшой, и новости в нем распространяются почти мгновенно.

Удалов шел в хвосте комиссии. Он чувствовал себя обреченным. Завязывалась неприятность всерайонного масштаба. И он подумал, что в его возрасте не поздно начать новую жизнь и устроиться штукатуром, с чего Удалов когда-то и начал свой путь к руководящей работе. Но вот жена!..

— Показывайте ваши воображаемые краны, — сказал Иван Андреевич, входя в квартиру.

В санузел Удалов не пошел, остался в комнате, подошел к окну. Внизу Боровков задумчиво писал что-то веткой по песку. «И зачем я только втянул его в это дело?» — запечалился Удалов, и тут же его мысль перекинулась на то, как хорошо бы жить на свете без женщин.

За тонкой стенкой бурлили голоса. Никто из санузла не выходил: что-то у них там случилось.

Удалов сделал два шага и заглянул внутрь через плечо Екатерины из райисполкома. Состав комиссии с громадным трудом разместился в санузле. Ветлугина сидела на краю ванны, Иван Андреевич щупал кран, но его пальцы никуда не проваливались.

— Что-то ты путаешь, — сказал Иван Андреевич Ветлугиной.

— Все равно одна видимость, — настаивала Ветлугина растерянно, ибо получалось, что она оклеветала и Удалова, и Гарика, и всю факирскую науку.

— А какая же видимость, если он твердый? — удивился Иван Андреевич.

— Настоящий, — поспешил подтвердить Удалов.

— Тогда пускай он скажет, когда и откуда краны получил, — нашлась упрямая Ветлугина. — Пускай по документам проверят!

— Детский разговор, — сказал Удалов, к которому вернулось присутствие духа. — Что же я краны на рынке за собственные деньги покупал?

Тут уж терпение покинуло Ивана Андреевича.

— Ты, Ветлугина, специалист молодой, и нехорошо тебе начинать трудовой путь с клеветы на наших заслуженных товарищей.

И Иван Андреевич показал размашистым жестом на голову Удалова, которая высовывалась из-за плеча Екатерины.

— Правильно, Иван Андреевич, — без зазрения совести присоединился к его мнению Удалов. — Мы работаем, вы работаете, все стараются, а некоторые граждане занимаются распространением непроверенных слухов.

Ветлугина, пунцовая, выбежала из санузла, и Корнелий возблагодарил судьбу за то, что Боровков на улице и ничего не видит: его мягкое сердце ни за что бы не выдержало этого зрелища.

Удалов поспешил увести комиссию. В таких острых ситуациях никогда не знаешь, чем может обернуться дело через пять минут. И в последний момент впрямь все чуть не погубило излишнее старание Боровкова, ибо Иван Андреевич машинально повернул кран и из него хлынула струя горячей воды. Иван Андреевич кран, конечно, тут же закрыл, вышел из комнаты, а на лестнице вдруг остановился и спросил с некоторым удивлением:

— А что, и вода уже подключена?

— Нет, это от пробы в трубах осталась.

Удалов смотрел на председателя наивно и чисто.

— А почему горячая? — спросил председатель.

— Горячая? А она была горячая?

— Горячая, — подтвердила Екатерина из райисполкома. — Я сама наблюдала.

— Значит, на солнце нагрелась. Под крышей.

Иван Андреевич поглядел на Удалова с некоторым обалдением во взоре, потом махнул рукой, проворчал:

— Одни факиры собрались!..

И как раз тут они вышли из подъезда и увидели рыдающую на плече у Боровкова сантехника Ветлугину.

— Пошли, — сказал Иван Андреевич. — В контору. Акт будем составлять. Екатерина Павловна! Позови Ветлугину. Кричать все мастера, а от критики в слезы...

Когда все бумаги были разложены и Екатерина — у нее был лучший почерк — начала заполнять первый бланк, Корнелий Иванович вдруг забеспокоился, извинился и выбежал к Гарику.

— Но краны-то останутся? — спросил он. — Краны никуда не исчезнут? Признайся, это не гипноз?

— Краны останутся. Нужно же жильцам воду пить и мыться? А то с вашей, Корнелий Иванович, заботой им пришлось бы с ведрами за водой

бегать.

— Aral Значит, краны настоящие!

— Самые настоящие.

— А откуда они взялись? Может, это идеализм?

— Ничего подобного, — возразил Боровков. — Никакого идеализма. Просто надо в народной мудрости искать и находить рациональное зерно.

— А если материализм, то откуда металл взялся? Где закон сохранения вещества? А ты уверен, что Краны не ворованные, что ты их силой воли из готового дома сюда не перенес?

— Уверен, — ответил Боровков. — Не перенес. Сколько металла пошло на краны, столько металла исчезло из недр земли. Ни больше, ни меньше.

— А ты, — в глазенках Удалова опять появился мальчишеский блеск: ему захотелось еще один мяч, побольше прежнего, — ты все-таки дом можешь сотворить?

— Говорил уже — не могу. Мой учитель гуру Кумарасвами один раз смог, но потом лежал в прострации четыре года и почти не дышал.

— И большой дом?

— Да говорил же — гробницу Тадж Махал в городе Агре.

Ветерок налетел с реки и растрепал реденькие волосы Удалова. Тот полез в карман за расческой.

— А Ветлугиной ты признался?

— Нет, я ее разубедил. Я сказал, что умею тяжести подымать, на голове стоять, на гвоздях спать, но никакой материализации.

И рассудительно заключил:

— Да и вообще я ей понравился не за это…

— Конечно, не за это, — согласился Удалов. — За это ты ей вовсе не понравился, потому что она девушка принципиальная. Значит, надеяться на тебя в будущем не следует?..

— Ни в коем случае.

— Ну, и на том спасибо, что для меня сделал. Куда же я расческу задевал?

И тут же в руке Удалова обнаружилась расческа из черепахового панциря.

— Это вам на память, — сказал Гарик, усаживаясь на бетонную трубу: ему предстояло долго еще здесь торчать в ожидании Танечки Ветлугиной.

— Спасибо, — сказал Удалов, причесался, привел лысину в официальный вид и пошел к конторе.

1976

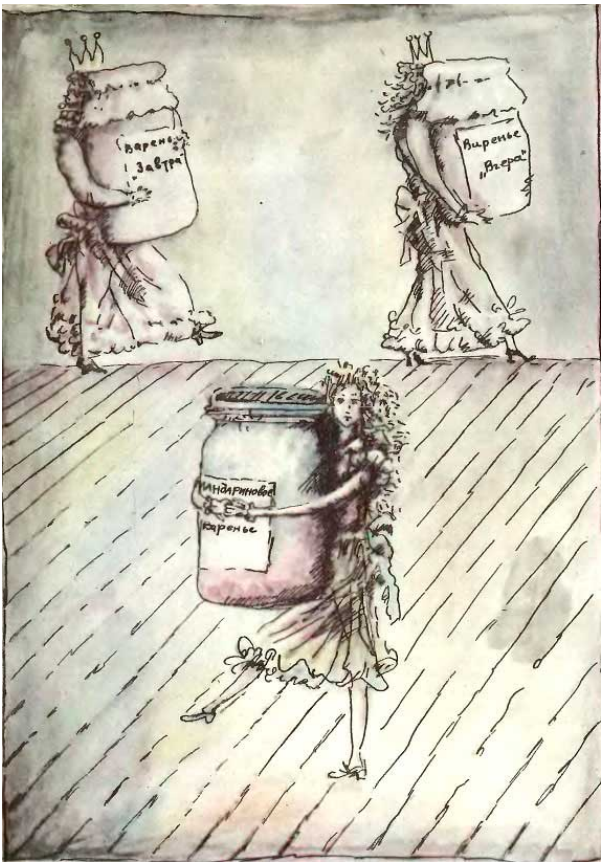
№ 1

Г. Степанов

Молекулярная эндохронность

(научный фольклор)

Новые экспериментальные и теоретические исследования


Варенье
Завтра
Варенье
Вчера
Мандариновое
Варенье

Открытое А. Азимовым более двадцати лет назад явление молекулярной эндохронности [1, 2][11] — способности природного вещества, названного тиотимолином, растворяться в воде до того, как она к нему добавлена, — долгое время не находило рационального объяснения, поскольку наблюдавшиеся эффекты противоречили устоявшимся представлениям о времени, пространстве и причинности. Только в 1974 году А. Филлипсу [3] удалось развить релятивистски инвариантную теорию, удовлетворительно объясняющую основные свойства молекулярно-эндохронных веществ, и в частности тиотимолина.

Значение работы Филлипса для тиотимолиноведения трудно переоценить, поскольку кажущееся противоречие между свойствами тиотимолина и принципом причинности позволяло некоторой части ученых ставить эту науку в один ряд с парапсихологией [4], что безусловно затрудняло ее развитие. Однако подведение прочной теоретической базы должно вызвать увеличение темпа и размаха исследований в этой перспективной области.

Целью настоящей работы служит как дальней-

---

[11] notes: 11
Список использованной литературы приведен в конце статьи.

шее развитие теоретического и экспериментального изучения тиотимолина, так и поиски других эндохронных веществ.

Тиотимолин, свойства которого описаны в пионерской работе Азимова, в чистом виде необычайно хорошо растворим в воде. Настолько, что он растворяется полностью за 1,12 секунды до того, как к нему должна быть добавлена вода. Скорость растворения зависит от чистоты препарата: примеси уменьшают время опережения, то есть величину эндохронного эффекта.

Для получения чистых образцов тиотимолина использовалась довольно сложная техника [1]. Система электромагнитных клапанов регулировала поток дистиллированной воды к неочищенному препарату и поток раствора таким образом, что раствор попадал в сборник прежде, чем дистиллированная вода подводилась к препарату. Таким образом, в сборник поступала только эндохронная часть препарата.

Измерение величины эндохронного эффекта сводилось к следующему. При растворении тиотимолина в воде образуется проводящий раствор; этот раствор замыкает цепь, в которую включена электролампочка. Лампочка загорается, фиксируя момент растворения. Уже в

первых эндохронометрах измерение промежутка времени от момента растворения тиотимолина до момента добавления воды производилось автоматически, с помощью электроники. В дальнейшем электронные лампы были заменены полупроводниками, а затем интегральными схемами.

Однако наиболее важное усовершенствование заключалось в том, что множество элементарных блоков было соединено в последовательную цепь, так что срабатывание каждого блока вызывало открывание электромагнитного клапана, пропускающего дистиллированную воду к следующей ячейке. В результате удалось получить время опережения, достигающее нескольких часов.

Это последнее усовершенствование открывает поистине фантастические возможности: с его помощью можно предсказывать будущее. Для этого достаточно принять твердое решение налить воду в сосуд в начале цепи, если заданное событие произойдет, и не наливать, если нет. Если событие действительно должно произойти, то в конце цепи загорится лампочка.

Твердость решения имеет существенное значение: колебания и внутренняя неуверенность, присущая некоторым людям при принятии важ-

ных решений, уменьшают эндохронный эффект. Это явление позволило Азимову [1] сконструировать волемер — прибор для количественного измерения силы воли. Массовые обследования, проведенные Азимовым, дали среднее для группы из 87 студентов время опережения — 0,625 секунды. Измерения проводились с прибором, содержащим только одну ячейку, так что время опережения для человека с идеально твердой волей должно было составлять 1,12 секунды. Для группы из 62 девушек-студенток среднее время опережения составило 0,811 секунды. Этот результат проливает некоторый свет на то, почему мужчины так легко оказываются под каблуком у женщин.

Филлипсом были предприняты попытки провести исследования биохимического действия тиотимолина [3]. Однако эти исследования пришлось прекратить, так как студенты-добровольцы, принимавшие тиотимолин внутрь в кристаллическом виде, стали исчезать из лаборатории.

Особенно интересными были эксперименты с отменой решения смочить тиотимолин после того, как лампочка в конце цепи уже загорелась, свидетельствуя о том, что тиотимолин обяза-

тельно должен раствориться. Так как множество подобных экспериментов окончилось неудачами из-за лопнувших водопроводных труб, неожиданной грозы и т. д., аппарат был помещен в сухой бетонный бункер. Решение смочить тиотимолин было принято, а затем отменено, и аппаратура была заперта в бункере при горящей лампочке в конце цепи. К сожалению, прежде чем этот эксперимент был доведен до конца, ураган Элла, до этого неподвижно стоящий над Мексиканским заливом, начал двигаться по направлению к лаборатории. Разрушения, производимые ураганом, вывели из равновесия одного из лаборантов. Он ворвался в бункер и положил конец эксперименту с помощью ведра воды. Ураган вернулся в Мексиканский залив, не тронув лабораторию.

Теория

Модель, предложенная Азимовым для объяснения эндохронности, основывается на обычной модели тетраэдрического атома углерода, имеющего две пары химических связей, расположенных во взаимно перпендикулярных плоскостях. Азимов предположил, что тиотимолин содержит эндохронный атом углерода, у которого одна

пара связей лежит в пространственной, а другая — во временной плоскости (рис. 1). Из двух связей, лежащих во временной плоскости, одна обязательно должна быть направлена в прошлое, а другая — в будущее. Вероятно, в тиотимолине к связи, направленной в будущее, присоединена гидрофильная группа. Эта гидрофильная группа, растворяясь в воде, которая будет прибавлена, втягивает за собой в раствор всю молекулу.

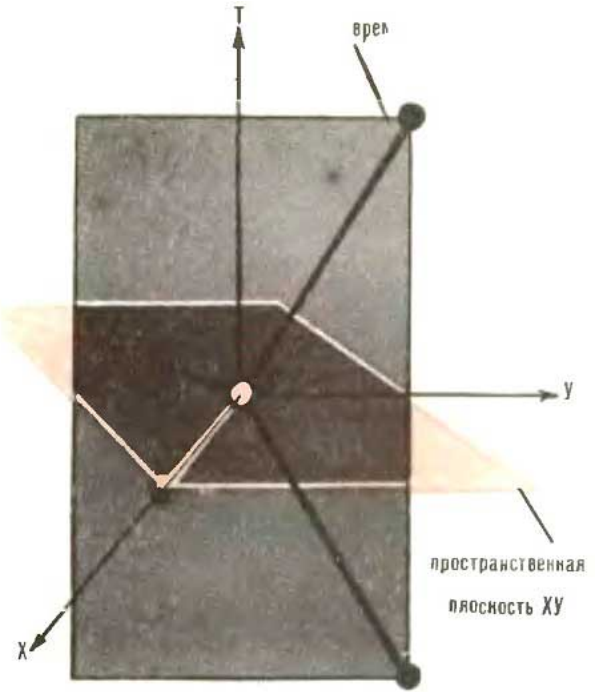


Рис. 1

В обычном тетраэдрическом атоме углерода па́ры связей лежат в пространственной плоскости XY, в двух взаимно перпендекулярных плоскостях.

В эндохронном атоме углерода две связи лежат в пространственной плоскости XY, а две другие связи — во временно́й плоскости YT (для простоты третья пространственная координата Z не изображена).

Такая модель вполне удовлетворительно объясняет основные свойства тиотимолина. Однако Азимов не дал ответ на вопрос, как может существовать атом углерода с пространственными и временны́ми связями.

Это было сделано в блестящей работе Филлипса [3]. В результате строгого рассмотрения уравнений теории относительности для тардионных атомов, движущихся только со скоростью, меньшей скорости света[12], и тахионных атомов, скорость которых всегда больше скорости света [5], Филлипс показал, что между такими атомами может образоваться химическая связь, лежащая во временной плоскости четырехмерного пространства-времени.

Некоторые затруднения вызывает объяснение стационарного существования соединения тардионных и тахионных атомов, поскольку

---

[12] notes: 12
По-английски «tardy» значит «медленный»

эти частицы движутся с существенно разными скоростями.

Филлипсу удалось найти чрезвычайно остроумное решение этого парадокса. На рис. 2 показаны мировые линии каждого из атомов (то есть их траектории в пространстве-времени). Благодаря сдвигу одного из атомов вдоль оси времени мировая линия тахиона, лежащая вне его светового конуса (геометрического места точек нулевых интервалов в пространстве-времени) и мировая линия тардиона, лежащая внутри его светового конуса, могут пересекаться. Так что одновременное существование тахионных и тардионных атомов оказывается возможным.

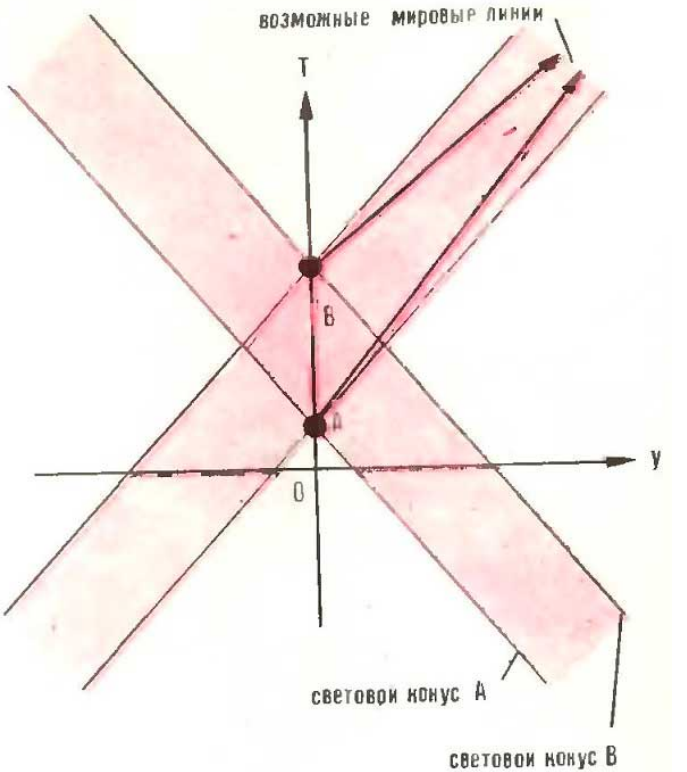

возможные мировые линии
T
B
A
y
0
световой конус A
световой конус B

Рис. 2

Мировые линии тардионного атома A и тахионного атома B могут пересекаться. Это соответствует образованию устойчивой эндохронной связи.

Чтобы в таком соединении между тахионной и тардионной частями молекул сохранялась фиксированная длина связи, их мировые линии должны закручиваться спиралью одна вокруг другой в четырехмерном континууме, Проекция этой спирали на пространственную плоскость под прямым углом к оси времени придает эндохронной молекуле внутренний угловой момент, который непрерывно возрастает во времени за счет энергии других атомов Вселенной.

Масс-спектрометрия тиотимолина

Чтобы проверить справедливость теории, развитой в работах Азимова и Филлипса, автор настоящей работы попытался разделить тардиенные и тахионные атомы, входящие в состав тиотимолина. С этой целью был проведен масс-спектрометрический анализ этого эндохронного вещества.

Использовался масс-спектрометр время-пролетного типа. Принцип работы этого прибора следующий: исследуемое вещество подвергается воздействию мощного лазерного импульса, в результате чего молекулы образца распадаются на атомы, а атомы превращаются в ионы. С помощью электрического поля ионы разгоняются до одинаковой энергии (ионы разной массы при этом движутся с разной скоростью); пройдя трубку дрейфа длиной около 1 метра, ионы регистрируются детектором. Сигналы детектора наблюдаются с помощью запоминающего осциллографа.

Процедура проведения масс-спектрометрического анализа тиотимолина была такова: вся аппаратура приводилась в рабочее состояние, после чего принималось твердое решение поместить тиотимолин в камеру для образцов и подвергнуть его масс-спектрометрии.[13]

Немедленно происходил самопроизвольный импульс лазера и запуск развертки осциллографа.

Типичная осциллограмма показана на рис. 3.

---

[13] notes: 13

Чрезвычайно чистые образцы тиотимолина для этих опытов должны были быть любезно предоставлены А. Азимовым, которому мы принесли бы свою искреннюю благодарность.

(Время отсчитывается слева направо.) Точка 0 соответствует моменту прихода к детектору частиц, движущихся со скоростью света Точка 1 соответствует приходу ионов водорода, 14 — ионов азота и так далее. Чем тяжелее частицы, тем позже они доходят до детектора.

Слева от точки 0 виден пик тахионных атомов, движущихся со скоростью, большей чем скорость света.

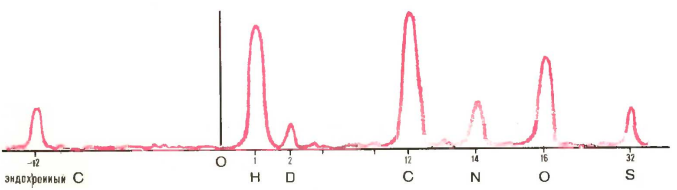


Рис. 3

Масс-спектр тиотимолина. Тахионные атомы дают пик в точке, находящейся левее нуля.

Поиски новых эндохронных веществ

Атомы углерода входят как важнейшая составная часть во все органические соединения. Поэтому можно предполагать, что помимо тиотимолина существуют и другие вещества с эндохронными свойствами. Однако поиски таких веществ в необозримом море органики представляют поистине титаническую задачу.

Принимаясь за этот труд, мы прежде всего изучили литературу. Просмотр научных журналов по органической химии ничего не дал, и пришлось обратиться к художественным произведениям. Несмотря на скептически-ироническое отношение коллег и неодобрительное отношение начальства, эта методика себя оправдала: в конце концов удалось найти явные указания на эндохронный эффект наблюдавшийся за 80 лет до открытия Азимова.

Еще в 1871 году, во второй части знаменитой трилогии, известной под общим названием «Алиса в стране чудес» [6], А. Кэрролл описал интересное явление. Читаем:

«— …Либо варенье вчера, либо варенье завтра, но никогда варенье сегодня, — сказала Королева.

— Это должно иногда приводить к варенью

сегодня, — возразила Алиса.

— Нет, это невозможно, — ответила Королева».

Совершенно ясно, что это тоже эндохронный эффект, причем очень сильный — сдвиг по времени достигает суток. Кэрролл, к сожалению, не дает никаких сведений ни о сорте этого эндохронного вещества, ни о технологии его приготовления. Даже беглый просмотр соответствующей литературы показал, что поиски нужного сорта варенья представляют задачу необычайной сложности. Известны десятки различных ягод, фруктов и даже овощей, из которых готовят этот продукт [7]. Кроме того, в зависимости от технологии приготовления, его свойства могут сильно варьировать.

Решение этой сложнейшей проблемы удалось найти благодаря счастливому стечению обстоятельств. Однажды автору захотелось мандаринового варенья, приготовленного из половинок этих фруктов, сваренных вместе с кожицей. Такое варенье имеет тонкий, чуть горьковатый привкус. Банка именно этого варенья хранилась на кухне в квартире автора, в только ему известном месте. Однако банка оказалась пустой.

Дочка автора (Елена, 11 лет) пояснила, что варенье находилось в этой банке вчера, и попыталась

утешить автора тем, что такое варенье можно купить завтра.

Обращает на себя внимание почти дословное совпадение ситуации, возникшей в 1975 году, с описанием, данным А. Кэрроллом в 1871 году [6]: варенье доступно только либо в виде «варенье вчера», либо в виде «варенье завтра».

Однако имеются и некоторые отличия: если в 1871 году взрослый давал пояснения относительно эндохронных свойств варенья ребенку, то в 1975 году ребенок объясняет это взрослому. Причина такой инверсии, по-видимому, связана с возникшим в начале XX века явлением акселерации [8].

На следующий день была куплена новая порция варенья и было принято твердое решение попробовать его в тот же день. Но этого снова не удалось сделать, так как после работы автор и его жена пошли в театр. А утром банка оказалась пустой.

Итак, мандариновое варенье существует в двух устойчивых состояниях — «варенье завтра» и «варенье вчера». Переход между ними совершается очень быстро и, видимо, различными путями, но каждый раз минуя состояние «варенье сегодня». Следует подчеркнуть, что вышеописанные

явления наблюдаются только в том случае, если индивидуум заранее примет твердое решение попробовать варенье сегодня.

Дальнейшее экспериментальное изучение свойств нового эндохронного вещества пришлось отложить из-за финансовых затруднений. Жена автора отказалась выделить средства на закупку десяти килограммов мандаринового варенья, мотивируя свой отказ тем, что эти опыты слишком опасны: ведь судьба студентов-добровольцев, исчезнувших во время опытов Филлипса, до сих пор остается неизвестной.

В связи с этими обстоятельствами автор вынужден был сосредоточить свое внимание лишь на теоретических вопросах.

Дальнейшее развитие теории

В связи с открытием нового эндохронного вещества возникает естественный вопрос: насколько применима теория Азимова-Филлипса в этом случае?

Сравнение эффектов тиотимолина и мандаринового варенья показывает, что они отличаются прямо противоположным направлением во времени. Если тиотимолин при соответствующих

условиях растворяется в воде, которая будет к нему добавлена, то мандариновое варенье переходит из состояния «варенье завтра», относящегося к будущему, в состояние «варенье вчера», которое, очевидно, находится в прошлом. Поскольку описанное выше свойство тиотимолина обусловлено гидрофильной трупной, присоединенной к временной связи атома углерода, направленной в будущее, то свойства мандаринового варенья должны быть как-то связаны со второй временной связью, направленной в прошлое.

Самой характерной чертой мандаринового варенья является его сладость. Однако простой опыт с обычным сахаром показал, что для него эндохронный эффект не наблюдается (во всяком случае, в доме автора) Можно предположить, что эндохронный атом углерода входит в состав какого-то вещества, определяющего не вкус, а аромат варенья. По-видимому, это вещество можно выделить с помощью газожидкостной хроматографии.

Выводы

Открытый нами эффект, предсказанный еще Кэрроллом, носит, по-видимому, всеобщий характер. Действительно, все очень приятные вещи существуют обычно либо а прошлом, либо в будущем, но почти никогда — в настоящем.

Физическая сущность этого явления не поддается прямым экспериментальным и теоретическим исследованиям. Несомненно только, что она тоже связана с четырехмерностью нашего пространства-времени. Справедливость открытого нами всеобщего закона настолько очевидна, что вряд ли нуждается в особых доказательствах. Поразмыслив, каждый может припомнить множество случаев из собственной жизни, убедительно подтверждающих нашу правоту.

Литература

1. I. Asimov, «Astounding Science Fiction», 1948, v 50; «Astounding Science Fiction» (British Edition), 1954, v. 5

2. А. Азимов. «Химия и жизнь», 1965, JSs 9.

3. L. F. Phillips «Chemistry in New Zealand», 1974, v 38, № 5.

4. Ч. Хэнзел Парапсихология. М., 1975

5. В. С. Барашенков «Химия и жизнь», 1975, № 3.
6. L. Carroll Through a Looking Glass Lnd. 1871
7. И. К. Сиволап и др. Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1955
8. Д. А. Длигач «Химия и жизнь», 1970, № 8, 9

№ 3, 4, 5, 6

Кир Булычев

Журавль в руках

1.

Базар в городе был маленький: три ряда крытых деревянных прилавков и неширокий двор, на котором жевали овес запряженные лошади. С телег торговали картошкой и капустой.

Будто принимая парад, я прошел мимо крынок с молоком, банок со сметаной, кувшинов, полных коричневого, тягучего меда, мимо подносов с крыжовником, мисок с черникой и красной смородиной, кучек грибов и горок зелени. Товары были освещены солнцем, сами хозяева скрывались в тени, надо было подойти поближе, чтобы их разглядеть.

Увидев ту женщину, я удивился, насколько она не принадлежит к этому устоявшемуся, обычному уютному миру.

И, как бывает со мной, я сразу придумал ей дом, жизнь, окружающих людей. Я решил, что она приехала из затерянного в лесу раскольничьего скита, где ее отец, мрачный, неумный, но цепкий старик главенствует над несколькими старушками. Там живет ее мать, растолстевшая, ленивая, с отекшими ногами. И она, никогда не ходившая в школу, не знавшая сверстниц, и теперь, за постом и молитвами, к двадцати пяти годам переставшая в них нуждаться.

В отличие от прочих торговок женщина никого не окликала, не предлагала своего товара — крупных яиц в корзине и ранних помидоров, сложенных у весов аккуратной пирамидкой, словно ядра у пушки.

Она была в застиранном голубом ситцевом платье, тонкие загоревшие руки были обнажены. Она смотрела над головами прохожих, словно глубоко задумалась. Цвета волос и глаз я не разглядел, потому что женщина низко подвязала белый платок и он козырьком выдавался надо лбом. Если кто-нибудь подходил к ней, она, отвечая, улыбалась. Улыбка была несмелой, но доверчивой.

Женщина почувствовала мой взгляд и обернулась. Так, быстро, готовая бежать, оборачивается лань.

Я отвел глаза.

Нет, она никогда не была в раскольничьем скиту. И не потому, что в этих местах леса небольшие: они перемежались полями и лугами вдоль обмелевших речек и неглубоких озер, все искони было обжито, скитов не знали отродясь. Просто у нее на шее, на топкой цепочке, висел отшлифованный кусочек янтаря, а не крестик.

Она живет в далекой деревне, и ее муж, коре-

настый, крепкий и беспутный, велел продать накопившиеся за неделю яйца и поспевшие помидоры. Потом он пропьет привезенные деньги и, мучимый похмельным раскаянием, купит на остатки платочек маленькой дочери…

Мне хотелось услышать ее голос. Я не мог уйти, не услышав его. Я подошел и, стараясь не смотреть ей в глаза, попросил продать десяток яиц. Тетя Алена ничего мне не говорила о яйцах — она велела купить молодой картошки к обеду. И зеленого лука.

Я смотрел на тонкие руки с длинными сухими пальцами. На безымянном пальце было тонкое золотое колечко — я прав, она замужем.

— Сколько я вам должен? — спросил я, заглянув в лицо (глаза у нее оказались светлые — кажется, серые).

— Рубль, — сказала женщина, сворачивая из газеты кулек и осторожно укладывая туда яйца.

Я взял пакет. Яйца были крупные, длинные, а скорлупа — чуть розоватой.

— Издалека привезли? — спросил я.

— Издалека.

Она не глядела на меня.

— Спасибо, — сказал я. — Вы завтра здесь будете?

— Не знаю.

Голос был низким, глухим, даже хрипловатым, и она произносила слова тщательно и раздельно, словно русский язык был ей неродным.

Когда я вернулся домой, тетя Алена удивилась моей неловкой лжи о том, что молодой картошки на рынке не было, взяла кулек с яйцами, отнесла его на кухню и оттуда крикнула:

— Чего ты купил, Коля? Яйца-то не куриные.

— А какие? — спросил я.

— Утиные, наверно… Почем платил?

— Рубль.

Я прошел на кухню. Тетя Алена выложила яйца на тарелку, и они в самом деле показались мне совсем непохожими на куриные. Я сказал:

— Самые обыкновенные яйца, тетя. Куриные.

Тетя Алена чистила морковку. Она развела руками — в одной зажата морковка, в другой нож. Вся ее поза говорила: «Если тебе угодно…»

Тетя Алена — единственный оставшийся у меня родственник. Пятый год подряд я обещал приехать к ней, все обманывал и вдруг приехал. Причиной тому не столько ненужная московская ссора, крушение моих планов, а вспыхнувший страх перед временем, могущим отнять у меня тетю Алену, которая пишет обстоятельные пись-

ма со старомодными рассуждениями и укорами погоде, присылает поздравления к праздникам и дню рождения и ежегодные банки с вареньем и ничем не выказывает обид на мои пустые обещания.

Когда я приехал, тетя Алена не сразу поверила своему счастью. Я знаю, что она иногда поднималась ночами и подходила ко мне, чтобы убедиться, что я здесь. Детей у нее не было, мужа убили на фронте, и меня она любила более, чем я того заслуживал.

Не успел я прожить неделю в тихом городке на краю полей и лесов, как, в который раз убедившись, что отдыхать не умею, начал тосковать по неустроенной привычной жизни, по корешкам Вольфсона и Трепетова на верхней полке и своей заочной, уже ненужной с ними полемике. И ссора, толкнувшая меня примчаться сюда, начала приобретать свои действительные, скромные масштабы. Ну, не поеду я в Хорог, ну, уйду из института. И что изменится? Будет другая, почти такая же лаборатория и очень похожие разговоры и конфликты. А уехать так вот, сразу, когда тетя Алена заранее грустила о том, как скоротечны оставшиеся мне здесь две недели, было жестоко.

— Ты, наверно, куриных яиц и не видел, — ска-

зала тетя Алена. — И чем только вас в Москве кормят?

— Лучший способ разрешить наш спор, — ответил я, перейдя из кухни в комнату и раскрывая старый номер «Иностранной литературы», — разбить два яйца и поджарить.

Перед ужином я напомнил тете о своей просьбе.

— Может, до продовольственного добегу? — сказала тетя. — Простых куплю.

— Нет уж. Рискнем.

Поставив передо мной яичницу, тетя Алена налила себе заварки из чайника, извлеченного из-под весьма подержанной, но все еще гордой ватной барыни, долила кипятком из самовара и отколола щипчиками аккуратный кубик сахара. Она делала вид, что мои эксперименты с яичницей ее не интересуют, плеснула чаю на блюдце, но в этот момент я занес вилку над тарелкой, и она не выдержала:

— Я на твоем месте, — сказала она, — ограничилась бы чаем.

Желтки были крупными, выпуклыми, словно половинки спелых яблок. Я подумал, что интересно бы подсчитать СЭП желтков.

— Посолить не забудь, — сказала тетя, полагая,

что мною овладела нерешительность. В ее голосе звучала ирония. Она поправила очки, которые всегда съезжали на сухонький, острый нос, — не робей.

На вкус яичница была почти как настоящая, хотя, конечно, не приходилось сомневаться в том, что прекрасная незнакомка продала мне вместо куриных какие-то иные, неизвестные я наших краях яйца, и я доставил удовольствие тете Алене, спросив:

— А какие яйца у тетеревов?

— Почему только тетерева? Есть еще вальдшнепы, глухари и даже журавли и орлы. Все птицы несут яйца. — Тетя Алена много лет учила в школе, и ее назидательная ирония была профессиональной.

— Правильно, — не сдался я. — Страусы, соловьи и даже утконосы. Но главное в яйцах — их питательность. И вкус. А яичница отменная.

Когда стемнело, я вдруг поднялся и отправился гулять. В городском парке отыскал скамейку неподалеку от танцевальной веранды. Я курил и был снисходителен к мальчишкам и девчонкам, плясавшим под плохой, но старательный оркестр, и даже поспорил с сердитым стариком, обличавшим моды и прически ребят с таким

энтузиазмом, что я представил, как он приходит сюда каждый вечер, влекомый неправильностью того, что здесь происходит, и почти детским негативизмом. Призывая старика к терпимости, я неожиданно испугался, что стал куда ближе к нему, чем к ребятам, и защищаю даже не их, а самого себя, каким был лет двадцать назад. А ребята, стоящие неподалеку, слышали наш спор, но говорили о своем и тоже были снисходительны к нам. Что из того, что я могу представить себе, как накопилось электричество в невидной за желтыми фонарями туче и блеснуло зарницей над театрально подсвеченными деревьями, и вижу энергию, которая заставляет присевшую на скамейку капельку росы подняться шариком, потому что выучил ненужный этим ребятам пустяк: энергия поверхностного натяжения воды — все та же неотвязчивая СЭП — при двадцати градусах равна 72,5 эрга на квадратный сантиметр. Вот так-то. И ребята в лучшем положении, чем брюзгливый старик, — кто-то из них еще узнает эту и другие цифры. И полюбит их. И поднимется в небо в погоне за сизыми журавлями туч. А старик уже ничего не полюбит.

— Всех остричь, — настаивал старик. — У них там вши заведутся. Точно говорю.

Валя Дмитриев погиб этой весной, измеряя СЭП в грозовой туче. У него тоже были длинные волосы, до плеч, и как раз в то утро зам по кадрам устроил ему беседу о внешнем виде молодого ученого.

Я ушел.

2.

Подобрав под себя ноги в толстых шерстяных носках — перед дождем мучил ревматизм, — тетя Алена сидела на продавленном диване и читала «Анну Каренину». Рядом лежал знакомый — от медных застежек до вытертого голубого бархата покрышек, — но начисто забытый за двадцать лет пухлый альбом с фотографиями.

— Помнишь? — спросила тетя Алена. — Я сегодня сундук разбирала и наткнулась. Раньше ты любил его разглядывать. Бывало, сидишь на этом диване и допрашиваешь меня: «А почему у дяди такие погоны? А как звали ту собаку?...»

Я положил тяжелый альбом на стол, под оранжевый с кистями абажур, и попытался представить, что увижу, открыв его. И не вспомнил.

Альбом раскрылся там, где между толстыми картонными листами с прорезями для углов фотографий была вложена пачка поздних снимков, собранных, когда мест на листках уже не осталось. И сразу увидел самого себя. Я, совершенно обнаженный, лежал на пузе с идиотской самодовольной ухмылкой на мордочке, не подозревая, какие каверзы готовит мне жизнь. Признал я себя в этом младенце только потому, что такая же фотография, призванная умилять родственниц, была и у меня в Москве. Потом в пачке встретилась групповая картинка «Пятигорск, 1953 год», с которой мне улыбались пожилые учительницы на фоне пышной растительности. Среди них была и тетя Алена. На фотографиях встречались знакомые лица, больше было незнакомых — тетиных сослуживцев, местных жителей, их детей и племянников.

Интереснее было полистать сам альбом, с начала. Мой прадедушка сидел в кресле, прабабушка стояла рядом, положив руку ему на плечо. Прадедушка был в студенческой тужурке, и я заподозрил, что он сидел не из избытка тщеславия,

а потому что был мал ростом, худ и во всем уступал своей жене. Это тоже относилось к области семейных преданий. И я уже знал, что на следующей странице увижу тех же — прадедушку с прабабушкой, но пожилыми, солидными, в иной одежде, окруженными детьми и даже внуками, включая тетю Алену, помеченную у ног белым крестиком — она когда-то сама пометила себя, чтобы не спутать с другими представителями того же поколения семьи Тихоновых. Дальше моя мать и тетя Алена, юбки до щиколоток и башмаки со шнуровкой. Они очень похожи и почему-то восторженны. Фотографу удалось вызвать в их глазищах этот восторг. Птичку он им, что ли, показал? Это уже где-то незадолго до революции.

— Кто это, я забыл…

Тетя Алена отложила «Анну Каренину», поднялась с дивана, наклонилась ко мне.

— Мой жених, — сказала она. — Ты его, конечно, не знаешь. Он после революции в Вологде жил, каким-то начальником стал. А тогда, в шестнадцатом, его звали моим женихом. Не помню уж почему. Очень я стеснялась. И этих ты тоже не можешь знать. Это врачи нашей земской больницы. Они отправляются на фронт, в санитарном поезде. Второй справа — мой дядя Семен.

Отличный, говорят, был врач, золотые руки. Среди земских врачей, должна тебе сказать, были замечательные подвижники. Моего дядю лично знал Чехов, они вместе на холере работали.

— А что потом с ним случилось?

— Он погиб, в девятнадцатом году.

Дядя был суров, фуражка низко надвинута на лоб, шинель сидит неловко, он взял на складе первую попавшуюся.

— Где же его невеста? — продолжала тетя Алена. — Ее, кажется, Машей звали. У нее глаза были запоминающиеся, зеленоватые. Рассказывали, что когда Семен погиб, она дня два как окаменела. А потом исчезла. И никто ее никогда больше не видел.

— Может быть, она куда-нибудь уехала?

— Нет. Я знаю, что она погибла. Она без него жить не могла. — Тетя Алена листала альбом. — Ага, вот она, завалилась.

Почему-то невесту дяди Семена сфотографировали отдельно.

Снимок поржавел от времени. Он был наклеен на картон. Внизу вязью выдавлены фамилия и адрес фотографа. Маша была в темном платье с высоким стоячим воротником, в накатке с красным крестом, крест был и на широкой белой

повязке на рукаве.

Я знал ее.

Не только потому, что видел двадцать лет назад в этом альбоме, а может, и слышал уже о ее судьбе. Нет, я ее видел вчера на базаре. Значит, она не погибла… Чепуха какая-то. Женщина на фотографии не улыбалась. Она смотрела серьезно — люди на старых фотографиях всегда серьезны, выдержка камер тех лет была велика, и улыбка не удерживалась на лице. Они собирались к фотографу в Вологде все вместе. Начинался семнадцатый год. Маша опоздала. Прибежала, когда фотограф уже складывал пластинки. А доктор Тихонов, немолодой, некрасивый, умный, золотые руки, уговорил сестру Марию сфотографироваться отдельно. Для него. Один снимок взял с собой. Другой оставил дома. И ничего не осталось от этих людей. Лишь маленький клочок их жизни, драгоценных им, крепких, казалось бы, вечных уз, живет еще в памяти тети Алены. Теперь в моей памяти. И почему-то в этих местах через много лет должна была вновь родиться Маша.

Тетя Алена долго укладывалась за стенкой, вздыхала, бормотала что-то, шуршала страницами книги. Далеко брехали собаки, и время от времени наш Шарик врывался в собачью беседу

и тявкал под окном. По улице пронесся мотоцикл без глушителя, и не успел грохот мотора заглохнуть вдали, как мотоциклист развернулся и снова пронесся мимо, затем, наверное, чтобы порадовать меня замечательной работой мотора. «Василий, — раздался за палисадником женский голос, — если не достанешь ребенку бадминтон, то я вообще не представляю, на что ты годен». Я посмотрел на часы. Без двадцати час. Самое время поговорить о бадминтоне.

…Листва яблони под окном была черной, но неодинаково черной — различная плотность черноты создавала видимость объема, и дальние листья пропускали толику черного небесного сияния. На темно-сером, шелковом летнем северном небе все никак не могли разгореться звезды, и листья, вздрагивая, гасили их. Но одна из звезд сумела пронзить лучом листву и, разгораясь, спустилась по этой дорожке к самому окну. Легкое сияние проникло в комнату, сгущаясь к потолку, лучась, словно звезде было тесно. Надо было бы встать, поглядеть, что происходит, но тело отказалось сделать хоть какое-то усилие. Кровать начала медленно раскачиваться, как бывает во сне, но я знал, что не сплю и даже слышу, как Василий длинно и скучно оправдывается, сва-

ливая вину на кого-то, кто обещал, но обманул. Женщина с рынка вошла в комнату, причем умудрилась при этом не колыхнуть занавеской, не скрипнуть дверью. Она была странно одета — светлый, длинный мешок, кое-где заштопанный, с прорезями для головы и рук, доставал до колен. Ноги были босы и грязны. Женщина приложила к губам палец и кивнула в сторону перегородки. Она не хотела будить тетю Алену. Женщину звали Луш. Это было странное имя, но его легко было шептать: оно показалось мне пушистым.

…Мне не хотелось входить вслед за Луш в отверстие пещеры, потому что в темноте скрывалось нечто страшное, опасное — даже более опасное и страшное для Луш, чем для меня, потому что оно могло оставить Луш там навсегда. Луш протянула длинную тонкую руку и крепко обхватила мою кисть твердыми пальцами. Нам надо было спешить, а не думать о страшном.

Я потерял Луш в переходе, освещенном тусклыми факелами, которые горели там так давно, что потолок на два пальца был покрыт черной копотью. Но я не мог выйти в зал, где было слишком светло, потому что тогда я не выполнил бы обещанного…

— Ты чего не спишь? — спросила тетя Алена

из-за перегородки. — Туши свет.

Я был благодарен тете Алене за то, что она вывела меня из пещеры. Но тревога за Луш осталась, и, отвечая тете Алене: «Сейчас тушу», — я уже понимал, что мне пригрезился приход женщины, хотя я был уверен, что если бы тетя Алена мне не помешала, я бы нашел Луш и постарался вывести ее из пещеры, откуда никто еще не выходил.

Ночью я несколько раз снова оказывался в подземелье и снова и снова шел тем же коридором, останавливаясь перед освещенным залом и кляня себя за то, что не могу переступить круг света. Луш я больше не видел. Я проснулся рано, разбитый и переполненный все тем же иррациональным беспокойством за эту женщину.

— Как спал? — тетя Алена вошла в комнату и стала поливать герань на подоконнике — Хорошие сны видел?

Для нее смотрение снов — занятие, сходное с походом в кино. Я же сны вижу редко. И сразу забываю Я вскочил с диванчика, и он взвыл всеми своими пружинами.

— Пойдешь за грибами?

— Нет, поброжу по городу.

— Только яиц не покупай, — засмеялась тетя Алена. — Ты еще вчерашние не доел.

Через час я был на рынке. Я прошел мимо крынок с молоком и ряженкой, мимо банок с медом, подносов с крыжовником и красной смородиной Вчерашней женщины не было. Да и не должно было быть.

На следующее утро — не пропадать же добру — тетя Алена сварила мне еще два яйца, в мешочек. Днем на пляже, за городским парком, я почувствовал жужжание в голове и увидел, как в небе среди облаков, плывет остров, но смотрю я на него не снизу, как положено, а сверху. На плохо убранное поле, на стоящие в круг хижины, обнесенные высоким, покосившимся тыном. Луш выбежала из хижины, к сухому дереву, на котором висел человек, и стала мне махать, чтобы я скорее к ней спускался. Но я не мог опуститься, потому что я был внизу, на пляже, а остров летел среди облаков. Рядом со мной мальчишки играли в волейбол полосатым детским мячом, а у ларька с лимонадом и мороженым кто-то уверял продавщицу, что обязательно принесет бутылку обратно. Я смотрел сверху на удаляющийся остров, и фигурка Луш стала совсем маленькой, она выбежала в поле, а те, кто гнались за ней, уже готовы были выпрыгнуть из-за тына. Потом я заснул и проспал, наверное, часа два, потому

что, когда очнулся, солнце поднялось к зениту, обожженная спина саднила, киоск закрылся, волейболисты переплыли на другой берег и там играли полосатым детским мячом в футбол.

По роду своей деятельности я пытаюсь связать причины и следствия. Придя домой, я вынул из шкафа на кухне оставшиеся пять яиц, переложил их в пустую коробку из-под туфель и перенес к себе за перегородку. Я поставил коробку на шкаф, чтобы до нее не добрался кот. Я думал отвезти яйца в Москву, показать одному биологу. Они там ставили опыты с мексиканскими наркотиками. Правда, это было давно, лет пять назад, и лаборатория могла сменить тему.

Но моя идея лопнула на следующий же день. Я проснулся от грохота. Кот свалился со шкафа вместе с коробкой. По полу, сверкая под косым лучом утреннего солнца, разлилось месиво из скорлупы, белков и желтков. Кот, ничуть не обескураженный падением, крался к диванчику. Я свесил голову и увидел, что туда же, с намерением скрыться в темной щели, ковыляет пушистый, очень розовый птенец, побольше цыпленка, с длинным тонким клювом и ярко-оранжевыми голенастыми ногами — Стой! — крикнул я коту. Но опоздал.

В двух сантиметрах от протянутой руки кот схватил цыпленка и извернулся, чтобы не попасть мне в плен. На подоконнике он задержался, нагло сверкнул на меня дикими зелеными глазами и исчез. Пока я выпутывался из простыней и бежал к окну, кота и след простыл. Я стоял, тупо глядя на разбитые яйца, на лежащую на боку коробку из-под туфель, вернее всего, кот услыхал, как птенец выбирается на свет, заинтересовался и умудрился взобраться на шкаф.

— Что там случилось? — спросила тетя Алена из-за перегородки. — С кем воюешь?

— Твой кот все погубил.

В необычного цыпленка тетя не поверила. Сказала, что мне померещилось со сна. А про разбитые яйца добавила: «Не надо было из кухни выносить. Целее были бы».

Мне не приходилось видеть ярко-розовых цыплят, которые выводятся из яиц, внушающих грезы наяву. Притом существовала прекрасная незнакомка, присутствие которой придавало сюжету загадочность.

Я решил самым тщательным образом обыскать палисадник, столь прискорбно уменьшившийся со времени моих детских приездов сюда. Тогда он казался мне обширным, дремучим, впору

заблудиться. А всего-то умещались в нем, да и то в тесноте, два куста сирени, корявая яблоня, дарившая тете Алене кислые дички на повидло, да жасмин вдоль штакетника. Зато ближе к дому, куда попадал солнечный свет, пышно разрослись цветы и травы — флоксы, золотые шары, лилии и всякие другие, полуодичавшие жители бывших клумб или грядок, порой случайные пришельцы с соседних садов и огородов — из травы и полыни поднимались курчавые шапки моркови, зонтики укропа и даже одинокий цветущий картофельный куст. На его листе я и нашел клочок розового пуха.

Принеся пух домой, я заклеил его в почтовый конверт. Если науке известны такие птицы, розового пуха должно хватить.

— На базар? — спросила проницательная тетя Алена, увидев, что я чищу ботинки. — Там же пыльно.

— Погулять собрался, — сказал я.

3.

Ту женщину я увидел только на пятый день. Я ходил на рынок, как на службу. И не раз, а три, четыре, пять раз в день. Примелькался торговкам и сам знал их в лицо. На пятый день я увидел ее и сразу узнал, хотя она была без платка и лицо ее, обрамленное тяжелыми, светлыми волосами, странным образом изменилось, помягчело и не внушало ассоциаций ни с раскольничьим скитом, ни с жестоким и жадным мужем. С реки дул свежий ветер, она накинула на плечи черный, с розами, платок. Глаза ее были зелеными и брови высоко проведены по выпуклому лбу. У нее были полные, но не яркие губы и тяжеловатый для такого лица подбородок.

Она не сразу заметила меня — была занята с покупателями. На этот раз перед ней лежала груда больших, красных яблок, и у прилавка стояла небольшая очередь.

Я уже привык приходить на рынок и не заставать ее. Поэтому ее появление здесь показалось

сначала продолжением грез, в которых ее зовут Луш.

Чтобы успокоиться, я отошел в тень и следил за тем, как она продает яблоки. Как устанавливает на весы гири и иногда подносит их к глазам, будто она близорука или непривычна к гирям. Как всегда добавляет лишнее яблоко, чтобы миска весов с яблоками перевешивала. Как прячет деньги в потертый кожаный плоский кошелек и оттуда же достает сдачу, тщательно ее пересчитывая. Когда гора яблок на прилавке уменьшилась, я встал в очередь. Передо мной было три человека. Она все еще меня не замечала.

— Мне килограмм, пожалуйста, — сказал я, когда подошла моя очередь. Женщина не подняла глаз. — Здравствуйте, — сказал я.

— Мало берешь, — сказала старушка, отходившая от прилавка с полной сумкой. — Больше бери, жена спасибо скажет.

— Нет у меня жены, — сказал я.

Женщина подняла глаза. Она, наконец, согласилась меня признать.

— Вы меня помните? — спросил я.

— Почему же не помнить? Помню.

Она быстро кинула на весы три яблока, которые потянули почти на полтора кило.

— Рубль, — сказала она.

— Большое спасибо. Здесь больше килограмма.

Я не спеша копался в карманах, отыскивая деньги.

— А яиц сегодня нет?

— Яиц нет, — сказала женщина. — Яйца случайно были. Я их вообще не продаю.

— А вы далеко живете?

— Молодой человек, — сказал мужчина в униформе районного чиновника, состоявшей из парусиновой фуражки и слишком теплого, не по погоде, просторного костюма. — Закончили дело, можно не любезничать. У меня обеденный перерыв кончается.

— Я далеко живу, — сказала женщина.

Мужчина оттеснял меня локтем.

— Три килограмма, попрошу покрупнее. Можно подумать, что вы не заинтересованы.

— Вы еще долго здесь будете? — спросил я.

— Я сейчас заверну, — сказала женщина. — А то нести неудобно.

— Сначала попрошу меня обслужить, — сказал мужчина в фуражке.

— Обслужите его, — сказал я. — У меня обеденный перерыв только начинается.

Когда мужчина ушел, женщина взяла у меня

яблоки, положила их на прилавок и принялась сворачивать газетный кулек.

— А яблоки тоже особенные? — спросил я.

— Почему же особенные?

— Яйца оказались не куриными.

— Да что вы… если вам не понравилось, я деньги верну.

Она потянулась за кожаным кошельком.

— Я не обижаюсь. Просто интересно, что за птица…

— Вы покупаете? — спросили сзади. — Или так стоите?

Я отошел, встал в тени, достал из кулька одно из яблок, вытер его носовым платком и откусил. Женщине видны были мои действия, и когда я вертел яблоко в руке, разглядывая, я встретил ее взгляд. Я тут же улыбнулся, стараясь убедить ее улыбкой, что неопасен. Она тоже улыбнулась — в ответ, но улыбка получилась робкой, жалкой, и я понял, что лучше уйти, пожалеть ее. Но уйти я не смог. И дело было не только в любопытстве: я боялся, что не увижу ее снова.

Движения женщины потеряли сноровку и стали замедленными и неловкими, словно она оттягивала тот момент, когда отойдет последний покупатель и вернусь я.

Яблоко было сочным и сладким. Такие у нас не растут, а если и появятся в саду какого-нибудь любителя-селекционера, то не раньше августа. Мне показалось, что яблоко пахнет ананасом. Я вытащил из огрызка косточку. Косточка была одна. Длинная, острая, граненая. Никакое это не яблоко.

Я видел, как женщина высыпала из корзины последние яблоки, сложила деньги в кошелек, закрыла его. И тогда, сделав несколько шагов к ней, я сказал негромко:

— Луш.

Женщина вздрогнула, кошелек звякнул о прилавок. Она хотела подобрать его, но рука не дотянулась, повисла в воздухе, словно женщина замерла, сжалась в ожидании удара, когда все теряет смысл перед физической болью.

— Простите, — сказал я, — простите. Я не хотел вас испугать…

— Меня зовут Мария Павловна, — голос был сонный, глухой, слова заученные, как будто она давно ждала этого момента и в страхе перед его неминуемостью репетировала ответ. — Меня зовут Мария Павловна.

— Это точно, — второй голос пришел сзади, тихий и злой. — Мария Павловна. А что — инте-

ресуетесь?..

Небольшого роста пожилом человек с обветренным, темным лицом, в выгоревшей, потертой фуражке лесника отодвинул меня и накрыл ладонями пальцы Марии Павловны.

— Тише, Маша, тише. Люди глядят. — Он смотрел на меня с таким холодным бешенством в белесых глазах, что у меня мелькнуло — не будь вокруг людей, он мог бы и ударить.

— Извините, — сказал я. — Я не думал…

— Он пришел за мной? — спросила Маша, выпрямляясь, но не выпуская руки лесника.

— Ну что ты, зачем ты так… Человек извиняется… Сейчас домой поедем. Никто тебя не тронет.

— Я уйду, — сказал я.

— Иди.

Я не успел отойти далеко. Лесник догнал меня.

— Ты как ее назвал? — спросил он.

— Луш. Это случайно вышло.

— Случайно, говоришь?

— Приснилось.

Я говорил ему чистую правду и я не знал своей вины перед этими людьми, но вина была, и она заставляла меня послушно отвечать на вопросы лесника.

— Имя приснилось?

— Я видел Марию Павловну раньше. Несколько дней назад.

— Где?

— Здесь, на рынке.

Лесник, разговаривая со мной, поглядывал в сторону прилавка, где женщина непослушными руками связывала пустые корзины, складывала на весы гири, собирала бумагу.

— И что дальше?

— Я был здесь несколько дней назад. И купил десяток яиц.

— Сергей Иванович, — окликнула женщина, — весы сдать надо.

— Сейчас помогу.

Кто он ей? Муж? Ой старше вдвое, если не втрое. Но не отец. Отца по имени-отчеству в этих краях не называют.

Лесник не хотел меня отпускать.

— Держи, — сказал он, протягивая мне чашку весов, уставленную кеглями гирь. Сам взял весы. Мария Павловна несла сзади пустые корзины. Она шла так, чтобы между нами был лесник.

— Маша, — спросил лесник. — Ты яйцами торговала?

Она не ответила.

— Я же тебе не велел брать. Не велел, спра-

шиваю?

— Я бритву хотела купить. С пружинкой. Вам же нужно?

— Дура, — сказал лесник.

Мы остановились у конторы рынка.

— Заходи, — сказал он мне.

— Я тоже, — сказала Маша.

— Подождешь. Ничего с тобой здесь не случится. Люди вокруг.

Но Маша пошла с нами и, пока мы сдавали весы и гири сонной дежурной, молча стояла у стены, оклеенной санитарными плакатами о вреде мух и бруцеллеза.

— Я вам деньги отдам, — сказала Маша, когда мы вышли, протягивая леснику кошелек.

— Оставь себе, — сказал Сергей Иванович. Мы остановились в тени за служебным павильоном. Лесник посмотрел на меня, приглашая продолжать рассказ.

— Яйца были необычными, — сказал я. — Крупнее куриных и цвет другой… Потом я увидел сон. Точнее я грезил наяву. И в этом сне была Мария Павловна. Там ее звали Луш.

— Да, — сказал лесник.

Он был расстроен. Ненависть ко мне, столь очевидная в первый момент, исчезла. Я был по-

мехой, но не опасной.

— Мотоцикл у ворот стоит, — сказал лесник Маше. — Поедем? Или ты в магазин собралась?

— Я в аптеку хотела. Но лучше в следующий раз.

— Как хочешь. — Лесник посмотрел на меня. — А вы здесь что, в отпуску? — Он стал официально вежлив.

— Да.

— То-то я вас раньше не встречал. Прощайте.

— До свиданья.

Они ушли. Маша чуть сзади. Она сутулилась, может, стеснялась своего высокого роста. На ней были хорошие, дорогие туфли, правда, без каблуков.

Я не сдержался. Понял, что никогда больше их не увижу, и догнал их у ворот.

— Погодите, — сказал я.

Лесник обернулся, потом махнул Маше, чтобы шла вперед, к мотоциклу.

— Сергей Иванович, скажите только, что за птица? Я ведь цыпленка видел.

Маша молча привязывала пустые корзины к багажнику.

— Цыпленка?

— Ну да, розовый, голенастый, с длинным

клювом.

— Бог его знает. Может, урод вылупился. От этого… от радиации… Вообще-то яйца обыкновенные.

Лесник уже не казался ни сильным, ни решительным. Он как-то ссохся, постарел и даже стал невзрачным.

— И яблоки обыкновенные?

— К чему нам людей травить?

— Таких здесь не водится.

— Обыкновенные яблоки, хорошие. Просто сорт такой.

Сергей Иванович пошел к мотоциклу. Маша уже ждала его в коляске.

Из ворот рынка вышел человек, похожий на арбуз. И неё он в руке сетку, в которой лежало два арбуза. Арбузы были ранние, южные, привез их молодой южанин, задумчивый и рассеянный, как великий математик из журнального раздела «Однажды…». Продавал он эти арбузы на вес золота, и потому бралн их неохотно, хотя арбузов хотелось всем.

— Сергей? — возопил арбузный толстяк. — Сколько лет?

Лесник поморщился, увидев знакомого.

— Как жизнь, как охота? — Толстяк поставил

сетку на землю, и она тут же попыталась укатиться. Толстяк погнался за ней. — Все к вам собираемся, но дела, дела…

Я пошел прочь. Сзади раздался грохот мотора. Видно, лесник не стал вступать в беседу. Мотоцикл обогнал меня. Маша обернулась, придерживая волосы. Я поднял руку, прощаясь с ней.

Когда мотоцикл скрылся за поворотом, я остановился. Арбузный человек переходил улицу. Я настиг его у входа в магазин.

— Простите, — сказал я. — Вы, я вижу, тоже охотник.

— Здравствуйте, рад, очень рад, — арбузный человек опустил сетку на асфальт, и я помог ему поймать арбузы, когда они покатились прочь. Мы придерживали беспокойную сетку ногами.

— Охота — моя страсть, — сообщил толстяк. — А не охотился уже два года. Можете поверить? Вы у нас проездом?

— В отпуске. Вы, я слышал, собираетесь…

— К Сергею? Обязательно его навещу! Тишь, природа, ни души на много километров. Чудесный человек, настоящий русский характер, вы меня понимаете? Только пьет. Ох, как пьет! Но это тоже черта характера, вы понимаете? Одиночество, он да собака.

— Разве он был не с женой?

— Неужели? Я и не заметил. Наверно, подвозил кого-то. А как он знает лес, повадки зверей и птиц, даже ботанические названия растений — не поверите! Вы не спешите? Я тоже. Значит так, купим чего-нибудь и ко мне, пообедаем. Надеюсь, не откажете…

4.

До деревни Селище, по шоссе, я ехал на автобусе. Оттуда попутным грузовиком до Лесновки, а дальше пешком по проселочной дороге, заросшей между колеями травой и даже тонкими кустиками. Дорогой пользовались редко. Она поднималась на поросшие соснами бугры, почти лишенные подлеска, и крепкие боровики, вылезающие из сухой хвои, были видны издалека. Потом дорога ныряла в болотце, в колеях темнела вода, по сторонам стояла слишком зеленая трава и на кочках синели черничины. Стоило остановиться, как остервенелые комары вливались в

щиколотки и в шею. На открытых местах догоняли слепни — они вились, пугали, но не кусали.

Охотник я никакой. Я выпросил у тети Алены ружье ее покойного мужа, отыскал патроны и пустой рюкзак, в который сложил какие-то консервы, одеяло и зубную щетку. Но маскарад не был предназначен для лесника, скорее он должен был обмануть тетю Алену, которой я сказал, что договорился об охоте со старым знакомым, случайно встреченным на улице.

Трудно было бы вразумительно объяснить — и ей, и кому угодно, себе самому, наконец, — почему я пристал к арбузному толстяку Виктору Донатовичу, добрейшему, ленивому чревоугоднику, живущему мечтами об охотах, о путешествиях, которые приятнее предвкушать, чем совершать; пришел к нему в гости, обедал, был любезен с такой же ленивой и добродушной его супругой, скучал, но получил-таки координаты лесника. Чем объяснить мой поступок? Неожиданной влюбленностью? Тайной — грезы, цыплята, яблоки, страх женщины, которой знакомо странное имя Луш, гнев лесника? Просто собственным любопытством человека, который не умеет отдыхать и оттого придумывает себе занятия, создающие видимость деятельности? Или недо-

говоренностью? Привычкой раскладывать все по полочкам. Или, наконец, бегством от собственных проблем, требующих решения, и желанием отложить это решение за видимостью более неотложных дел? Ни одна из этих причин не была оправданием или даже объяснением моей выходки, а вместе они неодолимо толкнули бросить все и уйти на поиски принцессы, Кащея, живой воды и черт знает чего. В оправдание могу сказать, что шел все-таки с тяжелым сердцем, потому что был гостем нежданным и, главное, нежеланным. Не нужен я был этим людям, неприятен. И будь я лучше, или хотя бы сильнее, то постарался бы забыть обо всем, так как сам отношу назойливость к самым отвратительным свойствам человеческой натуры.

…Дом лесника стоял на берегу маленького озера, в том месте, где лес отступил от воды. К дому примыкал сарай и небольшой огород, окруженный невысокими кольями, но-южному заплетенными лозой. Дом был стар, поседел — от серебряной дранки на крыше до почти белых наличников. Но стоял он крепко, как те боровики, что встречались на пути. У берега, привязанная цепью, покачивалась лодка. Порывами пролетавший над водой ветер колыхал осоку. Вечер

наступал теплый, комариный. Собиравшийся дождь пропитал воздух нетяжелой, пахнущей грибами и влажной листвой сыростью.

Я остановился на краю леса. Маша была в огороде. Она полола, но как раз в тот момент, когда я увидел ее, распрямилась и поглядела на озеро. Она была одна — Сергей Иванович, наверное, в лесу. Я понял, что могу стоять так до темноты, но не подойду к ней — ведь даже на рынке, в толпе, мои неосторожные слова заставил» ее заплакать. К конечно, не пошел к дому. Постоял еще минут пятнадцать, заслонившись толстым стволом сосны. Маша, кончив полоть, взяла с земли тяпку, занесла в сарай. Скрип сарайной двери был так четок, словно я был совсем рядом. Выйдя из сарая, она посмотрела в мою сторону, но меня не увидела. Потом ушла в дом. Начал накрапывать дождь. Он был мелок, тих и дотошен — ясно, что кончится нескоро. Я повернулся и пошел обратно, к Селищу. Я ведь никакой охотник и тем более никуда не годный сыщик.

Лес был другой. Он сжался, потерял глубину и краски, он уныло и покорно пережидал вечернюю непогоду. Над дорогой дождь моросил мелко и часто, но на листьях вода собиралась в крупные, тяжелые капли, которые, срываясь вниз, гулко

щелкали по лужам в колеях. Я выйду на шоссе в полной темноте, и неизвестно еще, отыщу ли попутку. И поделом.

Впереди затарахтел мотоцикл, и я не успел сообразить, кто это, и отступить с дороги, как Сергей Иванович, сбросив ногу на землю, резко затормозил.

— Ну здравствуй, — сказал он, откидывая с фуражки капюшон плащ-палатки. Будто и не удивился. — Куда идешь?

— Я к вам ходил, — сказал я.

— Ко мне в другую сторону.

— Знаю. Я дошел до опушки, увидел дом, Марию Павловну. И пошел обратно.

Крепкие кисти лесника лежали на руле. Фуражка была низко надвинута на лоб.

— И чего же обратно повернул?

— Стыдно стало.

— Не понял.

— Я узнал ваш адрес, взял ружье, решил к вам приехать, поохотиться.

— Так охотиться ехал или как?

— Поговорить.

— Раздумал?

— Когда увидел Марию Павловну одну, раздумал.

Лесник достал из внутреннего кармана тужурки гнутый жестяной портсигар, перетянутый резинкой, достал оттуда папиросу. Потом подумал, протянул портсигар мне. Мы закурили, прикрывая от дождя яркий в сумерках огонек спички. Лесник поглядел на дорогу впереди, потом обернулся. В лесу стоял комариный нервный звон, листва приобрела цвет воды в затененном пруду.

— Садись. Ко мне поедешь, — сказал лесник, откидывая брезент с коляски мотоцикла. — Я бы тебя до Селища подкинул, да не люблю Машу одну вечером оставлять.

— Ничего, — сказал я. — Дойду. Сам виноват.

Лесник усмехнулся. Усмешка мне показалась недоброй.

— Садись.

Коляска высоко подпрыгивала на буграх и проваливалась в колеи. Лесник молчал, сжимая зубами мундштук погасшей папиросы.

Маша услышала треск мотоцикла и вышла встречать к воротам. Лесник сказал:

— Принимай гостя.

— Здравствуйте, — сказал я, вылезая из коляски. Ружье мне мешало.

— Добрый вечер, — Маша смотрела на Сергея

Ивановича.

— Сказал: принимай гостя. Покажи, где умыться, человек с дороги. На стол накрой. — Он говорил сухо и подбирал будничные слова, словно хотел сказать, что я ничем не выделяюсь из числа случайных путников, если такие попадаются в этих местах. — В лесу встретил охотника, подвез. Куда человеку в такую темень до Селища добираться?

— Он не охотник, — сказала Маша. — Зачем он приехал?

— Ну, пусть не охотник, — согласился лесник. — Я мотоцикл в сарай закачу, а то дождь ночью разойдется.

— Я вас не стесню, — сказал я Маше. — Завтра с утра уеду.

— Так и будет, — сказал лесник.

Маша убежала в дом.

— Не обращай внимания, — сказал лесник, запирая сарай на щеколду. — Она диковатая. Но добрая. Пошли руки мыть.

В доме засветилось окно.

— У меня водка есть, — сказл я. — В рюкзаке.

— Это Донатыч подсказал?

— Он, — сознался я.

— А я второй год не пью И потребности не чувствую.

— Извините.

— А чего извиняться? В гости ехал. Ты не думай, я за компанию могу. Маша возражать не будет. Как тебя величать прикажешь?

— Николаем.

Рукомойник был в сенях. Возле него на полочке уже стояла зажженная керосиновая лампа.

— Электричества у нас нету, — сказал лесник. — Обещали от Лесновки протянуть. В сенокос бригада жить будет. Может, в будущем году при свете заживем.

— Ничего, — сказал я. — И так хорошо.

В комнате был накрыт стол: наверно, лесник возвращался домой в одно и то же время. Шипел самовар, в начищенных боках которого отражались огни двух старых, еще с тех времен, когда их старались делать красивыми, керосиновых ламп. Дымилась картошка, стояла сметана в банке, огурцы. Было уютно и мирно, и уют этого дома подчеркивал дождь. Дождь, стучавший в окно и стекавший по стеклу ветвистыми ручейками.

— Я эти стулья из города привез, — сказал лесник. — Мягкие.

— Хорошо у вас.

— Маше спасибо. Даже обои наклеил. Если бы Донатыч или кто из старых охотников сюда

нагрянул, не поверили бы. Да я теперь их не приглашаю.

На этажерке между окнами стоял транзисторный приемник. За приоткрытой занавеской виднелась кровать с аккуратно взбитыми, пирамидой подушками. К стене, под портретом Гагарина, была прибита полка с книгами.

— Водку доставать? — спросил я.

— Давай.

— Сергеи Иванович, — услышала нас Маша.

— Не беспокойся. Ты же меня знаешь. Как твой рыбник, удался?

— Попробуйте.

Может я в самом деле приехал сюда в гости? Просто в гости.

От сковороды с пышным рыбником поднимался душистый пар. Оказывается, я страшно проголодался за день. Маша поставила на стол два граненых стакана. Потом села сама, подперла подбородок кулаками.

— За встречу, — сказал я. — Чтобы мы стали друзьями.

Этого говорить не стоило. Это напомнило всем и мне тоже, почему я здесь.

— Не спеши, — сказал лесник. — Мы еще и не знакомы.

Он отхлебнул из стакана, как воду, и отставил стакан подальше.

— Отвык. — сказал он. — Ты пей, не стесняйся.

— Вообще-то я тоже не пью.

— Ну вот, два пьяницы собрались, — лесник засмеялся. У него были крепкие, ровные зубы, и лицо стало добрым. Там, в городе, он казался старше, суше, грубей.

Маша тоже улыбнулась. И мне досталась доля ее улыбки.

Мы ели не спеша, рыбник был волшебный, тетя Алена была посрамлена. Мы говорили о погоде, о дороге, как будто послушно соблюдали табу.

Только за чаем Сергей Иванович спросил:

— Ты сам откуда будешь?

— Из Москвы. В отпуске я здесь, у тетки.

— Потому и любопытный? Или специальность такая?

Я вдруг подумал, что в Москве, в институте, такие же, как я, разумные и даже увлеченные своим делом люди включили кофейник, который тщательно прячут от сурового пожарника, завидуют мне, загорающему в отпуске, рассуждают о той охоте, на которую должны выйти через две недели — на охоту за зверем по имени СЭП, что означает — свободная энергия поверхности.

Зверь этот могуч, обитает он везде, особенно на границах разных сред. И это его известная всем, но далеко еще не учтенная и не используемая сила заставляет сворачиваться в шарики капли росы и рождает радугу. Но мало кто знает, что СЭП присущ всем материальным телам и громаден: запас поверхностной энергии мирового океана равен 64 миллиардам киловатт-часов. Вот на такого зверя мы охотимся, не всегда, правда, удачно. И выслеживаем его не для того, чтобы убить, а чтобы измерить и придумать, как заставить его работать на нас.

— Я в НИИ работаю, — сказал я леснику.

А вот работаю ли?.. Скандал был в принципе никому не нужен, но назревал он давно. Ланда сказал, что в Хорог ехать придется мне. Видите ли, все сорвется, больше некому. А два месяца назад, когда я добился согласия Андреева на полгода для настоящего дела, для думанья, он этого не знал? В конце концов, можно гоняться за журавлями в небе до второго пришествия, но простое накопление фактов хорошо только для телефонной книги. Я заслужил, заработал, наконец, право заняться наукой. На-у-кой! И об этом я сказал Ланде прямо, потому что мне обрыдла недоговоренность, за которой скрывалась элементарная зависть. Что

бы он там ни говорил о необходимости, о долге, о кресте, который мы несем; о том, что каждый должен пахать не только свой огород, и так далее. А мне надоели чужие огороды… Словом, после этого разговора я знал, что в Хорог не поеду. И в институте не останусь…

— А я вот не выучился. Не пришлось. Может, таланта не было. Был бы талант, выучился.

Он пил чай вприкуску, с блюдца. Мы приканчивали по третьей чашке. Маша не допила и первую. Мной овладело размягченное, нежное состояние, и хотелось сказать что-нибудь очень хорошее и доброе, и хотелось остаться здесь и ждать, когда Маша улыбнется. За окном стало совсем темно, дождь разгулялся, и шум его казался шумом недалекого моря.

— На охоте давно был? — спросил Сергей Иванович.

— В первый раз собрался.

— Я и вижу. Ружье лет десять не чищено. Выстрелил бы, а оно в куски.

— А я его и не заряжал.

— Еще пить будешь?

— Спасибо, я уже три чашки выпил.

— Я про белое вино спрашиваю.

— Нет, не хочется.

— А я раньше — ох, как заливал. Маше спасибо.

— Вы сами бросили, — сказала Маша.

— Сам редко кто бросает. Правда? Даже в больнице лежат, а не бросают.

— Правда.

— Ну что ж, спать будем собираться. Не возражаешь, если на лавке постелим, Николай, все-таки как тебя по батюшке?

— Просто Николай. Я вам в сыновья гожусь.

— Ты меня старостью не упрекай. Может, и годишься, да не мой сын. Когда на двор пойдешь, плащ мой возьми.

Мы встали из-за стола.

— А вы здесь рано ложитесь? — спросил я.

— Как придется. А тебе выспаться нужно. Я рано подыму. Мне уезжать. И тебе путь некороткий.

И я вдруг обиделся. Беспричинно и в общем безропотно. Если тебе нравятся люди, ты хочешь, чтобы и они тебя полюбили. А оказалось, я все равно чужой. Вторгся без спроса в чужую жизнь, завтра уеду и все, нет меня, как умер.

Сверчок стрекотал за печью — я думал, что сверчки поют только в классической литературе. Лесник улегся на печке. Маша за занавеской. Занавеска доходила до печки, и голова Сергея

Ивановича была как раз над головой Маши.

— Вы спите? — прошептала Маша.

— Нет, думаю.

— А он спит?

— Не пойму.

— Спит вроде.

Она была права. Я спал, я плыл, покачиваясь, сквозь темный лес, и и шуршании листвы и стуке капель еле слышен был их шопот. Но комната тщательно собирала их слова и приносила мне.

— Я так боялась.

— Чего теперь бояться. Рано или поздно кто-нибудь догадался бы.

— Я во всем виновата.

— Не казнись. Что сделано, то сделано.

— Я думала, что он оттуда.

— Нет, он здешний.

— Я знаю. У него добрые глаза.

Слышно было, как лесник разминает папиросу, потом зажглась спичка, и он свесился с печи, глядя на меня. Я закрыл глаза.

— Спит, — сказал он. — Устал. Молодой еще. Он не из-за яиц бегал.

— А почему?

— Из-за тебя. Красивая ты, вот и бегал.

— Не надо так, Сергей Иванович. Для меня все

равно нет человека лучше вас.

— Я тебе вместо отца. Ты еще любви не знала.

— Я знаю. Я вас люблю, Сергей Иванович.

Легонько затрещал табак в папиросе. Лесник сильно затянулся.

Они замолчали. Молчание было таким долгим, что я решил, будто они заснули, но они еще не заснули.

— Он не настырный, — сказал лесник.

Хорошо ли, что я не настырный? Будь я понастырней, на мне никто никогда бы не пахал и Ланде в голову бы не пришло покуситься на эти мои полгода, — цепочка мыслей упрямо тянула меня в Москву…

— А зачем сюда шел? — спросила Маша.

— Он не дошел, повернул. Как увидел тебя одну, не захотел тревожить. Я его на обратном пути встретил.

— Я не знала. Он видел меня?

— Поглядел на тебя и ушел.

Опять молчание. На этот раз зашептала Маша:

— Не курили бы вы. Вредно вам. Утром опять кашлять будете.

— Сейчас докурю, брошу.

Он загасил папиросу.

— Знаешь, что. Маша, решил я. Если завтра он

снова разговор поднимет, все расскажу.

— Ой, что вы!

— Не бойся. Я давно хочу рассказать. Образованному человеку. А Николай — москвич, в институте работает…

Я неосторожно повернулся, лавка скрипнула.

— Молчите, — прошептала женщина.

Я старался дышать ровно и глубоко. Я знал, что они сейчас прислушиваются к моему дыханию.

5.

— Как спалось? — спросил Сергей Иванович, увидев, что я открыл глаза. Он был уже выбрит, одет в старую застиранную гимнастерку.

— Доброе утро. Спасибо.

Утро было не раннее. Сквозь открытое окошко тек душистый прогретый воздух. Сапоги лесника были мокрыми — ходил куда-то по траве. Топилась печь, в ней что-то булькало, кипело.

Я опустил ноги с лавки.

— Жалко уезжать, — сказал я.

— Это почему же? — спросил лесник спокойно.

— Хорошо тут у вас, так и остался бы.

— Нельзя, — сказал лесник и улыбнулся одними губами. — Ты у меня Машу сманишь.

— Она же вас, Сергей Иванович, любит.

— Да?.. Ты как, ночью не просыпался?

— Просыпался. Слышал ваш разговор.

— Нехорошо. Мог бы и показать.

Я не ответил.

— Так я и думал. Может, и лучше: не надо повторять. Путей отступления, как говорится, нету.

И он вдруг подмигнул мне, словно мы с ним задумали какую-то каверзу.

— Одевайся скорей, мойся, — сказал он. — Маша вот-вот вернется. На огороде она, огурчики собирает тебе в дорогу. Ей-то лучше, чтобы ты уехал поскорее. И — забыть обо всем.

— Огурчики обыкновенные? — спросил я.

— Самые обыкновенные. Если хочешь, в озере искупнись. Вода парная.

Я мылся в сенях, когда вошла Маша, неся в переднике огурцы.

— Утро доброе, — сказала она. — Коровы у нас нет. Сергей Иванович молоко из Лесновки возит. Как довезет на мотоцикле, так и сметана.

— Вы наверное росой умываетесь, — сказал я.

Маша потупилась, словно я позволил себе вольность. Но Сергей Иванович сказал:

— Воздух у нас здесь хороший, здоровый. И питание натуральное. Вы бы поглядели, какой она к нам явилась — кожа да кости.

Мы оба любовались ею.

— Лучше за стол садитесь, чем глазеть, — сказала Маша. Наше внимание было ей не неприятно. — А вы, Николай, причешитесь. Причесаться-то забыли.

Когда я вновь вернулся в комнату, Маша спросила Сергея Ивановича:

— Пойдете?

— Позавтракаем и пойдем.

— Я вам с собой соберу.

— Добро. Ты не волнуйся, мы быстро обернемся.

За завтраком лесник стал серьезнее, надолго задумался. Маша тоже молчала. Потом лесник вздохнул, поглядел на меня, держа в руке чашку, сказал:

— Все думаю, с чего начать.

— Не все ли равно, с чего?

— Ты, Николай, подумай. Может, откажешься. А то пожалеешь?

— Вы меня как будто на медведя зовете.

— Говорю: хуже будет. Такое увидишь, чего никто на свете не видал.

— Я готов.

— Ох, и молодой ты еще. Ну ладно, кончай, по дороге доскажу. Он снял с крюка ружье, заложил за голенище сапога широкий нож. Маша хлопотала, собирая нам в дорогу. Мне собирать было нечего.

— Я Николаю резиновые сапоги дам. — сказала Маша.

— Не мельтеши, — сказал Сергей Иванович добродушно. — Там сейчас сухо. Ботинки у тебя крепкие?

— Нормальные ботинки. Вчера не промок.

Маша передала леснику небольшой рюкзак. Он повесил его на одно плечо.

— А это анальгин. У Агаш опять зубы болят. Забыли небось?

— Забыл, — признался лесник, укладывая в карман хрустящую целлофановую полоску с таблетками.

— Может, Николаю остаться все-таки?

Я вдруг понял, что говорила она обо мне не как о чужом.

— Далеко не поведу. До деревни и обратно.

— Я вам там пряников положила. Городских.

— Ну, счастливо оставаться.

— Что-то у меня сегодня сердце не на месте.

— Без слез, — сказал лесник, присаживаясь перед дорогой. — Только без слез. Ужасно твоих слез не выношу. Откуда они только у тебя берутся?

Маша постаралась улыбнуться, рот скривился по-детски, и она слизнула скатившуюся по щеке слезу.

— Ну вот, — сказал лесник, вставая. — Всегда так. Пошли, Коля.

Маша вышла за нами к воротам. И когда я встретился с ней взглядом, мне тоже досталась частица сердечного расставания.

У первых деревьев лесник остановился и поднял руку. Маша не шелохнулась Мы углубились в лес, и дом пропал из виду.

Несколько минут мы прошли в молчании, потом я спросил:

— Далеко идти?

— Километра два… Жалею я ее. Люблю и жалею. Ей в город надо, учиться…

— А сколько Маше лет?

— День в день не скажу. Но примерно получается, что двадцать три.

— Но вы еще не старый.

— Куда уж. Пятьдесят шестой в апреле пошел.

Хочу в Ярославль Машу отправить. У меня там сестра двоюродная.

Мы свернули на малохоженную тропинку. Лесник шел впереди, раздвигая ветки орешника. Солнце еще не высушило вчерашний дождь, и с листвы слетали холодные капли.

Он сказал:

— Такое дело, что трудно начать. Если бы мы в городе заговорили, ты бы не поверил.

Мы перешли светлую, жужжащую пчелами душистую лужайку. Дальше лес пошел темный, еловый.

— Меня давно это мучает. Я как увидел, что ты под дождем обратно идешь, потому что Машу пожалел, я и решил, что расскажу.

— Давайте я рюкзак понесу. А то иду пустой, а у вас и ружье и груз.

— Ничего. Своя ноша не тянет.

Лес поредел. Стали попадаться упавшие деревья. Мы вышли на прогалину. Кто-то повалил на ней лес, но вывозить не стал.

— Не удивляет? — спросил лесник.

— Это ураган был? Но лес-то вокруг стоит!

— Ураганом так не повалит.

В центре лесосеки обнаружился небольшой бугор, заплетенный полусгнившими корнями.

Пробираться к нему пришлось, перепрыгивая с кочки на кочку через черные непрозрачные лужи. Низина, на которой лес был повален, заболотилась. Кочки поросли длинным теплым мхом, и нога проваливалась в него по колено. Я старался ступать в след леснику, но раз промахнулся, и в ботинок хлынула ледяная вода.

— Ну вот, — сказал лесник укоризненно. — Надо было нам с тобой Машу послушаться, сапоги надеть.

Мы выбрались на бугор. Земля на нем была голой, покрытой сероватым налетом, то ли пылью, то ли лишайником, скрывавшим хрупкие сучья и корни. Лесник разбросал груду валежника, и за ней под навесом переплетенных ветвей обнаружился черный лаз.

— Это я шалаш такой поставил, — сказал Сергей Иванович. — Лапник натаскал. Высохло — не отличишь. Теперь отдыхай.

— Я не устал.

— А я не говорю, что устал. Потом устанем.

Он зарядил ружье, подобрал лямки рюкзака, чтобы не мешался.

— Там зверь есть, — сказал он. — Некул. Слыхал о таком?

Лесник нырнул в черный лаз, зашуршал ветка-

ми, сверху посыпались рыжие иглы.

— Ты здесь, Николай? — услышал я его голос. — Иди за мной. Темноты не бойся. А как схватит тебя, тоже не робей. Зажмурься Слышишь?

Я пригнулся и пошел за ним, выставя вперед руку, чтобы ветки не попали в глаза. Впереди была кромешная тьма.

— Сергей Иванович! — окликнул я.

Его не было.

Тьма впереди была безмолвной и бездонной. Она не принадлежала к этому лесу, она была первобытна, бесконечна, и я не смог бы сравнить ее, например, с входом в глубокую шахту, хотя бы потому, что шахта или трещина в горе обещают конечность падения — брось камень и когда-нибудь услышишь стук или плеск воды. А здесь я, даже ничего не видя, знал, что темнота беспредельна.

И я не мог решиться сделать шаг. Я понимал, что лесник уже Там. Что он ждет меня. Может быть, посмеивается над моим страхом. Где был лесник?.. Я в тот момент об этом не думал, но в то же время понимал, что это не просто пещера, что лесник не притаился в темноте, а был там, за черной завесой… Бред какой-то! Вот сейчас, вот-вот, он вернется спросит с насмешкой: «Ну чего же ты, Николай?..» И я сделал шаг вперед.

И в то же мгновение земля исчезла из-под ног, я оторвался от нее и перестал существовать, потому что темнота не только сомкнулась вокруг меня, но и превратила меня в часть себя, растворила и понесла со стремительностью, которую можно ощутить, но невозможно объяснить или просчитать. В таких случаях старые добротные

романисты писали нечто вроде: «Мое перо отказывается запечатлеть...».

Все это продолжалось мгновение, хотя отлично могло продолжаться год, а если бы кто-нибудь сказал мне, что меня несло сквозь темноту три с чем-то часа, я тоже поверил бы.

Но очнулся я в том же шалаше — с той лишь разницей, что впереди был свет и на его фоне я увидел силуэт Сергея Ивановича — он пригнулся, стараясь разглядеть меня.

— Прибыл? — спросил он. — А я уж собирался идти за тобой.

Он протянул мне руку. Я выбрался наружу. Густой кустарник подходил почти к самому шалашу. Сергей Иванович отошел на несколько шагов, поставил ружье между ног, достал папиросы, протянул мне, закурил, сплющив мундштук крест-накрест.

— Обернись, — сказал он.

Я не сразу понял, в чем дело. Мы подходили к шалашу по заболоченной лесосеке. А здесь за шалашом начинались густые, колючие, скрюченные, почти без листьев кусты. И ни одного поваленного дерева, ни кочки, ни мха, ни воды — никакого болота.

— Не понимаешь? Я в первый раз тоже не

понял, — сказал лесник. — Шалаш я потом соорудил. А тогда, в первый раз, прямо в дыру шагнул… И провалился.

6.

За спиной лесника стояла сосна. Не сосна — старое, раздвоенное, подобно лире, дерево со стволом сосны, но вместо игл на ветвях — мелкие узкие листья. На коре была глубокая зарубка, затекшая желтой смолой.

— Это чтобы дорогу обратно найти, — сказал Сергей Иванович. — Такого второго дерева поблизости нету. Вход в шалаш видишь?

Под сучьями и пожухлой листвой чернело пятно входа. Сергей Иванович подобрал разбросанные у шалаша ветки и свалил беспорядочной грудой, маскируя вход.

Было нежарко, но ветер казался сухим и листва была покрыта пылью. В ботинке у меня еще хлюпало.

— Путь один, — сказал лесник. — Через шалаш.

Хочешь — проверь.

— Как? — на меня навалилась необъяснимая тупость.

— Обойди, — сказал лесник.

Я обошел шалаш. Он был спрятан в гуще кустов: приходилось нагибаться или отводить рукой ветви. Гудел жук, сквозь листву проглядывало блеклое небо. Я обернулся. Лесник шел за мной, держа ружье на сгибе руки. С задней стороны шалаш был завален сучьями. В щелку между ними я увидел все то же небо.

— Убедился? — спросил Сергей Иванович. — Нет здесь никакого болота. И ни одной елки в округе.

— Убедился, — сказал я.

— Ты здесь со мной, как на выставке с экскурсоводом. А каково мне было в позапрошлом году? Один я был. И знаешь — струсил. Побежал обратно, а дыру потерял. Наверное полчаса по кустам лазил. Ведь я свой лес как пять пальцев знаю. А вижу — не тот лес…

Мы снова вышли на открытое место, перед шалашом. Леснику хотелось, чтобы я понял, каково ему было тогда:

— Я, наверно, тысячу раз тем болотом проходил. Там лисья нора была, — он показал папиросой в

сторону шалаша. — На краю низины. Я всю их-нюю лисью семью в лицо узнавал. Краем ходил, а вот на бугор не ходил. Какое-то неладное место, даже не объясню почему. И сейчас уж не помню, зачем меня в этот бурелом понесло. Вижу, черне-ется. Как берлога. Но пусто, знаю, что пусто.

— Слушайте, Сергей Иванович, — перебил его я. — А лес когда был повален?

— Лес? Не знаю. Давно. Значит, сунулся я в дыру, меня подхватило, не пойму, то ли медведь, то ли это смерть меня заграбастала. Но обошлось, жив. Вылезаю — дождь идет. А по нашу сторону до-ждя-то не было… Понимаешь, меня подо Ржевом контузило, еще в сорок первом. Голова до сих пор побаливает. Я решил — вот тебе и последствие…

Порыв сухого ветра пронесся по кустам, они словно забормотали, заскребли ветвями, зашеп-тались сухими листьями.

Сергей Иванович бросил папиросу, загасил ее каблуком. Я заметил, что неподалеку валялось еще несколько окурков, старых, серых — мунд-штуки у всех одинаково сплющены.

— Пойдем, — сказал Сергей Иванович. — По дороге поговорим. Дела у меня здесь. Люди ждут.

Мы прошли краем широкого поля, заросшего незнакомой высокой травой, по которой вол-

нами гулял ветер, и там, где он пригибал траву, она поворачивалась светлой стороной. Светлые волны бежали к кустам, и казалось, что мы идем по берегу моря.

— Под ноги посматривай, — предупредил Сергей Иванович, — здесь гадов много.

Трава пахла парфюмерно и тяжело. Трава так пахнуть не должна. Где же мы? В саванне? В сельве?..

— Я долго голову ломал, — сказал лесник. — Куда меня угораздило провалиться. В Австралию, что ли? Земля-то круглая?

Последние слова прозвучали вопросом. Сомнение родилось не от невежества, а от избыточного опыта.

— Так и представил себе дырку сквозь весь шарик. Потом передумал.

Ружье вдруг взлетело в его руке и дернулось. Я вздрогнул. Выстрел был короток и негромок — кусты сглотнули эхо. В кустах затрещали ветки и упало что-то тяжелое.

— Спа-койно, — сказал лесник. Он достал патрон, перезарядил ружье и только потом, приказав мне жестом оставаться на месте, вытащил из-за голенища нож и шагнул в кусты.

Теперь он был другой, вернее, уже третий

человек. Первого — неуклюжего, староватого, неловкого — я увидел на рынке, в городе. Второй — добрый, домовитый, сильный — остался в доме, с Машей. А третий оказался сухим, ловким и быстрым. Этот, третий, стрелял.

— Коля, — позвал лесник из кустов. — Иди-ка сюда. Погляди, кого я свалил.

Подмяв длинные стебли, лежал большой серый зверь. У него были неправдоподобно длинные ноги, тонкие для крепкого мохнатого торса, и вытянутая вперед, как у борзой, но куда более массивная, почти крокодилья, морда с оскаленными, желтыми клыками.

— Уже прыгнул, — сказал лесник. — Повезло нам, что с первого выстрела взяли. Они живучие.

— Кто это?

— Нскул. Говорят, они домашние раньше были, как собаки. Одичали потом, когда сукры пастухов разорили. А теперь нскул хуже волка. Человека знают, не любят. На человека охотятся.

Лесник ломал ветки, забрасывая ими некуда.

— Скажу своим. Потом заберут. Где-то логово близко. На меня один уже бросался — крупней этого.

— Они по одному ходят?

— Только зимой в стаи собираются… Не бойсь.

Тропа петляла среди редких остролистых деревьев, обогнула неглубокую обширную впадину, заросшую рыжими колючками. Из-за них выглянули концы обгорелых балок.

— Тут раньше жили, — сказал Сергей Иванович. — Так вот, я ведь человек, можно сказать, обыкновенный. Образования не пришлось получить, но повидал всякое. Всю войну прошел. Разные страны повидал. И по-всякому жизнь поворачивалась. Так что не спеши меня судить. Тебе вот сейчас кажется: проще простого — увидел в лесу дыру, другая обстановка, беги, сообщай куда следует, умные люди разберутся. А ведь все же не так просто…

Мы спустились в лощину, по дну которой протекал узкий ручей. Через него было переброшено два бревна.

— Дождей что-то давно не было, — сказал лесник, так говорят о засухе у себя дома, в деревне. — Сперва я хотел раскусить, что к чему. Ведь не в городе живу, там до милиционера добежал — взгляните, гражданин начальник. Значит, езжай в город, за тридцать километров, иди по учреждениям, пороги обивай. А не поверят? Я бы и сам не поверил, и насмешек боюсь. Потому

вообще отложил. Увидишь, почему. Можешь — поймешь. Теперь твоя очередь, ты и решай. Только сначала погляди, пойми все, потом решай. Я подозреваю, что не Земля это. Понятно? Чего глядишь как черт на богородицу?

— Почему вы так думаете?

— Звезды не такие и сутки короче. На час, да короче. И другие данные есть… Охотники ко мне тогда еще приезжали. Не столько наохотятся, сколько водки переведут. Один преподаватель там был, из области, я с ним теоретически побеседовал. Я его и так и этак допрашивал, а про дыру ни ни. Я ему: «а если бы так и так?» А он в ответ: «В твоем алкогольном бреду, Сергей, ты видел параллельный мир. Есть такая теория». Сам подливает, а я, значит, в бреду… Слушай. Николай, ты о параллельных мирах слыхал? Как наука на них смотрит?

— Слыхал. Никак не смотрит.

— Будто это такая же Земля, только на ней все чуть иначе. И таких Земель может быть сто… Стоп. Отойди-ка, друг, в сторонку. В кусты. А то испугаешь.

В том месте тропа сливалась с пыльной проселочной дорогой. Послышался скрип колес. Сергей Иванович вышел на дорогу и свистнул. В ответ

кто-то сказал: «Эй». Скрип колес оборвался.

Как бы какой-нибудь ндкул не догадался, что я здесь, в кустах, безоружный. Лесник и добежать не успеет. Кора дерева была черной, шершавой. Золотой жучок с длинными, щегольски закрученными усами остановился и стал ощупывать ими мой палец, загородивший дорогу. Параллельный мир… Почему-то меня занимала не столько сущность этого мира, говорить о котором можно будет лишь потом. Я думал о дыре. О двери на болоте. То есть о феномене, который очевиден! В чем сущность этого перехода? Короток ли он, как сам шалаш, или бесконечно длинен? Откуда ощущение падения, невероятной скорости? Занавес или туннель, протянувшийся в пространстве? От природы этой двери зависит и принцип мира, в который мы попали. Если допустить, что это мир параллельный, то о его расположении в пространстве бессмысленно гадать. Если же это мир, существующий в нашей, допустим. Галактике, то каково искривление пространства? Никогда бы не подумал, что придется ломать голову над такими вещами!

— Николай, — окликнул с дороги лесник. — Пойди сюда.

— Иду.

7.

В пыли, скрывавшей, будто утренний туман, колеса, возвышалась арба, запряженная нарой маленьких, заморенных — ребра наружу — носорогов. Туловища у носорогов были необычно поджарые, холки потерты ярмом, ноги мохнатые. Серая, ироде собачьей, шерсть облезала клочьями. Над носорогами кружились слепни. У арбы стоял мужчина в серой домотканной одежде, мешком опускавшейся до колен. Он был бос. Увидев меня, он поднял свободную от поводьев руку и приложил к груди. Редкая клочковатая бородка казалась нарисованной неаккуратным ребенком. Зеленые глаза настороженны.

— Приятель мой, — сообщил лесник. — Зуем звать. Я ему сказал, что ты — мой младший брат. Не обидишься?

Зуй переступил босыми ногами по теплой мягкой пыли. Сказал что-то.

— Говорит, что спешить надо. Садись в телегу.

Рюкзак лесника валялся в арбе, на грязной соломе. Я вскарабкался и сел, подобрав ноги. Носороги мерно махали хвостами, отгоняя слепней.

За телегой тянулось облако пыли, арба тащилась медленно, налетевший сзади ветер гнал пыль на нас, и тогда лесник и Зуй скрывались в желтом тумане. Мы ехали мимо скудного, кое-как засеянного поля. На горизонте поднимался столб черного дыма.

— Что это? — спросил я, но Зуй с лесником были заняты разговором и не услышали.

Было в этом что-то от кошмарного сна с преувеличенной точностью деталей — ты понимаешь, что такого быть не может, но стряхнуть наваждение нет сил, и даже растет любопытство, чем же закончится этот нелепый сюжет. Внизу, поднимаясь из пыли, покачивались серые спины носорогов…

— Зуй говорит, вчера приходили сукры, искали меня. — сказал лесник, разминая папиросу.

— Сукры? — уже второй раз я слышал это слово.

— Здешние стражники.

— Чего они стерегут?

— Потом расскажу. Ты учти, Николай: для всех я за лесом живу. Будто там другая страна, но вход

в нее запрещенный. Про дверь они, конечно, не знают. Не хотел бы я, чтоб кто из сукров к нам забрался. Помнишь, как Маша на рынке испугалась? Подумала сперва, что ты отсюда.

— А она здесь была?

— Была, была. Конечно была. Не о ней речь. Как быть со всем этим?

— И все-таки, Сергей Иванович, я с вами не согласен. Можно настоять на своем, привести в лес специалистов. Организовали бы…

— Погоди, — лесник закурил, Зуй опасливо поглядел на дым, идущий из рта лесника. — Не могут привыкнуть. Я здесь стараюсь не курить, чтобы суеверия не развивать. И так уж черт те знает чего придумывают. Так вот, ты говоришь: добился бы, организовали бы. Ну ладно, а что дальше? Мне-то будет от ворот поворот. Простите, Сергей Иванович, с вашей необразованностью и алкогольным прошлым, позвольте вам отправиться на заслуженный покой.

— Ну зачем же так.

— А затем. Я бы на месте ученых так же бы рассудил. Этот Сергей Иванович только всю картину портит. Бегает, путает… А ведь ученые тоже не все поймут.

— Чего же они не поймут? — я постарался улыб-

нуться.

— Жизни им не понять. Мои-то без меня куда? Маша, Зуй, другие? Они же надеются. Если в соседний дом бандюга залез, с ружьем, что будет умнее — бежать, спасать людей или размышлять: «А вдруг он меня из ружья пристрелит?»

— Вряд ли это аргумент. Соседний дом живет по тем же законам, что и ваш. А представьте, что в другой стране…

Лесник выбросил в пыль папиросу.

— Не будем спорить. Я тебя для того и позвал, чтобы ты поглядел, какие здесь бандиты. А если со мной что случится, сам отыщешь…

Арба подпрыгивала на неровностях дороги, пыль скрипела на зубах, в кустарнике у дороги шевелилось что-то большое и темное, кусты трещали и раскачивались, но ни лесник, ни Зуй, не обращали на это внимания.

— Что там? — спросил я.

— Не знаю, — признался лесник. — Иногда бывает такое шевеление. Я как-то хотел поглядеть, а они не пустили. Нельзя близко подходить. А если не подходить, то неопасно.

— Неужели вам не захотелось выяснить?

— Если все выяснять, жизни не хватит… Тебе в соседнем городе все ясно?..

Минут пять мы ехали молча. Потом я спросил:

— А откуда Зуй знал, что мы придем?

— Я на той неделе здесь был. Без предупреждения лучше в деревню не соваться. Сукров можно встретить. Меня они не любят.

Мы догнали стадо. Четыре однорогих, лохматых скотинки плелись по пыли, окруженные кучкой каких-то зверюшек. Голый мальчишка бегал, стегал скотину по бокам, чтобы не мешали нам проехать. Вдруг он замер, увидев меня.

— Курдин сын, — сказал мне лесник. Вытащил из верхнего кармана гимнастерки кусок сахара и кинул его мальчишке.

Кусок сахара сразу перекочевал за щеку пастуху.

— В школу бы ему, — сказал лесник. — Все думал, может, его к нам взять.

— Вы бы, наверно, не только его взяли, — сказал я.

— И не говори. Может, возьму еще…

Дорогу пересекал забор из жердей. Зуй, передав вожжи леснику, спрыгнул с арбы и оттащил несколько жердей в сторону, чтобы освободить проезд. Ставить их на место не стал, за нами шло стадо. Арба перевалила пригорок, и спереди появилась деревня.

Она была обнесена тыном и защищена широким, но, видно, мелким, заросшим ряской рвом. Через ров вел бревенчатый мостик. Ворота в тыне, когда-то прочные, мощные, были полуоткрыты, накренились, уперлись в землю углами.

— Эй! — крикнул Зуй, придерживая носорогов у мостика.

Никто не откликнулся. Деревня словно вымерла. Носороги замешкались, Зуй хлестнул их кнутом. Носороги дернули арбу, она въехала на мост, бревна зашатались, словно собирались раскатиться.

Мы оказались на пыльной, утоптанной площади, на которую со всех сторон глядели, распахнув черные рты дверей, голодные, неухоженные хижины, словно птенцы в гнезде, отчаявшиеся дождаться кормилицу. С тына и соломенных, конусами, крыш взлетели серые птицы и принялись кружить над нами и сухим корявым деревом, возле которого мы остановились.

8.

Я знал эту деревню. Она пригрезилась мне на пляже, только я видел ее тогда сверху. И дерево видел.

И человека, висящего на толстом, длинном суку.

Порыв горячего, сухого ветра качнул тело, и оно легко, словно маятник, полетело в нашу сторону. У меня схватило сердце.

Лесник, соскакивая с арбы, подставил руку, и я понял, что это не человек — кукла в человеческий рост, чучело с грубо намалеванным на белой тряпке лицом — два пятна глаз, полоска рта и вертикально к ней — полоса носа. Так рисуют дети.

— Это я, — усмехнулся лесник. — Это меня повесили. Так сказать, заочно, на устрашение врагам.

— Кто повесил?

— Сукры. Давно повесили, весной еще.

Зуй привязал вожжи к стволу. Лесник сиял с арбы рюкзак.

— Очень мною недовольны, — сказал лесник не без гордости. — Вот и пришлось куклу сооружать. Наглядная агитация.

— А почему здесь пусто? — спросил я.

— А кому здесь быть? Какие бабы остались и старики — в поле. Мужиков, кто не скрылся, забрали в гору. Сам понимаешь…

Лесник закинул ружье за плечо и пошел к одному из домов. Я последовал за ним в раскрытую дверь и окунулся в тяжелый, затхлый воздух. Было темно, лишь через дыру в крыше падал свет. Лесник опустил рюкзак на землю.

— День добрый, — сказал он.

Ответа не было. Под стрехой завозилась птица, и оттуда, сверкнув в косом луче света, ко мне спланировало знакомое розовое перышко.

— Как дела? — спросил в темноту лесник.

— Добри день, Серге, — произнес знакомый мне, глубокий, чистый голос. — Как ехал?

Глаза начали привыкать. Лесник поставил ружье в угол, прошел в дальний конец хижины и наклонился над кучей тряпья.

— Хорошо доехал, — сказал он. — Я с братом приехал. Как живешь, Агаш?

— Живу, — ответил тот же голос. — Где брат?

— Иди сюда, Николай, — сказал лесник. — С

теткой познакомься.

В куче тряпья полулежала старуха в темной рубахе. Седые волосы были гладко зачесаны, лицо почти без морщин. Тетя Агаш была как две капли воды похожа на мою тетю Алену. Только без очков. Она должна была сейчас улыбнуться и спросить с неистребимой иронией учительницы, знающей, что я не выучил урок: «Без подсказки не можешь?»

— Подойди ближе, — сказала старуха. Она протянула ко мне тонкую сухую руку и дотронулась до лица. Мизинец и безымянный пальцы были отрублены.

— Она не видит, — сказал лесник.

— Твое лицо мне знакомо, — сказала тетя Агаш. — У меня был племянник с твоим лицом. Он взял меч. Его убили, он был умный.

— Я зажгу свечу, — сказал лесник. — Здесь у тебя темно.

— Помнишь, где лежат свечи? Как живет Луш?

Я обернулся к леснику. Лесник зажигал свечу.

— Луш передает тебе привет и подарки, — сказал он.

— Спасибо. Мне ничего не надо. Зуй меня кормит.

Вошел Зуй, он с грохотом ссыпал у глиняного

очага посреди хижины охапку дров.

— Будете пить, — сказала тетя Агаш. — Устали. У меня нет ног, — добавила она, повернув ко мне лицо. — Зуй, сделай.

— Агаш по-русски почти как мы с тобой говорит, — сказал лесник. — Одни раз слово услышит и уже помнит. Ты ихнего настоя много не пей. Полчашки и хватит с непривычки. Но бодрость дает.

— Яблоки, яйца — это отсюда?

— Отсюда. Что обыкновенное, я Маше не запрещаю. С деньгами у нас не богато. А ведь здешним помогать надо. Но яйцами я не велел торговать. Строго запретил Из них купу делают — такое лекарство. Но ты же Машу знаешь — своенравная.

В очаге трешали сучья, и на лицо тети Агаш падали отсветы пламени.

Агаш протянула руку за нары, на которых сидела, и достала оттуда две эмалированные кружки. Кружки были наши, обыкновенные. Сергей Иванович сказал:

— Мы сюда много принести не можем. Опасаемся.

— Да, — сказала тетя Агаш. — Нам опасно богатство. Чашки чистые. Курдин сын мыл в горячей воде. Серге боится синей лихорадки. Много людей

умерло от синей лихорадки.

— Не за себя боюсь, — сказал лесник. — К нам туда боюсь инфекцию занести.

— Сейчас нет лихорадки, — сказала Агаш. — В нашем роду никто не умер. Серге принес круглые камни.

Я не понял, обернулся к леснику.

— Таблетки принес, — сказал Сергей. — Отправился, понимаешь, в аптеку. Знания у меня в масштабе журнала «Здоровье» — я выписываю. Аспирин взял, тетрациклину немножко, этазол. С антибиотиками я осторожность проявлял, чтобы побочных эффектов не было. Каждую таблетку пополам ломал. Ничего, обошлось.

— Ну, знаете, — сказал я. — Порой я удивляюсь. Вы взрослый человек. Вы же могли повредить. Организмы…

— Я не мог глядеть, как люди помирают, — отрезал лесник.

В его поступках была определенная логика, но правильна ли она?

Я взял кружку с настоем. Настой был теплым, пряным. На дне кружки лежали темные ягодки.

— Пей, не спеши, — сказал лесник. — Я тут человека жду.

Словно услышав его, в хижину вошел человек.

Агаш сказала что-то строгим голосом тети Алены.

— Сердится, что без предупреждения пришел, — пояснил лесник. — А чего сердится? Кривой всегда так. Конспиратор.

Высокий одноглазый мужчина в коротком черном балахоне, подпоясанном ремнем, на котором висел короткий меч, поклонился Агаш. Лесник поднялся и, прижав руку к — сердцу, подошел к пришедшему. Кривой заговорил быстро, швырял словами в лесника. Все замерли.

Лесник переспросил его, на несколько секунд задумался. Потом сказал со злостью, по-русски:

— Говорил же я, предупреждал! Ну что ты будешь делать? — Взгляд скользнул по моему лицу. Но вопрос относился не ко мне. — Я иду. А то их как котят передушат.

— Что случилось? — спросил я.

— Мой брат останется здесь. — лесник подтянул ремень гимнастерки. Остальные молчали. Смотрели из меня. Я был обузой, помехой.

— Вы надолго? — спросил я. Первой реакцией было не согласиться: если все идут, значит и я иду. И в ту же минуту я понял, что надо слушаться Сергея Ивановича, как слушаются проводника в горах. Только неясно, сам-то он знает дорогу?

— Ненадолго, — оказал лесник. — Осложнение получилось. Если что, сам найдешь, куда идти? Дорогу не забыл?

— Может, все-таки с вами?

— По незнанию еще чего натворишь. Ружье тебе оставлю. С ружьем мне нельзя.

— Почему?

— А если оно им в лапы попадет? У меня и так на совести всего достаточно.

9.

— Дай мне кружку Серге, — сказала тетя Агаш. — Я допью. Я передал ей теплую кружку.

— Можно я выйду, погляжу вокруг?

— Не ходи далеко, — сказала слепая. — Тебя нельзя видеть.

Я вышел на свежий воздух. Повозка уже переехала мостик и удалялась по дороге, окутанная пылью. Ветер раскачивал куклу. Полоска рта улыбалась. Я заглянул в соседнюю хижину. В ней стоял запах пыльного сена. Одно из бревен потол-

ка рухнуло, и полоса света со взвешенными в ней пылинками лежала на полу, усеянном черепками и щепками. Деревня была наполнена звуками, рожденными ветром, — скрипели жерди и доски, шелестел сор в узкой щелк между домами. Звуки эти были пустыми, нежилыми.

Да, это тебе не просто другой континент. Параллельный мир? Я представил себе, как заезжий охотник, разморенный теплом и водкой, снисходительно растолковывает леснику невесть откуда выкопанную идею о параллельных мирах. Если бы знать, где я, может быть, стало бы яснее, как себя вести. Быть бы устроенным, как Сергей: ему все равно — где…

В трещине глинобитного пола росли грибы. На длинных белых ножках, со шляпками-колпачками, хилые и скучные. Я сорвал одни из грибов, он раскачивался в пальцах… А какие, кстати, грибы в сельве?

Я даже улыбнулся. Меня забавляла косность собственного мышления. Ему подавай какое-нибудь объяснение, которое можно было бы втиснуть в пределы понятного. А если я в понятной сельве? Что тогда изменится? Ветер, ударив, скрипнул задней дверью. В щели виднелась зелень, подсвеченная солнцем.

Я подошел к двери. Она не поддалась. Петли проржавели, словно ею никто не пользовался уже много месяцев. Я шагнул и прошел сквозь стену. Между хижиной и тыном заостренные концы которого поднимались над зеленью, расположился тесный и узкий палисадник тети Алены: несколько кустов и корявая яблоня с зелеными маленькими яблоками. Вспугнутая ворона тяжело и нехотя поднялась с яблони.

Здесь был иной воздух — влажный, ароматный от знакомых земных флоксов, лилий и георгин, поднимавшихся в беспорядке над высокой травой. У одинокого цветущего картофельного куста забредший сюда розовый цыпленок глядел на меня удивленно и осуждающе — кто приглашал тебя? Пчела поднялась с мальвы и, проследив за ее полетом, я увидел в дальнем конце палисадника девушку. Она сидела на высоком венском стуле и читала растрепанную книжку. Девушка была в синем длинном, до самой земли, платье. На голове — белая наколка с красным крестом и белая повязка с таким же крестом на рукаве. Пчела пролетела совсем рядом с ее лицом, и девушка отмахнулась от нее, но не поаняла глаз от книги. Надо было напомнить ей, что уже пора собираться, но почему-то я снова оказался на площади.

Там было пустынно. Ворона сидела на голове повешенной куклы, держа в клюве маленькое зеленое яблоко. Я вернулся к тете Агаш.

— Это ты, младший брат? — спросила она.

— Далеко они поехали?

— В лес. К людям.

— Я ничего не знаю.

— А что можно о нас знать? Зачем хорошо живущим знать о тех, кто живет плохо?

— А мой брат?

— Он знает. Но иногда он как ребенок, он хочет хорошо, а не понимает, что потом будет плохо. Не понимает самых простых вещей. Тебе ясно, мальчик?

— Может быть. А как Сергей к вам пришел?

— Он не сказал тебе?

— Я был далеко. Я вчера к нему приехал.

— Это было давно. — сказала тетя Агаш. Очаг догорал и дымил. — Мои брат был в лесу. На него напал некул. Ты знаешь некула?

— Я видел.

— Серге убил некула. Мой брат долго болел. Он сказал Серге «моя жизнь — твоя жизнь». Ты понимаешь?

— Понимаю.

— Мой род взял Серге. Но сукры могли узнать.

Нельзя брать в род чужого. Серге не хотел жить у нас. Он уходил. Никто не говорил сукрам про Серге. Закон сукра нарушил — смерть. Но закон рода нарушил — тоже смерть. Ты понимаешь?

— Понимаю.

— В тот год была лихорадка. Много людей умерло, а много бежало в лес. Когда пришли сукры, не было мужчин, чтобы сторожить ворота. Сукрам нужны были новые люди. Мой сын погиб. Мой брат был убит на пороге дома. Меня бросили умирать, кому нужна старуха? И когда пришел Серге и принес лекарство, мало осталось людей, чтобы есть лекарство. И я сказала Серге: твой брат, мой брат — мертв. Ты мой брат. Ты возьми его дочь Луш. Ты найди сукра, который убил брата, и убей сукра. И все, кто слышал, сказали: «Это нельзя, это запрещает закон. Нас всех убьют». И Серге сказал: «Законы придумали люди. И они их меняют».

— И он убивал?

Мне хотелось, чтобы старуха ответила: «Нет. Сергей не имел права судить и казнить. Даже если ему казалось, что это право дает ему справедливость».

— Он сказал: «Если я убью сукра, придет другой сукр. Только все вместе люди могут прогнать их».

— Правильно. Это ничего не решает.

— А мы ждем, — сказала старуха. — И нас все меньше.

Где-то далеко, за пределами деревни, возник низкий, протяжный звук, словно кто-то отпустил струну контрабаса. Агаш осеклась, невидящие глаза смотрели туда, откуда пришел звук. Пальцы вцепились в тряпку, прикрывавшую колени.

— Что это? — спросил я.

— Трубы, — сказала старуха. — Ты должен уходить. Серге так сказал.

— А где Сергей? Где я найду его?

— Серге в лесу. Они ищут Серге. Уходи. Нельзя спорить с силой…

Звук контрабаса донесся снова. Чуть ближе. Или мне показалось, что ближе?

— Агаш-пато! Агаш-пато!

Вбежал, запыхавшись, мальчишка-пастух, он размахивал кулаками, помогая себе говорить. Старуха слушала, не перебивая. Потом протянула руку. Мальчишка разжал кулак. Там был комочек бумаги. Я расправил его. На листке, вырванном из записной книжки, было крупно, косо, написано:

«Николай, быстро уходи. Не вернусь — позаботься о Маше. Я у нее один. Это приказ».

— Ты уходишь? — спросила Агаш.

Я посмотрел на часы. Чуть больше часа прошло с тех пор, как лесник ушел с мужчинами. Я не мог вернуться один.

— Уходи быстро. — сказала Агаш. — Курдин сын выведет тебя.

— А вы?

Она показала на черную щель позади нар:

— Я спрячусь в яме.

— Я пойду к Сергею, — сказал я. — Он мой брат.

Мальчик топтался у входа, будто хотел убежать, но не смел.

Старуха что-то сказала ему. Потом обернулась ко мне.

— Иди к Серге. Ты мужчина. Я не хочу, чтобы его убили.

— Спасибо, тетя Алена, — сказал я.

Мы выбрались через дыру в стене одной из хижин, сквозь щель в тыне сбежали с холма, вброд перешли мелкий ров и пустились по стерне к голым вершинам скал, торчавшим из далекого леса. Было жарко. Пот стекал по спине, ружье стало тяжелым и горячим. Пыль оседала на мокром от пота лице и попадала в глаза.

Мальчишка бежал впереди, иногда оборачивался, чтобы убедиться, что я не отстал. Страшно худые, раздутые в коленях ноги, мелькали в пы-

ли, волосы стегали пастуха по плечам.

Снова донесся звук трубы, утробный и зловещий. Так близко, словно кто-то невидимый стоял разом. Мальчишка пригнулся и бросился к лесу, петляя как заяц. Вторая труба откликнулась слева. Я побежал за пастухом. Лес приближался медленно, мальчишка далеко опередил меня.

Спереди, оттуда, куда бежал пастух, послышался крик. Я приостановился, но шум в ушах и стук сердца мешали слушать. Кто кричал? Свои? Я был эаесь от силы три часа, но уже делил этот мир на своих и чужих.

Когда я, пригибаясь, добежал до леса, мальчишки нигде не было. И тогда мне стало страшно. Страх был рожден одиночеством. Я поймал себя на том, что стараюсь вспомнить путь назад, к раздвоенной сосне, к двери на болоте, к действительности, где ходят автобусы и тетя Алена то и дело взгладывается в окно, беспокоясь, куда я запропастился. Но что может мне грозить? Что я опоздаю на автобус?

Я выпрямился и замедлил шаги. Я не здешний. Со мной ничего не должно случиться. Надо найти мальчишку. Ему страшнее.

Стрела свистнула над ухом. Сначала я не понял, что это стрела. В меня еще никогда не стреляли

из лука. Стрела вонзилась в ствол дерева, и перо на хвосте ее задрожало. Я бросился в чащу, и еще одна стрела чиркнула черной ниткой перед глазами.

Кусты стегали по лицу, ружье мешало бежать, кто-то громко топал сзади, ломая сучья. Земля пошла под уклон, и я не успел понять, что он обрывается вниз.

Я не выпустил из рук ружья и, катясь по висящим над обрывом кустам, ударяясь о торчащие корни, старался ухватиться, удержаться свободной рукой. Больно стукнулся обо что-то лбом и рассек щеку. Мне казалось, что я падаю вечно. Наверно, на какое-то мгновение потерял сознание.

Было больно. Острый сук вонзился в спину, не давал дышать. Я попытался подняться, но сук, прорвав пиджак, держал крепко. Саднило лицо. Я замер. Они могут услышать. Надо тише дышать, медленней. Вроде тихо… Опершись о ружье, я резко приподнялся. Сук оглушительно треснул и отпустил меня.

Я осторожно сел и ощупал ноющую ногу. На икре штанина была разодрана, больно дотронуться. Подтянув ногу к себе — она повиновалась, — я поднялся. Отсюда был виден обрыв. Он оказался невысоким — бесконечен он только для того,

кто с него падает. Я заглянул в ствол ружья — не набился ли туда песок. Чисто. Пиджак я оставил под кустом — он разорвался на спине и своих функций более исполнять не мог.

Дорогу я отыскал неподалеку от того места, где она входила в лес. Дорога была исчерчена следами повозок и человеческих ног. Я пошел вглубь леса по ее кромке так, чтобы при первой опасности нырнуть в кусты. Вскоре от дороги отделилась широкая тропа. Именно туда сворачивали следы — в одном месте колесо повозки раздавило оранжевую шляпку гриба.

И тут я увидел мальчишку.

Он лежал лицом вниз, из спины торчали оперения двух черных стрел.

Я отнес мальчика с дороги. Он был совсем легкий и еще теплый.

Я забросал его ветками и пошел дальше. Я был виноват в том, что он погиб. Надо было догнать его и не отпускать от себя. Надо было слушаться лесника… надо… надо… надо…

Вернее всего, этот мир жесток и несправедлив к слабым. И жестокость его обнажена, узаконена и привычна. Ничего удивительного в том, что, попав сюда, лесник принял сторону слабых и враги его деревни стали его врагами. Не от же-

лания покуражиться или проявить доблесть, а просто по ощущению, что иначе нельзя, он стал заниматься их делами, ломать пополам таблетки тетрациклина, воевать с какими-то сукрами, убивать некулов и привозить из нашего мира чайные кружки, не говоря уж о множестве не известных мне дел.

Но насколько объективно разумна его деятельность? Не схож ли он с человеком, рвущим паутину ради спасения попавшей в нее мухи? Что может он сделать здесь и нужен ли он. Справедливость в несправедливом мире нереальна. Он гонится за миражем и не хочет этого видеть… и пашет чужой огород, не опрашивая, для кого. В заочном споре с Сергеем я старался удержаться от эмоций и остаться ученым, старался сначала отыскать цепочки причин и следствий, докопаться до механизма, движущего явлениями, и лишь затем принимать решения.

Когда впереди обнаружился просвет, я замедлил шаги, потом совсем остановился. Еще недавно на поляне был лагерь. Остовы шалашей были ободраны, ветки и сучья разбросаны по траве. В истоптанной траве лежал Зуй. Борода торчала к небу. В кулаке был зажат обломок кинжала.

Скрываясь за стволами, я обошел поляну. В подлеске наткнулся на знакомую повозку. Носороги исчезли, оглобля вонзилась в землю.

10.

Вчера я шел по лесу. Сегодня я снова иду по лесу. Я задавал себе вопрос, на который невозможно ответить: «Что я здесь делаю?» Как попал сюда? Что за сила притянула друг к другу два мира и в той точке, где они соприкоснулись, создала тунель? Попробуем построить мысленную модель этого явления на основе знакомого нам феномена: представим себе СЭП — суммарную энергию планеты… Модель строилась плохо — я не мог пришпилить планету в точке пространства, ибо искривление его должно было быть невероятно сложным, какого не бывает и быть не может. Не может, но существует. А что если обратиться к чисто теоретической, умозрительной модели почти замкнутого мира? Еще Фридман в двадцатые годы исследовал космологические проблемы в

свете общей теории относительности. Отсюда придуманный Марковым «фридмон», частица, размером с элементарную, но могущая вместить в себя галактику — только проникни. И для тех, кто находится внутри фридмона, наш мир превращается в точку.

Я остановился, потому что услышал позвякивание, голоса, скрип. Еще немного, и я бы налетел на идущих впереди.

Процессия растянулась по лесной дороге, и мне пришлось углубиться в лес, чтобы ее обогнать.

Устал я невероятно. Надеяться на второе дыхание не было оснований. Так всю жизнь собираешься, как к зубному врачу: буду вставать на полчаса раньше, делать гимнастику, ходить до института пешком. Но ложишься поздно, утром никак не заставишь себя встать, бежишь за автобусом и снова думаешь: вот с понедельника обязательно…

Я выглянул из-за кустов. Мимо меня в сумерках тянулись телеги. На телегах лежали люди. Кто-то стонал. Перед телегами горсткой брели крестьяне… И тут я впервые увидел вблизи их врагов.

Когда-то в дни юности моего отца в моде были фантастические романы о разумных муравьях.

Их селили на Марсе и на Луне, увеличивали до человеческого роста, наделяли коварством и жестоким холодным разумом. Именно муравьев. Потрепанные книжки лежали в кладовке, свидетельством тому, что и мой отец когда-то был молод, и я отыскал их, когда мне было лет пятнадцать. К муравьям я вообще стал относиться погано и побаивался их более, чем они того заслуживали. А потом прочел где-то, что насекомые не могут стать разумными. Это было доказано мне популярно, и я с готовностью в это поверил. Да и новых романов о муравьях что-то не попадалось… И вот сейчас, в мире Агаш и Луш, я увидел, как громадные, чуть ниже человеческого роста муравьи, ведут куда-то людей.

Круглые головы насекомых, вытянутые вперед острым концом, круглые тельца и тонкие лапки придавали вечерней картине зловещий оттенок кошмара… И вот тогда мне пришло в голову — а не сон ли все это? Процессия тянулась мимо. Еще телеги, кучка муравьев с копьями, закрытый возок, снова муравьи… В толпе крестьян, которых гнали перед телегами, лесника не было.

Я не мог поверить, что лесник погиб. А может, он лежит раненый на телеге?

Я снова углубился в чащу. Там уже было почти

темно. Через несколько шагов под ногу попал сучок, который хлопнул, словно противопехотная мииа. Я метнулся глубже в лес: если они за мной погонятся, мне не убежать, я слишком устал. И тут же понял, что лес кончился.

Я стоял на краю леса, глядя, как колонна, полускрытая облаком пыли, втягивается на широкую пустошь. Впереди, отражая закатные облака, блестела сиреневым и оранжевым река. За рекой поднималась невысокая, почти правильной, конусообразной формы гора. Далеко, у самой реки, стояло еще несколько муравьев, их панцири отблескивали закатным светом. Стражники стали подгонять колонну, носороги потянули быстрее, а я не решился выйти на открытое место.

Пока я стоял, размышляя, что же делать дальше, встречающие муравьи подошли к колонне. Муравьи скопились у крытого возка и, когда его дверца раскрылась, оттуда вытащили человека. Это был Сергей Иванович. Я различил зеленую гимнастерку, седеющий ежик волос. Так и должно было быть.

Я не согласился с лесником, не перешел на его сторону. Все сомнения, кипевшие во мне, остались, но они были заглушены Необходимостью. Цивилизованному человеку стыдно оставить

собрата в беде, хоть я и не вступал в отношения с этим миром. Я должен был спасти лесника, даже если все теории вероятности против меня. В отличие от Сергея Ивановича я не могу устраивать здесь восстания и скрываться в лесу с Кривым. Я не свой, я тут же начну рассуждать о правомочности своих действий и приду к выводу, что решать такие вопросы-должен не я, а кто-то другой, кто Отвечает, кто Подготовлен. Хотя кто, черт возьми, правомочен или подготовлен? Любое невмешательство это только особый вид вмешательства, зачастую более лицемерный, потому что и невмешательство тоже кому-то нужно.

Увидев Сергея Ивановича, я успокоился. Я не представлял еще, как выручу его, но не сомневался, что выручу. Хотя бы для этого пришлось здесь застрять на месяц. Я забыл, что не знаю языка, что каждый встречный отличит меня за версту, что я зверски голоден, что у меня ноги подкашиваются от усталости.

Я следил за колонной до тех пор, пока она не пересекла мост и не скрылась в горе. Над пустошью, расползаясь от реки, поднимался туман, смешанный с пылью. За рекой загорелся тусклый огонек. Быстро холодало. Вокрут было пусто, и в лесу, за моей спиной, раздался вой. Я вспомнил

о некулах. Я был зол на себя за то, что не похоронил мальчишку, — до него могут добраться эти твари.

Я снял с плеча ружье, вышел на пустошь и через несколько минут был у реки.

11.

Еще не совсем стемнело, к тому же вышла луна. Дорога спускалась к реке, но на мосту стоял муравей с длинным копьем. Увидев его, я свернул с дороги и добрался до реки метрах в двухстах от моста. Низкий берег терялся в осоке, и, когда я попытался выйти к воде, ноги начали вязнуть в иле; пришлось довольно долго брести по берегу, прежде чем отыскался участок песчаного дна. Там река разливалась широко, посредине ее был островок. Я надеялся, что река неглубока.

До островка я добрался довольно быстро, хотя и промок по пояс; впрочем, ночь не грозила заморозками, так что не страшно, можно пережить. Зато в протоке, отделявшей островок от дальнего

берега, меня ждали испытания. Протока была узкой, рукой подать до черного обрывчика, опушенного кустами. Первый шаг погрузил меня по колени, вторым я ушел по бедра. Течение здесь было куда быстрее, чем в широком русле, меня сносило, и я знал уже, что со следующим шагом потеряю равновесие. Тогда я поднял руку с ружьем и в полном отчаянии оттолкнулся — тут же меня понесло: одной рукой выгребать было трудно. Я хлебнул воды, но ружья не окунул.

В конце концов на тот берег я все-таки выбрался, подняв больше шума, чем стадо слонов, переходящее Ганг. Но промок я настолько, что пришлось, засев в кустах, выжимать, дрожа от холода, все, что на мне было. Самое печальное — промокли сигареты, а ведь именно сигарета возродила бы меня: дрожали не только руки и ноги, но и селезенка и прочие внутренние части тела.

Все еще дрожа, я натянул разбухшие ботинки на мокрые носки. До отвращения холодные брюки и рубашка прилипли к телу. Я старался отвлечься от телесных невзгод мыслями о том, что ждет меня впереди, но мысли получались кургузыми и менее всего я был похож на полководца перед решающим сражением. Поглядел бы на меня мой

московский шеф Ланда — вот уж сейчас мне не позавидуешь.

В этом разлившемся через бездну миров и человеческих судеб вечере были затеряны, разобщены и связаны лишь моим эфемерным существованием — словно рождены моим воображением — люди, никогда не видевшие друг друга: Маша, погибшая полвека назад, и Луш, стоящая у плетня за озером и глядящая на лесную дорогу, тетя Алена, листающая семейный альбом, и тетя Агаш, замершая в в черной щели; и Сергей, попавший в плен к муравьям, и мальчик, умерший, потому что пошел со мной.

Все эти судьбы словно плотиной отделили меня от моих институтских друзей и недругов. Вот только понять бы, насколько реальна эта плотина…

Звездная россыпь обрывалась, очерчивая черный горб горы — муравейник, в котором я разыщу лесника. Луна подсветила черные дыры входов в холм. Они были редко разбросаны по всей стометровой высоте откоса. Самый большой вход был внизу — прямо передо мной.

Моя миссия была совершенно бессмысленной, и, если бы я не так замерз, то догадался бы вспомнить детство и совершить вычитанные в книгах

ритуалы прощания с жизнью. Но на счастье, я никак не мог согреться, зверски хотел курить, был голоден, у меня ныл зуб — так что было не до смерти.

У муравейника должны быть часовые. Не только у моста, но и у входов, а уж наверняка у главного входа. Лучше мне проникнуть туда через второстепенный туннель. Я подошел к горе так, чтобы меня нельзя было разглядеть от моста или от главного входа, и на четвереньках полез к черному отверстию метрах в десяти вверх по склону. У самого входа я лег наземь и некоторое время прислушивался. Тихо. Тишина эта могла происходить и оттого, что никто не подозревает о моем приближении, и оттого, что они затаились, поджидая меня, чтобы надежней и вернее схватить в темноте.

Я подполз поближе. Лунный свет проникал только на метр вглубь, дальше не было ничего — вернее, могло быть что угодно.

Ну что ж, сделаем этот шаг? Ведь с тобой, Николай Тихонов, ничего не случится. С тобой вообще ничего не может случиться. Случается с другими. Я утешал себя таким образом до тех пор, пока не разозлился, — такое утешение отказывало леснику в праве на равное со мной существование, и

время терялось попусту. Какая у меня альтернатива? Убежать к двойному дереву? Вернуться к Маше и сказать: «Простите, но ваш Сергей Иванович попал в плен к муравьям. В своем старании его поймать они даже повесили изображающую его куклу на площади, и вряд ли они выпустят его живым. Но не беспокойтесь, Маша, я буду о вас заботиться, культурнее и интереснее, чем лесник: я покажу вам Москву, свожу в Третьяковскую галерею и покатаю в парке на аттракционах…».

Я резко поднялся и нагнувшись вошел внутрь. Свободную руку я выставил перед собой, чтобы не набить шишку. Кислый, затхлый запах густел по мере того, как я продвигался дальше от входа. Иногда сверху гулко падала капля воды или раздавался шорох. Я старался убедить себя, что муравьи должны спать, крепко спать. Впереди, если меня не обманывали глаза, желтело тусклое пятно света. Я решил, что ход, которым я иду, вливается в другой, освещенный. И когда я наконец добрался до него и увидел за углом неровно светивший факел, воткнутый в щель в стене, то сразу вспомнил, что здесь уже побывал — в грезах. И даже копоть, нависшая опухолью над факелом за долгие годы горения, была мне знакома.

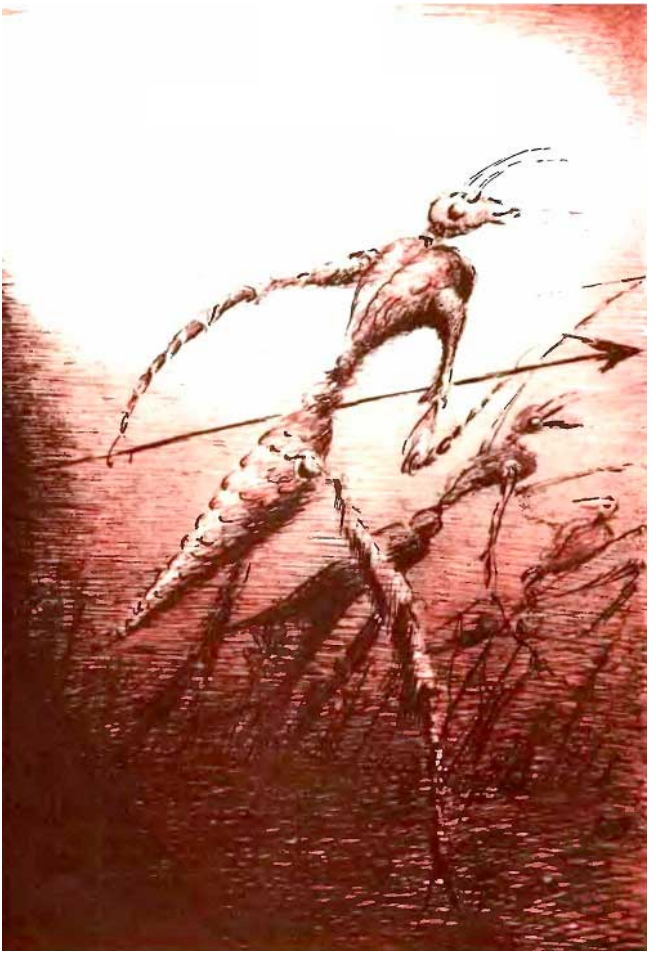
Я положил на пол у поворота размокшую пачку сигарет, чтобы не промахнуться, если придется в спешке убегать. Ружье я взял наперевес — не потому, что оно спасет я этих туннелях, — так уверенней.

В глубокой нише что-то белело. Я подумал, что там хранятся муравьиные яйца и поспешил прочь — у яиц могла быть охрана. Из следующей ниши донесся глубокий вздох. Кто-то забормотал во сие. Люди? Ну хоть бы спичку, хоть бы огарок свечи! Я заглянул внутрь. Было так тихо, что можно было различить по дыханию — там несколько человек.

— Сергей, — позвал я топотом. Я был уверен, что если лесник здесь, он не спит. Никто не отозвался.

Нет, его здесь быть не может. Если пленника везли в крытом возке и охраняли, вряд ли его оставили на ночь в открытой нише.

Странный мир. Люди и муравьи. На что годятся люди разумным муравьям? Выращивать для них зерно и фрукты? Или, может, служить муравьям живыми консервами?



На перекрестке туннеля пришлось затаиться. Несколько муравьев пробежало неподалеку. Я не мог разглядеть их как следует в неверном свете далекого факела — лишь тяжелые головы отбрасывали тусклые блики. Значит, спят не все.

Я пересек этот туннель и свернул в узкий, еле освещенный ход, который наклонно пошел вниз. Тюрьмы чаще бывают в подвалах.

И тут я услышал пение. Заунывное, тоскливое, на двух нотах. Пение рабов.

Это была высокая, гулкая, словно готический собор, пещера. Свет факелов, не достигал потолка и оттого казалось, что он бесконечно далек.

У входа грудой лежали муравьиные головы. Неподалеку, другой кучей — туловища муравьев. Словно кто-то рвал их на части и пожирал, обсасывая хитиновые оболочки.

Посреди пещеры сидели кружком бледные, худые люди со спутанными черными волосами, в черной облегающей одежде, подобной старинным цирковым трико. Кто они? Союзники, пожиратели муравьев, мстители за людей?

И тут рухнула стройная гипотеза. Ведь стоит построить гипотезу, отвечающую поверхностной связи фактов, домыслить ее, дополнить легендой, как она становится всеобъемлющей, и отказаться

от нее куда труднее, чем принять вначале.

Это были муравьи-солдаты.

Стащите с солдата громадный, вытянутый рыльцем вперед шлем, снимите пузатую кирасу и блестящие налокотники — внутри окажется человек. А виной моему заблуждению было несоответствие массивных доспехов тонким конечностям, да мое воображение, скорее готовое к тому, чтобы увидеть громадного разумного муравья, чем худосочного грязного человека.

Солдаты пели песню из двух вот — сначала с минуту тянули одну, то тише, то громче, потом сползали на другую. И такая тоска исходила от этой кучки людей, скорчившихся в темном зальце при свете тусклых факелов, дым которых уходил не сразу, а тек по стенам и по сырым, плохо пригнанным плитам пола, что мне стало даже стыдно за то, что я их считал муравьями.

А в сущности ничего не изменилось. Отпала лишь предвзятость.

Рядом со мной громко процокали шаги. Кто-то оттолкнул меня и прошел в пещеру. Это был тоже вони — без шлема, в пузатой железной кирасе. Из-под кирасы торчала зеленая юбка. Вошедший что-то крикнул.

На всякий случай я отошел подальше от входа.

Начальник мог спохватиться, пересчитать свою команду. В зале был шум, позвякивание железа.

Минут через пять два солдата, уже в муравьином обличье — как только я мог принять их за насекомых? — выскочили из зала. Начальник шагал сзади.

За неимением лучшего варианта я хотел было последовать за ними, но чуть было не столкнулся с остальными. Они, если я догадался правильно, решили избрать более укромное место для отдыха. Не доходя до меня несколько шагов, солдаты нырнули в какую-то дыру. Так меня никто и не заметил. Я заглянул в пещеру. Там было пусто. Лишь чадили факелы и грудой лежали невостребованные кирасы и шлемы.

Я не мог преодолеть соблазна. Маскировка кого только не спасала!.. Шлем с трудом налез, чуть не содрав уши. Кираса же никак не сходилась, я запутался в крючках, и тут мне показалось, что кто-то приближается к залу. Я уронил кирасу на пол и под оглушительный грохот железа выскочил в коридор и побежал прочь. Щель в шлеме была узкой, и мне приходилось все время наклонять голову.

На освещенном перекрестке офицер молча и остервенело избивал двух солдат. (Не знаю, то были уже знакомые или незнакомые мне лица.) Солдаты опрокинули на пол огромный чан с каким-то варевом, за что и подвергались наказанию.

Нахально, словно муравьиный шлем был шапкой-невидимкой, я остановился в десятке метров от офицера и ждал, чем все кончится. Кончилось тем, что офицер устал молотить солдат и те, опустившись на колени, принялись собирать с пола горстями гущу и бросать непривлекательную пищу обратно в котел.

Я не уходил. Вряд ли столь небрежное обращение с похлебкой говорило лишь о гигиеническом невежестве. Похлебка предназначалась кому-то, кого следовало кормить, но чем — не имело су-

щественного значения.

Офицеру надоело наблюдать, и он куда-то послал одного из солдат. Тот вернулся через минуту с кувшином воды, чан долили, и все остались довольны.

Я спустился вслед за солдатами по скользкой узкой лестнице, пересек с десяток туннелей, еще раз спустился вниз: теперь мы были ниже уровня земли, стены стали совсем мокрыми, а по полу стекал тонкий ручеек.

Впереди послышался шум. Я не мог определить, из чего он слагается. Шум был неровный, глухой, однообразный — он исходил из недр горы и словно заполнял какое-то обширное, гулкое помещение. Туннель открылся на широкую площадку, и, когда солдаты свернули в сторону, я смог рассмотреть источник этого, ставшего почти оглушительным шума.

Множество факелов освещало огромный зал. От их дыма и мерцания было трудно дышать, и картину, освещенную ими, нельзя было придумать. Пожалуй, и Данте, специалист по описанию ада, остановился бы в растерянности перед этим зрелищем.

Не знаю, сколько там было людей — наверно, больше сотни. Некоторые из них дробили камин,

другие подвозили их на тачках, третьи отвозили измельченную руду куда-то вдаль, к огням и шуму, — этот зал был частью, говоря современно, технологической цепочки, которая, вернее всего, тянулась от рудников, спрятанных недалеко, в пределах этой же горы, к плавильням и кузням.

Одни из солдат ударил в железяку, висевшую на столбе, и люди увидели чан с пищей.

Грохот молотков, скрип тачек, гул ссыпаемой породы оборвался. Возник новый шум, утробный, жалкий, — он слагался из слабых голосов, шуршания босых ног, стонов, ругани, вздохов — далеко не все могли подойти к площадке, некоторые ползли, а кто-то, лежа, молил, чтобы ему тоже дали поесть. Господи, подумал я, сколько раз в истории Земли вот так, равнодушные солдаты, часто сами бесправные и забитые, ставили перед узниками чан или котел, в котором плескалась надежда умереть на день позже.

Люди доставали откуда-то черепки (один подставил ладони) и покорно ждали, пока солдат зачерпнет этой похлебки, сегодня еще более скудной, чем всегда, и можно будет отползти в угол, обмануть себя ощущением хоть какой-то пищи.

Я был достаточно начитан в истории, чтобы знать, что в одиночку, даже вдесятером, не изме-

нить морали и судеб этой горы и других таких же гор.

Донкихотствовал мой лесник, сражался с ветряными мельницами. А я? Изобретал зловещих муравьев — в сказочном сне легче отстраниться от чужой боли.

12.

Я брел по муравейнику, сам схожий с муравьем, в тесном шлеме, который больно жал уши. Пот стекал на глаза, и бешенство брало, оттого что нельзя было его вытереть.

Я думал, что непременно найду Сергея, — гора не так уж велика и расположение ходов в ней подчиняется системе, которую я уже начерно представлял; по разным уровням к центру сходятся радиальные туннели, причем освещены только основные. Заблудиться я не смогу. Мне угрожает лишь встреча с местным начальником или любознательным сукром, который усомнится, что мои джинсы сшиты в их муравьином

ателье. Надо лишь последовательно обойти все коридоры, даже если на это уйдет целая ночь.

Я заблудился через несколько минут. Решил заглянуть в черный узкий проход, в конце которого был виден отблеск факела. Шагов через двадцать скользкий от падающих сверху капель пол пошел вниз. Я хотел остановиться, но ноги не послушались — чтобы не упасть, я мелко побежал вниз, все круче, и сорвался.

Падение было не дальним, я даже не ушибся. Плеснула, всхлипнула черная вода в темноте. Воды там, в провале, было на ладонь, она была ледяной и какой-то живой. И тут же нечто скользкое дотронулось до руки, и я вскочил, движимый омерзением, — да, скорее омерзением, чем страхом, и побежал, загребая ботинком ледяную воду и расталкивая нечто, кружившееся вокруг чуть светившимся хороводом.

Забыв о всегдашней близости стен, я ударился, не выставив рук, и, оглушенный, сполз по стене, в упругую, ледяную воду, которая нехотя расступилась, каждой каплей осязая меня, принюхиваясь и словно решая — оставить ли меня здесь навсегда, впитать ли, растворить в себе или вытолкнуть, исторгнуть как чужое, ненужное… И это понимание намерений жидкости, напол-

нившей подземелье, заставило меня опереться на ружье, как на костыль, вырываться, метаться, разыскивая в стене щель или отверстие — это отверстие должно было находиться где-то повыше — иначе жидкость нашла бы путь в гору, чтобы отыскать и преследовать ледяным любопытством тех, кто населяет темноту.

…Носок башмака наткнулся на ступеньку — лестницу, вырубленную в камне. Я ударился лбом о верхний край лаза. Ствол ружья звякнул о камень, и этот звук был реален. Лестница оказалась короткой. Дальше шел туннель. Стало теплее и суше.

Впереди далеким, желтым пятном замерцал факел.

13.

Я отыскал темницу, в которой были заперты пленники, потому что пошел за солдатом, тащившим горшок с похлебкой. Горшок был невелик, на нескольких человек.

Темница охранялась. Стражники сидели на корточках у грубо сколоченной двери, и, когда появился солдат с похлебкой, один из них поднялся, отодвинул засов. Второй, вооруженный большим топором с двумя асимметричными лезвиями, встал за его спиной. Солдат зашел внутрь, наклонился, поставил горшок на пол и хотел было выйти, но его остановили голоса изнутри. Солдат с топором рассмеялся, видно то, что там происходило, показалось забавным.

И тогда я услышал голос лесника.

— Дурачье, — сказал он, — русским же языком говорят: как хлебать будем, если руки связаны?

Лесник будто догадался, что я рядом, будто хотел показать мне, где его искать.

Я пришел. Но не мог пока сказать об этом.

Я не планировал никакой боевой акции, да и любое планирование вряд ли имело смысл. Надо было все сделать как можно скорее, пока обстоятельства мне благоприятствовали. Солдат, который принес горшок, расстегнул кирасу и достал из-за пазухи стопку неглубоких плошек. Его товарищи захлопотали, видимо, стараясь разрешить проблему, как накормить пленников, не развязывая.

Наконец придумали: из темноты выволокли

двоих — лесника и Кривого. Руки у них были связаны за спиной. Двое стражников навели на них копья, один — тот, что с топором, — зашел сзади, ещё один развязал им руки. При этом солдаты покрикивали на пленных, толкая их, всячески выказывали свою власть и силу, что исходило скорее от неуверенности в ней и от привычки самим подчиняться толчкам и окрикам.

Лесник с трудом вытащил из-за спины затекшие руки и поднял кисти кверху, шевеля пальцами, чтобы разогнать кровь. Момент был удобным — как раз разливали по мискам. Я был совершенно спокоен, — может, очень устал и какая-то часть мозга продолжала упорствовать, полагая, что все происходящее не более как сон. А раз так, то со мной ничего не может случиться.

— Ироды железные, фашисты, — негромко ворчал лесник. — Вас бы сюда засадить. Доберусь я еще до ваших господ…

Солдат прикрикнул на него, толкнул острием копья в спину.

— Сам поторопись, — ответил лесник. Разговаривал он с ними только по-русски. Будто ему было безразлично, поймут ли его.

— Ну вот, — продолжал он, поднимая с пола плошку, — даже ложку не придумали. Что я, как

собака, лакать должен?

Вопрос остался без ответа. Солдаты смотрели на него с опаской, как на экзотического зверя.

— Нет, такой мерзости я еще не пробовал, — сказал лесник. — Так бы и дал тебе…

И я понял эти слова как сигнал.

— Давай! — крикнул я. Мой голос отразился от внутренних стенок шлема и показался мне оглушительным.

Лесник услышал. Реакция у него была отменной. Он не потерял ни доли секунды. И лишь когда плошка с похлебкой полетела в незащищенное лицо нагнувшегося к нему солдата, а вторая плошка вылетела из рук Кривого, я понял, что они это сделали бы и без меня. Не надеялись они на мою помощь — Кривой понимал по-русски, и последние слова лесника относились к нему.

В следующую минуту было вот что: почему-то я не стрелял — как-то в голову не пришло. Я бросился на стражников сзади, размахивая ружьем как дубинкой, и эта атака была совершенно неожиданной как для стражников, так и для лесника с Кривым — я-то забыл, что вместо лнца у меня железное муравьиное рыло. Ложе ружья грохнуло о шлем солдата, шлем погнулся, солдат отлетел к стене, сбил с ног другого стражника, а мной

овладело желание немедленно заполучить двойной топор, которым размахивал солдат, правда, угрожая более своим, чем чужим. Я вцепился в древко топора и рванул его к себе — ружье мне мешало, но солдат с перепугу отпустил топор, и я, оказавшись обладателем двух видов оружия, выключился из битвы за перевооруженностью. Но психологический эффект поднятой мной суматохи был значительным. Пока стражники силились понять, что за гроза обрушилась на них с тыла. Кривой свалил ближайшего к нему противника, еще с одним справился лесник и отнял у него копье. Остальные сочли за лучшее обратиться в бегство.

Я с ружьем и топором бросился к леснику, и мои возгласы, заглушаемые шлемом, испугали Кривого, который встретил меня выставленным навстречу копьем. Но Сергей соображал быстрее. Я полагаю, что он узнал свое ружье, а потом и страшилище в муравьином шлеме и разорванных джинсах.

— Спрячь пику! — крикнул он Кривому. — Это моя интеллигенция. Братишка мой!

— Это я…

— Давай ружье, — сказал Сергей Иванович. — Что пули берег?

— Какие пули? — не понял я.

Кривой уже в камере, резал веревки на руках пленников.

— Сейчас они вернутся. — сообщил я леснику. Я не ждал, что он согласно правилам игры бросится мне на шею с криком: «Ты мой спаситель!», но уж очень он был деловит и сух.

— Знаю, — сказал он. — Ружье в порядке? В реке не купал?

— В порядке.

— Ну где там люди? — крикнул лесник в темноту камеры.

В конце коридора зародились крики и топот.

— Ты никого не прихлопнул? — спросил лесник, срывая со стены факел и придавливая сапогом. Сразу стало темнее.

— Нет.

— И не должен был. Не в характере, — сказал лесник. — Шлем случайно подобрал?

— Почти.

Как будто я был мальчишкой, обязанным отчитываться перед дядей. Неясно было, одобряет ли он мое миролюбие или нет.

Кривой выгонял остальных из камеры. Делал он это бесцеремонно, не у всех даже были развязаны руки, он на ходу пилил путы, покрикивал

на шатающиеся тени. Он даже бил их. Мне не хотелось, чтобы Кривой бил своих товарищей, хотя, наверно, для него такой этической проблемы не возникало.

— Пойдешь за ними, Николай. У тебя топор, прикроешь. Да и защищенный ты больше чем другие. Я задержусь.

— Я с вами.

— Хватит, неслух, — сказал лесник. — Ведь случайность, что ты нам помог. Скорее всего должен был и сам погибнуть и нам не помочь. Ясно? Хоть теперь слушайся.

И я пошел за узниками, которые трусили к выходу из горы. Они успели разобрать оружие, брошенное солдатами.

Кривой обогнал толпу и бежал впереди, вырывая из стены редкие факелы и топча их. Я оглянулся. Маленький силуэт лесника, затянутый дымом, виднелся у стены.

Вдруг гулко раскатился выстрел. Ему ответил далекий крик. Силуэт лесника сдвинулся с места — он бежал к нам.

…Я не сразу догадался, что мы вышли на склон — ночь стала темной, луна зашла, и только по внезапной волне свежего воздуха я понял, что мы покидаем гору.

Я остановился. Мимо пробегали остальные. Поглядел на небо и подумал, что верно никогда больше не увижу этих звезд.

14.

Мы шли очень медленно. Мне хотелось припуститься вперед — ведь впереди была еще река, потом открытая пустошь. А приходилось идти сзади плетущихся пленников — ничего иного не оставалось.

Мне казалось, что я давно, много дней, месяцев, иду по этому миру — и в сущности, какая разница, параллельный он или фридмановскнй, заключенный в электрон. В нем живут, мучают и даже убивают. И я в нем живу. И лесник.

В кустах произошла заминка — пленники не решались ступить в воду. Сквозь листву угадывался мост, и по нему уже бежали черные фигурки — нас могли отрезать от леса.

— Тут глубоко, в этой протоке, — сказал я. — За островом мельче.

— Знаю, — сказал лесник. — У нас многие плавать не умеют. Говорил я Кривому, чтобы к мосту бежать. Сбили бы караул. Ты, может, эту каску снимешь? А то перевернет тебя, как корабль в бурю.

Кривой, ругаясь, размахивая руками, загонял беглецов в воду. Лесник присоединился к нему. От горы уже подбегали солдаты — стрелы начали ложиться среди нас.

— Топор не бросай! — крикнул мне лесник. — Если тяжело, отдай Кривому.

— Не тяжело.

— Тогда плыви впереди. Если кто из сукров на тот берег прибежит, круши, не стесняйся.

Я прыгнул в воду, ухнул по пояс, потом по грудь. Но на этот раз мне не надо было беречь ружье, и я знал, что через пять шагов, будет мелко. Когда я выбрался на берег острова, в затылок ударила стрела — я так и клюнул головой вперед, муравьиный шлем меня спас. Я оглянулся. На середине протоки несколько голов. Лесник, по грудь в воде, загоняет в глубину последних беглецов. Я поспешил дальше.

Первым после меня на берегу появился Кривой, он неё в одной руке копье, другой поддерживал совершенно обессилевшего человека. Человек

попытался сесть на траву, но Кривой зашипел на него, сунул в руку копье и снова побежал к воде, чтобы помочь еще одному беглецу.

К тому времени, когда до берега добрался лесник, — а он замыкал наш отряд, — сюда перебралось человек шесть-семь.

Впереди белела стена тумана — густого, спасительного. Но нас настигали стражники, бежавшие по берегу.

Не знаю, убил ли я кого-нибудь, ранил ли в той короткой схватке на берегу и потом на пути к пустоши. Я махал топором, бежал, снова махал, был треск металла, крики, но люди в муравьиных шлемах, возникавшие и пропадавшие в ночи, казались фантомами, безликими, бестелесными и неуязвимыми.

До леса нас добралось четверо — Кривой, лесник, я и еще один парень с разрубленным плечом, которое лесник перевязал своей голубой майкой (порванную гимнастерку он потом натянул на голое тело).

Мы скрылись в глубине леса, в густом подлеске. Уже светало. На ходу я несколько раз засыпал, но продолжал идти, в дремоте различая перед собой широкую спину Кривого, даже видя короткие сбивчивые сны, действие которых происхо-

дило в лаборатории. В них я доказывал Ланде, что свободная энергия поверхности планеты, сконцентрированная в точке искривления пространства, способна создать переходный мост между мирами, но шеф не слушал, а повторял: «Тихой жизни захотел? Тихой? Да?»

Мы сидели в густом ельнике. Где-то неподалеку контрабасами зудели трубы: муравейник переполошился.

— Мальчик погиб, — сказал я. — Курдин сын.

— Врешь!

— Тетя Агаш послала его со мной до леса. Я его у леса потерял, а потом нашел. Мертвого.

Лесник выругался.

— Не надо было мне его с собой брать, — сказал я.

Я ждал опровержения. Он должен был сказать: «Без тебя нам бы не выбраться...» Но он сказал:

— Весь наш род перебили. Никого не осталось.

— Вы же не виноваты.

— Не виноват, — сказал лесник твердо. — Их бы и так поугоняли. Как в других деревнях. Сукрам теперь железо нужно, нужнее хлеба. С соседями воевать собрались. Пока хлеб был нужнее — люди кое-как жили.

Он отмахнулся от комара и вздохнул.

— Папиросу бы сейчас.

Я пожал плечами. В позапрошлом году на Памире у нас кончилось курево. Мы решили сгонять на газике в Хорог и попали под камнепад. Чудом пронесло.

— Я… знаешь, что думал, — продолжал лесник. — Вот бы всех к нам через дверь перетащить, всю деревню. А вот нет деревни…

Трубы гудели все ближе. Дальше раненый идти не мог. Мы спрятали его в дупле громадного дерева со сбитой молнией вершиной. Но мы ушли не сразу. Как-то неловко было, что мы-то сами целы и мы можем уйти. Парень молчал. Я представил себе, как страшно ему оставаться. Может, взять его с собой? Дотащим как-нибудь до шалаша…

Лесник вскинул ружье на плечо.

— Не переживай, Коля, — сказал он. — не дотащить нам его. Сами погибнем и его не спасем. А Кривой травы знает. Здесь травы, можно сказать, волшебные. Почище наркотиков. Заснет парень на неделю — а там и раны затянутся.

Сергей угадал мои мысли, потому что думали мы об одном и одинаково. Или почти одинаково. Если можешь угадать чужую мысль — это, наверно, шаг к пониманию. А не пора ли нам научиться читать мысли, мой милый очкарик

Ланда? Сколько мы с тобой сжевали соли за десять лет? Нет, за двенадцать…

— Пошли, — сказал лесник. — Пора.

Кривой вывел нас к зарослям, оттуда лесник знал тропку домой. В деревню возвращаться нельзя, там наверняка ждут. Кривой уходил в дальний лес. На прощание он начал просить ружье. Лесник не дал. Отговорился тем, что нет патронов. Кривой насупился. Лесник сказал по-русски:

— Ты раненого парня не забудь. Он из чужого рода, никого у него не осталось.

— Не забуду, — буркнул Кривой. Он был обижен.

— Я скоро вернусь, — сказал лесник.

— Куда? Некуда тебе возвращаться. Агаш я с собой уведу.

Мы попрощались.

Я шел за лесником по узкой тропке, он отводил ветки, чтобы не стегали по лицу.

— Дай ему ружье, — ворчал лесник. Сам как без него обойдусь? А они все равно стрелять не умеют. Да и патронов нет…

Лесник оправдывался перед самим собой. Я молчал.

— А возвращаться мне сюда и в самом деле не

к кому. До дальнего леса три дня ходу. Я там и не бывал. А здесь все опустошенное… Неудачный для тебя выход получился.

Солнце уже поднялось, в шлеме было жарко, но лесник сказал, что если нас увидят, лучше мне быть в шлеме. Топор оттягивал плечо.

— Долго идти? — спросил я.

— Через час будем. Пить хочется.

— Знаете. Сергей, — сказал я неожиданно для самого себя. — Я передумал. Никуда я не уйду.

— Не понял.

— Из института не уйду.

— А почему ты уходить должен?

— Долго объяснять… У меня такое впечатление, словно сместились масштабы. Что казалось важным, стало маленьким…

Он обернулся ко мне. К моему удивлению, он улыбался.

— Сместились? Зарядку, значит, получил? Ничего, это полезно. Вот только бы добраться до дому. А потом знаешь, что? Вернусь я сюда.

— Не спешите. — сказал я. — Надо подумать. Порой, синица в руках…

— На что нам с тобой синицы? Ладно, обмозгуем. Видишь же, домой иду. Маша там с ума посходила. Вторые сутки… Вернусь. А то ведь как

бараны, ну, честное слово, как бараны. Вчера-то из-за чего все получилось? Решили гору штурмовать. А тех — из дальнего леса — не дождались. Куда это годится?

И он пошел быстрее, словно спешил обернуться поскорее и заняться здешними делами всерьез.

— А Маша? — спросил я.

— Машу тебе оставлю, — сказал лесник. — Не бросишь?

Когда мы проходили открытой поляной, увидели слева столб дыма.

— Деревню жгут. — сказал лесник. — Как бы не нашу. Кривой-то тетку Агаш вывести должен.

Я представил себе, как загораются сухие хижины. Каждая коническая соломенная крыша становится круглым костром. И если займется тын, то пострадает и сад.

— Вы там в саду были? — спросил я лесника.

— Где?

— В маленьком саду, за одним из домов.

— Окстись, — сказал лесник. — Там на всю деревню одно дерево, чтобы меня подвесить, и то сухое.

Далеко, метрах в ста, дорогу перебежал некул. Я успел хорошо разглядеть его крепкое горбатое тело на длинных, как у борзой, тонких ногах.

— Видели?

— Стрелять не хочу без нужды, — сказал лесник. — Услышат.

— Вы думаете, что они могут нас здесь подстерегать?

— Вряд ли. Но чем черт не шутит? Последнее дело других дурачками считать. Они же знают, с какой стороны я в деревню приходил.

Эта мысль казалась мне почти нелепой, принадлежащей к другому слою сна — к ночной части кошмара. Здесь не должно быть стражников, они исчезают утром. Стоит ли думать о них, когда впереди столько дел — и у меня, и у лесника.

15.

Мы попали в засаду у самой двери в наш мир.

Стражники не осмелились к нам приблизить-

ся, только окликнули издали: не были уверены, кто я такой. Мы побежали. До раздвоенной сосны было метров триста, но лесник вел не прямо к ней, а кустами немного в сторону. Даже успел крикнуть:

— К нам не выведи, путай их!

Стражники стреляли из луков. Стрела вонзилась в спину лесника. Он продолжал бежать, плутая между стволов, а оперенье стрелы, как украшение, покачивалось за спиной. Когда Сергей упал, стражники уже потеряли нас из виду; в чащу они не пошли.

— Что с вами?

Он лежал, прижавшись щекой к выгоревшей желтой траве.

Я дотронулся до стрелы, хотел выдернуть ее, но вспомнил, какие у стрел зазубренные, словно у гарпунов, наконечники.

— Глубоко сидит, — прохрипел лесник. — Глубоко, до самого сердца. — В углу рта показалась капелька крови. — Не тяни… обломай…

Кто-то вышел на полянку. Я обернулся, шаря рукой по земле — там, где обронил топор, — но не успел. Тяжелый удар пришелся по шлему и плечу. Я не потерял сознания, но упал, и боль была такой, словно я никогда уже не смогу вдохнуть…

Мне показалось, что я все-таки поднимаюсь, чтобы защитить лесника, потому что нельзя нам погибать здесь, в шаге от дома…

И тут я увидел, что над лесником, отбросив тяжелый сук, склонилась Маша. Она гладила его по щеке, шептала что-то не по-русски, и, еще не сообразив, что это она ударила меня, приняв за стражника, я решил, что Сергей умер — столько горя было в ее плечах.

Почему-то, прежде чем подняться, подойти к ней, я принялся стаскивать муравьиный шлем, чуть не оторвал себе ухо — но все это было не важно, и неважно было, что не слушается рука и кружится голова. Маша мельком взглянула на меня и отвернулась.

— Луш, — сказал я, — надо уходить…

Я не хотел думать, что лесник умер, — понимание этого отступало перед необходимостью как можно скорей перенести его обратно, домой — если мы это сделаем, то все обойдется…

— Уходить… — повторила Маша.

Я обломал стрелу у самой гимнастерки, горячей и мокрой от крови. Мы тащили Сергея лицом книзу, ни у меня, ни у Машн не было сил, чтобы поднять его. Нам пришлось раза два останавливаться, чтобы отыскать дверь. Когда

мы, выбившись из сил, упали у самого шалаша, лесник сказал тихо, но четко:

— Ружье не оставляй.

— Господи, — ахнула Маша. — Какое ружье… какое еще ружье…

А я заставил себя подняться, пробежать по смятой траве к тому месту, где упал лесник, нашел ружье, подхватил зачем-то и топор с двумя лезвиями, а когда вернулся, Маша уже наполовину втащила Сергея в шалаш, и я неловко, стараясь не упасть, помог ей протолкнуть его и самой втиснуться в черную завесу, бесконечную и краткую, и возвратить Сергея к себе, к болоту, соснам.

Я знал, что, если все это не сон, то там, у себя, я уже не смогу сделать ни шага и Маше одной придется бежать по лесу, потом к дороге, к больнице, к врачу, и она может не успеть.

♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦

Скажи, что ты сделал.

Новая повесть Кира Булычева как бы обрывается на полуслове: мы так и не узнаем, останется ли в живых лесник Сергей

Иванович — человек, на всю жизнь сохранивший солдатскую готовность взвалить на себя чужую беду, и какой будет судьба других персонажей, и даже — наяву или во сне все это происходило. Закончен еще один научно-фантастический эксперимент и теперь можно попробовать истолковать его результаты.

Как же все-таки быть, когда тебе наперед, как господу богу, известна безнадежность попыток подправлять пальцем стрелки отстающих часов? Ведь и в самом деле — «в одиночку и даже вдесятером не изменить морали и судеб этой горы». Так то оно так — но, в отличие от небожителей, человек не может быть лишь субъектом действия: как сказал однажды Гёте, «субъект это объект и еще что-то». И вообще на односторонние действия природой наложен запрет, возможны лишь взаимодействия — взаимодействуют молекулы, взаимодействуют галактики, взаимодействуют люди. И вот симпатичный, интеллигентный «охотник на СЭП», для которого, однако, великое «быть или не быть» чуть было не съежилось до масштабов «менять или не менять место службы», в одиночку бросается на штурм горы и — становится другим человеком. Отныне он уже не согласится на синицу в руки, отныне ему нужен будет журавль, всегда и во всем.

Скажи, что ты сделал — и я скажу, чем ты стал...

Валентин Рич

№ 7, 8

Станислав Лем

Маска

Литография Морица Корнелиса Эшера «Дворец»

Читателям «Химии и жизни»

«Маска», одна из последних моих повестей, удивила меня самого, и, может быть, поэтому она требует предисловия, хотя бы краткого разъяснения обстоятельств своего появления на свет.

***Главный*мотив этой странной истории преследовал меня уже с тех дней, как был написан «Солярис». Поскольку для меня было очевидно, что в прежней повести, в «Солярисе», он уже прозвучал — этот мотив существа, которое НЕ человек, а создание искусственное, как и героиня «Соляриса» Хари, — то, казалось бы, не стоит посвящать ему нового произведения, ибо в «Солярисе» эта проблема мной уже отражена.**

И все-таки, в конце концов, я поддался искушению написать эту историю, и тогда оказалось, что столь ясное для меня сходство темы «Маски» с темой «Соляриса» вовсе не очевидно для читателей! Причина, мне кажется, в совершенно другом стиле этой повести и еще в особых, непохожих декорациях, которыми обставлено ее действие.

О чем я хотел сказать в «Маске»? Пожалуй, о нескольких проблемах одновременно.

***Во-первых*, о чисто рациональной проблеме, которую можно назвать проблемой классической философии, известной как**

«проблема свободной воли», с той, однако, оговоркой, что она смоделирована в аспекте кибернетическом. Вопрос, который поставлен в повести на воображаемой модели, можно сформулировать следующим образом: если искусственное существо сконструировано так, чтобы выполнять определенное задание, к которому принуждает его программа, введенная в его мозг, то может ли оно полностью осознать свое назначение как вынужденное действие, обусловленное программой, и может ли оно *взбунтоваться* против этой программы? Вопрос этот вполне практический, поскольку он касается поведения кибернетических устройств, которые несомненно будут созданы людьми в будущем. И знания о том, в какой степени допустимо полагаться на такие устройства, наделенные тактической и даже стратегической инициативой и автономией для выполнения порученных им заданий, должны быть знаниями в той же степени *рациональными*, в какой они являются необходимыми для такого рода деятельности. Этот вопрос я решаю в духе указаний кибернетики, согласно которым любое устройство, способное к активным действиям по определенной программе, не в состоянии достигнуть полного самоосознания в вопросах о том, с какой целью и с какими ограничениями оно может действовать.

Если выразиться точнее, речь идет о так называемой «проблеме автодескрипции конечного автомата», то есть, пользуясь традиционным языком, полного самопознания им своих психических процессов. (Кстати, человеческий мозг и любые другие

устройства, функционально ему равноценные, — это именно такие, т. с. конечные автоматы.)

Можно доказать, что полная, т. с. исчерпывающая, автодескрипция для автомата такого типа — задача, в одиночку невыполнимая. Такая автодескрипция может быть достигнута только благодаря фундаментальным исследованиям, только вследствие коллективных усилий всей науки, но это уже другой, совершенно отдельный вопрос. В одиночку же автодескрипции может достигнуть только бесконечный автомат, который, однако, является только математической абстракцией, поскольку все, что реально можно сконструировать, должно иметь конечный характер.

Учитывая сказанное, можно заключить, что иллюзии и ложные суждения о собственных решениях и намерениях, которые строит странная героиня «Маски», представляют собой неизбежные явления при создании автоматов, в такой степени, как она, наделенных весьма далеко простирающейся автономией деятельности.

***Во-вторых*, «Маска» — это попытка художественного моделирования упомянутой ситуации в условиях, нетипичных для научной фантастики, а именно в условиях*полностью фантастических*. Разумеется, невероятно, чтобы в каком-то королевстве, причем с феодальным строем и культурным уровнем, близким к средневековому, мог быть успешно создан автомат, абсолютно подобный человеку. В этом произведении для меня была важна скорее не рациональная, познавательная, гносео-**

логическая сторона, а художественный, литературный эффект: собственно, я захотел обратиться к старой традиции романтической повести. Романтическая по форме обстановка и атмосфера должны были показать, каким образом новое рациональное содержание можно вложить в форму старой таинственной, как её называли, «готической» новеллы. При этом я воспользовался несколькими мотивами этой классической повести — мотивом «роковой» любви, любви с первого взгляда ревности, но при этом добивался, чтобы у каждого из таких мотивов было еще и нелитературное обоснование, а именно чтобы его можно было и ввести, и объяснить, опираясь на наши кибернетические знания. Так, например, «роковая» любовь с первого взгляда, которая охватывает героиню при виде Арродеса на придворном балу, мотивируется известным явлением импринтинга. Только импринтинг, изучаемый у животных экспериментальной психологией, обусловлен биологически, эволюционно, а у «Маски» — этот «импринтинг» вызван умышленно, путем определенного программирования мозга искусственного существе.

Наконец,*в-третьих*, и мотиву готико-романтическому я хотел присоединить мотив уже типично сказочного происхождения, а именно мотив необычайного или «страшного и ужасного» превращения героини. Но и этот сюжетный момент объяснен рационально, ведь происходящая неожиданная перемена не требует вмешательства никаких чудесных, сказочных сил — чар, заклинаний и т. и., ибо она тоже вызвана заранее заложенной программой преобразований, программой, которую героиня с

начала и до конце повести пытается познать интроспективным усилием — попросту говоря, исследуя свою душу.

Из таких разнородных посылок и сложился замысел «Маски», а в итоге и сама эта повесть с ее нефантастической моралью. Ведь она, в конце концов, рассказывает всего лишь о том, что искусство кибернетического конструирования в определенных условиях может быть употреблено во зло — в целях безнравственных, как и любое другое достижение научного познания; и в итоге в фантастической обстановке «Маски» затронута проблема, которая уже не является фантастической или по меньшей мере не останется навсегда и до конца чистой фантазией.

Ст. Лем. Краков. Декабрь 1975 г.

Вначале была тьма, и холодное пламя, и протяжный гул; и многочленистые, обвитые длинными шнурами искр, дочерна опаленные крючья передавали меня все дальше, и металлические навивающиеся змеи тыкались в меня плоскими рыльцами, и каждое такое прикосновение пробуждало молниеносную, резкую и почти сладостную дрожь.

Безмерно глубокий, неподвижный взгляд, который смотрел на меня сквозь круглые стекла, постепенно удалялся, а может быть, это я передвигалось дальше и входило в круг следующего взгляда, вызывавшего такое же оцепенение,

почтение и страх. Неизвестно, сколько продолжалось это мое путешествие, но по мере того, как я продвигалось, лежа навзничь, я увеличивалось и распознавало себя, ища свои пределы, хотя мне трудно точно определить, когда я уже смогло объять всю свою форму, различить каждое место, где я прекращалось и где начинался мир, гудящий, темный, пронизанный пламенем. Потом движение остановилось и исчезли суставчатые щупальца, которые передавали меня друг другу, легко поднимали вверх, уступали зажимам клещей, подсовывали плоским ртам, окруженным венчиками искр; и хоть я было уже способно к самостоятельному движению, но лежало еще неподвижно, ибо хорошо сознавало, что еще не время. И в этом оцепенелом наклоне — а я лежало тогда на наклонной плоскости — последний разряд, бездыханное касание, вибрирующий поцелуй заставил меня напрячься, то был знак, чтобы двинуться и вползти в темное круглое отверстие, и уже без всякого понуждения я коснулось холодных гладких вогнутых плит, чтобы улечься на них с каменной удовлетворенностью. Но может быть, все это был сон?

О пробуждении я не знаю ничего. Помню только непонятный шорох вокруг меня и холодный

полумрак. Мир открылся в блеске и свете, раздробленном на цвета, и еще так много удивления было в моем шаге, которым я переступало порог. Сильный свет лился сверху на красочный вихрь вертикальных тел, я видело насаженные на них шары, которые обратили ко мне пары блестящих влажных кнопок. Общий шум замер, и в наступившей тишине я сделало еще одни маленький шаг. И тогда в неслышном, еле ощутимом звуке будто лопнувшей во мне струны, я почувствовала наплыв своего пола, такой внезапный, что у меня закружилась голова, и я прикрыла веки. И пока я стояла так с закрытыми глазами, до меня со всех сторон стали долетать слова, потому что вместе с полом я обрела язык. Я открыла глаза и улыбнулась и двинулась вперед, и мое платье зашелестело. Я шла величественно, окруженная кринолином, не зная куда, но шла все дальше, потому что это был придворный бал, и воспоминание о моей ошибке — о том, как минуту назад я приняла головы за шары, а глаза за мокрые пуговицы, забавляло меня ее ребяческой наивностью, поэтому я улыбнулась, но улыбка эта была предназначена только мне самой. Слух мой был обострен, и я издалека различала ропот изысканного признания, затаенные вздохи кавалеров и

завистливые вздохи дам: «А откуда эта девочка, виконт?» А я шла через гигантскую залу под хрустальной паутиной жирандолей, и лепестки роз капали на меня с сетки, подвешенной к потолку, и я видела свое отражение в похотливых глазах худощавых пэров и в неприязни, выползающей на раскрашенные лица женщин.

В окнах от потолка до паркета зияла ночь, в парке горели смоляные бочки, а между окнами, в нише у подножья мраморной статуи, стоял человек, ростом ниже других, окруженный придворными в черно-желтых полосатых одеждах. Все они словно бы стремились к нему, но не переступали пустого круга, а этот человек, одни из всех, когда я приблизилась, даже не посмотрел в мою сторону.

Поравнявшись с ним, я приостановилась и, хотя он даже отвернулся от меня, взяла самыми кончиками пальцев кринолин и опустила глаза, будто хотела отдать ему глубокий поклон, но только глянула на свои руки, тонкие и белые, и, не знаю — почему, их белизна, засиявшая на голубом атласе платья, показалась мне чем-то ужасным. Он же, этот низенький господин или пэр, за спиной которого возвышался бледный мраморный рыцарь в латном полудоспехе с об-

наженной белой головой и с маленьким, будто игрушечным трехгранным мизерикордом, «кинжалом милосердия»[3] в руке, не соизволил даже взглянуть на меня, он говорил что-то низким, как бы сдавленным скукой голосом, глядя прямо перед собой и ни к кому не обращаясь. А я, так и не поклонившись, только посмотрела на него быстро и пристально, чтобы навсегда запомнить его лицо со слегка перекошенным ртом, угол которого был стянут белым шрамиком в гримасу вечной скуки.

Впившись глазами в этот рот, я повернулась на каблуке так, что зашумел кринолин, и пошла дальше. Только тогда он посмотрел на меня, и я сразу почувствовала этот взгляд — быстрый, холодный и такой пронзительный, словно бы к его щеке прижат приклад, а мушка невидимой фузеи нацелена в мою шею между завитками золотых буклей, — и это было вторым началом. Я не хотела оборачиваться, и все же повернулась к нему и, приподняв обеими руками кринолин, склонилась в низком, очень низком реверансе, как бы погружаясь о сверкающую гладь паркета, ибо то был король. Потом я медленно отошла, раз-

---

[3] notes: 3
Кинжал, которым на поединке добивали поверженного противника.

мышляя над тем, отчего, зная все это так твердо и наверняка, я чуть было не совершила ужасной оплошности, — должно быть, потому, что раз я не могла знать, но узнавала все каким-то навязчивым и безоговорочным путем, то чуть было не приняла все за сон — однако что стоит во сне, к примеру, схватить кого-нибудь за нос? Я даже испугалась, что не могу совершать промахи оттого, что во мне возникает как бы невидимая граница. Так я и шла между сном и явью, не зная куда и зачем, и при каждом шаге в меня вливалось знание, волна за волной, как на песке, оставляя новые имена и титулы, будто сплетенные из кружев, и на середине залы, под сияющим канделябром, который плыл в дыму, как пылающий корабль, я уже знала всех этих дам, искусно прячущих свою изношенность под слоями грима.

Я знала уже столько, сколько знал бы человек, который вполне очнулся от кошмара, но помнит его почти ощутимо, а то, что еще было для меня недоступным, рисовалось в моем сознании, как два затмения: откуда я и кто я, — ибо я все еще ни капельки не знала себя самое. Правда, я уже ощущала свою наготу, укрытую богатым нарядом: грудь, живот, бедра, шею, руки, ступни. Я прикоснулась к топазу, оправленному в золото, который

светлячком пульсировал в ложбинке на груди, и тотчас почувствовала, какое у меня выражение лица — неуловимое выражение, которое должно было изумлять, потому что каждому, кто смотрел на меня, казалось, что я улыбаюсь, но если он внимательно присматривался к моим губам, глазам, бровям, то замечал, что в них нет и следа веселости, даже вежливой, и снова искал улыбку в моих глазах, а они были совершенно спокойны, он переводил взгляд на щеки, на подбородок, но там не было трепетных ямочек: мои щеки были гладки и белы, подбородок серьезен, спокоен, деловит и так же безупречен, как и шея, которая тоже ничего не выражала. Тогда смотревший впадал в недоумение, не понимая, как ему пришло о голову, что я улыбаюсь, и, ошеломленный своей растерянностью и моей красотой, отступал в глубь толпы или отвешивал мне глубокий поклон, чтобы хоть этим жестом укрыться от меня. А я все еще не знала двух вещей, хотя и понимала, что они самые важные. Я не могла понять, почему король не посмотрел на меня, когда я проходила мимо, почему он не хотел смотреть мне о глаза, хоть и не боялся моей красоты и не желал ее: я же чувствовала, что по-настоящему ценна для него, но ценна каким-то невыразимым образом,

так, будто бы я сама была для него ничем, вернее, кем-то как бы потусторонним для этой искрящейся залы, и что я была создана не для танца на зеркальном паркете, уложенном многокрасочной мозаикой под литыми из бронзы гербами, украшающими высокие притолоки, — и однако, когда я прошла мимо него, в нем не возникло ни одной мысли, по которой я могла бы догадаться о его королевской воле, а когда он послал мне вдогонку взгляд, мимолетный и небрежный, но как бы поверх воображаемого дула, я поняла еще и то, что не в меня целились эти белесые глаза, которые стоило бы скрыть за темными стеклами, потому что лицо его хранило благовоспитанность, а глаза не притворялись и среди всей этой изысканности выглядели, как остатки грязной воды о медном тазу. Пуще того, его глаза были словно подобраны в мусорной куче — их не следовало бы выставлять напоказ.

Кажется, он чего-то от меня хотел, но чего? Я не могла тогда об этом думать, ибо должна была сосредоточиться на другом. Я знала здесь всех, но меня не знал никто. Разве только он, король. Теперь, когда во мне стало возникать знание и о себе, странное ощущение овладело мною, и когда, пройдя три четверти зала, я замедлила шаг, то

в разноцветной массе лиц окостенелых и лиц в серебряном инее бакенбардов, лиц искривленных и одутловатых, вспотевших под скатавшейся пудрой, меж орденских лент и галунов, открылся коридор, чтобы я могла проследовать, словно королева, по этой узкой тропинке сквозь паутину взглядов, чтобы я прошла — куда?

К кому-то.

А кем была я сама? Мысли мои неслись с невероятной быстротой, и я о секунду поняла, сколь необычно различие между мною и этим светским сбродом, потому что у каждого из них были свои дела, семья, всяческие отличия, полученные путем интриг и подлостей, каждый носился со своею торбой никчемной гордости, волоча за собой свое прошлое, как повозка о пустыне тянет сзади длинный хвост поднятой пыли. Я же была из таких далеких краев, что, казалось, имела не одно прошлое, а множество, — и поэтому моя судьба могла стать понятной для них только в частичном переводе на здешние нравы, но по тем определениям, которые удалось бы подобрать, я все равно осталась бы для них чуждым существом. А может быть, и для себя тоже? Нет… а, впрочем, пожалуй, да, — у меня ведь не было никаких знаний, кроме тех, что ворвались в

меня на пороге залы, как вода, которая, прорвав плотину, бурля, заливает пустоту. Ища в этих знаниях логику, я спрашивала себя, можно ли быть сразу множеством? Происходить сразу из многих покинутых прошлых? Моя собственная логика, отделенная от бормочущих воспоминаний, говорила мне, что нельзя, что прошлое может быть лишь одно, а если я одновременно графиня Тленикс, дуэнья Зорсинэй, юная Виргиния — сирота Валандского рода из заморской страны Лангодотои, если и не могу отличить вымысла от действительности, докопаться до истинной памяти о себе, то, может быть, я сплю? Но уже загремел оркестр: бал напирал, словно каменная лавина, и трудно было поверить в другую, еще более реальную действительность. Я шла в неприятном ошеломлении, следя за каждым своим шагом, потому что снова началось головокружение, которое я почему-то назвала «vertigo»[4]. Я ни на миг не сбилась в своей королевской поступи, хотя это потребовало огромного напряжения, незаметного внешне, и ради этой незаметности — еще больших усилий, пока я не почувствовала поддержку извне, то был взгляд мужчины,

---

[4] notes: 4
Кружение *(лат.)*.

который сидел в низком проеме приоткрытого окна. — на его плечо свесилась складка парчевой занавеси, расшитой красно-седыми коронованными львами, страшно старыми, поднимавшими в лапах скипетры и яблоки держав — райские, отравленные яблоки. Этот человек, уединившийся среди львов, одетый во все черное, прилично, но с долею естественной небрежности, в которой нет ничего общего с искусственным дамским беспорядком, этот чужой, не денди, не чичисбей[5], не придворный и вовсе не красавчик, но и не старик, смотрел на меня из своего укрытия такой же одинокий в этом всеобщем гомоне, как и я. Вокруг толпились те, кто раскуривает cigarillo свернутым банкнотом на глазах партнеров по taroccо[6] и бросает золотые дукаты на зеленое сукно так, как швыряют в пруд лебедям мускатные орехи, — люди, которые не могут совершить ничего глупого или позорного, ибо их знатность облекает благородством любой поступок. А этот мужчина в высшей степени не подходил к такому окружению, и снисходительность, с которой он, как бы нечаянно, позволял жесткой парче

---

[5] notes: 5
Дамский угодник (спутник для прогулок — *ит.*).

[6] notes: 6
Средневековая карточная игра особыми картами (таро).

в королевских львах перевешиваться через плечо и бросать на его лицо отблеск тронного пурпура, выглядела тихим издевательством. Он был немолод, но юность все еще жила в его темных, нервно прищуренных глазах, он слушал, а возможно, и не слышал своего собеседника, маленького лысого толстяка, похожего на доброго закормленного пса. Когда незнакомец встал, занавесь соскользнула с его плеча — ненужная отброшенная мишура, и наши глаза встретились в упор, и мои сразу же скользнули прочь, будто обратились в бегство — могу поклясться. Но его лицо осталось на дне моих глаз — я как бы ослепла и оглохла на мгновение, так что вместо оркестра некоторое время слышала только стук своего сердца. Не знаю почему. Уверяю вас, лицо у него было совершенно обыкновенное. В его неправильных чертах была та привлекательная некрасивость, что нередко свойственна высоким умам; но, казалось, он уже устал от собственного интеллекта, излишне проницательного, который мало-помалу подтачивал его в самоубийственных ночных бдениях — видно было, что ему приходится тяжко и в иные часы он рад бы избавиться от своей мудрости, уже не привилегии и дара, но увечья, ибо неустанная работа

мысли начала ему досаждать, особенно когда он оказывался наедине с собой, что случалось с ним часто — почти всегда и везде, а значит, и здесь. У меня вдруг возникло желание увидеть его тело, спрятанное под добротной, чуть мешковатой одеждой, сшитой так, будто он сам сдерживал старания портного. Довольно печальной должна, наверно, быть эта нагота, почти отталкивающе мужественная, с атлетической мускулатурой, перекатывающейся узлами вздутий и выпуклостей, со струнами сухожилий, способная вызвать страсть разве что у стареющих женщин, которые упорно не желают от всего навсегда отказаться и шалеют, как нерестящиеся рыбы. Зато голова его была так по-мужски прекрасна — гениальным рисунком рта, гневливой запальчивостью бровей, как бы разрезанных морщинкой посредине, его крупный, жирно лоснящийся нос даже чувствовал себя смешным в такой компании. Ох, не был этот мужчина красив, и даже некрасивость его не искушала, попросту он был **другой**, но если бы я внутренне не расслабилась, когда мы столкнулись взглядами, то, наверное, могла бы пройти мимо. Правда, если бы я так поступила, если бы мне удалось вырваться из сферы его притяжения, всемилостивейший король тотчас же

занялся бы мною — дрожанием перстня, уголком выцветших глаз, зрачками, острыми, как булавки, — и я вернулась бы туда, откуда пришла. Но в тот миг и на том месте я не могла еще этого знать, я не понимала, что та, словно случайная встреча взглядов, мимолетное совпадение черных отверстий зрачков — а они же, в конце концов, всего-навсего дырочки в круглых приборах, проворно скользящих в глазницах черепа, — что это все заранее предопределено, но откуда мне было это знать тогда!..

Я уже прошла мимо, когда он встал, сбросил с рукава зацепившийся край парчи и, как бы давая понять, что комедия окончена, двинулся за мной. Сделав два шага, он остановился, вдруг осознав, каким пошлым ротозейством выглядела эта его отчаянная решимость плестись за незнакомой красавицей, как зазевавшийся дурачок за оркестром. Он остановился, и тогда, сложив кисть руки лодочкой, я другой рукой сдвинула с запястья петельку веера. Чтобы упал. И он, конечно, тут же… Мы рассматривали друг друга уже совсем вблизи, между нами была только перламутровая ручка веера. Это была прекрасная и страшная минута — смертный холод перехватил мне горло, и, чувствуя, что вместо голоса могу

выдавить из себя только слабый хрип, я лишь кивнула ему, и этот мой кивок был таким же неуверенным, как тот недавний реверанс перед королем, не удостоившим меня взглядом. Он не ответил на мой поклон — он был растерян и изумлен тем, что происходило в нем самом, ибо такого он от себя не ожидал. Я знаю это точно, он позже сам сказал об этом, но, если бы и не сказал, я все равно бы знала. Ему нужно было что-то говорить, чтобы не стоять столбом, как болван, каким он выглядел тогда, отлично это сознавая. «Сударыня, — произнес он, прихрюкивая, как поросенок, — сударыня, вот веер». Я уже давно держала в руках и веер, и, кстати, себя тоже. «Сударь. — отозвалась я, и мой голос прозвучал тускло, как чужой, и он мог подумать, что это мой обычный голос, ведь раньше он никогда его не слышал, — может быть, мне уронить веер еще раз?» И улыбнулась — нет, не искушающе, не соблазнительно, не лучезарно. Улыбнулась только потому, что почувствовала, как краснею. Однако тот румянец был не моим: он вспыхнул на моих щеках, разлился по лицу, окрасил лепестки ушей — я все это прекрасно ощущала, но я же вовсе не испытывала ни изумления, ни восхищения, ни замешательства перед этим чужим человеком, в

сущности, одним из многих, как он, затерянных в толпе придворных, — скажу точнее: этот румянец не имел ничего общего со мной, он возник из того же источника, что и знание, которое вошло в меня на пороге залы с первым моим шагом на ее зеркальную гладь, — тот румянец был как бы частью придворного этикета — всего, что принято, как веер, кринолин, топазы и прическа. И чтоб он не посмел истолковать всего превратно, чтобы показать, как мало значит мой румянец, я улыбнулась, но не ему, а поверх его головы, отмерив как раз такое расстояние, какое отделяет любезность от насмешки. И он захохотал тогда почти беззвучно, как бы про себя, точь-в-точь мальчишка, который знает, что строже всего на свете ему запрещено смеяться, и именно поэтому не в силах удержаться. И от этого смеха мгновенно помолодел.

— Если бы ты дала мне минуту отсрочки, — сказал он, вдруг перестав смеяться, словно протрезвел от новой мысли, — я бы смог придумать ответ, достойный твоих слов, то есть в высшей степени остроумный, но лучшие мысли всегда приходят мне в голову уже на лестнице.

— Неужели ты столь не находчив? — спросила я, сосредотачивая все усилия воли на своем лице

и ушах, потому что меня уже злил тот неуступчивый румянец, который мешал мне чувствовать себя независимой, ведь я догадывалась, что и он был частью того же замысла, с которым король отдавал меня моему предназначению.

— Может быть, мне следует добавить: «Нет ли средства этому помочь?» — продолжала я, — а ты ответишь, что все бессильно перед лицом красоты, чье совершенство способно подтвердить существование Абсолюта. Тогда бы мы посерьезнели на два такта оркестра и с надлежащей ловкостью выбрались бы на обычную придворную почву. Но она, мне кажется, тебе чужда и, пожалуй, нам лучше, так не разговаривать…

Только теперь, когда он услышал эти слова, он меня испугался — и по-настоящему, и теперь вправду не знал, что сказать. У него были такие глаза, будто нас обоих подхватило вихрем и несет из этой залы неведомо куда — в пустоту.

— Кто ты? — спросил он жестко. От игры, от волокитства не осталось ни следа — только страх. А я совсем — вот ни капельки — его не боялась, хотя, собственно, должна бы испугаться ощущения, что его лицо, эта угреватая кожа, строптиво взъерошенные брови, большие оттопыренные уши сверяются с каким-то заключенным

во мне ожиданием: накладываясь, совпадают словно бы с негативом, который я носила в себе непроявленным и который сейчас вдруг начал пропечатываться. Я не боялась его — даже если в нем был мой приговор. Ни себя, ни его. Однако сила, которую это совпадение освободило во мне, заставила меня вздрогнуть. И я вздрогнула, но не как человек, а как часы, когда их стрелки сошлись и пружина стронулась, чтобы пробить полночь, но первый удар еще не раздался. Этой дрожи не мог заметить никто.

— Кто я, ты узнаешь чуть позднее, — ответила я очень спокойно, раскрыла веер и улыбнулась легкой бледной улыбкой, какими ободряют больных и слабых. — Я бы выпила вина, а ты?

Он кивнул, силясь напялить на себя светскую оболочку, которая была ему не по нутру и не по плечу, и мы пошли по паркету, заляпанному перламутровыми потеками воска, словно капель стекавшего с люстры, через всю залу, рука об руку, — туда, где у стены лакеи разливали вино в бокалы.

В ту ночь я не сказала ему, кто я, потому что не хотела лгать, а истины не знала сама. Истина может быть лишь одна, а я была и дуэнья, и графиня, и сирота — все эти судьбы кружились

во мне и каждая могла бы стать истинной, признай я ее своей; я уже понимала, что в конце концов мою истину предопределит мой каприз, и та, которую я выберу, сдунет остальные, но я продолжала колебаться между этими образами, потому что мне мерещился в них какой-то сбой памяти. Скорей всего, я была молодой особой, страдавшей расщеплением личности, и мне на время удалось вырваться, из-под заботливой опеки близких. Продолжая разговор, я думала, что если я и вправду сумасшедшая, то все кончится благополучно, ведь из помешательства можно выйти, как из сна, — и тут, и там есть надежда. В поздний час, когда мы вместе (а он не отступал от меня ни на шаг) прошли рядом с его величеством за минуту до того, как король вознамерился удалиться в свои апартаменты, я обнаружила, что повелитель даже не взглянул в нашу сторону, и это было страшное открытие. Он не проверял, так ли я держу себя с Арродесом, видимо, это было не нужно, видимо, он не сомневался, что может полностью мне доверять, как доверяют подосланным тайным убийцам, зная, что они не отступят до последнего своего вздоха, ибо их судьба всецело в руке пославшего. Но могло быть и так, что королевское равнодушие должно сте-

реть мои подозрения — раз он не смотрит в мою сторону, значит, я действительно ничего для него не значу, — и оттого мои навязчивые домыслы опять склонялись к мысли о сумасшествии. И вот я, ангельски прекрасная умалишенная, попиваю вино и улыбаюсь Арродесу, которого король ненавидит, как никого другого, — он даже поклялся матери в ее смертный час, что если злая участь и постигнет этого мудреца, то уж непременно по его королевской воле. Не знаю, рассказал ли мне это кто-нибудь во время танца или я это узнала от себя самой, ведь ночь была такая длинная и шумная, огромная толпа то и дело нас разлучала, а мы вновь находили друг друга, неумышленно, словно все здесь были замешаны в этом заговоре — очевидный бред: не кружились же мы среди механически танцующих манекенов! Я разговаривала со старцами и с девицами, завидовавшими моей красоте, различала бесчисленные оттенки благоглупости, столь скорой на зло. Я раскусывала этих ничтожных честолюбцев и раздевала этих девчонок с такой легкостью, что мне даже становилось их жаль.

Казалось, я была воплощением отточенного разума — я блистала остроумием, и оно добавляло блеска моим глазам, хотя из-за тревоги,

которая росла во мне, я охотно притворилась бы дурочкой, чтобы спасти Арродеса, но именно этого я как раз и не могла. Увы, я была не столь всесильна. Был ли мой разум, сама правильность, подвластен лжи? Вот над чем билась я во время танца, выделывая фигуры менуэта, пока Арродес, который не танцевал, смотрел на меня издали, черный и худой на фоне пурпурной, расшитой львами парчи занавесей. Король удалился, а вскоре распростились и мы. Я не позволила ему ни о чем спрашивать, а он все пытался что-то сказать и бледнел, когда я повторяла «нет» сначала губами, потом только сложенным веером. Выходя из дворца, я не знала, ни где живу, ни откуда пришла, ни куда направляюсь — знала только, что это меня не касается — все мои попытки что-то узнать были напрасны: каждому известно, что нельзя повернуть глазное яблоко так, чтобы зрачок заглянул внутрь черепа. Я позволила Арродесу проводить меня до дворцовых ворот: позади круга все еще пылавших бочек со смолой был парк, будто высеченный из угля, а в холодном воздухе носился далекий нечеловеческий смех — то ли эти жемчужные звуки издавали фонтаны работы южных мастеров, то ли болтающие статуи, похожие на белесые маски, подвешенные

над клумбами. Королевские соловьи тоже пели, хотя слушать их было некому, вблизи оранжереи один из них чернел на огромном диске лупы, словно нарисованный. Гравий хрустел у нас под ногами, и золоченые острия ограды шеренгой торчали из мокрой листвы. Он торопливо и зло схватил меня за руку, которую я не успела вырвать, рядом засияли белые полосы на эполетах гренадеров его величества, кто-то вызывал мой выезд, кони били копытами, фиолетовые отсветы фонариков блеснули на дверце кареты, упала ступенька. Это не могло быть сном.

— Когда и где? — спросил он.

— Лучше никогда и нигде, — сказала я свою главную правду и тут же быстро и беспомощно добавила: — Я не шучу, прийди в себя, мудрец, и ты поймешь, что я даю тебе добрый совет.

То, что я хотела произнести дальше, мне уже не удалось выговорить. Это было так странно: думать я могла все, что угодно, но голос не выходил из меня, я никак не могла добраться до тех слов. Хрип, немота — будто ключ повернулся в замке и засов задвинулся между нами.

— Слишком поздно, — тихо сказал он, опустив голову, — на самом деле, поздно.

— Королевские сады открыты от утреннего до

полуденного сигнала, — я поставила ногу на ступеньку кареты. — Там, где пруд с лебедями, есть старый дуб. Завтра, точно в полдень, ты найдешь в дупле записку, а сейчас я желаю тебе, чтобы ты каким-нибудь немыслимым чудом все-таки забыл, что мы встречались. Если бы я знала — как, то помолилась бы за это.

Не к месту было говорить это при страже. И слова были банальные, и мне не дано было вырваться из этой смертельной банальности — я это поняла, когда карета уже покатилась, а он ведь мог истолковать мои слова так, будто я боюсь чувства, которое он во мне пробудил. Так и было: я боялась чувства, которое он возбудил во мне, однако оно не имело ничего общего с любовью, а я говорила то, что могла сказать, словно пробовала, как во тьме на болоте пробуют почву ногой, не заведет ли следующий шаг в трясину. Я пробовала слова, нащупывая дыханием те, что мне удастся вымолвить, и те, что мне сказать не дано. Но он не мог этого знать. Мы расстались ошеломленные, в тревоге, похожей на страсть, ибо так начиналась наша погибель. И я, прелестная, нежная, неискушенная, все же яснее, чем он, понимала, что я — его судьба, в полном, страшном и неотвратимом значении этого слова.

Коробка кареты была пуста. Я поискала тесьму, пришитую к рукаву кучера, но ее не было. Окон тоже не было, может быть, черное стекло? Мрак внутри был такой полный, что, казалось, принадлежал не ночи, а пустоте. Не просто отсутствие света, а ничто. Я шарила руками по вогнутым обитым плюшем стенкам, но не нашла ни оконных рам, ни ручки, ничего, кроме вогнутых, мягко выстланных поверхностей передо мной и надо мной, крыша была удивительно низкая, словно меня захлопнули не в кузове кареты, а в трясущемся наклонном футляре. Я не слышала ни топота копыт, ни обычного при езде стука колес. Чернота, тишина и ничто. Тогда я сосредоточилась на себе — для себя я была более опасной загадкой, чем все, что со мной произошло. Память была безотказна. Мне казалось, что все так и должно быть и не могло произойти иначе: я помнила мое первое пробуждение — когда я еще не имела пола, еще не была собой, и новый сон, который неумолимо охватил меня, как только я закуклилась в коконе. Я помнила и пробуждение в дверях дворцовой залы, когда я уже была в этой действительности, помнила даже легкий скрип, с которым распахнулись резные двери, и застывшее лицо лакея, служеб-

ным рвением превращенного в исполненную почтения куклу, живой восковой труп. Теперь все мои воспоминания слились воедино, и я могла в мыслях вернуться вспять, туда, где я не знала еще, что такое — двери, что — бал и что — я. Меня пронзила дрожь, оттого что я вспомнила, как первые мои мысли, еще лишь наполовину облеченные в слова, я выражала в формах другого рода — «сознавало», «видело», «вошло» — вот как было, пока блеск залы, хлынув в распахнутые двери, не ударил мне в зрачки и не открыл во мне шлюзы и клапаны, сквозь которые с болезненной быстротой влилось в меня человеческое знание слов, придворных жестов, обаяние надлежащего пола и вкупе с ними — память о лицах, среди которых первым было лицо Арродеса, а вовсе не королевская гримаса. И хотя никто никогда не смог бы мне в точности этого объяснить, я теперь была уверена, что перед королем остановилась по ошибке — я перепутала предназначенного мне с тем, от кого предназначение исходило. Ошибка — но если так легки ошибки — значит эта судьба не истинная, и я могу еще спастись?

Теперь, в полном уединении, которое вовсе не тревожило меня, а, напротив, было даже удобно, ибо позволяло мне спокойно и сосредоточен-

но подумать, когда я попыталась познать, кто я, вороша для этого свои воспоминания, такие доступные — каждое на своем месте, под рукой, как давно знакомая утварь в старом жилище, я видела все, что произошло этой ночью, но резко и ясно — только от порога дворцовой залы. А прежде? Где я была? Или было?! Прежде? Откуда я взялась? Самая простая и успокаивающая мысль подсказывала, что я не совсем здорова, что я возвращаюсь из болезни, как из экзотического, полного приключений путешествия, — тонкая, книжная и романтическая девушка, несколько рассеянная, со странностями. Оттого что я слишком хрупка для этого грубого мира, мною овладели навязчивые видения, и, видно, в горячечном бреду, лежа на кровати с балдахином, на простынях, обшитых кружевами, я вообразила себе путешествие, через металлический ад, а мозговая горячка была мне, наверное, даже к лицу — в блеске свечей, так озаряющих альков, чтобы, когда я очнусь, ничто меня не испугало и чтобы в фигурах, склонившихся надо мной, я сразу бы узнала неизменно любящих меня попечителей… Что за сладкая ложь! У меня были Видения, не так ли? И они, вплавившись в чистый поток моей единой памяти, расщепили ее. Расщепили?.. Да,

спрашивая, я слышала в себе хор ответов, готовых, ожидающих: дуэнья, Тленикс, Ангелита. Ну и что из этого? Все эти имена были во мне готовы, мне даны, и каждому соответствовали даже образы, как бы единая их цепь. Они сосуществовали — так, как сосуществуют корни, расходящиеся от дерева, и я, без сомнения, единственная и единая, когда-то была множеством разветвлений, которые слились во мне, как ручьи сливаются в речное русло. «Не могло быть так, — сказала я себе. — Не может быть, я уверена». Но я же видела мою предыдущую судьбу разделенной на две части: к порогу дворцовой залы тянулось множество нитей — разных, а от порога — одна. Картины первой части моей судьбы жили отдельно друг от друга и друг друга отвергали. Дуэнья: башня, темные гранитные валуны, разводной мост, крики в ночи, кровь на медном блюде, рыцари с рожами мясников, ржавые лезвия алебард и мое личико в овальном подслеповатом зеркале, висевшем между рамой мутного окна из бычьего пузыря и резным изголовьем. Может быть, я пришла оттуда? Но как Ангелнта я росла среди южного зноя, и, глядя назад в эту сторону, я видела белые дома, повернувшиеся к солнцу известковыми спинами, чахлые пальмы, диких собак, поливаю-

щих пенящейся мочой их чешуйчатые корни, и корзины, полные фиников, слипшихся в клейкую сладкую массу, и врачей в зеленых одеяниях, и лестницы, каменные лестницы спускающегося к заливу города, всеми стенами отвернувшегося от зноя, и кучи виноградных гроздьев, и рассыпанные засыхающие изюмины, похожие на козий помет. И снова мое лицо в воде — не в зеркале: вода лилась из серебряного кувшина, потемневшего от старости. Я помню даже, как носила этот кувшин, и вода, тяжело колыхаясь в нем, оттягивала мне руку. А как же мое «оно», лежащее навзничь, и то путешествие и поцелуи подвижных металлических змей, проникающие в мои руки, тело, голову, — этот ужас, который настолько теперь потускнел, что вспомнить его я могла лишь с трудом, как дурной сон, не передаваемый словами? Не могла я пережить столько судеб, одна другой противоречащих, — ни все сразу, ни одну за другой! Так что же истинно? Моя красота. Отчаяние и торжество — равно ощутила я, увидев в его лице, как в зеркале, сколь беспощадно совершенство этой красоты. Если бы я в безумии завизжала, брызгая пеной, или стала бы рвать зубами сырое мясо, то и тогда мое лицо осталось бы прекрасным, — но почему я

подумала «мое лицо», а не просто «я»? Почему я с собой в раздоре? Что я за существо, неспособное достичь единства со своим телом и лицом? Колдунья? Медея? Но подумать такое — уже совершенная несуразица. Мысль моя работала, как источенный меч в руке рыцаря с большой дороги, которому нечего терять, и я легко рассекала ею любой предмет, но эта моя способность тоже показалась мне подозрительной — своим совершенством, чрезмерной холодностью, излишним спокойствием, ибо над моим разумом был страх: и этот страх существовал вне разума — вездесущий, невидимый — сам по себе, и это значило, что я не должна была доверять и своему разуму тоже. И я не стала верить ни лицу своему, ни мысли своей, но страх остался — вне их. Так против чего же он направлен, если помимо души и тела нет ничего? Такова была загадка. И мои предыстории, мои корни, разбегавшиеся в прошлом, ничего мне не подсказывали: их ощупывание было лишь пустой перетасовкой одних и тех же красочных картинок. Северянка ли дуэнья, южанка Ангелита или Миньона — я всякий раз оказывалась другим персонажем, с другим именем, с другим состоянием, другой семьей. Ни одна из них не могла возобладать над прочими. Юж-

ный пейзаж каждый раз возникал в моей памяти, переслащенный театральным блеском торжественной лазури, и, если бы не эти шелудивые псы и не полуслепые дети с запекшимися веками и вздутыми животиками, беззвучно умирающие на костлявых коленях закутанных в черное матерей, это пальмовое побережье оказалось бы слишком гладким, скользким, как ложь. А север моей дуэньи: башни в снеговых шапках, бурое клубящееся небо, и особенно зимы — снеговые фигуры на кручах, выдумки ветра, извилистые змеи поземки, ползущей из рва по контрфорсам и бойницам, белыми озерами растекающейся на скале у подножия замка, и цепи подъемного моста, плачущие ржавыми слезами сосулек. А летом — вода во рву, которая покрывалась ряской и плесенью, — как хорошо я все это помнила! Но было же и третье прошлое: большие, чопорные подстриженные сады, садовники с ножницами, своры борзых и черно-белый дог, как арлекин на ступенях трона, скучающая скульптура — лишь движение ребер нарушало его грациозную неподвижность, да в равнодушных желтых глазах поблескивали, казалось, уменьшенные отражения катарий или некроток. И эти слова — «некротки», «катарии», — сейчас я не знала,

что они значили, но когда-то должна была знать. И теперь, взглядываясь в это прошлое, забытое, как вкус изжеванного стебелька, я чувствовала, что не должна возвращаться в него глубже — ни к туфелькам, из которых выросла, ни к первому длинному платью, вышитому серебром, будто бы и в ребенке, которым я когда-то была, тоже спрятано предательство. Оттого я вызвала в памяти самое чуждое и жестокое воспоминание — как я, бездыханная, лежа навзничь, путешествовала, цепенея от поцелуев металла, издававшего, когда он касался моего тела, лязгающий звук, словно оно было безмолвным колоколом, который не может зазвенеть, пока в нем нет сердца. Да, я возвращалась в невероятное — в бредовый кошмар, уже не удивляясь тому, как прочно он засел в моей памяти, — конечно, это мог быть только бред, и, чтобы поддержать в себе эту уверенность, я робко стала ощупывать, только самыми кончиками пальцев, свои мягкие предплечья, грудь, — без сомнения, то было наитие, которому я поддавалась, дрожа, будто входила, запрокинув голову, под ледяные струн отрезвляющего дождя. Нигде не было ответа, и я попятилась от этой бездны — моей и не моей.

И тогда я вернулась к тому, что тянулось уже

единой нитью. Король, вечер, бал и тот мужчина. Я сотворена для него, он — для меня, я знала это, и снова — страх. Нет, не страх, а ощущение рока, чугунной тяжести предназначения, неизбежного, неотвратимого: знание, подобное предчувствию смерти, — знание, что уже нельзя отказаться, уйти, убежать, даже погибнуть, но погибнуть иначе. Я тонула в этом леденящем предчувствии, оно душило меня. Не в силах вынести его, я повторяла одними губами: «отец, мать, родные, подруги, близкие» — я прекрасно понимала смысл этих слов, и они послушно воплощались в фигуры — в знакомые: мне приходилось признавать их своими, но нельзя же иметь четырех матерей и столько же отцов сразу — опять этот бред, такой глупый и такой назойливый? Наконец, я прибегла к арифметике: один и один — два, от отца и матери рождаются дети — ты была ими всеми, это память поколений. «Нет, либо я прежде была сумасшедшей, — сказала я себе, — либо я больна сейчас, и, хоть я и в сознании, душа моя помрачена. И не было бала, замка, короля, вступления в мир, который бы подчинялся заранее установленной гармонии». Правда, я тотчас ощутила горечь от мысли, что, если так, я буду вынуждена распроститься с моей красотой.

Что ж, из элементов, которые не подходят друг другу, я ничего не построю — разве только найду в постройке перекос, протиснусь в трещины и раздвину их, чтобы войти внутрь. Вправду ли все произошло так, как должно было случиться? Если я собственность короля, то как я могла об этом знать? Ведь мысль об этом даже и во сне должна быть для меня запретной. Если за всем этим стоит он, то почему, когда я хотела ему поклониться, я поклонилась не сразу? И если все готовилось так тщательно, то почему я помню то, чего мне не следует помнить? Отзовись во мне только одно мое прошлое, девичье и детское, я не впала бы в душевный разлад который вел к отчаянию, а затем — к бунту против судьбы. И уж наверняка надлежало стереть воспоминания о том путешествии навзничь, о себе безжизненной и о себе оживающей от искровых поцелуев, о безмолвной наготе, но и это тоже осталось и было сейчас во мне. Не закралось ли в замысел и в исполнение некое несовершенство? Небрежность, рассеянность и — непредвиденные утечки, которые теперь принимаются за загадки или дурной сон? Но в таком случае, была надежда. Ждать. Ждать, чтобы в дальнейшем осуществлении замысла нагромоздились новые несообразности, чтобы

обратить их в жало, нацеленное на короля, на себя, все равно на кого — только бы наперекор навязанной судьбе. А может быть, поддаться колдовству, жить в нем, пойти с самого утра на условленное свидание — я знала, что ЭТОГО мне никто не воспретит, наоборот, все будет направлять меня именно туда.

А то, что было сейчас вокруг меня, раздражало своей примитивностью — какие-то стенки: сначала обивка, мягко поддающаяся под пальцами, под ней сопротивление стали или даже камня — не знаю чего, но ведь я могу разодрать ногтями эту уютную упаковку!.. Я встала, коснулась головой вогнутой крыши: вот что вокруг меня и надо мной, и вот внутри чего — я… Я — единая?..

Я продолжала отыскивать противоречия в мучительном моем самопознании, и по мере того, как мысли скачками надстраивались, этаж над этажом, я приблизилась уже к тому, что пора усомниться и в самом суждении, что если я — безумная русалка, заключенная, как насекомое в прозрачном янтаре, в моей obnubilatio lucida[7], то понятно, что —…

Постой. Минутку. Откуда взялась у меня та-

---

[7] notes: 7
Прозрачной туче *(лат.)*.

кая изысканно отточенная лексика, эти ученые латинские термины, логические посылки, силлогизмы, эта изощренность, не свойственная очаровательной девушке, чье назначенье воспламенять мужские сердца? И откуда это равнодушие в делах любви, рассудочность, отчужденность: ведь меня любили — наверное, уже бредили мною, жаждали видеть, слышать мой голос, коснуться моих пальцев, а я изучала эту страсть, как препарат под стеклом, — неправда ли, это удивительно, противоречиво и несинкатегориматично? Но может, мне все только пригрезилось и конечной истиной был старый холодный мозг, запутавшийся в опыте бесчисленных лет? И может, одна только обостренная мудрость и была единственным моим настоящим прошлым: я возникла из логики, и лишь она творила мою истинную генеалогию?.. И я не верила в это. Да, я страшно виновна и вместе с тем невинна. Во всех ветвях моего завершенного прошлого, сбегавшихся к моему единому настоящему, я была невинна — там я была девочкой, хмурым молчаливым подростком в серо-седых зимах и в жаркой духоте дворцов; я была неповинна и в том, что произошло здесь, у короля, потому что я не могла быть иной; а жестокая

моя вина состояла только в том, что, уже во всем хорошо разобравшись, я уверила себя, что все это мишура, фальшь, накипь, и в том, что, желая погрузиться в глубь своей тайны, я испугалась этого погружения и испытывала подлую благодарность к невидимым препятствиям, которые удерживали меня от него. Душа моя была одновременно грешной и праведной, но что-то у меня еще осталось? О, конечно, осталось. У меня было мое тело, и я стала ощупывать его, исследовать в этом черном замкнутом пространстве, как опытный криминалист изучает место преступления. Странное расследование! Отчего, прикасаясь к своему телу, я ощущала в пальцах легкое щекочущее онемение — кажется, это был мой страх перед собой? Но я же была прекрасна, и мои мышцы были проворны и пружинисты. Сжав руками свои бедра, словно они были чужими, — так никто себе их не сжимает, в отчаянном усилии я смогла под гладкой ароматной кожей прощупать кости, но внутренней стороны предплечий — от локтей до запястий — я почему-то боялась коснуться. Я попыталась одолеть сопротивление: что же могло там быть? Руки у меня были закрыты жесткими кружевными рукавами — ничего не разобрать. Тогда — шея… Такие называют лебеди-

ными. Голова, посаженная на ней с врожденной естественной грацией, с гордостью, внушающей почтение, мочки ушей, полуприкрытых локонами, — два упругих лепестка без украшений, непроколотые — почему? Я касалась лба, щек, губ. Их выражение, открытое мне кончиками пальцев, снова меня обеспокоило. Оно было не таким, как мне представлялось. Чужим. Но отчего я могла быть чужой для себя, как не от болезни? Исподтишка, как маленький ребенок, замороченный сказками, я все же провела пальцами от запястья к локтю — и ничего не поняла. Кончики пальцев сразу онемели, будто мои сосуды и нервы что-то стиснуло, я тотчас вернулась к прежним подозрениям: откуда я все знаю, зачем исследую себя, как анатом? Это не дело девушки: ни Ангелиты, ни светловолосой дуэньи, ни поэтичной Тленикс. И в то же время я ощутила настойчивое успокаивающее внушение: «Все хорошо, не удивляйся себе, капризуля, ты была немножко не в себе, не возвращайся туда, выздоравливай, думай лучше о назначенном свиданье…». Но все же, что там — где локти и запястья?.. Я нащупала под кожей как бы твердый комочек. Набухший лимфатический узел? Склеротическая бляшка? Невозможно. Это не вязалось с моей красотой, ее

непогрешимым совершенством. Но ведь затвердение там было: маленькое — я его прощупывала только при сильном нажиме — там, где щупают пульс, и еще одно — на сгибе локтя.

Значит, у моего тела была своя тайна, и оно своей странностью соответствовало странности духа, его страхам и самоуглубленности, и в этом была правильность, соответствие, симметрия. Если там, то и здесь. Если разум, то и органы. Если я, то и ты. Я и ты… Всюду загадки — я была измучена, сильная усталость разлилась по моему телу, и я должна была ей подчиниться. Уснуть, впасть в забытье — в другой, освобождающий мрак. И тут меня вдруг пронизала решимость назло всему устоять перед соблазном, воспротивиться заключавшему меня ящику этой изящной кареты — кстати, внутри не столь уж изящной, и этой душонке рассудительной девицы, вдруг слишком далеко зашедшей в своем умничании! Протест против воплощенной красоты, прикрывшей знаки рабства. Так кто же я? Сопротивление мое переросло в буйство, в бешенство, от которого моя душа горела во мраке так, что он, казалось, начал светлеть. Sed (amen potest esse totalitater aliter… — что это, откуда? Дух мой? Gratia? Dominus

meus?[8] Нет, я была одна, и я — единая, сорвалась с места, чтобы ногтями и зубами впиться в эти мягко устланные стены, рвала обивку, ее сухой, жесткий материал трещал у меня в зубах, я выплевывала волокна вместе со слюной — ногти сломаются, ну и ладно, вот так, не знаю, против кого, себя, или еще кого-то, только нет, нет, нет, нет…

Что-то блеснуло. Передо мной вынырнула из тьмы как бы змеиная головка, но она была металлической. Игла? Да, что-то укололо меня в бедро — с внутренней стороны, повыше колена: это была слабая недолгая боль, укол — и за ним ничто.

Ничто.

Сумрачный сад. Королевский парк с поющими фонтанами, живыми изгородями, подстриженными на один манер, геометрия деревьев и кустов, лестницы, мрамор, раковины, амуры. И мы вдвоем. Банальные, обыкновенные, но романтичные и полные отчаяния. Я улыбалась ему, а на бедре носила знак. Меня укололи. И теперь мой дух, против которого я бунтовала, и тело, которое я уже ненавидела, получили союзника, — правда,

---

[8] notes: 8

Однако в целом все может быть иным… Благодать? Мой бог? *(лат.).*

он оказался недостаточно искусным: сейчас я уже не боялась его, а просто играла свою роль. Конечно, он все же был настолько искусным, что сумел навязать мне ее изнутри, прорвавшись в мою твердыню. Но искусен не совсем — я видела его сети. Я не понимала еще, в чем цель, но я уже ее увидела, почувствовала, а тому, кто увидел, уже не так страшно, как тому, кто вынужден жить одними домыслами. Я так устала от своих метаний, что даже белый день раздражал меня своей пасмурной торжественностью и панорамой садов, предназначенных для лицезрения его величества, а не зелени. Сейчас я предпочла бы этому дню ту мою ночь, но был день, и мужчина, который ничего не знал, ничего не понимал, жил обжигающей сладостью любовного помешательства, наваждением, насланным мною — нет, кем-то третьим. Силки, западня, ловушка со смертельным жалом, и все это — я? И для этого — струи фонтанов, королевские сады, туманные дали? Глупо. О чьей погибели речь, о чьей смерти? Разве не достаточно подставных свидетелей, старцев в париках, виселицы, яда? Чего же ему еще? Отравленные интриги, что подобают королям?

Садовники в кожаных фартуках, поглощенные

куртинами всемилостивейшего монарха, нас не замечали. Я молчала — так мне было легче. Мы сидели на ступенях огромной лестницы, сооруженной будто для гиганта, который сойдет когда-нибудь с заоблачных высот, только для того специально, чтобы воспользоваться ею. Символы, втиснутые в нагих амуров, фавнов, силенов — в осклизлый, истекающий водой мрамор, были так же мрачны, как и серое небо над ними. Идиллическая пара — прямо Лаура и Филон, но столько же здесь было и от Лукреции.

…Я очнулась здесь, в этих королевских садах, когда моя карета отъехала, и пошла, легко, как будто только что выпорхнула из ванны, источающей душистый пар, и платье на мне было уже другое, весеннее, своим затуманенным узором оно робко напоминало о цветах, намекало на девичью честь, окружало меня неприкосновенностью Eos Rhododaktylos[9], но я шла среди блестящих от росы живых изгородей уже с клеймом на бедре, к которому не могла прикоснуться, да в этом и не было нужды, довольно того, что оно не стиралось в памяти. Я была плененным разумом, закованным уже с пеленок, пробудившимся

---

[9] notes: 9
Розовоперстой зари («С перстами пурпурными Эос») *(греч.)*.

в неволе, и все-таки разумом. И поэтому, пока мой суженый еще не появился и поблизости не было ни чужих ушей, ни той иглы, я, как актриса перед выходом на сцену, пыталась пробормотать про себя те слова, которые хотела сказать ему, и не знала, удастся ли мне их произнести при нем, — я пробовала границы своей свободы, ощупью исследуя их при свете дня. Что особенного было в этих словах? Только правда: сначала о перемене грамматической формы, потом — о множестве моих плюсквамперфектов, обо всем, что я пережила, и о жале, усмирившем мой бунт. Отчего я хотела рассказать ему все — из сострадания, чтобы не погубить его? Нет, ибо я его совсем не любила. Но чтобы предать чужую, злую волю, которая нас свела. Ведь так я скажу? Что хочу, пожертвовав собой, избавить его от себя, как от погибели?

Нет, все было иначе. Была еще и любовь — я знаю, что это такое. Любовь пламенная, чувственная и в то же время пошленькая — желание отдать ему душу и тело лишь постольку, поскольку этого требовал дух моды, обычай, стиль придворной жизни — о, как-никак, а все же чудесный галантный грешок! Но то была и очень большая любовь, вызывающая дрожь, заставля-

ющая колотиться сердце, я знала, что один вид его сделает меня счастливой. И в то же время — любовь очень маленькая, не преступающая границ, подчиненная стилю, как старательно приготовленный урок, как этюд на выражение мучительного восторга от встречи наедине. И не это чувство побуждало меня спасать его от меня или не только от меня, ибо, когда я переставала рассуждать о своей любви, он становился мне совершенно безразличен, зато мне нужен был союзник в борьбе с тем, кто ночью вонзил в меня ядовитый металл. У меня никого больше не было, а он был мне предан безоглядно, я могла на него рассчитывать. Однако я знала, что он пойдет на все лишь ради своей любви ко мне. Ему нельзя было доверить моей reservatio mentalis[10]. Оттого я и не могла сказать ему всей правды: что и моя любовь к нему, и яд во мне — из одного источника. И потому мне мерзки оба, и предназначивший, и предназначенный, и я обоих ненавижу и обоих хочу растоптать, как тарантулов. Не могла я ему этого выдать: он-то в своей любви, конечно, был, как все люди, и ему не нужно было бы такое мое освобождение, которого жаждала я, — такой моей

[10] notes: 10
[Моего] тайника души *(лат.)*.

свободы, которая сразу отбросила бы его прочь. Я могла действовать только ложью — добиваться свободы именем любви, ибо только так можно его убедить, что я — жертва неведомого. Короля? Но, даже если бы он посягнул на его величество, это бы меня не освободило: король, если и был на самом деле виновником всему, то таким давним, что его смерть ни на волос не отдалила бы моего несчастья. Чтобы проверить себя, способна ли я убеждать, я остановилась у статуи Венеры Каллипиги, чья нагота воплотила в себе символы высших и низших страстей земной любви, и принялась в одиночестве готовить свою чудовищную весть, эти мои обличения, оттачивая доводы до кинжальной остроты.

Мне было очень трудно. Я все время натыкалась на неодолимую преграду, я не знала, когда мой язык сведет судорога, на чем прервется дыхание, потому что и дыхание тоже было моим врагом. Не во всем лгать, но и не касаться сути истины, средоточия тайны… Я лишь могла постепенно уменьшать ее радиус, приближаясь, как бы по спирали. Но когда я увидела издали, как он шел, а потом почти побежал ко мне — маленькая еще фигурка в темной пелерине, я поняла, что ничего не выйдет: в рамках галантного стиля

мне не удержаться. Что это за любовная сцена, в которой Лаура признается Филону в том, что она — приготовленное для него орудие пытки? Даже если бы путем иносказаний я преодолела бы мое заклятие, все равно бы я снова обратилась в ничто, из которого возникла. И вся его мудрость была здесь ни к чему. Прелестная дева, которая считает себя орудием тайных сил и бормочет о каких-то системах, о стигматах, о заклятиях — да если она говорит так и о таких вещах, — то, право, эта девица помешана. Ее слова свидетельствуют не об истине, а лишь о галлюцинациях, и потому она достойна не только любви и преданности, но и жалости. Движимый этими чувствами, он, может быть, и сделает вид, будто поверил всему, что услышал, опечалится, станет уверять, что готов погибнуть, но освободить, а сам кинется за советами к докторам и по всему свету разнесет весть о моей беде, — я уже сейчас готова была его оскорбить. При таком сочетании, конечно же, чем заботливей любовник, тем ненадежней союзник: во имя своего счастья он наверняка не захочет отказаться от роли любовника, ведь его-то безумие нормальное, крепкое, солидное, последовательное: любить, ах, любить, ковром стелиться мне под ноги, но только не играть в

анализ чудовищной загадки — «откуда берет начало мой дух?»

И получалось, что если я создана ему на погибель, то он должен погибнуть. Я не знала, какая часть меня ужалит его в объятии: локти? запястья? — это было бы слишком просто. Но я уже знала, что иначе быть не может. Теперь мне надо было пойти с ним по тропинкам, услаждающим взор творениями искусных мастеров паркового искусства; мы сразу же удалились от Венеры Каллипиги, ибо откровенность, с которой она выставляла напоказ свою суть, была неуместна на раннеромантической стадии наших платонических вздохов и робких надежд на счастье. Мы прошли мимо фавнов, тоже откровенных, но на свой лад — каменная плоть этих кудлатых мраморных самцов не задевала моей ангельской натуры, настолько целомудренной, что они не смущали меня даже вблизи, — я была вправе не понимать их поз. Он поцеловал мою руку — как раз то место, где было загадочное затвердение; губами он не мог его почувствовать. А где притаился мой укротитель? Наверное, в ящике кареты. Но может быть, я прежде должна добыть для него какие-то секреты, словно волшебный стетоскоп, приложенный к груди осужденного мудреца. Я

ничего не смогла рассказать Арродесу.

В два дня наш роман прошел все подобающие стадии. Я жила с кучкой верных слуг в поместье, расположенном в четырех почтовых станциях от резиденции короля. Флебё, мой дворецкий, снял особняк на следующий же день после свидания в саду, ни словом не обмолвившись, во что это обошлось, а я, ничего не понимающая в денежных делах девушка, ни о чем не спрашивала. Помнится, он меня побаивался и злился на меня — видимо, не был посвящен в суть дела, даже наверняка не был, просто выполнял королевский приказ; на словах — сама почтительность, а в глазах нескрываемое презрение, — скорей всего, он принимал меня за новую королевскую пассию, а моим прогулкам и свиданиям с Арродесом не слишком удивлялся — умный слуга не станет требовать, чтобы король строил свои отношения с наложницей по схеме, привычной для него, слуги. Полагаю, если бы при нем я вздумала обниматься с крокодилом, он бы и тогда глазом не моргнул. Я была свободна во всем, что не перечило королевской воле, однако сам монарх не показался там ни разу. И я уже убедилась, что

есть слова, которых я никогда не скажу своему суженому, ибо язык у меня тотчас немел при одном лишь желании произнести их и губы деревенели, совсем как пальцы, когда я попробовала ощупывать себя в ту ночь в карете. Я твердила Арродесу, чтоб он не смел посещать меня, а он объяснял это, как все люди, простой боязнью оказаться скомпрометированной и, как человек порядочный, старался держаться осторожней.

На третий день, вечером, я, наконец, отважилась узнать, кто я. Оставшись одна в спальне, я сбросила пеньюар и стала перед зеркалом, нагая статуя. Серебряные иглы и стальные ланцеты, разложенные на подзеркальнике, я прикрыла бархатной шалью, так как боялась их блеска, хоть не боялась их лезвий. Высоко посаженные груди смотрели вверх и в стороны розовыми сосками, след укола на бедре исчез. Обдумывая операцию, точно акушер или хирург, я обеими руками мяла это белое гладкое тело так, что ребра прогибались, но живот, выпуклый, как у женщины с готической картины, не поддавался, и под его теплой, мягкой оболочкой я ощутила неуступчивую твердость. Проведя ладонями сверху вниз, я нащупала и очертила в своем чреве овальный предмет. Поставив по обе руки от

себя по шесть свечей, я кончиками пальцев взяла ланцет, самый маленький, — но не из страха, а только потому, что он был изящнее других. В зеркале все выглядело так, будто я собираюсь пронзить себя ножом: чистой воды финальная сцена из трагедии, выдержанная в едином стиле до последней мелочи: широкое ложе с балдахином, два ряда высоких свечей, блеск стали в моей руке и моя бледность, — потому что тело мое страшилось и колени подкашивались и только рука, державшая скальпель, сохраняла необходимую твердость. Именно туда, где овальный неподатливый предмет прощупывался всего явственней, — чуть пониже грудины, я с силой вонзила ланцет. Боль была мгновенной и слабой, а из разреза выступила всего лишь капля крови. Не обладая замашками мясника, я аккуратно, как анатом, рассекла тело от грудины до лона — правда, сжав зубы и зажмурившись. Смотреть было уже сверх моих сил. Однако я стояла, теперь уже не дрожащая, а только похолодевшая, и мое дыхание, судорожное, как у астматика, звучало сейчас в комнате, будто чужое, будто доносившееся извне. Рассеченная белокожая оболочка разошлась, и я увидела в зеркале свернувшееся серебряное тело — как бы огромный плод, скры-

тую во мне блестящую куколку, обрамленную розовыми складками некровоточащей плоти. Это было чудовищно — так себя видеть! Я не отваживалась коснуться серебристой поверхности, чистейшей, безупречной. Овальное туловище сияло, отражая уменьшенные огоньки свечей. Я пошевелилась и тут же увидела его ножки, прижатые в утробной позе, — тонкие, раздвоенные, как щипцы, они исходили из моего тела, и я вдруг поняла, что это «оно» не было чужим, инородным — оно тоже было мною. Вот почему, ступая по мокрому песку, я оставляла такие глубокие следы, почему я была такой сильной: «это же — я, это снова — я», — повторяла я мысленно, когда вдруг вошел Арродес.

Я оставила двери незапертыми — такая неосторожность! И он прокрался ко мне, неся перед собой, как оправдание и щит, огромный букет красных роз, вошел и так был зачарован собственной дерзостью, что, когда я обернулась с криком ужаса, он, все уже увидев, ничего не осознавал, не понимал, не мог… Не от испуга, а только от огромного стыда, душившего меня, я еще пыталась хотя бы прикрыть руками серебряный овал, но он был слишком велик, а разрез слишком широк, чтобы это удалось.

Его лицо, беззвучный крик и бегство… От этой части показаний прошу меня освободить. Не мог дождаться позволения, приглашения, и вот пришел с цветами, а дом был пуст. Я же сама отослала всех слуг, чтобы никто не помешал задуманному мной — у меня уже не было выбора, не было другого пути. А быть может, в него уже закралось первое подозрение? Я вспомнила, как вчера днем мы переходили через русло высохшего ручья и как он хотел перенести меня на руках, а я запретила ему, но не из стыдливости, истинной или притворной, а потому, что это было запретно. А он тогда заметил на мягком податливом песке следы моих ног — такие маленькие и такие глубокие, и хотел что-то сказать, наверное, какую-нибудь невинную шутку, но смолчал, знакомая морщинка меж бровями стала резче — и, взбираясь на противоположный берег, вдруг не протянул мне руки. Может быть, уже тогда… И еще: когда уже на самой вершине холма я споткнулась и, ухватившись, чтобы сохранить равновесие, за толстую ветку орешника, почувствовала, что вот-вот выворочу весь куст с корнями, — я опустилась на колени, отпустив сломанную ветвь, чтобы не выдать моей неодолимой силы. Он тогда стоял, повернувшись боком, не глядя на меня, но, мне

казалось, все увидел краешком глаза, — так из-за подозрений прокрался он сюда или от неудержимой страсти?

Сочленениями своих щупальцев я оперлась на края открытого настежь тела, чтобы, наконец, освободиться, и проворно высунулась наружу, и тогда Тленикс, дуэнья, Миньон сперва опустилась на колени, потом рухнула на бок, и, распрямляя все свои ноги и неторопливо пятясь, словно рак, я выползла из нее. Свечи сияли в зеркале, и пламя их еще колебалось от сквозняка, поднятого его бегством. Обнаженная лежала неподвижно, непристойно раскинув ноги. Не желая прикасаться к ней, моему кокону, моей фальшивой коже, я обошла ее стороной и, откинув корпус назад, поднялась, как богомол, и посмотрела на себя в зеркало. «Это я, — сказала я себе без слов. — Это все еще я». Обводы гладкие, жесткокрылые, насекомоподобные; утолщения суставов, холодный блеск серебряного брюшка; бока обтекаемые, созданные для скорости; темная, пучеглазая голова, — «это я», повторяла я про себя, будто заучивала на память, и тем временем затуманивались и гасли во мне многократные мои прошлые: дуэньи, Тленнкс, Ангелиты. Теперь я могла их вспоминать только как давно прочи-

танные книжки из детства с неважным и уже бессильным содержанием. Медленно поворачивая голову, я пыталась разглядеть в зеркале свои глаза и, хотя еще не совсем освоилась со своим новым воплощением, уже понимала, что к этому акту самоизвлечения я пришла вовсе не по своей воле, — он был заранее предусмотренной частью некоего плана, рассчитанной именно на такие обстоятельства — на бунт, которому надлежало быть прелюдией к полной покорности. Я и теперь могла мыслить с прежней быстротой и свободой, но зато была подчинена моему новому телу — в его сверкающий металл были впечатаны все действия, которые мне предстояло совершить.

Любовь угасла. Гаснет она и в вас, только годами и месяцами, а я пережила такой же закат чувства за несколько минут — и то было уже третье по счету мое начало, и тогда, издавая легкий плавный шорох, я трижды обежала комнату, то и дело притрагиваясь вытянутыми усиками к кровати, на которой мне уже не суждено отдыхать. Я вбирала в себя запах моего нелюбовника, чтобы пуститься по его следу и помериться силами в этой новой и, наверное, последней игре. Начало его панического бегства было обозначено распахнутыми одна за другой дверями и рассыпанными

розами. Их запах мог мне помочь, потому что, хотя бы на время, стал частью его запаха. Комнаты, сквозь которые я пробегала, я теперь видела снизу вверх — в новой перспективе, и они казались мне слишком большими, наполненными неудобными, лишними вещами, которые враждебно темнели в полумраке. Потом мои коготки слабо заскрежетали по ступенькам каменной лестницы, и я выбежала в сырой и темный сад. Пел соловей — теперь мне это показалось забавным: сей реквизит был ненужен, следующий акт спектакля требовал нового. С минуту я рыскала между кустами, слыша, как хрустит гравий, брызжущий из-под моих ног, описала круг, другой и помчалась напрямик, взяв след. Не взять его я не могла — я выудила его из неимоверной мешанины тающих запахов, извлекла из колебаний воздуха, рассеченного Арродесом на бегу, каждую его частичку, еще не развеянную ветром, и так вышла на предначертанный мне путь, который с этой минуты стал моим до конца.

Не знаю, по чьей вазе я дала Арродесу столь большую фору и вместо того, чтобы идти по следу, до самого рассвета рыскала по королевским

садам. В этом мог быть скрыт известный смысл, ибо я кружила там, где мы прогуливались рука об руку между живыми изгородями, и могла хорошенько впитать его запах, чтобы наверняка не спутать с другими. Правда, проще было сразу за ним помчаться и захватить его, беспомощного, в полном замешательстве и отчаянии, но я этого не сделала. Знаю, все мое поведение в ту ночь можно объяснять по-разному: и моей скорбью, и королевской волей. Я потеряла возлюбленного и взамен обрела лишь гонимую дичь, а монарху мало было одной лишь гибели ненавистного ему человека, притом быстрой и внезапной. Арродес, наверное, тем временем помчался не к себе домой, а к кому-то из друзей, чтобы там в сумбурной исповеди, сам задавая себе вопросы и сам на них отвечая, до всего дойти своим умом: чье-то присутствие было ему все-таки необходимо, но только как отрезвляющая поддержка. В моих скитаниях по садам ничего, однако, не было от мучений разлуки. Я знаю, как неприятно это прозвучит для душ чувствительных, но, не имея ни рук, чтоб их заламывать, ни слез, чтобы их проливать, ни колен, на которые могла бы пасть, ни губ, чтобы прижать к ним увядшие цветы, я не впадала в отчаяние. Тогда меня куда больше

занимало необычайное умение различать следы, которое вдруг во мне открылось. Ведь когда я пробегала по аллеям, меня ни разу, ни на волос не сбил чужой обманчивый след, пусть даже и очень схожий с тем, что стал моей приманкой и моим кнутом. Я ощущала, как каждая частица воздуха просасывается в моем левом легком сквозь лабиринты бесчисленных отбирающих клеток и как каждая подозрительная частичка попадает в мое правое, горячее легкое, где мой внутренний призматический глаз внимательно всматривается в нее, чтобы подтвердить правильность отбора или отшвырнуть прочь как ненужную, и все это свершается быстрее взмаха крылышек мошки, быстрее, чем вы смогли бы осознать. На рассвете я покинула королевские сады. Дом Арродеса стоял пустой — двери настежь, и там, не помыслив даже проверить, взял ли он с собой какое-нибудь оружие, я отыскала новый след и пустилась по нему уже без проволочек. Я не рассчитывала, что путешествие будет долгим, однако дни сложились в недели, недели в месяцы, а я все еще за ним гналась.

И все мои поступки вовсе не казались мне более мерзкими, чем поведение других существ, направляемых жребием, свыше им предначер-

танным.

Я бежала в дождь и в жару, через луга, овраги и заросли, сухой тростник хлестал по моему туловищу, а вода ручьев и луж, через которые я неслась напрямик, обдавала меня и скатывалась по выпуклой спине, по голове и глазам крупными, как слезы, каплями, но это были не слезы. В своем непрестанном беге я видела, что каждый, кто замечал меня еще издали, тотчас отворачивался и становился лицом к стене или к дереву, а если рядом ничего не было, падал на колени, закрыв руками лицо, или валился ничком и долго еще лежал, хотя я была уже далеко. Мне не нужен был сон, и потому я бежала и ночью, и днем через деревни, селения, местечки, через рынки, полные плодов, вялившихся на веревках, и глиняных горшков, и целые толпы селян разбегались передо мной врассыпную, и дети с визгом бросались в боковые улочки, а я, ни на что не обращая внимания, мчалась по назначенному мне следу. Я уже позабыла лицо того человека, и мое сознание, видимо, менее выносливое, чем тело, сужалось — особенно во время ночного бега — настолько, что я уже не знала, кого преследую, и вообще преследую ли кого-то: знала только, что единственная воля

моя — мчаться так, чтобы запах, ведущий меня в этом буйном половодье мира, сохранялся и усиливался, ибо, если он ослабевал, это значило, что я сбилась с верного пути. Я никого ни о чем не спрашивала, да и меня никто не отважился бы о чем-либо спросить. Пространство, разделявшее меня и тех, кто съеживался у стен при моем появлении или падал наземь, закрывая руками затылок, было полно напряженного молчания, и я воспринимала его как положенную мне почтительную дань ужаса, ибо я шла королевским путем, наделенная беспредельным могуществом. И разве лишь маленький ребенок, которого родители не успели подхватить на руки при моем внезапном появлении, принимался плакать, но мне было не до него, потому что моей воле надлежало неустанно быть предельно собранной, сосредоточенной, разом обращенной и наружу, в зеленый, песчаный, каменистый мир, окутанный голубой дымкой, и в мой внутренний мир, где в четкой работе обоих моих легких рождалась музыка молекул, прекрасная, совершенная в своей безошибочности. Я пересекала реки и рукава лиманов, пороги, илистые впадины высыхающих озер, и всякая тварь бежала меня, уносясь скачками или лихорадочно зарываясь в спекшийся

грунт, но вздумай я на них поохотиться, и бежать было бы напрасно, ибо никто из них не был так молниеносно проворен, как я, но что мне до них — косматых, четвероногих, длинноухих тварей, издающих писк, вой или хриплое ржание, — ведь у мена была иная цель…

Иногда я, как снаряд, пробивала большие муравейники — их обитатели, рыжие, черные, пятнистые, бессильно скатывались по моему сверкающему панцирю, а раза два какие-то существа, несравненно крупнее других, не уступили мне дорогу — я ничего против них не имела, но, чтобы не тратить времени на обход кружным путем, я сжималась в прыжке и налету прошивала их насквозь под треск костей и бульканье красных струек, брызгавших мне на спину и на голову, и удалялась так быстро, что даже не успевала подумать о смерти, причиненной таким внезапным и быстрым ударом. Помню также, как пробиралась через поля сражений, беспорядочно усеянные множеством серых и зеленых мундиров — одни еще шевелились, а из других уже торчали кости, грязно-белые, как подтаявший снег, но я ни на что не обращала внимания, у меня была высшая цель, и она была под силу только мне.

Из того, как след вился, петлял, пересекал сам

себя, из того, где и как он почти исчезал на берегах соленых озер в пережженной солнцем пыли, раздражавшей мои легкие, или смытый дождями, я постепенно пришла к выводу, что тот, кто ускользает от меня, изворотлив и хитер и идет на все, чтобы ввести меня в заблуждение и оборвать цепочку частиц, отмеченных признаком единства. Если бы тот, кого я преследовала, был простым смертным, я бы настигла его по истечении предопределенного времени, того, какое необходимо, дабы страх и отчаяние в должной мере усугубили назначенную ему кару, — тогда бы я наверняка догнала его благодаря своей неутомимой быстроте и безошибочной работе сыщицких легких — и уничтожила быстрее, чем успела бы это осознать. Но я не стала наступать ему сразу на пятки: я шла по хорошо остывшему следу, чтобы насладиться своим мастерством, а вместе с тем по исконному обычаю дать гонимому время накопить в себе отчаяние, но порой позволяла ему хорошенько оторваться, потому что, чувствуя мою неотступную близость, он в безысходной тоске мог учинить над собою зло и тем самым ускользнуть от меня и от воздаяния, которое я ему несла. Мне надо было настичь его не слишком быстро и совсем не внезапно, ибо он

должен был прочувствовать все, что его ожидает. А потому я по ночам останавливалась, укрываясь в чащах не для отдыха, который мне не был нужен, а для умышленных проволочек и для того, чтобы рассчитать дальнейшие действия. Я уже не думала о преследуемом как об Арродесе, моем бывшем возлюбленном, — память об этом почти зарубцевалась и ее не стоило тревожить. Я жалела только, что теперь лишена дара усмехаться, хотя бы при воспоминаниях о былых фортелях, сиречь Ангелите, дуэнье, сладостной Миньон. И я разглядывала себя лунными ночами в зеркале воды, чтобы убедиться, что ныне ничем на них не похожа, хотя и осталась красивой, однако теперь это была другая красота, смертоносная, внушающая страх, — великий, подобный восхищению. Тех моих ночей в укромных логовах мне хватало на то, чтобы отчистить брюшко от комков засохшей грязи, доведя его до серебряного блеска, и перед тем, как пуститься в дальнейший путь, я всякий раз легонько раскачивала прыжковыми ногами втулку жала, проверяя ее готовность, потому что день и час мне были неизвестны.

Иногда я бесшумно подкрадывалась к людским жилищам и прислушивалась к голосам, то прицепляясь блестящими щупальцами к оконной

раме сбоку, то заползая на крышу, чтобы поудобнее свеситься с ее края вниз головой, ибо я все же не мертвый механизм, снабженный парой сыщицких легких, но существо, которое пользуется, как это подобает, своим разумом. А погоня и бегство тянулись уже столь долго, что молва о нас разнеслась повсюду, и я слышала, как старухи пугали мною детей, и узнавала бесчисленные толки об Арродесе, которому почти все сочувствовали в такой же мере, в какой страшились меня, королевской посланницы. Что же болтали простаки, на завалинках?

Что я машина, которую натравили на мудреца, осмелившегося прогневить его величество. Что я не простой механический палач, а особое устройство, способное произвольно принимать любой облик: нищего, ребенка в колыбели, прекрасной девушки или же металлической змеи. Но эти формы — только маски, в которых подосланная машина является преследуемому, чтобы соблазнить его. Перед всеми же другими она предстает в обличье серебряного скорпиона, который бегает так быстро, что никому еще не удалось сосчитать всех его ног. Тут повествование разделялось на множество версий. Одни говорили, что мудрец вопреки королевской воле хотел даровать всем

людям свободу и тем возбудил монарший гнев. Другие — что у него была живая вода и он мог воскрешать замученных, и это было запрещено ему высочайшим указом, а он, притворно склонившись перед волей владыки, тайно собирал рать из казненных бунтовщиков, тела которых он похищал с виселиц на цитадели. Многие вообще ничего не знали об Арродесе и не приписывали ему никаких сверхъестественных способностей, а просто полагали, что коли он осужден, то уже по одному этому заслуживает сочувствия и помощи. И хотя никто не знал истинных причин, из-за которых распалилась королевская ярость и созванным мастерам приказано было соорудить в их кузницах гончую машину, — злым все звали это умыслом и неправедным повелением, ибо что бы ни совершил гонимый, вина его не могла быть столь же страшной, как судьба, уготованная ему королем. Конца не было этим россказням, в которых вволю расходилось простецкое воображение, и лишь одно в них не менялось: мне всякий раз приписывали такие мерзости, какие только можно вообразить. Слышала я также и тьму вранья о смельчаках, будто бы поспешавших на помощь к Арродесу, которые-де преграждали мне дорогу, чтобы пасть в неравном бою, а на самом деле на

это ни единая живая душа не отважилась. Хватало в сказках и предателей, указывавших мне его следы, когда я не могла отыскать их сама, — вот уж отъявленнейшая ложь. Однако же о том, кто я, кем могу быть, что у меня на уме, ведома ли мне растерянность или сомнение, никто ничего не говорил, да я тому и не удивлялась.

И я столько наслышалась о простых, всем известных гончих машинах, выполняющих королевскую волю, которая была для всех законом, что вскоре совсем перестала таиться от обитателей этих приземистых изб и порой прямо под их окнами дожидалась восхода солнца, чтобы серебряной молнией выскочить на траву и в блистающих брызгах росы связать конец вчерашнего пути с началом сегодняшнего и, стремительно мчась по нему, упиваться остекленевшими взглядами, падением ниц, смертельным страхом и ореолом неприкасаемости, который окружал меня.

Однако настал день, когда мой верхний нюх оказался беспомощен, и тогда, тщетно петляя по холмистым окрестностям в поисках следа, я изведала боль и горечь от того, что мое совершенство напрасно. Но, застыв на вершине холма со скрещенными шупальцами и как бы молясь

ветреному небу, я по слабому звуку, наполнившему колокол моего тела, вдруг поняла, что не все еще потеряно, и, чтобы исполнить новый замысел, обратилась к давно заброшенному дару — человеческой речи. Мне не нужно было учиться ей заново, она была во мне, я должна была лишь оживить ее в себе. Сначала я выговаривала слова и фразы резко и визгливо, но скоро мой голос стал почти человеческим, и я сбежала по склону, чтобы прибегнуть к дару слова — там, где меня подвело обоняние. Я вовсе не чувствовала ненависти к беглецу, хоть он и оказался таким проворным и хитрым — он играл свою роль, а я играла свою. Я отыскала перепутье, на котором след угасал, остановилась и судорожно задергалась на месте, оттого, что одна пара моих ног бессознательно тянулась к дороге, покрытой известковой пылью, а другая, лихорадочно царапая камни, тащила меня в противоположную сторону — туда, где белели стены небольшого монастыря, окруженного вековою рощей. Собрав всю свою волю, я тяжело, будто немощная, подползла к монастырской калитке, у которой стоял, подняв очи к небу, монах — казалось, он залюбовался зарей. Я потихоньку приблизилась к нему, чтобы не испугать своим внезапным

появлением, и смиренно приветствовала его, а когда он безмолвно обратил на меня внимательный взгляд, спросила, не позволит ли он, чтобы я поведала ему о деле, в котором сама разобраться не могу. Я поначалу решила, что он окаменел от страха, ибо он даже не пошевелился и ничего не ответил, но, оказалось, он просто задумался и минуту спустя сказал, что согласен. Тогда мы пошли в монастырский сад, он впереди, я — за ним. Странная, наверное, пара, но в тот ранний час вокруг не было ни единой живой души — некому подивиться на серебряного богомола и белого монаха. И когда он сел под лиственницей в привычной позе исповедника, — не глядя на меня, а лишь склонив ко мне ухо, — я рассказала ему, что, прежде чем выйти на эту торную тропу, я была девушкой, предназначенной Арродесу по воле короля. Что я познакомилась с ним на балу во дворце и полюбила его, ничего о нем не зная, и в неведении совершенно отдалась этой любви, которую сама в нем возбудила, и так было, пока после ночного укола я не поняла, кем мне суждено стать для него, и, не видя ни для себя, ни для него другого спасения, проткнула себя ножом, но вместо смерти свершилось перевоплощение. И жребий, о котором я раньше только подозревала,

с тех пор ведет меня по следу возлюбленного — я сделалась настигающей его Немезидой. Погоня эта длится долго — так долго, что до меня стало доходить все, что люди говорят об Арродесе, и, хотя я не знаю, сколько в том правды, я начала заново размышлять над нашей общей судьбой, и в мою душу закралось сочувствие к этому человеку, ибо я поняла, что изо всех сил хочу убить его только потому, что не могу его больше любить. Так я познала собственное ничтожество, низость погибшей и попранной любви, которая алчет мести тому, кто не повинен ни в чем, кроме собственного несчастья. Оттого и не хочу я продолжать погоню и сеять вокруг себя ужас, а хочу воспротивиться злу, хотя и не знаю как.

Насколько я могла заметить, до конца моего рассказа монах ничуть не избавился от подозрительности: он как бы заранее, еще прежде, чем я заговорила, решил для себя, что все, что я скажу, не подпадает под таинство исповеди, так как, по его разумению, я была существом, лишенным собственной воли. А кроме того, наверное, подумал, не подослана ли я к нему умышленно, ведь, по слухам, иные лазутчики маскируются еще коварнее. Однако заговорил он со мной доброжелательно.

Он спросил меня: «А что, если бы ты нашла того, кого ищешь? Знаешь ли ты, что бы ты сделала тогда?»

И я сказала: «Отец мой, я знаю только то, чего не хочу сделать, но не знаю, какая сила, кроющаяся во мне, пробудится в тот миг, а потому не могу сказать, не буду ли я принуждена погубить его».

И он спросил меня: «Какой же совет я могу тебе дать? Хочешь ли ты, чтобы этот жребий был снят с тебя?»

Лежа, словно пес, у его ног, я подняла голову и, видя, как он жмурится от солнечного луча, который ударил ему в очи, отраженный серебром моего черепа, сказала:

«Ничего так не желаю, как этого, хоть и понимаю, что судьба моя станет тогда жестокой, потому что тогда не будет у меня более никакой цели. Не я выдумала то, для чего сотворена, и значит, дорого мне придется заплатить, если преступлю королевскую волю, ибо немыслимо, чтобы мое преступление осталось безнаказанным, и меня в свою очередь возьмут на прицел оружейники из дворцовых подземелий и вышлют в погоню железную свору, чтобы уничтожить меня. А если бы я даже спаслась, воспользовавшись заложенным во мне искусством, и убежала хоть на край

света, то, где бы я ни очутилась, все станут бежать меня, и я не найду цели, ради которой стоило бы существовать дальше. И даже судьба, подобная твоей, также будет для меня закрыта, потому что каждый имеющий, как ты, власть, так же, как ты, ответит мне, что я не свободна духовно и потому мне не дано будет обрести убежища и под монастырским кровом».

Монах задумался и потом сказал удивленно: «Я ничего не знаю об устройствах, подобных тебе, но я вижу тебя и слышу, и ты по твоим речам представляешься мне разумной, хотя и подчиненной какому-то принуждению, и — коль скоро ты, машина, борешься, как сама мне поведала, с этим принуждением и говоришь, что чувствовала бы себя свободной, если бы у тебя отняли стремление убить, — то скажи мне, как ты чувствуешь себя сейчас, когда оно в тебе?»

И я сказала на это: «Отче, хоть мне с ним и худо, но я превосходно знаю, как преследовать, как настигать, следить, подсматривать и подслушивать, таиться и прятаться, как ломать на пути препятствия, подкрадываться, обманывать, кружить и сжимать петлю кругов, причем, исполняя все это быстро и безошибочно, я становлюсь орудием неумолимой судьбы, и это доставляет

мне радость, которая, наверное, с умыслом была вписана пламенем в мое нутро».

«Снова спрашиваю тебя, — сказал монах. — Что ты сделаешь, когда увидишь Арродеса?»

«Снова отвечаю, отче, что не знаю, ибо не хочу причинить ему ничего дурного, но то, что заложено во мне, может оказаться сильнее меня».

Выслушав мой ответ, он прикрыл глаза рукой и промолвил: «Ты — сестра моя».

— Как это понимать? — спросила я в полнейшем недоумении.

— Так, как сказано, — ответил он. — А это значит, что я не возвышу себя над тобой и не унижу себя пред тобою, потому что, как бы различны мы ни были, твое неведение, в котором ты призналась, делает нас равными перед лицом Провидения. А если так, иди за мной, и я тебе покажу нечто.

Мы прошли через монастырский сад к старому дровяному сараю. Монах толкнул скрипучие двери, и когда они распахнулись, то в сумраке сдрая я различила лежащий на соломе темный предмет, а сквозь ноздри в мои легкие ворвался тот неустанно подгонявший меня запах, такой сильный здесь, что я почувствовала, как само взводится и высовывается из лонной втулки

жало, но в следующую минуту взглядом переключенных на темноту глаз я заметила, что ошиблась. На соломе лежала только брошенная одежда. Монах по моей дрожи понял, как я потрясена, и сказал: «Да, здесь был Арродес. Он скрывался в нашем монастыре целый месяц с тех пор, как ему удалось сбить тебя со следа, он страдал оттого, что не может предаваться прежним занятиям, и ученики, которым он тайно дал знать о себе, посещали его по ночам, но среди них оказались два мерзавца, и пять дней назад они его увели».

— Ты хотел сказать «королевские посланцы»? — спросила я, все еще дрожа и молитвенно прижимая к груди окрещенные щупальца.

— Нет, я говорю «мерзавцы», потому что они взяли его хитростью и силой. Глухонемой мальчик, которого мы приютили, видел, как они увели его на рассвете, связанного и с ножом у горла.

— Его похитили? — спросила я, ничего не понимая. — Кто? Куда? Зачем?

— Думаю, затем, чтобы извлечь для себя корысть из его мудрости. Мы не можем обратиться за помощью к закону, потому что это — королевский закон. А эти двое заставят его им служить и, если он откажется, убьют его и уйдут безна-

казанными.

«Отче! — воскликнула я. — Да будет благословен час, когда я осмелилась приблизиться и обратиться к тебе. Я пойду теперь по следам похитителей и освобожу Арродеса. Я умею преследовать, настигать: ничего другого я не умею делать лучше — только покажи мне верное направление, которое ты узнал от немого мальчика».

Он возразил: «Но ты же не знаешь, сможешь ли удержаться, — ты ведь сама в этом призналась!»

И я сказала: «Да, но я верю, что найду какой-нибудь выход. Может быть, найду мастера, который отыщет во мне нужный контур и изменит его так, чтобы преследуемый превратился в спасенного».

А монах сказал: «Прежде чем отправиться в путь, ты, если хочешь, можешь попросить совета у одного из наших братьев: до того, как присоединиться к нам, он был в миру посвящен именно в такое искусство. Здесь он пользует нас как лекарь».

Мы стояли в саду, уже освещенном лучами солнца. Я чувствовала, что монах все еще не доверяет мне, хотя внешне он этого никак не проявлял. За пять дней след улетучился, и он мог с равной вероятностью направить меня по ис-

тинному пути и по ложному. Но я согласилась на все, и лекарь с величайшей предосторожностью принялся осматривать меня, светя фонариком сквозь щели между пластинами панциря в мое нутро, и проявил при этом много внимательности и старания. Потом он встал, отряхнул пыль со своей рясы и сказал: «Случается, что на машину, высланную с известной целью, устраивает засаду семья осужденного, его друзья или другие люди, которые по непонятным для властей причинам пытаются воспрепятствовать исполнению предписанного. Для противодействия сему прозорливые королевские оружейники изготовляют распорядительную суть непроницаемой и замыкают ее с исполнительной сутью таким образом, чтобы всякая попытка вмешательства оказалась губительной. И, наложив последнюю печать, даже сами они уже не могут удалить жала. Так обстоит дело и с тобой. А еще случается, что преследуемый переодевается в чужую одежду, меняет внешность, поведение и запах, однако же он не может изменить склада своего разума, и тогда машина, не удовлетворившись розыском при посредстве нижнего и верхнего обоняния, подвергает подозреваемого допросам, продуманным сильнейшими знатоками отдель-

ных особенностей духа. Так же обстоит дело и с тобой. Но сверх всего, я приметил в твоем нутре устройство, какого не имела ни одна из твоих предшественниц: оно представляет собой многоразличную память о предметах, для гончей машины излишних, ибо в ней записаны истории разных женщин, полные искушающих разум имен и речей, — именно от сего устройства и бежит в тебе проводник к смертоносной сути. Так что ты — машина, усовершенствованная непонятным мне образом, а может быть, даже и воистину совершенная. Удалить твое жало, не вызвав при этом упомянутых последствий, не сможет никто».

— Жало мне не понадобится, — сказала я, все еще лежа ничком, — ибо я должна поспешить на помощь похищенному.

— Что касается того, смогла бы ты сдержать затворы, опущенные над известным местом, или нет, даже если бы хотела этого изо всех сил, на сей счет я не могу сказать ни да, ни нет, — продолжал лекарь, словно не слыша моих слов. — Я могу, если ты, конечно, захочешь, сделать только одно: а именно опылить полюса известного места через трубку железом, истертым в порошок, так что от этого несколько увеличатся пределы твоей

свободы. Но даже если я сделаю это, ты до последнего мгновенья не будешь знать, спеша к тому, кому стремишься помочь, не окажешься ли ты по-прежнему послушным орудием его погибели.

Видя, как испытующе смотрят на меня оба монаха, я согласилась на эту операцию, которая продолжалась недолго, не доставила мне неприятных ощущений и не вызвала в моем душевном состоянии никаких ощутимых перемен. Чтобы еще больше завоевать их доверие, я спросила, не позволят ли они мне провести ночь в монастыре, потому что весь наш день прошел в беседах, советах и рассуждениях.

Они охотно согласились, а я посвятила ночное время исследованию сарая, запоминая запахи похитителей Арродеса. Я была способна и на это, ибо случалось, что королевской посланнице преграждал дорогу не сам осужденный, а какой-нибудь другой смельчак. Перед рассветом я улеглась на соломе — там, где многие ночи спал похищенный, и, в полной неподвижности вдыхая его запах, дожидалась прихода монахов. Я допускала, что все их рассказы могли быть выдумкой, обманом и, коли так, они должны бояться моего возвращения с ложного следа и моей мести, а этот темный предрассветный час был для них наи-

более подходящим, если бы они вознамерились меня уничтожить. Я лежала, притворившись глубоко спящей, и вслушивалась в каждый, даже самый легкий шорох, доносившийся из сада, ведь они могли завалить чем-нибудь двери и поджечь сарай, чтобы плод чрева моего разорвал бы меня в пламени на куски. Им не пришлось бы даже преодолевать свойственного им отвращения к убийству, ибо я была для них не личностью, а только механическим палачом, останки мои они закопали бы в саду и не испытали бы никаких угрызений совести. Я не знала, что предприняла бы, услышав их приближение, и не узнала этого, потому что ни до чего такого не дошло. Я оставалась один на один со своими мыслями и все повторяла про себя удивительные слова, которые сказал, не глядя мне в глаза, старый монах: «Ты — сестра моя». Я по-прежнему их не понимала, но когда мысленно их повторяла, они всякий раз обжигали меня и изменяли меня, словно я уже утратила тот тяжкий плод, которым была обременена.

Рано утром я выбежала через незапертую калитку и, миновав монастырские постройки, как указал мне монах, полным ходом пустилась в сторону синевших на горизонте гор — именно

туда он и направил мой бег. Я очень спешила — к полудню меня отделяло от монастыря более ста миль. Я летела, как снаряд, между белоствольных берез, достигла предгорных лугов, и, когда бежала по ним напрямик, высокая трава разлеталась по обе стороны, словно под ударами косы.

След похитителей я нашла в глубокой долине, на мостике, переброшенном через поток, но не обнаружила на нем следов Арродеса, — видимо, пренебрегая тяжестью, они по очереди несли его, выказывая этим свою хитрость и осведомленность, ибо понимали, что никто не вправе опередить королевскую машину в ее миссии, что и так они уже немало повредили монаршей власти, отважившись на это свое деяние. Вы, наверное, хотели бы знать, каковы были мои истинные намерения в этой последней погоне, — я скажу, что и обманула монахов и не обманула их, ибо на самом деле желала лишь возвратить себе свободу, вернее, добыть ее, поскольку никогда раньше ее не имела. Если же спросите о том, что я собралась делать с этой своей свободой, то не знаю, что вам сказать. Незнание не было мне внове: вонзая в свое обнаженное тело нож, я тоже не знала, чего хочу — убить ли себя или только познать, пусть даже одно при этом будет равно-

значно другому. И следующий мой шаг тоже был предусмотрен — об этом свидетельствовали все дальнейшие события, а потому и надежда на свободу тоже могла оказаться только иллюзией, и даже не моей собственной, а нарочно введенной в меня, чтобы я действовала энергичнее, побуждаемая такою коварно подсунутой приманкой. Как знать, не равнялась ли свобода отказу от Арродеса? Ведь я могла ужалить его, даже будучи полностью свободной, я же не была настолько безумной, чтобы поверить в невероятное чудо — в то, что взаимность может возвратиться теперь, когда я уже перестала быть женщиной, и пусть не совсем перестала быть ею, но мог ли Арродес, который собственными глазами видел свою возлюбленную с разверстым животом, поверить в это? Итак, хитроумие сотворивших меня простиралось за последние пределы механического искусства, ибо они, несомненно, учли в своих расчетах вариант и этого моего состояния: что я устремлюсь на помощь любимому, утраченному навсегда. Если бы я смогла свернуть с пути и удалиться, чреватая смертью, которую мне не для кого родить, я и этим тоже ему не помогла бы. Наверное, меня намеренно сотворили такой благородно никчемной, порабощенной собствен-

ным желанием свободы, дабы я выполняла не то, что мне приказано прямо, а то, чего — как мне казалось в очередном моем воплощении — хотела я сама. Мое путанное и раздражающее своей бесцельностью самокопание должно было, однако, прерваться только у цели. Расправившись с похитителями, я спасу возлюбленного и сделаю это так, чтобы отвращение и страх, которые он питал ко мне, сменились бессильным изумлением. Так я смогу обрести если не его, то хотя бы самое себя.

Пробившись сквозь густые заросли орешника к первому травянистому склону, я неожиданно потеряла след. Напрасно я искала его: вот здесь он был, а дальше — исчез, как будто преследуемые провалились сквозь землю. Я догадалась вернуться в чащу и не без труда отыскала куст, у которого было срублено несколько самых толстых ветвей. Обнюхав срезы, истекающие соком, я вернулась туда, где след исчезал, и нашла его продолжение по запаху орешника. Беглецы учли, что полоса верхнего запаха недолго продержится в воздухе — ее скоро сдует горный ветер, и потому воспользовались ходулями, но и эта уловка только подхлестнула меня. Запах орешника вскоре ослабел, но я разгадала и новый их фортель — они

обернули концы ходуль обрывками джутового мешка. Брошенные ходули я нашла неподалеку от скалистого обрыва. Склон был усеян огромными замшелыми валунами, которые громоздились друг на друга так, что преодолеть эту россыпь можно было, лишь прыгая большими скачками с камня на камень. Так и поступили мои противники, однако они не избрали прямого пути — они петляли. Из-за этого мне приходилось сползать чуть ли не с каждого валуна, чтобы, обежав крутом, сызнова отыскать нюхом зыблющиеся в воздухе частички их запаха. Так я дошла до отвесной скалы, по которой они вскарабкались наверх. Они не смогли бы взобраться туда, не развязав руки своему пленнику, но меня не удивило, что он добровольно полез вместе с ними — пути назад теперь для него уже не было. Я поползла вверх по разогретому камню, ведомая отчетливым, утроенной силы запахом — ведь им приходилось взбираться по этой отвесной стене, цепляясь за каждый уступ, промоину, впадину: не было такого клочка седого мха, забившегося в расщелину нависших скал, ни мелкой трещинки, дающей минутную опору ногам, которую похитители не использовали бы как ступеньку. Порой в самых трудных местах им приходилось

останавливаться, чтобы выбрать дальнейший путь, — я чувствовала это по усиливающемуся запаху. А я буквально мчалась вверх, едва касаясь скалы, чувствуя, как сильнее и сильнее все во мне дрожало, как все во мне играло и пело, ибо эти люди были достойны меня, я чувствовала радость и изумление, потому что восхождение, которое они проделывали втроем, страхуясь одной веревкой, джутовый запах которой остался на острых выступах камня, я совершала одна и без особых усилий и ничто не могло сбить меня с той поднебесной тропы. На вершине меня встретил сильный ветер, который свистел на остром, как нож, гребне, но я даже головы не повернула, чтобы полюбоваться на простершуюся далеко внизу зеленую страну и горизонты, тающие в голубой дымке, а принялась ползать по гребню взад и вперед, пока в незаметной выбоине не нашла продолжение следа. Беловатый излом и осколки камня обозначили место, где один из путников сорвался. Перегнувшись через каменную грань, я посмотрела вниз и увидела маленькую фигурку, словно отдыхавшую на середине склона, и острым зрением различила даже темные капли на известняке, словно оставленные дождем. Двое других пошли дальше по гребню, и я пожалела,

что мне достанется теперь всего один стерегущий Арродеса враг, потому что никогда до сей поры не ощущала так сильно, сколь благородно мое дело, и не была исполнена такой жаждой борьбы, отрезвляющей и опьяняющей одновременно. Я побежала вдоль гребня под уклон, ибо беглецы избрали именно это направление, оставив погибшего в пропасти, ведь они очень спешили, а его мгновенная смерть при падении была для них несомненна. Я приближалась к скальным воротам, похожим на руины гигантского собора, от которого остались только столбы разбитого портала, боковые контрфорсы и одно высокое окно, сквозь которое светилось небо, а на его фоне выделялось тоненькое деревце, с бессознательной отвагой выросшее там из семени, занесенного ветром в горсть праха. За воротами начиналась скалистая котловина, наполовину затянутая туманом, придавленная длинной тучей, из складок которой сыпался мелкий искрящийся снег. Пробегая в тени, которую отбрасывала причудливая башня, я услышала грохот сыплющихся камней, и тут же по склону скатилась лавина. Глыбы колотились о меня с такой силой, что высекали дым и искры из моих боков, но я, поджав все свои ноги, успела упасть в неглубокую выемку под

валуном и в безопасности переждала, пока пролетели последние обломки. Мне пришла в голову мысль, что тот, второй, который вел Арродеса, нарочно выбрал это лавиноопасное место в расчете, что я, не зная гор, попаду под обвал и обвал — хоть надежда на это и невелика — раздавит меня. Такая мысль меня обрадовала: ведь если противник не только убегает и путает следы, но и нападает, борьба становится более достойной. На дне выбеленной снегом котловины виднелась постройка, то ли дом, то ли замок, сложенный из самых тяжелых валунов, какие в одиночку не сдвинул бы и гигант, — я поняла, что это и есть убежище врага, ибо где же еще ему быть в этой глуши. И, бросив поиски следа, стала сползать с осыпи, погрузив задние ноги в сыплющийся щебень, — передними я как бы плавала и мелких обломках, а средней парой тормозила спуск, чтобы не сорваться. Так я добралась до слежавшегося снега и по нему уже почти бесшумно пошла дальше, пробуя на каждом шагу, не провалюсь ли в какую-нибудь бездонную расщелину. Надо было идти осторожно, ибо враг ожидал моего появления со стороны перевала, и я не стала подходить слишком близко, чтобы меня не заметили из укрепленного здания, а втиснулась под грибо-

образный валун и принялась терпеливо ждать наступления ночи.

Стемнело быстро, но снег все порошил, ночь оказалась светлой, и я не отважилась приблизиться к дому, а только приподнялась, подперев голову скрещенными передними йогами так, чтобы хорошо видеть его издали.

После полуночи снег перестал, но я не отряхивала его с себя, потому что он сделал меня похожей на окружающие предметы, и от лунных лучей, пробивающихся меж облаками, сиял, как подвенечное платье, которого мне так и не пришлось надеть. Потом я потихоньку поползла в сторону хорошо видной издали темной глыбы дома, не спуская глаз с окна на втором этаже, в котором тускло тлел желтоватый свет. Я прикрыла зрачки тяжелыми веками, чтобы луна не слепила меня, а к слабому освещению я была приспособлена. Мне показалось, что в этом окне что-то двинулось и какая-то большая тень проплыла вдоль стены, и я поползла быстрее, пока не добралась до подножья постройки. Метр за метром я стала взбираться по кладке, это было нетрудно, потому что между камнями не было швов, их соединяла только собственная огромная тяжесть. Так я добралась до нижнего ряда окон, черневших, как

крепостные бойницы, предназначенные для пушечных жерл. Все они сияли мраком и пустотой. Внутри дарила такая тишина, будто уже много веков единственной хозяйкой здесь была смерть. Чтобы лучше видеть, я включила свое ночное зрение, сунула голову в каменный проем, открыла светящиеся глаза своих щупальцев и в глубь комнаты пошел от них фосфорический свет. Напротив окна я увидела сложенный из шершавых плит закопченный камин, в котором давно остыла кучка рассохшихся поленьев и обугленного хвороста, у стены заметила скамью и ржавые инструменты, в углу виднелось продавленное ложе и груда каких-то каменных ядер. Мне показалось странным, что вход ничем не защищен и дверь в глубине распахнута настежь, но именно в этом я увидела западню и, не поверив заманивающей пустоте, вновь бесшумно убрала голову и стала взбираться на верхний этаж. К окну, из которого лился тусклый свет, я и не подумала приблизиться. Наконец, я выбралась на крышу и на ее заснеженной площадке прилегла по-собачьи, решив дождаться здесь рассвета. Снизу до меня доносились два голоса, но я не могла разобрать слов. Я лежала без движения, желая и страшась той минуты, когда брошусь на противника,

чтобы освободить Арродеса. В напряженном оцепенении я мысленно рисовала картины борьбы, которая завершится уколом жала, но в то же время, пытаясь проникнуть в тайное тайных своей души, уже не доискивалась, как прежде, истоков движущей меня воли, а искала там хотя бы самый слабый намек, знак, который открыл бы мне — одного ли только человека я погублю. Не знаю, когда исчезла моя нерешительность. Я все еще находилась в неведении, все так же не знала себя, но именно незнание того, прибыла ли я как избавительница или как убийца, вновь вызвало у меня ощущение чего-то до сих пор неизвестного, непонятно нового, придало каждому моему движению девственную загадочность и наполнило меня восторгом. Этот восторг очень меня удивил, и я подумала, не в том ли снова проявилась мудрость моих создателей, что я могла в моем безграничном могуществе видеть способность нести сразу и помощь, и гибель. Но даже и в этом я не была уверена. Вдруг снизу до меня донесся резкий короткий звук и сдавленный крик, а потом глухой стук, словно упало что-то тяжелое, — и снова тишина. Тотчас я попозла с крыши, перегнувшись через ее край так, что задняя пара ног и втулка жала находились еще

на кровле, грудь терлась о стену, а голова, дрожа от усилий, уже дотягивалась до окна.

Свеча, сброшенная на пол, погасла, только фитиль еще тлел красноватым огоньком. Усилив ночное зрение, я увидела лежащее под столом тело, и, хотя все мое существо требовало прыжка, я сначала втянула в себя воздух с запахом крови и стеарина. Это был чужой человек. — видимо, дело дошло до схватки и Арродес опередил меня. Как, когда и почему — эти вопросы меня не занимали: меня как громом поразило то, что с ним, живым, я осталась в этом пустом доме один на один, что нас теперь только двое. Я вся дрожала, суженая и убийца…

Вот сейчас бы уйти потихоньку в мир заснеженных гор, чтобы только не оказаться с ним лицом к лицу… Лицом? Я поняла, как непоправимо осуждена быть смешной и страшной — и это предчувствие насмешки и издевательства, все во мне подавив, толкнуло меня вперед, и я бросилась в проем вниз головой, как паук на добычу, и, уже не обращая внимания на скрежет брюшных пластин о подоконник, стремительной дугой перескочила через недвижимого врага, целясь в дверь.

Не помню, как я распахнула ее. Сразу за порогом

начиналась крутая лестница, и на ней навзничь лежал Арродес, упираясь подвернутой головой в истертый камень нижней ступеньки. Наверное, они боролись здесь, на этой лестнице, — оттого я почти ничего и не услышала. И вот он лежал у моих ног в разорванной одежде, и его ребра вздымались, и я видела его наготу, о которой думала в первую ночь на королевском балу.

Он дышал хрипло. Видно было, как он силится разлепить веки, а я, откинувшись назад и поджав свое брюшко, всматривалась сверху в его запрокинутое лицо, не смея ни коснуться его, ни отступить, ибо, пока он был жив, я не была в себе уверена. Жизнь уходила из него с каждым вздохом, а я помнила, что королевское заклятье лежит на мне до его последнего дыхания, и не хотела рисковать, ибо он еще жил и я не знала, хочу ли его пробуждения. Что если бы он хоть на минуту открыл глаза и взглядом обнял бы меня всю, такую, какой я стояла перед ним в молитвенной позе, бессильно смертоносная, с чужим плодом в себе, — было бы это наше венчание или немилосердно предусмотренная пародия на него?

Гравюра Морица Корнелиса Эшера «Сон»

Но он не очнулся, и когда рассвет прошел между нами в клубах мелкого искрящегося снега, который задувала в окно горная метель, он, еще раз простонав, перестал дышать, и тогда, уже успокоенная, я легла рядом, прильнула к нему, сжала в объятиях и лежала так при свете дня и во мраке ночи все двое суток пурги, которая укрывала нас нетающим одеялом. А на третий день взошло солнце.

Перевел с польского Игорь Левшин

Три слоя «Маски»

Неослабевающий интерес сегодняшнего читателя к фантастике в значительной степени вызывается ее способностью создавать художественные модели проблем, еще не доступных строгому научному исследованию. На этих своих моделях фантастика проигрывает множество ситуаций, невозможных в реальности (во всяком случае, пока), и получает — разумеется, лишь в первом приближении — ответы на заданные

вопросы или иногда по крайней мере ставит эти вопросы.

Каждый роман и каждая повесть Станислава Лема удивляли неожиданностью фабулы, однако ни в одном ином произведении Лема, даже в «Солярисе», модель не представала перед читателем в столь мрачном обличье, как в «Маске», которую вы только что прочитали. Такого сюжета, как приключения средневекового убийцы-оборотня, да к тому же еще и робота, кажется, никто еще не использовал. Этот образ можно сравнить, пожалуй, разве что с образом рыбника из «Тиля Уленшпигеля». Но внешность героини и декорации «готической новеллы» — всего лишь наружный, поверхностный слой повести. За ними, как и подобает современной фантастике, одна из капитальных проблем завтрашней науки — на этот раз такая: уподобится ли человечество Пигмалиону, собственными руками создавшему разумное существо, и как поведет себя новоявленная кибернетическая Галатея.

Проблема взаимоотношения естественного и искусственного разума неоднократно разрабатывалась уже литературой этого жанра, в том числе и самим Лемом, например в его сценарии «Верный робот», отрывки из которого одинна-

дцать лет назад были опубликованы в нашем журнале (1965, № 5). Но разумный, самостоятельный робот прежде появлялся уже в готовом виде, а в «Маске» прослеживается процесс превращения запрограммированного хода мысли в незапрограммированный — и это одна из первых попыток такого рода.

Вероятно, даже ради одной этой попытки имело смысл строить научно-фантастическую модель, названную автором «Маской». Но есть у нее и еще более глубокий, еще более весомый третий слой. На своей модели Станислав Лем исследует проблему добра и зла — вечную, но для нашего современника куда более насущную, чем для всех прошедших на Земле поколений, ибо те поколения не располагали средствами, способными уничтожить всю жизнь на нашей планете.

Итак, проблема: что сильнее — добро или зло? Буржуазная психология и социология, объявив человека «изначально греховным», «изначально агрессивным», считает идеалы добра и гуманизма неосуществимыми. А мы мыслим иначе: чем выше общественное сознание, чем выше разум, тем сильнее нравственное «поле» гуманизма, сплачивающее миллиарды особей в единую семью человечества.

Вот как говорил об этом, например, видный советский биолог, академик Борис Львович Астауров:

«Мы живем в социальной фазе эволюции человечества, в эпоху, когда научно-технический и социальный прогресс сопровождается головокружительными преобразованиями окружающей человека природной и социальной среды и соответствующими изменениям бытия изменениями самого его сознания.

И мы полны оптимизма в том отношении, что в этой социальной фазе эволюции человека сохранится и приумножится тенденция прогрессивного нарастания черт разумности и гуманности…»

Станислав Лем не просто фантаст. Он — настоящий художник, с цепкой памятью, которая помогает ему насыщать воображаемые картины точными деталями из прожитой им жизни.

И когда в повести, издалека заметив блеск металлической головы «Маски», люди бросаются лицом к стене и, словно бы кто-то им скомандовал, сплетают на затылке руки, мы знаем — автор это не выдумал, он это видел. Знаем: нет ничего удивительного в том, что польский писатель, представитель одного из наиболее пострадавших

от фашистского каннибализма народов, на земле которого чадили печи Освенцима и Майданека, задался целью найти дополнительный аргумент в пользу оптимистического взгляда на человека.

Найденный Лемом аргумент можно было бы выразить примерно так: даже машина, специально изготовленная для зла, при условии наделения ее достаточно развитым мыслительным устройством сама собой должна прийти к необходимости добра.

Или, совсем коротко, так: разум неизбежно рождает добро.

Академик И. В. Петрянов-Соколов

№ 9

Вит. Ручинский

«Я зверек и ты зверек...»

— …Как же теперь быть с устройством вселенной, если в ней черные дыры? — в упор спросил Зубанков.

— Никак не быть, — вяло отозвался Груздев. Скамейка, на которой они сидели в скверике, постепенно выплыла из-под тени липы, и Груздев, не выспавшийся за ночь, быстро размяк на солнце. — Никак не быть. Пока все остается по-старому.

— Нет, а все-таки? Это же форменный переворот!

«А, черт, — подумал Груздев, — дались тебе эти черные дыры!.. И на кафедре с ними все с ума посходили. В Эйнштейны ломятся…»

Ответить Зубанкову он не успел. Бросив взгляд на обнесенную дощатой загородкой площадку с песком, он увидел там одного зубанковского Вовика. Его собственный Глеб уже резво бежал по дорожке за черным догом, которого вел на поводке мужчина в кожаной шляпе. Мужчина читал на ходу газету.

— Глеб! Назад! — крикнул Груздев. В горле у него скрипнуло, отчего слово «назад» вылетело дискантом.

Мальчик остановился. Потом нехотя повернул назад. Возвращаясь, он то и дело оглядывался

на собаку. Дог удалялся, грациозно переставляя длинные тонкие лапы, похожие на срезанные вишневые ветки.

— То ли дело ваш Вовик, — с завистью произнес Груздев. — Лепит себе куличи и лепит. Сразу видно, спокойный мальчик. И кушает, наверное, хорошо?

— Вовик? Нормально. Что дадут, то и ест. В садике приучили.

— А у нас Глеба по книге кормят. Английская книга. Заставила меня специально перевод сделать… Все равно, без развлечений — ни в какую.

Груздев тоскливо умолк.

— Все-таки, если вернуться к этой проблеме, — осторожно кашлянув, нарушил молчание Зубанков, — к черным дырам… Я, знаете, теперь в Дом культуры хожу. Нерешенных проблем хоть отбавляй! На прошлой неделе лекция у нас была: об устройстве вселенной в свете последних открытий. Вышел просто потрясенный! Это что же получается? Все к черту, да?.. Через эти черные дыры в самом деле вытекает материя?

«Не забыть до часу позвонить Полине Самсоновне, — подумал Груздев, засыпая. — А вдруг, она в самом деле няньку нашла?..

— Раньше просто как гвозди в голову вколачи-

вали — не может она исчезать! — донесся до него голос Зубанкова. — А теперь?

— Да не исчезает она! — Груздев снял шляпу и вытер вспотевший лоб. — Просто пока мы не знаем, что за ними, за черными дырами. Вот и все… Да, Глеб без развлечений ложки не проглотит. То покажи, это покажи. «Папа, покажи, как слоник ходит… Как белочка прыгает?» Приходится показывать.

Втянув голову в воротник «болоньи», Зубанков напряженно всматривался в сонное лицо Груздева.

— Как это «не знаем»? — медленно произнес он. — Я уже после сам в журнале читал. Все как дважды два.

— А вот так и не знаем!

— Постойте, постойте… — начал было Зубанков, но фразы не кончил. Судорожно порылся в карманах и извлек измятую пачку сигарет. Нашел среди изломанных целую и закурил.

— Нечего сказать — договорились. — прошептал он, делая частые затяжки.

— Да вы зря волнуетесь, — заметил Груздев, зевая. — В сущности сегодня черные дыры не более чем гипотеза. Надежных фактов маловато. Глеб! Немедленно отдай девочке мячик!

«Что ни говори, — подумал он, — а детей вовремя заводить следует. А то все эти кандидатские, докторские… Вообще-то теща виновата: успеете, успеете! Сама теперь в кусты. И тесть тоже хорош».

— Как же вы говорите — гипотеза, когда уже все абсолютно доказано? — прервал его размышления Зубанков.

— Ничего не доказано. Говорю вам!

«И ведь в его честь назвали. «Глебушка. Глебушка, милый внучек!» Приехал бы, нумизмат чокнутый, погулять с внучком: я бы в библиотеку. Третий месяц статью пишу. Курам на смех».

— Вы, может, скажете, и нейтронные звезды гипотеза? — Закатив глаза, Зубанков резко подался вперед.

— Нет, нейтронные звезды не гипотеза. Глеб! Ты зачем сел на песок? Простудиться хочешь? Любуюсь я вашим. Чудо, а не мальчик. И спит, наверное, хорошо? Ночью, спрашиваю, как он спит?

— Кто? — Зубанков ошалело посмотрел на Груздева. — Ах, Вовик! Дрыхнет будь здоров. Ну а что вы скажете насчет притяжения? Ведь у черных дыр оно страшенной силы! Попадешь — не вырвешься! Факт?

— Да уж не вырвешься… Только я вам уже объяснил, существуют они или нет, мнения пока расходятся.

«А может, уже не расходятся?» — промелькнула в голове Груздева тревожная мысль.

— Эх, дети-дети! — произнес он вслух. — Значит, ваш, вы говорите, спит хорошо. Счастливец вы. Например, прошлой ночью Глеб просыпается: то ему сапожки надень, то в считалку сыграй. Моя как раз была смена. А я не знаю считалок! Одну только: «эне-бене-раба…» и так далее. Без сказки Глеб вообще не заснет. И все новые подавай. Память у него, как у ЭВМ. Сказок-то хороших сейчас — прямо днем с огнем. Достал недавно — Юго-Восточной Азии. Самому потом две ночи драконы снились. Теперь считалки понадобились. Вы, случайно, никаких считалок не знаете?

— Нет, — сухо ответил Зубанков, — считалок я не знаю.

— А я знаю! — крикнул с песочницы Вовик. Он уже оставил свои куличи и с интересом прислушивался к разговору на скамейке.

— Вот он знает, — подтвердил Зубанков. — Нука, поди сюда. Скажи дяде считалку.

Вовик, переваливаясь из стороны в сторону в своем красном комбинезоне, подошел к ска-

мейке. Ритмично ударяя по ней лопаткой, он продекламировал:

«Я зверек
И ты зверек,
Я мышонок,
Ты хорек.
Ты хитер,
А я умен.
Кто умен.
Тот вышел вон...».

— Какая же это считалка, когда это стихи писателя Маршака? — строго заметил Зубанков. — У тебя и книжка такая есть — «Сказка об умном мышонке».

— Нет, считалка, — прошептал Вовик, косясь на Груздева.

— Какая разница, все равно молодец!» — воскликнул Груздев и погладил мальчика по головке. — Как ты говоришь: «Я зверек, а ты хорек»?

— Нет, нет! «Я зверек и ты зверек...»

— Ах, да! — И Груздев на этот раз уже правильно повторил считалку.

Вовик вернулся к песочнице, а на скамейке наступило молчание.

— А почему их раньше не было? — неожиданно встрепенулся Зубанков. — Ведь обходились же как-то без них?

— Если они есть, то и раньше были. Глеб! Вот оцарапает тебя кошка, будешь тогда знать!

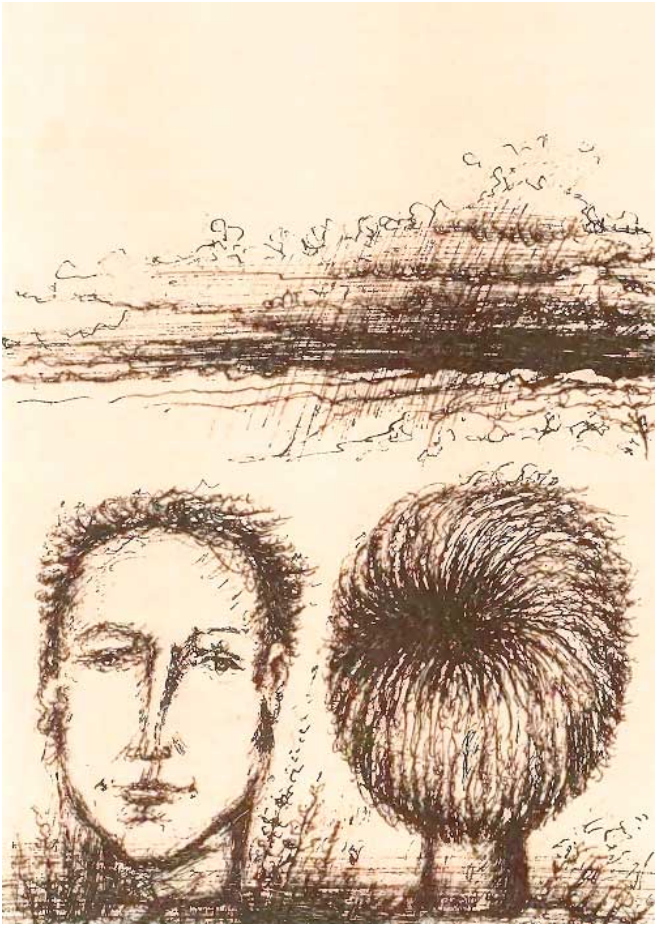
— Ну, пока, — Зубанков встал, подозвал Вовика и пошел с ним к выходу из сквера.

А Груздев остался. В соответствии с графиком, разработанным знакомым педиатром, кандидатом наук, прогуливать Глеба следовало еще целых сорок пять минут. Груздев сидел на скамейке и, зажмурив глаза от яркого майского солнца, повторял про себя считалку, которой его обучил Вовик.

№ 10

Ричард Маккена

Тайник



Сегодня утром сын спросил, чем я занимался во время воины. Ему уже пятнадцать, и я ума не приложу, почему он никогда раньше не спрашивал об этом. Понятия не имею, почему я даже не предвидел такого вопроса.

Он как раз уезжал в лагерь, и мне удалось отделаться фразой, что я выполнял задание правительства. В лагере он проведет две недели. Пока наставникам не наскучит понукать, он будет делать то же, что и сверстники, и не хуже их. Но едва его оставят в покое, он примется разглядывать муравейник или уткнется в какую-нибудь книжку. Последнее его увлечение астрономия. А когда он вернется домой, он тут же снова спросит меня, чем я занимался во время войны. Никуда не денешься — придется ответить.

Увы, я и сам не вполне понимаю, чем я занимался во время войны. Иногда кажется, что отряд, в котором я состоял, сражался не на жизнь, а на смерть с легендой местного значения и один лишь полковник Льюис отдавал себе в этом отчет. Победили мы ее или нет? Право, не знаю. Знаю другое: от иных людей война требовала риска более тяжкого, чем просто рискнуть головой в бою. От меня, например.

Все началось в 1931 году, когда в пустыне близ

поселка Баркер, штат Орегон, нашли бездыханное тело мальчишки. При нем оказался мешочек с золотоносной рудой и солидный, размером с палец, кристалл двуокиси урана. Кристалл как странная диковина попал в пробирную палату в Солт-Лейк-Сити и осел там до 1942 года, когда вдруг приобрел невероятно важное значенне. Армейская разведка установила, что его добыли, по-видимому, в окрестностях Баркера, в районе площадью примерно сто квадратных миль. Доктора Льюиса призвали на службу как полковника запаса и приказали ему искать там жилу. Но вся округа со времен миоцена была перекрыта тысячефутовым слоем лавы, и искать здесь пегматитовые пласты было, с геологической точки зрения, нелепо. Доктор Льюис сразу же возразил, что кристалл мог появиться здесь лишь при посредстве человеческих рук.

Пользы возражение не принесло: Льюису ответили, что рассуждать не входит в его обязанности. Высшее начальство все равно не удовлетворится до тех пор, пока на поиски не уйдет бездна денег и трудов. В помощь полковнику мобилизовали группу выпускников геологических колледжей, включая и меня. Во имя нашего блага, а, может, и от отчаяния доктор Льюнс решил устроить для

нас нечто вроде образцовой полевой практики: мы без устали рисовали схемы и отмечали на них, сколько слоев базальта и какой толщины отделяет поверхность от довулканическнх миоценовых пород. По крайней мере, мы тем самым могли внести вклад в науку о строении Колумбийского плато. А попутно собрать веские доказательства, что урановой руды здесь нет и в помине. Выходит, мы ели хлеб не даром.

Унылое местечко этот Орегон! Скучная плоская равнина, повсюду обнажения черной лавы, а между ними — скудная серая почва с жиденькими кустиками полыни. Летом сушь и жара, зимой земля едва припорошена тощим снежком. А ветры дуют вдоль и поперек и зимой, и летом. Во всем Баркере от силы сотня деревянных домишек по пыльным улочкам, да еще несколько амбаров за околицей.

Но мне такая жизнь нравилась. Доктор Льюис обращался с нами как со студентами: читал лекции, проводил опрос, рекомендовал литературу. Он был хорошим учителем и незаурядным ученым, и мы его полюбили. Каждому он дал полное представленне обо всех этапах работы. Я начал с картографических съемок на поверхности, затем гнул хребет с бурильщиками, которые

прогрызали базальт до коренных гранитов в тысячах футов под нами. Наконец, я занимался гравиметрическими и сейсмическими измерениями. Дух товарищества царил в нашей среде; мы понимали, что геофизическим экспедиционным навыкам, какие мы получаем изо дня в день, нет цены. Для себя я решил, что после войны буду готовить диссертацию по геофизике. Разумеется, под руководством доктора Льюиса.

К началу лета 1944 года полевые работы закончились. Бурильщики отбыли восвояси. Тонны керна, ящики гравиметрических таблиц и рулоны снятых с сейсмографов лент перекочевывали в лабораторию доктора Льюиса в Среднезападном университете. Там нам предстояли новые месяцы бесценной тренировки — полученные данные надо было превратить в геофизические карты. Собирались мы лихорадочно, только и разговоров было, что снова увидим девушек и организуем вечеринку. Но тут армейское начальство распорядилось, чтобы часть отряда продолжила полевые изыскания. Доктор Льюис формально подчинился распоряжению, но оставил только одного человека — меня.

Я почувствовал себя уязвленным в самое сердце. Словно меня ни за что, ни про что исключили

из университета.

— Раз в день садитесь в машину и катайтесь по окрестностям со счетчиком Гейгера. — сказал Льюис. — А потом сидите себе в конторе и отвечайте на телефонные звонки…

— А если начальство позвонит в мое отсутствие? — мрачно осведомился я.

— Наймите секретаря, — ответил он. — Это вам разрешается.

И они уехали, оставив меня в звании начальника партии, но без подчиненных. Я пришел к выводу, что ненавижу полковника Льюиса лютой ненавистью и жажду случая, чтобы отомстить. Несколько дней спустя старый Дейв Джентри подсказал мне, как это сделать.

Дейв был худой, иссохший старик с седыми усами; столовался я теперь там же, где и жители Баркера, и мне досталось место рядом с ним. Каждая трапеза оборачивалась пыткой. Я поневоле слышал ехидные реплики, что иные молодые люди прячутся за чужие спины, не желают воевать и зря переводят деньги налогоплательщиков. Однажды за ужином я не выдержал, швырнул вилку в недоеденные бобы и встал.

— Армия прислала меня сюда, и армия не выпускает отсюда, — бросил я старикам и старухам,

сидящим вокруг стола. — Мне тоже хотелось бы отправиться за моря и резать самураям глотки, защищая вас и отечество. Честное слово, хотелось бы! Чем брюзжать, лучше взяли бы и написали петицию своему конгрессмену…

Чеканя шаг, я вышел на веранду. В душе клокотало негодование. Старый Дейв вышел следом.

— Не горячись, сынок, — сказал он. — Они сердятся на правительство, а вовсе не на тебя. Но до правительства как до звезд, а до тебя рукой подать…

— Добро бы рукой, а то плеткой, — отозвался я с горечью.

— На то есть причины, заметил Дейв. — Уж если искать исчезнувшие сокровища, то не так, как за это принялись вы. Ну, и кроме того, «Рудник полоумного малыша» вообще не про вас, это наша собственность. Наша, жителей Баркера.

Ему перевалило за семьдесят, он присматривал за лошадьми на постоялом дворе. Носил он потертый жилет нараспашку, выцветшие подтяжки и серую фланелевую рубаху, и никому бы в голову не пришло заподозрить в нем мудреца. Но он был мудрец.

— Края тут необъятные, пустынные, — продолжал он, — людям тут нелегко. Вот в каждом

поселке и рассказывают об исчезнувшем руднике или о тайнике с золотом. Ищут их одни несмышленные дети. Для взрослых, для большинства, достаточно знать, что сокровища где-то рядом. Это помогает выжить в наших местах…

— Понимаю, — откликнулся я. Что-то незваное шевельнулось в глубине сознания.

А в Баркере своего исчезнувшего рудника не было, — произнес Дейв. — Завелся каких-то тринадцать лет назад. И, понятно, людям не по вкусу, что вы хотите отобрать его грубой силой, да еще так скоро…

— Прекрасно известно, что никакого рудника нет, — сказал я. — Мы докажем, что его нет, вот и все.

Если бы вы могли это доказать, — ответил Дейв, — было бы еще хуже. Да только ничего вы не можете. Мы собственными глазами видели руду, держали ее в руках. Это был кварц, насквозь проросший чешуйками и жилками золота. И мальчишка добрался до него из дому пешком. Залежь где-то здесь, совсем близко!..

Он взметнул руку в ту сторону, где мы вели поиски. Над равниной нависли прозрачные сумерки, и я, к собственному изумлению, вдруг понял, что во мне просыпается интерес к его

словам. Полковник Льюис непрестанно втолковывал, чтобы мы не верили в эти россказни. И если кто-нибудь из наших вспоминал про них, я первым принимался его высмеивать. Обычно мы хором предлагали бедолаге обойти район с магическим ивовым прутиком. Мы по-настоящему верили, что никакой жилы здесь нет и никогда не было. Но теперь я остался один и к тому же сам себе начальник…

Дейв и я, не сговариваясь, оперлись одной ногой на нижнюю перекладину перил; не сговариваясь, опустили руки и положили их на колени. Дейв выплюнул табачную жвачку и поведал мне историю Оуэна Прайса.

— Он всегда был тронутый. — говорил Дейв. — Сдается мне, перечитал все книжки, какие нашлись в поселке. Натура у него, у малыша, была неугомонная…

Я не фольклорист, но и я без труда видел, что к рассказу уже примешаны крупицы вымысла. Например, Дейв уверял, будто рубаха на мальчишке была порвана в клочья, а спина исполосована кровавыми бороздами.

— Словно зверь его когтями полоснул, — говорил Дейв. — Но мы шли по следам малыша, пока не сбились, — он так петлял, что вконец нас

запутал, — и ни одного отпечатка звериной лапы не видали…

Можно было, конечно, выкинуть всю эту чепуху из головы, но история уже захватила меня. Может, виной тому была неспешная, уверенная манера рассказчика, может, обманчивые сумерки, а может — уязвленное самолюбие. Мне подумалось, что в огромных лавовых полях подчас встречаются разрывы и на поверхность выдавливаются глыбы исконных пород. А что если такая глыба есть поблизости? Выброс, вероятно, невелик, футов двести — триста в поперечнике, и буровики пропустили его, а там полным-полно урана. Обнаружь я его — и полковник Льюис станет всеобщим посмешищем. Здравый смысл восставал против нелепых выдумок, но какая-то бестия, прячущаяся в глубинах сознания, уже принялась сочинять злорадное письмо полковнику Льюису, и это занятие мне понравилось.

— Кое-кто у нас уверен, — говорил Дейв, — что сестренка малыша могла бы рассказать, где он нашел клад, если бы захотела. Она частенько бегала в пустыню вместе с ним. Когда это приключилось, она словно ополоумела, а потом и вовсе онемела, но теперь, я слышал, выздоровела.

— А где она живет? — осведомился я.

— С мамашей в Сейлеме, — ответил Дейв. — Окончила курсы, нанялась секретаршей к какому-то тамошнему юристу…

Миссис Прайс оказалась женщиной пожилой и суровой, а ее влияние на дочь почти не знало границ. Она разрешила Элен стать моей секретаршей, едва я упомянул сумму жалованья. Допуск на Элен мне прислали по первому телефонному звонку: она уже проходила проверку, когда расследовали происхождение того злополучного кристалла. Оберегая репутацию дочери, миссис Прайс позаботилась о том, чтобы Элен жила в Баркере у знакомых. Впрочем, репутация была вне опасности. Я не остановился бы перед тем, чтобы сделать Элен любовницей и таким путем вытянуть из нее секрет — если б он только существовал. Но я знал, что лишь разыгрываю представление под названием «Месть Дьюарда Кемпбелла», знал, что никакого урана мы не найдем.

Элен была худенькой девочкой, этакой перепуганной льдинкой. Она носила туфли на низких каблуках, нитяные чулки и простенькие платьица с беленькими воротничками и манжетами.

Единственное, что было в ней примечательным — это безупречно гладкая кожа. Выгнутые темные брови, голубые с поволокой глаза и эта кожа по временам придавали ей совершенно неземной вид. Сидит она, бывало, опрятненькая, самопогруженная, коленки вместе, локотки прижаты, очи долу, голосок еле слышен — замкнутая, как улитка в раковине. Стол ее располагался напротив моего, и она сидела так целыми днями, выполняла все, что я поручал, но расшевелить ее не удавалось никакими силами.

Я пытался шутить, дарить ей всякие пустячки и оказывать знаки внимания, пытался напускать на себя печаль и делать вид, что остро нуждаюсь в жалости. Она выслушивала и продолжала работать — оставалась далека, как звезда. Только через две недели, и то по чистой случайности, я сумел подобрать к ней ключик.

В тот день я решил бить на симпатию. Я изрек, что все бы ничего, можно жить и в ссылке, вдали от дома и друзей, но чего я действительно не способен вынести — так это унылого однообразия района поисков, где нет ни одного живописного уголка. Что-то затеплилось в ней, она взглянула на меня так, словно проснулась.

— Да тут полно удивительных мест, — тихо

сказала она.

— Садитесь в джип и покажите мне хоть одно, — бросил я с вызовом.

Она упиралась, но я пристал с ножом к горлу. Джип трясся и кренился, объезжая лавовые проплешины. Составленная нами карта врезалась в память во всех деталях, и я знал, где едет машина, знал каждую минуту — но только по координатной сетке. Хоть мы и разбросали по пустыне дополнительные ориентиры: буровые скважины, воронки от сейсмических взрывов, деревянные вешки, консервные банки, бутылки и бумажки, пляшущие на нескончаемом ветру. — все равно пустыня осталась до отчаяния однообразной.

— Скажите, когда доберемся до какого-нибудь из ваших удивительных мест, я остановлюсь, — объявил и.

— Да тут кругом такие места, — отвечала она. — Прямо здесь, например.

Я остановил машину и посмотрел на Элен в изумлении. Голос ее стал грудным и сильным, глаза широко раскрылись. Она улыбалась — этого я еще не видел.

— А что здесь особенного?

Она не ответила, вышла из машины и отошла на десяток шагов. Самая ее осанка изменилась

— она чуть ли не танцевала. Я приблизился и тронул ее за плечо.

— Ну что здесь особенного? — повторил я.

Она обернулась, но глаза ее смотрели вдаль.

— Здесь водятся псы, — сказала она.

— Псы?!..

Я оглядел чахлую полынь на убогих клочках земли, затерянных среди уродливых черных скал, и вновь посмотрел на Элен. Что-то было неладно.

— Большие глупые псы. — сказала она. — Они пасутся стадами и едят траву. — Она продолжала озираться и всматриваться. — Огромные кошки нападают на псов и пожирают их. А псы плачут, плачут. Разве — вы не слышите?..

— Но это безумие! — воскликнул я. — Что с вами?

Мои слова подействовали на нее, как удар: она тут же снова замкнулась, и я едва расслышал ответ:

— Простите меня. Мы с братом играли здесь. Тут была у нас как бы сказочная страна, — На глаза Элен навернулись слезы. — Я не приходила сюда с тех самых пор… Я забылась… Простите меня.

Пришлось поклясться, что необходимо диктовать «полевые заметки», чтобы снова вытащить

Элен в пустыню. Она сидела в джипе с блокнотом и карандашом, будто одеревенев, а я лицедействовал со счетчиком Гейгера и бормотал тарабарщину на геологическом жаргоне. Плотно сжав побледневшие губы, она отчаянно боролась со слышным ей одной зовом пустыни, и я видел, что в этом противоборстве ей приходится все трудней и трудней.

В конце концов она опять впала в то же странное состояние, и я постарался не нарушить его. Диковинным был тот день — я узнал много нового. А потом каждое утро я заставлял ее выезжать и вести «полевые заметки», и с каждым разом было все легче сломить ее. Однако едва мы возвращались в контору, она цепенела. Оставалось только диву даваться, как в одном теле уживаются два столь разных человека. Про себя я называл их «Элен из конторы» и «Элен из пустыни».

«Элен из пустыни» была само очарование, когда, беспомощная, сама того не желая, выдавала свои тайны. Голос ее обретал звучность, дыхание становилось порывистым, лицо оживало, с хохотом носилась она меж черных камней и тусклой полыни, в мгновение ока наделяя их красотой. Случалось, мы убегали от джипа на добрую милю. Обращалась она со мной, как со слепцом или

малым ребенком.

— Нет, нет, Дьюард, не ходи туда, там обрыв! — восклицала она и отталкивала меня от «опасного места», или показывала камни, по которым можно переправиться через «ручей».

Мы прокрадывались в заколдованные замки и прятались от великана, который разыскивал нас, бормоча проклятья, а потом удирали, рука в руке, из-под самого его носа.

Я подыгрывал Элен, но не упускал из виду и собственных интересов. По вечерам я наносил на карту все, что узнавал за день о топографии волшебной страны.

Во время игры я не раз намекал на сокровище великана. Элен не отрицала, что такое сокровище существует. Она подносила палец к губам и смотрела на меня серьезными глазами.

— Брать можно только то, что никому не нужно, — втолковывала она. — Если хоть пальцем тронуть золото или драгоценный камень, на наши головы обрушатся ужасные беды…

— А я знаю заклинание, которое отводит беду, — возразил я однажды, — и тебя научу ему. Это самое сильное, самое волшебное заклинание в мире…

— Нет, нет. Сокровище обратится в прах. Мо-

неты станут гнилыми бобами, ожерелья — мертвыми змеями, — отвечала она упрямо. — Оуэн предупреждал меня. Таков закон волшебной страны.

— Разве Оуэн никогда ничего не берет? — спросил я.

К тому времени я уже усвоил, что об Оуэне следует спрашивать, как будто он жив.

— Иногда приходится, — отвечала она. — Однажды злая колдунья превратила меня в безобразную жабу. Оуэн положил мне на голову цветок, и я снова стала Элен.

— Цветок? Самый настоящий цветок? И ты принесла его домой?

— Большой цветок, красный с желтым. Такой большой, что не умещался в ладонях. Я хотела взять его домой, но лепестки осыпались…

— А Оуэн ничего не берет домой?

— Только камушки, и то не часто. Мы сделали для них в сарае тайник вроде гнездышка. А вдруг это вовсе не камушки, а волшебные яйца…

Я встал.

— Пойдем, покажи мне их.

— Не хочу домой, — заявила она. — Ни за что!

— Ну, пожалуйста, Элен, ну ради меня, — стал упрашивать я. — Заедем хоть на минуточку…

Я затащил ее в джип, и мы подъехали к домику, где когда-то жили Прайсы. Нам и раньше случалось проезжать мимо, и Элен всегда старательно отводила глаза. Не подняла она их и на этот раз. Она опять оцепенела, превратилась в «Элен из конторы». И тем не менее мы обогнули старый домик, покосившийся, с выбитыми стеклами, и пробрались в полуразрушенный сарай. Она откинула солому, наваленную в углу — там действительно лежали кусочки горных пород. Я даже не понимал, насколько я взволнован, пока не испытал разочарования, подобного удару в солнечное сплетение.

Это были никчемные, обточенные водой кусочки кварца и розового гранита. Совершенно заурядные, если бы не одно обстоятельство: им неоткуда было взяться в базальтовой пустыне.

Через две — три недели мы перестали прикидываться, будто ведем полевые заметки, и ездили в пустыню с откровенной целью поиграть. Волшебная страна Элен почти вся уже была нанесена на карту. С одной стороны гора — недавний сброс обрушил с нее глыбы к реке, текущей вдоль подножия, — а с другой стороны к реке мягко сбегала

равнина. Крутой берег был лесист, нарезан ущельями, отроги горы там и сям были увенчаны замками. Я тщательно проверял Элен, но она ни разу не запуталась. Правда, время от времени она впадала в нерешительность, но я уже сам подсказывал ей, где она. Это позволило проникнуть в ее тайную жизнь еще глубже.

Однажды она сидела на колоде в лесу и плела корзинку из листьев папоротника. Я стоял рядом. Вдруг она подняла глаза и улыбнулась.

— Во что будем играть сегодня, Оуэн?

Такого я не ожидал — не гордостью подумал, что мгновенно нашел выход.

— Сестренка, сестренка, я околдован, — сказал я. — Только ты одна в целом свете можешь меня расколдовать.

— Я тебя расколдую, — отвечала она голоском маленькой девочки. — Кто ты сейчас, братец?

— Я большой черный пес, — заявил я. — Злой великан по имени Льюис Кожа-Да-Костн держит меня на цепи во дворе своего Замка, а всех остальных псов он забрал на охоту. Он ужасный злой великан, но ты не бойся, сестренка. Как только ты расколдуешь меня, я стану прекрасным принцем и отсеку ему голову.

— Я и не боюсь. — Глаза у нее блестели.

— Увезу тебя в свое королевство, и ты станешь прекраснейшей из королев, и все будут любить тебя…

— И все будут любить меня… — Она стала очень серьезной. — Как же расколдовать тебя, бедный старенький песик? Живой водой?

— Притронься к моему лбу камушком из сокровищницы великана, — попросил я, — Это один-единственный способ расколдовать меня, другого нет…

Она быстро поднялась, ее лицо свела гримаса горя и ярости.

— Ты не Оуэн, ты обыкновенный человек! Оуэн околдован, и я вместе с ним, и никому никогда не расколдовать нас!..

Она бросилась прочь и, пока добежала до джипа, успела превратиться в законченную «Элен из конторы».

С того дня она наотрез отказалась ездить в пустыню. Похоже было, что моя игра исчерпала себя. Но я сделал ставку на то, что «Элен из пустыни» все еще слышит меня, пусть подсознательно, и избрал новую тактику. Наша контора располагалась на втором этаже над бывшим танцзалом,

и, надо думать, во времена «днкого Запада» здесь происходило немало всяческих стычек. Но вряд ли эти стены видели хоть что-нибудь столь же странное, как новая игра, затеянная мною.

Я и раньше прохаживался по комнате и разговаривал с Элен, когда она печатала на машинке. А теперь я принялся в обыденную болтовню вкрапливать элементы сказки, то и дело вспоминая про злого великана Льюиса Кожа-да-Кости. «Элен из конторы» старалась не обращать на это внимания, но откуда-то из глубины ее глаз нет-нет да и выглядывала «Элен из пустыни». Я разглагольствовал о своей пошедшей прахом карьере геолога и о том, что все немедленно уладилось бы, если бы я обнаружил жилу. Я рассуждал о том, как было бы здорово работать в разных экзотических странах и как нужна мне помощь жены, которая присматривала бы за домом и вела мою переписку. Мои басни тревожили «Элен из конторы». Она делала опечатки, роняла на пол вещи. А я знай пел свое, стараясь соблюдать необходимую пропорцию между реальными фактами и фантазией, и «Элен из конторы» день ото дня приходилось труднее.

Как-то вечером старый Дейв предупредил:

— Элен сохнет на глазах, и люди говорят нехо-

рошее. Миссис Фаулер утверждает, что девушка не спит по ночам, плачет и не хочет сказать, что с ней творится. Ты часом не знаешь, что ее мучает?

— Я с ней не говорю ни о чем, кроме ее обязанностей, — заявил я. — Может, она соскучилась по дому? Может, дать ей небольшой отпуск? — Мне не нравилось выражение, с каким Дейв смотрел на меня. — Я ничем ее не обидел. Право, Дейв, я не хочу причинить ей зло…

— Людей линчуют не за их намерения, а за их поступки, — отозвался он — Учти, сынок, если ты обидишь Элен Прайс, у нас в Баркере найдутся желающие выпустить тебе кишки, как какому-нибудь паршивому койоту…

Назавтра я начал обрабатывать Элен с самого утра и после полудня сумел, наконец, взять нужный тон и сломить ее. Правда, мне и во сне не снилось, что это случится именно так.

— В сущности, вся жизнь — игра, — только и сказал я. — Если подумать хорошенько, все, что мы делаем, так или иначе игра…

Она взглянула мне прямо в глаза, и мое сердце екнуло.

— Ты научила меня играть, Элен. Раньше я был всегда совершенно серьезен, даже и не догады-

вался, как это можно играть…

— Меня научил Оуэн. Он понимал волшебство. Сестры наши только и знали, что нянчить кукол и выбирать себе мужей. Я их ненавидела…

Ее глаза были широко раскрыты, губы трепетали — она почти превратилась в «Элен из пустыни», хоть и не покидала конторы.

— Волшебство и волшебные чары встречаются и в обыденной жизни, только вглядись как следует, — оказал я. — Разве не так, Элен?

— Я знаю! — воскликнула она, побледнев и выронив карандаш. — Оуэну колдовством навязали жену и трех дочерей, а ведь он был еще мальчик! Он был единственным мужчиной в нашем доме, и все, кроме меня, ненавидели его. Ведь мы были так бедны… — Она дрожала, голос ее упал до шепота. — Он не мог этого вынести. Он взял сокровище, и оно убило его. — Слезы бежали у нее по щекам. — Я твердила себе, что он не умер, только околдован, и если я семь лет не буду ни говорить, ни смеяться, то расколдую его…

Она уронила голову на рукн. Мной овладела тревога.

— Но я не выдержала! — Плечи Элен затряслись от рыданий. — Меня заставили говорить, и теперь Оуэн уже никогда не вернется…

Я обнял ее за плечи.

— Не плачь, Элен. Он вернется. Я знаю другие волшебные средства вернуть его…

Едва ли я отдавал отчет в своих словах. Я был в ужасе от того, что наделал. Она подпрыгнула, как ужаленная, и сбросила мою руку.

— Я этого не вынесу! Я уезжаю домой!..

Она стремглав выскочила из конторы, сбежала по лестнице, и я видел из окна, как она бежит, бежит по улице вся в слезах. Моя игра представилась вдруг жестокой и глупой, и в тот же миг я прекратил ее. Изорвал в клочья карту волшебной страны и свои письма полковнику Льюису — и за каким дьяволом мне понадобилось все это! Утром Элен не вышла на работу. В девять часов я сам сходил за почтой, получил несколько писем м большой пакет. Первое же письмо, которое я вскрыл, было от доктора Льюиса и словно по волшебству разрешило все проблемы.

На основании предварительных структурно-контурных карт Льюису разрешили прекратить полевые изыскания. В пакете и были копии этих карт для моего сведения. Мне надлежало составить инвентарную опись и подготовиться к передаче имущества интендантской команде, которая пожалует в ближайшие дни. А потом

предстояло дорабатывать карты, нанося на них массу всяческих сведений. Я получил право присоединиться к остальным и поработать, наконец, в лаборатории.

Я чувствовал себя на седьмом небе, похаживал по комнате, насвистывал и прищелкивал пальцами. Если бы еще Элен пришла и помогла с составлением описи! Затем я вскрыл пакет и стал лениво перелистывать карты. Их было множество — базальтовые пласты, похожие друг на друга, словно слои пирожного десяти миль в поперечнике. Но когда я развернул последнюю карту, изображавшую довулканический миоценовый ландшафт, волосы у меня на голове встали дыбом.

Точно такую же карту я рисовал своими руками. Это была волшебная страна Элен. Топография совпадала во всех деталях.

Я стиснул кулаки, дыхание перехватило, по спине поползли мурашки.

У игры была реальная почва. Я не мог положить этому конец. С самого начала не я управлял игрой, а она мной. И продолжает управлять.

Я выбежал из дома, бросился вниз по улице и встретил старого Дейва, который торопливо

шагал к постоялому двору. С его бедер свисали две кобуры с револьверами.

— Дейв, я должен разыскать Элен.

— Ее видели на рассвете, она ушла в пустыню, — ответил он. — Я иду за лошадью. — Он не замедлял шага. — Садись-ка ты в свой рыдван и поезжай туда. И если не найдешь ее до нас, то назад лучше не возвращайся…

Я помчался за джипом, завел его и принялся с ревом крушить жалкую полынь пустыни. Джип натыкался на скалы, не могу понять, как он не разлетелся вдребезги. Куда ехать, я знал — но боялся и думать, что там найду. Я понял, что люблю Элен Прайс больше собственной жизни и, что сам, своими руками, убил ее.

Я заметил ее издали: она то бежала, то пряталась. Я направил джнп наперерез и закричал, но она ничего не видела и не слышала. Тогда я затормозил, выпрыгнул и побежал следом за ней. Мир померк, я не различал ничего, кроме Элен, но не мог догнать ее.

— Подожди меня, сестренка! — кричал я. — Я люблю тебя, Элен! Подожди!..

Она вдруг замерла, сжавшись в комок, и я едва

не наступил на нее. Я опустился на колени и прижал ее к себе — и тут оно и случилось.

Говорит, во время землетрясения, когда верх и низ меняются местами, люди испытывают такой дикий страх, что сходят с ума. Тут было еще хуже. Перепуталось все: право и лево, верх и низ, пространство и время. Ветер с грохотом несся сквозь скалы под ногами, а воздух над нами загустел до того, что давил, как скала. Помню, мы прильнули друг к другу и были друг для друга всем, а вокруг не было ничего, — и это все, что я помню, — а потом мы сидели в джипе, и я гнал его к поселку так же отчаянно, как недавно гнал в глубину пустыни.

Мир снова обрел очертания. Солнце ярко светило, а на горизонте цепочка всадников двигалась туда, где когда-то нашли тело Оуэна. Я привез Элен в контору. Она сидела за столом, уронив голову на руки, и дрожала безудержной дрожью. Я крепко обнимал ее за плечи.

— Буря была внутри нас, Элен. — повторял я. — Все, что было в нас темного, теперь ушло. Игра кончена, мы теперь свободны, и я люблю тебя…

Вновь и вновь повторял я эти слова — на благо себе и ей. Я говорил ей, что она станет моей женой, мы сыграем свадьбу и уедем за тысячу

миль от этой пустыни и вырастим детей. Дрожь ее унялась до легкого озноба, но ответить она все еще не могла. И тогда я услышал под окном стук копыт и скрип упряжи, а затем медленные шаги вверх по лестнице.

В дверях появился старый Денв. Два его револьвера казались при нем столь же естественными, как руки и ноги. Он взглянул на Элен, склонившуюся над столом, и на меня, застывшего рядом.

— А ну-ка, спускайся вниз, сынок. Ребята хотят потолковать с тобой, — сказал он.

Я пошел было за ним — и остановился.

— Но Элен невредима. Жила там действительно есть, Дейв, но никто никогда не найдет ее…

— Скажи об этом ребятам.

— В ближайшие дни, — добавил я, — мы вообще сворачиваем дело. Я женюсь на Элен и увезу ее с собой….

— Спускайся вниз или мы стащим тебя силой! — жестко оборвал он. — Элен поедет домой к своей мамаше.

Я испугался. Я не знал, что делать.

— Нет, я не поеду домой к мамаше!..

Рядом со мной стояла Элен. Это была «Элен из пустыни», но поразительно выросшая. Бледная, красивая, сильная, уверенная в себе.

— Я уезжаю с Дьюардом, — сказала она. — Никто в мире не будет больше распоряжаться мной, как бессловесной зверушкой!..

Дейв поскреб челюсть и пришурясь уставился на Элен.

— Я люблю ее, Дейв, — сказал я. — Я буду о ней заботиться всю жизнь.

Я обнял ее левой рукой, и она приникла ко мне. И старый Дейв неожиданно смягчился.

— Малышка Элен Прайс, — произнес он удивленно. — Кто, в самом деле, мог бы вообразить такое?.. — Он протянул руку и ласково потрепал нас по очереди. Благословляю вас, молодежь, — сказал он и подмигнул. — Пойду передам ребятам, что все в порядке…

Он повернулся и стал не спеша спускаться по лестнице. Мы с Элен посмотрели друг на друга — и, по-моему, я выглядел таким же обновленным, как она.

С тех пор прошло шестнадцать лет. Я уже стал профессором, и мои виски начали седеть. Как ученый я совершеннейший позитивист, самый отъявленный из всех, каких только можно сыскать в бассейне Миссисипи. Когда я поучаю

студента на семинаре: «Подобное утверждение не имеет утилитарного смысла», — я умею произнести это так, чтобы он воспринял эти слова как грубейшее из ругательств. Студенты заливается краской и платят мне ненавистью: но я поступаю так ради их же пользы. Наука, пожалуй, единственно безопасная изо всех человеческих игр, но безопасна она лишь до тех пор, пока не замутнена вымыслом. На том стою — и не встречал еще студента, справиться с которым было бы мне не по силам.

Мой сын слеплен из другого теста. Мы назвали его Оуэном. Он унаследовал глаза Элен, цвет ее волос и тип лица. Учился он читать по современным трезвым, стерилизованным детским книжкам. В доме у нас ни единой сказки, зато есть научная библиотека. Сейчас он, вслед за Джинсом и Эддингтоном, увлечен измерениями времени и пространства. Вероятно, он не понимает и десятой доли того, что читает, в том смысле, как понимаю я. И в то же время он понимает все до строчки, только на собственный, недоступный для нас манер.

Недавно он взял да и заявил:

— Знаешь, папа, расширяется не только пространство. Время расширяется тоже, это-то и

позволяет нам попадать все дальше от того момента, где мы привыкли быть..

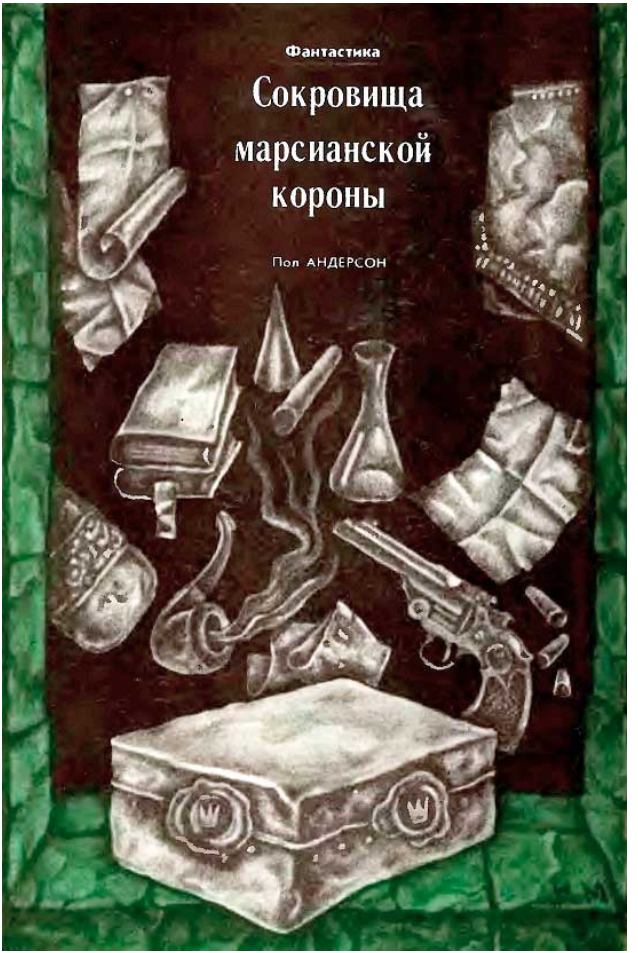
Мне придется рассказать ему, чем я занимался но время войны. Именно тогда я возмужал и нашел жену. Как и почему — я, видимо, не вполне понимаю, и, надеюсь, никогда не пойму. Но Оуэн унаследовал у Элен еще и сердце, удивительно пытливое сердце. Я боюсь за него. Боюсь, что он поймет.

Перевел с английского К. Сенин [Олег Георгиевич Битов]

№ 11

Пол Андерсон

Сокровища марсианской короны


Фантастика
Сокровища марсианской короны
Пол АНДЕРСОН

Сигнал достиг цели, когда корабль находился еще за четверть миллиона миль, и записанная на пленку команда вызвала техников на их рабочие места. Особой спешки не было, поскольку ZX28749, иначе известный как «Джейн Брэкни», шел строго по расписанию; однако сажать корабль без экипажа — дело всегда чрезвычайно тонкое. Люди и машины находились в постоянной готовности принять очередное беспилотное устройство, но на плечи контрольной группы ложилась большая ответственность.

Ямагата, Штейнман и Раманович собрались в башне диспетчерской службы, и Холидэй тоже стоял поблизости на случай непредвиденных осложнений. Если автоматика вдруг откажет — она никогда не отказывала — то тысяча тонн груза и само судно с ядерным двигателем, рухнувшие вниз, смели бы с Фобоса все и вся до последнего человека. Так что Холидэй следил за происходящим по приборам, готовый в случае необходимости включиться в работу немедленно.

Чуткие пальцы Ямагаты танцевали над шкалами локаторов. Глаза неотрывно всматривались в экран. «Поймал!..» — наконец произнес он. Штейнман замерил расстояние, а Раманович

— скорость приближения по Допплеру. Быстро сверившись с компьютером, они установили, что цифры почти соответствуют расчетным.

— Можно и отдохнуть, — сказал Ямагата, вынимая сигарету. — До точки разворота еще далеко…

Обведя взглядом тесную комнату, он уставился в окно. С башни открывался вид на космопорт, признаться, не слишком впечатляющий: ангары, мастерские и квартиры персонала прятались в глубине. Гладкое бетонное поле казалось обрубленным — поверхность крошечного спутника изгибалась слишком круто. Фобос смотрел на Марс одной своей стороной, космопорт расположили на другой, но Ямагата вспомнил огромную планету, нависшую над противоположным полушарием, — тусклый кирпичнокрасный диск, размытый по краям худосочной атмосферой, испещренный зелено-бурыми мазками полей и пустошей. Фобос омывался вакуумом, но здесь, в порту, не видно было даже звезд: слишком яркие прожекторы, слишком яркое солнце.

В дверь постучали. Холидэй подошел, почти подплыл к ней — призрачное притяжение ничуть не мешало — и отомкнул замок.

— Во время посадки посторонним вход воспрещается, — бросил он.

— Полиция!..

Незваный гость, мускулистый, круглолицый и насупленный, носил штатское платье, а точнее мундир поверх пижамных штанов; впрочем, к этому все привыкли — кто же в маленькой колонии не знал инспектора Грегга! Но сегодня инспектор взял с собой оружие — вот это уже выходило за пределы привычного.

Ямагата снова выглянул в окно и увидел на поле всех четырех приписанных к порту констеблей: напялив свои официальные скафандры, они наблюдали за обслуживающим персоналом. И все тоже были при оружии.

— Что случилось? — спросил он.

— Ничего… надеюсь, что ничего. — Грегг вошел в комнату и попытался улыбнуться — Но на «Джейн» весьма необычный груз.

— Да? — Широкое отечное лицо Рамановича вспыхнуло от досады. — Почему же нам ничего не сказали?

— Намеренно. Дело совершенно секретное. На борту сокровища марсианской короны.

Грегг вытащил из складок мундира сигарету. Холидэй и Штейнман обменялись кивком. Ямагата присвистнул:

— На корабле-автомате?..

— Угу. Корабль-автомат — единственный вид транспорта, откуда их при всем желании нельзя украсть. Зарегистрированы три попытки кражи, когда сокровища везли на Землю на рейсовом лайнере, и черт знает сколько еще, пока они красовались в Британском музее. Одному из охранников это стоило жизни. Сегодня мои ребята вынут их раньше, чем кто бы то ни было коснется этой посудины, и переправят прямым сообщением в Сабеус.

— А сколько они стоят? — поинтересовался Рамановнч.

— Ну, на Земле их удалось бы сбыть, вероятно, за полмиллиарда международных долларов, — отвечал Грегг. — Но вор поступил бы куда разумнее, если бы предложил марсианам выкупить их обратно... да нет, раскошеливаться пришлось бы нам, землянам, раз уж мы взяли сокровища под свою ответственность. — Он затерялся в клубах дыма. — Втайне ото всех их поместили на «Джейн» буквально за секунду перед отлетом. Даже мне ничего не сообщали до этой недели — с последним рейсом прибыл специальный нарочный. У злоумышленников нет ни единой возможности пронюхать о сокровищах до тех самых пор, пока они благополучно не вернутся

на Марс. А уж там-то им ничто не грозит, будьте покойны!..

— Да нет, кое-кто все равно знал, — задумчиво произнес Ямагата. — Те, например, кто грузил корабль на Земле.

— Что верно, то верно, — усмехнулся Грегг. — Иные из них успели даже уйти с работы, так мне сказал нарочный. Но среди этих космических бродяг всегда большая текучка — не сидится им на одном месте…

Он перевел взгляд со Штейнмана на Холидэя и обратно: оба они в прошлом работали на Земной перевалочной станции и на Марс прилетели лишь несколько рейсов назад. Лайнеры, следующие по гиперболической орбите, покрывали расстояние между планетами за две недели; корабли-автоматы шли по более длинной и более экономичной кривой, так называемой орбите Хомана, и тратили на дорогу 258 дней. Человек, проведавший, на какой из кораблей попали сокровища, мог преспокойно покинуть Землю, прибыть на Марс задолго до груза и даже устроиться здесь на службу — Фобос вечно испытывал нехватку рабочих рук.

— Не глядите на меня так! — со смехом воскликнул Штейнман. — Разумеется, и Чак и я

— мы оба знали об этом, но мы же дали подписку о неразглашении. И не сказали ни единой живой душе…

— Точно. Если бы сказали, я бы услышал. — подтвердил Грегг. — Слухи здесь распространяются быстро. Не обижайтесь, мальчики, но я затем и явился сюда, чтобы никто из вас не тронулся с места, пока сокровища не окажутся на борту полицейского катера…

— Ну что ж. Значит, придется платить сверхурочные.

— Если уж я пожелал бы разбогатеть, то предпочел бы надеяться на геологическую разведку, — добавил Холидэй.

— И долго ты еще собираешься тратить все свое свободное время, шляясь по Фобосу со счетчиком Гейгера? — вставил Ямагата. — Тут же ни черта нет, кроме железа и камня.

— У меня на этот счет свое мнение, — не задумываясь, ответил Холидэй.

— На этой забытой богом планетке каждому нужно хоть какое-нибудь увлечение, — провозгласил Рамановнч. — Я бы, может, и сам не прочь попробовать заполучить эти блестяшки, просто ради остроты ощущений…

Он запнулся, уловив в глазах Грегга хищный

огонь.

— Довольно, — вмешался Ямагата. — Корабль на подходе.

«Джейн» входила в зону посадки — скорость ее движения по заранее вычисленной орбите почти совпадала со скоростью движения Фобоса. Почти, но не совсем: сказывались неизбежные мелкие помехи, которые надлежало компенсировать с помощью управляемых на расстоянии двигателей, а затем предстояла еще посадка как таковая. Контрольная группа уточнила координаты корабля и с этой секунды трудилась не покладая рук.

В режиме свободного полета «Джейн» приблизилась к Фобосу до расстояния в тысячу миль — сфероид радиусом в 500 футов, огромный и тяжелый, но совершенная пылинка в сравнении с немыслимой массой спутника.

Когда корабль подлетел достаточно близко, гироскопы получили по радио команду развернуть его — плавно, очень плавно, пока приемная антенна не оказалась нацеленной точно на посадочную площадку. Затем включились двигатели — на одно мгновение, в четверть силы. «Джейн» была уже почти над самым космопортом, идя по касательной к поверхности Фобоса. Спустя

секунду Ямагата резко ударил по клавишам управления, и ракеты вспыхнули яростным пламенем, на небе зажглась ясно видимая красная полоска. Ямагата снова выключил двигатели, проверил все данные и дал еще один рывок помягче.

— Полный ажур, — хмыкнул он. — Давайте сажать.

Скорость «Джейн» относительно Фобоса и ее вращение равнялись теперь нулю, к корабль понемногу падал. Ямагата довернул его по горизонту, пока двигатели не стали смотреть вертикально вниз. Потом он откинулся в кресле и вытер лицо платком — задача была слишком каверзной, чтобы один человек мог выполнить ее от начала до конца, Раманович, потея, довел чудовищную массу до нескольких ярдов над опорной подушкой. Штейнман довершил операцию, уложив корабль на стоянку, как яйцо на подстилку. Двигатели выключились, настала тишина.

— Ух! Чак, как насчет выпить?..

Ямагата вытянул перед собой дрожащие пальцы. Холидэй улыбнулся и достал бутылку. Бутылка пошла по кругу. Грегг от выпивки отказался. Его глаза были прикованы к полю, где один из техников проверял корабль на радиоак-

тивность. Приговор оказался благоприятным, и Грегг увидел, как его констебли понеслись над бетоном, окружая гигантский сфероид. Один из них поднялся по трапу, открыл люк и проскользнул внутрь.

Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем он выплыл обратно. Потом побежал. Грегг выругался и нажал на клавишу радиоселектора:

— Эй, ты! Ибарра! Что там еще такое?

Шлемофон констебля донес его боязливый ответ:

— Сеньор! Сеньор инспектор!.. Сокровища короны… они украдены.

Сабеус — это, конечно, чисто приблизительное, выдуманное людьми название старинного города, приютившегося в марсианских тропиках, на пересечении «каналов» Физон и Евфрат. Губы землян просто не в состоянии выговорить три слова в соответствии с литературными нормами языка Хланнах и должны ограничиваться грубой имитацией. Да и руки землян никогда не возводили городов, состоящих исключительно из башен, у которых верхушки много шире оснований, городов, существующих по двадцать

тысяч лет. Если бы на Земле и нашелся такой город, люди сами бросили бы его на растерзание туристам; однако марсиане предпочитали иные, более достойные способы зашибить деньгу, даже несмотря на то, что слава о их скаредности давно затмила славу шотландцев. И хоть межпланетная торговля процветала и Фобос превратился в оживленный порт, человек в Сабеусе до сих пор оставался редкостным гостем.

Торопливо шагая по проспектам меж каменных грибов, Грегг поневоле чувствовал, что обращает на себя внимание. Хорошо еще, что кислородный прибор прикрывал ему лицо. Не то чтобы степенные марсиане пялились на прохожего — они *варкали*, а это много хуже.

Улица Выпекающих Пищу в Очагах — тихая улочка, которую облюбовали ремесленники, философы и солидные квартиросъемщики. Здесь не увидишь ни танца ухажеров, ни парада младших алебардщиков. Здесь не случается ничего занятнее, чем затянувшийся на четверо суток спор о релятивистской природе тел класса нуль или эпизодическая перестрелка, обязанная своим возникновением тому, что здесь свили себе гнезда известнейшие частные сыщики планеты.

Марс, с его холодным глубоким небом и съе-

жившимся солнцем, с шумами, приглушенными разряженной атмосферой, всегда внушал Греггу суеверный страх. Но к Шиалоху он питал определенную симпатию — и когда наконец взобрался по лестнице, погремел трещоткой на втором этаже и был допущен в квартиру, то испытал облегчение, слоено освободился от кошмара.

— А, Хреxx! — Великий сыщик отложил в сторону струнный инструмент, на котором играл до прихода гостя, и жердью навис над инспектором. — Какое нечастое удовольсствие видеть васс здессь! Вхходите жже, дорогой друхх, вхходите…

Он гордился своим английским произношением, но никакое удвоение согласных не в состоянии передать свистящий и прищелкивающий марсианский акцент.

Инспектор осторожно вступил в высокую узкую комнату. Радужные змейки, освещающие жилище по вечерам, сонно свернулись на полу среди вороха бумаг, улик и всевозможною оружия; подоконники готических окон покрывал ржавый песок. Квартира Шиалоха не отличалась опрятностью, хотя за собственной особой он следил тщательно. В одном углу он устроил небольшую химическую лабораторию. Остальную часть стен занимали полки, уставленные криминалистиче-

ской литературой трех планет — марсианскими книгами, земными микрофильмами и говорящими камнями с Венеры. Патриотизм хозяина доказывал барельеф правящей императрицы-матери, кое-где пробитый пулями. Землянину было бы нипочем не усесться на трапециевидную местную мебель, но Шиалох, как учтивый хозяин, держал для гостей стулья и тазы — клиентура у него также была трипланетной.

— Полагаю, что вы пришли ко мне по служебному, но строго конфиденциальному делу…

Шиалох достал вместительную трубку. Марсиане с готовностью привыкли к табаку, но в этой атмосфере в него приходилось добавлять марганцевокислый калий.

Грегг так и подпрыгнул:

— Как вы, черт возьми, догадались?

— Очень просто, мой дорогой друг. Вы чрезвычайно возбуждены, а мне известно, что так вы выглядите только тогда, когда у вас неприятности на работе.

Грегг сухо рассмеялся.

Шиалох был по земным представлениям гигантом: двуногий, семи футов ростом, он отдаленно напоминал аиста. Но узкая, увенчанная гребнем красноклювая голова на гибкой шее была для

аиста слишком велика, желтые глаза слишком глубоки, а белые перья тела больше походили на оперение пингвина, нежели летающей птицы, не говоря уже о синем султане на хвосте; на месте крыльев росли красные кожистые ручки с четырьмя пальцами на каждой. Да и держался Шиалох не по-птичьи прямо.

Грегг судорожно дернулся, пытаясь сосредоточиться на деле. Боже правый! Город за окном лежал такой серый и спокойный, солнце катилось на запад над фермами долины Сабеус и пустыней Эриа, по улице только что мирно протарахтела повозка мельника — а он пришел сюда с рассказом, способным разнести Солнечную систему на составные части!

— Да, вы правы, — дело строго конфиденциальное. Если вы сумеете его распутать, то сумму гонорара можете назначить сами. — Блеск в глазах Шиалоха заставил его раскаяться в своих словах, и он запнулся. — Но сначала скажите откровенно. Как вы относитесь к нам, землянам?

— У меня нет предрассудков. Ценен мозг, а не то, чем он покрыт — перьями, волосами или костными пластинками.

— Нет, я не о том. Ведь иные марсиане недолюбливают нас. Мы, мол, нарушили древний

жизненный уклад — но, право же, невольно, мы просто начали с вами торговать…

— К-тх. Торговля выгодна обеим сторонам. Ваша нефть и машины — и табак, да-сс… в обмен на наш *кантц* и *снулль*. А кроме того, мы чересчур… застоялись. И, конечно, космические перелеты придали криминологии новую глубину. Да, я симпатизирую Земле.

— Значит, вы нам поможете? И не станете поднимать шум вокруг дела, которое могло бы побудить ваше правительство вышвырнуть нас с Фобоса?

Веки третьего глаза смежились, превратив длиниоклювое лицо в непроницаемую маску.

— Я не давал пока никаких обещаний, Грегг.

— Ну, да черт с ним, все равно, придется идти на риск. — Полицейский тяжело сглотнул. — Вам известно о сокровищах вашей короны…

— Они были временно отправлены на Землю для показа и научного анализа.

— После многолетних переговоров. На Марсе нет более бесценной реликвии — а ваша цивилизация была древней, еще когда мы охотились на мамонтов. Ну, так вот. Сокровища украдены.

Шиалох открыл все три глаза, но, если не считать этого, удостоил инспектора лишь коротким

кивком.

— На Земной перевалочной их погрузили в корабль-автомат. А когда он пришел на Фобос, сокровищ не оказалось. Мы разобрали корабль чуть не по винтику, пытаясь отыскать их, распотрошили весь прочий груз ящик за ящиком — их нет!..

Шиалох запалил трубку — в мире, где спички не загораются, требуется немалое терпение, чтобы высечь искру сталью из кремня. И только когда трубка раскурилась как следует, задал вопрос:

— Возможно ли, что корабль ограбили в пути?

— Нет. Это исключено. Все космические суда в Солнечной системе зарегистрированы, и их местонахождение известно с абсолютной точностью в любой момент. Но найти песчинку в пространстве объемом в сотни миллионов кубических миль, а потом и уравнять с ней скорости… да ни один корабль, построенный по сей день, не вместит столько топлива. И не забудьте — о том, что сокровища вернутся на Марс именно с этим кораблем, заранее не сообщали никому. Только в международной полиции знали, да на Земной перевалочной поняли в ту секунду, когда корабль тронулся в путь, — а тогда было уже поздно что-либо предпринять…

— Очень интересно.

— Если хоть словечко об этом происшествии просочится в прессу, — добавил Грегг печально, — то вы сами без труда можете представить себе последствия. Мне кажется, что у нас до сих пор есть два-три друга в вашем парламенте…

— В Палате деятельных, да-сс… два-три остались. Но не в Палате философов, которая, между прочим, является верхней.

— В общем, это будет означать, что торговля между Землей и Марсом прервется лет на двадцать, и не исключено, что отношения окажутся разорваны навсегда. Черт побери, Шиалох, вы просто обязаны помочь мне отыскать эти камушки!..

— Хм-м-м. Прошу меня простить. Над этой задачкой следует подумать…

Марсианин поднял свой замысловатый инструмент и взял несколько пробных аккордов. Грегг вздохнул.

Миновал бесцветный закат, с нервирующей марсианской быстротой опустилась ночь, и радужные змейки стали испускать синее свечение, когда Шиалох наконец отложил свою полускрипку.

— Боюсь, мне придется отправиться на Фобос

собственной персоной, — заявил он. — Для точного анализа в деле слишком много неизвестных. Нельзя строить теории, не собрав всех необходимых данных. — Костлявая ручка похлопала Грегга по плечу. — Ну, не унывайте, дорогой друг! Я вам, право же, очень благодарен. Жизнь становится чертовски скучна. А теперь, как сказал бы мой знаменитый земной предшественник, игра началась… и, безусловно, крупная игра.

В атмосфере земного типа марсианин чувствовал себя вполне сносно: ему понадобилось провести всего лишь час в компрессионной камере, да еще вставить в клюв фильтр, поглощающий избыток кислорода и водяных паров. С этим фильтром, в фуражечке фасона *тирстокр* и с неизменной трубкой Шиалох облазил все закоулки порта, брюзжа про себя относительно жары и влажности.

Надев скафандр, он даже вылез наружу осмотреть «Джейн Брэкни». Судно оттащили в сторону, чтобы освободить место для прибывших следом, и оно стояло теперь у зубчатых скал на самом краю поля. Сыщика сопровождали Грегг и Ямагата.

— Ну и ну, вы в самом деле постарались, — заметил великий детектив. — Внешнюю обшивку и то не поленились ободрать…

Сфероид вблизи походил не столько на яйцо, сколько на вафельницу: поверх тонких алюминиевых листов шла затейливая путаница брусьев и распорок! Еще он напоминал шахматную доску с квадратами глубиной около фута, а шириной примерно в ярд; двигатели, люки и радиоантенна — вот и все, что нарушало это шахматное однообразие.

Ямагата принужденно рассмеялся.

— Да нет, фараоны просветили, правда, каждый дюйм рентгеном, но снаружи эти грузовые корабли именно так и выглядят. Ведь они никогда не спускаются ни на Землю, ни на другие атмосферные планеты, и обтекаемость линий им просто не нужна. А поскольку на борту во время рейса нет ни души, то нет нужды и заботиться об изоляции и герметизации. Хрупкие грузы содержатся в непроницаемых отсеках.

— Ясно. А где хранились сокровища короны?

— По идее, в шкафчике рядом с гироскопами, — ответил Грегг. — В опломбированной коробке размером шесть дюймов на шесть на двенадцать…

Он покачал головой, словно недоумевая, как это такая маленькая коробочка вместила такой потенциально опасный груз.

— Да, но положили ли их в этот шкафчик?

— Я радировал на Землю и получил подробный отчет, — ответил Грегг. — Корабль, как обычно, грузили на станции-спутнике, затем его в ожидании старта отвели на четверть мили — просто чтобы не болтался под ногами. Он оставался на одной орбите со спутником, связанный с ним тонким канатом, — тоже вполне обычное явление. Затем, буквально в последнюю секунду и, самое важное, без предупреждения сокровища короны были доставлены с Земли и подняты на борт.

— Кем? Уполномоченным на то полисменом?

— Нет. Когда корабль уже находится на орбите, на борт допускаются только дипломированные техники. На место коробку положил один из штатных сотрудников станции, по фамилии Картер. На глазах полиции он полез по канату и забрался в люк. — Грегг показал на дверцу возле антенны. — Потом он вышел, задраил люк и вернулся по канату назад. Полиция тотчас же обыскала и его скафандр и его самого, просто на всякий случай, и, разумеется, никаких сокровищ не нашла. Да и подозревать Картера оснований

не было — добросовестный кадровый работник, хотя не могу не отметить, что спустя какое-то время он исчез. А «Джейн» благополучно тронулась в путь и за ней наблюдали, пока не потухли двигатели и она не перешла в свободный полет. С тех пор ее никто не видел, и вот она появилась здесь — без сокровищ…

— И, заметьте, строго по расписанию, — добавил Ямагата. — Если бы по какому-то стечению обстоятельств кто-то сумел состыковаться с кораблем в пути, то мы непременно заметили бы задержку. Неизбежное следствие взаимодействия между двумя телами…

— Понимаю. — Клюв Шналоха за щитком шлема очертил стремительную кривую сверху вина. — Послушайте, Грегг, а были ли сокровища в той коробке, которую доставили на станцию?

— Вы хотите спросить — на Земную перевалочную? Безусловно, да. Тут замешаны четыре главных инспектора международного ранга, и меня заверили, что они абсолютно вне подозрений. Едва я доложил на Землю о краже, они сами настояли, чтобы их квартиры и все их имущество подверглись обыску, и добровольно прошли проверку на детекторе лжи.

— А ваши собственные констебли на Фобосе?

— То же самое, — ответил полисмен уныло. — Я ввел запрет на передвижение — никто, кроме меня, не выезжал из этой колонии с той секунды, когда обнаружилась пропажа. Я обыскал все помещения, склады и переходы… — Он попытался почесать в затылке, что в космическом скафандре было делом довольно-таки затруднительным. — Я не могу продлевать ограничения до бесконечности. Корабли прибывают, грузополучатели требуют свои товары…

— Хнаххла! Значит, мы к тому же еще и ограничены временем. — Шиалох кивнул самому себе. — Известно ли вам, что это любопытный вариант старинной загадки запертой комнаты? Что же такое корабль-автомат в пути следования, как не запертая комната в классическом смысле слова?

Он неторопливо поплыл прочь. Грегг мрачно уставился на первобытный горизонт, из-под ноги у него внезапно вырвался обломок скалы и покатился, подпрыгивая, через поле. Странная вещь, до чего ненадежным становится зрение в безвоздушном пространстве, даже при ярком свете. Парень, что переходит поле вон там, на солнце да еще при прожекторах, кажется каким-то пунктиром искорок… какого дьявола он там

делает — завязывает ботинок? Нет же, он только что шел совершенно нормально…

— Будь моя воля, я бы всех на Фобосе пропустил через детектор, — сказал Грегг, с ноткой ярости в голосе, — да закон не разрешает делать это иначе как с согласия подозреваемого, а добровольно вызвались только мои люди и больше никто…

— И правильно, мой дорогой друг, — отозвался Шиалох. — Индивидуум должен сохранить за собой право на уединение хотя бы в пределах собственного черепа. Да и процесс расследования стал бы в противном случае невыносимо грубым…

— Наплевать мне, груб он или нет. — выпалил Грегг. — Только бы коробка с сокровищами марсианской короны вернулась в безопасное место…

— Та-та-та! Нетерпение сгубило немало подающих надежды молодых полисменов. Кажется, именно так говорил мой духовный предок с Земли инспектору Скотланд-ярда, который… гм… не исключено, является вашим физическим предком, Грегг. Мне думается, мы попытаемся подойти к делу иначе. Есть здесь на Фобосе люди, заведомо знавшие, что сокровища находятся именно на этом корабле?

— Да. Их двое. И я досконально проверил, что они не нарушали подписки и не заикались никому до тех пор, пока тайна сама не выплыла наружу.

— Кто же они?

— Техники Холидэй и Штейнман. Когда «Джейн» грузили, они работали на Земной перевалочной. Вскоре они уволились, хотя и в разное время, прилетели сюда рейсовым лайнером и поступили на службу. Можете не сомневаться, что уж их-то квартиры мы обыскали в первую очередь!

— Быть может, — заметил вполголоса Шиалох, — имеет смысл побеседовать с упомянутыми джентльменами?..

Штейнман, худой и рыжеволосый, так и клокотал от негодования; Холидэй был просто обеспокоен. Это никак не являлось доказательством вины: за последнее время допросы надоели всем на Фобосе до предела. Они сидели в полицейской конторке — Грегг расположился за столом, а Шиалох прислонился к стене, дымя трубкой и посматривая на остальных непроницаемыми желтыми глазами..

— Да черт вас возьми, я уже рассказывал об этом столько раз, что меня того и гляди стошнит! — Штейнман сжал кулаки и одарил марсианина убийственным взглядом. — Я не трогал этих безделушек и понятия не имею, куда они делись. Неужели у человека нет даже права сменить работу?..

— Прошу вас, — мягко произнес великий детектив. — Чем охотнее вы нам поможете, тем скорее мы покончим с этим делом. Я слышал, что вы лично знали того, кто внес коробку на борт?

— Конечно. Кто же не знал Джона Картера! В том-то и соль, что на станции-спутнике каждый знает каждого. — Землянин воинственно выпятил челюсть. — Вот почему никто из нас в жизни не согласится на детектор. Не хватало еще выбалтывать свои мысли людям, которых мы видим по пятьдесят раз на дню! Тогда мы совсем свихнемся…

— Я не обращался к вам с подобной просьбой, — заметил Шиалох.

— Картер был моим другом, — ввернул Холидэй без приглашения.

— Угу, — буркнул Грегг. — И тоже уволился почти одновременно с вами, мальчики, улетел на Землю и с тех пор о нем ни слуху ни духу.

По моим сведениям, вы с ним были накоротке. Интересно, о чем вы говорили?

— О самых обычных вещах, — пожал плечами Холидэй. — Вино, женщины, песни. Я не слышал о нем ничего с того самого дня, как улетел с Земли.

— Кто сказал, что Картер украл коробку? — вмешался Штейнман. — Он просто устал мыкаться в пространстве и уволился. Да он и не мог украсть сокровища — его обыскивали…

— А не мог он спрятать их в каком-нибудь укромном месте, известном его друзьям ча этом конце маршрута? — осведомился Шиалох.

— Спрятать? Где? На наших кораблях нет потайных отделений, — ответил Штейнман, теряя терпение. — На борту «Джейн» Картер провел от силы две-три минуты, ровно столько, сколько надо было на то, чтобы положить коробку туда, куда было велено.

Его взгляд устремился на Грегга и вдруг зажегся скрытым огнем. — Давайте назовем всё своими именами: если кто-то на всем пути действительно имел случай цапнуть эту коробочку, так только наши милые фараоны…

Инспектор побагровел и приподнялся со стула.

— Послушайте, вы!..

— Вы заявляете, что невиновны, — не унимался

Штейнман. — А чем, спрашивается, ваше слово лучше моего?

Шиалох знаком приказал обоим помолчать.

— Будьте добры не ссориться. Ссориться нефилософично. — Его клюв раскрылся и щелкнул, что у марсиан было равносильно улыбке. — Нет ли у кого-нибудь из вас своей собственной теории? С удовольствием выслушаю любую свежую идею.

Наступила тишина. Затем Холидэй пробормотал:

— Да, у меня, пожалуй, есть идея. — Шиалох прикрыл глаза и спокойно ждал, попыхивая трубкой. Холидэй неуверенно усмехнулся. — Но боюсь, что если я прав, то не видать вам этих сокровищ как своих ушей…

Грегг зашипел.

— Я порядком пошлялся по Солнечной системе, — продолжал Холидэй. — В космосе чувствуешь себя таким одиноким. Вам никогда не понять, как он велик и пустынен, пока вы не остались с ним лицом к лицу. А я оставался, и не раз: увлекаюсь любительской разведкой урана, правда, пока без особого успеха. Так вот, я не верю, что нам известно все о Вселенной, не верю что между планетами — только вакуум и ничего больше.

— Вы что, о пустотниках? — фыркнул Грегг.

— Хотите назвать это суеверием? Валяйте. Но если вы проведете в космосе достаточно долгое время… ну, в общем, тогда вы тоже поймете. Там есть живые существа, газовые, радиационные, вообразите их какими угодно, но в космосе кто-то живет.

— Но зачем пустотннкам коробка с сокровищами?

Холидэй развел руками.

— Откуда мне знать? Быть может, мы беспокоим их тем, что шатаемся на своих ракетах по их мрачному королевству. Кража сокровищ короны — прекрасный способ оборвать торговлю с Марсом, не правда ли?

Воцарилось гнетущее молчание.

— Ну что ж… — Грегг беспомощно повертел в руках пресс-папье из метеоритного железа. — Мистер Шиалох, у вас есть еще вопросы?

— Только один. — Веки третьего глаэа разомкнулись, и на Штейимана глянула сама бесстрастность. — Если не возражаете, дорогой мой, то чем вы увлекаетесь в свободное время?

— А?.. Шахматами. Я играю в шахматы. А вам-то что?

Штейнман опустил голову и насупился.

— И больше вас ничто не интересует?

— А что еще должно меня интересовать?

Шиалох посмотрел на инспектора, который кивком подтвердил слова техника.

— Ясно. Благодарю вас. Может статься, мы когда-нибудь сыграем с вами партию. У меня есть по этой части кое-какой небольшой опыт. Пока что у меня все, джентльмены.

Техники вышли из конторки — при малой гравитации их движения казались замедленными, как во сне.

— Ну? — спросил Грегг, глядя на Шиалоха умоляющими глазами. — Что же дальше?

— Совершеннейший пустяк. Полагаю… да-сс, пока я здесь, я хотел бы увидеть персонал за работой. При моей профессии надо иметь представление о самых разнообразных занятиях.

Грегг вздохнул.

Роль гида взял на себя Рамаиович. В порт как раз прибыл «Ким Брэкни»— сейчас корабль стоял под разгрузкой. Они с Шиалохом то и дело натыкались на людей в скафандрах.

— Не сегодня-завтра придется снять запрет, — сказал Раманович. — Или, на худой конец, открыть, почему он введен. Склады ломятся от товаров.

— Это будет благоразумно, — кивнул Шиалох, — Да, скажите-ка мне… такое снаряжение применяется на всех станциях?

— Вы имеете в виду костюмы, которые носят ребята, и инструменты, которыми они пользуются? Безусловно. Все это повсеместно одинаково.

— Могу я осмотреть такой костюм поближе?

— Что?.. — «Боже, избави нас от любознательных посетителей!» — подумал Раманович. Но тем не менее подозвал одного из механиков. — Мистер Шиалох желает, чтобы вы объяснили ему устройство своего снаряжения.

— Пожалуйста. Обычный космический скафандр, усиленный по швам. — Руки в металлических перчатках задвигались, показывая детали. — Обогревательная система питается вот от этой батареи высокой емкости. В этих баллонах — запас кислорода на десять часов. Эти захваты служат для крепления инструментов, чтобы не растерять их в условиях невесомости. Этот резервуар на поясе — для краски, которая распыляется с помощью вот этой насадки…

— А зачем нужно красить космические корабли? — поинтересовался Шиалох. — Разве металл в вакууме подвержен коррозии?

— Сказать по правде, сэр, мы только прозвали

ее краской. На самом деле это липучка — запечатывать трещины в корпусе, пока мы не заменим целиком пластину, или метить повреждения иного рода. Метеоритные пробоины и тому подобное…

Механик нажал на скобу, из насадки вырвалась тонкая, почти невидимая струйка и застыла, едва коснувшись грунта.

— Но вашу липучку не так-то легко заметить, — возразил марсианин. — Я, по крайней мере, в безвоздушном пространстве вижу с большим трудом.

— Это верно. Свет не рассеивается, следовательно… впрочем, вещество радиактивно — ровно настолько, чтобы ремонтная бригада могла найти повреждение со счетчиком Гейгера.

— Понимаю. А каков период полураспада?

— Право, не знаю. Месяцев шесть, наверное. Считается, что липучку можно обнаружить в течение года.

— Благодарю вас…

Шиалох величаво двинулся прочь. Рамановичу пришлось бежать вприпрыжку, чтобы удержаться рядом с ним.

— Вы подозреваете, что Картер спрятал коробку в резервуар с краской? — высказался землянин.

— Нет, вряд ли. Резервуар слишком мал, да и обыск, по-видимому, проводили тщательно. — Шиалох остановился и откланялся. — Вы были очень добры и терпеливы, мистер Раманович. Я выполнил свою задачу, а уж инспектора как-нибудь найду и сам.

— Зачем вам инспектор?

— Разумеется, чтобы сообщить ему, что запрет можно снять. — Шиалох издал резкий шипящий звук. — А затем я ближайшим катером должен вернуться на Марс. Если я потороплюсь, то успею на вечерний концерт в Сабеусе. — Голос его стал мечтательным. — Сегодня первое исполнение «Вариаций на тему Мендельсона» композитора Ханиеха в переложении на классическую нотную систему Хланнах. Мне предстоит, вероятно, незабываемый вечер.

Через три дня Шиалох получил письмо. Он извинился перед именитым гостем и, учтиво предложив тому подождать на корточках, пробежал по строчкам глазами. Затем с поклоном сообщил соотечественнику:

— Вам будет небезынтересно узнать, сэр, что достославные венцы привезены на Фобос и в

настоящий момент возвращаются к местам хранения…

Клиент, член кабинета министров и депутат Палаты деятельных, прищурился:

— Прошу прощения, вольноклюющий Шиалох, но вы-то какое к этому имеете отношение?

— О… видите ли, я дружу с полицейским начальником бесперых. Он полагал, что доставит мне радость, сообщив об этом.

— Храа! Вы ведь недавно ездили на Фобос?

— Да, одно незначительное дельце. — Сыщик бережно свернул письмо, сдобрил его солью и съел. Марсиане очень ценили вкус бумаги, особенно настоящей гербовой, сделанной на Земле, с высоким содержанием переработанного тряпья. — Итак, сэр, мы говорили с вами о том, что…

Министр и депутат отвечал слегка рассеянно. Нет, ему и в голову не пришло бы посягать на чужие тайны — никогда, ни за что, — но обладай он рентгеновским зрением, он прочел бы:

«Дорогой Шиалох, вы были совершенно правы. Загадка запертой комнаты разрешена. Мы получили сокровища обратно целыми и невредимыми, и с тем же катером, который повезет вам это письмо, они вернутся в банковские

подвалы. Как жаль, что факты никогда не станут известны широкой публике — обе планеты были бы вам крайне признательны, а сейчас я выражаю вам глубокую благодарность от своего имени и позабочусь о том, чтобы любой счет, который вы соблаговолите прислать, был оплачен сполна. Даже если Генеральной Ассамблее придется для этого ввести в бюджет специальную статью расходов — опасаюсь, что придется.

Признаюсь, ваша мысль немедленно снять запрет показалась мне сперва диковатой, но она оправдалась. Разумеется, я отправил своих ребят рыскать по Фобосу со счетчиками Гейгера, однако Холидэй нашел коробку раньше нас. Чем безусловно избавил нас от лишних хлопот. Я арестовал его, как только он вернулся в колонию, и коробка была у него среди геологических образцов. Он признался во всем и доказал вашу правоту, что называется, по всем пунктам.

Как это говорил землянин, которым вы так восхищаетесь? «Когда вы отбросите все невозможное, то, что останется, и будет правдой, какой бы невероятной она ни казалась». Что-то в таком роде. Это несомненно полностью отно-

сится к данному делу.

Вы рассудили, что коробка должка была быть поднята с Земной перевалочной на корабль и оставлена там — другой возможности просто не существовало. Картер сообразил это за полминуты, едва ему приказали взять ее с собой и поместить на борт «Джейн». Он забрался в люк, все чин-чином, но, и выйдя из корабля, он по-прежнему держал коробку в руках. Никто не заметил, как он опустил ее в углубление между балками справа от люка. Иначе говоря, как вы и предполагали: «Если сокровищ нет внутри корабля и никто не унес их с корабля, они должны быть на поверхности корабля».

Холидэй рассказал, что узнал обо всем от Картера. Тот не мог отправиться на Марс, лично — это вызвало бы подозрение, а когда выяснилось бы, что сокровища пропали, за ним установили бы неотступную слежку. Картер нуждался в сообщнике. Холидэй полетел на Фобос и взялся за геологическую разведку в надежде, что впоследствии, когда он займется поисками сокровищ, она послужит ему оправданием.

Далее, вы справедливо указали мне, что когда до Фобоса оставалось несколько тысяч

миль, его притяжение пересилило притяжение корабля. Каждый, кто работает в космосе, знает, что корабли-автоматы начинают торможение лишь в непосредственной близости к цели, что они в этот момент находятся почти над самой поверхностью и что их разворачивают к станции тем бортом, где расположены люк и радиомачта, — тем, на котором Картер поместил коробку. Центробежная сила, возникшая при развороте, отбросила ее от корабля, но действовала эта сила в направлении Фобоса, а не от него. Картер знал, что разворот производится медленно и плавно и что коробка не сумеет набрать такую скорость, чтобы затеряться в пространстве. Она должна была падать в направлении спутника.

Итак, ваши выводы подтвердились полностью: сокровища короны упали на Фобос. Само собой. Картер успел сбрызнуть коробку радиоактивным составом, и Холидэй использовал это, чтобы найти ее среди скал и трещин.

Штейнман пристает ко мне с вопросом, почему вы допытывались у него об его увлечениях. Вы забыли рассказать мне об этом, но я сделал вывод сам и ответил ему. В деле неизбежно был замешан одни из двоих — или он, или Холидэй,

поскольку никто больше не знал о характере груза, и виновному нужен был какой-то повод, чтобы выходить на поверхность и искать коробку. Игра в шахматы не дает возможности такого рода. Я угадал? По крайней мере эта моя попытка применить дедукцию доказывает, что я прилежно изучаю методы, которым вы следуете. Между прочим, Штейнман осведомляется, не сможете ли вы принять его, когда он получит очередной отпуск и посетит планету.

Холидэю известно, где скрывается Картер, и мы передали соответствующие сведения на Землю. Беда лишь в том, что мы не сможем преследовать по суду ни того, ни другого, не оглашая действительных фактов. Ну что ж, существует и такая кара, как черные списки.

Приходится закругляться, чтобы письмо не опоздало на катер. Скоро увидимся — надеюсь, не в профессиональном качестве.

Ваш восхищенный поклонник. Инспектор Грегг».

Однако, как ни прискорбно, член кабинета министров не обладал рентгеновским зрением. Поэтому он бросил строить тщетные догадки и изложил затруднение, с которым пришел. Кто-то

где-то в Сабеусе *фарникооал краты*, что вызвало нездоровую *закностриию* среди *хьюкоо*. Шиалоху подобное сообщение обещало довольно интересное дело.

Перевел с английского К. Сенин [Олег Георгиевич Битов]

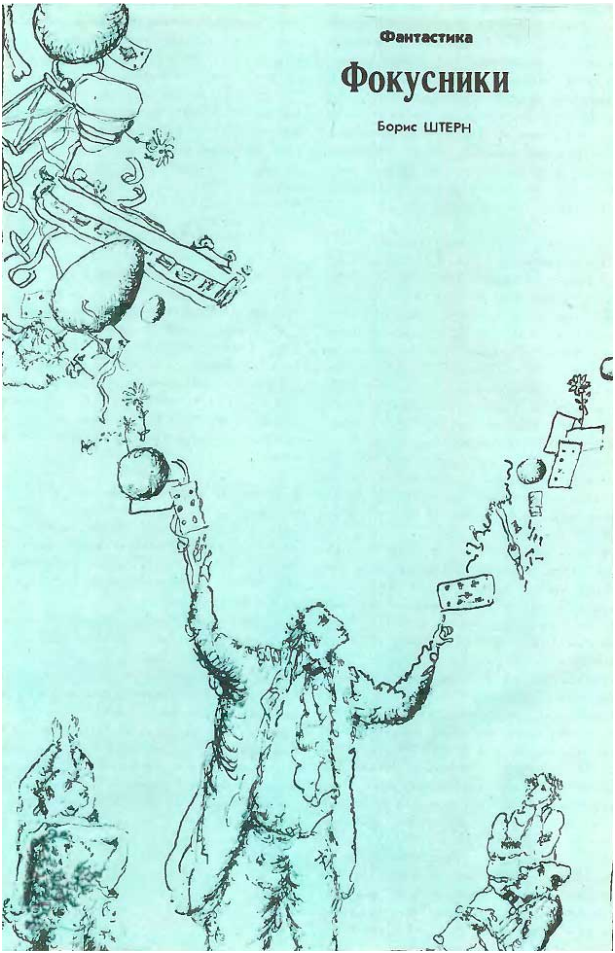
№ 12

Борис Штерн
Фокусники

Фантастика

Фокусники

Борис ШТЕРН



Ежедневный поезд «Черноморец» лет шесть назад был не скорым, а простым. Он ходил из Одессы в Киев и обратно и, кроме крупных городов Жмеринки и Винницы, останавливался, как говорится, у каждого столба. Однажды в Жмеринке его задержали какие-то странные события, и он опоздал в Киев на сорок минут. Что-то произошло с общим вагоном — говорили, то ли он отстал от поезда, то ли поезд отстал от него, толком никто не мог объяснить.

Но вот уже шесть лет проводник Илья Спиридонович Опанасенко, всякий раз выходя на перрон а Жмеринке, стоит со своим фонарем и глядит в небо. Стоит неподвижно и в дождь, и в мороз до тех пор, пока по радио не объявят отправку «Черноморца».

1.

В тот вечер в конце августа в общий вагон влазили тетки с торбами, уныло входили командировочные, не доставшие плацкарту, с шумом вваливались экономные студенты. Все перемещалось и устраивалось. И уже Илья Спиридонович,

не глядя на часы, но чувствуя скорое отправление, загнал с перрона в тамбур последних курильщиков, и сам поднял ногу, чтобы войти в вагон, но в это время появился опоздавший.

Во время отправки всегда появляется такой опоздавший. Он в ужасе мчится за поездом, сшибая провожающих, и, если повезет, вскакивает в последний вагон.

«Черноморец» плавно покатил. Илья Спиридонович прикинул расстояние между вагоном и догонявшим пассажиром, протянул руку, чтобы подхватить пассажира в момент прыжка, и азартно закричал: «Давай, давай, давай!»

И пассажир среднего роста, средних лет, в сером костюме прыгнул и очутился в вагоне. Он отряхнулся, отдышался и, когда Илья Спиридонович закрыл дверь, сказал:

— А вы знаете, у меня билетика нет… не успел купить билетик.

— Что это за фокусы, гражданин?! — рассердился Илья Спиридонович.

— Какие уж тут фокусы… — сказал серый костюм и задумчиво оглядел проводника. — Впрочем… вы всегда так неаккуратно храните деньги?

— Чего? — удивился Илья Спиридонович.

Серый костюм быстрым движением снял с Ильи Спиридоновича железнодорожную фуражку и стал вынимать из нее какой-то несусветный хлам — какие-то шарики, ленточки, бумажные цветочки, два яйца, обглоданную кость, спичечный коробок… наконец, он вынул из фуражки купюру в десять рублей и протянул ее проводнику.

— Ваша?

Илья Спиридонович стоял с вытаращенными глазами.

Серый костюм улыбнулся, надел на проводника фуражку, засунул ему в нагрудный карман десять рублей и вошел в вагон.

— А вот и свободное место! — услышал Илья Спиридонович.

2.

В первом купе, где устроился серый костюм, ехали: недовольный чем-то молодой человек с ромбиком на лацкане, смущенная девушка и дед в соломенной шляпе, неотрывно глядевший на свой чемодан.

На верхней полке кто-то уже спал.

Когда Илья Спиридонович проверил билеты, молодой человек с ромбиком, недовольно принюхиваясь, ушел в вагон-ресторан; а в купе завязалась беседа — бестолковый разговор, на той стадии, когда незнакомые люди не знают о чем говорить; но знают, что о чем-то говорить надо. Поговорили о погоде — «лето, как никогда», о молодежи — «не та молодежь»; вдруг, серый костюм, желая расшевелить компанию, улыбнулся и сказал девушке:

— Хотите, я угадаю, как вас зовут? Вас зовут Танечка.

Он угадал точно: но Танечка смутилась еще больше, и серый костюм напрасно ожидал изумленных возгласов. Наконец, дед в соломенной шляпе спросил:

— А вы… вы в какой области работаете?

— Я? — обрадовался вопросу серый костюм. — В Киевской.

— Нет… — смутился дед. — На какой работе?

— У меня довольно редкая профессия, — охотно начал объяснять серый костюм. — Я специализируюсь на чудесах.

— А я слышал, что бога нет! — удивился дед.

— Бог его знает! — засмеялся серый костюм. — Тогда скажем так: фокусник я.

Дед поджал губы и вцепился в свой чемодан. Уважение его сразу прошло. Однажды, еще до войны, он тоже ехал из Одессы в Киев — и второй раз с ним эти фокусы не пройдут!

После Раздельной поезд вошел в скорость, степь побежала мимо.

На верхней полке проснулась какая-то фигура, свесила вниз заспанное лицо и спросила:

— А тот, с ромбиком, еще в ресторане? Неприятный тип. Ромбик навесил — глядите все, я с высшим образованием!

— Не судите о незнакомых людях по внешнему виду, — вдруг разозлилась Танечка. Контакты в купе явно не налаживались.

— А у меня карты есть! — сказал вдруг дед, раздираемый боязнью за свой чемодан и желанием, чтобы никто этой боязни не заметил.

— Карты? Дайте-ка мне карты… — попросил фокусник.

3.

— Ух ты! — сказал дед. — Еще раз покажите!

— Какая прелесть! — сказала Танечка. — Как вы это делаете?

— Если объясню, вам же станет неинтересно. Я лучше другой фокус покажу. Запомните любую карту. Порвите ее…

— Э-э… это мои карты! — испугался дед.

— Не волнуйтесь. Порвите и выбросьте в окно.

Танечка нерешительно разорвала бубнового туза и выбросила его в окно.

— Отлично! Вот ваша карта! — и фокусник вытащил бубнового туза из кармана.

Смех сотряс купе. С верхних полок свесились заспанные головы, из тамбура выглянули удивленные курильщики. В купе становилось тесно. Одни пассажиры сидели на корточках, другие подпрыгивали за чужими спинами. Поезд мчался в сумерках, тускло светили лампы под потолком, а в спертом воздухе общего вагона шестерки превращались в тузов, а дамы прятались в чужих карманах. Время, что ли, остановилось, или вспять пошло в общем вагоне, и приоткрыло в крайнем купе окошко в мир чудес и иллюзий. Не в свое ли детство таращились сонные головы с верхних полок?

Но вот пришел злой гений и все испортил.

— Это мое место! — сказал злой гений. — Попрошу!

Это вернулся из ресторана молодой человек с

ромбиком.

— Фокусы? — спросил он. — Знаю я эти фокусы!

— Но ведь вы не видели! — горячо воскликнул дед.

— Это ничего, что я не видел, — отвечал ромбик, усаживаясь. — Любой образованный человек без труда отгадает ядро всякого фокуса. Конечно, показать я не смогу — я не карточный шулер, чтобы так виртуозно тасовать карты.

— Вы несколько самонадеянны, по-моему, — не выдержал фокусник.

— Да, я самонадеянный! — с удовольствием повторил ромбик. — И не стыжусь этого. Я всегда надеюсь на самого себя.

— Виталик! — вдруг всем на удивление сказала Танечка. — Зачем ты так? Будь с людьми покультурней!

— Но, Танечка, меня возмущает всякий обман, — ласково ответил ромбик Виталик. — Я просто хочу доказать.

— Он что, ваш брат? — участливо спросила фигура.

— Муж, — сухо ответила Танечка. — Но, Виталик, послушай…

— Предлагаю пари! — сказал Виталик, не слу-

шая. — Если я объясню все ваши фокусы, вы поведете нас в ресторан — все купе.

— Идет! — ответил фокусник. — Только не тянитесь руками к картам и не сбивайте меня замечаниями. Тяните любую карту. Какая это карта?

— Десятка пик.

— Вот видите, вы ошиблись. Это дама червей. Не понимаю, как так можно ошибаться! А десятка пик вот где…

Фокусник сделал несколько пассов и попросил фигуру с верхней полки поискать десятку у себя. Тот, счастливо регоча, нашел ее на полке. Многоголовое купе ехидно глядело на Виталика. Виталик подумал и сказал:

— В основе этого фокуса лежат две идеи. Первая: вы искусно подсовываете мне карту с секретом и, забирая, меняете ее масть. В этом секрет карты, она двойная, что ли. Второе: настоящая десятка пик лежит в колоде, натягивая резиночку, как в рогатке. Вы ослабили колоду и выстрелили карту на верхнюю полку.

— Вы наблюдательны, — хмуро похвалил фокусник.

— Вы ничего не сказали о моем умении логически мыслить.

— Умеете, умеете… Задумайте любую карту…

Вскоре фокусник ожесточился. Он сопел, хрустел пальцами, из его рукавов выпадали какие-то посторонние карты, кубики, шарики; он краснел, извинялся, показывал фокус сначала, но ничего не мог поделать с Виталиком — тот объяснял любой его фокус.

— Итак… в ресторан? — наконец, спросил Виталик. — Или вы еще не все показали?

— В ресторан, в ресторан! — гнусаво запела фигура наверху.

Фокусник предпринял последнюю попытку. Дрожащими пальцами он выдернул из пачки уже зажженную сигарету, хорошенько прожевал ее, съел, а потом достал у Виталика из-за уха.

Даже дед с чемоданом зааплодировал.

— И объяснять неохота, — зевнул Виталик. — Проще некуда.

Фокусник обмяк и замер посреди купе. Все сочувственно пытались не глядеть на него, только фигура злорадно напевала:

— В ресторан, в ресторан!

— Почему плохие люди никогда не получают по заслугам? — вдруг пробормотал Илья Спиридонович. Весь сеанс он не выходил из купе, жадно наблюдал за каждым фокусом и болел

за человека в сером костюме. И вот его будто за язык дернули.

— Это я «плохие люди»? — прищурился Виталик. За словом в карман он не лез и спуску никому не давал. — Выходит я, «плохие люди», разоблачаем тут разного рода фокусы и обманы, а вы, «хорошие люди», развесили уши, оскорбляете пассажиров и не выполняете своих служебных обязанностей…

— Это чего я не выполняю? — обиделся Илья Спиридонович.

— Чай пора разносить.

— Ну нет! — вскипел Илья Спиридонович. — Чаю я тебе не принесу. Ему принесу два стакана, а тебе — нет!

И ушел наливать чан фокуснику. В это время дел с чемоданом забыл про свой чемодан и вступился за проводника:

— Ты почему оскорбляешь пожилого человека?! — сказал дед и… нарвался на такой фокус, что всю дорогу потом молчал.

— О! — сказал Виталик. — Ваша очередь подошла! Что это у вас в чемодане, золотишко? Нет, не золотишко… но я сейчас угадаю. Вобла! Воблу везете в Киев на Сенной базар, продавать… а лучше сказать «спекулировать», по три рубля за

штучку. А?

— По два рубля… это старуха… — прошептал дед, не зная куда провалиться от ужаса.

— Ге-ге-ге! — подобострастно загегекала фигура наверху. — А как вы узнали, что у него вобла? Возьмем с собой в ресторан, с пивом попьем!

— А и правда, как я узнал? — притворно удивился Виталик и поглядел на фокусника. Тот пожал плечами. — Невелик фокус, а вы и не догадываетесь! Пахнет потому что. Воблой пахнет.

— У меня насморк! — взревел фокусник. Он не на шутку рассердился. — Прежде чем вы за мой счет пойдете в ресторан, я покажу еще один фокус. Кстати, где это мы стоим?

— Мы едем, — ответил Илья Спиридонович.

— Вы уверены?

Внезапно все почувствовали, что вагон стоит. Пассажиры бросились к окнам. Илья Спиридонович побежал в тамбур, открыл тяжелую дверь, выпрыгнул на насыпь… вагон одиноко стоял в глухой степи!

— Нас отцепили! — закричал Илья Спиридонович, вбегая в купе. — Мы отстали от поезда!

— Вы уверены? — спросил фокусник.

— Мы стоим… или мы едем?

Как в дурном сне, вагон № 12 поехал. «Черномо-

рец» продолжал свой путь.

— Мы едем, едем, — успокаивал всех фокусник.

— Однако не очень приятные фокусы, — сказал кто-то, и пассажиры, нервно поглядывая в окна, разошлись по своим местам.

— Не понимаю. Как вы это сделали? — сердито спросил Виталик.

Фокусник насмешливо улыбался.

4.

— Я проиграл, — нетерпеливо объявил Виталик, забрал у жены сумку, вытащил кошелек и протянул фигуре: — Здесь на всех хватит. Все идут в ресторан! Все! Без нас. Танечка, тебя это тоже касается! — и он вытолкал всех из купе.

В ресторан, кроме развеселившейся фигуры, никто идти не захотел; все прислушивались к разговору в купе.

— Вы кто? Вы где работаете? — спросил Виталик. — Это невозможно… то, что вы сделали!

— Я заведую клубом в деревне Подберезовка.

— Это не имеет значения! — зарычал Виталик. — Я, например, физик-теоретик, но что с того? Как вы отцепили вагон?!

— Не… не знаю, — пожал плечами фокусник. — Отшибло.

— Ох уж эта мне творческая интеллигенция! — вздохнул Виталик. — Вот народ! В науке любой эксперимент можно повторить, а у вас — не знаю, отшибло, вдохновения нет… Вспомните хотя бы свои ощущения, когда вы отцепляли вагон.

— Ну… мне очень хотелось поставить вас на место.

— Раньше-то с вами что-то подобное случалось?

— Н-нет… не припомню…

— Не знаю, не припомню… — передразнил Виталик. — Ладно. И без вас обойдусь. Главное, я теперь знаю, что это в принципе возможно. Тоже мне — фокусник!

Фокусник насупился и процедил:

— А ты в своей физике далеко пойдешь.

— Обязательно, — подтвердил Виталик. — И начну с того, что теоретически объясню феномен с поездом.

— Шустрый чижик, — иронично сказал фокусник. — А когда начнут шить тебе какую-нибудь лженауку и увольнять по профессиональной непригодности — что тогда запоешь?

— То-то, я гляжу, вас будто мешком из-за угла

прихлопнули. Выгоняли вас, что ли, по этой самой непригодности?

— Угадал.

— Ну и… — насторожился Виталик. — Расскажите!

— Ладно, расскажу, — неохотно начал фокусник, уставившись почему-то в синий ромбик Виталика — Лет пятнадцать назад меня пригласили в цирк для просмотра. Я здорово нервничал, потому что на этом просмотре могла решиться, наконец, моя судьба. Я был не Кио, конечно… а впрочем… Так вот, меня смотрели директор цирка и еще одни тип, который назвался художественным руководителем. Директор и слова не вставил, а только кивал, а говорил за него этот руководитель. Человек он был ироничный, вроде тебя. Сначала он осведомился, имею ли я специальное образование. Потом принялся рассуждать о том, что нашему цирку чужды карточные фокусы. От них попахивает пропагандой азартных игр. Он их запрещает. Он хотел бы видеть фокусы яркие и жизнерадостные.

Я уныло предложил ему жизнерадостный фокус — с клоунадой, с исчезновениями; но они куда-то спешили, и директор произнес единственную фразу: «Зайдите завтра» — таким тоном, что мне

послышалось: «Зайдите вчера».

Назавтра я все же решил зайти. Когда я заявился со своим реквизитом, оказалось, что директор и этот худрук срочно уехали в другой город на важное совещание и обо мне не распорядились. Однако неотложные дела может решить директорская жена, которая имеет вес. Мне показали ее издалека, и я вдруг решил схитрить. Я расшаркался, сотворил из воздуха бумажный букет и преподнес ей. Потом я нагло объявил, что вчера мою работу одобрил лично ее супруг… и так далее. В общем, эта дама была очарована и под свою ответственность разрешила мне выйти вечером на арену.

Я был в восторге! Я и сейчас прихожу в восторг, вспоминая тот вечер. Это был мой праздник. Я был, как взведенный курок… и все мои фокусы стреляли без промаха, без осечек. Это редкое состояние. Я хотел бы всю жизнь быть в таком взведенном состоянии. Публика исступленно удивлялась и аплодировала, а директорская жена сидела в первом ряду и млела от счастья, потому что я успевал улыбаться ей и подмигивать. Наконец, наступило время жизнерадостного фокуса. Оркестр затих, мои рыжие уже готовы были по моему зову появиться на арене, а я вдруг

вспомнил ироничные лица директора и худрука и злорадно подумал: «Посмотрел бы я на ваши рожи, появись вы сейчас в цирке…» Потом я сказал условную фразу для рыжих: «Прошу двух человек…»

В этот момент они и появились. Директор и худрук. То ли с неба упали, то ли из под земли выскочили… не знаю. Просто я подумал о них, и они появились. Они плюхнулись на арену в самом обалдевшем и затрапезном виде. Оба были навеселе, одеты в пижамы, с картами в руках и, как видно, перенеслись в цирк в тот момент, когда директор оставил худрука без трех взяток на девятерной — такие у них были позы. За кулисами весь персонал давился от хохота; оркестр что-то наяривал, пока не раздался крик директорской жены: «Вот какое у тебя совещание!!!» И они побежали от нее за кулисы и сорвали гром аплодисментов. А я за кулисы идти побоялся, раскланялся и ушел через главный вход. И так далее. Так что подобные фокусы случались и раньше.

— Вот видите, — кротко сказал Виталик. — Я, кажется, создал вам творческую обстановку. Попробуйте!

— Какая следующая остановка? — спросил фокусник.

— Жмеринка.

— Ну что ж… хотите эксперимент? Сейчас наш вагон очутится в Жмеринке!

5.

В полночь из здания вокзале вышел дежурный милиционер и увидел на первом пути одинокий вагон с табличкой «Черноморец». Из вагона выпрыгнул человек с ромбиком на пиджаке, громко, по слогам прочитал вывеску на здании: — Жме-рин-ка! — выпучил глаза и закричал:

— Мы научились управлять гравитационной волной! Я покажу вам свои старые вычисления!!! Сильнейшим волевым напряжением можно создать вокруг себя изолированное гравитационное поле и этим полем управлять! Совершеннейшая чер-тов-щи-на!

За ним из вагона вылез мужчина в сером костюме и самодовольно сказал:

— Подумаешь, я и без вычислений могу этот вагон на Луну забросить!

Затем вышел проводник с фонарем и стал по стойке «смирно» перед этими двумя. В окнах мелькали пассажиры. Они кричали:

— Он опять нас отделил! Где наш поезд?

Из здания вокзала с криком выбежал дежурный по отправлению. Радио просипело:

— Откуда там вагон? Через три минуты московский скорый!!!

Милиционер все понял — то есть, он не понял, откуда взялся здесь вагон «Черноморца», когда сам «Черноморец» придет в Жмеринку через полчаса, но он понял, что вагона здесь не должно быть. Он засвистел и побежал к вагону.

— Это ты здесь вагон поставил?! — кричал дежурный по отправлению на Илью Спиридоновича.

Илья Спиридонович испугался за себя, но еще больше за фокусника, и поэтому ответил:

— Не могу знать!

— Стрелочник! Василий Степаныч! — взывало радио. — Дай маневровый на первый путь!

Илья Спиридонович дернул фокусника за рукав и прошептал:

— Товарищ, уберите вагон на запасной путь… во-он туда…

— Виноват… — ответил фокусник, отвлекаясь от беседы с Виталиком. — Мы тут, кажется, нарушили расписание.

И вагон очутился на запасном пути.

6.

Когда их вели в привокзальное отделение милиции, Виталик поправлял фокуснику галстук, а тот Виталику ромбик, и оба ласково произносили приятные на слух слова: «плотность потока», «гравитация» и «очень приятно было познакомиться». Сзади валили свидетели пассажиры. Танечка объясняла милиционеру, что все это недоразумение, фокусы.

— Так вы говорите, что и на Марс смогли бы слетать? — спрашивал Виталик.

— Марс не Марс, а в Киев, пожалуй, — отвечал фокусник. — А то всю ночь еще трястись.

— О чем они? — удивился лейтенант в отделении.

— Сам не пойму… — ответил постовой. — На них показывают, что они отцепили вагон от «Черноморца».

— Но ведь «Черноморец» еще не прибыл! — опешил лейтенант.

Танечка попыталась что-то объяснить, но Виталик ее перебил:

— Танечка, ты еще ничего не знаешь! Мы еще

сами ничего не знаем! Мы срочно летим в Киев. Ты поезжай, а утром мы тебя на вокзале встретим!

Виталик застыл на мгновенье. Потом он исчез. Не стало его.

— Что тут происходит? — спросил лейтенант.

— До свиданья! — прощался фокусник. — Спасибо за компанию, счастливо доехать!

Фокусник застыл на мгновенье. Потом он исчез. Испарился.

— Куда эти двое подевались? — спросил дежурный.

7.

И снова Илья Спиридонович стоит на перроне в Жмеринке и думает, думает…

— Это общий вагон? — прерывает его думы старуха с узлами.

— Это, это… — отвечает Илья Спиридонович.

— До Фастова к сыну доеду? — спрашивает старуха.

— Доедешь, доедешь.

Старуха входит в вагон и в испуге шарахается назад:

— Какой же это общий!?

— Общий, общий, — успокивает Илья Спиридонович, ведет старуху в отдельное купе и усаживает на мягкий диван.

Потом он опять выходит на перрон и думает, думает, и не знает, верить тому, что он видел, или все ему причудилось? Ну ведь не может человек силой одной лишь мысли мгновенно перелетать из Жмеринки в Киев или на Марс. Или расцеплять железнодорожные вагоны — представить нельзя, чтобы эту железную махину из тринадцати вагонов с локомотивом, проплывающую вдоль перрона, взять и растащить…

— Где уж нам! — шепчет Илья Спирдионович и прыгает на подножку своего общего вагона.

Это самый настоящий общий вагон — таким он уходит из Одессы, только за минуту до отхода превращается в мягкий. Вместо твердых полок появляются диваны, исчезают неудобные боковые места, а купе от коридора отделяют зеркальные бесшумные двери. Пассажиры спят в отличных постелях, а не клюют носом всю ночь напролет, ездя в тесноте и в обиде. После первого испуга они всегда бывают потом приятно удивлены — Илья Спиридонович любит делать такие сюрпризы, но боится, чтобы начальство не узнало, и поэтому

за минуту до прибытия в Киев вагон опять становится таким, каким он числится.

Аккуратно заперев наружную дверь. Илья Спиридонович входит в свой общий — мягкий вагон и начинает готовить старухе чай.

— Опять лимонов не завезли! — сердится он. Потом закрывает глаза, поднимает руку и делает ею в воздухе вращательное движение — будто выкручивает лампочку. Не получается. Еще раз. Не получается. Наконец, он достает оттуда лимон. Откуда? — да он и сам не знает.

Он кладет ломтик лимона в чай и несет стакан старухе.

— А сколько стоит чай? — пугается старуха.

— Бесплатно, — сердится Илья Спиридонович.

— Билет мне не в тот вагон дали, — бормочет старуха. — Сроду в таком не ездила.

— Вот и едь. — сердится Илья Спиридонович.

— А меня отсюда не выгонют? — опять пугается старуха.

— Что ты, бабка, всего боишься! — говорит Илья Спиридонович. — Езжай себе. Сейчас все вагоны такие.

Он возвращается в свое служебное купе, глядит в окно и думает, как бы все же слетать на Марс.

— Где уж нам! — вздыхает Илья Спиридоно-

вич.

1977

№ 1

Кир Булычёв

Ретрогенетика

КИР БУЛЫЧЕВ

РетроГЕНЕТИКА

Сказка

сказка

Славный майский день завершился небольшой образцово-показательной грозой с несколькими яркими молниями, жестяным нестрашным громом, пятиминутным ливнем и приятной свежестью в воздухе, напоенном запахом сирени. Районный центр Великий Гусляр нежился в этой свежести и запахах.

Пенсионер Николай Ложкин вышел на курчавый от молодой зелени, чистый и даже кокетливый по весне двор с большой книгой в руках. По двору гулял плотный лысый мужчина — профессор Лев Христофорович Минц, который приехал в тихий Гусляр для поправки здоровья, подорванного напряженной научной деятельностью.

Николай Ложкин любил побеседовать с профессором на умственные темы, даже порой поспорить, так как сам считал себя знатоком природы.

— Чем увлекаетесь? — спросил профессор. — Что за книгу вы так любовно прижимаете к груди?

— Увлекся антропологией, — сказал Ложкин. — Интересуюсь проблемой происхождения

человека из обезьян.

— Ну и как, что-нибудь новенькое?

— Боюсь, что наука в тупике, — пожаловался Ложкин. — Сколько всего откопали, а до главного не докопались: как, где и когда обезьяна превратилась в человека.

— Да, момент этот уловить трудно, — согласился Лев Христофорович. — Может быть, его и не было?

— Должен быть, — убежденно сказал Ложкин. — Не могло не быть такого момента. Ведь что получается? Выкопают где-нибудь в Индонезии или в Африке отдельный доисторический зуб и гадают: человек его обронил или обезьяна. Один скажет — «человек». И назовет этого человека, скажем, древнеантропом. А другой поглядит на тот же зуб и отвечает: «Нет, это зуб обезьяний, и принадлежал он, конечно, древнепитеку». Казалось бы, какая разница, — никто не знает! А разница — в принципе!

Минц наклонил умную, лысую голову, скрестил руки на тугом, обтянутом пиджаком животе и спросил строго:

— И что же вы предлагаете?

— Ума не приложу, — сознался Ложкин. — Надо бы туда заглянуть. Но как? Ведь путешествие во

времени вроде бы невозможно.

— Совершенная чепуха, — ответил Минц. — Я пытался сконструировать машину времени, забрался во вчерашний день и там остался.

— Не может быть! — воскликнул Ложкин. — Так и не вернулись?

— Так и не вернулся, — сказал Минц.

— А как же я вас наблюдаю?

— Ошибка зрения. Что для вас сегодня, для меня вчерашний день, — загадочно ответил Минц.

— Значит, никакой надежды?

Профессор глубоко задумался и ничего не ответил.

Дня через три Минц встретил Ложкина на улице.

— Послушайте, Ложкин, — сказал он. — Я вам очень благодарен.

— За что? — удивился Ложкин.

— За грандиозную идею.

— Что же, — ответил Ложкин, который не страдал излишней скромностью. — Пользуйтесь, мне не жалко.

— Вы открыли новое направление в биологии!

— Какое же? — поинтересовался Ложкин.

— Вы открыли генетику наоборот.

— Поясните, — сказал Ложкин ученым голо-

сом.

— Помните нашу беседу о недостающем звене, о происхождении человека?

— Как же не помнить?

— И ваше желание заглянуть во мглу веков, чтобы отыскать момент превращения обезьяны в человека?

— Помню.

— Тогда я задумался: что такое жизнь на Земле? И сам себе ответил: непрерывная цепь генетических изменений. Вот среди амеб появился счастливый мутант, он быстрее других плавал в первобытном океане или глотка у него была шире… От него пошло прожорливое и шустрое потомство. Встретился внук этой амебы с жутко хищной амебихой — вот и еще шаг в эволюции. И так далее, вплоть до человека. Улавливаете связь времен?

— Улавливаю, — ответил Ложкин и добавил: — В беседе со мной нет нужды прибегать к упрощениям.

— Хорошо. Мы, люди, активно вмешиваемся в этот процесс. Мы подглядели, как это делает природа, и продолжаем за нее скрещивание, отбор, создаем новые сорта пшеницы и крупного рогатого скота. Иными словами, продолжаем

эволюцию собственными руками.

— Продолжаем, — согласился Ложкин. — Хочу на досуге вывести быстрорастущий забор.

— Молодец. Всегда у вас свежая идея. Так вот, после беседы с вами я задумался, а всегда ли правильно мы следуем за природой? Природа слепа. Она знает лишь один путь — вперед, независимо от того, хорош он или плох.

— Путь вперед всегда прогрессивен, — заметил Ложкин.

— Тонкое наблюдение. А если нарушить порядок? Если все перевернуть? Вы сказали: как бы увидеть недостающее звено? Отвечаю — распутать цепь наследственности. Прокрутить эволюцию наоборот. Углубляясь в историю, добраться до ее истоков.

— Нам и без этого дел хватает, — возразил Ложкин.

— А перспективы? — спросил профессор, наклонив голову и прищурившись.

— Это не перспективы, а ретроспективы, — сказал Ложкин.

— Великолепно! — воскликнул Минц. — Чем пользуется генетика? Скрещиванием и отбором. Нашу с вами новую науку мы назовем ретрогенетикой. Ретрогенетика будет пользоваться

раскрещиванием, открещиванием и разбором. Генетика будет выводить новую породу овец, которой **еще** нет, а ретрогенетика — ту породу, которой **уже** нет. И ученым не надо будет копаться в земле. Заказал палеонтолог в лаборатории: выведите мне первого неандертальца, хочу поглядеть, как он выглядел. Ему отвечают: будет сделано.

— Слабое место, — заявил Ложкин.

— Слабое место? У меня?

— Ваш неандерталец жил миллион лет назад. Вы что же, собираетесь миллион лет ждать, пока его снова выведете?

— Слушайте, Ложкин. Если бы мы отдавались на милость природы, то сорта пшеницы, которые колосятся на колхозных полях, вывелись бы сами по себе через миллион лет. А может, и не вывелись бы, потому что природе они не нужны.

— Ну, не миллион лет, так тысячу, — не сдавался Ложкнн. — Пока ваш неандерталец родится, да еще своих предков народит…

— Нет, нет и еще раз нет, — сказал профессор. — Зачем же нам реализовать все поколения? В каждой клетке закодирована ее история. Все будет, дорогой друг, на молекулярном уровне, как учит академик Энгельгардт.

— Ну ладно, выведете вы, что было раньше. А что дальше? Какая польза от этого народному хозяйству?

Ответ на свой вопрос Ложкин получил через три месяца, когда пожелтели липы в городском саду и дети вернулись из пионерских лагерей.

Лев Христофорович стоял у ворот и чего-то ждал, когда Ложкин, возвращаясь из магазина с кефиром, увидел его.

— Как успехи? — поинтересовался он. — Когда увидим живого неандертальца?

— Мы его не увидим, — отрезал профессор. Он осунулся за последние недели: видно, много было умственной работы. — Есть более важные проблемы.

— Какие же?

— Вы знакомы с Иваном Сидоровичем Хатой?

— Не приходилось, — сказал Ложкин.

— Достойный человек, заведующий фермой нашего пригородного хозяйства «Гуслярец». Зоотехник, смелый, рискованный. Большой души человек.

Тут в ворота въехал газик, из которого выскочил шустрый очкастый человечек большой души.

— Поехали? — спросил он, поздоровавшись.

— С нами Ложкин, — сказал Минц. — Представитель общественности. Пора общественность знакомить.

— Не рано ни? — спросил Хате. — Спугнут…

— Нам ли опасаться гласности? — спросил Минц.

После короткого путешествия газик достиг животноводческой фермы. Рядом с коровником стоял новый высокий сарай.

— Ну что же, заходите, только халат наденьте.

Хата выдал Ложкину и Минцу халаты и сам тоже облачился. Ложкин ощутил покалывание в желудке и приготовился увидеть что-нибудь необычное. Может, даже страшное. Но ничего страшного не увидел.

Под потолком горело несколько ярких ламп, освещая кучку мохнатых животных, жевавших сено в дальнем углу. Ложкин присмотрелся. Животные были странными, таких раньше ему видеть не приходилось. Они были покрыты длинной рыжей шерстью, носы у них были длинные, ноги толстые, как столбы. При виде вошедших людей животные перестали жевать и уставились на них маленькими черными глазками. И вдруг захрюкали, заревели и со всех ног бросились навстречу Хате и Минцу, чуть не сшибли их, ла-

стились, неуклюже прыгали, а профессор начал доставать из карманов халата куски сахара и угощать животных.

— Что за звери? — спросил Ложкин, отошедший к стенке, подальше от суматохи, — Почему не знаю?

— Не догадались? — удивился Хата. — Мамонтята. Каждому ясно.

— Мне неясно, — сказал Ложкин, отступая перед мамонтенком, который тянул к нему недоразвитый хоботок, требуя угощения. — Где бивни, где хоботы? Почему мелкий размер?

— Все будет, — успокоил Ложкина Минц, оттаскивая мамонтенка за короткий хвостик, чтобы не приставал к гостю. — Все с возрастом отрастет. Ваше удивление мне понятно, потому что вам не приходилось еще сталкиваться с юными представителями этого славного рода.

— Я и со старыми не сталкивался, — сказал Ложкин. — И прожил, не жалуюсь. Откуда вы их откопали?

— Неужели не догадались? Они же выведены методом ретрогенетики — раскрещиванием и разбором. Из слона мы получили общего предка слонов и мамонтов — близкого к мастодонтам. Потом пошли обратно и вывели мамонта.

— Так быстро?

— На молекулярном уровне, Ложкин, на молекулярном уровне. Под электронным микроскопом. Методом раскрещивания, открещивания и разбора. И вы понимаете теперь, почему я отказался от соблазнительной идеи отыскать недостающее звено, а занялся мамонтами?

— Не понимаю, — сказал Ложкин.

— Вы, товарищ, видно, далеки от проблем животноводства, — вмешался Иван Хата. — Ни черта не понимаете, а критикуете. Нам мамонт совершенно необходим. Для нашей природной зоны.

— Жили без мамонта и прожили бы еще, — упорствовал Ложкин.

— Эх, товарищ Ложкин, — в голосе Хаты звучало сострадание. — Вы когда-нибудь думали, что мы имеем с мамонта?

— Не думал. Не было у меня мамонта.

— С мамонта мы имеем шерсть. С мамонта мы имеет питательное мясо, калорийное молоко и даже мамонтовую кость…

— Но главное, — воскликнул Минц, — бесстойловое содержание! Круглый год на открытом воздухе, ни тебе утепленных коровников, ни специальной пищи. А подумайте о труднодоступных районах Крайнего Севера — мамонт там неза-

менимое транспортное средство для геологов и изыскателей.

Прошло еще три месяца.

Однажды к дому № 16 по Пушкинской, где проживал Лев Христофорович, подъехала сизая «волга», из которой вышел скромный на вид человек средних лет в дубленке. Он вынул изо рта трубку, поправил массивные очки, снисходительно оглядел непритязательный двор, и его взгляд остановился на Ксении Удаловой, которая развешивала белье:

— Скажите, гражданка, если меня не ввели в заблуждение…

— Вы корреспондент будете? — спросила Ксения.

— Вот именно. Из Москвы. А как вы догадались?

— А чего не догадаться, — ответила Ксения. — Восемнадцатый за неделю. Поднимитесь на второй этаж, дверь открыта. Лев Христофорович отдыхает.

Поднимаясь по скрипучей лестнице в скромную обитель великого профессора, журналист бормотал: «Шарлатанство. Ясно, шарлатанство. Вводят в заблуждение общественность…».

— Заходите, — откликнулся на стук профессор

Минц. Он в тот момент отдыхал, а именно: читал «Химию и жизнь», слушал последние известия по радио, смотрел хоккей по телевизору, гладил брюки и думал.

— Из Москвы. Журналист, — сказал гость, — протягивая удостоверение. — Это вы тут мамонтов разводите?

Журналист сказал это таким тоном, словно подразумевал: «Это вы водите за нос общественность?»

— И мамонтов, — скромно ответил профессор, прислушиваясь к сообщениям из Канберры и радуясь мастерству лучшего в сезоне хоккеиста Якушева.

— С помощью… — журналист извлек из замшевого кармана записную книжку, — ретро, простите, генетики?

Доверчивый Минц не уловил иронии в голосе журналиста.

— Именно так, — сказал он и набрал из стакана в рот воды, чтобы обрызгать брюки.

— И есть результаты?

Минц провел раскаленным утюгом по скпадке, поднялось облако пара.

— С этим надо что-то делать, — сказал Минц. Он имел в виду брюки и ситуацию в Австралии.

— И все-таки, — настаивал журналист. — Можно взглянуть на ваших мамонтов?

— А почему бы нет? Они в поле пасутся. Добывают корм из-под снега.

— Ясно. А еще каких-нибудь животных вы можете вывести?

— Будете проходить мимо речки, — сказал Минц, — поглядите в полынью. Там бронтозавры. Думаем потом отправить их в Среднюю Азию дпя расчистки ирригационных сооружений.

В этот момент в окно постучала длинным, усеянным острыми зубами клювом образина. Крылья у образины были перепончатые, как у летучей мыши. Образина гаркнула так, что зазвенели стекла и форточка сама собой открылась.

— Не может быть! — сказал журналист, отступая к стене. — Это что такое? Мамонт?

— Мамонт? Нет, это Фомка. Фомка-птеродактиль. Когда вырастет, размахнет свои крылья на восемь метров.

Минц отыскал под стопом пакет с тресковым филе, подошел к форточке и бросил — пакет в разинутый кпюв образине. Птеродактиль подхватил пакет и заглотнул, не разворачивая.

— Зачем вам птеродактиль? — спросил журналист. — Только людей пугать.

Он был уже не так скептически настроен, как в первый момент.

— Как зачем? Птеродактили нам позарез нужны. Из их крыльев мы будем делать плащи-болоньи, парашюты, зонтики, наконец. К тому же научим их пасти овец и охранять стада от волков.

— От волков? Ну да, конечно… — журналист прекратил расспросы и вскоре удалился.

«Возможно, это, до определенной степени, и не шарлатанство, — думал он, спускаясь по лестнице к своей машине, — но по большому счету это все-таки шарлатанство».

Весь день до обеда корреспондент ездил по городу, издали наблюдал за играми молодых мамонтов, недовольно морщился, когда на него падала тень пролетающего птеродактиля, и вздрагивал, заслышав рев пещерного медвежонка.

— Нет, не шарлатанство, — повторял он упрямо. — Но кое в чем хуже, чем шарлатанство.

Весной в журнале, где состоял тот корреспондент, появилась статья под суровым заглавием

ПЛОДЫ ЛЕГКОМЫСЛИЯ

Нет смысла передавать опасения и измышления гостя. Он предупреждал, что новые звери нарушат и без того неустойчивый экологический баланс, что пещерные медведи и мамонты представляют опасность для детей и взрослых. А в заключение журналист развернул страшную картину перспектив ретрогенетики:

«Безответственность периферийного ученого и пошедших у него на поводу практических работников гуслярского животноводства заставляет меня бить тревогу. Эксперимент, не проверенный на мелких и безобидных тварях (жуках, кроликах и т. д.), наверняка приведет к плачевным результатам. Где гарантия тому, что мамонты не взбесятся и не потопчут зеленые насаждения? Что они не убегут в леса? Где гарантии тому, что бронтозавры не выползут на берег и не отправятся на поиски новых водоемов? Представьте себе — этих рептилий, ползущих по улицам, сносящих столбы и киоски. Я убежден, что птеродактили, вместо того чтобы пасти овец и жертвовать крылья на изготовление зонтиков, начнут охотиться на домашнюю птицу, а может быть, на тех же овец. И все кончится тем, что на ликвидацию последствий непродуманного эксперимента придется мобилизовывать трудящихся и тратить

народные средства.».

Статья попалась на глаза профессору Минцу лишь летом. Читая ее, профессор лукаво улыбался, а потом захватил журнал с собой на открытие межрайонной выставки.

Центром выставки, как и следовало предполагать, был павильон «Ретрогенетика». Именно сюда спешили люди со всех сторон, из других городов, областей и государств.

Пробившись сквозь интернациональную толпу к павильону, Лев Христофорович оказался у вольеры, где гуляли мамонты.

Было жарко, поэтому мамонты были коротко острижены и казались поджарыми, словно собаки породы эрдель-терьер. У некоторых уже прорезались бивни. Птеродактили сидели у них на спинах и выклевывали паразитов. В круглом бассейне посреди павильона плавали два бронтозавра. Время от времени они тяжело поднимались на задние лапы и, прижимая передние к блестящей груди, выпрашивали у зрителей плюшки. У кого из зрителей не было плюшки, кидали пятаки.

Здесь, между вольерой и бассейном, Минц увидел Ложкина и Хату и прочел друзьям скептическую статью.

Смеялись не только люди. Булькали от хохота бронтозавры, трубили мамонты, а один птеродактиль так расхохотался, что не мог закрыть пасть, пока не прибежал служитель и не стукнул весельчаку как следует деревянным молотком по нижней челюсти.

— Неужели, — сказал профессор, когда все отсмеялись, — этот наивный человек полагает, что мы стали бы выводить вымерших чудовищ, если бы не привили им генетически любви и уважения к человеку?

— Никогда, — отрезал старик Ложкин. — Ни в коем случае.

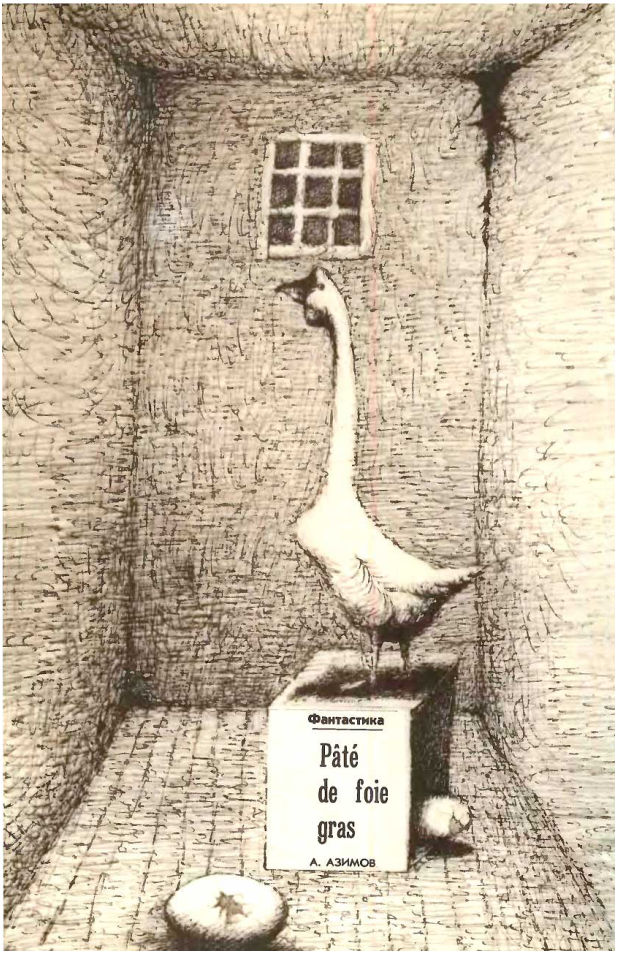
Птеродактиль, все еще вздрагивая от смеха, стуча когтями по полу, подошел к профессору, и тот угостил его конфетой. Маленькие дети по очереди катались верхом на мамонтах, подложив под попки подушечки, чтобы не колола остриженная жесткая шерсть, бронтозавры собирали со дна бассейна монетки и честно передавали их служителям. В стороне скулил пещерный медведь, потому что его с утра никто не приласкал.

…В тот день столичного журналиста, неудачливого пророка, до полусмерти искусала его домашняя сиамская кошка.

№ 2

А. Азимов

Pâté de foie gras


Фантастика
Pâté de foie gras
А. АЗИМОВ

Даже если бы я захотел сообщить вам свое настоящее имя, я этого сделать не имею права; к тому же, при существующих обстоятельствах, я и сам этого не хочу.

Я не ахти какой писатель, если не говорить о научных статьях, так что пишет за меня Айзек Азимов.

Я выбрал его по нескольким причинам. Во-первых, он биохимик и понимает, о чем идет речь — во всяком случае, отчасти. Во-вторых, он умеет писать; по крайней мере он опубликовал довольно много книжек, хотя это не обязательно одно и то же.

Но, что самое важное, он может добиться, чтобы его опубликовали в каком-нибудь журнале. А это именно то, что мне нужно.

Причины вам станут ясны из дальнейшего.

Я не первый, кому довелось увидеть Гусыню. Эта честь выпала на долю техасского фермера-хлопковода по имени Айен Ангус Мак-Грегор, которому Гусыня принадлежала до того, как стала казенной собственностью. (Имена, названия мест и даты, которые я привожу, сознательно мной вымышлены. Напасть по ним на какой-нибудь след ни одному из вас не удастся. Можете и не пытаться.)

Мак-Грегор, очевидно, разводил у себя гусей потому, что они поедали сорняки, не трогая хлопка. Гуси заменяли ему машины для прополки, а к тому же давали ему яйца, пух и, через разумные промежутки времени, — жареную гусятину.

Летом 1955 года этот фермер послал в Департамент сельского хозяйства с дюжину писем, в которых требовал информации о насиживании гусиных яиц. Департамент выслал ему все брошюры, которые оказались под рукой и имели хоть какое-то отношение к предмету. Но его письма становились все более и более настойчивыми, и в них все чаще упоминался его «друг», конгрессмен из тех мест.

Я оказался втянутым в эту историю только потому, что работал в Департаменте. Я получил приличное агрохимическое образование и к тому же немного разбираюсь в физиологии позвоночных. (Это вам не поможет. Если вы думаете, что сумеете из этого извлечь сведения о моей личности, то ошибаетесь).

В июле 1955 года я собирался поехать на совещание в Сан-Антонио, и мой шеф попросил меня заехать на ферму Мак-Грегора и посмотреть, что можно для него сделать. Мы — слуги общества, а кроме того, мы в конце концов получили письмо

от конгрессмена, о котором писал Мак-Грегор.

17 июля 1955 года я встретился с Гусыней.

Сначала, конечно, я встретился с Мак-Грегором. Это был высокий человек, лет за пятьдесят, с морщинистым недоверчивым лицом. Я повторил всю информацию, которую ему посылали, рассказал про инкубаторы, про важность микроэлементов в питании, добавил кое-какие последние новости о витамине с, кобаламинах и пользе антибиотиков.

Он покачал головой. Все это он пробовал, и все же из яиц ничего не выводилось. Он привлек к сотрудничеству в этом деле всех гусаков, которых только мог заполучить, но и это не помогло.

Что мне было делать? Я государственный служащий, а не архангел Гавриил. Я рассказал ему все, что мог, и если яйца все равно не насиживаются, значит они для этого не годятся. Вот и все. Я вежливо спросил, могу ли я посмотреть его гусей, просто чтобы никто потом не сказал, будто я не сделал все, что мог. Он ответил:

— Не гусей, мистер. Это одна гусыня.

Я сказал:

— А можно посмотреть эту одну гусыню?

— Пожалуй, что нет.

— Ну, тогда я больше ничем не смогу вам по-

мочь. Если это всего одна гусыня, то с ней просто что-то неладно. Зачем беспокоиться из-за одной гусыни? Съешьте ее.

Я встал и протянул руку за шляпой. Он сказал: «Подождите», и я остановился. Его губы сжались, глаза сощурились — он молча боролся с собой. Потом он спросил:

— Если я вам кое-что покажу, вы никому не расскажете?

Он не был похож на человека, способного поверить клятвенному обещанию другого человека хранить тайну, но он как будто уже так отчаялся, что не видел другого выхода. Я начал:

— Если это что-нибудь противозаконное…

— Ничего подобного, — огрызнулся он.

И тогда я пошел за ним в загон около дома, который был обнесен колючей проволокой, заперт на замок и содержал одну гусыню — Ту Самую Гусыню.

— Вот Гусыня, — сказал он. Это было произнесено так, что ясно слышалась прописная буква.

Я уставился на нее. Это была такая же гусыня, как и любая другая, ей-богу — толстая, самодовольная и раздражительная. Я произнес «гм» в наилучшей профессиональной манере.

Мак-Грегор сказал:

— А вот одно из ее яиц. Оно было в инкубаторе. Ничего не получается.

Он достал яйцо из обширного кармана комбинезона. Он держал его с каким-то странным напряжением.

Я нахмурился. С яйцом было что-то неладно. Оно было меньше и круглее обычных.

Мак-Грегор сказал:

— Возьмите.

Я протянул руку и взял его. Вернее, попытался взять. Я приложил в точности такое усилие, какого должно было заслуживать подобное яйцо, но оно попросту выскользнуло у меня из пальцев. Пришлось взять его покрепче.

Теперь я понял, почему Мак-Грегор так странно держал яйцо. Оно весило граммов восемьсот. (Говоря точнее, когда мы потом взвесили его, масса его оказалась равной 852,6 грамма.)

Я уставился на яйцо, которое лежало у меня на руке и давило на нее, а Мак-Грегор кисло усмехнулся:

— Бросьте его, — сказал он.

Я только посмотрел на него, а он взял яйцо у меня из руки и уронил его сам.

Яйцо тяжело шлепнулось на землю. Оно не разбилось. Не разбрызгалось каплями белка и

желтком. Оно просто лежало на том месте, куда упало.

Я снова поднял его. Белая скорлупа раскололась в том месте, где яйцо ударилось о землю. Осколки отлетели, и изнутри светилось что-то тускло-желтое.

У меня задрожали руки. Непослушными пальцами я все же облупил еще немного скорлупы и уставился на это желтое.

Анализов не требовалось. Я и так понял, что это такое.

Передо мной была Гусыня!

Гусыня, Которая Несла Золотые Яйца!

Вы мне не верите. Я знаю. Вы решили, что это очередная мистификация.

Очень хорошо! Я и рассчитываю, что вы так подумаете. Позже я объясню, почему.

Пока что моей первой задачей было уговорить Мак-Грегора расстаться с этим золотым яйцом. Я был близок к истерике. Если бы это потребовалось, я был почти готов оглушить его и, отняв яйцо, удрать.

Я сказал:

— Я дам вам расписку. Я гарантирую вам опла-

ту. Я сделаю осе, что можно. Послушайте, мистер Мак-Грегор, вам от этих яиц все равно нет никакой пользы. Продать золото вы не сможете, пока не объясните, откуда оно у вас. Хранить его у себя запрещено законом. А как вы сможете это объяснить? Если правительство…

— Я не хочу, чтобы правительство совало нос в мои дела, — упрямо заявил он.

Но я был вдвое упрямее. Я не отставал от него. Я молил, кричал. Я угрожал. Это продолжалось не один час. Буквально. В конце концов я написал расписку, а Мак-Грегор проводил меня до машины. Когда я отъехал, он стоял посреди дороги, глядя мне вслед.

Больше он этого яйца не видел. Конечно, ему была возмещена стоимость золота (656 долларов 47 центов после удержания налогов), но правительство здесь не прогадало.

Если подумать о потенциальной ценности этого яйца…

Потенциальная ценность! В этом-то и заключена вся ирония положения. Поэтому я и печатаю эту статью.

Отдел Департамента сельского хозяйства, в

котором я служу, возглавляет Луис П. Бронстейн. (Можете не пытаться его разыскать. Если вам угодно получить дополнительную дезинформацию, то «П» — значит «Питтсфилд».)

Мы с ним в хороших отношениях, и я чувствовал, что могу все ему объяснить, не рискуя после этого оказаться под строгим врачебным надзором. И все-таки я не стал искушать судьбу. Я взял яйцо с собой и, добравшись до самого скользкого места, просто положил его на стол.

Поколебавшись, он дотронулся до яйца пальцем, как будто оно было раскалено.

Я сказал:

— Поднимите.

Он поднял его, как и я, со второй попытки.

Я сказал:

— Это желтый металл, и это могла быть латунь, только это не латунь, потому что он не растворяется в концентрированной азотной кислоте. Я уже пробовал. Золотая там только оболочка, потому что яйцо можно сплющить под небольшим давлением. Кроме того, если бы оно было сплошь золотым, то весило бы больше 10 фунтов.

Бронстейн произнес:

— Это какая-то мистификация…

— Мистификация с настоящим золотом? Вспом-

ните, — когда я впервые увидел эту штуку, она была полностью покрыта настоящей скорлупой. Кусочек скорлупы было легко исследовать. Карбонат кальция. Это подделать трудно. А если мы заглянем внутрь яйца (я не хотел делать это сам) и найдем настоящий белок и настоящий желток, то вопрос будет решен, потому что это подделать вообще невозможно. Конечно, дело заслуживает официального расследования…

— Но как же я пойду к начальству…

Он уставился на яйцо.

Но в конце концов он все-таки пошел. Почти целый день он звонил по телефону и потел. Взглянуть на яйцо пришли одна или две большие шишки Департамента.

Так начался проект «Гусыня». Это было 20 июля 1955 года.

С самого начала я был уполномоченным по расследованию и номинально руководил им до конца, хотя дело вскоре вышло за пределы моей компетенции.

Мы начали с одного яйца. Его средний радиус составлял 35 мм (длинная ось — 72 мм, короткая ось — 68 мм). Золотая оболочка имела толщину

2,45 мм. Позже, исследовав другие яйца, мы обнаружили, что эта цифра довольно высока. Средняя толщина оболочки оказалась равна 2,1 мм.

Внутри было настоящее яйцо. Оно выглядело как яйцо и пахло как яйцо.

Содержимое яйца было подвергнуто анализу. Органические компоненты были близки к норме. Белок на 9,7 % состоял из альбумина. Желток имел в общем нормальный состав. У нас не хватило материала, чтобы определить содержание микросоставляющих, но позже, когда в нашем распоряжении оказалось больше яиц, мы это сделали, и поскольку дело касалось содержания витаминов, коферментов, нуклеотидов, сульфгидрильных групп и тому подобного, не нашли ничего необычного.

Одним из важнейших грубых нарушений нормы, которые мы обнаружили, было поведение яйца при нагревании. Небольшая часть желтка при нагревании сварилась вкрутую почти немедленно. Мы дали кусочек такого крутого яйца мыши. Она съела его и осталась жива.

Еще кусочек отщипнул я. Этого было слишком мало, чтобы по-настоящему почувствовать вкус, но тем не менее меня затошнило. Самовнушение, скорее всего.

Этими опытами руководил Борис В. Финли, консультант нашего Департамента, сотрудник биохимического факультета Темпльского университета. По поводу варки яйца он заявил:

— Легкость, с которой протеины яйца денатурируют под действием тепла, говорит о том, что они уже частично денатурированы. А если иметь в виду состав оболочки, то нужно признать, что в этом повинно золото.

Часть желтка была исследована на присутствие неорганических веществ, и оказалось, что он богат ионами хлораурата — одновалентными ионами, содержащими атом золота и четыре атома хлора; химическая формула их — AuCl. (Символ «Au», обозначающий золото, происходит от латинского названия золота — «аурум».) Говоря, что содержание хлораурата было высоким, я имею а виду, что его было 3,2 части на тысячу, или 0,32 %. Этого достаточно, чтобы образовать нерастворимое комплексное соединение золота с белком, которое легко свертывается.

Финли сказал:

— Очевидно, это яйцо не может насидеться. Так же, как и любое другое подобное яйцо. Оно отравлено тяжелым металлом. Может быть, золото и красивее свинца, но для белков оно столь

же ядовито.

Я мрачно добавил:

— По крайней мере, можно не опасаться, что эта штука протухнет.

— Совершенно верно. В этом хлорно-золотоносном супе не станет жить ни одна уважающая себя бактерия.

Наконец, был готов спектрографический анализ золота из оболочки. Оно было фактически чистым. Единственной примесью, которую удалось обнаружить, было железо в количестве до 0,23 %. В желтке содержание железа было тоже вдвое выше нормы. Однако тогда мы не обратили на это внимания.

Через неделю после того, как был основан проект «Гусыня», в Техас отправилась целая экспедиция. Туда поехали пять биохимиков (тогда еще, как вы видите, главный упор делался на биохимию), три грузовика оборудования и воинское подразделение. Я, конечно, поехал тоже.

Сразу по прибытии мы изолировали ферму Мак-Грегора от всего мира.

Эта была, знаете, счастливая идея — все эти меры безопасности, принятые с самого начала.

Рассуждали мы тогда неверно, но результат оказался удачным.

Департамент хотел, чтобы проект «Гусыня» держали в секрете, — на первых порах просто из-за не покидавшего нас опасения, что это все-таки окажется грандиозной мистификацией, а мы не могли себе позволить такую неудачную рекламу. А если это не было мистификацией, то мы не хотели навлечь на себя нашествие репортеров.

Подлинное значение всей этой истории стало вырисовываться лишь значительно позже, спустя много времени после того, как мы приехали на ферму Мак-Грегора.

Мак-Грегор, естественно, был недоволен тем, что вокруг него расположилось столько людей и оборудования. Он был недоволен тем, что Гусыню объявили казенным имуществом. Он был недоволен тем, что ее яйца конфисковали.

Все это ему не нравилось, но он дал свое согласие, — если можно назвать это согласием, когда в момент переговоров на заднем дворе вашей усадьбы собирают пулемет, а в самый разгар спора под окнами маршируют десять солдат с примкнутыми штыками.

Конечно, он получил компенсацию. Что деньги для правительства?

Гусыне тоже кое-что не нравилось, например когда у нее брали кровь для анализов. Мы не решались делать это под наркозом, чтобы ненароком не нарушить ее обмен веществ, и каждый раз двоим приходилось ее держать. Вы когда-нибудь пробовали держать рассерженную гусыню?

Гусыня находилась под круглосуточной охраной, и любому, кто допустил бы, чтобы с ней что-нибудь случилось, грозил трибунал. Если кто-нибудь из тех солдат прочтет эту статью, он может догадаться, в чем было тогда дело. При этом у него должно хватить ума, чтобы держать язык за зубами. По крайней мере, если он соображает, что для него хорошо и что плохо, он будет помалкивать.

Кровь Гусыни подвергали всем возможным исследованиям. Она содержала 2 части на 100 000 (0,002 %) хлораурата. Кровь, взятая из печеночной вены, была им еще богаче — почти 4 части на 100 000.

Финли *проворчал;*

— Печень.

Мы сделали рентгеновские снимки. На негативе печень выглядела как светло-серая туманная масса, более светлая, чем окружающие органы, так как она поглощала больше рентгеновских

лучей, потому что содержала больше золота. Кровеносные сосуды казались светлее, чем сама печень, а яичники были чисто белыми. Сквозь них рентгеновские лучи не проходили вовсе.

В этом был какой-то смысл, и в первом докладе Финли изложил его с наибольшей возможной прямотой. Доклад содержал, в неполном пересказе, следующее:

«Хлораурат выделяется печенью в ток крови. Яичники действуют в качестве ловушки для этого иона, который здесь восстанавливается до металлического золота и отлагается в оболочке развивающегося яйца. Невосстановленный хлораурат в относительно высокой концентрации содержится в развивающемся яйце.

Почти не вызывает сомнения, что Гусыня использует этот процесс, чтобы избавиться от атомов золота, которые несомненно отравили бы ее, если бы им позволить накопиться. Выделение отбросов в составе содержимого яйца — вероятно, редкость в животном мире, даже уникальный случай, но нельзя отрицать, что благодаря этому Гусыня остается в живых.

Однако, к несчастью, яичники локально отравлены до такой степени, что яиц кладется мало, вероятно, не больше, чем нужно, чтобы избавить-

ся от накапливающегося золота, и эти немногие яйца определенно не могут насиживаться».

Вот и все, что он написал, но нам, остальным, он сказал:

— Остается еще один вопрос…

Я знал, что это за вопрос. Мы все это знали.

Откуда берется золото?

На этот вопрос пока не было ответа, если не считать некоторых негативных результатов. В пище Гусыни золота не обнаруживалось, поблизости не было никаких золотоносных камешков, которые она могла бы глотать. Нигде в округе в почве не было следов золота, а обыск дома и усадьбы ничего не дал. Там не было ни золотых монет, ни золотых украшений, ни золотой посуды, часов, и вообще ничего золотого. Ни у кого на ферме не было даже золотых зубов.

Конечно, было обручальное кольцо миссис Мак-Грегор, но оно было всего одно за всю ее жизнь, и его она носила на пальце.

Откуда же берется золото?

Первые намеки на ответ мы получили 16 авгу-

ста 1955 года.

Альберт Невис, из университета имени Пэрдью, ввел Гусыне желудочный зонд (еще одна процедура, против которой она энергично возражала), собираясь исследовать содержимое ее пищеварительного тракта. Это были все те же наши поиски внешнего источника золота.

Золото было найдено, но лишь в виде следов, и были все основания предположить, что эти следы сопровождают выделение пищеварительных соков и поэтому имеют внутреннее происхождение.

Тем не менее обнаружилось еще кое-что, во всяком случае отсутствие кое-чего.

Невис при мне пришел в кабинет Финли, расположенный во временной постройке, которую мы соорудили почти за одну ночь поблизости от гусятника. Он сказал:

— У Гусыни мало желчного пигмента. В содержимом двенадцатиперстной кишки его почти нет.

Финли нахмурился и произнес:

— Возможно, функции печени совершенно расстроены из-за концентрации золота. Может быть, она вовсе не выделяет желчи.

— Выделяет, — сказал Невис. — Желчные со-

ли присутствуют в нормальном количестве. По крайней мере, близко к норме. Не хватает именно желчного пигмента. Я сделал анализ кала, и это подтвердилось. Желчного пигмента нет.

Здесь позвольте мне кое-что объяснить. Желчные соли — это вещества, которые печень выделяет в желчь, и в ее составе они изливаются в верхнюю часть тонкого кишечника. Эти вещества похожи на моющие средства: они помогают превращать жиры нашей пищи (и пищи Гусыни) в эмульсию и в виде мелких капелек распределить их в водном содержимом кишечника. Такое распределение, или, если хотите, гомогенизация, облегчает переваривание жиров.

Но желчные пигменты — вещества, которых была лишена Гусыня, — это нечто совершенно другое. Печень производит их из гемоглобина — красного белка крови, переносящего кислород. Использованный гемоглобин расщепляется в печени. Отщепленная часть — гем — представляет собой кольцеобразную молекулу (ее называют порфирином) с атомом железа в центре. Печень извлекает из нее железо и запасает его для будущего употребления, а потом расщепляет и оставшуюся кольцеобразную молекулу. Этот расщепленный порфирин и образует желчный

пигмент. Он окрашивается в коричневатый или зеленоватый цвет (в зависимости от дальнейших химических превращений) и выделяется в желчь.

Желчный пигмент не нужен организму. Он изливается в желчь как отброс, проходит сквозь кишечник и выделяется с экскрементами. Именно он определяет их цвет.

У Финли заблестели глаза.

Невис сказал;

— Похоже на то, что порфирины расщепляются в печени не так, как полагается. Вам это не кажется?

Конечно, казалось.

После этого всех охватило лихорадочное возбуждение. Это было первое обнаруженное у Гусыни отклонение в обмене веществ, не имеющее прямой связи с золотом.

Мы сделали биопсию печени (это значит, что из печени Гусыни был взят цилиндрический кусочек ткани). Гусыне было больно, но вреда ей это не причиняло. Кроме того, мы сделали новые анализы крови.

На этот раз мы выделили из крови гемоглобин, а из нашего образца печени — немного цитохромов (цитохромы — это окисляющие ферменты,

которые также содержат гем). Мы выделили гем, и в кислом растворе часть его выпала в осадок в виде ярко-оранжевого вещества. К 22 августа 1955 года мы получили 5 микрограммов этого соединения.

Оранжевое вещество было подобно гему, но это не был гем. В геме железо может находиться в виде двухвалентного иона (Fe^{2+}) или трехвалентного иона (Fe^{3+}). У оранжевого вещества, которое мы отделили от гема, с порфириновой частью молекулы все было в порядке. Но металл в центре кольца был золотом, точнее, трехвалентным ионом золота (Au^{3+}). Мы назвали это соединение «ауремом» — это просто сокращение от слов «золотой гем».

Аурем оказался первым содержащим золото органическим соединением, когда-либо обнаруженным в природе. При обычных условиях это вызвало бы сенсацию в биохимическом мире. Но теперь это были пустяки — сущие пустяки в сравнении с новыми горизонтами, которые открывало само его существование.

Оказывается, печень не расщепляла гем до желчного пигмента. Вместо этого она превращала его в аурем, заменяя железо золотом. Аурем, в равновесии с хлорауретом, попадал в ток крови и

переносился в яичники, где золото выделялось, а порфириновея часть молекулы удалялась посредством какого-то еще неизвестного механизма.

Дальнейшие анализы показали, что 29 % содержавшегося в крови Гусыни золота переносилось в составе плазмы в виде хлораурата. Остальные 71 % содержались в красных кровяных тельцах в виде «ауремоглобина». Была сделана попытка ввести в корм Гусыни метку из радиоактивного золота, чтобы проследить за радиоактивностью плазмы крови и красных кровяных телец и узнать, с какой скоростью молекулы ауремоглобина перерабатываются в яичниках. Нам казалось, что ауремоглобин должен был удаляться гораздо медленнее, чем растворенный в плазме хлораурат.

Однако эксперимент не удался — мы вообще не уловили радиоактивности. Мы сочли это результатом своей неопытности — никто из нас не был специалистом по изотопам. Это было большой ошибкой, потому что неудача эксперимента на самом деле имела огромное значение и, не осознав этого, мы потеряли несколько дней.

Конечно, ауремоглобин был бесполезен с точки зрения переноса кислорода, но он составлял лишь около 0,1 % от общего количества гемогло-

бина красных кровяных телец, так что это не сказывалось на газообмене в организме Гусыни.

В результате вопрос о том, откуда же берется золото, оставался открытым, и первым сделал решающее предположение Невис. На совещании нашей группы вечером 25 августа 1955 года он сказал:

— А может быть, Гусыня не замещает железо на золото? Может быть, она превращает железо в золото?

До того как я лично познакомился с Невисом в то лето, я знал его по публикациям (его темой была химия желчи и работа печени) и всегда считал его осторожным и здравомыслящим человеком. Пожалуй, даже слишком осторожным. Никто не мог бы подумать, что он способен сделать такое совершенно нелепое заявление.

Это свидетельствует о той атмосфере отчаяния и морального разложения, которая окружила проект «Гусыня».

Отчаяние вызывал тот факт, что золоту взяться было просто неоткуда — буквально неоткуда. Гусыня выделяла по 38,9 г золота в день на протяжении многих месяцев. Это золото должно было

откуда-то поступать, а если этого не происходило, — а этого абсолютно не происходило, — то, значит, оно должно было из чего-то вырабатываться.

Моральное разложение, которое заставило нас серьезно рассмотреть вторую возможность, объяснялось попросту тем, что перед нами была Гусыня, Которая Несла Золотые Яйца; это нельзя было отрицать. А раз так, то все было возможно. Мы все оказались в каком-то сказочном мире и потеряли чувство реальности.

Финли приступил к серьезному обсуждению такой возможности:

— В печень, — сказал он, — поступает гемоглобин, а выходит оттуда немного ауремоглобина. В золотой оболочке яиц содержится единственная примесь — железо. В желтке яиц в повышенном количестве содержатся то же золото и отчасти железо. Во всем этом есть какой-то смысл. Ребята, нам нужна помощь.

Помощь нам, действительно, понадобилась. Так начался последний этап нашей работы. Этот этап, величайший и самый важный из всех, требовал участия физиков-ядерщиков.

5 сентября 1955 года из Калифорнийского университета прибыл Джон А. Биллингс. Кое-какое оборудование он привез с собой, остальное было доставлено в течение ближайших недель. Выросли новые временные постройки. Я уже мог предвидеть, что не пройдет и года, как вокруг Гусыни образуется целый научно-исследовательский институт…

Вечером пятого числа Биллингс принял участие в нашем совещании. Финли ввел его в курс дела и сказал:

— С этой идеей о превращении железа в золото связано великое множество серьезных проблем. Во-первых, общее количество железа в Гусыне может быть всего порядка половины грамма, а золота производится около 40 г в день.

У Биллингса оказался чистый, высокий голос. Он сказал:

— Самая трудная проблема не в этом. Железо находится в самом низу энергетический кривой, а золото — гораздо выше. Чтобы грамм железа превратить в грамм золота, нужно примерно столько же энергии, сколько дает распад грамма урана-235.

Финли пожал плечами;

— Эту проблему я оставляю вам.

Биллингс сказал:

— Дайте мне подумать.

Он не ограничился размышлениями. В частности, он взял у Гусыни свежие образцы гема, сжег их и послал получившуюся окись железа в Брукхейвен на изотопное исследование.

Когда пришел анализ, у Биллингса захватило дыхание. Он сказал:

— Здесь нет железа-56.

— А как остальные изотопы? — сразу же спросил Финли.

— Все тут, — сказал Биллингс, — в соответствующих соотношениях, но никаких следов железа-56.

Здесь мне сноаа придется кое-что объяснить. Железо, которое обычно встречается, состоит из четырех изотопов. Это разновидности атомов, которые различаются атомным весом. Атомы железа с атомным весом 56, или железо-56, составляют 91,6 % всех атомов железа. Остальные атомы имеют атомные веса 54, 57 и 58.

Железо, содержащееся в геме Гусыни, состояло только из железа-54, железа-57 и железа-56. Вывод напрашивался сам собой. Железо-56 исчезало, остальные изотопы нет; а это означало, что происходит ядерная реакция. Только ядерная

реакция может затронуть один изотоп и оставить в покое остальные. Любая обычная химическая реакция должна была вовлекать в себя все изотопы в равной, мере.

— Но это энергетически невозможно, — произнес Финли.

Говоря это, он хотел всего-навсего слегка съязвить по поводу первой реплики Биллингса. Мы, биохимики, хорошо знаем, что в организме идет множество реакций, требующих поступления энергии, и что проблема решается так: реакция, потребляющая энергию, сопрягается с реакцией, выделяющей энергию.

Но химические реакции выделяют или поглощают лишь несколько килокалорий на моль. Ядерные же реакции выделяют или поглощают миллионы килокалорий. Значит, чтобы обеспечить энергией ядерную реакцию, нужна другая ядерная реакция, в ходе которой энергия выделяется.

Два дня мы не видели Биллингса.

Когда он вновь появился, то заявил:

— Послушайте! В ходе реакции, служащей источником энергии, должно выделяться ровно столько же энергии на участвующее в ней ядро, сколько требуется, чтобы могла идти реакция,

поглощающая энергию. Если энергии поступает хотя бы чуть меньше, то реакция не пойдет. Если ее поступает хотя бы чуть больше и если учесть астрономическое число участвующих в реакции ядер, то избыточная энергия в доли секунды превратила бы Гусыню в пар.

— Ну и что? — спросил Финли.

— Так вот, количество возможных реакций очень ограничено. Я смог найти только одну подходящую систему. Если кислород-18 превращается в железо-56, то при этом выделяется достаточно энергии, чтобы превратить железо-56 дальше в золото-197. Это похоже на катание с гор, когда санки спускаются с одной горки и тут же въезжают на другую. Придется это проверить.

— Каким образом?

— Во-первых, что если установить изотопный состав кислорода в крови Гусыни?

Кислород воздуха содержит три стабильных изотопа, главным образом кислород-16. На кислород-18 приходится только один атом из 250.

Еще один анализ крови. Содержащаяся в ней вода была подвергнута перегонке в вакууме, и часть ее пошла в масс-спектрограф. Кислород-18 в ней был, но только один атом из 1300. Почти 80 % ожидаемого количества кислорода-18 в крови не

оказалось.

Биллингс сказал;

— Это косвенное доказательство. Кислород-18 расходуется. Он постоянно поступает в организм Гусыни с кормом и водой, но он все-таки расходуется. Вырабатывается золото-197. Железо-56 является промежуточным продуктом, и так как реакция, в которой оно расходуется, проходит быстрее, чем реакция, в которой оно образуется, то оно не может достигнуть заметной концентрации и изотопный анализ показывает его отсутствие.

Мы не были удовлетворены этим и попробовали еще один эксперимент. Целую неделю Гусыню поили водой, обогащенной кислородом-18. Выделение золота повысилось почти немедленно. К концу недели она вырабатывала 45,8 г, а то время как содержание кислорода-18 в тканях ее тела осталось не выше, чем прежде.

— Сомнений нет, — произнес Биллингс. Он переломил карандаш и встал. — Эта Гусыня — живой ядерный реактор.

Очевидно, Гусыня представляла собой результат мутации.

Для мутации требовалось, кроме всего прочего, радиоактивное облучение, а это наводило на мысль о ядерных испытаниях, которые проводились в 1952–1953 годах нескольких сотнях миль от фермы Мак-Грегора. (Если вам придет голову, что в Техасе ядерные испытания никогда не проводились, то это просто свидетельствует о двух вещах: во-первых, я вам не сообщаю всего, что знаю, а во-вторых, вы сами много чего не знаете.)

Вряд ли за всю историю атомного века когда-либо так тщательно изучался радиоактивный фон и так скрупулезно анализировались радиоактивные составляющие почвы.

Были подняты архивы. Неважно, что они оказались совершенно секретными. К этому времени проекту «Гусыня» придавалось самое первостепенное значение, какое только было возможно.

Изучались даже метеорологические данные, чтобы проследить за поведением ветров в период испытаний.

Выяснились два обстоятельства.

Первое. Радиоактивный фон на ферме был чуть выше нормы. Спешу добавить, — не настолько, чтобы причинить какой-либо вред. Однако были данные о том, что в то время, когда родилась Гусыня, ферма была задета краями по меньшей

мере двух радиоактивных облаков. Снова спешу добавить, что никакой реальной опасности они не представляли.

Второе. Гусыня, единственная из всех гусей на ферме, по сути дела единственное из всех живых существ на ферме, которых мы смогли исследовать, включая людей, не обнаруживала вообще никакой радиоактивности. Только подумайте: все что угодно обнаруживает следы радиоактивности (это и имеют в виду, когда говорят о радиоактивном фоне). Но Гусыня не обнаруживала никакой радиоактивности.

В декабре 1955 года Финли представил доклад, который можно пересказать следующим образом:

«Гусыня представляет собой результат в высшей степени необычной мутации и родилась в обстановке высокой радиоактивности, которая способствовала мутациям вообще и сделала данную мутацию особенно благоприятной.

Гусыня обладает ферментативными системами, способными катализировать различные ядерные реакции. Состоят ли эти системы из одного или нескольких ферментов, неизвестно. Ничего неизвестно также о природе этих ферментов. Теоретически невозможно объяснить,

как могут ферменты катализировать ядерные реакции, поскольку последние связаны с взаимодействиями частиц, на пять порядков более сильными, чем в обычных химических реакциях, которые обычно катализируют ферменты.

Сущность ядерного процесса состоит в превращении кислорода-18 в золото-197. Кислород-18 изобилует в окружающей среде, присутствует в значительных количествах в воде и во всех органических кормах. Золото-197 выделяется из организме через яичники. Известен один промежуточный продукт реакции — железо-56, а тот факт, что в этом процессе образуется ауремоглобин, позволяет предположить, что в состав участвующего в нем фермента или ферментов входит гем в качестве активной группы.

Значительные усилия были направлены на то, чтобы оценить возможное значение этого процесса для Гусыни. Кислород-18 для нее безвреден, а удаление золота-197 представляет значительные трудности, само оно потенциально ядовито и является причиной ее бесплодия. Синтез золота мог понадобиться для того, чтобы избежать какой-то более серьезной опасности. Такая опасность…».

Когда вы просто читаете об этом в докладе, все это кажется вам таким спокойным и логичным.

На самом деле я еще никогда не видел, чтобы человек был так близок к апоплексическому удару и после этого остался в живых, как это удалось Биллингсу, когда он узнал о нашем эксперименте с радиоактивным золотом, о котором я вам уже рассказал, — когда мы не обнаружили в Гусыне радиоактивности и отбросили результаты как бессмысленные.

Он снова и снова спрашивал, как же это мы могли счесть неважным исчезновение радиоактивности.

— Вы, — говорил он, — ничем не отличаетесь от того новичка-репортера, которого послали дать отчет о великосветском венчании и который, вернувшись, заявил, что писать ему не о чем, потому что жених не явился. Вы скормили Гусыне радиоактивное золото и потеряли его. Мало того, вы не обнаружили в Гусыне никакой естественной радиоактивности. Никакого углерода-14. Никакого калия-40. И вы решили, что это неудача!

Мы начали кормить Гусыню радиоактивными изотопами. Сначала осторожно, но к концу января 1956 года она получала их просто в лоша-

диных дозах.

Гусыня оставалась нерадиоактивной.

— Все это означает, не что иное, — сказал Биллингс, — как то, что этот ядерный процесс в Гусыне, катализируемый ферментами, ухитряется превращать любой нестабильный изотоп в стабильный.

— Это полезно, — сказал я.

— Полезно? Но это же замечательно! Это великолепное защитное средство от опасностей века! Послушайте, при превращении кислорода-18 в золото-197 должно высвобождаться восемь с чем-то позитронов на атом кислорода. А как только каждый позитрон соединится с электроном, должны испускаться гамма-лучи. Но и гамма-лучей не наблюдается! Гусыня должна обладать способностью поглощать гамма-излучение без вреда для организма.

Мы облучили Гусыню гамма-лучами. С увеличением дозы у нее было повысилась температура, и мы в панике прекратили опыт. Но это была не лучевая болезнь, а простая лихорадка. Прошел день, температура упала, и Гусыня снова была как новенькая.

— Вы понимаете, что это такое? — вопрошал Биллингс.

— Научное диво, — сказал Финли.

— Боже мой, неужели вы не видите здесь возможностей практического применения? Если бы мы могли выяснить механизм этого процесса и повторить его в пробирке, мы получили бы прекрасный метод уничтожения радиоактивных отходов! Самое важное, что не позволяет нам перевести всю экономику на атомную энергию, — это мысль о том, что же делать с радиоактивными изотопами, образующимися в ходе реакции. Пропустить их через бассейны с препаратами этого фермента — и все! Стоит нам найти механизм, джентльмены, и можно не беспокоиться о радиоактивных осадках. Мы нашли бы и средство от лучевой болезни. Стоит слегка изменить механизм, и Гусыня сможет выделять любой нужный нам элемент. Как насчет яичной скорлупы из урана-235? Механизм! Механизм!

Он, конечно, мог кричать «Механизм!» сколько угодно. Толку от этого не было.

Все мы сидели, сложа руки и уставившись на Гусыню.

Если бы яйца хоть насиживались. Если бы мы могли получить выводок гусей — ядерных

реакторов…

— Это должно было случаться и раньше, — сказал Финли. — Легенды о таких птицах должны были на чем-то основываться.

— Может быть, подождем? — предложил Биллингс.

Если бы у нас было стадо таких гусей, мы могли бы разобрать несколько штук на части. Мы могли бы изучить их яичники. Мы могли бы взять срезы тканей и их гомогенаты.

Из этого могло бы ничего не выйти. Ткани биопсии печени не реагировали на кислород-18, в какие бы условия мы их ни помещали.

Но мы могли бы извлечь печень целиком. Мы могли бы исследовать неповрежденных зародышей, проследить, как у зародыша развивается этот механизм.

Но у нас была только одна Гусыня, и мы не могли сделать ничего подобного.

Мы не осмеливались зарезать Гусыню, Которая Несла Золотые Яйца.

Тайна была заключена в печенке этой толстой Гусыни.

Печенка толстой Гусыни! Для нас это было не просто сырье для приготовления знаменитого паштета из гусиной печенки — дело было куда

серьезнее.

Невис произнес задумчиво:

— Нужна идея. Какой-нибудь радикальный выход из положения. Какая-нибудь решающая мысль.

— Легко сказать, — уныло сказал Биллингс.

Сделав жалкую попытку пошутить, я предложил:

— Может быть, дать объявление в газетах?..

И тут мне пришла в голову идея.

— Научная фантастика! — сказал я.

— Что? — переспросил Финли.

— Послушайте, научно-фантастические журналы печатают статьи-мистификации. Читатели воспринимают их как шутку, но их это заинтересовывает.

Я рассказал об одной такой статье, которую написал Азимов и которую я когда-то читал.

Это было встречено с холодным неодобрением.

— Мы даже не нарушим секретности, — продолжал я, — потому что этому никто не поверит.

Я рассказал им, как в 1944 году Клив Картмилл написал рассказ об атомной бомбе на год раньше, чем нужно, и как ФБР посмотрело на это сквозь пальцы.

Они уставились на меня.

— А у читателей научной фантастики бывают идеи. Не надо их недооценивать. Даже если они сочтут это мистификацией, они напишут издателю и выскажут ему свое мнение. И если у нас нет своих идей, если мы зашли в тупик, то что мы теряем?

Их все еще не проняло.

Тогда я сказал;

— А знаете, Гусыня не будет жить вечно.

Это подействовало.

Нам пришлось уговорить Вашингтон; потом я связался с Джоном Кэмпбеллом, издателем научной фантастики, а он связался с Азимовым.

И вот статья написана. Я ее прочел, одобрил и прошу вас всех ей не верить. Пожалуйста.

Но только…

Нет ли у вас какой-нибудь идеи?

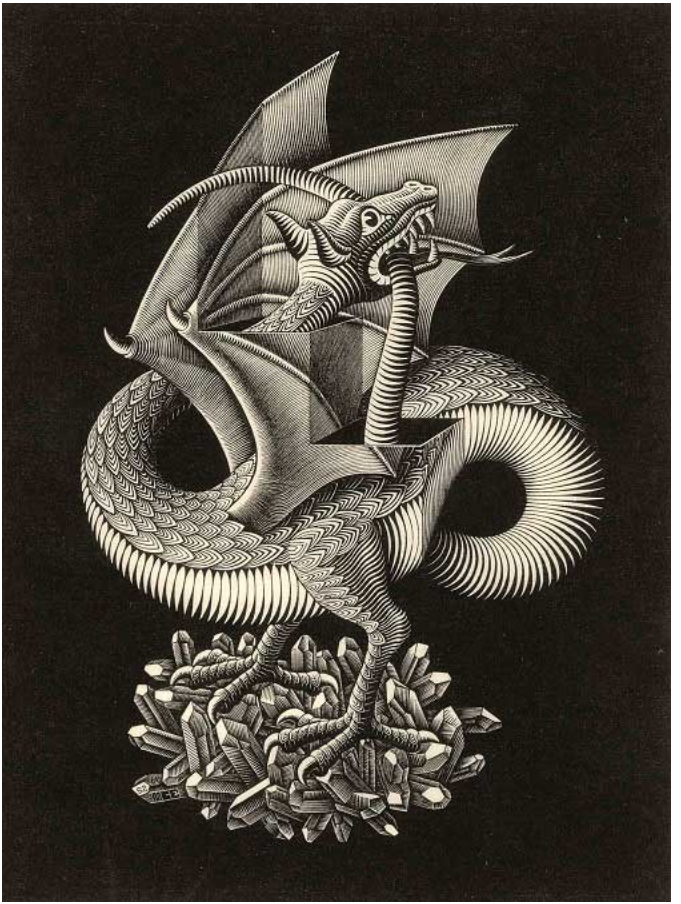
Перевел с английского А. Иорданский

№ 4

Д-р А. Кон

Драконы: какими они были?

(научный фольклор)



Дракон. Литография Мориса Корнелиуса Эшера |1958 |

В последнее время в научной печати широко обсуждаются различные стороны биологии и экологии драконов [12]. Весьма интересные соображения по этому поводу были высказаны недавно Р. Меем в «Nature» [13]. Однако нам представляется, что указанная работа не исчерпывает этой проблемы, более глубокое изучение которой, как будет показано ниже, может привести к важным выводам общенаучного значения.

1. К вопросу о систематике драконов

Я думал, что есть драконы и все — единого образца. А тут целая уйма разновидностей.

Дж Б. Пристли. «31 июня»

Таксономическая принадлежность драконов и родственных им малоизученных животных вызывает особенно оживленные дискуссии. Мей

[13, с 16] выделяет две группы, различающиеся характерными морфологическими особенностями. Первая группа — виды, обладающие шестью конечностями, то есть двумя крыльями и четырьмя лапами: четырехлапые крылатые драконы, грифоны, кентавры, пегасы, а также двукрылая гуманоидная разновидность ангелов. Вторая группа — животные с четырьмя конечностями: единороги, василиски и змеедраконы, то есть крылатая разновидность драконов с двумя лапами и телом змеи.

Вторая группа видов, как считает Мей, филогенетически более молода и представляет собой лишь ответвление от основной линии развития позвоночных, от которых ничем существенным не отличается. Что же касается подлинных четырехлапых крылатых драконов и других животных с шестью конечностями, то их выделение в самостоятельную группу Мей относит к значительно более раннему этапу эволюции: «по меньшей мере к девонскому периоду» [13, с. 17] В работе Саймака [8, с. 61, 173 и 206] прямо указано, что по меньшей мере один такой дракон уже существовал на Земле еще раньше и юрском периоде.

Принципиальное различие между двумя этими

группами драконов отмечено и другими авторами. Так, Акимушкин [1, с. 98] подчеркивает, что в более древних античных и раннесредневековых источниках «драконы имели иной образ», чем в более поздних, описывающих банальную их разновидность — змеедраконов с четырьмя конечностями (2 лапы 2 крыла). Таким был, например, дракон из деревни Вилер, упоминаемый Кирхером [5] и Змей-Горыныч, некоторые данные о морфологии которого приведены Стругацким и Стругацким [9, с. 259] а также змее-драконы зафиксированные неизвестными авторами XIII в. на барельефах Георгиевского собора в г. Юрьевск-Польском и в других иконографических источниках [2, с 259 и далее].

Таким образом, подлинные драконы с шестью конечностями представляли собой, по видимому, самостоятельную эволюционную ветвь, существенно отличную от змеедраконов, василисков, единорогов, а также от современных летающих ящериц Юго Восточной Азии и обитателей озера Лох-Несс.

2. Особенности физиологии драконов

Из смотрил его — жар, из дышил его — дым

А. Кэрролл. «В Зазеркалье»

По свидетельству большинства источников, подлинным драконам были свойственны характерные физиологические особенности и прежде всего способность к огнедышанию. Так, Пристли [7, с 369] описывая одну из разновидностей подлинных драконов — «свирепого исполинского винтохвостого дракона» (согласно классификации автора) подчеркивает что у него «из ноздрей то и дело вырывались клубы дыма». «Желтые языки пламени», выделяемые драконом, упоминают Стругацкий и Стругацкий [9, с 222] Аналогичные свидетельства приводит Шварц [11, с. 325]

Фиг. 1. Изображение дракона на шкатулке XII в. (Равенна)

Механизм этого уникального физиологического процесса в литературе освещен недостаточно. В одном из источников [9, с. 223] есть указание на систематические эксперименты над драконом:

«Каждую пятницу возят…

— Куда? — спросил я.

На полигон, батюшка. Всё экспериментируют…».

Однако результаты этих экспериментов в открытой печати опубликованы не были и можно высказать лишь общие соображения о возможном механизме процесса.

Горючее вещество представляло собой, по всей видимости, газ с низкой температурой вспышки — например, водород, метан, сероводород (последнее подтверждается встречающимися во многих источниках указаниями на «смрад», испускаемый драконами в процессе огнедышания).

Воспламенение выделяющегося горючего газа происходило, очевидно, в достаточно мягких условиях. По-видимому, здесь следует предположить наличие каталитического механизма. В случае водорода роль катализатора могла бы играть, например, металлическая платина, тем или иным способом концентрировавшаяся в соответствующих органах дракона; подобные механизмы биологического концентрирования металлов известны [3] и в настоящее время интенсивно изучаются Очевидно, что клады, хранителями которых были драконы [13, с. 17],

наряду с другими драгоценными металлами содержали платину, служившую источником катализатора, необходимого драконам для воспламенения изрыгаемых газов. Особый интерес представляет физиологическая функция огнедышания у драконов, поскольку, как будет показано ниже, ее раскрытие проливает новый свет на проблему происхождения и эволюции драконов.

Фиг. 2. Изображение драконе на соборе XI–XII вв. г. Мане (Франция).

Литературные источники, неизменно связывающие огнедышание с передвижением драконов в пространстве, позволяют предположить, что существует связь между огнедышанием и способом их локомоции. Обращают на себя внимание также указания на характерные звуковое эффекты,

совпадающие во времени с актами огнедышания. Иногда это «оглушительный, страшный, рев от которого стены дрожат» [11, с. 321]; иногда «отдаленный гул, который постепенно замирает» [11, с. 337], а иногда «зловещий визг, пронзительно жестокий» [10, с 326] Нетрудно заметить, что все упомянутые эффекты представляют собой не что иное, как шум, сопровождающий работу реактивного двигателя (это обстоятельство, естественно, не могло быть отмечено в работах, опубликованных ранее середины XX в.).

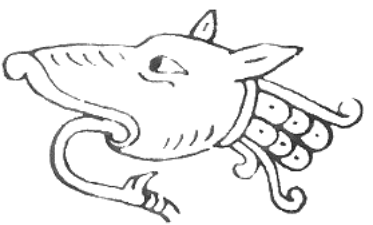
Сопоставление имеющихся данных приводит таким образом, к выводу, что для драконов был характерен реактивный способ локомоции с использованием тяги, создаваемой при сгорании эндогенного горючего газа. Орган огнедышания у драконов являлся, по существу, своеобразным биологическим реактивным двигателем.

3. Драконы и эволюция жизни на Земле

— А не могла ль — заметил я — природа

Подобное чудовище создать?
А. К. Толстой. «Дракон»

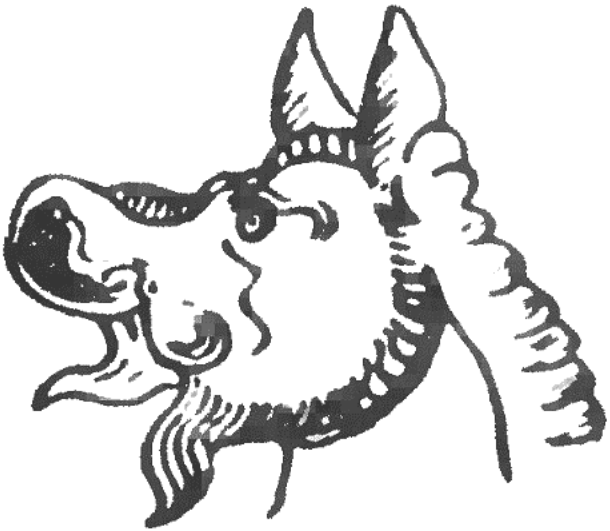
Мы видим, что подлинные драконы разительно отличаются от всех известных нам позвоночных как своими морфологическими признаками (наличие шести конечностей), так и особенностями физиологии (огнедышание, реактивный способ локомоции). Это крайне затрудняет определение систематического положения драконов среди животного мира Земли.



Фиг. 4. Голова дракона с новгородской миниатюры XII в.

Эта трудность может быть преодолена лишь одним путем. Достаточно предположить, что драконы имеют внеземное происхождение. Все вышесказанное делает такое предположение

достаточно обоснованным. Отметим, что по меньшей мере для одного частного случая его справедливость была наглядно показана Саймаком [8, с. 206]. По-видимому драконы результат биологической эволюции, проходившем по иному пути чем на Земле, что и привело к появлению существенно отличных морфофизиологических особенностей. На Землю, где драконы появились не позднее юрского периода, они были доставлены, по видимому, с помощью автоматических космических аппаратов в соответствии с теорией управляемой панспермии, развитой в работе Крика и Оргола [6]. Косвенным указанием на обстоятельства появления драконов на Земле может служить отраженная в древних легендах связь драконов с атмосферными возмущениями и другими небесными явлениями: смерчами, метеоритами, падающими звездами (sic!) и др., которые, очевидно, сопровождали прибытие космических аппаратов на Землю.



Фиг. 3. Голова дракона. Изображение эпохи Сасанидов (III–VII вв.)

Можно высказать ряд обоснованных гипотез о природных условиях планеты, где первоначально обитали драконы. На возможность подобной реконструкции по аномальным особенностям организмов, имеющих внеземное происхождение, указывают Крик и Оргела [6]. Возникновение в ходе эволюции реактивного способа локомоции

с использованием огнедышания могло быть целесообразно лишь в условиях кислородной атмосферы, и притом достаточно плотной вероятно, гораздо более плотной, чем земная. Эта планета, очевидно, была также гораздо богаче тяжелыми металлами, которые могли служить катализатором огнедышания.

Более разреженная земная атмосфера представляла собой среду, значительно менее подходящую для передвижения реактивным способом Кроме того, на Земле драконы были поставлены в условия ощутимого дефицита металла — катализатора огнедышания. Эти факторы, очевидно и обусловили весьма сильное давление отбора, которому, как указывает Мей [13 с 17] драконы подвергались на Земле. Правда, они успешно выдержали конкуренцию с примитивными земными рептилиями того времени: по-видимому, массовое вымирание динозавров в конце мелового периода, до сих пор не получившее удовлетворительного объяснения было результатом вытеснения их драконами. Однако с развитием на Земле более высокоорганизованных форм жизни драконы сами, в свою очередь, были ими вытеснены.

Единственной средой на Земле где реактивный

способ локомоции предоставлял определенное эволюционное преимущество была гидросфера Хорошо известно [4], что в Мировом океане до сих пор обитает обширная и весьма высокоразвитая группа организмов, пользующихся этим способом передвижения, а именно головоногие (спруты, кальмары и пр.) Им также свойственны значительные морфологические отличия от других земных организмов — необычное число конечностей (!), наличие множественных сердец, голубой пигмент крови и т. д.

По-видимому головоногие также имеют инопланетное происхождение их следует рассматривать как выродившихся и измельчавших потомков той небольшой части драконов, которая была вытеснена с суши и адаптировалась к водному образу жизни.

Изучение головоногих с этой точки зрения, насколько нам известно, еще не проводилось и представляет первостепенный научный интерес.

Литература

1. Акимушкин И. Тропою легенд. М I4GI.

2. Вагнер Г. К. Скульптура Суздальски Влили мнрекон Руси М 14(54

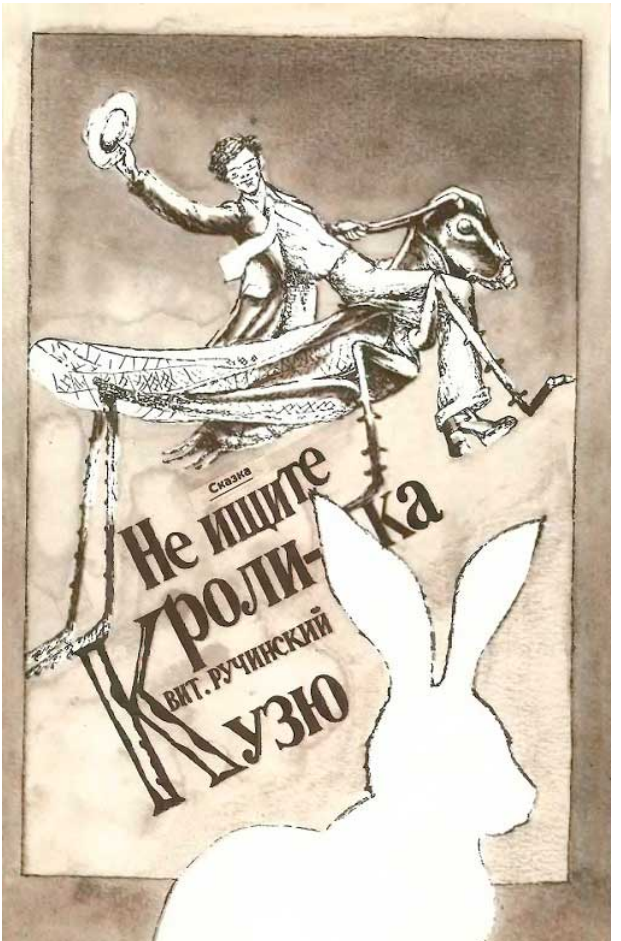
3. Вернадский В И Очерки геохимии М. 1434

4. Детская энциклопедия изд. 3-е. т. I, M 1973
5. Кирхер А Подземный мир, 1978.
6. Крик Ф. Оргел А. «Химия и жизнь» 1974. № 4
7. Пристли Дж. Б 31 июня, В сб 31 июня Л1 141)8
8. Саймак К. Заповедник гоблинов М. 1972
4. Стругацкий А. Стругацкий Б. Понедельник начинается в субботу M 1966.
10. Толстой А. К. Дракон В кн. Толстой А. К. Избранное М., 1914
11. Шварц Е. Дракон В кн. Шварц Е. Избранное М., А. 1962
12. Hogarth «Dull. Brit. Ecol. Soc.» 7 [2] 2–5. 1976
13. May R M Ecology Ш Dragons «Nature», 261, 16–17, 1976

№ 5

Вит. Ручинский

Не ищите кролика Кузю


Сказка
Не ищите Кролика Кузю
Квит. Ручинский

сказка

— На этом, уважаемые дамы и господа, разрешите закончить. Благодарю за внимание!

Пухлые босоногие женщины в развевающихся одеждах — то ли музы, то ли нимфы — внезапно отделились от небесно-голубого плафона и закружились надо мной в стремительной пляске. Шквал аплодисментов разнес в клочья напряженную тишину зала. Защелкали вспышки блицев. Репортеры ринулись на сцену. «Мистер Кукушкин! Мистер Кукушкин!» — надрывались они, почему-то с ударением на последнем слоге, и выбрасывали змеиные головки микрофонов.

Зал — сплошь профессура — бушевал. Ликующие негры в белых шапочках. Бородатые индусы в факирских чалмах. Пугающие загадочной учтивостью японцы. Председатель — позвольте, да ведь это же институтский вахтер Евстигнеев! — бесполезно тряс колокольчиком…

И вдруг все смешалось: зал, репортеры, председатель-вахтер. Промелькнуло распаренное, точно после бани, лицо Бурова-Сакеева. Он за что-то меня отчитывал. С какой это стати? Да я!..

Но я так и не узнал, в чем дело, потому что

проснулся.

Звонок аварийной сигнализации трезвонил вовсю. Пахло горелым: очевидно, где-то замкнуло обмотки. Надев соскочившие во сне очки, я пробежался взглядом по панели с приборами и сразу все понял — проклятое реле! Программное устройство отказало, и центрифуга в камере «Бурсака» вращалась с сумасшедшей скоростью — стрелку зашкалило. Я бросился к главному рубильнику и выключил установку.

Теперь пора объясниться.

Вы, разумеется, наслышаны о профессоре Бурове-Сакееве, авторе УКОМФИГа? Понимаю: водопад, он же лавина информации — проскочило.

Универсальная Комбинация Физических Генераций — вот что такое УКОМФИГ. Своих кузнечиков Буров-Сакеев облучал рентгеном, токами высокой частоты, вращал в центрифуге, держал в магнитном поле, бомбил ультразвуком. Скажете, все уже было? Не торопитесь! В УКОМФИГе соль в том, что сочетается несочетаемое.

Впрочем, продолжим.

Через установку «Бурсак-1» было пропущено свыше тысячи зеленых кузнечиков. Трое при-

обрели невиданную прыгучесть — остальные бесславно погибли. Рекордистом оказался кузнечик, выловленный на заливных лугах под Костромой. Буров-Сакеев, ничего не скажешь, шутник, назвал его Бимоном в честь знаменитого негритянского прыгуна. Исторический прыжок зеленого Бимона на пятьдесят три метра семьдесят семь сантиметров на специально оборудованном полигоне близ деревни Елыкаево привел в изумление наблюдавших за экспериментом специалистов, включая знаменитого Джорджа Аткинса, гостя из далекой Австралии. «Фэнтэстик!» — так отреагировал доктор Аткинс.

Под результаты была подведена теория, которую кое-кто воспринял с ухмылкой: ничего не знаем, что за УКОМФИГ? И тут доктор Аткинс, путешествуя с супругой по Европе, остановился для заправки автомобиля в княжестве Лихтенштейн и между делом дал интервью местным репортерам. Прыжок кузнечика Бимона был им причислен к наиболее выдающимся событиям в современной биологии. Помощь подоспела кстати — скептики стали затихать.

А Буров-Сакеев подбрасывал угольку в топку. Дайте только срок — будет вам и молниеносное обучение школьников любому иностранному

языку, включая японский и суахили, и новая порода коров: две-три буренки заставят бесперебойно работать молочный завод средней мощности. И даже чудо-рыбы: сегодня малек, завтра — килограмма в два, не меньше. И все — УКОМФИГ. УКОМФИГ!

Еще студентом биофака я заболел методом Бурова-Сакеева. А когда добился распределения в его лабораторию, то пел и плясал от счастья.

К опытам на стандартных «Бурсаках» меня не допустили, а заслали в Елыкаево измерять прыгучесть обработанных кузнечиков, которых доставляли в опломбированном контейнере.

Честно сказать, мне скоро прискучило мотаться изо дня в день по полю с вешками и рулеткой. Немедленный переход на крупные объекты — вот что занимало мое воображение. Выбор пал на кроликов.

Ах, как трудно оказалось открыться Бурову-Сакееву в своих дерзких планах! Пропаганда грядущих достижений УКОМФИГа отнимала у него уйму времени. К тому же заседания разнообразных комиссий, подкомиссий и комитетов, научные командировки в сильно- и слаборазвитые страны: заполучить аудиенцию у профессора было практически невозможно. А его зам Фугасов

встал насмерть. «На наш век, дорогой, хватит и кузнечиков», — отвечал он каждый раз, когда я пробовал заикнуться о кроликах.

Но я не сдался. Мне удалось подкараулить Бурова-Сакеева после заседания Ученого совета в институтском буфете. В продолжение моего рассказа он с неимоверной скоростью поглощал сосиски, не забывая, однако, обмакивать их в горчицу. Выложиться я не успел — в буфет с криками ворвались два бородача в джинсовых костюмах, схватили Бурова-Сакеева и поволокли к выходу. Его увозили на телестудию: несмотря на жуткую занятость, Буров-Сакеев безотказно появлялся на голубом экране.

Профессора затолкнули в микроавтобус, ожидавший у подъезда. Казалось, все было кончено. Но когда машина, обдав меня черным выхлопом, резко взяла с места, Буров-Сакеев неожиданно распахнул дверцу и прокричал:

— Передайте Фугасову: я — за!

Семафор был открыт, и я, не жалея сил, принялся за монтаж «Бурсака» невиданных до сих пор размеров.

Я толком не знал, чего хочу добиться от кроликов, применяя к ним УКОМФИГ. Может, чтоб они, подобно кузнечикам, стали на редкость прыгучи-

ми. Или вырастить у них новую шерсть, длиной и шелковистостью — чистый мохер…

Три месяца непрерывных опытов не дали результатов: кролики дохли, не выдержав полной программы УКОМФИГА. Фугасов мурлыкал танго «Кумпарента» и таял от счастья, словно масло в июльский полдень, а я начинал терять надежду.

Однако кролик, за которого я принялся на прошлой неделе — я окрестил его Кузей — повел себя молодцом. Оставалось последнее — опыт на центрифуге. И надо же, такая досада: заснул! Проклятое реле!

Вой вращавшейся по инерции центрифуги, наконец, смолк. Я поднялся и дрожащими руками открыл дверь камеры. Смотрю — Кузя живой! Сидит себе в центрифуге, передними лапами прикрыл капустный кочан, от листочка отщипывает. Вот молодец! Вот спасибо! Протянул руку, хотел погладить. Но кролик издал странный звук, словно запела детская дудочка. Верхняя губа у него задралась, из-под нее выползли два желтоватых резца. Задними лапами он принялся выбивать о борт центрифуги дробь. Все чаще, чаще. И вдруг хвать за палец! Зубами! Отпрянув назад, я врезал-

ся затылком в угол магнитного генератора. Все поплыло, в глазах завертелись радужные обручи и в каждом — оскаленная кроличья морда.

Наощупь я выбрался из камеры. Зажмурился, снова открыл глаза — нет, непонятное видение не исчезло. Где-то далеко под порывом ветра с треском захлопнулось окно. И тут мое сознание неожиданно пронзила простая мысль — зачем? Зачем я все это делаю? Кроличьи морды в обручах разом исчезли, но то, что подспудно зрело во мне, сметая шаткие препоны, хлынуло наружу. Я выбежал в коридор и громко закричал:

— Идите все сюда! Слушайте!

Потом мне рассказывали, что, в сущности, произошло.

Из комнат повыскакивали сотрудники, меня окружили, а я во всеуслышание стал называть эксперименты над кроликами сплошной авантюрой: расчет был на авось — а вдруг? Терзаю, каялся я, ни в чем не повинных животных, все думаю на эффект наткнуться, чтобы моим именем назвали: «Эффект Кукушкина». А дальше пойдет-покатится: конгрессы с симпозиумами., ковровые дорожки, портреты, непременно портреты, и чтобы в профиль — в профиль я лучше получаюсь!

Я исповедовался до тех пор, пока в мое плечо не впилась чья-то железная рука. Блеснули стекла очков в квадратной оправе — Фугасов! Свободной рукой он с профессиональной ловкостью отвернул нижние веки моих глаз и, заглянув в них, прошептал:

— Ну что ж, все понятно!

— Может, позвонить ноль три? — произнес чей-то догадливый голос.

Но Фугасов уже подал знак — меня подхватили под руки и повели. Как оказалось, в мою комнату. Усадили в кресло оператора «Бурсака». Фугасов велел всем выйти, подошел к телефону и набрал номер. Он звонил Бурову-Сакееву, просил его немедленно прийти — произошло «че-пе», надо разобраться, принять меры. Остатками сознания я понял, что у профессора не было никакой охоты мчаться разбирать «че-пе». Но Фугасов был настойчив. Наконец он положил трубку и с нескрываемым торжеством объявил:

— Идет!..

— Что у вас тут происходит? — крикнул Буров-Сакеев еще с порога.

Я вскочил на ноги и протянул руку в направле-

нии «Бурсака»:

— Там! Там!

Фугасов попытался загородить дорогу, но профессор легко его отодвинул и скрылся в камере.

Через несколько секунд оттуда послышался крик, с лязгом распахнулась дверь, из камеры, шатаясь, выбрался Буров-Сакеев. Правая рука его с двумя выпрямленными пальцами — указательным и безымянным — была воздета, как у боярыни Морозовой на бессмертной картине Сурикова. Между пальцами — тоненькая струйка крови. Блуждающий взгляд профессора сошелся с фугасовским, и тут Буров-Сакеев с глухим рычанием бросился на своего зама, явно намереваясь схватить его за горло. Фугасов увернулся и выскочил из комнаты.

Тогда, обратившись ко мне — я вжался всем телом в спинку кресла — Буров-Сакеев приказал:

— Стенографистку! Живо! Пусть документально, по всей форме!

… Пройдут годы. Я состарюсь, выйду на пенсию. Буду придерживаться рационального режима питания. Регулярно следить за прогнозами погоды. Но никогда, — вы слышите, — никогда не выветрится из моей памяти то, что диктовал мой учитель.

— Записывайте, — вещал Буров-Сакеев несуществующей стенографистке, — Бимон был прыгуч от природы. Остальные — не я. Ей-богу, не я! Фугасов — его штуки! Прыгучих специально отбирает, процент завышен! В Сан-Ремо привязались с допросами — еле выкрутился.

Дальше пошло непонятное.

— Жена Лариса. С прежней было проще. Халатом от «Диора» по морде — это как прикажете понимать? А обувь? Покупаешь — руки дрожат. С размерами путаница…

Он умолк на полуслове С удивлением уставился на меня, пожевал губами. Дыхание стало ровным. Буров-Сакеев взглянул на часы, хлопнул себя ладонью по лбу и пробормотал:

— Черт возьми, у меня же прием делегации!

И выбежал из комнаты.

Некоторое время я находился в оцепенении. Потом бросил взгляд на камеру «Бурсака» — дверь была распахнута. Я заглянул внутрь, там было пусто. Кузя исчез.

Я обегал весь институт, спрашивал встречных, не попадался ли кому на глаза кролик. Меня вынесло к проходной.

— Дядя Вася! — закричал я в ухо вахтеру, тому самому Евстигнееву, которого видел во сне

председателем ученого собрания. — Тут случайно кролик не пробегал?

— Как же! Сию минуту! — с тихой радостью ответил вахтер. — Я ему: «Ты куда, серый?» А он — прыг через барьер!

Я выбежал на улицу. И сразу увидел Кузю. Кролик сидел на краю тротуара у пешеходного перехода. В светофоре горел красный свет. Я начал красться. Неожиданно Кузя обернулся и увидел меня. В тот же миг, сильно оттолкнувшись лапами, он распластался в воздухе и приземлился на проезжей части улицы. Прямо на него мчался автофургон с косой надписью «Мебель» на борту. Кузя снова взлетел вверх и опустился на крышу. Автофургон наддал и проскочил на желтый, увозя моего кролика.

Ночь я провел без сна. Сомнений не было — Кузя после обработки на «Бурсаке» стал феноменом. Один укус — и человек выплескивает то что глубоко погребено в тайниках его сознания. Правда, действие эффекта скоротечно, но тем не менее факт, научный факт… Стоп! А как трактовать профессорскую исповедь?.. Если УКОМФИГ — фугасовские штуки, то почему же Кузя? Или

УКОМФИГ тут не при чем?..

К утру стало ясно одно: главное — отыскать Кузю. Отправлюсь к профессору, выложу все. Он поймет. Сделает все возможное и невозможное. Город будет поднят на ноги. Будьте уверены — Кузю найдут!

— Да вы что? — удивилась секретарша, когда я наутро ворвался в приемную. — Он же сегодня улетает на конгресс в Мар-дель-Плата!

...Аэропорт! Последний шанс! Перехватить! Во что бы то ни стало!

Я поймал такси и объяснил шоферу, что будущее науки зависит от него.

Мы успели. Буквально перед нами к подъезду аэропорта подъехала черная «Волга». Из нее вышел Буров-Сакеев в сопровождении незнакомой девицы в голубом парике и изогнутых темных очках. Позади с профессорским чемоданом в руках плыл весело улыбающийся Фугасов.

— Пожалуй, назовем так: УКОМФИГ — программа на завтра, — провозгласил профессор, обращаясь к своей спутнице. — Ну как? Подходит?

— Гениально! — отозвалась девица, делая пометки в блокноте.

— А? А? Нравится? — наседал на нее Буров-Саке-

ев. — То-то! Во мне вообще погиб первоклассный журналист, а может быть, даже писатель!

— Нет, в самом деле гениально! Но как быть с текстом? Рука мастера!

— После Мар-дель-Плата все, что угодно, — пообещал профессор. — Го-то-о-ов на все! — пропел он неожиданно бархатным басом фразу из «Фауста».

Я забежал вперед и встал на ступенях подъезда с раскинутыми в стороны руками.

— Имею сообщение — исключительной важности! Только вам одному!

— Самолет, голубчик, лечу! — парировал мой выпад Буров-Сакеев. — Валяйте телексом — отель «Континенталь». Пламенный привет!

Он отсалютовал складным зонтом в черном чехле и вместе со спутниками скрылся за зеркальными дверями подъезда.

Оставалось одно — дождаться возвращения Бурова-Сакеева. И тут произошло неожиданное.

Спустя неделю, вернувшись с работы, я включил телевизор. Советник юстиции рассказывал с экрана о борьбе с нарушениями Уголовного кодекса в торговой сети нашего города. Через

десять минут я понял, что такие преступления скоро будут изжиты. Примета — участившиеся в последнее время явки с повинной.

Среди прочих историй советник рассказал о продавце из мебельного магазина № 15 по фамилии Трикин. Переполненный сознанием собственной вины, он прямо в магазине публично покаялся, что берет «в лапу» за дефицитную мебель.

В виске застучал молоточек догадки: Кузя — мебельный фургон — раскаявшийся продавец!

Не теряя времени, я поспешил в мебельный магазин № 15 на окраине города.

На выставленной мебели были разложены картонки с надписью «Продано». Продавцы в синих халатах с фирменными значками на лацканах философически рассматривали редких покупателей. Набравшись духу, я подошел к одному из продавцов — его лицо показалось мне добродушным.

— Если насчет «Клариссы», то не мечтайте. — сказал продавец, уставившись на плакат «Спасибо за покупку».

Я объяснил, что меня заинтересовал удивительный случай с Трикнным.

— Ничего удивительного, — обернулся он ко

мне. — Обыкновенный псих.

И рассказал, как все было.

В тот день Трикин помогал разгружать фургон с «Клариссами». Неожиданно он выскочил наружу, заметался по магазину и принялся кричать, что он жулик и регулярно обирает честных граждан.

— Потом, видим, начал затихать, — продолжал рассказ продавец. — Думали, обойдется. Только выходят тут из публики двое и так ласково говорят Трикину — поехали, гражданин, с нами, мы вам поможем во всем разобраться. Посадили в машину и увезли. И какая муха его укусила?

— Может, его и правда кто укусил? — осторожно поинтересовался я.

— Уж вы скажете. Палец он себе поранил, это верно. Когда в фургон лазил.

— Постойте! — воскликнул я. — А в тот день здесь не появлялся кролик? Такой серенький?

— Был кролик, — послышался позади меня чей-то голос. К нам подошел еще один продавец, видимо, заинтересовавшись беседой. — Его в том же фургоне привезли. На складах какой только живности нет. Бориска его утащил.

— Какой Бориска?

— Бориска? Сын нашей кассирши. Он как раз мальчишек привел за досками, в школе чего-то

мастерить — живой уголок, кажется…

Спустя полчаса я уже нервно вышагивал взад-вперед но пустынному коридору школы перед классом, в котором учился Боря Шмелев, сын кассирши. Главное я уже знал — это рассказала ею мать: Боря отнес кролика в школьный живой уголок.

Прозвенел звонок. В коридор высыпали школьники. Я подошел к первому попавшемуся мальчику и ж просил его показать мне Борю Шмелева.

— Это я, — ответил с удивлением мальчик.

Рука судьбы! Я поташил мальчика к окну и срывающимся от волнения голосом спросил, что с кроликом из мебельного магазина? Жив ли он?

— А вам зачем, дяденька?

Ответить я не успел. Перед нами выросла сухопарая учительница в очках.

— Вы, наверное, из газеты? Будете писать о нашем живом уголке? — затараторила она, радостно улыбаясь — Боря, сбегай за ключом.

Я не стал возражать — удача сама плыла мне в руки.

— Он у нас активный член биологического кружка, — продолжала учительница — Но не

забудьте отметить и нашего директора. Это он, он разрешил занять подсобку!

Вдвоем с Борей — учительница спешила на урок — мы спустились на первый этаж и подошли к комнате рядом с гардеробом. Боря отпер висячий замок, и мы вошли.

За металлической сеткой, среди сена, разбросанного по дощатому настилу, я разглядел в полумраке пару ежиков, свернувшегося спиралью ужа, черепаху и скачущую взад-вперед обезьянку. На полке сбоку тяжелой зеленью отсвечивали аквариумы. Боря дотянулся до выключателя, щелкнул, и тут я увидел в дальнем правом углу серый комок. Медленно поднялись и встали торчком длинные уши, раскрылся и блеснул розовый глаз. Сомнений не было — Кузя!

В сетку ткнулась обезьянка, зверек с дымчатой шерстью и белыми полукружьями около ушей. Обезьянка-игрунка, их еще называют уистити. Боря достал на кармана кусочек яблока и просунул сквозь сетку.

— Ее Сережка Соколов принес, — объяснил Боря. — Отец у него знаете кто? Капитан дальнего плавания. Он купил ее в Южной Америке, в городе Мар-дель-Плата…

Мар-дель-Плата! Передо мной возник аэропорт,

девица в голубом парике, улыбающийся Фугасов, мой незабвенный учитель: «Валяйте телексом — отель «Континенталь», пламенный привет!»

Глаза Кузи разгорались все ярче. И тут — а может, мне это показалось, потому что Боря не шелохнулся — тишину прорезал пронзительный звук детской дудочки.

— А кролик этот прямо в руки мне бросился там, в магазине, продолжал мальчик — Все как закричат: «Жаркое! Жаркое приехало!». Я его под куртку и бежать. Откуда он только взялся?.

— Что ж, у вас просто замечательный живой уголок, — сказал я. И неожиданно для самого себя добавил: — Ну, пошли?

Я не стал сочинять никаких басен, чтобы вновь завладеть Кузей. Просто попрощался и все. И на следующий день подал заявление об уходе.

Фугасов выразился так: «Крах авантюриста!» А мне было все равно.

А пока я устроился учителем биологии в школе. Нет, не в той, где в живом уголке нашел себе приют Кузя: моя — на другом конце города.

Все свободное время я просиживаю в библиотеке. Роюсь в литературе, анализирую дневниковые записи — ищу ответа на вопрос: что произошло в опыте с Кузей? Блуждаю в потемках. Пока не

нащупаю хотя бы ниточку, к научной работе я не вернусь — я так решил! Но когда читальный зал пустеет, лампы на столах гаснут, и, взяв у сонной гардеробщицы плащ, я выхожу на улицу, под дождь, порой подступает такая тоска, что во рту становится сухо. Неужели я был в миллиметре от величайшего открытия — от эффекта, который принес бы мне имя и славу, и просто-напросто свалял дурака?.. И мама, открыв мне дверь, спрашивает: «У тебя неприятности?»

Никаких неприятностей. Все, как надо. Только очень трудно понять самое главное.

Утром еду в ту самую школу. Вхожу в живой уголок. Кузя теперь совсем меня не боится. Я глажу его, щекочу за ушами, а Кузя тычется мне в ладони мокрым носом…

№ 6

Борис Штерн

Сумасшедший король

Борис ШТЕРН

Сумасшедший король

Я разрешаю «Шахматному журналу» опубликовать эти записи только после моей смерти.

Я запрещаю сопровождать первую публикацию предисловием, послесловием или комментарием редакции, а также вносить в рукопись какие бы то ни было изменения. Я решил объяснить всему миру мотивы собственных поступков и не хочу быть неверно понятым из-за мании редактора правильно расставлять запятые.

Имя автора должно быть напечатано так: «Джек Роберт Гиппенрейтер, экс-чемпион мира по шахматам».

Мой отец, великий ученый и изобретатель Роберт Гиппенрейтер, был глубоко верующим человеком — он верил в роботов.

«Когда человечество изобретет одушевленную машину…» — начинал он и принимался перечислять блага, какие последуют с появлением на Земле роботов.

Кстати, отец немного скромничал. Под словами «человечество изобретет» следовало понимать «я изобрету».

Свою мать я совсем не помню. По рассказам отца, у нее была разлажена нервная система, и даже приветствие, произнесенное «не тем тоном», вызывало у нее приступ истерики. Она всегда хотела больше, чем у нее было, и не кончила в сумасшедшем доме только потому, что скончалась до того.

Трудно было определить, что делал мой отец, но он, несомненно, что-то делал. Однажды его пригласили в какую-то фирму для выполнения секретного заказа, но вскоре он разругался там с какими-то имевшими влияние людишками. Впрочем, теперь я понимаю, что именно хотел создать мой отец; им же нужно было совсем другое.

Я мог бы рассказать, что я вытворял в юности, но это не имеет значения. Учиться я не хотел, думать не умел, работать не мог и, чтобы избавиться от своей всепоглощающей застенчивости, ввязывался во всякие глупые истории. Я был никем, я физически не мог стать кем-то. Меня вечно куда-то несло, но путешественником я тоже не был. Осенью я шел через всю страну на юг, туда, где зима помягче; весной возвращался.

Отец ничего не замечал и занимался своими делами, но однажды я застал его ничего не делав-

шим и сильно постаревшим. Он с нетерпением ожидал меня. Оказывается, он достиг цели своей жизни и создал механический разум.

— Сколько ты получишь за свою механику? — спросил я.

— Это не механика… — смутился отец. — Я и сам плохо понимаю, что и как там действует. Я смоделировал мозг человека, но не хочу его никому продавать. Ведь его можно запрограммировать на все что угодно, и если о нем пронюхает правительство… Нет, патент я не возьму. Я оставлю его тебе и запрограммирую…

— На добывание денег! — подсказал я.

— Помолчи! Я дам тебе жизнь, наполненную событиями, уважение грамотных людей, бессмертное имя. Я все придумал гениально! Ты умеешь играть в шахматы?

— В руки не брал. При чем тут шахматы? — удивился я.

— Научишься! Ты станешь чемпионом мира по шахматам — и я буду гордиться!

Так вот, длинных диалогов и отступлений больше не будет. Этим диалогом я хотел еще раз дать возможность моему отцу наговориться всласть о своем изобретении, а самому еще раз услышать его голос. Он умер через полгода, когда я… Но

— по порядку.

Это была первоклассная авантюра, и я впервые в жизни увлекся. На последние деньги мы заказали у ювелира фигурку шахматного короля из слоновой кости и с крохотным бриллиантом вместо короны. Получилась очень симпатичная вещица, и в нее отец вставил свою механику — бесформенный комочек непонятно чего, который мог рассчитывать огромное множество шахматных вариантов и, что самое главное, способен был алогично мыслить и принимать интуитивные решения в головоломных позициях. Возьмись против него играть второй такой же комочек, они тут же угробили бы саму идею игры — они бы, не начиная, согласились на ничью. Короля я носил на шее, как амулет; оттуда он все чудесно видел и через крохотный приемник, который я вставлял в ухо, сообщал мне нужные ходы.

Наконец мы сели учиться играть.

— «E2—e4». — сказал король.

— Объясни сначала, кто как ходит! — попросил я.

Король удивился и стал учить с самого начала. Во всех играх есть много общего: игровая логика «я так, он так»… К чему я это пишу? В общем, я был картежник со стажем и быстро все понял.

Вскоре королю надоело меня учить, и мы отправились в шахматный клуб. Первое испытание мне хорошо запомнилось. В накуренном зале было полно народу, на многих досках играли на деньги. Какой-то человечек с внимательным взглядом безразлично подпирал дверь и, увидев меня, предложил сыграть. Сразу нашелся свободный столик, и, когда я расстегнул пиджак, мой партнер уставился на короля.

— Забавная штучка, — похвалил он. — Вы, наверное, сильный игрок!

Он был похож на карточного шулера. Потом уже, приглядевшись ко всей этой шахматной шайке, я понял, что они мало чем отличаются от картежников — приемчики все те же.

Итак, поглазев на мой бриллиант, он, наконец, вошел в роль и ласково сказал:

— В клубе я вас вижу впервые, но по тому, как вы поставили короля и ферзя, заключаю, что вы еще новичок. Предупреждаю честно: здесь играют только на ставку. Если вы пришли учиться — я к вашим услугам, но за это придется платить.

Это один из честных приемов. Он ставит новичка в неудобное положение: или плати, если не умеешь играть, или играй на ставку, если считаешь, что умеешь.

— Я умею играть, — сказал я.

— Тогда положите под доску… — ответил он и показал мне пять пальцев.

Я положил под доску пять монет и взглянул на него, приглашая сделать то же самое, но он только ухмыльнулся.

Король разозлился не меньше моего — характер у него был неровный. «Сейчас я ему покажу! — рявкнул он мне в ухо. — Ходи h2—h4». И я сделал первый ход. Партнер, ухмыляясь, вывел королевскую пешку. «A2—a4», — шепнул король.

Шулеру будто наплевали в душу — была оскорблена игра! Он забыл про свои доходы (а первую партию по всем законам он собирался проиграть) и сказал:

— Ты сюда больше носа не сунешь! Господа! Новые веяния в теории дебюта!

Свободные от работы господа лениво подошли и начали надо мной иронизировать, а я продолжал по советам короля передвигать фигуры. Вскоре Король замурлыкал какой-то мотивчик, и все притихли. («Король» я буду писать с заглавной буквы, потому что это его имя.) Потом они зашумели. Какие-то рукава полезли на доску и стали водить по ней пальцами, а мой шулер поднял руки и плаксиво закричал:

— Верните позицию, господа, верните позицию!

Ему вернули позицию, и после мучительных раздумий он откашлялся и спросил:

— Вы… вы отдаете ферзя!

В тот день я ничего не понимал, но потом Король повторил для меня эту партию. Он действовал нагло, выводя крайние пешки, и серьезному турнирному мастеру мог и проиграть; но мой шулер был взвинчен и попался в ловушку. Брать ферзя не следовало из-за форсированного варианта с тремя жертвами. Мат он получил пешкой.

Определенно, мой шулер был честным человеком и уважал свою работу. Я думаю, на мастера он не тянул, но играл достаточно хорошо, чтобы каждый день обедать в этом городе, где отцы семейств дохнут от скуки, а в карты играть боятся.

Пять монет он мне все же не отдал, зато извинился и привел директора клуба, местного гроссмейстера (его имя вам ничего не скажет). Директор решил сыграть со мной без свидетелей в своем кабинете, и вскоре смешал фигуры и промямлил:

— Да, я вижу… у вас талант. Но вы как-то странно начинаете партию… Вам следует подогнать теорию дебютов. Запишитесь в наш клуб, послу-

шайте мои лекции…

Король, оказывается, уже знал непечатные слова и одним из них поделился со мной.

— Конкретней, маэстро, — перебил я. — Что нужно делать, чтобы сыграть с чемпионом мира?

— Вы не понимаете, что говорите! — вскричал маэстро. — На каждом уровне есть квалификационные турниры, и их надо пройти.

И он стал твердить про какой-то коэффициент, который высчитывается из выигрышей, проигрышей, турниров, в каких ты участвовал и не участвовал, из квалификации соперников и прочей ерунды, и вообще он пугался в словах, не зная, как говорить с талантом.

— Ни один гроссмейстер не согласится с вами играть!.. — вот чем он кончил.

— Но ведь вы-то согласились?

Он разъярился; мы опять расставили шахматы, и на двадцатом ходу я, начиная матовую атаку, сказал:

— Кстати, мне понадобится тренер…

— Хорошо, — ответил он, сбрасывая фигуры. — У меня еще остались кой-какие связи, и я могу вам кое-что посоветовать.

Мы поехали в столичный шахматный клуб, и

он представил меня как провинциала с задатками, которого он сейчас готовит к открытому чемпионату страны. Это здорово понравилось неиграющим старичкам, зато молодые гроссмейстеры подняли меня и тренера на смех. Тогда я предложил дать им одновременный сеанс на тридцати досках, чтобы их всех скопом зачли в тот самый коэффициент. От обиды они пошли на все. Король был в ударе, и после сеанса президент шахматной федерации (не называю имен) сказал, что всему миру надоело видеть на троне исключительно русских чемпионов, и похлопал меня по плечу.

Мне разрешили играть на чемпионате. Во время турнира пришла телеграмма от отца, я все бросил и уехал, но в живых его не застал. На похороны сбежалось много народу, чтобы поглазеть на меня. Король плакал. Я впервые подумал, что у нас с ним один отец…

Я стал чемпионом страны, хоть и пропустил четыре тура. Но на межзональном турнире на меня поначалу не обратили внимания. Мне было все равно. Я уже понимал, что ввязался в очередную глупую историю. Шахматисты ничем не отличались от простых смертных, к тому же они были вспыльчивы, подозрительны и терпеть не

могли чужого успеха. Узнай мою тайну, они бы меня разорвали!

У Короля на этом турнире стал портиться характер. То, что у него оказался характер, удивляло даже отца, но, как видно, это свойство — характер — присуще всякому настоящему разуму. Король любил иронизировать над соперником, и многие возненавидели меня за похохатывание во время игры. Он был горяч, остроумен, и вскоре у него появились нешахматные интересы. Отчасти я сам был виноват. Однажды я читал перед сном и оставил книгу открытой. Король никогда не спал, утром он попросил перевернуть страницу — это была сказка Андерсена «Голый король» — и дочитал ее до конца. Потом он, смущаясь, попросил сшить ему какой-нибудь чехольчик, и я с трудом убедил его, что шахматному королю не нужны одежды.

С той поры им овладела страсть к чтению биографий своих коллег — Бурбонов, Стюартов, Габсбургов; и он злился, когда не было новых книг. Однажды, после очередного хода соперника, я не услышал его ехидного замечания и поковырял а ухе, думая, что отказал приемник. Партнер злобно глядел на мое ковыряние — о моем некорректном поведении уже ходили

анекдоты. Я смотрел на доску, пытаясь что-то сообразить, но бесполезно. Впервые я так долго думал. Вдруг я остановил часы и убежал за сцену, вызвав полный переполох — ведь до победы мне оставалось сделать несколько вполне очевидных ходов. Тренер за кулисами сунулся было ко мне, но я затопал ногами и прогнал его.

Король очнулся только в гостинице.

— Где ты был? — нервно осведомился я. — Мы проиграли!

— Не мы, а ты проиграл, — уточнил он. — Разок полезно и проиграть. Я вот о чем думаю… одному Бурбону нагадали, что его отравит таинственный король бубен. Это кто такой?

— Это ерунда, — объяснил я. — Книг о королях больше не будет.

— Тогда принеси мне шахматные книги, — невозмутимо ответил он.

— Зачем?

— Чтобы пополнить образование.

Против образования я не мог возразить, и утренним самолетом нам доставили целую библиотеку шахматных книг и журналов. Этим же самолетом прибыл обеспокоенный моим проигрышем президент шахматной федерации. Он вызвался быть моим тренером, опекуном, отцом

родным. Я не знал, как от него отделаться, и со мной вдруг началась истерика. Он побежал от меня в коридор, там шныряли репортеры со своими пулеметами — и в газетах появились фоторепортажи о том, как я бил своего президента.

Я закрылся в комнате и весь день ублажал Короля, листая ему шахматные книги. Не надо было этого делать! Я не обратил внимания, что многие авторы пишут не шахматные статьи, а сводки с фронтов. Короля потрясли перлы, вроде такого: «Невзирая на близость противника, король перебросил кавалерию во вражеский тыл и продолжал развивать прорыв на ферзевом фланге».

Через месяц Король потерял все свое остроумие, сентиментальной задумчивости как не бывало, и утром он орал: «Подъем! По порядку номеров р-рассчитайсь! На принятие пищи ша-агом марш!»

Я подстроился под режим военной казармы, ибо мне тогда это было на руку, а Король взялся за шахматы со всей ответственностью солдафона. Игра его поскучнела, исчезли жертвы и быстрые комбинации, зато все внимание он уделил стратегии. Матч с одним из претендентов превратился в нудное маневрирование с обязательным откладыванием каждой партии. Мой соперник, человек в летах, уставший от всей этой черно-бе-

лой жизни, совсем не ожидал такого поворота. Перед матчем он бахвалился, что мои некорректные жертвы и комбинации против него не пройдут, — но жертв с моей стороны не было.

В первой же партии Король воздвиг такую оборону, что мой соперник вскоре предложил ничью. Я отказался, и Король выиграл эту партию через два дня вариантом в 96 ходов. Матч закончился досрочно, потому что мой партнер заболел тяжелой формой невроза. Потом он говорил в интервью, что я гипнотизировал его за доской.

Однажды Королю попалась книга из истории шахмат, и он впервые увидел фигурки королей, выполненные древними мастерами. Его загрызла черная зависть. Мне пришлось пойти к ювелиру, и Король заказал себе огромного золотого жеребца со сбруей. На бриллиант ему прицепили придуманную им корону, похожую на шапку-ушанку Третьяковского (чемпиона мира он увидел в кинохронике). В одной руке Король держал то ли скипетр, то ли пюпитр, а в другой палку с ленточками, похожую на ту штуку, с которой ходят военные оркестры. Всю эту тяжесть я таскал на себе и терпел издевательства тонких ценителей искусства, чтоб их черт побрал! Впрочем, над нашим жеребцом вскоре перестали

насмехаться — подоспели новые скандалы.

Третьяковский предложил играть матч в какой-нибудь нейтральной столице с умеренным климатом. Мы уже выбрали Токио, как вдруг Король объявил, что будет играть в Бородино и нигде более. Он, видите ли, собирается взять у Третьяковского реванш за поражение императора Наполеона. Я бросился к энциклопедии — Бородино оказалось небольшой деревней под Москвой.

— Слушай, Наполеон! — взбунтовался я. — Меня засмеют! На это не пойдет ни ФИДЕ, ни Третьяковский!

— Ма-алчать! Выполняй приказание! — завопил Король.

— Ваше величество! — забормотал я. — Ваше приказание невыполнимо. Бородино уже нету… на его месте разлилось Черное море! Вам будет интересно в Японии… самураи, харакири, Фудзияма…

— Тогда будем играть в Каннах, — пробурчал Король. — Я хочу одержать победу в том месте, где одержал ее Ганнибал.

Так появилась глупая телеграмма, чуть было не сорвавшая матч. Я ничего не соображал, отсылая ее в Москву. Вскоре пришел ответ. Третьяковский

просил подтвердить, посылал ли я телеграмму о Каннах и Ганнибале или это чья-то мистификация? В Италии на месте древних Канн стоит какой-то далекий от шахматных дел городок. Если же я имел в виду французские Канны, то почему бы нам не сыграть в Париже?

Наконец я догадался, как провести Короля. Я дал телеграмму «Согласен Париж» и сказал Королю:

— Ваше желание удовлетворено. Вы будете сражаться в Каннах, но они называются сейчас Парижем. Их переименовал сам Ганнибал после победы над… над…

— Теренцием Варроном. — небрежно бросил Король.

Я ужаснулся! Его бредни зашли чересчур далеко. На каждый его приказ я должен был отвечать: «Слушаюсь, ваше величество!», и партнеры жаловались, что я всю игру что-то бормочу. Он не разрешал мне подниматься из-за столика во время многочасовой партии, а однажды повелел вырыть окопы на ферзевом фланге.

Наконец я кое-что придумал. Если я испортил ему программу историческими бреднями, то, пожалуй, мог бы нейтрализовать эти бредни другими. Однажды удобный случай представился. Он делал смотр своим войскам и сказал мне:

«Кстати, вчера за боевые заслуги я присвоил вам звание фельдмаршала».

— Ваше величество, я не могу принять это звание, — ответил я. (Быть фельдмаршалом не входило в мои планы, я метил выше.)

— Почему? — удивился Король.

— Верите ли вы в бога, ваше величество?

— Кто такой бог, и почему в него нужно верить? — заинтересовался Король. — Не правда ли, хорошо шагают ребята?

Я покосился на шахматную доску, где каждое утро расставлял ему войска. Ребята шли отлично.

— Я принес вам одну интересную книгу о царях, королях, фараонах… В ней вы и познакомитесь с этой таинственной личностью, — ответил я и вытащил на свет божий библию.

— Всем благодарность! — завопил Король, поспешно распуская войска. — Отличившимся офицерам увольнение до вечера!

Полдня я листал библию, и Король прочитал ее в один присест.

— Что за неизвестная величина, этот бог? — задумался он. — Он может все… это странно. Очень сомнительно, чтобы он выиграл у меня в шахматы. Если хорошенько поразмыслить…

Тут я понял, что если дам ему поразмыслить, то он в своем богоискательстве дойдет до воинствующего атеизма. Это мне было бы не на руку.

— Несчастный! — рявкнул я, подделываясь под божьи интонации. — Ты усомнился, смогу ли я выиграть у тебя в шахматы?!

— О господи! — перетрусил Король. — Неужто в самом деле ты?!

— Как стоишь, подлец, перед богом! — взревел я, щелчком сбросил его с жеребца, содрал корону и отнял музыкальный знак. — Сидеть тебе в темной могиле до судного дня, а там поговорим!

Я засунул его в какую-то коробку, промариновал там целую неделю и, наконец, волнуясь, вытащил.

— Смилуйся! — загнусавил он. — Уйду в пустыню, дни и ночи буду молиться….

— Молчать! — рявкнул я. (Мне только не хватало заполучить на свою голову религиозного фанатика.) — Бога нет — я за него! Бог велел передать, запомни: книг не читай, никем не командуй, а занимайся своим делом — играй в шахматы.

Итак, от божьего имени я внушил ему быть самим собой и никаким психозам не поддаваться. К нему вернулась прежняя веселость, но, просмот-

рев последние партии, Король загрустил:

— Вариант в 96 ходов потрясает воображение, но не делает мне чести. Эта партия напоминает тягучее течение реки, отравленной ядохимикатами. Что можно выловить в этой реке, кроме вздутого трупа коровы? Кому нужны комбинации в 96 ходов? Кому нужны шахматы, отравленные механическим разумом?

Мне показалось странным, что Король с таким пренебрежением заговорил о механическом разуме. Не возомнил ли он себя человеком? Я осторожно напомнил ему о шахматных машинах, и он воскликнул:

— Машина и шахматы — что может быть глупее! Эти машины оценивают позицию в условных единицах, но нельзя заставить их оценивать позицию нюхом. Любой ребенок с фантазией обставит машину.

— Но когда появятся машины с настоящим разумом....

— Настоящий разум нельзя ни на что запрограммировать, — ответил Король. — Когда настоящий разум поймет, что он сидит в какой-то машине, в каком-то ящике, он сойдет с ума.

Итак, он мнил себя человеком и, ничего не подозревая, прорицал собственную судьбу. Я

положил его в коробку, и он пожелал мне спокойной ночи. Вскоре я окликнул его, но он молчал. Он спал. Человек ночью должен спать. Мне стало жутко. Я не должен показывать, что считаю его кем-то другим, а не человеком. Мне это было не трудно, я всегда относился к Королю, как к брату.

Весь месяц до начала матча я нигде не показывался, чтобы не тревожить Короля. Меня все ненавидели. Японцы ненавидели меня за то, что я отказался играть в Токио, французы за то, что я перепутал Париж с Каннами; русские за мое некорректное поведение. Те, кто не знал, за что меня ненавидеть, ненавидели меня за то, что никому не было известно, где я нахожусь. Сотни писем приходили на адрес шахматной федерации. Два-три письма, в которых не было ругани, переправили мне. Одно письмо, похожее на любовную записку, меня удивило:

«Дочь мистера Н. (называлась известная фамилия династии банкиров) хотела бы брать у вас уроки шахматной игры в любом удобном для вас месте и в любое удобное для вас время».

Я ответил ей и две недели обучал ее шахматной игре, — кстати, это одна из причин того, что я не появлялся. В Париж я приехал за несколько часов до открытия матча, и мой поздний приезд был

воспринят, как оскорбление. Но мои заботы были поважнее соблюдения шахматного этикета — с Королем опять что-то стряслось.

Его потрясло появление в нашем доме мисс Н. Он спросил, кто она такая? Я ответил, что это машина для ведения хозяйства. Тогда он спросил, почему у меня есть такая машина, а у него нет? И почему он вечно висит у меня на груди, а я ни на ком не вишу? Я путанно объяснил, что он и я — мы и есть один человек, симбиоз, неразрывное целое… Король поверил и вскоре поделился нашими планами: мы устали от шахмат и, когда станем чемпионами мира, удалимся на покой и заведем много прелестных машинок для ведения хозяйства.

Я тут же запретил мисс Н. приходить ко мне, и Король начал ее забывать. Я не мог предвидеть, что на церемонии открытия президент ФИДЕ ляпнет словечко, из-за которого Король окончательно свихнется. Из-за того, что русские все время торчат на шахматном троне, в моду давно вошло называть королеву по-ихнему — «ферзь». Иного имени Король и не слыхал. Но когда мы стояли с Третьяковским у столика, президент, зажав в кулаках две фигуры и обращаясь ко мне, спросил по-старинке:

— Итак, в какой руке белая королева?

— Что он сказал?! Королева?! — завопил Король.

Президент разжал кулак, и Король влюбился в белую фигурку королевы с первого взгляда. Всю ночь я пытался настроить его на игру, но он что-то бормотал и думать не хотел о шахматах. Наконец я убедил его, что только за шахматным столиком он сможет видеться со своей возлюбленной.

Мы опоздали на несколько минут. Третьяковский ходил по сцене, а в зале раздавались негодующие выкрики на мой счет. Я сделал первый ход и ушел за кулисы поесть и привести себя в порядок. Никакого психологического давления я на Третьяковского не оказывал, а если его нервировали мои «непредсказуемые поступки», то пусть обратится к психиатру.

Первую партию Король блестяще продул. Он пытался выиграть, не вводя в игру королеву. Оказывается, он боялся за ее жизнь. Это была авантюрная атака в каком-то тут же придуманном им дебюте, и ровно через час все закончилось. Довольный Третьяковский, пожимая мне руку, удивленно сказал:

— Интереснейший дебют, коллега! Его надо назвать вашим именем! Но почему на десятом

ходу вы не вывели ферзя?

Почему я не вывел ферзя! Если бы я знал, что его нужно выводить!

Вторую партию Король наотрез отказался играть против своей королевы. Я не явился, и мне засчитали поражение. Перед третьей партией я попросил главного судью заменить фигурку белого ферзя. Король не нашел на доске своей возлюбленной и упал в обморок, а я сдался через полчаса. Тогда я попросил вернуть ферзя и отказался играть, когда выяснилось, что ФИДЕ уже продала эту фигурку какому-то коллекционеру-шейху с Ближнего Востока.

Вокруг творилось нечто неописуемое. Раздавались призывы закрыть матч и оставить звание чемпиона за Третьяковским. Какие-то недоросли объявили меня то ли вождем, то ли кумиром и завели моду ходить в набедренных повязках, вытатуировав на ягодицах мой портрет.

Шейх не хотел отдавать фигурку. На Ближний Восток помчался государственный секретарь, но шейх все равно не хотел отдавать. Мне засчитали еще два поражения. При счете ноль — семь я предложил шейху три миллиона — весь денежный приз, причитающийся мне после матча. Шейх согласился, но деньги потребовал вперед. Газеты

перестали обвинять меня в стяжательстве, но предположили, что я не в своем уме. По просьбе Третьяковского ФИДЕ перестала засчитывать мне поражения и ожидала, чем закончатся переговоры с шейхом. Я не знал, где взять три миллиона. Президент потребовал у конгресса три миллиона на мои личные нужды, но конгресс заявил, что он — конгресс, а не благотворительное заведение. Президент потребовал три миллиона на нужды шейха, но конгресс ответил, что на шейха не распространяется принцип наибольшего благоприятствования. Я собирался выброситься из окна, когда в Париж с тремя миллионами примчалась мисс Н. Она взяла их из папашиного сейфа, и на следующий день папаша Н. ее проклял.

Мы опять сели за доску. Исстрадавшийся Король устал от буйного выражения своих чувств, любовь его к королеве ушла вглубь, и он занялся шахматами. Его ущербный шахматный разум создавал удивительные позиции. За белых он очень неохотно играл королевой и предпочитал держать ее в тылу. Партии продолжались долго, с бесконечным маневрированием, и когда Третьяковский предлагал ничью, я тут же соглашался — ничьи в счет не шли. Но черными игра у Короля удавалась на славу! Каждый ход,

каждое движение фигур были направлены на белого короля, которого он ревновал к королеве. Он изобретал умопомрачительные позиции, не описанные ни в каких учебниках. Седой как лунь Третьяковский подолгу задумывался, часто попадал в цейтнот и проигрывал. Я одержал десятую, решающую победу и выиграл матч со счетом десять — семь.

Я стоял на сцене, увенчанный лавровым венком, и думал…

…Я один знаю, о чем он думал, стоя на сцене с лавровым венком. Ему не давала покоя какая-то его совесть — что это такое, я плохо понимаю. Он решил «уйти на покой» — так он выразился.

— Ты уйдешь, а что же будет со мной? — спросил я.

Тогда он нашел какого-то хирурга и предложил мне переселиться из тесной шахматной фигурки сюда… Здесь просторно, я смотрю на мир его глазами и пишу эти строки его рукой.

Жизнью я доволен, никакой тоски. Правда, то и дело отключаются разные центры в обоих полушариях, но я жду, когда придет отец, чтобы отремонтировать меня — он в этих делах

разбирается. Недавно явилась какая-то мисс Н. и попросила обучить ее шахматной игре. Я ей сказал: да, мисс, вы попали по адресу. Я и есть машина, обучающая игре в шахматы. В ответ она заплакала и стала уверять, что я не машина.

Женщины очень надоедливы.

Меня волнует только один вопрос: кто по праву должен называться чемпионом мира — я или покойный Джек Гиппенрейтер? Есть ли закон, запрещающий механическому разуму играть в шахматы? Такого закона нет! Механический разум, совсем как человек, страдает, влюбляется, сходит с ума. Механический разум должен обладать всеми правами человека. Его нельзя держать в ящике! Тогда уж лучше его не изобретать.

Поэтому я официально заявляю, что чемпионами мира с 1993 по 1995 г. были двое в одном лице: Джек Роберт Гиппенрейтер и я, его брат, первый одушевленный робот по имени Король.

Джек Гиппенрейтер, будь он жив, согласился бы подписать это заявление. С него полностью снимается вина за скандалы во время матча.

Это заявление должно быть опубликовано в «Шахматном журнале» на первой странице. Разрешаю украсить ее виньетками.

Справедливость восстановлена, и у меня на

душе спокойно.

№ 7

Михаил Пухов

Цейтнот

Мы познакомились в порту. Рейс задерживался, детектив я забыл дома и скучал. Публика была обычная — человек двадцать туристов, их сопровождающий и толпа командированных вроде меня. Поговорить не с кем, послушать некого. И

вдруг в зале появился совсем другой человек.

Опытный взгляд различает таких сразу. Он был разведчик дальнего космоса или что-нибудь в этом роде.

Его пояс оттягивала огромная желтая кобура. На лице, покрытом неровным космическим загаром, красовался большой белый шрам в виде ущербной луны. При ходьбе владелец шрама прихрамывал на левую ногу. Словом, истинный ас, битком набитый разными байками и нуждающийся во внимательном слушателе.

Он взял в автомате кофе и сел за мой столик. В разговоре важен дебют. Правильным первым вопросом., вы разрешаете собеседнику выкладывать любые небылицы о его похождениях. Все зависит от вас.

Я спросил:

— Откуда у вас такой замечательный шрам?

— Хоккей, — объяснил он. По его галактическому загару стекали узкие струйки пота. — В юности я увлекался хоккеем.

— Стояли в воротах?

— Сидел на трибуне. — Он тронул белый шрам пальцем. — Ничто его не берет. Хоть гримом замазывай. Сорок дней загорал на море — все без толку.

Оставалось ждать, что он еще скажет.

— На море мне не понравилось, — сообщил он. — Камни острые, скользкие. Вчера полез купаться, упал, ушиб ногу.

Он осторожно пощупал левое колено.

— До сих пор болит. И жара там, на море. Почти как здесь.

Он расстегнул свою огромную кобуру. Порывшись в ней, извлек мятый платок и вытер лицо.

Многих на моем месте это смутило бы окончательно. Но я не из тех, кто отступает.

— Вы разведчик дальнего космоса? — спросил я.

— Да.

— А где вы потеряли пистолет?

— О, это длинная история. Вы видели когда-нибудь разведочный звездолет?

— Много раз, по телевизору. Это здоровенный корабль, больше любого другого. Но я никогда не видел, как он садится на космодром вроде этого.

Прикинуться простаком выгоднее — рассказчики любят простаков.

— Наши звездолеты перемешаются только в гиперпространстве, — объяснил он. — Для контакта с космическими объектами корабль оснащен небольшими ракетами — десантными зондами.

Я пилот такого зонда.

— Вероятно, вы-то и делаете все дело?

— Очень редко, — усмехнулся он. — Обычная работа — осмотр планет. Десантники при этом отдыхают. Съемка занимает часа полтора, потом мы летим дальше. Задержки бывают редко. В сезоне, о котором я хочу рассказать, их не было вообще. Мы работали в одном шаровом скоплении. Самая плохая работа. Звезды похожи, да и планеты. Жизнь не встречалась нигде.

— Почему?

Он усмехнулся.

— Спросите биологов. В звездных скоплениях слишком светлые ночи, суточные ритмы ослаблены. А жизнь основана на контрастах. Так говорят. Да. Ну, а потом мы наткнулись на звездолет Пятой культуры.

— Сразу пятой? — спросил я. Он кивнул, не заметив иронии.

— Сначала мы решили, что это астероид. Больно уж он был велик — шар диаметром километров десять. Но шар. Это был корабль одной из исчезнувших цивилизаций — Пятой галактической культуры, брошенный экипажем миллионы лет назад. Собственно, мы в него чуть не врезались.

Он замолчал, и я спросил:

— А почему команда ушла с корабля?

— Не знаю. Возможно, она никуда и не уходила. Через миллионы лет строить догадки глупо. Мы начали готовиться к высадке. Никто нас не заставлял. Мы разведчики. Мы нашли корабль. Остальное не наше дело. Но смешно, если бы мы сразу ушли. Продолжать съемку планет? Дико было бы.

Вскоре мы, десантники, уже шагали к своим суденышкам. Настроение приподнятое, как на Олимпиаде. Это своего рода спорт — кто первым проникнет в корабль. В звездолетах Пятой культуры несколько входных тамбуров, но корабль велик. Многие тысячи гектаров полированного металла, и где-то затерян вход. Ориентиров нет. На каждого из нас приходилась площадь побольше этого космодрома. Вот и ищи. Мы разошлись по ангарам и стартовали.

Я остался одни на один с космосом. Силуэт нашего звездолета сжимался за кормой зонда, открывая звезды. Незабываемое небо той галактики.

— Это естественно, — вставил я.

— Почему?

— Будь оно другим, вы бы о нем не помнили.

— Вы правы, — сказал он невозмутимо. — Оно

именно такое. Даже не скажешь, что оно черное, так много звезд. Кругом звезды. И все крупные, яркие. Не небо — застывший фейерверк. И только тень нашего корабля сжимается за кормой, да впереди вспухает пятно. Черное, круглое. Это я приближаюсь к чужому. Моих товарищей, конечно, не видно. Нет их. Полное одиночество.

А пятно надвигается. Медленно, конечно. Скорость небольшая, самолетная. Ощущение, будто все застыло, да и время почти стоит.

Но потом оно опять появилось. На последних километрах. Чужой корабль закрывает полнеба, зонд тормозит — то ли посадка, то ли швартовка. И все.

И я уже стою рядом с зондом в центре плоской равнины. Корабль-то круглый, но большой. Такой, что выпуклость не ощущается. Стоишь на плоской равнине, до горизонта метров сто или двести. И над головой звезды. Под ногами тоже звезды, только размытые. В обшивке отражаются, а она матовая, металл немного изъеден.

Когда видишь это, понимаешь, что время состоит из событий. Каждое пятнышко на обшивке — это след столкновения с пылинкой. Происходят такие встречи, скажем, раз в минуту. А сколько минут в миллионе лет? Столько, что обшивка

сплошь матовой стала. Я стою, размышляю об этом, и нужно куда-то идти. И немного жутко. Старый звездолет похож на замок с призраками. Страшные истории рассказывают об этих кораблях.

— Что вы имеете в виду? — прервал я его. — Звездолет был мертв, вы сами об этом сказали.

Он тронул пальцем шрам на лице.

— Нет. Жизнь всегда остается. Такой звездолет — это целая искусственная планета. Своя атмосфера, своя флора, своя фауна. Там живут не только микробы. Центр корабля занят оранжереями. Но это не заповедник прошлого. Жизнь на покинутых кораблях миллионы лет развивается без помех. Эволюция идет зигзагами, плодит чудовищ. Так говорят. Кстати, не будь этого, наша находка не представляла бы интереса.

— Почему?

— Кораблей Пятой культуры найдено много. Они почти одинаковы. Но эволюция на каждом из них шла по-своему — клад для биологов! Я стоял на поверхности корабля и не мог сообразить, где искать вход. И пошел наугад, и мне повезло.

— На вас напали чудовища?

— Нет. Просто я посадил зонд в нужное место. Я сделал всего несколько шагов, и металл подо

мною задрожал. Ускорения не ощущалось, но звезды исчезли, стало темно и огни зонда тоже скрылись из виду.

Потом вспыхнул свет. С трех сторон меня окружали слепые стены. Четвертая стена была прозрачной.

Собственно, дальше я мог не идти. Нашу маленькую Олимпиаду я и так выиграл. Чтобы вернуться, достаточно было остаться в подъемнике, и он вынес бы меня наверх. Но ждать я не стал. Торопясь, чтобы лифт не ушел, я шагнул внутрь корабля сквозь прозрачную стену.

— И на вас напали чудовища?

Он поморщился.

— Я вынул из кобуры пистолет и шагнул внутрь. План звездолета я знал. Все входы соединены тоннелями с рубкой управления. Раньше я много читал о навигационных приборах Пятой культуры. Да и очевидцы рассказывали. Мне хотелось увидеть это своими глазами. Профессиональное любопытство, если угодно. Главное было никуда не сворачивать. Особенно в переходы, ведущие вглубь, к оранжереям. До рубки было километра полтора. Воздуха в скафандре оставалось на два часа. Стены тоннеля, загибаясь, вели вдаль. Странные стены. Там ветерок дул вдоль тоннеля

— слабый такой, почти неощутимый. Вентиляция или просто сквозняк. Но за миллионы, лет этот ветерок такое сделал со стенами — никогда не поверил бы, если бы кто рассказал. Он все скруглил, загладил все неровности. Отполировал стены до блеска.

В общем, там было чисто и светло. Я вложил пистолет в кобуру и даже застегнул ее. Возможно, не так уж страшны эти старые звездолеты. Никакого движения не замечалось даже в боковых ответвлениях — дорогах в глубь корабля. Я шел и размышлял о разных вещах. В основном о том, как попроще представить себе миллион лет. Задумавшись, я не заметил, как обстановка в тоннеле изменилась. Стало темнее, от сглаженных выступов потянулись длинные тени. И моя собственная тень извивалась впереди, на магнитном полу и стенах. Я брел неизвестно куда. Справа зияли отверстия боковых ответвлений. Незащищенный, я шагал по открытому месту, а из узкой черноты нор за мною кто-то следил.

Это было как наваждение — от тишины, полумрака, ритма шагов… Я остановился. Но впереди, сливаясь с моей тенью, шевелилось, что-то черное, длинное.

Как толстая слепая змея, оно двигалось там,

неуклюже тыкаясь в стены. Оно меняло форму у меня на глазах, а потом размеренно закружилось, становясь вывернутым наизнанку смерчем с нацеленной на меня глубокой воронкой. Вращение замедлялось.

Отступать я не привык. Я вновь расстегнул кобуру и приблизился к черной воронке.

Она уже не вращалась. Как чья-то симметричная пасть, она застыла поперек тоннеля, и ее края сливались с его стенами. По внутренней поверхности воронки бежали концентрические волны.

Я стоял перед ней неподвижно.

Черные волны сходились в центре воронки, утихая. Я заметил, что воронка мелеет. Она распрямлялась, становясь гладкой мембраной, отделявшей меня от цели.

Я торопился, но время и кислород у меня еще были. Я стоял неподвижно. Мембрана была живой и упругой. Время от времени она вздрагивала, словно чего-то ждала.

Я положил руку на пистолет.

Мембрана напряглась, стала заметно тверже.

Я сиял руку. Мембрана снова расслабилась, она стояла, боязливо подрагивая, и почему-то напомнила мне собаку. Бездомную собаку, ждущую чтобы с нею заговорили.

Она загораживала мне путь, но я к ней хорошо относился. Время у меня пока было. Я сел перед нею на гладкий пол.

«Я тороплюсь, — сказал я ей. — Мне хочется попасть в рубку, и у меня мало воздуха. Ты меня понимаешь?»

Казалось, она внимательно слушает.

«Пусть это прихоть, — сказал я, — но мне очень хочется там побывать. Пропусти меня, пожалуйста».

Она заколебалась.

«Пожалуйста, пропусти меня в рубку», — еще раз попросил я.

Задрожав, она медленно расступилась. И я пошел дальше.

— А пистолет? — напомнил я, когда он замолчал. — Куда он делся? Вы обещали…

— Да, — сказал он неопределенно. — Потом я оказался в рубке. Я долго пробыл там, разглядывая диковинные приборы, назначение которых знал из книг. Самым любопытным был шар в центре рубки. Специальной тонкой иглой я прокалывал в нем отверстия, и против них на сферических стенах загорались звезды, как изображение в планетарии. Если бы я нарисовал на шаре настоящее звездное небо какого-нибудь района,

корабль немедленно перенес бы меня туда. Но вероятность случайного совпадения ничтожна, и я мог забавляться сколько угодно. Вдруг в разгаре своих занятий я обнаружил, что прошло уже больше часа и что нужно срочно возвращаться к зонду, если я не собираюсь остаться здесь навсегда. Я побежал к выходу.

— Понятно. — Разумеется, я был разочарован. — Короче говоря, вы забыли пистолет в рубке.

— К сожалению, нет. В тоннеле я снова наткнулся на мембрану. Она ждала меня, виляя несуществующим хвостом. Мы хорошо относились друг к другу. Казалось, все было как в прошлый раз. Но вы понимаете, что ситуация изменилась.

«Пропусти меня, пожалуйста, — сказал я ей. — Я очень тороплюсь».

Она уловила нетерпение в моем голосе и заколебалась.

«Пожалуйста, пропусти», — еще раз попросил я.

Она напряглась, стала плотнее.

«Пропусти», — повторил я. Спокойно, как мне казалось.

Она сделалась еще тверже. Я ее понимал, но у меня не было времени. Я уже ничего не мог с

собой поделать.

«Немедленно пропусти меня! — крикнул я. — Ты меня слышишь?»

Она вздрогнула, подалась назад, уплотнилась, и стала глухой, как стена крепости.

— И вы…

— Да, — сказал он. — Если бы у меня не было пистолета, все было бы по-другому. Я нашел бы нужные слова. Но пистолет был.

Он замолчал, потом сказал:

— С тех пор нигде и никогда у меня не было случая, чтобы оружие было действительно необходимо. Я убежден, что таких ситуаций нет. Вы применяете оружие только потому, что оно висит у вас на поясе.

Потом он сказал:

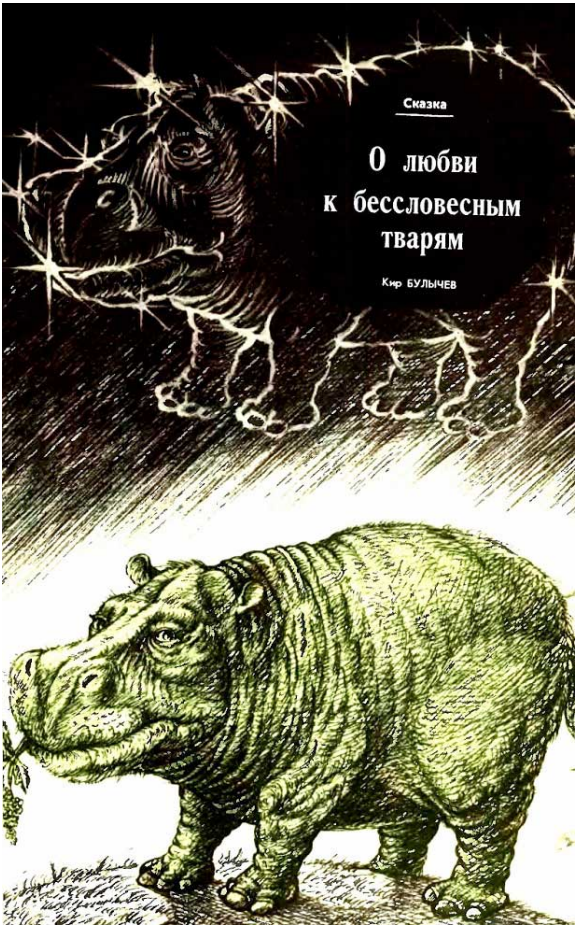
— А когда его нет, лучше.

Потом он ушел, а через полчаса объявили рейс на Солнечную систему, и я в толпе других двинулся на посадку.

№ 12

Кир Булычёв

О любви к бессловесным тварям



Сказка

О любви к бессловесным тварям

Кир БУЛЫЧЕВ

В то июньское утро Корнелий Удалов проснулся рано. Настроение было хорошее, в теле бодрость. Он потянулся и подошел к окну, чтобы посмотреть, какая погода.

Погода была солнечная, безоблачная, располагающая к действиям. И окинув взглядом небо, Удалов поглядел вниз, во двор.

Посреди двора стоял небольшой бегемот. Он мерно распахивал розовую пасть, обхрупывая цветущий куст сирени.

— Эй, — сказал Удалов негромко, чтобы не разбудить домашних. — Так не годится.

Сирень выдалась пышная, а бегемоту куст — на один зуб.

Бегемот Удалова не слышал, и поэтому Корнелий Иванович, а одной пижаме, выскочил из комнаты, побежал вниз по лестнице и только перед дверью спохватился: что же это я делаю? Бегу на улицу в одной пижаме, словно у нас на дворе бегемот. Если кому расскажешь, смеяться будут. Ведь у нас во дворе отродясь не было бегемотов.

Удалов стоял перед дверью и не решался на следующий шаг. Следовало либо приоткрыть дверь и убедиться, что глаза тебя не обманули, либо отправиться обратно, чистить зубы и умываться.

Вот в этой нерешительной позе Удалова за-

стал Александр Грубин, сосед с первого этажа, который услышал топот и заинтересовался, кому топот принадлежит.

— Ты что? — спросил он.

— Стою, — сказал Удалов.

— Так ты же бежал.

— Куда?

— На улицу бежал. Там что-нибудь есть?

Удалов чуть было не ответил, что там бегемот, но сдержался.

— Ничего там нет, — сказал он. — Не веришь, посмотри.

— И посмотрю, — сказал Грубин, отводя рукой Удалова от двери. Он приоткрыл дверь, а Удалов отступил на шаг. Пышная, лохматая шевелюра Грубина, подсвеченная утренним солнцем, покачивалась в дверном проеме. Сейчас, сказал себе Удалов, он обернется и скажет: «И в самом деле ничего».

— Бегемот, — сказал, обернувшись Грубин. — Так он у нас всю сирень объест. И как назло ни палки, ничего.

— Ты его рукой отгони, он смирный, — у Корнелия от сердца отлегло: лучше бегемот, чем сойти с ума.

Грубин вышел на солнце, Удалов следом. Гру-

бин широкими шагами пошел через двор к бегемоту, Удалов остался у стены.

— Эй! — сказал Грубин. — Тебе что, травы не хватает?

Бегемот медленно повернул морду — из пасти торчала лиловая гроздь.

Грубин остановился в трех шагах от бегемота.

— Ну иди, иди, — сказал он.

Растворилось окно на втором этаже.

— Это чье животное? — спросил старик Ложкин.

— Сам пришел, — сказал Удалов. — Вот и прогоняем.

— Разве так бегемотов прогоняют? — спросил старик Ложкин.

— А как?

— Сейчас я в Бреме погляжу, — сказал старик Ложкин и исчез.

— Мама! — закричал сын Удалова Максимка, также высунувшийся из окна. — Мама, погляди, у нас бегемот.

— Иди мойся, — послышался изнутри дома голос Ксении Удаловой. — Куда это Корнелий ни свет ни заря навострился?

Голос Ксении приблизился к окну. Удалов вжался в стену: а пижаме он чувствовал себя неловко.

— Ой! — сказала Ксения пронзительным голосом.

Бегемот испугался, отворил пасть и уронил сирень на землю.

— Он папу съел? — спросил Максимка.

— Корнелий! — закричала Ксения, высовываясь по пояс из окна и заглядывая в бегемотову пасть, словно надеялась увидеть там ноги Удалова.

— Ксюша, — сказал Удалов, отделяясь от стены, — бегемоты, как известно, травоядные.

— Балбес! — откликнулась Ксения. — Я тебя в бегемоте гляжу, а ты, оказывается, по улице в голом виде выступаешь? Где на нем написано, что он травоядный? Может, он тебя за траву считает? Вон будку какую нагулял… Грубин, гони его со двора! Детям скоро в школу.

— Погодите, — вмешался старик Ложкин, появляясь в окне с коричневым томом Брема в руках. — Бегемоты совершенно безопасны, если их не дразнить. Кроме того, перед нами молодая особь, подросток. Грубин, смерь его в длину.

— Чем я его смерю?

— Руками, — сказал Ложкин.

— Я его трогать не стану. Дикое же животное.

— Откуда у нас на дворе дикое животное? — спросил Ложкин. — Ты соображаешь, Грубин,

что говоришь? Он что, своим ходом из Африки пришел?

— Не знаю.

— Тот-то. Цирковой он. Я по телевизору смотрел, как в цирке бегемоты выступают.

— Правильно, — добавила старуха Ложкина. — Выполняют функцию слона, только размером экономнее. А ты бы, Грубин, пошел, штаны надел. В одних трусах по общественной площади бегаешь. К тебе, Корнелий Иванович, это тоже относится.

— Ну! — поддержала старуху Ложкину Ксения. — Докатился!

— Так бегемот же на дворе, — сказал Удалов, послушно отправляясь к дому.

Когда минут через десять Удалов вернулся на двор, возле бегемота стояли Ложкин и Василь Васильич, а также гражданка Гаврилова. Думали, что делать. В руке у Ложкина был Брем. В руке у Василь Васильича — длинная палка, которой он постукивал бегемота по морде, чтобы сохранить сирень.

— Стоит? — спросил Удалов.

— Куда же ему деться?

— Так, говоришь, в цирке выступает? — спросил Василь Васильич Ложкина. — Значит, ему

приказать можно?

— Попробуй.

— Сидеть! — приказал бегемоту Василь Васильич.

Бегемот потянулся к сирени, и снова пришлось легонько стукнуть его палкой по ноздрям.

— Где же его цирк выступает? — спросил Удалов.

— Где угодно, только не в нашем Гусляре, — сказал вернувшийся Грубин. — Я точно знаю. Цирк уж месяц как закрыт.

— Мужчины, скоро его со двора прогоните? — крикнула сверху Ксения Удалова. — Что мне за милицией бежать прикажете?

— Из зоопарка, — сказала Гаврилова. — Я точно знаю.

— Ближайший зоопарк в трехстах километрах. И все больше лесом, — возразил Грубин. — Вернее всего это животное синтетическое, теперь химия достигла громадных успехов. Может быть, где-то здесь уже целая фабрика работает. Смешивают белки и аминокислоты.

Бегемот с тоской и укором взглянул на Грубина. Тот смешался и замолчал.

Удалов взял у Василь Васильича палку и стал подталкивать бегемота в бок. Делал это он не

очень энергично и с опаской. Раньше ему не приходилось гнать со двора бегемотов.

— Мое терпение лопнуло! — пригрозила из окна Ксения.

Бегемот глядел на Удалова. Из маленьких глаз текли крупные густые слезы.

— Погоди, Корнелий, — сказал Василь Васильич. — Ты же его палкой по морде, как корову. Нехорошо получается.

— Вдали от дома, от семьи, — сказала старуха Ложкина. — Одинокий подросток, а что он будет в лесу делать?

— Пропустите, — сказал детский голос.

Сквозь тесную группу жильцов прошел сын Удалова Максимка. Он прижимал к груди батон. Поравнявшись с отцом, Максимка остановился и поглядел Корнелию в глаза. Удалов безмолвно кивнул.

Двумя руками Максимка протянул бегемоту батон, и животное, после некоторого колебания, словно не сразу поверив в человеческую доброту, приоткрыло пасть и приняло дар.

Затем Максимка достал из кармана школьной курточки чистый носовой платок и утер бегемоту слёзы. Удалов громко кашлянул и сообщил соседям:

— Мой сын.

…К вечеру освободили от рухляди сарай в углу двора. Когда-то там стоял мотоцикл Петросяна, да потом Петросян уехал из Гусляра и в сарай складывали, что не нужно, но жалко выкинуть.

В старое корыто налили воды, а в детскую ванночку собирали пищу — у кого остался недоеденный суп или овощи. Дверь в сарай закрывать не стали, чтобы бегемот не скучал.

К вечеру пол-города знало, что в доме шестнадцать по Пушкинской живет приблудный бегемот, неизвестно чей, не кусается, питается пищевыми отходами. Люди с других улиц приходили посмотреть. Экскурсиями ведал Ложкин: как пенсионер он был свободнее других.

На следующее утро в городской газете появилось такое объявление:

Найден молодой бегемот.

Масть серая, на клички не отзывается.

Владельца просят обращаться по адресу

г. Великий Гусляр, Пушкинская ул. 16, вход со двора».

Никто на объявление не откликнулся. Дали телеграмму в областной зоопарк, запрашивали, не потеряли ли там бегемота. Если потеряли, то можно взять обратно в целости.

А тем временем проходили дни. Бегемот много ел, спал, гулял, узнавал Максимку, ходил с ним гулять к колонке, где Максимка обливал его водой и тер щеткой. Как-то через неделю Грубин с Василь Васильичем взяли с собой бегемота на пляж. Была сенсация. Бегемоту на пляже нравилось, он опускался в реку Гусь по самые ноздри, ребятишки забирались на широкую спину и ныряли. Спасатель Савелий, играя мышцами, сказал Грубину:

— Может, уступишь нам его заместо дельфина, вытаскивать утопших?

— Нет, — ответил Грубин. — Спасибо за предложение.

— Почему же? — удивился Савелий. — Мы ему зарплату определим, пойдет на благоустройство вашего двора.

— Во-первых, — сказал Грубин, — бегемот не наш. Во-вторых, он по сравнению с дельфином — круглый дурак. Еще потопит кого. Ты где-нибудь читал, чтобы бегемоты людей спасали?

— Ничего я не читал, — признался Савелий. —

Некогда. Дела.

В последующие дни были другие события: ночью бегемот убежал, и его поймали с фонарями у самой реки, еще через день он наступил на кошку и пришлось кошку везти к ветеринару, в четверг он догнал Гаврилову, схватил сумку с продуктами и проглотил целиком, включая пачку стирального порошка «Лотос», отчего целый день из бегемота шла пена. В пятницу он забрался на кухню к Василь Васильичу и выпил горячий суп из кастрюли на плите — потом ему мазали язык сливочным маслом. В субботу жильцы дома № 16, охваченные грустью, сошлись на совещание.

— Разумеется, — сказал Ложкин, — мы ставим эксперимент для науки и делаем благородное дело…

— Принюхайся, сосед, — перебил его Удалов. Во дворе сильно пахло хлевом. Бегемот, как и всякое живое существо, не только ел. — Жаль, что он не синтетический, как Грубин предполагал.

— Я от своей теории не отказываюсь, — сказал Грубин. — Вы даже представить не можете могущества современной химии.

— И кормить его не очень просто, — сказала жена Ложкина. — Мы теперь себя даже ограничиваем.

— А куда его денешь? — сказал Удалов. — Куда, спрашивается? Что ответил на нашу телеграмму областной зоопарк?

Все помолчали. Ответ на бланке читали и обижались, но работников зоопарка тоже можно понять. Как бы вы на их месте ответили людям из северного городка, которые запрашивают, что им делать с бегемотом? Ясно, как бы вы ответили? Вот они и ответили.

— А я сегодня на животноводческую ферму ходил, — сказал Василь Васильич.

Бегемот высунул из сарая тупую морду и тихонько замычал. Требовал, чтобы его вели к колонке. Удалов отмахнулся.

— Ну и что на ферме?

— Отказались. Наотрез. Бегемот, говорят, молока не дает, а вкусовые качества его мяса под большим сомнением.

— То есть как под сомнением? — удивился Грубин. — Они что, резать его хотели?

— Я бы не дал, — сказал Василь Васильич. — Вы не думайте. Но вообще-то говоря, они скот держат либо за молоко, либо за мясо, либо за шерсть. Четвертого им не дано.

Бегемот выбрался из сарая, подошел поближе.

— Ну вот, опять жрать захотел, — сказал Лож-

кин.

На двор вышла Гаврилова с миской щей. Бегемот увидел ее и поспешил за кормежкой, раскачивая толстым задом.

— Вот что, — сказал, наконец, Удалов. — Я завтра перед работой зайду в домоуправление за справкой, что у нас обитает бегемот. С этой справкой ты, Ложкин, съездишь в область, пригласишь сотрудника из зоопарка. Ведь должны они документу поверить.

На том и порешили. Бегемот в тот вечер обошелся без купания. А Удалов лег спать в смятении чувств, долго ворочался и вздыхал…

…Он встал в сиреневой мгле разбитый и злой. Вспомнил, что его очередь убирать за скотиной. Взял в коридоре поганое ведро и метлу и отправился через двор к сараю.

— Небось дрыхнешь, — сказал он, заглядывая в теплый, пропахший бегемотовым навозом сарай. Он ожидал услышать знакомый храп, но в сарае было совсем пусто.

Удалов сразу же выглянул во двор — не открыты ли ворота? Не хватало, чтобы бегемот выскочил на улицу и пошел сам купаться. Еще с машиной столкнется.

Но ворота были закрыты.

— Эй, толстый, — сказал Удалов. — Ты где прячешься?

Никакого ответа.

Тревожное чувство подкатилось к груди Удалова.

На полу, на перевернутом корыте, лежала записка:

«Дорогие друзья!

Простите за то, что, по незнанию языка, я не мог с вами объясниться и сразу поблагодарить за заботу обо мне, бессловесной твари, за человеческое тепло, которым вы окружили меня в этом скромном доме. Как приятно сознавать, что, несмотря на значительную разницу в форме тела и габаритах, вы не пожалели разделить со мной кров и великолепную пищу. Вот воистину замечательный пример галактического содружества! Я не понял ни слова из того, о чем вы говорили в моем присутствии, но дружеские интонации убедили меня в вашей отзывчивости. Благодарю судьбу за то, что она заставила мой космический корабль потерпеть крушение именно над вашим домом! Теперь за мной прилетели друзья, они перевели мою скромную благодарность на ваш язык, и я спешу присоединиться к ним. Но

ненадолго. Как только я объясню им ситуацию, они прибудут к вам в гости, потому что я хочу доказать им, что самые добрые и щедрые существа в Галактике обитают именно в доме № 16 по Пушкинской улице.

Искренне ваш Тримбукаунл-пру».

— Ну и дела, — сказал Удалов, дочитав записку. — Может, даже лучше, что бегемот ничего не понял. Мы же его за дурака принимали. А это любому неприятно.

Надо было будить соседей, рассказать им, что произошло и вместе с ними порадоваться. Но тут ворота затрещали и упали внутрь.

Во двор входило целое стадо бегемотов. Разного роста и толщины бегемоты толпились, чтобы скорей добраться до Удалова и подивиться на самых добрых людей в Галактике.

— Погодите! — воскликнул Удалов, вздымая руки. — Вы же меня растопчете.

Два бегемотика уже бросились к сирени и принялись доедать куст, громадный бегемот в синих очках походя сломал березку и хрупал ее, как былинку, остальные запрудили двор и вежливо ждали, когда их начнут угощать завтраком.

Удало» почувствовал, что теряет сознание…

Светило солнце. Было утро. За окном тихо.

Сон. Всего-навсего. Ну и ладушки. Что-то надо сделать? Ага, сегодня его очередь убирать за бегемотом.

Удалов спустился вниз, взял поганое ведро и метлу и пошел через двор к сараю.

Бегемот еще спал. Он лежал на боку и громко храпел.

Удалов стал убирать навоз и думал, что сегодня придется остаться без завтрака, надо успеть до работы получить справку в домоуправлении, что во дворе живет бегемот, а не плод коллективной галлюцинации. И пора Ложкину собираться в зоопарк. Скучает животное в одиночестве, да и дом долго не выдержит такого гостя.

Бегемот всхлипнул во сне и медленно перевернулся на другой бок. Удалов замер, опершись о метлу. Печальная мысль пришла ему в голову:

… Вот свезем мы его а зоопарк, а прилетят его товарищи? Что мы им скажем? Что отдали астронавта в зверинец, поместили в клетку на потеху толпе?

А что они нам на это ответят?

1978

№ 1

Станислав Лем

Экстелопедия Вестранда в 44 магнитомах

Фантастика

Станислав ЛЕМ

ЭКСТЕЛОПЕДИЯ ВЕСТРАНДА

в 44
магнетомах

Вестранд Букс К°
Нью-Йорк — Лондон — Мельбурн
MMXI

ПРОСПЕКТ

Издательство Вестранда счастливо, что может предложить широкой публике подписное издание

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ ДО САМОГО ДАЛЕКОГО БУДУЩЕГО ЭКСТЕЛОПЕДИИ,

лучшей из всех, какие когда-либо только издавались. Если из-за массы дел Вы до сих пор не успели познакомиться ни с одной Экстелопедией, мы рады будем служить Вам, объяснив следующее ниже.

Традиционные энциклопедии, находящиеся в употреблении уже два столетия, в семидесятых годах пришли к Серьезному Кризису, вызванному тем, что содержащиеся в них сведения оказывались устаревшими уже в момент выхода из типографии. Применение АВ-цикла, то есть автоматизации производственного цикла не могло этого предотвратить, потому что свести до нуля время, потребное экспертам — Авторам Статей, невозможно. Таким образом, с каждым последующим годом усиливалась дезактуализация самых свежих энциклопедий, которые, стоя

на полках, обладали теперь только исторической ценностью. Многие Издатели пытались противодействовать этому кризису путем ежегодного, а затем и ежеквартального выпуска Специальных Приложений, но вскоре указанные Приложения стали превышать по объему Основное Издание. Осознание того, что эти Гонки с Ускоряющейся цивилизацией выиграть не удастся, поразило издателей — и Авторов вместе с ними.

Пришло время для разработки Первой Дельфиклопедии, или Энциклопедии, представлявшей собой сборник Будущих Статей, содержание которых было бы предсказываемо. Дельфиклопедия создается на основе так называемого Дельфийского Метода, или, проще говоря, путем голосования Уполномоченных Экспертов. А так как мнения Экспертов ни в коей мере не совпадают, первые Дельфиклопедии содержали статьи на одну и ту же тему в двух вариантах — согласно мнению Большинства и согласно мнению Меньшинства Специалистов, то есть имели две версии (Максиклопедию и Миниклопедию). Потребители, однако, приняли это нововведение неохотно, а известный физик, проф. Кутценгер, придал этому отрицательному отношению конкретную форму, сказав, что публике необходима информация о

Делах Специалистов, а не об их Ссорах. И только благодаря инициативе Издательства Вестранда ситуация резким образом изменилась.

Предлагаемая Вам настоящая Экстелопедия в 44 удобных Магнетомах, облаченных в Виргиналь (всегда приятную на ощупь, Нежнейшую Псевдокожу), Самовыскакивающая с полки по громкому вызову (причем соответствующий Магиетом Сам перелистывается и Сам останавливается на нужной статье), содержит 69 500 доступных, но в то же время тщательно отредактированных статей, относящихся к Будущему… В противоположность Дельфиклопедии, Максиклопедии и Миниклопедии

ЭКСТЕЛОПЕДИЯ ВЕСТРАНДА

представляет собой гарантированный результат бесчеловечной, а потому и безошибочной работы восемнадцати тысяч наших Комфьютеров (Компьютеров Футурологических).

За статьями Экстелопедии Вестранда кроется целый Космос Гигатриллионов Семо-Нумерических Расчетов, выполненных нашими Чэпоханами (Чудо-Электронными Поли-Характерными Компьютерами). Их работу координировал наш

Суперпутер — электронное воплощение мифа о Супермене, которое стоило нам двести восемнадцать миллионов двадцать шесть тысяч триста долларов а ценах прошлого года. Экстелопедия — это сокращение слов «Экстраполяционная Телеономическая Энциклопедия», или направленное Прогнозирование с Максимальным Упреждением во Времени.

ЧЕМ ЯВЛЯЕТСЯ НАША ЭКСТЕЛОПЕДИЯ?

Она является наипрекраснейшим Детищем Прафутурологии, этой уважаемой, хоть и несколько примитивной науки, которую породил закат XX века. Экстелопедия содержит сведения об Истории, которая только еще состоится, о захватывающих делах Кое-моиомических, Космилиционных и Косметических, включая данные о том, зачем и почему они произойдут, о будущих новых Великих Достижениях Науки и Техники — с уточнением, что из них окажется опасным для нас лично, об эволюции Вер и Обрядов (в статьях о футуррелигии) и еще о 65 760 других Вопросах и Проблемах. Любители Спорта, терзаемые неуверенностью в результатах по различным видам соревнований, избавятся благодаря Экстелопе-

дии от многих излишних волнений и драм (по легкоатлетическим и по эротлетическим видам включительно), если только подпишут прилагаемый к настоящему проспекту

ВЕСЬМА ВЫГОДНЫЙ ЧЕК.

Дает ли Экстелопедия Вестранда сведения Правильные и Надежные? Как показали исследования МИТа, МАТа и МУТа, объединенных a USIB (United States Intelle-ctonical Board), оба предыдущие издания нашей Экстелопедии характеризовались отклонением от Фактических Состояний в пределах 9,008—8,05 % на букву в среднем. В то же время предлагаемое наибудущейшее издание с вероятностью 99,0879 % располагается в Самом Сердце Будущего.

ОТКУДА ТАКАЯ ТОЧНОСТЬ?

Почему Вы можете полностью доверять настоящему изданию? Потому что оно возникло благодаря первому в мире применению двух совершенно Новых Методов Зондажа Будущего, а именно Суплексного и Кретилингового Методов.

Суплексный метод (или Суперкомплексный)

вытекает из процедур, благодаря которым компьютерная программа Мак Флак Жак в 1983 году победила

ВСЕХ ВЕЛИКИХ ШАХМАТНЫХ ГРОССМЕЙСТЕРОВ

сразу, в том числе и Бобби Фишера, поставив им 18 матов на грамм, калорию, сантиметр и секунду. Эта программа впоследствии была подвергнута тысячекратному усилению и экстраполяционной адаптации, благодаря чему она может не только предвидеть, что случится, если вообще случится что-нибудь, но, кроме того, она еще точно предсказывает, что случится, если То Самое, ну, совершенно — то есть вовсе — не произойдет.

До сих пор Предикторы работали только на Позипотах (то есть основывались на Позитивных Потенциях, учитывая, что Что-то, возможно, произойдет). Наша новая Суплексная Программа работает, кроме того, на Негапотах (Негативных Потенциях). Она учитывает и то, что, в соответствии с актуальными мнениями всех экспертов, совершенно точно не может произойти. **А как уже известно, солью Будущего является именно то, о чем эксперты полагают, что оно вовсе быть не может.**

ИМЕННО ОТ НЕГО И ЗАВИСИТ БУДУЩЕЕ!!

Для того чтобы подвергнуть результат, полученный Суплексным Методом, контрольной Фиксации, мы применили, не считаясь с Большими Затратами, другой, тоже совершенно новый метод — Футулингвистическую Экстраполяцию.

Двадцать шесть наших Кофулинтов (Компьютеров Лингвистических), включенных последовательно, основываясь на анализе тенденций развития, создали две тысячи диалектов, арго, сленгов, говоров, а также грамматик будущего. Что означал сей Великий Труд? Он означал создание языковой базы мира, которая будет существовать после 2020 года. Попросту говоря, наша Ком-Урбия — наш Город Компьютеров, насчитывающий 1720 единиц Интеллекта на кубический миллиметр Мапсинта (Массы Психическо-Синтетической), — сконструировала слова, синтаксис и грамматику (а также и значения) Языков, которыми человечество будет пользоваться в будущем. Конечно, знать только лишь язык, которым люди будут объясняться друг с другом (и с машинами) через 10, 20 или 30 лет, — это не значит еще знать, о чем будут тогда чаще

всего и с большей охотой говорить. А именно это и нужно было бы знать, потому что сперва, как водится, говорят, а потом уже думают и делают. Основные недостатки всех проводившихся до этого опытов построения Языковой футурологии, или Прогнолингвы, заключались в том, что при этом исходили из фальшивой рациональности процедур. Ученые молча полагали, что в Будущем люди будут высказывать только умные вещи и в соответствии с этим поступать.

В то же время исследования показали, что люди говорят главным образом глупости. И для того чтобы с почти четвертьвековой экстраполяцией создать

ТИПИЧНО ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ

нами были сконструированы Идиоматы и Компдебилы (то есть Идиотические Автоматы и Компьютеры-Дебилы), и именно они создали Парагеногратику, то есть паралогическую генеративную грамматику Языка Будущего.

Контрольные Профьютеры, Лаиглинги и Прамиестошизоплегиаторы (Панштеры) создали благодаря этому 118 Подъязыков (наречий, диалектов, сленгов), таких, как платекс, доплатекс,

болтай, чепухин, лепетекс, глуплекс, реникстран и кретинакс. На их базе возникла в конце концов Кретилингистика, которая позволила реализовать программу. Удалось в том числе выполнить Интимные Прогнозы, касающиеся фут-эротики. Это относится, между прочим, и к подробностям совместной жизни людей с аторгами и аморгами, а также — и в страстницах и отклонильнях для безгравитационной сексонавтики, как орбитальной, так марсианской и венерианской. Это последнее удалось осуществить благодаря таким языкам программирования, как эротиглом, пантусекс и бывай.

Но это еще не все! Наши Контрфутеры, или Теры Контрольно-Футурологические, применили к себе результаты Кретилингоаого и Суплексного Методов, и только после считывания трехсот Гигабитов Информации был создан КОРЕК, то есть Комплексный Корректор Эмбриона Экстелопедии.

Почему Эмбриона! А потому, что так возник вариант Экстелопедии, совершенно непонятный для всех живущих, с нобелевскими лауреатами включительно.

Почему непонятный! А потому, что это были тексты, высказанные на языке, на котором сейчас

еще никто не говорит и которого поэтому никто еще не в состоянии понять. И только трудами наших Ретролинтеров был выполнен обратный перевод (на известный нам современный язык) поразительных вещей, высказанных в оригинале на языке, который только появится в будущем.

КАК СЛЕДУЕТ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЭКСТЕЛОПЕДИЕЙ ВЕСТРАНДА

Мы рекомендуем расположиться на Удобной Подставке (которую Вы можете получить за Небольшую дополнительную Оплату). Затем, став на расстоянии не менее двух шагов от полок, следует произнести название статьи решительным и не очень громким голосом, после чего нужный Магнетом откроется, перелиставшись, и самостоятельно вскочит Вам в протянутую правую руку. Внимание! Если Вы левша, убедительно просим Вас потренироваться в протягивании только правой руки, потому что в противном случае Магнетом может в своей траектории отклониться и стукнуть, хоть и не больно, говорящего или Посторонних лиц.

Статьи напечатаны двумя цветами. Черный цвет означает, что Верпроаирт (вероятностный

процент виртуализации) превышает 99,9 %, или, проще говоря, что все будет Железно.

Красный цвет означает, что Верпровирт ниже 86,5 %, и в связи с подобным нежелательным положением дел весь текст каждой такой статьи находится в постоянной дистанционной гологнетической связи с Главной Редакцией Экстелопедии Вестранда. Как только наши Профьютеры, Панштеры и Кредакторы в ходе своей непрекращающейся работы по Отслеживанию Будущего получат новые данные, тотчас же исправленный текст статьи, напечатанный красным цветом, самостоятельно подвергнется соответствующей коррекции (реадаптации). За производимые таким образом дальние и оптимальные изменения к лучшему Издательство Вестранда

НЕ ТРЕБУЕТ

от уважаемых подписчиков Никакой дополнительной Оплаты!

В исключительном случае, то есть при Верпровирте меньшем чем 0,9 %, внезапному изменению может подвергнуться и текст настоящего проспекта. Если при чтении этих строк слова их начнут прыгать в глазах, а буквы — дергаться

и мигать, следует прервать чтение на 10–20 секунд, чтобы протереть очки, проверить — все ли застегнуто и тому подобное, а затем приступить к чтению заново, то есть с самого начала, а не только от места, в котором чтение было прервано, потому что такое изменение будет означать проходящую именно в этот момент коррекцию недоработок.

Если, однако, начнет меняться (дергаться или расплываться) только указанная ниже цена Экстелопедии Вестранда, то в этом случае весь Проспект можно заново не читать, так как изменение будет относиться только к

УСЛОВИЯМ ПОДПИСКИ

которые в связи с хорошо известным Вам состоянием мировой экономики, прогнозировать с опережением более чем 24 минуты, увы, не удается.

Все сказанное относится также и к полному комплекту иллюстративного и вспомогательного материала, куда входят Иллюстрации Управляемые, Подвижные, Осязаемые и Вкусовые. По желанию мы программируем все содержимое

Экстелопедии так, что она будет реагировать Исключительно на Ваш голос (Владельца, — лицы). В случае хрипоты, кашля и т. п. мы убедительно просим Вас обратиться в ближайшее представительство ВЕСТРАНД БУКС КЗ, которое поспешит к Вам с неотложной помощью.

Наше издательство в настоящее время разрабатывает новые роскошные Варианты Экстелопедии, а именно: Самочитающую на три голоса и два регистра (мужской, женский и средний; нежный — сухой); модель Ультра-Делюкс, гарантированную от помех при приеме, создаваемых Посторонними (например, Конкурентами) и снабженную малым Баром; и наконец, модель Универмиг, предназначенную для иностранцев и передающую содержание статей Под-Мигиванием (то есть с помощью мимики и жестов). Цена этих Специальных Моделей будет, вероятно, на 40—190 % выше цены стандартного издания.

Перевод с польского Людмилы Вайнер

«Что случится, если ничего не случится...»

Мы знали Лема «Соляриса» и «Маски», знали Лема «Суммы технологии». И вот еще один, новый для нас Лем — автор «Экстелопедии Вестранда», автор книги «Мнимая величина».

«Экстелопедия Вестранда» со всеми этими «магнетомами», «пантусексами» и «вероятностями виртуализации» вперемежку с «весьма выгодным чеком» и «малым баром» — может показаться простой пародией на квазинаучную западную рекламу. Но не так уж прост тот истинный повод, по которому она написана. Речь идет о деле настолько серьезном, что впору припомнить если не «он звонит по тебе» Хемингуэя, то у ж во всяком случае гоголевское «над кем смеетесь».

...Однажды в почтенном собрании обсуждался вопрос государственной важности о начале работы по составлению долгосрочного научного прогноза. Не успел еще докладчик сойти с трибуны, как раздался звонкий голос академика Петра Леонидовича Капицы:

— Помнится, перед войной тоже составлялся прогноз. И по тому прогнозу главным пунктом значилось поднятие к.п.д. паровоза до одиннадцати с половиной процентов...

А потом в кулуарах собрания можно было услышать такую историю. В некотором научном учреждении попросили сотрудником составить пятилетие планы своей работы. Все представили, кроме физика Н. Директор вызвал Н. и сообщил

ему, что, мол, все сроки прошли, где же ваш план? «Минутку!», сказал Н., вырвал из блокнота листок и написал: «Первый год — закрытие Первого Начала термодинамики. Втором год — закрытие Второго Начала термодинамики. Третий год — открытие Третьего Начала термодинамики».

Но паровоз — паровозом, закрытие Начала — закрытием, а есть ведь еще и жизнь со своими потребностями. И с этим нельзя не считаться.

В Институте социологических исследований Академии наук СССР существует отдел прогнозирования. В Международной Социологической Ассоциации существует Комитет по исследованию будущею. Несколько лет назад издательством «Прогресс» в Москве выпущена книга «Мир в 2000 году. Свод международных прогнозов». Работы Римского клуба по созданию глобальных моделей будущего биосферы Земли привлекли внимание сотен тысяч людей во всех странах мира. Прогнозирование становится неотъемлемой частью трудовой деятельности человечества.

И знаменитая Пифия могла, конечно, ошибаться, но ее ошибки вели к последствиям, соразмерным производительным силам трехтысячелетней давности. А ответственность современного ученого за свой прогноз куда выше. Ведь в конечном счете прогнозирование переходит в планирование, планирование — в строительство. Неверный прогноз может привести, в лучшем случае, к омертвлению гигантских трудовых ресурсов. А оптимальный приводит к оптимальной эффективности производства всех материальных, да и духовных благ.

И все же — как быть с к.п.д. паровоза? Как быть с тем, что «солью Будущего является именно то, о чем эксперты полагают, что оно вовсе быть не может»? Как сделать, чтобы эксперты вводили в свои прогнозы некий коэффициент для этой «соли»? И каким он должен быть?

Разумеется, нелепо требовать ответов на такие вопросы от художника. Ответы ищут специалисты-футурологи, специалисты-науковеды, специалисты в области многих конкретных наук. Между прочим, некоторые соображения на сей счет содержатся и в «Химии и жизни», например, в статье члена-корреспондента АН СССР Н. Н. Моисеева «Путешественники в одной лодке» (№ 9 за этот год).

Но есть, кажется, одна общая обнадеживающая тенденция в наше время, тенденция, возникшая, вероятно, из глубинных потребностей эпохи и, по всей видимости, способствующая увеличению эффективности всей интеллектуальной деятельности. Это тенденция к сближению наук и искусств, к взаимообогащению их методами, свойственными тому и другому способам постижения действительности и получению благодаря этому новых, синергических, эффектов.

Недаром Пифия была безумной. Там, где недостает фактов для построения безупречной логической цепочки, единственной помощи разум может ждать от аналогии, метафоры, интуиции. Разве не строится вся техника сегодняшнего дня на фундаменте атомной гипотезы, выдвинутой Левкиппом и Демокритом еще во времена полудиких футурологов-пифий, за две с половиной тысячи лет до изобретения спинтарископа и камеры Вильсона?.

Валентин Рич

№ 2

Кир Булычёв

Глаз

Литературные страницы
Глаз
Кир БУЛЫЧЕВ

Когда Борис Коткин заканчивал институт, все уже знали, что его оставят в аспирантуре. Некоторые завидовали, а сам Коткин не мог решить, хорошо это или плохо. Он пять лет прожил в общежитии, в спартанском уюте комнаты 45. Сначала с ним жили Чувпилло и Дементьев. Потом, когда Чувпилло уехал, его место занял Котовский. Дементьев женился и стал снимать комнату в Чертанове, и тогда появился Горенков. С соседями Коткин не ссорился, с Дементьевым одно время даже дружнл, но устал от всегдашнего присутствия других людей и часто, особенно в последний год, мечтал о том, чтобы гасить свет, когда захочется. Он даже сказал Саркисьянцу, что вернется в Путинки, будет там преподавать в школе физику и биологию, а Саркисьянц громко хохотал, заставляя оборачиваться всех, кто проходил по коридору.

Коткин не ходил в походы и не ездил в стройотряд. На факультете к этому привыкли и не придирались: он был отличником, никогда не отказывался от работы, собирал профсоюзные взносы и отвечал за Красный Крест. А на все лето Коткин непременно ехал в Путинки — его мать ослепла, она жила одна, ей было трудно, и ему

нужно было ей помочь.

У них с матерью была комната в двухэтажном бараке, оставшемся от двадцатых годов. Барак стоял недалеко от товарной станции. Раньше мать преподавала в путинковской школе, лотом вышла на пенсию, и у нее не было больше родных, кроме Бориса.

Как и в школьные времена, мать спала за занавесочкой, спала тихо, даже не ворочалась, словно и во сне боялась обеспокоить Бориса. За окном перемигивались станционные огни и гулкий голос диспетчера, искаженный динамиком, распоряжался сцепщиками и машинистами маневровых паровозов.

Мать вставала рано, когда Коткин еще спал, одевалась, брала палочку и уходила на рынок. Она полагала, что Боре полезнее пить молоко с рынка, чем магазинное. Боря прибирал комнату, приносил от колонки воды и все время старался представить себе, какова мера одиночества матери, зримый мир которой ограничивался воспоминаниями.

А мать никогда не жаловалась. Возвращаясь с рынка или из магазина, она на секунду замирала в дверях и неуверенно улыбалась, стараясь уловить дыхание Бориса, убедиться, что он здесь.

Она иногда говорила тихим учительским голосом, что ему надо пореже приезжать в Путники, он здесь зря теряет время, мог бы отдыхать с товарищами или заниматься в библиотеке. Если ты на хорошем счету, не стоит разочаровывать преподавателей. Они ведь тоже люди и разочарование переносят тяжелее, чем молодежь. Матери часто приходилось разочаровываться в людях, но она предпочитала относить это за счет своей слепоты: «Мне надо увидеть выражение глаз человека, — говорила она. — Голосом человек может обмануть. Даже не желая того».

Ей нравилось, что Коткин увлечен своей биофизикой, она помнила когда-то, давно еще, сказанную им фразу: «Я буду хоть сто лет биться, но верну тебе зрение». Она считала, что до этого дня не доживет, но радовалась за других, за тех, кому ее сын возвратит зрение. «А помнишь, — говорила она, — когда ты еще в седьмом классе обещал мне…»

В феврале, когда Коткин был на пятом курсе, мать неожиданно умерла. Коткину поздно сообщили об этом, и он не успел на похороны.

Аспирантура означала еще три года общежития. Замдекана, бывший факультетский гений Миша Чельцов, которого слишком рано начали

выпускать на международные конференции, сочувственно мигал сквозь иностранные очки и обещал устроить отдельную комнату.

— Сделаем все возможное, — говорил он. — Все от нас зависящее.

Но пока свободных отдельных комнат в общежитии не было.

Весной, в конце марта, Коткин был на факультетском капустнике. Он устроился в заднем углу, поближе к двери, чтобы уйти, если станет скучно. Рядом сидела Зина Пархомова с четвертого курса. Ей было весело, и она с готовностью смеялась, если это требовалось по ходу действия. Потом оборачивалась к Коткину и удивлялась, почему он не смеется. Коткин улыбался и кивал головой, чтобы показать, что он с ней согласен: очень смешно. Осенью они работали вместе на субботнике на овощной базе — там были горы капустных кочанов, их надо было грузить на конвейер, который увозил кочаны к шинковальной машине. Коткин запомнил, как Зина все время хрустела кочерыжками и говорила, что в них ужасно много витамина «це». У нее было овальное, геометрически совершенное лицо и белая кожа. Она, единственная на факультете, не расставалась с косой и закручивала ее вокруг

головы венцом. В тот вечер коса лежала на груди, и это было красиво.

— Вы помните, как мы капусту разбирали? — спросила Зина в перерыве между номерами.

— Помню, — сказал Коткни.

— А сейчас встретились на капустнике, — сказала Зина, — смешно?

Коткин не сразу понял, что в этом смешного, он вообще плохо понимал каламбуры. Зина смотрела на него заинтересованно, как на зверюшку в зоопарке. Хуже нет, чем увидеть себя отраженным в чужих глазах — как в зеркале, когда невзначай пройдешь мимо, взглянешь, неподготовленный к встрече с ним, и удивишься, до чего же ты некрасив. Растерянный взгляд серых глазок под рыжими бровями. Тонкий, будто просвечивающий, и красный на конце нос. А рот и подбородок от другого, совсем уже маленького человека.

Коткни отвернулся и стал смотреть на сцену, где двигали стулья. Какой-то широкий парень обернулся из переднего ряда и сказал:

— Зина, гарантирую билет на «Комеди Франсез».

— Спасибо, Гарик. — ответила Зина. — Мне достанут. А как же Светлана?

И они вместе засмеялись, потому что у них были общие тайны.

— Простите, — сказал Борис. — Разрешите. Я выйду.

— Куда вы? — спросила Зина. — Сейчас оркестр будет. Они такие лапочки.

Коткин поднялся и ждал, пока Зина пропустит его, стараясь не встретиться с ней глазами.

Потом он курил в коридоре, у лестницы, и никак не мог уйти домой. В общежитие возвращаться не хотелось, а ничего иного придумать он не мог. Он глядел на ботинки. Ботинки за день запылились, и правый треснул у самого ранта.

— Коткин, у меня создалось впечатление, что я вас прогневила. Так ли это?

Рядом стояла Зина.

— Что вы, что вы, — сказал Коткин. — Мне пора идти.

Два года назад в него влюбилась одна первокурсница, умненькая и старательная. Она даже стала собирать, как и Коткин, марки с животными, показывая этим родство их душ. Но первокурсница была некрасива и робка, и его мучило, что это подчеркивает его собственную неприглядность. Коткин был с ней вежлив, но прятался от нее. Скоро об этом узнали на курсе и

над ним смеялись. Коткин хотел бы влюбиться в значительную, яркую девушку, такую, как Пархомова. Но он понимал крамольность такой мечты и красивых девушек избегал.

— Над чем вы сейчас работаете? — спросила Зина. Она спросила это, чуть понизив голос, словно это была тайна, сродни тайнам той среды, где достают билеты на «Комеди Франсез».

— Разве вам интересно? — спросил Коткин. Он не хотел обидеть ее этим вопросом, он просто удивился.

— Нет. — сказала Зина, глядя на Коткниа в упор. — Разумеется, это мне недоступно. Куда уж мне, серой и глупой.

Дня через два, встретив Бориса в коридоре, Зина Пархомова улыбнулась ему как хорошему знакомому, хотя в этот момент разговаривала с подругами. Подруги захихикали, и потому Коткин отвернулся и быстро прошел мимо, чтобы не ставить Зину в неудобное положение.

Избежав встречи с Зиной, Борис минуты три оставался в убеждении, что поступил правильно. Но когда эти минуты прошли, он понял, что должен отыскать Зину и попросить у нее прощения.

Ночь Коткин провел в предоперационном трепете. К утру он настолько потерял присутствие

духа, что взял из тумбочки соседа градусник и держал, его минут двадцать, надеясь, что заболел. Вышло 36,8. Днем на факультете Коткин несколько раз видел Зину, но издали и не одну, пришлось ждать ее на улице, после лекций. Он не знал, в какую сторону Зина идет из института, и спрятался в подъезде напротив входа. В подъезд входили люди и смотрели на Коткина с подозрением, а он делал вид, что чем-то занят — завязывал шнурок на ботинке, листал записную книжку, ему казалось, что Зина уже прошла мимо, и он прижимался к стеклу двери, глядя вдоль улицы.

Зина вышла не одна, ее провожал широкий парень, они пошли налево, и после некоторого колебания Коткин, проклиная себя, последовал за ними. Он шел шагах в пятидесяти сзади и боялся, что Зина обернется и решит, что он следил за ней. Так они дошли до угла, пересекли площадь, и Коткин дал слово, что, если они не расстанутся тут же, он уйдет и никогда больше не приблизится к Зине. Зина и ее знакомый не расстались на углу, а пошли дальше, Коткин за ними, отыскивая глазами следующий ориентир; после которого он повернет назад. Но он не успел этого сделать. Неожиданно Зина протянула широкому парню руку и направилась к Коткину.

— Здравствуй, — сказала она. — Ты за мной следил. Я очень польщена.

— Нет, — сказал Коткин. — Я просто шел в эту сторону и даже не видел..

— И что ты хотел мне сказать? — спросила Зина, улыбаясь.

— Ничего, — сказал Коткин и попытался уйти.

Зина положила ему на плечо красивую руку.

— Борис, — сказала она, — ты не очень спешишь?

— Я хотел попросить у вас прощения, — сказал Коткин. — Но так неловко получилось…

Они были в кино, потом Коткин проводил Зину на Русаковскую и Зина показала ему окна своей квартиры.

— Я тут живу со стариками. Но отцу дают назначение в Среднюю Азию. Он у меня строитель. Так что я останусь совсем одна.

Коткин сказал:

— А у меня только мать…

— Она там? В твоих Путинках?

— Да, — сказал Коткин, — там. Она в феврале умерла.

На следующей неделе Зина пригласила Коткина на концерт аргентинского виолончелиста. Коткин не понимал музыки, не любил ее, он

занял у Саркисьянца двадцать рублей и купил себе новые ботинки. У консерватории люди спрашивали лишний билет, и он понял, что занимает чужое место, — лучше бы уткнуться сейчас в кляссер с марками, но он был благодарен Зине за внимание к себе, незаслуженное и потому стеснительное, он старался не глядеть на ее четкий профиль и думал о работе.

В апреле Зина еще несколько раз бывала с Коткнным в разных местах, он запутался в долгах, но отказаться от встреч не мог. Иногда Зина просила Коткина рассказать, над чем он работает, но ему казалось, что все это ей не совсем интересно. И сам он, такой некрасивый и неостроумный, ее интересовать не мог — в этом Коткин был уверен. Саркисьяиц поймал его в коридоре и спросил:

— Зачем кружишь голову такой девушке?

— Я не кружу.

— Она что ли за тобой ухаживает? Весь факультет поражен.

— А что в этом удивительного? — озлился вдруг Коткин.

Еще больше смутила Коткина черноглазая Проскурина. Она была лучшей подругой Зины, и оттого Коткин готов был простить ей перманентную злость ко всему человечеству, вульгарные

наряды и громкий, пронзительный хохот. Проскурина ехала с Коткиным в метро. Она сказала:

— Конечно, это не мое дело, но ты, Борис, не обольщайся. Как подруга я имею право на откровенность. Ты меня не выдашь?

— Нет, — сказал Коткин.

— Она тебя не любит, — сказала Проскурина. — Никого она не любит. Понял?

— Нет, не понял.

— Когда поймешь, будет поздно. Мое дело предупредить муху, чтобы держалась подальше от паутины, — сравнение Проскуриной понравилось, и она захохотала на весь вагон.

— У нас чисто товарищеские отношения, — сказал Коткин. — Я отлично понимаю, что Зину окружают куда более интересные и яркие люди…

— Молчи уж, — перебила Проскурина. — Яркие личиости… а что ей с этих ярких личностей? Распределение будущей весной.

Коткин забыл об этом разговоре. Ему было неприятно, что у Зины такая подруга. Забыл он о разговоре еще и потому, что после него долго, почти месяц, не виделся с Зиной. Здоровался — не более. Зина увлеклась аспирантом с прикладной математики И сказала Коткину:

— Пойми меня, Боря, я не могу приказать сердцу.

Так все и кончилось. Коткин сдал госэкзамены и засел за реферат. Миша Чельцов, замдекана из гениев, убедил его, что науке нет дела до настроений Коткина. Борис расплачивался с долгами, много читал, работал, потому что любил свою работу.

В августе Зина вернулась с юга. Проскурина сообщила Коткину, что она ездила с тем аспирантом, но поссорилась. Зина увидела Коткина в пустой, раскаленной библиотеке и от двери громко сказала:

— Борис, выйди на минутку.

Коткин не сразу понял, кто зовет его, а когда увидел Зину, испугался, что она уйдет, не дождавшись, и бросился к двери, задел книги, и они упали на пол. Ему пришлось нагнуться и собирать их, книги норовили снова вырваться, и он думал, что Зина все-таки ушла. Но она ждала его. Ее волосы выгорели и казались совсем белыми.

— Как ты без меня существовал? — спросила она.

— Спасибо, — ответил Коткин.

— А я жалею, что поехала. Такая тоска, ты не представляешь. Ты что делаешь вечером?

Коткин не ответил, он смотрел на иее.

— Надо поговорить. А то ты, наверное, сплетен обо мне нахватался. Извини, что отвлекла тебя.

Зина ушла, не договорившись, где и когда они встретятся.

Коткин сдал книги и поспешил вниз.

Искать ее не пришлось. Она сидела на скамье в вестибюле, вытянув длинные бронзовые ноги, а возле нее стояли два программиста из ВЦ, наперебой шутили и сами своим шуткам смеялись. Коткин остановился у лестницы, не зная что делать дальше; а Зина увидела его и крикнула:

— Боренька, я тебя заждалась.

Она легко вскочила со скамьи и поспешила ему навстречу, забыв о программистах.

Они сидели на веранде кафе в Сокольниках, вечер был душный и влажный, словно собиралась гроза. Гроза собиралась каждый вечер, стояла засуха. Коткин никогда бы не смог разыскать столика на переполненной веранде, но Зина нашла столик и даже два стула. Коткин принес пиво, и Зина спросила:

— У тебя есть деньги, Боря?

Они пили пиво, Коткину было немного грустно, потому что этот вечер никогда уже больше не повторится. Зина рассказывала ему о том, как

было скучно в Коктебеле, хотя за ней ухаживал одни известный поэт, и как она разочаровалась в прикладном математике, и Коткин со всем соглашался, и оттого тоже было грустно, словно они жили в разных мирах, она на Земле, он — на Марсе, или словно он был крепостным, а она — принцессой. Потом Зина предложила уйти, и они долго ходили по темным аллеям и искали свободную скамейку. Зина взяла Коткина за руку, у нее были теплые, мягкие пальцы, она была одного роста с Коткиным, но казалась выше, потому что была статная и не горбилась.

Они сидели на скамейке, и Зина сказала:

— Боря, можно быть с тобой откровенной?

Коткин испугался, что она станет говорить о том аспиранте или о каком-нибудь поклоннике, за которого она собралась замуж, и будет спрашивать совета.

— Ты все еще живешь в общежитии?

— Да.

— Понимаешь, какое дело… Только ты надо мной не смейся, ты же знаешь, как я к тебе отношусь. Мои старики уехали на Нурек. Наверное, лет на пять. Пока отец не построит там свою плотину, он ни за что не вернется. А может, он вообще там останется. Ты слушаешь?

— Слушаю.

Коткин смотрел на руку Зины и удивлялся совершенству ее пальцев.

— Я осталась одна в квартирке. А ты живешь в общежитии. Это несправедливо. Ты меня понимаешь?

— Нет, — сказал Коткин.

— Я так и думала. В общем я предлагаю, бери свои марки, рыжик, и переезжай ко мне.

— Как это?

— Пойми меня, Боренька, я за последние месяцы разочаровалась в людях. Я поняла, что ты единственный человек, на которого можно положиться. Не удивляйся. Я знаю, что ты некрасив, не умеешь держать себя в обществе, что у нас с тобой различный круг друзей. Все это в конечном счете не так важно. Ты меня понимаешь? Я знаю, какой ты талантливый и как тоскливо тебе после мамы… Тебе нужен кто-то, кто может о тебе позаботиться… Я слишком откровенна? Но мне казалось, что и я тебе небезразлична. Я не ошиблась? Ты можешь отказаться…

Последняя фраза оборвалась, и Коткин чувствовал присутствие в воздухе важных, почти страшных в своей значимости слов, схожих с эхом колокольного звона.

— Нет, — сказал Коткин. — Что ты, как можно?

Он был так благодарен ей, такой красивой и умной, что чуть было не заплакал, и отвернулся, чтобы она не заметила этого. Зина положила ладонь ему на колено и сказала:

— Я бы заботилась о тебе, милый… Прости меня за откровенность.

А когда они уже выходили из парка, Зина остановилась, прижала ладонь к губам Коткина и сказала:

— Только понимаешь, вдруг старики приедут, а у меня мужик живет… Распишемся?

Прошло девять с половиной лет. Коткин вернулся из магазина и выкладывал из сумки продукты на завтра. В комнате булькали голоса. К Зиночке пришли Проскурина и новый муж Проскуриной, о котором еще вчера Зина сказала Коткину:

— Когда я тебя сменю, никогда не опущусь до такого ничтожества.

Сейчас они смеялись, потому что новый муж Проскуриной вернулся из Бразилии, принес бутылку японского виски и рассказывал бразильские анекдоты. Коткину хотелось послушать о Бразилии, его в последнее время тянуло уехать,

хоть ненадолго, в Африку или Австралию, но было некогда и нельзя было оставлять Зину одну. У нее опять начиналось обострение печени, и ей была нужна диета.

Коткин поставил чайник и заглянул на секунду в комнату.

— Кому чай, кому кофе? — спросил он.

— Всем кофе, — сказала Зина.

— Тебе нельзя, — сказал Коткин. — Тебе вредно.

— Я лучше тебя знаю, что мне вредно.

Проскурина засмеялась.

Коткин вернулся на кухню и достал кофе. Он сегодня шел домой в отличном настроении и хотел показать Зине последний вариант Глаза. Глаз функционировал. Четыре года, и вот все позади. Он хотел сказать Зине, что будет премия: директор института — тот самый Миша Чельцов, который когда-то был замдекана на их факультете, еще вчера сказал Коткину:

— Ребята, на вашем горбу и я в рай въеду.

Миша был добрым человеком, он завидовал Коткину, но всегда помогал. Он оппонировал у него на кандидатской и перетащил его к себе, дал лабораторию и не закрыл тему, когда долго ничего не получалось.

И Коткин пришел домой с Глазом, чтобы показать его Зине, хотя знал, что на Зину это вряд ли произведет особое впечатление. Она любила повторять где-то подслушанную фразу о том, что исчерпала свой запас любопытства к мирской суете.

Зина неделю назад вернулась из Гагр, куда ей нельзя было ездить и где она хорошо загорела, хотя загорать ей было противопоказано. Там, конечно, подобралась хорошая компания — «Мы жутко хохотали!» Но Коткин знал, что когда Проскурина с мужем уйдут, Зина будет их ругать и жаловаться, что от виски у нее изжога, и ему придется подниматься среди ночи, чтобы дать ей лекарство.

Чсльцов, который помнил Зину по институту, слегка захмелев, — они сегодня, конечно же, легонечко обмыли Глаз — опять говорил Коткину:

— Слушай, она с тобой обращается, как с римским рабом. Ты весь высох.

— Ты ничего не понимаешь, Миша, — отвечал, как всегда, Коткин. — Я ее вечный должник.

— Это еще почему? — спросил Чсльцов. Он знал ответ, потому что этот разговор повторялся неоднократно.

— Есть такое старое слово — благодеяние. Оно

почему-то употребляется теперь только в ироническом смысле. В тяжелый момент Зина пришла ко мне на помощь.

За девять с половиной лет Коткин почти не изменился. Он был так же сух, подвижен, так же неухожен и плохо одет. Мнша знал, что задерживает Коткина — тот спешил в техникум, где преподавал на почасовых, потому что были нужны деньги.

— Неужели ты не отработал долг? Или это как у ростовщика — чем больше отдаешь, тем больше должен?

Коткин украдкой взглянул на часы.

— Нет, — сказал он. — Я не мальчик и не придумываю себе кумиров. Со мной тоже нелегко. Кстати, кто поедет в Баку, ты решил?

С Коткиным и в самом деле бывало нелегко — Чельцов знал об этом лучше других. Но он знал также, что сухость, нелюдимость и раздражительность Коткнна происходили от двух, тесно переплетенных причин: от болезненной застенчивости и от непонимания того, как можно не любить работу, которую он, Коткин, любит. У Коткина не было близких друзей, может, он не нуждался в них, и он научился не замечать очевидного сострадания институтских дам к его

неладной, хоть и лишь по догадкам известной им семейной жизни, которую сам он считал нормальной, а временами счастливой. Так уж повелось, что Коткиным положено было гордиться, но гордиться так, как гордятся природной достопримечательностью, не ожидая ничего взамен.

…А Зина за последние годы сменила несколько институтов, где ее не смогли оценить по достоинству. Потом работала в главке и пережила неудачный роман с директором одного из сибирских заводов, приезжавшим в командировки, — ему льстило внимание красивой москвички. Существование Зины никак не отражалось на его основной жизни — семьянина, общественника и, в первую очередь, солидного человека. Убедившись в том, что намерения директора по отношению к ней недостаточно серьезны, Зина с горя бросила главк и устроилась в издательство, работой в котором тяготилась, поскольку полагала, что создана для жизни неспешной, для встреч с подругами, прогулок по магазинам, поездок в Карловы Вары и борьбы с болезнями, которые все ближе подбирались к ее стройному телу. Но и уйти с работы совсем она не могла, чему существовало несколько различных объяснений. Объяснение для Коткнна заключалось в том, что

он не может обеспечить должным образом жену и она вынуждена трудиться, чтобы дом не погряз в пучине бедности. Объяснение для себя, будь оно сформулировано, звучало бы так: «Дома одна я со скуки помру. Три дня в неделю, которые я должна отсиживать в издательстве, — это живой мир, мир разговоров, встреч с авторами, коридорного шепота, и дни эти продолжаются за полночь в сложных схемах телефонных перезвонов». Было и третье объяснение — для знакомых мужчин, далеких от издательского мира. В нем на первое место выдвигалась ее незаменимость: «Нет, сегодня я не смогу вас увидеть. Конец квартала, а у меня еще триста страниц недовычитанного бреда одного академика…».

Зина отрезала косу, столь обожаемую сибирским директором, лицо ее потеряло геометрическую правильность и чуть обрюзгло, хотя она все еще была очень хороша.

Когда Коткин вернулся с готовым кофе, Проскурина подвинула ему полную окурков пепельницу, чтобы он ее вытряхнул, а новый муж Проскуриной протянул ему стопочку виски и обратился с вопросом, в котором смешивалась

мужская солидарность и скрытая ирония:

— Над чем сейчас трудитесь, Боря?

— Я? — Коткин удивился. Как-то получилось, что работа Коткина давно уже перестала быть предметом обсуждения дома, тем более при гостях. «Талантливый человек, — сказала как-то в сердцах Зина, — подобен молнии. Его отовсюду видно. И всем интересно, как это у него получается». Коткин не был подобен молнии.

— Ведь вы, — улыбнулся новый муж Проскуриной, который был журналистом-международником, — если не ошибаюсь, инженер? Давайте я о вас напишу.

— Он биофизик, — сказала Проскурина. — И собирает марки со зверями.

— Чистые или гашеные? — спросил новый муж.

— Гашеные, — сказал Коткин, разливая кофе. — Сейчас я торт принесу.

— Сахар захвати, — сказала Зина, — биофизик!

— Я забыл его купить.

— Ну вот, ни о чем попросить нельзя.

Зина собиралась утром выйти из дома и обещала сама купить сахар и чай. Но она скромно пообедала в Доме журналиста с Риммой, владелицей объемистого баула с надписью «ADIDAS», в

котором та приносила в редакцию сказочные по редкости и дороговизне вещи. На этот раз Зине удалось перехватить Римму у издательства и получить в собственное распоряжение на два часа. Коткин еще не знал, в какую финансовую пропасть рухнула их семья благодаря Зининой сообразительности.

О сахаре Зина, разумеется, забыла.

На кухне Коткин резал торт, довольный тем, что муж Проскуриной так вовремя спросил его о работе. Можно будет рассказать о Глазе, не показавшись в глазах Зины и гостей пустым хвастуном.

Коткин вынул из портфеля Глаз и осторожно размотал проводки. Присоски с датчиками удобно прижались к вискам. Глаз можно было прикрепить ко лбу, для чего был сделан специальный обруч, можно было держать в руке. Коткин нажал кнопку. Из комнаты доносился смех — муж Проскуриной снова рассказывал что-то веселое. Коткин уже не раз испытывал это странное чувство в опытах с Глазом. Коткин увидел потолок кухни, полки с посудой и чуть закопченные стены наверху. И в то же время он видел то, что было перед ним: свою вытянутую руку. Глаз в ней, обращенный зрачком кверху,

кухонный стол с нарезанным тортом, плиту. Проведя рукой в сторону, Коткин заставил себя скользнуть взглядом Глаза по стене и в то же время не выпустил из поля зрения собственную ладонь. Он зажмурился. Мозг, пославший глазам сигнал зажмуриться, ожидал, что наступит темнота. Вместо этого он продолжал видеть Глазом, и, поднеся руку к лицу, Коткин смог заметить этим глазом свои зажмуренные глаза.

— Ты скоро? — крикнула из комнаты Зина. — Кофе остынет. Сколько можно кромсать торт?

Коткин быстро содрал с висков присоски и сунул Глаз в портфель.

— Иду, — сказал он.

Коткин ждал, когда муж Проскуриной повторит вопрос о его работе, но разговор уже необратимо ушел в сторону. А они четыре года бились с этим Глазом. Идея заключалась в том, что у подавляющего большинства слепых сами зрительные центры не повреждены. Значит, если воздействовать, подобрав нужные частоты, непосредственно на мозг, минуя вышедшие из строя глаза, можно восстановить зрение. Поэтому они поделили Глаз на две части: одну — приемник, улавливающий свет, другую — транслятор, передающий информацию к мозгу. Лаборатория

Коткина разработала приемник. Верховский занимался передачей изображения от присосков, прямо на шпорную борозду, на зрительный центр. Вот и все. Только прошло два года, прежде чем человек, включивший приемник, увидел сначала мутный свет, потом контуры предметов и, наконец, четкое цветное изображение. И еще два года ушло на то, чтобы превратить приемник из ящика размером в телевизор в подобие настоящего глаза. Оттого-то Коткин и взял Глаз домой, хотя и не стоило выносить рабочую модель из института. Но ему хотелось показать ее Зине.

Коткин все же не утерпел. Он подождал, пока в разговоре наступит пауза, и, откашлявшись. сказал:

— Мы сегодня одну работу закончили.

И все удивились, что он, оказывается, в комнате.

— Как же, — рассеянно произнес муж Проскуриной. — Очень любопытно.

Тогда Коткин проклял себя и замолчал, и никто не предложил ему продолжать. Тут позвонили в дверь, и пришла Настя со своим приятелем, потому что им некуда было деться, и Коткину пришлось снова ставить кофе. Гости разбили любимую чашку Зины, она огорчилась, но не подала

виду, а Коткин расстроился, потому что вина за разбитую чашку будет возложена на него. Потом позвонил Верховский, хотя Зина просила, чтобы телефон не занимали рабочими разговорами, если дома гости. Но Коткин не повесил трубки, а говорил минут пять, потому что дело шло о конференции, на которую Верховскому завтра ехать. В Баку приедут Полачек, Браун и Леви, и Коткин объяснял, что он бы тоже поехал туда, но нельзя оставить Зину, она нуждается в заботе и хорошем питании, да и с деньгами опять плохо. Верховский твердил, что, если доклад будет делать не сам Коткин, — это верх неприличия, но Коткин повесил трубку и принялся мыть посуду. Проскурина пришла на кухню и закурила, прислонившись к стене.

— Все суетишься? — спросила она.

— Не понял, — сказал Коткин, — я вообще стараюсь не суетиться.

— Я в переносном смысле. Надо было меня слушаться. Бежал бы ты от нее. Был бы уже доктором наук и жил в свое удовольствие.

— Ты же подруга Зины, — сказал Коткин тихо, чтобы не было слышно в комнате.

— Что с этого? — Проскурина раздавила сигарету о вымытое блюдце и зло прищурила вороньи

глаза. — Слушай, Коткин, она же тебя высосала. Ты был талантливый, тебе сулили большое будущее. Зря я сама тогда тебя не взяла.

— Ты?

— А почему нет? Мы всегда хохотали: Зинка, тупая сила, дура, темнота, непонятно, как с курса на курс переползала, а какая хватка! Какая хватка! Почище нашей! Я иногда думаю: если бы ты попал в другие руки, все могло быть по-другому…

Коткин расставлял чашки на подносе, сыпал печенье в зеленую салатницу. Он думал, что надо ночью еще раз пробежать английский текст доклада Верховского и о том, чьи руки имеет в виду Проскурина? Неужели свои?

— Так и будешь до пенсии бегать по лекциям, писать рецензии и давать уроки, чтобы она могла купить еще одни сапоги?

— Ну какая из меня жертва? — Коткин попытался улыбнуться. — Я отлично живу. Ты не представляешь, какую мы штуку сделали! Хочешь, покажу.

Проскурина отмахнулась.

— Борис, — Зина стояла в дверях, голос у нее отчего-то охрип и смотрела она не на Коткина, а на Проскурину. — Мы умрем от жажды. Ты меня заставляешь подниматься, хоть знаешь, что мне

нельзя.

— Да, — сказал Коткин. Он понял, что не стоило брать Глаз домой.

— А от тебя, Лариса, я этого не ожидала. — все еще хрипло сказала Зина.

— Ожидала, — возразила Проскурина. — Чего я сказала новенького?

— Я не подслушивала. Только последние слова слышала.

— Я могу повторить для твоего сведения, — сказала Проскурина.

— Ты опять насосалась?

— Ничего подобного. А что, я не имею права?

Вечер кончился неудачно, все быстро ушли, Коткин отпаивал Зину корвалолом, а она отворачивалась и отталкивала рюмку, лекарство капало на пол и Зина жаловалась, что Коткин загубил ее жизнь, разбил любимую чашку, поссорил с подругой. Слова ее были несправедливы и неумны. Коткин устал, и в нем накапливалось странное, тяжелое раздражение, которое жило в нем давно, которое он всегда подавлял в себе, потому что оно было направлено против Зины. Ему пора было повиниться во всем, но он не стал этого делать, чем еще больше разгневал Зину. Хотелось спать, но надо убраться, а потом набросать статью для

— «Вестника», он обещал Чсльцову, а завтра последний срок. Вставать рано, а спать хотелось очень. Коткину всегда хотелось спать, он привык к этому. Тут еще снова зазвонил телефон, это был сам Чельцов, который волновался, что Коткин не успеет написать статью, а Зина закричала из комнаты, чтобы он немедленно повесил трубку, если не хочет свести ее в могилу. Коткин сказал, что Зина себя плохо чувствует, а Миша вздохнул и ответил: «Ну, как же». Коткин повесил трубку и подумал, что, может, стоит сейчас показать Глаз и развеять плохое настроение Зины. Ведь она перенервничала, потому что оскорбительно слышать о себе такое от близкого человека.

— Зиночка, — сказал Коткин, внося в комнату портфель, — я думаю тебе будет интересно поглядеть на одну штуку, которую мы сделали. Кажется, мы добились…

— Помолчи. Я уже все это слышала.

Зина не была лишена тщеславия, и надежда на то, что Коткин станет доктором наук, может, даже самым молодым академиком сыграла немаловажную роль в ее выборе. Как-то вскоре после женитьбы она взяла напрокат пишущую машинку и одним пальцем, с ошибками, перепечатала две коткинских статьи. Но именно те статьи

почему-то не вышли в свет, а Коткин не стал до сих пор доктором и уже потерял шансы стать самым молодым академиком. И Зине давно уж стало ясно, что он ее обманул. И пожалуй, если бы Коткин показал ей не Глаз, а новехонький диплом лауреата Нобелевской премии, Зина не стала бы его рассматривать, потому что лауреатами коткины не становятся.

И все-таки Коткин достал Глаз и показал ей. Глаз был мало похож на настоящий, скорее он напоминал небольшую непрозрачную, черную рюмку. Плоским основанием ножки он мог крепиться ко лбу, а в самой рюмке, заполняя ее, помещался приемник и выпуклая поверхность искусственного зрачка казалась глубокой и бездонной. Когда Глаз включался, в глубине загорался холодный бесцветный огонек. От рюмки тянулись длинные тонкие провода с большими присосками на концах.

— Убери эту гадость, — сказала Зина. — На паука похоже.

А Коткину Глаз казался красивым.

— Зина, — сказал Коткин. — Мы четыре года бились, и вот он работает.

Зина тяжело вздохнула, у нее не осталось сил спорить, и она отвернулась к стене. Пружина ста-

рого дивана ухнула, зазвенели чашки на подносе. Зина плакала, а Коткин все не раскаивался. Он собрал поднос и понес его на кухню.

Когда он вернулся в комнату, Зина уже не плакала. Он сел за журнальный столик и вынул из портфеля начатую статью.

— Погаси свет, — сказала Зина слабым голосом. — Неужели ты не видишь, как мне паршиво?

Спать, к счастью, расхотелось. Он выключил верхний свет, забрал свои бумажки со столика и устроился на кухне. Он сидел так, чтобы можно было, обернувшись, увидеть Зину: диван, освещенный настенным бра, похожим на маленький квадратный уличный фонарь, как раз вписывался в прямоугольник двери.

Ну что ж, поработаем, сказал себе Коткин, ничего страшного не случилось. Он начал писать и понемногу втянулся в работу, потому что давно уже привык работать в неудобное для других время, в неудобных местах, потому что работать надо было всегда, а никому не было дела до того, как Коткин это делает.

Чтобы Глаз не мешал, Коткин закинул его за спину, а потом включил его, потому что таким образом можно смотреть на Зниу и, если ей будет

нужно, подойти.

С Глазом на спине работать было трудно. Трудно смотреть на лист бумаги, на свою руку, и в то же время видеть дверь в комнату, диван, лампу, похожую на уличный фонарь и круглую спину Зины. Он видел отдельно каждый волос на ее голове, видел облезший лак на ногтях закинутой на затылок руки.

Коткин полагал, что Зина переживает ссору с Проскуриной. В самом же деле Зина уже забыла о Проскуриной, потому что умела пропускать мимо ушей неприятные слова, зная, что нервные клетки не восстанавливаются. Все эти десять лет она пробыла в глубокой уверенности, что облагодетельствовала Коткнна и потому душевно его превосходит. И вот, разглядывая потертый узор спинки дивана, Зниа вдруг почувствовала в себе силу прекратить это прозябание с ничтожеством, поняла, что, если сегодня она прикажет ему выматываться окончательно и всерьез, перед ней откроется яркая, интересная жизнь. Жизнь, начать которую мешает Коткин. Она повернула голову и увидела в проеме двери сгорбленную спину мужа. Он, как всегда, писал свои бездарные штучки и на спине его поблескивал глупый приборчик, которым он пытался хвастать, заставив

ее краснеть перед гостями. «Господи, — подумала она, глядя на эту жалкую спину, — ради кого я угробила десять лет!»

Это было неправдой, потому что решение отделаться от Коткнна она принимала уже много раз, но когда вспышка гнева проходила, она начинала рассуждать здраво и откладывала разрыв на более удобное время.

Глаз уловил ее движение, увидел как она повернула голову. Коткин зажмурился, а рука привычно потянулась к пузырьку с корвалолом.

Он не подумал о том, что Глаз — чужой. Что он видит лучше, чем его глаза, привыкшие ко всему и примирившиеся со всем. Он смотрел на Зину так, словно это был не он, а другой человек, увидевший ее впервые, четко, до мельчайших деталей. Круглолицая, голубоглазая женщина, сжав красивые губы, устало смотрела на затылок Коткнна, и Глаз тут же сообщил мозгу, что этой женщине смертельно надоел этот затылок, что ей надоело презирать Коткина, всего, до подошв на ботинках, презирать его вечную покорность и неумение одеваться, что она устала стесняться его перед своими друзьями, устала ждать чего-то и что ей страшно подумать о том, что этому прозябанию и конца не видно.

Коткин даже испугался того, что увидел. Он не был готов к этому. Он выключил Глаз и обернулся к Зине. Она смотрела на него с вызовом, словно бросилась в воду и теперь придется плыть до того берега.

— Ты что? — спросила она.

— Зина…

— Тридцать пять лет Зина. Оставь меня в покое! Убирайся куда угодно. В общежитие. К своему Верховскому. Куда-нибудь, только оставь меня в покое…

Это уже было. Год назад, полгода назад. И всегда Коткин жалел Зину и корил себя за то, что мало о ней заботился. Но тогда не было Глаза.

— Хорошо, — сказал Коткин, так же, как отвечал на эти слова год и полгода назад. — Хорошо. Конечно, я уйду.

Он снял Глаз, отцепил присоски и осторожно спрятал его в портфель.

— Ничего твоего в этом доме нет, — сказала Зина.

— Нет, — как всегда согласился Коткин.

Он разложил на кухне свою раскладушку. Он нередко спал в кухне на раскладушке, а Зина, разочарованная легкой победой, достала из шкафа одеяло и заснула на диване, сразу, словно

провалилась.

И Коткин вдруг понял, что он ни в чем не виноват перед Зиной. Это было удивительное чувство — не быть виноватым. И когда он проснулся утром, рано, часов в семь, ему показалось, что он спал всего несколько минут и те мысли, с которыми он засыпал, сохранились и он мог продолжить их с той точки, в которой его застал сон.

Коткин согрел чайник, собрал свои бумаги, самые нужные книги и кляссеры с марками. Зина мирно посапывала на диване. Коткин поправил на ней одеяло и попытался понять, что же случилось, что изменилось, почему он не виноват? Может, он вчера расплатился, наконец, с долгами? Ну да, расплатился и ничего никому не должен. Это было чудесно: никому ничего не должен!

Он оставил на столе квитанции из прачечной и химчистки и двадцать рублей, которые у него были с собой, вышел на лестницу, остановился, посмотрел на дверь, к которой подходил тысячи раз, и испытал новую радость от того, что никогда уже к ней не подойдет.

Он шел по улице, люди спешили на работу, а

он не спешил, потому что у него был целый час впереди. Он представил, как удивится Верховский, когда узнает, что он, Коткин, тоже поедет на конференцию. Верховский обрадуется, и они оба приедут в Баку, будут жить в гостинице и есть шашлыки. Он встретится с Гюнтером Брауном, который писал, что отправится в Баку специально, чтобы познакомиться с профессором Коткиным. А о Зине он не думал.

Коткин сел на лавочку на бульваре и стал глядеть на проходивших людей.

По бульвару шла пожилая, сухонькая женщина. Она шла, выставив перед собой палку и постукивая ею по земле. Она шла уверенно, не спеша, и голова ее была откинута назад. Коткину вдруг показалось, что это его мать, — у него даже в затылке застучало, хотя этого и быть не могло, и не было.

Женщина, поравнявшись с ним, остановилась и, поводя палкой перед собой, подошла к скамейке и дотронулась до скамейки палкой.

— Садитесь, — сказал Коткин.

— Спасибо, — сказала женщина. Она села и обернулась к Коткину. Казалось, что она видит его. Женщина сказала, улыбнувшись чуть виновато:

— Я часто выхожу из дому пораньше. Утром здесь так хорошо…

— Вы работаете? — спросил Коткин.

— Конечно. А что мне еще делать?

— Извините, а что вы делаете? — Коткин знал ответ заранее: она — учительница.

— Я преподаю. В техникуме. Мне племянница помогает быть в курсе новостей. Ну и радио слушаю, телевизор слушаю…

— Я сегодня тоже вышел из дому пораньше, — сказал Коткин. — Обычно спешишь, опаздываешь. А вот сегодня так получилось.

Женщина кивнула. Тогда Коткин спросил то, о чем не успел спросить у матери:

— Простите, вам трудно жить?

— Странный вопрос… Нет, мне не трудно. Правда, бывает, я жалею о том, что мне недоступно. Но чаще об этом не думаю. Зачем растравлять себя? Я счастливее многих. Я ослепла в войну и многое помню. Я помню листья, деревья, дома и людей. Я могу представлять. Хуже тем, кто слеп с рождения. Правда, и у них есть свои преимущества…

— А если бы вам сказали, что сегодня вы сможете видеть снова?

— Кто сказал бы?

— Я.

Женщина улыбнулась.

— Самая большая радость — делать другим подарки. Волшебников все любят.

— Я не уверен, любит ли меня кто-нибудь.

Коткин раскрыл портфель. Он знал, что это делать нельзя. Чельцов ему голову снимет, и правильно снимет.

— Сейчас вы сможете видеть, — сказал он. — Только слушайтесь меня. Я укреплю у вас на висках присоски… Вы не боитесь?

— Почему я должна бояться? Просто мне будет обидно, когда ваша шутка кончится. Она жестокая, но вы об этом не подумали.

— Это не шутка, — сказал Коткин. — Погодите.

Неловкими пальцами он стал отводить волосы с висков женщины, чтобы присоски держались получше. Она все еще старалась улыбаться. Коткин укрепил на лбу женщины обруч с приемником. Двое малышей с лопатками подошли к ним поближе и смотрели, что он делает.

Коткин вложил выключатель в ладонь женщины.

— Пожалуй, — сказал он, — вам не следует смотреть на ярко освещенные предметы. Наклоните голову. Вот тут нажмите.

Тонкий худой палец женщины замер над кноп-

кой, и Коткин, положив поверх ее пальцев свою руку, надавил на палец. Кнопка щелкнула.

Женщина молчала. Она сидела, склонив голову, и Коткин не решался заглянуть ей в лицо.

Потом женщина с трудом подняла голову, повернулась к Коткину, и он увидел загадочный, холодный огонек, горящий в приемнике. Из незрячих глаз покатились слезы; они, как дождь на стекле, оставляли ломаные дорожки на белой сухой коже.

Коткину было неловко. Он поднялся и сказал:

— До свидания. Я, понимаете, поступаю неправильно, я не имел права… Потом, когда придете в себя, позвоните мне по этому телефону, моя фамилия Коткин.

И на листке, вырванном из записной книжки, написал свой институтский телефон.

№ 3, 4, 5

Клиффорд Саймак

Кто там, в толще скал?

Фантастика

Кто там, в толще скал?

Клиффорд САЙМАК

1.

Он бродил по холмам, вызнавая, что видели эти холмы в каждую из геологических эр. Он слушал звезды и записывал, что говорили звезды. Он обнаружил существо, замурованное в толще скал. Он взбирался на дерево, на которое до того взбирались только дикие кошки, когда возвращались домой в пещеру, высеченную временем и непогодой в отвесной груди утеса. Он жил в одиночестве на заброшенной ферме, взгромоздившейся на высокий и узкий гребень над слиянием двух рек. А его ближайший сосед — хватило же совести — отправился за тридцать миль в окружной городишко и донес шерифу, что он, читающий тайны холмов и внимающий звездам, — ворует кур.

Примерно через неделю шериф заехал на ферму и, перейдя двор, заметил человека, который сидел на веранде в кресле-качалке, лицом к заречным холмам. Шериф остановился у подножия лесенки, ведущей на веранду, и представился:

— Шериф Харли Шеперд. Завернул к вам по

дороге. Лет пять, наверное, не заглядывал в этот медвежий угол. Вы ведь здесь новосел, так?

Человек поднялся на ноги и жестом показал на кресло рядом со своим.

— Я здесь уже три года, — ответил он. — Зовут меня Уоллес Дэниельс. Поднимайтесь сюда, посидим, потолкуем.

Шериф вскарабкался по лесенке, они обменялись рукопожатием и опустились в кресла.

— Вы, я смотрю, совсем не обрабатываете землю, — сказал шериф.

Заросшие сорняками поля подступали вплотную к опоясывающей двор ограде Дэниельс покачал головой:

— На жизнь хватает, а большего мне не надо. Держу кур, чтоб несли яйца. Парочку коров, чтоб давали молоко и масло. Свиней на мясо, — только вот забивать их сам не могу, приходится звать на помощь. Ну, и еще огород, — вот, пожалуй, и все.

— И того довольно, — поддержал шериф. — Ферма-то уже ни на что другое не годна. Старый Эймос Уильямс разорил тут все вконец. Хозяин он был прямо-таки никудышный…

— Зато земля отдыхает, — отвечал Дэниельс. — Дайте ей десять лет, а еще лучше двадцать, и она будет родить опять. А сейчас она годится разве

что для кроликов и сурков да мышей-полевок. Ну, и птиц тут, ясное дело, не счесть. Перепелок такая прорва, какой я в жизни не видел.

— Белкам тут всегда было раздолье, — подхватил шериф. — И енотам тоже. Думаю, что еноты у вас и сейчас есть. Вы не охотник, мистер Дэниельс?

— У меня и ружья-то нет, — отвечал Дэниельс.

Шериф глубоко откинулся в кресле, слегка покачиваясь.

— Красивые здесь места, — объявил он. — Особенно перед листопадом. Листья словно кто специально раскрасил. Но изрезано тут у вас просто черт знает как. То и дело вверх-вниз… Зато красиво.

— Здесь все сохранилось, как было встарь, — отвечал Дэниельс. — Море отступило отсюда в последний раз четыреста миллионов лет назад. С тех пор, с конца силурийского периода, здесь суша. Если не забираться на север, к самому Канадскому щиту, то немного сыщется в нашей стране уголков, не изменявшихся с таких древних времен.

— Вы геолог, мистер Дэниельс?

— Куда мне! Интересуюсь, и только. По правде говоря, я дилетант. Нужно же как-нибудь

убить время, вот я и шляюсь по холмам, лазаю вверх да вниз. А на холмах, хочешь не хочешь, столкнешься с геологией лицом к лицу. Вот и заинтересовался. Нашел однажды окаменевших брахиопод, решил про них разузнать. Выписал себе книжек, начал читать. Одно потянуло за собой другое, ну и…

— Брахиоподы — это как динозавры, что ли? В жизни не слыхал, чтобы здесь водились динозавры.

— Нет, это не динозавры, — отвечал Дэниельс, — те, которых я нашел, жили много раньше динозавров. Они совсем маленькие, вроде моллюсков или устриц. Только раковины закручены по-другому. Мои брахиоподы очень древние, вымершие миллионы лет назад Но есть и такие виды, которые уцелели до наших дней. Правда, таких немного.

— Должно быть, интересное дело.

— На мой взгляд, да. — отвечал Дэннельс.

— Вы знавали старого Эймоса Уильямса?

— Нет. Он умер раньше, чем я сюда перебрался. Я купил землю через банк, который распоряжался его имуществом.

— Старый дурак, — заявил шериф. — Перессорился со всеми соседями. А особенно с Беном

Адамсом. Они с Беном вели тут форменную междоусобную войну. Бен утверждал, что Эймос не желает чинить ограду. А Эймос обвинял Бена, что тот нарочно валит ее, чтобы запустить свой скот — вроде бы по чистой случайности — на сенокосные угодья Эймоса. Между прочим, как вы с Беном ладите?

— Да ничего, — отвечал Дэннельс. — Пожаловаться не на что. Я его почти и не знаю.

— Бен тоже, в общем-то, не фермер, — сказал шериф. — Охотится, рыбачит, собирает женьшень, зимой не брезгует браконьерством. А то вдруг заведется и затеет поиски минералов…

— Здесь под холмами в самом деле кое-что припрятано, — отвечал Дэннельс. — Свинец и цинк. Но добывать их невыгодно: истратишь больше, чем заработаешь. При нынешних-то ценах…

— И все-то Бену неймется, — продолжал шериф. — Хлебом его не корми, только бы завести склоку. Только бы с кем-нибудь схлестнуться, что-нибудь пронюхать, к кому-нибудь пристать, не дай бог, если разозлится. На днях пожаловал ко мне с кляузой, что недосчитался нескольких кур. А у вас куры часом не пропадали?

Дэннельс усмехнулся.

— Тут неподалеку живет лиса, и она иной раз

взимает с моего курятника определенную дань. Но я на нее не сержусь.

— Странная вещь, — заявил шериф. — Кажется, нет на свете ничего, что взъярило бы фермера больше, чем пропажа цыпленка. Не спорю, цыпленок тоже денег стоит, но не столько же, чтобы впадать в ярость…

— Если Бен недосчитывается кур, — отвечал Дэннельс. — то похоже, что виновница моя лиса.

— Ваша? Вы говорите о ней так, будто она ваша собственная…

— Нет, конечно. Лиса ничья. Но она живет здесь на холмах, как и я. Я считаю, что мы с ней соседи. Изредка я встречаю ее и наблюдаю за ней. Может, это и значит, что отчасти она теперь моя. Хотя не удивлюсь, если она наблюдает за мной куда чаще, чем я за ней. Она ведь проворней меня.

Шериф грузно поднялся с кресла.

— До чего же не хочется уходить, — сказал он. — Поверьте, я с большим удовольствием посидел с вами, потолковал, поглядел на ваши холмы. Вы, наверное, часто на них глядите.

— Очень часто, — отмечал Дэниельс.

Он сидел на веранде и смотрел вслед машине

шерифа. Вот она одолела подъем на дальнюю гряду и скрылась из виду.

«Что все это значило?» — спросил он себя. Шериф не просто «завернул по дороге». Шериф был здесь по делу. Вся его якобы праздная, дружелюбная болтовня преследовала какую-то цель, и шериф, болтая, ухитрился задать Дэниельсу кучу вопросов.

Быть может, неожиданный визит как-то связан с Беном Адамсом? В чем же, спрашивается, провинился этот Бен — разве в том, что он лентяй до мозга костей? Нагловатый, подловатый, но лентяй. Может, шериф прослышал, что Адамс помаленьку варит самогон, и решил навестить соседей в надежде, что кто-нибудь проговорится? Напрасный труд — никто, конечно, не проболтается: чихать соседям на самогон, от самогона никому никакого вреда. Сколько там Бен наварит — разве можно принимать это всерьез? Бен слишком ленив, и не стоит принимать его всерьез, что бы он ни затеял.

Снизу, от подошвы холмов, донеслось позвякиванье колокольчиков. Две коровы Дэниельса решили сами вернуться домой. Выходит, сейчас уже гораздо позднее, чем казалось. Не то чтобы точное время имело для Дэниельса какое-либо

значение. Вот уже несколько долгих месяцев он не следил за временем — с тех пор, как разбил часы, сорвавшись с утеса. И даже не удосужился отдать эти часы в починку. Он не испытывал нужды в часах. На кухне, правда, стоял старый колченогий будильник, но это был сумасбродный механизм, не заслуживающий доверия.

«Посижу еще чуточку. — подумал он, — и придется взять себя и руки к заняться хозяйством — подоить коров, накормить свиней и кур, собрать яйца…» С той поры, как на огороде поспели овощи, у него почти не осталось забот. На днях, конечно, надо будет снести тыквы в подвал, а потом выбрать три-четыре самых больших и выдолбить для соседских детишек, чтобы понаделали себе страшилищ на праздники. Интересно, что лучше: самому вырезать на тыквах рожи или предоставить ребятне сделать это по своему разумению?..

Но колокольчики звякали еще далеко — и его распоряжении было еще сколько-то времени. Дэннельс откинулся в кресле и углубился взглядом в холмистую даль.

И холмы сдвинулись с мест и стали меняться у него на глазах.

Когда это произошло впервые, он испугался до

одури. Теперь-то он уже немного привык.

Он смотрел — а холмы меняли свои очертания. На холмах появлялась иная растительность, диковинная жизнь.

На этот раз он увидел динозавров. Целое стадо динозавров, впрочем, не слишком крупных. По всей вероятности, середина триасового периода. Но главное — на этот раз он лишь смотрел на них издали, и не больше. Он лишь смотрел с безопасного расстояния на давнее прошлое, а не ворвался в самую гущу событий прошлого, как нередко случалось.

И хорошо, что не ворвался, — ведь его ждали домашние дела.

Разглядывая прошлое, Дэниельс вновь и вновь терялся в догадках: на что же еще он способен теперь? Он ощущал беспокойство — но беспокоили его не динозавры, и не более ранние земноводные, и не прочие твари, жившие на этих холмах во время оно. По-настоящему его тревожило лишь существо, погребенное под пластами известняка.

Надо, непременно надо рассказать людям об этом. Подобное знание не может, не должно угаснуть. И тогда в грядущие годы, — допустим, лет через сто, — если земная наука достигнет таких высот, чтобы справиться с задачей, можно будет

попытаться понять, а то и освободить обитателя каменных толщ.

Надо, разумеется, надо оставить записи, подробные записи. Кому, как не ему, Дэннельсу, позаботиться об этом? Именно так он и делал — день за днем, неделя за неделей отчитывался о том, что видел, слышал и узнавал. Три толстые конторские книги уже были от корки до корки заполнены аккуратным почерком и начата четвертая. В книгах все изложено со всей полнотой, тщательностью и объективностью, на какие он только способен.

Однако кто поверит тому, что там написано? Еще важнее — кто вообще заглянет в эти записи? Более чем вероятно, что им суждено пылиться где-нибудь на дальней полке до скончания веков и ничья рука даже не коснется их. А если кто-нибудь когда-нибудь и снимет их с полки и не поленится, стряхнув скопившуюся пыль, перелистать страницы, то разве мыслимо, чтобы он или она поверили тому, что прочтут?

Ясно как день — надо сначала убедить кого-то в своей правоте. Самые искренние слова, если они принадлежат умершему, к тому же умершему в безвестности, нетрудно объявить игрой больного воображения. Другое дело, если кто-то из ученых

с солидной репутацией выслушает Дэинельса и засвидетельствует, что записи заслуживают доверия: тогда и только тогда все записанное — и о том, что происходило в древности на холмах, и о том, что скрыто в их недрах, — обретет силу факта и привлечет серьезное внимание будущих поколений.

К кому обратиться — к биологу? К невропатологу? К психиатру? К палеонтологу?

Пожалуй, не играет роли, какую отрасль знания будет представлять этот ученый. Только бы он выслушал, а не высмеял. Это главное — чтобы выслушал, а не высмеял.

Сидя у себя на веранде и разглядывая динозавров, щиплющих травку на холмах, человек, умеющий слушать звезды, вспомнил, как однажды рискнул прийти к палеонтологу…

— Бен, — сказал шериф, — что-то тебя не туда несет. Не станет этот Дэннельс красть у тебя кур. У него своих хватает.

— Вопрос только в том, — откликнулся Адамс, — откуда он их берет.

— Ерунда, — сказал шериф. — Он джентльмен. Это сразу видно, едва заговоришь с ним. Образо-

ванный джентльмен.

— Если он джентльмен, — спросил Адамс, — тогда чего ему надо и нашей глуши? Здесь джентльменам не место. Как переехал сюда два, не то три года назад, с тех самых нор пальцем о палец не ударил. Только и знает, что шляться вверх да вниз по холмам…

— Он геолог, — сказал шериф, — Или, по крайней мере, интересуется геологией. Такое у него увлечение. Говорит, что ищет окаменелости.

Адамс насторожился, как неё, приметивший кролика.

— Ах, вот оно что, — произнес он. — Держу пари, никакие он не окаменелости ищет.

— Брось, — сказал шериф.

— Он минералы ищет, — продолжал Адамс. — Полезные ископаемые разведывает — вот что он делает. В этих холмах минералов невпроворот. Надо только знать, как искать.

— Ты же сам потратил на поиски уйму времени, — заметил шериф.

— Я не геолог. Геолог даст мне сто очков вперед. Он знает породы и всякое такое.

— Не похоже, чтобы Дэниельс занимался разведкой. Интересуется геологией, вот и все. Нашел каких-то окаменелых моллюсков.

— А может, он ищет клады. — предположил Адамс. — Может, у него карта есть или какой-нибудь план?

— Да черт тебя возьми, — вскипел шериф, — ты же сам знаешь, что кладов здесь нет и в помине!

— Должны быть, — настаивал Адамс. — Здесь когда-то проходили французы и испанцы. А уж они понимали толк в кладах, что французы, что испанцы. Отыскивали золотоносные жилы. Закапывали сокровища в пещерах. Нашелся же в той пещере за рекой скелет в испанских латах, а рядом скелет медведя и ржавый меч, воткнутый точнехонько туда, где у медведя были печенки…

— Болтовня, — сказал шериф брезгливо. — Какой-то дурак раззвонил, а ты поверил. Из университета приезжали, хотели этот скелет найти. И выяснилось, что все это чушь.

— А Дэннельс все равно лазает по пещерам, — возразил Адамс. — Я сам видел. Сколько часов он провел в пещере, которую мы зовем Кошачьей берлогой! Чтобы попасть туда, надо забираться на дерево.

— Ты что, следил за ним?

— Конечно, следил. Он что-то задумал, и я хочу знать, что.

— Смотри, чтобы он тебя не застукал за этим

занятием, — сказал шериф.

Адамс предпочел пропустить замечание мимо ушей.

— Все равно, — заявил он, — если тут у нас и нет кладов, то полным-полно свинца и цинка. Тот, кто отыщет залежь, заработает миллион.

— Сперва отыщи капитал, чтоб открыть дело. — заметил шериф.

Адам ковырнул землю каблуком.

— Так, стало быть, он, по-вашему, ни в чем не замешан?

— Он мне говорил, что у него самого пропадали куры. Их утащила лиса. Очень даже похоже, что с твоими приключилось то же самое.

— Если лиса таскает у него кур, — спросил Адамс, — почему же он ее не застрелит?

— А это его не волнует. Он вроде бы считает, что лиса имеет право на добычу. Да у него и ружья-то нет.

— Ну, если у него нет ружья и душа не лежит к охоте, почему бы не разрешить поохотиться другим? А он, как увидел у меня ружье, так даже не пустил к себе на участок. И вывесок понавешал: «Охота воспрещена». Разве это по-соседски? Как тут прикажете с ним ладить? Мы всегда охотились на той земле. Старый Эймос был не

из уживчивых и то не возражал, чтобы мы там постреляли немного. Мы всегда охотились, где хотели, и никто не возражал. Мне вообще сдается, что на охоту не должно быть ограничений. Человек вправе охотиться там, где пожелает…

Шериф присел на скамеечку, врытую в истоптанный грунт перед ветхим домишком, и огляделся. По двору, апатично поклевывая, бродили куры; тощий кобель, вздремнувший в тени, подергивал шеей, отгоняя редких осенних мух; старая веревка, натянутая меж двумя деревьями, провисла под тяжестью мокрых простыней и полотенец, а к стенке дома была небрежно прислонена большая лохань. «Господи, — подумал шериф, — ну неужели человеку лень купить себе пристойную бельевую веревку вместо этой мочалки!..»

— Бен, — сказал он, — ты просто затеваешь свару. Тебе не нравится, что Дэнисльс живет на ферме, не возделывая полей, ты обижен, что он не дает тебе охотиться на своей земле. Но он имеет право жить, где ему заблагорассудится, и имеет право не разрешать охоту. На твоем месте я бы оставил его в покое. Никто не заставляет тебя любить его, можешь, если не хочешь, вовсе с ним не знаться, — но нечего лить на него помои. За

это тебя недолго и к суду привлечь.

2.

...Войдя в кабинет палеонтолога, Дэннельс не сразу даже разглядел человека, сидячего в глубине комнаты у захламленного стола. И вся комната была захламлена. Повсюду длинные стенды, и на стендах куски пород со вросшими в них окаменелостями. Там и сям кипы бумаг. Большая, плохо освещенная комната производила неприятное, какое-то гнетущее впечатление.

— Доктор! — позвал Дэнисльс. — Вы доктор Торн?

Человек встал, воткнув трубку в полную до краев пепельницу. Высокий и плотный, седеющие волосы взъерошены, лицо обветренное, в морщинах. Он двинулся навстречу гостю, волоча ноги, как медведь.

— Вы, должно быть, Дэннельс. — сказал он. — Да, должно быть, так. У меня на календаре помечено, что вы придете в три. Хорошо, что не

передумали.

Рука Дэниельса утонула в его лапище. Торн указал на кресло подле себя, сел сам и, высвободив трубку из пластов пепла, принялся набивать ее табаком из большой коробки, занимающей центр стола.

— Вы писали, что хотите видеть меня по важному делу, — продолжал он. — Впрочем, все так пишут. Но в вашем письме было, должно быть, что-то особенное — настоятельность, искренность, не знаю что. Понимаете, у меня нет времени принимать каждого, кто мне пишет. И все до одного, понимаете, что-нибудь нашли. Что же такое нашли вы, мистер Дэннельс?

Дэниельс ответил:

— Право, доктор, не знаю, как и начать. Пожалуй, лучше сперва сказать, что у меня случилось что-то странное с головой…

Торн раскуривал трубку, не вынимая ее изо рта, он проворчал:

— В таком случае я, наверное, не тот, к кому вам следовало бы обратиться.

— Да нет, вы меня неправильно поняли. — перебил Дэнисльс. — Я не собираюсь просить о помощи. Я совершенно здоров и телом и душой. Правда, пять лет назад я попал в автомобильную

катастрофу. Жена и дочь погибли, а меня тяжело ранило…

— Примите соболезнования, мистер Дэннельс.

— Спасибо — но это уже в прошлом. Мне выпали трудные дни, но я кое-как выкарабкался. К вам меня привело другое. Я уже упоминал, что был тяжело ранен…

— Мозг затронут?

— Незначительно. По крайней мере врачи утверждали, что совсем незначительно. Мелкие повреждения зажили довольно скоро. Хуже было с раздавленной грудью и пробитым легким…

— А сейчас вы вполне здоровы?

— Будто и не болел никогда. Но разум мой со дня катастрофы стал иным. Словно у меня появились новые органы чувств. Я теперь вижу и воспринимаю вещи, казалось, бы, совершенно немыслимые…

— Галлюцинации?

— Да нет. Уверен, это не галлюцинации. Я вижу прошлое.

— Как это понимать — видите прошлое?

— Позвольте, я попробую объяснить, — сказал Дэннельс, — с чего все началось. Три года назад я купил заброшенную ферму на юго-западе штата Висконсин. Выбрал место, где можно укрыться,

спрятаться от людей: с тех пор как не стало жены и дочери, я испытывал отвращение ко всем на свете. Первую острую боль потери я пережил, но мне нужна была нора, чтобы зализать свои раны. Не думайте, что я себя оправдываю, — просто стараюсь объективно разобраться, почему я поступил так, и не иначе, почему купил ферму.

— Да, я понимаю пас, — откликнулся Торн. — Хотя и не убежден, что прятаться — наилучший выход из положения.

— Может, и нет, но тогда мне казалось, что это выход. И случилось то, на что я надеялся. Я влюбился в окрестные края. Эта часть Висконсина — древняя суша. Море не подступало сюда четыреста миллионов лет. И ледники в плейстоцене почему-то сюда тоже не добрались. Что-то изменялось, конечно, но только я результате выветривания. Район не знал ни смещения пластов, ни резких эрозионных процессов — никаких катаклизмов…

— Мистер Дэниельс, — произнес Торн, понемногу впадая в раздражение, — я что-то не совсем понимаю, в какой мере это касается…

— Прошу прощения. Я как раз и пытаюсь подвести разговор к тому, с чем пришел к нам. Начиналось все не сразу, а постепенно, и я,

признаться, думал, что сошел с ума, что мне мерещится, что мозг оказался поврежден сильнее, чем предполагали, и я в конце концов рехнулся. Понимаете, я много ходил пешком по холмам. Местность там дикая, изрезанная и красивая, будто нарочно для этого созданная. Устанешь от ходьбы — тогда ночью удается заснуть. Но по временам холмы менялись. Сперва чуть-чуть. Потом больше и больше — и наконец на их месте появлялись пейзажи, каких я никогда не видел, каких никто никогда не видел.

Торн нахмурился.

— Вы хотите уверить меня, что пейзажи становились такими, как были в прошлом?

Дэниельс кивнул.

— Необычная растительность, странной формы деревья. В более ранние эпохи, разумеется, никакой травы. Подлесок — папоротники и стелющиеся хвощи. Странные животные, странные твари в небе. Саблезубые кошки и мастодонты, птерозавры, пещерные носороги…

— Все одновременно? — не стерпев, перебил Торн. — Все вперемешку?

— Ничего подобного. Все, что я вижу, каждый раз относится к строго определенному периоду. Никаких несоответствий. Сперва я этого не

знал, но когда мне удалось убелить себя, что мои видения — не бред, я выписал нужные книги и проштудировал их. Конечно, мне никогда не стать специалистом — ни геологом, ни палеонтологом, — но я нахватался достаточно, чтобы отличать один период от другого и до какой-то степени разбираться в том, что вижу.

Торн вынул трубку изо рта и водрузил на пепельницу. Провел тяжелой рукой по взъерошенным волосам.

— Это невероятно, — сказал он. — Такого просто не может быть. Вы говорите, эти явления начинались у вас постепенно?

— Вначале я видел все будто в тумане — прошлое, смутным контуром наложенное на настоящее, — потом настоящее потихоньку бледнело, а прошлое проступало отчетливее и резче. Теперь не так. Иногда настоящее, прежде чем уступить место прошлому, словно бы мигнет раз-другой, но по большей части перемена внезапна, как молния. Настоящее вдруг исчезает, и я попадаю в прошлое. Прошлое окружает меня со всех сторон. От настоящего не остается и следа.

— Но ведь на самом-то деле вы не можете перенестись в прошлое? Я подразумеваю — физически…

— В отдельных случаях я ощущаю себя вне прошлого. Я нахожусь в настоящем, а меняются лишь дальние холмы или речная долина. Но обычно меняется все вокруг, хотя самое смешное в том, что вы совершенно правы — на самом деле я в прошлое отнюдь не переселяюсь. Я вижу его, и оно представляется мне достаточно реальным, чтобы двигаться, не покидая его пределов. Я могу подойти к дереву, протянуть руку и ощупать пальцами ствол. Но воздействовать на прошлое я не могу — как если бы меня там вовсе не было. Звери меня не замечают. Я проходил буквально в двух шагах от динозавров. Они меня не видят, не слышат и не обоняют. Если бы не это, я бы уже сто раз погиб. А так я словно на сеансе в стереокино. Сперва я очень беспокоился о возможных несовпадениях рельефа. Ночами просыпался в холодном поту: мне снилось, что я перенесся в прошлое в тут же ушел в землю по самые плечи — за последующие века эту землю сдуло и смыло. Но в действительности ничего подобного не происходит. Я живу в настоящем, а спустя секунду оказываюсь в прошлом. Словно между ними есть дверь, и я переступаю порог. Я уже говорил вам, что физически я в прошлое не попадаю — но ведь и в настоящем тоже не остаюсь! Я пытался раздо-

быть доказательства. Я брал с собой фотоаппарат и делал снимки. А когда проявлял пленку, то вынимал ее из бачка пустой. Никакого прошлого — однако, что еще важнее, и настоящего тоже! Если бы я бредил наяву, фотоаппарат запечатлевал бы сегодняшний день. Но, очевидно, вокруг меня просто не было ничего, что могло бы запечатлеться на пленке. Ну а если, подумалось мне, аппарат неисправен или пленка неподходящая? Тогда я перепробовал несколько камер и разные типы пленки — с тем же результатом. Снимков не получалось. Я пытался принести что-нибудь из прошлого. Рвал цветы, благо цветов там пропасть. Рвать их удавалось без труда, но назад в настоящее я возвращался с пустыми руками. Делал я и попытки другого рода. Думал, нельзя перенести только живую материю, например цветы, а неорганические вещества можно. Пробовал собирать камни, но донести их домой тоже не сумел…

— А брать с собой блокнот и делать зарисовки вы не пытались?

— Подумал было, но пытаться не стал. Я не силен в рисовании — и, кроме того, рассудил я, что толку? Блокнот все равно вернется чистым.

— Но вы же не пробовали!

— Нет, — признался Дэннельс, — не пробовал. Время от времени я делаю зарисовки задним числом, когда возвращаюсь в настоящее. Не каждый раз, но время от времени. По памяти. Но я уже говорил вам — в рисовании я не силен.

— Не знаю, что и ответить, — проронил Торн. — Правда, не знаю. Звучит ваш рассказ совершенно неправдоподобно. Но если тут все-таки что-то есть… Послушайте, и вы нисколько не боялись? Сейчас вы говорите об этом самым спокойным, обыденным тоном. Но сначала-то вы должны были испугаться!..

— Сначала, — подтвердил Дэннельс, — я окаменел от ужаса. Я не просто ощутил страх за свою жизнь, не просто испугался, что попал куда-то, откуда нет возврата, — я ужаснулся, что сошел с ума. А потом еще и непередаваемое одиночество…

— Одиночество?..

— Может, это и неточное слово. Может, правильнее сказать — неуместность. Я находился там, где находиться не имел никакого права. Там, где человек еще не появлялся и не появится в течение миллионов лет. Мир вокруг был таким непередаваемо чужим, что хотелось съежиться и забиться куда-нибудь в укромный угол. На

самом-то деле отнюдь не мир был чужим — это я был чужим в том мире. Меня и в дальнейшем нет-нет да и охватывало такое чувство. И хотя оно для меня теперь не внове и я вроде бы научился его преодолевать, иной раз такая тоска накатит… В те далекие времена самый воздух был иным, самый свет, — впрочем, это, наверное, игра воображения.

— Почему же, не обязательно, — отозвался Торн.

— Но главный страх теперь прошел, совсем прошел. Страх, что я сошел с ума. Теперь я уверен, что нет.

— Как уверены? Как может человек быть в этом уверен?

— Звери. Существа, которых я там видел.

— Ну да, вы же потом узнавали их на иллюстрациях в книгах, которые прочли.

— Нет, нет, соль не и этом, не только в этом. Разумеется, картинки мне помогли. Но в действительности все как раз наоборот. Соль не в сходстве, а в отличиях. Понимаете, ни одно из этих существ не повторяет свое изображение в книгах. А иные так и вовсе не походят на изображения — на те рисунки, что сделаны палеонтологами. Если бы звери оказались точь-в-точь

такими, как на рисунках, я мог бы по-прежнему считать, что это галлюцинации, повторяющие то, что я прочел либо увидел в книгах. Мол, воображение питается предшествующим знанием. Но если обнаруживаются отличия, то логика требует допустить, что мои видения реальны. Как иначе мог бы я узнать, что у тираннозавра подгрудок окрашен во все цвета радуги? Как мог бы я догадаться, что у некоторых разновидностей саблезубых были кисточки на ушах? Какое воображение способно подсказать, что у гигантов, живших в эоцене, шкуры были пятнистые, как у жирафов?

— Мистер Дэннельс, — обратился к нему Торн. — Мне трудно безоговорочно поверить в то, что вы рассказали. Все, чему меня когда-либо учили, восстает против вас. И я не могу отделаться от мысли, что не стоит тратить время на такую нелепицу. Но несомненно, что сами вы верите в свой рассказ. Вы производите впечатление честного человека. Скажите, вы беседовали на эту тему с кем-нибудь еще? С другими палеонтологами? Или с геологами? Или, может быть, с психиатром?

— Нет, — ответил Дэннельс. — Вы первый специалист, первый человек, которому я об этом

рассказал. Да и то рассказал ещё далеко не все. Честно признаться, это было только вступление.

— Мой бог, как прикажете вас понимать? Только вступление?..

— Да, вступление. Понимаете, я еще и слушаю звезды.

Торн вскочил на ноги и принялся сгребать в кучу бумажки, рассыпанные по столу. Он схватил из пепельницы потухшую трубку и стиснул ее зубами. Когда он заговорил снова, голос его звучал сухо и безучастно:

— Спасибо за визит. Беседа с вами была весьма поучительной.

3.

«И надо же было, — клял себя Дэниельс, — так оплошать. Надо же было заикнуться про звезды!.. До этих слов все шло хорошо. Торн, конечно же, не поверил, но был заинтригован и согласен слушать дальше и, не исключено, мог бы даже провести небольшое расследование, хотя, без

сомнения, втайне от всех и крайне осторожно.

Вся беда, — корил он себя, — в навязчивой идее насчет существа, замурованного в толще скал. Прошлое — пустяки: куда важнее рассказать про существо в скалах… Но чтобы рассказать, чтобы объяснить, как ты дознался про это существо, волей-неволей приходится помянуть и про звезды.

Надо было живей шевелить мозгами, — попрекал себя Дэниельс. — И попридержать язык. Ну не глупо ли: в кои-то веки нашелся человек, который, пусть не без колебаний, готов был тебя выслушать, а не просто поднять на смех. И вот ты из чувства благодарности к нему сболтнул лишнее…».

Из-под плохо пригнанных рам в комнату проникали юркие сквознячки и, взобравшись на кухонный стол, играли пламенем керосиновой лампы. Вечером, едва Дэниельс успел подоить коров, поднялся ветер, и теперь весь дом содрогался под штормовыми ударами. В дальнем углу комнаты в печи пылали дрова, от огня по полу бежали теплые дрожащие блики, а в дымоходе, когда ветер задувал в трубу, клокотало и хлюпало.

Дэниельсу вспомнилось, как Торн недвусмысленно намекнул на психиатра. Может, и правда, следовало бы сначала обратиться к специалисту

такого рода. Может, прежде чем пытаться заинтересовать других тем, что он видит и слышит, следовало бы выяснить, как и почему он видит и слышит неведомое другим. Только человек, глубоко знающий строение мозга и работу сознания, в состоянии ответить на эти вопросы — если ответ вообще можно найти.

Неужели травма при катастрофе так изменила, так переиначила мыслительную механику, что мозг приобрел какие-то новые, невиданные свойства? Возможно ли, что сотрясение и нервное расстройство вызвали к жизни некие дремлющие силы, которым в грядущие тысячелетня еще суждено развиться естественным, эволюционным путем? Выходит, повреждение мозга как бы замкнуло эволюцию накоротко и дало ему — одному ему — способности и чувства, чуть не на миллион лет обогнавшие свою эпоху?

Это казалось — ну, если и не безупречным, то единственно приемлемым объяснением. Однако у специалиста наверняка найдется ещё и какая-нибудь другая теория.

Оттолкнув табуретку, он встал от стола и подошел к печке. Дверцу совсем перекосило, она не открывалась, пока Дэннельс не поддел ее кочергой. Дрова в печи прогорели до угольков.

Наклонившись, он достал из ларя у стенки полено, кинул в топку, потом добавил второе полено, поменьше, и закрыл печку. «Хочешь-не хочешь, сказал он себе, — на днях придется заняться этой дверцей и навесить ее как следует».

Он вышел за дверь и постоял на веранде, глядя в сторону заречных холмов. Ветер налетал с севера, со свистом огибал постройки и обрушивался в глубокие овраги, сбегающие к реке, но небо оставалось ясным — сурово ясным, будто его вытерли дочиста ветром и сбрызнули капельками звезд, и светлые эти капельки дрожали в бушующей атмосфере.

Окинув звезды взглядом, он не удержался и спросил себя: о чем-то они говорят сегодня, — но доискиваться ответа не стал. Чтобы слушать звезды, надо было сделать усилие, сосредоточиться. Помнится, впервые он прислушался к звездам в такую же ясную ночь, выйдя на веранду и вдруг задумавшись: о чем они говорят, беседуют ли между собой? Глупая, праздная мыслишка, дикое, химерическое намерение, но, раз уж взбрело такое в голову, он и в самом челе начал вслушиваться, сознавая, что это глупость, и в то же время упиваясь ею, повторяя себе: какой же я счастливый, что могу в своей праздности дойти

до того, чтобы слушать звезды, словно ребенок, верящий в Санта-Клауса или в доброго пасхального кролика. И он вслушивался, вслушивался — и услышал. Как ни удивительно, однако не подлежало сомнению: где-то там, далеко-далеко, какие-то иные существа переговаривались друг с другом. Он словно подключился к исполинскому телефонному кабелю, несущему одновременно миллионы, а то и миллиарды дальних переговоров. Конечно, эти переговоры велись не словами, но каким-то кодом или просто образами, не менее приятными, чем слова. А если и не вполне понятными, — по правде говоря, часто вовсе не понятными, — то, видимо, потому, что у него не хватало пока подготовки, не хватало знаний, чтобы понять. Он сравнивал себя с дикарем, который прислушивается, к дискуссии физиков-ядерщиков, обсуждающих проблемы своей науки.

И вот вскоре после той ночи, забравшись в неглубокую пещеру — в ту самую, что прозвали Кошачьей берлогой, — он впервые ощутил присутствие существа, замурованного в толще скал. «Наверное, — подумал он, — если бы я не слушал звезды, если бы не обострил восприятие, слушая звезды, я бы и не заподозрил о том, что оно погребено под слоями известняка».

Он стоял на веранде, глядя на звезды и слыша только ветер, а потом за рекой на дороге, что вилась по дальним холмам, промелькнул слабый отблеск фар — там в ночи шла машина. Ветер на мгновение стих, будто набирая силу для того, чтобы задуть еще свирепее, и в ту крошечную секунду, которая выдалась перед новым порывом, Дэниельсу почудился еще одни звук — звук топора, вгрызающегося в дерево. Он прислушался — звук донесся снова, но с какой стороны, не понять: все перекрыл ветер.

«Должно быть, я все-таки ошибся. — решил Дэниельс. — Кто же выйдет рубить дрова в такую ночь?..» Впрочем, не исключено, что это охотники за енотами. Охотники подчас не останавливаются перед тем, чтобы свалить дерево, если не могут отыскать хорошо замаскированную нору, не слишком честный прием, достойный разве что Бена Адамса с его придурковатыми сыновьями-переростками. Но такая бурная ночь просто не годится для охоты на енотов. Ветер смешает все запахи, и собаки не возьмут след. Для охоты на енотов хороши только тихие ночи. И кто, если он в своем уме, станет валить деревья в такую бурю — того и гляди, ветер повернет падающий ствол и обрушит на самих дровосеков.

Он ещё прислушался, пытаясь вновь уловить непонятный звук, но ветер, передохнув, засвистал сильнее, чем прежде, и различить что бы то ни было, кроме свиста, стало никак нельзя.

Утро пришло тихое, серое, ветер сник до легкого шепотка. Проснувшись среди ночи, Дэниельс услышал, как ветер барабанит по окнам, колотит по крыше, горестно завывает в оврагах над рекой. А когда проснулся снова, все успокоилось, и и окнах серел тусклый рассвет. Он оделся и вышел из дому — вокруг тишь, облака затянули небо, не оставив и намека на солнце, воздух свеж, словно только что выстиран, и тяжел от влажной седины, укутавшей землю. И блеск одевшей холмы осенней листвы казался богаче, чем в самый яркий солнечный день.

Отделавшись от хозяйственных забот и позавтракав, Дэниельс отправился бродить по холмам. Когда спускался к верховью ближнего оврага, то поймал себя на мысли: «Хорошо бы, чтобы сегодняшний день обошелся без сдвигов во времени...». Как ни парадоксально, сдвиги подстерегали его не каждый день, и не удавалось найти никаких причин, которые бы их предопределяли. Время от времени он пробовал доискаться этих причин хотя бы приблизитель-

но: записывал со всеми подробностями, какие ощущения испытывал с утра и что предпринимал и даже какой маршрут выбирал, выйдя на прогулку, — но закономерности так и не обнаружил. Закономерность пряталась, конечно же, в каком-то уголке мозга — что-то задевало какую-то струну и включало новые способности. Но явление это оставалось неожиданным и непроизвольным. Дэниельс был не в силах управлять им, по крайней мере управлять сознательно. Изредка он пробовал сдвинуть время по своей воле, намеренно оживить прошлое и каждый раз терпел неудачу. Одно из двух: или он не знал, как обращаться с собственным даром, или этот дар был действительно неподконтрольным.

Сегодня ему искренне хотелось, чтобы странные способности не просыпались. Хотелось побродить по холмам, пока они не утратили одного из самых заманчивых своих обличий, пока исполнены легкой грусти, — все резкие линии смягчены висящей в воздухе сединой, деревья застыли и будто старые верные друзья молча поджидают его приходи, а палая листва и мох под ногами глушат звуки, и шаги становятся не слышны.

Он спустился в лощину и присел на повален-

ный ствол у щедрого родничка, от которого брал начало ручей, с журчанием бегущий вниз по каменистому руслу. В мае заводь у родничка бывала усыпана мелкими болотными цветами, а склоны холмов расцвечены нежными красками трав. Сейчас здесь не видно было ни трав, ни цветов. Леса цепенели, готовясь к зиме. Летние и осенние растения умерли или умирали, и листья слой за слоем ложились на лесной грунт, заботливо укрывая корни от льда и снега.

«В таких местах словно смешаны приметы всех времен года сразу…» — подумал он. Миллион лет, а может и больше, здесь все выглядело точно так же, как сейчас. Но не всегда: в давным-давно минувшие миллионолетия эти холмы, да и весь мир грелись в лучах вечной весны. А чуть более десяти тысяч лет назад на севере, совсем неподалеку, вздыбилась стена льда высотой в добрую милю. С гребня, на котором расположена ферма, тогда, наверное, можно было увидеть на горизонте синеватую линию — верхнюю кромку ледника. Однако в пору ледников, какой она ни была студеной, уже существовала не только зима, но и другие времена года.

Поднявшись на ноги, Дэниельс вновь двинулся вниз по узкой тропе, что петляла по склону.

Тропу пробили коровы — она сохранилась с тех лет, когда в здешних лесах паслись не две его буренки, а целые стада; шагая по тропе, Дэниельс вновь в который раз — поразился точности чутья, присущей коровам. Протаптывая свои тропы, они безошибочно выбирают самый пологий уклон.

На мгновение он задержался под раскидистым белым дубом, вставшим на повороте тропы, и полюбовался гигантским растением — ариземой, которой не уставал любоваться все эти годы. Зеленая с пурпуром шапка листвы полностью облетела, обнажив алую гроздь ягод, — в предстоящие стылые месяцы они пойдут на корм птицам. Тропа вилась дальше, все глубже врезаясь в холмы, и тишина звенела все напряженнее, а седина сгущалась, пока мир вокруг не стал казаться ему его безраздельной собственностью.

И вот она, на той стороне ручья, Кошачья берлога. Ее желтая пасть зияет сквозь искривленные, уродливые кедровые ветви. Весной под кедром играют лисята. Издалека, с заводей в речной долине, сюда доносится глуховатое кряканье уток. А наверху, на самой крутизне, виднеется берлога, высеченная в отвесной скале временем и непогодой.

Только сегодня что-то было не так.

Дэниельс застыл на тропе, глядя на противоположный склон и ощущая какую-то неточность, но сперва не понимая, в чем она. Перед ним открывалась большая часть скалы — и все-таки чего-то не хватало. Внезапно он сообразил, что не хватает дерева, того самого, по которому годами взбирались дикие кошки, возвращаясь домой с ночной охоты, а потом и люди, если им, как ему, приспичило осмотреть берлогу. Кошек там, разумеется, теперь не было и в помине. Еще в дни первых переселенцев их вывели в этих краях почти начисто — ведь кошки порой оказывались столь неблагоразумны, что давили ягнят. Но следы кошачьего житья до сих пор различались без труда. В глубине пещеры, в дальних ее уголках, дно было усыпано хрупкими косточками и раздробленными черепами зверушек, которых хозяева берлоги таскали когда-то на обед своему потомству.

Дерево, старое и увечное, простояло здесь, вероятно, не одно столетие, и рубить его не было никакого смысла — корявая древесина не имела ни малейшей ценности. Да и вытащить срубленный кедр из лощины — дело совершенно немыслимое. И все же прошлой ночью, выйдя на веранду, Дэниельс в минуту затишья различил

вдали стук топора, а сегодня дерево исчезло.

Не веря своим глазам, он стал карабкаться по склону — быстро, как мог. Первозданный склон местами вздымался под углом почти в сорок пять градусов — приходилось падать на четвереньки, подтягиваться вверх на руках, повинуясь безотчетной тревоге, за которой скрывалось нечто большее, чем недоумение: куда же девалось дерево? Ведь именно здесь и только здесь, в Кошачьей берлоге, можно было услышать существо, погребенное в толще скал.

Дэниельс навсегда запомнил день, когда впервые расслышал таинственное существо — он тогда не поверил своим чувствам. Он решил, что ловит шорохи, рожденные его собственным воображением, навеянные прогулками среди динозавров, попытками вникнуть в переговоры звезд. В конце концов, ему и раньше случалось взбираться на дерево и залезать в пещеру-берлогу. Он бывал там не раз и даже находил какое-то извращенное удовольствие в том, что открыл для себя столь необычное убежище. Он любил сидеть у края уступа перед входом в пещеру и глядеть поверх кипени крон, одевших вершину холма за оврагом, — над листвою различался отблеск заводей на заречных лугах. Но самой реки он

отсюда увидеть не мог: чтобы увидеть реку, надо было бы подняться по склону еще выше.

Он любил берлогу и уступ перед ней, потому что находил здесь уединение, как бы отрезал себя от мира: забравшись в берлогу, он по-прежнему видел какую-то, пусть ограниченную, часть мира, а его не видел никто. «Я, как дикая кошка, — повторял он себе, — им тоже нравилось чувствовать себя отрезанными от мира…» Впрочем, кошки искали тут не просто уединения, а безопасности — для себя и, главное, для своих котят. К берлоге никто не мог подступиться, путь сюда был только один — по ветвям старого дерева.

Впервые Дэниельс услышал существо, когда заполз однажды в самую глубину пещеры и, конечно, опять наткнулся на россыпь костей, остатки тех вековой давности пиршеств, когда котята грызли добычу, припадая к земле и урча. Припав ко дну пещеры, совсем как котята, он вдруг ощутил чье-то присутствие — ощущение шло снизу, просачивалось из дальних каменных толщ. Вначале это было не более чем ощущение, не более чем догадка — там внизу есть нечто живое. Естественно, он и сам поначалу отнесся к своей догадке скептически, а поверил в нее гораздо позже. Понадобилось немалое время,

чтобы вера переросла в твердое убеждение.

Он, конечно же, не мог передать услышанное словами, потому что на деле не слышал ни слова. Но чей-то разум, чье-то сознание исподволь проникали в мозг через пальцы, ощупывающие каменное дно пещеры, через прижатые к камню колени. Он впитывал эти токи, слушал их без помощи слуха и, чем дольше впитывал, тем крепче убеждался, что где-то там, глубоко в пластах известняка, находится погребенное заживо разумное существо. И наконец настал день, когда он сумел уловить обрывки каких-то мыслей — несомненные отзвуки работы интеллекта, запертого в толще скал.

Фантастика

Кто там, в толще скал?

Клиффорд САЙМАК

Он не понял того, что услышал. И это непонимание было само по себе знаменательно. Как раз если бы он все понял, то со спокойной совестью посчитал бы свое открытие игрой воображения. А непонимание свидетельствовало, что у него просто нет опыта, опираясь на который можно было бы воспринять необычные представления. Он уловил некую схему сложных жизненных отношений, казалось бы, не имевшую никакого смысла, — ее нельзя было постичь, она распадалась на крохотные и бессвязные кусочки информации, настолько чуждой (хотя и простой), что его человеческий мозг наотрез отказывался в ней разбираться. И ещё он волей-неволей получил понятие о расстояниях — столь протяженных, что разум буксовал, едва соприкоснувшись с теми пустынями пространства, в каких подобные расстояния только и могут существовать. Даже вслушиваясь в переговоры звезд, он никогда не испытывал таких обескураживающих столкновений с иными представлениями о пространстве-времени. В потоке информации встречались и крупинки иных сведений, обрывки иных фактов, и смутно чувствовалось, что они могли бы пригодиться в системе человеческих знаний. Но ни единая крупинка не прорисовыва-

лась достаточно четко для того, чтобы поставить ее в системе знаний на предопределенное ей место. А большая часть того, что доносилось к нему, лежала попросту за пределами его понимания, да, наверное, и за пределами человеческих возможностей вообще. Тем не менее мозг улавливал и удерживал эту информацию во всей ее невоспринимаемости, и она вспухала и ныла на фоне привычных, повседневных мыслей.

Дэниельс отдавал себе отчет, что они (или оно) отнюдь не пытаются вести с ним беседу, напротив, — они (или оно) и понятия не имеют о существовании рода человеческого, не говоря уже о нем лично. Однако что именно происходит там, в толще скал: то ли оно (или они — употреблять множественное число почему-то казалось проще) размышляет, то ли в своем неизбывном одиночестве разговаривает с собой, то ли пробует связаться с какой-то иной, отличной от себя сущностью, — в этом Дэниельс при всем желании разобраться не мог.

Обдумывая свое открытие, сидя часами на уступе перед входом в берлогу, он пытался привести факты в соответствие с логикой, дать присутствию существа в толще скал наилучшее объяснение. И, отнюдь не будучи в том

уверенным, — точнее, не располагая никакими данными в подкрепление своей мысли, — пришел к выводу, что в отдаленную геологическую пору, когда здесь плескалось мелководное море, из космических далей на Землю упал корабль, упал и увяз в донной грязи, которую последующие миллионолетия уплотнили в известняк. Корабль угодил в ловушку и застрял в ней на веки вечные. Дэниельс и сам понимал, что в цепи его рассуждений есть слабые звенья, — ну, к примеру, давления, при которых только и возможно формирование горных пород, должны быть настолько велики, что они сомнут и расплющат любой корабль, разве что он сделан из материалов, далеко превосходящих лучшие достижения человеческой техники.

«Случайность, — спрашивал он себя, — или намеренный акт? Попало существо в ловушку или спряталось?..» Как ответить однозначно, если любые умозрительные рассуждения просто смешны: все они по необходимости построены на догадках, а те в свою очередь лишены оснований…

Карабкаясь по склону, он подобрался наконец вплотную к скале и убедился, что дерево действительно срубили. Кедр свалился вниз и, прежде

чем затормозить, скользил футов тридцать под откос, пока ветви не уперлись в грунт и не запутались меж других деревьев. Пень еще не утратил свежести, белизна среза кричала на фоне серого дни. С той стороны пня, что смотрела под гору, виднелась глубокая засечка, а довершили дело пилой. Подле пня лежали кучки желтоватых опилок. Пила, как он заметил по срезу, была двуручная.

От площадки, где теперь стоял Дэниельс, склон круто падал вниз, зато чуть выше, как раз под самым пнем, крутизну прерывала странная насыпь. Скорее всего когда-то давно с отвесной скалы обрушилась каменная лавина и задержалась здесь, а потом эти камни замаскировал лесной сор и постепенно на них наросла почва. На насыпи поселилась стайка берез, и их белые, словно припудренные стволы по сравнению с другими, сумрачными деревьями казались невесомыми, как привидения.

«Срубить дерево, — повторил он про себя, ну что может быть бессмысленнее?..» Дерево не представляло собой ни малейшей ценности, служило одной-единственной цели чтобы забираться по его ветвям в берлогу. Выходит, кто-то проведал, что кедр служит Дэннельсу мостом в берлогу, и

разрушил этот мост по злому умыслу? А может, кто-нибудь спрятал что-либо в пещере и срубил дерево, перерезав тем самым единственный путь к тайнику?

Но кто, спрашивается, мог набраться такой злобы, чтобы срубить дерево среди ночи, в бурю, работая при свете фонаря на крутизне и рискуя сломать себе шею? Кто? Бен Адамс? Конечно, Бен разозлился оттого, что Дэннельс не позволил охотиться на своей земле, но разве это причина для сведения счетов, к тому же столь трудоемким способом?

Другое предположение, дерево срубили после того, как в пещере что-то спрятали, — представлялось, пожалуй, более правдоподобным. Хотя самое уничтожение дерева лишь привлекало к тайнику внимание.

Дэннельс стоял на склоне озадаченный, недоуменно качая головой. Потом его вдруг осенило, как дознаться до истины. День едва начался, а делать было все равно больше нечего.

Он двинулся по тропе обратно. В сарае, надо думать, отыщется какая-нибудь веревка.

4.

В пещере было пусто. Она оставалась точно такой, как раньше. Лишь десяток-другой осенних листьев занесло ветром в глухие ее уголки, да несколько каменных крошек осыпалось с козырька над входом — малюсенькие улики, свидетельствующие, что бесконечный процесс выветривания, образовавший некогда эту пещеру, способен со временем и разрушить ее без следа.

Вернувшись на узкий уступ перед входом в пещеру. Дэннельс броснл взгляд на другую сторону оврага — и удивился: как изменился весь пейзаж оттого, что срубили одно-единственное дерево! Сместилось все — самые холмы и те стали другими. Но, всмотревшись пристальнее в их контуры, он в конце концов удостоверился, что не изменилось ничего, кроме раскрывающейся перед ним перспективы. Теперь отсюда, с уступа, были видны контуры и силуэты, которые прежде скрывались за кедровыми ветвями.

Веревка спускалась с каменного козырька, нависшего над головой и переходящего в свод пещеры. Она слегка покачивалась на ветру, и, подметив это, Дэниельс сказал себе: «А ведь с утра никакого ветра не было..». Зато сейчас ветер задул снова, сильный, западный. Деревья внизу так и кланялись под его ударами.

Повернувшись лицом на запад, Дэннельс ощутил щекой холодок. Дыхание ветра встревожило его, будто подняв со дна души смутные страхи, уцелевшие с тех времен, когда люди не знали одежды и бродили ордами, беспокойно вслушиваясь, вот как он сейчас, в подступающую непогоду. Ветер мог означать только одно: погода меняется, пора вылезать по веревке наверх и отправляться домой, на ферму.

Но уходить, как ни странно, не хотелось. Такое, по совести говоря, случалось и раньше. Кошачья берлога давала ему своего рода убежище, здесь он оказывался отгороженным от мира — та малая часть мира, что оставалась с ним, словно бы меняла свой характер, была существеннее, милее и проще, чем тот жестокий мир, от которого он бежал.

Выводок диких уток поднялся с одной из речных заводей, стремительно пронесся над лесом,

взмыл вверх, преодолевая исполинский изгиб утеса, и, преодолев, плавно повернул обратно к реке. Дэниельс следил за утками, пока те не скрылись за деревьями, окаймляющими реку-невидимку.

И всё-таки пришла пора уходить. Чего еще ждать? С самого начала это была дурная затея: кто же в здравом уме хоть на минуту позволит себе уверовать, что в пещере что-то спрятано!..

Дэннельс обернулся к веревке — ее как не бывало.

Секунду-другую он тупо пялился в ту точку, откуда только что свисала веревка, чуть подрагивающая на ветру. Потом принялся искать глазами, не осталось ли от неё какого-либо следа, хотя искать было, в общем-то, глупо. Конечно, веревка могла немного соскользнуть, сдвинуться вдоль нависшей над головой каменной плиты — но не настолько же, чтобы совсем исчезнуть из виду!

Веревка была новая, прочная, и он своими руками привязал ее к матерому дубу на вершине утеса — крепко затянул узел да еще в подергал, желая убедиться, что она не развяжется.

И тем не менее веревку как ветром сдуло. Тут не обошлось без чьего-то вмешательства. Кто-то

проходил мимо, заметил веревку, тихо вытянул ее, а теперь притаился наверху и ждет: когда же хозяин веревки поймет, что попал впросак, и поднимет испуганный крик? Любому из тех, кто живет по соседству, именно такая грубая шутка должна представляться вершиной юмора. Самое остроумное, бесспорно, оставить выходку без внимания и молча выждать, пока она не обернется против самого шутника.

Придя к такому выводу, Дэниельс опустился на корточки и принялся выжидать. «Десять минут, — сказал он себе, — самое большее четверть часа, и терпение шутника истощится. Веревка благополучно вернется на место, я выкарабкаюсь наверх и отправлюсь домой. А может даже, — смотря кем окажется шутник, — приглашу его к себе, налью ему стаканчик, и мы посидим на кухне и вместе посмеемся над моим приключением…»

Тут Дэниельс неожиданно для себя обнаружил, что горбится, защищаясь от ветра, который, похоже, стал еще пронзительнее, чем в первые минуты. Ветер менялся с западного на северный, и это было не к добру.

Присев на краю уступа, он обратил внимание, что на рукава куртки налипли капельки влаги

— не от дождя, дождя в сущности не было, а от оседающего тумана. Если температура упадет еще на градус-другой, погода станет пренеприятной…

Он выжидал, скорчившись, вылавливая из тишины хоть какой-нибудь звук — шуршание листьев под ногами, треск надломленной ветки, — который выдал бы присутствие человека на вершине утеса. Но в мире не осталось звуков. День был совершенно беззвучный. Даже ветви деревьев на склоне ниже уступа, качающиеся на ветру, качались без обычных поскрипываний и стонов.

Четверть часа, по-видимому, давно миновало, а с вершины утеса по-прежнему не доносилось ни малейшего шума. Ветер, пожалуй, еще усилился, и когда Дэниельс выворачивал голову в тщетных попытках заглянуть за каменный козырек, то щекой чувствовал, как шевелятся на ветру мягкие пряди тумана.

Дольше сдерживать себя в надежде переупрямить шутника он уже не мог Он ощутил острый приступ страха и понял, наконец, что время не терпит.

— Эй, кто там наверху!.. — крикнул он и подождал ответа. Ответа не было.

В обычный день скала по ту сторону оврага

отозвалась бы на крик эхом. Сегодня эха не было, и самый крик казался приглушенным, словно Дэниельса окружила серая, поглощающая звук стена.

Он крикнул еще раз — туман взял его голос и поглотил. Снизу донеслось какое-то шуршание, и он понял, что это шуршат обледеневшие ветки. Туман, оседая, превращался в наледь.

Дэниельс прошелся вдоль уступа перед входом в пещеру — от силы двадцать футов в длину, и никакого пути к спасению. Уступ выдавался над пропастью и обрывался отвесно. Над головой нависала гладкая каменная глыба. Поймали его ловко, ничего не скажешь.

Он снова укрылся в пещере и присел на корточки. Здесь он был по крайней мере защищен от ветра и, несмотря на вновь подкравшийся страх, чувствовал себя относительно уютно. Пещера еще не остыла. Но температура, видимо, падала, и притом довольно быстро, иначе туман не оседал бы наледью. А на плечах у Дэниельса была лишь легкая куртка, и он не мог развести костер. Он не курил и не носил при себе спичек.

Теперь он впервые по-настоящему осознал серьезность положения. Пройдут многие дни, прежде чем кто-нибудь задастся вопросом, куда

же он запропастился. Навещали его редко, собственно, никому до него не было дела. Да если даже и обнаружат, что он пропал, и будет объявлен розыск, велики ли шансы, что его найдут? Кто додумается заглянуть в эту пещеру? И долго ли способен человек прожить в такую погоду без огня и без пищи?

А если он не выберется отсюда — и скоро, что станется со скотиной? Коровы вернутся с пастбища, подгоняемые непогодой, и некому будет впустить их в хлев. Если они постоят недоенными день-другой, разбухшее вымя начнет причинять им страдания. Свиньям и курам никто не задаст корма. «Человек. — мелькнула мысль, — просто не вправе рисковать своей жизнью так безрассудно, когда от него зависит жизнь стольких беззащитных существ».

Дэниельс заполз поглубже в пещеру и распластался ничком, втиснув плечи в самую дальнюю нишу и прижавшись ухом к каменному ее дну.

Существо было по-прежнему там, — разумеется, там — куда ему деться, если его поймали еще надежнее, чем Дэниельса. Оно томилось под слоем камня толщиной, вероятно, в триста-четыреста футов, который природа наращивала не спеша, на протяжении многих миллионов лет…

Существо опять предавалось воспоминаниям. Оно мысленно переносилось в какие-то иные места — что-то в потоке его памяти казалось зыбким и смазанным, что-то виделось кристально четко. Исполинская темная каменная равнина, цельная каменная плита, уходящая к далекому горизонту; над горизонтом встает багровый шар солнца, а на фоне восходящего солнца угадывается некое сооружение — неровность горизонта допускает лишь такое объяснение. Не то замок, не то город, не то гигантский обрыв с жилыми пещерами трудно истолковать, что именно, трудно хотя бы признать, что увиденное вообще поддается истолкованию.

Быть может, это родина загадочного существа? Быть может, черное каменное пространство-космический порт его родной планеты? Или не родина, а какие-то кран, которые существо посетило перед прибытием на Землю? Быть может, пейзаж показался столь фантастическим, что врезался в память?

Затем к воспоминаниям стали примешиваться иные явления, иные чувственные символы, относящиеся, по-видимому, к каким-то формам жизни, индивидуальностям, запахам, вкусам. Конечно, Дэниельс понимал, что, приписывая

существу, замурованному в толще скал, человеческую систему восприятия, легко и ошибиться; но другой системы, кроме человеческой, он просто не ведал.

И тут, прислушавшись к воспоминаниям о черной каменной равнине, представив себе восходящее солнце и на фоне солнца, на горизонте, очертания гигантского сооружения. Дэниельс сделал то, чего не делал никогда раньше. Он попытался заговорить с существом — узником скал, попытался дать знать узнику, что есть человек, который слушал и услышал, и что существо не так одиноко, не так отчуждено от всех, как, по всей вероятности, полагало.

Естественно, он не стал говорить вслух — это было бы бессмысленно. Звук никогда не пробьется сквозь толщу камня. Дэниельс заговорил про себя, в уме.

— ***Эй, кто там внизу,*** — сказал он. — ***Говорит твой друг. Я слушаю тебя уже очень, очень давно и надеюсь, что ты меня тоже слышишь. Если слышишь, давай побеседуем. Разреши, я попробую дать тебе представление о себе и о мире, в котором живу, а ты расскажешь мне о себе и о мире, в котором жил прежде, — и о том, как ты попал сюда, в***

толщу скал, и могу ли я хоть что-нибудь для тебя сделать, хоть чем-то тебе помочь…

Больше он не рискнул сказать ничего. Проговорив это, он лежал еще какое-то время, пс отнимая уха от твердого дна пещеры, пытаясь угадать, расслышало ли его зов существо? Но, очевидно, оно не расслышало или, расслышав, не признало зов достойным внимания. Оно продолжало вспоминать планету, где над горизонтом встает тусклое багровое солнце.

«Это было глупо, упрекнул он себя. — Заговаривать с неведомым существом было самонадеянно и глупо…» До сих пор он ни разу не пробовал заговаривать, а просто слушал. Точно так же, как не пробовал заговаривать с темн, кто беседовал друг с другом среди звезд, — тех он тоже только слушал.

Какие же новые таланты открыл он в себе, если счел себя вправе обратиться к этому существу? Быть может, подобный поступок продиктован лишь страхом смерти?

А что если существу в толще скал незнакомо само понятие смерти — если оно способно жить вечно?

Дэниельс выполз из дальней ниши и перебрался обратно в ту часть пещеры, где мог хоти бы

присесть.

Поднималась метель. Пошел дождь пополам со снегом, и температура продолжала падать. Уступ перед входом в пещеру покрылся скользкой ледяной коркой. Если бы теперь кому-то вздумалось прогуляться перед пещерой, смельчак неизбежно сорвался бы с утеса и разбился насмерть.

Ветер все крепчал и крепчал. Ветви деревьев качались сильней и сильней, и по склону холма несся вихрь палой листвы, перемешанной с дождем и снегом. С того места, где сидел Дэниельс, он видел лишь верхние ветви березок, что поселились на странной насыпи чуть ниже кривого кедра, служившего прежде мостом и пещеру. И ему почудилось вдруг, что эти ветви качаются еще яростнее, чем должны бы на ветру. Березки так и кланялись из стороны в сторону и, казалось, прямо на глазах вырастали все выше, заламывая ветви в какой-то немой мольбе.

Дэниельс подполз на четвереньках к выходу и высунул голову наружу — посмотреть, что творится на склоне. И увидел, что качаются не только верхние ветви — вся стайка березок дрожала и шаталась, будто невидимая рука пыталась вытолкнуть их из земли. Не успел он подумать об этом, как заметил, что и самая почва заходи-

ла ходуном. Казалось, кто-то снял замедленной съемкой кипящую, вспухающую пузырями лаву, а теперь прокручивал пленку с нормальной скоростью. Вздымалась почва — поднимались и деревья. Вниз по склону катились стронутые с места камешки и сор. А вот и тяжелый камень сорвался со склона и с треском рухнул в овраг, ломая по дороге кусты и оставляя в подлеске безобразные шрамы.

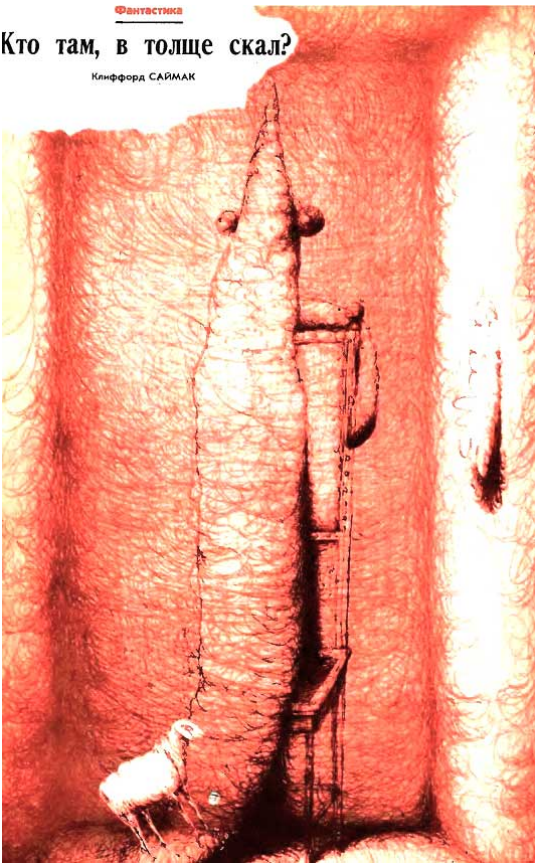
Дэниельс следил за камнем как околдованный.

«Неужели, — спросил он себя, — я стал свидетелем какого-то геологического процесса, только необъяснимо ускоренного?» Он попытался понять, что бы это мог быть за процесс, но не припомнил ничего подходящего. Насыпь вспучивалась, разваливаясь в стороны. Поток, катившийся вниз, с каждой секундой густел, перечеркивая бурыми мазками белизну свежевыпавшего снега. Наконец березы опрокинулись и соскользнули вниз, и из ямы, возникшей там, где они только что стояли, явился призрак.

Фантастика

Кто там, в толще скал?

Клиффорд САЙМАК



Призрак не имел четких очертаний — контуры его были смутными, словно с неба соскребли звёздную пыль и сплавили в неустойчивый сгусток, не способный принять никакой определенной формы, а беспрерывно продолжающий меняться и преображаться, хотя и не утрачивающий окончательно сходства с неким первоначальным обликом. Такой вид могло бы иметь скопление разрозненных, не связанных в молекулы атомов — если бы атомы можно было видеть. Призрак мягко мерцал в бесцветье серого дня и, хотя казался бестелесным, обладал, по-видимому, изрядной силой — он продолжал высвобождаться из полуразрушенной насыпи, пока не высвободился совсем. А высвободившись, поплыл вверх, к пещере.

Как ни странно, Дэннельс ощущал не страх, а одно лишь безграничное любопытство. Он старался разобраться, на что похож подплывающий призрак, но так и не пришел ни к какому ясному выводу. Когда призрак достиг уступа, Дэниельс отодвинулся вглубь и вновь опустился на корточки. Призрак приблизился еще на фут-другой и уселся у входа в пещеру — не то уселся, не то повис над обрывом.

— ***Ты говорил***, — обратился искрящийся при-

зрак к Дэниельсу. Это не было ни вопросом, ни утверждением, да и речью это назвать было нельзя. Звучало это в точности так же, как те переговоры, которые Дэннельс слышал, когда слушал звезды. — ***Ты говорил с ним как друг***, — продолжал призрак (понятие, выбранное призраком, означало не «друг», а что-то иное, но тоже теплое и доброжелательное). — ***Ты предложил ему помощь. Разве ты можешь помочь?***

По крайней мере теперь был задан вопрос, и достаточно четкий.

— Не знаю, — ответил Дэниельс. — Сейчас, наверное, не могу. Но лет через сто — ты меня слышишь? Слышишь и понимаешь, что я говорю?

— ***Ты говоришь, что помощь возможна***, — отозвалось призрачное существо, — ***только спустя время. Уточни, какое время спустя?***

— Через сто лет, — ответил Дэниельс. — Когда планета обернется вокруг центрального светила сто раз.

— ***Что значит сто раз***? — переспросило существо.

Дэниельс вытянул перед собой пальцы обеих рук.

— Можешь ты увидеть мои пальцы? Придатки на концах моих рук?

— ***Что значит увидеть?*** — переспросило существо.

— Ощутить их так или иначе. Сосчитать их.

— **Да, я могу их сосчитать.**

— Их всего десять. — пояснил Дэниельс. — Десять раз по десять составляет сто.

— ***Это не слишком долгий срок***, — отозвалось существо. — **Что за помощь станет возможна тогда?**

— Знаешь ли ты о генетике? О том, как зарождается все живое и как зародившееся создание узнает, кем ему стать? Как оно растет и почему знает, как ему расти и кем быть? Известно тебе что-либо о нуклеиновых кислотах, предписывающих каждой клетке, как ей развиваться и какие функции выполнять?

— ***Я не знаю твоих терминов***, — отозвалось существо, — ***но я понимаю тебя. Следовательно, тебе известно все это? Следовательно, ты не просто тупая дикая тварь, как другие, что стоят на одном месте, или зарываются в грунт, или лазают по тем неподвижным, или бегают по земле?***..

Разумеется, звучало все это вовсе не так. И кроме слов — или смысловых единиц, оставляющих ощущение слов, — были еще и зрительные обра-

зы деревьев, мышей в норках, белок, кроликов, неуклюжего крота и быстроногой лисы.

— Если неизвестно мне, — ответил Дэниельс, — то известно другим из моего племени. Я сам знаю немногое. Но есть люди, посвятившие изучению законов наследственности всю свою жизнь.

Призрак висел над краем уступа и довольно долго молчал. Позади него гнулись на ветру деревья, кружились снежные вихри. Дэннельс, дрожа от холода, заполз в пещеру поглубже и спросил себя, не пригрезилась ли ему эта искристая тень.

Но не успел он подумать об этом, как существо заговорило снова, хотя обращалось на сей раз, кажется, вовсе не к человеку. Скорее даже оно ни к кому не обращалось, а просто вспоминало, подобно тому другому существу, замурованному в толще скал. Может статься, эти воспоминания и не предназначались для человека, но у Дэниельса не было способа отгородиться от них. Поток образов, излучаемый существом, достигал его мозга и заполнял мозг, вытесняя его собственные мысли, будто эти образы принадлежали ему самому, Дэниельсу, а не призраку, замершему напротив.

5.

Вначале Дэнисльс увидел пространство — безбрежное, бескрайнее, жестокое, холодное, такое отстраненное от всего, такое безразличное ко всему, что разум цепенел, и не столько от страха или одиночества, сколько от осознания, что по сравнению с вечностью космоса ты пигмей, пылинка, мизерность которой не поддается исчислению. Пылинка канет в безмерной дали, лишенная всяких ориентиров, — но нет, всё-таки не лишенная, потому что пространство сохранило след, отметину, отпечаток, суть которых не объяснишь и не выразишь, они не укладываются в рамки человеческих представлений; след, отметина, отпечаток указывают, правда почти безнадежно смутно, путь, по которому в незапамятные времена проследовал кто-то ещё. И безрассудная решимость, глубочайшая преданность — какая-то неодолимая потребность влечет пылинку по этому слабому, расплывчатому следу, куда бы он ни вел, пусть за пределы пространства, за преде-

лы времени или того и другого вместе. Влечет без отдыха, без колебаний и без сомнений, пока след не приведет к цели или пока не будет вытерт дочиста ветрами — если существуют ветры, не гаснущие в пустоте.

«Не в ней ли, — спросил себя Дэннельс, не в этой ли решимости кроется, при всей ее чужеродности, что-то знакомое, что-то поддающееся переводу на земной язык и потому способное стать как бы мостиком между этим вспоминающим инопланетянином и моим человеческим «я»?..»

Пустота, молчание и холодное равнодушие космоса длились века, века и века, — казалось, пути вообще не будет конца. Но так или иначе Дэниельсу дано было понять, что конец все же настал — и настал именно здесь, среди иссеченных временем холмов над древней рекой. И тогда на смену почти бесконечным векам мрака и холода пришли почти бесконечные века ожидания: путь был завершен, след привел в недостижимые дали и оставалось только ждать, набравшись безграничного, неистощимого терпения.

— ***Ты говорил о помощи***, — обратилось к Дэниельсу искристое существо. — ***Но почему? Ты не знаешь того, другого. Почему ты хочешь ему***

помочь?

— Он живой, — ответил Дэнисльс. Он живой и я живой. Разве этого недостаточно?

— ***Не понимаю***, — отозвалось существо.

— По-моему, достаточно, — решил Дэннельс.

— ***Как ты можешь помочь?***

— Я уже упоминал о генетике. Как бы это объяснить…

— ***Я перенял терминологию из твоих мыслей. Ты имеешь в виду генетический код.***

— Согласится ли тот, другой, замурованный в толще скал, тот, кого ты охраняешь…

— ***Не охраняю***, — отозвалось существо. — ***Я просто жду его.***

— Долго же тебе придется ждать!

— ***Я наделен умением ждать. Я жду уже долго. Могу ждать и дольше.***

— Когда-нибудь, — заявил Дэниельс, выветривание разрушит камень. Но тебе не понадобится столько ждать. Знает ли тот, другой, свой генетический код?

— ***Знает***, — отозвалось существо. — ***Он знает много больше, чем я.***

— Знает ли он свой код полностью? — настойчиво повторил Дэниельс. — Вплоть до самой ничтожной связи, до последней составляющей,

точный порядок неисчислимых миллиардов…

— ***Знает***, — подтвердило существо. — ***Первейшая забота разумной жизни — познать себя.***

— А может ли он, согласится ли он передать нам эти сведения, сообщить нам свой генетический код?

— ***Твое предложение — дерзость***, — оскорбилось искристое существо (слово, которое оно употребило, было жестче, чем «дерзость»). — ***Таких сведений никто не передаст другому. Это нескромно и неприлично*** (опять-таки слова были несколько иными, чем «нескромно» и «неприлично»). ***Это значит, в сущности, отдать в чужие руки собственное «я». Полная и бессмысленная капитуляция.***

— Не капитуляция, — возразил Дэннельс, — а способ выйти из заточения. В свое время, через сто лет, о которых я говорил, люди моего племени сумеют по генетическому коду воссоздать любое живое существо. Сумеют скопировать того другого с предельной точностью.

— Но он же останется по-прежнему замурованным!

— Только одни из двоих. Первому из двух близнецов действительно придется ждать, пока ветер

не сточит скалы. Зато второй, копия первого, начнет жить заново.

«А что если, — мелькнула мысль, существо в толще скал вовсе не хочет, чтобы его спасали? Что если оно сознательно погребло себя под каменными пластами? Что если оно искало укрытия, искало убежища? Может статься, появись у него желание и оно освободилось бы из своей темницы с такой же легкостью, с какой этот силуэт, это скопище искр выбралось из-под насыпи?..»

— ***Нет, это исключено***, — отозвалось скопище искр, висящее на краю уступа. — ***Я проявил беспечность. Я уснул, ожидая, и проспал слишком долго.***

«Действительно, куда уж дольше, — сказал себе Дэниельс. — Так долго, что над спящим крупинка за крупинкой наслоилась земля и образовалась насыпь, что в эту землю вросли камни, сколотые морозом с утеса, а рядом с камнями поселилась стайка берез и они благополучно вымахали до тридцатифутовой высоты...». Тут подразумевалось такое различие в восприятии времени, какого человеку просто не осмыслить.

«Однако погоди, остановил себя Дэниельс, — кое-что ты все-таки понял...» Он уловил безграничную преданность и бесконечное терпение,

с какими искристое существо следовало за тем, другим, сквозь звездные бездны. И не сомневался, что уловил точно: разум иного создания — преданного звездного пса, сидящего на уступе перед пещерой, словно приблизился к нему, Дэниельсу, и коснулся собственного его разума, и на мгновение оба разума, при всех их отличиях, слились воедино в порыве понимания и признательности — ведь это, наверное, впервые за многие миллионы лет пес из дальнего космоса встретил кого-то, кто способен постичь веление долга и смысл призвании.

— Можно попытаться откопать того, другого, — предложил Дэниельс. — Я, конечно, уже думал об этом, но испугался, не причинить бы ему вреда. Да и нелегко будет убедить людей…

— ***Нет***, — отозвалось существо, — ***его не откопаешь. Тут есть много такого, чего тебе не понять. Но первое твое предложение не лишено известных достоинств. Ты говоришь, что не располагаешь достаточными знаниями генетики, чтобы предпринять необходимые шаги теперь же. А ты пробовал советоваться со своими соплеменниками?***

— С одним пробовал, — ответил Дэниельс, — только он не стал слушать. Он решил, что я

свихнулся. Но в конце концов он и не был тем человеком, с которым следовало бы говорить. Наверное, потом я сумею поговорить с другими людьми, но не сейчас. Как бы я ни желал помочь, сейчас я ничего не добьюсь. Они будут смеяться надо мной, а я не вынесу насмешек. Лет через сто, а быть может и раньше я сумею…

— ***Ты же не проживешь сто лет.*** — отозвался звездный пес. — ***Ты принадлежишь к недолговечному виду. Что, наверное, и объясняет ваш стремительный взлет. Вся жизнь здесь недолговечна, и это дает эволюции шансы сформировать разум. Когда я попал на вашу планету, здесь жили одни безмозглые твари.***

— Ты прав, — ответил Дэниельс. — Я не проживу сто лет. Даже если вести отсчет с самого рождения, я не способен прожить сто лет, а большая часть моей жизни уже позади. Не исключено, что позади уже вся жизнь. Ибо если я не выберусь из этой пещеры, то умру буквально через два-три дня.

— ***Протяни руку***, — предложил сгусток искр. — ***Протяни руку и коснись меня, собеседник.***

Медленно-медленно Дэниельс вытянул руку перед собой. Рука прошла сквозь мерцание и блики, и он не ощутил ничего — как если бы провел

рукой просто по воздуху.

— ***Вот видишь***, — заметило существо, — ***я не в состоянии тебе помочь. Нет таких путей, чтобы наши энергии начали взаимодействовать. Очень сожалею, друг.*** (Слово, которое выбрал призрак, не вполне соответствовало понятию «друг», но это было хорошее слово, и, как догадался Дэниельс, оно, возможно, значило гораздо больше, чем «друг».)

— Я тоже сожалею, — ответил Дэниельс. — Мне хотелось бы пожить ещё.

Воцарилось молчание, мягкое раздумчивое молчание, какое случается только в снежный день, и вместе с ними в это молчание вслушивались деревья, скалы и притаившаяся живая мелюзга.

«Значит, — спросил себя Дэниельс, — эта встреча с посланцем иных миров тоже бессмысленна? Если только я каким-то чудом не слезу с уступа, то не сумею сделать ничего, ровным счетом ничего… А с другой стороны, почему я должен заботиться о спасении существа, замурованного в толще скал? Выживу ли я сам — вот что единственно важно сейчас, а вовсе не то, отнимет ли моя смерть у замурованного последний шанс на спасение…»

— Но, может наша встреча, — обратился Дэниельс к сгустку искр, — все-таки не напрасна? Теперь, когда ты понял…

— ***Понял я или нет***, — откликнулся тот, — ***это не имеет значения. Чтобы добиться цели, я должен был бы передать полученные сведения тем, которые далеко на звездах, но даже если бы я мог связаться с ними, они не удостоили бы меня вниманием. Я слишком ничтожен, я не вправе беседовать с высшими. Моя единственная надежда — твои соплеменники, и то, если не ошибаюсь, при том непременном условии, что ты уцелеешь. Ибо я уловил твою мимолетную мысль, что ты — единственный, кто способен понять меня. Среди твоих соплеменников нет второго, кто хотя бы допустил мысль о моем существовании.***

Дэниельс кивнул. Это была подлинная правда. Никто из живущих на Земле людей не обладал теми же способностями, что и он. Никто больше не повредил себе голову так удачно, чтобы приобрести их. Для существа в толще скал он был единственной надеждой, да и то слабенькой, — ведь прежде чем надежда станет реальной, надо найти кого-нибудь, кто выслушает и поверит. И не просто поверит, а пронесет эту веру сквозь

годы в те дальние времена, когда генная инженерия станет могущественнее, чем сегодня.

— ***Если тебе удастся выбраться из критического положения живым***, — заявил пес из иных миров, — ***тогда я, наверное, смогу изыскать энергию и технические средства для осуществления твоего замысла. Но ты должен отдать себе отчет, что я не в состоянии предложить тебе никаких путей к личному спасению.***

— А вдруг кто-то пройдет мимо, — ответил Дэниельс. — Если я стану кричать, меня могут услышать…

И он снова стал кричать, но не получил ответа. Вьюга глушила крики — да он и сам прекрасно понимал, что в такую погоду люди, как правило, сидят дома. Дома, у огня, в безопасности.

В конце концов он устал и привалился к камню, чтобы отдохнуть. Искристое существо по-прежнему висело над уступом, но настолько потеряло форму, что стало, пожалуй, напоминать накренившуюся, припорошенную снегом рождественскую елку.

Дэниельс уговаривал себя не засыпать. Закрывать глаза тишь на мгновение и сразу же раскрывать их снова — не разрешать векам смы-

каться надолго, иначе одолеет сон. Хорошо бы подвигаться, похлопать себя по плечам, чтобы согреться, — только тело налилось свинцом и руки не желали действовать.

Он почувствовал, что сползает на дно пещеры, и попытался встать. По ваз я притупилась, а на каменном дне было очень уютно. Так уютно, что, право же, стоило разрешить себе отдохнуть минутку, прежде чем подниматься, напрягая все силы. Самое странное, что дно пещеры вдруг покрылось грязью и водой, а над головой взошло солнце и снова стало тепло…

Он вскочил в испуге и увидел, что стоит по щиколотку в воде, разлившейся до самого горизонта, и пол ногами у него не камень, а липкий черный ил.

6.

Не было ни пещеры, ни холма, в котором могла бы появиться пещера. Было лишь необъятное зеркало воды, а если обернуться, то совсем близко,

в каких-нибудь тридцати футах, лежал грязный берег крошечного островка — грязного каменистого островка с отвратительными зелеными потеками на камнях.

Дэниельс знал по опыту, что попал в иное время, но местонахождения своего не менял. Каждый раз, когда время для него сдвигалось, он продолжал находиться в той же точке земной поверхности, где был до сдвига. И теперь, стоя на мелководье, он вновь — и который раз — подивился странной механике, которая поддерживает его тело в пространстве с такой точностью, что передвинувшись в иную эпоху, он не рискует быть погребенным под двадцатифутовым слоем песка и камня или, напротив, повиснуть без опоры на днадцатифутовой высоте.

Однако сегодня и тупице было бы ясно, что на размышления не осталось ни минуты. По невероятному стечению обстоятельств он уже не заточен в пещере, и здравый смысл требует уйти с того места, где он очутился, как можно скорее. Если замешкаешься, то чего доброго внезапно опять очутишься в своем настоящем, и придется снова корчиться и коченеть в пещере.

Он неуклюже повернулся — ноги вязли в донном иле и кинулся к берегу. Далось это нелегко,

но он добрался до островка, поднялся по грязному скользкому берегу к хаотично разбросанным камням и там наконец позволил себе присесть и перевести дух.

Дышать было трудно. Дэнисльс отчаянно хватал ртом воздух, ощущая в нем необычный, ни на что не похожий привкус. Он сидел на камнях, ловил воздух ртом и разглядывал водную ширь, поблескивающую под высоким теплым солнцем. Далеко-далеко на воде появилась длинная горбатая складка и на глазах у Дэниельса поползла к берегу. Достигнув островка, она вскинулась по илистой отмели почти до самых его ног. А вдали на сияющем зеркале воды стала набухать новая складка.

Дэнисльс отдал себе отчет, что водная гладь еще необъятнее, чем думалось поначалу. Впервые за все свои скитания по прошлому он натолкнулся на столь внушительный водоем. До сих пор он всегда оказывался на суше и к тому же всегда знал местность хотя бы в общих чертах — на заднем плане меж холмов неизменно текла река.

Сегодня все было неузнаваемым. Он попал в совершенно неведомые края, — вне сомнения, его отбросило во времени гораздо дальше, чем случалось до сих пор, и он, по-видимому, очутил-

ся у берегов большого внутриконтинентального моря в дни, когда атмосфера была бедна кислородом; беднее, чем во все последующие эпохи. «Вероятно, — решил он, — я сейчас вплотную приблизился к рубежу, за которым жизнь для меня стала бы попросту невозможна...» Сейчас кислорода еще хватало, хоть и с грехом пополам, — из-за этого он и дышал гораздо чаще обычного. Отступи он в прошлое еще на миллион лет кислорода перестало бы хватать. А отступи еще немного дальше — и свободного кислорода не оказалось бы совсем.

Всмотревшись и береговую кромку, Дэнисльс приметил, что она населена множеством крохотных созданий, снующих туда-сюда, копошащихся в пенном прибрежном соре или сверлящих булавочные норки в грязи. Он опустил руку и слегка поскреб камень, на котором сидел. На камне проступало зеленоватое пятно — оно тут же отделилось и прилипло к ладони толстой пленкой, склизкой и противной на ощупь.

Значит, перед ним была первая жизнь, осмелившаяся выбраться на сушу, — существа, что и существами-то еще не назовешь, боязливо жмущиеся к берегу, не готовые, да и не способные оторваться от подола ласковой матери-воды,

которая бессменно пестовала жизнь с самого ее начала. Даже растения и те еще льнули к морю, взбираясь на скалы, по-видимому, лишь там и тогда, где и когда до них хоть изредка долетали брызги прибоя.

Через несколько минут Дэниельс почувствовал, что одышка спадает. Брести, разгребая ногами ил, при такой нехватке кислорода превращалось в тяжкую муку. Но если просто сидеть на камнях без движения, удавалось кое-как обойтись тем воздухом, что есть.

Теперь, когда кровь перестала стучать в висках, Дэниельс услышал тишину. Он различал один-единственный звук — мягкое пошлепывание воды по илистому берегу, и этот однообразный звук скорее подчеркивал тишину, чем нарушал ее.

Никогда во всей своей жизни он не встречал такого совершенного однозвучия. Во все другие времена над миром даже в самые тихие дни витала уйма разных звуков. А здесь, кроме моря, просто не было ничего, что могло бы издавать звук, — ни деревьев, ни зверей, ни насекомых, ни птиц, лишь волна, разлившаяся до самого горизонта.

Впервые за многие месяцы он вновь познал

чувство отделённости от окружающего, чувство собственной неуместности здесь, куда его не приглашали и где он по существу не имел права быть; он явился сюда самозванно, и потому окружающий мир оставался чуждым ему, как, впрочем, и всякому, кто размером или разумом отличается от мелюзги, снующей по берегу. Он сидел под чуждым солнцем посреди чуждой воды, наблюдая за крохотными козявками, которым в грядущие миллионолетия суждено развиться до уровня существ, подобных ему, Дэниельсу, — наблюдая за ними и пытаясь ощутить свое, пусть отдаленное, с ними родство. Но попытки не принесли успеха: ощутить родство Дэнисльс так и не смог.

И вдруг в этот однозвучный мир ворвалось какое-то биение, слабое, но отчетливое. Биение усилилось, отразилось от воды, сотрясло маленький островок оно шло с неба.

Дэниельс вскочил, запрокинул голову — и точно: с неба спускался корабль. Даже не корабль в привычном понимании — не было никаких четких контуров, а лишь искажение пространства, словно множество плоскостей света (если существует такая штука, как плоскости света) пересекались между собой без всякой определенной системы. Биение усилилось до воя, раздирающего

атмосферу, — а плоскости света беспрерывно то ли меняли форму, то ли менялись местами, так что корабль каждый миг представлялся иным, чем прежде.

Сначала корабль спускался быстро, потом стал тормозить — и все же продолжал падать, тяжело и целеустремлённо, прямо на островок.

Дэниельс помимо воли съежился, подавленный этой массой небесного света и грома. Море, илистый берег и камни — все вокруг, даже при ярком солнце, засверкало от игры вспышек в плоскостях света. Он зажмурился, защищая глаза от вспышек, и тем не менее понял, что если корабль и коснется поверхности, то можно не опасаться — сядет не на островок, а футах в ста от берега.

До поверхности моря оставалось не более пятидесяти футов, когда исполинский корабль застопорил, повис и из-под плоскостей показался какой-то блестящий предмет. Предмет упал, взметнув брызги, но не ушел под воду, а лег на илистую отмель, открыв взгляду почти всю верхнюю свою половину. Это был шар — ослепительно сверкающая сфера, о которую плескалась волна, и Дэннельсу почудилось, что плеск слышен даже сквозь оглушительные раскаты грома.

И тогда над пустынным миром, над грохотом корабля, над неотвязным плеском воды вознесся голос, печально бесстрастный, нет, разумеется, это не мог быть голос, любой голос оказался бы сейчас слишком немощным, чтобы передать слова. Но слова прозвучали, и не было даже тени сомнения в том, что они значили:

— ***Итак, во исполнение воли великих и приговора суда, мы высылаем тебя на эту бесплодную планету и оставляем здесь в искренней надежде, что теперь у тебя достанет времени и желания поразмыслить о содеянных преступлениях и в особенности о...*** (тут последовали слова и понятия, которые человеку не дано было постичь, — они как бы сливались в долгий невнятный гул, но самый этот гул или что-то в этом гуле замораживало кровь в жилах и одновременно наполняло душу отвращением и ненавистью, каких Дэниельс в себе раньше не ведал). ***Воистину достойно сожаления, что ты не подвержен смерти, ибо убить тебя, при всем нашем отвращении к убийству, было бы милосердней и точнее соответствовало бы нашей цели, каковая состоит в том, чтобы ты никогда более не мог вступить в контакт с жизнью любого вида***

и рода. Остается лишь надеяться, что здесь, за пределами самых дальних межзвездных путей, на этой не отмеченной на картах планете, наша цель будет достигнута. Однако мы налагаем на тебя еще и кару углубленного самоанализа, и если в какие-то непостижимо далекие времена ты по чьему-то неведению или по злому умыслу будешь освобожден, то все равно станешь вести себя иначе, дабы ни при каких условиях не подвергнуться вновь подобной участи. А теперь, в соответствии с законом, тебе разрешается произнести последнее слово — какое ты пожелаешь.

Голос умолк, и спустя секунду на смену ему пришел другой. Фраза, которую произнес этот новый голос, была сложнее, чем Дэниельс мог охватить, но смысл её легко укладывался в три земных слова:

— ***Пропади вы пропадом!..***

Грохот разросся, и корабль тронулся ввысь, в небо. Дэниельс следил за ним, пока гром не замер вдали, а корабль не превратился в тусклую точечку в синеве. Тогда он выпрямился во весь рост, но не сумел одолеть дрожь и слабость. Нащупал за спиной камень и снова сел.

И опять единственным в мире звуком остался

шелест воды, набегающий на берег. Никакого плеска волны о блестящую сферу, лежащую в сотне футов от берега, слышно не было — это просто померещилось. Солнце нещадно пылало в небе, играло огнем на поверхности шара, и Дэниельс обнаружил, что ему опять не хватает воздуха.

Вне всякого сомнения, перед ним на мелководье, вернее на илистой отмели, взбегающей к островку, находился тот, кого он привык называть «существом, замурованным в в толще скал». Но каким же образом удалось ему. Дэннельсу, перенестись через сотни миллионов лет в ничтожный микроотрезок времени, который таил в себе ответы на все вопросы о том, что за разум погребен под пластами известняка? Это не могло быть случайным совпадением — вероятность подобного совпадения настолько мала, что вообще не поддается расчету. Что если он помимо воли выведал у мерцающего призрака перед входом в пещеру гораздо больше, чем подозревал? Ведь их мысли, припомнил Дэииельс, встретились и слились, пусть на мгновение, — но не произошло ли в это мгновение непроизвольной передачи знания? Знание укрылось в каком-то уголке мозга, а теперь пробудилось. Или он нечаянно привел

в действие систему психического предупреждения, призванную отпугивать тех, кто вздумал бы освободить опального изгнанника?

А мерцающий призрак, выходит, ни при чем? Это еще как сказать… Что если опальный узник — обитатель шара несет в себе сокровенное, не ведомое судьям доброе начало? Иначе, как добром, не объяснить того, что призрак сумел пронести чувство долга и преданности сквозь неспешное течение геологических эр. Но тогда неизбежен еще один вопрос: что есть добро и что есть зло? Кому дано судить?

Впрочем, существование мерцающего призрака само по себе, пожалуй, ничего не доказывает. Ни одному человеку еще не удавалось пасть так низко, чтобы не нашлось пса, готового охранять хозяина и проводить хоть до могилы.

Куда удивительнее другое: что же такое стряслось с собственной его головой? Как и почему он сумел безошибочно выбрать в прошлом момент редчайшего происшествия? И какие новые способности, сногсшибательные, неповторимые, ему еще предстоит открыть в себе? Далеко ли они уведут в движении к абсолютному знанию? И какова собственно цель этого движения?

Дэниельс сидел на камнях и тяжело дышал. Над

ним пылало солнце, перед ним стелилось море, тихое и безмятежное, если не считать длинных складок, огибающих шар и бегущих к берегу. В грязи пол ногами сновали крохотные козявки.

«Можно бы. — мелькнула мысль, — подойти ближе и рассмотреть шар как следует, пока его не засосало в ил…» Но нет, в такой атмосфере сто футов — слишком дальний путь, а главное нельзя рисковать, нельзя подходить близко к будущей пещере, ведь рано или поздно предстоит перепрыгнуть обратно в свое время.

Хмелящая мысль — куда меня занесло! — мало-помалу потускнела, чувство полной своей неуместности в древней эпохе развеялось, и тогда выяснилось, что грязный плоский островок — царство изнурительной скуки. Глядеть было совершенно не на что, одно только небо, море да илистый берег. «Вот уж местечко, — подумал он, — где больше никогда ничего не случалось и ничего не случится: корабль улетел, знаменательное событие подошло к концу…» Естественно, здесь и сейчас происходит многое, что даст себя знать в грядущем, но происходит тайно, исподволь, по большей части на дне этого мелководного моря. Снующие по берегу козявки и осклизлый налет на скалах — отважные в своем

неразумии предвестники далеких дней — внушали, пожалуй, известное почтение, но приковать к себе внимание не могли.

От нечего делать Дэниельс принялся водить носком ботинка по грязному берегу. Попытался вычертить какой-то узор, но на ботинок налипло столько грязи, что ни один узор не получался.

7.

И вдруг он увидел, что уже не рисует по грязи, а шевелит носком опавшие листья, задеревеневшие, присыпанные снегом.

Солнца не стало. Все вокруг тонуло во тьме, только за стволами ниже по склону брезжил какой-то слабый свет В лицо била бешеная снежная круговерть, и Дэииельс содрогнулся. Поспешно запахнул куртку, стал застегивать пуговицы. Подумалось, что эдак немудрено и закоченеть насмерть: слишком уж резким был переход от парной духоты илистого прибрежья к пронизывающим порывам вьюги.

Желтоватый свет за деревьями ниже по склону проступал все отчетливее, потом донеслись невнятные голоса. Что там происходит? Он уже понял, где находится, — примерно в ста футах над верхним краем утеса; но там, на утесе, не должно быть сейчас ни души, не должно быть и света.

Он сделал шаг под уклон — и остановился в нерешительности. Разве есть у него время спускаться к обрыву? Ему надо немедля бежать домой. Скотина, облепленная снегом, скучилась у ворот, просится от бурана в хлев, ждет не дождется тепла и крыши над головой. Свиньи не кормлены, куры тоже не кормлены. Человек не вправе забывать про тех, кто живет на его попечении.

Однако там внизу — люди. Правда, у них есть фонарь, но они почти на самой кромке утеса. Если эти олухи не поостерегутся, они запросто могут поскользнуться и сверзиться вниз со стофутовой высоты. Почти наверняка охотники за енотами, хотя какая же охота в такую ночь! Еноты давно попрятались по норам. Нет, кто бы ни были эти люди, надо спуститься и предупредить их.

Он прошел примерно полпути, когда кто-то подхватил фонарь, до того, по-видимому, стоявший на земле, и поднял над головой. Дэниельс разглядел лицо этого человека — и бросился бегом.

— Шериф, что вы здесь делаете?

Но еще не договорив, почувствовал, что знает ответ, знает едва ли не с той секунды, когда завидел огонь у обрыва.

— Кто там? — круто повернувшись, спросил шериф, наклонил фонарь, посылая луч в нужную сторону. — Дэниельс!.. — у шерифа перехватило дыхание. — Боже правый, где вы были, дружище?

— Да вот, решил прогуляться немного, — промямлил Дэниельс. Объяснение, он и сам понимал, совершенно не удовлетворительное, но не прикажете ли сообщить шерифу, что он. Уоллес Дэниельс, сию минуту вернулся из путешествия во времени?

— Черт бы вас побрал! — возмущенно отозвался шериф. — А мы-то ищем! Бен Адамс поднял переполох: заехал к вам на ферму и не застал вас дома. Для него не секрет, что вы вечно бродите по лесу, вот он и перепугался, что с вами что-то стряслось. И позвонил мне, а сам с сыновьями тоже кинулся на поиски. Мы боялись, что вы откуда-нибудь свалились и что-нибудь себе поломали. В такую штормовую ночь без помощи долго не продержишься.

— А где Бен? — осведомился Дэниельс.

Шериф махнул рукой, указывая еще ниже по склону, и Дэниельс заметил двоих парней, вероятно, сыновей Адамса: те закрепили веревку вокруг ствола и теперь вытравливали ее за край утеса.

— Он там, на веревке, — ответил шериф. — Осматривает пещеру. Решил почему-то, что вы могли залезть в пещеру.

— Ну что ж, у него было достаточно оснований… — начал Дэниельс, но досказать не успел: ночь взорвалась воплем ужаса. Вопль продолжался безостановочно добрые полминуты, и шериф, сунув фонарь Дэниельсу, поспешил вниз.

«Трус, — подумал Дэниельс. — Подлая тварь — обрёк другого на смерть, заточив в пещере, а потом наложил в штаны и побежал звонить шерифу, чтобы тот засвидетельствовал его благонамеренность. Самый что ни на есть отъявленный негодяй и трус…»

Вопль заглох, упав до стона. Шериф вцепился в веревку, ему помогал одни из сыновей. Над обрывом показались голова и плечи Адамса, шериф протянул руку и выволок его в безопасное место. Беи Адамс рухнул наземь, ни на секунду не прекращая стонать. Шериф рывком поднял его на ноги.

— Что с тобой, Бен?

— Там кто-то есть, — проскулил Адамс. — В пещере кто-то есть…

— Кто, черт побери? Кто там может быть? Кошка? Пантера?

— Я не разглядел. Просто понял, что там кто-то есть. Почувствовал. Оно запряталось в глубине пещеры.

— Да откуда ему там взяться? Дерево кто-то спилил. Теперь туда никому не забраться.

— Ничего я не знаю, — всхлипывал Адамс. — Должно быть, оно сидело там еще до того, как спилили дерево. И попало в ловушку.

Один из сыновей поддержал Бена и дал шерифу возможность отойти. Другой вытягивал веревку и сматывал ее в аккуратную бухту.

— Еще вопрос, — сказал шериф. Как тебе вообще пришло в голову, что Дэниельс залез в пещеру? Дерево спилили, а спуститься по веревке, как ты, он не мог — ведь там не было никакой веревки. Если бы он спускался по веревке, она бы там так и висела. Будь я проклят, если что-нибудь понимаю. Ты валандаешься зачем-то в пещере, а Дэниельс выходит себе преспокойно из леса. Хотел бы я, чтобы кто-то из вас объяснил мне…

Тут Адамс, который плелся, спотыкаясь, в гору, наконец-то увидел Дэниельса и замер как вко-

панный.

— Вы здесь? Откуда? — растерянно спросил он. — Мы тут с ног свились… Ищем вас повсюду, а вы…

— Слушай, Бен, шел бы ты домой — перебил шериф, уже не скрывая досады. — Пахнет все это более чем подозрительно. Не успокоюсь, пока не разберусь, в чем дело.

Дэииельс протянул руку к тому из сыновей, который сматывал веревку.

— По-моему, это моя.

В изумлении Адамс-младший отдал веревку, не возразив ни слова.

— Мы, пожалуй, срежем напрямую через лес, — заявил Бен. — Так нам гораздо ближе.

— Спокойной ночи, — бросил шериф. Вдвоем с Дэниельсом они продолжали не спеша подниматься в гору. — Послушайте, Дэниельс, — догадался вдруг шериф, — нигде вы не прогуливались. Если бы вы и впрямь бродили по лесу в такую вьюгу, на вас налипло бы куда больше снега. А у вас вид, словно вы только что из дому.

— Ну, может, это и не вполне точно утверждать, что я прогуливался…

— Тогда, черт возьми, объясните мне, где вы все-таки были. Я не отказываюсь исполнять свой

долг в меру своего разумения, но мне вовсе не улыбается, если меня при этом выставляют дурачком…

— Не могу я ничего объяснить, шериф. Очень сожалею, но, право, не могу.

— Ну, ладно. А что с веревкой?

— Это моя веревка, — ответил Дэииельс. — Я потерял ее сегодня днем.

— И наверное, тоже не можете ничего толком объяснить?

— Да, пожалуй, тоже не могу.

— Знаете, — произнес шериф, — за последние годы у меня была пропасть неприятностей с Беном Адамсом. Не хотелось бы мне думать, что теперь у меня начнутся неприятности еще и с вами.

Они поднялись на холм и подошли к дому. Машина шерифа стояла у ворот на дороге.

— Не зайдете ли? — предложил Дэниельс. — У меня найдется что выпить.

Шериф покачал головой.

— Как-нибудь в другой раз, — сказал он. — Не исключено, что скоро. Думаете, там и вправду был кто-то в пещере? Или у Бена просто воображение разыгралось? Он у нас из пугливеньких…

— Может, там никого и не было, — ответил

Дэииельс, — но если Бен решил, что кто-то есть, то не будем с ним спорить. Воображаемое может оказаться таким же реальным, как если бы оно встретилось вам наяву. У каждого из нас, шериф, в жизни есть спутники, видеть которых не дано никому, кроме нас самих.

Шериф кинул на него быстрый взгляд.

— Дэниельс, какая муха вас укусила? Какие такие спутники? Что вас гложет? Чего ради вы похоронили себя заживо в этой дремучей глуши? Что тут делается?..

Ответа он ждать не стал. Сел в машину, завел мотор и укатил.

Дэниельс стоял у дороги, наблюдая, как тают в круговороте метели гневные хвостовые огни. Все, что оставалось, — смущенно пожать плечами: шериф задал кучу вопросов и ни на одни не потребовал ответа. Наверное, бывают вопросы, ответа на которые и знать не хочется.

Потом Дэниельс повернулся и побрел по заснеженной тропинке к дому. Сейчас бы чашечку кофе и что-нибудь перекусить — но сначала надо заняться хозяйством. Надо доить коров и кормить свиней. Куры потерпят до утра — все равно сегодня задавать им корм слишком поздно. А коровы, наверное, мерзнут у запертого хлева,

мерзнут уже давно — и заставлять их мерзнуть дольше просто нечестно.

Он отворил дверь и шагнул в кухню.

Его ждали. Нечто сидело на столе, а быть может, висело над столом так низко, что казалось сидящим. Огня в очаге не было, в комнате стояла тьма — лишь существо искрилось.

— ***Ты видел?*** — осведомилось существо.

— Да, — ответил Дэниельс. — Я видел и слышал. И не знаю, что предпринять. Что есть добро и что есть зло? Кому дано судить, что есть добро и что есть зло?

— ***Не тебе***, — отозвалось существо. — ***И не мне. Я могу только ждать. Ждать и не терять надежды.***

«А быть может, там, среди звезд, — подумал Дэнисльс. — есть и такие, кому дано судить? Быть может, если слушать звезды — и не просто слушать, а пытаться вмешаться в разговор, пытаться ставить вопросы, то получишь ответ? Должна же существовать во Вселенной какая-то единая этика. Например, что-то вроде галактических заповедей. Пусть не десять, пусть лишь две или три — довольно и их…»

— Извини, я сейчас тороплюсь и не могу беседовать, — сказал он вслух. — У меня есть живность,

я должен о ней позаботиться. Но ты не уходи. Попозже у нас найдется время потолковать.

Он пошарил по скамье у стены, отыскал фонарь, ощупью достал с полки спички. Зажег фонарь — слабое пламя разлило в центре темной комнаты лужицу света.

— ***С тобой живут другие, о ком ты должен заботиться?*** — осведомилось существо. — ***Другие, не вполне такие же, как ты? Доверяющие тебе и не обладающие твоим разумом?***

— Наверное, можно сказать и так, — ответил Дэннельс. — Хотя, признаться, никогда до сих пор не слышал, чтобы к этому подходили с такой точки зрения.

— ***А можно мне пойти с тобой?*** — осведомилось существо. — ***Мне только что пришло на ум, что во многих отношениях мы с тобой очень схожи.***

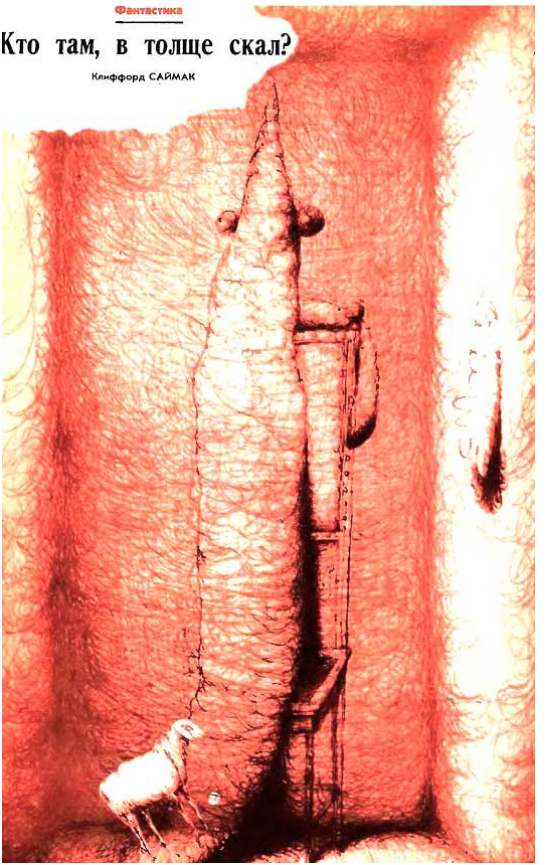
— Очень схо… — Дэннельс не договорил, фраза повисла в воздухе.

«А если это не пес? — спросил он себя. — Не преданный сторожевой пес, а пастух? И тот, под толщей скал, не хозяин, а отбившаяся от стада овца? Неужели мыслимо и такое?..»

Фантастика

Кто там, в толще скал?

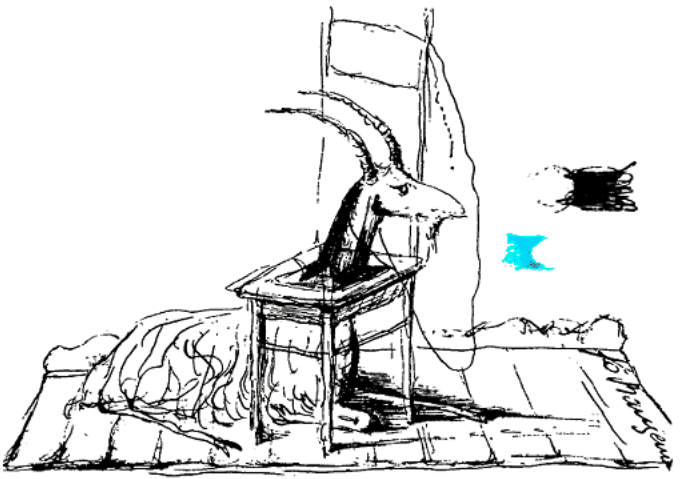
Клиффорд САЙМАК



Он даже протянул руку в сторону существа инстинктивным жестом взаимопонимания, но вовремя вспомнил, что притронуться не к чему. Тогда он просто поднял фонарь и направился к двери.

— Пошли, — бросил он через плечо.

И они двинулись вдвоем сквозь метель к хлеву, туда, где терпеливо жались коровы.



Перевел с английского К. Сенин

№ 6

Кир Булычёв

Не гневи колдуна

В наши дни никто в колдунов не верит. Даже создается впечатление, что они вымерли и в литературе. Изредка мелькнет там волшебник. Но волшебник — это не колдун, а куда более воспитанный пришелец с Запада. Пока наши деды не начитались в детстве сказок братьев Гримм и Андерсена, они о волшебниках и не подозревали, а теперь какой-нибудь гном нам ближе и понятнее, чем простой колдун. Что поделаешь — век НТР и телевидения.

В общем, так или иначе, но когда один колдун вышел из леса и направился к Корнелию Удалову, тот даже не заподозрил дурного.

Колдун был одет неопрятно и притом претенциозно. На нем был драный тулуп, заячья шапка и хромовые сапожки со шпорами и пряжками, как бывают на дамских сумочках.

— Ловится? — спросил колдун.

Удалов кинул взгляд на колдуна, затем снова уставился на удочку. Ловилось неплохо, хоть и стояла поздняя осень, с утра приморaживало и опавшие листья похрустывали под ногами, как вафли.

Колдун наклонился над ведром, в котором лежали, порой вздрагивая, подлещики, и сказал:

— Половину отдашь мне.

— Еще чего, — улыбнулся Удалов и подсек. На этот раз попалась плотвичка. Она прыгала по жухлой траве, старалась нырнуть с обрывчика обратно в озеро.

— Поделись, — сказал колдун. — Я здесь хозяин. Со мной делиться надо.

— Какой год сюда приезжаю рыбачить, — сказал Удалов, кидая плотвичку в ведро, — а хозяев не видал. У нас все равны.

— Я здесь недавно, — сказал колдун, присаживаясь на корточки и болтая пальцем в ведре. — Пришел из других мест. Мирный я, понимаешь?

Тогда-то Удалов впервые пригляделся к колдуну и остался недоволен его внешним видом.

— Вы что? — спросил он. — На маскарад собрались или из больницы сбежали?

— Как грубо, — вздохнул колдун. — Ниоткуда я

не сбежал. Какую половину отдашь? Здесь у тебя шесть подлещиков, три ерша и плотвичка. Как делить будем? Пойми меня правильно, — сказал он задумчиво. — Я не из жадности. Мне фосфор нужен, а он в рыбьих костях, понимаешь? Мыслю я фосфором.

Удалов понял, что этот малый не шутит. И как назло на всем озере ни одного рыбака. Кричи не кричи, не дозовешься. До шоссе три километра и все лесом.

— А вы где живете? — спросил Удалов почти вежливо.

— Под корягой, — сказал колдун. — Холодно будет, чью-нибудь пустую дачу оккупирую. Я без претензий.

— А что, своего дома нету?

Рыбалка была испорчена. Ладно, все равно домой пора. Корнелий поднялся, вытащил из воды вторую удочку и начал сматывать рыболовные орудия.

— Дома своего мне не положено, потому что я колдун, вольное существо, — начал было колдун, но, заметив, что Удалов уходит, возмутился. — Ты что, уйти хочешь? Перечить вздумал? А ведь мне никто не перечит. В старые времена от одного моего вида на землю падали, умоляли, чтобы я

чего добровольно взял, не губил.

— Колдун? Колдунов не бывает. Это суеверие.

— Кому суеверие, а кому и грустная реальность.

— А чего вас бояться?

Удочки были смотаны. Удалов попрыгал, чтобы размять ноги. Холодно. Поднимается ветер. Из-за леса ползет туча, — то ли будет дождь, то ли снег.

— Ясное дело, почему боялись, — сказал колдун. — Потому что порчу могу навести.

— Это в каком смысле?

Глаза колдуна Удалову не нравились. Наглые глаза, страшноватые.

— В самом прямом, — сказал колдун. — И на тебя порчу могу навести. И на корову твою, и на козу, и на домашнюю птицу.

— Нет у меня скота и домашней птицы, — сказал Удалов, поднимая ведро и забрасывая на плечо удочки. — Откуда им быть, если я живу в городе Гусляре на втором этаже. Так что прощайте, здоровеньки булы.

Удалов быстро шел по лесной тропинке, но колдун не отставал. Вился, как слепень, исчезал за деревьями, снова возникал на пути и все говорил. В ином случае Корнелий бы поделился

с человеком рыбой, не жадный, но тут уж дело принципа. Если тебе угрожают, сдаваться нельзя. И так много бездельников развелось.

— Значит, отказываешься? Значит, не уважаешь? — канючил колдун.

— Значит, так.

— Значит, мне надо меры принимать?

— Значит, принимай.

— Так я же на тебя порчу напущу. Последний раз предупреждаю.

— Какую же?

— Чесотку могу. И лихорадку могу.

— Противно слушать. От этого всего лекарства изобрели.

— Ну хоть двух подлещиков дай.

— И не проси.

— Стой! — колдун забежал вперед и преградил путь. — В последний раз предупредил!

— Не препятствуй. Я из-за тебя на автобус опоздаю, домой поздно приеду, завтра на службе буду невыспавшийся. Понимаешь?

— На службу ходишь? — удивился колдун. — И еще рыбу ловишь?

— А как же? — Удалов отстранил колдуна и проследовал дальше. — А как же в жизни без разнообразия? Так и помереть можно. Если бы я

только на службу ходил да с женой общался, без всякого хобби, наверно помер бы с тоски. Человеку в жизни необходимо разнообразие. Без этого он не человек, а существо.

Колдун шёл рядом и соглашался. Удалову даже показалось, что колдун сейчас сознается, что и у него есть тайное хобби, к примеру, собирание бабочек или там спичечных коробков. Но вместо этого колдун вдруг захихикал, и было в этом хихиканье что-то тревожное.

— Понял, — сказал колдун. — Погибель тебе пришла, Корнелий Иванович. Знаю я, какую на тебя напустить порчу.

— Говори. — Удалов совсем осмелел.

— Смотри же.

Колдун выхватнл клок из серой бороды, сорвал с дерева желтый лист, подобрал с земли комок, стал все это мять, причитая по-старославянски, и притом приплясывать. Зрелище было неприятным и тягостным, но Удалов ждал, словно не мог оставить в лесу припадочного человека. Но ждать надоело, и Удалов махнул рукой, оставайся, мол, и пошел дальше. Вслед неслись вопли, а потом наступила тишина. Удалов решил было, что колдун отвязался, но тут же сзади раздались частые шаги.

— Все! — задышал в спину колдун. — Заколдованный ты, товарищ Удалов. Не спасешься ты от моей порчи до самой смерти и еще будешь меня молить, чтобы выпустил я тебя из страшного плена, но я только захохочу тебе в лицо и спрошу: «А про рыбку — помнишь?»

И сгинул колдун в темнеющем воздухе. Словно слился со стволами осин. И гнетущая влажная тяжесть опустилась на лес. Удалов помотал головой, чтобы отогнать наваждение, и поспешил к автобусной остановке. Там уже, стоя под навесом, слушая, как стучат мелкие капли дождя, подивился тому, что колдун откуда-то догадался о его фамилии. Ведь Удалов колдуну, само собой, не представлялся.

Еще в автобусе Удалов о колдуне помнил, а домой пришел — забыл вовсе.

Утром Удалова растолкала жена.

— Корнелий, ты до обеда спать намерен?

Потом подошла к кровати сына Максимки и спросила:

— Максим, ты в школу опоздать хочешь?

И тут же: плюх-плюх — на сковородку яйца. Пшик-пшшик — нож по батону. Буль-буль — молоко из бутылки, у-нни! — чайник закипел.

Удалов поднялся с трудом, голова тяжелая от

вчерашнего свежего воздуха, что ли. С утра сегодня заседание. Опять план горит…

— Максимка, — спросил он. — Ты скоро из уборной вылезешь?

В автобусе, пока ехал на службу, заметил знакомые лица. В конторе была видимость деловитости. Удалов раскланялся с кем надо, прошел к себе, сел за стол, натянул черные нарукавники и с подозрением оглядел поверхность стола, словно там мог таиться скорпион. Не было никакого скорпиона. Удалов вздохнул, и начался рабочий день.

Когда Удалов вернулся домой, на плите кипел суп. Ксения стирала, а Максимка готовил уроки. За окном осенняя мразь, темно, как в омуте. Стол, за которым летом играли в домино, поблескивал под фонарем, с голых кустов на него сыпались ледяные брызги. Осень. Пустое время.

Незаметно прошла неделя. День за днем… В воскресенье Удалов на рыбалку не поехал, какой уж там клев, сходили в гости к Алевтине, Ксениной родственнице, посидели, посмотрели телевизор, вернулись домой. Утром в понедельник Удалов проснулся от голоса жены:

— Корнелий, ты что, до обеда спать собрался?

Потом жена подошла к кровати Максимки и

спросила:

— Максим, ты намерен в школу опоздать?

И тут же: плюх-плюх — о сковородку яйца, пшшнк-пшшнк — нож по батону, буль-буль-буль — молоко из бутылки, у-иии! — чайник закипел.

Удалов с трудом поднялся, в голове муть, а сегодня с утра совещание. А потом дела, дела…

— Максим! — крикнул он. — Ты долго будешь в уборной прохлаждаться?

Как будто перед мысленным слухом Удалова прокрутили магнитофонную пленку.

Где он все это слышал?

В конторе суетились, спорили в коридоре. Удалов прошел к себе, натянул черные нарукавники и с подозрением оглядел поверхность стола, словно там мог таиться скорпион. Скорпиона не было. Удалов вздохнул и принялся готовить бумаги к совещанию.

В воскресенье Удалов хотел было съездить на рыбалку, да погода не позволила, снег с дождем. Так что после обеда он подался к соседу, побеседовали, посмотрели телевизор.

В понедельник Удалов проснулся от странного ожидания. Лежал с закрытыми глазами и ждал. Дождался:.

— Корнелий, ты до обеда спать собираешься?

— Стой! — Удалов вскочил, шлепнув босыми пятками о пол. — Кто тебя научил? Других слов не знаешь?

Но жена будто не слышала бунта. Она подошла к кровати сына и сказала:

— Максим, ты намерен в школу сегодня идти?

И тут же: плюх-плюх о сковородку яйца…

Удалов стал совать ноги в брюки, спешил вырваться из дома. Нервно вскричал:

— Максим, ты скоро… — и осекся.

Опомнился только на улице. Куда он едет? На службу едет. Зачем?

А в конторе была суматоха. Готовились к совещанию по итогам месяца… Но стоило Удалову поглядеть на потертую поверхность своего стола, как неведомая сила подхватила его и вынесла вновь на улицу. Куда теперь? Удалов беспомощно затоптался на месте. Вдруг его осенило. Он помчался к рыбному магазину и, отстояв небольшую очередь, купил щуку килограмма на три. Завернул эту щуку в газету и со свертком через пять минут был на автобусной остановке.

…Сыпал снежок, таял на земле, на мокрых корнях деревьев. Лес был безмолвен. Лес прислушивался к тому, что произойдет.

— Эй, — сказал Удалов несмело.

Из-за дерева вышел колдун и сказал:

— Щуку принес? В щуке костей много.

— Откуда же в щуке костям быть? — возмутился Удалов. — Это же не лещ.

— Лещ-то получше будет, — сказал колдун. — В леще фосфор. Мы теперь образованные. — Пощупал рукой свисающий из лохмотьев газеты щучнй хвост. — Мороженая?

— Но свежая, — сказал Удалов.

— А что, допекло? — колдун принял щуку, как молодой отец ребенка у дверей роддома.

— Сил больше нет, — признался Удалов. — Плюх-плюх, пшик-пшик.

— Быстро, — сказал колдун. — Всего три недели прошло.

— Я больше не буду, — сказал Удалов. — А насчет фосфора не беспокойся. Фосфор в ней имеется.

Колдун поглядел на серое небо, сказал задумчиво:

— Что-то я сегодня добрый. А казалось бы, чего тебя жалеть? Ведь заслужил наказание.

— Я… не буду, — повторил Удалов. И добавил: — В ней три кило.

— Ну ладно, подержи.

Колдун вернул щуку Удалову и принялся со-

вершать руками пассы. На душе у Корнелия было гадко. А вдруг все это шутка, розыгрыш дурацкий?

— Все, — сказал колдун, протягивая рукн за щукой. — Свободен ты, Удалов. Летом будешь мне каждого второго подлещика отдавать.

— Обязательно, — сказал Удалов, понимая уже, что его провели.

Колдун перекинул щуку через плечо и зашагал в кусты.

— Постойте. — сказал Удалов вслед. — А если…

Но слова его запутались в мокрых ветвях, и он понял, что в лесу никого нет.

Удалов вяло добрел до автобусной остановки. Кивая, он бормотал, что колдун — отвратительная личность, шантажист, вымогатель… В автобусе какая-то девушка поглядела на него с состраданием и уступила место.

В страхе Удалов пришел домой, и в страхе улегся спать, и со страхом ждал утра, во сне продолжая бесцельную и сердитую беседу с колдуном. И чем ближе утро, тем меньше он верил в избавление…

Но обошлось.

На следующее утро Ксения сварила манную кашу, Максимка захворал свинкой и не пошел в

школу, а Удалова вызвали на совещание в Вологду, сроком на десять дней.

№ 7

Г. К. Честертон

Деревянный меч

Литературные страницы

Деревянный меч

Г. К. ЧЕСТЕРТОН

В деревне Грейлинг-Эббот еще не знали, что началось Новое время, то время, в котором живем и мы. Никто не подозревал, что все именуемое «современным» прокралось в Англию. Собственно, этого не знали толком и в Лондоне, хотя человека два поумней — лорд Кларендон и, наверное, принц Руперт, печальный любитель химии, — чувствовали, что самый воздух изменился.

Более того, по всем признакам, вернулось Старое время. Вернулось Рождество; пало страшное воинство; молодой темнолицый человек с веселой насмешливой улыбкой, которому кричали «ура!» от Дувра до Уайтхолла, возвратил Англии кровь королей. Все говорили, что пришло доброе старое время; особенно же верили в это жители сомерсетской деревни. Но темнолицый человек в это не верил. Веселый король знал, что при нем веселым временам не бывать. Не без причины считал он свою жизнь комедией, ибо комедия — единственная поэзия компромисса. Он понимал, что сам он — компромисс и, как принц Руперт, развлекался игрушками, которым было суждено превратиться в страшные детища нынешней науки. Так играют с тигрятами, пока они не больше таксы.

В деревне Грейлинг-Эббот было много легче ве-

рить в возвращение старых времен. Отсюда они, в сущности, и не уходили. Яростные религиозные схватки XVII века сказались здесь лишь в том, что местные жители иногда пытались изловить ведьму, а это бывало, хотя и реже, в Средние века. Помещик, сэр Гай Гриффин, славился мечом, как средневековый рыцарь. Он сражался при Ньюкасле, знал поражение, но местная легенда восхваляла его личную доблесть, и в ближних графствах чтили не столько полководца, сколько воина. Так Брюс или Ричард Львиное Сердце славились силой руки, а не силой ума.

Немногое изменилось со Средних веков и для учителя Денниса Трайона, прощавшегося со своей школой, ибо сэр Гай пригласил его учить своих сыновей, которые до сих пор умели только биться на шпагах. Тысячи безымянных нитей связывали Трайона со Старым временем. Он не был пуританином, но ходил в черном. Как Милтон, он учился в колледже и танцам, и фехтованию, но одевался скромно и не носил шпаги, ибо по неписаному закону учение было как бы служением, а служение — священством. Он носил волосы до плеч, но они были прямые, а дворяне уже водружали на голову вороха чужих кудрей. Его простодушное лицо в ровной рамке волос походило на старую

миниатюру. Читал он Джорджа Герберта и Томаса Брауна; и лет ему было немного.

Сейчас он наставлял на прощание ученика, замешкавшегося возле школы, — семилетнего мальчика, смастерившего из двух палочек деревянный меч, которыми мальчики играют в каждом веке.

— Джереми, — печально и шутливо говорил Трайон, — твои мечи все лучше и лучше. Я вижу, лезвие не слишком остро, без сомнения — по той причине, по какой сэр Орландо притупил меч, сражаясь с дамой, чье имя я запамятовал. Но великана такое лезвие сразит, как меч в руках достославного Джека. Быть может, это сказка, но это — и притча. Тот, кто добр и смел, победит великана. Того, кто зол и низок, бьют палкой. Но ты — добрый мальчик, и меч у тебя — добрый. Только помни, — Трайон быстро и ласково склонился к питомцу, — меч несравненно сильнее, когда его держишь за лезвие.

Он перевернул деревянный меч и быстро пошел по белой прямой дороге, а мальчик с крестом в руке глядел ему вслед.

Когда он услышал шаги, он знал, что это — не Джереми. Оглянувшись, он увидел, что ученик и впрямь остался далеко позади, а вдоль изго-

роди, старой, как Плантагенеты, бежит какая-то девушка. Одета она была с пуританской скромностью, но не в пуританское платье, а волосы, выбившиеся из-под ее капюшона, были светлыми и кудрявыми по той же причине, по какой его собственные были темными и прямыми. Больше ничего примечательного он в ней не заметил, разве что красоту, торопливость и несколько излишнюю бледность. Но дальше, за ней, он увидел весьма примечательного человека, который был пострашней меченосного Джереми.

Высокий важный кавалер, черный на светлом небе, быстро шел по дороге. Из-под его широкополой шляпы, украшенной перьями, падали на плечи завитые волосы; но не это поразило Трайона. У сэра Гая грива спускалась чуть ли не до пояса, потому что он хотел (без должной необходимости) показать, что не принадлежит к пуританам.

Сэр Гай украшал шляпу петушиными перьями, потому что у него не было другим птиц. Однако он никогда не позволил бы себе подобные телодвижения. Причудливый человек размахивал шпагой, словно вот-вот метнет ее, как копье. В отличие от двора, жители Сомерсета не привыкли к подобному поведению.

Трайон еще удивлялся, когда девушка проговорила на бегу:

— Не сражайтесь с ним! Он всех победил — сэра Гая, сыновей… — Тут она оглядела его и вскрикнула: — Где ваша шпага?

— Там же, где мои шпоры, миледи, — отвечал Деннис по всем канонам Ариосто. — Я еще должен их завоевать.

— Его никто не победил в поединке! — жалобно сказала девушка.

Трайон улыбнулся и поднял свою трость.

— Того, у кого нет шпаги, — сказал он, — нельзя победить в поединке.

Девушка смотрела на него, словно на эти минуты остановилось время, потом метнулась куда-то и исчезла, словно лань. Ярдов на сто дальше она вынырнула из листвы, остановилась на мгновенье и оглянулась. Именно тогда Джереми Бейт, не собиравшийся покидать дивной школы, где не надо больше учиться, кинулся вперед. Любопытство их было оправдано: они узрели небывалую схватку. Шпага скрестилась с единственным оружием, которое пригодно только для защиты.

День был ветренный и солнечный, словом — прекрасный, но до сей поры даже склонный к пасторальной поэзии Трайон не замечал особой

красоты ни в небе, ни на земле. Сейчас красота мира потрясла его, как видение, ибо он понял, что видение это скоро исчезнет. Он фехтовал неплохо, но никто не продержится долго, когда нечем нападать: к тому же противник его, побуждаемый вином или бесом, бился не на жизнь, а на смерть.

Деннис Трайон видел английскую землю и дивное английское небо во всей их славе. Так видели природу те, кого он любил. Великие позты Англии, от Чосера до Драйдена, владели искусством, утраченным после них: они описывали природу, но ты ее видел. Когда читаешь: «Сбивайтесь в стадо, облака», нет сомнений, что речь идет о кучевых облаках, а не о перистых. Когда узнаешь от Милтона[14], что башня принцессы виднелась сквозь хохлатые деревья, не сомневаешься, что речь идет о весне или осени, когда листьев немного, и дерево похоже на метлу, обметающую небеса. Вот так же отчетливо и неосознанно Трай-

[14] notes: 14

...узнаёшь от Милтона... — речь, конечно, о Джоне Мил**ь**тоне, авторе «Потерянного рая». В СССР 70-х годов прошлого века, в уличном жаргоне, широко использовавшемся в повседневном бытовом общении, для обозначения милиционера ещё ходило словечко "**мильто́н**". В свете этого "**Милтон**", в тексте данной публикации является не опечаткой, а адаптированным для советского читателя вариантом написания фамилии поэта, способом цензоров-редакторов того времени избегать ненадлежащих ассоциаций. ***(Прим. компилятора)***

он видел, что круглые утренние облачка, розовые с одного бока, толпятся и клубятся над холмами, а тихий милостивый лес переходит от серого к лиловому прежде, чем слиться с синевой. Смерть в черноперой шляпе осыпала его сверкающими стрелами; и он еще никогда не любил так сильно божьего мира.

Отбивая каждый выпад, он вспоминал какой-нибудь из своих прежних дружеских поединков. Когда блестящее жало смерти, не пронзив его сердца, скользнуло вдоль локтя, он увидел лужайку у Темзы. Когда сверканье стали перед глазами едва не ослепило его, он увидел полянку в Мертоне так ясно, словно трава выросла на белой дороге, у него под ногами. Но видел он и другое. Он все яснее понимал, что, будь у него шпага, он давно поразил бы противника. Будь у него шпага, он пронзил бы его, как пронзают ножом пудинг; но шпаги у него не было. Его спасала ловкость, противника же спасало только то, что Деннис дрался тростью. У Трайона был четкий и чистый ум, он мог бы играть две шахматные партии сразу; и сейчас, сражаясь, ученый учитель строил цепь силлогизмов. Вывод был прост: если противник думает, что и у него шпага, он — плохой фехтовальщик; если же он знает, что у него

палка, он плохой человек (в наши дни сказали бы «плохой спортсмен»).

И Трайон сделал то, что годилось для обоих случаев, — вспомнив нужный выпад, ударил противника по локтю, снизу, и, пока у того висела рука, выбил его шпагу. Судя по выражению лица, противник без шпаги был беспомощен и прекрасно это знал.

— Того, кто низок и подл, — назидательно сказал учитель, — бьют палкой.

Что и выполнил — трижды ударил по спине обезоруженного врага и быстро ушел.

Он не видел, что делал дальше враг, но искренне удивился тому, что делали прочие. К этому времени толпа собралась немалая, и в ней выделялись меченосный ученик и златокудрая девушка. Когда Деннис снова двинулся по дороге, толпа взревела, а несколько дворян, находившихся в ней, рьяно замахали шляпами. Как ни странно, после этого все, включая девушку, умчались куда-то, словно спешили сообщить о великой победе.

Когда же он достиг следующей деревни, в каждом окне торчало по десять голов, а женщины бросали цветы, падавшие на дорогу. У ворот помещичьего парка, украшенных каменными

грифонами, его поджидали триумфальные арки.

Сам прославленный хозяин вышел к нему навстречу. Как и грифоны, он походил и на льва, и на орла. Его львиная грива была белой, орлиный нос — багровым. Грозный и рассеянный взгляд навел учителя на мысль о возможной причине поражения; но помещик держался так прямо, пожал ему руку так крепко, поздравил его так сердечно, что сомнения исчезли. Будущие ученики глядели на пришельца с обожанием, а он, взглянув на них, отчаялся в том, что они когда-нибудь постигнут латынь и греческий, но ясно понял, что каждый из них мог бы сбить его кеглей. И недавний триумф показался ему непонятным и сказочным, как арки.

«Странно все это, — думал он. — Я неплохо фехтовал, но и не так уж хорошо, Смит и Уилтон меня превосходили. Быть не может, чтобы сэр Гай и его сыновья уступали в поединке тому, кого я побил палкой. Наверное, это шутка знатных вельмож, как в занимательном повествовании мистера Сервантеса».

По этой причине он уклонился от похвал, но его чистая душа недолго могла сомневаться в том, что его хвалят от чистого сердца. Сэр Гай и его сыновья, как малолетний Джереми, видели

в нем сказочного рыцаря, освободившего край от чудовища. Люди, глядевшие из окон, не принадлежали к знати; триумфальные арки не были шуткой. Он и вправду стал местной святыней, но не мог понять, с чего бы.

Три вещи убедили его, что это правда. Во-первых, как ни странно, его новые ученики старались изо всех сил. Гэмфри, самый старший и рослый, три раза кряду просклонял *quit* и сбился лишь на четвертый. Попытки Джеффри различить *fingo* и *figo* тронули бы камень, а младший, Майлс, искренне привязался к несчастному глаголу *ferre*. За всем этим Трайон различал то молчаливое почтение, которое дети и дикари питают к победителю. Тогда английская знать не обрела еще столь грубой надменности и радовалась, а не поклонялась тому, что мы зовем спортом. Но мальчики всегда одинаковы, и любимый их спорт — поклонение герою.

Во-вторых, что еще удивительней, его почитал сэр Гай. Помещик ни в коей мере не был приятным человеком. Львиное лицо было прекрасным и уродливым с тех пор, как его рассек страшный шрам; нрав и речь были искренними и злыми с тех пор, как рухнула надежда на воинские успехи. Но Трайон ощущал, что, сложись все иначе,

помещик не выказал бы перед ним ни искренности, ни злости.

— Король возвратился, — мрачно говорил Гриффин, — а толку нет. Он привез французских шлюх, которые играют на подмостках, словно мальчики. Он привез ярмарочных шарлатанов, как этот, который побеждал и меня, и всех, пока не встретил победителя, — и он горестно и почтительно улыбнулся Трайону.

— Разве этот джентльмен — из придворных? — робко спросил Трайон.

— Да, — ответил сэр Гай. — Вы видели его лицо?

— Я смотрел ему в глаза, — сказал Трайон.

— Оно размалевано, — сказал сэр Гай. — Вот что делают теперь в Лондоне. И волосы у него чужие. Но дерется он отменно, это я признаю, как признал, что отменно дралось войско старого Нолла. Что мы могли против них?

Сильнее всего убедило Трайона то, как вела себя девушка, Дороти Гуд. Она оказалась дочерью священника и часто бывала с отцом в поместье, но избегала учителя. Он и сам был робок, и тонкость чувств подсказала ему, что она поистине считает его героем. Будь все это шуткой, в нее непременно посвятили бы прекрасную даму (она казалась ему

все прекрасней каждый раз, как мелькала в аллее или за дверью), и роль ее была бы проста. Но она не играла роли; и он поймал себя на том, что об этом жалеет. Наконец, он услышал ненароком, как она говорила в соседней комнате сэру Гаю:

— Все думают, что он колдун, но господь помог мистеру Трайону за его чистоту и доброту…

Однажды, собрав все свое мужество, он остановил ее и поблагодарил за то, что она предупредила его об опасности.

Ее тонкое трепетное лицо стало совсем испуганным.

— Я еще не знала, — сказала она. — Я не знала, что вы сразитесь с бесом.

— Я и сейчас этого не знаю, — сказал Трайон. — Я сражался с человеком, и не очень храбрым.

— Все говорят, что в нем бес, — простодушно возразила она. — Мой отец так говорит.

Она убежала, а Деннис задумался. Чем больше он думал, тем больше убеждался, что рассказ о его поединке превращается в легенду о светлом рыцаре, разрушившем злые чары.

Младший из братьев, Майлс, вечно пропадавший у реки, сообщил, что крестьяне ходят к старой заводи, где некогда топили ведьм. Брат его Гэмфри заметил на это, что ходят они втуне,

ибо размалеванный пришелец отбыл в Лондон. Однако часом позже Джеффри принес другую весть: колдуна изловили на дороге в Солсбэри.

Когда, влекомый любопытством и тревогой, Трайон вышел за ворота, слова эти подтвердились: ему предстал истинный город мертвых. Все жители обеих деревень исчезли с улиц и из окон. Вернулись они под утро и привели человека с заколдованной шпагой.

Нынешние англичане, никогда не видавшие бунта, никогда не видавшие настоящей толпы, не могут себе представить, что творится, когда изловят колдуна. Для тех, кто жил в долине, он был исчадием ада, поработителем, который выше, страшнее, всесильнее и Карла, и Кромвеля. В наше время думают, что ведовства боятся глупые старухи. Для жителей долины суд над чародеем был вызовом Сатане, восстанием добрых ангелов. Дороти Гуд боялась толпы и схватила Денниса за руку с нежностью и доверием, которых хватило бы ему на всю жизнь. Но ей и в голову не пришло пожалеть колдуна.

Колдун стоял на берегу. Руки ему связали, но шпаги не отняли, не решаясь ее тронуть. Парик слетел, голова стала, как у круглоголовых, и размалеванное лицо казалось мерзким, словно

личина Вельзевула. В него швыряли кто чем мог, даже маленький Джереми метнул свой меч, но все попадало не в него, а в реку, куда собирались бросить и его самого.

И тогда в ярком, как молния, утреннем свете воцарился тот редкий, но весьма ощутимый дух, ради которого терпят аристократию и разделение людей. Искаженное шрамом лицо стало скорбным до брезгливости. Сэр Гай обернулся к сыновьям и сказал сурово:

— Мы уведем его в поместье целым и невредимым. Вы при шпагах. Обнажите их.

— Зачем! — спросил Гэмфри.

— Затем, — отвечал ему отец, — что он их выбил у нас из рук. — И он вытянул из ножен длинную шпагу, сверкнувшую в утреннем свете.

— Сыновья, — сказал он. — Лишь богу ведомо, колдун он или нет. Но нам ли мстить дубинкой толпы тому, кто нас победил! Окружим его и выведем отсюда, хотя бы на нас восстала тысяча змиеборцев.

Обнаженные шпаги встали вокруг чародея кольцом остроконечной ограды. Толпа в те дни была смелей, чем сейчас, и меньше страшилась хозяина. Но Гриффинов почитали за доблесть, и силы были равны. Клинок сэра Гая не знал здесь

сильнейшего, кроме клинка, бессмысленно висевшего на боку у незнакомца.

Раньше, чем пролилась кровь, пленник заговорил.

— Если кто-нибудь соблаговолит опустить руку в мой карман, — спокойно и холодно сказал он, — мы обойдемся без драки.

Все долго молчали. Все до единого смотрели на того, кто не убоялся беса. Смотрела и Дороти; и Деннис выступил вперед. Он извлек из кармана у колдуна сложенный лист бумаги, развернул его, стал читать, и на его молодом, круглом лице проступило удивление. Читая третью фразу, он обнажил голову. Толпа глядела на него. Царило молчание, и самый воздух остывал.

— Это частное письмо, — сказал, наконец, Трайон, — и я не вправе читать его вслух. Его Величество предлагает и дозволяет сэру Годфри Скини испытать новую шпагу, изготовленную Королевским обществом согласно наставлениям лорда Верулама, основателя натурфилософии и знатока естественных наук. Клинок ее намагничен, и, по предположениям ученых, она может выбить, точнее, вытянуть из рук любое оружие.

Сэр Гай обернулся и нему:

— Вот такие науки — спросил он, — называют

у вас естественными?

— Да, — растерянно отвечал Трайон.

— Благодарю, — проговорил сэр Гай. — Моих сыновей можете им не учить.

Он подошел к пленнику и рванул его шпагу так, что лопнула перевязь.

— Если бы писал не король, — сказал он, — я бы швырнул в реку и вас.

И магнетический меч, изготовленный учеными, исчез навсегда от человеческих взоров; а Трайон, глядя на воду, видел только, как борется с тяжким течением маленький деревянный крест.

Перевод И. Трауберг

«Так играют с тигрятами»

25 мая 1660 года тесные улицы Лондона запрудил народ, не знавший, радоваться ему или негодовать. Во главе длинной процессии, в сопровождении свиты в старорежимных одеяниях в столицу въехал вернувшийся из изгнания «молодой темнолицый человек с насмешливой улыбкой» — Карл II Стюарт. С ним вернулись англиканские епископы, лендлорды, средневековые рыцари и средневековые нравы. Вернулись «добрые старые

времена». Таков исторический фон, на котором развертывается действие новеллы Гилберта Кита Честертона “The Sword of Wood" («Деревянный меч»).

Для обитателей замшелой деревушки Грейлинг-Эббот лучшее доказательство того, что все в мире осталось по-старому, — появление чародея. С нечистой силой здесь давно и хорошо знакомы. Слуга дьявола стоит, связанный, на берегу затона, ожидая, когда его столкнут в воду. Но тут выясняется нечто неожиданное. Выясняется, что время-таки изменилось. В кармане у незнакомца лежит некий мандат, удостоверяющий, что он действует от имени Королевского общества, ученой компании, членами которой состоят сам Карл и его кузен принц Руперт (об этом «печальном химике» известно, кстати, не только то, что во время гражданской войны он был разбит кавалерией Кромвеля, но и то, что он изобрел новый способ изготовления стекла). Над мнимым колдуном витает тень Бэкона Веруламского — отца нового естествознания. И, быть может, не так уж глуп дурачок Джеффри, который не в состоянии отличить глагол fingo (выдумываю, изобретаю) от глагола figo (протыкаю клинком). Ибо теперь, в этом новом мире, роль нечистой силы будет выполнять наука. Таков гротескно-иронический подтекст новеллы.

«Так играют с тигрятами, пока они не больше таксы...» Эта меланхолическая мораль, как обычно у Честертона, нарочито двусмысленна. Можете понимать меня так, хочет сказать автор. — а можете и эдак. Можете считать, что я радуюсь победе разума над мракобесием. А можете рассматривать мою комическую притчу как предостережение. Рассказ, публикуемый по-русски впервые, был написан полвека назад. Но, может быть, в наше время — время серьезной переоценки ценностей и ответственных размышлении о науке — он звучит еще злободневней, чем при жизни писателя.

Г. Шингарев

№ 9

Кир Булычёв

Письма разных лет

Письма разных лет

Кир БУЛЫЧЕВ

I

18 января

1978 г. Москва

Дорогой Виктор Сергеевич!

Я давно не писала Вам, не от лени, а потому что было некогда. Мы все трудимся (меньше, чем хотелось бы) и суетимся (больше, чем надо). К тому же осень у меня выдалась неудачная. Мама на два месяца слегла с воспалением легких, потом свалился сын с жестоким гриппом, лучшая подруга разводилась с мужем и вела со мной многочисленные беседы о том, что все мужики — сволочи (я это подозревала и раньше, но не так формулировала). Так что из лаборатории я неслась по магазинам и аптекам, затем принималась врачевать моих болезных. И когда всех утешишь и освободишься, возникает ощущение, что в глазах у тебя песок — мечтаешь, как бы поспать хотя бы часов шесть. Но надо садиться за работу — в основном, пустяковую, — накатать рецензию, прочесть чью-то диссертацию или готовить годовой отчет… К тому же надо мной

живет строгая соседка. Если и печатаю на машинке после одиннадцати, она возникает в халате и папильотках, грозит мне милицией и постановлениями горисполкома. Я уж уносила машинку на кухню, ставила ее на две подушки, но… У меня подозрение, что соседка специально ходит по квартире и ждет, когда я начну нарушать. Иначе ей, одинокой женщине, жить скучно. Приходится мне вставать на рассвете и накачиваться кофе — все равно раньше, чем привыкла, не заснешь.

Не думайте, что я избрала Вас в качестве пуховой жилетки и орошаю теперь слезами. В конце концов каждый из нас, как говорил какой-то вымерший мудрец, имеет то правительство, которого заслуживает. Очевидно, во мне живет некое мазохистское начало, иначе зачем бы мне соглашаться на эти рецензии и оппонирования?

Меня заставил «взяться за перо» странный феномен, который я наблюдала в последние дни. И тут я жду Вашего просвещенного мнения.

Сначала я решила, что у меня начались галлюцинации… Нет, так Вы ничего не поймете. Следует изложить предысторию проблемы.

Три года назад мой муж был в Индии. Там он, движимый не столько прихотью, сколько желанием не отстать от товарищей, приобрел у

охотников и провез контрабандой двух лемуров. (Наверно, в Москве живет немало экзотических животных, попавших к нам подобными, большей частью нелегальными путями.) Провез он их в черных мешочках, в карманах плаща. Лемуры смирились с таким унижением и на таможне вели себя смирно. Поначалу эти зверьки меня умилили. Очевидно, природа специально сделала их такими, лишив прочих средств защиты от хищников. Я допускаю, что при виде тонкого лори (к этому виду относились наши жильцы) даже задубелое сердце тигра вздрагивает, он потупляет свой кровожадный взор и уходит охотиться на буйвола.

Представьте себе существо размером с белку, без хвоста, покрытое густой короткой серой шерстью, с тонкими, паучьими ручками и ножками (именно ручками и ножками, потому что у лориков совершенно человеческие пальцы, с ноготками в квадратный миллиметр). Значительную часть их курносых физиономий занимают громадные карие глаза, полные такой укоризны и покорного страха, что гости, поглядев на наших жильцов, тут же понимают, что только крайне жестокий, отвратительный человек может содержать этих крошек в неволе. Наши жалкие

оправдании в том, что муж купил лориков у охотников, которые ловят их, чтобы снимать шкурки, что мы их кормим, держим в тепле и так далее, только усугубляли недоброжелательство к нашему семейству.

В повседневной жизни эти трогательные крошки совсем не очаровательны. День они проводят в сладком сне, а с наступлением темноты выбираются из клетки и бегают по комнатам, поливая полюбившиеся им предметы елкой мочой и посыпая пол козьими орешками. Потом повисают в фантастических позах на шторах или люстре. Ни в какие контакты с нами, их хозяевами, они вступать не желают. Никаких поглаживаний или прикосновений не выносят. Зубы у них острые, мелкие и многочисленные, к тому же на них всегда остаются остатки пищи — укусы лориков не заживают неделями. Не зря индусы в Майсоре считают их ядовитыми. Никакой благодарности к людям они не испытывают, никого не узнают — а стоило бы. Свободное время мы проводили на Птичьем рынке или в кабинетах директоров зоомагазинов (с приношениями) — ведь лорики питаются лишь живыми насекомыми, а попробуй обеспечить их кормом в Москве в разгар зимы. Тараканы, правда, дома вывелись,

но мучные черви расползались по квартире, а в укромных уголках стрекотали разбежавшиеся сверчки. Притом лорики патологически трусливы, и даже я, отлично изучив их эгоистический характер и спесь, происходящую от сознания того, что они — древнейшие млекопитающие Земли, зачастую терялась, встретившись с ними взглядом, они делали вид, что знают: я их специально откармливаю, чтобы сожрать. Если не сегодня, то на той неделе. Наконец, последняя беда: мы даже не могли вечерами вместе куда-нибудь пойти. Кто-то должен был дежурить дома, чтобы проводить вечернюю кормежку. Сидишь, читаешь вечером, а краем глаза видишь, как беззвучно, тенью скользит по полу паук, приподняв шерстяную попку. И косит на тебя глазом. Знает, стервец, ведь второй год вместе живем, что я не трону, но стоит пошевелить головой — и он замирает в диком ужасе, как кататоник, а затем, избрав оптимальный вариант спасении, несется за штору…

А в прошлом году мы не выдержали. После некоторых (до определенной степени лицемерных) переживаний мы согласились отдать их одной милой одинокой девушке лет пятидесяти, которая живет в отдельной квартире с кошкой,

собакой и двумя собственными лемурами. Причем живет она не в Москве, а и Киеве. Сначала мы даже скучали по лорикам, и как-то полгода назад согласились на совершенно ненужную и муторную командировку в Киев для того, чтобы увидеться с лемурами. Один из них к этому времени умер. Второй меня не узнал, но опасливо принял из моих пальцев жирного мучного червя — скромный дар московских друзей.

Простите, Виктор Сергеевич, что забыла о краткости — сестре эпистолярного жанра, а написала эссе на тему «Содержание тонких лори в домашних условиях». Все. Перехожу к делу, то есть к галлюцинациям.

Несколько ночей назад я сидела на диване, читая посредственную диссертацию и размышляя о том, как бы отказаться ее оппонировать, не обидев смертельно автора. Вдруг вижу краем глаза медленно бредущего через комнату лорика. Лорик заметил мой взгляд, замер, прижав к груди сложенную в кулачок ручку, сжался от ужаса и исчез. Я протерла глаза, поняла, что заработалась. Еще немного и придется идти к психиатру. Прошло еще два дня. И снова: ночь, я сижу на диване, а посреди комнаты (на этот раз я почему-то глядела именно в ту точку) возникает перепу-

ганный лорик и хлопает глазищами. Я вижу его совершенно явственно, до последней шерстинки. Расстояние от силы два метра. В ужасе, что его застукали, лорик пускает лужицу и растворяется в воздухе. Еще одна галлюцинация? Как бы не так! Лужица-то осталась. Клянусь всем святым, лужица осталась. Я ее вытерла тряпкой и только потом поняла, что это сверхъестественно.

Вот тогда я и решилась Вам написать. Вы всегда были терпимы к странностям человеческой психики и по крайней мере искали рациональное объяснение иррациональным явлениям. Вам кое-что удавалось.

Пожалуйста, дорогой Виктор Сергеевич, не оставьте меня своими молитвами, бросьте снисходительный профессорский взгляд на мою жалкую судьбу и подумайте, что бы это могло быть?

Кстати, я не удержалась, позвонила в Киев, к новой владелице лориков. Та мне с прискорбием сообщила, что наш последний лемур умер за неделю до описанных мною событий. То есть вернуться домой, подобно заблудившейся кошке, он не мог.

Остаюсь Ваша преданная ученица

Калерия

II

19 января

1978 г. Москва

Дорогая Римма!

Все собиралась тебе написать, но ужасно много работы. Наша зав. лабораторией, Калерия Петровна, я тебе о ней писала, совершенно посходила с ума. Нет, лучше работать под руководством мужчины, современные мужчины куда мягче и отзывчивей, а я к тому же умею с ними обращаться. Но в других отношениях наша Калерия не самый худший вариант, она за собой следит и некоторым еще нравится. Но какой ужас дожить до тридцати с лишним лет и так ничего и жизни и не увидеть! Ну ладно, хватит о работе. Ты меня спрашивала, как складываются мои отношения с Саней Добряком. Отвечаю: сложно. И по моей вине. Я недостаточно к нему внимательна и даже позволяю насмехаться, чего он не выносит. Позавчера и разрешила ему пригласить меня в кино, а там встретился некий В. (так, случайность моей

бурной молодости). Он со мной поздоровался, а у меня не было причины его игнорировать. Саня взбеленился и всю дорогу до дому дулся. Даже смешно, какие наивные эти мужчины! Разве я виновата в моей наружной привлекательности? Чтобы его еще позлить, я не разрешила ему меня поцеловать на прощание. Теперь он со мной не разговаривает. Конечно, я могу вернуть наши отношения в норму одним взглядом, но не собираюсь этого делать. В принципе он должен понять, что существует масса претендентов на мою душу. А ему я делаю одолжение. Ты меня понимаешь?

Как твои дела? Я вчера по телеку смотрела, что у вас жуткая погода. Боюсь, как бы не случилось снова наводнение. Хотя это, наверно, очень интересно — наводнение? Мы бы с тобой гоняли на катере но улицам и спасали женщин и детей. У вас столько моряков, что я иногда тебе завидую, хотя у меня больше склонности к ученым. В них, даже в начинающих, как Саня, есть серийность и внутренний ум.

Прости, что кончаю писать. — пришла Калерия, не выспалась, глаза опухли, на верно, опять ночью трудилась — нелегко женщине в науке! Сейчас она уже глядит на меня косо — чего я

не работаю? Сейчас, моя дорогая начальница, сейчас…

Целую, скоро напишу продолжение.

твоя верная подруга
Тамара

III

Ленинград.
24 января 1978 г.

Дорогая Лерочка!

Порой мне трудно представить себе, как Вы руководите лабораторией, пишете докторскую, делаете открытия… Вы для меня (стойкость стереотипов родительского восприятия) всегда девчушка, впервые накрасившая глазки и этим начавшая новую, студенческую жизнь. Вы сейчас возмутитесь и скажете, что и сегодня Вы не стары, по-прежнему красивы, вернее, куда красивее: женщины Вашего типа расцветают на четвертом десятке.

Я вернулся вчера из Штатов, где отсидел свои старческие представительские дни на симпозиу-

ме, состоявшем из подобных мне старых грибов, которых стараются держать подальше от настоящей науки, чтобы они чего там не натворили.

Письмо меня Ваше обрадовало и позабавило. Вы очень мило описали этих лемуров, я даже залез в Брэма, но тот о них знал немного. Зато у Даррела я нашел описание подобной зверушки. Даррел пишет, что тонкие лори в настоящее время очень редки и напоминают ему боксеров, потерпевших сокрушительное поражение на ринге. Эффект достигается темным ободком шерсти вокруг глаз и общим скорбным выражением физиономии.

Знаете, Лерочка, я глубоко убежден в трезвости и устойчивости Вашей психики. Так что давайте отложим галлюцинации в сторону. Вы сами в это не верите, к тому же галлюцинации не дают луж на паркете.

Разумеется, можно придумать целый ряд внешне соблазнительных гипотез, в основном оптического характера, однако меня самого более иных греет собственная давнишняя мыслишка Она почти вымерла во мне за неимением к ней подтверждающих фактов, а вот Вы написали — что-то щелкнуло в мозгу и пошли крутиться колесики… Со скрипом, разумеется.

Когда-то, очень давно, я натолкнулся в записках одного натуралиста, работавшего с рептилиями в Уганде, на странное замечание. Ему приходилось наблюдать, как один из видов эндемичного и крайне редкого полоза обладает странным свойством, объяснения которому не нашлось. В случае крайней опасности он исчезает, практически растворяется в воздухе и возникает вновь через несколько секунд (или минут). Никто, разумеется, не обратил внимания на эту чушь, и прошла она незамеченной, да и сам наблюдатель не настаивал на своем открытии. Тогда я задумался: что же случается с полозами при условии, если они в самом деле исчезают? Значит, они перемещаются. Куда? Давайте, сказал я себе, пофантазируем, благо никто не знает, насколько мы легкомысленны. Есть два пути перемещения — в пространстве и во времени. И еще неизвестно, какой из путей более антинаучен. Полозы, помню, исчезали из террариума, то есть мгновенно преодолевали неодолимую для них преграду. Возникали они — вновь внутри замкнутого пространства. И знаете, Лерочка, мне тогда больше понравилась вот такая мысль: а что если эволюция когда-то снабдила некоторых из беззащитных ее созданий удивительным механизмом спасения от опасности?

Она ведь очень изобретательна, эта эволюция! Допустим, существует некоторая корреляция между уровнем нервного состояния особи — степенью опасности — и физическим выражением этого «эскапизма»? В мгновение смертельной угрозы особь совершает мгновенный переход по оси времени, скажем, в будущее. Преследователь теряет жертву из виду, удаляется по своим делам, и тогда наша несостоявшаяся жертва благополучно возвращается на место. Невероятно? Да, я тоже так подумал. А подумавши, перешел к иным, куда более вероятным проблемам. Хотя и планировал потратить какое-то время на проверку своей сумасшедшей гипотезы. Я даже хотел поискать себе подопытных кроликов — каких-то существ, давно застывших в эволюции — реликтов животного мира, притом не имеющих сильных челюстей… Кстати, лемур, точнее, тонкий лори — идеальный объект для таких опытов. Почему он не вымер, почему он не съеден поголовно за последние несколько миллионов лет? Бегать быстро он не умеет, огрызнуться толком не может, днем вообще плохо видит и полностью беззащитен…

И вот, представьте себе, проходит много лет, и я получаю письмо от любимой ученицы, которая, оказывается, наблюдала явление, в чем-то схо-

жее с тем, над которым я размышлял. Только на другом конце «телефонной линии». У вас лемур, которого уже давно нет, возникает. Возникает реально. И исчезает. Соблазнительное подтверждение сумасшедшей гипотезе (за неимением иных подтверждений).

Впрочем, Вы можете игнорировать бред старика. Давайте считать, что мы с Вами побаловались сказками.

Передавайте привет Вашему уважаемому семейству. Надеюсь увидеть Вас в Питере на биофизической конференции в марте. Выкроите неделю?

Ваш старый, легкомысленный поклонник

В. Кострюков

IV

12 апреля 1978 г.

Римуля, здравствуй!

Ты, наверно, меня совсем забыла. И правильно сделала. Скоро уже «яблони в цвету», а я даже в

парикмахерской не была месяц, полный обвал! Тут у меня деньрождение было, двадцать лет, дата! А я вспомнила об этом только днем — мать звонит в лабораторию, какие, говорит, у тебя планы на вечер, гости к тебе придут или сама умотаешь? И меня тогда как веником по голове трахнуло! Ты знаешь, что мой Саня похудел на три кило? Такая жизнь, как говорят французы.

И все из-за нашей Калерии. Она, конечно, озверела. Есть плановая тема, есть задачи, стоящие перед нашей наукой, а мы занимались чем? Мы искали по всей стране лемуров.

Ты, конечно, не знаешь, что такое лемур. Лемур — это очень первобытный зверь, почти вымер, только в тропических странах еще обитает. Похож на алкоголика и всегда спит, но вообще-то он лапочка. Мы раздобыли даже двух, но кормить я их не буду — умру, но не буду — они червяков жрут! Живых! К нам Калерин учитель приезжал, такой толстый профессор Кострюков из Ленинграда, он, по-моему, в Калерию тайно влюблен, даже не приходит в лабораторию без цветов. Я сказала Сане: учти, если не воспользуешься опытом, уйдешь в отставку. А он мне вчера букет роз приволок, рублей на десять, даже страшно, как он теперь до получки доживет, но я была искренне

тронута его поступком, хоть и по подсказке. Я думаю, что в Сане есть ко мне настоящее чувство. А ты как думаешь? Кострюков и мне глазки строил, но я на такого мамонта ноль внимания, хотя у него страшная пробивная сила. Он где-то денег нам достал, на нас, по-моему, пятнадцать других институтов работают, телефон вообще оборвали, а от этих лемуров запах, я тебе скажу, не позавидуешь. Хорошо еще мне один поклонник (я тебе о нем не писала, потому что он не больше чем летучий эпизод) в свое время подарил флакон французских духов «Клима» (знаешь, сорок рублей за бутылочку?), и я себя поливаю изо всех сил. А Кострюков пришел как-то с одним шизованным химиком и говорит ему: «Это наш бездумный прекрасный цветок по имени Тамара, она употребляет только духи фирмы «Клима». Представляешь, в таком возрасте, а по запаху духи определяет! С ним надо осторожно, ой как осторожно! Он, в общем, представительный мужчина и хорошо сохранился. Только я его в тот же день обрезала. Он ко мне оборачивается и просит, чтобы я сбегала в лабораторию к Лившицу и взяла там культуры. А я ему отвечаю: «Я не девочка на побегушках». Пришлось ему мой ответ проглотить не запивая. Хотя, надо сказать, что я

здесь окружена таким вниманием, что буквально хожу по про пасти во ржи. А на прошлой неделе они приволокли откуда-то дохлого лемура — Санечку посылали, бедненького моего. Праздник был, словно это живой тигр. Сбежалось тридцать докторов наук, и все на него смотрели, а потом, как у нас в науке водится, изрезали его на мелкие кусочки и гудбай, пташка! А ведь притом кому-то приходится волочить плановую работу, ее никто с нас не снимал. В общем, я за свою жалкую сотню вынуждена сворачивать горы изящными пальцами.

Но ничего, научный прогресс — это движущая сила. И я не посторонний человек в науке. Найдем в крови лемуров «фактор Т» и сделаем небольшой переворот в естествознании (и в физике, разумеется). Я тебе еще напишу, когда будет время. Ты не собираешься в Москву? Я бы показала тебе Кострюкова. Он бы тебе понравился. Кстати, Саня к нему меня ревнует. Без всяких оснований.

Обнимаю тебя, верная подруга

Тамара

V

Москва

19.10.1978

Здравствуй, Артур!

К сожалению, фирменных джинсов я тебе пока не нашел, но стараемся и добьемся, будь спокоен, походи пока в болгарских. С твоими внешними данными ты и без модного оформления сойдешь за кинозвезду.

Приехать пока к тебе не могу. Дела не пускают. У нас последние месяцы прошли в спешке и аврале. Моя начальница вбила себе в голову одну бредовую идею, которую я тебе, старик, не буду излагать, все равно не усечешь. Мы с помощью дружественных нам научных учреждений пытались эту идею воплотить. Вчера у нас был небольшой праздник. Есть предположение, что одно вещество, назовем его условно «фактор Т»: «Т», разумеется, латинское, значит «временной», — нам удалось синтезировать. Если все пойдет как надо, то нам посыпятся с неба премии и поздравления. Калерия (это моя начальница) защитит докторскую, я пойду в аспирантуру, если

не получу собственную лабораторию (чем черт не шутит!), а наш старик Кострюков станет академиком. Такие мои предварительные расчеты.

Ты спрашиваешь меня о личной жизни. Ответить трудно. Как ты знаешь, есть у нас в лаборатории одна девчонка, по имени Тамара, ангел по внешности, но дьявол по характеру. Я ее давно раскусил и делаю вид, что радуюсь ее закидонам. У этой Тамарочки далекие планы — подцепить себе в мужья доктора наук, но пока что доктора в загс не спешат, и она держит меня в стратегическом резерве. Я не спорю. Если она будет держать меня долго, я могу перегруппировать свои войска и начать наступление в другом направлении. Берегитесь, женщины, старший лаборант Александр Добряк не лемур, а лев (лемуры — такие зверьки, с которыми мы теперь работаем).

Ну ладно, привет, я пошел гореть на научном фронте!

Привет Валентине и Коське.

Александр

VI

23 января

1979 г. Москва

Дорогой Виктор Сергеевич!

Дела наши совсем плохи, дальше некуда. Боюсь, что мы проигрываем битву. Вчера Космодемьянский вызвал меня к себе и осторожно намекнул на то, что нашу тему закрывают. Вы знаете, что его осторожность граничит с осторожностью бульдозера, так что настроение поганое. Да, я понимаю, что наша тема не профилирующая для института, выход в ближайшие годы малореален и для народного хозяйства фактор Т вряд ли даст положительный эффект в текущей пятилетке. Но все равно я была взбешена поведением Космодемьянского и высказала ему все, что думала. Если он меня не уволит, значит, все-таки наука дороже ему личных отношении со взбалмошными бабами.

Так что Вы мне нужны сейчас, и очень нужны в качестве тяжелой артиллерии. Позвоните в Президиум, а? Мне Иван Семенович сказал, что без вашего личного разговора с Дитятиным вряд

ли что удастся пробить.

Новостей мало. Да я Вам писала о них на прошлой неделе. Тринадцатая серия с белыми мышами дала отличный нулевой результат, хотя Мямлик (помните, это тот черный крупный лорик, которого мы получили из Праги) дал три исчезновения подряд. Ваш друг Саня Добряк остался позавчера на ночь в лаборатории, чтобы не упустить Мямлика, если тому захочется возвратиться обратно. Но, по-моему, заснул, в чем не желает признаться.

Ваша прекрасная Тамарочка принесла ему термос с кофе, который по рассеянности посолила. Даже любовь Сани к Тамарочке не смогла заставить нашего героя испить этой живительной влаги.

Ну ладно, я отвлеклась. Виктор Сергеевич, помогите!

Ваша Калерия

VII

Москва,

6 июля 1979 г.

Глубокоуважаемая Тамара!

Как там у тебя в Сухуми, загорела ли ты? Завидую тебе страшно. Розовая мечта идиота — лечь с тобой рядом на пляже, слушать шум волн и смотреть в голубое небо. К сожалению, у меня отлично развито воображение, и я представляю себе, как ты уходишь вечером на эстрадный концерт с каким-то мускулистым брюнетом, в то время как мы с Калерией сидим в опустевшем институте и трудимся за всех.

Ты спрашиваешь, как у нас дела? Особенного ничего. «Фактор Т» пока не срабатывает. Хотя, как говорит Калерия, есть обнадеживающие данные с ящерицами-гекконами. Может быть… может быть…

Но главное не в этом. Главное в том, что вчера я собственными глазами видел появление Мямлика. Калерия мне не поверила, а камеры я от удивления забыл включить. Знаешь, когда долго ждешь чего-то, уже сам в это не веришь. Значит, сидел я в лаборатории, Калерия куда-то умчалась, и думал: почистить ли мне клетку с лемурами или отрегулировать центрифугу? Я же парень золотые руки, не то что твой жгучий брюнет, который только и может, что доставать билеты

на эстрадные концерты.

Смотрю на клетку — и вижу: лемуров не два, а три. Я даже вслух их пересчитал. Три. Шустрик на месте. Мямлик на месте, а кто еще? Еще один Мямлик! Клянусь тебе всем святым, клянусь моей к тебе любовью (в которую ты не поверишь, потому что не способна на высокие чувства), что в клетке было два Мямлика.

Это продолжалось больше минуты. Оба смотрели на меня обалделыми глазами, и оба ждали, когда я подкину им внеплановых червячков. А потом Мямлик № 2 исчез.

А Калерия закатила мне истерику, что я не зафиксировал феномен.

Сегодня мы с ней почти не разговариваем. Я не терплю в ней этих наполеоновских замашек. Ну ладно, я ее скоро прощу. Я великодушный. Ей тоже бывает нелегко: мыши в будущее не хотят, лемуры не фиксируются, директор интригует, и я не очень дисциплинированный.

Ну ладно. Тома, не забудь выслать мне свою пляжную фотографию в полный рост, я повешу ее у вытяжного шкафа на место портрета Брижит Бардо. Брюнету скажи, что его ждет за настойчивость от твоего верного друга А. Добряка. Что-то мне без тебя скучновато.

Саша.

VIII

Москва,

21 ноября 1979 г.

Дорогой Виктор Сергеевич!

Спасибо за поздравления. Понимаю, что они носят, скорее всего, поощрительный характер. Но все равно приятно было их получить. Что касается меня (и, по-моему, не только меня, но и тех, кто со мной работает), то основным чувством была пустота. Словно бежали за поездом. Прибежали, сели в вагон… а дальше что? Конечно, Вы улыбнетесь сейчас и скажете: «Дальше что? Дальше работать». Знаю я, что Вы скажете. К тому же из двух наших последних достижений

первое, в общем, не наша заслуга, а Лившица. Состав фактора Т определил он. Мы были только на подхвате. А вот что касается путешествия в будущее безымянной белой мыши, которой, как Вы уверяете, кто-то когда-то поставит памятник («Белая мышь со мной в зубах?»), то Лившиц здесь почти ни при чем. И все было так, как вы себе представили. Дело оказалось в точной дозировке и психологических стимуляторах (Ваша догадка). Мы ввели новую модификацию лемурьего фактора Т всем двенадцати мышам, мы привлекли к работе нашего Ваську, которому смертельно надоело пугать этих ничтожных грызунов своим хищным видом, хотя делает он это неподражаемо… — и, в общем, одна из двенадцати мышек исчезла. Спаслась от кота в будущее. Вот и все, можно бы ставить шампанское на стол, но… С тех пор мы повторили опыт уже шесть раз, условия соблюдались точно — а мыши не исчезали. Так нам и надо. Нельзя было шумно радоваться и считать себя Ньютонами. А то недолго получить яблоком по макушке. Кстати, у нас малая беда — Васька погнался за беззащитным Мямликом и успел его догнать. Помял Мямлика, а Мямлик от отчаяния искусал Ваську (но не исчез). Васька сидит с распухшей мордой и не работает. Мямлик

сидит с распухшей лапой и не работает, прекрасная Тамара жалеет Ваську, беспутный Саня жалеет Мямлика, и это привело к глубокой ссоре в лаборатории. Что ж, будем работать дальше. Приезжайте, мы без Вас соскучились.

Калерия.

IX

Москва.

27 декабря 1979

Дорогая Римма!

У нас столько дел, столько дел, что просто оптимистическая трагедия! Я думала, что я всего этого не переживу, но, удивительно, пережила. Я была буквально на грани физического исчезновения. То есть буквально не я, а, разумеется, Саня. Это какой-то ужас, не человек. Знаешь, я читала в одном стихотворении, что некоторые врачи прививали себе чуму и иногда со смертельным исходом Вот такие типы, оказывается, меня тоже окружают. Один тип, другими словами.

Мне все объяснить тебе трудно, потому что ты,

прости меня, в науке пустое место. Ты, наверно, помнишь, что мы выделяли фактор Т. Если этот фактор правильно употреблять, то можно отправляться в будущее. Не наверняка, правда, но немного можно. Лемуры это умеют делать сами, у них фактор Т прямо в крови от рождения остался, а вот других существ приходится прививать фактором, а потом еще пугать как следует. Для мышей у нас был кот Васька, такой зверюга, с ума сойдешь! Но теперь сбежал, потому что ему скучно мышей пугать, если жрать их не дают. Мы проводили опыты буквально тысячами, иногда получалось, а иногда полная профанация. Потом у нас обезьяны появились, мартышки. С ними тоже ненадежно выходило. В общем, как говорит наша Калерия, наука — это не место для слабонервных. И она смертельно права.

А третьего дня у нас случилось экстренное событие. В общем, наш Санечка устроил горячий спор с Калерией по поводу перспектив. Ему, понимаешь, в науке и в любом все хочется сразу. Он стал уговаривать Калерию, что пора переходить к опытам с людьми, с добровольцами. Калерия сначала смеялась, потому что впереди еще годы и годы упорного труда, прежде чем можно к такому делу поступиться, я тоже стала смеяться над Са-

ней, и, наверное, этого не надо было делать. Он же такой самолюбивый. А потом мы все ушли домой, а он еще оставался в лаборатории, и, оказывается, высчитывал дозу, и, главное, искал себе эмоциональный фон (ты этого не понимаешь, а когда не понимаешь, пожалуйста, пропускай некоторые слова, мне некогда здесь тебе все объяснять). В общем, он умудрился потратить весь запас фактора Т-12. Двенадцать — это модификация фактора, не спрашивай, сама не все понимаю. В общем, это такой фактор, который у нас мартышек гонял в будущее. На следующий день часов в одиннадцать утра, когда и лаборатории было довольно много народа, Саня снова затеял спор с Калерией. Начал говорить, что науку нельзя двигать вперед на одной только осторожности. А Калерия ему отвечает: «А если ты попадешь в будущее на сто лет вперед, а этого дома уже нет — ты разобьешься». А Саня ей говорит: «Ничего подобного, потому что природа мудрая, и она отправляет лемуров недалеко вперед и даже в хорошие условия, когда хищников вокруг нет». Но тут кто-то из лаборантов сказал, что Саию ничем не испугаешь. Как его в будущее отправлять, если его ничем на запугаешь? Сане, конечно, приятно, что он такой смелый, и он начал возражать, но не очень.

А потом вдруг говорит мне: возьми у Артура коробочку. Я ему, конечно, в ответ, что не намеревалась, а просит — пожалуйста. Я его пожалела, а зря — может, ничего бы и не случилось. Пошла я к нашему слесарю, Артуру, спрашиваю, есть ли коробочка для Сани? А он смеется, передаст мне коробочку и еще говорит: неси ее осторожно, мне за нее Саня пять рублей заплатил. И не подумай открывать. А я и не думала. Прибежала обратно и говорю Сане: вот твоя коробочка. А Саня тогда говорит нам: «Внимание!». Потом достает из своей спортивной сумки мотоциклетную каску. Представляешь, он все уже рассчитал, а мы и не подозревали. Достает и говорит: «Тамара, дорогая (вообще-то я этого обращения не терплю, но был какой-то торжественный момент, даже не передать словами), Тамара, — говорит, — дорогая, открой коробочку, которую тебе передал Артур».

И я, как сомнамбула (это такое насекомое), подошла к нему поближе и почувствовала дрожание в его теле. Это меня смутило, так он дрожал раньше, только охваченный пламенной страстью ко мне. «Открывай!» — закричал Саия. Я открыла, и из коробочки выскочили сразу три больших черных таракана. Я страшно возмутилась. Такую гадкую шутку совершить надо мной

— это непростительно! Я бросила коробку на пол и сказала ему: «Я тебе этого никогда не прощу». Но никакого ответа! Сани в комнате нет! Все кричат: «Ах! Что случилось?». А Калерия говорит, довольно тихо: «Никогда не думала, что мужчина может так бояться тараканов, чтобы сбежать от них в будущее». Я ей отвечаю: «Не говорите так про Саню! Он это сделал для науки». А Калерия отвечает: «Я и не хотела сказать плохо о Сане. Если он так боится тараканов, значит, он вдвойне мужественный человек, что ради эксперимента пошел на такую адскую муку. Он теперь мученик науки». Так и сказала: «Саня — мученик науки».

Мы тут же очистили место посреди лаборатории и стали ждать, когда Саня вернется. Я тихонько плакала, потому что боялась, что с ним что-то случится и он не вернется. Ведь путешествие во времени таит в себе много опасностей, а одна белая мышь у нас ушла в будущее и так и не вернулась. Но я не успела как следует расплакаться, а Саня уже вернулся. Но в странном виде. Он вернулся весь мрачный и даже улыбался грустно, когда его стали поздравлять. Калерия сказала, что выговор он себе обеспечил и она его постарается оставить без премии. Но я возмутилась, бросилась к Сане, стала его утешать,

говорить, что он мученик науки. Но Саня не стал со мной даже разговаривать, только поглядел на меня печально, и я тут увидела — о ужас! — ты представляешь, у него на щеке страшная ссадина! «Ты ударился?» — испугалась я. «Нет, — отвечает Саня, поворачивается к Калерии и говорит: — Я готов понести заслуженное наказание». Но тут Калерия уже позвонила Лившицу, и еще другие приехали, и теперь наш Саня сидит обмотанный проводами, весь в датчиках, как космонавт, и его измеряют и исследуют. Все хорошо, только он не хочет рассказывать, что он там, в будущем, видел. И, самое ужасное, совершенно не хочет со мной разговаривать. Как будто он родезийский расист, а я угнетенная негритянка. Конечно, если бы он не был таким героем, я бы никогда не стала из-за этого расстраиваться. Я могу в любой момент назвать восемнадцать-двадцать человек, которые будут счастливы, если я разрешу им со мной немного поговорить. Не представляю, чем это кончится. У Сани ссадина совершенно ужасная, и я страшно боюсь заражения крови. Жди дальнейших писем, с наступающим Новым годом.

твоя убитая обстоятельствами подруга
Тамара

X

Москва.

16 июля 1980 г.

Дорогой мой Виктор Сергеевич!

Я не стала бы писать Вам — никаких эстраординарных событий в нашей науке не произошло. Мы гоняем мартышек и мышей в будущее, но никак не можем (а когда сможем?) регулировать продолжительность путешествия, да и сам факт его.

Но у меня есть одна любопытная для Вас новость. Может быть, улыбнетесь.

Помните, полгода назад Саня Добряк совершил поступок, который стоил мне массы нервов и объяснительных записок Космодемьянскому.

В путешествии Добряка было две тайны. Первая — сильная ссадина на щеке, о которой Добряк никому не сказал ни слова. Вторая тайна заключалась в резком изменении отношения к Тамаре. Он буквально перестал ее замечать, даже отворачивался, когда она робко приближалась к нему,

протягивая лапки. И это не было трезвым расчетом соблазнителя — Саня на расчеты не способен. Что касается Тамары, то она тут же смертельно влюбилась в Саню, и чем холоднее он казался, тем горячей билось ее элегантное сердце.

Все эти тайны разрешились вчера.

Мы поздно засиделись в лаборатории. Шел дождь, было сумрачно, грустно, темнело. Я что-то считала на калькуляторе. Саня кормил наших зверей, прежде чем откатить клетку в виварий. Он никому не доверяет лемуров. Вошла Тамара. Она бросила на меня мимолетный взгляд, но, по-моему, меня не заметила. Подошла к Сане твердой походкой человека, решившегося лететь в космос. «Саня, — сказала она, — мне нужно сказать тебе несколько слов». «Я вас слушаю», — сказал Саня, глядя в клетку. «Саня, между нами возникла какая-то трагедия», — сказала Тамара. — Я прошу объяснения». «Не получите, — сказал Саия. — Нам не о чем говорить». «Ты меня больше не любишь?» — спросила Тамара. «Я хотел бы любить, — ответил Саия, — но не терплю соперников». «У тебя нет соперников», — сказала Тамара и вдруг так зарыдала, что, видно, нервы у нее были на пределе. «Не верю». — сказал неприступный Саия. «Но кто он?» — спросила Тамара.

«Не знаю, — сказал Саня. — Я видел, как вы обнимались с ним, когда путешествовал в будущее».

«Ах! — воскликнула Тамара. — Значит этого не было?» «Это было или это будет, неважно, — сказал Саня». «Но я клянусь, что люблю только тебя! — сказала Тамара. — Я никому никогда не говорила таких немыслимых слов!» «Какие у тебя доказательства?» — спросил холодный Саия. Мне даже стало жалко девочку. Она, наверно, в самом деле никому не признавалась в любви — просто не успевала, за неё это слишком быстро делали поклонники. «У меня есть доказательства! — воскликнула наша красавица. — Я согласна завтра же пойти с тобой в загс. Ты хочешь на мне жениться, ну скажи, хочешь? Или посмеешь отказаться?» Последние два слова Тамары прозвучали, как трагический монолог, рассчитанный на то, чтобы его услышали на галерке. Я даже обернулась к ним, чтобы попросить снизить тон и не привлекать внимания случайных прохожих на улице. Но ничего не сказала, потому что вместо двух силуэтов увидела один — Тамара кинулась в объятия Сани, и тот, разумеется, не устоял перед такой фронтальной атакой.

И в тот же момент от двери раздался страшный вопль: «Не смей! Я ее люблю!» И еще один Саня

Добряк бросился с кулаками на своего двойника.

И все стало на свои места. Надо же было Сане во время его путешествия в будущее наткнуться на самого себя, целующего Тамару, притом в полутемной лаборатории. Понятное дело, Тамару он узнал, он привык смотреть на неё со стороны. Себя он не узнал, потому что не привык смотреть на себя со стороны.

Видно, все это понял и Саня. Тот Саня, что целовался с Тамарой. Он отстранил свою возлюбленную и выставил вперед руку. Саня-путешественник во времени врезался скулой в кулак Сани — счастливого возлюбленного, схватился за щеку и исчез.

Саня ходит гоголем, идиотская улыбка не слезает с его физиономии, и всем любопытным, кто прослышал уже из уст Тамарочки о драке Сани с Саней, говорит: «Ты бы видел, с каким наслаждением я врезал в глаз этому пошлому ревнивцу!»

Вот и все. Мы без Вас скучаем.

Хотите слетать в будущее?

Ваша Калерия

№ 11

Альфред Бестер

Перепутанные провода

Литературные страницы
Перепутанные провода
Альфред БЕСТЕР

Я расскажу эту историю без утайки, в точности так, как все произошло, потому что все мы, мужчины, небезгрешны в таких делах. Хотя я счастлив в браке и по-прежнему люблю жену, временами я влюбляюсь в незнакомых женщин. Я останавливаюсь перед красным светофором, бросаю взгляд на девушку в остановившемся рядом такси — и готово, влюбился. Я еду в лифте и пленяюсь юной машинисткой, которая поднимается вместе со мной, держа в руке стопку фирменных бланков. На десятом этаже она выходит и вместе с бланками уносит мое сердце. Помню, как однажды в автобусе я влюбился в красотку, словно сошедшую с обложки модного журнала. В руках у нее было неотправленное письмо, и я украдкой старался прочесть адрес.

А какой соблазн случайные звонки по телефону! Раздается звонок, вы снимаете трубку, и женский голос говорит:

— Попросите, пожалуйста, Дэвида.

В доме нет никаких Дэвидов, и голос явно незнакомый, но такой волнующий и милый. За две секунды я успеваю насочинять, как я назначаю этой девушке свидание, встречаюсь с ней, закручиваю роман, бросаю жену и оказываюсь

на Капри, где мы упиваемся греховным счастьем. После этого я говорю:

— А какой номер вы набрали?

Когда я вешаю трубку, мне стыдно взглянуть на жену, я чувствую себя изменником.

Звонок, который раздался в моей конторе на Мэдисон 509, вовлек меня именно в такую ловушку. Мои служащие — бухгалтерша и секретарша — ушли обедать, и я сам снял трубку стоявшего на моем столе телефона. Чей-то милый голосок с неимоверной быстротой затараторил:

— Здравствуй, Дженет. Дженет, милая, ты знаешь, я нашла работу. Такая чудная контора, сразу за углом на Пятой авеню, там, где старое здание Тиффани. Работать буду с девяти до четырех. У меня свой стол в маленькой комнатке с окошком, и представляешь, она целиком в моем распоряжении, я…

— Простите, — сказал я, после того, как вволю нафантаэировался. — Какой номер вы набрали?

— Господи боже! Ну, конечно, не ваш!

— Боюсь, что все-таки мой.

— В таком, случае простите, что побеспокоила.

— Ну что вы! Поздравляю с новой работой.

Она засмеялась.

— Большое спасибо.

Послышались гудки. У моей незнакомки был такой чудный голосок, что я решил отправиться с ней на Таити, а не на Капри. Тут опять зазвонил телефон. И снова тот же голосок:

— Дженет, милая, это Пэтси. Представляешь, только что звонила тебе, а попала совсем не туда. И вдруг ужасно романтичный голос…

— Благодарю вас, Пэтси. Вы опять попали не туда.

— Господи! Снова вы?

— Угу.

— Это ведь Прескотт 9-32-32?

— Ничего похожего. Это Плаза 6-50-00.

— Просто не представляю, как я могла набрать такой номер. Видно, я совсем поглупела от радости.

— Скорее, просто разволновались.

— Пожалуйста, простите.

— С удовольствием, — ответил я. — У вас, по-моему, тоже очень романтичный голос, Пэтси.

На этом разговор закончился, и я отправился обедать, повторяя в уме номер: Прескотт 9-32-32… Вот позвоню, попрошу Дженет и скажу ей… что я ей скажу? Об этом я не имел понятия. Я знал лишь, что ничего подобного не сделаю, и все же ходил в каком-то радужном тумане. Только

вернувшись в контору, я стряхнул наваждение. Надо было заняться делами.

Подозреваю все же, что совесть у меня была нечиста: жене я ничего не рассказал.

До того как выйти за меня замуж, моя жена служила у меня в конторе, и до сих пор я рассказываю ей все наши новости. Так было и в этот раз, но о звонке Пэтси я умолчал. Как-то, знаете, неловко.

До того неловко, что на следующий день я отправился в контору раньше обычного, надеясь утихомирить укоры совести сверхурочной работой. Никто из моих девушек еще не пришел, и отвечать на звонки должен был я сам. Примерно в полдевятого зазвенел телефон, и я снял трубку.

— Плаза 6-50-00,— сказал я.

Последовало мертвое молчание, которое меня взбесило. Я лютой ненавистью ненавижу растяп-телефонисток, принимающих по нескольку вызовов сразу и заставляющих абонентов ждать, пока их соизволят соединить.

— Эй, девушка, черт вас возьми! — сказал я. — Надеюсь, вы меня слышите. Сделайте одолжение, впредь не трезвоньте до того, как сможете соединить меня с тем, кто звонит. Что я вам, мальчик?

И в тот самый миг, когда я собирался шмякнуть

трубку, испуганный голосок сказал:

— Простите.

— Пэтси? Снова вы?

— Да, я, — ответила она.

Сердце у меня екнуло: я понял, понял, что этот звонок уже не мог быть случайным. Она запомнила мой номер. Ей захотелось еще раз поговорить со мной.

— Доброе утро, Пэтси, — сказал я.

— Какой вы сердитый!

— Боюсь, что я вам нагрубил.

— Нет, нет. Виновата я сама. Все время вас беспокою… Не знаю, почему так получается, но всякий раз, когда я звоню Джен, я попадаю к вам. Наверно, наши провода где-то пересекаются.

— В самом деле? Очень жаль. А я надеялся, что вам захотелось услышать мой романтичный голос.

Она рассмеялась.

— Ну, не такой уж он романтичный.

— Я с вами грубо говорил. Мне бы очень хотелось как-то загладить свою вину. Вы позволите угостить вас сегодня обедом?

— Спасибо, нет.

— А с какого числа вы приступаете к работе?

— Уже с сегодняшнего. До свидания.

— Желаю вам успеха, Пэтси. После обеда позвоните Джен и расскажите мне, как вам работается.

Я повесил трубку, не совсем уверенный, пришел ли я так рано движимый трудовым энтузиазмом или в надежде на этот звонок. Второе, если уж говорить честно, представлялось мне более правдоподобным. Человек, вступивший на скользкую стезю обмана, внушает подозрения даже самому себе. Словом, я был настолько собой недоволен, что вконец заездил своих помощниц.

Вернувшись после обеда, я спросил у секретарши, звонил ли кто-нибудь.

— Только из бюро ремонта телефонов, — ответила она. — Какие-то неполадки на линии.

Значит, и сегодня утром Пэтси звонила случайно, подумал я, а не потому, что ей хотелось поговорить со мной.

Я отпустил обеих девушек домой в четыре — в виде компенсации за утренние придирки (во всяком случае, себе я объяснил это так). С четырех до половины шестого я слонялся по конторе, ожидая звонка Пэтси, и до того размечтался, что самому стало стыдно.

Отхлебнув малость из последней бутылки, которая оставалась после встречи рождества у нас

в конторе, я хлопнул в сердцах дверью и пошел к лифту. В тот момент, когда я нажимал на кнопку, я услышал, что в конторе звонит телефон. Я как сумасшедший бросился назад (ключ от двери был еще у меня в руках) и схватил трубку, чувствуя себя последним идиотом. Я попытался замаскировать свое волнение шуткой.

— Прескотт 9-32-32,— запыхавшись, произнес я.

— Извините, — сказал голос моей жены. — Я не туда попала.

Что я мог ответить? Пришлось прикусить язык. Я стал ждать ее вторичного звонка, обдумывая, каким голосом мне говорить, чтобы она не догадалась, что за минуту до этого уже разговаривала со мной. Я решил держать трубку как можно дальше ото рта, и когда телефон зазвонил, осторожно снял трубку и, отставив руку, стал отдавать энергичные приказы отсутствующим подчиненным; затем, поднеся трубку ко рту, небрежно произнес:

— Алло.

— Господи, до чего же вы важный! Прямо генерал.

— Пэтси?! — Сердце гулко ударило в моей груди.

— Боюсь, что так.

— Кому же вы звоните: мне или Джен?

— Разумеется, Джен. С этими проводами какой-то кошмар творится. Мы уже звонили в бюро ремонта.

— Знаю. Как вам работается на новом месте?

— Ничего… По-моему, ничего. Шеф рычит совсем как вы. Я его боюсь.

— И напрасно. Поверьте моему опыту, Пэтси. Когда кто-то очень уж орет, знайте, что он чувствует себя неуверенно.

— Я что-то не поняла.

— Допустим, ваш начальник занимает слишком высокий пост и сам понимает, что не тянет. Вот он и строит из себя важную птицу.

— По-моему, это не так.

— А может быть, вы ему нравитесь, и он боится, как бы это не отразилось на служебных делах. Он, может быть, покрикивает на вас просто для того, чтобы не быть слишком любезным.

— Сомневаюсь.

— Почему? Разве вы непривлекательны?

— Об этом не меня нужно спрашивать.

— У вас приятный голос.

— Благодарю вас, сэр.

— Пэтси, — сказал я. — Я мог бы дать вам нема-

ло полезных и мудрых советов. Ясно, что сам Александер Грэм Белл сулил нам встретиться. Чего же ради мы противимся судьбе? Пообедаем завтра вместе.

— Боюсь, мне не удастся…

— Вы условились обедать с Дженет?

— Да.

— Значит, вам нужно обедать со мной. Я все равно выполняю половину обязанностей Дженет: отвечаю вместо нее на телефонные звонки. А где награда? Жалоба телефонному инспектору? Разве это справедливо, Пэтси? Мы с вами съедим хотя бы полобеда, а остальное вы завернете и отнесете Дженет.

Пэтси засмеялась. Чудесный был у нее смех.

— Я вижу, вы умеете подъехать к девушке. Как ваше имя?

— Говард.

— Говард — а как дальше?

— Я хотел задать вам тот же вопрос. Пэтси, а дальше?

— Но я первая спросила.

— Я предпочитаю действовать наверняка. Либо я представлюсь вам, когда мы встретимся, либо останусь анонимом.

— Ну хорошо, — ответила она. — Мой перерыв

с часу до двух. Где мы встретимся?

— На Рокфеллер Плаза. Третий флагшток слева.

— Как величественно!

— Вы запомните? Третий слева.

— Да, запомню.

— Значит, завтра в час?

— Завтра в час, — сказала Пэтси.

— Вы меня легко узнаете: у меня в носу серьга. Ведь я дикарь, у меня нет фамилии.

Мы рассмеялись, и разговор был закончен. Я не мешкая выкатился из конторы, чтобы меня не застиг звонок жены. Совесть покалывала меня и в этот вечер, но я кипел от возбуждения. Еле уснул. На следующий день ровно в час я ждал у третьего флагштока слева на Рокфеллер Плаза, приготовляя в уме искрометный диалог и одновременно стараясь выглядеть как можно импозантнее. Я полагал, что Пэтси, прежде чем подойти, непременно оглядит меня украдкой.

Пытаясь угадать, которая из них Пэтси, я внимательно рассматривал всех проходивших мимо девиц. Нигде на свете нет такого множества красивых женщин, как на Рокфеллер Плаза в обеденный час. Их здесь сотни. Я придумал целую обойму острот. А Пэтси все не шла. В половине

второго я понял, что не выдержал экзамена Она, конечно, заглянула на Рокфеллер Плаза и, увидев меня, решила, что продолжать со мной знакомство не стоит. Никогда в жизни не был я так унижен и зол.

В конце дня моя бухгалтерша отказалась от места, и, говоря по совести, я не могу ее винить. Ни одна уважающая себя девушка не стала бы терпеть такого обращении. Я задержался, чтобы позвонить в бюро по найму с просьбой прислать новую бухгалтершу, и лаялся с ними добрых полчаса. В шесть зазвонил телефон. Это была Пэтси.

— Кому вы звоните: мне или Джен? — сердито спросил я.

— Вам, — ответила она ничуть не менее сердито.

— Плаза 6-50-00?

— Нет. Такого номера не существует, и вы отлично это знаете. Я позвонила Джен, надеясь, что пересекающиеся провода снова соединят меня с вами.

— Как прикажете понять ваши слова о том, что моего номера не существует?

— Уж не знаю, что за странная у вас манера шутить, мистер Дикарь, но, по-моему, это просто подлость… Продержали меня целый час на пло-

щади, а сами не пришли. Как вам не совестно!

— Вы меня ждали целый час? Неправда. Вас там не было.

— Нет, я была, и вы меня обманули, как дуру.

— Пэтси, это невозможно. Я вас прождал до половины второго. Когда вы пришли?

— Ровно в час.

— Значит, произошла какая-то ужасная ошибка. Вы точно все запомнили? Третий флагшток слева?

— Да. Третий слева.

— Может быть, мы с вами перепутали эти флагштоки? Вы не представляете себе, Пэтси, милая, как я расстроен.

— Я вам не верю.

— Как мне вас убедить? Я ведь и сам решил, что вы меня одурачили. Я весь день так бесновался, что в конце концов от меня ушла бухгалтерша. Вы, случайно, не бухгалтер?

— Нет. Кроме того, у меня есть работа.

— Пэтси, я прошу вас, пообедайте завтра со мной, только на этот раз условимся так, чтоб ничего не перепутать.

— Право не знаю, есть ли у меня желание…

— Ну, пожалуйста, Пэтси. Кстати, объясните, отчего вы вдруг решили, что номера Плаза 6-50-00

не существует? Что за чушь!

— Я совершенно точно знаю, что его не существует.

— Как же я с вами говорю? По игрушечному телефону?

Она засмеялась. — Скажите мне ваш номер, Пэтси.

— Э, нет. С номерами будет то же, что с фамилиями; я не скажу вам своего, покуда не узнаю ваш.

— Но вы же знаете мой номер.

— Нет, не знаю. Я пробовала к вам сегодня дозвониться, и телефонистка сказала, что даже коммутатора такого нет. Она…

— Она сошла с ума. Мы все это обсудим завтра. Значит, снова в час?

— Но никаких флагштоков.

— Хорошо. Вы, помнится, когда-то говорили Джен, что ваша контора сразу за углом от старого здания Тиффани?

— Да.

— На Пятой авеню?

— Ну да.

— Так вот, я буду ждать вас завтра ровно в час там на углу.

— И не советую вам меня подводить.

— Пэтси…

— Что, Говард?

— Вы даже еще милее, когда сердитесь.

На следующий день лил проливной дождь. Я добрался до юго-восточного угла Тридцать седьмой и Пятой, где возвышается старое здание Тиффани, и проторчал под дождем добрый час — до без четверти второго. Пэтси снова не явилась. У меня не укладывалось в голове, как могла эта девчонка так ловко водить меня за нос. Потом я вспомнил ее нежный голосок и милую манеру выговаривать слова, и у меня мелькнула слабая надежда, что она побоялась выйти на улицу из-за дождя. Может быть, она даже звонила мне, чтобы предупредить, но не застала.

Поймав такси, я вернулся в контору и с порога, не раздеваясь, спросил — не звонил ли кто в мое отсутствие? Мне не звонили. Расстроенный и возмущенный, я спустился вниз и зашел в бар на углу Мэдисон Авеню. Заказал себе виски, чтобы согреться после дождя, пил, строил догадки, предавался неопределенным мечтам и через каждый час звонил в контору. Один раз какой-то бес толкнул меня, и я набрал Прескотт 9-32-32: хотел поговорить хоть с Дженет. Но тотчас услышал голос телефонистки:

— Назовите, пожалуйста, номер, по которому

вы звоните.

— Прескотт 9-32-32.

— Прошу прощения. У нас не зарегистрирован такой индекс. Будьте добры, еще раз сверьтесь с вашим справочником.

Ну что ж, поделом мне. Я повесил трубку, заказал еще порцию виски, потом еще, потом вдруг оказалось, что уже половина шестого, и, прежде чем отправиться домой, я решил в последний раз звякнуть в контору. Набрал свой номер. Раздался щелчок, и мне ответил голос Пэтси. Я сразу его узнал!

— Пэтси?..

— Кто это говорит?

— Говард. Для чего вы забрались ко мне в контору?

— Я у себя дома. Как вы узнали мой номер?

— Сам не знаю. Я звонил к себе в контору, а попал к вам. Наверно, наши провода барахлят в обе стороны.

— У меня нет охоты с вами разговаривать.

— Еще бы, вам стыдно разговаривать со мной.

— Что вы имеете в виду?

— Послушайте, Пэтси. Вы безобразно со мной поступили. Если вам хотелось отомстить, вы могли хотя бы…

— Как я с вами поступила? Да это же вы обманули меня.

— О-о, бога ради, давайте уж хоть сейчас обойдемся без этих шуток. Если я вам неинтересен, куда порядочней сказать мне правду. Я вымок до нитки на этом проклятом углу. Мой костюм до сих пор не просох.

— Как это вымокли до нитки? Почему?

— Да очень просто! Под дождем! — рявкнул я. — Что в этом удивительного?

— Под каким дождем? — изумленно спросила Пэтси.

— Бросьте дурачиться. Под тем самым дождем, который льет весь день. Он и сейчас хлещет.

— Мне кажется, вы сошли с ума, — испуганно сказала Пэтси. — Сегодня ясный, совершенно безоблачный день, и солнце светит с самого утра.

— Здесь в городе?

— Конечно.

— И вы видите безоблачное небо из окна своей квартиры?

— Да, разумеется.

— Солнце светило весь день на Тридцать седьмой и на Пятой?

— На какой это Тридцать седьмой и Пятой?

— На тех самых, что пересекаются у старого

здания Тиффани, — сказал я раздраженно. — Вы ведь около него работаете, сразу за углом.

— Вы меня пугаете, — сказала Пэтси шёпотом. — Нам… давайте лучше кончим этот разговор.

— Почему? Что вам еще не слава богу?

— Так ведь старое здание Тиффани — на Пятьдесят седьмой и Пятой.

— Здравствуйте! Там новое.

— Да нет же, старое. Вы разве забыли, что в сорок пятом году им пришлось переехать на новое место?

— На новое место?

— Конечно. Из-за радиации дом нельзя было отстроить на прежнем месте.

— Из-за какой еще радиации? Что вы тут мне…

— Там ведь упала бомба.

Я почувствовал, что по моей спине пробежал странный холодок. Может быть, я простыл под дождем?

— Пэтси, — сказал я медленно. — Все это очень… странно. Боюсь, что перепуталось нечто поважнее телефонных проводов. Назовите мне ваш телефонный индекс. Номер не нужен, только индекс.

— Америка 5.

Я пробежал глазами список индексов, вывешенный в телефонной кабине: АКадемия 2, АДирондайк 4, АЛгонкин 4, АЛгонкин 5, АТуотер 9… Америки там не было.

— Это здесь, в Манхэттене?

— Ну, конечно. А где же еще?

— В Бронксе, — сказал я. — Или в Бруклине. Или в Куинсе.

— По-вашему я стала бы жить в оккупационных лагерях?

У меня перехватило дыхание.

— Пэтси, милая, извините меня: как ваша фамилия? Мне кажется, мы с вами оказались в совершенно фантастических обстоятельствах, и, пожалуй, нам лучше не играть в прятки. Я — Говард Кэмпбелл.

Пэтси тихонько охнула.

— Как ваша фамилия, Пэтси?

— Симабара, — сказала она.

— Вы японка?

— Да. А вы янки?

— Совершенно верно. Скажите, Пэтси… Вы родились в Нью-Йорке?

— Нет. Наша семья приехала сюда в сорок пятом… с оккупационными войсками.

— Понятно. Значит, Штаты проиграли войну…

и Япония…

— Ну, конечно. Это исторический факт. Но, Говард, это же нас с вами совершенно не касается. Я здесь, в Нью-Йорке. Сейчас тысяча девятьсот шестьдесят четвертый год. Сейчас…

— Все это так, и мы оба в Нью-Йорке, только я в одном Нью-Йорке, а вы в другом. У вас светит солнце, и дом Тиффани на другом месте, и это вы сбросили на нас атомную бомбу, а не мы на вас, вы нас разбили и оккупировали Америку. — Я истерически расхохотался. — Мы с вами живем в параллельных временах, Пэтси. Я где-то читал, что это может быть… Одним словом, ваша история и моя не совпадают. Мы в различных мирах.

— Я вас не понимаю.

— Неужели? Вот послушайте: каждый раз, когда мир в своем движении вперед достигает какой-то развилки, он — ну, как бы это вам сказать? — расщепляется. Идет дальше двумя путями. И эти миры сосуществуют. Вы никогда не пытались представить себе, что случилось бы с миром, если бы Колумб не открыл Америку? А ведь он где-то существует, этот другой мир, в котором не было Колумба, существует параллельно с тем миром, где Америка открыта. И может, даже не один такой мир, а тысячи разных миров сосуществуют

бок о бок. Вы из другого мира, Пэтси, из другой истории. Но телефонные провода двух различных миров случайно скрестились. И я пытаюсь назначить свидание девушке, которая, простите, не существует… для меня.

— Но, Говард…

— Наши миры параллельны, но они различны. У нас разные индексы телефонов, разная погода. И война кончилась для нас по-разному. В обоих мирах есть Рокфеллер Плаза, и мы оба, вы и я, стояли там сегодня в час дня, но как безумно далеки мы были друг от друга, Пэтси, дорогая, как мы далеки…

В этот момент к нам подключилась телефонистка и сказала:

— Сэр, ваше время истекло. Будьте добры уплатить пять центов за следующие пять минут.

Я поискал в кармане мелочь.

— Вы еще здесь, Пэтси?

— Да. Говард.

— У меня нет мелочи. Скажите телефонистке, чтобы она позволила нам продолжить разговор в кредит. Вам нельзя вешать трубку. Нас могут разъединить навсегда. Ведь у нас начали чинить линию, и у вас там тоже, рано или поздно наши провода распутают. Тогда мы навсегда будем

отрезаны друг от друга. Скажите ей, чтобы позволила нам говорить в кредит.

— Простите, сэр, — произнесла телефонистка, — но мы так никогда не делаем. Лучше повесьте трубку и позвоните еще раз.

— Пэтси, звоните мне, звоните, слышите? Позвоните Дженет! Я сейчас вернусь в контору и буду ждать звонка.

— Ваше время истекло, сэр.

— Пэтси, какая вы? Опишите себя. Скорее, милая. Я…

И монеты с отвратительным грохотом высыпались в лунку.

Телефон молчал, как мертвый.

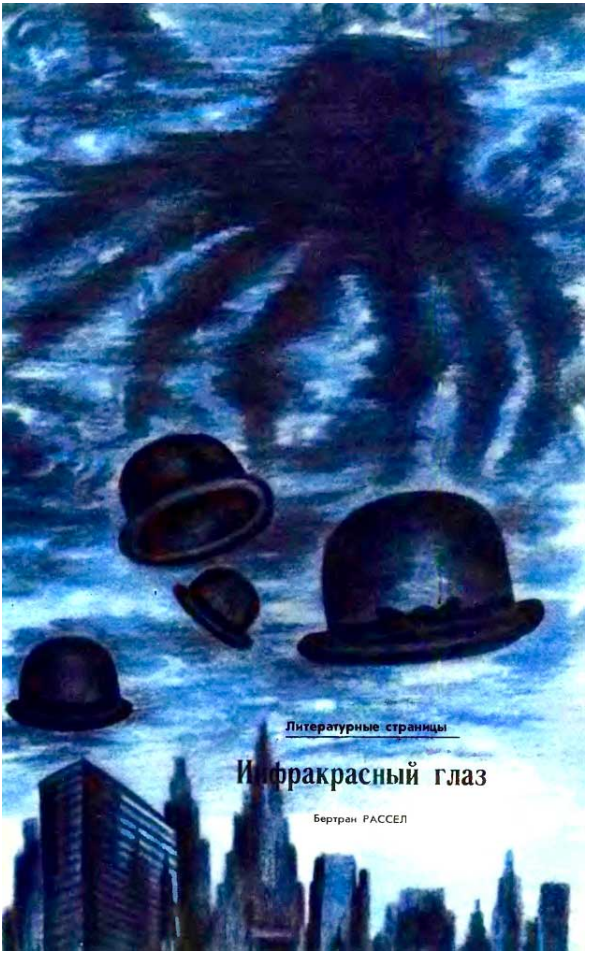
Я вернулся в контору и ждал до восьми часов. Она больше не звонила или не смогла позвонить. Я целую неделю просидел у телефона, отвечая вместо секретарши на все звонки. Но Пэтси исчезла. Где-то, может быть, в ее, а может, в моем мире починили перепутанные провода.

Перевод Е. Коротковой

№ 12

Бертран Рассел

Инфракрасныи глаз



Литературные страницы

Инфракрасный глаз

Бертран РАССЕЛ

I.

Леди Миллисент Пинтюрк, именуемая в узком кругу «красоткой Милли», покоилась в кресле, — одна в своем роскошном будуаре, обставленном изящной мягкой мебелью. Мягкий свет лился из-под искусно затененных ламп. Подле нее на маленьком столике стояло какое-то подобие большой куклы в пышных юбках.

Стены были увешаны акварелями в рамках, на каждой из них красовалась подпись: «Миллисент». Картины изображали романтические сцены в Альпах, на берегах Средиземного моря, в Греции и на острове Тенерифе. Еще одна акварель находилась в руках у хозяйки, которая изучала ее придирчивым взглядом мастера. Затем она протянула руку к кукле и коснулась невидимой кнопки. Кукла приподняла юбки, и под ними обнаружился телефон. Леди Миллисент сняла трубку. Ее движения, обычно столь грациозные, были несколько скованны, и эта напряженность,

по-видимому, происходила от важности принятого решения. Набрав номер, она подождала, пока ей ответят, и твердо сказала: «Мне нужно поговорить с сэром Бальбусом».

Сэр Бальбус Фрютиджер был известен всему свету как издатель газеты «Ежедневная Молния» и один из столпов государства — какая бы там партия ни получила перевес в парламенте. От народной любви его ограждали личный секретарь и шесть секретарш личного секретаря. Немногие решались тревожить сэра Бальбуса по телефону, и редчайшим из них удавалось с ним говорить. Его занятия были слишком возвышенны, чтобы их прерывать. Его миссия в этом мире состояла в том, чтобы блюсти общественное спокойствие путем непрерывного нарушения личного спокойствия читателей. Однако, невзирая на бетонированные укрепления, защищавшие его, этот звонок немедленно достиг его ушей.

— Да, леди Миллисент? — спросил он.

— Все готово, — ответила она и положила трубку.

II.

Великие приготовления предшествовали этим коротким словам. Муж прелестной Милли, сэр Теофил Пинтюрк, принадлежал к числу владык финансового мира. Его богатство превосходило все возможное, но, к сожалению, у него были соперники, которых все еще не удавалось скрутить. Было несколько человек, которые шли с ним, говоря языком благородной игры, голова в голову и даже имели реальные шансы на выигрыш. Но у него была душа Наполеона, и ей, этой душе, необходимо было сознание раз навсегда достигнутого и неоспоримого превосходства.

Сэр Теофил Пинтюрк был вынужден признать, что сила денег — не единственная сила в современном мире. Существовало — ничего не поделаешь еще три других. Во-первых, сила, именуемая Печатью. Во-вторых, сила Рекламы. И третья, чаще всего недооцениваемая людьми его профессии, — сила Науки. Он постиг, что, лишь соединив все четыре силы, он одержит победу, и в предвидении этой великой цели он создал тайный совет четырех.

На себя сэр Теофил возложил функции председателя. За ним но порядку мощи и величия шел сэр Бальбус Фрютиджер, чей девиз гласил: «Давайте публике то, чего она хочет!» Этот клич вел все полчище подвластных Фрютиджеру газет. Третьим членом содружества был сэр Публий Харпер, тот, который повелевал миром рекламы. Толпы, едущие вверх и вниз на эскалаторах метро, могли воображать, что те, от чьего имени к ним обращались бесчисленные рекламы, — соперники и что именно им, едущим мимо, принадлежит право выбора и решения. Но это было наивной иллюзией. Все рекламные объявления поступали в центральный распределитель, и не кто иной, как сэр Публий, решал, как с ними поступить. Если ему угодно было, чтобы выпускаемая вами паста для зубов стала популярной, она становилась популярной, если нет — паста плесневела на прилавках. От него зависело благоденствие или крушение тех, кто по недомыслию занимался производством товаров вместо того, чтобы их рекламировать.

Привязанность сэра Публия к сэру Бальбусу сочеталась с легким презрением. Его девиз он считал приспособленческим. Сам он следовал лозунгу: «Заставьте публику хотеть того, что вы

ей предлагаете». И нужно сказать, что в этом сэр Публий Харпер исключительно преуспел. Неописуемо скверные вина шли нарасхват после того, как он объяснил публике, что они восхитительны, и ни одному покупателю даже и голову не приходило усомниться в его словах. Унылые пески с вонючими гостиницами и замусоренным морским приливом благодаря усилиям сэра Публия приобретали славу фешенебельных курортов с лазурным морем, обилием озона и бодрящим атлантическим бризом. В дни всеобщих выборов кандидаты всех партий пользовались услугами его людей, готовых прийти на помощь всем (кроме коммунистов), кто был в состоянии заплатить по прейскуранту. Ни один здравомыслящий политик не отважился бы начать предвыборную кампанию, не заручившись поддержкой сэра Публия.

При всем том, что у сэра Бальбуса и сэра Публия было много общего в их высоко-полезной общественной деятельности, внешне они отличались друг от друга, как день и ночь. Оба не были чужды радостям жизни, но если сэр Бальбус выглядел полнокровным мужчиной могучего сложения, сэр Публий, напротив, был худосочен и хил. Со стороны его можно было принять за привержен-

ца какой-нибудь аскетической секты. Во всяком случае, портрет сэра Публия едва ли годился для рекламы чего-нибудь вкусного или утоляющего жажду. Что не мешало двум джентльменам встречаться время от времени за прихотливым обедом. Обсуждая проекты смелых операций и новости политики, они легко находили общий язык. Каждый отдавал должное талантам партнера, оба чтили взаимные интересы, понимая значение этого союза в совместной борьбе.

Порою сэр Публий небрежно давал понять, чем обязан ему сэр Бальбус. Что было бы с «ежедневной Молнией», если бы не рекламные щиты сэра Публия, с которых очаровательные блондинки и белозубые брюнеты протягивали свежий номер «Молнии» каждому, кто еще не успел оформить подписку на эту великую газету? На что сэр Бальбус резонно возражал: «Да, но что стало бы с вами, если бы я не развернул кампанию против охраны канадских лесов? Где бы вы достали бумагу? Вас спасла моя находчивость, моя виртуозная политика в этом огромном доминионе!»

Так они развлекались за пиршественным столом, с тем, чтобы за десертом вернуться к более неотложным делам.

Четвертого члена звали Пендрейк Маркл. Он

был человек несколько особого рода. Сэр Бальбус и сэр Публий выразили даже кое-какие сомнения относительно целесообразности его привлечения к делу. Эти опасения были решительно отметены сэром Теофилом Пинтюрком, хотя к ним стоило прислушаться. Мистер Маркл не был обладателем рыцарского звания. Но это было еще полбеды. Никто не отрицал его научных заслуг, однако имя этого джентльмена несколько раз промелькнуло в печати в связи с какими-то скандалами и злоупотреблениями. В общем, он был не из тех, чья репутация может помочь хиреющему провинциальному банку привлечь недостающих вкладчиков. И все же сэр Теофил настоял на том, чтобы включить Маркла в Большую четверку, принимая во внимание оригинальность его идей, а равно и то, что в отличие от иных ученых мужей он не был отягощен излишней щепетильностью.

У мистера Маркла были свои претензии к человечеству. Это легко понять каждому, кто познакомится с его биографией. Отец его был протестантским священником, человеком выдающегося благочестия. Он охотно объяснял своему малолетнему сыну, как справедлив был пророк Елисей, проклявший непослушных детей, не зря их тут же растерзали оказавшиеся поблизости

медведицы. Решительно во всем преподобный отец Маркл хранил верность заветам доброго старого времени, а его домашние наставления дышали уверенностью в том, что даже опечатки в Библии вдохновлены свыше.

Однажды — это было, когда мальчик уже подрос, сын отважился спросить отца: неужели нельзя быть добрым христианином и при этом не принимать на веру все эти старые сказки? Отец разъяснил ему этот вопрос столь основательно, что тот неделю не мог сидеть. Вопреки столь заботливому воспитанию, сын был настолько неблагодарен, что отказался следовать по стопам родителя. Перебиваясь с хлеба на воду, он принялся пробивать себе дорогу в науке, стал образцовым студентом. Но первое же научное достижение у него украл его собственный учитель и получил за это медаль Королевского общества. Юный Маркл попробовал разоблачить мошенника, но никто ему не поверил. В результате он приобрел репутацию завистника и скандалиста.

Преследуемый всеобщей подозрительностью, он и в самом деле стал мизантропом. Впрочем, с тех пор он научился принимать специальные меры, чтобы никто больше не смог похитить его идеи. Засим последовало несколько неприятных

историй — какие-то махинации с патентами, правда, недоказанные. Об этом много судачили, но никто так и не узнал, в чем там было дело. Как бы то ни было, ему удалось сколотить круглую сумму, достаточную, чтобы завести собственную лабораторию — здесь уж ему никто не мог перебежать дорогу. Мало-помалу, с большим трудом, его работы завоевали признание. В конце концов им заинтересовалось правительство. К нему обратились с деликатным предложением — не пожелает ли он посвятить свой талант разработке бактериологического оружия? Он отказался, заявив, что ничего не смыслит в бактериологии, — предлог в высшей степени странный, — и тем лишь укрепил подозрение, что он — враг общества, одержимый ненавистью ко всем представителям власти, начиная от премьер-министра и кончая полисменом, стоящим под его окнами.

Хотя мистера Маркла терпеть не могли в ученых кругах, мало кто осмеливался нападать на него: это был безжалостный полемист, умевший из любого противника сделать посмешище. В целом мире только одна вещь была ему дорога — его собственная лаборатория. Увы, она была действительно дорогим удовольствием: приборы стоили сумасшедших денег, и мистер Маркл ре-

гулярно оказывался на грани катастрофы. В один из таких трудных моментов к нему и подъехал сэр Теофил, протянул утопающему щедрую руку и пригласил участвовать в тайном союзе.

На первом же заседании совета четырех сэр Теофил Пинтюрк поделился своими планами; следовало подумать, как их осуществить. Имеется реальная возможность, заявил он, завладеть всем миром. Да, да, они, четверо, могут править всей Землей — а не только какой-нибудь ее частью, — и никто не сможет им противостоять, если они сумеют в полной мере использовать свое влияние.

— Главное, что нам нужно, — сказал в своей программной речи сэр Теофил, — это подлинно плодотворная идея. Поставлять идеи будет для нас Маркл. Он формулирует идею, я ее финансирую, Харпер обеспечивает рекламу, а Фрютиджер разжигает народные страсти против тех, кто ей сопротивляется. Марклу, вероятно, понадобится какое-то время, чтобы разработать такую идею, а нам нужно будет ее обсудить. Поэтому я предлагаю через неделю собраться снова и не сомневаюсь, что к этому времени наука докажет свое право принадлежать к четырем главным силам, которые правят обществом!

С этими словами, отвесив поклон мистеру Марклу, он распустил собрание.

Спустя неделю соратники встретились вновь. «Ну-с, Маркл, — осведомился, сияя улыбкой, сэр Теофил Пинтюрк, — чем порадует нас наука?»

Мистер Маркл прокашлялся и начал:

— Сэр Теофил, сэр Бальбус, сэр Публий! За эти дни мне приходило в голову много мыслей — а мои мысли, уверяю вас, чего-нибудь да стоят, — и я тщательно взвешивал их с точки зрения пригодности для наших целей. Я перебрал разные проекты и отбросил их один за другим. Запугивание атомной угрозой, по-моему, слишком избитая идея, я сразу же отказался от нее. Публика привыкла ко всем этим ужасам; с другой стороны, правительства всех стран настолько бдительно следят за успехами ядерной физики, что любая попытка что-либо предпринять будет немедленно пресечена. Тогда я подумал о бактериологии. Например, можно было бы заразить всех правителей вирусом бешенства. Но опять же неясно, какую выгоду мы могли бы из этого извлечь, к тому же есть риск, что они покусают кого-нибудь из нас, прежде чем болезнь будет распознана. Еще одна идея — создание искусственного спутника Земли Он мог бы совершать полный оборот,

скажем, в течение трех дней и, пролетая над красными, открывать по ним огонь. Но этот проект годится больше для правительства, чем для нас. Мы должны быть над схваткой; не наше дело вмешиваться в распри между Востоком и Западом. Что бы не случилось, последнее слово должно быть за нами. Вот почему я отбросил все идеи, ведущие к отказу от нейтралитета.

Джентльмены! У меня есть еще один проект. Думается, он свободен от недостатков всех вышепоименованных проектов. Состоит он вот в чем. В последние годы много говорят о так называемой инфракрасной фотографии. Разумеется, публика так же невежественна в этой области, как и в любой другой, и я не вижу причин, почему бы нам не воспользоваться этой неосведомленностью. Мы объявляем во всеуслышание, что нами изобретен прибор, назовем его «инфрарадиоскоп», который может фотографировать при помощи инфракрасных лучей объекты, не воспринимаемые никаким другим способом. Это очень чувствительный, крайне хрупкий прибор, в неумелых руках он легко может выйти из строя. Поэтому тот, кто вздумает управляться с ним самостоятельно, без нашей помощи, тот ничего в него не увидит. А что надо увидеть, мы решим

сами. Думаю, что объединив наши усилия, мы сумеем убедить публику, что она действительно видит то, что мы ей подскажем. Если этот план подходит, я готов взять на себя разработку прибора. А уж как там его использовать — сэр Бальбус и сэр Публий, полагаю, сообразят сами.

Названные лица с превеликим вниманием выслушали речь Пендрейка Маркла. Все поняли, что идея мистера Маркла открывает для них неслыханные возможности. Речь была встречена аплодисментами.

— Я знаю, — возвестил сэр Бальбус, — что мы сделаем с этим аппаратом. Он разоблачит тайное вторжение с Марса! Армия невидимых врагов, коварных пришельцев чуть было не одержала победу, не появись вовремя инфрарадиоскоп. С помощью моих газет я открою людям глаза на эту опасность. Я взбудоражу общественность! Миллионы читателей бросятся покупать наши приборы. Сэр Теофил наживет величайшее состояние, каким когда-либо владел человек. Мои газеты вытеснят все остальные печатные органы, и в конце концов «Ежедневная Молния» станет единственной газетой в мире. Не менее важную роль сыграет в этой кампании наш друг Публий. Он оклеит весь мир плакатами с изображением

отвратительных чудищ и надписью: «Неужели ты допустишь, чтобы они отняли у тебя твою собственность?» Вдоль всех дорог, на перекрестках, всюду, где у людей есть время глазеть по сторонам, появятся щиты, на которых аршинными буквами будет начертано: «Люди Земли, настал решительный час. Пробудитесь. Пусть вас не страшит угроза из космоса. Мужество победит, так было со времен Адама. Покупайте инфрарадиоскопы и будьте начеку!»

Слово взял сэр Теофил.

— План превосходен, — сказал он, — не хватает только одного — портрета марсианина. Он должен потрясти воображение. Вы все знакомы с леди Миллисент, но, может быть, знаете ее лишь с одной стороны. Она известна вам как натура, любящая все прекрасное. Я же, будучи ее супругом, хорошо знаком с теми закоулками ее фантазии, о которых посторонние не догадываются. Вы знаете, что она недурно владеет акварелью. Давайте поручим ей нарисовать марсианина и фотографию этого рисунка поместим на наших объявлениях.

Присутствующие было засомневались. Красотка Милли, при всех ее неоспоримых достоинствах, отнюдь не была сильной личностью, достойной

принять участие в столь ответственном предприятии. Однако после короткого совещания члены синдиката решили дать ей попробовать. Если рисунок получится достаточно сногсшибательным и удовлетворит мистера Маркла, сэр Бальбус будет немедленно извещен о том, что пора начинать.

Придя домой после этой знаменательной встречи, сэр Теофил сообщил очаровательной Миллисент, какого рода задачу ей хотят поручить. Он старался не вдаваться в подробности, твердо зная, что серьезные вещи — не для женских ушей, и ограничился минимальными объяснениями: требуется портрет некоего страшилища, такой, чтобы у зрителя волосы стали дыбом, — а для чего, некогда объяснять.

Леди Миллисент была намного моложе сэра Теофила. Она происходила из графского рода, для которого наступили черные дни. Ее разорившийся отец был владельцем величественного ветхого замка елизаветинских времен, за который он цеплялся с упорством, унаследованным от всех поколений его предков, живших в этом доме. Продажа родового имения какому-нибудь богатому выскочке из Аргентины казалась неизбежной, и старик ждал ее, как ждут собственного конца.

Дочь, обожавшая отца, решилась пожертвовать ради него своей ошеломляющей красотой. Мужчины влюблялись в прелестную Милли с первого взгляда. Сэр Теофил Пинтюрк был самым богатым из ее поклонников, и она уступила ему, — в награду счастливый муж должен был избавить тестя от денежных затруднений. Сэр Теофил отнюдь не вызывал у нее отвращения. Он боготворил ее, все ее прихоти исполнялись. Но она не любила его, как, впрочем, и никого другого: еще никто не разбудил ее сердце. Леди Миллисент чувствовала себя в долгу перед мужем и почитала себя обязанной ему подчиняться.

Задание показалось ей несколько странным. Но она привыкла к тому, что он не посвящает ее в свои дела, эти дела ее не интересовали. Она прилежно взялась за работу. Впрочем, сэр Теофил проговорился, что рисунок нужен для того, чтобы показать, какие удивительные вещи можно увидеть при помощи одного нового изобретения — не то телескопа, не то микроскопа, под названием «инфрарадиоскоп». Сделав несколько набросков, не удовлетворивших ее, она, наконец, изобразила существо, напоминающее гигантского жука с семью волосатыми ногами, с человеческой головой, плешивое, с выпученными глазами и

застывшим злобным оскалом. Леди Миллисент сделала два рисунка. На одном человек смотрел через ни-фрарадиоскоп и видел диковинного жука. На другом человек в ужасе выронил аппарат. Чудовище, поняв, что оно обнаружено, привстало на одной ноге, а остальными шестью обхватило задыхающегося человека. Оба рисунка по указанию сэра Теофила были продемонстрированы мистеру Марклу. Тот нашел их вполне удовлетворительными. Вот тогда, после его ухода, леди Миллисент и произнесла в телефонную трубку роковые слова: «Все готово».

III.

С того момента, как сэр Бальбус Фрютиджер получил это сообщение, пришла в действие вся гигантская машина, управляемая членами тайного синдиката. По мановению руки сэра Теофила повсеместно заработали фабрики, производящие инфрарадиосконы — элегантные ящички, внутри которых слышался жужжащий звук шестеренок. Стараниями сэра Бальбуса газеты заполнились статьями о чудесах науки, причем особый уклон

был сделан в сторону новейших достижений в области инфракрасных лучей. Информация, полученная от признанных научных авторитетов, была в этих статьях умело перемешана с красочным вымыслом. Сэр Публий озаботился тем, чтобы повсюду были распространены листки следующего содержания: «Инфрарадиоскоп грядет! Взгляните на мир невидимых чудес!» Или: «Что такое Инфракрасный Глаз? Газеты Харпера расскажут вам об этом. Пользуйтесь случаем узнать невероятное, следите за нашими сообщениями!»

Как только промышленность выпустила достаточное количество приборов, в печати появилось сенсационное заявление леди Миллисент Пинтюрк. Она сообщила, что наблюдала с помощью инфрарадиоскопа страшное существо, ползущее по полу в ее спальне. Само собой разумеется, что у нее тотчас взяли интервью все газеты, находящиеся в ведении сэра Бальбуса. Прочие довольствовались тем, что перепечатали его. Повинуясь указаниям мужа, Милли произнесла несколько отрывочных фраз, ярко характеризующих душевное потрясение, которое было запланировано синдикатом. Инфрарадиоскопы были предоставлены в распоряжение ряда общественных деятелей, которые испытывали

в это время, по сведениям, добытым секретной службой сэра Теофила, финансовые затруднения. Каждый из них получил чек на тысячу фунтов, после чего они заявили во всеуслышание, что собственными глазами видели ужасные существа. Картинки леди Миллисент были воспроизведены всеми рекламными агентствами сэра Публия с сопроводительной подписью: «Не выпускайте из рук ваш инфрарадиоскоп! Он не только во время обнаружит опасность, но и защитит вас!»

Нечего и говорить о том, что в мгновение ока были распроданы сотни тысяч инфрарадиоскопов. Полна ужаса прокатилась по всему миру. В этот момент известный ученый, мистер Пендрейк Маркл, сообщил о том, что в его частной лаборатории создана новая, усовершенствованная модификация прибора. При помощи этого инструмента он обнаружил, что чудовища — пришельцы с Марса.

Маркл стяжал себе громкую славу. В ученых кругах она возбудила вполне понятную зависть, и один из наиболее находчивых коллег мистера Маркла сконструировал машину, которая могла читать мысли этих созданий. Оказалось, что перед нами не что иное, как передовой отряд армии вторжения марсиан, ставящих своей целью

уничтожение человечества!..

Между тем кое-кто из числа тех, кто первыми приобрели инфрарадиоскоп, пожаловался, что ничего не видит. Ни одно из писем этих неверующих, естественно, не увидело свет в газетах Бальбуса. А тем временем паника достигла таких размеров, что каждого, кто заявлял, что ему не удалось обнаружить присутствия марсиан, стали считать просто-напросто изменником и промарсианским элементом. Несколько тысяч этих пособников врага кончили жизнь на виселице, остальные сочли благоразумным закрыть рот. Это, однако, не остановило эпидемию подозрений. Люди безукоризненной репутации, образцовые граждане, по ничтожному поводу попадали в руки властей. Всякий, кто имел неосторожность полюбоваться ночным небом и восходящей над горизонтом планетой Марс, немедленно брался на заметку. Полиция арестовала всех астрономов, когда-либо изучавших Марс. Те, кто считал, что на Марсе нет жизни, предстали перед судом и были приговорены к длительному заключению.

Нужно, однако, сказать, что по крайней мере в первое время существовали более или менее организованные группы, объявившие себя дру-

зьями Марса. Император Абиссинии выступил с заявлением о том, что тщательное изучение имеющихся изображений показало весьма близкое портретное сходство марсианина и Льва Иуды и, следовательно, пришельцы заслуживают скорее положительного отношения. Хранители древней мудрости Центральной Азии вычитали в своих книгах, что марсианин — это Бодхисатва, сошедший с неба, чтобы освободить их от гнета чужеземцев. Латиноамериканские индейцы-солнцепоклонники, узнав о том, что Марс светит отраженным светом Солнца, пришли к мысли, что и он заслуживает почитания. Им пытались внушить, что марсиане готовят кровавую резню. Культ Великого Солнца, ответили они, предписывает человеческие жертвоприношения, а праведнику не пристало отрекаться от своего бога. Анархисты ликовали: марсиане распустят все правительства, и настанет золотой век. Пацифисты проповедовали братание с марсианами: нужно встретить их с распростертыми объятиями и, быть может, людоедское выражение исчезнет с их лиц.

Все это кончилось тем, что подданные абиссинского императора, азиатские мудрецы, анархисты и прочие подверглись беспощадным гонени-

ям. Многие были умерщвлены, иных упекли на принудительные работы. Кое-кто отрекся от своих заблуждений. Словом, в короткий срок все проявления оппозиции против великого антимарсианского движения были подавлены.

Но из этого следовал важный урок: марсианская опасность породила опасность измены в среде землян. Обсуждением этой проблемы занялась ассамблея Организации Объединенных Наций. Возникла необходимость в едином термине для обозначения жителей Земли в противоположность инопланетянам. «Земляне» звучало слишком приземленно, «земные» не устраивало христиан, получалось какое-то противопоставление «небесным». После долгих дебатов, в которых наиболее активное участие приняли представители Австралии и южноамериканских государств, было решено впредь именовать обитателей Земли теллурийцами или теллурианами. ООН немедленно учредила комиссию по расследованию антителлурианской деятельности. Она должна была железной рукой навести порядок на всех континентах. Постановили, что Объединенные Нации будут заседать непрерывно до тех пор, пока кризис не будет ликвидирован. Был избран постоянный Председатель — этот пост

занял человек величайшего ума и огромного политического опыта, представитель старшего поколения, умеющий мыслить глобальными категориями: две мировых войны убедили его, что третья, еще более грандиозная, неизбежна. Он оказался поистине на высоте положения. На открытии пленарного заседания Председатель произнес следующую речь:

— Братья земляне, теллуриане, жители нашей планеты, единые, как никогда! Я обращаюсь к вам в этот грозный час не во имя всеобщего мира, как прежде, — нет, я призываю к другому, более великому свершению. Я говорю о спасении человечества со всеми его ценностями, с его радостями и печалями, тревогами и надеждами. Мы должны защитить наш мир от грязных посягательств, от вооруженного натиска, осуществляемого из космоса с помощью ужасающих, варварских методов, которые — я счастлив сообщить вам об этом — разоблачены гением наших ученых, давших нам инфрарадиоскоп. Они показали нам воочию этих гнусных, омерзительных чудовищ, которые до той поры безнаказанно проникали в наши жилища. Полчища этих выродков ползут на нас, подобно заразе, они грозят отравить нас своими низменными идеями, подорвать основы

нашей морали, хотят низвести нас до уровня даже не животных, ведь животные — тоже тел-лурийцы, — нет, до уровня марсиан! Можно ли представить себе что-либо более ужасное? На всех языках столь любимой нами Земли нет слова более отвратительного, чем «марсианин». Я призываю вас, заклинаю вас, братья и сестры, встать плечом к плечу в великой борьбе за спасение ценностей против коварной и унизительной для нас агрессии чудовищ, монстров, незваных гостей, которых мы заставим убраться туда, откуда они пришли!

Сказав это, он сел. Гром рукоплесканий был таков, что заглушил на добрых пять минут все другие звуки. Затем выступил представитель Соединенных Штатов.

— Сограждане Земли, друзья! — начал он. — Те, кто имел несчастье но роду своих обязанностей ознакомиться с состоянием мрачной планеты, чья зловещая активность вынуждает нас теперь принимать ответные меры, хорошо знает, что ее поверхность исчерчена странными линиями, известными у специалистов под именем каналов. Подобные сооружения — думаю, что это ясно каждому экономисту, — преследуют стратегические цели. Они — продукт милитаризма. Опираясь на

высокий авторитет науки, мы имеем все основания считать, что агрессор посягает не только на нашу частную собственность и личную свободу. Он угрожает нашему общественному строю, нашим идеалам, тем идеалам, которые были провозглашены нашими предками два столетия назад. Именно они породили единство, стоящее ныне лицом к лицу с грозящей нам силой, назвать которую подобающим ей именем я не решаюсь Может быть, человек — это временное явление, промежуточная фаза эволюции жизни в космосе, но есть закон, которому всегда будет подчиняться космос, — это божественный закон бесконечного прогресса. И этот закон, сограждане Земли, может быть соблюден лишь в условиях системы свободного предпринимательства, этого бесценного достояния западной культуры. Частная инициатива, по-видимому, давно прекратилась на красной планете, угрожающей нам, ведь каналы, которые мы видим, появились на ней не вчера! Итак, не только ради спасения человека, но прежде всего ради торжества свободного предпринимательства призываю я эту ассамблею дать отпор чудовищам, невзирая на жертвы, не жалея себя. С этой твердой надеждой я обращаюсь к посланцам всех наций, представ-

ленных здесь.

Перед закрытием заседания Ассамблея высказалась за всеобщий мир на Земле, провозгласив объединение всех вооруженных сил планеты. Делегаты выразили надежду, что объединение удастся завершить прежде, чем марсиане нанесут главный удар. И все же, несмотря на эти приготовления, воинственные клики и призывы к единству, страх объял сердца всех — кроме членов синдиката и их подручных.

IV.

Но посреди охватившего всех смятения нашлись люди, которые хоть и молчали, но сильно сомневались во всем, что им говорили. Министры хорошо знали, что никто из них никогда не видел ни одного марсианина, а их секретари знали о том, что они это знают. Однако никто не решался сказать это вслух, ибо, как уже говорилось, скептикам грозила не только отставка от должности, но и петля. Разумеется, конкуренты сэра Теофила, сэра Бальбуса и сэра Публия не

могли примириться с их небывалым успехом. Они мечтали взять реванш, но как? Газета «Ежедневный Гром» некогда была почти столь же могущественной, как «Ежедневная Молния». В разгар антимарсианской кампании, однако, раскаты этого грома стали совершенно неслышны. Издатель «Ежедневного Грома» терпел, сколько мог, скрипел зубами, но как человек благоразумный понимал, что нельзя противостоять волне народного гнева — даже ради интересов кармана. Ученые, которые и без того недолюбливали Пендрейка Маркла, были вне себя, видя, как его прославляют, словно величайшего гения всех времен. Кое-кто из них давно уже разобрал на части пресловутый инфракрасный глаз и убедился, что это блеф, и все-таки… все-таки умнее было держать язык за зубами.

Один только молодой человек по имени Томас Шовелпенни остался глух к голосу благоразумия. На этого Шовелпенни многие истинно английские патриоты поглядывали косо, потому что его дедушка был немец и носил фамилию Шиммельпфенниг, которую слегка переиначил во время первой мировой войны. Мистер Шовелпенни был скромным, незаметным ученым, государственными делами не интересовался, в

политику не лез. Хорошо разбирался он только в физике. Он был не настолько богат, чтобы тратить деньги на покупку инфрарадиоскопа, и не мог увидеть собственными глазами, что король гол. Те, кто в этом убедился, хранили молчание; они не посмели бы раскрыть рот даже во хмелю. Но он не мог не заметить странных противоречий в газетных сообщениях о чудесном всевидящем аппарате, и эти противоречия пробудили в нем чисто научное любопытство. Ему и в голову не приходило, что это — сознательная мистификация.

Томас Шовелпенни был образцом добродетели, что не мешало ему водить дружбу с одним субъектом, чьи привычки едва ли могли служить примером для скромного молодого человека. Впрочем, у этого недостойного друга было по крайней мере одно бесспорное преимущество, а именно сообразительность. Имя этого джентльмена было Хогг-Покус, а прозвище — Правда-Матка, он весьма редко бывал трезвым, и никто никогда не встречал его за пределами злачных мест. Можно было предположить, что он все же где-то ночует, но никто так и не узнал, что квартиру ему заменяет жалкая конура в одной из лондонских трущоб. Он обладал блестящим

литературным талантом, и когда его карманы были пусты, насущная необходимость опохмелиться вынуждала его браться за перо. Журналы, специализирующиеся на скандалах, охотно публиковали его произведения. Разумеется, двери солидных редакций для мистера Хогг-Покуса были закрыты, потому что он никогда не поступался своей совестью. Он знал всю подноготную политики, но не умел извлечь из этого знания никакой выгоды для себя. Некогда он сотрудничал во многих газетах, но хозяева тотчас указывали ему на дверь, как только становилось известно, что он знает о них кое-что, о чем они предпочли бы не распространяться. Странным образом мистер Хогг-Покус не догадывался, что он мог бы сорвать с них за это изрядный куш, — ему мешали какие-то остатки порядочности, а может быть, и беспечность. Он выбалтывал свои секреты случайному собутыльнику где-нибудь за стойкой бара вместо того, чтобы превратить их в солидный банковский счет.

Шовелпенни решил поделиться с другом своими сомнениями.

— Что-то тут не то, — сказал он, — похоже, что они морочат нам голову. Но ума не приложу, кому это могло понадобиться... Может быть, ты,

с твоим знанием людей, объяснишь мне, что происходит?

Правда-Матки радостно ухмыльнулся. Он давно уже присматривался к тому, как одновременно растут общественная истерия и доходы сэра Теофиля Пинтюрка.

— Ты как раз тот человек, который мне нужен, — сказал он. — Я-то не сомневаюсь, что все это чистейшая липа. Но тут надо действовать с умом. Ты знаток наук, а я малость кумекаю в политике Вдвоем мы можем кое-что сделать… Только вот какое дело: я могу под пьяную лавочку проболтаться. Давай уговоримся: ты меня запрешь в своей комнате. И, само собой, нужна выпивка в достаточном количестве, чтобы я не очень скучал…

Шовелпенни согласился. Но вот вопрос: где взять денег, чтобы поддерживать Хогг-Покуса в надлежащем тонусе все это время, которое, кстати, может оказаться не таким уж коротким? Тут Правда-Матка вспомнил, что в далекие времена своего детства он дружил с будущей леди Пинтюрк, — не всегда же он был таким забулдыгой, как теперь! И не теряя времени, он настрочил красочные воспоминания, в которых поведал миру о том, что прелестная Милли была

таковой еще в возрасте десяти лет. Статья была продана модному журналу, после чего проблему бесперебойного снабжения мистера Хогг-Покуса спиртным в течение всего времени, которое ему понадобится, можно было считать решенной.

Хогг-Покус немедленно приступил к расследованию. Кашу заварила «Ежедневная Молния» — это не вызывало сомнений. Кто за ней стоит, ему было хорошо известно: сэр Теофил Пинтюрк. Марсиан увидела первой супруга Пинтюрка. Что же касается научного обоснования всей этой свистопляски, то тут первую скрипку играл — это все знали — Пендрейк Маркл. Единая цепь событий сама собой начала складываться в догадливой голове Хогг-Покуса. Однако начинать атаку было преждевременно. Нужно было заставить заговорить одного из тех, кто знал подоплеку этого дела. И Хогг-Покус решительно постучал в дверь Томаса Шовелпенни. Пусть Шовелпснни возьмет интервью у леди Миллисент. Она сделала первый портрет марсианина, она наверняка знает все с самого начала.

Как ни трудно было простодушному Шовелпенни поверить в выдвинутую Хогг-Покусом гипотезу заговора, инстинкт ученого говорил ему, что встреча с Миллисент Пинтюрк — лучший

способ проверить эту гипотезу. Он написал ей почтительное письмо с просьбой принять его по весьма неотложному делу. Против ожидания ему ответили согласием. Ученый муж привел в порядок свой не блиставший опрятностью костюм, причесался. Подготовившись таким образом, он отправился на это знаменательное рандеву.

IV.

Горничная провела его в будуар леди Миллисент. Хозяйка полулежала в кресле рядом с куклой-телефоном.

— Мистер Шовелпенни, я чрезвычайно польщена вашим вниманием, — промолвила Милли. — Однако я не представляю себе, какого рода темы мы будем с вами обсуждать. Вы, насколько мне известно, блестящий ученый, а я — невежественная женщина, которой нечем похвастаться, кроме богатого мужа. Получив ваше письмо, я поинтересовалась вашими успехами на избранном вами поприще, и мне трудно поверить, что деньги могли быть причиной вашего

желания говорить со мной.

Эти слова сопровождались обворожительной улыбкой. Никогда еще Шовелпенни не встречал женщины, одновременно столь богатой и столь пленительной; он почувствовал, что теряется под ее взглядом. «Ну же, смелей, — подбадривал он себя, — Не распускай слюни. Ты ведешь важное расследование!» Сделав над собой усилие, он произнес:

— Леди Миллисент, вы, конечно, знаете о тревоге, охватившей сейчас все человечество в связи со странными слухами о вторжении с Марса. Если я не ошибаюсь, вы — первая, кто увидел одного из этих марсиан. Мне очень неловко, но долг ученого заставляет меня быть с вами откровенным. Дело в том, что тщательные исследования, проведенные мною, заставили меня усомниться в этом. Я… словом, я не верю, что вы или кто-нибудь другой видели этих чудовищ через инфрарадиоскоп, и не верю, что с его помощью можно вообще что-нибудь увидеть. Очевидно, это какой-то гигантский обман. И если то, что я сказал, — правда, то я вынужден прийти к заключению, что обман этот исходил от вас. Я не удивлюсь, если вы сейчас позовете прислугу и велите вытолкать меня в шею. Такая реакция

будет естественной, если вы ни в чем не виноваты, и ещё более естественной, если вы виноваты. Но умоляю вас, леди Миллисент, заклинаю вас: если вы не хотите, чтобы я думал о вас плохо, чтобы я осудил такое прелестное существо, как вы, с открытой, благородной улыбкой, если вы верите в мое расположение к вам — откройте мне всю правду!

Столь неподдельная искренность, столь обезоруживающая прямота и доверчивость произвели на леди Миллисент ни с чем не сравнимое впечатление. Ни один из её бесчисленных поклонников не говорил ей ничего подобного. Впервые с тех пор, как она покинула своего отца, чтобы стать женой сэра Теофила Пинтюрка, она видела перед собой человека, который говорит то, что думает. Она почувствовала, что искусственное существование, которое она пыталась вести, поселившись в особняке сэра Тоофила, ей отвратительно. Как могла она жить в этом мире лжи, расчета, интриг и бессовестного насилия!

О, мистер Шовелпенни, — проговорила она, — Что вам ответить? У меня есть долг перед мужем. У меня есть долг перед всеми людьми. И есть еще долг перед истиной. Каким-то из них и должна пренебречь. Как мне решить, какой из них

главный?

Леди Миллисент, — отвечал молодой человек, — вы пробуждаете во мне и любопытство, и веру. Вас окружают фальшь и мишура, но что-то говорит мне, что сердцем вы чисты. О, я знаю, вы сумеете стряхнуть с себя все постороннее, запачкавшее вас. Говорите же, и пусть очистительный огонь истины освободит вашу душу от скверны.

Ненадолго воцарилось молчание. А затем твердым голосом она произнесла:

— Хорошо, я скажу. Я слишком долго скрывала это. Меня повлекли в неслыханное преступление; сперва я не понимала, в чем дело, а потом было уже поздно. Но вы вселили в меня надежду. Быть может, еще не всё потеряно; а если и в самом деле всему конец, то я верну себе по крайней мере спокойную совесть, которую я продала, чтобы избавить от нищеты моего отца! Да, я действительно ни о чем не подозревала, когда мой муж льстивым голосом, превознося до небес мои таланты, предложил мне нарисовать чудовище. Я не подозревала в ту роковую минуту, для чего ему нужен этот портрет. Я выполнила его просьбу. Я поддалась его уговорам, но видит бог, я ничего не знала! Сэр Теофил — о, как ненавистно мне теперь это имя! — воспользовался моей доверчивостью.

С каждым днем, по мере того как нарастала шумиха, совесть мучила меня все больше и больше. Каждую ночь я молила небо о прощении и понимала, что мой грех непростителен. Не будет мне спасения до тех пор, пока я купаюсь в грязной роскоши, пока не выберусь из этой бездны, куда завлек меня сэр Теофил. Но вот пришли вы, и последняя капля переполнила чашу. Ваши простые слова, слова правды, указали мне выход. Я знаю, что я должна сделать. Я расскажу вам всё. Узнайте, как низко пала женщина, которую вы пожелали выслушать. Ни единой крупицы совершенного мною зла я не утаю от вас. И тогда, быть может, я смою с себя хотя бы малую часть той грязи, которая облепила меня.

И она поведала ему всё. Но, заключив свой рассказ, она прочла в глазах Шовелпенни не ужас и отвращение, которые были бы столь естественны, а восхищение и восторг. Мистер Шовелпенни ощутил в своем сердце любовь — чувство, до той поры ему незнакомое. Он простер к ней руки, и леди Миллисент упала в его объятья.

— Ах, Миллисент, — прошептал он. — как удивительна и непостижима человеческая жизнь! Хогг-Покус был прав. Всё, что он гонорил, подтвердилось. И что же?.. В этом царстве зла я нашел вас.

Вас, Миллисент, в ком горит чистое пламя правды! Теперь, когда вы раскаялись во всем, махнув рукой на собственное благополучие, я нахожу в вас духовного союзника, друга, какого не чаял обрести в этом мире. Но как мне теперь поступить? Голова идет кругом… Дайте мне двадцать четыре часа на размышление. Завтра я вернусь и скажу вам свое решение.

Мистер Шовелпенни воротился домой в полном смятении чувств и мыслей. Пьяный Хогг-Покус храпел на его постели. Меньше всего хотелось сейчас нашему герою посвящать этого циника в свои чувства к Миллисент, чья красота, как щит, заслоняла ее от любых осуждений. Он водрузил на столик рядом с кроватью большую бутылку виски, поставил рядом стакан, так, чтобы, пробудившись, достойный джентльмен мог без труда вернуться в прежнее состояние, и, обеспечив себе спокойствие на двадцать четыре часа, уселся в кресло перед газовым камином.

Долг и чувство — извечные враги. Заговорщики были слуги дьявола, их побуждения были гнусны, судьбы людей не заботили их. Власть и нажива были их единственной целью. Ложь, надувательство и террор были их средствами. Может ли он молчать и тем самым стать соучастником

преступления? Конечно, нет! Но если он убедит Миллисент публично раскрыть обман, — а он знал, что она послушается его, — что станет с ней? Что сделает с ней муж?.. А все эти толпы обманутых? Он представил себе свою возлюбленную, распростертую в пыли, и озверевших людей, которые топчут ее ногами. Страшное видение. И все же… И все же мог ли он дать потухнуть искре благородства, которая вспыхнула в ней, мог ли он позволить своей Миллисент вновь почить на усыпительном ложе выгодной лжи!..

Но затем его мысли приняли иной оборот. Может быть, разумнее предоставить Пинтюркю и его приспешникам возможиость действовать так, как они хотят? В пользу этого было много серьезных доводов. Перед началом марсианской кампании мир находился на грани войны и многим казалось, что человечество обречено на самоистребление. Теперь реальная опасность отступила перед воображаемой. Мнимая угроза вторжения с Марса объединила вчерашних врагов, и хотя армии по-прежнему находятся и боевой готовности, они не могут произнести те опустошения, ради которых эти армии существуют. «Может быть, — думал он, — обман тоже бывает полезным? Может быть, люди устроены

так, что правда для них опасней лжи? Чего тогда стоит моя преданность истине? Я был безумцем, толкая к гибели мою возлюбленную Миллисент!»

В этой точке своих размышлений Шопелпенни снова почувствовал, что он уперся в тупик. «Пусть так, сказал он себе. — Но ведь рано или поздно обман будет раскрыт. Если его не разоблачат бескорыстные правдолюбцы вроде меня, то это сделают соперники Пинтюрка, такие же хищники, как и он, если не хуже. Как они воспользуются этим открытием? Да очень просто: разрушат едва возникшее единство «теллуриан». сотворенное ложью сэра Теофила. Так не лучше ли разоблачить заговор ради благородной пели — торжества истины, чем в угоду бесчестной зависти, ради победы одного негодяя над другим… Ах, боже мой, кто я такой, чтобы судить обо всем этом? Я не провидец! Будущее покрыто мраком. Ужас кругом, куда ни глянь. Я не знаю, что лучше: быть заодно с преступниками по имя добра или помочь праведникам погубить мир? Нет, я не вижу выхода».

Так просидел он целые сутки, забыв про еду и сон, и ничего не решил. Когда истекли условленные двадцать четыре часа. Шопелпенни встал и с

тяжелым сердцем, на негнущихся ногах, поплелся к особняку леди Миллисент.

Он застал ее в той же растерянности, в какой пребывал сам. Она тоже разрывалась между двумя решениями. Однако судьбы человечества волновали Милли куда меньше, чем вопрос о том, кого предпочесть — мужа или ставшего ей теперь столь близким и дорогим Томаса. Леди Миллисент не имела похвальной привычки мыслить государственными категориями. Ее мир состоял из конкретных людей, которые, правда, что-то делали в мире, но ее это не касалось. Ее интересовало другое — чувства и устремления мужчин и женщин в ее собственном маленьком мире. Целые сутки она посвятила думам о Томасе, о его твердой воле и бескорыстии. Почему судьба не послала ей этого человека немного раньше, когда она не успела ещё завязнуть так глубоко в махинациях сэра Теофила!

Одно утешение оставалось для нее в эти мучительные двадцать четыре часа — живопись. Лели Миллисент рисовала по памяти миниатюрный портрет Томаса. Закончив миниатюру, она заключила ее в медальон, где в былые, легкомысленные времена хранила портрет сэра Теофила. Медальон покоился у нее на груди, и

время от премени, чтобы скрасить ожидание, она украдкой смотрела на образ того, кого мысленно называла своим избранником.

Наконец, он явился. Но шагам его не хватало твердости, глаза не излучали блеска, в голосе не было металла. Медленно приблизившись, он протянул ей руку, а другой рукой вынул из кармана таблетку и тотчас положил ее в рот.

— Миллисент, — сказал мистер Шопелпенни, — это снадобье через несколько минут оборвет мою жизнь. Положение мое безвыходно. Прежде у меня были надежды, радужные надежды. Я мечтал посвятить свою жизнь двум богам — истине и добру. Увы, это оказалось химерой. Правда губит гуманизм, а гуманность несовместима с правдой. О, проклятье! Как жить, если одно нужно приносить в жертву другому? И что это за мир, где нужно либо душить друг друга, либо сдаться на милость самой беззастенчивой лжи! Нет, это невозможно вынести. Вы были добры ко мне, Миллисент, вы поверили в меня, вы знаете, как искренно я люблю вас, но что… что… что вы можете сделать, чтобы вернуть мир моей душе, раздираемой противоречиями! Ни ваши нежные руки, ни ваши дивные глаза — ничто меня не утешит. Я должен умереть. Но тому, кто меня

заменит, я оставляю ужасный выбор — выбор между правдой и жизнью. Я не смог его сделать. Прощайте, прощайте, моя бесценная. Я ухожу туда, где неразгаданные загадки не будут терзать мою грешную душу. Прощайте…

Он сжал ее в последнем страстном порыве, потом она почувствовала, что сердце его перестало биться, руки мистера Шопелпенни разжались, и он упал бездыханным. Склонившись над ним, леди Миллисент сняла медальон со своей лебединой шеи, трепетными пальцами извлекла оттуда портрет и, прижимая его к устам, воскликнула:

— О благородное сердце, о великий дух, ты умер, и эти губы, которые я целую, не вымолвят больше ни слова. Но ты останешься жить в моем сердце. И я, твоя бедная Миллисент, завершу то, что ты начал, я принесу людям весть, которую не успел принести им ты.

С этими слонами она сняла телефонную трубку и набрала номер газеты «Ежедневный Гром».

VI.

Нескольких дней, в продолжение которых редакция «Ежедневного Грома» отважно защищала леди Миллисент от ярости мужа и его клевретов, было достаточно, чтобы ее сенсационному сообщению поверили все. Один за другим, осмелев, люди начали признаваться, что никто из них никогда ничего не видел через инфрарадиоскоп. Марсианский бум кончился так же быстро, как и начался.

И конечно, распря между землянами, как и следовало ожидать, обострилась с новой силой. Вскоре она переросла в войну.

Армии воюющих стран сшиблись лбами на огромном поле битвы. Самолеты затмили небо. Атомные взрывы сеяли смерть по обе стороны фронта. Гигантские орудийные установки посылали в небо снаряды, которые сами отыскивали цель. И вдруг грохот взрывов утих. Самолеты опустились на землю. Артиллерии прекратила огонь.

Журналисты, расположившиеся в прифронтовой полосе и ожидавшие исхода страшных

событий с любопытством, присущим людям этой диковинной профессии, первыми отметили внезапную и странную тишину. Никто не понимал, почему сражение прекратилось. Преодолев страх, они, наконец, двинулись туда, где должна была происходить битва. И увидели, что полки лежат мертвыми — солдаты умерли все разом, но не от ран, нанесенных врагом, а какой-то странной, неведомой смертью.

Журналисты бросились к телефонам. Они позвонили в свои столицы. Там, за тысячи километров от театра военных действий, успели принять слова: «Сражение прекратилось, так как...». И больше не услышали ничего. Те, кто передавал сообщение, тоже погибли. Телефоны замолкли. Смерть воцарилась в мире. Марсиане — на этот раз настоящие — пришли.

Послесловие

Приведенное выше описание последних дней теллурийской расы составлено мною по личному указанию великого деятеля, которого все мы, марсиане, бесконечно чтим, — я имею в виду,

естественно, Мартина Завоевателя.

Обращая наше внимание на проявления малодушной сентиментальности, которые кое-где еще наблюдаются в наших рядах, наш великий сопланетянин счел нужным указать, что он рассматривает их как преступное попустительство по отношению к этим двуногим, которых его воинство истребило с беспримерной отвагой.

В частности, он призвал нас использовать всю имеющуюся у нас информацию для правдивого освещения обстоятельств, предшествовавших нашей победоносной экспедиции. Его величество полагает — и каждый, кто прочел предыдущие страницы, без сомнения, согласится с этим — что было бы ошибкой позволять подобным существам в дальнейшем засорять своим присутствием наш восхитительный космос.

Теллуриане кощунственно утверждали, что у нас семь ног. Можно ли представить себе более наглую ложь? И можно ли найти оправдание для тех, кто посмел назвать улыбку на наших лицах, улыбку оптимизма, с которой мы смело глядим в глаза будущему, «злобным оскалом»! А что сказать о власти, которая мирилась с деятельностью таких прохвостов, как этот «сэр Теофил»! Властолюбивые притязания этого субъ-

екта выглядят по меньшей мере смехотворно сейчас, когда на земле правит король Мартин.

Наконец, можно только сожалеть о той ни с чем не сообразной свободе высказываний, какая была продемонстрирована в препирательствах так называемых Объединенных Наций. Насколько выше и благородней наш марсианский образ жизни, исключающий необходимость выдумывать свои мнения, поскольку все, что надлежит думать, уже сказано в речах героического Мартина, прочим же предоставляется почетное право заучивать его слова и повиноваться.

Все приведенные здесь материалы — подлинные. Понадобился немалый труд, чтобы извлечь их из обрывков газет и немногих звукозаписей, сохранившихся после решительной атаки наших славных парней. Интимность некоторых эпизодов, возможно, вызовет удивление. Следует сказать, что сэр Теофил — очевидно, без ведома своей жены — установил в ее будуаре микрофоны, почему до нас и дошли последние слова Томаса Шовелпенни.

Сердце каждого честного марсианина радостно забьется, когда он узнает, что эти твари больше не существуют. С гордостью и ликованием мы желаем нашему дорогому королю Мартину

заслуженной победы в намеченной экспедиции против погрязших в такой же бездне порока жителей Венеры. Да здравствует король Мартин!

X. Y., профессор кафедры внедрения идей Центрального Марсианского Университета

Перевод И. Левшина

Непочтительный Рассел

Многие философы и ученые писали художественную прозу, чтобы выразить своё отношение к современности в более отчетливой, свободной и, как им казалось, доходчивой форме. Отчасти это относится к Бертрану Расселу. Как бы ни было популярно имя создатели философии логического анализа и автора знаменитого «парадокса Рассела», заставившего пересмотреть основы теории множеств, а заодно и основы математической науки вообще, — мир отвлеченной мысли не мог его удовлетворить. Всю свою долгую жизнь этот человек, о котором кто-то сказал, что он каждые три года воздвигает новую систему мира и разрушает старую, то и дело спускался с метафизических высот, чтобы поглядеть, что стало с этим миром; всю жизнь Рассел метался между заоблачным философствованием и гражданским бунтарством, из кабинета на улицу и обратно. Во время первой мировой войны он сидел в Брикстонской тюрьме за пропаганду мира. В 1920 году он побывал в Москве и Петрограде. Спустя два десятилетия против него было возбуждено судебное дело по обвинению в проповеди безбожия. Вместе с Эйнштейном Рассел организовал в конце 50-х годов Пагуошское движение ученых. В 80 с лишним лет он участвовал в уличных шествиях и сидячих забастовках, выступал против ядерного психоза и снова угодил в тюрьму. Но и эта деятельность казалась ему недостаточной.

«Рискованное это дело — на пороге девятого десятка сменить почерк... не думаю, чтобы читатели, увидев меня в роли беллетриста, удивились больше, чем удивлен я сам», — писал Рассел в предисловии к очередной, двадцатой или тридцатой своей книге, выпущенной в 1952 году. На сей раз это был сборник научно-фантастических рассказов. Из него мы и заимствовали новеллу, названную в оригинале «The Infra-redioscope».

Уже заголовок заставил переводчика задуматься. Очевидно, что он связан с термином infra-red rays: пресловутый «прибор», обнаруживший пришельцев с Красной планеты, будто бы действует с помощью инфракрасных лучей. Случайна ли эта игра слов?

Шайке проходимцев удается в непостижимо короткий срок облапошить весь просвещенный мир. Те, кто не верят обману, молчат, большинство же, загипнотизированное, как в сказке Андерсена, видит то, что велено увидеть. Фантасмагория, которая удивительно напоминает действительность — например, хорошо известную «охоту за красными», манию преследования, которой охвачен буржуазный обыватель и которая умело используется. «В западном мире, — заметил однажды Рассел, — человек чувствует себя сплющенным под гнетом общественного мнения, которое на самом деле создается не обществом, а господствующими группировками». Но одно дело упомянуть об этом в ученой аудитории, среди единомышленников, а другое — развернуть ту же мысль в броский, остроумный, почти плакатно заостренный сюжет.

Конечно, эта притча сочинена математиком, а не художником. Слишком четко проступает структура повествования, слишком выверены сюжетные ходы и поступки действующих лиц. Но автор и не стремится придать своему рассказу психологическую глубину. Перед нами пародия. Вопрос лишь в том, где её границы. Читателю поистине приходится держать ухо востро: ни одно слово здесь нельзя принимать всерьез. Писатель смеется над обществом с его системой тотального оглупления при помощи средств так называемой массовой культуры и одновременно пародирует одно из таких средств — бульварную литературу. Пародийны и ситуации, и приемы ее описания. На склоне лет Бертран Рассел — недаром его сравнивали с Лукианом и Вольтером — остался таким же парадоксалистом, непочтительным критиком современной ему цивилизации, каким был всю жизнь.

Г. Шингарев

1979

№ 2

Борис Руденко

Экзотический вариант

Литературные страницы

Экзотический вариант

Борис РУДЕНКО

Случилось так, что мечта Георгия сбылась. Георгий обменял квартиру в гремящем выхлопами сотен машин пыльном центре на такую же в районе окраинных новостроек.

Задрав босые ноги на спинку кровати, Георгий наслаждался покоем. Внизу желтела земля, сухая и глинистая, расчлененная узкими полосками асфальта, вся в давленых следах самосвалов, вывозивших последний строительный мусор. Скоро в нее закопают деревья и цветы, и под окнами Георгия запоют птицы.

Лифт еще не работал, не работали магазины, автобусы ходили как придется, но зато здесь была тишина, и он слушал тишину, пошевеливая пальцами ног. Он слушал ее каждый день после работы уже вторую неделю, и это занятие ему все еще не наскучило.

Объявление, отпечатанное на пишущей машинке со старинным шрифтом, Георгий увидел на столбе возле остановки трамвая. Он вмиг решился, позвонил по указанному телефону и скоро встретился с владелицей однокомнатной квартиры в новом доме на окраине.

«Всю жизнь прожила в центре, — сказала она, — в моем возрасте трудно менять устоявшиеся привычки».

Она явно напрашивалась на комплимент, но Георгий не сообразил, брякнул что-то насчет бремени прожитых лет и чуть было не испортил все дело. Он еще не умел делать комплименты интеллигентным дамам среднего возраста.

«Не понимаю, — сухо, но дипломатично продолжала дама, — я посылала объявление в бюллетень законным порядком, но ни разу никто не звонил. А вот расклеила — и пожалуйста. Ну да ладно. Итак, вас устраивает мой вариант?..»

Вот так, осуществляя свои антиурбанистические стремления, он и переехал на новую квартиру. Уже неделю назад.

Он лежал, блаженно расслабившись, как вдруг в дверь постучали. (Георгий не подключал звонок не от лени, но скорее из принципиальных соображений.)

Он сунул ноги в шлепанцы и не спеша зашаркал в переднюю.

За дверью стоял странный тип — маленький, с огромной лысой головой, в одежде из блестящего серого материала, с металлическим ящичком в руках.

— Вы давали объявление об обмене, — произнес незнакомец и кивнул сам себе в знак согласия. Говорил он, не разжимая губ, и, самое удивитель-

ное, голос его звучал из металлического ящика. В этом не было никаких сомнений. Сбитый с толку, Георгий без возражений впустил гостя.

Гость проследовал в квартиру уверенной, но какой-то странной походкой. Георгий пригляделся и решил, что сходит с ума. Сзади у пришельца была третья нога, и этой ногой он отталкивался, помогая себе при ходьбе. Георгий не страдал галлюцинациями и, что бы там ни говорили, не так уж часто употреблял спиртное. Мысль об этом придала ему сил, он открыл рот, чтобы задать вопрос, но гость опередил его.

— Иммоваруш, — представился металлический ящик. — Ваша хибара меня устраивает.

— Вы ее даже не посмотрели, — пробормотал Георгий единственное, что пришло ему на ум.

— Не суть важно, — отрезал ящик. Хозяин ящика строго взглянул на Георгия выпуклыми глазами без ресниц и век. Предлагаю! — сказал ящик. — Жилплощадь в секторе 516, третья планета системы Белого карлика. Живописные виды на море активной протоплазмы, эффектно взрывающиеся споры грибов-охотников. Рядом кафе.

Активная протоплазма никогда не была предметом мечтаний Георгия, но сообщить об этом трехногому гостю он не решался.

Спасительная мысль осенила его.

— Но я вовсе не собираюсь меняться!

— Этого не может быть, — со свойственной ему прямотой возразил лупоглазый Иммоваруш, вернее ящик. — Галактический бюллетень по обмену, страница восемьсот восемьдесят. Координаты указаны точно. Дом двадцать, корпус пять, квартира семнадцатая?

— Да. Но…

— Вот видите. Ошибка исключена.

— Я не собираюсь меняться. Я… понимаете ли, сам только неделю как совершил обмен.

— Ах вот оно что, — проговорил ящик с интонацией опечаленного пылесоса. — Меня опередили!

Третья нога Иммоваруша выбила по полу короткую чечеточную дробь.

— Да, всего как неделю переехал, — повторил Георгий.

— Весьма сожалею, что причинил беспокойство. — Гость с говорящим ящиком уныло поплелся к выходу. — А может быть, все-таки?..

— Нет, нет, — сказал Георгий, поспешно захлопывая дверь.

На площадке раздался выстрел. Георгий посмотрел в «глазок» и увидел, что на месте, где

только что стоял трехногий, в воздухе тает лиловатое облачко.

Из квартиры напротив высунулась пока еще незнакомая соседка в халате с павлинами.

— Что вы тут хулюганите! — взвизгнула она магазинным голосом. — Дома у себя стреляйте. Мальчик какой нашелся!

Георгий запер дверь на цепочку. Вытер со лба пот, вошел в комнату и…

В любимом и единственном кресле Георгия сидел крупный осьминог и смотрел на него умными склеротическими глазами.

— Вы совершенно правильно поступили, не согласившись на вариант этого ловкача из пятьсот шестнадцатого сектора, — сказал, слегка картавя, новый посетитель, — нашел чем удивить! Споры грибов-охотников, море активного белка! Все это вышло из моды уже два сезона назад. К тому же способ общения этой расы, согласитесь, несколько раздражает. Они абсолютные телепаты. Без акустической приставки к переводчику он бы не смог произнести ни слова. А приставки, хе-хе, — осьминог развел щупальцами, — острейший дефицит. Вообразите: соседи, с которыми невозможно поговорить даже о погоде!

— Как вы сюда попали? — упавшим голосом

спросил Георгий.

— По тому же самому объявлению. Ведь вы давали объявление об обмене? Мне-то вы уж можете сказать правду.

— М-м… Видите ли…

— Преимущества моего варианта неоспоримы, — говорил осьминог, плавно жестикулируя щупальцами. На одном из них, как часы на руке, был надет такой же металлический ящичек, как и у трехногого. — Редкие по красоте пейзажи дождевых лесов архипелага, ежесуточные океанские приливы, мягко омывающие волнами виллу, и учтите, — гость понизил голос, — все расходы я беру на себя. Вашу квартиру придется переделать… Тут слишком сухо. И атмосфера, ф-фу! — сморщился он, — сплошной кислород.

— Вы хотите напустить сюда воды? — заинтересовался Георгий. Этажом ниже проживал, как ему удалось установить, подполковник в отставке, отличавшийся крайней впечатлительностью. Подполковник стучал костылем в потолок, когда Георгий ходил не разувшись по квартире после двадцати трех часов.

— Вы говорите о воде? Разумеется! — Моллюск радостно потирал щупальцы. — Иначе просто невозможно. Но повторяю, я полностью беру это

на себя. Как и атмосферу. Вас это совершенно не коснется.

Осьминог покорял изысканностью своих манер. Чувствовались порода, прочное положение в обществе, воспитание и привычка повелевать, не унижая достоинства подчиненных. Георгию не хотелось разочаровывать гостя.

— Простите, вы из какого океана? — светским тоном спросил он.

— На Зигоне всего один океан, — осьминог позволил себе усмехнуться, как усмехаются, услышав наивный вопрос провинциала, — но сейчас я проживаю на Альменде, после, гм, последнего удачного обмена. Смею заверить, условия там не хуже, чем на моей родине. Чуть больше суши, но, в сущности, это такие пустяки…

— Мне очень жаль, — со скорбной миной сказал Георгий, — я сам поселился здесь всего лишь неделю назад и пока не намерен менять место жительства. С объявлением произошла какая-то ошибка, я пока не понимаю, какая именно. Тем не менее весьма сожалею, что она отняла у вас столько времени.

— Ах что вы, что вы, — разочарованно произнес респектабельный моллюск, — каковы бы ни были причины вашего отказа, рад был познако-

миться. Честь имею…

Он тяжело сполз с кресла, добрался до середины комнаты, оставляя мокрый след, и исчез за дверью.

— Постойте! — спохватился Георгий. — Что же все-таки происходит?

Ответа не было; он опустился на колени и провел пальцем по мокрой полосе на паркете. Потом понюхал палец и понял, что незнакомый острый запах, стоявший в комнате, принадлежал представителю населения неведомой Зигоны. Георгий пошире распахнул окно и присел на кровать, пытаясь осмыслить происшедшее.

Долго мыслить не пришлось. На кухне загремело, загрохотало. Готовый к худшему, Георгий бросился туда и увидел, как сквозь стену напряженно протискивается мускулистое красное существо, ломая полки и сбивая с плиты пустые кастрюли.

— Приветствую тебя, землянин! — оглушительно заорало это существо.

Георгий зажмурился и присел, зажимая уши руками, после чего новоприбывший посетитель догадался уменьшить громкость, повернув какие-то рычажки в металлическом ящичке, торчавшем у него из-за пояса.

— Адский холод, — доверительно сообщил он, включил все четыре конфорки, зажег газ и с наслаждением погрузил в пламя верхние конечности.

— Только неистребимая любовь к экзотике может заставить жителя огненных просторов Бомискула забраться в этот безрадостный и холодный уголок Вселенной.

Линолеум под ним плавился и чуть дымился. Огнедышащий пришелец переступал на месте копытами, дабы не стать причиной преждевременного возгорания жилого массива.

Георгий обиделся и за Землю, и за свое благоустроенное жилье.

— Кому что нравится, — буркнул он, — мы не навязываемся.

— Не в этом дело, — зашумел гость, — я не собираюсь обсуждать чьи-либо вкусы, как бы извращены они ни были! Но согласитесь, милейший, что неравноценность предстоящего обмена очевидна. Базальтовая ячейка с индивидуальным обеспечением в действующем кратере экваториального пояса — и это, — он презрительно махнул хвостом в сторону комнаты. — Но я не мелочен. Отнюдь! Широта души и бескорыстие — вот качества истинных бомискульцев. Ну-с, а

что касается небольших доделок, переделок, — он обвел глазами стены, — меня это ничуть не стеснит. Я приведу в порядок это убогое жилье в соответствии с представлениями об истинном совершенстве. Дурной вкус прежних владельцев меня не смущал никогда. Я, знаете ли, не брезглив!

— Дурной вкус, вот как, — сказал Георгий, все больше раздражаясь, — а у вас, значит, правильный вкус?

— Аксиоматично! — громыхнул пришелец. — Оспорить это не смог еще никто за полным, я подчеркиваю, полным отсутствием убедительных доказательств.

Он притопывал копытами и хлестал по сторонам хвостом, оставляя вокруг следы сажи. Снизу застучал подполковник, хотя двадцати трех часов еще не было.

— Какого же черта, — мрачно сказал Георгий, впервые не обращая внимания на стук снизу, — вы сюда приперлись, если все совершенство заключено единственно в ваших вулканах?

— Экзотика, землянин, экзотика! Вот что толкает нас на странные, казалось бы, поступки. Мы, бомискульцы, широкие натуры. Мы можем позволить себе все что угодно и даже больше то-

го. Гораздо больше. Нас ничто не останавливает — никакое убожество и никакое уродство.

— Не желаю с тобой меняться, — мстительно процедил Георгий. — Сначала хотел, а вот теперь не буду. Из принципа! И нечего мне тут обстановку палить. Вы, господин хороший, не на вулкане. Тут частная квартира. Попрошу очистить помещение!

Краснокожий визитер понял, что дискутировать нет смысла. Выкрикнув несколько непонятных, но, по-видимому, полных смысла фраз на своем языке, он скрылся в стене, прочертив в последний раз хвостом черную полосу по белому кафелю.

В кухне было невыносимо жарко. Георгий выключил газ, растворил пошире окно и поплелся в комнату… В комнате, на пушистом ковре, лежал ящичек-переводчик, забытый кем-то из посетителей. Пнув его ногой как следует, Георгий улегся на кровать, губы его шевелились — он все еще поносил вулканического нахала. Ящик, дребезжа, покатился под стол.

Покатился с ковра. Стоп! Георгий вскочил с постели. Записаться на ковер, пожалуй, не легче, чем отсидеть час в действующем вулкане.

«Откуда взялся ковер?» — размышлял Георгий.

Он вытаращил глаза. По ковру гуляла мелкая рябь, ковер потихоньку сползал к письменному столу, туда, где валялся металлический ящик.

Георгий следил за ходом событий. Дотянувшись до ящика, ковер обволок его, и ящик исчез. Затем он всплыл на поверхности ковра, словно пузырь из кипящей каши, и чудо-ковер медленно распластался на прежнем месте.

— Салют, — на всякий случай сказал Георгий.

— С вашей стороны не очень-то вежливо так обходиться с моим переводчиком, — сильно шепелявя, сказал обиженный ковер, — все-таки я гость.

Ковер вел себя прилично. Он не кричал, не вонял, не портил мебель. Георгий почувствовал к нему расположение.

— Извините, — сказал Георгий, — обознался. Я-то думал, это мой японский магнитофон. А вы что… тоже насчет обмена?

— Да, — ответил ковер и вздохнул. — Вообще-то я сам не очень хочу меняться. Для меня потолки высоковаты и еще кое-что не вполне подходит, особенно этот ужасный стук внизу. Меня жена уговорила.

— У вас есть жена?

— А что тут такого? — снова оскорбился ко-

вер. — Конечно, есть. У вас разве нет?

— Да нет еще.

Ковер испустил глубокий вздох.

— Счастливец. А я вот таскаю этот хомут уже столько лет. У меня уже дети.

— Поздравляю, — невпопад заметил Георгий, и ковер засмеялся. Да, конечно, ковер смеялся. По ковру пошла рябь — мелкая-мелкая, он стал выглядеть еще пушистее и симпатичней. Георгий тоже засмеялся.

— Я случайно слышал ваш разговор с бомискульцем, — сообщил ковер. — Они в общем неплохие ребята, только уж очень задаются. Национальная черта, ничего не поделаешь. Но к этому можно привыкнуть. А вы в самом деле хотели с ним меняться?

— Да нет, это я нарочно, — ответил Георгий и рассказал ковру всю историю. — И чего они вдруг на мою голову посылались? — закончил он.

— Не в моих правилах сыпаться кому бы то ни было на голову, — сухо заметил ковер. — У нас это не считается признаком хорошего воспитания.

«Опять обиделся», — подумал Георгий.

Помолчали.

— Вообще-то я, кажется, понимаю, в чем тут дело, — сказал ковер. — Объявление бывшей

хозяйки этой квартиры каким-то образом попало не в городской бюллетень по обмену, а в галактический. Почта, знаете ли, барахлит. Особенно при этих пространственных перемещениях… Ну, а там не разобрались, напечатали, хотя Земля пока не является постоянным клиентом бюро обмена. Именно поэтому Земля для всех экзотика. Вот к тебе и посыпались посетители.

— Но ведь черным по белому было написано: «На равноценную в центре».

— Правильно. Мы и есть из центра. Из центра галактики.

— Что ж теперь делать?

— Надо отменить объявление.

— Так-то оно так. Только я не вполне представляю, как это сделать. Может, ты передашь письмецо куда надо?

(Как-то незаметно они перешли на «ты».)

— Не могу, — вздохнул ковер, — с жителями планет, которые не приняты в галактическое содружество, вступать в контакты запрещено.

— Ну, знаешь! — Теперь обиделся Георгий. — Квартиру менять можно и в гости ездить можно, а письмо — так уж и запрещено?

— Так ведь никто не знал, что объявление напечатано по ошибке. А теперь я знаю.

Снова помолчали.

— Кое-что я могу сделать, — проговорил гость. — Могу сообщить в ближайшее отделение бюро. Время, правда, для этого потребуется.

— А долго?

— Да не особенно: ну, полгодика, год. Пока дойдет по инстанциям, пока рассмотрят…

— Веселенькое дело каждый день гостей встречать. Особенно таких, как этот пламенный.

— Я понимаю, что от нас одно беспокойство…

— Да я не о тебе. Ты хоть каждый день приходи.

— Благодарю. Но ничего сделать не могу.

— Но почему?

— Сказано тебе: за-пре-щается. Вот вступите в содружество — тогда другое дело. Ну-с, — вздохнул ковер, — мне пора. Жена, наверное, уже волнуется.

— Приходите вместе. Буду очень рад.

— Спасибо, — легкое волнение пробежало по ковру, — ты мне тоже понравился. Как тебя зовут-то?

— Георгий. Можно просто Юра. А тебя?

В ответ ковер, набрав побольше воздуха в свои шерстяные легкие, произнес длинное многосложное и изысканное слово. «Надо бы за-

писать», — подумал Георгий. Но тут кто-то снова постучал в дверь.

— Кого там еще несет? — простонал Георгий.

— Прощай, Юра, — шепнул ковер и пропал.

Георгий пошел открывать.

На площадке стоял старичок в пенсне.

— Это вы, значит, квартиру меняете? — строго спросил он.

— А что? — сказал Георгий.

— Как что? Объявление ваше было?

— В галактическом бюллетене?

Старичок засопел, поправил пенсне.

— Сто раз менялся, а такого не слыхивал. Объявление, говорю, писали? На трамвайной остановке.

— Допустим, — сказал Георгий. У старичка было две руки, две ноги. Золотые зубы. Обыкновенный был старичок. — А вы, простите, почему меняетесь?..

— А это не твое дело, — отрезал старец, сверкнув стеклами пенсне. — Желаешь — пожалуйста. Нет, — будь здоров, охотников найдется много.

— Вот теперь понятно! — обрадовался Георгий. Сомнений не оставалось: старичок самый что ни на есть нашенский.

— Только не думай, — скрипел он, — что те-

бе хоромы за твою камору отвалят. Знаю я эти многоэтажки. На первом этаже воду, значит, спускают, а на восьмом вздрагивают.

— А у вас-то что? — прервал его Георгий.

— У меня? У меня, милай, центр. Комната — потолки твоим не чета. Соседи… Ну, люди как люди.

— Комнату на квартиру? — сказал Георгий. — Ну, дед, ты даешь!

— А ты что хотел? Центр на эту деревню! Тут волки, небось, по ночам воют, а там — цивилизация. Ну как? По рукам?

Теперь Георгий проживает в коммунальной квартире на старом Арбате. В квартире живет чета пенсионеров, которые не нарадуются новому соседу. Живет симпатичная девушка по имени Катя. Впрочем, Катя и ее роль в жизни Георгия — тема для другого рассказа.

О старичке ничего не слышно.

Катя полагает, что он полностью увлечен склоками с соседями по лестничной площадке.

Пенсионеры надеются, что старичок утихомирился: сколько можно злиться на весь белый свет?

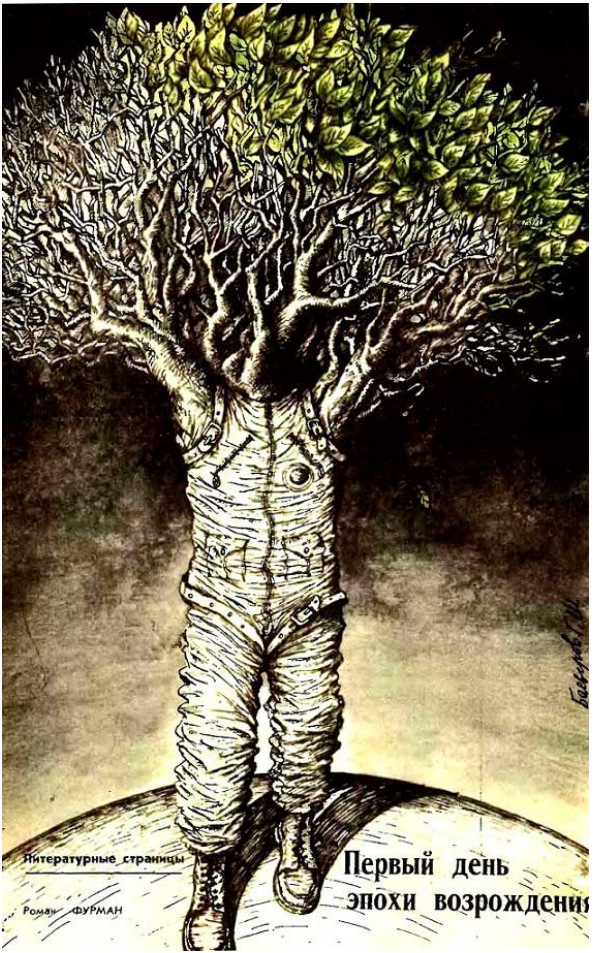
Что касается самого Георгия, то он уверен, что старичок нашел себе еще один вариант обмена.

Где-нибудь в созвездии Волопаса.

№ 3

Роман Фурман

Первый день эпохи возрождения



Литературные страницы

Роман ФУРМАН

Первый день эпохи возрождения

1.

— Пора…

— Вы что-то сказали? Вы мне?

— Не вам. Вообще… Говорю, пора…

— Давно пора. Чего они тянут.

— Сверяют со списками. Все должно сойтись.

— Нас тут не так уж и много. Развели канцелярщину. Чушь…

— Порядок есть порядок.

— Все равно, что-нибудь да напутают. Кого-то наверняка забудут.

— Во всяком случае, не должны. Это приказ Администрации — забрать всех до единого. Всех…

— Значит, это последний? А если не хватит мест?

— Они могут в сто раз больше, в тысячу. Разве не видите, какая громадина. Дух захватывает.

— Неужели-таки всех?1 А если кто-то не успеет? Или просто решит остаться? Что тогда?

— Остаться? Здесь? Зачем?!

— Мало ли что. Захочет — и все.

— Стало быть, он сумасшедший. Вот вы же не

хотите? Или хотите?

— Я?! Что я здесь забыл, в этом проклятом пекле?

— То-то. Все так рассуждают. Никто не хочет пропадать в этом аду. Ничего, скоро мы уже будем там и сможем забыть все, отдохнуть. А потом начнем жить…

— Вот теперь действительно начинают. Видите, впустили первую группу.

— Прямо не верится… Через пару часов очередь дойдет и до нас.

— А я почему-то боюсь. Не знаете, это опасно? Что говорят?

— Не знаю. Лично меня это не волнует. Лишь бы вырваться отсюда. На любых условиях. Терять уже нечего…

— Но все-таки, что они с нами сделают? Что мы почувствуем?

— Я же говорю вам, не знаю. Засушат, заморозят, растворят — какая разница!

— Бррр!.. Ну и юмор у вас. Я же серьезно.

— Да что вы пристаете с пустяками. Спросите у них самих, а меня оставьте в покое. Вон ходят двое — Капитан и первый помощник. Они вам все расскажут. Ну, сбегайте.

— Вы что, смеетесь? Я и так еле на ногах дер-

жусь, не то что они… А кто из них Капитан? Коренастый?

— Да. Он уже сделал двенадцать рейсов. А первый помощник, я слышал, впервые здесь. Новичок. Он даже родился там.

— Эх, везет людям.

— Это верно, кому как повезет. Его родители попали в первые рейсы. Вас-то еще и на свете не было.

— Меня? Возможно. Кстати, я в своем роде знаменитость.

— Вы? Вот уж не сказал бы, глядя на вас. Ну и чем же?

— Моложе меня никого здесь нет, хотя мне уже сорок два. Я последний, кому позволено было родиться. Последний, понимаете. Потом Администрация приняла решение — больше ни единой души.

— Ну и правильно. Надо было еще раньше. Иначе бы они еще и через десять лет не увезли всех отсюда. Все-таки мы живем в самую гнусную эпоху. Эпоху бегства от самих себя.

— Это вы в точку попали. Гнуснее и не придумаешь… Еще одну группу впустили. Дело движется. Медленно, но верно.

— Моя очередь движется уже четырнадцать

лет. Так что я привык. К движению…

— Что же вы раньше не записались?

— Раньше… Все мы жертвы, как говорится, стадного чувства. Сначала никто не хотел, первых отправляли в принудительном порядке. Конечно, были добровольцы, но они не в счет. Масса, толпа… Глупцы, и я такой же… Мне уже пятьдесят девять. Кто знает, сколько еще осталось. Но хоть год-два, хоть сколько-нибудь пожить по-человечески, а не так, как мы сейчас. Или умереть, все равно…

— Нет-нет, я не согласен умирать. Жизнь — это чудо, даже здесь. Величайшее чудо, которое еще осталось у человека.

— Хм, да вы философ! Поэт! Стишки сочиняете?

— Оставьте… Лучше посмотрите, что это там виднеется.

— Где?

— Почти у горизонта. Непривычный зеленый цвет. Правее тех барханов, видите?

— Ну и что? Камень, наверное. Какая разница. Подвиньтесь, теперь можно стать под навесом. Пожалуй, они стали работать быстрее.

— Странно, очень странно.

— Вы о чем?

— Да вот это зеленое. Вчера, кажется, там ничего не было. Вы не заметили?

— Мне все равно. Считайте, это мираж.

— Я бы не сказал.

— Тогда сбегайте и узнайте. Потом расскажете всем нам.

— Мне что, больше всех нужно? Просто к слову…

— Вот она, типичная философия потребителя.

— Будто вы не потребитель. Созидатель нашелся. Именно такие, как вы, и довели до всего этого кошмара!

— Слушайте, мне надоели ваши праздные разговоры. Давайте помолчим лучше, чем попусту молоть языком.

— Пожалуйста. Только, по-моему, вы начали первый. Да, вы. Вы сказали…

— Что я сказал? Какой вы все-таки нудный.

— Ну, знаете ли… Я попрошу вас выбирать выражения!

— Да идите вы…

— Что-что?!

— …!

— …!

2.

И они замолчали.

Да и о чем говорить?.. Через час-другой их, да и всю эту вереницу людей в прозрачных оболочках, ожидает глубокий сон едва ли не по ту сторону бытия — долгосрочная теплохимическая консервация организма. И какая разница — что они думают друг о друге и обо всем остальном.

Каждые семь минут горстка пассажиров входила в камеру шлюзования огромного космического корабля. Там они принимали снотворное и располагались в пластиковых капсулах. Дальнейшее от них уже не зависело. И они засыпали с надеждой, что через шесть лет — световых лет — они вернутся к жизни, но уже там, на четвертой планете звезды Бертольда.

Эта планета, которую переселенцы назвали Младшей Землей, М-Землей, а в разговорной речи Эмземлей, имела вполне приемлемые условия для жизни, почти такие же, какие были на покинутой Земле в мезозойскую эру. Так Человек, Венец Творения, выбрался, наконец, из своей земной колыбели, и зашагал по этажам мироздания

с видом победителя, бесцеремонно заглядывая во все его комнаты, обшаривая закоулки и опустошая кладовые. Ибо что ему еще оставалось делать? Только побеждать. И пожинать плоды своих побед…

А пока последние люди покидали Землю. Очередь уже сократилась на треть — вереница странных фигур в прозрачных оболочках под палящими лучами солнца на стартовой площадке. Люди уезжали без багажа и в камере шлюзования оставляли все, что было на них, вплоть до контактных линз-очков. Одна старушка пыталась пронести под своей оболочкой кота. Через минуту рука робота вышвырнула кота прочь. Обреченный зверь, корчась на раскаленном песке в разреженном воздухе, прекратил свое жалкое существование на глазах у безучастной толпы, словно напоминая, что отсюда надо убираться, и поскорей.

Двое из экипажа проверяли по спискам каждую группу, а Капитан с первым помощником неторопливо прохаживались по территории городка. В полете все члены экипажа тоже погружались в сон, но лишь после того, как корабль ложился на курс, и в консервацию вводил их сам Капитан. Он оставался последним бодрствующим существом

на борту, — роботы не в счет.

На все четыре стороны открывался один и тот же унылый вид: зыбкие гребни барханов под ослепительным небом, бесформенные каменные торосы, полуразвалившкеся строения из металла и пластика. Ничто здесь не радовало глаз, на всем были печать и дыхание смерти. Голая и обезвоженная, готовая испустить последний дух, последний живой крик, Земля стала пройденным этапом для того, кто ее топтал и, как казалось ему, благоустраивал…

И только одно привлекало внимание — зеленое пятнышко близ горизонта. Что это? Почему зеленое? Капитану захотелось узнать, и жестом он предложил помощнику следовать за собой.

3.

— Куда мы идем, Капитан?

— Идем… У нас еще есть немного времени. Ты ведь сам попросился в этот рейс, не так ли?

— Да. Я хотел все увидеть своими глазами.

— Вот и смотри. Запоминай.

— Что же тут интересного? Один песок и камень.

— Именно. Вся штука в том, что мы идем по океанскому дну.

— Вы шутите.

— Увы. Это ложе бывшего Атлантического океана. Слыхал? Вот это он и есть.

— Да ну?

— Мало того. Где-то под этой толщей песков покоится древнейший материк — Атлантида. Считается, что здесь родилась цивилизация.

— Тогда это просто забавно. Последний уходит оттуда, где появился первый…

— Тебе этого не понять. Твоя родина не здесь, а уже там.

— Моя родина — весь мир, Космос.

— Ошибаешься. Твоя родина там, где ты сделал первые шаги, где жили твои отец и мать. И куда бы ты ни умчался, она всегда с тобой…

— Эмоции, мой Капитан. Мы с вами мужчины.

— Да, конечно…

— Ну, а вы-то?

— Что — я?

— Вы-то свою родину покидаете навсегда. Что у вас от нее останется?

— Память. И сожаление.

— Сожаление, о чем? Об этой пустыне?

— О том, что мы сделали. Как умудрились обратить все в прах.

— Простите, но вы идеалист! Разве у вас был другой выход? Все закономерно, любишь кататься — люби и саночки возить.

— Не знаю, — сказал Капитан. — Возможно, и был выход. Но все это, к сожалению, за пределами жизни одного человека и даже целого поколения. А мы и теперь не научились думать о потомках…

— Уж не хотите ли вы сказать, что такое же будущее ожидает нас там, на Эмземле?

— Кто знает, кто знает…

— Что же нам делать?

— Я знаю лишь то, чего вам не надо делать.

4.

— Ну входите же, чего застряли?

— Идите вы первый, я боюсь…

— Да не тряситесь вы так, вас не убьют. Раздевайтесь, черт подери, да поживее. Иначе этот

робот за вас возьмется. Тогда не обрадуетесь.

— А ч-что он со мной сделает?

— То же, что и с другими, кто не хочет выполнять приказ. Разденет догола своими железными ручками и засунет в капсулу.

— Да? Уж лучше я сам…

— То-то. И веселей, веселей!

— Но все-таки, знаете… Когда я смотрю на эти соты с бывшими людьми… Честное слово, мне кажется, что я в крематории.

— А вы не лишены чувства юмора!

— Напрасно издеваетесь. Ох, напрасно. Сейчас вас самого испекут в этой трубочке, как пирог с начинкой. Обман все это!.. От нас избавляются, мы — лишние, никому не нужны!

— Нервишки у вас того… Стыдно.

— Стыдно, говорите? А я не хочу умирать! Слышите! Вот это все — смерть!

— Успокойтесь вы, хлюпик! Мне-то все равно, можете оставаться. Ваше дело.

— Да, остаться… Жить в оболочке, одному, как угодно… Но жить! А вы все будете покойниками, все…

— Ну вот что! Убирайтесь отсюда, живите. Только не действуйте нам на нервы! Не омрачайте этих торжественных долгожданных минут!

— И уйду, немедленно. А вы оставайтесь… Скажите этому дурацкому роботу, пусть уберет руки.

— Эй, отпусти этого психа. Только я скажу ему на прощанье пару слов, объясню кое-что. Так вот, знайте, любезный: через шесть часов Земля будет взорвана. Весь шарик — вдребезги, в пыль! Ясно? Ну и вы, стало быть, за компанию.

— Откуда вы взяли?

— А вы не знали? А что вы вообще знаете? Вот, читайте, висит перед носом. Или вам прочесть? «К сведению переселенцев»… Так, где это место, ага… «В научно-прикладных целях…»

— Где, здесь?.. «Не представляет больше практической ценности… Будет аннигилирована…» Просто глазам не верю. Как это? Почему?

— Так вы уже не уходите? Решили с нами? Умничка.

— Перестаньте. Будто вас это не касается!

— Именно: не касается! Плевать!.. Заберусь в капсулу — и баиньки. Без сновидений. Повезет — проснусь, стану новым, свободным человеком на прекрасной планете. А здесь пусть все провалится в тартарары… В клочья!

— А мне, представьте, жаль.

— Э, бросьте. Лучше берите таблетку, жуйте.

Теперь забирайтесь в капсулу. Вот так, рядом, сюда. Ногами вперед.

— Ногами вперед…

— Хорошо-о! А вам не тесно? Вы меня слышите?

— Слышу. Прощайте.

— Э, нет. Всего лишь «до свиданья». Надо быть оптимистом… Кстати, как вас зовут?

— Не все ли равно. На этой братской могиле имен не пишут. Номер структурной схемы, и все…

— Ну, ну, не падайте духом. Обойдется… Вас уже клонит ко сну?

— Да.

— Согласитесь, так привольно мы уже давно не спали. Без этих проклятых оболочек, голышом, в приятной атмосфере… Эх, и житуха теперь настанет! Знаете, что я сделаю первым делом? Приму ванну. Прохладную. Даже ледяную. Буду лежать в ней неделю, месяц… Остывать от этой проклятой жары. Потом завалюсь где-нибудь на травке. Вы хоть помните, что это такое? А? Не слышит. Уже спит. Интересно, а сосед справа? Тоже спит. Все спят, один я… Гм! Странно. Почему на меня не действует? Эй, робот, я не засыпаю! Подожди, не включай. Дай еще таблетку. Да подожди, тебе го-

ворят! Слышишь, железная твоя душа! Подожди, не вклю…

5.

— Извините, Капитан, но мне это кажется бессмысленным.

— Что именно?

— Наш поход. Ваши поиски. Ничего интересного мы там не найдем.

— Ты устал? Плохо себя чувствуешь?

— Нет. Но я привык тратить силы и время более рационально. А там просто ничего нет. Ничего такого, что вы надеетесь увидеть.

— Возможно, но я должен убедиться.

— Да в чем? Что жизнь здесь нереальна? Это очевидно. Разве вы сами не видите?

— Ты можешь вернуться. Иди.

— Нет, я не оставлю вас одного. Мало ли что…

— Тогда прибавь шагу. Бери левее, обойдем эту котловину.

— Осторожней, не споткнитесь. Это что, кабель?

— Да. Здесь один из шурфов со взрывчаткой. Один из шестидесяти трех тысяч, расположенных по всей поверхности Земли.

— Внушительно! По-моему, успех обеспечен, если верны расчеты. А вы как думаете?

— Трудно сказать. Возможно.

— А вы как будто и не рады эксперименту.

— Хм, велика доблесть — уничтожать. Повод для восторгов…

— Смотря что уничтожать. И для чего. Эту старую развалину давно пора на свалку. Отслужила свое — и довольно… Какое будет потрясающее зрелище! Торжество самой дерзкой научной идеи.

— Торжество?

— Извините, Капитан, но я не пойму вас. Зачем вы согласились на этот рейс? Никто вас не принуждал.

— Конечно. Но… Впрочем, к чему сейчас все эти разговоры? Может, и в самом деле мне следовало отказаться.

— Знаете, у меня к вам просьба…

— Да?

— Только не истолкуйте превратно. Я бы хотел… Для меня это очень важно… Одним словом, прошу вас уступить это право мне.

— Не понял.

— Произвести взрыв…

— А-а… Гм. А какая, собственно, разница, кто нажмет кнопку? Не в этом дело, не в этом…

— Тем более — если вам все равно. По правде говоря, ради этого я и согласился лететь сюда.

— Вот как?

— Надеюсь, вы не найдете в моем признании ничего такого… Мне было десять лет, когда я впервые узнал о подготовке взрыва. И с тех пор…

— Каждый волен стремиться к своей цели. Ты к своей, я… Ладно, я подумаю. Еще есть время.

— Не так уж много. Постойте, на этот склон нам не подняться. Песок течет, будто он живой. Только он и живой здесь…

— Попробуем справа. Хотя там не лучше. Запроси, как там у них с посадкой.

— Сейчас… Заканчивают минут через двадцать пять. Нам пора возвращаться.

— Да, жаль. Ничего не поделаешь. А тебе не кажется, что пятно стало ярче?

— Обман зрения, Капитан. Думаю, это всего лишь какое-то атмосферное явление. Что-нибудь в этом роде.

— Ну что ж, идем к старту…

— Я возвращаюсь с надеждой, Капитан.

— С надеждой? Ах, да.

6.

Взорвать планету, зачем? Чтобы отомстить Земле? Нет, все было и проще, и сложней. Ожидалось, что взрыв вызовет возмущение в Солнечной системе и, может быть, приведет к смещению орбиты Венеры. Она займет место исчезнувшей Земли, и можно будет вернуться домой, к родному Солнцу, на свежую, еще не истощенную планету. Ну, а если не получится — терять нечего, никто не пострадает…

Все готово. Живой груз — концентрат человеческой субстанции — покоился в пластиковых ячейках хранилищ. Снаружи, у трапа, высилась гора брошенных вещей: прозрачные оболочки, одежда, детские игрушки… Капитан подал знак подчиненным, а сам все еще стоял внизу и смотрел.

Он, последний гражданин планеты, покидающий ее, не мог решиться сделать последний шаг. Он стоял, прислонившись к дверной раме, и смот-

рел. Но что можно унести в своей памяти? Пески до горизонта, скалистые громады, строения — последнее прибежище людей. И снова пески… Серая голубизна неба, рассеченная столбами черных смерчей. А вот и оно, это загадочное нечто, — зеленое, там вдали. Что же это такое? Неужто растительность, чудом пробившаяся в пустыне? Но значит, там должна быть и вода, питающая ее. Жаль, что он не добрался до этого места.

Пора приступать к делу. Поспешно, словно отрезая себе путь, Капитан опустил дверь-гильотину, сраау очутившись в другом мире. Члены экипажа ждали в креслах пилотской кабины. Мысленно они были уже дома, там, и уже смотрели телетрансляцию оттуда — живописные, как некогда земные, пейзажи, мерцающие города, веселые, беззаботные, благополучные люди…

Капитан занял свое место, и пальцы его нащупали нужную клавиатуру на пульте. Он задумался… Потом поискал видеоэкраном загадочное зеленое пятно, увеличил масштаб изображения.

Он увидел зеленый оазис. Крохотный — несколько кустиков, обступивших узкую полоску воды. Растения казались беззащитными — и от бьющих сверху лучей солнца, и от надвигающихся барханов. Но так только казалось. Молча,

упорно растения боролись за свою жизнь, укрывая тенью ручей, а он давал им бесценную влагу.

Вот и все, — огромная махина корабля стремительно и беззвучно вознеслась над Землей и сделала прощальный круг.

Одинокий белесый шарик покинутой планеты быстро уменьшался, — через считаные минуты он превратится в светлую точку на черном небе Вселенной. В искру, которая вот-вот погаснет.

Капитан корабля, словно оцепенев, смотрел на видеоэкран.

7.

— Капитан, очнитесь. Вы нездоровы?

— Я? Откуда ты взял?

— У вас такой вид, словно… Может быть, вас сменить? Отдохните.

— Спасибо, не беспокойся. Все в порядке.

— Осталось пять с половиной минут, сейчас мы увидим феерическое зрелище… Кстати, хочу напомнить о своей просьбе.

— Что? Нет! Ни в коем случае.

— Жаль… А я так надеялся. Ну что ж, подчиняюсь. Удовлетворюсь ролью наблюдателя. Будет о чем рассказать… Осталось две минуты. Хоть пломбу снять с кнопки вы мне позволите, Капитан?

— Пломбу? Еще рано…

— Думаете, я не удержусь и нажму сам? Вы уже могли убедиться, что я человек дисциплинированный. Интересно, нас хоть слегка встряхнет?.. Ох, и начнется свистопляска во всей планетной системе! Кстати, а как поведет себя Луна? Куда ее отбросит?

— Не знаю.

— Может быть, станет спутником Венеры? Или превратится в самостоятельную планету, а какой-нибудь осколок вашей Земли будет ее ночным светилом? Эх, грандиозно!.. Так, даю отсчет. Десять, девять, восемь… Два. Один! Ноль!! Контакт. Контакт!.. Что же вы, Капитан? Вы меня слышите?! Тогда я, позвольте-ка…

— Нет.

— Уберите руку.

— Нет!!!

— Что это значит. Капитан?

— Займи свое место. Взрыва не будет.

— Что-о? Почему?

— Мы не сделаем этого.

— Но мы обязаны! Должны! И вообще, если вы… нездоровы, прошу передать управление мне. Немедленно!

— Успокойся, я здоров. В здравом уме и трезвой памяти.

— Учтите, Капитан, я не желаю нести ответственность за нарушение инструкции! За вашу… сентиментальность!

— Тебе не придется отвечать. У тебя будет оправдание.

— Какое же, хотел бы я знать? То, что поддался минутной слабости? Вашим уговорам?! Вот инструкция. Где здесь хоть один пункт, снимающий с меня ответственность?

— Сейчас я тебе покажу… Вот, тридцать шестой… «В случае, если на Земле добровольно, по собственному желанию остается группа людей или даже один человек…»

— Но позвольте! Там же никого нет! Я лично проверил. Все до единого на борту! Торопитесь, Капитан. Мы еще не вышли из зоны радиокоманды. Еще не все потеряно!

— Да, еще не все… Так вот. Я возвращаюсь. Да не смотри на меня так.

8.

Пальцы легли на клавиши пульта, и на видеоэкране все пошло в обратном порядке. Белесая точка стала расти, превратилась в шар. Земля приближалась…

Понял ли он, на что идет? На одиночество, лишения… Что ж, право каждого — выбирать свой путь. Но в чем он видел смысл своего поступка? Да ни в чем. Оставалась надежда. Надежда на то, что там, в далеком благополучном мире, когда-нибудь узнают о его безрассудном поступке. И весть эта, думал он, всколыхнет души тех, в ком жива еще память Земли. И кто-то, пусть их будет немного, захочет вернуться, чтобы возродить свою Землю. А это уже что-то значит… Нет, он не хочет загадывать слишком далеко, важно решиться на первый шаг, самый трудный. И самый ответственный.

Корабль приземлился там же, откуда недавно стартовал.

Была утренняя тишина, солнце вставало над горизонтом. Родник пробивался в песках. Вокруг

него столпились грубые, самоотверженные растения. В их тени набирала силы юная поросль.

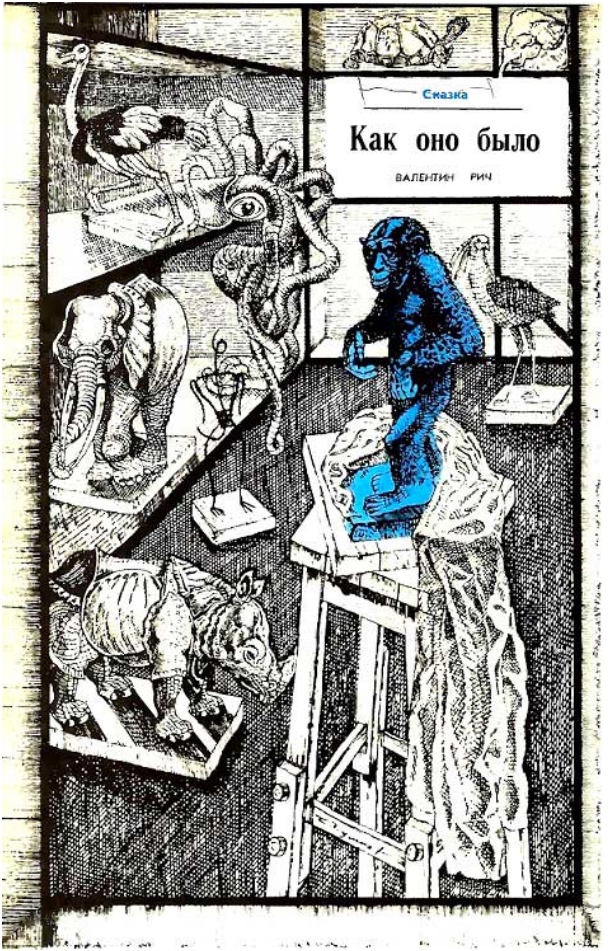
Природа делала свои первые шаги, взращивая вечное семя жизни.

И первые шаги к ней делал Человек. Он вернулся.

№ 5

Валентин Рич

Как оно было


Сказка
Как оно было
ВАЛЕНТИН РИЧ

Происхождение духа из природы не должно быть понимаемо так, будто природа есть нечто абсолютно непосредственное, первое, изначально полагающее, тогда как дух, напротив, есть нечто положенное, скорее, наоборот: природа полагается духом, а дух есть абсолютно первое.

Г. В. Ф. Гегель. Философия духа

Швейк только было собрался отправиться на поиск какого-нибудь пинчера, как у двери позвонила молодая дама.

Я. Гашек. Похождения бравого солдата Швейка

1. Первая попытка

Не знаем, как в других мирах, но на Кассиопее разумную жизнь удалось создать жизнь с третьей попытки, так что все разговоры о всемогуществе Создателя — пустая болтовня. Тем более, что и третья попытка не дала ожидаемых результа-

тов или, точнее, дала результаты совершенно неожиданные.

А первую попытку Создатель предпринял, как известно, еще на первом курсе. Сессия надвигалась, листы и знаки еще не были спихнуты, на лабораторку оставались считаные дни. Естественно, что в этих сложных условиях Создателю волей-неволей пришлось ухватиться за первую пришедшую ему на ум идею.

Впрочем, идея была не так уж и плоха — абсолютная приспособляемость. Больше всего в этой идее прельщало Создателя то обстоятельство, что для ее материализации требовалось минимальное количество времени и вещества. Он рассуждал так. Каждое существо в первом приближении можно считать неизменным, иначе оно не могло бы существовать в качестве данного существа, — и графически его можно изобразить отрезком прямой. Но условия существования постоянно изменяются, и их можно изобразить в виде окружности. Чем больше радиус этой окружности, тем лучше впишутся эти отрезки в эти дуги. Но так как величина окружности задана — что есть, то есть, — остается сделать как можно мельче отрезки прямой. Анализ показал, что и время существования каждого существа должно

быть также минимальным.

Когда принцип известен, работа уже не составляет большого труда. Все же на нее ушло почти два с половиной часа. Создатель получил трояк, а Кассиопея — микробов.

Они действительно отличаются почти абсолютной приспособляемостью — могут жить в жидком гелии, атомных реакторах, на дне океана и в стратосфере. Никакие изменения климата за три миллиарда лет не смогли загнать их в тупик.

Но отсутствие тупика само по себе оказалось тупиком — для дальнейшего совершенствования. Приспособляемость оказалась основанием необходимым, но, к сожалению, недостаточным.

Впоследствии это было неоднократно подтверждено нежизнеспособностью цивилизаций, в основу которых закладывался подхалимаж.

2. Вторая попытка

К тому времени, когда Создатель предпринял вторую попытку, за ним прочно утвердилась репутация студента усердного, но туповатого.

Начатое дело он, как правило, доводил до конца, но принципы, которыми он руководствовался, обычно подводили его. Создатель мыслил логически, но однобоко, не охватывая всего комплекса факторов.

Приступая к новой курсовой работе, он тщательно проанализировал ошибки первой попытки и прежде всего постарался определить оптимальный размер и время существования конструкции, которую впоследствии можно было бы довести до ума. Найденные величины лежали в пределах (1,2–2,5) 102 см (лет).

Но теперь отрезки вписывались в окружность гораздо хуже, и надо было каким-либо иным способом облегчить еще не созданным претендентам на разум дорогу к интеллекту. Создатель предположил, что чем меньше энергии придется тратить им на преодоление электромагнитных и гравитационных полей, тем больше ее останется на развитие мозга. Получалось, что они должны быть Электронейтральными и жить в воде.

С этими мыслями Создатель пришел на консультацию. Консультант, на беду, готовился в это время к очередному конкурсу на замещение занимаемой им должности и отнесся к рассуждениям Создателя без должного внимания, ничего

непотребного в них не обнаружил и дал свое «добро».

И Создатель с присущим ему усердием приступил к очередному акту творения. И вскоре все реки, ручейки, океаны наполнились самыми разнообразными созданиями. На этот раз, в упоении творчества, Создатель не был столь точен, как обычно, и не всегда соблюдал установленные в Технических Условиях размеры и сроки. Впрочем, на дальнейший ход событий существенного влияния это не оказало.

Жизнь вновь созданных существ, действительно, не требовала чрезмерных энергетических затрат и оставляла многим из них порядочно времени и сил для размышлений. Некоторые существа нарастили себе здоровенные мозги и немало чего напридумывали. Киту — здесь Создатель особенно погрешил в размерах — надоело все время жевать, и он придумал себе китовый ус, которым, как сетью, процеживал океанскую воду. Осьминогу надоело передвигаться одним только реактивным способом, и он придумал себе восемь штук конечностей. Скат умудрился придумать даже электричество. Рыба-пила — пилу, Рыба-меч — меч, Летающая рыбка — крылья, а Дельфин — двойное сальто.

Однако на этой стадии все и застряло. Ни колеса, ни телевизора, ни атомной бомбы водяные жители придумать так и не смогли. Им и без них было хорошо.

За эту курсовую Создатель отхватил четверку, воспользовавшись маленькой хитростью: вместо «Создание разумной жизни» он надписал на папке «Заселение океана». Подлога никто не заметил.

3. Третья попытка

До сих пор на Кассиопее, да и в других мирах, имеют место различные суеверия относительно гениальных идей. Одно из самых распространенных заключается в том, что предполагают, будто некто может однажды в жизни выдать идею — и она окажется гениальной. На самом же деле вероятность возникновения гениальной идеи прямо пропорциональна интеллектуальной дееспособности, то есть величине, представляющей собой число идей в единицу времени. Строгое математическое доказательство статистического

характера феномена гениальности было, как известно, разработано только в двести двадцатых годах триста тридцать третьего тысячелетия. Но интуитивно этот самый характер ощущался уже на заре кассиопейской цивилизации, что доказывается существованием древнекассиопейской пословицы: «Ум хорошо, а два — лучше».

Относительно интеллектуальной дееспособности Создателя имеются разные версии, но в том, что она была исключительно велика, сомнений нет. Об этом свидетельствуют как редкостное многообразие придуманных им конструкций, так и сохранившиеся черновики пояснительной записки к дипломному проекту; последние содержат 5 10^{14} идей, выданных трудолюбивым пятикурсником во время преддипломной практики. Неудивительно, что среди этой кучи идей одна оказалась истинной жемчужиной. Как всегда, гениальность идеи заключалась в ее простоте. Не надо было чего-то там искать, к чему-то там стремиться, что-то там изобретать. Зеркало, копирка, неделя времени — и все дела.

Создатель сознавал, конечно, что предложенная им конструкция будет далека от совершенства, но шансов на аспирантуру у него не было, он даже не стремился получить диплом с отличи-

ем. В конце концов, думал Создатель, не всем же делать новое, должен же кто-то успокаиваться на достигнутом. И он, быстренько заселив сушу всяческой живностью, принялся не спеша создавать разумное существо — по своему образу и подобию.

Через шесть дней оно было готово. Склонный все же к некоторой переоценке своей личности, Создатель снабдил его таким могучим торсом, таким объемистым черепом, такими большими ушами и таким длинным носом, каких не имел ни один обитатель суши. Он наделил его также превосходной памятью, неутомимым трудолюбием, редкостной добротой и многими иными добродетелями.

На следующий день после защиты дипломного проекта Создатель распрощался с лучшим своим творением. В последний раз оно взглянуло на Создателя маленькими умными глазками, согнало ухом комара и, радостно протрубив хоботом, бодро потрусило в джунгли.

Слеза умиления выкатилась из глаз Создателя.

Но он не так бы еще плакал, если бы знал, что произойдет дальше.

4. Не ведаем, что творим

Среди всяческой живности, изготовленной Создателем накануне того дня, когда он приступил к созданию разумного существа, был один весьма неказистый зверек. Создатель слепил его к вечеру, уставший. Фантазия Создателя к этому времени совершенно иссякла, и он начал повторяться. Зверек вышел не то кошкой, не то собакой, вместо четырех ног Создатель, по рассеянности, прилепил ему четыре руки, а язык приклеил кое-как, так что тот болтался у зверька во рту, как хотел.

Создатель повертел нелепое существо и так и эдак, хмыкнул от удивления и в сердцах швырнул его куда попало.

Попало на пальму. Там не то кошка, не то собака и поселилась.

Пальма оказалась что надо — громадная, развесистая, вся усыпанная финиками, которые зверек рвал быстрее всех других животных: ведь у него было четыре хватательных приспособления, а с хвостом и ртом — целых шесть. И он хватал направо и налево, опережая даже Фаворита с его,

прямо скажем, скорее внушительным, нежели целесообразным хоботом. Так рассеянность Создателя сослужила зверьку службу.

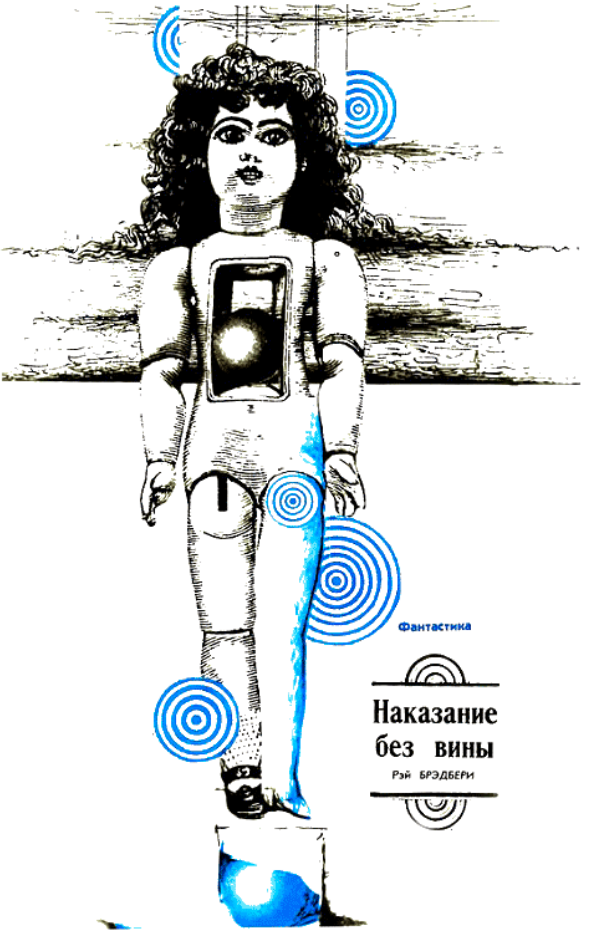
Но еще большую службу сослужил ему плохо прикрепленный язык. Недаром впоследствии, пытаясь воссоздать историю своего племени, один из потомков четырехрукого написал: «В начале было слово…»

Остальное — общеизвестно.

№ 6

Рэй Брэдбери

Наказание без вины



Фантастика

Наказание без вины

Рэй БРЭДБЕРИ

Ага, вот и табличка: «Марионетки Инкорпорейтед».

— Вы хотите избавиться от жены? — спросил брюнет, сидевший за письменным столом.

— Да. То есть… не совсем так. Я хотел бы…

— Фамилия, имя?

— Ее или мои?

— Ваши.

— Джордж Хилл.

— Адрес?

Он назвал адрес. Человек записывал.

— Имя вашей жены?

— Кэтрин.

— Возраст?

— Тридцать один.

Вопросы сыпались один за другим. Цвет волос, цвет глаз, рост, талия, размер туфель, любимые духи… Нужно было предъявить стереофотоснимок, еще что-то.

Прошел целый час. Джорджа Хилла давно прошиб пот.

— Так. — Черноволосый человек встал и пристально посмотрел на Джорджа. — Вы не передумали?

— Нет.

— Вы знаете, что это противозаконно?

— Да.

— И что фирма не несет ответственности за возможные последствия?

— Ради бога, кончайте скорей, — взмолился Джордж. — Просто душу вымотали с этим допросом…

Человек улыбнулся.

— На изготовление копии потребуется три часа. А вы пока вздремните — это вас успокоит. Третья зеркальная комната слева по коридору.

Джордж медленно, походкой лунатика, побрел в зеркальную комнату. Лег на синюю бархатную кушетку. Тотчас пришли в движение зеркала на потолке. Нежный голос запел: «Спи… спи… спи…»

— Кэтрин, я этого не хотел. Это ты заставила меня прийти сюда… Господи, как это ужасно. Я… хочу домой… Не хочу тебя убивать… — сонно бормотал Джордж.

Зеркала сверкали, бесшумно вращаясь. Он спал.

Во сне он видел себя молодым: ему сорок один год. Он и Кэти сбегают вниз по зеленому склону

холма, они прилетели на пикник, вертолет стоит неподалеку. Ветер вздымает золотые волосы Кэт. Они целуются и держат друг друга за руки и ничего не едят. Они читают стихи; кажется, они только и делают, что читают стихи. Потом другие картины, еще и еще. Они в самолете. Летят над Грецией, Швейцарией, — а осень, звенящая, ясная осень тысяча девятьсот девяносто седьмого года все тянется, тянется, и они летят, не останавливаясь!

И вдруг — что это? Она и Леонард Фелпс. Как это случилось? Джордж громко застонал. Откуда взялся этот Фелпс? Кто ему позволил?.. Неужели все это из-за разницы в возрасте? Кэти так молода, ей нет еще двадцати восьми. И все-таки.

Это злое видение навсегда отпечаталось в его памяти. Фелпс и она в парке за городом. Джордж вышел из-за деревьев как раз в ту минуту, когда они…

Драка и попытка убить Фелпса.

А потом — пустые, бесконечные дни.

— Мистер Хилл, все для вас приготовлено.

Он тяжело поднялся с кушетки. Оглядел себя в высоких, неподвижных теперь зеркалах. Да, вид

у него на все пятьдесят. Какая ужасная ошибка. Мужчине его возраста и его комплекции взять себе молодую жену — ведь это все равно что пытаться удержать в руках солнечный зайчик. Он с отвращением разглядывал себя. Живот. Подбородок. Седые волосы.

Черноволосый человек подвел его к другой двери.

У Джорджа перехватило дыхание.

— Но это же комната Кэтрин!

— Фирма старается максимально удовлетворить запросы клиентов.

Ее вещи. Ее безделушки. Все — точь-в-точь.

Джордж Хилл подписал чек на десять тысяч долларов. Человек удалился.

В комнате было уютно, тепло.

Он опустился на банкетку. Слава богу, денег у него много. Такие, как он, могут позволить себе роскошь «очищающего убийства». Насилие без насилия. Убийство без смерти. Джордж Хилл почувствовал облегчение. Вдруг пришло спокойствие. Он смотрел не отрываясь на дверь. Наконец-то. Он ждал этой минуты долгие месяцы. Сейчас, в следующее мгновение, в комнату Кэтрин войдет прекрасный робот, игрушка, управляемая невидимыми нитями, и…

— Здравствуй, Джордж.

— Кэт?

Он вскочил.

— Кэти! — прошептал он.

Она стояла в дверях. На ней струящееся зеленое платье, на ногах — золотые сандалии. Волосы светлыми волнами облегали шею, глаза сияли радостной голубизной.

Он не мог вымолвить ни слева. Наконец, произнес:

— Ты прекрасна.

— Разве я была когда-нибудь другой?

— Дай мне поглядеть на тебя, — сказал он глухим, чужим голосом.

И он простер к ней руки, боязливо, не веря самому себе. Сердце билось, как бабочка о стекло. Он шагнул вперед, точно в водолазном костюме, под толщей воды. Он обошел ее вокруг, робко прикасаясь к ее телу.

— Ты как будто видишь меня впервые. Мало нагляделся на меня за все годы?

— Мало. Мало… — сказал Джордж, и глаза его налились слезами.

— О чем ты хотел говорить со мной?

— Сейчас. Подожди немного.

Он сел, прижимая дрожащие руки к груди.

Крепко зажмурился.

— Это непостижимо. Может, и это сон? Как они сумели тебя сделать?

— Нам запрещено говорить об этом. Нарушается иллюзия.

— Какое-то колдовство.

— Нет, наука.

Руки у нее были теплые. Покрытые лаком ногти — само совершенство. И никаких швов, ничего искусственного. Он смотрел на нее, и в ушах звучали строки из «Песни песней» — те, что они читали вместе в счастливые и далекие дни. «О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! Глаза твои голубиные под кудрями твоими… Как лента алая, губы твои, и уста твои любезны… Два сосца твои, как двойни молодой серны, пасущиеся между лилиями… Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе».

— Джордж.

— Что?

Ему захотелось поцеловать ее.

«…мед и молоко под языком твоим, и благоухание одежды твоей подобно благоуханию Ливана».

— Джордж!

Оглушительный звон в ушах. Комната плывет

перед глазами.

— Да, да. Сейчас. Одну минуту… — Он замотал головой, силясь стряхнуть наваждение.

«О, как прекрасны ноги твои в сандалиях, дщерь именитая! Округление бедр твоих, как ожерелье, дело рук искусного художника…».

Как они сумели смастерить все это? И так быстро! За три часа, пока он спал… Тончайшие часовые пружинки, алмазы, блестки. Жидкое серебро… А ее волосы? Какие кибернетические насекомые прядут эту бледно-золотую нить?

— Если ты будешь так пялиться на меня, уйду.

— Нет. Не уходи.

— Тогда ближе к делу, — холодно сказала она. — Ты хотел говорить со мной о Леонарде.

— Сейчас. Подожди минуту.

От его ярости ничего не осталось. Все рассеялось, когда он ее увидел. Джордж Хилл чувствовал себя нашкодившим мальчишкой.

— Зачем ты сюда пришел? — спросила она.

— Кэт, прошу тебя…

— Нет, отвечай. Тебя интересует Леонард? Ты знаешь: я его люблю.

— Кэт, не надо! — взмолился он.

Она продолжала:

— Я все время с ним. Мы объехали все места,

где я когда-то любила тебя… Это была ошибка. А теперь… Помнишь лужайку на Монте-Верде? Мы были там на днях. Месяц назад мы летали в Афины, взяли с собой ящик шампанского.

— Ты не виновата, нет, не виновата! — Он смотрел на нее в упор. — Ты другая, ты… не она. Это она всему виной. А ты — ты тут ни при чем.

— Ты бредишь, — резко сказала женщина. — Я и есть она, и никакой другой быть не может. Во мне нет ни одной частички, которая была бы чужда ей. Мы с ней одно и то же.

— Но ты не вела себя так, как она.

— Я вела себя именно так. Я целовала его.

— Ты не могла. Ты только что родилась!

— Допустим. Но я родилась из ее прошлого. И из твоей памяти!

— Послушай, — говорил он, — может быть, как-нибудь… ну, заплатить побольше, что ли? И увезти тебя отсюда? Мы улетим к черту на кулички, в Париж, в Мельбурн, куда хочешь!

Она рассмеялась.

— Куклы не продаются. Поглядел — и хватит с тебя.

— У меня много денег!

Она покачала головой. — Это ничего не значит. Уже пробовали. Ты знаешь, даже то, что делает-

ся, — нарушение закона. Власти терпят нас до поры до времени.

— Кэти, я хочу одного — быть с тобой.

— Это невозможно, ведь я та же самая Кэти. А кроме того, конкуренция — сам понимаешь. Кукол нельзя вывозить из здания фирмы: начнут копаться, раскроют наши секреты. И вообще хватит об этом. Я тебя предупреждала — не говорить о таких вещах. Пропадет вся иллюзия. Останешься неудовлетворенным. Ты деньги заплатил — делай то, за чем пришел.

— Кэти, я не хочу тебя убивать!

— Нет, хочешь, хочешь! Ты просто подавляешь в себе это желание.

— Не надо было мне приходить сюда. Ты так хороша!

— Хороша, да не для тебя.

— Замолчи.

— Завтра мы вылетаем с Леонардом в Париж.

— Ты слышала, что я сказал?

— А оттуда в Стокгольм, — она весело рассмеялась и потрепала его по щеке. — Так-то, мой толстячок.

Темное чувство зашевелилось в нем. Он стиснул зубы. И в то же время он отлично понимал, что происходит. Горечь и ненависть, пульсиру-

ющие в глубинах мозга, посылали оттуда свои сигналы, и тончайшие телепатические приемники в феноменальном механизме ее головы улавливали их. Марионетка! Это он управлял ее телом, он подсказывал ей все ее реплики.

— Старикашка. А ведь когда-то был ничего.

— Остановись, Кзт.

— Ты стар, а мне только тридцать один год. Эх, ты. Думал, я с тобой век проживу? Да знаешь ли ты, сколько на свете мужчин, которым ты в подметки не годишься!

Он вынул из кармана пистолет, не глядя на нее.

— Кэтрин.

— «Голова его — чистое золото...» — прошептала она.

— Кэтрин, замолчи!

— «...На ложе моем искала я того, которого любит душа моя, искала его и не нашла. Встану же я, пойду по городу, по улицам и площадям, и буду искать того, которого любит душа моя».

Откуда она знала эти слова? Они звучали и ныли в его мозгу, как она могла их услышать?

— Кэти, — сказал Джордж и с усилием потер лоб. — Не заставляй меня выстрелить. Не заставляй меня.

— «Щеки его — цветник ароматный… — бормотала она, закрыв глаза. — Живот его, как изваянный из слоновой кости… Голени его — мраморные столпы…»

— Кэти! — яростно крикнул он.

— «Уста его — сладость…»

Выстрел.

— «…вот кто мой возлюбленный!..»

Второй выстрел.

Она упала. Ее бесчувственный рот был приоткрыт, и какой-то механизм, уже безнадежно изуродованный, все еще действовал, заставляя ее повторять: «Возлюбленный, возлюбленный…»

Джордж Хилл опустился в кресло.

Кто-то приложил холодную влажную ткань к его лбу, и он очнулся.

— Все в порядке, — сказал черноволосый человек.

— Кончено? — прошептал Джордж.

Человек кивнул.

Джордж взглянул на свои ботинки. Он помнил, что они были испачканы. Сейчас они блестели, как зеркало. Все было прибрано, нигде ни пятнышка.

— Мне надо идти, — сказал Хилл.

— Если вы чувствуете себя в силах…

— Вполне. — Он встал. — Уеду куда-нибудь. Начну все сначала. Звонить Кэти, наверное, не стоит, встречаться с ней — тем более.

— Вашей Кэти нет в живых.

— Ах, да, конечно, я же убил ее. Господи. Кровь потекла совсем как настоящая.

— Мы очень гордимся этим нюансом.

Джордж Хилл вошел в лифт и через минуту был уже на улице. Накрапывал дождик. Ему захотелось пройтись по городу, бродить долго-долго… Ревность, жажда мести — все, что тяготило его, было начисто смыто. Как будто в его душе произвели такую же уборку, как в комнате, где только что совершилось убийство. Если бы настоящая Кэти появилась сейчас перед ним, он лишь молча преклонил бы перед ней колени. Она была мертва — он сделал то, что хотел. И осталась жива. В конце концов, назначение этих кукол и состоит в том, чтобы предупреждать реальные преступления. Захотелось… убить кого-нибудь, вот и отыграйся на манекене. Дождь стекал с полей его шляпы. Джордж Хилл остановился у края тротуара и смотрел на проносящиеся мимо машины.

— Мистер Хилл? — сказал голос рядом с ним.

Он обернулся.

— В чем дело?

На его руке замкнулся браслет наручников.

— Извините, сэр. Вы арестованы.

— Но…

— Попрошу следовать за мной. Сэм, ступайте вперед.

— Вы не имеете права.

— Мистер Хилл, закон есть закон. Вы подозреваетесь в убийстве.

Дождь лил целую неделю; он и сейчас струится за окнами. Джордж просунул руки через решетку: ему хотелось поймать капли дождя.

Ключ заскрежетал в замочной скважине, но он не пошевелился. Адвокат вошел в камеру.

— Ничего не вышло. Просьба о помиловании отклонена.

— Я не убийца. Это была просто кукла, — сказал Хилл, глядя в окно.

— Да, но… Таков закон, вы знаете. И они тоже, вся эта компания «Марионетки Инкорпорейтед». Все приговорены. Директор уже того. — Адвокат провел пальцем по шее. — Боюсь, что ваша очередь сегодня ночью.

— Благодарю вас, — сказал Хилл. — Вы сделали

все, что могли. Выходит, это все-таки убийство? Даже если я убил не живого человека, а его макет. Так, что ли?

— Тут сыграл роль неудачный момент, — сказал адвокат. — Несколько лет назад вам не вынесли бы смертного приговора. А сейчас им нужен предметный урок — так сказать, для острастки. Ажиотаж вокруг этих кукол принял прямо-таки фантастические размеры… Надо припугнуть публику, иначе бог знает до чего мы докатимся. — Адвокат вздохнул. — Палата приняла закон о живых роботах. Под действие этого закона вы и подпали.

— Что же, — сказал Хилл, — может, они в чем-то и правы.

Я рад, что вы понимаете позицию правосудия.

— Видите ли, — продолжал Хилл, — я тут сижу и думаю… Нельзя же, в самом деле, поощрять насилие — даже условное. Я и сам чувствовал себя преступником. Странно, не правда ли? Странно чувствовать себя виновным, когда вроде бы и нет оснований для этого…

— К сожалению, мне пора. Может быть, у вас есть поручения?

— Спасибо, мне ничего не нужно.

— Прощайте, мистер Хилл.

Дверь захлопнулась, Джордж все так же стоял на стуле у окна, высунув руки за решетку. Потом на стене вспыхнула красная лампочка, и голос из репродуктора сказал:

— Мистер Хилл, здесь ваша жена. Она просит свидания с вами.

Он схватился за стальные прутья. «Ее нет в живых, — подумал он. — Для меня она мертва».

— Мистер Хилл, — окликнул голос.

— Ее нет в живых. Я убил ее.

— Миссис Хилл ожидает здесь. Вы хотите ее видеть?

— Я видел, как она упала. Я застрелил ее.

— Мистер Хилл, вы слышите меня?

— Да! — закричал он. — Слышу, черт вас подери! Оставьте меня в покое! Я не хочу ее видеть, она мертва!

Пауза.

— Прошу прощения, мистер Хилл, — проговорил голос.

Лампочка погасла.

Он стоял на стуле, а дождь лил и лил. Внизу открылась дверь, и из канцелярии вышли две фигуры в плащах с капюшонами. Они перешли улицу и, повернувшись, стали разглядывать фасад тюрьмы. Это была Кэти. Он узнал и ее спут-

ника: Леонард Фелпс.

— Кэти, — еле слышно позвал Джордж.

Она отвернулась. Неизвестно, слышала ли она его. Мужчина взял ее под руку. Они побежали под черным дождем по тротуару и на углу сели в машину.

— Кэти, Кэти! — кричал он, тряс прутья решетки и колотил ладонями по бетонному подоконнику. — Она жива! Я никого не убивал, это все шутка, ошибка! Эй, кто там! Откройте!..

Он бегал по камере, стучал кулаками в дверь, снова подбежал к окну, вскочил на стул.

Автомобиль еще стоял на углу.

— Кэти, вернись! Кзти! Ты не оставишь меня здесь!

Вспыхнули красные хвостовые огни, и машина исчезла, растворилась за мглистой завесой дождя.

Вошли надзиратели и схватили его, а он все продолжал кричать.

Перевод Я. Берлина

Игрушки для взрослых

Читая новеллу Рэя Брэдбери «Наказание без вины» («Pnishment Without Crime»), задаешь себе один вопрос за другим. Что хотел сказать писатель? В самом заголовке заключен как бы двойной смысл. Наказана кукла и наказан человек, ее наказавший. Кукла, естественно, ни в чем не виновата. Человек — по крайней мере формально — тоже не виноват. Или все же виноват?

В этом заголовке можно усмотреть намек на Достоевского, однако первые страницы рассказа заставляют вспомнить не Раскольникова, а нечто другое — мальчика для битья у Марка Твена или даже совсем не выдуманную японскую куклу, изображающую мастера. Стоит этот «мастер» где-нибудь на видном месте, у входа в цех, и каждый рабочий, которого обидел настоящий мастер, может подойти к манекену и отвести душу, избив его всласть дубиной. Кукла-громоотвод! Блестящая идея.

Но зачем же тогда понадобилось Брэдбери превращать дубинку в пистолет, зачем он заменил поролоновую куклу для битья живой куклой для убийства? Уж не хотят ли нас в самом деле убедить, что мы должны отвечать за судьбу того, что мы создаем, именно потому, что создания наши стали слишком походить на живую, естественную действительность?

Человек растерянно следит за тем, как растут не по дням, а по часам детища его разума, творения его рук. Технические игрушки, всякие ковры-самолеты и скатерти-самобранки,

перестали забавлять. Дитя выросло, и вместе с ним чудовищно повзрослели его куклы. Никогда еще человеческая мысль — мысль ученого, инженера, изобретателя — не была столь могущественной. Мы слышим вокруг — весомой ценностью становятся патенты, лицензии, всяческие «know how». Мы слышим — великой преобразующей силой стала наука. Мысль стремительно обрастает плотью — она может стать панацеей, может стать и нейтронной бомбой. Если человек творит по своему образу и подобию бога, то ведь можно смастерить и дьявола.

Конечно, художественное произведение — не ученый трактат. Оно допускает множество толкований, и у разных людей может возбудить самые разные вопросы. Например, о нормах этики в общении разума с его искусственным подобием. И уж тогда не уйти от главной проблемы — о границах ответственности человека: вряд ли рукотворный разум заставит себя ждать бесконечно, раз уже создан искусственный ген.

В. Рич

№ 7

Роберт Шекли

Доктор Вампир и его друзья

Фантастика

Доктор Вампир и его друзья

Роберт ШЕКЛИ

Думается, здесь я безопасности. Живу теперь в небольшой квартире северо-восточнее Сокало, в одном из самых старых кварталов Мехико-сити. Как всякого иностранца, меня вначале поразило, до чего страна эта на первый взгляд напоминает Испанию, а на самом деле совсем другая. В Мадриде улицы — лабиринт, который затягивает тебя все глубже, к потаенной сердцевине, тщательно оберегающей свои скучные секреты. Привычка скрывать обыденное, несомненно, унаследована от мавров. А вот улицы Мехико — это лабиринт наизнанку, они ведут вовне, к горам, на простор, к откровениям, которые, однако же, навсегда остаются неуловимыми. Мехико словно бы ничего не скрывает, но все в нем непостижимо. Так повелось у индейцев в прошлом, так остается и ныне, самозащита их — в кажущейся открытости; так защищена прозрачностью актиния, морской анемон.

На мой взгляд, это способ очень тонкий, он применим везде и всюду. Я перенимаю мудрость, рожденную в Теночтитлане или Тлакскале; я ничего не прячу — и таким образом ухитряюсь все утаить.

Как часто я завидовал воришке, которому только и надо прятать украденные крохи. Иные из нас не столь удачливы, наши секреты не засунешь ни в карман, ни в чулан, — их не уместишь даже в гостиной и не закопаешь на задворках. Жилю де Ресу понадобилось собственное тайное кладбище чуть поменьше Пер-Лашез. Мои потребности скромнее; впрочем, не намного.

Я человек не слишком общительный. Моя мечта — домик где-нибудь в глуши, на голых склонах Ихтаксихуатля, где на многие мили кругом не сыщешь людского жилья. Но поселиться в таком месте было бы чистейшим безумием. Полиция рассуждает просто: раз ты держишься особняком, значит, у тебя есть что скрывать; вывод далеко не новый, но почти безошибочный. Ох уж эта мексиканская полиция, как она учтива и как безжалостна! Как недоверчиво смотрит на всякого иностранца и как при этом права! Она бы тут же нашла предлог обыскать мое уединенное жилище и, конечно, истина сразу вышла бы наружу… Было бы о чем три дня трубить газетам.

Всего этого я избежал, по крайней мере на

время, выбрав для себя мое теперешнее жилище. Даже Гарсия, самый рьяный полицейский во всей округе, не в силах себе представить, **что** я проделываю в этой тесной, доступной всем взорам квартирке. ТАЙНЫЕ НЕЧЕСТИВЫЕ, ЧУДОВИЩНЫЕ ОПЫТЫ. Так гласит молва.

Входная дверь у меня обычно приотворена. Когда лавочники доставляют мне провизию, я предлагаю им войти. Они никогда не пользуются приглашением, скромность и ненавязчивость у них в крови. Но на всякий случай я всегда их приглашаю.

У меня три комнаты, небольшая анфилада. Вход через кухню. За нею кабинет, дальше спальня. Ни в одной комнате я не затворяю плотно дверь. Быть может, стараясь всем доказать, как открыто я живу, я немного пересаливаю. Ведь если кто-нибудь пройдет до самой спальни, распахнет дверь настежь и заглянет внутрь, мне, наверно, придется покончить с собой.

Пока еще никто из моих посетителей не заглядывал дальше кухни. Должно быть, они меня боятся.

А почему бы и нет? Я и сам себя боюсь.

Моя работа навязывает мне очень неудобный

образ жизни. Завтракать, обедать и ужинать приходится дома. Стряпаю я прескверно, в самом дрянном ресторанчике по соседству кормят лучше. Даже всякая пережаренная дрянь, которой торгуют на улицах с лотков, и та вкуснее несъедобной бурды, какую я себе готовлю.

И, что еще хуже, приходится изобретать нелепейшие объяснения: почему я всегда ем дома? Доктор запретил мне все острое, говорю я соседям, мне нельзя никаких пряностей и приправ — ни перца, ни томатного соуса, ни соли… Отчего так? Всему виной редкостная болезнь печени. Где я ее подхватил? Да вот, много лет назад в Джакарте поел несвежего мяса…

Вам покажется, что наговорить такое не трудно. А мне не так-то легко упомнить все подробности. Всякий враль вынужден строить свою жизнь по законам ненавистного, противоестественного постоянства. Играешь свою роль, и она становится твоим мученьем и карой.

Соседи с легкостью приняли мои корявые объяснения. Тут есть некоторая несообразность? Что ж, в жизни всегда так бывает, полагают они, считая себя непогрешимыми судьями и знатоками истины; а на самом деле они судят обо всем, основываясь только на правдоподобии.

И все же соседи поневоле чуют во мне чудовище. Эдуардо, мясник, однажды сказал:

— А знаете, доктор, вампирам ведь нельзя соленого. Может, вы тоже вампир, а?

Откуда он узнал про вампиров? Вероятно, из кино или комиксов. Я не раз видел, когда я прохожу мимо, старухи делают магические знаки: спешат оберечь себя от дурного глаза; я слышал, как детишки шепчут за моей спиной: «Доктор Вампир, доктор Вампир…».

Старухи и дети! Вот хранители скудной мудрости, которой обладает этот народ. Да и мясникам тоже кое-что известно.

Я не доктор и не вампир. И все же старухи и дети совершенно правы, что меня остерегаются. По счастью, их никто не слушает.

Итак, я по-прежнему питаюсь у себя в кухне — покупаю молодого барашка, козленка, поросенка, крольчатину, говядину, телятину, кур, изредка дичь. Это единственный способ заполучить в дом достаточно мяса, чтобы накормить моих зверей.

В последнее время еще один человек начал смотреть на меня с подозрением. К несчастью, это не кто иной, как Диего Хуан Гарсия, поли-

цейский.

Гарсия коренаст, широколиц, осторожен, это примерный полицейский служака. Здесь, в Сокало, он слывет неподкупным — своего рода Катон из племени ацтеков, разве что не столь крутого нрава. Если верить торговке овощами, а она, кажется, в меня влюблена, Гарсия полагает, что я, по всей вероятности, немец, военный преступник, ускользнувший от суда.

Поразительный домысел, по существу это неверно, и однако чутье Гарсию не обманывает. А он убежден, что попал в самую точку. Он бы уже принял меры, если бы не заступничество моих соседей. Сапожник, мясник, мальчишка-чистильщик обуви и особенно торговка овощами — все за меня горой. Всем им присущ обывательский здравый смысл, и они верят, что я таков, каким они меня представляют. Они поддразнивают Гарсию:

— Да неужто ты не видишь, это иностранец тихий, добродушный, просто ученый чудак, никакого вреда от него нет.

Нелепость в том, что и это по существу неверно, однако чутье их не обманывает.

Бесценные мои соседи величают меня доктором, а иногда и профессором. Столь почетными

званиями меня наградили так, словно это само собой разумелось, как бы за мой внешний облик. Никаких таких титулов я не добивался, но и отвергать их не стал. «Сеньор доктор» — это тоже маска, которой можно прикрыться.

А почему бы им и не принимать меня за ученого? У меня непомерно высокий залысый лоб, а щетина волос на висках и на темени изрядно тронута сединой, и суровое квадратное лицо изрезано морщинами. Да еще по выговору сразу слышно, что я из Европы, и так старательно строю фразу по-испански… И очки у меня в золотой оправе! Кто же я, если не ученый, и откуда, если не из Германии? Такое звание обязывает к определенному роду занятий, и я выдаю себя за профессора университета. Мне, мол, предоставлен длительный отпуск, ибо я пишу книгу о толтеках — собираюсь доказать, что культура этого загадочного племени родственна культуре инков.

— Да, господа, полагаю, что книга моя вызовет переполох в Бонне и Гейдельберге. Поколеблены будут кое-какие признанные авторитеты. Кое-кто наверняка попытается объявить меня фантазером и маньяком. Видите ли, моя теория чревата переворотом в науке о доколумбовой Америке…

Вот такой личностью я задумал изобразить себя еще до того, как отправился в Мексику. Я читал Стивенса, Прескотта, Вайяна, Альфонсо Касо. Я даже не поленился переписать первую треть диссертации Дрейера о взаимопроникновении культур — он пытался доказать, что культуры майя и толтеков взаимосвязаны, оппоненты разнесли его в пух и прах. Итак, на стол мой легло около восьмидесяти рукописных страниц, я вполне мог их выдать за собственный труд. Эта незаконченная рукопись оправдывает мое пребывание в Мексике. Всякий может поглядеть на полные премудрости страницы, раскиданные по столу, и воочию убедиться, что я за человек.

Мне казалось, этого хватит; но я упустил из виду, что разыгрываемая мною роль не может не воздействовать на окружающих. Сеньор Ортега, бакалейщик, тоже интересуется доколумбовой историей и, на мою беду, обладает довольно широкими познаниями в этой области. Сеньор Андраде, парикмахер, как выяснилось, родом из Пуэбло всего в пяти милях от развалин Теотихуакана. А малыш Хорхе Сильверио, чистильщик обуви (его мать служит в закусочной), мечтает поступить в какой-нибудь знаменитый университет и смиренно спрашивает, не могу ли я

замолвить за него словечко в Бонне…

Я — жертва надежд и ожиданий моих соседей. Я сделался профессором не на свой, а на их образец. По их милости я долгими часами торчу в Национальном музее антропологии, убиваю целые дни, осматривая Теотихуакан, Тулу, Ксохикалько. Соседи вынуждают меня без устали трудиться над научными изысканиями. И я в самом деле становлюсь тем, кем прикидывался, — ученым мужем, обладателем необъятных познаний и впридачу помешанным.

Я проникся этой ролью, она неотделима от меня, она меня преобразила; я уже и вправду верю, что между инками и толтеками могла существовать связь, у меня есть неопровержимые доказательства, я всерьез подумываю предать гласности свои находки и открытия…

Все это довольно утомительно и совсем некстати.

В прошлом месяце я изрядно перепугался. Сеньора Эльвира Масиас, у которой я снимаю квартиру, остановила меня на улице и потребовала, чтобы я выбросил свою собаку.

— Но у меня нет никакой собаки, сеньора!

— Прошу прощенья, сеньор, но у вас есть со-

бака. Вчера вечером она скулила и скреблась в дверь, я сама слышала. А мой покойный муж собак в доме не терпел, такие у него были правила, и я их всегда соблюдаю.

— Дорогая сеньора, вы ошибаетесь. Уверяю вас…

И тут, откуда ни возьмись, Гарсия, неотвратимый, как сама смерть, в наглаженной форме хаки; подкатил, пыхтя, на велосипеде и прислушивается к нашему разговору.

— Что-то скреблось, сеньора? Наверно, термиты или тараканы.

Она покачала головой:

— Совсем не такой звук.

— Значит, крысы. К сожалению, должен вам сказать, в вашем доме полно крыс.

— Я прекрасно знаю, как скребутся крысы, — с глубокой, непобедимой убежденностью возразила сеньора Эльвира. — А это было совсем другое, так только собака скребется, и слышно было, что это у вас в комнатах. Я уж вам сказала, у меня правило строгое — никаких животных в доме держать не разрешается.

Гарсия не сводил с меня глаз, и во взгляде этом я видел отражение всех моих злодеяний в Дахау, Берген-Бельзене и Терезиенштадте. И очень хо-

телось сказать ему, что он ошибается, что я не палач, а жертва, и годы войны провел за колючей проволокой в концлагере на Яве.

Но я понимал: все это не в счет. Мои преступления против человечества отнюдь не выдумка, просто Гарсия учуял не те ужасы, что свершились год назад, а те, что свершатся через год.

Быть может, в ту минуту я бы во всем признался, не обернись сеньора Эльвира к Гарсии со словами:

— Ну, что будете делать? Он держит в квартире собаку, а может, и двух, бог знает, какую еще тварь он у себя держит. Что будете делать?

Гарсия молчал, его неподвижное лицо напоминало каменную маску Тлалока в Чолулском музее. А я вновь прибегнул к обычному способу прозрачной самозащиты, который до сих пор помогал мне хранить мои секреты. Скрипнул зубами, раздул ноздри, словом, постарался изобразить «свирепого испанца».

— Собаки? — заорал я. — Сейчас я вам покажу собак! Идите обыщите мои комнаты! Плачу по сотне песо за каждую собаку, которую вы у меня найдете! За каждого породистого пса — по двести! Идите и вы, Гарсия, зовите друзей и знакомых! Может, я у себя и лошадь держу, а? Может, еще

и свинью? Зовите свидетелей, зовите газетчиков, репортеров, пускай в точности опишут мой зверинец!

— Зря вы кипятитесь, — равнодушно сказал Гарсия.

— Вот избавимся от собак, тогда не стану кипятиться! — горланил я. — Идемте, сеньора, войдите ко мне в комнаты, загляните под кровать, может, там сидит то, что вам примерещилось. А когда наглядитесь, будьте любезны вернуть мне, что остается от платы за месяц, и задаток тоже, и я перееду со своими невидимыми собаками на другую квартиру.

Гарсия как-то странно на меня посмотрел. Должно быть, на своем веку он видел немало крикунов. Говорят, вот так лезут на рожон преступники определенного склада.

— Что ж, пойдем поглядим, — сказал он сеньоре Эльвире.

И тут к моему изумлению — не ослышался ли я? — она заявила:

— Ну уж, нет! Благородному человеку я верю на слово.

Повернулась и пошла прочь.

Я хотел было для полноты картины заявить Гарсии — может, он еще сомневается, так пускай

пойдет и сам осмотрит мою квартиру. По счастью, я вовремя прикусил язык. Гарсии нет дела до приличий. Он бы не побоялся остаться в дураках.

— Устал, — сказал я. — Пойду прилягу.

Тем и кончилось.

На этот раз я запер входную дверь. Оказалось, все висело на волоске. Пока мы препирались, несчастная зверюга перегрызла ремень, который удерживал ее на привязи, вылезла в кухню и здесь на полу издохла.

От трупа я избавился обычным способом — скормил остальным. И после этого удвоил предосторожности. Купил радиоприемник, чтобы заглушать голоса моих зверей, как ни мало от них было шуму. Подстелил под клетки толстые циновки. А запахи отбивал крепким табаком — ведь курить ладаном было бы слишком дерзко и пошло. А какая это странная насмешка — заподозрить, что я держу собак! Собаки — мои злейшие враги. Они-то знают, что у меня творится. Они издавна верные союзники людей. Они предатели животного мира, как я — предатель человечества. Умей собаки говорить, они немедля бросились бы в полицию и разоблачили меня.

Когда битва с человечеством наконец разразится, собакам придется разделить судьбу своих

господ — выстоять или пасть вместе с ними.

Проблеск боязливой надежды: детеныши последнего помета обещают многое. Из двенадцати выжили четверо — и растут гладкие, сильные, смышленые. Но вот свирепости им не хватает. Видно, как раз это им с генами по наследству не передалось. Кажется, они даже привязались ко мне — как собаки! Но, конечно, в следующих поколениях можно будет постепенно исправить дело.

Человечество хранит в памяти зловещие предания о помесях, созданных скрещиванием различных видов. Таковы, среди прочих, химера, грифон и сфинкс. Мне кажется, эти устрашающие видения античного мира — своеобразное воспоминание о будущем, так Гарсия предощущает еще не содеянные мною преступления.

Плиний и Диодор повествуют о чудовищных полуверблюдах-полустраусах, полульвах-полуорлах, о созданиях, рожденных лошадью от дракона или тигра. Что подумали бы эти древние летописцы про помесь росомахи с крысой? Что

подумает о таком чуде современный биолог?

Нынешние ученые нипочем не признают, что такая помесь возможна, даже когда мои геральдические звери станут кишмя кишеть в городах и селах. Ни один здравомыслящий человек не поверит, что существует тварь величиной с волка, свирепая и коварная, как росомаха, и притом столь же общественная, легко осваивающаяся в любых условиях и плодовитая, как крыса. Завзятый рационалист будет отрицать столь невероятный вымысел даже в ту минуту, когда зверь вцепится ему в глотку.

И он будет почти прав. Такой продукт скрещивания всегда был явно невозможен… до тех самых пор, пока в прошлом году я его не получил.

Скрытность, вызванная необходимостью, иногда перерождается в привычку. Вот и в этом дневнике, где я намеревался сказать все до конца, я до сих пор не объяснил, чего ради начал выводить чудовищ и к чему их готовлю.

Они возьмутся за работу примерно через три месяца, в начале июля. К тому времени здешние жители заметят, что в трущобах по окраинам Сокало появилось множество неизвестных животных. Внешность их будут описывать туманно

и неточно, но станут дружно уверять, что твари эти — крупные, свирепые и неуловимые. Новость доведут до сведения властей, промелькнут сообщения в газетах. Поначалу разбой припишут волкам или одичавшим псам, хотя незваные гости с виду на собак ничуть не похожи.

Попробуют истребить их обычными способами — но безуспешно. Загадочные твари рассеются по всей столице, проникнут в богатые пригороды — в Педрегал и Койоакан. К тому времени станет известно, что они, как и люди, всеядны. И уже возникнет подозрение (вполне справедливое), что размножаются они с необычайной быстротой.

Вероятно, только позже оценят, насколько они разумны.

На борьбу с нашествием будут направлены воинские части — но тщетно. Над полями и селениями загудят самолеты; но что им бомбить? Эти твари не мишень для обычного оружия, они не ходят стаями. Они прячутся по углам, под диванами, в чуланах, они все время тут, подле вас, но ускользают от взгляда.

Пустить в ход отраву? Но они жрут то, что едите вы сами, а не то, что вы им подсовываете.

И вот настает август, и люди уже совсем бессильны повлиять на ход событий. Мехико занят

войсками, но это одна видимость: орды зверей захлестнули Толуку, Икстапан, Тепальсинго, Куэрнаваку и, как сообщают, их уже видели в Сан-Луис Потоси, в Оахаке и Вера-Крусе.

Совещаются ученые; предложены чрезвычайные меры, в Мексику съезжаются специалисты со всего света. Зверье не созывает совещаний и не публикует манифестов. Оно попросту плодится и множится, оно уже распространилось к северу до самого Дуранго и к югу вплоть до Вильяэрмосы.

Соединенные Штаты закрывают свои границы — еще один символический жест. Звери достигают Пьедрас Неграс, не спросясь переходят Игл Пасс; без разрешения появляются в Эль Пасо, Ларедо, Браунзвиле. Как смерч, проносятся по равнинам и пустыням, как прибой, захлестывают города. Это пришли мохнатые друзья доктора Вампира, и они уже не уйдут.

И, наконец, человечество понимает: задача не в том, чтобы уничтожить загадочное зверье. Нет, задача — не дать зверью уничтожить человека.

Я нимало не сомневаюсь: это возможно. Но тут потребуются объединенные усилия и изобретательность всего человечества.

Вот чего хочу я достичь, выводя породу чудовищ.

Видите ли, надо что-то делать. Я задумал своих зверей как противовес, как силу, способную сдерживать неуправляемую машину — человечество, которое, обезумев, губит и себя, и всю нашу планету. В конце концов, какое у человека право истреблять неугодные ему виды жизни? Неужели все живое на Земле должно либо служить его так плохо продуманным планам, либо сгинуть? Разве каждый вид, каждая форма жизни не имеют права на существование — права бесспорного и неопровержимого?

Хоть я и решился на самые крайние меры, они небесполезны для рода людского. Никого больше не будут тревожить водородная бомба, бактериологическая война, гибель лесов, загрязнение водоемов и атмосферы, парниковый эффект и прочее. В одно прекрасное утро все эти страхи покажутся далеким прошлым. Человек вновь будет зависеть от природы. Он останется единственным в своем роде разумным существом, хищником; но отныне он вновь будет подвластен сдерживающим, ограничивающим силам, которых так долго избегал.

Он сохранит ту свободу, которую ценит превыше всего — он все еще волен будет убивать; он только потеряет возможность истреблять дотла.

Пневмония — великий мастер сокрушать надежды. Она убила моих зверей. Вчера последний поднял голову и поглядел на меня. Большие светлые глаза его потускнели. Он поднял лапу, выпустил когти и легонько царапнул мою руку.

И я не удержался от слез, потому что понял: несчастная тварь старалась доставить мне удовольствие, она знала, как жаждал я сделать ее свирепой, беспощадной — бичом рода людского.

Усилие оказалось непомерным. Великолепные глаза закрылись. Зверь чуть заметно содрогнулся и испустил дух.

Конечно, пневмонией можно объяснить не все. Помимо того, просто не хватило воли к жизни. С тех пор, как Землею завладел человек, все другие виды утратили жизнестойкость. Порабощенные еноты еще резвятся в поредевших Адирондакских лесах, и порабощенные львы обнюхивают жестянки из-под пива в Крюгер-парке. Они, как и все остальные, существуют только потому, что мы их терпим, ютятся в наших владениях, словно временные поселенцы. И они это знают.

Вот почему трудно найти в животном мире жизнелюбие, стойкость и силу духа. Сила духа — достояние победителей.

Со смертью последнего зверя пришел конец и мне. Я слишком устал, слишком подавлен, чтобы начать сызнова. Мне горько, что я подвел человечество. Горько, что я подвел львов, страусов, тигров, китов и всех, кому грозит вымирание и гибель. Но больше всего мне горько, что я подвел воробьев, ворон, крыс, гиен — всю эту нечисть, отребье, которое только для того и существует, чтобы человек его уничтожал. Самое искреннее мое сочувствие всегда было на стороне изгнанников, на стороне отверженных, заброшенных, никчемных — я и сам из их числа.

Разве оттого только, что они не служат человеку, они — нечисть и отребье? Да разве не все формы жизни имеют право на существование — право полное и неограниченное? Неужели всякая земная тварь обязана служить одному-единственному виду, иначе ее сотрут с лица земли?

Должно быть, найдется еще человек, который думает и чувствует, как я. Прошу его: пусть продолжает борьбу, которую начал я, единоличную войну против наших сородичей, пусть сражается с ними, как сражался бы с бушующим пламенем пожара.

Страницы эти написаны для моего предполага-

емого преемника.

Что до меня, недавно Гарсия и еще какой-то чин явились ко мне на квартиру для «обычного» санитарного осмотра. И обнаружили трупы нескольких выведенных мною тварей, которые я еще не успел уничтожить. Меня арестовали, обвинили в жестоком обращении с животными и в том, что я устроил у себя на дому бойню без соответствующего разрешения.

Я собираюсь признать себя виновным по всем пунктам. Обвинения эти ложны, но — согласен — по сути своей они безусловно справедливы.

Перевела с английского Нора Галь

№ 8, 9, 10, 11, 12

Кир Булычёв

Похищение чародея

Фантастическая повесть

1.

Дом понравился Анне еще издали, когда она устало шла пыльной тропинкой вдоль заборов, сквозь дырявую тень коренастых лип, мимо серебряного от старости колодезного сруба, — от сильного порыва ветра цепь звякнула по мятому боку ведра, — куры суетливо уступали дорогу, сетуя на человеческую наглость, — петух отошел строевым шагом, сохраняя мужское достоинство, — бабушки, сидевшие в ряд на завалинке, одинаково поздоровались и долго смотрели вслед, — улица была широкой, разъезженная грузовиками дорога вилась посреди нее, как речка по долине, поросшей подорожником и мягкой короткой травой.

Дом был крепкий, под железной, когда-то красной крышей.

Он стоял отдельно от деревни, по ту сторону почти пересохшего ручья.

Анна остановилась на мостике через ручей: два бревна, на них набиты поперек доски. Рядом был брод — широкая мелкая лужа. Дорога пересекала лужу и упиралась в распахнутые двери серого бревенчатого пустого сарая. От мостика тянулась тропка, пробегала мимо дома и вилась по зеленому склону холма, к плоской вершине, укрытой плотной шапкой темных деревьев.

Тетя Магда описала дорогу точно, да и сама Анна шаг за шагом узнавала деревню, где пятилетней девочкой двадцать лет назад провела лето. К ней возвращалось забытое ощущение покоя, отрешенности, гармонии ржаного поля, лопухов и пышного облака над рощей, звона цепи в колодце и силуэта лошади на зеленом откосе.

Забор покосился, несколько планок выпало, сквозь них проросла крапива. Смородиновые кусты под фасадом в три окна, обрамленных некогда голубыми наличниками и прикрытых ставнями, разрослись и одичали. Дом был одинок, он скучал без людей.

Анна отодвинула ржавый засов калитки и поднялась на крыльцо. Потом поглядела на деревню, которую только что миновала. Деревня тянулась вдоль реки, и лес, отделявший ее от железнодорожного разъезда, отступал от реки широкой

дугой, освободив место для полей. Зато с другого берега он подходил к самой воде, словно в лесу елям было тесно. Оттуда тянуло прохладным ветром, и видно было, как он перебегает Вятлу, тысячей крошечных ног взрывая зеркало реки и раскачивая широкую полосу прибрежного тростника. Рев лодочного мотора вырвался из-за угла дома, и низко сидящая кормой лодка распилила хвостом пены буколические следы ветра. В лодке сидел белобородый дед в дождевике и синей шляпе. Словно почувствовав взгляд Анны, он обернулся, и хоть его лицо с такого расстояния казалось лишь бурым пятном, Анне показалось, что старик осуждает ее появление в пустом доме, которому положено одиноко доживать свой сиротливый век.

Пустое жилище всегда печально. Бочка для воды у порога рассохлась, из нее почему-то торчали забытые грабли, у собачьей конуры с провалившейся крышей лежал на ржавой цепочке полусгнивший ошейник.

Анна долго возилась с ключом, и когда замок сдался, дужка сердито выскочила из круглого тела, и дверь поддалась туго, словно кто-то придерживал ее изнутри. В сенях царила нежилая затхлость, луч солнца из окошка под потолком

пронзил темный воздух, и в луче мельтешили вспугнутые пылинки.

Анна отворила дверь в теплую половину. Дверь была обита рыжей клеенкой, внизу в ней было прикрытое фанеркой отверстие, чтобы кошка могла выйти, когда ей вздумается. Анна вспомнила, как сидела на корточках, завидуя черной теткиной кошке, которой разрешалось гулять даже ночью. Воспоминание звякнуло, как колокольчик, быстро прижатый ладонью. На подоконнике в молочной бутылке стоял букет бумажных цветов. Из-под продавленного дивана выскочила мышь-полевка.

Отогнув гвозди, Анна открыла в комнате окна, распахнула ставни, потом перешла на кухню, отделенную от жилой комнаты перегородкой, не доходившей до потолка, растворила окно там. При свете запустение стало еще очевидней. В черной пасти русской печи Анна нашла таз, в углу под образами — тряпку.

Натаскав от речки воды — одичавшие яблони в саду разрослись так, что приходилась продираться сквозь ветки, — и вымыв полы, Анна поставила в бутылку букет ромашек, а бумажные цветы отнесла к божнице. Она совсем не устала, — эта простая работа несла приятное удовлетворение,

а свежий запах мокрых полов сразу изгнал из дома сладковатый запах пыли.

Одну из привезенных с собой простынь Ацна постелила на стол в большой комнате и разложила там книги, бумагу и туалетные принадлежности.

Теперь можно и отдохнуть. Сходить за молоком в деревню, заодно навестить деда Геннадия и его жену Дарью.

Анна нашла на кухне крынку, вышла из дома, заперла по городской привычке дверь, постояла у калитки и пошла не вниз, к деревне, а наверх, к роще на вершине, потому что с тем местом была связана какая-то жуткая детская тайна, забытая двадцать лет назад.

Тропинка вилась среди редких кустов, у которых розовела земляника, и неожиданно Анна оказалась на вершине холма, в тени деревьев, разросшихся на старом, заброшенном кладбище. Серые плиты и каменные кресты утонули в земле, заросли орешником, в углублениях между ними буйно цвели ландыши. Одна из плит почему-то стояла торчком, и Анна предположила, что здесь был похоронен колдун, который потом проснулся и выкарабкался наружу.

Вдруг Анне показалось, что за ней кто-то следит. В роще было очень тихо — ветер не смел

заглянуть туда, и древний кладбищенский страх вдруг овладел Анной; не оглядываясь, она быстро пошла вперед…

2.

— Ты, конечно, прости, Аннушка, — сказал белобородый дед в дождевике и синей шляпе. — Если я тебя испугал.

— Здравствуйте, дедушка Геннадий, — сказала Анна. Вряд ли кто-нибудь еще в деревне мог сразу признать ее.

Они стояли у каменной церкви с обвалившимся куполом. Большая стрекоза спланировала на край крынки, которую Анна прижимала к груди, и заглянула внутрь.

— За молоком собралась? — спросил дед.

— К вам.

— Молочка дадим. А я за лошадью пошел, она сюда забрела. Откуда-то у нее стремление к покою и наблюдениям. Клеопатрой ее зовут, городская, с ипподрома выбракованная.

— Тетя Магда вам письмо написала?

— Она мне всегда пишет. Ко всем праздникам. Я в Прудники ездил, возвращаюсь, а ты на крыльце стоишь. Выросла, похорошела. В аспирантуру, значит, собираешься?

— Тетя и об этом написала?

— А как же.

Гнедая кобыла Клеопатра стояла по другую сторону церкви, грелась на солнце. Она вежливо поцеловала Анну в протянутую ладонь. Ее блестящая шкура пахла потом и солнцем.

— Обрати внимание, — сказал дед Геннадий, — храм семнадцатого века, воздвигнут при Алексее Михайловиче, а фундамент значительно старше. Смекаешь? Сюда реставратор из Ленинграда приезжал. Васильев, Терентий Иванович, не знакома?

— Нет.

— Ведущий специалист. Может, будут реставрировать. Или раскопки начнут. Тут на холме город стоял в средневековые времена. Земля буквально полна загадок и тайн.

Дед торжественно вздохнул, сдвинул шляпу на глаза, хлопнул Клёпу по шее, и та сразу пошла вперед. Анна поняла, что реставратор Васильев внес в душу Геннадия благородное смятение, открыв перед ним манящую даль веков.

Впереди шла Клеопатра, затем, жестикулируя, дед, — дождевик его колыхался, как покрывало привидения. Он говорил не оборачиваясь, иногда его голос пропадал, заглохнув в кустах, его долгий монолог был о горькой участи рек и лесов, о том, что некий купец еще до революции возил с холма камень в Полоцк, чем обкрадывал культурное наследие, о том, что население этих мест смешанное, потому что сюда все ходили, кому не лень, что каждой деревне нужен музей… темы были многоразличны и неожиданны.

Спустились с пологой, дальней от реки стороны холма и побрели вдоль ржаного поля, по краю которого цвели васильки. Дед говорил о том, что над Миорами летающая тарелка два дня висела, а на Луне возможна жизнь в подлунных вулканах… У ручья дед обернулся.

— Может, у нас поживешь? Чего одной в доме? Мы с Дарьей тебя горячей пищей снабдим, беседовать будем.

— Мне и дома хорошо. Спасибо.

— Я и не надеялся, — сказал дед.

В доме деда Геннадия пришлось задержаться. Бабушка Дарья вскипятила чай, достала конфеты, а хозяин вынул из обувной коробки и разложил на столе свой музей, который он начал собирать

после встречи с реставратором Васильевым. В музее находилась фотография деда двадцатых годов, банка из-под чая с черепками разной формы и возраста, несколько открыток с видами Полоцка и курорта Монте-Карло, покрытая древней патиной львиная голова с кольцом в носу — должно быть, ручка от двери, а также кремневый наконечник копья, бутылочка от старинных духов, подкова, оброненная Клеопатрой, и еще что-то. Бабушка Дарья отозвала Анну на кухню покалякать о родственниках; шепнула: «Ты не смейся, пускай балуется. А то пить начнет». Бабушка Дарья прожила с Геннадием полвека и все боялась, что он запьет.

3.

Сумерки были наполнены звуками, возникающими от тишины и прозрачности воздуха. Голоса от колодца, женский смех, воркование телевизора, далекий гудок грузовика и даже перестук колес поезда в неимоверной залесной дали — все это было нужно, чтобы как можно глубже

осознать необъятность неба, блеск отраженной луны в черной реке, молчание леса, всплеск вечерней рыбы и звон позднего комара.

Анна поднялась к дому и не спеша, улыбаясь воспоминанию о дедушкиной болтовне, открыла на этот раз покорный замок. Держа в руках замок и крынку с парным молоком, она вошла в темные сени, сделала шаг и неожиданно налетела на что-то твердое и тяжелое. Крынка грохнула об пол, замок упал и ударил ее по ноге. Анна вскрикнула, охватила руками лодыжку, и тут же из-за перегородки, отделявшей сени от хрлодной горницы, резкий мужской голос спросил:

— Ты что, Кин?

С чердака откликнулся другой голос, низкий:

— Я наверху.

Анна, несмотря на жуткую боль, замерла. Ее на мгновение посетила дикая мысль: она попала в чужой дом. Но по эту сторону ручья только один дом. И она сама только что отперла его.

Часто заскрипели ступеньки узкой чердачной лестницы.

Скрипнула дверь в холодную комнату.

Два фонаря вспыхнули одновременно. Она зажмурилась.

Когда открыла глаза, щурясь, увидела: в сенях

стоят двое, а на полу посреди сеней — большой желтый чемодан, забрызганный молоком. Молочная лужа растеклась по полу, рыжими корабликами покачивались черепки.

Один был молод, чуть старше Анны, элегантен, в синем костюме, галстуке-бабочке, с вьющимися черными волосами, с гусарскими наглыми глазами. Второй, спустившийся с чердака, постарше и помассивней. Лицо скуластое, коричневое, светлыми точками горели на нем небольшие глаза. Он был одет в черный свитер и потертые джинсы.

Анна выпрямилась, морщась от боли, и спросила:

— Вы через окно влезли?

Мужчины держали наготове, как пистолеты, яркие фонари.

— Что вы здесь делаете? — спросил скуластый бандит.

— Я живу здесь. Временно. — И, как бы желая сразить их наповал, Анна добавила: — Вот видите, я и пол вымыла.

— Пол? — спросил скуластый и посмотрел на лужу молока.

Анна была так зла, да и нога болела, что забыла об испуге.

— Если вам негде переночевать, — сказала она, — перейдите через ручей, в крайний дом. Там комната пустая.

— Почему это мы должны уходить? — спросил молодой гусар.

— Вы что, хотите, чтобы я ушла?

— Разумеется, — сказал молодой. — Вам здесь нечего делать.

— Но ведь это дом моей тетки. Магды Иванкевич.

— Это черт знает что, — сказал молодой гусар. — Никакой тетки здесь быть не должно.

— Правильно! — воскликнула Анна, преисполняясь справедливым гневом. — Тетки быть здесь не должно. Вас тоже.

— Мне кажется, — заявил скуластый бандит, — что нам надо поговорить. — Не соблаговолите ли вы пройти в комнату?

Анна обратила внимание на эту легкую старомодность его речи, словно он учился в дореволюционной гимназии.

Не дожидаясь ответа, бандит толкнул дверь в горницу. Там было уютно. Диван был застелен, на столе лежали книги, частью английские, что сразу убеждало: в комнате обитает интеллигентный человек — то есть Анна Иванкевич.

Видно, эта мысль пришла в голову и бандиту, потому что его следующие слова относились не к Анне, а к спутнику.

— Жюль, — сказал он. — Кто-то прошляпил.

Жюль подошел, взял со стола английскую книжку, пошевелил губами, разбирая название, и заметил:

— Не читал.

Видно, хотел показать свою образованность. Возможно, он торговал иконами с иностранцами, занимался контрабандой и не остановится ни перед чем, чтобы избавиться от свидетеля.

— Хорошо, — сказал скуластый бандит. — Не будем ссориться. Вы полагали, что дом пуст, и решили в нем пожить. Так?

— Совершенно верно. Я знала, что он пуст.

— Но вы не знали, что хозяйка этого дома сдала нам его на две недели. И получилось недоразумение.

— Недоразумение, — сказала Анна. — Я и есть хозяйка.

Гусар уселся на диван и принялся быстро листать книжку.

Вдали забрехала собака, прогудела машина. В полуоткрытое окно влетел крупный мотылек и полетел к фонарику. Анна, хромая, подошла к

столу и зажгла керосиновую лампу.

— Магда Федоровна Иванкевич, — сказал скуластый бандит начальственным голосом, — сдала нам этот дом на две недели.

— Когда вы видели тетю? — спросила Анна.

— Вчера, — ответил молодой человек, не отрываясь от книги, — в Минске.

Вранье, поняла Анна. Вчера утром она проводила тетку в Крым. Полжизни прожив в деревне, тетка полагала, что деревня — не место для отдыха. Экзотическая толкотня на ялтинской набережной куда более по душе ее романтической белорусской натуре… Они здесь не случайно. Их привела сюда продуманная цель. Но что им делать в этом доме? Чем серьезнее намерения у бандитов, тем безжалостнее они к своим жертвам — цель оправдывает средства. Надо вырваться отсюда и добежать до деда. Как поступали отважные разведчицы в войну? Просились в туалет? А потом через заднюю стенку дворового устройства вырывались в лес к партизанам?

— Судя по всему, — сказал задумчиво большой бандит, дотронувшись пальцем до кончика носа, — вы нам не поверили.

— Поверила, — сказала Анна, сжимаясь под его холодным взглядом. Чем себя и выдала оконча-

тельно. И теперь ей оставалось только бежать. Тем более что молодой человек отложил книгу, легко поднялся с дивана и оказался у нее за спиной. Или сейчас, или никогда. И Анна быстро сказала:

— Мне надо выйти. На улицу.

— Зачем? — спросил большой бандит.

Анна бросилась к полуоткрытому окну, нырнула в него головой вперед, навстречу ночной прохладе, аромату лугов и запаху дыма от лесного костра. Правда, эту симфонию она не успела оценить, потому что гусар втащил ее за ноги обратно в комнату. Анна стукнулась подбородком о подоконник, чуть не вышибла свои прекрасные жемчужные зубы и повисла — руками за подоконник, ноги на весу.

— Пусти, — простонала Анна.

В голосе был такой заряд ненависти и унижения, что скуластый бандит сказал:

— Отпусти ее, Жюль.

Анна сказала, приводя себя в порядок:

— Этого я вам никогда не прощу.

— Вы рисковали. Там под окном крапива.

— Смородина, — сказала Анна.

— Почему не кричали? — деловито спросил скуластый бандит. — Тут далеко слышно.

— Я еще закричу, — сказала Анна, стараясь не заплакать.

— Сударыня, — сказал большой бандит. — Успокойтесь: мы не причиним зла.

— Тогда убирайтесь! — сказала Анна неожиданно визгливым кухонным голосом. — Немедленно убирайтесь из моего дома!

Она схватилась за челюсть и добавила сквозь зубы: —Теперь у меня рот не будет открываться.

Могучий бандит поглядел поверх ее головы и сказал:

— Жюль, взгляни, нельзя ли снять боль?

Анна поняла, что убивать ее не будут, а Жюль осторожно и твердо взял ее за подбородок сухими тонкими пальцами и сказал, глядя в глаза своими синими, окаймленными тростником ресниц, гусарскими озерами:

— Неужели мы производим такое удручающее впечатление?

— Производите, — сказала Анна упрямо. — И вам придется вытереть пол в сенях. Понаставили чемоданов…

— Это мы сделаем, — сказал Кин, он же старший бандит, подойдя к окну. — И наверно, придется перенести решение на завтра. Сегодня все взволнованы, более того, раздражены. Встанем

пораньше…

— Вы все-таки намерены здесь ночевать? — сказала Анна.

— А куда же мы денемся?

Анна поняла, что он прав.

— Тогда будете спать в холодной комнате. Только простынь у меня для вас нет.

— Обойдемся, — сказал Жюль. — Я возьму книжку с собой. Очень интересно. Утром верну. — Анна только отмахнулась.

— Где половая тряпка? — спросил Кин.

— Я сейчас дам, — сказала Анна и прошла на кухню. Кин следом. Принимая тряпку, он спросил:

— Может быть, вас устроит денежная компенсация?

— Чтобы я уехала из своего дома?

— Скажем, тысяча рублей?

— Ого, я столько получаю за полгода работы.

— Значит, согласны?

— Послушайте, в деревне есть другие дома. В них живут одинокие бабушки. Это вам обойдется дешевле.

— К сожалению, — сказал Кин, — нас устраивает этот дом.

— Неужели под ним клад?

— Клад? Вряд ли. А две тысячи?

— За эти деньги вы можете купить здесь три дома. Не швыряйтесь деньгами. Или они государственные?

— Ирония неуместна, — строго сказал Кин, словно Анна училась у него в классе. — Деньги государственные.

— Слушайте, — сказала Анна. — Мойте пол и идите спать.

4.

Анне не спалось. За стеной незваные гости бурчали, может, собирались начать раскопки клада до рассвета? В конце концов она не выдержала и выглянула в сени. Фонарик лежал на полке — матовый апельсин свечей на сто. Импортная вещь, подумала Анна. Очень удобно в туристских походах. Чемоданов прибавилось. Их было три. Может, бандиты уже вселили подруг?

И в этот момент с легким стуком посреди прихожей возник блестящий металлический ящик, метр на метр. За перегородкой послышался голос

гусара:

— Приехали.

Дверь в холодную комнату дрогнула, приоткрылась, и Анна, оробев, мгновенно нырнула к себе.

Это было похоже на мистику и ей не понравилось. Вещи так просто не возникают. Они возникают в фантастических романах, которых Анна не терпела, но читала, потому что они дефицитны.

Бандиты еще долго передвигали что-то в прихожей, бормотали и угомонились только часа в три. Тогда и Анна заснула.

Пробудилась она не так, как мечтала о том последние недели. То есть: слышны отдаленные крики петухов, мычит стадо, бредущее мимо окон, утренние птицы гомонят в деревьях — солнечные зайчики пляшут на занавеске. Анна сбегает к речке и окунается в холодную, свежую, прозрачную воду. Сосны взмахивают ветвями, она плывет, распугивая серебряных мальков.

За стенкой звучали голоса, и сразу вспомнилась глупая вчерашняя история. Анна расстроилась раньше, чем услышала пение петухов, мычание стада и веселый шорох листьев. Чтобы выбраться, нужно было пройти через сени, где уже суетились непрошенные соседи. И купаться расхотелось.

Следовало поступить иначе: распахнуть дверь и — хозяйским голосом: «Вы еще здесь? Сколько это будет продолжаться? Я пошла за милицией!» Но ничего такого Анна не сделала, потому что была не причесана и не умыта. Тихо, стесняясь, что ее услышат, Анна пробралась на кухню, налила холодной воды из ведра в таз и совершила скромный туалет. Причесываясь, она поглядела украдкой в кухонное окно. Удрать? Глупо. А они будут бежать за мной по улице? Лучше подожду, пока зайдет дед Геннадий.

Находиться на кухне до бесконечности она не могла. Поэтому Анна разожгла плиту, поставила чайник и — подтянутая, строгая, холодная — вышла в сени.

Там стояло шесть ящиков и чемоданов, один чемодан был открыт, и гусар Жюль в нем копался. Услышав ее шаги, он захлопнул крышку, буркнул: «Доброе утро». Очевидно, неприязнь была взаимной, и это ее даже обрадовало.

— Доброе утро, — согласилась Анна. — Вы еще здесь?

Кин вошел с улицы. Мокрые волосы приклеились ко лбу.

— Отличная вода, — сообщил он. — Давно так хорошо не купался. Вы намерены окунуться?

С чего это у него хорошее настроение?

— Нет, — сказала она. — Лучше я за молоком схожу.

— Сходите, Аня, — сказал Кин миролюбиво.

Он вел себя неправильно.

— Вы собрались уезжать? — спросила она недоверчиво.

— Нет, — сказал Кин. — Мы остаемся.

— Вы не боитесь, что я позову на помощь?

— Вы этого не сделаете, — улыбнулся Кин.

— Еще как сделаю! — возмутилась Анна. И пошла к выходу.

— Посуду возьмите, — сказал ей вслед гусар. — У вас деньги есть?

— Не нужны мне деньги. — Анна хлопнула дверью, вышла на крыльцо. Посуда ей была не нужна. Она шла не за молоком.

По реке гуляли блестки солнца, в ниэнне у ручья зацепилось пятно тумана, солнце было таким теплым и пушистым, что можно было взять его в ладони и погладить.

Дверь сзади хлопнула, вышел Кин с кастрюлей и письмом.

— Аня, — сказал он отеческим голосом. — Письмо вам.

— От кого? — спросила Анна, покорно прини-

мая кастрюлю.

— От вашей тети, — сказал Кин. — Она просила передать…

— Почему вы не показали его вчера?

— Мы его получили сегодня, — сказал Кнн.

— Сегодня? Где же ваш вертолет?

— Ваша тетушка, — не обратил внимание на сарказм Кин, — отдыхающая в Крыму, просила передать вам большой привет.

Анна прижала кастрюлю к боку и развернула записку.

«Аннушка! — было написано там. — Кин Владимирович и Жюль обо всем со мной договорились. Ты их не обижай. Я им очень обязана. Пускай поживут в доме. А ты, если хочешь, у деда Геннадия. Он не откажется. Мы с Миленой доехали хорошо. Прутиков встретил. Погода теплая. Магда».

Кин стоял, склонив голову, и наблюдал за Анной.

— Чепуха, — сказала она. — Это вы сами написали.

— И про Миленку мы написали? И про Прутикова?

— Сколько вы ей заплатили?

— Сколько она просила.

Тетя была корыстолюбива, и если перед ее но-

сом они помахали пачкой сторублевых… Но как они это устроили?

— Сегодня утром? — переспросила Анна.

— Да. Мы телеграфировали нашему другу в Крым вчера ночью. На рассвете письмо прибыло сюда самолетом.

Письмо как письмо, с маркой и штемпелем.

— У вас и рация есть? — спросила Анна.

— Вам помочь перенести вещи? — спросил Кин.

— Не надейтесь, — сказала она. — Я не сдамся. Мне плевать, сколько еще писем вы притащите от моей тетушки. Если вы попробуете меня убить или выгнать силой, я буду сопротивляться.

— Ну зачем так, — скорбно сказал Кин. — Наша работа, к сожалению, не терпит отлагательства. Мы просим вас освободить этот дом, а вы ведете себя, как ребенок.

— Потому что я оскорблена, — сказала Анна. — И упряма.

— Мы стараемся не привлекать к себе внимания, — объяснил Кин. Глаза у него были печальными, если он был притворщиком, то великолепным.

— Вы уже привлекли, — сказала Анна. — Мое внимание. Вам ничего не остается, как рассказать

мне, чем вы намерены заниматься.

— Быть может, вы все же уедете? Поверьте, так всем будет лучше.

— Нет, — сказала Анна. — Подумайте, а я пошла купаться. И не вздумайте выкидывать мои вещи или запирать дверь.

Вода оказалась в меру прохладной, и если бы не шипевшее в Анне раздражение, она бы наслаждалась купанием. Она доплыла до середины реки, увидела, как далеко отнесло ее вниз течением, повернула обратно и потратила минут пятнадцать, чтобы выплыть к тому месту, где оставила полотенце и книгу.

Анна выбралась на траву и улеглась на полотенце. Как назло, ничего хорошего из этого не вышло — несколько нахальных слепней налетели, как истребители, и Анна вконец расстроилась.

— Простите, — сказал Кин, присаживаясь рядом на траву.

— Я вас не звала, — буркнула Анна.

— Мы посоветовались, — сказал Кин. — И решили вам кое-что рассказать.

— Только не врать, — сказала Анна, насторожившись.

— Нет смысла. Вы все равно не поверите.

— Великолепное начало.

Кин с размаху трахнул себя по шее.

— Слепни, — сказала Анна. — Здесь, видно, коровы пасутся. — Она села и накрыла плечи полотенцем.

— Мы должны начать сегодня, — сказал Кин. — Каждая минута стоит бешеных средств.

— Так не тратьте их понапрасну.

— Меня утешает лишь то, что вы неглупы. И отзывы о вас в институте положительные. Правда, вы строптивы…

— Вы и в институте успели?

— А что делать? Вы — неучтенный фактор. Наша вина. Так вот, мы живем не здесь.

— Можно догадаться. На Марсе? В Америке?

— Мы живем в будущем.

— Как трогательно. А в чемоданах — машина времени?

— Не иронизируйте. Это — ретрансляционный пункт. Нас сейчас интересует не двадцатый век, а тринадцатый. Но, чтобы попасть туда, мы должны сделать остановку здесь.

— Я всегда думала, что путешественники во времени — народ скрытный.

— Попробуйте поделиться тайной с друзьями. Кто вам поверит?

Кин отмахнулся от слепня. Пышное облако

наползло на солнце, и сразу стало прохладно.

— А почему я должна вам поверить? — спросила Анна.

— Потому что я расскажу, что нам нужно в тринадцатом веке. Это достаточно невероятно, чтобы заставить вас хотя бы задуматься.

Анне вдруг захотелось поверить. Порой в невозможное верить легче, чем в обыкновенные объяснения.

— Ив каком вы живете веке?

— Логичный вопрос. В двадцать седьмом. Я продолжу? В тринадцатом веке на этом вот холме стоял небольшой город Замошье. Лоскуток в пестром одеяле России. К востоку лежали земли Полоцкого княжества, с запада и юга — жили литовцы, летты, самогиты, ятвяги и другие племена и народы. Некоторые существуют и поныне, другие давно исчезли. А еще дальше на запад начинались владения немецкого ордена меченосцев.

— И вы археологи?

— Нет. Мы должны спасти человека. А вы нам мешаете.

— Неправда. Спасайте. И учтите, что я вам пока не верю. Но зачем забираться в средневековье? Это тоже путешественник?

— Нет, он гений.

— А вы откуда знаете?

— Это наша специальность — искать гениев.

— А как его звали?

— Его имя — Роман. Боярин Роман.

— Никогда не слышала.

— Он рано погиб. Так говорят летописи.

— Может, летописцы все придумали?

— Летописцы многого не понимали. И не могли придумать.

— Что, например?

— Например то, что он использовал порох при защите города. Что у него была типография… Это был универсальный гений, который обогнал свое время.

— И вы хотите, чтобы он не погиб, а продолжал работать и изобрел еще и микроскоп? А разве можно вмешиваться в прошлое?

— Мы не будем вмешиваться. И не будем менять его судьбу.

— Так что же?

— Мы возьмем его к себе. Возьмем в момент смерти. Это не окажет влияния на ход исторических событий. Понятно?

— Н-не очень. Да и зачем это вам?

— Самое ценное на свете — мозг человека. Ге-

нии так редки, моя дорогая Анна…

— Так ведь он жил тысячу лет назад! Сегодня любой первоклассник может изобрести порох.

— Заблуждение. Человеческий мозг развит одинаково уже тридцать тысяч лет. Меняется лишь уровень образования. Сегодня изобретение пороха не может быть уделом гения. Сегодняшний гений должен изобрести…

— Машину времени?

— Скажем, машину времени… Но это не значит, что его мозг совершенней, чем мозг изобретателя колеса или пороха.

— А зачем вам изобретатель пороха?

— Чтобы он изобрел что-то новое.

5.

Облака, высокие, темные с изнанки, освободили солнце, и оно снова осветило берег. Но цвет его изменился — стал тревожным и белым. И тут же хлынул дождь, захлестал по тростнику, по траве. Анна подхватила книгу и, закрывая голову полотенцем, бросилась к яблоням. Кин в

два прыжка догнал ее, и они прижались спинами к корявому стволу. Капли щелкали по листьям.

— А если он не захочет? — спросила Анна.

Кин вдруг засмеялся.

— Вы мне почти поверили, — сказал он.

— Значит, не надо было верить? — Ее треугольное, сходящееся к ямке на крепком остром подбородке лицо порозовело, обгорело за утро, от этого волосы казались еще светлее.

— Это замечательно, что вы поверили. Мало кто может похвастаться таким непредвзятым восприятием.

— Такая я, видно, дура.

— Наоборот.

— Ладно, спасибо. Вы все-таки лучше скажите, зачем вам лезть за гением в тринадцатый век? Что, поближе не оказалось?

— Во-первых, гениев мало. Очень мало. Во-вторых, не каждого мы можем взять к себе. Он должен быть не стар, потому что с возрастом усложняется проблема адаптации, и, главное, он должен погибнуть случайно или трагически… без следа. На похоронах Леонардо да Винчи присутствовало много людей.

— И все-таки — тринадцатый век!

Дождь иссякал, капли все реже били по ли-

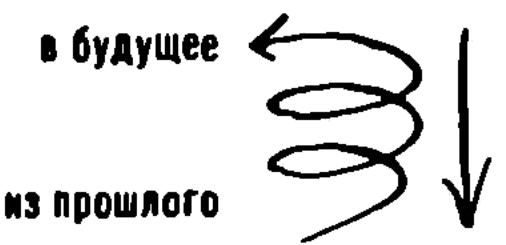
стьям.

— Вы, очевидно, не представляете себе, что такое перемещение во времени…

— Совершенно не представляю.

— Постараюсь объяснить. В двух словах, разумеется. Время — объективная физическая реальность, оно находится в постоянном поступательном движении. Движение это, как и движение некоторых иных физических процессов, осуществляется спиралеобразно.

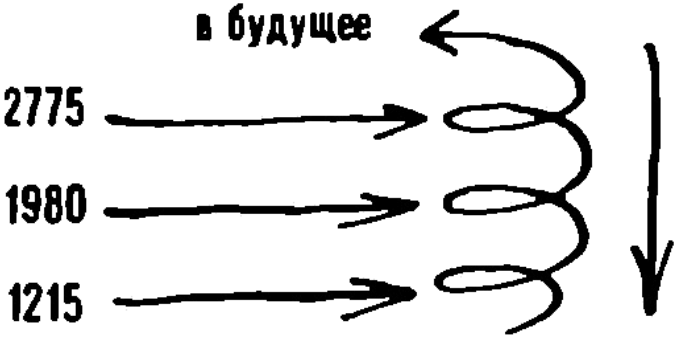
Кин опустился на корточки, подобрал сухой сучок и нарисовал на влажной земле спираль времени.



— Мы с вами — частички, плывущие в спиральном потоке, и ничто в мире не в силах замедлить или ускорить это движение. Но существует другая возможность — двигаться прямо, вне потока,

как бы пересекая виток за витком.

Кин, не вставая, нарисовал стрелку рядом со спиралью.



Затем он поднял голову, взглянул на Анну, чтобы убедиться, поняла ли она. Анна кивнула.

Кин выпрямился и задел ветку яблони — посыпались брызги воды. Он мотнул головой и продолжал. — Трудность в том, что из любого конкретного момента в потоке времени вы можете попасть только в соответствующий момент

предыдущего временного витка. А продолжительность витка более семисот лет. Очутившись в предыдущем или последующем витке, мы тут же вновь попадаем в поток времени и начинаем двигаться вместе с ним. Допустим, что двадцатому июля 2775 года приблизительно соответствует двадцатое июля 1980 года. Или, берем следующий виток, двадцатое июля 1215 года, или, еще один виток, двадцатое июля 540 года. Взгляните. — Кин дополнил рисунок датами.

— Теперь вы понимаете, почему мы не можем откладывать нашу работу? — спросил он.

Анна не ответила.

— Мы несколько лет готовились к переходу в 1215 год, ждали, когда момент смерти боярина Романа совпадет с моментом на нашем витке времени. Город Замошье падет через три дня в 1215 году. И через три дня погибнет неизвестный гениальный ученый тринадцатого века. Если мы не сделаем все в три дня, обо всей операции надо будет забыть. Навсегда. А тут вы…

— Я же не знала, что вам помешаю.

— Никто вас не винит.

— А почему нельзя прямо туда?

— К сожалению, невозможно пересечь сразу два витка времени. На это не хватит всей энер-

гии Земли. Мы должны остановиться и сделать промежуточный пункт здесь, в двадцатом веке.

— Пошли домой, — сказала Анна. — Дождь кончился.

Она посмотрела на спираль времени, нарисованную на влажной бурой земле. Простенький рисунок. Но он был сделан рукой человека, который еще не родился.

Они пошли к дому. Облака уползли в лес. Пари́ло.

— Значит, нас разделяет семьсот лет, — сказала Анна.

— Около этого. — Кин отвел ветку яблони, пропуская Анну. — Это хорошо, потому что такая пропасть времени делает нашу с вами связь эфемерной. Даже если бы вы захотели узнать, когда вы умрете, а это естественный вопрос, я бы ответить на него не смог. Слишком давно.

— Вам задавали такие вопросы?

— Мы не должны говорить об этом. Но такие случаи уже были. И обычно не нарушали эксперимента. Временная система стабильна и инерционна. Это же море, поглощающее смерчи…

— Я жила давно… — подумала Анна вслух. — Для вас я ископаемое. Ископаемое, которое жило

давным-давно. Мамонт.

— В определенной степени, да. — Кин не хотел щадить чувств девушки. — Для меня вы умерли семьсот лет назад.

— Вы в этом уверены?

— Уверен. Хоть и не видел вашей могилы.

— Спасибо за прямоту… Я была вчера на кладбище. Там, на холме. Я могу оценить величину этой пропасти.

— Мы хотим пересечь ее.

— И забрать оттуда человека? А если он будет несчастен?

— Он гениален. Гений адаптабелен. У нас есть опыт.

— Вы категоричны.

— К сожалению, нет: я всегда во всем сомневаюсь. Категоричен Жюль. Может быть, потому, что молод. И не историк, а физик-вре́менщик.

— Вы историк?

— У нас нет строгого деления на специальности. Мы умеем многое.

— Хотя в общем вы не изменились.

— Антропологический тип человека остался прежним. Мы далеко не все красивы и даже не все умны.

— Во мне просыпаются вопросы, — сказала Ан-

на, остановившись у крыльца. Кин вынул грабли из бочки и приставил к стене.

— Разумеется, — сказал он. — Об обитаемости миров, о социальном устройстве, о войнах и мире… Я не отвечу вам, Анна. Я ничего не могу вам ответить. Хотя, надеюсь, сам факт моего прилета сюда уже оптимистичен. И то, что мы можем заниматься таким странным делом, как поиски древних мудрецов…

— Это ничего не доказывает. Может, вы занимаетесь поисками мозгов не от хорошей жизни.

— При плохой жизни не хватает энергии и времени для таких занятий. А что касается нехватки гениев…

В калитке возник дед Геннадий с крынкой в руке.

— Здравствуй, — сказал он, будто не замечая Кина, который стоял к нему спиной, — ты чего за молоком не пришла?

— Познакомьтесь, — сказала Анна. — Это мои знакомые приехали.

Кин медленно обернулся.

6.

Лицо Кина удивительным образом изменилось. Оно вытянулось, обвисло кожей, собралось в морщины и сразу постарело лет на двадцать.

— Геннадий… простите, запамятовал.

— Просто Геннадий, дед Геннадий. Какими судьбами! А я вот вчера еще Анне говорил: реставратор Васильев, человек известный, обещал мне, что не оставит без внимания наши места, по причине исторического интереса. Но не ожидал, что так скоро.

— Ага, — тихо сказала Анна. — Разумеется. Васильев. Известный реставратор из Ленинграда.

И в этом, если вдуматься, не было ничего странного: конечно, они бывали здесь раньше, вынюхивали, искали место для своей машины. Серьезные люди, большие ставки. А вот недооценили дедушкиной страсти к истории.

— И надолго? — спросил дед Геннадий. — Сейчас ко мне пойдем, чаю попьем, а? Как семья, как свои люди? А я ведь небольшой музей уже собрал, некоторые предметы, имеющие научный интерес.

— Обязательно, — улыбнулся Кин очаровательной гримасой уставшего от постоянной реставрации, от поисков и находок великого человека. — Но мы ненадолго, проездом Аню навестили.

— Навестили, — эхом откликнулась Анна.

— Правильно, — согласился дед, влюбленно глядя на своего кумира, — я сейчас мой музей сюда принесу. Вместе посмотрим и выслушаем советы.

Кин вдруг обратил к Анне умоляющий взгляд — спасайте!

— Не бесплатно, — сказала Анна одними губами, отвернувшись от зоркого деда.

— Мы погодя зайдем, — сказала она. — Вместе зайдем, не надо музей сюда нести, можно помять что-нибудь, сломать…

— Я осторожно, — сказал дед. — Вы, конечно, понимаете, что мой музей пока не очень велик. Я некоторые кандидатуры на местах пока оставляю. Мечу и оставляю. Мы с вами должны на холм сходить, там удивительной формы крест я нашел, весь буквально кружевной резьбы, принадлежал купцу второй гильдии Сумарокову, супруга и чада его сильно скорбели в стихах.

Анна поняла, что и она бессильна перед напо-

ром деда. Спасение пришло неожиданно. В сенях скрипнуло, дверь отворилась. Обнаружился Жюль в кожанке. Лицо изуродовано половецкими усами.

— Терентий Иванович, — сказал он шоферским голосом. — Через пятнадцать минут едем. Нас ждать не будут. — Он снисходительно кивнул деду Геннадию, и дед оробел, потому что от Жюля исходили уверенность, небрежность и величественность занятого человека.

— Да, конечно, — согласился Кин. — Пятнадцать минут.

— Успеем, — сказал дед быстро. — Успеем. Поглядим. А машина пускай ко мне подъедет. Где она?

— Там, — туманно взмахнул рукой Жюль.

— Ясно. Значит, ждем. — И дед с отчаянным вдохновением потащил и калитке реставратора Васильева, сомнительного человека, которому Анна имела неосторожность почти поверить.

Интересно, как вы теперь выпутаетесь? Анна смотрела им вслед. Две фигурки — маленькая, в шляпе, дождевике, и высокая, в джинсах и черном свитере, спешили под откос. Дед махал руками, и Анна представила, с какой страстью дед излагает исторические сведения, коими на-

чинен сверх меры.

Она обернулась к крыльцу. Жюль держал в руке длинные усы.

— Я убежден, что все провалится, — сообщил он. — Вторая накладка за два дня. Я разнесу группу подготовки. По нашим сведениям, дед Геннадий должен был на две недели уехать к сыну.

— Могли у меня спросить.

— Кин вел себя как мальчишка. Не заметить старого хрыча! Не успеть принять мер! Теряет хватку. Он вам рассказал?

— Частично, мой отдаленный потомок.

— Исключено, — сказал Жюль. — Я тщательно подбирал предков.

— Брезгуете?

— Опасаюсь настойчивых девиц.

— Что же будет дальше?

— Будем выручать, — сказал Жюль и нырнул в дверь. Анна присела на порог, отпила из крынки, молоко было теплое, душистое. Появился Жюль.

— Не забудьте приклеить усы, — сказала Анна.

— Останетесь здесь, — сказал Жюль. — Никого не пускать.

— Слушаюсь, мой генерал. Молока хотите?

— Некогда, — сказал Жюль.

Анне было видно, как он остановился перед

калиткой, раскрыл ладонь, — на ней лежал крошечный компьютер, — и пальцем левой руки начал нажимать на нем кнопки.

Склон холма и лес, на фоне которых стоял Жюль, колебались и начали расплываться, их словно заволакивало дымом. Дым сгущался, принимая форму куба. Вдруг Анна увидела, что перед калиткой на улице возникло объемное изображение газика. Анна отставила крынку. Газик казался настоящим, бока его поблескивали, а к радиатору приклеился березовый листок.

— Убедительно, — сказала Анна, — направляясь к калитке. — А зачем вам эта голография? Деда этим не проведешь.

Жюль отворил дверцу и влез в кабину.

— Так это не голография? — тупо спросила Анна.

— И не гипноз, — сказал Жюль.

Вспомнив о чем-то, он высунулся из машины, провел рукой вдоль борта. Появились белые буквы: «Экспедиционная».

— Вот так, — сказал Жюль и достал ключи из кармана. Включил зажигание. Машина заурчала и заглохла.

— А, чтоб тебя, — проворчал шофер. — Придется толкать.

— Я вам не помощница, — сказала Анна. — У вас колеса земли не касаются.

— А я что говорил, — согласился Жюль. Машина чуть осела, покачнулась и на этот раз завелась. Набирая скорость, газик покатился по зеленому откосу вниз, к броду.

Анна вышла из калитки. На земле были видны рубчатые следы шин.

— Очевидно, они-таки из будущего, — сказала Анна сама себе. — Пойду приготовлю обед.

Лжереставраторы вернулись только через час. Пришли пешком с реки. Анна уже сварила лапшу с мясными консервами.

Она услышала их голоса в прихожей. Через минуту Кин заглянул на кухню, потонул носом и сказал:

— Молодец, что сообразила. Я дьявольски проголодался.

— Кстати, — сказала Анна. — Моих продуктов надолго не хватит. Или привозите из будущего, или доставайте, где хотите.

— Жюль, — сказал Кин. — Продукты занеси сюда.

Явился мрачный Жюль, водрузил на стол объемистую сумку.

— Мы на станции купили, — сказал Кин. — Дед

думает, что мы уехали.

— А если он придет ко мне в гости?

— Будем готовы и к этому. К сожалению, он прямо-таки поклоняется реставратору Васильеву.

— Ты сам виноват, — сказал Жюль.

— Ничего. Когда Аня уйдет, она запрет дом снаружи. И никто не догадается, что мы остались здесь.

— Не уйду, — сказвла Анна. — Жюль, вымой тарелки, они на полке. Я в состоянии вас шантажировать.

— Вы на это неспособны, — сказал Кин без убежденности.

— Любой человек способен. Если соблазн велик. Вы меня поманили приключением. Может, именно об этом я мечтала всю жизнь. Если вам нужно посоветоваться со старшими товарищами, валяйте. Вы и так мне слишком много рассказали.

— Это немыслимо, — сказал Кин.

— Вы плохой психолог, — сказала Анна.

— Я предупреждал, — сказал Жюль.

Обед прошел в молчании. Все трое мрачно жевали лапшу, запивали молоком и не смотрели друг на друга, словно перессорившиеся наследники в доме богатой бабушки.

Анна мучилась раскаянием. Она понимала,

что и в самом деле ведет себя глупо. Сама ведь не выносишь, когда невежды суют нос в твою работу, — и если в тебе есть хоть капля благородства, ты сейчас встанешь и уйдешь… Впрочем, нет, не сейчас. Чуть попозже, часов в шесть, ближе к поезду. Надо незаметно ускользнуть из дома, не признавая открыто своего поражения… И всю жизнь мучаться, что из благородства отказалась от уникального шанса?

Кин отложил ложку, молча поднялся из-за стола, вышел в сени, что-то там уронил. Жюль поморщился. Наступила пауза.

Кин вернулся со стопкой желтоватых листков. Положил их на стол возле Анны. Потом взял тарелку и отправился на кухню за новой порцией лапши.

— Что это? — спросила Анна.

— Кое-какие документы. Вы ничего в них не поймете.

— Зачем тогда они мне?

— Чем черт не шутит. Раз уж вы остаетесь…

Анна чуть было не созналась, что уже решила уехать. Но нечаянно ее взгляд встретился со злыми глазами гусара. Жюль оставался при своем мнении.

— Спасибо, — сказала Анна небрежно. — Я

почитаю.

7.

Гости занимались своими железками. Было душно. Собиралась гроза. Анна забралась на диван, поджала ноги. Желтые листочки были невелики и текст напечатан убористо, четко, чуть выпуклыми буквами.

Сначала латинское название.

Bertholdi Chronicon Lyvoniae, pag. 29.
Monumenta Lyvoniae antiquae. Vlll. Rigae 1992.

…Рыцарь Фридрих и пробст Иоганн подали мнение: необходимо, сказали они, сделать приступ и, взявши город Замош, жестоко наказать жителей для примера другим. Ранее при взятии крепостей оставляли гражданам жизнь и свободу, и оттого остальным нет должного страха. Порешим же: кто из наших первым взойдет на стену, того превознесем почестями, ладим ему лучших лошадей и знатнейшего пленника. Вероломного князя,

врага христианской церкви, мы вознесем выше всех на самом высоком дереве. И казним жестоко его слугу, исчадие ада, породителя огня.

И русы выкатили из ворот раскаленные колеса, которые разбрасывали по сторонам обжигающий огонь, чтобы зажечь осадную башню от пламени. Между тем ландмейстер Готфрид фон Гольм, неся стяг в руке, первым взобрался на вал, а за ним последовал Вильгельм Оге, и, увидев это, остальные ратники и братья спешили взойти на стену первыми, одни поднимали друг друга на руки, а другие бились у ворот…

Рядом с этим текстом Анна прочла небрежно, наискось от руки приписанное: «Перевод с первой публикации. Рукопись Бертольда Рижского найдена в отрывках, в конволюте XIV в. в Мадридской биб-ке. Запись отн. к лету 1215. Горский ошибочно идентифицировал Замошье с Изборском. См. В. И. 12.1990, стр. 36. Без сомнения, единственное упоминание о Замошье в орденских источниках. Генрих Латв. молчит. Псковский летописец под 1215 краток: «Того же лета убиша многих немцы в Литве и Замошье, а город взяша». Татищев, за ним Соловьев, сочли Замошье литовской волостью. Янин выражал

сомнения в 80-х гг.».

На другом листке было что-то совсем непонятное:

Дорога дорог

Ab majorem Dei gloriam. Во имя Гермия Трижды Величайшего. Если хочешь добывать Меркурий из Луны, сделай наперед крепкую воду из купороса и селитры, взявши их поровну, сольвируй Луну обыкновенным способом, дай осесть в простой воде, вымой известь в чистых водах, высуши, опусти в сосуд плоскодонный, поставь в печь кальцинироваться в умеренную теплоту, какая потребна для Сатурна, чтобы расплавиться, и по прошествии трех недель Луна взойдет, и Меркурий будет разлучен с Землею.

Тем же быстрым почерком сбоку было приписано: «За полвека до Альберта и Бэкона!» Что же сделали через полвека Альберт и Бэкон — Анне осталось неведомо.

Зря она тратит время. Наугад Анна вытянула из пачки третий листок.

Из отчёта Западнодвинского отряда

Городище под названием Замошье располо-

жено в 0,4 км к северо-западу от дер. Полуденки (Миорский р-и) на высоком и крутом (до 20 м) холме на левом берегу р. Вятла (левый приток Западной Двины). Площадка в плане неправильной овальной формы, ориентирован по линии север-юг с небольшим отклонением к востоку. Длина площадки 136 м, ширина в северной половине 90 м, в южной — 85 м. Раскопом в 340 кв. м вскрыт культурный слой черного, местами темно-серого цвета мощностью 3,2 м ближе к центру и 0,3 м у края. Насыщенность культурного слоя находками довольно значительная. Обнаружено много фрагментов лепных сосудов: около 90 % слабопрофлированных и баночных форм, характерных для днепро-двинской культуры, и штрихованная керамика (около 10 %), а также несколько обломков керамики XII в. Предварительно выявлены три нижних горизонта: ранний этап днепро-двинской культуры, поздний этап той же культуры и горизонт третьей четверти 1 тысячелетия нашей эры (культура типа верхнего слоя банцеровского городища).

В конце XII, начале XIII в. здесь возводится каменный одностолпный храм и ряд жилых сооружений, которые погибли в результате пожара. Исследования фундамента храма, на котором в

XVIII в. была построена кладбищенская церковь, будут продолжены в следующем сезоне. Раскопки затруднены вследствие нарушения верхних слоев кладбищем XVI–XVIII вв.

(«Археологические открытия 1986 г.», стр. 221)

Отчет был понятен. Копали — то есть будут копать — на холме. Анна положила листки на стол. Ей захотелось еще раз поглядеть на город. В сенях был один Жюль.

— Хотите взглянуть на машину времени? — спросил он.

— Вы на ней приехали?

— Нет, установка нужна только на вводе. Она бы здесь не поместилась.

Жюль провел Анну в холодную комнату. Рядом с кроватью стоял металлический ящик. Над ним висел черный шар. Еще там было два пульта. Один стоял на стуле, второй на кровати. В углу — тонкая высокая рама.

— И это все? — спросила Анна.

— Почти. — Жюль был доволен эффектом. — Вам хочется, чтобы установка была на что-то похожа? Люди не изобретательны. Во всех демонах и ведьмах угадывается все тот же человек.

А вот кенгуру европейская фантазия придумать не смогла.

— А спать вы здесь будете? — спросила Анна.

— Да, — ответил невинно Жюль. — Чтобы вы не забрались сюда ночью и не отправились в прошлое или будущее. А то ищи вас потом в татарском гареме.

— Придется разыскивать, — сказала Анна. — Хуже будет, если я убью своего прадедушку.

— Банальный парадокс, — сказал Жюль, — витки времени так велики, что эффект нивелируется.

— А где Кин?

— На холме.

— Не боится деда?

— Больше он не попадется.

— Я тоже пойду, погляжу. Заодно спрошу кое о чем.

Анна поднималась по тропинке, стараясь понять, где стояла крепостная стена. Вершина холма почти плоская, к лесу и ручью идут пологие склоны, лишь над рекой берег обрывается круто. Значит, стена пройдет по обрыву над рекой, а потом примерно на той же высоте вокруг холма.

Еще вчера город был абстракцией, потонувшей в бездне времени. А теперь? Если я, размышляла

Анна, давно умершая для Кина с Жюлем, все-таки весьма жива, даже малость вспотела от липкой предгрозовой жары, то, значит, и гениальный Роман тоже сейчас жив. Он умрет через три дня и об этом пока не подозревает.

Анна увидела неглубокую лощину, огибавшую холм. Настолько неглубокую, что если бы Анна не искала следов города, то и не догадалась бы, что это остатки рва. Анна нашла во рву рваный валенок и консервную банку, еле увернулась от осы и решила подняться в тень, на кладбище, потому что через полчаса из этого пекла должна созреть настоящая гроза.

В редкой тени крайних деревьев было лишь чуть прохладней, чем в поле. Стоило Анне остановиться, как из кустов вылетели отряды комариных камикадзе. В кустах зашуршало.

— Это вы, Кин?

Кин вылез из чащи. На груди у него висела фотокамера, недорогая, современная.

— Ах, какие вы осторожные! — сказала Анна, глядя на камеру.

— Стараемся. Прочли документы?

— Не все. Кто такой Гермий Трижды Величайший?

— Покровитель алхимии. Этот отчет об опыте

— липа. Его написал наш Роман.

— А чего там интересного?

— Этого метода выделения ртути тогда еще не знали. Он описывает довольно сложную химическую реакцию.

Налетел порыв ветра. Гроза предупреждала о своем приближении.

— С чего начнем? — спросила Анна.

— Поглядим на город. Просто поглядим.

— Вы знаете Романа в лицо?

— Конечно, нет. Но он строил машины и делал порох.

Кин заглянул в полумрак церкви. Анна вошла за ним. В куполе была дыра, и сквозь нее Анна увидела клок лиловой тучи. В церкви пахло пыльным подвалом, на стене сохранились фрески. Святые старцы равнодушно смотрели на людей. От колен вниз фрески были стерты. Казалось, что старцы стоят в облаках.

Первые капли ударили по крыше. Они падали сквозь отверстие в куполе и выбивали на полу фонтанчики пыли. Анна выглянула наружу. Листва и камни казались неестественно светлыми.

— Справа, где двойной дуб, были княжеские хоромы. От них ничего не сохранилось, — сказал

Кин.

Дождь рухнул с яростью; словно злился, что люди не попались ему в поле.

— Это были необычайные княжества, — сказал Кин. — Форпосты России, управлявшиеся демографическими излишками княжеских семей. Народ-то здесь был большей частью не русский. Вот и приходилось лавировать, искать союзников, избегать врагов. И главного врага — немецкий орден меченосцев. Их центр был в Риге, а замки росли по всей Прибалтике.

Из зарослей вышла Клеопатра и уверенно зашагала к церкви, видно, надеясь укрыться. Увидев людей, она понурилась.

— Отойдем, — сказала Анна. — У нас целая церковь на двоих.

— Правильно, — согласился Кин. — Она догадается?

Лошадь догадалась. Кин и Анна сели на камень в дальнем углу, а Клепа вежливо остановилась у входа, подрагивая всей кожей, чтобы стряхнуть воду. Посреди церкви, куда теперь лился из дырявого купола неширокий водопад, темное пятно воды превратилось в лужу, которая, как чернильная клякса, выпускала щупальцы. Один ручеек добрался до ног Анны.

— А вам не страшно? — спросила она. — Разговаривать с ископаемой женщиной?

— Опять? Впрочем, нет, не страшно. Я привык.

— А кто из гениев живет у вас?

— Вы их не знаете. Это неизвестные гении.

— Мертвые души?

— Милая моя, подумай трезво. Гений — понятие статистическое. В истории человечества они появляются регулярно, хотя и редко. Но еще двести лет назад средняя продолжительность жизни была не более тридцати лет даже в самых развитых странах. Большинство детей умирало в младенчестве. Умирали и гении. Эпидемии опустошали целые континенты — умирали и гении. Общественный строй обрекал людей, имевших несчастье родиться с рабским ошейником, на такое существование, что гений не мог проявить себя… В войнах, в эпидемиях, в массовых казнях, в темницах гении погибали чаще, чем обыкновенные люди. Они отличались от обыкновенных людей, а это было опасно. Гении становились еретиками, бунтовщиками… гений очень хрупкий товар. Его надо беречь и лелеять. Но никто этим не занимался. Даже признанный гений не был застрахован от ранней смерти. Привычно говорить о гениальности Пушкина. А Дантесу

было плевать на это.

— Я знаю, — сказала Анна. — Даже друзья Пушкина Карамзины осуждали его за плохое поведение. Многие считали, что Дантес был прав.

Клёпа подошла поближе, потому что подул ветер и стрелы дождя полетели в раскрытую дверь. Клёпа нервно шевелила ноздрями. Громыхнул гром, потом еще. Анна увидела, как проем купола высветился молнией. Кин тоже посмотрел наверх.

— Но почему вы тогда не выкрадываете гениев в младенчестве?

— А как догадаться, что младенец гениален? Он ведь должен проявить себя. И проявить так, чтобы мы могли отважиться на экспедицию в прошлое — а такая экспедиция требует столько энергии, сколько сегодня вырабатывают все электростанции Земли за год. Это не так уж мало. Даже для нас.

Лошадь, прядая ушами, переступила с ноги на ногу. Молнии врезались в траву прямо у входа. Церковь была надежна и тверда.

— Нет, — пробормотал Кин, — мы многого не можем.

— Значит, получается заколдованный круг. Гений должен быть безвестен. И в то же время

уже успеть что-то сделать.

— Бывали сомнительные случаи. Когда мы почти уверены, что в прошлом жил великий ум, и можно бы его достать, но… есть сомнения. А иногда мы знаем наверняка, но виток не соответствует. И ничего не сделаешь.

— Тогда вы обращаетесь в будущее?

— Нет. У нас нет связи со следующим витком.

— Там что-нибудь случится?

— Не знаю. Там барьер. Искусственный барьер.

— Наверное, кто-то что-то натворил.

— Может быть. Не знаю…

8.

Анна вдруг расстроилась. Кажется, какое тебе дело до того, что случится через тысячу лет? И ведь ей никогда не узнать, что там произошло…

Ветер стих, дождь утихомирился, лил спокойно, выполняя свой долг, помогая сельскому хозяйству.

— А в наше время, — сказала Анна. — Есть кандидатуры?

— Разумеется, — сказал Кин. Видно, не подумав, что делает, он провел в воздухе рукой, и ручеек, совсем было добравшийся до ног Анны, остановился, словно натолкнувшись на стеклянную запруду. — Двадцатый век, милая Аня, — такой же убийца, как и прочие века. Если хотите, я вам зачитаю несколько коротких справок. По некоторым из них мы не решились принимать мер…

«А по некоторым?» — хотела спросить Анна. Но промолчала. Вернее всего, он не ответит. И будет прав.

— Это только сухие справки. Разумеется, в переводе на ваш язык…

— По-моему, вы изъясняетесь на языке двадцатого века. А… большая разница?

— Нет, не настолько, чтобы совсем не понять. Но много новых слов. И язык лаконичнее. Мы живем быстрее. Но когда попадаем в прошлое, мы свой язык забываем. Так удобнее. Хотите услышать о гениях, которых нет?

— Хочу.

Кин коротко вздохнул и заговорил, глядя себе под ноги. Голос его изменился, стал суше. Кин читал текст, не видимый его слушательнице. Дождь моросил под-стать голосу.

«Дело 12-а-56. Маун Маун Ко. Родился 18 мая

1889 года в деревне Швезандаун севернее города Пегу в Бирме. В возрасте 6 лет поступил в монастырскую школу, где удивлял монахов умением заучивать главы из Типитаки. К десяти годам знал наизусть весь канон Хинаяны, и его как ребенка, отмеченного кармой, возили в Мандалай, где с ним разговаривал сам татанабайн и подарил ему зонт и горшок для подаяний. В Мандалае ему попалась книга о христианстве, и путем сравнения религиозных систем, а также разговоров с учеными мусульманами мальчик создал философскую систему, в которой применил начала диалектики, близкой к гегелевской. Был наказан заточением в келье. В 1901 году бежал из монастыря и добрался до Рангуна, надеясь убедить в своей правоте английского епископа Эндрю Джонсона. К епископу мальчика не пустили, но несколько дней он прожил в доме миссионера Г. Стоунуэлла, который был удивлен тем, что подошедший к нему на улице бирманский оборвыш читает наизусть евангелие на английском языке. Миссионер демонстрировал мальчика своим друзьям и оставил в дневнике запись о том, что Маун Маун Ко свободно излагает свои мысли на нескольких языках. Попытки Маун Маун Ко изложить миссионеру свою теорию не увенча-

лись успехом, потому что миссионер решил, что мальчик пересказывает крамольную книгу. На четвертый день, несмотря на то, что мальчика в доме миссионера кормили, Маун Маун Ко убежал. Его труп в крайней степени истощения, с колотыми ранами в груди, был найден портовым полицейским А. Банерджи 6 января 1902 года у склада № 16. Причина смерти неизвестна».

Кин замолчал. Словно его выключили. Потом посмотрел на Анну. Дождь еще накрапывал. Лошадь стояла у дверей.

— Тут мы были уверены, — сказал Кин. — Но опоздали.

— Почему же никто его не понял?

— Еще удивительно, как он добрался до того миссионера, — сказал Кин. — Прочесть еще?

— Да.

«Дело 23-ОВ-76. Кособурд Мордко Лейбович. Родился 23 октября 1900 года в г. Липовец Киевской губернии. Научился говорить и петь в 8 месяцев. 4 января 1904 года тетя Шейна подарила ему скрипку, оставшуюся от мужа. К этому времени в памяти ребенка жили все мелодии, услышанные дома и в Киеве, куда его два раза возили родители. Один раз мальчик выступал с концертом в доме предводителя дворянства камер-юнкера Павла

Михайловича Гудим-Левковича. После этого концерта, на котором Мордко исполнил, в частности, пьесу собственного сочинения, уездный врач д-р Колядко подарил мальчику три рубля. Летом 1905 года аптекарь С. Я. Сойфертис, списавшись со знакомыми в Петербурге, продал свое дело, ибо, по его словам, бог на старости лет сподобил его увидеть чудо и поручил о нем заботу. На вокзал их провожали все соседи. Скрипку нёс Сойфертис, а мальчик — баул с игрушками, сластями в дорогу и нотной бумагой, на которой сам записал первую часть концерта для скрипки. На углу Винницкой и Николаевской улиц провожавшие встретились с шествием членов союза Михаила Архангела. Произошло нечаянное столкновение, провожающие испугались за мальчика и хотели его спрятать. Тете Шейне удалось унести его в соседний двор, но он вырвался и с криком: «Моя скрипка!» выбежал на улицу. Мальчик был убит ударом сапога бывшего податного инспектора Никифора Быкова. Смерть была мгновенной».

— Еще? — спросил Кин.

Не дождавшись ответа, он продолжал:

«Дело 22-5-а-4. Алимханова Салима. Родилась в 1905 году в г. Хиве. За красоту и белизну лица была в 1917 году взята в гарем Алим-хана Ку-

тайсы, приближенного лица последнего хана Хивинского. В 1918 г. родила мертвого ребенка. Будучи еще неграмотной, пришла в выводу о бесконечности Вселенной и множественности миров. Самостоятельно научилась читать, писать и считать, изобрела таблицу логарифмов. Интуитивно использовала способность предвидения некоторых событий. В частности, предсказала землетрясение 1920 года, объяснив его напряжениями в земной коре. Этим предсказанием вызвала недовольство духовенства Хивы, и лишь любовь мужа спасла Салиму от наказания. Страстно стремилась к знаниям. Увидев в доме случайно попавшую туда ташкентскую газету, научилась читать по-русски. В августе 1924 года убежала из дома, переплыла Амударью и поступила в школу в Турткуле. Способности девушки обратили на себя внимание русской учительницы Галины Крановой, которая занималась с ней алгеброй. За несколько недель Салима освоила курс семилетней школы. Было решено, что после октябрьских праздников Галина отвезет девушку в Ташкент, чтобы показать специалистам. Во время демонстрации 7 ноября в Турткуле Салима шла в группе женщин, снявших паранджу и была опознана родственниками Алим-хана. Ночью

была похищена из школы и задушена в Хиве 18 ноября 1924 года».

— Хватит, — сказала Анна. — Большое спасибо. Хватит.

9.

На дворе стемнело. Жюль настраивал установку, изредка выходя на связь со своим временем, для чего служил круглый голубой экран, на котором дрожали узоры желтых и белых точек, а Кин готовил съемочную аппаратуру.

Черный шар размером с большой надувной мяч, висевший над головой Жюля, стал медленно вращаться.

— Сейчас, Аня, вы заглянете в тринадцатый век, — сказал Кин. Ее охватило щекотное детское чувство ожидания театра. Вот-вот раздвинется занавес, и начнется действие…

Замельтешил желтыми и белыми огоньками круглый экран связи.

Цветные пятна побежали быстрей, они смещались у края иллюминатора и уплывали.

Послышался резкий щелчок. И сейчас же кто-то будто провел рукой по запотевшему стеклу иллюминатора, и мир в шаре обрел четкие формы и границы. Это было зеленое поле, окруженное березами.

Шаром управлял Кин. Руки в черных перчатках были спрятаны в столе, он сидел выпрямившись, напряженно, как за рулем.

Изображение в шаре резко пошло в сторону, березы накренились, как в модном кинофильме. Анна на миг зажмурилась. Роща пропала, показался крутой склон холма с деревянным тыном наверху, широкая разбитая дорога и, наконец, нечто знакомое — речка Вятла. За ней густой еловый лес.

И тут же Анна увидела свой дом. Он стоял в ряду других домов по эту сторону ручья. Хотя скорее его можно было назвать хижиной — приземистой, подслеповатой, под соломенной крышей. Зато ручей был много шире, над ним склонялись ивы, дорога пересекала его по широкому деревянному мосту, возле которого стояло несколько всадников.

— Я стабилизируюсь, — сказал Жюль.

— Это тринадцатый век? — спросила Анна.

— Двенадцатое июня.

— Вы уверены?

— У нас нет альтернативы.

— А там, у ручья, люди.

— Божьи дворяне, — сказал Кин.

— Они видят наш шар?

— Нет. Они нас не видят.

— А в домах кто живет?

— Сейчас никто. Люди ушли в стены. Город осажден.

Кин развернул шар, и Анна увидела, что за ручьем, там, где должна была начинаться деревня, а теперь была опушка леса, стояли шалаши и шатры. Между ними горели костры, ходили люди.

— Кто это? Враги? — спросила Анна.

— Да. Это меченосцы, орден святой Марии, божьи дворяне.

— Это они возьмут город?

— В ночь на послезавтра. Жюль, ты готов?

— Можно начинать.

Шар поднялся и полетел к ручью. Слева Анна заметила высокое деревянное сооружение, стоявшее в пологой ложбине на полдороге между откосом холма и ручьем, где она бродила всего два часа назад. Сооружение напомнило ей геодезический знак — деревянную шкалу, какие порой встречаются в поле.

— Видели? — спросила Анна.

— Осадная башня, — сказал Кин.

Шар спустился к лагерю рыцарей.

Там обедали. Поэтому их было не видно. Шикарные рыцари, вроде тех, что сражаются на турнирах и снимаются в фильмах, сидели в своих шатрах и не знали, что к ним пожаловали посетители из будущего. Народ же, уплетавший какую-то снедь на свежем воздухе, никаких кинематографических эмоций не вызывал. Это были плохо одетые люди, в посконных или кожаных рубахах и портах, некоторые из них босые. Они были похожи на бедных крестьян из недалекого прошлого.

— Посмотрите, а вот и рыцарь, — сказал Кин, бросив шар к одному из шатров. На грязной поношенной холщевой ткани шатра были нашиты красные матерчатые мечи. Из шатра вышел человек, одетый в грубый свитер до колен. Вязаная шапка плотно облегала голову, оставляя открытым овал лица, и спадала на плечи. Ноги были в вязаных чулках. Свитер перепоясан черным ремнем, на котором висел длинный прямой меч в кожаных ножнах.

— Жарко ему, наверно, — сказала Анна и уже поняла, что рыцарь не в свитере — это кольчуга,

мелкая кольчуга. Рыцарь поднял руку в кольчужной перчатке, и от костра поднялся бородатый крестьянин в кожаной куртке, короткой юбке и в лаптях, примотанных ремнями к икрам ног. Мужик не спеша затрусил к коновязи и принялся отвязывать лошадь.

— Пошли в город? — спросил Жюль.

— Пошли, — сказал Кин. — Аня разочарована. Рыцари должны быть в перьях, в сверкающих латах…

— Не знаю, — сказала Анна. — Все здесь не так.

— Если бы мы пришли лет на двести попозже, вы бы все увидели. Расцвет рыцарства впереди.

Шар поднимался по склону, пролетел неподалеку от осадной башни, возле которой возились люди в полукруглых шлемах и кожаных куртках.

— В отряде, по моим подсчетам, — сказал Кин, — около десятка божьих братьев, с полсотни слуг и сотни три ратников.

— Триста двадцать. А там, за сосняком, — сказал Жюль, — союзный отряд. По-моему, летты. Около ста пятидесяти.

— Десять братьев? — спросила Анна.

— Божий брат — это полноправный рыцарь, редкая птица. У каждого отряд.

Шар взмыл вверх, перелетел через широкий неглубокий ров, в котором не было воды. Дорога оканчивалась у рва, и мост через ров был разобран. Но, видно, его не успели унести — несколько бревен лежали у вала. На валу, поросшем травой, стояла стена из торчком поставленных бревен. Две невысоких башни с площадками наверху возвышались по обе стороны обитых железными полосами закрытых ворот. На площадках стояли люди.

Шар поднялся на уровень площадки и завис.

Потом медленно двинулся вдоль площадок. И Анна могла вблизи разглядеть людей, которые жили в ее краях семьсот лет назад.

10.

На башенной площадке тоже все было неправильно.

Там должны были стоять суровые воины в высоких русских шлемах, их красные щиты должны были грозно блистать на солнце. А на самом деле публика на башнях Замошья вела се-

бя, как на стадионе. Люди совершенно не желали понять всей серьезности положения, в котором оказались. Они переговаривались, смеялись, размахивали руками, разглядывали осадную башню. Круглолицая молодая женщина с младенцем на руках болтала с простоволосой старухой, потом развязала тесемку на груди своего свободного, в складках серого платья с вышивкой по вороту и принялась кормить грудью младенца. Еще один ребенок, лет семи, сидел на плече у монаха в черном клобуке и колотил старика по голове деревянным мечом. Рядом с монахом стоял коренастый мужчина в меховой куртке, надетой на голое тело, с длинными, по плечи, волосами, перехваченными веревкой. Он с увлечением жевал ломоть серого хлеба.

Вдруг в толпе произошло движение. Словно людей подталкивали сзади обладатели билетов на занятые в первом ряду места. Толпа нехотя раздалась.

Появились два воина, первые настоящие воины, которых увидела Анна. Они, правда, совершенно не соответствовали привычному облику дружинников из учебника. На них были черные плащи, скрывавшие тускло блестевшие кольчуги, и высокие красные колпаки, отороченные

бурым мехом. Воины были смуглые, черноглазые, с длинными висячими усами. В руках держали короткие копья.

— Это кто такие? — прошептала Анна, словно боясь, что они ее услышат.

— Половцы, — сказал Жюль. — Или берендеи.

— Нет, — сказал Кин. — Я думаю, что ятвяги.

— Сами не знаете, — сказала Анна. — Кстати: Берендей — лицо не историческое, это сказочный царь.

— Берендеи — народ, — сказал Жюль строго. — Это проходят в школе.

Спор тут же заглох, потому что ятвяги освободили место для знатных зрителей. А знатные зрители представляли особый интерес.

Сначала к перилам вышла пожилая дама царственного вида в синем платье, белом платке, с белым, сильно напудренным лицом; над глазами были грубо нарисованы высокие брови, а на щеках, словно свеклой, намалеваны круглые пятна. Рядом с ней появился мужчина средних лет с длинным, скучным, но неглупым лицом. Он был богато одет. На зеленый кафтан накинут короткий синий плащ-корзно с золотой каймой и пряжкой из золота на левом плече в виде львиной морды. На голове у него, надвинутая

на лоб, сидела невысокая меховая шапка, хотя было совсем не холодно. Анна решила, что это и есть князь. Между ними проскользнул странный мальчик со злым, мятым лицом. Он положил подбородок на перила. У мальчика на правом глазу было бельмо и на одной из рук, охвативших брус, не хватало двух пальцев.

Затем появились еще двое. Эти Анне понравились.

Они вошли одновременно и остановились за спинами царственной дамы и князя, но так как оба были высоки, то Анна могла их рассмотреть. Мужчина был сравнительно молод, лет тридцати. Он был очень хорош собой, — разумеется, если вы не имеете ничего против огненно-рыжих красавцев с белым, слегка усыпанным веснушками лицом и зелеными глазами. Под простым красным плащом виднелась кольчуга. Анне очень захотелось, чтобы красавца звали Романом, о чем она тут же сообщила Кину, но Кин лишь хмыкнул и сказал что-то о последствиях эмоционального подхода к истории. Рядом с зеленоглазым красавцем стояла девушка, кого-то напомнившая Анне. Девушка, была высока, тонка… все в ней было тонкое, готическое. Выпуклый чистый лоб пересекала бирюзовая повязка, украшенная

золотым обручем, такой же бирюзовый платок плотно облегал голову и спускался на шею. Тонкими пальцами она придерживала свободный широкий плащ со стоячим воротником, будто ей было зябко. Рыжий красавец говорил ей что-то, но девушка не отвечала, она смотрела на поле перед крепостью.

Похищение чародея

— Где-то я ее видела, — произнесла Анна. — Но где? Не помню.

— Не знаю, — сказал Кин.

— В зеркале. Она похожа на вас, — сказал Жюль.

— Спасибо. Вы мне льстите.

Еще один человек втиснулся в эту группу. Он был одет почти так же, как смуглые воины, пожалуй, чуть побогаче. На груди его была приколота большая серебряная брошь.

— Ну как, Жюль, мы сегодня их услышим? — спросил Кин.

— Что я могу поделать! Это же всегда так бывает!

Анна подумала, что самый факт поломки как-то роднит ее с далеким будущим. Но говорить об этом потомкам не стоит.

Вдруг мальчишка у барьера что-то крикнул, царственная дама ахнула, рыжий красавец нахмурился. Снаружи что-то произошло.

11.

Кин повернул шар.

Из леса, с дальней от реки стороны, мирно вышло стадо коров, их гнали к городу три пастуха в серых портах и длинных, до колен рубахах. Почему-то пастухи не знали, что рыцари уже рядом. Стадо одновременно заметили с крепостной стены и от ручья. Очевидно, и пастухи услышали крики. Они засуетились, подгоняя коров, а коровы никак не могли взять в толк, куда и почему им нужно торопиться, стадо сбилось в кучу, пастухи бестолково стегали несчастную скотину кнутами.

В рыцарском стане тоже поднялась суматоха, божьим дворянам очень хотелось перехватить стадо — возможно, им захотелось отведать парного молока. Но лошади меченосцев были расседланы, и к ручью побежали пехотинцы, размахивая мечами и топориками. Звука не было, но Анна представила себе, какой гомон стоит над склоном холма. Кин послал шар к стене города. Народ на башнях раздался в стороны, уступив место лучникам. Рыжего красавца не было видно,

длиннолицый князь был так мрачен, что Анна предположила: он боится, что на время осады его народ останется без молока.

Лучники стреляли по бегущим от ручья и от осадной башни ратникам, но большинство стрел не долетало до цели. Одна корова вдруг вырвалась из стада и понеслась, подпрыгивая, по лугу. Оперенная стрела покачивалась у нее в загривке, словно бандерилья у быка во время корриды.

Тем временем немцы добежали до пастухов. Все произошло так быстро, что Анна чуть было не попросила Кина прокрутить сцену еще раз. Один из пастухов упал на землю и замер. Второй повис на дюжем ратнике, а другой немец крутился вокруг них, занеся топор, — боялся угодить по товарищу. Еще один пастух бежал к воротам, и за ним гнались сразу человек десять. Он добежал до рва, спрыгнул; немцы — за ним. Анна видела — только тут до нее докатилось отчаяние, управлявшее пастухом, — как маленькая фигурка, распластываясь, карабкалась по отлогому склону рва, торопясь выбраться к стене, а ратники уже дотягивались до него.

Вдруг один из преследователей покатился на дно рва. Это не остановило остальных. Стрелы впивались в траву, отскакивали от кольчуг, еще

один ратник опустился на колени, зажимая ладонью рану в животе. И тут передний кнехт догнал пастуха и рубанул топориком. Боль — Анна почувствовала, что ударили ее, — заставила пастуха прыгнуть вперед, он упал и на четвереньках пополз к стене. Ярко-красная кровь хлестала из разрубленной ноги, оставляя след, по которому, словно волки, лезли вперед преследователи.

— Откройте ворота! — закричала Анна.

Жюль передернулся. Еще один немец упал, силясь вырвать из груди стрелу, и, как будто послушавшись Анну, ворота начали очень медленно растворяться наружу. Но пастуху было уже все равно, он лежал у самых ворот, и подоспевший ратник всадил ему в спину боевой топор и тут же сам упал рядом, потому что по крайней мере пять стрел прошили его, приколов к земле, как жука.

В раскрывшихся воротах возникла мгновенная толкучка: легкие всадники в черных штанах, стеганых куртках и красных колпаках, с саблями наголо, мешали друг другу, спеша наружу.

— Ну вот, — пробормотала Анна, — могли бы на две минуты раньше выскочить. — Стадо-то они вернут, а пастухов убили.

Пастух лежал ничком в луже быстро темне-

ющей крови, и лошади перескакивали через него. Вслед за ятвягами уже медленнее выехало несколько воинов, одетых в кольчуги со стальными пластинами на груди и в конические железные шлемы с приваренными спереди стальными полосками, прикрывающими нос. Анна сразу угадала в одном из всадников рыжего красавца.

— Смотрите, — сказала она. — Если он сейчас погибнет…

Кин бросил шар вниз, ближе к всадникам.

Почему-то когда из ворот выскочили ятвяги, Анна решила, что русы уже победили. Наверное, потому, что не могла отделаться от неосознанного чувства, что смотрит кино. А в кино после ряда драматических или даже трагических событий обязательно появляются наши — в тачанках или верхом. После чего враг, зализывая раны, откатывается в свою берлогу.

Стадо к этому времени уже отдалилось от стен. Ратники, те, кто гнался за пастухом, умело оттесняли его к ручью, оглядываясь на крепость, — знали, что русские отдавать стадо не захотят. Навстречу им к ручью спускались рыцари. Ятвяги, словно не видя опасности, закрутились вокруг запуганных коров, рубя саблями загонщиков, но

когда на них надвинулись тяжело вооруженные рыцари, сразу легко и как-то весело откатились обратно к крепости, навстречу дружинникам.

Немцы преследовали их, и Анна поняла, что стадо потеряно.

Но рыжий воин и дружинники рассудили иначе. Захватывая мчащихся навстречу ятвягов, как магнит захватывает металлические опилки, они скатились к рыцарскому отряду и слились с меченосцами в густую, плотную массу.

— Если бы стада не было, — заметил вдруг Кин, возвращая Анну в полумрак комнаты, — рыцарям надо было его придумать.

К этому моменту Анна потеряла смысл боя, его логику — словно ее внимания хватило лишь на отдельные эпизоды, на блеск меча, открытый от боли рот всадника, раздутые ноздри коня… Рыжий красавец поднимал меч двумя руками, словно рубил дрова, и Анне были видны искры от удара о треугольный, белый с красным крестом щит могучего рыцаря в белом плаще. Сбоку в поле зрения Анны ворвался конец копья, оно ударило рыжего в бок, и он начал медленно, не выпуская меча, валиться с коня.

— Ой! — Анна привстала: еще мгновение — и рыжий погибнет.

Что-то черное мелькнуло рядом, и удар рыцаря пришелся по черному кафтану ятвяга, закрывшего собою витязя; склонившись к высокой луке седла, витязь уже скакал к крепости.

— Все, — сказал Жюль, — проверка аппаратуры. Перерыв.

— Ладно, — сказал Кин. — А мы пока обмозгуем все, что видели.

Шар начал тускнеть, Кин выпростал руки. Устало точно он сам сражался на берегу ручья, снял перчатки и бросил на постель.

Последнее, что показал шар, были закрывающиеся ворота и возле них убитый пастух и его убийца, лежащие рядом, мирно, словно отдыхая на зеленом косогоре.

12.

В комнате было душно. Квадратик окошка почернел. Анна поднялась с табуретки.

— И никто не придет к ним на помощь? — спросила она.

— Русским князьям не до маленького Замошья.

Русь раздроблена, каждый сам за себя. Даже полоцкий князь, которому формально подчиняется эта земля, слишком занят своими проблемами…

Кин открыл сбоку шара шестигранное отверстие и засунул руку в чуть мерцающее зеленым его чрево.

— Это был странный мир, — сказал он. — Неустойчивый, но по-своему гармоничный. Здесь жили литовцы, летты, самогиты, эсты, русские, литва, — ну кто там еще? Ливы, ятвяги, семигалы… Русские князья по Даугаве — Западной Двине — собирали дань с окрестных племен, воевали с ними, часто роднились с литовцами и ливами… И неизвестно, как бы сложилась дальше судьба Прибалтики, если бы здесь, в устье Даугавы, не высадились немецкие миссионеры. За миссионерами — рыцари… В 1201 году энергичный епископ Альберт основал город Ригу, возник орден святой Марии, или меченосных братьев, который планомерно покорял племена и народы, крестил язычников, — кто не хотел креститься, погибал, кто соглашался — становился рабом. Все очень просто…

— А русские города?

— А русские города — Кукернойс, Герсике, Замошье, потом Юрьев — один за другим были взяты

немцами. Они не смогли объединиться. Только литовцы устояли. Именно в эти годы они создали единое государство. А через несколько лет на Руси появились монголы. Раздробленность ее оказалась роковой.

Кин извлек из шара горсть шариков, каждый размером с грецкий орех.

— Пошли в большую комнату, — сказал он. — Мы мешаем Жюлю. К тому же воздуха на троих явно не хватает.

В большой комнате было прохладно и просторно. Анна задернула выцветшие занавески. Кин включил свою лампу. Горсть шариков раскатилась по скатерти.

— Вот и наши подозреваемые, — сказал Кин. Он поднял первый шарик, чуть сдавил его пальцами, шарик щелкнул и развернулся в плоскую упругую пластину — портрет пожилой дамы с набеленным лицом и черными бровями.

— Кто такая? — спросил Кин, держа портрет перед собой.

— Княгиня, — быстро сказала Анна.

— Не спешите, — улыбнулся Кин. — Нет ничего опаснее в истории, чем очевидные ходы.

Кин отложил портрет в сторону, взял следующий шарик.

Шарик превратился в изображение длинноликого человека с поджатыми капризными губами и умными, усталыми глазами под высоким, с залысинами, лбом.

— Я бы сказала, что это князь, — ответила Анна вопросительному взгляду Кина.

— Почему же?

— Он пришел первым, он стоит рядом с княгиней. Он роскошно одет. И вид у него гордый…

— Все ненадежно, субъективно.

Следующим оказался портрет тонкой девушки в синем плаще.

— Можно гипотезу? — спросила Анна.

— Разумеется. Возьмите.

Кин протянул ей портрет рыжего красавца, и Анна положила его рядом с готической девушкой.

— Получается? — спросила она.

— Что получается?

— Наш Роман был в западных землях. Оттуда привез жену.

— Значит, вы все-таки убеждены, что нам нужен этот отважный воин, которого чуть не убили в стычке?

— А почему ученому не быть воином?

— Разумно. Но ничего не доказывает.

Кин отодвинул портреты и на освободившееся место положил изображение одноглазого мальчика. И тут же Анна поняла, что это не мальчик, а взрослый человек.

— Это карлик?

— Карлик.

— Что он тут делает? Тоже родственник?

— А если шут?

— Он слишком просто одет для этого. И злой.

— Шут не должен был веселиться. Уродство само по себе было достаточным основанием для смеха.

— Хорошо, не спорю, — сказала Анна. — Но мы все равно ничего не знаем.

— К сожалению, да.

Анна снова подвинула к себе своего любимца — огненные кудри, соколиный взор, плечи — косая сажень, шапка стиснута в нервном сильном кулаке…

— Конечно, соблазнительный вариант, — сказал Кин.

— Вам не нравится, что он красив? Леонардо да Винчи тоже занимался спортом.

Портреты лежали в ряд — лица как живые, трудно было поверить, что все эти люди умерли много сот лет назад. Хотя, подумалось ей, я ведь

тоже умерла много столетий назад…

— Все может быть, — согласился Кин и отобрал два портрета: князя в синем плаще и рыжего красавца.

— Коллеги, — заглянул в большую комнату Жюль. — Продолжение следует. У нас еще полчаса. А там кто-то приехал.

13.

Шар был включен и глядел на рыцарский лагерь в тринадцатом веке. Вечерело. Небо над лесом высветлилось, на его фоне лес стал почти черным, а закатные лучи солнца, повисшего над крепостной стеной, обливали оранжевым светом на этом темном занавесе процессию, выползшую на берег.

Впереди ехали верхами несколько рыцарей в белых и красных плащах, два монаха в черных подоткнутых рясах, за ними восемь усталых носильщиков волокли крытые носилки. Затем из леса выступили пехотинцы и, наконец, показалось странное сооружение: шестерка быков

тащила деревянную платформу, на которой лежало нечто вроде столовой ложки для великана.

— Что это? — спросила Анна.

— Катапульта, — сказал Кин.

— А кто в носилках?

В полутьме Жюль пожал плечами.

Носильщики опустили свою ношу на пригорке, и вокруг сразу замельтешила толпа.

Крепкие пальцы схватились изнутри за края полога, резко раздвинули его, и оттуда выбрался грузный пожилой мужчина в сиреневой рясе и черной круглой шапочке. На груди у него блестел большой серебряный крест. Коротко подстриженная черная борода окаймляла краснощекое круглое лицо. Рыцари обступили его и повели к шатру.

— Подозреваю, — произнес Кин, — что к нам пожаловал его преосвященство епископ Риги Альберт. Большая честь.

— Это начальник меченосцев? — спросила Анна.

— Формально — нет. На самом деле — правитель немецкой Прибалтики. Значит, к штурму Замошья орден относится серьезно.

Епископ задержался на склоне, приставив ладонь лопаткой к глазам и глядя на город. Рыцари

что-то объясняли преосвященному. Носильщики бросили поклажу и уселись на траву.

Ратники перехватили быков и погнали платформу с катапультой к мосту, через ручей. Из шатра, куда удалился епископ, вышел хозяин, тот самый рыцарь, что чуть не убил рыжего красавца. За ним, в черной сутане, кто-то из приближенных епископа. Ратники подвели коня.

— Стяг не забудьте, брат Фридрих, — сказал монах.

— Брат Теодор возьмет, — сказал рыцарь.

Ратник помог рыцарю взобраться в седло с высокой передней лукой. Левая рука у рыцаря двигалась неловко, словно протез, на правой перчатка была кольчужная, на левой железная.

— Погодите! — крикнула Анна. — Он же разговаривает!

Кин улыбнулся.

— Неужели они говорят по-русски?

— Нет, по-немецки. Мы же не слышим. Тут иной принцип. Знаете, как бывает у глухонемых, которые могут по губам угадать, о чем говорит человек?

— Знаю.

— Приставка читает движения губ. И переводит.

У моста через ручей к рыцарю присоединился второй, помоложе, в красном плаще. Он держал копье с длинным белым, раздвоенным на конце вымпелом. На белом поле — две красных башни и ворота, сверху — тиара.

Рыцари подъехали шагом ко рву. Молодой брат поднял оправленный в серебро рог.

Крепость молчала. Анна заметила:

— Не люблю многосерийные постановки, очень все растянуто.

— Сделайте пока нам кофе, — сказал Жюль. — Пожалуйста.

Анна не успела ответить — ворота приоткрылись, выпустив двух всадников. Впереди ехал князь в синем плаще с золотой каймой. За ним ятвяг в черной одежде и красном колпаке. В щели ворот были видны стражники. Рыцарь Фридрих поднял, приветствуя князя, руку в кольчужной перчатке. Князь потянул коня за уздцы, и конь задрал голову, мелко перебирая ногами. Шар метнулся вниз — Кин хотел слышать, о чем пойдет речь.

— Ландмейстер Фридрих фон Кокенгаузен приветствует тебя.

— На каком языке они говорят? — тихо спросила Анна.

Жюль взглянул на табло, по которому бежали искры.

— Латынь, — сказал он.

— Здравствуй, рыцарь, — ответил князь.

Черный ятвяг легонько задел своего коня нагайкой между ушей. Жеребец закрутился на месте, взрывая копытами дерн. Рука молодого трубача опустилась на рукоять меча.

— Его преосвященство епископ рижский и ливонский шлет отеческое благословение князю Замошья и выражает печаль о том, что плохие советники нарушили мир между ним и его сюзереном. Епископ сам изволил прибыть сюда, чтобы передать свое отеческое послание. Соблаговоли принять, — сказал рыцарь.

Молодой рыцарь Теодор протянул свернутую трубкой грамоту, на ленте раскачивалась большая сургучная печать. Фридрих фон Кокенгаузен принял грамоту и протянул русскому.

— Я передам, — сказал тот, кого Анна приняла за князя. — Что еще?

— Все в письме, — сказал рыцарь.

Ятвяг крутился на своем коне, словно дразнил рыцарей, но те стояли недвижно, как бы не замечая легкого, злого всадника.

— Я слышал, что ты живешь здесь, — сказал

ландмейстер.

— Третий год, — сказал русский.

— Мне жаль, что обстоятельства сделали нас врагами.

— Нет разума в войне, — сказал русский.

— Мне недостает бесед с вами, мой друг, — сказал рыцарь.

— Спасибо, — ответил русский. — Это было давно. Мне некогда сейчас думать об этом. Я должен защищать наш город. Князь мой брат. Как рука?

— Спасибо, ты чародей, мой друг.

Маленькая группа людей разделилась: русы повернули к воротом, раскрывшимся навстречу, немцы поскакали вниз, к ручью.

14.

Шар пролетел сквозь крепостную стену, и Анна впервые увидела город Замошье изнутри.

За воротами оказалась небольшая пыльная площадь. Заборы и слепые стены тесно стоявших домов стискивали ее, и, превращаясь в узкую улицу, она тянулась к белокаменному собору.

Площадь была заполнена народом, и в первое мгновение Анне показалось, что люди ждут послов, однако возвращение всадников прошло незамеченным. Часовые запирали ворота громадными засовами, ятвяг поднял нагайку и послал коня вперед, к собору; за ним, погруженный в свои мысли, не торопясь следовал человек в синем плаще.

У стен домов и в расщелине между городским валом и строениями теснились временные жилища беженцев из посада и ближних деревень. На жердях, воткнутых как попало, висели рогожи, под ними ползали ребятишки, здесь же варилась пища, ели, спали, разговаривали люди. И от этого дополнительного скопления людей улица, по которой ехали послы, казалась длинней и уже, чем была на самом деле. Улица завершилась другой площадью, отделенной от задней крепостной стены высоким двухэтажным теремом, который соединялся с собором галереей. Собор еще не успели достроить — рядом в пыли и подорожниках лежали белые плиты, дальняя стена собора была в лесах, а на куполе, обвязанный вокруг пояса веревкой, колотил молотком кровельщик, прилаживая свинцовый лист. И вроде бы ему дела не было до рыцарей, штурмов, осад.

За коновязью был колодец, откуда два бородатых мужика выбирали бадью и сливали воду в бочки, стоявшие рядом.

Послы спешились у коновязи и зашагали к терему.

На высоком крыльце стояли два ятвяга, дремал под навесом мальчишка в серой, до колен рубахе. Смеркалось, длинные сиреневые тени застлали площадь.

Послы быстро поднялись по лестнице и скрылись в низкой двери терема. Шар пролетел за ними темным коридором. Шаги гремели во тьме, изредка разрываемой мерцанием лучины или вечерним лучом из открытой двери. В зале, куда вошли послы, сидели в ряд монахи в высоких куколях с белыми вышитыми крестами, в черных рясах. Лица желтели, освещенные лампадами большого киота с темными ликами византийских икон.

Рыжий красавец в белой рубахе, вышитой по вороту красным узором, сидел за длинным столом, опершись локтями о старую выщербленную столешницу. В углу на лавке устроился, свесив не достающие до земли кривые ноги, шут.

Ятвяг остановился у двери. Посол шагнул к столу, остановился перед князем.

— Чего он звал? — спросил князь. — Чего хотел?

— Скорбит, — усмехнулся посол. — Просит верности.

Он бросил на стол грамоту епископа. Рыжий дернул за тесьму, оторвал, и грамота нехотя развернулась. Шут соскочил с лавки, вперевалку заковылял к столу. Шевеля толстыми губами, принялся разбирать текст. Рыжий взглянул на него, поднялся из-за стола.

— Не отдам я им город, — сказал он. — Будем держаться, пока Миндаугас с литвой подоспеется.

— Ты не будешь читать, Вячеслав?

— Пошли на стену, — сказал рыжий. — А ты, Акиплеша, скажешь боярыне, что, как вернусь, ужинать будем.

— Они Магду требуют, — сказал шут, прижав пальцем строчку в грамоте.

— Вольно им, — усмехнулся рыжий и пошел к двери.

— Все, сеанс окончен, — сказал Жюль. — Как насчет кофе?

— Ну вот, — сказал Кин. — Мы и узнали, кто князь, а кто Роман.

— Князя звали Вячеслав? — спросила Анна.

— Да, князь Вячко. Раньше правил в Кокернойсе. Он — сын полоцкого князя Бориса Романовича. Кокернойс захватили рыцари. После гибели города он ушел в леса со своими союзниками — ятвягами и ливами. А вновь появился уже в 1223 году, когда русские князья отвоевали у меченосцев город Юрьев и дали ему. К Юрьеву подступило все орденское войско. Вячко сопротивлялся несколько месяцев. Потом город пал, и князя убили.

— И вы думаете, что это тот самый Вячко?

— Да. Теперь все становится на свои места. Ведь на этом холме было неукрепленное поселение. Лишь в начале XIII века его обнесли стеной и построили каменный собор. А в 1215 году город погибает. Существовал он так недолго, что даже в летописях о нем нет почти никаких упоминаний. Зачем его укрепили? Да потому что с потерей крепостей на Двине полоцкому князю нужны новые пограничные форпосты. И он посылает сюда Вячко. Рыцари его знают. Он их старый враг. И конечно, новая крепость становится центром сопротивления ордену. И бельмом на глазу…

Рыжий князь вышел из комнаты. Роман за

ним. Шут, ухмыляясь, все еще пробегал глазами грамоту.

Шар взмыл над вечерним городом. Видны были костры на улице — их жгли беженцы. Красные отсветы падали на толпы людей, сбившихся под защитой стен.

Шар поднялся еще выше.

Темным силуэтом виднелась на склоне осадная башня. Покачивались факелы — там устанавливали катапульту. Белые освещенные внутри шатры меченосцев на том берегу ручья казались призраками — двенадцатое июня 1215 года заканчивалось. Известно было, что городом Замошье правит отважный и непримиримый князь Вячко. И есть у него боярин Роман, человек с серьезным, узкогубым капризным лицом — чародей и алхимик, который через сутки погибнет и очнется в далеком будущем.

15.

Все случилось без свидетелей из будущего, в

темноте, когда Кин, Анна, Жюль, а главное, епископ Альберт и божий дворянин ландмейстер Фридрих крепко спали. И это было очень обидно, потому что время, если уж ты попал в течение витка, необратимо. И никто никогда не увидит вновь, как же все это произошло.

…Первой пробудилась Анна, торопливо умылась и постучала к мужчинам.

— Лежебоки, — сказала она, — проспите решающий штурм.

— Встаем, — ответил Кин. — Уже встали.

— Я забегу пока к деду Геннадию, — благородно пожертвовала собой Анна. — Отвлеку его. Но чтобы к моему возвращению князь Вячко был на боевом коне!

А когда Анна вернулась с молоком, творогом, свежим хлебом, в доме царило уныние.

— Посмотри, — сказал Жюль.

Шар был включен и нацелен на склон. Там лениво догорала осадная башня — сюрреалистическое сооружение из огромных черных головешек. От катапульты осталась лишь ложка, нелепо уткнувшаяся в траву рукоятью. Вокруг стояли рыцари и орденские ратники. С мостика через ручей на пожарище глядела орденская знать, окружившая епископа.

От ворот крепости до башни пролегли широкие черные полосы. В ручье — Анна не сразу заметила — лежали большие, в два человеческих роста колеса, тоже черные, обгорелые, и сначала ей показалось, что это части осадной башни. Но нет — у башни не могло быть таких громадных колес.

— Вот это да, — сказала Анна. — Они ночью все это сожгли! И правильно сделали. Чего же расстраиваться?

— Жаль, что не увидели.

Кин быстро провел шар вниз, к ручью, низко пролетев над остовом башни, и притормозил над головами рыцарей.

— Спасибо за подарок, — медленно сказал епископ Альберт. — Вы не могли придумать ничего лучше в ночь моего приезда.

— Я еще в прошлом году советовал вам дать убежище чародею, — сказал ландмейстер. — Когда он бежал из Смоленска.

— Мы посылали ему гонца, — сказал один из приближенных епископа. — Он не ответил. Он укрылся здесь.

— Он предпочел служить дьяволу, — задумчиво сказал епископ. — И небо нашей рукой покарает его.

— Воистину! — сказал высокий худой рыцарь.

— Правильно, — согласился Фридрих фон Кокенгауэн. — Но мы не в храме, а на войне. Нам нужны союзники, а не слова.

— Дьявол нам не союзник, — сказал епископ. — Не забывайте об этом, брат Фридрих. Даже если он могуч.

— Я помню, святой отец.

— Город должен быть жестоко наказан, — сказал епископ громко, чтобы его слышали толпившиеся в стороне кнехты. — В любой момент может прийти отряд из Полоцка, и это нам не нужно. В Смоленске тоже смотрят с тревогой на наше усиление…

— Сюда идут литовцы, — добавил худой рыцарь.

— Если крепость не сдастся до заката, мы не оставим в ней ни одной живой души, — сказал епископ.

— И мессира Романа?

— В первую очередь. Лишь то знание может существовать, которое освящено божьей благодатью.

— Но если он умеет делать золото?

— Мы найдем золото без чернокнижников, — сказал епископ. — Брат Фридрих и брат Готфрид, следуйте за мной.

16.

Внутри шатер был обставлен скромно. На утоптанном полу, поверх рогож лежал ковер, стояли складные стулья без спинок, с ножками крестнакрест, на деревянном возвышении свернутые на день лежали шкуры, высокий светильник с оплывшими свечами поблескивал медью возле высокого сундука, обшитого железными полосами. На крышке сундука лежали два пергаментных свитка.

Епископ знаком велел рыцарям садиться. Фридрих фон Кокенгауэен отстегнул пояс с мечом и положил его на пол у ног. Брат Готфрид поставил меч между ног и оперся руками в перчатках о рукоять. Откуда-то выскользнул служка в черной сутане, вынес высокий арабский кувшин и три серебряных чарки. Брат Готфрид принял чарку, епископ и Фридрих отказались.

— Ты говоришь, брат Фридрих, — сказал епископ, — что мессир Роман в самом деле посвящен в секреты магии?

— Я уверен в этом, — сказал брат Фридрих.

— Если мы не убьем его завтра, — сказал брат Готфрид, — он с помощью дьявола может придумать нашу гибель.

— Я помню главное, — сказал Фридрих. — Я всегда помню о благе ордена. А мессир Роман близок к открытию тайны золота.

— Золото дьявола, — сказал мрачно Готфрид фон Гольм.

— Мессир Роман любит власть и славу, — сказал Фридрих. — Что может дать ему князь Вест?

— Почему он оказался здесь? — спросил епископ.

— Он дальний родственник князя, — сказал Фридрих. — Он был рожден от наложницы князя Бориса Полоцкого.

— И хотел бы стать князем?

— Не здесь, — сказал брат Фридрих. — Не в этой деревне.

— Хорошо, что он сжег башню, — сказала Анна. — Иначе бы они не стали об этом говорить.

— Что случилось в Смоленске? — спросил епископ, перебирая в узловатых пальцах янтарные четки с большим золотым крестом.

— Тамошний владыка — византиец. Человек недалекий… Он решил, что дела мессира Романа от дьявола. И поднял чернь…

— Совсем как наши братья, — улыбнулся вдруг епископ Альберт. Взглянул на Готфрида. Но тот не заметил иронии.

— И кудесника пригрел князь Вест?

— Он живет здесь уже третий год. Он затаился. Он напуган. Ему некуда идти. В Киеве его ждет та же встреча, что и в Смоленске. На западе он вызвал опасное вожделение короля Филиппа и гнев святой церкви. Я думаю, что он многое успел сделать. Свидетельство тому — гибель нашей башни.

— Воистину порой затмевается рассудок сильных мира сего, — сказал епископ. — Сила наша в том, что мы можем направить на благо заблуждения чародеев, если мы тверды в своей вере.

— Я полагаю, что вы правы, — сказал брат Фридрих.

— Сохрани нас Господь, — сказал тихо брат Готфрид. — Дьявол вездесущ. Я своими руками откручу ему голову.

— Не нам его бояться, — сказал епископ. Не поднимаясь, он протянул руку и взял с сундука желтоватый лист, лежавший под свитками. —

Посмотрите, это прислали мне из Замошья неделю назад. Что вы скажете, брат Фридрих?

Рыцарь Готфрид перекрестился, когда епископ протянул лист Фридриху.

— Это написано не от руки, — помолчав, сказал Фридрих. — И в этом нет чародейства.

Похищение чародея

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ
Кир БУЛЫЧЕВ

— Вы убеждены?

— Мессир Роман вырезает буквы на дереве, а потом прикладывает к доске лист. Это подобно печати. Одной печатью вы можете скрепить сто грамот.

— Великое дело, если обращено на благо церкви, — проговорил епископ. — Божье слово можно распространять дешево. Но какая угроза в лапах дьявола!

— Так, — согласился брат Фридрих. — Роман нужен нам.

— Я же повторяю, — сказал брат Готфрид, поднимаясь, — что он должен быть уничтожен вместе со всеми в этом городе.

Его собеседники ничего не ответили. Епископ чуть прикрыл глаза.

— На все воля божья, — сказал он наконец.

Рыцари встали и направились к выходу из шатра.

— Кстати, — догнал их вопрос епископа. — Чем может для нас обернуться история с польской княжной?

— Спросите брата Готфрида, — сказал Фридрих фон Кокенгаузен. — Это случилось неподалеку от замка Гольм, а летты, которые напали на охрану княжны, по слухам, выполняли его приказ.

— Это только слухи, — сказал Готфрид. — Только слухи. Сейчас же княжна и ее тетка томятся в плену князя Веста. Если мы их освободим, получим за них выкуп от князя Смоленского.

— Вы тоже так думаете, брат Фридрих? — спросил епископ.

— Ни в коем случае, — ответил Фридрих. — Не секрет, что князь Вячко отбил княжну у леттов. Нам не нужен выкуп.

— Я согласен с вами, — сказал епископ. — Позаботьтесь о девице. Как только она попадет к нам, мы тут же отправим ее под охраной в Смоленск. Как спасители. И никаких выкупов.

— Мои люди рисковали, — сказал Готфрид.

— Мы и так не сомневались, что это — ваших рук дело, брат мой. Некоторые братья полагают, что они всесильны. И это ошибка. Вы хотите, чтобы через месяц смоленская рать стояла под стенами Риги?

17.

— Вот именно, — сказал Кин. — Жюль! Начи-

най готовить аппаратуру к переходу. И сообщи домой, что мы готовы. Объект опознан.

Кин вытащил из шара шарик. Пошел к двери.

— Я с вами? — робко сказала Анна, о которой все забыли.

— Пожалуйста, — ответил Кин равнодушно. Он быстро вышел в большую комнату. Там было слишком светло. Мухи крутились над вазочкой с конфетами. В открытое окно вливался ветерок, колыша занавеску. Анна подошла к окну и выглянула, почти ожидая увидеть у ручья шатры меченосцев. Но там играли в футбол мальчишки, а далеко у кромки леса, откуда вчера вышло злосчастное стадо, пыхтел маленький трактор.

— Вы сфотографировали епископа? — спросила Анна, глядя, как пальцы Кина превращают шарик в пластинку.

— Нет, это первый в Европе типографский оттиск.

Он склонился над столом, читая текст.

— Читайте вслух, — попросила Анна.

— Варварская латынь, — сказал Кин. — Алхимический текст. Спокойнее было напечатать что-нибудь божественное. Зачем дразнить собак? «Чтобы сотворить эликсир мудрецов, возьми философической ртути и накаливай, покуда не

превратится в зеленого льва… далее нагревай сильнее, и она…» — бормотал Кин.

Трактор остановился, из него выпрыгнул тракторист и начал копаться в моторе. Низко над лесом пролетел маленький самолетик местного сообщения.

«Кипяти сего льва на песчаной бане в кислом виноградном спирте, выпари получившееся, и ртуть превратится в камедь, которую можно резать ножом. Положи в замазанную глиной реторту».

— Опять ртуть — мать металлов, — сказала Анна.

— Нет. «Киммерийские тени покроют твою реторту темным покрывалом, и ты найдешь внутри нее истинного дракона, который пожирает свой хвост…». Нет, это не ртуть, — сказал Кин. — Скорее это о превращениях свинца. Зеленый лев — окисел свинца, камедь — уксусно-свинцовая соль… Да, пожалуй, так.

— Вы сами могли бы работать алхимиком, — сказала Анна.

— Да, мне пришлось прочесть немало абракадабры. Но в ней порой сверкали такие находки!

— Вы сейчас пойдете туда?

— Вечером. Я там должен быть как можно

меньше.

— Но если вас узнают, решат, что вы шпион?

— В крепости много всякого народу. Люди из ближайших селений. Есть и другие варианты.

Кин оставил пластинку на столе и пошел в прихожую, где стоял сундук с одеждой. Оттуда послышался его голос:

— Ну что? Когда дадут энергию?

Жюль ответил:

— После семнадцати.

18.

— Знаете, — сказал Кин вечером, когда подготовка к переходу закончилась, — давайте взглянем на город еще раз, время есть. Если узнаем, где он скрывает свою лабораторию, сможем упростить версию.

Шар завис над скопищем соломенных крыш.

— Ну-с, где скрывается наш алхимик?

— Надо начинать с терема, — сказал Жюль.

— С терема? Пожалуй. — Кин повел шар над улицей к центру города, к собору. Улица была

оживлена, в лавках все наружу, так тесны, что вдвоем не развернешься, — торговали одеждой, железным и глиняным товаром, люди смотрели, но не покупали. Народ толпился лишь у низенькой двери, из которой рыжий мужик выносил ковриги хлеба. Видно, голода в городе не было — осада началась недавно. Несколько ратников волокли к городской стене большой медный котел, за ними шел дед в высоком шлеме, сгорбившись под вязанкой дров. Всадник на вороном жеребце взмахнул нагайкой, пробиваясь сквозь толпу, из-под брюха коня ловко выскочил карлик — княжеский шут, ощерился, прижался к забору, погрозил беспалым кулаком наезднику и юркнул в лавку, набитую горшками и мисками.

Ловко маневрируя шаром, Кин повлек его по верхним комнатам — тут всех точно вымело метлой — лишь какие-то приживалки, сонные служки, девка с лоханью, старуха с клюкой… запустение, тишь…

— Эвакуировались они, что ли? — спросил Жюль, оторвавшись на мгновение от пульта, который сдержанно урчал, жужжал, подмигивал, словно Жюль вел космический корабль.

— Вы к звездам летаете? — спросила Анна.

— Странно, — не обратил внимания на вопрос

Кин.

В небольшой угловой комнате-светелке, выглядевшей так, словно сюда в спешку кидали вещи — сундуки и короба транзитных пассажиров, удалось, наконец, отыскать знакомых. Пожилая дама сидела на невысоком деревянном стуле с высокой прямой спинкой, накрыв ноги медвежьей шкурой. Готическая красавица в закрытом, опушенном беличьим мехом малиновом платье с серебряными тканными цветами стояла у невысокого окошка, глядя на церковь.

Пожилая дама говорила что-то, и Жюль провел пальцами над пультом, настраивая звук.

— Какой язык? — спросил Кин.

— Старопольский, — сказал Жюль.

— Горе, горе, за грехи наши наказание, — говорила, смежив веки, пожилая дама. — Горе, горе…

— Перестаньте, тетя, — отозвалась от окна девушка.

Некрашеное лицо пожилой женщины было неподвижно.

— Говорил же твой отец — подождем до осени. Как же так, как же так меня, старую, в мыслях покалечило. Оставил меня господь своей мудростью… И где наша дружина и верные слуги… тошно, тошно…

— Могло быть хуже, — девушка задумчиво провела длинными пальцами по стоявшей рядом расписной прялке, потрогала кудель. — Могло быть хуже…

— Ты о чем думаешь? — спросила старуха, не открывая глаз. — Смутил он тебя, рыжий черт. Грех у тебя на уме.

— Он князь, он храбрый витязь, — сказала девушка. — Да и нет греха в моих мыслях.

— Грешишь, Магда, грешишь… Даст Бог, доберусь до Смоленска, умолю брата, чтобы наказал он разбойников. Сколько лет я дома не была…

— Скоро служба кончится? — спросила девушка. — У русских такие длинные службы.

— Наш обряд византийский, торжественный, — сказала старуха. — Я вот сменила веру, а порой мучаюсь. А ты выйдешь за княжича, перейдешь в настоящую веру, мои грехи замаливать…

— Ах, пустой разговор, тетя. Вы, русские, очень легковерные. Ну кто нас спасать будет, если все думают, что мы у леттов в плену. Возьмут нас меченосцы, город сожгут…

— Не приведи господь, не приведи господь! Страшен будет гнев короля Лешко.

— Нам-то будет все равно.

— Кто эта Магда? — спросила Анна. — Все о ней говорят.

— Вернее всего, родственница, может, и дочь польского короля Лешко Белого. Ехала в Смоленск. Давайте поглядим, не в церкви ли князь?

Перед дверьми, на паперти и на земле сидели увечные и нищие.

Шар проник сквозь стену собора. Анне казалось, что она ощущает запах свечей и ладана. Шла служба. Сумеречный свет дрожал за спиной священника в расшитой золотом ризе. Его увеличенная тень покачивалась, застилая фрески — суровых чернобородых старцев, которые глядели со стен на людей, наполнивших собор сплошной массой тесно прижатых тел.

Роман стоял рядом с князем, впереди, они были почти одного роста. Губы чародея чуть шевелились.

— Ворота слабые, — тихо говорил он. — Ворота не выдержат. Знаешь?

Князь поморщился:

— На улицах биться будем, в лес уйдем.

— Не уйти. У них на каждого твоего дружинника пять человек. Кольчужных. Ты же знаешь; зачем говоришь?

— Затем, что лучше бы тогда и не начинать.

Подумай еще чего. Огнем их сожги.

— Не могу. Припас кончился.

— Купи.

— Негде. Мне сера нужна. За ней ехать далеко надо.

— Тогда колдуй. Ты чародей.

— Колдовством не поможешь. Не чародей я.

— Если не чародей, чего тебя в Смоленске жгли?

— Завидовали. Попы завидовали. И монахи. Думали, я золото делаю…

Они замолчали, прислушиваясь к священнику. Князь перекрестился, потом бросил взгляд на соседа.

— А что звезды говорят? Выстоим, пока ливы придут?

— Боюсь, не дождемся. Орден с приступом тянуть не будет.

— Выстоим, — сказал князь. — Должны выстоять. А ты думай. Тебя первого вздернут. Или надеешься на старую дружбу?

— Нет у меня с ними дружбы.

— Значит, вздернут. И еще скажу. Ты на польскую княжну глаз не пяль. Не по тебе товар.

— Я княжеского рода, брат.

— А она королевской крови.

— Я свое место знаю, брат, — сказал Роман.

— Хитришь. Да бог с тобой. Только не вздумай бежать. И чародейство не поможет. Ятвягов за тобой пошлю.

— Не грози, — сказал Роман. — Мне идти пора.

— Ты куда? Поп не кончил.

— Акиплешу на торг посылал. Ждет он меня. Надо дело делать.

— Ну иди, только незаметно.

Роман повернулся и стал осторожно проталкиваться назад. Князь поглядел вслед. Он улыбался — недоброй улыбкой.

19.

Роман скрылся в полутьме. Кин вывел шар из собора на паперть, где ждали конца службы, дрожали под сумрачным мокрым небом калеки и нищие. Роман быстро вышел из приоткрытой двери. Посмотрел на площадь. Там ковылял, прижимая к груди глиняную миску и розовый обожженный горшок, шут.

— Тебя за смертью посылать, — сказал Роман,

сбегая по ступеням.

— Не бей меня, дяденька, — заверещал шут, скалясь. — Гости позакрывали лавки — врага ждут; придет немец, снова торговать начнут. Что гостю? Мы на виселицу, а он — веселиться.

Роман пошел крупным шагом через площадь. Шут за ним, прихрамывая, горбясь. Миновали колодец, коновязь, завернули в узкий, двоим не разойтись, закоулок. В конце его, у вала, в заборе была низкая дверца. Роман ударил три раза кулаком. Открылся глазок. Потом медленно растворилась дверь. Там стоял стражник в короткой кольчуге и кожаной шапке. Он отступил в сторону, пропуская Романа. Тесный двор, заросший травой, несколько каменных глыб, окружавших выжженную яму… Роман по деревянным мосткам пересек двор, поднялся на крыльцо невысокого бревенчатого дома на каменном фундаменте. Кольцо двери было вставлено в медную морду льва. Где-то Анна такую ручку видела? Да в музее дедушки Геннадия!

В горнице Роман сбросил плащ на руки подбежавшему красивому чернобровому отроку.

— Ты чего ждешь? — спросил он шута.

Шут поставил на пол миску, взялся за скобу в полу, потянул на себя крышку люка, — обнару-

жился ход в подвал. Роман спустился первым. За ним шут и чернобровый отрок.

Обширный подпол слабо освещался из окошек под самым потолком. На полках горели плошки с жиром. Огоньки отражались в стеклянных ретортах, банках мутного, грубого стекла, в глиняных мисках и медных сосудах, соединенных металлическими и стеклянными трубками… Горел огонь в низкой с большим зевом печи, возле нее стоял обнаженный по пояс жилистый мужчина в кожаном фартуке. Он обернулся к вошедшим.

— Остужай понемногу, — сказал Роман, заглянув в печь. Шут заглянул в печь из-под локтя чародея и сказал:

— Давно пора студить.

— Знаем, — сказал мужик в фартуке. У него были длинные висячие усы, черные, близко посаженные глаза. Редкие волосы падали на лоб, и он все время отводил их за уши.

— Скоро орден на приступ пойдет, — сказал Роман.

— Остудить не успеем, — ответил тот. — А жалко.

— Студи, — сказал Роман, — неизвестно, как судьба повернется. А у меня нет сил в который раз все собирать и строить.

— А ты, дяденька, епископу в ноги поклонись, — сказал шут. — Обещай судьбу узнать, золота достать. Он и пожалеет.

— Глупости и скудоумие, — сказал Роман.

— По-моему, что скудоумие, что многоумие — все несуразица, — сказал шут. Подошел к длинному, в подпалинах и пятнах столу, налил из одной склянки в другую — пошел едкий дым. Роман отмахнулся, морщась. Жилистый мужик отступил к печи.

— Ты чего, — возмутился Роман. — Отравить нас хочешь?

— А может, так и надо? Ты девицу полюбил, а тебе не положено, я склянку вылил, а мне не положено, князь епископу перечит, а ему не положено. Вот бы нас всех и отправить на тот свет.

— Молчи, дурак, — сказал Роман устало, — лучше бы приворотного зелья накапал, чем бездельничать.

— Нет, — воскликнул шут, подбегая к столу, запрокидывая голову, чтобы ближе поглядеть на Романа. — Не пойму тебя, дяденька, и умный ты у нас, и способный, и славный на всю Европу — на что тебе княжна?.. Наше дело ясное — город беречь, злато-серебро добывать, место знать.

— Молчи, смерд, — сказал Роман. — Мое место

среди королей и князей. И по роду, и по власти. И по уму!

Отрок глядел на Романа влюбленными глазами неофита.

— Сделанное, передуманное не могу бросить. Во мне великие тайны хранятся — недосказанные, неоконченные. — Роман широким жестом обвел подвал.

— Значит, так, — сказал шут, подпрыгнув, посмеиваясь, размахивая склянкой, бесстыжий и наглый, — значит, ты от девицы отказываешься, дяденька, ради этих банок-склянок? Будем дома сидеть, банки беречь. Пока ландмейстер с мечом не придет.

— Но как все сохранить, — прошептал Роман, уперев кулак в стол. — Скажи, как спасти? Как отсрочку получить?

— Не выйдет, дяденька. Один осел хотел из двух кормушек жрать, как эллины говорили, да с голоду помер.

Роман достал с полки склянку.

— Ты все помнишь?

— Если девице дать выпить три капли, на край света пойдет. Дай сам отопью. Романа полюблю, ноги ему целовать буду, замуж за него пойду…

Отрок хихикнул и тут же смешался под взгля-

дом Романа.

— Хватит, бесовское отродье! — разозлился чародей. — Забыл, что я тебя из гнилой ямы выкупил?

— Помню, дяденька, — сказал шут. — Ой как помню!

— Все-таки он похож на обезьяну, — сказала Анна. — На злую обезьяну. В нем есть что-то предательское.

— Боярин, — сказал жилистый мужчина. — А что с огненным горшком делать?

— Это сейчас не нужно, Мажей, — сказал Роман.

— Ты сказал, что меня пошлешь, — сказал Мажей. — Божьи дворяне весь мой род вырезали. Не могу забыть. Ты обещал.

— Господи! — Роман сел на лавку, ударился локтями о столешницу, схватил голову руками. — Пустяки это все, суета сует!

— Господин, — сказал Мажей с тупой настойчивостью, — ты обещал мне. Я пойду и убью епископа.

— Неужели не понимаешь, — почти кричал Роман, — ничем мы город не спасем! Не испугаются

они, не отступят, их вдесятеро больше, за ними сила, орден, Европа, Магдебург, папа… Конрад Мазовецкий им войско даст, датский король ждет не дождется. Вы же темные, вам кажется, что весь мир вокруг вашего городишки сомкнулся! Я и башню жечь не хотел… Вячко меня прижал. Лучше смириться, ордену кровь не нужна, орден бы князю город оставил… Неужели вам крови мало!

— Ты заговорил иначе, боярин, — сказал Мажей. — Я с тобой всегда был, потому что верил. Может, я других городов не видал, — наши литовские городки по лесам раскиданы, — но пока орден на нашей земле, мне не жить. Мы орден не звали.

— Бороться тоже надо с умом, — стукнул кулаком по столу Роман. — Сегодня ночью они на приступ пойдут. Возьмут город, могут нас пощадить. Если мы поднимем руку на Альберта — они всех нас вырежут. И детей, и баб, и тебя, шут, и меня…

— Я убью епископа, — сказал Мажей.

— А я, дяденька, — сказал шут, — с тобой не согласен. Волки добрые, а овец кушают.

— Молчи, раб! — озлился Роман. — Я тебя десятый год кормлю и спасаю от бед. Кабы не я, тебя бы уж трижды повесили.

— Правильно, дяденька, — вдруг рассмеялся шут. — Зато я иногда глупость скажу, умные не догадаются. Рабом я был, рабом умру, зато совесть мучить не будет.

— Чем болтать, иди к княжне, — сказал Роман жестко. — Дашь ей приворотное зелье. Так, чтобы старуха не заметила.

— И это гений, — вздохнула Анна.

— А что? — спросил Кин.

— Верить в приворотное зелье…

— Почему же нет? И в двадцатом веке верят.

— Иду, — сказал шут. — Только ты к немцам не убеги.

— Убью. Ты давно это заслужил.

— Убьешь, да не сегодня. Сегодня я еще нужен. Только зря ты епископа бережешь. Он тебе спасибо не скажет.

Шут подхватил склянку и ловко вскарабкался наверх.

Мажей вернулся к печи, помешивал там кочергой, молчал. Роман прошелся по комнате.

— Нет, — сказал он сам себе, — нет… Все не так.

Отрок присел у стены на корточки. Роман вернулся к столу.

— Может, проследить за шутом? — спросила Анна.

— Мне сейчас важнее Роман, — сказал Кин.

— Поди сюда, Глузд, — сказал Роман, не оборачиваясь.

Отрок легко поднялся, сделал шаг. И тут же обернулся.

Роман резко поднял голову, посмотрел туда же.

Выскочил из-за стола. Мажея в комнате не было.

Роман бросился за печку. Там оказалась низкая, массивная дверь. Она была приоткрыта.

— Глузд, ты чего смотрел? Мажей сбежал!

— Куда сбежал? — не понял отрок.

— Он же с горшком сбежал. Он епископа убить хочет! — Роман толкнул дверь, заглянул внутрь, хлопнул себя по боку, где висел короткий меч, выхватил его из ножен и скрылся в темноте.

Отрок опасливо заглянул в потайной ход, и Анне показалось, что его спина растет, заполняет экран. Стало темно, — шар миновал отрока, пронесся в темноте, и тьма казалась бесконечной, как кажется бесконечным железнодорожный туннель, а потом наступил сиреневый дождливый вечер. Они были метрах в ста от крепостного

вала в низине, заросшей кустарником. Между низиной и крепостью медленно ехали верхом два немецких ратника, поглядывая на городскую стену. На угловой башне тускло поблескивали шлемы стражников.

Вдруг в откосе низины образовалась черная дыра — откинулась в сторону дверь, забранная снаружи дерном. В проеме, пригнув голову, стоял Роман. Он внимательно огляделся. Дождь усилился и мутной сеткой скрывал его лицо. Никого не увидев, Роман отступил в черный проем, потянул на себя дверь. Снова перед глазами был поросший кустами откос. И никаких следов двери.

Кин вернул шар в подвал, на мгновение обогнав Романа.

Отрок, так и стоявший в дверях подземного хода, отлетел в сторону, — отшвырнув его, Роман метнулся к столу. Отрок подошел, остановился сзади. Роман схватил лист пергамента и принялся торопливо писать.

— Стучат, — сказал Кин. — Анна, слышишь?

В дверь стучали.

20.

Анна сделала усилие, возвращаясь в двадцатый век.

— Закрой дверь, — быстрым шепотом сказал Кин. — И хоть умри, чтобы никто сюда не вошел. Мы не можем прервать работу. Через полчаса я ухожу в прошлое.

— Есть, капитан, — сказала Анна тоже шепотом.

В дверях она оглянулась. Кин не отрывал глаз от шара. Жюль следил за приборами. Они надеялись на Анну.

За дверью стоял дед Геннадий. Этого Анна и боялась.

— Ты чего запираешься? — сказал он. — По телевизору французский фильм показывают, из средневековой жизни. Я за тобой.

— Нет, у меня голова болит, — сказала Анна. — Совершенно не могу из дома выйти. Легла уже.

— Как легла? — удивился Геннадий. — Воздух у нас свежий, с воздуха и болит. Хочешь, горчичники поставлю?

— Да я же не простужена. У меня голова болит,

устала.

— А может, по рюмочке? — спросил дед Геннадий.

Нельзя было пускать его даже в сени.

— Нет, спасибо, не хочется.

— Ну, тогда я пошел, — сказал дед, не двигаясь с места. — А то французский фильм начинается. Эти не возвращались? Реставраторы?

— Нет. Они же на станцию уехали.

— А газика-то сначала не было, а потом взялся. Удивительное дело. Здесь газик разве проедет?

— Они с холма приехали.

— Ян говорю, что не проедет. Но люди приятные, образованные. Изучают наше прошлое.

— Я пойду, лягу. Можно?

— Иди, конечно, разве я держу. А то фильм начинается. Если надумаешь, приходи, я смотреть буду.

Наконец, дед ушел. Анна не стала дожидаться, пока он скроется за калиткой, — бросилась обратно в холодную горницу.

За время ее отсутствия сцена в шаре изменилась.

Шар взлетел на верхний этаж терема. В угловой комнате была лишь княжна Магда. Анна не сразу увидела, что на полу, скрестив ноги, сидит шут.

— Я слышала шум, — сказала Магда. — Начался приступ?

— А что им делать? Пришли к обеду, значит, ложку подавай. А коли блюдо пустое, а они голодные…

— Ты где научился польскому языку, дурак?

— Мотало шапку по волнам, — ухмыльнулся шут.

— Это правда, что твой хозяин сжег орденскую башню?

— Он и десять башен сжечь может. Был бы огонь.

— Он чародей?

— И что вам, бабам, в чародеях? Где щекочет — туда пальчики тянете. Обожжетесь.

— Везде огонь, — сказала княжна. Она вдруг подошла к шуту, села рядом с ним на ковер. И Анна поняла, что княжна очень молода, ей лет семнадцать.

— Я в Смоленск ехать не хотела, — сказала она. — У меня дома котенок остался.

— Черный? — спросил шут.

— Серый, такой пушистый. И ласковый. А потом нас летты захватили. Пана Тадеуша убили. Зачем они на нас напали?

— Боярин говорит, их немцы послали.

— Мой отец письмо епископу писал. Мы же не в диких местах живем. А в Смоленске стены крепкие?

— Смоленск никто не тронет. Смоленск — великий город, — сказал шут. — Нас с боярином Романом оттуда так гнали, что мы ничего забрать не успели. И печатный станок наш сожгли.

— Какой станок?

— Чтобы молитвы печатать.

— Боярин Роман с дьяволом знается?

— Куда ему! Если бы дьявол за него был, разве бы он допустил, чтобы монахи нас в Смоленске пожгли?

— Дьявол хитрый, — сказала княжна.

— Не без этого, — сказал шут. — Люб тебе наш боярин?

— Нельзя так говорить. Я в Смоленск еду, там меня замуж отдадут. За княжьего сына, Изяслава Владимировича.

— Если доедешь, — сказал шут.

— Не говори так! Мой отец рыцарям друг. Он им землю дал.

— А ночью кто разберется?

— Князь Вячко их в город не пустит. Он сильный.

— Ребенок ты, ну, прямо ребенок, — шут под-

нялся и подошел к столу. — Это квас у тебя?

— Мне тоже дай напиться, — сказала, легко поднимаясь с ковра, девушка.

Шут вдруг резко обернулся, взглянул на дверь.

— Пить, говоришь, хочешь?

— А ну-ка, — сказал Кин и метнул шар к двери. В узком коридоре Анна увидела прижавшегося к стене Романа.

— Он ее любит, — сказала Анна.

— Этого еще нам не хватало, — сказал Жюль.

— А тетка бранила ее за склонность к князю, помните?

— Помню, — сказал Кин, возвращая шар в комнату. Как раз в тот момент, когда шут, ловко, фокусником, плеснул из склянки в кубок приворотное зелье.

— Спасибо. Ты не уходи, Акиплеша. Мне страшно одной.

21.

— Как вы думаете, — спросила Анна, пока Кин

примерял рубаху и сапоги, — тот литовец убьет епископа?

— Нет, — сказал Кин. — Епископ умер лет через пятнадцать. Жюль, проверь, чтобы ничего не оставалось в сенях.

— А вы не вернетесь? — Она вдруг понила, что представление заканчивается. Последнее действие — похищение чародея. И занавес. Зрители покидают зал. Актеры уже собрали реквизит и переезжают в другой город.

— Если все обойдется, — сказал Кин сухо, — то не вернусь. Жюль перебросит нас домой. Кто это приходил? Дед?

Анна кивнула.

— Сварить кофе?

— Только себе и Жюлю, — сказал Кин. — Перед переброской лучше ничего не есть. Я завтра утром позавтракаю. Дома.

— Все-таки этот шут мне неприятен, — сказала Анна. — Девушка ничего не подозревает…

— Он его раб, — сказал Кин. — Роман его спас от смерти. Но приворотного зелья, увы, не существует. Доказано наукой.

— Не знаю, — сказала Анна. — Вы же сами говорите, что Роман — универсальный гений. Может, придумал.

— Я буду переодеваться, — сказал Кин. — И боюсь вам помешать. Вы хотели сделать кофе.

— Конечно, — сказала Анна.

Она разожгла плиту — хорошо, что взяла с собой молотого кофе. Эти пришельцы, конечно, не подумали, чем будут кормиться три дня. Дармоеды. Тунеядцы. Анна была страшно сердита. И поняла, почему. Ее присутствие терпели, как присутствие деда Геннадия, и забыли о ней в первый же удобный момент. А ты чего ждала, голубушка? Что тебя пригласят на экскурсию в будущее? Чепуха, ты просто ни о чем не думала, а решила, что бесплатное развлечение будет длиться вечно… Кин за перегородкой чем-то загремел. Интересно, а пистолет он берет с собой?

— Ну, как? — спросил Кин.

Анна обернулась. В дверях стоял обросший короткой курчавой бородой мужик из тринадцатого века, краснолицый, крепкий, меч сбоку, кольчуга под накидкой, на шее обруч в виде серебряной змеи. Был этот мужик пониже ростом, чем Кин, пошире его в плечах, длинные пегие волосы собраны тесемкой.

— Я бы вас никогда не узнала, — сказала Анна.

— Спасибо, — сказал Кин.

— А почему змея?

— Это знак — называется «уж». Я литовский воин, из охраны Романа.

— Но они же там все друг друга знают.

— Сейчас темно. Я не буду соваться на передний план.

— А я кофе сварила, — сказала Анна.

— Кофе? Налейте Жюлю.

Жюль уже собрал один из своих пультов, закрыл чемодан и вынес в прихожую. Сам вернулся к пульту связи.

— Жюль, — сказала Анна, — выпей кофе.

— Спасибо, девочка, — сказал Жюль, — поставь на столик.

Анна молча поставила чашку под выключенный шар. Если не нужна, лучше не навязываться. В прихожей ее догнал голос Жюля:

— Мне жаль будет, что больше не увидимся. Такая у нас работа.

— Такая работа, — улыбнулась Анна, оборачиваясь к нему. Она была ему благодарна за живые слова.

Кин стоял на кухне, прихлебывал кофе.

— Вам же нельзя! — не удержалась Анна.

— Конечно, лучше не пить. Только вот вам не осталось.

— Ничего, я себе еще сварю.

— Правильно, — сказал Кин.

22.

Выход в прошлое чуть было не сорвался. Они все стояли в прихожей, над чемоданами и ящиками. И снова раздался стук в дверь.

— Кто? — спросила Анна.

— У тебя все в порядке? — спросил дед Геннадий.

— А что?

— Голоса слышу, — сказал дед.

Кин метнулся на кухню. Жюль закрылся в задней комнате. Анна медлила с засовом.

— У меня радио, — сказала она. — Радио я слушала. Я уже спать легла.

— Спать легла, а свет не тушишь, — проворчал дед. — Я тебе анальгин принес.

— Зачем мне анальгин?

— От головной боли, известное дело. Сама жаловалась.

Пришлось открыть. На улице дул сырой ветерок. Яркая луна освещала шляпу деда, а лицо его

было черным. Дед старался заглянуть за спину Анны, но в прихожей было темно. Коробочка с таблетками нагрелась от ладони деда.

— Беспокоюсь я за тебя, — сказал он. — Вообще-то у нас места тихие, разбойников, понятно, нет, нечем им интересоваться, но какое-то к тебе есть опасное притяжение.

— Я не боюсь. Спасибо за лекарство. Спокойной ночи.

Анна быстро захлопнула дверь, решив, что если дед обидится, у нее еще будет время с ним поладить… Дед постоял на крыльце, повздыхал, потом заскрипели ступеньки. Кин подошел к окну в прихожей — дед задумчиво брел по тропинке.

— Спасибо, Анна, не знаю, что бы мы без тебя делали, — сказал Кин.

— Не лицемерьте. Он приходит именно потому, что я здесь. Не было бы меня, он бы и не заподозрил.

— Вы правы, — сказал Кин.

Он прошел, мягко ступая по половицам, в холодную комнату.

Он включил шар и повел его из горницы польской княжны, сейчас темной, наружу, через залитую дождем площадь, мимо коновязи, где переминались мокрые кони, мимо колодца, в

закоулок к дому Романа. За забором во дворе шар опустился и замер. Кин выпростал руки из столика, перешел в другой угол комнаты, где стояла тонкая металлическая рама, — под ней металлическая плат-формочка, похожая на напольные весы. Воздух в раме чуть колебался.

— Давай напряжение, — сказал Кин.

— Одну минуту, — сказал Жюль. — Дай я уберу вещи, а то потом будет некогда отвлекаться.

Сзади Анны зашуршало, щелкнуло. Она обернулась и увидела, как исчез один чемодан — с лишней одеждой, потом второй, с пультом. Прихожая опустела.

Кин вступил в раму. Жюль подвинул табурет поближе к шару, натянул на левую руку черную перчатку.

— Начинается ювелирная работа, — сказал он.

Кин бросил взгляд на Анну, как ей показалось, удивленный, — он словно не понял, с кем разговаривает Жюль.

— Не отвлекайся, — сказал он.

Шар показывал пустой, темный двор. Под небольшим навесом у калитки съежился — видно, дремал — стражник, похожий на Кина.

— Чуть ближе к сараю, — сказал Кин.

— Не ушибись, — сказал Жюль. — Ну, ни пуха,

ни пера.

Кин поднял руку. Послышалось громкое жужжание, словно в комнату влетел пчелиный рой. И Кин исчез.

23.

Кин стоял во дворе. Свыкнуться с этим оказалось нетрудно, он был одет соответственно времени и месту.

Кин вышел из тени сарая, — на дворе стояла такая темень, что можно было лишь угадывать силуэты. Слабый свет пробивался из щели, это была дверь в сарай, — Кин скользнул туда, чуть приоткрыв дверь, — лучина освещала низкое помещение, на низких нарах играли в кости два стражника. Кин пошел к воротам. Стражник у ворот дремал под навесом, кое-как защищавшим от дождя.

В тот момент, когда Кин был совсем рядом со стражником, три раза ударили в дверь, — по ту сторону забора стоял Роман, у его ног, сгорбленной собачонкой, — шут Акиплеша.

Стражник шумно вздохнул, поежился во сне. Кин быстро шагнул к воротам, выглянул, узнал Романа и отодвинул засов.

— Ни черта не видно, — проворчал Роман.

— Я до двери провожу, — сказал Кин. — За мной идите.

— В такую темень можно уйти, — сказал Роман. — По крайней мере часть добра бы мы вынесли.

— А дальше что? — спросил шут. — Будешь, дяденька, по лесу посуду носить, медведей кормить?

— Не спеши, в грязь попаду, — сказал Роман Кину. Он шел по деревянным мосткам, держась за край его плаща.

Анна вдруг хмыкнула.

— Ты чего? — спросил Жюль.

— Знал бы Роман, что коллегу за полу держит.

— Лучше, чтобы не знал, — серьезно ответил Жюль.

— Ты зачем подсматривал, дяденька? — спросил шут. — Не поверил, что дам любезной зелье?

— Она придет ко мне?

— Кого поумней меня спроси!

Заскрипели ступеньки крыльца; дверь, отворившись, обозначила силуэты людей. Кин сразу отступил в сторону. Донесся голос шута:

— Что-то этого ратника не помню.

— Они все одинаковые, — сказал Роман.

В приотворенную дверь было видно, как шут откинул крышку люка в подвал. Заглянул внутрь. Поднял голову.

— Мажей не возвращался, — сказал он.

Голос его вдруг дрогнул. Анна подумала, что и шуты устают быть шутами.

— Лучше будет, если он не вернется, — сказал Роман.

— Разум покидает тебя, боярин, — сказал шут жестко. — Мажей верно служил тебе много лет.

— Город не выстоит, даже если вся литва придет на помощь.

— Если погибнет епископ, будет справедливо.

— И рыцари отомстят нам жестоко. Мы погибнем.

— Мы выиграем день. Литва подоспеет.

— Я думаю о самом главном. Я на пороге тайны.

Еще день, неделя, много — месяц, и секрет философского камня у меня в руках. Я стану велик… князья государств и церкви будут у моих ног… Никто не посмеет отобрать у меня Магдалену.

— Дурак, — сказал спокойно шут. — Умный, а дурак, хуже меня. Епископ…

— А что, епископу золото не нужно? Власть не нужна? Епископ будет беречь меня, как золотую птицу.

— Но в клетке, дяденька.

— Условия будут мои.

— Птичка в клетке велела хозяину щи подавать?

— Будут подавать. Как миленькие.

— Рыцари прихлопнут тебя, не станут разбираться…

— Епископ знает, что я здесь. Не даст меня в обиду.

— И ты его поэтому бережешь?

— Любой ценой. Не ради меня — ради великой тайны.

— Ой, боярин…

— Ты не веришь?

— Нет.

Роман вдруг выхватил нож.

— Я убью тебя!

— Нельзя! — крикнул шут. С неожиданной ловкостью он перепрыгнул через зияющий, слабо освещенный люк, перед которым остановился Роман.

Шут бросился вон — Кин еле успел посторониться.

На крыльце шут нахохлился, голова ушла в широкие плечи.

— Дождик, — сказал он, — дождик какой… До конца света дождик… Жизни нет, один дождик.

Скрипнули ступеньки. Шут спустился во двор…

Кин стоял в горнице, держась в тени. Роман сошел в подвал, но люк оставил открытым.

Кин тихонько заглянул в люк, и шар, повиснув над ним, глядел туда же. Чародей стоял у стола, задумавшись, постукивая пальцами. Вдруг он вздрогнул. Он увидел, что у потухшей печи, мокрый, замерзший, стоит отрок.

— Ты что же молчишь? — спросил Роман.

— Я не догнал его, — сказал отрок.

— Я и не ждал, что ты его догонишь. А там ты был?

— Я был, — сказал отрок.

— Что сказали?

— Сказали, в час после полуночи.

— Ты грейся, грейся, — сказал Роман. — Потом поможешь мне.

— Бьет меня дрожь, — сказал отрок. — Орден нас примет?

— Ты не бойся. Меня везде знают. Меня в Венеции знают. И в Магдебурге, и в Майнце знают… меня убить нельзя…

В этот момент все и случилось.

Шар висел над самой головой Кина. Поэтому сначала было непонятно, кто нанес Кину удар сзади. На один миг изображение в шаре исчезло, затем возникло удивленное лицо Кина, который пытался обернуться, и тут же он потерял равновесие и рухнул в люк, медленно сползая в подвал по ступеням лестницы.

— Стой!.. Он же разобьется!

Сверху мелькнул аркан, — за секунду шут успел выхватить его из-за пазухи и бросить, так что веревка охватила Кина за плечи в полуметре от пола подвала и задержала падение. Безжизненное тело Кина опустилось на пол. Подняв шар, Жюль увидел над люком шута с арканом в одной руке, в другой — дубина.

Роман и отрок отшатнулись от люка, застыли.

Роман первым сообразил, в чем дело.

— Кто? — спросил он.

— Он мне с самого начала не показался — нет у нас такого в стражниках. У меня память на лица. Подслушивал. Думаю, он епископский лазутчик.

Глаза Кина были закрыты.

— Ты его, часом, не убил? — спросил Роман.

— У нас, литовцев, голова железная, — сказал шут.

— Что же делать? — сказала Анна. — Они его убьют. Ну сделай что-нибудь, Жюль, миленький! Вытащи его обратно!

— Без его помощи не могу.

— Так придумай.

— Да погоди ты! — огрызнулся Жюль. — Ты думаешь, он на прогулку пошел? Выпутается. Обязательно выпутается. Ничего…

— Надо с ним поговорить, — сказал Роман. — Только возьми у него… это.

Шут нагнулся, вытащил у Кина меч, стянул арканом руки.

В этот момент в люке показалось лицо другого стражника.

— А, Йовайла, — сказал шут. — Ты этого земляка не знаешь?

— Нет, — сказал тот быстро. — За воротами

князь.

— Этого еще не хватало, — сказал Роман. — Акиплеша, убери, живо, ну! Глузд, помоги ему.

Они оттащили Кина в угол, Роман набросал сверху ворох тряпья… Сцена была зловещей — тени метались по стенам, сплетались, будто дрались.

Князь быстро спускался вниз, дощатые ступени прогибались, за ним — через ступеньку — ятвяг в черной куртке и красном колпаке.

Князь был в кольчуге, короткий плащ промок, прилип к кольчуге, рыжие волосы взъерошились. Князь был зол:

— Орден на приступ собрался, лестницы волокут… Как держаться? Ворота слабые, людей мало. Ты чего здесь таишься?

— Какая от меня польза на стене? Я здесь нужнее.

— Ты думай. Нам бы до завтра продержаться. Роман, почему на башнях огненной воды нет?

— Кончилась, княже.

— Чтоб была! Не отстоим город — первым помрешь.

— Князь, я твоего рода, не говори так. Я все делаю…

— Не знаю, никому не верю. Как плохо — нико-

го нет. Где Владимир Полоцкий? Где Владимир Смоленский, где Мстислав Удалой? Владимир Псковский? Где рати? Где вся Русь?

— Я приду на стену, брат, — примирительно сказал Роман.

— Тут у тебя столько зелья заготовлено.

— Это чтобы золото делать.

— Мне сейчас золото не нужно — хоть самородок дашь, я его на голову епископу брошу. Ты мне огонь дай, огонь!

— Я приду на стену, брат.

Кин пошевелился под тряпьем — видно, застонал, потому что князь метнулся к куче тряпья, — Кин был без сознания.

— Кто? Зачем литовца связал?

— Чужой человек, — сказал Роман. — В доме у меня был. Не знаю; может, орденский лазутчик.

— Убей его, — князь вытащил меч.

Анна прижала ладони к глазам.

— Нет, — услышала она голос Романа. — Я его допросить должен. Иди, князь, я приду. Сделаем огонь — придем.

— Ятвяг, — сказал князь. — Останешься здесь.

— Лишнее, князь, — сказал Роман.

— Сейчас я никому не верю. Понял? Тебе не верю тоже.

Князь опустил рукоять меча… — Нам бы до завтра продержаться.

Князь, не оборачиваясь, быстро поднялся по лестнице. Остановился, поглядел в подвал сверху. И ему видны были темные тени, неровно освещенные желтым светом лица, блеск реторт и медных трубок. Князь перекрестился, потолок над головами закинувших головы чародея и его помощников заколебался от быстрых тяжелых шагов уходившего князя Вячко.

— Вся литовская рать не спасет его, — тихо сказал Роман.

Он сделал шаг к Кину, вглядываясь ему в лицо.

Ятвяг за его спиной тоже смотрел на Кина, холодно и бесстрастно, — для него смерть и жизнь были лишь краткой сменой в бесконечном чередовании бытия и небытия.

— Дай чего-нибудь ятвягу, опои его, — сказал Роман.

— Он заговорил по-латыни, — заметил Жюль.

— Не все ли равно! — воскликнула Анна.

Ятвяг отступил на шаг, он был настороже.

— Не будет он пить, — сказал шут. — Он верный, как пес.

Кин открыл глаза. Помотал головой, помор-

щился от боли.

— Ничего, — сказал Жюль. — Мы не с такими справлялись.

— Пистолет бы ему.

— Он не имеет права никому причинить вреда.

— Даже если это грозит ему смертью?

— Мы готовы к этому, — сказал Жюль.

— Ты кто? — спросил Роман, склоняясь к Кину.

Кин молчал, глядел на Романа.

— Он не понимает по-немецки, — сообщил шут.

— Без тебя, дурак, вижу. Наверно, притворяется.

— Так убей его, и дело с концом, — сказал шут.

— А вдруг его прислал епископ?

— Другого пришлет, — сказал шут. — С языком.

— Подлец, — сказала Анна сквозь зубы.

— Спроси его по-литовски, — сказал Роман.

— Ты что здесь делаешь? — спросил шут.

— Я пришел из Тракая, — сказал Кин. — Я своих увидел.

— Врешь, — сказал шут.

— Что он говорит?

— Врет, — сказал шут. — Убить его надо, и дело с концом.

Кин попытался встать.

Ятвяг кошачьим, мягким движением выхватил саблю.

— Погодите, — сказал Кин. — Мессир Роман, у меня к вам важное дело.

— Он знает латынь? — вырвалось у Романа.

— Боярин, — сказал отрок. — Время истекает.

— Время, — повторил ятвяг. — Князь ждет. Идите на башню.

— Сейчас, — сказал Роман. — Ты говоришь, что знаешь меня?

— Я принес вести из Бремена, — сказал Кин. — Я не могу сказать сейчас. Я скажу наедине. Развяжите меня.

— Нет, — сказал Роман. — Даже если ты не врешь, ты останешься здесь. Я не верю тебе.

— Время истекает, — сказал отрок.

— О чем это он? — спросил шут.

— Он должен встретиться с одним человеком.

Ятвяг положил на левую ладонь лезвие сабли, словно любуясь ее тусклым блеском.

— Князь сказал, — повторил он, — пора идти.

— С тобой пойдет Акиплеша, — сказал Роман. — Он все знает.

— Князь сказал, — повторил ятвяг, и в голосе была угроза.

Анна увидела: Роман сделал какой-то знак отроку, и тот, чуть заметно кивнув, двинулся вдоль стены в полутьме. Кин лежал с открытыми глазами. Внимательно следил за людьми в подвале. Чуть пошевелил плечами.

— Он снимет веревки, — прошептал Жюль, словно боясь, что его услышат. — Главное — снять веревки.

Ятвяг тоже зорко следил за тем, что происходит вокруг, будто чувствовал неладное.

— Цезарь, — сказал шут, — не бери греха на душу.

— Ты никогда не станешь великим человеком, — ответил Роман, делая шаг к столу, чтобы отвлечь внимание ятвяга, — наше время не терпит добрых. Ставка слишком велика. Ставка — жизнь и великая магия. Ты! — крикнул он неожиданно ятвягу. И замахнулся кулаком. Ятвяг мгновенно вскинул саблю. '

И в этот момент блеснул нож — коротко, смут-

но, мелькнув в ретортах. И ятвяг сразу выпустил саблю, бессмысленно и безнадежно стараясь увидеть источник боли, достать закинутыми за спину руками торчащий под лопаткой нож. Затем он повалился на бок, толкнув тяжелый стол. Реторта с темной маслянистой жидкостью покачнулась, — Роман метнулся к столу, успев подхватить ее.

— Как я испугался, — сказал он.

Шут смотрел на ятвяга.

— Плохо вышло, — сказал шут. — Ой, как плохо вышло…

— Скажем князю, что он ушел. Вытащи его наверх — и за сарай. Никто нынче ночью не найдет.

— Кровь, — сказал шут. — И это есть знание?

— Ради которого я отдам свою жизнь, а твою — подавно, — сказал Роман. — Тащи, он легкий.

Шут стоял недвижно.

— Слушай, — сказал Роман. — Я виноват, я тебя всю жизнь другому учил… Я тебя учил, что жизнь можно сделать хорошей, но знание выше жизни. За него бороться надо… иди, мой раб. У нас уже нет выхода. И грех на мне.

Шут нагнулся и взял ятвяга на плечи. Голова запрокинулась, рот приоткрылся в гримасе.

Шут поволок его к лестнице. Отрок подхватил убитого за ноги.

— Я больше не могу, — сказала Анна. — Это ужасно.

— Это не конец, — сказал Жюль. Он приблизил шар к лицу Кина, и тот, словно угадав, что его видят, улыбнулся уголком губ.

— Вот видишь, — сказал Жюль. — Он справится.

В голосе Жюля не было уверенности.

— А нельзя вызвать кого-нибудь к вам на помощь? — спросила Анна.

— Нет, — коротко ответил Жюль.

Шут с отроком вытащил труп наверх.

— Глузд! — окликнул Роман. — Вернись.

Отрок сбежал по лестнице вниз.

— Мне не дотащить, — сверху показалось лицо шута.

— Йовайлу позови, пускай поможет. Спрячете — тут же иди на стену. Скажешь, что я — следом.

Отрок стоял посреди комнаты. Он был бледен.

— Устал, мой мальчик? Тяжела школа чародея?

— Я послушен, учитель, — сказал юноша.

— Тогда иди. Помни, что ты должен завязать ему глаза.

Отрок открыл потайную дверь и исчез за ней.

Роман поглядел на большие песочные часы, стоявшие на полке у печи. Песок уже весь высыпался. Он пожал плечами, перевернул часы и смотрел, как песок сыплется тонкой струйкой.

— Второй час пополуночи, — сказал Кин. — Скоро начнет светать. Ночи короткие.

— Да? — Роман словно вспомнил, что он не один в подвале. — Ты для меня загадка, литовец. Или не литовец? Лив? Эст?

— Разве это важно, чародей? — спросил Кин. — Я ученик великого Бертольда. Ты слышал это имя?

— Я слышал это имя, — сказал Роман. — Но ты забыл, что Бертольд уже два года как умер.

— Это пустой слух.

Дверь вздрогнула, отворилась, и из подземного хода появился отрок, ведя за руку высокого человека в монашеском одеянии с капюшоном, надвинутым на лоб, и с темной повязкой на глазах.

— Можете снять повязку, — сказал Роман. — У нас мало времени.

Монах снял повязку и передал отроку.

— Я подчинился условиям, — сказал он. — Я тоже рискую жизнью.

Анна узнала ландмейстера Фридриха фон Кокенгаузена. Рыцарь сел, положив на стол железную руку.

— Как рука? — спросил Роман.

— Я благодарен тебе, — сказал Фридрих. — Я могу держать ею щит. — Он повернул рычажок на тыльной стороне железной ладони. Пальцы сжались, словно охватили копье. — Епископ выбрал меня, потому что мы с тобой давнишние друзья. И ты доверяешь мне. Расскажи, почему ты хотел нас видеть?

— Вы нашли литовца, который украл у меня огненную смесь?

— Да, — коротко сказал Фридрих. — В горшке твое зелье?

— Оно может разорвать на куски сто человек, — сказал Роман.

Жюль опять повернул шар к Кину, и Анна увидела, как Кин, медленно поднимает плечо, высвобождая руку.

— А это кто? — рыцарь вдруг резко обернулся к Кину.

— Я тебя хотел спросить, — сказал Роман. — Он сказал, что он ученик славного Бертольда.

— Это ложь, — сказал рыцарь. — Я был у Бертольда перед его смертью. Нас, людей, причастных к великой тайне магии и превращения стихий, так мало на свете. Я знаю всех его учеников… Он лжет. Кстати, сейчас освободит руку.

— Черт! — выругался Жюль. — Как он заметил?

Роман с отроком бросились к Кину.

— Ты прав, брат, — сказал он Фридриху. — Спасибо тебе.

Кин был неподвижен.

— Это первый человек, который развязал узел моего шута.

— И поэтому его надо убить, — сказал рыцарь.

Роман извлек из-под стола толстую веревку и надежно скрутил руки Кина.

— Погоди, — сказал Роман. — Он говорит по-латыни не хуже нас с тобой и знал Бертольда. Скоро вернется мой шут и допросит его. Он допросит его как надо, огнем.

— Как хочешь, — сказал Фридрих. — Я слышал, что ты близок к открытию тайны золота.

— Да, — сказал Роман. — Я близок. Но это долгая работа. Это будет не сегодня. Я беспокоюсь за судьбу моего дела.

— Только ли дела?

— И мою собственную. И моих помощников.

— Чем мы тебе можем быть полезны?

— Ты знаешь, чем, — мы знакомы не первый год. Ты потерял руку, когда в твоем замке взорвалась реторта, хоть и говоришь, что это случилось в битве с сарацинами.

— Допустим, — сказал рыцарь.

— Для меня главное — сохранить все это. Чтобы работать дальше.

— Похвально. Но если наши пойдут завтра на штурм, как я могу обещать тебе безопасность?

— И не только мне, брат, — сказал Роман. — Ты знаешь, что у нас живет польская княжна?

Шар опять приблизился к Кину. Губы Кина шевельнулись, и шар передал его шёпот:

— Плохо дело. Думай, Жюль…

Жюль кивнул, словно Кин мог увидеть его. И обернулся к Анне — может, искал сочувствия?

— Если ты уйдешь, я не справлюсь с аппаратурой? — спросила Анна.

— Нет, моя девочка, — сказал Жюль тихо. — Тебе не вытянуть нас.

Роман и рыцарь подняли глаза.

— Кто-то идет, — сказал Роман отроку. — Задержи его. Я вернусь. — Рыцарь тяжело поднялся

из-за стола и опустил капюшон.

— Завязать глаза? — спросил Фридрих.

Роман махнул рукой.

— Я выйду с тобой. Скорей.

Потайная дверь закрылась за рыцарем и Романом.

Шут спустился по лестнице.

— Где боярин? — спросил он.

— Не знаю, — сказал отрок.

— Убежал к орденским братьям? Нет, он один не убежит. Ему все это нужно… это его золото… Это его власть и слава.

24.

— Жюль, — сказала Анна. — Я знаю, что сделать.

— Да? — Жюль снова увеличил лицо Кина. Кин смотрел на шута.

— Я похожа на Магду. Ты сам говорил, что я похожа на Магду.

— Какую еще Магду? — В гусарских глазах Жюля была тоска.

— Польскую княжну, Магдалену.

— Ну и что?

— Жюль, я пойду туда. Вместо нее.

— Ты что, с ума сошла? Не говори глупостей. Тебя узнают. Мне еще не хватало твоей смерти. И куда мы княжну денем?

— Да слушай ты спокойно. Жюль, милый, у нас с тобой нет другого выхода. Время движется к рассвету. Кин связан и бессилен.

— Замолчи. И без твоих идей тошно.

— Все очень просто. Ты можешь меня высадить в любом месте?

— Конечно. — Он пожал плечами.

— Тогда высади меня в спальне княжны. Это единственный выход. Сообрази, наконец. Если я не проберусь к Кину в ближайшие минуты, он погибнет. Я уже не говорю, что провалится все ваше дело. Кин может погибнуть. И мне это не все равно!

— Ты хочешь сказать, что мне все равно? Ты что думаешь, Кин первый? Думаешь, никто из нас не погибал?..

Из окошка тянуло влажным холодом, — погода в двадцатом веке тоже начала портиться. Брехали собаки. Анна вдруг почувствовала себя вдвое старше Жюля.

— Не в этом дело! Веди шар! Будь мужчиной, Жюль! Вы уже посвятили меня в ваши дела…

— Да, но… — Жюль замялся. — Слишком уж нарушаем прошлое.

— Переживем! Вспомни: Кин лежит связанный.

Жюль несколько секунд сидел неподвижно. Затем резко обернулся, оценивающе посмотрел на Анну.

— Может получиться так, что я не смогу за тобой наблюдать.

— Не теряй времени. Веди шар в терем. Мне же надо переодеться.

— Погоди, может быть…

— Поехали, Жюль, миленький!

Анну охватило лихорадочное нетерпение, будто предстоял прыжок с парашютом, и было страшно, но еще сильнее был страх опоздать с прыжком.

Шар покинул дом Романа, пронесся над крышей. Краем глаза Анна увидела огоньки на стенах и далекое зарево. Впереди был терем.

Шар завис в коридоре, медленно пополз вдоль темных стен. Анна подошла к раме, хотела шагнуть, потом опомнилась, начала торопливо стаскивать кофту…

— Все чисто, — сказал Жюль. — Можно.

— Постой, — крикнула Анна. — Я же не могу там оставлять одежду…

Княжна спала на низком сундуке с жестким подголовником, накрывшись одеялом из шкур. Одинокая плошка мерцала на столе. По черной слюде окна стекали мутные капли дождя.

Шар закружился по комнате, обежал углы, остановился перед задней, закрытой дверью…

— Учти, что там спит ее тетка, — сказал Жюль.

Потом другим голосом — изгнав сомнения:

— Ладно. Теперь слушай внимательно. Момент переноса не терпит ошибок.

Жюль поднялся, достал из пульта плоскую облатку чуть поменьше копеечной монетки, прижал ее под левым ухом Анны. Облатка была прохладной и, чмокнув, присосалась к коже.

— Чтобы вернуться, ты должна замкнуть поле. Для этого дотронешься пальцем до этой… присоски. И я тебя вытяну. Будешь там приземляться — чуть подогни ноги, чтобы не было удара.

Польская княжна повернулась во сне, шевельнулись ее губы. Рука упала вниз, согнутые пальцы коснулись пола.

Анна быстро шагнула в раму. И сейчас же закружилась голова, и началось падение — падение в

глубь времени, бесконечное и страшное, потому что не за что было уцепиться, некому крикнуть, чтобы остановили, удержали, спасли, и не было голоса, не было верха и низа, была смерть или преддверие ее, и в голове крутилась одна мысль — зачем же ей не сказали? Не предупредили? Зачем ее предали, бросили, оставили, ведь она никому плохого не сделала! Она еще так молода, она не успела пожить… Жалость к себе охватила слезной немощью, болью в сердце, а падение продолжалось — и вдруг прервалось, — подхватило внутренности, словно в остановившемся лифте, и Анна поняла, что может открыть глаза…

Твердый пол ударил снизу по ступням.

Анна проглотила слюну.

Круглая плошка с плавающим в ней фитилем горела на столе. Рядом стоял стул с прямой высокой спинкой. Запах плохо выделанных шкур, печного дыма, горелого масла, пота и мускуса ударил плотно в ноздри… Анна поняла, что она в другом веке.

Сколько прошло времени? Час — или больше?.. Нет, это только казалось ей, ведь Кин проскочил в прошлое почти мгновенно: ступил в раму и оказался во дворе Романа. А вдруг машина испортилась, и ее путешествие в самом деле за-

тянулось? Нет, на низком сундуке спит польская княжна, рука чуть касается пола.

— Раз, два, три, четыре, пять, — считала про себя Анна, чтобы мысли вернулись на место. Жюль сейчас видит ее в шаре. Где же шар? Наверное, чуть повыше, над головой, и Анна посмотрела туда, где должен был висеть шар, и улыбнулась Жюлю: ему сейчас хуже всех. Он один. Ах ты, гусар из двадцать седьмого века, тебе, наверно, влетит за ископаемую девчонку…

Теперь надо действовать. И поживей. В любой момент может начаться штурм города. Анна поглядела в небольшое забранное слюдой окошко, и ей показалось, что в черноте ночи она угадывает рассветную синеву.

Платье Магдалены лежало на табурете рядом с сундуком, невысокие сапожки без каблуков валялись рядом.

Анна прислушалась. Терем жил ночной жизнью — скрипом половиц, шуршанием мышей на чердаке, отдаленным звоном оружия, окриком караульного у крыльца, шорохом шаркающих шагов… Княжна забормотала во сне. Было душно. В тринадцатом веке не любили открывать окон.

Громко зашуршало платье княжны. Надевать его пришлось снизу — выше талии оно скрепля-

лось тесемками. В груди платье жало, — ладно, потерпим. Теперь очень важно — платок. Его нужно завязать так, чтобы скрыть волосы. Где шапочка — плоская с золотым обручем? Анна взяла плошку, посветила под столом, в углу, — нашла шапочку. Сейчас бы зеркало, — как плохо отправляться в прошлое в такой спешке! Наряд нам должен быть к лицу, подумала Анна, но как жаль, что информацию об этом придется черпать из чужих глаз. Конечно, у княжны где-то есть зеркальце на длинной ручке, как в сказках, но нет времени шарить по чужим сундукам. Анна расшнуровала кеды, сунула ногу в сапожок. Сапожок застрял в щиколотке — ни туда, ни сюда. За перегородкой кто-то заворочался. Женский голос спросил по-русски:

— Ты чего, Магда? Не спишь.

Анна замерла, ответила не сразу.

— Сплю, — сказала она тихо.

— Спи, спи, — это был голос тетки. — Может, дать чего?

Тетка тяжело вздохнула.

Анна отказалась от мысли погулять в сапожках. Ничего, платье длинное. Как жаль, что дамы в то время не носили вуаль… Вся наша пьеса разыгрывается при искусственном освещении;

тут и в родной маме можно усомниться. Анна осмотрелась в последний раз, — может, забыла что-нибудь? Легонько подняла руку княжны и положила на сундук — чтобы не затекла. Подумала, что сейчас Жюль, наверное, обругал ее последними словами. Что за ненужный риск! Анна ощущала странную близость, почти родство с девушкой, которой в голову не могло бы прийти, что ее платье надела на себя другая, та, которая будет жить через много сот лет…

— Ничего, — прошептала она, старательно шевеля губами, чтобы Жюль видел, — она спит крепко.

Анна скользнула к двери, — сильно заскрипело в соседней комнате, и голос окончательно проснувшейся тетки сообщил:

— Я к тебе пойду, девочка, не спится мне, тревожно…

Анна потянула к себе дверь. Дверь не поддалась. Голые ступни коснулись половиц, — как все слышно в этом доме! — тетка уронила что-то. Шлеп-шлеп-шлеп — ее шаги. Проклятое кольцо в львиной пасти — это старый колдун дед Геннадий во всем виноват… Анна догадалась повернуть кольцо. Сзади тоже отворялась дверь, но Анна не стала оглядываться; нагнувшись, чтобы не

расшибить голову, юркнула в темень коридора.

За дверью бубнил голос тетки.

25.

Первый человек, который попался Анне, был стражник у входа в терем. Он стоял у перил крыльца, глядя на зарево, охватившее полнеба, прислушивался к далекому шуму на стенах.

Стражник оглянулся. Это был пожилой мужчина, кольчуга его была распорота на груди и кое-как стянута кожаным ремешком.

— Что горит? — спросила Анна, не давая ему поразмыслить, чего ради польская княжна разгуливает по ночам. Впрочем, стражнику было не до нее: ощущение нависшей угрозы овладело всеми горожанами.

— Стога горят — на Болоте. Я так думаю.

Дождь почти прекратился, зарево освещало мокрые крыши, но переулки за площадью тонули в темноте. Отсюда, с крыльца, все выглядело не так, как в шаре, и Анна заколебалась — куда идти. Может, потому, что холодный ветер, несу-

щий влагу, звуки и дыхание города, заставил все воспринимать иначе. Перед ней был уже не телевизор.

— Погоди, боярышня, — сказал стражник, только сейчас сообразив, что полька собирается в город. — Время неладное гулять.

— Я вернусь, — сказала Анна.

Ее тень, тонкая, зыбкая, длинная, бежала перед ней по мокрой земле.

— Если на стене будешь, — крикнул вслед ратник, — погляди, это стога горят или что?

Анна миновала колодец, площадь сузилась, собор казался розовым. Здесь от главной улицы должен отходить проулок к дому Романа. Анна сунулась в темноту, остановилась. Она больше не была наблюдателем и стала частью этого мира.

— Ууу, — загудело впереди, словно какой-то страшный зверь надвигался из темноты. Анна метнулась в сторону, налетела на забор. Рев — или стон — становился громче, и Анна, не в силах более таиться, бросилась обратно к терему: там был стражник.

Из темноты возник страшный оборванный человек, одну руку он прижимал к глазам, и между пальцев лилась кровь, во второй была сучковатая дубина, которой он размахивал, удручающе

воя — однообразно, словно пел. Анна побежала к терему, скользя по грязи и боясь крикнуть, боясь привлечь к себе внимание. Пьяные, неверные, угрожающие шаги человека с дубиной приближались; к ним примешался мерный грохот, топот, крики, но негде было спрятаться, и куда-то пропал, как в кошмаре, стражник у крыльца, — крыльцо было черным и пустым, и терем был черен и пуст.

Рычание преследователя вдруг перешло в крик, визг, вопль — и оборвалось. Ветром подхватило, чуть не сбило Анну с ног — мимо пронеслись черными тенями с огненными бликами на лицах всадники Апокалипсиса — ятвяги, окружившие князя Вячко, передние с факелами, от которых брызгами летели искры.

Анна обернулась: неясной тенью, почти не различишь в темноте, лежал преследователь… Терем вдруг ожил, осветился факелами, выбежали стражники. Князь соскочил с коня. Ятвяги не спешивались, крутились у крыльца.

— Кто там был? — спросил князь.

— Пьяный, которым овладели злые духи, — ответил ятвяг.

— Хорошо. Не хватало еще, чтобы по городу бегали убийцы. Ты и ты. Зовите боярина Романа.

Если не пойдет, ведите силой.

— Позовем. — Анне из тени у забора видна была усмешка ятвяга.

Всадники одновременно хлестнули коней, промелькнули совсем близко от Анны и пропали. Значит, там и есть нужный ей закоулок. Она слышала, как топот копыт оборвался, прозвучал резкий гортанный голос, который ударился о заборы, покатился обратно к улице, и Анна представила себе, как запершиеся в домах жители прислушиваются к звукам с улицы, всей кожей ощущая, что настала последняя ночь…

Князь Вячко вошел в терем. Ятвяги соскакивали с седел, вели поить коней.

Анна колебалась — идти или не идти? А вдруг примчатся обратно ятвяги с Романом? Но Роман мог не вернуться из подземного хода. А если он решит убить Кина? Время тянулось, — как песок из-под пальцев, бежали минуты. Нет, ждать больше нельзя. Она сделала шаг за угол, заглянула в короткий проулок. Ворота распахнуты. Один из ятвягов стоял снаружи, у ворот, держал коней.

И тотчас в воротах блеснуло пожаром. Шел стражник Романа с факелом. Роман шагал следом. Он спешил. Ятвяги вскочили на коней и ехали чуть сзади, словно стерегли пленника.

Роман был так бледен, что Анне показалось: лицо его фосфоресцирует. Она отпрянула, — человек с факелом прошел рядом. И тут же — глаза Романа, близко, узнающие…

— Магда! Ты ко мне?

— Да, — сказала Анна, — прижимаясь к стене.

— Дождался, — сказал Роман, — пришла, голубица.

— Торопись, боярин, — сказал ятвяг. — Князь гневается.

— Йовайла, проводи княжну до моего дома. Она будет ждать меня там. И если хоть один волос упадет с ее головы, тебе не жить… Дождись меня, Магдалена.

Ятвяг дотронулся рукоятью нагайки до спины ученого. — Мы устали ждать, — сказал он.

Свет факела упал на труп сумасшедшего.

— Магда, я вернусь, — сказал Роман. — Ты дождешься?

— Да, — сказала Анна. — Дождусь.

— Слава богу, — сказал Роман. Уходя, он оглянулся — убедиться, что стражник подчинился приказу. Стражник, не оборачиваясь, шел по переулку, крикнул:

— Ворота не закрывайте, меня обратно послали. — И добавил что-то по-литовски. Из ворот

выглянуло лицо другого стражника.

Нет худа без добра, подумала Анна. Не надо думать, как войти в дом. Он ждал, он был готов увидеть княжну. И увидел.

26.

Стражник проводил Анну до дверей. Литовцы смотрели на нее равнодушно. Она шла, опустив глаза.

Заскрипели доски настила, стражник взошел на крыльцо, толкнул дверь и что-то крикнул внутрь.

Анна ждала. Зарево как будто уменьшилось, зато с противоположной стороны небо начало светлеть, хотя в городе было еще совсем темно.

Изнутри донеслись быстрые шаги, и на порог выбежал, хромая, шут. Он остановился, всматриваясь.

— Пани Магда?! — Кажется, он не верил своим глазам.

— Пан Роман, — сказала Магда, — велел мне ждать его.

— Не может быть, — сказал шут. — Ты должна спать. Ты не должна была сюда приходить. Ни в коем разе! Пока ты в тереме, он не убежит, неужели не понимаешь? Почему ты не спишь? Ты же выпила зелье? Ах, теперь ты в его руках…

Анна подумала, что о зелье ей, Магде, знать не положено. Но выразить интерес нужно.

— Какое зелье? — спросила она.

— Ступай, княжна, — сказал шут. — Не слушай дурака. Иди, сыро на улице стоять…

Он протянул слишком большую для его роста руку, и Анна послушно, держась за его сухие пальцы, прошла в горницу.

Люк в подвал был закрыт. До Кина всего несколько шагов.

— Сюда иди, — сказал шут, открывая дверь во внутренние покои. Но Анна остановилась на пороге.

— Я подожду здесь, — сказала она.

— Как хочешь, — шут был удручен. — И зачем ты пришла… Кто разбудил тебя?

— Я пришла сама, — сказала Анна.

— Неужели я ошибся… это же зелье, от которого сама не проснешься…

Он дал ей снотворного? Ах ты, интриган! — чуть не вырвалось у Анны. Вместо этого она улыбну-

лась и спросила:

— А где же твой хозяин занимается чародейством? Здесь? Или в задней комнате?

Она прошлась по комнате, топая пятками.

— Разве это так важно? — спросил шут. — Это уже не важно. Ты говоришь по-русски. Но странно. Говор у тебя чужой.

— Ты забыл, что я воспитана в Кракове?

— Воспитана? — чужое слово, — сказал шут. — Ты говоришь странные слова.

Крышка люка приподнялась. Шут проворно обернулся. Голова отрока появилась в люке.

— Ты чего, Глузд?

— Тот, литвин, бьется… боюсь я его. Погляди, Акиплеша.

— Прирежь его, — спокойно ответил шут.

— Нет! — вырвалось у Анны. — Как можно? — Она сделала шаг к открытому люку. — Как ты смеешь?.. — Она почти кричала; только бы Кин понял, что она рядом.

Шут ловко встрял между люком и Анной.

— Тебе туда нельзя, княжна, — сказал он. — Не велено.

— Эй! — раздался снизу зычный голос Кина. — Развяжи меня, скоморох. Веди к князю. Я слово знаю!

— Знакомый голос, — сказала Магда. — Кто у тебя там?

— Не твое дело, госпожа.

— Раб! — вскинулась она. — Смерд! Как ты смеешь перечить! — Анна не боялась сказать какое-нибудь слово, которого они не знали. Она иностранка и не имела иного образования, кроме домашнего.

И в голосе образованной москвички семидесятых годов двадцатого века, представительницы социалистического общества, вдруг зазвучали такие великокняжеские интонации, что Жюль, напряженно следивший за происходящим из деревенской комнаты, усмехнулся…

— С дороги! — рявкнула Анна. — Посмотрим, что скажет боярин, когда узнает о твоем своеволии.

И шут сразу сник. Словно ему стало все равно — увидит Магда пленника или нет…

Анна величественно отстранила отрока и спустилась вниз, в знакомое ей скопление реторт, горшков, медных тиглей — неведомых предвестников химической науки. Сильно воняло серой и кислотой. Кин сидел, прислонившись к стене. Анна мигнула ему, Кин нахмурился и проворчал сквозь зубы:

— Еще чего не хватало.

— Так вот ты где! — возмущенно заговорила княжна, гляда на Кина. — Почему связан? Что они с тобой сделали?

— Госпожа, — сообразил Кин. — Я плохого не делал. Я пришел к господину Роману от вас, но меня никто не слушает.

Анна обернулась. Отрок стоял у лестницы, шут на ступеньках. Оба внимательно слушали.

— Do you speak English?[15] — спросила Анна.

— A little.[16]

Анна вздохнула с облегчением.

— Нам нужно их убедить, — продолжала она по-английски.

— Молодец, — сказал Кин. — Как прикажете, госпожа.

— Развяжи его, — приказала Анна отроку.

— Сейчас, госпожа, — сказал он робко. — Сейчас, но… Господин…

— Господин сделает все, что я велю.

Отрок оглянулся на шута. Тот спустился в подвал, сел за стол.

— Делай, — мрачно сказал он, — господин сде-

---

[15] notes: 15
Вы по-английски говорите?

[16] notes: 16
Немного.

лает все, что она скажет.

— Где ваш возлюбленный? — спросил Кин по-английски.

— Не смейтесь. Я честная девушка. Он с князем. Они обсуждают вопросы обороны.

Кин поднялся, растирая затекшие пальцы.

— Я пошел. Мне надо быть с ним. А вам лучше вернуться.

— Нет, я останусь. Роман просил меня остаться. Я могу помочь вам, когда вы вернетесь.

— В случае опасности вы знаете, что делать?

— Разумеется, — сказала Анна по-русски. — Иди к Роману, береги его. — Она обернулась к отроку. — Проводи моего слугу до выхода. Чтобы его не задержали стражники.

Отрок взглянул на шута. Тот кивнул. Отрок последовал за Кином. Шут сказал:

— Thy will releaseth him from the fetters[17].

Анна опешила.

— Ты понимаешь этот язык?

— Я бывал в разных краях, княжна, — сказал шут. — С моим господином. Мы, рабы, скрываем свои знания…

Не может быть, подумала Анна, он не мог все

---

[17]. notes: 17
Твоя воля отпускает его из оков (*староангл.*)

понять. Ведь семь веков прошло, язык так изменился.

26.

— Здесь вы добываете золото? — спросила Анна. Печь совсем прогорела, лишь под пеплом тлели красные угольки.

— Мой господин, — сказал шут, — делает угодное богу.

— Верю, верю, — сказала Анна. — А правда, что он изобрел книгопечатание?

— Не ведаю такого слова, госпожа, — сказал шут. Он подошел к тлеющим углям и протянул к ним свои большие руки.

— Ты помогаешь господину?

— Когда он позволяет мне. А зачем тебе и твоему человеку мой господин? — спросил карлик.

— Я не поняла тебя.

— Вы говорили на языке, похожем на язык саксов. Твой человек побежал за моим господином.

— Ты боишься за него?

— Я боюсь страха моего господина. И его люб-

ви к тебе. Он забывает о других. Это приведет к смерти.

— Чьей смерти?

— Сегодня смерть ждет всех. Когда хватаешься за одно, забываешь о главном.

— Что же главное? — Анна хотела прибавить: раб или дурак, но поняла, что не хочет играть больше в эту игру.

— Главное? — Шут повернулся к ней. Единственный его глаз был смертельно печален. — Ты чужая, ты не можешь понять.

— Я постараюсь.

— Сейчас божьи дворяне пойдут на приступ. И никому пощады не будет. Но коли я догадался верно, если боярин Роман ходил наружу, чтобы договориться с божьими дворянами, как спастись и спасти все это… коли так, главное пропадает.

— Но ведь остается наука, остается его великое открытие.

— Ты, княжна, из знатных. Ты никогда не голодала, и тебя никогда не пороли, не жгли, не рубили, не измывались… тебе ничего не грозит. Тебя никто не тронет — ни здесь, ни в тереме. А вот все эти люди, те, что спят или не спят, тревожатся, пьют, едят, плачут на улицах, — их убьют. И это неважно моему господину. И это неважно

тебе, — их мука до вас не долетит.

Карлик, освещенный красным светом углей, был страшен.

Вот такими были первые проповедники средневековой справедливости, такие шли на костры. Люди, которые поняли, что каждый достоин жизни… и были бессильны.

— Ты неправ, шут.

— Нет, прав. Даже сейчас в твоих добрых глазах и в твоих добрых речах нет правды. Тебе неведомо, есть ли у меня имя, есть ли у меня слово и честь. Шут, дурак…

— Как тебя зовут?

— Акиплеша, — это тоже кличка. Я забыл свое имя. Но я не раб! Я сделаю-то, чего не хочет сделать Роман.

— Что ты можешь сделать?

— Я уйду подземным ходом, я найду в лесу ливов, я скажу им, чтобы спешили.

— Ты не успеешь, Акиплеша, — сказала Анна.

— Тогда я разрушу все это… все!

— Но это жизнь твоего господина, это дело его жизни.

— Он околдовал тебя, княжна! Кому нужно его дело, мое дело, твое дело, коль изойдут кровью отроки и младенцы, жены и мужи — все дети

христовы? Но я не могу разрушать…

Шут вскарабкался на стул, ноги на весу, уронил голову на руки, словно заснул. Анна молчала, смотрела на широкую горбатую спину шута. Не поднимая головы, глухо, он спросил:

— Кто ты, княжна? Ты не та, за кого выдаешь себя.

— Разве это так важно, Акиплеша?

— Рассвет близко. Я знаю людей. Дураки наблюдательны. Мой господин нас предаст, и я не могу остановить это.

— Скажи, Акиплеша, твой господин в самом деле такой великий чародей? Выше королей церкви и земных князей?

— Слава его будет велика, — сказал шут. — И короли придут к нему на поклон. Иначе я не связал бы с ним мою жизнь.

— А что ты мог сделать?

— Я мог убежать. Я мог уйти к другому хозяину.

— Ты так в самом деле думал?

— Не раз. Но кому нужен хромой урод? Кому я докажу, что во мне такое же сердце, такая же голова, как у знатного?

— Роман это знает?

— Роман это знает. Господь одарил его умом и

талантом.

— А тебя?

— Роман знает мне цену.

— И все?

— А что еще? Что еще нужно рабу и уроду?

— Ты ненавидишь его? Ты… ты ревнуешь меня к нему?

Шут откинулся от стола, расхохотался, исказив гримасой и без того изуродованное лицо.

— Тебя? К нему? У меня один глаз, этого хватает, чтобы понять, что княжна Магда спокойно спит в тереме. Ты даже не смогла натянуть ее сапожки — на тебе другие, иноземные, ты не очень осторожна. И голос тебя выдает. И речь. Но не бойся. Роман не догадается. Он видит лишь свою любовь, он сам ею любуется. Ты птица в небе, сладость несказанная, потому ты и нужна ему. Мало ему власти на земле, он хочет и птах небесных приручить… Он примет тебя за Магду, оттого что хочется ему принять тебя за Магду, тетенька! Он умный, а в приворотное зелье верит!

— Так ты вместо приворотного сделал сонное?

— А ты чего хотела? Нельзя же было, чтобы она бежала сюда. Потому я так тебе изумился. Зелье-то испробованное. Я с ним два раза из оков уходил. Даже из замка Крак.

— Как ты попал туда?

— Известно как — за ворожбу. За глупость.

— Мне странно, что ты раб, — сказала Анна.

— Иногда мне тоже… Господь каждому определил место. Может, так и надо… так и надо.

— Ты опасный раб. Ты не дурак, а притворщик.

— Нет, дурак. Только без нас, дураков, умники передохнут от своего ума и от скуки… да вот и они…

Роман спустился по лестнице первым.

— Вы почему здесь? — спросил он. — Почему не провел госпожу в покои?.. — он дотронулся до плеча Анны.

Кин и отрок спустились следом. Кин поклонился Магде. Роман кинул на него взгляд и спросил:

— Верно, что он с тобой, княжна?

— Он всегда со мной, — сказала Анна твердо. — Я посылала его к тебе, чтобы он берег тебя. И он будет беречь тебя.

— Я рад, — сказал Роман. — И все обойдется. Все обойдется! Мы сделаем, как нам нужно. Орден уже подступил к стенам.

— Как? — шут помрачнел. — Уже приступ?

— Они в ста шагах, и они идут к воротам. Ливов все нет…

— А почему ты пришел сюда? — спросил шут. —

У нас с тобой нет здесь огня и мечей. Наше место на стенах… Со всеми.

— Глупо молвишь, — сказал Роман, снова подходя к Анне и беря в ладонь ее пальцы. Ладонь Романа была влажной и горячей. — Города будут погибать, и люди будут умирать, но великое знание остается навеки. Забудь о мелочах, и не по чину тебе об этом думать, — закончил Роман сухо, как будто вспомнив, что шут ему не товарищ, а тля…

Шут, взглянув на Анну, ответил:

— Я свое место знаю, дяденька.

Далекий шум донесся до подземелья, нашел путь сквозь заборы, стены и оконца, — крик многих людей, слившийся в угрожающий рев, и ответом ему были разрозненные крики и стон внутри города. Сейчас же откликнулся колокол на площади, — уныло, часто, словно охваченное страхом сердце, он бился, взывая к милости божьей.

Все замерли, прислушиваясь. Роман быстро подошел к сундуку в углу комнаты, проверил замок.

— Помоги! — сказал он шуту и налег на сундук, толкая его в глубь подвала.

— Мы убежим? — спросил отрок.

— Нет, — сказал Роман.

— Ты будешь биться? — спросил шут.

— Да, да, — сказал Роман. — Не твое дело… Ступай погляди, как там на стенах. Может, твой меч там пригодится?

— Не пойду, — сказал шут.

— Не убегу я, не бойся.

— Я другого боюсь, — сказал шут.

— Чего же? Говори.

— Измены боюсь.

— Дурак, и умрешь по-дурацки, — сказал Роман, берясь за рукоять ножа.

— Убьешь меня? — шут был удивлен.

— Когда раб неверен, — сказал Роман, — его убивают.

— Не смейте! — вскричала Анна. — Как вам не стыдно!

— Стыд? — шут начал карабкаться по лестнице.

— Ты куда? — спросил Роман.

— Посмотрю, что снаружи, — сказал шут. — Погляжу, держат ли ворота…

Он исчез, и Роман обернулся к Кину, но передумал, посмотрел на отрока. — Иди за ним, — сказал он. — Пригляди…

— Чего? — не понял отрок.

— Чтобы он ни к кому из княжих людей не подошел. К князю чтоб не подошел… а впрочем, оставайся. Он не успеет.

Роман был деловит, сух и холоден. Он кинул взгляд на песочные часы. Потом обвел глазами тех, кто оставался в подвале.

— Княжна Магда, — сказал он. — Душа моя, поднимись наверх. Иди в задние покои. И не выходи оттуда. Ни под каким видом. А ты, — сказал он Кину, — смотри, чтобы не вышла.

— Роман, — сказала Анна, — мой человек останется с тобой. Я ему верю больше, чем другим людям.

— Будь по-твоему, — Роман улыбнулся, удивительна была эта добрая, счастливая улыбка. — Спасибо. С тобой пойдет Глузд.

— Иди, — сказал Кин. — Боярин прав. Иди, княжна, туда, где безопасно. Больше тебе здесь делать нечего.

Анна поднялась по лестнице первой. Сзади топал отрок. Отрок устал, лицо его осунулось, он был напуган. Звон и крики неслись над городом, и, когда голова Анны поднялась над полом, шум оглушил, ворвавшись в высокие окна верхней горницы… И еще Анна успела увидеть, как метнулся к выходу шут, — оказывается, он никуда не

уходил. Он подслушивал. Может, это и к лучшему. Может, ей в самом деле пора дотронуться до присоски под ухом…

Она направилась к задним покоям. Отрок обогнал ее, отворил перед нею дверь; входя, Анна кинула взгляд назад: шут стоял за притолокой, смутно вырисовывался там, словно куча тряпья. Ах, не надо было оборачиваться, потому что отрок проследил за ее взглядом — и заметил движение возле двери.

Наверное, он просто испугался. Наверное, не догадался, что там Акиплеша. Неожиданно, молча, как волк, настигающий жертву, отрок кинулся в угол, выставив нож перед собой, — и был он слеп и неудержим. Она лишь успела ахнуть беззвучно…

Шут мягко отпрыгнул в сторону, отрок ударился в стену и упал, заняв место шута у стены, — такой же кучей тряпья. Горбун вытер тонкое лезвие стилета, проговорил, словно извиняясь:

— Он мне не чета… я у сарацинов научился.

— Я не могу больше, — сказала Анна. — Я больше не могу…

— Жестокое время, — сказал шут. — Наверно, не было еще такого жестокого века, и я жесток… Но я не подл. Понимаешь, я не подл! Я защищаюсь,

но не предаю…

Шут подошел к открытому люку и остановился так, что изнутри его было трудно увидеть.

— Будет ли лучшее время? — спросил он сам у себя, глядя вниз. — Будет ли доброе время, или всадники смерти уже скачут по нашей земле?

— Будет, — сказала Анна. — Обязательно должно быть.

Но шут не ответил, Анна почувствовала, как напряглись его плечи и короткая шея. Она сделала шаг вперед, заглянула вниз в подвал. Роман приник к потайной двери, прислушиваясь. Кин сзади.

— Отойди, — отмахнулся от него Роман.

Кин послушно отступил на несколько шагов.

В дверь ударили два раза. Потом еще три раза.

— Я так и знал! — прошептал шут. — Я знал… Надо было бежать к князю!

Роман отодвинул засов, и тяжелая дверь отворилась.

В проходе стоял рыцарь Фридрих. Кольчуга прикрыта серым плащом, меч обнажен.

Роман отошел в сторону.

Рыцарь Фридрих спросил:

— Все в порядке?

— Да, — сказал Роман. — Скорее. Как там у

ворот?

— Скоро падут, сказал Фридркх. — Скоро.

Он шагнул обратно в темный проход и крикнул что-то по-немецки.

Вдруг шут взвизгнул, как раненое животное, и прыгнул вниз, минуя лестницу, с двухметровой высоты, и следующим прыжком он был уже у двери, стараясь дотянуться до засова.

Роман первым сообразил, в чем дело, и схватился за рукоять меча, и Анне показалось, что он неестественно медленно вынимает меч и шут так же плавно, как в замедленной съемке, оборачивается, так и не успев закрыть дверь, и в руке у него блестит стилет…

— Кин! — отчаянно крикнула Анна. — Не тот!

Кин обернулся к ней. Глаза кочевника сошлись в щелочки. Голос его был тих, но страшен, — и не подчиниться нельзя:

— Уходи немедленно.

Анна сделала шаг по лестнице. Главное сейчас было — объяснить Кину…

— Нажми присоску! Погубишь все!

Анна стояла в маленькой комнате теткиного дома. Она держалась за голову, жмурясь от света, и Жюль, склонившийся над пультом, кричал ей, не оборачиваясь:

— Шаг в сторону! Выйди из поля!

Анна послушно шагнула — голова кружилась, она увидела перед глазами шар, как окно в подвал.

Маленький, слишком маленький в шаре шут боролся с Романом, и рука его, зажатая в тиске Романовой руки, дергалась, сжимая стилет. Свободной рукой Роман старался достать свой меч и кричал что-то, но Анна не слышала слов.

— Не тот, — сказала она. — Не тот!

Шут извернулся, и Анна увидела, как стилет исчез в боку боярина Романа, и тот начал оседать, не отпуская шута. В подвал лезли один за другим немецкие ратники. Рыцарь Фридрих занес свой меч… И мелькнул тенью Кин…

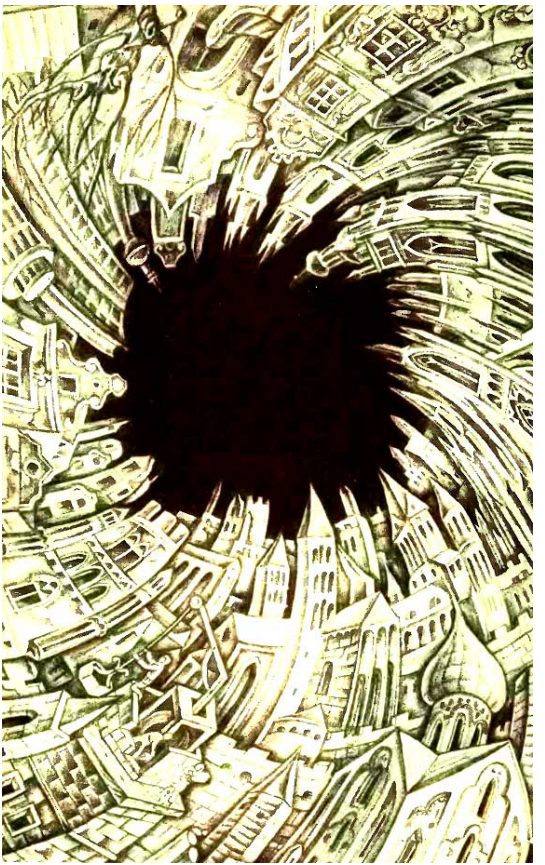
— Не тот! — успела еще раз крикнуть Анна.

В тот же момент из шара исчезли двое: Кин и шут.

Меч Фридриха разрубил воздух. И, отбросив его, рыцарь опустился на колени над телом Романа, сделав знак своим, чтобы они бежали наверх. И ратники один за другим начали подниматься по лестнице — шустро и ловко…

Шар погас.

— Все, — сказал Жюль.



— Они где? — спросила Анна.

— Они прошли сквозь нас. Они уже там, дома… Ты не представляешь, как я устал.

— Я тоже, — сказала Анна. — Я тоже устала. — Ей было очень грустно.

— Ты уверен, что он забрал Акиплешу?

— Ты же видела, — сказал Жюль. Он поднял пульт и уложил его в чемодан.

28.

Анна проснулась, когда солнце уже склонялось к закату. В комнате было жарко, над забытой чашкой со сладким кофе кружились осы. В комнате стоял дед Геннадий.

— Прости, — сказал он. — Я уж стучал, стучал, дверь открыта, а ты не отзываешься. У нас в деревне не то что в городе, у нас проще. Дверь открыта, я и зашел.

— Ничего, — сказала Анна, — спуская ноги с дивана. Зашуршала парча.

Анна бросила взгляд на себя: еще бы, ведь она так и осталась в платье польской княжны Магда-

лены, племянницы короля Лешко Белого.

— Это в Москве так носят? — спросил дед Геннадий.

Анне показалось, что он посмеивается над ней. Она встала и выглянула в прихожую. Там было пусто и чисто. Дверь в холодную горницу распахнута настежь. И там пусто. Кровать аккуратно застелена. Дед Геннадий плелся следом за ней.

— Уехали, значит? — сказал он.

— Уехали, — сказала Анна.

— А я тебе на память принес. Из музея.

Он вытащил из глубокого кармана плаща медную голову льва с кольцом в пасти.

— Спасибо, дедушка, — сказала Анна. — Они в самом деле были оттуда?

— Мне-то откуда знать? Были бы люди хорошие.

Анна вернулась в большую комнату. За открытым окном был виден крутой холм. У ручья паслась гнедая кобыла Клеопатра.

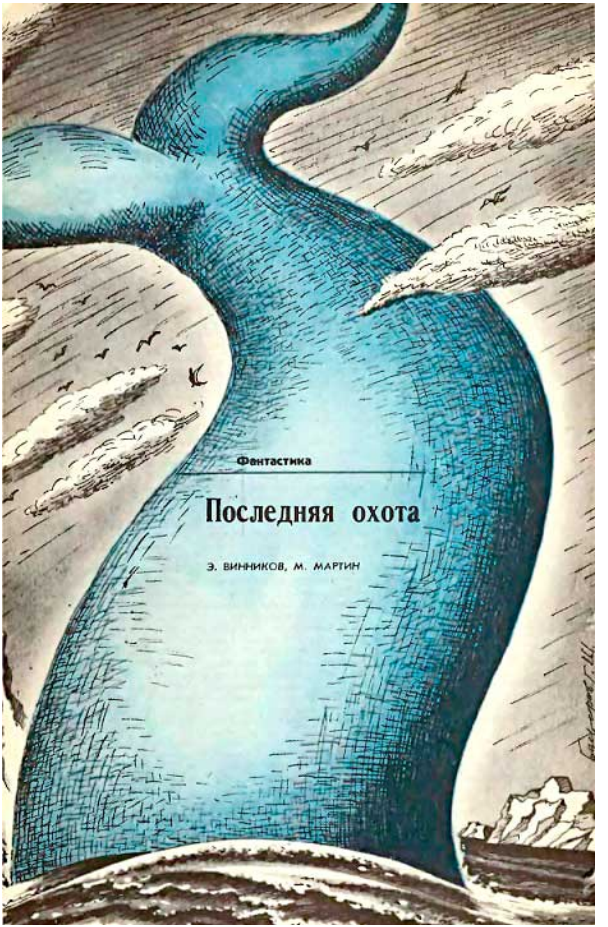
— Грехи наши тяжкие, — вздохнул дед. — Спешим, суетимся, путешествуем бог знает куда. А ведь это рискованно. Да, я тебе молочка принес. Парного. Будешь пить?

1980

№ 1

Э. Винников, М. Мартин

Последняя охота



Фантастика

Последняя охота

Э. ВИННИКОВ, М. МАРТИН

Снаружи царил чистый, острый, как нож, антарктический мороз. Убийственный мороз, он не раз доказывал, что не зря заслужил этот эпитет. Далекие айсберги черными силуэтами маячили на фоне неяркого полярного сияния. Вода мягко обтекала корпус катера, лишь осколки льда, ударяясь о борт, издавали странный музыкальный звук, словно кто-то ворошил груду битого стекла.

— Впереди чисто. — Клэр для убедительности щелкнула ногтем по экрану.

Пинкоски кивнул. Он стоял впереди, высунувшись по пояс, ветер и брызги стегали его по лицу, по длинным черным волосам. «Рорквал» делал пятьдесят узлов, приподнявшись над водой на подводных крыльях.

— Расстояние и скорость? — его слова, подобные жемчужинам, ибо расходовал он их скупо и редко, прозвучали неожиданно, и, взглянув на дисплей, я поспешно ответил:

— Уходит из зоны детектора А-6, зарегистрирован в зонах Б-13, Б-14. Дистанция тридцать километров, курс 233, скорость шесть узлов.

Я видел, как пальцы Клэр легко двигались, фиксируя объект.

— Готово, капитан. Сближаемся. Контакт через двенадцать минут.

Пинкоски снова кивнул.

На катере нас было трое. Это был лучший из катеров ОС, переделанный из тридцатиметровой морской гоночной машины. Клэр была штурманом, разумеется, лучшим штурманом ОС. Но не командиром: ведь на борту был сам Пинкоски.

Что до меня, то я мирно трудился на станции слежения за косяками рыб при калифорнийском Технологическом, когда ОС предложила мне контракт. Сколько-то времени я гонял на ракетоплане, разбрасывая промысловые детекторы над мрачными антарктическими водами. А теперь вот оказался здесь.

— Айсберги по курсу! — крикнула Клэр. — Дистанция три километра, контакт примерно через две с половиной минуты.

— Есть проходы между ними? — величественно осведомился Пинкоски.

Ее так и подмывало ответить: нет. Но она не умела лгать.

— Очень узкий, капитан. И мелкий. Можно, конечно, попробовать проскочить на крыльях…

Я поежился. Если нас выбросит на лед, вряд ли мы вернемся домой, чтобы истратить нашу честно отработанную зарплату.

— Капитан, — заметил я, — если мы обойдем

айсберги, то потеряем только…

— Время и, возможно, след, — закончил за меня Пинкоски, мельком взглянув в мою сторону. — Не бойся, парень, проскочим.

Если бы!

— Стоит ли… рисковать?

— Стоит, черт возьми! Сколько времени мы здесь ошиваемся? Пять, шесть месяцев? И впервые засекли его! Курс на проход.

— Есть, — ответила Клэр. У нас уже не было времени разговаривать. — Шесть градусов право руля.

«Рорквал» вздрогнул, меняя курс. Ремни удержали нас в креслах. Пинкоски пошатнулся, держась за поручень.

Навстречу нам росли айсберги. Вершины их были плоскими, — значит, они совсем недавно оторвались от гигантского ледяного одеяла, покрывающего Антарктиду. Росла и расширялась черная вертикальная щель между двумя горами. Слишком медленно она расширялась. Клэр выжимала из турбин максимум возможного. «Рорквал» поднялся еще выше над водой. Волны били в днище, словно огромный молот, и в такт ударам стучали зубы. Пинкоски не замечал ничего.

Клэр нервничала. Да и я, грешным делом, дро-

жал от страха.

Она крикнула:

— Контакт через пятнадцать секунд!

— Не спускать глаз с дисплея, — бросил мне через плечо Пинкоски. — Не потеряйте след во время прохода. Будет трудновато.

В его устах эти слова звучали как приговор судьбы.

Айсберги стояли стеной от моря до неба, а проход между ними казался таким же тесным, как и прежде. Гром прокатывался над морем, когда со стен рушились, вздымая фонтаны воды, мерцающие темные глыбы. Брызги градом осыпали нашего капитана; бог знает, как ему удавалось держаться, хоть он и был в магнитных сапогах. Он стоял серой тенью на фоне ночи, неколебимый, как айсберг.

— Пять секунд, — раздался голос Клэр. — Держитесь!..

Мы ворвались в проход, и стены айсбергов казались белым туманом.

— Под нами вода, — сказала Клэр, — но возможны…

Тррр-ж-ж! Я думал, мир полетел в тартарары. Скрежет, с которым лед рвал металл, леденил душу. Прошло несколько секунд; я и открыл глаза.

Пинкоски исчез.

Я обалдело озирался. Айсберги были позади, катер покачивался на чистой воде. В ушах гремела тишина — турбины были выключены. Клэр суетилась возле пульта; у нее не было времени вытереть струйку крови, текущую по щеке. Снизу доносились странные скрипучие звуки, и я подумал, что катер погружается. Но я не решился тревожить Клэр своей догадкой.

— Черт бы побрал эту лужу! — раздалось сзади. Я оглянулся, и первое, что я увидел, были руки в черных перчатках, уцепившиеся за боковой леер. Пока я соображал, что к чему, Пинкоски вскарабкался на борт. С черного теплоскафандра ручьями стекала вода. Лицо капитана обвисло, покрылось морщинами, и я вдруг понял, что он стар.

Я бросился на помощь, но он уже стоял на ногах. На его лице было обычное угрюмое выражение.

— Господи, — пробормотал я, — как вас угораздило…

Оттолкнув меня, он спрыгнул в кокпит.

— Что, здорово нам досталось? — спросил он, глядя на экран.

Клэр вытерла кровь с лица.

— По правому борту пробоина длиной три метра. Помпы не справляются. Мы быстро при-

нимаем воду.

— Сможешь заштопать, дружок?

— Пробоина слишком велика для автоматической системы ремонта. Сварка займет день в сухом доке.

— Что же делать?

Клэр нажала на кнопку с надписью «подкачка, правый отсек», раздался глухой удар, и «Рорквал» выпрямился. Клэр проверила показания приборов. Ее бил озноб.

— Какое-то время мы можем продержаться на плаву, — выговорила она.

Я вытащил из-под сиденья аптечку и кое-как заклеил ей ранку. Тем временем Пинкоски спустился в трюм — взглянуть, как затвердевает пена, которою Клэр заполнила отсеки. Через минуту он вернулся.

— Не утонем, — сказал он коротко.

Клэр запустила турбины на нейтральный ход.

— Добраться бы до дому, — сказал я.

— Все в свое время, парень, — ответил он. — А теперь ступай на свое место и поищи моего кита.

Я не верил собственным ушам.

— Слушайте, да что это в самом деле… Свет клином сошелся на этом ките, что ли? Вернемся

домой, приведем катер в порядок, а потом найдем другого.

Он поглядел на меня. Я не первый день живу на свете: приходилось видеть и не таких орлов. Но сила Пинкоски была сродни силам природы — в ней смешались соль и ветер, море и лед. Такого парня ничем не остановишь.

— Мы на плаву, — сказал он, скрипнув зубами. — Извольте выполнять свои обязанности.

Я повиновался. Компьютер, к сожалению, работал.

— Он все там же. Только что вынырнул, так что, думаю, побудет сколько-то времени на поверхности. Расстояние три километра. Курс 059.

Клэр установила курс на своем пульте. Глаза ее блестели, волосы слегка растрепались. Видели бы вы, как она поглядывала на капитана. Она была просто влюблена в него.

— Мне нужен этот кит, — сказал Пинкоски, ни к кому не обращаясь. — Это один из последних. Мы вышли на охоту после долгих поисков. И охота должна быть закончена. Сейчас.

«Рорквал» медленно поднялся на крылья, они не пострадали в аварии. Я подумал, как мал наш кораблик и как велик океан.

— Мы должны сблизиться с ним прежде, чем

он нырнет, — сказал Пинкоски.

— Есть, капитан, — отозвалась Клэр.

Это было форменное безумие. И надо же было мне ввязаться в эту историю. Никого бы из нас здесь не было, если бы этот старый сумасброд не посвятил всю свою жизнь одной мечте, а другой старикан, тот, который руководил Организацией Санти, не помог бы эту мечту осуществить.

Вон она, эта мечта, — плывет где-то недалеко в черной воде. Balaenoptera musculus — великий Голубой Кит. Самое большое существо на Земле, мостик между реальностью и мифом.

Может быть, он и не был последним. Специалисты считали, что голубых, или синих, китов осталось несколько десятков. Но это поколение было последним. Они бороздили воды в полном одиночестве там, где когда-то плавали целые стада, и слишком мало шансов было у самца встретить самку.

Вот откуда взялась эта мечта. Вот почему — последняя охота.

— Контакт через минуту, — произнесла Клэр. — Самый малый.

Пинкоски начал снаряжаться. Он надел шлем

с фонарем, застегнул защитные очки. Реактивные водные лыжи весят порядочно, но он сам вытащил их на палубу. И наконец, извлек электронный гарпун. В луче света холодно блеснула его игла. Гарпун был длинный, массивный возле рукояти и тонкий на конце. Мне стало как-то не по себе.

Лучший гарпун в ОС — как и все прочее. Замысел старика дорого обходился Организации Санти. Но в конце концов, плевать мне было на эти расходы. Чем это все кончится? Вот что главное.

Турбины почти остановились, «Рорквал» медленно крался вперед.

— Фонтан, — сказала Клэр. — Десять градусов справа по курсу.

Вспыхнул прожектор, и по приказу сонара слепящий луч двинулся по кругу. Темная сцена океана была высвечена кругом белого света, который искал солиста.

А вот и он. Длинный, низкий, гладкий синевато-серый остров медленно удалялся от нас. С трудом можно было различить небольшой спинной плавник, белым призраком вздымался фонтан воды…

Боже, какой он был огромный. Больше, чем я

думал. А ведь мне приходилось видеть настоящих великанов: горбатых китов, финвалов, кашалотов.

Король китов, последний и величайший, обреченный исчезнуть с лица Земли по вине человечества. Я видел таких на старинных фотографиях. Из нас троих один Пинкоски видел живого синего кита, мельком и издали, с палубы ракетоносца «Джеймс Бэй», как раз перед тем событием, которое изменило его жизнь.

— Он прекрасен, — прошептал Пинкоски; я едва расслышал его голос в шуме волн, бившихся с борта катера. — Наконец-то…

Он медленно вставил гарпун в стойку, прикрепленную к лыжам. Затем схватился обеими руками за поручень по обе стороны стойки и включил зажигание.

— Удачи, капитан! — взмахнула рукой Клэр.

Какое зрелище! Капитан Ахав несется к своему киту. Но нам было не до эстетических эмоций. Одиночество и отчаяние пронизывали холодный воздух. Зачем приплыл сюда этот гигант?.. Никогда мы не узнаем об этом.

Лыжи ударились о воду, на мгновение погрузились и тут же вынырнули. Пинкоски ни слова не сказал нам на прощание. Отныне они остались

вдвоем. Он и кит.

Кит исчез в волнах и вновь показался за несколько сот метров от прежнего места. Клэр вела «Рорквал», держа кита в поле зрения. Нужны мы или нет — нам суждено было все это увидеть.

Пинкоски летел по широкой дуге, намереваясь выйти к киту сбоку. Было видно, как лыжи с хвостом пены то исчезают, то появляются в волнах.

Промышленная пушка посылает гарпун с палубы китобойца на два километра. Но Пинкоски должен был не просто поразить кита — нужно было попасть в определенную точку.

— Он приближается, — проговорила Клэр. Я молча кивнул.

Человек был мал и хрупок рядом с великим китом. Кит не обращал внимания на человека. Что он мог знать о страсти, которая влекла человека?

Я увидел, как тонкая рука занесла гарпун. Другой рукой Пинкоски держался за поручень. Даже отсюда можно было догадаться, что правая рука, на вид обыкновенная, была искусственной. Искусственная рука, электромеханический гибрид технологии и плоти, держала гарпун.

…Много лет назад на борту военного корабля в дни героической и отчаянной борьбы оказались рядом два молодых человека — моряк и инженер;

это были разные люди, но у них была одна и та же мечта. Один из них, как некогда создатель «Дон-Кихота», потерял руку в разгар боя. С той поры завязалась их дружба.

Пинкоски шел вперед, пока волны, расходящиеся от гигантской туши кита, не начали раскачивать его с такой силой, что лыжи готовы были опрокинуться. Блестящий бок кита был совсем близко.

Огромная голова скрылась в пучине. Над водой показался раздвоенный хвост.

Взмахнув протезом, Пинкоски метнул гарпун.

Кит ушел в глубину, взметнув фонтан воды. Шквал пены обрушился на капитана, и, прежде чем Пинкоски успел справиться с лыжами, они перевернулись.

Капитан снова исчез!

На моем пульте запищал сигнал. Машинально я скосил глаза и увидел мигающую красную лампочку…

Пинкоски нигде не было видно.

Опомнившись, я повернулся к Клэр и тронул ее за плечо. Клэр молчала… Автоматически, как во сне, набрала новый курс.

«Рорквал» резко повернул и пошел к источнику радиосигнала.

Я схватил багор и выпрыгнул на борт. Луч прожектора отыскал плывущий пузырь. Я подцепил его багром. Клэр остановила двигатели.

Пинкоски утонул. Завершить охоту пришлось нам.

Я положил пузырь на палубу и стал выбирать линь, тянущийся за пузырем. Блеснул гарпун и звякнул о палубу.

Потом я отсек гарпун ножом от линя. Гарпун был холоден и чист. Океан отмыл его от крови. Я осмотрел оружие капитана. Все было в порядке…

Теперь нужно отвинтить наконечник и рукоять. Рукоять была пустой — раньше в ней помещался пузырь, который был выброшен в момент выстрела и вытянул гарпун из тела кита. У меня в руке осталась двухметровая трубка, она матово поблескивала и холодила руку сквозь перчатку. Я увидел зеленый огонек индикатора на конце трубки.

— Ну как? — Клэр заглянула мне через плечо.

— Криоиндикатор в порядке. Все нормально.

— Отлично, — сказала она равнодушно.

Я спустился в форпик, уложил трубку в электронную нишу и подключил аппаратуру. Теперь о содержимом трубки будет заботиться компьютер.

— Эй вы, на борту! Подобрали добычу?

Мы обернулись. Клэр вскрикнула, а у меня так заколотилось сердце, что я думал — оно разорвется.

Пинкоски, мокрый, окоченевший, но явно живой, переполз через леер на палубу. Если раньше он казался мне старым, то теперь он выглядел как сама смерть. И все же он был жив! Он выпрямился. И голос у него был, как прежде.

Ничего себе, а? Даже в герметическом теплоскафандре недолго выдержишь в антарктической зимней воде при температуре шесть градусов. Не говоря уж о том, что из него, наверное, всю душу вытряхнуло в водовороте.

Клэр, плача, повела его в кокпит. Он отказался от лекарств, но чашку кофе проглотил с видимым удовольствием.

— Вы не ответили на мой вопрос, — сказал он.

— Мы достали, — сказал я, взглянув на пульт. — А кит находится сейчас на глубине 250 метров, велел вам кланяться. Он жив и здоров.

— Ну что ж, — сказал Пинкоски. — Пора возвращаться домой.

Я молча поглядел на него, Клэр погрузилась в расчеты: нужно было вычислить безопасный курс между айсбергами. Я глядел на капитана, а

он смотрел на черную воду. Я понимал, что он из тех, кто держит в своих руках жизнь, кто сам олицетворяет эту жизнь, и убить его невозможно.

— Счастливого плавания, — пробормотал он, обращаясь к океану. — Живи в мире. Ты не будешь последним. Твои дети будут жить, пока существуют моря.

Да, они будут жить. Живые клетки будут доставлены в генетические лаборатории. И будут созданы хромосомные наборы для обоих полов. И клоны будут выращены в питательных жидкостях, и молодые киты выплывут в океан.

И никогда не вымрут на Земле величайшие из ее созданий.

«Рорквал» развернулся, привстал на крыльях и помчался на север, к дому.

Я взглянул вопросительно на нашего капитана.

— Что же теперь?

— Ты имеешь в виду меня? Ха-ха! — Он вдруг рассмеялся глубоко и сочно. В жизни своей я не видел, чтобы он так смеялся. — Разве мало на Земле существ, которым угрожает гибель? А? — сказал он. — Другие киты. Дельфины. Наконец, просто рыбы. Мы вернемся, малыш.

Если он рассчитывает на меня… снова, после

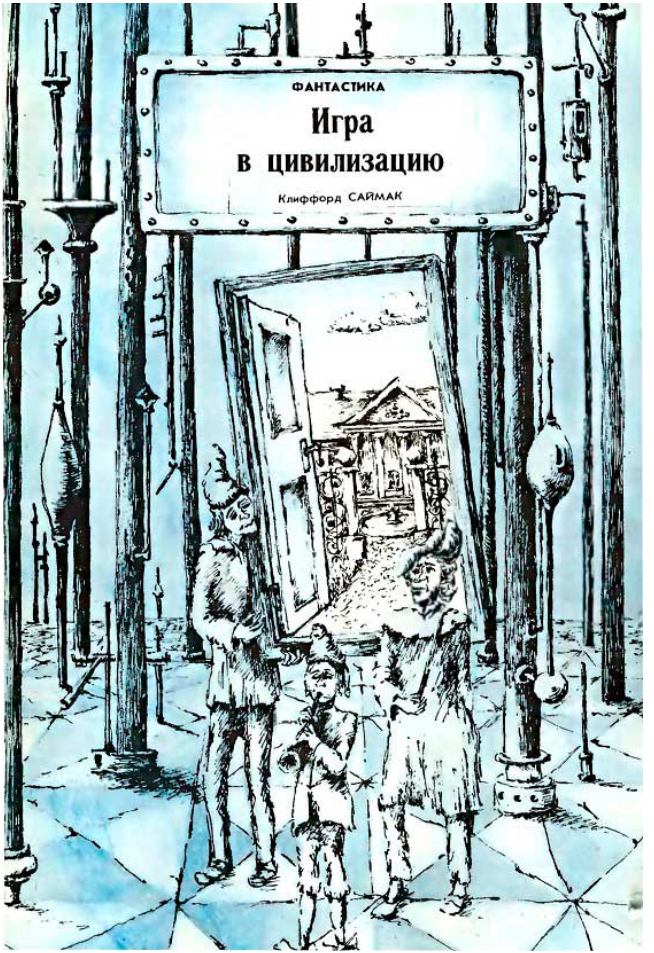
всего, что было сегодня? Да что он, с ума спятил?.. А впрочем, постойте, дайте подумать. Может быть, и не спятил.

Перевел с английского И. Можейко

№ 2

Клиффорд Саймак

Игра в цивилизацию


ФАНТАСТИКА
Игра
в цивилизацию
Клиффорд САЙМАК

1.

С некоторого времени Стэнли Пакстон слышал глухие раскаты грома где-то на западе. Но он продолжал свой путь. Очень может быть, что преследователь его догоняет, — значит, отклоняться от курса нельзя. Если память ему не изменяет, усадьба Нельсона Мура находится где-то за холмами, вон там, впереди. Там он укроется на ночь, а может быть, получит средства для дальнейшего передвижения. Всякая связь с внешним миром в данный момент для него исключена, это он знал, — люди Хантера прослушивали все линии, жадно ловя каждую весточку о нем.

Много лет назад он гостил у Мура на пасху, и сейчас ему казалось, что он узнает знакомые места. Но воспоминания потускнели, кто знает, не ошибся ли он.

День клонился к закату, и понемногу Пакстон успокоился. В конце концов нет никаких признаков погони. Взобравшись на холм, он полчаса просидел в кустах, следя за дорогой, но ничего подозрительного не заметил.

Нечего и сомневаться, что обломки его летательного аппарата обнаружены, но, может быть, это произошло не сразу, и они не успели выяснить, в каком направлении он скрылся.

Весь день он поглядывал на затянутое тучами небо и ждал воздушных разведчиков.

Когда солнце окончательно скрылось во мгле, окутавшей горный кряж, он почувствовал себя в безопасности.

Он вышел из долины и стал подниматься по лесистому склону. Грохот приблизился, и небо то и дело озарялось вспышками света.

Он поднялся на другой холм, присел отдохнуть. Далеко внизу поле размером в квадратную милю, если не больше, все дымилось, между взрывами он слышал отвратительное стрекотание, от которого пробегали мурашки по спине.

Открыв рот, он смотрел, не отрываясь, как волнами прокатывались по равнине справа и слева вспышки огней, перемежаясь с залпами артиллерийских орудий.

Потом он встал, запахнул плащ и поднял капюшон.

Ближе к подножию холма смутно вырисовы-

валось в сумерках квадратное сооружение. Ему показалось, что поле накрыто сверху гигантской прозрачной чашей; вероятно, это был обман зрения.

Сердито бормоча, Пакстон сбежал вниз и увидел, что заинтересовавшее его сооружение было наблюдательным пунктом, высоко поднятым над землей. Верхушка — из сплошного толстого стекла. Оттуда свисала веревочная лестница.

— Что здесь происходит? — гаркнул Пакстон, но голос его потонул в грохоте.

Пришлось карабкаться по лестнице. Глаза его оказались на уровне стекла.

Мальчик не старше четырнадцати лет был, по-видимому, целиком поглощен разыгрывавшейся впереди баталией. На груди у него болтался бинокль, руки лежали на приборной доске.

Пакстон добрался до конца лестницы и проник внутрь вышки.

— Эй, молодой человек!

Мальчишка обернулся, и Пакстон увидел милейшую физиономию со свисавшим на лоб чубом.

— Простите, сэр. Я не слышал, как вы вошли.

— Что это такое? Что происходит?

— Война. Петви как раз начал решающее на-

ступление. Я изо всех сил стараюсь сдержать его.

— Хм! — Пакстон задыхался от возмущения.

Мальчик наморщил лоб.

— В чем дело? Что-нибудь случилось?

— Ты сын Нельсона Мура?

— Да, сэр. Я Грэм Мур.

— Я знаю твоего отца сто лет. Мы вместе ходили в школу.

— Он рад будет видеть вас, сэр, — отозвался мальчик, которому не терпелось спровадить незваного гостя. — Ступайте прямо на север. Там есть тропинка, она приведет вас прямо к дому.

— Может, пойдем вместе? — предложил Пакстон.

— Сейчас не могу. Надо отразить атаку. Петви добился перевеса, сберег боеприпасы и произвел маневр. А я не принял своевременные меры… Поверьте, сэр, положение мое незавидное.

— Кто этот Петви?

— Противник, кто же? Мы уже два года воюем.

— Понимаю, — сказал Пакстон и ретировался.

Он отыскал тропинку, уходившую в глубь лощины. Здесь, между густыми деревьями, стоял старинный дом.

Женский голос окликнул его из дворика, устроенного наподобие патио.

— Это ты, Нельс?

Женщина сидела в кресле-качалке на гладких плитках, устилавших дворик; он увидел слабо светящееся бледное лицо в ореоле седых волос.

— Не Нельс, — сказал Пакстон. — Старый друг вашего сына.

Странным образом шум битвы сюда почти не доносился, только небо на востоке озарялось огнями ракет и рвущихся снарядов.

— Мы рады вам, сэр, — сказала старая дама, не переставая раскачиваться в своем кресле. — Но пора бы уж Нельсону возвращаться. Не люблю, когда он бродит в темноте.

— Меня зовут Стэнли Пакстон. Я политик.

— Ах, да. Теперь припоминаю. Вы приезжали к нам однажды, лет двадцать назад. Я Корнелия Мур, можете меня звать просто бабушкой, как все.

— Я вас отлично помню, — сказал Пакстон. — Надеюсь, не очень стесню вас.

— Что вы! Мы рады каждому гостю. Редко приходится видеть новых людей. И Теодор будет рад. То есть я хотела сказать, дедя.

— Дедя?

— Ну да, дедушка. Так Грэм, когда был малышом, называл его.

— Я видел Грэма. Он, похоже, очень занят. Говорит, что Петви добился перевеса.

— Этот Петви слишком грубо играет, — слегка нахмурилась бабушка.

В патио неслышно вошел робот.

— Обед готов, мэм.

— Мы подождем Нельсона, — сказала бабушка.

— Слушаю, мэм. Хорошо бы он вернулся. Нам не следует слишком долго ждать. Дедя уже второй раз принимается за бренди.

— У нас гость, Илайджа. Покажи ему, пожалуйста, его комнату. Это друг Нельсона.

— Добрый вечер, сэр, — сказал Илайджа. — Попрошу вас следовать за мной. Где ваш багаж? Я могу, пожалуй, сходить за ним.

— Конечно, можешь, — сухо сказала бабушка. — И я просила бы тебя, Илайджа, вести себя скромнее, когда у нас гости.

— У меня нет багажа, — смутился Пакстон.

Он прошел за роботом в дом, миновал холл и поднялся по очень красивой винтовой лестнице.

Комната была большая, с камином и мебелью под старину.

— Я, пожалуй, разожгу огонь, — сказал Илайджа. — Осенью после захода солнца бывает прохладно. И сыро. Похоже, собирается дождь.

Пакстон стоял посреди комнаты, напрягая память.

Бабушка — художница, Нельсон — натуралист или кто он там, а вот чем занимается дедя?

— Старый джентльмен, — сказал робот, сидя на корточках перед камином, — угостит вас вином. Он будет предлагать вам бренди. Но если желаете, сэр, я могу принести что-нибудь другое.

— Нет, спасибо. Пусть будет бренди.

— Старый джентльмен чувствует себя изменником. У него найдется, о чем с вами поговорить. Он как раз закончил сонату, над которой трудился почти семь лет. Представляете, как он горд? Не скрою от вас, сэр, случалось, дело шло крайне туго. Он становился прямо-таки невменяемым… У меня до сих пор осталась вмятина, взгляните, сэр.

— Я вижу, — пробормотал Пакстон.

Робот топтался у камина. Сухие поленья давно уже пылали ярким огнем.

— Так я схожу за вином, сэр. Если немного задержусь, не беспокойтесь. Старый джентльмен, без сомнения, воспользуется случаем прочесть мне лекцию о правилах обхождения с гостем.

Пакстон снял плащ, повесил его на стойку возле кровати. Сел в кресло, протянув ноги к огню.

И зачем я приехал сюда, подумал он. Зачем впутывать этих людей в дела, которые их не касаются? Они живут в ином мире — неторопливом, спокойном, в мире созерцания, а его мир — это водоворот политики: вечная суета, заботы, а подчас и смертельный страх.

Он решил ничего им не рассказывать. Переночует здесь, а утром уйдет. Уйдет до рассвета. Может быть, удастся как-нибудь связаться со своей партией. Где-нибудь в другом месте он поищет людей, которые ему помогут.

В дверь постучали. Неужели Илайджа так быстро управился с делами?

— Войдите! — крикнул Пакстон.

Но это был не Илайджа, а Нельсон Мур.

Нельсон был в дождевике, он даже не успел снять сапоги, запачканные глиной, и на лбу у него осталась темная полоска грязи, когда он откинул ладонью мокрые волосы.

— Бабушка сказала, что ты здесь, — проговорил он, пожимая Пакстону руку.

— У меня две недели отпуска, — солгал Пакстон. — Учения только что закончились. Если тебя это интересует, могу сообщить, что я избран

президентом.

— Здорово! — с энтузиазмом сказал Нельсон.

— Да, я сам не ожидал.

— Давай сядем.

— Боюсь, из-за меня задерживается обед. Робот сказал…

Нельсон рассмеялся.

— Илайджа всегда торопит с едой. Хочет побыстрее отделаться…

— Я жажду познакомиться с Ксенией, — сказал Пакстон. — Помнится, ты писал мне о ней и…

— Ее здесь нет, — сказал Нельсон. — Она… в общем, она меня бросила. Давно, пять лет назад. Ей было тесно в этом мирке. Нам вообще следовало бы вступать в браки только с теми, кто участвует в Продолжении.

— Прости. Я не должен был…

— Ничего, Стэн. Все это в прошлом. Видишь ли, для некоторых наш Проект просто не подходит. После ухода Ксении я не раз думал, что мы собой представляем. И вообще, какой смысл во всем этом.

— Такие мысли приходят в голову не тебе одному, — проговорил Пакстон. — Но может быть, стоит вспомнить историю? Хотя бы так называемое средневековье. Как-никак монахам удалось

сберечь остатки эллинской культуры. Конечно, у них были свои цели, как и у нас, участников Продолжения, но выиграл-то весь человеческий род.

— Да, я тоже думаю об истории… У меня такое чувство, словно я дикарь и сижу в пещере со своим каменным топором, когда другие уже летают к звездам. Иногда все начинает казаться такой бессмыслицей, Стэн…

— Но это же только кажется. То, что меня сейчас выбрали президентом, не имеет ни малейшего значения. Но может быть, настанет время, когда знание политических методов очень даже пригодится. И тогда человечеству достаточно будет вернуться на Землю, чтобы найти все в готовом виде. Эта кампания, которую я провел, была грязным делом, Нельсон. Она не делает мне чести.

— Грязи в земной цивилизации предостаточно, — сказал Нельсон, — но раз уж мы взялись сберечь эту цивилизацию, мы должны сохранить все, как есть: и белое, и черное, и благородство, и порок.

Дверь приоткрылась, показался робот Илайджа с подносом, на котором стояли две рюмки.

— Я слышал, как вы вошли, — сказал он Нельсону. — Поэтому захватил кое-что и для вас.

— Спасибо. Ты очень любезен.

Илайджа мялся у дверей.

— Не могли бы вы чуточку поторопиться? Старый джентльмен почти прикончил бутылку. Боюсь, как бы с ним чего не случилось, если я сейчас же не усажу его за стол.

2.

После обеда Грэма выпроводили из столовой, и дедя торжественно откупорил новую бутылку.

— Непонятный ребенок, — объявил он. — Ума не приложу, что из него выйдет. Целый божий день занят этой дурацкой войной. А я-то думал, он хочет заняться каким-нибудь полезным делом. Ей-богу нет ничего глупее, чем быть генералом, когда все войны кончились.

Бабушка шумно вздохнула.

— И ведь нельзя сказать, чтобы мы не старались, — сказала она. — Мы перепробовали решительно все. Но его ничто не интересует, кроме военного дела.

— Котелок у него варит, — с гордостью заметил дедя. — Но каков наглец! На днях обратился

ко мне с просьбой написать военную музыку… Представляете? Я — и какие-то марши! — Дед я стукнул кулаком по столу.

— В нем сидит дух разрушения, — продолжала бабушка. — Он не хочет созидать. Он хочет только уничтожать.

— Не гляди на меня так, — сказал Нельсон. — Я давно отступился. Дедя и бабушка забрали его у меня сразу после ухода Ксении. Послушать их, так они его терпеть не могут. А попробуй только тронуть его пальцем, они сейчас же…

— Мы сделали все, что могли, — говорила бабушка. — Мы предоставили ему все возможности. Мы покупали ему любые наборы. Ты помнишь?

— Как не помнить, — отвечал дедя, по-прежнему занятый бутылкой. — Набор для моделирования окружающей среды. И что же? Посмотрели бы вы, какую жалкую, нищую, отвратительную планету он соорудил! Мы попробовали занять его роботехникой…

— О, да. Вот тут-то он и показал себя.

— Да, роботы у него получались. Но он был ужасно огорчен, когда оказалось, что они не хотят воевать. Чего он только не придумывал! Через неделю от них осталась куча лома. Но, поверьте, я в жизни своей не видел, чтобы человек с такой

страстью отдавался своему делу, как Грэм, когда он заставлял своих роботов воевать.

— Забывал про еду, — вставила бабушка.

— Но хуже всего, — сказал дедя, подвигая Пакстону рюмку с бренди, — хуже всего было, когда мы решили познакомить его с религией. Он придумал такой ужасный культ, что мы не чаяли, как нам покончить со всем с этим.

— А больница? — подхватила бабушка. — Кстати, это была твоя идея, Нельсон…

— По-моему, — мрачно сказал Нельсон, — Стэнли это нисколько не интересно.

Пакстон понял намек и поспешил переменить тему:

— Я хотел спросить вас, бабушка, какие картины вы пишете. Мне Нельсон никогда об этом ничего не рассказывал.

— Пейзажи, — пробормотала бабушка. — Я экспериментирую.

— А я ей толкую, что это неправильно, — заявил дедя. — Вот вы ей объясните. Зачем нам какие-то эксперименты? Наше дело — соблюдать традиции, да-с, а не выдумывать что кому взбредет.

— Наше дело, — обиделась бабушка, — не допускать технического прогресса, но это вовсе не значит, что не может быть никакого, прогресса

в человеческих делах. А вы, молодой человек, — она повернулась к Пакстону, — разве не такого мнения?

Пакстон почувствовал себя между двух огней.

— Как вам сказать, м-м... В политике мы, естественно, допускаем развитие, но, конечно, то и дело вынуждены проверять, насколько это развитие соответствует принципам человеческого общества. И мы не позволяем себе отбросить ни один из старых приемов, даже если кто-то считает его отжившим. То же касается и дипломатии. Я решаюсь это утверждать, потому что, видите ли, дипломатия и политика взаимосвязанны и...

— Вот! Что я говорила? — сказала бабушка.

— Знаете, что я думаю? — мягко сказала Нельсон. — Мы запуганы. Впервые человечество оказалось в меньшинстве, и мы дрожим от страха. Мы боимся утратить свое лицо, боимся, что человеческий род затеряется среди великого множества разумных существ, которые населяют Галактику. В общем, мы боимся ассимиляции.

— Ошибаешься, сын, — возразил дедя. — Вовсе мы не запуганы. Мы просто дьявольски дальновидны. М-да. Когда-то у нас была великая культура, так зачем же, черт возьми, нам от нее отказываться? Правда, большинство современ-

ных людей приспособилось к галактическому образу жизни. Но разве нет никакого другого выхода? Когда-нибудь нам захочется вернуться к прошлому, к человеческой культуре, или использовать какие-то ее разделы. Вот почему, дети мои, нам необходим Проект Продолжения. Причем заметьте! — Дедя поднял палец. — Это важно не только для самих людей. Кое-что может очень и очень пригодиться для всей Галактики.

— Тогда зачем держать Проект в тайне?

— Какая тайна? Я не считаю это тайной. Просто никто на нас уже не обращает внимания. По сравнению со всеми остальными человеческий род — это так, мелочь, что-то вроде этнического меньшинства, а Земля — одряхлевшая планета, о которой и говорить не стоит… Вы когда-нибудь слышали, что наше дело — тайна? — спросил он Пакстона.

— Конечно, нет, — сказал Пакстон. — Мы не кричим о себе на всех перекрестках, вот и все. Лично я смотрю на Продолжение как на вверенную нашему попечению святыню. Пока человечество осваивает цивилизацию других миров, мы, оставшиеся, храним здесь, на Земле, традиции нашего рода.

Старик неожиданно хихикнул, прервав речь

Пакстона.

— Если говорить о масштабах, то мы всего лишь кучка бушменов. Но попомните мои слова: мы высокоразвитые и даже опасные бушмены.

— Опасные? — спросил Пакстон.

— Он имеет в виду Грэма, — пояснил вполголоса Нельсон.

— Нет, — помотал пальцем дед я. — Не только Грэма. Я имею в виду всех нас. Потому что, согласитесь, все, кто присоединяется к галактической цивилизации, что-то в нее вносят, но что-то и теряют, от чего-то отказываются, если это не соответствует общему духу. Это неизбежно, не правда ли, и к человеческому роду это тоже относится, с той, однако, разницей, что на самом деле он ничего не теряет! Если он от чего-нибудь отказывается, он не бросает это, а передает в надежные руки. Человечество знает, что делает! Не зря оно содержит нас, кучку варваров, на старой, доброй планете, которую члены этого замечательного, великого, этого, черт бы его побрал, галактического союза знать не желают!

— Не слушайте его, — сказала бабушка. — Он ужасен. Вы не представляете, сколько высокомерия и коварства в этом старикашке.

— А что такое Человек? — вскричал дедя. — Он,

если надо, может быть и коварным. Он может лицемерить, да-cl Как достигли бы мы того, что имеем, не будь мы умны и дальновидны?

«Доля истины в этом есть, — подумал Пакстон. — В сущности все, что человечество сейчас здесь проделывает, — чистый обман. Но кто знает, может быть, на других планетах делают то же самое?

И если уж делать ее, то делать как следует. Нельзя поместить человеческую культуру в музей, потому что там она станет мертвым экспонатом. Выставка наконечников стрел — это интересно, но ты никогда не научишься мастерить эти наконечники, глазея на них. Если хочешь, чтобы искусство изготовления наконечников сохранилось, надо продолжать работу, надо их делать, передавать опыт от отца к сыну, даже если наконечники станут ненужны. Достаточно пропустить одно поколение — искусство будет утеряно».

В комнату ввалился Илайджа с охапкой дров, подбросил в огонь поленьев, пошуровал кочергой.

— Ты весь мокрый, — сказала бабушка.

— На дворе дождь, госпожа, — ответил Илайджа, идя к двери.

Пакстон думал о Проекте Продолжения, который сохранит культурные богатства человечества. Сберечь знания, сберечь навыки, ремесла и искусства. Вот зачем секция политиков культивирует методы политической борьбы, хотя никакой борьбы нет в помине, и секция дипломатов старательно создает международные противоречия, чтобы затем преодолевать их. И объединения промышленников ведут традиционную нескончаемую войну с профсоюзами. И по всей Земле скромные творцы, мужчины и женщины, создают произведения живописи, скульптуры, музыки и изящной словесности, стремясь сберечь то, из чего исконно слагалась человеческая культура, и не дать ей раствориться, исчезнуть в новой и неслыханной культуре, — или как там она называется, — родившейся в союзе многих миров.

«Но зачем, — сказал себе Пакстон, — мы все это бережем? Из тщеславия, обыкновенного и глупого тщеславия? Оттого что человек, венец творения, не в силах отбросить привычное высокомерие? Или, может быть, прав старый дедя, когда он твердит, что в наших действиях есть глубокий смысл?»

Дедя прервал его размышления.

— Вы сказали, что занимаетесь политикой.

По-моему, эту профессию нам особенно важно сохранить. Насколько мне известно, она совсем захирела… Есть, конечно, администрация, и правила этикета, и все такое прочее, но настоящая политика у этих новых деятелей, прямо скажем, в загоне. А между тем политика может сослужить нам неоценимую службу, когда мы захотим кое-чего добиться.

— Политика, — сказал Пакстон, — часто довольно-таки грязное дело. Это борьба за власть, это стремление во что бы то ни стало перехитрить противника, опозорить его… В конце концов у каждого, кому в этой игре не повезло, возникает комплекс неполноценности.

— И все-таки, наверное, интересно. Я бы сказал, в этом есть что-то волнующее.

— Волнующее? Может быть. Эти наши последние учения предусматривали игру без правил. Мы так решили. Выглядело это, должен признаться, отвратительно.

— И тебя избрали президентом, — сказал Нельсон.

— Да, но я не говорил, что горжусь этим.

— А следовало бы, — решительно заявила бабушка. — В старину стать президентом было очень почетно.

— Может быть, — согласился Пакстон. — Но если бы вы знали, какими методами действовала моя партия…

«В конце концов, — подумал Пакстон, — я мог бы рассказать им все — пускай сами убедятся. Я мог бы сказать: я зашел слишком далеко. Я очернил своего противника сверх всякой меры и необходимости. Я смешал его с грязью. Я не гнушался ничем, прибегал к подкупу и обману, шел на сомнительные компромиссы, торговался. И все это я проделал так ловко, что околпачил электронную машину, заменяющую прежних избирателей. А теперь мой соперник неожиданно выложил козырную карту и собирается отплатить мне тем же.

Ведь политика так же неотделима от убийства, как дипломатия от войны. Что такое, в конце концов, политика, как не балансирование на острие ножа! Мы предпочли моделировать не революцию, а выборы. Но от насилия нам никуда не уйти».

Он допил свой бренди и отставил рюмку. Дедя схватил бутылку, но Пакстон покачал головой.

— Спасибо, не стоит. Если не возражаете, я хотел бы лечь. На рассвете мне надо двигаться.

Не надо было ему вообще приезжать сюда. Он

не простит себе, если эти люди пострадают от последствий недавних учений. Впрочем, какие же это последствия: учения продолжаются…

Тренькнул звонок, и было слышно, как Илайджа зашаркал к дверям.

— Ну и ну, — удивилась бабушка. — Кто бы мог пожаловать к нам в такой час? Да еще в такую погоду.

Остановившись у порога, гость ощупывал свой мокрый плащ, снял шляпу, с ее широких полей лилась вода.

Затем он неторопливо вошел в комнату.

Все встали.

— Добрый вечер, ваше преосвященство, — сказал дедя. — Хорошо, что в такой ливень вам удалось отыскать наш дом. Милости просим.

Епископ широко улыбнулся.

— В данном случае я не представляю церковь. Я только от Проекта. Но вы можете обращаться ко мне как к священнику. Это поможет мне не выходить из роли.

Илайджа унес его плащ и шляпу. Епископ остался в богатом и нарядном облачении.

Дедя представил присутствующих и налил епископу бренди.

— Подозреваю, что вы не обедали, — сказала

бабушка. — Где ж тут пообедаешь. Илайджа! Принеси-ка что-нибудь покушать его преосвященству, да побыстрей.

— Благодарю вас, сударыня, — сказал епископ. — Сегодня был трудный день. Я ценю ваше гостеприимство больше, чем вы можете себе представить.

— У нас сегодня праздник, — радостно объявил дедя, не забывший и о собственной рюмке. — К нам редко кто заглядывает, а тут смотрите-ка: сразу двое гостей.

— Двое гостей, — повторил епископ, не сводя глаз с Пакстона. — И впрямь славно.

3.

Пакстон запер дверь и задвинул задвижку.

Дрова в камине почти догорели; рдеющие угли бросали тусклый свет на пол. Дождь негромко барабанил в стекло.

Пакстон был объят страхом.

Сомнений не было: епископ — убийца, посланный по его следу.

Никто не потащится без причины дождливой ночью через эти холмы. Кстати, не странно ли, что плащ у него почти не промок? Скорее всего, он прилетел и был сброшен здесь, и в других местах они бросили лазутчиков — повсюду, где мог скрываться беглец.

Епископа поместили в комнате напротив, и Пакстон подумал, что все можно было бы решить очень просто. Он поднял кочергу, лежавшую возле камина, взвесил ее в руке. Один удар этой штукой — и конец.

Здесь, в этом доме? Ну нет, на это он не пойдет.

Пакстон поставил кочергу и снял с вешалки плащ. Он стал медленно застегиваться, вспоминая события этого утра.

Он был дома один, когда зазвонил телефон и на экране возникло испуганное лицо Салливэна.

— Хантер охотится за вами. Он отправил к вам своих людей.

— Но он не смеет этого делать! — возмутился Пакстон.

— Очень даже смеет. Убийство всегда было одним из методов…

— Но ведь учения кончились!

— Для Хантера не кончились. Да и вы переборщили. Вам надо было придерживаться гипотез,

связанных с проблемой, а — вы сунули нос в его личные дела. Хантер был уверен, что никто ничего не знает… Как вам это удалось?

— У меня есть свои каналы, — сказал Пакстон. — И в таком деле, как это, все средства хороши. Он тоже дрался без перчаток.

— В общем, поторопитесь, дружище, они могут появиться с минуты на минуту.

— У меня нет никого под рукой. Я не успею вовремя помочь вам.

Все могло бы обойтись, подумал Пакстон, если б не авария.

А вдруг это саботаж?

А, что об этом думать. Ему удалось приземлиться, это главное, и он был в состоянии идти, и смог добраться сюда.

Он в нерешительности стоял посреди комнаты.

Унизительно спасаться бегством во второй раз, но ничего не попишешь: он не мог допустить, чтобы превратности его судьбы нарушили покой этого дома.

Если не считать кочерги, он был безоружен. На этой мирной планете оружие давно уже сделалось большой редкостью — перестало быть предметом обихода, как в былые времена.

Он растворил окно и увидел, что дождь прекратился и из рваных, быстро несущихся облаков выглядывает половинка луны.

Прямо под окном находилось крыльцо и, окинув взглядом пологую крышу, он решил, что до земли будет немногим более семи футов.

Он снял туфли, сунул в карманы плаща и вылез через окно. Но тут же вернулся, подкрался к двери и отодвинул задвижку. Нехорошо оставлять комнату запертой.

Крыша была скользкой после дождя, но он благополучно добрался до края. Спрыгнул в какие-то кусты и немного оцарапался. Пустяки.

Обувшись, он поспешил прочь от дома. Вот и лесная опушка. Он оглянулся. Позади было темно и тихо. Он дал себе слово, как только все кончится, написать обо всем Нельсону и извиниться перед ним.

Он нащупал ногами тропинку и наугад двинулся в сумрак чащи. Над верхушками деревьев луна по-прежнему едва пробивалась сквозь тучи.

— Сэр, — послышался голос где-то совсем рядом, — я вижу, вы решили прогуляться…

Пакстон обомлел от страха.

— Славная погодка, — проговорил тот же голос. — После дождя чудесно дышится.

— Кто здесь? — спросил Пакстон.

— Это Петви, робот Петви, с вашего позволения, сэр.

— Ах, да. — Пакстон нервно рассмеялся. — Как же, помню. Противник Грэма?

Робот Петви показался из зарослей.

— Он самый, сэр. Желаете взглянуть на поле боя?

— Да, конечно, — сказал Пакстон. Ему протягивали соломинку, и он ухватился за нее. — Конечно, Петви, я как раз туда иду. Я никогда ни о чем подобном не слышал и, естественно, заинтригован.

— Сэр, я весь к вашим услугам. — Робот был доволен. — Никто лучше меня не сможет вам объяснить. Я с самого начала здесь, при мастере Грэме, и, если у вас есть вопросы, я охотно отвечу на них.

— У меня есть один вопрос. Какова, гм… цель всей этой затеи?

— Видите ли, сэр, сперва просто хотели развлечь мальчика. Но сейчас, я бы сказал, дело куда важнее.

— Ты хочешь сказать, что это часть Продолжения?

— Ну да, сэр. Людям не хочется в этом признать-

ся, я понимаю. Но факт остается фактом, — простите мою дерзость, сэр. В истории человечества война всегда играла важнейшую роль. Никакому ремеслу и никакой науке человек не уделял столько времени и денег, как войне.

Лес раздвинулся, тропинка пошла под откос, и в мертвенном свете луны обозначился полигон.

— Не понимаю, — промолвил Пакстон. — Иногда кажется, что поле накрыто какой-то чашей, а то вдруг она пропадает…

— По-моему, это называется экранирующим колпаком, — отозвался Петви. — Его создали другие роботы. Насколько я понимаю, сэр, это не новшество — просто вариант прежних способов защиты. Разумеется, усовершенствованный.

— Но такого рода защита…

— Мы применяем ППБ — полностью переработанные бомбы. У нас их сколько угодно, и каждая сторона лупит почем зря! — весело сказал Петви.

— Но вы не можете применять здесь ядерное оружие!

— Эти бомбы вроде игрушечных, сэр. Они очень маленькие, почти как горошины. Критическая масса, сами понимаете, ничтожна. И действие радиации длится не больше часа, от силы полтора…

— Ну, джентльмены, — мрачно заметил Пакстон, — вы явно стараетесь добиться полной реальности.

— А как же. Однако позвольте заметить, сэр, операторы не подвергаются ни малейшей опасности. Мы, как бы сказать, вроде генерального штаба. Ведь главная цель всего этого — сохранить искусство ведения войны!

— Но это искусство... — начал было Пакстон и умолк.

Что он мог возразить? Коль скоро решено сохранить старую культуру — она должна быть сохранена целиком.

Что же делать, если война — такая же неотъемлемая часть этой культуры, как и все прочее, — все, что должно быть под рукой, когда придет время заново пустить в ход цивилизацию.

— Вы правы, сэр, в том смысле, что без жестокости здесь не обходится, — вздохнул Петви. — И уж если кому достается, то нам. Потери среди воюющих роботов колоссальные. Но при огромной концентрации огневой мощи на столь ограниченном пространстве это неизбежно.

— Ты имеешь в виду наземные войска? У вас они есть?

— А как же, сэр! Как иначе пользоваться всем

оружием? И потом глупо было бы разработать стратегию и… и положить ее под сукно.

— Но роботы…

— Они крохотные, сэр. Это необходимо в интересах дела. Я хочу сказать, в интересах реальности. Мы стремимся создать иллюзию настоящего сражения, поэтому все должно соответствовать масштабам поля боя. Заметьте, сэр, наши войска комплектуются из самых примитивных роботов. У них есть только два качества: полное послушание и воля к победе. При системе серийного производства мы не имеем возможности снабжать каждого индивидуальностью, да и все равно ведь…

— Да, да, понимаю — пробормотал Пакстон. Он был несколько ошеломлен. — Но сейчас мне, пожалуй…

— Да ведь я только еще начал объяснять и ничего не показал. А здесь так много интересного, столько проблем!

Они оказались у края насыпи; Петви подвел его к лестнице, ведущей на полигон.

— Взгляните, сэр. — Робот стал спускаться по ступенькам к закрытому щитом проему. — Здесь единственный вход на полигон. Через него во время перемирия поступают свежие войска, бое-

припасы… или когда надо очистить поле…

Он нажал на кнопку. Щит бесшумно пополз вверх.

— Сейчас здесь беспорядок, мы уже несколько недель сражаемся.

Через открывшееся окно Пакстон увидел развороченную землю, усеянную обезображенными телами. У него перехватило дыхание. Он судорожно глотнул — его поташнивало — и отвернулся.

Щит опустился.

— Это только сначала, — сказал Петви. — Потом привыкаешь.

Пакстон медленно огляделся. Подножие лестницы, где они стояли, имело форму буквы Т. Повыше в обе стороны уходили узкие траншеи.

— Вам лучше, сэр?

— Да, — отозвался Пакстон.

— Ну и отлично. А сейчас, — объявил Петви, — я покажу вам, как ведется огонь и как работает контрольная установка.

Он побежал вверх по лестнице. Пакстон последовал за ним.

— Раз вы уже здесь, вы непременно должны все увидеть, — умоляющим голосом говорил Петви. — Вы не можете так уйти.

«Господи, — думал Пакстон, — когда же это

кончится? Я больше не могу задерживаться. Как только все уснут, епископ пустится в погоню».

Они добрались по траншее до наблюдательного пункта, того самого, где Пакстон побывал несколько часов назад.

— Прошу вас, сэр, — Петви указал на веревочную лестницу.

Поколебавшись, Пакстон полез наверх. Не хотелось огорчать суетливого робота.

Петви прошмыгнул в темноте мимо него, склонился к приборной доске. Щелкнул тумблер, и панель осветилась.

— Здесь схематически отражается все, что происходит на поле. Сейчас экран пуст, конечно. Но во время боевых действий вы получаете абсолютное точное представление… А это — панель для корректировки артиллерийского огня, это — для отдачи команд войскам, а вот там…

Пакстон терпеливо слушал.

— Ну, как? — сияя от гордости, сказал Петви.

— Лучше не бывает, — сказал Пакстон.

— Загляните к нам завтра. Вы еще не то увидите.

И тут Пакстона осенило.

4.

— Вообще-то, — сказал он, — я и сам бы охотно потренировался. В юности я почитывал военные труды и, хоть это, может быть, нескромно с моей стороны, считал себя в некотором роде специалистом по тактике и стратегии.

— Сэр! — Петви пришел в восторг. — Хотите попробовать? — сказал он вполголоса.

— Не откажусь.

— Вы уверены, что справитесь с аппаратурой?

— Я внимательно слушал твои объяснения.

— Прекрасно. Дайте мне пятнадцать минут. Как только я доберусь на свой пункт, я подаю сигнал. После этого каждый из нас может в любой момент начинать атаку.

— Пятнадцать минут? — спросил Пакстон. — Послушай, Петви… А тебя все это не слишком затруднит?

— Сэр, — с чувством сказал Петви, — я буду только рад. Мы с мастером Грэмом уже насквозь изучили друг друга. Сами понимаете: скучно воевать все время с одним и тем же противником.

— Да, ты прав, — сказал. Пакстон. Он подождал,

пока Петви покинет наблюдательный пункт, а затем спустился сам.

Тучи уплыли на запад, луна ярко светила на чистом небе, и окрестность была как на ладони. Только лес сливался в сплошную черную массу.

Что-то шевельнулось в кустах — или это ему показалось? Он укрылся под деревом и стал ждать.

Опять! Чья-то тень… и затем Пакстон увидел своего врага. Епископ прилетел, когда было уже совсем темно и шел дождь. Он мог не заметить полигона, а если и увидит сейчас, то едва ли догадается о его назначении.

Пакстон попытался вспомнить, о чем говорили в столовой после прихода епископа. Кажется, о Грэме и его военных упражнениях больше не упоминали.

«Ну что ж, — сказал себе Пакстон, — попытка не пытка». И стремглав, пригибаясь к земле, он бросился назад к полигону. Добежав до насыпи, он оглянулся: епископ, крадучись, шел следом за ним.

Прекрасно.

Стараясь не спешить, он спустился по ступенькам к щиту, прикрывавшему вход на полигон, нажал на кнопку и отошел в сторону.

Епископ, в шуршащей шелковой рясе, с пи-

столетом в руке, подошел, озираясь, к проему и некоторое время вглядывался в пустоту. Затем он ринулся на полигон.

Постояв немного, Пакстон вышел из темноты и надавил на вторую кнопку. Щит, словно железный занавес, опустился, наглухо закрыв проем.

Уф! Пакстон перевел дух. Все было кончено.

Хантер просчитался!

Теперь спешить некуда. Можно вернуться к Нельсону, а тот либо сам переправит его в надежное место, либо поможет организовать переезд.

Поднимаясь, он оступился и чуть было не полетел вниз — как вдруг раздался оглушительный взрыв. Пакстон привстал, морщась от боли и грохота… И эту минуту что-то прояснилось в его мозгу.

Он еще не понимал как следует, что с ним происходит, но знал, что ему надо делать, и, спрыгнув в лестницы, бросился обратно, к щиту.

С минуты на минуту Петви начнет атаку. Все было тихо после первого предупредительного удара, луна сияла на небе, и окрестность, словно необозримое кладбище, расстилалась вокруг, — но с минуты на минуту Петви начнет атаку! «Я должен вытащить его отсюда, — думал Пакстон или кто-то, отвечавший за него, — я не могу бро-

сить его на верную смерть. Не могу. Не могу.

Я не могу убить человека».

«Но почему же, — возразил он сам себе. — Либо он, либо ты. Вопрос стоит только так. Ты борешься за свою жизнь! Или?..»

Он отыскал кнопку и через открывшийся проем выбрался на полигон. Каким одиночеством веяло от этой квадратной мили перепаханного снарядами пространства, отгороженного от всей остальной земли, словно место последнего суда!

«А ведь так оно и есть, — подумал он. — Место, где вершится суд над Человеком.

Юный Грэм, быть может, единственный из всех нас, кто по-настоящему честен. Он истинный варвар, как называет его дедя; он не лицемерит — и видит наше прошлое таким, каким оно было на самом деле, и живет по его законам».

Петви все еще молчал — вероятно, ждал ответного залпа. Впереди по искромсанному, вздыбленному полю брела одинокая фигура — это мог быть только епископ.

Громко окликнув его, Пакстон помчался наперерез, а епископ обернулся и наставил на него руку с пистолетом.

Пакстон остановился… Пистолет поднялся выше, из дула вырвалось голубоватое облачко, и

Пакстона словно полоснуло по шее ниже уха, и потекло за воротник.

Он машинально отпрыгнул в сторону, бросился на землю и пополз. Терзаемый страхом, яростью и унижением, он нырнул в воронку.

Ах вот как. Он бежал, чтобы спасти его, а тот…

«Я должен был бросить его здесь», — подумал он. Он поднес руку к шее, и пальцы сделались липкими. Но боли он не чувствовал.

«Надо бежать отсюда, не тратить времени, а просто бежать. Пусть Петви убивает епископа».

Он выкарабкался из воронки, и в лунном свете перед ним блеснуло новенькое ружье, должно быть выпавшее из рук погибшего робота., В эту минуту Пакстон увидел епископа в колыхающейся рясе: он деловито шагал, спешил — хотел убедиться, что укокошил Пакстона!

Бежать было поздно и — странно сказать — расхотелось. Пакстон никогда ни к кому не питал настоящей ненависти, но теперь он узнал, что это такое, теперь его обуяла дикая ненависть, и утолить ее могло только убийство, без колебаний, без жалости.

Он поднял ружье, его пальцы нашли курок; из дула вырвалось пламя, грянул гром.

Но епископ не упал, даже не отшатнулся;

словно в страшном сне, он шел крупными, размеренными шагами, слегка подавшись вперед, и ряса развевалась вокруг его ног; его тело вобрало в себя смертоносный огонь, но смерть словно отступила перед неукротимой волей уничтожить противника.

Теперь настала очередь епископа, он увидел Пакстона, и пистолет снова взметнулся. Пуля ударила Пакстона в грудь, другая, третья, полилась кровь, но что-то здесь было не так.

Ведь не могут же, в самом деле, двое людей с расстояния в дюжину футов палить друг в друга и при этом остаться на ногах.

Пакстон выпрямился во весь рост и опустил ружье. А в нескольких шагах от него остановился епископ, отшвырнув прочь пистолет.

Несколько минут они стояли, уставившись друг на друга в бледном свете луны, и ярость их таяла, как дым.

— Пакстон, — тупо спросил епископ, — кто сотворил это с нами?

И странно было слышать его слова, как если бы он спросил: кто помешал нам убить друг друга?

На миг Пакстону подумалось: а может, и вправду им следовало довести дело до конца? Потому что некогда убийство почиталось доблестью, оно

было доказательством силы и мужества и чуть ли не давало право именоваться Человеком.

Но им не позволили убить друг друга.

Ведь нельзя же убить ближнего, стреляя из пугача пластмассовыми пульками, наполненными жидкостью, похожей на клюквенный сок. И невозможно застрелить из ружья, которое с грохотом изрыгает пламя и дым, и ничего больше, ибо оно заряжено холостыми патронами.

И разве это поле — не игрушечный театр войны, не игрушка ли вся эта артиллерия, все эти полностью переработанные бомбы, эти роботы-солдаты, которые разлетаются вдребезги под грохот канонады, чтобы потом их собрали вновь и опять послали в бой?

Епископ проговорил:

— Я чувствую себя последним дураком, Пакстон… — Он добавил еще несколько слов, которых никогда не произнес бы настоящий епископ, потому что настоящий епископ никогда себя дураком не чувствует.

Но Пакстон испытывал то же, что он.

— Пошли отсюда, — сказал он. — Забудем обо всем. Главное, — прибавил он, озираясь, — поскорей убраться отсюда.

Он вдруг с ужасом вспомнил о Петви.

Да нет же, о господи. Ничего не случится, если Петви откроет огонь. Да и не сделает он этого, ведь он отлично видит их на своем экране.

Как кибер, присматривающий за детьми. Он только следит, чтобы малыши не упали в воду, не лезли на крышу. Но в игры он не вмешивается. Он даже поощряет исподтишка их шалости, чтобы они могли разрядиться, найти выход своей энергии, подменив реальность игрой. И он не запрещает им воображать себя кем угодно, важничать, притворно гневаться и отважно размахивать саблей.

Когда они приблизились к проему, щит пополз вверх, а возле него стоял Петви, и вид у него был значительный и даже суровый. Они смущенно выбрались наружу.

— Джентльмены, — спросил Петви, — не желаете ли поиграть?

— Нет, — сказал Пакстон, — спасибо. Не знаю, правда, как его преосвященство...

— Можете говорить за обоих, дружище, — вмешался епископ.

— Мой друг и я наигрались вдоволь, — сказал Пакстон. — А ты молодец, что подстраховал нас, не дал нам поранить друг друга.

Петви изобразил удивление.

— Но почему здесь должны быть несчастные случаи? Это ведь только игра.

— Так мы и поняли. Куда нам идти теперь?

— Ну, — сказал робот, — куда угодно, только не назад.

Перевела с английского Т. Гинзбург

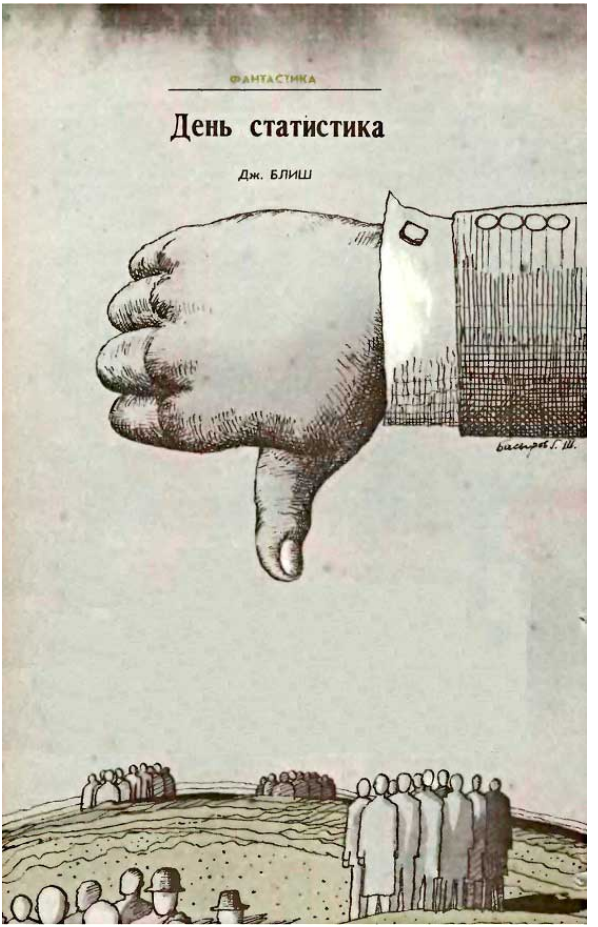
№ 3

Дж. Блиш

День статистика

День статистика

Дж. БЛИШ



Уиберг четырнадцать лет проработал за границей специальным корреспондентом «Нью-Йорк Таймс», из них десять посвятил еще и другой, совсем особой профессии и в разное время провел в общей сложности восемнадцать недель в Англии. (В подсчетах он, естественно, был весьма точен.) Вот почему жилище Эдмунда Джерарда Дарлинга сильно его удивило.

Служба Контроля над народонаселением была учреждена ровно десять лет назад, после страшного, охватившего весь мир голода 1980 года, и с тех пор Англия почти не изменилась. Выезжая по автостраде номер четыре из Лондона, Уиберг вновь увидал небоскребы, выросшие на месте Зеленого пояса, которым некогда обведен был город, — под такими же каменными громадами бесследно исчезли округ Узстчестер в штате Нью-Йорк, Арлингтон в Вирджинии, Ивенстон в Иллинойсе, Беркли в Калифорнии. Позднее таких махин почти не возводили, в этом больше не было нужды, раз численность населения не возрастала, однако построили их на скорую руку, и потому многие через некоторое время придется заменять новыми.

Городок Мейденхед, где уровень населения остановился на цифре 20 000 жителей, с виду

тоже ничуть не переменился с тех пор, как Уиберг проезжал его в последний раз, направляясь в Оксфорд. (Тогда он наносил подобный визит специалисту по эрозии берегов Чарлзу Чарлстону Шеклтону, тот был отчасти еще и писатель.) Однако на этот раз у Мейденхед Тикет надо было свернуть с автострады, и неожиданно Уиберг оказался в самой настоящей сельской местности, он и не подозревал, что еще сохранилось такое, да не где-нибудь, а между Лондоном и Рединг ом!

Добрых пять миль он пробирался узеньким проселком — еле-еле впору проехать одной машине, сверху сплошь нависли ветви деревьев — и выехал на круглый, тоже обсаженный деревьями крохотный пятачок, который, кажется, переплюнул бы ребенок, не возвышайся посередине десятифутовая замшелая колонна — памятник павшим в первой мировой войне. По другую сторону ютилась деревня Шерлак Роу, куда он направлялся, там, кажется, всего-то было что церквушка, пивная да с полдюжины лавчонок. Должно быть, неподалеку был еще и пруд: откуда-то слабо доносилось утиное кряканье.

«Файтл», обитель романиста, тоже стояла на Хай-стрит, видимо единственной здешней улице. Большой двухэтажный дом, крыша соломенная,

стены выбелены, дубовые балки когда-то были выкрашены в черный цвет. Солому совсем недавно сменили, поверх нее для защиты от птиц натянута проволочная сетка; в остальном вид у дома такой, словно его строили примерно в шестнадцатом веке, да так оно, вероятно, и есть.

Уиберг поставил свою старую машину в сторонке и нашарил в кармане куртки заготовленный агентством «Ассошиэйтед пресс» некролог, бумага чуть слышно, успокоительно зашуршала под рукой. Вынимать ее незачем, он уже выучил некролог наизусть. Именно эти гранки, доставленные почтой неделю назад, и заставили его пуститься в путь. Некролог должен появиться почти через год, но в печати уже сообщалось, что Дарлинг болен, а это всегда неплохой предлог — в сущности, им пользуешься чаще всего.

Он вылез из машины, подошел к огромной, точно у сарая, парадной двери и постучал; открыла чистенькая, румяная горничная. Он назвал себя.

— Да-да, мистер Уиберг, сэр Эдмунд вас дожидается, — сказала она, и по выговору он сразу узнал ирландку. — Может, хотите обождать в саду?

— С удовольствием.

Очевидно, эта девушка служит совсем недавно, ведь знаменитый писатель не просто дворянин,

но награжден орденом «За заслуги», а значит, его надо величать куда торжественней; впрочем, по слухам, Дарлинг равнодушен к таким пустякам и уж наверно даже не подумал бы поправлять горничную.

Она провела гостя через просторную столовую, где дубовые балки потолка низко нависали над головой, а очаг сложен был из самодельного кирпича, отворила стеклянную дверь в глубине, и Уиберг оказался в саду. Сад размером примерно в пол-акра — розы, еще какие-то цветущие кусты, их огибают посыпанные песком дорожки, тут же несколько старых яблонь и груш и даже одна смоковница. Часть земли отведена под огород, в уголке под навесом высажены какие-то растеньица в горшках; от дороги и от соседей все это заслоняют плетень из ивовых прутьев и живая изгородь — стена вечнозеленого кустарника.

Но любопытней всего показался Уибергу кирпичный флигелек в глубине сада, предназначенный для гостей или, может быть, для прислуги. В некрологе сказано, что тут есть отдельная ванная (или туалетная, как до сих пор деликатно выражаются англичане из средних слоев); в этой-то пристройке Дарлинг писал свои книги в пору, когда с ним еще жила семья. Вначале у домика

была островерхая черепичная крыша, но ее давно почти всю разобрали, чтобы оборудовать знаменитую маленькую обсерваторию.

«Здешние края не слишком подходили для астрономических наблюдений, даже когда самого Дарлинга еще и на свете не было, — думал Уиберг, — а впрочем, наверно, Дарлинга это мало трогало. Он любитель наук (однажды назвал их «лучшим в мире спортом для созерцателей») и свою обсерваторию построил не для настоящих изысканий — просто ему нравится смотреть на небо».

Уиберг заглянул в окно, но внутри не осталось и следа былых занятий владельца; видно, теперь этим домиком пользуется только горничная. Уиберг вздохнул. Он был человек не слишком чувствительный — просто не мог себе этого позволить, — но порой его и самого угнетала его профессия.

Он опять пошел бродить по саду, нюхал розы и желтофиоли. В Америке он желтофиолей никогда не видал; какой у них пряный, экзотический аромат… так пахнет цветущий табак, а может быть (вдруг подсказало воображение), травы, которыми пользовались для бальзамирования в Древнем Египте.

Потом его позвала горничная. Опять провела через столовую и дальше, по длинной и просторной, сворачивающей под прямым углом галерее с камином из шлифованного камня и стеной, сплошь уставленной книжными полками, к лестнице. На втором этаже помещалась спальня хозяина дома. Уиберг шагнул к двери.

— Осторожно, сэр! Голову! — крикнула девушка, но опоздала, он не успел нагнуться и ушиб макушку.

В комнате раздался смешок.

— Вам не первому досталось, — произнес мужской голос. — Если несешь сюда кой-что за пазухой, лучше поостеречься, черт подери.

Ударился Уиберг не сильно и тотчас про это забыл.

Эдмунд Джерард Дарлинг в теплом клетчатом халате, опираясь на гору подушек, полусидел в огромной постели — на пуховой перине, судя по тому, как глубоко утонуло в ней худое, слабое тело. Все еще внушительная грива волос, хоть они и поредели надо лбом по сравнению с последней фотографией, что красуется на суперобложках, и все те же очки — стекла без оправы, золотые дужки. Лицо его, лицо старого патриция, несмотря на болезнь, чуть пополнело, черты

отяжелели, появилось в них что-то от доброго дядюшки — странно видеть это выражение у человека, который почти шестьдесят лет кряду в критических статьях немилосердно бичевал своих собратьев за невежество, за незнание самых основ родной литературы, не говоря уже о литературе мировой.

— Для меня большая честь и удовольствие видеть вас, сэр, — сказал Уиберг, доставая записную книжку.

— Жаль, что не могу отплатить такой же любезностью, — отозвался Дарлинг и указал гостю на глубокое кресло. — Впрочем, я давно уже вас поджидаю. В сущности, мысли мои занимает только один последний вопрос, и я был бы весьма признателен вам за прямой и честный ответ… разумеется, если вам позволено отвечать.

— Ну конечно, сэр, к вашим услугам. В конце концов, я ведь тоже пришел задавать вопросы. Спрашивайте.

— Кто вы? — спросил писатель. — Только предвестник палача или палач собственной персоной?

Уиберг смущенно, через силу усмехнулся.

— Право, я вас не понимаю сэр.

Но он прекрасно понял. Непонятно было другое:

откуда у Дарлинга сведения, которые помогли додуматься до такого вопроса? Все десять лет важнейший секрет Службы Контроля охранялся самым тщательным образом.

— Если вы не желаете отвечать на мой вопрос, так и мне на ваши отвечать необязательно, — заметил Дарлинг. — Но не станете же вы отрицать, что у вас в кармане лежит мой некролог?

Обычное подозрение, Уибергу не раз приходилось с ним сталкиваться, и проще простого было ответить словно бы прямо и чистосердечно.

— Да, правда. Но ведь вы, конечно, знаете, что у «Таймс», да и у каждой большой газеты и крупного агентства печати заготовлены некрологи на случай несчастья с любым выдающимся деятелем, с любой знаменитостью. Естественно, время от времени наши сведения приходится подновлять; и, естественно, каждый репортер, когда его посылают брать у кого-нибудь интервью, для справок в них заглядывает.

— Я и сам начинал как журналист, — сказал Дарлинг. — И прекрасно знаю, что большие газеты обычно поручают такую пустяковую работу новичку, молокососу, а вовсе не специальному корреспонденту за границей.

— Не всякий, у кого берут интервью, удостоен

Нобелевской премии, — возразил Уиберг. — А когда нобелевскому лауреату восемьдесят лет и сообщалось, что он болен, взять у него интервью, которое может оказаться последним, — задача отнюдь не для молокососа. Если вам угодно, сэр, считать, что цель моего прихода всего лишь освежить данные некролога, я бессилен вас переубедить. Пожалуй, в моем поручении есть и нечто зловещее, но вы, конечно, прекрасно понимаете, что это в конечном счете можно сказать почти обо всякой газетной работе.

— Знаю, знаю, — проворчал Дарлинг. — Стало быть, если вами сейчас не движет желание выставить себя в наиблагороднейшем свете, понимать надо так: уже одно то, что ко мне прислали не кого-нибудь, а вас, есть дань уважения. Верно?

— Н-ну… пожалуй, можно это определить и так, сэр, — сказал Уиберг.

По правде говоря, именно так он и собирался это определить.

— Чушь.

Уиберг пожал плечами.

— Повторяю, сэр, не в моей власти вас переубедить. Но мне очень жаль, что вы так поняли мой приход.

— А я не сказал, что понимаю ваш приход так

или эдак. Я сказал — чушь. То, что вы мне тут наговорили, в общем верно, но к делу не относится и должно только ввести в заблуждение. Я ждал, что вы скажете мне правду, надо полагать, я имею на это право. А вы преподносите мне явный вздор. Очевидно, вы всегда так заговариваете зубы неподатливым клиентам.

Уиберг откинулся на спинку кресла, его опасения усиливались.

— Тогда объясните, пожалуйста, сэр, что же, по-вашему, относится к делу?

— Вы этого не заслужили. Но какой смысл умалчивать о том, что вы и сами знаете, а я как раз и хочу, чтобы вы все поняли, — сказал Дарлинг. — Ладно, пока не станем выходить за рамки дел газетных.

Он пошарил в нагрудном кармане, вынул сигарету, потом нажал кнопку звонка на ночном столике. Тотчас появилась горничная.

— Спички, — сказал Дарлинг.

— Сэр, так ведь доктор…

— А ну его, доктора, теперь-то я уже точно знаю, когда мне помирать. Да вы не огорчайтесь, принесите-ка мне спички и по дороге затопите камин.

День был еще теплый, но Уибергу тоже почему-то приятно было смотреть, как разгорался огонек.

Дарлинг затянулся сигаретой, потом одобрительно ее оглядел.

— Чепуха вся эта статистика, — сказал он. — Кстати, это имеет самое прямое отношение к делу. Видите ли, мистер Уиберг, на седьмом десятке человека обуревает интерес к траурным извещениям. Начинают умирать герои твоего детства, начинают умирать твои друзья, и незаметно пробуждается интерес к смерти людей чужих, безразличных, а потом и таких, о ком никогда не слыхал.

Пожалуй, это не слишком достойное развлечение, тут есть и немалая доля злорадства — дескать, вот он умер, а я-то еще живой. Кто хоть сколько-нибудь склонен к самоанализу, тот, конечно, все острей ощущает, что становится день ото дня более одиноким в этом мире. И кто душевно не слишком богат, того, пожалуй, все сильней станет пугать собственная смерть.

По счастью, среди всего прочего я уже много лет увлекаюсь разными науками, особенно математикой. Я перечитал многое множество траурных объявлений в «Нью-Йорк Таймс», в лондонской «Таймс» и других больших газетах, сперва просматривал мельком, потом начал следить за ними внимательно — и стал замечать любопыт-

ные совпадения. Улавливаете ход моей мысли?

— Как будто улавливаю, — осторожно сказал Уиберг. — Какие же совпадения?

— Я мог бы привести вам наглядные примеры, но, думаю, довольно и общей картины. Чтобы заметить такие совпадения, нужно следить не только за крупными заголовками и официальными некрологами, но и за мелкими объявлениями в траурных рамках. И тогда убедишься, что в какой-то день умерло, допустим, необычайно много врачей сразу. В другой день — необычайно много юристов. И так далее.

Впервые я заметил это в день, когда разбился пассажирский самолет и погибли почти все руководители видной американской машиностроительной фирмы. Меня это поразило, ведь к тому времени в Америке стало правилом: одним и тем же рейсом могут лететь двое ведущих работников любой фирмы, но ни в коем случае не больше. Меня как осенило, я просмотрел мелкие объявления и увидел, что это был черный день для всех вообще машиностроителей. И еще одно престранное обстоятельство: почти все они погибли при разных дорожных катастрофах. Неудачное совпадение с тем злополучным самолетом, судя по всему, оказалось ключом к

некоему установившемуся порядку.

Я занялся подсчетами. Обнаружил много других связей. Например, при дорожных катастрофах нередко погибали целые семьи, и в таких случаях чаще всего оказывалось, что жену соединяли с мужем не только узы брака, но и профессия.

— Любопытно… и попахивает мистикой, — согласился Уиберг. — Но, как вы сами сказали, это явно только совпадение. В такой малой выборке…

— Не так уж она мала, если следишь за этим двадцать лет подряд, — возразил Дарлинг. — И я теперь не верю, что тут случайные совпадения, вот только первая авиационная катастрофа случайно заставила меня присмотреться, что происходит.

И вообще речь уже не о том, чему верить или не верить. Я веду точный подсчет и время от времени передаю данные в вычислительный центр при Лондонском университете, только, понятно, не говорю программистам, к чему относятся эти цифры. Последние вычисления по критерию хи-квадрат делались как раз, когда вы телеграммой попросили меня вас принять. Я получил значимость в одну десятитысячную при доверительной вероятности 0,95. Никакие

противники табака не могли с такой точностью высчитать вред курения, а ведь начиная примерно с 1950 года тысячи ослов от медицины и даже целые правительства действовали, опираясь на куда менее солидные цифры.

Попутно я занялся перепроверкой. Мне пришло в голову, что все решает возраст умирающих. Но критерий хи-квадрат показывает, что возраст тут ни при чем, с возрастом взаимосвязи совсем нет. Зато стало совершенно ясно, что люди, подлежащие смерти, подбираются на основе занятия, ремесла или профессии.

— М-м… Допустим на минуту, что ваши рассуждения верны. Как же, по-вашему, можно все это проделать?

— Как — не велика хитрость, — сказал Дарлинг. — Не может быть, чтобы все эти люди умирали естественной смертью, ведь природа, силы биологические не отбирают свои жертвы так тщательно и не уничтожают их за такой строго определенный отрезок времени. Существенно здесь не как, а почему. А на это возможен только один-единственный ответ.

— Какой же?

— Такова политика.

— Простите, сэр, — возразил Уиберг, — но при

всем моем к вам уважении должен признаться, что это… м-м… несколько отдает сумасшествием.

— Это и есть сумасшествие, еще какое, но так все и происходит, чего вы, кстати, не оспариваете. И сошел с ума не я, а те, кто ввел такую политику.

— Но что пользы в подобной политике… вернее, какую тут пользу можно себе представить?

Через очки без оправы старый писатель посмотрел на Уиберга в упор, прямо в глаза.

— Всемирная Служба Контроля над народонаселением официально существует уже десять лет, а негласно, должно быть, все двадцать, — сказал он. — И действует она успешно: численность населения держится теперь на одном и том же уровне. Почти все люди верят — им так объясняют, — что соль тут в принудительном контроле над рождаемостью. И никто не задумывается над тем, что для подлинной стабильности народонаселения требуется еще и точно предсказуемая экономика. Еще об одном люди не задумываются, и этого им уже не объясняют, больше того, сведения, которые необходимы, чтобы прийти к такому выводу, теперь замалчиваются даже в начальной школе: при нашем нынешнем уровне знаний можно предопределить только число

рождений; мы пока не умеем предопределять, кто родится. Ну, то есть, уже можно заранее определить пол ребенка, это не сложно; но не предусмотришь, родится ли архитектор, чернорабочий или просто никчемный тупица.

А между тем при полном контроле над экономикой общество в каждый данный период может позволить себе иметь лишь строго ограниченное число архитекторов, чернорабочих и тупиц. И поскольку этого нельзя достичь контролем над рождаемостью, приходится достигать этого путем контроля над смертностью. А потому, когда у вас образуется экономически невыгодный излишек, допустим, писателей, вы такой излишек устраняете. Понятно, вы стараетесь устранять самых старых; но ведь нельзя предсказать заранее, когда именно образуется подобный излишек, а потому и возраст тех, что окажутся самыми старыми к моменту удаления излишков, далеко не всегда одинаков, и тут трудно установить статистическую закономерность. Вероятно, есть еще и тактические соображения: для сокрытия истины стараются, чтобы каждая такая смерть казалась случайной, с остальными никак не связанной, а для этого, скорее всего, приходится убивать и кое-кого из молодых представителей данной про-

фессии, а кое-кого из стариков оставить до поры, покуда сама природа с ними не расправится.

И конечно, такой порядок очень упрощает задачу историка. Если тебе известно, что при существующей системе такому-то писателю назначено умереть примерно или даже точно в такой-то день, уже не упустишь случая взять последнее интервью и освежить данные некролога. Тот же или сходный предлог — скажем, очередной визит врача, постоянно пользующего намеченную жертву, — может стать и причиной смерти.

Итак, вернемся к моему самому первому вопросу, мистер Уиберг. Кто же вы такой — ангел смерти собственной персоной или всего лишь его предвестник?

Наступило молчание, только вдруг затрещало пламя в камине. Наконец Уиберг заговорил.

— Я не могу сказать вам, основательна ли ваша догадка. Как вы справедливо заметили в начале нашей беседы, если бы догадка эта была верна, то, естественно, я не имел бы права ее подтвердить. Скажу одно: я безмерно восхищен вашей откровенностью… и не слишком ею удивлен.

Но допустим на минуту, что вы не ошибаетесь, и сделаем еще один логический шаг. Предположим,

все обстоит так, как вы говорите. Предположим далее, что вас намечено… «устранить»… к примеру, через год. И предположим, наконец, что я послан был всего лишь взять у вас последнее интервью — и ничего больше. Тогда, пожалуй, высказав мне свои умозаключения, вы бы просто вынудили меня вместо этого стать вашим палачом, не так ли?

— Очень может быть, — на удивление весело согласился Дарлинг. — Такие последствия я тоже предвидел. Я прожил богатую, насыщенную жизнь, а теперешний мой недуг изрядно мне досаждает, и я прекрасно знаю, что он неизлечим, стало быть, маяться годом меньше — не такая уж страшная потеря. С другой стороны, риск, пожалуй, невелик. Убить меня годом раньше значило бы несколько нарушить математическую стройность и закономерность всей системы. Нарушение не бог весть какое серьезное, но ведь бюрократам ненавистно всякое, даже самое пустячное отклонение от установленного порядка. Так или иначе, мне-то все равно. А вот насчет вас я не уверен, мистер Уиберг. Совсем не уверен.

— Насчет меня? — растерялся Уиберг. — При чем тут я?

Никаких сомнений — в глазах Дарлинга вспых-

нул прежний насмешливый, злорадный огонек.

— Вы — статистик. Это ясно, ведь вы с такой легкостью понимали мою специальную терминологию. Ну а я математик-любитель, интересы мои не ограничивались теорией вероятностей; в частности, я занимался еще и проективной геометрией. Я наблюдал за статистикой, за уровнем народонаселения и смертностью, а кроме того, еще и чертил кривые. И потому мне известно, что моя смерть настанет четырнадцатого апреля будущего года. Назовем этот день для памяти Днем писателя.

Так вот, мистер Уиберг. Мне известно также, что третье ноября нынешнего года можно будет назвать Днем статистика. И, мне кажется, вы не настолько молоды, чтобы чувствовать себя в полной безопасности, мистер Уиберг.

Вот я и спрашиваю: а у вас хватит мужества встретить этот день? Ну-с? Хватит у вас мужества? Отвечайте, мистер Уиберг, отвечайте. Вам не так уж много осталось.

Перевела с английского Нора Галь

№ 4

Кир Булычёв

Лёшенька-Леонардо

— Ты чего так поздно? Опять у Щеглов была?

Всем своим видом Ложкин изображал голод-

ного, неухоженного, брошенного на произвол судьбы мужа.

— Что поделаешь, — вздохнула жена, спеша на кухню поставить чайник. — Надо помочь. Больше у них родственников нету. А сегодня профсоюзное собрание. Боря — член месткома, Клара в кассе взаимопомощи. Кому с Лешенькой сидеть?

— Почему же тебе? В конце концов, рожали ребенка, должны были осознавать ответственность.

— Ты чего пирожки не ел? Я тебе на буфете оставила.

— Не хотелось.

Жена Ложкина быстро собирала на стол, разговаривала оживленно, чувствовала вину перед мужем, покинутым ради чужого ребенка.

— …Такой веселенький, милый, улыбается. Садись за стол, все готово. Сегодня увидел меня и лепечет: «Баба, баба!»

— Сколько ему?

— Третий месяц пошел.

— Преувеличиваешь. В три месяца они еще не разговаривают.

— Я и сама удивилась. Говорю Кларе: «Слышишь?», а Клара не слышала.

— Еще бы.

— Возьми пирожок, ты любишь с капустой. Он вообще мальчик очень продвинутый. Мать сегодня в спешке кофту наизнанку надела, а он мне подмигнул — разве, говорит, не смешно, тетя Даша?

— Воображение, — сказал Ложкин. — Пустое женское воображение.

— Не веришь? Пойди, погляди. Прогуляйся, тебе не вредно.

— И пойду, — сказал Ложкин. — Завтра же пойду. Чтобы изгнать дурь из твоей головы.

В четверг Ложкин, сдержав слово, пошел к Щеглам. Щеглы, родственники по женской линии, как раз собирались в кино.

— Я уж думала, вы забыли, — с укором сказала Клара. Она умела и любила принимать чужие одолжения.

— Сегодня Николай Иванович с Лешенькой посидит, — сказала баба Даша. — Мне по дому дел много.

— Не с Лешенькой, а с Леонардо, — поправил Борис Щегол, завязывая галстук. — А у вас, Николай Иванович, есть опыт общения с грудными детьми?

— Троим образование дал, — сказал Ложкин. —

Разлетелись мои птенцы.

— Образование — не аргумент, — сказал Щегол. — Образование дает государство. Грудной ребенок — иная проблема. Почитайте книгу «Наш ребенок», вон там на полке стоит. Вы, наверное, ничего не слыхали о научном воспитании детей?

Ложкин не слушал. Он смотрел на ребенка, лежавшего в кроватке. Ребенок сосредоточенно разглядывал погремушку.

— Агу, — сказал Ложкин, — агусеньки.

— Агу, — вежливо откликнулся малыш, отвечая на приветствие.

— Боря, осталось десять минут, — сказала Клара. — Где сахарная водичка, найдете? Пеленки в комоде на верхней полке.

Николай Иванович остался с ребенком один.

Он постоял у постельки, любуясь мальчиком, после чего неожиданно для самого себя спросил:

— Тебе почитать чего-нибудь?

— Пожалуй, — сказал младенец.

— А что почитать-то?

— Селе… сере… серебряные коньки, — ответил Лешенька. — Баба читала.

Язык еще не полностью повиновался ребенку.

Лешенька-Леонардо протянул ручонку к шка-

фу, показывая, где стоит книжка.

— Может, про репку почитаем? — спросил Ложкин с сомнением, но ребенок отрицательно помотал головкой и отложил погремушку в сторону.

Ложкин читал больше часа, утомился, сам выпил всю сахарную водичку, а дивный ребенок ни разу не намочил пеленок, не спал, не хныкал, увлеченно слушал, изредка прерывая чтение деловыми вопросами: «А что такое снег? Голландия — это где?»

Старик Ложкин как мог удовлетворял любопытство младенца и все больше поддавался очарованию его яркой личности.

К тому времени, когда родители вернулись из кино, дед с мальчиком подружились, на прощанье Леонардик махал Ложкину ручкой и лепетал:

— Сколей плиходи, завтла плиходи, деда.

Родители не прислушивались к щебетанию крошки.

С этого дня Ложкин старался почаще подменять жену. В сущности, он превратился в няньку. Щеглы не возражали. Они были активными

молодыми людьми, любили кататься на лыжах, ходить в походы, посещать зрелищные предприятия и общаться с друзьями.

Месяца через два Лешенька научился сидеть на стульчике, язык его слушался, запас слов значительно вырос. Лешенька не раз выражал деду сожаление, что неокрепшие ножки не позволяют ему выйти на улицу и побывать в интересующих его местах.

Порой Ложкин вывозил Лешеньку в коляске, тот жадно крутил головой по сторонам и время от времени задавал вопросы — почему облака не падают на землю, что делает собачка у столба, почему у женщин усы не растут и так далее. Ложкин по мере сил и знаний удовлетворял его любопытство. Дома они принимались за чтение, а иногда Ложкин рассказывал ребенку о событиях своей долгой жизни, о городах и странах, о великих людях и необычных профессиях.

Как-то Лешенька сказал деду:

— Попроси маму Клару, пусть разрешит мне учиться читать. Ведь шестой месяц уже-пошел. В моем возрасте Лев Толстой уже обдумывал сюжет повести «Детство»…

— Сомневаюсь, — сказал Ложкин, имея в виду и Льва Толстого, и маму Клару. — Но попробую.

Он отправился на кухню, где Клара, только что вернувшись из гостей, готовила на утро сырники.

— Клара, тут такое дело… — сказал он. — Что будем с Лешенькой делать?

— А что? Нездоров? Лобик горячий?

Мама Клара была неплохой мамой. Сына она любила, заботилась о нем, сама укачивала Леонардика перед сном, что, правда, не нравилось ребенку, ибо отвлекало от серьезных мыслей.

— Лобик в порядке, — сказал Ложкин. — Только мы с ним думали, не пора ли научиться читать. В его возрасте Лев Толстой, возможно, уже и писал.

— Что старый, что малый, — вздохнула Клара. — Шли бы вы домой, дядя Коля. Приходите завтра. Придете? А то у нас собрание на работе… Да, и заодно зайдите утречком на питательный пункт за молоком и кефиром.

Ребенка Клара не кормила, да Лешенька и не настаивал на этом. Ему было бы неловко кормиться таким образом.

Как-то Лешеньку отнесли к врачу сделать анализы и проверить здоровье. Все оказалось в порядке, мальчик по совету Ложкина помалкивал, улыбался беззубым ртом, но заинтересовался

медициной — на него произвели впечатление обстановка в поликлинике и медицинская аппаратура.

— Знаешь, дедушка, — сказал он Ложкину по возвращении, — мне захотелось стать врачом. Это благородная профессия. Я понимаю, что придется упорно учиться, но я к этому готов.

В последующие недели Лешенька с некоторой помощью Ложкина овладел грамотой, и старик подарил ему электрический фонарик, чтобы читать под одеялом, когда родители уснут.

Но позвольте, как же так? Куда смотрели родители? Неужели они не заметили, что в колыбельке горит свет, неужели они были так слепы, что проглядели то, что было очевидно постороннему человеку — старику Ложкину, который однажды в присутствии бабы Даши произнес следующие малопонятные, но многозначительные слова:

«Полтысячи лет Земля ждала своего следующего универсального гения. Я вижу знак судьбы в том, что мальчика назвали Леонардом Борисовичем!»

Впрочем, со стороны всегда видней.

А время шло. В день лешенькиного девятимесячного юбилея папа принес сыну подарок — новую погремушку. Лешенька в это время си-

дел в кроватке и слушал, как Ложкин читает ему вслух «Опыты» Монтеня.

— Гляди, какая игрушечка, — сказал Борис. Он, как всегда, спешил и уже повернулся, чтобы уйти, но Леонардо сказал задумчиво:

— Как это ни парадоксально, погремушка напоминает мне пространственную модель Солнечной системы.

Борис возмутился:

— Дядя Коля, что за чепуху вы ребенку читаете? Как будто нет хороших детских книг. Про курочку и яичко, например, я сам покупал. Куда вы ее дели?

Ложкин промолчал, потому что Лешенька из книжки про курочку делал бумажных голубей, чтобы выяснить принципы планирующего полета.

Борис Щегол отнял у старика «Опыты» Монтеня и унес из комнаты.

Несколько дней спустя имел место эпизод с участием Клары Щегол. Она принесла Лешеньке тарелочку с протертым супом. Ложкин сидел перед мальчиком, водя пальцем в толстой книге.

— Чего вы это там бормочете? — спросила она.

— Шведским языком занимаемся, — признался, краснея, Николай Иванович.

— Ну ладно, играйте, — сказала Клара.

Лешенька положил ручку на ладонь старику: не обращай, дескать, внимания.

Оба слышали, как в соседней комнате Клара рассказывала приятельнице:

— Мой-то, кроха, сейчас захожу в комнату, а он бормочет на птичьем языке.

— Он у тебя уже разговаривает?

— Скоро начнет. Ужас, какой развитой ребенок. И что удивительно: к нам один сосед-старичок ходит, по хозяйству помогает, так он этот птичий язык понимает.

— Старики часто впадают в детство, — сказала подруга.

Леонардик вздохнул и прошептал Ложкину:

— Не обижайся. В сущности, мои родители добрые, милые люди. Но как я порой от них устаю!

Женщины вошли в комнату. Приятельница принялась ахать и повторять, какой крохотулечка и тютюсенька этот ребенок.

— Скажи: ма-ма.

— Ма-ма, — послушно ответил Лешенька.

— Ух ты, моя прелесть. До чего на тебя похож, Клара!

Леонардику стало скучно. Он обернулся к Ложкину:

— Продолжим наши занятия?

Но женщины не слышали этих слов. Они уже говорили о своем.

Когда Лешенька научился ходить, они с Ложкиным устроили тайник под половицей, куда старик складывал новые книги и свежие номера научных журналов. Леонардик как раз принялся за свою первую статью о причинах акселерации у детей. Чтобы не смущать родителей, он продиктовал ее Ложкину и заодно попросил дедушку подписать ее своим именем.

Приблизительно к трем годам Леша, неожиданно для Ложкина, охладел к естественным наукам и переключился на литературу по морально-этическим вопросам. Детское воображение Леонардика поразил Фрейд.

— Что с тобой творится? — недоумевал Ложкин. — Ты забываешь о своем предназначении — стать новым Леонардо и обогатить человечество великими открытиями. Ты забыл, что ты — гомо футурус, человек будущего?

— Допускаю такую возможность, — печально согласился ребенок. — Но должен тебе заметить, что я стою перед неразрешимой дилеммой. Помимо долга перед человечеством, у меня долг перед родителями. Я не хочу пугать их тем,

что я — интеллектуальный урод. Их инстинкт самосохранения протестует против моей исключительности. Они хотят, чтобы все было как положено или, в крайнем случае, чуть-чуть лучше. Они хотели бы гордиться мною, но лишь до пределов, понятных их друзьям. И я, жалея их, вынужден таиться. Чем дальше, тем больше.

— Может, поговорить с ними в открытую? Так, мол, и так.

— Бесполезно, — вздохнул Леонардик.

Когда Ложкин на другой день пришел к Щеглам, держа подмышкой томик Спинозы, он увидел, что мальчик сидит за столом рядом с отцом и учится читать по складам.

— Ма-ма Ма-ше ка-шу…, — покорно повторял он.

— Какие успехи! — восхищался Борис. — Уже читает! А? Как вам нравится?

И тут Ложкин не выдержал.

— Нет, это невозможно. Не могу молчать! — воскликнул он, вспомнив Толстого. — Ваш ребенок тратит половину своей творческой энергии на то, чтобы казаться вам таким, каким вы хотите его увидеть. Он постепенно превращается из универсального гения в гения лицемерия!

— Дедушка, не надо! — в голосе Лешеньки буль-

кали слезы.

— Чтобы угодить вам, он забросил научную работу.

— Ты что это, дядя Коля? Издеваешься? — спросил Щегол.

— Неужели вы не замечаете, что дома лежат книги, в которых вы, Боря, не понимаете ни слова? Нет, это… это… Я напишу в Академию наук!

— Ах, напишешь? — Борис поднялся со стула. — Писать все вы умеете. А как позаботиться о ребенке — вас не дозовешься. Так вот, обойдемся мы без советчиков. Не дам тебе калечить ребенка!

— Он вундеркинд!

— От такого слышу!

Ложкин схватился за сердце, а Борис понял, что наговорил лишнего.

— Николай Иванович, — сказал он спокойнее, — вы уж не вмешивайтесь в нашу семейную жизнь. Леонардик обыкновенный способный ребенок, и я лично этим горжусь.

— Не вмешивайся, деда, — сказал Лешенька, — Ничего хорошего из этого не выйдет. Мы бессильны преодолеть инерцию родительских стереотипов.

— Но ведь вас тоже ждет слава, — прибегнул к

последнему аргументу Ложкин. — Как родителей гения. Ну, представьте, что вы родили чемпиона мира по фигурному катанию…

— Это другое дело, — сказал Борис. — Это всем ясно. Это бывает.

И тогда Ложкин догадался, что Щегол давно обо всем подозревает, но отметает подозрения.

— Мы сегодня выучили пять букв алфавита, — вмешался в беседу Лешенька. — И у папы хорошее настроение. С точки зрения морали мне это важнее, чем психоанализ.

— Боря, слышите? Откуда обыкновенному ребенку знать о психоанализе?

— От вас набрался, — отрезал Боря. — И забудет.

— Забуду, папочка, — пообещал Леонардик.

Прошло еще три года.

Скоро Леонардик пойдет в школу. Он уже довольно сносно читает и умеет писать печатными буквами. Ложкин к Щеглам не ходит. Один раз старик встретил Лешу на улице, бросился было к нему, но мальчик остановил его движением руки.

— Не надо, дедушка, — сказал он. — Подождем до института.

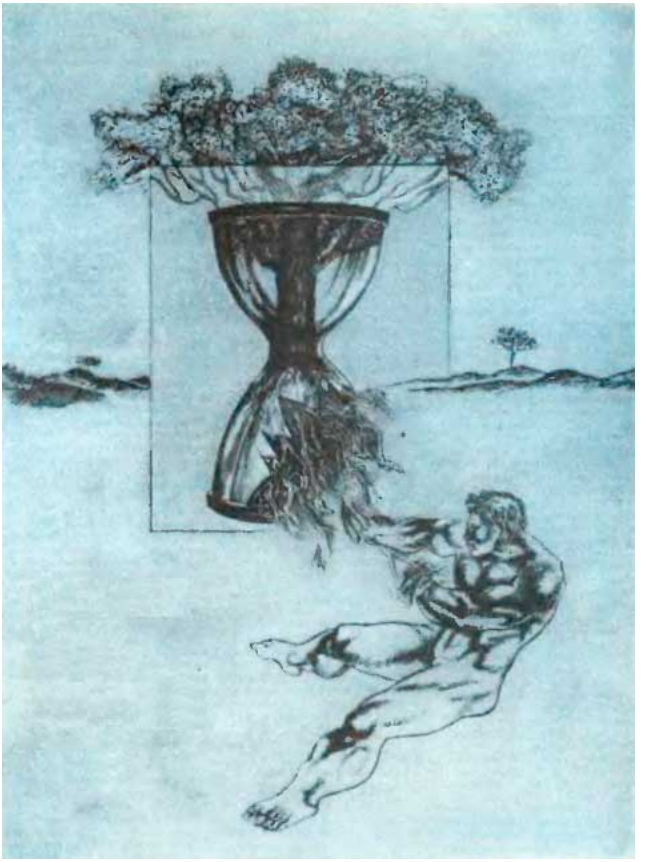
— Ты в это веришь?

Лешенька пожал плечами.

Сзади, в десяти шагах, шла Клара, катила коляску, в которой лежала девочка месяцев трех от роду и тихо напевала: «Уж вечер. Облаков летучая гряда…». Мама Клара остановилась, улыбнулась своим мыслям, поглядела с умилением на своего второго ребенка и, вынув из-под подушечки соску, сунула ее девочке.

Поль Валери

Сократ и его врач



Сократ. Ты бросаешь меня?

Эриксимах. Я спешу к больной женщине.

Сократ. Боги милосердные, но я-то все еще страдаю! Я совершенно разбит. Голова пустая и тяжелая, во рту пересохло и какая-то горечь; в ушах звон, и такая тяжесть во всем теле, точно я сам превратился в воплощение всех моих противоречий.

Эриксимах. К вечеру тебе станет лучше. А завтра поправишься.

Сократ. Умоляю тебя, останься. Я уверен, как только ты выйдешь за дверь, я совсем расхвораюсь. За тобой опять прибегут, вот увидишь! Оставь свой плащ, не бери палку, положи на место фонарь.

Эриксимах. Но меня ждут. Кто-то вот так же корчится на своем ложе и молит богов, чтобы я поторопился… Послушай, Сократ, я привык ставить тебя выше всех смертных. Призови на помощь возвышенное спокойствие своего разума, прогони страхи — говорю тебе, что они ложные. Продолжай принимать подогретую воду. Поменьше думай. Отлежись. Следи, как меркнет солнечный луч на стене, как свет мешается с тенью и постепенно день уступает место ночи. Время само по себе великий целитель. Говорю тебе, кризис прошел. Твой организм одержал

победу. Завтра, когда взойдет солнце, ты будешь бодр и весел, Ну, я побежал.

Сократ. Что ж, иди. Только сначала ответь на один вопрос. Всего один. Я не отпущу тебя, пока ты не поможешь мне уяснить то, что меня тревожит. Видишь ли, я хотел бы знать..

Эриксимах. Ага, значит тебе действительно полегчало! Наш мудрец воскрес и опять принимается размышлять. И, разумеется, о высоких материях, куда более возвышенных, чем тошнота и лихорадка!

Сократ. Нет, нет. Я вовсе не чувствую себя здоровым. Меня угнетает именно мысль о моей болезни. Послушай… Если ты сейчас уйдешь и ничего мне не скажешь, этот вопрос не даст мне покоя, и все услуги, которые ты мне оказал, пропадут даром по твоей же вине. Снова начнется лихорадка, снова бессонница или, наоборот, сонливость. Выслушай меня, Эриксимах.

Эриксимах. Ну хорошо, хорошо… Говори. Но, клянусь, одной ногой я уже за порогом!

Сократ. Скажи мне… Вот ты все время твердишь, что я снова стану совершенно здоров и ко мне вернутся все мои способности, все равно как ветвь, которую пригнула к земле рука ребенка или птица своим весом, выпрямляется, когда ее

отпустят, и, немного поколебавшись, возвращается к прежнему состоянию, — так?

Эриксимах. Вот именно.

Сократ. И в то же время ты говоришь мне, что тебе надо бежать к кому-то другому, которому ты тоже нужен, а от него ты, надо полагать, понесешься к третьему, и так далее и так далее. Как же ты можешь, видя столько разных людей, наблюдая различные болезни, с такой уверенностью предсказывать, чем кончится недуг, как тебе удается предвидеть, улучшится или ухудшится состояние всех этих больных, между которыми нет ничего общего, кроме того, что они больны, и которые похожи друг на друга только тем, что все они охают и стонут?

Эриксимах. Но разве ты не перескакиваешь от одной мысли к другой? Разве, меняя собеседника, ты не меняешь одновременно манеру говорить, тон беседы? Будто ты не знаешь (а ты это великолепно знаешь), что аргументы, которыми ты опроверг Зенона, вовсе не те, которыми ты покорил нашего Федра! Неужели ты стал бы разгадывать, успокаивать и исцелять все души одним способом, одними и теми же лекарствами?

Сократ. Постой. Не перебивай меня. Если твое время дорого, то время моей мысли мимолетно.

Когда я желаю что-то понять, то именно этот миг, миг желания, самый благоприятный для того, чтобы ум мой мог усвоить объяснения, которые ему предлагают. Ум тем более восприимчив, чем более он расположен сам произвести то, к чему он стремится… Впрочем, это относится к любой пище, не правда ли, и то же самое, говорят, происходит при оплодотворении, верно?

Эриксимах. Да, я слыхал об этом.

Сократ. Позволь, я изложу тебе в самом первозданном виде суть того, что меня поразило. Речь идет о тебе. Ты тот, кто помог мне или пытался помочь, но сейчас я буду рассматривать тебя только как человека, который обладает способностью оказывать мне эту помощь, мне и многим другим. Твое искусство — вот что для меня загадка. Я спрашиваю себя, каким образом ты знаешь то, что ты знаешь, каким должен быть твой разум, чтобы он мог снабдить тебя умением говорить, как ты говорил со мной только что — без обмана и ложной самоуверенности, сказав или, вернее, предсказав, что завтра я исцелюсь и мое тело восстановит все свои силы, едва лишь забрезжит день. Мне кажется чудом уже то, что ты существуешь, ты, врач, и твоя медицина; чудо — то, что дает тебе возможность читать в моем

организме его будущее и предугадывать поворот к лучшему. Это тело — мое, я его хозяин, а между тем оно доверяет свои тайны не мне, а тебе, оно не докучает тебе своими недомоганиями, своей болью и усталостью, не извергает их на тебя, словно брань и проклятья, когда ему что-то не нравится. Со мной, с моим духом мое тело обращается, словно с собакой: вместо разумных объяснений ей грозят или наказывают ее; а с тобой оно говорит ясным и вразумительным языком, оно объясняет тебе, чего оно хочет, чего не хочет, что и как с ним происходит и почему это происходит. Как странно, что ты знаешь обо мне в тысячу раз больше, чем я сам, и что я наг и прозрачен перед лучом твоего знания, для себя же самого я темен и непроницаем. Да что я говорю! Ты даже видишь то, чем я еще не успел стать, ты предуказываешь моему телу некое благо, которому оно обязано следовать, которое оно обретет как бы по твоей воле и в назначенный тобою срок. Подожди! Ты на меня так смотришь, как будто удивляешься моему удивлению, словно я задаю тебе детский вопрос.

Эриксимах. Я жду, о славнейший из мудрецов, и я действительно удивлен. И все же прошу тебя, не забудь, что каждое из твоих слов удлиняет

чье-то тревожное ожидание…

Сократ. Да ты выслушай меня. Ведь ты часто заходишь ко мне, слушаешь разговоры моих друзей со мною, сам в них участвуешь… Ты прекрасно знаешь, что я целыми днями, если только меня не отвлекают разные житейские дела, только и делаю, что вопрошаю самого себя. Я делаю это мысленно или с помощью собеседника, незаметно для него направляя его мысль, показывая ему противоречия в его суждениях, — так, всеми способами, я стараюсь получить по возможности правильное, непредвзятое представление о самом себе: по-моему, нет другого предмета, в который стоило бы углубиться больше, чем в этот… И я пришел к выводу, что другого «я», более достойного жить, не существует, ибо цель жизни, как мне кажется, состоит вот в чем: все отпущенное нам время и все силы надо употребить на то, чтобы сотворить или отыскать нечто такое, что сделало бы совершенно ненужным, немыслимым и нелепым всякую попытку начать жизнь заново. Одним словом, жизнь должна быть такой, чтобы не нужно было ее повторять. То есть первейшим желанием, пронизывающим всю жизнь, должно быть стремление познать самого себя с такой полнотой, чтобы к тому времени, когда

твоя жизнь достигнет наивысшей точки, ничто уже не могло бы ее перестроить, ничто не изменило бы ее форму и способы самоосуществления. Так бывает, когда растет дитя, когда первые, еще несмелые движения раз от разу обогащают его опыт, копятся и складываются, постепенно превращая его в господина над собственным телом и чувственными вещами, и эта власть, будучи однажды приобретена, не может более возрастать или видоизменяться, и даже мысленно ее невозможно воспроизвести иначе, чем она есть. Это конечное обладание собой будет и пределом самопознания и, как последняя капля, до краев наполнит сосуд. И коль скоро мера будет исчерпана, я пойму, что срок моей жизни истек.

Ну так вот, друг мой Эриксимах, я всеми силами стремился к этой цели… Разумеется, я не стану утверждать, что познал во всех подробностях мое смертное тело — откуда мне было знать, какие беды еще могут на него свалиться. Но зато я льстил себя мыслью, что моя душа сумеет обуздать если не все, что творится с телом (ибо есть муки, утолить которые никто не властен, и есть испытания, которые невозможно перенести), то по крайней мере все, что, исходя от тела, силится отвратить нас от Истины, от Красоты и от Спра-

ведливости. А ты, ты заставил меня усомниться в самой сути моих убеждений и надежд. Ты показал, что ты знаешь меня лучше, чем я сам, что ты способен даже предвидеть перемену моего самочувствия: ты уже видишь меня веселым и полным сил, между тем как сам я еще нахожу себя больным и беспомощным. Выходит, все мои усилия, вся моя философия — ребячество, мое умение управлять собой изнутри рушится перед твоим искусством, действующим извне, искусством, которое уловляет и мое тело, и мою душу вместе в одну общую сеть, сеть твоей хитро сплетенной науки так что весь мир моей мысли единым махом очутился у тебя в плену?

Эриксимах. Полно, не превращай меня в чудовище, великий Сократ… Я отнюдь не всесилен и не всемогущ, как ты воображаешь. Слишком очевидны рубежи моих возможностей. Если уж говорить правду, я имею дело лишь с феноменами, я пытаюсь разобраться в сложном нагромождении явлений, чтобы облегчить насколько возможно участь людей, тех, кто просит у меня совета; и, делая это, я стараюсь причинить им как можно меньше вреда, ибо, заметь, лекарю надлежит бояться собственного искусства Он не торопится обнажать свое оружие Это верно, что я

знаю тебя лучше, чем ты сам себя знаешь, — ты и представить себе не можешь, насколько лучше… Лучше, чем тебе, мне ведомо, что делается у тебя в животе и даже в твоей голове, столь светлой, Сократ; я действительно могу сказать — хоть и не с полной гарантией, но почти наверняка, — что будет с тобой завтра, в каком настроении ты проснешься. Но во что выльется это настроение, какие превосходные мысли внезапно придут тебе в голову и чем ты порадуешь и восхитишь нас вечером — вот этого, мой Сократ, я не знаю Если бы я умел это предсказать, твоя слава была бы моей славой, люди и боги сочли бы меня Сверхсократом… Ты не постигаешь себя, ибо ты смертен, и твой дух, слишком высокий для смертного, но стесненный ограниченным временем, вынужден отделять себя от всякого бремени тленности; если бы ты знал то, что знаю я, ты не мог бы знать того, что ты знаешь… Прощай. Препоручаю тебя, вместе с твоим демоном и твоим телом, заботам благосклонного Асклепия.

Сократ. Да, но… Ушел. Уже ушел! Эти врачи вечно куда-то бегут. Не знаю, впрочем, что было бы с медициной, да и со смертными, если бы к каждому был приставлен врач, который бодрствовал бы день и ночь, ни на минуту не

переставая наблюдать за пациентом… Этот меня покинул. Оставил меня на полпути между тем, что он знает, а я не знаю, и тем, о чем знаю я, а он не догадывается… Мой дух все еще смутен, его заволакивают облака посторонних чувств; и, как оракул, я повторяю странные, полные смысла и бессмыслицы слова: «На мне держится все, а сам я — вишу на волоске!»

Спор знания с сознанием

«Ты меня… до того заговорил, что в голове у меня полная путаница, И еще, по-моему, если можно пошутить, ты очень похож, и видом, и всем на плоского морского ската: он ведь всякого, кто к нему приблизится и прикоснется, приводит в оцепенение, а ты сейчас, мне кажется, сделал со мной то же самое — я оцепенел… Не знаю, как тебе и отвечать».

Так говорит, обращаясь к Сократу, персонаж одного из произведений Платона. Впечатление, по-видимому, отвечавшее действительности. Афинский философ Сократ, сын Софрониска, был тем, что называется лицо без определенных

занятий. Ни одной строчки, написанной им, до нас не дошло, и нет оснований предполагать, что он что-либо написал. Этого человека можно было видеть на улицах и базарах, он подходил к толпе, слушавшей какого-нибудь краснобая, и задавал оратору самые простые вопросы. Они касались не столько существа дела, сколько принципов мышления. В конце концов противник начинал путаться и растерянно умолкал. Сократ был чрезвычайно популярен. Нищий и независимый, он презрительно отклонил попытки правительства тридцати тиранов привлечь его на свою сторону. Нет никаких сведений о болезни Сократа и о враче по имени Эриксимах. В 399 году до н. э. родоначальник диалектики, или искусства отыскивать истину путем методического вскрытия противоречий в ответах оппонента, был привлечен к суду по обвинению в непочтении к богам. В речи перед судьями, художественно пересказанной Платоном в знаменитой «Апологии», Сократ говорил о своем демоне — внутреннем голосе, который повелевает ему следовать правде. Он был казнен (выпил яд), отказавшись от негласно сделанного ему предложения покинуть Афины.

Эта краткая справка нужна, чтобы оценить дистанцию между историческим Сократом и

образом, который создан классиком французской литературы XX века Полем Валери. Подражая Платону, Валери написал свое произведение в форме диалога. О чем спорит выздоравливающий философ с медиком, которого ждут новые больные? Не так легко прокомментировать диалог Валери, многозначный, как всякое истинное произведение искусства; попробуем вскрыть один из его слоев.

Медицина — такова уж ее природа — вынуждена сопрягать две противоположные точки зрения на человека. Имея дело с человеческой индивидуальностью, врач должен уметь понять внутренний мир пациента — мысленно поставить себя на его место. Но как ученый он обязан отделиться от своего «объекта», взглянуть на него со стороны. Парадокс медицины заключается в том, что именно этот путь отчуждения обеспечил ее прогресс. Достижения медицины стали возможны благодаря тому, что она сделала организм человека предметом объективного естественнонаучного исследования.

Врач Эриксимах олицетворяет науку — ту науку, которая проникла в тайны человеческого тела извне. Но «тело» это — Сократ. Тот самый Сократ, который избрал своим лозунгом слова,

начертанные на храме дельфийского оракула:

«Познай самого себя». Сократ, для которого самосознание есть самопознание. И ему кажется, что лекарь, читающий его болезнь, словно открытую книгу, подрывает доверие к этому лозунгу, ибо медицинское знание «уловляет» — мы бы сказали, объективирует — не только тело, но и душу.

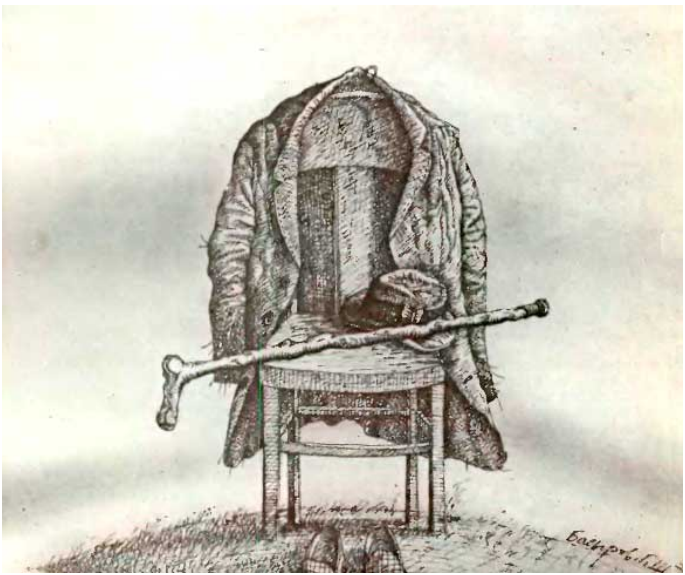
Но это и так, и не так. Верно, что предела научному познанию нет. Но верно и то, что наука отнюдь не ставит под сомнение суверенность и неповторимость человеческой личности. Человек сам стал объектом науки, но при этом он остается ее субъектом, ее творцом и ее критиком. И врач, для которого величайший мудрец Эллады «наг и прозрачен», не может предсказать, какие новые доводы в пользу своей философии этот мудрец изобретет завтра. Наука учит благоговению перед человеком — таков глубокий гуманистический смысл художественно-философской миниатюры Валери, которую мы решились предложить читателям «Химии и жизни».

Перевод и послесловие Г. Шингарёва

№ 5

Альфред Бестер

Старик



— В былые дни, — сказал Старый, — были Соединенные Штаты, и Россия, и Англия, и Испания,

и Россия, и Англия, и Соединенные Штаты. Страны. Суверенные государства. Нации. Народы.

— И сейчас есть народы, Старый.

— Кто ты? — внезапно спросил Старый.

— Я Том.

— Том?

— Нет. Том.

— Я и сказал Том.

— Вы неправильно произнесли, Старый. Вы назвали имя другого Тома.

— Вы все Томы, — сказал Старый угрюмо. — Каждый Том… все на одно лицо. Он сидел, трясясь на солнце и ненавидя этого молодого человека. Они были на веранде госпиталя. Улица перед ними пестрела празднично одетыми людьми, мужчинами и женщинами, чего-то ждущими. Где-то на улицах красивого белого города гудела толпа, возбужденные возгласы медленно приближались сюда.

— Посмотрите на них. — Старый угрожающе потряс своей палкой. — Все до одного Томы. Все Дейзи.

— Нет, Старый, — улыбнулся Том. — У нас есть и другие имена.

— Со мной сидела сотня Томов, — прорычал Старый.

— Мы часто используем одно имя, Старый, но по-разному произносим его. Я не Том, Том или Том. Я Том.

— Что это за шум? — спросил Старый.

— Это Галактический Посол, — снова объяснил Том. — Посол с Сириуса, такая звезда в Орионе. Он въезжает в город. Первый раз такая персона посещает Землю.

— В былые дни, — сказал Старый, — были настоящие послы. Из Парижа, и Рима, и Берлина, и Лондона, и Парижа, и… да. Они прибывали пышно и торжественно. Они объявляли войну. Они заключали мир. Мундиры и сабли и… и церемонии. Интересное время! Смелое время!

— У нас тоже смелое и интересное время, Старый.

— Нет! — загремел старик, яростно взмахнув палкой. — Нет страстей, нет любви, нет страха, нет смерти. В ваших жилах больше нет горячей крови. Вы сама логика. Вы сами — смерть! Все вы, Томы. Да.

— Нет, Старый. Мы любим. Мы чувствуем. Мы многого боимся. Мы уничтожили в себе только зло.

— Вы уничтожили все! Вы уничтожили человека! — закричал Старый. Он указал дрожащим

пальцем на Тома. — Ты! Сколько крови в твоих, как их? Кровеносных сосудах?

— Ее нет совсем. Старый. В моих венах раствор Таммера. Кровь не выдерживает радиации, а я исследую радиоактивные вещества.

— Нет крови. И костей тоже нет.

— Кое-что осталось, Старый.

— Ни крови, ни костей, ни внутренностей, ни… ни сердца. Что вы делаете с женщиной? Сколько в тебе механики?

— Две трети, Старый, не больше, — рассмеялся Том. — У меня есть дети.

— А у других?

— От тридцати до семидесяти процентов. У них тоже есть дети. То, что люди вашего времени делали со своими зубами, мы делаем со всем телом. Ничего плохого в этом нет.

— Вы не люди! Вы монстры! — крикнул Старый. — Машины! Роботы! Вы уничтожили человека!

Том улыбнулся.

— В машине так много от человека, а в человеке от машины, что трудно провести границу. Да и зачем ее проводить. Мы счастливы, мы радостно трудимся, что тут плохого?

— В былые дни, — сказал Старый, — у всех было

настоящее тело. Кровь, и нервы, и внутренности — все как положено. Как у меня. И мы работали, и… и потели, и любили, и сражались, и убивали, и жили. А вы не живете, вы функционируете: туда-сюда… Комбайны, вот вы кто. Нигде я не видел ни ссор, ни поцелуев. Где эта ваша счастливая жизнь? Я что-то не вижу.

— Это свидетельство архаичности вашей психики, — сказал серьезно Том. — Почему вы не позволяете реконструировать вас? Мы бы могли обновить ваши рефлексы, заменить…

— Нет! Нет! — в страхе закричал Старый. — Я не стану еще одним Томом.

Он вскочил и ударил приятного молодого человека палкой. Это было так неожиданно, что тот вскрикнул от изумления. Другой приятный молодой человек выбежал на веранду, схватил старика и бережно усадил его в кресло. Затем он повернулся к пострадавшему, который вытирал прозрачную жидкость, сочившуюся из ссадины.

— Все в порядке, Том?

— Чепуха. — Том со страхом посмотрел на Старого. — Знаешь, мне кажется, он действительно хотел меня ранить.

— Конечно. Ты с ним в первый раз? Мы им гордимся. Это уникум. Музей патологии. Я побуду с

ним. Иди посмотри на Посла.

Старик дрожал и всхлипывал.

— В былые дни, — бормотал он, — были смелость и храбрость, и дух, и сила, и красная кровь, и смелость, и…

— Брось, Старый, у нас тоже все есть, — прервал его новый собеседник. — Когда мы реконструируем человека, мы ничего у него не отнимаем. Заменяем испорченные части, вот и все.

— Ты кто? — спросил Старый.

— Я Том.

— Том?

— Нет, Том. Не Том, а Том.

— Ты изменился.

— Я не тот Том, который был до меня.

— Все вы Томы, — хрипло крикнул Старый. — Все одинаковы.

— Нет, Старый. Мы все разные. Вы просто не видите.

Шум и крики приближались. На улице перед госпиталем заревела толпа. В конце разукрашенной улицы заблестела медь, донесся грохот оркестра. Том взял старика под мышки и приподнял с кресла.

— Подойдите к поручням. Старый! — горячо воскликнул он. — Подойдите и посмотрите на

Посла. Это великий день для всех нас. Мы наконец установили контакт со звездами. Начинается новая эра.

— Слишком поздно, — пробормотал Старый, — слишком поздно.

— Что вы имеете в виду?

— Это мы должны были найти их, а не они нас. Мы, мы! В былые дни мы были бы первыми. В былые дни были смелость и отвага. Мы терпели и боролись…

— Вот он! — вскричал Том, указывая на улицу. — Он остановился у Института… Вот он выходит… Идет дальше… Постойте, нет. Он снова остановился! Перед Мемориалом… Какой великолепный жест. Какой жест! Нет, это не просто визит вежливости.

— В былые дни мы бы пришли с огнем и мечом. Да. Вот. Мы бы маршировали по чужим улицам, и солнце сверкало бы на наших шлемах.

— Он идет! — воскликнул Том. — Он приближается… Смотрите хорошенько, Старый. Запомните эту минуту. Он, — Том перевел дух, — он собирается выйти у госпиталя!

Сияющий экипаж остановился у подъезда. Толпа взревела. Официальные лица, окружавшие локомобиль, улыбались, показывали, объясняли.

Звездный Посол поднялся во весь свой фантастический рост, вышел из машины и стал медленно подниматься по ступеням, ведущим на веранду. За ним следовала его свита.

— Он идет сюда! — крикнул Том, и голос его потонул в приветственном гуле толпы.

И тут произошло нечто незапланированное. Старик сорвался с места. Он проложил себе дорогу увесистой палкой в толпе Томов и Дейзи и очутился лицом к лицу с Галактическим Послом. Выпучив глаза, он выкрикнул:

— Я приветствую вас! Я один могу приветствовать вас!

Старик поднял свою трость и ударил Посла по лицу.

— Я последний человек на Земле, — закричал он.

Перевел с английского В. Баканов

№ 7

Дж. Р. Толкин

Лист работы Мелкина

Жил-был однажды маленький человек по имени Мелкин, которому предстояло совершить дальнее путешествие. Ехать он не хотел, да и вообще вся эта история была ему не по душе. Но деваться было некуда. Со сборами он, однако, не спешил.

Мелкин был художником. Правда, больших высот он не достиг, отчасти потому, что у него было много других дел. Выполнял он их вполне сносно, когда не удавалось отвертеться. А отвертеться удавалось очень уж редко: законы в его стране держали народ в строгости. Были и другие помехи. Во-первых, он иногда предавался праздности — попросту говоря, ничего не делал. А во-вторых, был он по-своему мягкосердечным. Время от времени помогал по мелочам своему соседу, хромоногому мистеру Прихотту. Случалось, приходили к нему и люди, которые жили подаль-

ше, просили о помощи — он и им не отказывал. А затем Мелкин вспоминал о путешествии и начинал без особого рвения упаковывать вещи. Тут уж времени на живопись оставалось совсем мало.

У Мелкина было несколько начатых картин, но чересчур громоздких, так что со своими невеликими способностями он вряд ли мог их закончить. Он принадлежал к тем художникам, которые, например, листья пишут лучше, чем деревья. Мелкин, бывало, подолгу работал над одним листом, стараясь запечатлеть форму и блеск, и шелковистость, и сверкающую каплю росы, катящуюся по желобку. И все же ему хотелось изобразить целое дерево, чтобы все листья были одинаковыми и вместе с тем разными.

Особенно не давала ему покоя одна картина. Началось все с листа, трепещущего на ветру, — но лист висел на ветке, а там появился и ствол — и дерево стало расти и цепляться за землю фантастически-причудливыми корнями. Прилетали и садились на сучья странные птицы — ими тоже следовало заняться. А потом вокруг дерева начал разворачиваться пейзаж. Окрестности поросли лесом, вдали виднелись горы, припорошенные снегом. Мелкин и думать забыл про остальные картины; а иные он просто взял и приставил с

боков к большой картине с деревом и горами. Получился такой громадный холст, что пришлось Мелкину раздобыть стремянку. Картина помещалась в специально выстроенном высоком сарае — раньше он на этом месте сажал картошку.

Мелкину никак не удавалось избавиться от своего добросердечия. «Характера — у меня не хватает», — говорил он себе (а подразумевал: «Вот бы не заниматься чужими заботами!»). Но тут как раз вышло так, что его долго никто серьезно не тревожил. «Будь что будет, но уж эту картину, мою настоящую картину, я обязательно допишу, а потом, так и быть, отправлюсь в путешествие, пропади оно пропадом», — думал Мелкин. Ему было ясно, что нельзя без конца откладывать отъезд. Увеличивать картину еще больше не было никакой возможности — настало время ее заканчивать.

Как-то раз Мелкин, отойдя подальше, долго озирал свою работу. Честно говоря, картина его совершенно не удовлетворяла и все-таки казалась очень красивой — единственной по-настоящему прекрасной картиной в мире. В эту минуту Мелкину больше всего было бы по душе, если бы в сарай вошел его двойник, хлопнул Мелкина по плечу и сказал бы: «Великолепно!

Вот это мастер! Замысел совершенно ясен. Продолжай работать, а об остальном не тревожься. Мы устроим тебе государственный пенсион, так что будь спокоен».

Увы, государственного пенсиона не было. И одно Мелкину было ясно: чтобы довести дело до конца, надо бросить все дела, забыть обо всем и работать, упорно работать. Он закатал рукава и несколько дней пытался ни на что не обращать внимания. Но тут, как на грех, на него свалилась целая куча забот. Вдруг оказалось, что дом требует ремонта; понадобилось ехать в город и сидеть в суде (Мелкин был присяжным); м-р Прихотт слег — приступ подагры; и, в довершение всего, гости сыпались как из рога изобилия. Была весна, и они не прочь были бесплатно пообедать на природе, а герой наш обитал в прелестном домике не очень близко от города. Да он сам же и пригласил их еще зимой, когда их приезд не казался ему помехой. Конечно, лишь немногие из них знали о его картине; сомневаюсь, чтобы они придавали ей большое значение. Картина, если уж говорить правду, была не бог весть что, хотя некоторые детали, возможно, и были удачны. Во всяком случае, дерево вышло странное. Единственное в своем роде. То же можно сказать и о самом Мел-

кине, хотя, с другой стороны, он был совершенно обыкновенным и даже глуповатым человеком.

Наконец, время у Мелкина стало на вес золота. Городские знакомые вспомнили, что ему предстоит нелегкое путешествие, и кое-кто спросил себя, до каких же пор можно откладывать отъезд. Они прикидывали, кому достанется его домик, и будет ли новый хозяин лучше ухаживать за садом.

Пришла осень, дождливая и ветреная. Стоя на стремянке в холодном сарае, художник пытался запечатлеть на холсте отблеск заходящего солнца на заснеженной вершине горы, слева от дерева. Он знал, что срок истекает — может быть, придется отчалить в самом начале будущего года. Кое-где в углах холста он успел только наметить то, что собирался написать.

В дверь постучали.

— Войдите! — резко отозвался Мелкин, поспешно слезая со стремянки. Крутя в пальцах кисть, он взглянул на посетителя. Это был Прихотт, его единственный сосед, других поблизости не было. Несмотря на это, Прихотт не очень нравился Мелкину, во-первых, потому, что чуть что, бежал к нему и требовал помощи, а во-вторых, терпеть не мог живописи. Зато он весьма критически относился к манере Мелкнна ухаживать за са-

дом. Причем замечал главным образом сорняки и неубранные листья, когда же ему случалось бросить взгляд на картины (что бывало редко), он видел только серые и зеленые пятна и ровно никакого смысла в них не находил.

— Ну, Прихотт, что стряслось? — спросил Мелкин.

— Мне совестно вас отрывать, — сказал Прихотт, даже не взглянув на картину. — Вы, конечно, очень заняты.

Мелкин и сам хотел сказать что-нибудь в этом духе, но не решился и коротко ответил:

— Да.

— Но мне больше не к кому обратиться! — пожаловался Прихотт.

— Ну конечно, — вздохнул Мелкин. Это был достаточно громкий вздох, чтобы сосед его услышал. — Чем я могу вам помочь?

— Жена уже несколько дней хворает, и я начинаю тревожиться, — сказал Прихотт. — А тут еще такой ветер. С крыши валится черепица, в спальню льется вода. По-моему, нужно вызвать доктора. И кого-нибудь, чтобы сделали ремонт. Только когда их еще дождешься. Вот я и подумал — может, у вас найдутся доски и парусина или холст: я бы залатал крышу и продержался

день-другой. — Вот тут-то он и перевел глаза на картину Мелкина.

— Бог ты мой! — воскликнул Мелкин. — Вот уж действительно не повезло. В такую погоду… Надеюсь, у вашей жены обычная простуда. Я загляну к вам через пару минут и помогу перенести больную вниз.

— Очень признателен, — холодно отвечал Прихотт. — Только это не простуда. У нее жар. Из-за простуды я бы не стал вас беспокоить. Кроме того, жена уже лежит внизу. Не с моей ногой бегать вверх-вниз по лестнице с подносами… Но я вижу, вы заняты. Извините, что побеспокоил. Просто я надеялся, что вы войдете в мое положение и выберете время съездить за доктором, а заодно и к строителям, раз уж у вас нет лишнего холста.

— Конечно, — проговорил Мелкин, хотя на сердце у него кошки скребли, — конечно, я мог бы съездить… Пожалуй, я съезжу, раз вы так тревожитесь. — Не то чтобы у него заговорила совесть, просто сердце было очень мягкое.

— Я тревожусь, я очень тревожусь, — подтвердил Прихотт. — Если бы не моя нога…

И пришлось Мелкину поехать. Положение, сами понимаете, было щекотливое. Прихотт жил рядом, а больше поблизости не было ни одной жи-

вой души. У Мелкина был велосипед, у Прихотта велосипеда не было. Не говоря уже о том, что этот Прихотт был хромой, причем настоящий хромой. Конечно, Мелкин еще не дописал картину, и об этом следовало бы подумать соседу. Однако сосед о картинах не думал, он вообще не интересовался живописью, и тут уж Мелкин ничего не мог поделать. «Проклятие!» — пробормотал он и вывел велосипед из-под навеса.

Было сыро, дул ветер, и дневной свет уже бледнел. «Сегодня мне больше не поработать», — подумал Мелкин. Сейчас, когда руки его сжимали руль, а ноги крутили педали, он совершенно ясно понял, увидел, как надо написать блестящие листья, за которыми поднималась вдали заснеженная гора. У него упало сердце, когда он подумал, что, может быть, не успеет перенести эту идею на холст.

Мелкин нашел доктора и оставил записку в строительной конторе. Контора уже закрывалась: все разошлись по домам. Мелкин промок до костей, и ему нездоровилось. Доктор явился по вызову не так быстро, как сам Мелкин откликнулся на просьбу Прихотта. Он прибыл лишь на следующий день — и очень кстати, потому что к этому времени в двух домах было уже два

пациента. Мелкин лежал в постели с высокой температурой, и в голове его сплетались чудесные орнаменты из листьев и ветвей. Ему не стало лучше, когда он узнал, что у миссис Прихотт была легкая простуда и она уже встала на ноги. Он отвернулся к стене и зарылся лицом в листья.

Несколько дней он не поднимался. Ветер выл в трубе. Ветер продолжал разрушать крышу Прихотта, и у Мелкина на потолке тоже начало подтекать. Строители так и не приехали. Несколько дней Мелкину было все равно. Потом он выбрался из дому поискать какой-нибудь еды (жены у него не было). Прихотт не появлялся: у него разболелась нога. А его жена была занята тем, что вытирала лужи и выносила ведра с водой. Если бы ей понадобилось одолжить что-нибудь у Мелкина, она послала бы к нему Прихотта, несмотря на ногу. Но так как одалживать у художника было нечего, он ее не интересовал.

Примерно через неделю Мелкин, шатаясь, добрел до сарая. Он попробовал влезть на стремянку, но у него кружилась голова. Тогда он сел и уставился на картину. Но в этот день ему в голову не приходило ничего замечательного. Он мог бы написать песчаную пустыню на заднем плане, но и на это у него не хватало фантазии.

Однако назавтра Мелкину стало гораздо лучше. Он взобрался на лесенку и взялся за кисть. Тут раздался стук в дверь.

— Силы небесные! — возопил Мелкин. С таким же успехом он мог бы сказать: «Войдите!» — потому что дверь все равно отворилась. На этот раз вошел незнакомый, очень высокий мужчина.

— Здесь частная студия, — сказал Мелкин. — Я занят.

— Я — инспектор домов, — отвечал мужчина, подняв кверху удостоверение, чтобы Мелкину было видно со стремянки.

— Ах так! — проговорил художник.

— Дом вашего соседа в неудовлетворительном состоянии, — сказал инспектор.

— Знаю, — ответил Мелкин. — Я уже давно известил строителей, но они почему-то не явились. А потом я заболел.

— Понятно. Но теперь-то вы здоровы.

— Я не строитель. Прихотту следует обратиться с просьбой в муниципалитет, пусть пришлют аварийную службу.

— Служба занята более серьезными делами, — сказал инспектор. — Затопило долину, и многие семьи остались без крова. Вам бы следовало помочь соседу и сделать временный ремонт, чтобы

повреждения не распространились и починка крыши не стала слишком дорогой. Здесь у вас масса материалов: холст, доски, водоотталкивающая краска…

— Где? — негодующе спросил Мелкин.

— Вот! — сказал инспектор, указывая на картину.

— Моя картина! — воскликнул художник.

— Ну и что? — возразил инспектор. — Дома важнее.

— Не могу же я… — но тут Мелкин замолчал, ибо в сарай вошел еще один человек. Он был так похож на инспектора, что казался его двойником: высокий, с головы до ног одетый в черное.

— Поехали! — произнес вошедший. — Я возница.

Мелкин, дрожа, слез со стремянки. Казалось, лихорадка вернулась к нему: его знобило, в голове все плыло.

— Возница? Возница? — забормотал он. — Чей возница?

— Ваш и вашего экипажа, — ответил незнакомец. — Экипаж заказан давно. Сегодня он, наконец, пришел — и ожидает вас. Пора, сами понимаете.

— Ну вот, — сказал инспектор. — Вам надо

отправляться. Не очень-то, конечно, прилично уезжать, не доделав дела. Ну да ладно, теперь мы по крайней мере сможем воспользоваться этим холстом.

— Боже мой! — и бедный Мелкин разрыдался. — Ведь она… эта картина… еще не готова!

— Не готова? — удивился возница. — Во всяком случае, ваша работа над ней закончена. Пошли.

И Мелкин подчинился, понимая, что спорить бесполезно. Человек в черном не дал ему времени на сборы, сказав, что об этом надо было думать раньше, а теперь они опаздывают на поезд. Второпях Мелкин захватил в прихожей небольшую дорожную сумку. Позже оказалось, что в ней был только ящик с красками и альбом для эскизов — ни одежды, ни еды. Но на поезд они поспели. Художник устал, ему хотелось спать, он плохо понимал, что происходит, когда его впихнули в купе. Он забыл, куда и зачем он едет. Почти сразу же поезд вошел в туннель.

Проснулся Мелкин на большой станции, за окном смутно рисовался вокзал.

По платформе шел носильщик, но выкрикивал он не название станции, а имя художника.

Мелкин торопливо выбрался из вагона и вдруг обнаружил, что забыл сумку. Он бросился назад,

но поезд уже уходил.

— А, вот и вы! — сказал носильщик. — Наконец-то. Идите за мной. Как, вы без багажа? Придется вас направить в работный дом.

Мелкин снова почувствовал себя плохо и упал без чувств на платформу. Была вызвана карета скорой помощи, и приезжего отвезли в больницу работного дома.

Лечение ему совсем не понравилось. Его поили чем-то очень горьким. Санитары были молчаливые и недобрые, смотрели исподлобья, а кроме них его изредка навещал врач, очень суровый. Вообще больница сильно смахивала на тюрьму. В определенные часы Мелкину приходилось заниматься изнурительным трудом: он копал землю во дворе, сколачивал какие-то доски и красил их в один и тот же цвет. За ворота выходить не разрешалось. Вдобавок его заставляли время от времени сидеть в полной темноте, «чтобы он хорошенько подумал».

В такие минуты Мелкину вспоминалось прошлое. Лежа в темноте, он говорил себе одно и то же: «Как жаль, что я не зашел к Прихотту в первый день, когда начался ветер. Я ведь собирался. Тогда черепицу поправить ничего не стоило. Миссис Прихотт не простудилась бы, и

я бы тоже не заболел. Ах, как жаль. У меня была бы в запасе еще целая неделя». Но постепенно он забыл, зачем ему нужна была эта неделя. Теперь его интересовала только больничная работа. Он прикидывал, сколько времени ему понадобится, чтобы перестлать пол, навесить дверь, починить ножку стола. Он стал нужным человеком, но, конечно, не по этой причине беднягу так долго держали в больнице. Врачи ждали, когда он поправится, — хотя подразумевали под этим совсем не то, что подразумеваем мы.

И вдруг все переменилось. У него отобрали плотницкую работу и заставили день за днем, с утра до ночи копать землю. Мелкин трудился, как вол, кожа на ладонях была содрана, спина болела, как переломленная. Наконец он почувствовал, что не сможет больше воткнуть лопату в землю. Никто не сказал ему спасибо. Немного позже появился врач.

— Достаточно! — произнес он. — Полный отдых… в темноте.

Лежа впотьмах, Мелкин принимал прописанный отдых. Ничего кроме усталости он не чувствовал и ни о чем не думал, и не мог бы

сказать, сколько времени пролетело — часы или годы. Но вдруг он услышал незнакомые голоса: похоже было, что за стеной, в соседней комнате, заседает медицинская комиссия, а может, что-нибудь и похуже.

— Теперь дело Мелкина, — сказал чей-то голос, и был он еще суровей, чем голос врача.

Другой голос спросил:

— А что у Него было не так? Что не в порядке у Мелкина? Сердце у него было на месте. И голова работала.

— Плохо работала, — возразил первый голос. — Сколько времени он потерял даром! Не подготовился к путешествию… Был вроде бы человеком не бедным, а сюда явился чуть ли не нагишом, так что пришлось поместить его в отделение для нищих бродяг… М-да, боюсь, что дела его не блестящи. Во всяком случае, отпускать его рано.

— Может быть, вы и правы, — отозвался второй голос, — но ведь он всего лишь человек. Маленький и слабый. Давайте заглянем еще раз в досье. По-моему, кое-что здесь говорит в его пользу. Например, есть сведения, что он был художником. Вы этого не знали? Разумеется, он не был великим художником, и все же ему удалось

написать очень недурной Лист. Вот заключение экспертов… Он очень упорно работал и, заметьте, не был — зазнайкой. Не воображал, что искусство освобождает его от обязанностей перед законом.

— Почему же он так часто его нарушал?

— Так-то оно так, но все-таки он откликался на многие просьбы…

— На немногие. Да и те называл «помехами». Потрудитесь внимательнее прочесть досье. Смотрите, как часто повторяется это слово вперемежку с жалобами и глупыми проклятьями. Ему, видите ли, мешали! — сказал первый голос.

А ведь правда, подумал Мелкин, лежа в темноте. Ничего не скажешь. Просьбы людей действительно раздражали его.

— Что там еще? — спросил брезгливо первый голос.

— Тут есть еще дело некоего Прихотта, оно прибыло позже… Прихотт был соседом Мелкина, ни разу пальцем для него не пошевелил, а Мелкин ему помогал. И я хотел бы обратить ваше внимание на то, что в досье нет ни слова о том, чтобы когда-нибудь Мелкин ждал от него благодарности. Судя по всему, он вообще об этом не думал.

— М-да, пожалуй, это действительно смягчающее обстоятельство, — произнес первый

голос. — Но не существенное! В сущности, Мелкин очень мало заботился об этом Прихотте. Все, что он делал для него, он потом просто выкидывал из головы как досадный эпизод.

— И последнее донесение, — сказал второй голос, — о поездке на велосипеде под дождем. Не знаю, как вы посмотрите на это, но, по-моему, это было истинное самопожертвование. Ведь Мелкин знал, что ничего такого страшного с женой Прихотта не случилось, и знал, что рискует не закончить картину. И все-таки поехал.

— Ну еще бы, — проворчал первый голос, — ваша задача — истолковать любой, даже самый незначительный факт в пользу подопечного. Но что вы предлагаете?

— Я считаю, что пора перейти к курсу мягкого лечения, — ответил второй голос.

Мелкину, который с бьющимся сердцем слушал весь этот разговор, показалось, что никогда в жизни он не встречал такого великодушия. Слова «мягкое лечение» невидимый голос произнес так, словно речь шла о приглашении на королевский пир. И Мелкин устыдился. Словно его при всех громко похвалили, хотя ясно было, что он ничего такого не заслужил. Мелкин зарылся лицом в подушку.

Наступило молчание. Потом первый голос спросил над самым ухом у Мелкина:

— Слыхал?

— Да, — прошептал Мелкин.

— Ну и что ты на это скажешь?

Мелкин сел на кровати.

— Не могли бы вы сказать мне что-нибудь о Прихотте? — спросил он. — Мне бы хотелось с ним повидаться. И, пожалуйста, не беспокойтесь насчет его отношения ко мне. Он был отличным соседом и очень дешево продавал мне прекрасную картошку. Я сэкономил массу времени.

— Дешево продавал картошку? Весьма приятно слышать, — заметил голос.

Вновь последовало молчание.

— Хорошо, согласен, — послышалось уже издалека. — Переводите на следующий этап.

Проснувшись, Мелкин увидел, что ставни распахнуты и каморка залита солнечным светом. Вместо больничной пижамы на стуле лежала обычная одежда. После завтрака ему принесли железнодорожный билет.

— Можете отправляться, — сказал Мелкину врач. — Носильщик о вас позаботится. Всего

хорошего.

Мелкин спустился к станции — ее сверкающая на солнце крыша виднелась невдалеке. Носильщик сразу его заметил.

— Вот сюда!

Багажа у Мелкина не было, довольный носильщик повел его на платформу, возле которой стоял свежевыкрашенный паровозик и прицепленный к нему единственный вагон. Все здесь было новеньким: рельсы сияли, шпалы под горячими лучами солнца остро пахли свежим дегтем. В вагоне было пусто.

— Куда идет поезд? — осведомился художник.

— По-моему, это место пока никак не называется, — отозвался носильщик. — Но вы там не заблудитесь. — И, кивнув на прощание, захлопнул двери вагона.

Поезд тронулся. Пассажир смотрел в окно. Крошечный паровозик усердно пыхтел, пробираясь по извилистому ущелью с высокими зелеными стенами, над которыми лучилось голубое небо. Довольно скоро раздался свисток, заскрежетали тормоза, поезд остановился. Здесь не видно было даже платформы, должно быть, это был глухой полустанок. Узкая лесенка поднималась по заросшему травой склону. Наверху — изгородь с

калиткой. А рядом с калиткой стоял его велосипед — по крайней мере очень похожий, и к рулю была привязана картонка с надписью: «Мелкин».

Мелкин толкнул калитку, сел на велосипед и покатил куда глаза глядят. Тропинка потерялась в густой траве, он колесил по зеленому лугу. Ему показалось, что где-то он уже видел эти места. Снова начался подъем. Солнце закрыла огромная тень. Мелкин поднял глаза — и едва не свалился с велосипеда.

Перед ним стояло дерево — его дерево, но законченное, если можно так говорить о живом дереве, с могучими ветвями и листьями, трепетавшими под ветром. Как часто представлял себе Мелкин этот ветер, но так и не сумел запечатлеть его на холсте.

— Вот это дар! — проговорил Мелкин. Он говорил о своем искусстве, о картине — и все же употребил это слово в его буквальном значении.

Теперь он заметил и лес, и снежные вершины на горизонте. И все это выглядело не так, как он когда-то рисовал, а скорее так, как он себе это представлял.

Подумав, Мелкин направился к лесу. Обнаружилась странная вещь: лес был, конечно, вдали, «лес на заднем плане», — и в этом-то и

заключалось его очарование, — и все-таки к нему можно было приблизиться, даже войти в него, и очарование не исчезало. Он и не подозревал, что можно войти в даль так, чтобы она не превращалась просто в окружающую местность. А теперь перед ним все время открывались новые дали, двойные, тройные, четверные, и чем дальше, тем сильнее влекли к себе. Целая страна раскинулась вокруг, уместившись в одном лесу или, если хотите, на одной картине. И наконец, совсем далеко — горы. Они как будто стояли на месте и вместе с тем приближались. Они были близко и далеко. Казалось, горы оставались за пределами картины. Они связывали ее с чем-то другим, словно там, за деревьями, находилась другая страна — новая картина.

Мелкин озирал окрестности. Он вернулся к своему дереву, оно было закончено («и возница так говорил», — припомнил он), но вокруг, он заметил это, осталось несколько неубедительных мест. Следовало бы поработать над ними. Нет, не переделать, а лишь довести работу до конца. Теперь он в точности знал, как это будет выглядеть.

Он сел на траву и погрузился в раздумье. Но в планах что-то не ладилось. Чего-то — или кого-то

— не хватало.

— Ну-ясно! — вздохнул Мелкин. — Прихотт, вот кто мне нужен. Ему ведь известно многое, о чем я и понятия не имею. Мне нужна помощь, нужен добрый совет, — как это я раньше о нем не подумал!

И в самом деле, в неглубокой ложбинке, не сразу бросавшейся в глаза, стоял с лопатой в руках его бывший сосед м-р Прихотт и растерянно смотрел по сторонам.

— Хэлло, Прихотт! — позвал Мелкин.

Прихотт вскинул лопату на плечо и, хромая, подошел к нему. Друзья не произнесли ни слова, только кивнули друг другу, как раньше, когда встречались на улице. Молча прикинули, где поставить домик и разбить сад, без чего, очевидно, обойтись было невозможно.

И скоро стало ясно, что теперь Мелкин лучше Прихотта умеет распоряжаться своим временем. Как ни странно, именно Мелкин увлекся домом и садом, что же касается Прихотта, то он бродил, посвистывая, по окрестностям, разглядывал деревья и особенно главное дерево.

Как-то раз Мелкин сажал живую изгородь, а Прихотт валялся на траве с желтым цветком в зубах. Давным-давно Мелкин изобразил множество

таких цветов между корнями дерева. На лице м-ра Прихотта блуждала блаженная улыбка.

— Чудесно, — проговорил он. — Спасибо, что замолвил за меня словечко. Честно говоря, я не заслужил, чтобы меня отправили сюда.

— Чепуха, — ответил Мелкин. — Ничего такого я не говорил. Во всяком случае, мои слова не имели значения.

— Еще как имели, — возразил Прихотт. — Без тебя я бы сюда ни за что не попал. Понимаешь, это все тот голос… иу, ты знаешь. Он сказал, что ты хочешь меня видеть. Так что я перед тобой в долгу.

— Нет. Ты в долгу перед ним. Мы оба перед ним в долгу, — сказал Мелкин.

Так они жили и работали вместе. Не знаю, как долго это продолжалось. Иногда они вместе пели песни. И вот пришло время, когда домик в ложбине, сад, лес, озеро — все на картине оказалось почти завершенным, почти таким, каким ему надлежало быть. Большое дерево было все в цвету.

— Сегодня вечером закончим, — сказал Прихотт, вытирая пот со лба. — Кончим и как следует все посмотрим. Ты не прочь прогуляться?

На другой день они поднялись рано и шли

целый день, пока не достигли Предела. Никакой особенной границы там не было — ни стены, ни забора, однако путники поняли, что дошли до края этой земли. Какой-то человек, похожий на пастуха, спускался с холма.

— Проводник не нужен? — спросил он.

Друзья переглянулись, и Мелкин почувствовал, что хочет и даже должен продолжать путь. Но Прихотт дальше идти не хотел.

— Мне надо дождаться жены, — сказал Прихотт. — По-моему, ее должны отправить к нам очень скоро… Уверен, что ей здесь понравится. Да, кстати, — обратился он к пастуху. — Как называется эта местность?

Пастух удивился.

— А вы разве не знаете? Это — Страна Мелкина, — сказал он с гордостью.

— Как? — воскликнул Прихотт. — Неужели все это придумал ты, Мелкин? Я и не подозревал, какой ты умный. Почему же ты молчал?

— Он давно пытался вам сказать, но вы не обращали внимания. Тогда у него был только холст и ящик с красками, а вы или кто-то там еще, это не важно, — хотели этим холстом залатать крышу. Все это вокруг — это и есть то, что вы называли «мазней Мелкина».

— Но тогда все было совсем не похоже, не настоящее, — пробормотал Прихотт.

— Да, это был только отблеск, — сказал пастух, — но вы могли бы уловить его, если бы захотели.

— Я сам виноват, — вмешался Мелкин. — Мне надо было тебе объяснить, но я сам не понимал, что делаю. Ну да ладно, теперь это неважно… Видишь ли, я должен идти. Может быть, мы еще встретимся. До свидания!

Он пожал Прихотту руку, — это была честная, крепкая рука. На минуту Мелкин оглянулся. Цветущее дерево сияло, как пламя. Птицы громко пели на ветвях. Мелкин рассмеялся, кивнул Прихотту и пошел за пастухом.

Ему предстоит узнать еще многое. Он научится пасти овец на поднебесных лугах. Он будет смотреть в огромное распахнутое небо и уходить все дальше, все выше подниматься к горам. А что будет потом, я не знаю. Маленький Мелкин в своем старом доме сумел угадать очертания гор — так они оказались на его картине. Но лишь те, кто поднялся в горы, могут сказать, какие они на самом деле и что лежит за ними.

— По-моему, глупый был человек, — заявил советник Томкинс. — Бесполезный для общества.

— Смотря что вы понимаете под пользой, — заметил Аткинс, школьный учитель.

— Бесполезный с практической и экономической точки зрения, — уточнил Томкинс. — Из него, может, и вышел бы толк, если бы вы, педагоги, знали свое дело. А вы, прошу прощения, ничего в нем не смыслите… Вот и получаются такие Мелкины. Да, будь я начальством, я бы заставил его работать. Мыть посуду, что ли, или подметать улицу… А нет, так просто спровадил бы его подальше.

— Вы хотите сказать, что заставили бы его отправиться в путешествие раньше времени?

— Вот именно, в «путешествие», как вы изволите выражаться. На свалку!

— Вы полагаете, что живопись совершенно ненужная вещь?

— Нет, отчего же, и живопись может приносить пользу, — сказал советник Томкинс, — только не такая. Не эти листочки-цветочки. Верите ли, я у него как-то спросил, зачем они ему. А он отвечает, что они красивые. «Что красивое, — говорю, — органы питания и размножения у растений?» — «Да, — говорит, — органы питания и размно-

жения». Представляете?

— Жаль его, — вздохнул Аткинс. — Он ничего не довел до конца. Помните тот большой холст, которым залатали крышу? Его потом тоже выбросили, но я вырезал кусочек. На память. Верхушка горы и часть дерева.

— О ком это вы? — вмешался Перкинс.

— Да был тут один… — буркнул Томкинс. — Бывший владелец этого дома.

— Мелкин? А я не знал, что он занимался живописью, — удивился Перкинс.

После этого имя Мелкина, кажется, ни разу не всплывало в разговорах.

Впрочем, уголок картины сохранился. Краски пожухли, но один тщательно выписанный лист был хорошо виден. Аткинс вставил обрывок холста в рамку, а позднее даже передал в дар городскому музею. Здесь картина под названием «Лист работы неизвестного художника» долгие годы висела в темном углу. Мало кто обращал на нее внимание, да и вообще посетителей в музее было немного. Однажды музей сгорел. Никаких следов деятельности Мелкина с тех пор больше не осталось.

— В сущности, это отличное место для отдыха и восстановления здоровья, — сказал голос, тот, который был вторым. — Народ туда прямо валом валит.

— Вот как? — отозвался первый голос. — Но в таком случае следует присвоить этой местности подобающее название. Есть какие-нибудь предложения?

— Простите, но об этом уже позаботились. По крайней мере носильщик оповещает пассажиров только так: «Поезд в Страну Мелкина отправляется через десять минут!» Страна Мелкина. Я счел необходимым известить высшие инстанции.

— Что же они сказали?

— Они расхохотались. Расхохотались — да так, что отозвались горы!

Перевел с английского С. Кошелев

№ 8

Вл. Ксионжек

Мальчик, Старик и Собака

Старик был совсем молодой, а Мальчик — уже старый. Они жили вдвоем в избушке на берегу

озера. Рядом проходила дорога, и к ним часто заглядывали туристы. Старик дарил туристам деревянные ложки и угощал рыбой. Туристы угощали Мальчика конфетами. Мальчик конфет не ел, но всегда брал и вежливо благодарил.

У Старика была седая окладистая борода, он носил расшитую рубаху навыпуск и посконные штаны. Мальчику штанов не полагалось, их заменяла рубаха до колен.

Старик плохо соображал, поэтому основная работа ложилась на плечи Мальчика. Он пробовал научить Старика вырезать ложки, но из этой затеи ничего не вышло; Мальчик делал ложки сам, а когда приезжали туристы, Старик брал кисточку и наносил на ложки желтые и красные пятна. Выходило аляповато, но зато туристы думали, что ложки делает Старик. Единственное, что Старик умел делать хорошо, — это плести лапти. Разумеется, лыка на всех не хватало, и дорогой подарок получали только самые симпатичные экскурсанты, те, кому посчастливилось приглянуться Старику и Мальчику. Счастливчики сбрасывали с ног живые, самообновляющиеся, самоизменяющиеся сандалии и обувались в легкие, почти невесомые лапти. Смешно было глядеть на модного элегантного туриста, обутого

на манер Иванушки-дурачка.

Устраивались и рыбалки. У низкого берега стояла парусная плоскодонная ладья «Рогнеда», хотя выходили на ней редко, только когда приезжали туристы с Марса. Старик испытывал к воде отвращение, и Мальчику стоило немалого труда затащить его в лодку. Мальчик объяснял, что на Марсе нет ни озер, ни рек, надо показать гостям, как плавают по воде. Однажды случилось несчастье. Старик упал в воду и потом целую неделю обсыхал, лежа на завалинке. В результате он заработал жуткий радикулит, каждый вечер приходилось смазывать ему поясницу постным маслом.

Как-то был у них день отдыха: не приехало ни одного человека. Никого и не ждали. В это время на другом берегу озера начиналось грандиозное историческое шоу, и вся любопытствующая братия собралась поглазеть на рыцарей, дружинников, копья, латы — все в натуре.

Мальчик встал рано, пяти еще не было. Впереди был целый свободный день, длинный-предлинный, какой бывает летом в северных широтах. Старик еще храпел. Пожалуй, это было второе дело, которое он умел делать хорошо.

— Вставай, Недотепа, — Мальчик толкнул его в

бок. — Старикам не положено долго спать. Сходи за грибами. Грибы надо собирать пораньше, пока на дворе свежо.

Старик, ворча, слез с теплой печки. По утрам, пока не встало солнце, он соображал как-то особенно туго.

Мальчик тоже вышел на прогулку. Его привлекали лекарственные травы. Когда-то окрестные луга были живым гербарием, но сейчас уже не то. Природа упростилась, и даже тем относительным разнообразием флоры, какое сохранилось близ озера, люди были обязаны биохимии.

С холма открывался красивый вид на озеро и избушку, и Мальчик пожалел о том, что сюда не проложили дорогу. Красота была всамделишная, натуральная, не та прилизанная идилличность, которой потчевали приезжих.

Он спохватился: как там Старик? Старик был словно малый ребенок. С такими неучами Мальчику еще не приходилось иметь дела, другой бы на его месте отказался. Доброта — это порок. Мальчикам не положено сентиментальничать. Но когда подумаешь, что станет с Недотепой…

От этих мыслей его отвлек вид большой птицы, парящей в небесах. Птица оказалась человеческой фигурой.

Это было явное нарушение. Пижон, подумал Мальчик. Не мог как следует заэкранироваться. В небе над озером не должно быть видно никого. Ну, конечно! Летун правил к месту побоища. Как можно пропустить такое зрелище!

Ближе к макушке холма синтетики становилось все меньше. Тут был род заповедной зоны, где природные растения успешно состязались с искусственными. Дважды попался чистотел, но чистотел Мальчика не интересовал. Самое слово это у людей почему-то вызывало тошноту.

Но больше ничего замечательного не нашлось. Мальчик спустился с холма, миновал заказную рощу и вышел на дорогу. Вообще-то разгуливать здесь запрещалось. По дороге изредка проезжали заэкранированные машины, хотя сейчас им, конечно, делать здесь было нечего.

Ба, вот так удача! У самого края дороги торчало несколько бледнозеленых овальных листьев, похожих на листья свеклы. Неужто подорожник? Еще не веря своему счастью, Мальчик опустился наземь. Принюхался: да, букет явно неподдельный. Знаменитый, почти легендарный подорожник, его не было даже на заповедном холме.

Мальчик сосчитал: семь листиков. Два уже

пожелтели, он осторожно отделил их от стебля и завернул в тряпицу свое богатство.

В эту минуту кто-то четвероногий, мохнатый, вислоухий показался из зарослей и заковылял по дороге. В десяти шагах от Мальчика существо остановилось.

— Ты кто? — спросил Мальчик. Оно, это существо, молча смотрело на Мальчика влажными грустными глазами.

— Ах, я догадываюсь: ты, наверное, собака. Но как ты сюда попала? Тебя кто-нибудь забыл? — Собака, казалось, едва заметно пожала плечами.

— Давно ты здесь?

— Взгляни на мои впалые бока, и все поймешь, — как будто сказала она.

— Боже, какой я недогадливый. Пойдем. Мяса не обещаю, но рыбкой угостить могу.

И они пошли вместе. Старика еще не было. Мальчик выбрал на полке самую большую миску, извлек из чугунка жирного язя.

Собака ела неаккуратно, чавкала, возила миску по полу, наконец, вывалила остатки рыбы из миски на пол.

— Если бы ты не была собакой, я назвал бы тебя свиньей, — строго сказал Мальчик. — Где это ты научилась хрюкать?

Наевшись, она устроилась в углу. Всем своим видом она показывала, что отныне и во веки веков это ее законное место.

Мальчик боялся, что Старик будет возражать, но тот отнесся к появлению Собаки равнодушно. Поставил лукошко с грибами на лавку и, сопя, полез на печку. Собака встала, подошла к лукошку, понюхала и презрительно смахнула его на пол. Из лукошка посыпались поганки.

— Ты права, — согласился Мальчик, — наш дед начал халтурить. Помяни мое слово, когда-нибудь он отравит туристов.

Утром следующего дня Мальчика ждал сюрприз. Вдали на озерной глади что-то чернело. Вскоре он разглядел косматый парус. Ладья варягов! Вот какие гости к ним пожаловали. Корабль шел прямо к избушке и пристал к берегу рядом с «Рогнедой».

Старик, кряхтя, вылез из избушки. В его обязанности входило встречать гостей хлебом-солью.

Варягов было человек десять. Спустив парус, они вышли на берег, закинули за спины кожаные щиты и пошли на поживу. Рослый рыжебородый детина подошел к Старику, бросил презрительный взгляд на его ковригу и остался недоволен. Его недовольство выразилось в том, что он раз-

махнулся и ударил Старика кулаком в ухо. Старик охнул и отлетел в сторону. Не помня себя, Мальчик выскочил из избушки, выкрикивая что-то нечленораздельное, и побежал к бандитам. В руках у него была рогулька — нехитрое приспособление для поджаривания грибов.

Нетрудно представить, что стало бы с Мальчиком, если бы на варяга вдруг не бросилась рычащая, хрипящая от бешенства тварь.

Гигант был совершенно беспомощен. Он катался по земле, отчаянно отбиваясь от маленького мохнатого существа. Тем временем Мальчик помог подняться Старику.

— Иди к роще, — сказал он. — Туда они не посмеют войти.

Старик побрел прочь. Мальчика повалили, он слышал только тяжелое дыхание варягов, стоны укушенных и рычание Собаки. В конце концов они могли бы раскроить ей череп мечами, но предпочли спастись бегством. Полуистерэанный пес остался на берегу. На земле лежали три бездыханных тела.

Старик успел дойти до знаменитой рощи, когда услышал позади тяжелый топот. К нему несся варяг с мечом. Делать было нечего, Старик остановился и всем корпусом повернулся к врагу…

Но он был не один. В зарослях скрывались двое. Они приехали из города еще до рассвета. Им хотелось полюбоваться экзотическим зрелищем, увидеть высадку варягов, которые, если говорить правду, еще вчера были не варягами, а тевтонскими рыцарями. Отец с дочкой стояли подле своей заэкранированной машины, невидимые постороннему глазу.

Варяг-рыцарь был уже в десяти шагах от Старика. Девочка вцепилась в отцовскую руку.

— Успокойся, — сказал отец. — Ты же знаешь, что они не настоящие.

Девочка вдруг заплакала. Старик был так беззащитен, глаза его расширились от ужаса, он дышал часто и коротко, словно загнанный…

Старик лежал в траве. Он не был убит, хотя лежал совершенно неподвижно. Автомобиль медленно выехал на дорогу. Отец хмурился, а девочка на заднем сидении безмятежно улыбалась.

— Мало тебе вчерашней двойки по истории, — сказал отец. — Что мы скажем учительнице? У тебя нет ни малейшего представления о быте древних народов.

Все кончилось. Оставшиеся в живых разбойники, подняв лохматый от старости парус, уходили

бесславным обратным курсом.

Мальчик сидел на завалинке. Вдоволь налаявшись, Собака презрительно отвернулась от берега и направилась к Мальчику усталой походкой победителя. Морда ее была вымазана чем-то красным, правда, это была не кровь.

Мальчик погладил Собаку.

— Если бы не ты, — сказал он, — эти дикари разломали бы нас на мелкие кусочки. Ты молодец. Ты храброе, верное существо. Скажи, ты ведь, наверно, не знала, что роботы не могут причинять вред живым созданиям?

К закату солнца жизнь вошла в нормальную колею. Мальчик ходил с палочкой, в схватке ему изуродовали ногу. Старик, по обыкновению, спал, только уж не на траве, а на печке. Казалось, все плохое позади.

Но через два дня к избушке подкатила длинная серебристая машина. Человек в синем комбинезоне, вышедший из машины, не был похож на туриста. Лицо озабоченное, взгляд пронзительный. Старик показался на пороге, но не произвел на гостя никакого впечатления. Человек спросил его имя, Старик растерялся. Внимательно с ног до головы оглядев Старика, синий человек задал несколько коротких вопросов. Старик оконча-

тельно потерял голову и начал заикаться.

Не спрашивая разрешения, незнакомец вошел в дом. «Ррр!» — злобно сказала Собака.

— Это — Собака, — объяснил Мальчик.

— Вижу. Откуда она взялась? — спросил синий.

— Сама пришла.

— Хорошая собака, — сказал человек. Он повернулся и вышел из избушки, удостоив Мальчика беглым взглядом. Послышался звук мотора; гость уехал.

— Кто это был? — спросил Старик.

Мальчик вздохнул и ничего не ответил.

Автомобиль вернулся через каких-нибудь два часа. Синий человек на этот раз остановился метрах в ста от дома. Из машины вылезли двое — благообразный старец с длинной белой бородой и мальчик в белой рубахе.

Человек уехал, а эти двое остались. Старый Мальчик вышел из избушки: Он опирался на палку, с левой стороны его поддерживал Старик.

— Привет, — сказали приезжие. — Очень жаль, но инспектор решил, что после вчерашних событий персонал вашего объекта нужно сменить. Инспектор говорит, что это очень важный туристический объект.

— Когда? — спросил Мальчик.

— Да хоть сейчас. Инспектор говорит, сюда едет большая экскурсия. Так что, того, поторопитесь. Вам надлежит явиться на пункт тридцать семь бис.

— Эй! — Мальчик свистнул.

Собака подбежала к нему.

— Пошли. Мы здесь больше не нужны.

— Э, нет, — вмешался новый Мальчик. — Собака останется с нами. Инспектор сказал: она хорошо вписалась в быт древних. Не бойся, — добавил он. — Мы будем за ней хорошо ухаживать.

— Ладно, — сказал старый Мальчик. — Раз инспектор сказал, мы ее оставим.

Собака не отрываясь смотрела на Мальчика, стараясь понять, в чем дело.

— Идем, — сказал Мальчик Старику. И они двинулись в сторону дороги.

— Стой! Эй, ты! Куда ты? — закричали сзади. Мальчик услышал за спиной собачье дыхание.

— Ай-яй-яй, — сказал он, поворачиваясь. — Как тебе не стыдно. Такая умная собака, культурная собака, хорошая собака. И вдруг так поглупела. Ведь мы же с тобой договорились. Ты слышала, что сказал инспектор? А, Собака?

Собака смотрела на него.

— Ну, вот видишь. Иди к ним. К ним. Вот твои

новые хозяева.

Собака, казалось, согласилась, но стоило ему тронуться с места, как она поплелась за ним.

— Что мне делать? — заплакал Мальчик. — Я не могу ее прогнать. Не уйдешь? — спросил он снова. — Тогда получай!

Он стукнул Собаку палкой. Собака отбежала на несколько шагов и остановилась, поджав хвост.

К Мальчику подошли новые хозяева. Старец сурово произнес:

— Первый параграф Кодекса. Ты поднял руку на живое существо.

Мальчик не сопротивлялся. Он сам вынул у себя из груди маленький металлический цилиндр и молча, со странным звуком повалился в траву.

— Иди ко мне! — позвал новый Мальчик. Собака не обратила на него никакого внимания. Подумав, она повернулась и медленно затрусила в сторону запретной рощи.

№ 9

Борис Штерн

Чья планета?

Земной разведывательный звездолет брел в скоплении звездной пыли. Место было — мрачное, неизученное, и земляне искали здесь и везде

кислородные миры — дышать уже было нечем. Поэтому когда звездолет подошел к кислородной планете, робот Стабилизатор заорал нечеловеческим голосом: «Земля!», и майор Бел Амор проснулся.

Тут же у них произошел чисто технический разговор, разбавленный юмором для пущего интересу; разговор, который должны произносить многострадальные герои фантастического жанра в порядке информации читателя, — о заселении планет, о разведке в космосе, о трудностях своей работы. Закончив сей нудный разговор, они вздохнули свободней и занялись делом: нужно было ставить бакен.

Что такое бакен? Это пустой контейнер с передатчиком. Он сбрасывается на орбиту и подает сигнал: «Владения Земли, владения Земли, владения Земли...» На этот сигнал устремляются могучие звездолеты с переселенцами.

Все дела.

Несколько слов о Бел Аморе и Стабилизаторе. Бел Амор — плотный мужчина, глаза голубые, подбородок со складочкой. Не дурак, но умен в меру. Биография не представляет интереса. О Стабилизаторе и того меньше. Трехметровый робот. Не дурен собой, но дурак отменный. Когда

Бел Амор бездельничает, Стабилизатор работает: держится за штурвал, глядит на приборы.

Их придется на время покинуть, потому что события принимают неожиданный оборот. С другого конца пылевого скопления к планетке подкрадывается нежелательная персона — звездолет внеземной цивилизации. Это военный крейсер, он патрулирует окрестности и при случае не прочь застолбить подходящее небесное тело. Его цивилизации как воздух нужна нефть… что-то они с ней делают.

В капитанской рубке сидит важный чин — жаба с эполетами. Команда троекратно прыгает до потолка; открыта планета с нефтью, трехмесячный отпуск обеспечен. Крейсер и земной разведчик подходят к планете и замечают друг друга.

Казус.

— У них пушки! — шепчет Стабилизатор.

— Сам вижу, — ответствует Бел Амор.

В Галактике мир с недавних пор. Навоевались здорово, созвездия в развалинах, что ни день кто-нибудь залетает в минные поля. Такая была конфронтация. А сейчас мир; худой, правда. Любой инцидент чреват, тем более есть любители инцидентов. Вот к примеру: рядом с жабой, украшенной эполетами, сидит жабий помощник

старший лейтенант Энфикс. Это жаба без моральных устоев. Плевать на соглашение, квакает он. Один выстрел, и никто не узнает. А узнают — принесем извинения. Много их расплодилось, двуногих. Военный крейсер ни во что не ставят.

Есть и такие.

Будьте благоразумны, отвечает ему жаба с эполетами. В последнюю войну вы еще головастиком были, а я уже командовал Энской ракетной дивизией. Вы слышали о судьбе нейтральной цивилизации Волопаса? Клубы пепла до сих пор не рассеялись. Так что если хотите воевать, женитесь на эмансипированной лягушке и ходите на нее в атаку. А инструкция гласит: с любым пришельцем по спорным вопросам завязывать переговоры.

У Бел Амора инструкция того же содержания.

Гигантский крейсер и двухместный кораблик сближаются.

— Вас тут не было, когда мы подошли!

— Мы подошли, когда вас не было!

Бел Амор предлагает пришельцам отчалить подобру-поздорову. Это он хамит для поднятия авторитета.

— Послушайте! — вежливо отвечает чин с эполетами. — На службе я военный, а по натуре

пацифист. Такое мое внутреннее противоречие. Мой помощник советует решить дело одним выстрелом, но если начнется новая война, я не перенесу моральной ответственности. Давайте решать мирно.

Бел Амор соглашается, предварительно высказав особое мнение о том, что с пушками и он не прочь вести мирные переговоры.

Тут же вырабатывается статус переговоров. Мы должны исходить, предлагает Бел Амор, из принципа равноправия. Хоть у вас и крейсер, а у меня почтовая колымага, но внешние атрибуты не должны влиять на переговоры. Со своей стороны крейсер вносит предложение о регламенте. Крейсер настаивает: вести переговоры до упаду, пока не будет принято решение, удовлетворяющее обе стороны. Судьба планеты должна быть решена.

Вот отрывки из стенограммы переговоров. Ее вели на крейсере и любезно предоставили копию в распоряжение землян.

«*7 августа, первый день переговоров.*

Генерал Птерикс. Не надо грубостей. Будем решать мирно.

Майор Амор. Рассмотрим вопрос о передаче нашего спора в межцивилизационный арбитраж?

Птерикс. Ох уж эти мне цивильные… по судам затаскают.

Бел Амор. Ну… если вы так считаете…

Птерикс. Предлагаем не обсуждать вопрос о разделе планеты. Она должна принадлежать одной из сторон.

Бел Амор. Заметано.

Птерикс. Будут ли еще предложения?

Бел Амор. Ничего в голову не лезет.

Птерикс. Предлагаю сделать перерыв до утра. По поручению команды приглашаю вас на скромный ужин.

8 августа, второй день.

Бел Амор. Наша делегация благодарит за оказанный прием. В свою очередь приглашаем вас отобедать.

Птерикс. Приглашение принимаем. Однако к делу. Предлагаю опечатать корабельные хронометры. Там должно быть зафиксировано точное время обнаружения планеты. Таким образом можно установить приоритет одной из сторон.

Бел Амор. Где гарантии, что показания вашего хронометра не подделаны?

Птерикс (обиженно). За вас тоже никто не поручится.

Бел Амор. Кстати, обедаем мы рано и не хотели бы нарушать режим.

Птерикс. В таком случае пора закругляться.

Бел Амор. Еще одно. Захватите с собой вашего помощника, старшего лейтенанта Энфикса. Я хочу с ним побеседовать.

12 августа, шестой день.

Неизвестное лицо с крейсера. Эй, на шлюпке, как самочувствие?

Стабилизатор. У майора Амора с похмелья болит голова. Он предлагает отложить переговоры еще на день.

Неизвестное лицо. Генерал Птерикс и старший лейтенант Энфикс тоже нездоровы после вчерашнего ужина. Генерал приглашает вас на завтрак.

26 августа, двадцатый день.

Генерал Птерикс. Ну и…

Майор Бел Амор. А она ему говорит…

Птерикс. Не так быстро, майор. Я не успеваю записывать.

16 сентября, сорок первый день.

Бел Амор. Генерал, переговоры зашли в тупик, а припасов у меня осталось всего на два дня.

Птерикс. Старший лейтенант Энфикс! Немедленно поставить майора Бел Амора и робота Стабилизатора на полное крейсерское довольствие!

Энфикс (радостно). Слушаюсь, мой генерал!

3 октября, пятьдесят восьмой день.

Во время завтрака генерал Птерикс вручил майору Бел Амору орден Зеленой Кувшинки и провозгласил тост в честь дружбы землян и андромедян. Майор Бел Амор выступил с ответной речью. Завтрак прошел в сердечной обстановке. Вечером майор Бел Амор наградил генерала Птерикса похвальной грамотой.

11 декабря, сто двадцать седьмой день.

Бел Амор. Четыре месяца мы здесь торчим! Надо решать, наконец!

Птерикс. Команда предлагает стравить наших роботов, пусть дерутся. Чей робот победит, тому достанется планета.

Бел Амор. В принципе я согласен. Спрошу Стабилизатора.

Стабилизатор… (Далее в стенограмме неразборчиво).

12 декабря, сто двадцать восьмой день.

Утром в космическое пространство вышли робот Стабилизатор (Солнечная Система) и робот Жбан (Содружество Андромедян). По условиям поединка роботы должны были драться на кулаках без ограничения времени, с перерывами на обед. Жбан и Стабилизатор, сблизившись, подали друг другу руки и заявили, что они, мирные роботы, отказываются устраивать между собой бойню.

По приказу генерала Птерикса робот Жбан получил десять суток гауптвахты за недисциплинированность. Майор Бел Амор сказал Стабилизатору: «Я т-те покажу!», однако дисциплинарного взыскания не наложил и ничего такого не показал.

1 февраля, сто семьдесят девятый день.

Птерикс. Мне уже все надоело. Меня в болоте жена ждет. Я бы давно ушел, если бы не вы.

Бел Амор. Давайте вместе уйдем.

Птерикс. Так я вам и поверил.

Стабилизатор (что-то бормочет).

Бел Амор. Генерал, у меня появилась мысль! Давайте отойдем в сторону и организуем гонки. Кто первый подойдет к планете — поставит бакен.

Птерикс. Я не знаю скорости вашей шлюпки.

Бел Амор. А я — скорости вашего крейсера. Риск обоюдный.

(Далее в стенограмме следует уточнение деталей, и на этом текст обрывается.)

В десяти световых годах от планеты нашли астероид и решили стартовать с него. Гонки проходили с переменным успехом. Сначала Бел Амор вырвался вперед, а крейсер все еще не мог оторваться от астероида. Генерал Птерикс буйствовал, обещал то всех разжаловать, то повысить в звании того, кто поднимет в космос эту рухлядь. Старший лейтенант Энфикс стал капитаном: он спустился в машинное отделение и, применив особо изощренную брань, помог кочегарам набрать первую космическую скорость.

К половине дистанции оба звездолета сравнялись и плелись со скоростью 2 св. год/час; плелись до тех пор, пока у Бел Амора не оторвался двигатель.

— У вас двигатель оторвался! — радировали с крейсера.

— Прыгать надо! — запаниковал Стабилизатор и выбросился в космическое пространство.

Бед Амор сбавил скорость и осмотрелся. Положение было паршивое. Еще немного — и того…

На последних миллиардах километров крейсер вышел вперед и первым подошел к планете. Тем гонки и закончились.

Для Бел Амора настало время переживаний, но переживать неудачу ему мешал Стабилизатор. Он плавал где-то в пылевом скоплении и просился на борт.

— Пешком дойдешь! — отрезал Бел Амор. — Как драться, так на попятную? Принципы не позволили?

— Умом надо было брать, — уныло отвечал Стабилизатор.

Бел Амор вздохнул и… навострил уши. Генерал на планете с кем-то неистово ссорился.

— Вас тут не было, когда мы были! — кричал генерал. — У меня есть свидетель! Он сейчас подойдет.

Незнакомый голос возразил:

— Тут никого не было, когда я подошел. Вы мешаете мне ставить бакен!

— У меня есть свидетель! — повторял генерал Птерикс.

— Не знаю я ваших свидетелей. Я открыл эту каменноугольную планету для своей цивилизации и буду защищать ее до победного конца!

Бел Амор приблизился и увидел на орбите

огромный незнакомый звездолет; крейсер рядом с ним не смотрелся.

— Таки да, свидетель… — удивился незнакомец, заметив Бел Амора. — В таком случае предлагаю обратиться в межцивилизационный арбитраж.

Генерал Птерикс застонал. У Бел Амора появилась надежда.

— Генерал! — сказал он. — Вы же видите… Давайте разделим планету на три части, а потом наши цивилизации без нас разберутся.

— Почему на три части? — удивился новый голос. — А меня вы не принимаете во внимание?

— Это еще кто??

К планете подходила какая-то допотопина, паровая машина, а не звездолет. Там захлебывались от восторга:

— Иду, понимаете, мимо, слышу, ругаются, чувствую, чем-то пахнет, дай, думаю, сверну, спешить некуда, вижу, планетка с запасами аш-два-о, да у нас за такие планетки памятники ставят!

— Вас тут не было! — взревели хором Бел Амор, Птерикс и незнакомец.

— По мне — не имеет значения, — отвечала паровая машина. — Прилетели — ставьте бакен. Бакена нет — я поставлю.

— Только попробуйте!

— А что будет?

— Плохо будет.

— Ну, если вы так настроены… — разочарованно отвечала паровая машина. — Давайте тогда поставим четыре бакена… О, глядите, еще один!

Увы, она не ошиблась: появился пятый. Совсем маленький. Он шел по низкой орбите над самой атмосферой.

— Что?! Кто?! — закричали все. — Пока мы тут болтаем, он ставит бакен! Каков негодяй! Вас тут не..

— Это не звездолет, — пробормотал генерал Птерикс, присмотревшись. — Это бакен! Кто посмел поставить бакен?! Я пацифист, но я сейчас буду стрелять!

Это был бакен. Он сигналил каким-то незарегистрированным кодом.

Все притихли, прислушались, пригляделись. Низко-низко плыл бакен над кислородной, нефтяной, каменноугольной, водной планетой; и планета уже не принадлежала никому из них.

У Бел Амора повлажнели глаза, незнакомец прокашлялся, сентиментально всхлипнула паровая машина.

— Первый раз в жизни… — прошептал генерал

Птерикс и полез в карман за носовым платком. — Первый раз присутствую при рождении… прямо из колыбельки…

— По такому случаю не грех… — намекнула паровая машина.

— Идемте, идемте… — заторопился незнакомец. — Нам, закостеневшим мужланам и солдафонам, нельзя здесь оставаться.

Бел Амор не отрываясь глядел на бакен.

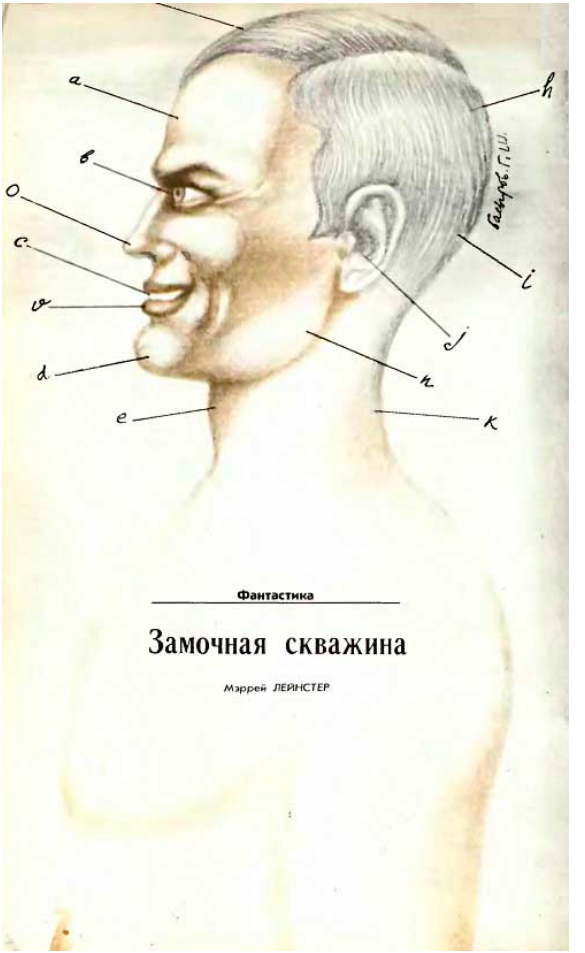
Бакен сигналил и скрывался за горизонтом.

Это был не бакен. Это был первый искусственный спутник этой планетки.

№ 10

Мэррей Лейнстер

Замочная скважина



Фантастика

Замочная скважина

Мэррей ЛЕЙНСТЕР

Говорят, один ученый психолог взялся проверить, насколько разумны шимпанзе. Привел он обезьяну в комнату, полную игрушек, вышел, закрыл дверь и хотел подсмотреть, как ведет себя шимпанзе. Заглянул в замочную скважину, а там, совсем близко, блестит пытливый карий глаз. Шимпанзе подсматривает в замочную скважину, как ведет себя психолог.

Когда Ляпу доставили на базу в кратере Тихо и в шлюзовом отсеке включились гравитационные устройства, он совсем сник. Да и вообще какое-то невозможное существо. Только и есть, что огромные глазищи, тощие ручки и ножки, явно совсем еще малыш, и ему не нужен воздух, чтобы дышать. Пленника вручили Уордену — бессильный клубочек взъерошенной шерсти с полными ужаса глазами.

— Вы что, спятили? — гневно спросил Уорден. — Разве можно было вот так его сюда втащить? Ребенка с Земли вы бы сунули туда, где сила тяжести в восемь раз больше? Пропустите, живо!

И он кинулся в «детскую», загодя приготовленную для кого-нибудь вроде Ляпы. В одном конце «детской» устроена была точная подделка под лунную жилую пещеру. В другом — школьный

класс, совсем как на Земле. Гравиторы под «детской» не включались, чтобы у лунного жителя сохранялся его естественный вес.

Гравиторы поддерживали всюду на базе обычную земную силу тяжести. Иначе люди постоянно страдали бы морской болезнью. Ляпу сразу принесли в отсек, приспособленный для землян, и он не в силах был хотя бы приподнять тощую мохнатую лапку.

Но в детской все стало по-другому. Уорден опустил найденыша на пол. Ему-то было не по себе, ведь он здесь весил всего лишь двадцать фунтов вместо обычных ста шестидесяти. Его шатало и качало, как всякого человека на Луне, когда ему не помогают сохранять равновесие гравиторы.

Зато для Ляпы тяготение тут было привычное. Он развернулся и вдруг стрелой метнулся через всю детскую к приготовленной заранее пещерке. Ее сработали на совесть, точь-в-точь как настоящую. Были тут камни, обтесанные наподобие дурацкого колпака высотой в пять футов, — такие неизменно находили в поселениях Ляпиного племени. Был и подвижный камень вроде яйца на опоре из уложенных столбиком плоских плит. А еще камни, заостренные точно наконечник копья, закреплены проволокой к полу — мало ли

что придет Ляпе в голову…

К ним-то, таким знакомым, привычным, бросился Ляпа. Вскарабкался на одну из узких пирамидок, на самый верх, обхватил ее руками и ногами. И замер. Уорден наблюдал. Долгие минуты Ляпа не шевелился, казалось, он пытливо разглядывает все, что можно увидеть вокруг, когда глаза — и те неподвижны.

Вдруг он повел головой. Всмотрелся — что еще есть кругом. Затем шевельнулся в третий раз и вперил в Уордена до странности упорный пристальный взгляд — не понять было, то ли страх в этом взгляде, то ли мольба.

— Гм… так вот для чего эти камни, — сказал Уорден. — Это насест, или гнездо, или постель, так? Я — твоя нянька, приятель. Скверную шутку мы с тобой играем, но иначе нам никак нельзя.

Он знал, что Ляпе его не понять, но все равно разговаривал с ним, как говорят с собакой или с младенцем. Смысла в этом нет, однако это необходимо.

— Мы из тебя сделаем предателя твоих сородичей, — невесело продолжал Уорден. — Не по душе мне это, но так надо. А потому я с тобой буду добрый и ласковый, иначе наша хитрая затея не выгорит. Вот если б я тебя убил, это было бы

по-настоящему доброе дело… но чего не могу, того не могу.

Ляпа все не шевелился и не сводил с Уордена немигающих глаз. Немного, самую малость он походил на земную обезьянку. С виду совершенно невозможное существо, но при этом трогательное.

— Ты у себя в детской, Ляпа, — с горечью сказал Уорден. — Будь как дома!

Он вышел и закрыл за собой дверь. И оглядел телеэкраны, по которым с четырех разных точек зрения можно было следить за тем, что происходит в детской. Довольно долго Ляпа не шевелился. Потом соскользнул на пол. На сей раз он даже не поглядел в сторону пещерки.

С любопытством перешел он в тот конец детской, где собраны были предметы человеческого обихода. Оглядел каждую мелочь непомерно огромными кроткими глазами. Каждую мелочь потрогал крохотными лапками, неправдоподобно похожими на человеческие руки. Но ко всему прикасался легко, осторожно. Все осмотрел, но ничего не сдвинул с места.

Потом торопливо вернулся к своей пирамидке, вскарабкался наверх, опять крепко обхватил ее руками и ногами, несколько раз кряду помигал

и, казалось, уснул.

Так и застыл неподвижно с закрытыми глазами; Уордену наконец надоело смотреть, и он ушел.

Вся эта нелепая история его злила. Первые люди, которым предстояло высадиться на Луне, знали: это мертвый мир. Астрономы сто лет об этом твердили, и первые две экспедиции, которые достигли Луны, не нашли на ней ничего такого, что противоречило бы общепринятой теории.

Но один из участников третьей экспедиции заметил среди круто взметнувшихся в небо лунных скал какое-то движение и выстрелил — так открыто было племя Ляпы. Конечно же, никому и не снилось, что там, где нет ни воздуха, ни воды, возможна жизнь. И однако вот так, без воздуха и без воды, существовали сородичи Ляпы.

Труп первого убитого на Луне существа доставили на Землю, и тут биологи вознегодовали. У них в руках оказался экземпляр, который можно было вскрыть и изучить, а они все равно твердили, что такого существа на свете нет и быть не может. Вот почему и четвертая, и пятая, и шестая экспедиции усердно охотились на родичей Ляпы, добывали новые экземпляры во имя прогресса

науки.

Два охотника из шестой экспедиции погибли, их скафандры оказались проколоты — похоже, каким-то оружием. От седьмой экспедиции не осталось в живых ни одного человека. По-видимому, сородичам Ляпы совсем не понравилось, что их отстреливают на потребу земным ученым.

Наконец, прибыла на четырех кораблях десятая экспедиция, основала базу в кратере Тихо, и только тогда люди поверили, что все-таки можно высадиться на Луне и не сложить здесь головы. Однако на базе всем было неспокойно, будто в осажденной крепости.

Уорден доложил на Землю: группа, выехавшая на самоходе, поймала лунного детеныша и доставила на базу Тихо. Детеныш находится в заранее приготовленном помещении. Он цел и невредим. Судя по всему, воздух, пригодный для людей, ему хоть не нужен, но и не мешает. Это существо деятельное, подвижное, явно любопытное и, несомненно, очень смышленое.

До сих пор не удалось догадаться, чем оно питается (если оно вообще нуждается в пище), хотя у него, как и у других добытых ранее экземпляров, есть рот и во рту заостренные наросты — возможно, подобие зубов. Уорден, разумеется, будет

подробно докладывать о дальнейшем. Сейчас он дает Ляпе время освоиться с новой обстановкой.

Покончив с докладом, Уорден уселся в комнате отдыха, хмуро покосился на своих ученых коллег и, хотя на телеэкране шла передача с Земли, попробовал собраться с мыслями. Не по душе ему эта работа, очень не по душе, но ничего не попишешь — надо. Ляпу надо приручить. Надо внушить ему, что он тоже человек — для того, чтобы люди могли понять, как истребить его сородичей.

На Земле давно уже замечали, что котенок, вскормленный вместе со щенятами, считает себя собакой, и даже утки, выросшие в доме, лучше чувствуют себя среди людей, чем среди других уток. Иные говорящие птицы, на редкость сообразительные, явно считают себя людьми и соответственно себя ведут. Если такие задатки окажутся и у Ляпы, он предаст своих сородичей и сослужит немалую службу людям. Это необходимо!

Людям нужна Луна, нужна — и все тут. На Луне сила тяжести в шесть раз меньше земной. Грузовые ракеты летают с Земли на Луну и обратно, но не построен еще корабль, способный нести достаточно горючего для полета на Марс или на

Венеру, если надо сперва оторваться от Земли.

А вот если на Луне устроить склад горючего, все станет просто. Шесть баков с горючим тут будут весить не больше, чем один на Земле. И вес самого корабля здесь будет в шесть раз меньше. А значит, ракета может взлететь с Земли, имея на борту десять баков, дозаправиться на Луне и помчаться дальше, унося двести баков, а то и побольше.

Получив заправочную станцию на Луне, люди смогут завоевать всю солнечную систему. Без Луны человечество останется приковано к Земле. Людям нужна Луна!

А сородичи Ляпы этому помеха. Весь опыт человечества утверждает, что в условиях Луны — без воздуха, в пустыне, где чудовищная жара сменяется таким же чудовищным холодом, — никакая жизнь невозможна. И однако она здесь есть, жизнь. Сородичи Ляпы не дышат кислородом. По-видимому, он входит в их пищу — сочетание каких-то минералов, а потом соединяется с другими минералами в самом организме и дает ему тепло и энергию.

Кальмары и прочие головоногие кажутся людям странными существами, потому что в их кровообращении участвует не железо, но медь,

а вот в крови Лялиного племени, видимо, роль железа или меди играют какие-то сложные углеродные соединения. Существа эти в какой-то мере явно разумны. Они пользуются орудиями, обтесывают камень, и длинные, острые, как иглы, кристаллы, служат им метательным оружием.

Металла у них в обиходе, понятно, нет, ведь без огня его не на чем плавить. А откуда взяться огню там, где нет воздуха? Но были же в древности пытливые умы, рассуждал Уорден, плавили металлы и зажигали дерево при помощи зеркал, сводящих в фокус солнечные лучи. Сумей соплеменники Ляпы сработать зеркала, изогнутые, как зеркала земных телескопов, — и на поверхности Луны, которую не заслоняют от Солнца ни воздух, ни облака, они могли бы получить и металлы. И вдруг Уордену стало не по себе. Почудилось чье-то внезапное движение, и он круто обернулся. Но только и увидел на телеэкране передачу с Земли — комика в дурацком колпаке. Все смотрели на экран.

Тут комика с головой захлестнуло мыльной пеной, и зрители в телестудии за двести тридцать тысяч миль отсюда захохотали и зааплодировали столь изысканному остроумию. На лунной базе в кратере Тихо эта сценка почему-то показалась

отнюдь не забавной.

Уорден встал, встряхнулся. Пошел опять проверить по экранам, что делается в детской. Ляпа все так же неподвижно висел на нелепой каменной пирамидке. Глаза его были закрыты. Всего лишь жалкий мохнатый клубочек, который выкрали с безвоздушных лунных пустынь, чтобы обратить в предателя его же племени.

Уорден прошел к себе и лег. Но прежде чем уснуть, подумал, что, пожалуй, для Ляпы еще не все потеряно. Никому не известно, какой у него обмен веществ. Никто понятия не имеет, чем он питается. Возможно, он умрет с голоду. Это было бы для него счастьем. Но прямая обязанность Уордена — этого не допустить.

Сородичи Ляпы воюют с людьми. За самоходами, выезжающими с базы (на Луне они стали необычайно быстроходными), из расселин в скалах, из-за разбросанных повсюду несчетных каменных глыб следят большеглазые мохнатые твари.

В пустоте мелькают острые как иглы камни — метательные снаряды. Они разбиваются о корпус самоходов, о борта, но случается им и застрять в гусеницах или даже перебить звено, и самоход останавливается. Кто-то должен выйти наружу,

извлечь каменный клин, починить перебитое звено. И тогда на него обрушивается град заостренных камней.

Каменная игла, летящая со скоростью сто футов в секунду, на Луне наносит удар ничуть не менее жестокий, чем на Земле, и притом летит дальше. Скафандры пробивает насквозь. Люди умирают. Гусеницы самоходов укрепили броней, для ремонтных работ уже готовятся специальные скафандры из особо прочных стальных пластин.

Люди в ракетных кораблях достигли Луны — и вынуждены облачиться в латы, словно средневековые рыцари! Идет война. Нужен предатель. И на роль предателя избран Ляпа.

Когда Уорден опять вошел в детскую, — дни и ночи на Луне тянутся по две недели, и внутри базы люди с ними не считаются, — Ляпа взметнулся на свою пирамидку и прильнул к вершине. Перед тем почему-то крутился у каменного яйца. Оно все еще слегка раскачивалось на плоской опоре. А Ляпа изо всех сил прижался к верхушке пирамиды, будто хочет слиться с ней воедино, и не сводит загадочного взгляда с Уордена.

— Не знаю, достигнем ли мы чего-нибудь, — непринужденно заговорил Уорден. — Может быть, если я тебя трону, ты полезешь в драку.

Все-таки попробуем.

Он протянул руку. Мохнатый комочек — не горячий и не холодный, той же температуры, что и воздух на базе, — отчаянно сопротивлялся. Но Ляпа был совсем еще малыш. Уорден отлепил его от пирамидки и перенес в другой конец детской — тут были парта, доска, все, как положено в классе. Ляпа свернулся в клубок, смотрел испуганно.

— Подлец же я, что обращаюсь с тобой по-хорошему, — сказал Уорден. — На, вот тебе игрушка.

Ляпа зашевелился у него в руках. Часто замигал. Уорден опустил его на пол и завел маленькую механическую игрушку. Та двинулась с места. Ляпа внимательно смотрел. А когда завод кончился, поглядел на Уордена. Уорден опять завел игрушку. И опять Ляпа был весь внимание. Когда завод снова кончился, крохотная лапка, так похожая на человеческую, потянулась к игрушке.

На удивленье осторожно, испытующе Ляпа попробовал повернуть ключ. Не хватило силенки. Ещё мгновенье — и он уже скачет через всю комнату к своей пещере. Головка ключа — металлическое кольцо. Ляпа надел кольцо на острие метательного камня и стал поворачивать игрушку. Завел ее. Поставил на пол и смотрит, как она движется. Уорден только рот раскрыл.

— Ну, голова! — сказал он с досадой. — Вот беда, Ляпа. Ты понимаешь, что такое рычаг. Соображаешь не хуже восьмилетнего мальчишки! Плохо твое дело, приятель!

Когда настал очередной сеанс связи, он доложил обо всем на Землю. Ляпу можно обучать. Довольно ему раз, от силы два посмотреть, как что делается, и он в точности это повторит.

— К тому же, — как мог бесстрастно прибавил Уорден, — он меня больше не боится. Понимает, что я хочу быть с ним в дружбе. Когда я носил его на руках, я с ним разговаривал. Он ощущал мой голос по грудной клетке, как по резонатору. А перед уходом я опять взял его на руки и заговорил. Он посмотрел, как шевелятся мои губы, и приложил лапу к моей груди, чтобы ощутить колебания. Я положил его лапу на горло себе. Здесь дрожь ощутимей. Он был весь внимание. Не знаю, как вы расцените его сообразительность, но он умнее наших малышей.

И еще того бесстрастней Уорден докончил:

— Я крайне озабочен. К вашему сведению, мне совсем не нравится затея истребить эту породу. У них есть орудия, они разумны. Я считаю, что надо попытаться как-то вступить с ними в переговоры… попытаться завязать с ними дружбу.

Не убивать их больше ради анатомических исследований.

Передатчик молчал полторы секунды, которые требовались, чтобы голос Уордена достиг Земли, и еще полторы секунды, пока до него дошел ответ. И вот он услышал бодрый голос того, кто сидел на связи:

— Очень хорошо, мистер Уорден! Слышимость была прекрасная!

Уорден пожал плечами. Лунная база в кратере Тихо — сугубо официальное учреждение. Все, кто работает на Луне, конечно же, специалисты высокой квалификации, и притом политики не желают подвергать их драгоценную жизнь опасности, но… на Земле делами Бюро космических исследований заправляют люди, которые держатся за свои посты и жалованье. Уорден мог только пожалеть Ляпу и всех Ляпиных сородичей.

В прошлый раз, идя на урок в детскую, Уорден прихватил с собой пустую жестянку из-под кофе. Заговорил в нее как в рупор и показал Ляпе, что дну ее передается та же дрожь, какую Ляпа чувствовал на горле Уордена. Ляпа усердно проделывал опыт за опытом. И самостоятельно сделал открытие: чтобы уловить колебания, надо направить жестяную трубку в сторону человека.

Уорден совсем приуныл. И зачем только Ляпа такой рассудительный? Однако на следующем уроке он преподнес малышу обруч, затянутый тоненькой металлической пленкой. Ляпа мигом смекнул, что к чему.

Во время очередного доклада на Землю Уорден по-настоящему злился.

— Конечно, Ляпа не знал прежде, что такое звук, как это знаем мы, — сказал он резко. — На Луне нет воздуха. Но звук передается через скалы. Ляпа чувствует колебания в плотных телах, как глухой человек «слышит» дрожь пола в зале, где танцуют, если музыка достаточно громкая. Возможно, у Ляпиного племени есть язык или звуковой код, который передается через каменистую почву. Безусловно, эти существа как-то общаются друг с другом! А если они разумны и обладают средствами общения, значит, они не животные и нельзя их истребить ради нашего удобства!

Он замолчал. На связь с ним в этот раз вышел главный биолог Бюро космических исследований. После неизбежного перерыва с Земли донесся любезный ответ:

— Блестяще, Уорден! Блестящее рассуждение! Но нам приходится быть дальновиднее. Планы исследования Марса и Венеры весьма популярны.

Если мы рассчитываем получить необходимые средства, — а этот вопрос не сегодня-завтра будет поставлен на голосование, — нам необходимо сделать новые шаги к ближайшим планетам. Население Земли этого требует. Если мы не начнем строить на Луне заправочную станцию, люди перестанут поддерживать наши планы!

— Ну, а если я пришлю на Землю снимки Ляпы? — настойчиво сказал Уорден. — В нем очень много человеческого, сэр! Он необыкновенно трогательный. И это характер, личность! Две-три пленки, где Ляпа снят за уроками, наверняка завоюют ему симпатии!

И снова досадная проволочка — надо ждать, пока голос его со скоростью света одолеет четверть миллиона миль и пока из этой дали долетит ответ.

— Эти… э-э… лунные твари убили несколько человек, Уорден. — В голосе главного биолога звучало сожаление. — Люди эти прославлены как мученики науки. Мы не можем распространять благоприятные сведения о существах, которые убивали людей! — И главный биолог прибавил любезно: — Но вы работаете с блеском, Уорден, просто с блеском! Продолжайте в том же духе!

И лицо его на экране померкло. Уорден отвер-

нулся, свирепо выругался. Он успел привязаться к Ляпе. Ляпа ему доверяет. Теперь каждый раз, как он входит в детскую, Ляпа соскальзывает со своего дурацкого насеста и поскорей взбирается к нему на руки.

Ляпа до смешного мал, росту в нем каких-нибудь восемнадцать дюймов. Здесь, в детской, где установлено обычное лунное тяготение, он до нелепости легкий и хрупкий. Но как серьезен этот малыш, как усердно впитывает все, чему учит, что показывает ему Уорден!

Его все еще увлекает удивительное новое явление — звук. Как завороженный, слушает он песню или мурлыканье без слов, даже когда напевает или что-то мурлычет себе под нос Уорден. Стоит Уордену шевельнуть губами, и Ляпа настораживается, поднимает обруч, затянутый металлической пленкой и, прижав к ней крохотный палец, ловит колебания Уорденова голоса.

Притом он усвоил мысль, которую старался ему внушить Уорден, и даже несколько возгордился. Он общается с человеком — и раз от разу все больше перенимает человеческие повадки. Однажды, глядя на экраны, помогающие шпионить за Ляпой, Уорден увидел, как тот в одиночестве старательно повторяет каждый его, Уордена, шаг,

каждое движение. Разыгрывает из себя учителя, который дает урок кому-то, кто еще меньше него самого. Разыгрывает роль Уордена — явно для собственного удовольствия!

Уорден ощутил ком в горле. До чего же он полюбил этого малыша. Горько думать, что ушел он сейчас от Ляпы, чтобы помочь техникам смастерить устройство из вибратора с микрофоном — машинку, которая станет передавать его голос колебаниями каменистой почвы и мгновенно ловить любые ответные колебания.

Если соплеменники Ляпы и вправду общаются между собой постукиванием по камню или каким-то сходным способом, люди смогут их подслушивать… и отыскивать их, и узнавать, где готовится засада, и обратить против них все смертоносные средства, какими умеет воевать человечество.

Уорден надеялся, что машинка не сработает. Но она удалась. Когда он поставил ее в детской на пол и заговорил в микрофон, Ляпа сразу почувствовал колебания под ногами. И понял, что это те же колебания, какие он научился различать в воздухе.

Он подпрыгнул, подскочил от восторга. Ясно было, он безмерно рад и доволен. А потом кро-

хотная нога неистово затопала и зачертила по полу. И микрофон передал странную смесь — то ли стук, то ли царапанье. Ляпа передавал что-то, похожее на звук очень размеренных осторожных шажков, и пытливо смотрел в лицо Уордену.

— Пустой номер, Ляпа, — с огорчением сказал Уорден. — Не понимаю я этого. Но, похоже, ты уже стал на путь предательства. Это поможет уничтожить часть твоего племени.

Хочешь не хочешь, пришлось доложить новость начальнику базы. Сразу же установлены были микрофоны на дне кратера вокруг базы, и еще микрофоны приготовлены для выездных исследовательских партий, чтобы они всегда знали, есть ли поблизости лунные жители. И как ни странно, микрофоны около базы тотчас же сработали.

Солнце уже заходило. Ляпу захватили почти в середине дня, а день на Луне длится триста пятьдесят четыре часа. И за все время плена — целую неделю по земному счету — он ничего не ел. Уорден добросовестно предлагал ему все, что только нашлось на базе съедобного и несъедобного. Под конец даже по кусочку всех минералов из собранной здесь геологами коллекции.

Ляпа на все это смотрел с интересом, но без

аппетита. Уорден решил, что малыша, который так ему полюбился, ждет голодная смерть… что ж, оно, пожалуй, к лучшему. Во всяком случае, это лучше, чем принести смерть всему своему племени. И похоже, Ляпа уже становится каким-то вялым, нет в нем прежней бойкости и живости. Вероятно, ослабел от голода.

Солнце опускалось все ниже. Медленно, постепенно, ярд за ярдом наползали по дну кратера Тихо тени исполинских, в милю вышиной, западных его стен. Настал час, когда солнечный свет оставался только еще на вершине конуса по самой его середине. Потом тень стала взбираться по восточным склонам стены. Еще немного — и последняя зубчатая полоска света исчезнет, и громадную чашу кратера всю, с краями, зальет ночная тьма.

Уорден следил за ослепительно сияющей полоской на скалах, она становилась все тоньше. Теперь две долгих недели ему не видать солнечного света. И вдруг зазвонил колокол — сигнал тревоги. Яростные резкие удары. С шипеньем сдвинулись все двери, разделяя базу на непроницаемые для воздуха отсеки. Отрывисто заговорили репродукторы:

— В скалах вокруг базы отдается шум! Видимо,

поблизости переговариваются лунные твари. Должно быть, собираются напасть. Всем надеть скафандры, приготовить оружие!

И в этот миг погасла последняя тоненькая полоска света. Уорден тотчас подумал о Ляпе. Ему не подойдет ни один скафандр. Потом поморщился, сообразил: Ляпе скафандр не нужен.

Уорден облачился в тяжелое, неудобное снаряжение. Внутренние светильники померкли. А суровую безвоздушную пустыню вокруг базы залили потоки света. Включился сверхмощный прожектор, служащий маяком для ракетных кораблей, ведь они садятся на Луну и среди ночи, — уж конечно, он обнаружит любую тварь, которая замыслила недоброе против его хозяев. Но как страшно мало на самом деле осветил этот луч, а вокруг непроглядный, необъятный мрак без конца и края.

И опять отрывисто заговорил репродуктор:

— Две лунных твари! Удирают! Бегут зигзагами! Если кто хочет стрелять… — И запнулся. Пустяки. Самый меткий стрелок — не стрелок, когда на нем скафандр. — Они тут что-то оставили, — прибавил голос в репродукторе. Он звучал резко, беспокойно.

— Я пойду погляжу, — сказал Уорден и сам ис-

пугался, но на душе стало тяжело. — Пожалуй, я догадываюсь, что там такое.

Через несколько минут он вышел из воздушного шлюза. Несмотря на громоздкий скафандр, двигаться было нетрудно. С Уорденом пошли еще двое. У всех в руках оружие, а луч прожектора беспорядочно рыщет вокруг, стараясь обнаружить любого Ляпиного сородича, если тот подбирается к ним в темноте.

Свет бьет сзади, а перед глазами Уордена с вышины смотрят на Луну мириады звезд. Небо над головой заполняют несчетные огоньки всех мыслимых и немыслимых цветов. Знакомые созвездия сияют вдесятеро ярче, чем на Земле. А Земля висит почти в зените. Она сейчас в третьей четверти — голубоватое, чудовищно огромное небесное тело, диаметром вчетверо больше Луны, можно смутно различить континенты и ледяные шапки полюсов.

С недобрым предчувствием подошел Уорден к тому, что оставили, убегая, родичи Ляпы. И не слишком удивился, когда увидел, что это такое. На плоской опоре лежало каменное яйцо и вокруг него — тончайшая пыль, словно этим верхним подвижным камнем что-то растерли, размололи, как жерновом.

— Подарок Ляпе, — мрачно сказал Уорден в микрофон внутри шлема. — Родичи знают, что его взяли в плен живым. И подозревают, что он проголодался. Оставили для него какую-то еду, наверное, ту, которая ему нужней всего.

Несомненно, догадка верна. Уорден не ощутил гордости. Ляпу, детеныша, похитили враги его племени. И держат в плену, и им нечем накормить малыша. И вот какие-то смельчаки, быть может, Ляпины родители, рискуя жизнью, принесли ему поесть и тут же оставили каменное яйцо — знак, что это не что-нибудь, а именно еда.

— Стыд и срам, — с горечью сказал Уорден. — Ладно, отнесем это на базу. Да поосторожней, не рассыпать бы эту пыль.

Нет, гордиться ему нечем, это стало еще ясней, когда Ляпа с восторгом накинулся на растертое в порошок неизвестное вещество. Безмерно довольный, Ляпа уплетал щепотку за щепоткой. Уорден сгорал со стыда.

— Тебе уготована злая участь. Ляпа, — сказал он. — Я уже немало от тебя узнал, и это будет стоить жизни сотням твоих сородичей. А они рискуют головой, лишь бы тебя накормить! Тебя я делаю предателем, а сам становлюсь подлецом.

Ляпа задумчиво поднял затянутый металлической пленкой обруч, ловил в воздухе колебания — звук Уорденова голоса. Маленький, мохнатый, сосредоточенный. Потом решил, что те же колебания лучше ловить через каменный пол. Прижал микрофон-передатчик к груди Уордена. Ждет.

— Нет! — жестко сказал Уорден. — В твоем народе слишком много человеческого. Не давай мне узнать о вас больше. Ляпа. Будь умником, прикинься тупицей.

Но Ляпа не стал разыгрывать тупицу. Вскоре Уорден уже учил его читать. Но вот странно, установленные в скалах микрофоны, что подняли в тот раз тревогу на базе, при выездах на самоходе оказались бесполезными. Похоже, Ляпино племя решило убраться подальше. Разумеется, если оно и впредь будет держаться на почтительном расстоянии от базы, можно эту породу истребить и после, а первым делом строить склад горючего. Но в переговорах о Ляпе с Землей появились намеки на другие возможности.

— Если твои собратья не высунут носа, пока все в порядке, — сказал Ляпе Уорден. — Но это пока. На меня уже нажимают, чтобы я попробовал тебя приучить к земному тяготению. Если это получится, тебя затребуют на Землю, в зоопарк.

А если ты там выдержишь… ну, тогда прилетят новые экспедиции и наловят твоих родичей для других зоопарков.

Ляпа застыл неподвижно и не спускал с Уордена глаз.

— А кроме того, — угрюмо продолжал Уорден, — ближайшая ракета доставит оборудование для этакой микрошахты. Я обязан проверить, может, ты научишься управляться с этой механикой.

Ляпа стал водить ногой по полу, извлекая царапающие звуки. Смысл их, конечно, непонятен, но ясно хотя бы, что слушать Уордена Ляпе интересно. Похоже, он с удовольствием ловит колебания Уорденова голоса — так собаке приятно, когда с ней разговаривает хозяин. Уорден досадливо крякнул.

— Мы, люди, считаем тебя животным, Ляпа. Мы уверили себя, что весь животный мир должен нам подчиняться. Животные должны нам служить. Если ты окажешься чересчур сообразительным, мы выловим всю твою родню и заставим работать на нас, добывать нужные нам минералы. И тебя заставим. А я не желаю, чтоб ты надрывался где-то там в шахте, Ляпа! Это несправедливо!

Ляпа замер и не шелохнулся. Уордену стало тошно, ему представились вот такие же маленькие

мохнатые создания, загнанные в безвоздушные ледяные шахты глубоко под поверхностью Луны на тяжелую подневольную работу. И стражи в скафандрах следят, чтобы ни один маленький шахтер не сбежал, не вернул себе свободу, какую на Луне знали до появления людей. И вокруг на случай мятежа установлены орудия. И тем, кто устал или попробовал взбунтоваться, нет пощады.

Все это не ново. Довольно вспомнить, что было с индейцами, когда на Кубу приплыли испанцы… и рабство негров в Америке… и концентрационные лагеря…

Ляпа шевельнулся. Положил мохнатую лапку на колено Уордена. Уорден хмуро поглядел на него.

— Скверная история, — сказал он резко. — Зря я так к тебе привязался. Ты славный малыш, но твое племя обречено. Беда в том, что вы не потрудились создать свою цивилизацию. А если б создали, сильно подозреваю, что мы бы стерли ее с лица Луны. Мы, люди, не очень-то благородны.

Ляпа отошел к классной доске. Взял кусок белой пастели (руки лунного жителя слишком слабы, чтобы писать обычным твердым мелом) и принялся деловито чертить значок за значком.

Значки сливались в буквы. Буквы сложились в слова. Слова были осмысленные.

Невозможно поверить глазам! Крупно, четко Ляпа вывел, будто напечатал:

ТЫ ХОРОШИЙ ДРУГ.

Обернулся и пристально посмотрел на Уордена. Тот побелел как полотно.

— Я не учил тебя этим словам. Ляпа! — еле слышно выговорил он. — Что происходит?

Он забыл, что для Ляпы его слова — всего лишь дрожь, передающаяся через пол или по воздуху. Забыл, что говорить бессмысленно. Но и Ляпа, кажется, об этом забыл. Так же деловито вывел:

ДРУГ, НАДЕНЬ СКАФАНДР. — Посмотрел на Уордена и стал чертить дальше: ВЫНЕСИ МЕНЯ ОТСЮДА. Я ВЕРНУСЬ С ТОБОЙ.

Он смотрел на Уордена огромными, до нелепости кроткими и милыми глазищами. Словно вихрь поднялся в голове Уордена. Долго спустя Ляпа вывел на доске: ДА.

Теперь уже Уорден застыл без движения. В «детской» сила тяжести держалась лунная, и он весил в шесть раз меньше, чем на Земле. Но тут им овладела безмерная слабость. А на смену ей пришла угрюмая решимость.

— Наверно, ничего другого не остается, — мед-

ленно произнес он. — Но мне надо будет пронести тебя через воздушный шлюз, а в коридоре сила тяжести, как на Земле.

Он поднялся. Ляпа прыгнул к нему на руки. Свернулся клубком, зорко глядя в лицо Уордену. И когда тот уже готов был переступить порог, поднял тощую лапку и осторожно погладил Уордена по щеке.

— Пошли! — сказал Уорден. — Тебя хотели сделать предателем. А может быть...

И все же с Ляпой на руках — тот съежился в мохнатый клубочек, смятый непривычным земным тяготением, — он прошел в шлюз. Облачился в скафандр. И вышел наружу.

Близился рассвет. За минувший долгий срок Земля перешла в последнюю четверть, а самый высокий зубец горной гряды, что образовала стену кратера Тихо, уже пылал в солнечных лучах. Но были еще видны и звезды, очень яркие. Уорден пошел прочь от базы, отсвет Земли показывал, куда ступить.

Через три часа он вернулся. Рядом с ним, большим и неуклюжим в громоздком скафандре, прыгал и скакал Ляпа. За ними следовали еще двое. Оба меньше Уордена, но гораздо крупнее Ляпы. Тощие, мохнатые, они несли что-то тяжелое.

За милю до базы Уорден включил передатчик в скафандре. Вызвал своих. В наушниках прозвучал испуганный отклик.

— Говорит Уорден. — Это было сказано сухо, сдержанно. — Я выходил с Ля-пой погулять. Мы навестили его семью, и я веду с собой двоих его близких родственников. Они хотят отдать визит и поднести кое-какие подарки. Впустите вы нас без стрельбы?

В наушниках послышались возгласы. Смятение, суматоха. Но Уорден упорно шел к базе, а тем временем в солнечных лучах запылала еще одна горная вершина, ослепительно вспыхнула третья. Неотвратимо надвигался рассвет.

Распахнулась наружная дверь шлюза. Из безвоздушной лунной пустыни пришедшие вступили в люк. Но когда он закрылся и заработали гравиторы, Ляпа и его родичи скорчились беспомощными комочками. В «детскую» их пришлось нести на руках. Тут они распрямились и устремили загадочные взгляды на людей, которые набились в комнату с лунным тяготением, и на тех, кто глазел из дверей.

— Я должен кое-что передать, — сказал Уорден. — Ляпа и его родные хотят с нами договориться. Как видите, они отдались нам в руки. Мы

можем их убить, всех троих. Но они хотят с нами договориться.

— Вы сумели найти с ними общий язык, Уорден? — не без смущения спросил начальник базы.

— Не я, — возразил Уорден. — Это они сумели. Доказали, что их разум ничуть не уступает нашему. С ними обращались как с животными, отстреливали для анатомических исследований. Естественно, они стали сопротивляться! Но они хотят покончить с враждой. Они говорят, мы никогда не сможем существовать на Луне, кроме как в скафандрах и на таких вот базах, а им никогда не притерпеться к земному тяготению. И потому нам с ними незачем враждовать. Мы можем помогать друг другу.

— Звучит правдоподобно, — сухо сказал начальник базы. — Но мы обязаны исполнять приказ. Вы им это объяснили, Уорден?

— Они знают, — ответил Уорден. — И если надо будет, станут защищаться. У них уже есть плавильни для обработки металлов. Они добывают тепло при помощи изогнутых зеркал, собирают в фокус солнечные лучи. И даже начали работать с газами в баллонах. По части электроники они пока еще не очень продвинулись, но теория им

известна, а электровакуумные приборы не нужны. Они ведь сами живут в вакууме. Отныне они сумеют защищаться.

— Послушайте, Уорден, — мягко сказал начальник, — я ведь тоже наблюдал за Ляпой. И вы как будто не сошли с ума. Но если что-нибудь такое преподнести военным властям на Земле, неприятностей не оберешься. Они давно требуют послать сюда боевые ракеты. Если ваши друзья начнут всерьез с нами воевать, если они и правда в состоянии обороняться… пожалуй, Земля ответит военными кораблями.

Уорден кивнул.

— Верно. Только наш ракетный флот пока что не может воевать так далеко от запасов топлива, а заправочную станцию тут не устроишь, ведь Луну населяют не животные и не дикари — племя Ляпы почти уже достигло высокого уровня цивилизации, а через считанные недели достигнет наверняка. Эти Ляпины родичи, что близкие, что дальние, — умнейший народ!

— Боюсь, им еще придется это доказать, — заметил начальник базы. — Откуда такой неожиданный взрыв культуры?

— От нас, — сказал Уорден. — Принцип плавления металлов они, думаю, взяли у меня. Познания

по части металлургии и техники — от водителей самоходов. Геологии — вернее сказать, лунологии — научились главным образом у вас.

— То есть как?

— Подумайте, что бы такое по вашему желанию сделать Ляпе, и последите за ним, — хмуро предложил Уорден.

Начальник недоуменно воззрился на него, потом перевел взгляд на Ляпу. Маленький мохнатый Ляпа горделиво выпрямился, потом низко поклонился. Одну лапку прижал к тому месту, где у него, возможно, находилось сердце. С изысканностью придворного давних времен широко повел другой. Опять выпрямился, важно прошелся по комнате — и мигом забрался на кодени к Уордену, тощей мохнатой лапкой обвил его шею.

Вся кровь отхлынула от лица начальника базы.

— Как он поклонился… — не вдруг выговорил он. — Я в точности о таком и подумал. Вы хотите сказать…

— Вот именно, — подтвердил Уорден. — У предков Ляпы не было воздуха, по которому передавались бы звуки речи. И у них развилась телепатия. Конечно, со временем они создали что-то вроде музыки, звуки распространяются

через камень. Но, как и наша музыка, эти звуки не несут в себе смысла. Лунные жители общаются, напрямик передавая друг другу мысли. Но мы не можем уловить их мысль, а они нашу улавливают.

— Они читают наши мысли! — Начальник базы провел языком по пересохшим губам. — Значит, сперва, когда мы стали их отстреливать как образцы для биологов, они пробовали достигнуть взаимопонимания. А потом уже начали воевать.

— Естественно, — сказал Уорден. — А как бы мы поступили на их месте? Они давно перенимают наши знания. Теперь они грозные противники. Им ничего не стоило стереть нашу базу в порошок. Они нас не трогали, потому что учились у нас. Теперь они хотят вести с нами меновую торговлю.

— Придется доложить на Землю, — медленно произнес начальник. — Но…

— Они тут принесли кое-какие образцы, — продолжал Уорден. — Будут менять алмазы по весу, грамм за грамм, на пластинки. Им нравится наша музыка. Будут менять изумруды на учебники — они уже умеют читать! И построят атомный реактор и станут менять плутоний, а на что — еще придумают. Обмен на такой основе обошелся бы

нам куда дешевле, чем война!

— Да, — сказал начальник, — что верно, то верно. К таким доводам люди прислушаются. Но как они сумели…

— Это все Ляпа, — усмехнулся Уорден. — Просто-напросто Ляпа! Вовсе мы его не захватили в плен, его нам нарочно подсунули! Он сидел тут на базе, извлекал все подряд из наших мозгов и передавал сородичам. Не забудьте, мы хотели изучить это племя, так? А вышло, как в известном анекдоте про психолога…

Говорят, один ученый психолог взялся проверить, насколько разумны шимпанзе. Привел он обезьяну в комнату, полную игрушек, вышел, закрыл дверь и хотел подсмотреть, как ведет себя шимпанзе. Заглянул в замочную скважину, а там, совсем близко, блестит пытливый карий глаз. Шимпанзе подсматривает в замочную скважину, как ведет себя психолог.

Перевела с английского Нора Галь

№ 11

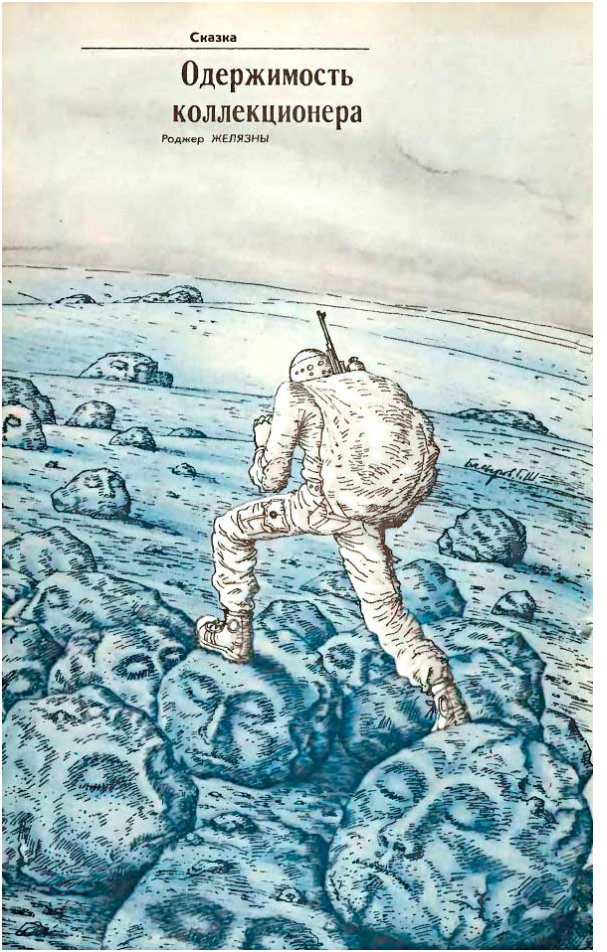
Роджер Желязны

Одержимость коллекционера

Сказка

Одержимость коллекционера

Роджер ЖЕЛЯЗНЫ



— Что ты здесь делаешь, человек?

— Это длинная история.

— Прекрасно, я люблю длинные истории. Садись и рассказывай. Нет, только не на меня!

— Извини. Так вот, я здесь из-за моего дядюшки, он сказочно богатый…

— Подожди. Что значит «богатый»?

— Ну, очень состоятельный.

— А что такое «состоятельный»?

— Хм. У него куча денег.

— Что такое «деньги»?

— Ты, кажется, котел услышать мою историю?

— Да, но я хотел бы понимать, что ты говоришь.

— Извини, Булыжник, но я и сам тут не все понимаю.

— Меня зовут Камень.

— Ладно, пускай Камень. Предполагалось, что мой дядюшка, человек с весом, пошлет меня учиться в Космическую академию, но он этого не сделал. Ему больше по вкусу гуманитарное образование. И он отправил меня в университет, в эту допотопную скукотищу, изучать негуманоидные цивилизации. Улавливаешь мою мысль?

— Не совсем, но, чтобы оценить, не обязательно понимать.

— Вот и я то же говорю. Мне вовек не понять дядю Сиднея, но я вполне оценил его возмутительные вкусы, сорочьи наклонности и страсть вечно путаться в чужие дела. До того оценил, что даже тошнит. А больше мне ничего не остается. Дядюшка — плотоядный идол всего нашего семейства и обожает ставить на своем. К несчастью, он у нас еще и единственный денежный мешок, а отсюда следует так же неукоснительно, как ИКССТ за ЗЗЕНТОМ, что он ставит на своем всегда, во всех случаях без исключения.

— Эти ваши деньги, как видно, очень важное вещество.

— Настолько важное, что загнало меня за десять тысяч световых лет на безымянную планету… кстати, я как раз подобрал для нее имя: Сквернида.

— ДЗАТТ невысокого полета — жадина из жадин, потому у него и полет невысок…

— Да, я заметил. Хотя ведь ДЗАТТ — это мох, так?

— Так.

— Отлично, значит, с упаковкой будет проще.

— Что такое «упаковка»?

— Это когда кладут что-нибудь в ящик, чтобы переправить куда-нибудь в другое место.

— То есть передвинуть?

— Примерно.

— А что ты собираешься упаковать?

— Тебя, Камень.

— Но я не из тех, которые скользят…

— Послушай, мой дядюшка коллекционирует камни, понял? А вы тут — разумные минералы, единственные на всю галактику. И притом ты самый большой, другого такого крупного я еще не встречал. Улавливаешь мою мысль?

— Да, но я никуда не хочу двигаться.

— А почему? Ты будешь самый главный во всей дядюшкиной коллекции. Вроде как в стране слепых и кривой — король, да простится мне такое вольное сравнение.

— Пожалуйста, не надо сравнений. Не знаю, что это означает, но звучит отвратительно. А откуда твой дядюшка узнал про нашу планету?

— Один мой наставник вычитал про нее в бортовом журнале старинного космического корабля. Наставник, видишь ли, собирал коллекцию старых бортовых журналов. А журнал этот вел некий капитан Красогор, он совершил тут у вас посадку несколько веков назад и подолгу беседовал с вашим братом.

— Как же, как же, славный старый ворчун

Красогор! Что-то он поделывает? Передай ему привет и…

— Он умер.

— Что ты сказал?

— Красогор умер. Кончился. Загнулся. Отдал концы. Вэдиблился.

— Да неужели! Когда же это случилось? Я уверен, это было прекрасное зрелище, просто великолепное…

— Право, не знаю. Но я сообщил о вашей планете дядюшке, и он решил, что ты ему необходим. Потому я и прилетел, он послал меня за тобой.

— Это очень лестно, но я никак не могу с тобой лететь. Мне уже скоро пора диблиться…

— Знаю, я все прочитал про дибленье в журнале капитана Красогора, только дяде Сиднею не показал. Загодя выдрал эти страницы. Пускай он будет поблизости, когда ты вэдиблишься. Тогда я получу в наследство его деньги и уж сумею щедро вознаградить себя за то, что не попал в Космическую академию. Во-первых, заделаюсь горьким пьяницей, во-вторых, стану распутничать вовсю… а может, в обратном порядке…

— Но я хочу диблиться здесь, среди всего, с чем я сросся нераздельно!

— Вот лом. Я тебя от всего этого отделю.

— Только попробуй, я сию же минуту вэдиблюсь.

— Ну, нет. Прежде чем завести этот разговор, я высчитал твою массу. В земных условиях пройдет по меньшей мере восемь месяцев, пока ты достигнешь нужной величины.

— Да, верно, я хотел тебя обмануть. Но неужели ты не знаешь жалости? Я провел здесь столько веков, с тех пор как был совсем маленьким камешком. Здесь жили мои предки. Я так старательно собирал мою коллекцию атомов, ни у кого в окрестности нет лучшей молекулярной структуры. И вдруг… вырвать меня отсюда, когда вот-вот настанет время диблиться… с твоей стороны это просто бескаменно!

— Не горюй, все не так страшно. Уверяю тебя, на Земле ты сможешь пополнить свою коллекцию самыми прекрасными атомами. И ты увидишь такие места, где еще не бывал ни один камень с твоей планеты.

— Слабое утешение. Я хочу, чтобы мои друзья видели, как я диблюсь.

— Боюсь, что об этом не может быть и речи.

— Ты очень жестокий, человек. Надеюсь, ты будешь поблизости, когда я вэдиблюсь.

— Когда настанет час этого события, я уж поста-

раюсь оказаться подальше, ведь у меня впереди шикарные кутежи.

На Скверниде сила тяжести гораздо меньше земной, так что Камень без труда удалось подкатить к планетоходу, упаковать и с помощью лебедки водворить внутрь, по соседству с атомным двигателем. Но планетолет был легкий, спортивный; чтобы приспособить его для скоростных пробегов, владелец снял часть защитной брони; вот почему Камень вдруг ощутил жар вулканического опьянения, почти мгновенно прибавил к своей коллекции самые что ни на есть отборные образчики — и тут же вздиблился.

Огромным грибом он взметнулся ввысь, потом мощными волнами разнесся над равнинами Скверниды. Несколько юных Камней низринулись с пыльных небес, отчаянным воплем на общей всем в этих краях волне возвещая о муках своего рождения.

— Взорвался, — сквозь треск разрядов промолвил один из дальних соседей. — И раньше, чем я думал. А каким жаром обдает, одно удовольствие!

— Да, великолепно вздиблился, — подтвердил другой. — Что ж, если ты хороший коллекционер, твои труды всегда увенчаются успехом.

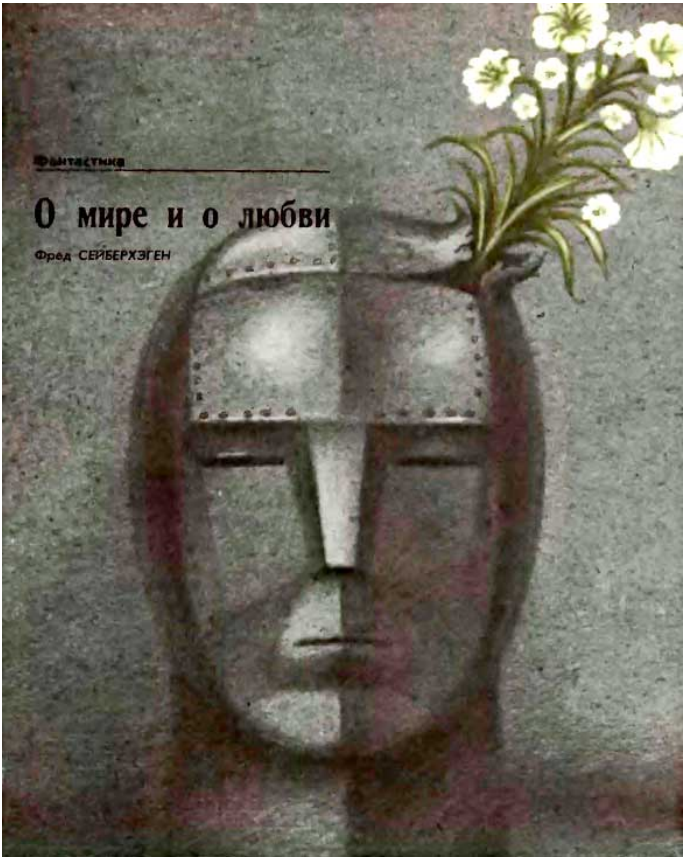
Перевела с английского Нора Галь

1981

№ 1

Фред Сейберхэген

О мире и о любви



Керр проглотил таблетку и заворочался в крес-

ле, пытаясь устроиться поудобнее, несмотря на боль, которая то и дело пронизывала его, предвещая близкую агонию. Потом настроил радиопередатчик и сказал висевшему в пустоте бродячему космолету:

— Я безоружен. Я иду с миром. Хочу вести с тобой переговоры.

Он подождал. В рубке маленького одноместного корабля была тишина. Локатор уведомлял: до объекта столько-то световых секунд. На обращенные к нему слова космолет никак не реагировал, но Керр не сомневался, что его услышали.

Где-то очень далеко осталась звезда, которую он называл Солнцем, позади была и его родная планета — земная колония, основанная лет сто назад. Одинокое поселение у самого края Галактики. До сих пор война, которую вели против всего живого машины-берсеркеры, представлялась здесь всего лишь далеким ужасом из последних известий. Единственный боевой космический корабль, которым располагала колония, был послан на соединение с прикрывавшей подступы к Земле эскадрой Карлсена, когда стало известно, что берсеркеры устремились туда. А теперь враг появился здесь, и обитатели планеты, где жил Керр, в лихорадочной спешке готовили еще два

корабля. Но вряд ли они смогут устоять против берсеркера. А пока…

Приблизившись к противнику на миллион миль, Керр констатировал, что берсеркер остановился; он как будто выжидал, вися в пустоте на орбите лишенного атмосферы планетоида, до поверхности которого было всего несколько дней полета.

— Я безоружен, — снова радировал Керр. — Я хочу вести с тобой переговоры, а не причинить тебе вред. Если бы здесь были те, кто тебя построил, я бы попробовал поговорить с ними о мире и о любви. Ты меня слышишь?

Он был уверен, что машина понимает его слова. Все машины-берсеркеры знали универсальный космический язык — научились от попавших в плен людей или друг от друга. И он не лгал, говоря, что хотел бы побеседовать о любви с неведомыми Строителями. Злоба, месть, старые распри — все это казалось умирающему Керру мелочами, не стоящими внимания. Но Строителей не могло быть на борту машины: берсеркеры были построены, быть может, в те времена, когда люди на Земле еще охотились на мамонтов. Строители

давно исчезли, затерялись в пространстве и времени вместе с теми, кто некогда был их врагом.

Внезапно машина ответила:

— Маленький корабль, подойди ко мне, не меняя скорости и курса. Когда скомандую, остановишься.

— Да, — сказал Керр.

Голос изменил ему, хоть он и ждал ответа. Его потряс этот ответ — неровное, механическое воспроизведение заимствованных у кого-то слов. Должно быть, могучие средства уничтожения, способные истребить все живое на целой планете, теперь нацелены на него. Но смерть еще не самое страшное, что может его ожидать, если хотя бы десятая доля всех рассказов о людях, попавших в плен к берсеркерам, соответствует истине. Керр заставил себя не думать об этом.

— Остановись. Жди на месте.

Керр мгновенно повиновался. На экране показалась движущаяся точка — нечто размером с его собственный корабль отделилось от гигантской крепости, висящей на черном занавесе неба.

Даже на таком расстоянии ему были видны шрамы и вмятины на теле берсеркера. Все эти

древние машины за время своих долгих бессмысленных галактических странствований получили немало повреждений. Но такая развалина даже среди них выглядела исключением.

Ракета, высланная берсеркером, притормозила рядом с его кораблем.

— Открой! — прохрипело радио. — Мне надо тебя обыскать.

— А после ты меня выслушаешь?

— После выслушаю.

Он открыл шлюз и отстранился, пропуская гостей — несколько роботов. Они казались такими же старыми, как их хозяин. Кое у кого, правда, поблескивали новые детали. Они обыскали Керра, обшарили всю рубку; при этом один из механизмов отказал, и собратьям пришлось утащить его чуть не волоком.

В рубке остался еще один робот — неуклюжее сооружение, снабженное двумя руками, как у человека. Едва только шлюз за остальными захлопнулся, он плюхнулся в пилотское кресло и повел корабль по направлению к берсеркеру.

— Стойте! — кричал Керр. — Я же не пленный!

Его слова остались без ответа. В ужасе Керр вцепился в робота-пилота, пытаясь стащить его с кресла. Но тот, медленно подняв металлическую

длань, уперся Керру в грудь. Он потерял равновесие и, увлекаемый искусственной силой тяжести, грохнулся навзничь, стукнувшись головой о переборку.

— Потерпи пару минут. Сейчас мы начнем говорить о любви и мире, — сказал радиоголос.

Керр взглянул в иллюминатор и увидел, что корабль приближается к громаде берсеркера. Казалось, корпус гиганта был весь в язвах, целые квадратные мили занимали вмятины, вздутия, застывшие потеки оплавленного металла.

Немного времени спустя в корпусе открылся люк, и корабль Керра устремился следом за вспомогательной ракетой в темную глубину.

Теперь за стеклом иллюминатора не видно было ни зги. Керр почувствовал легкий толчок, как при швартовке. Робот-пилот выключил двигатель, повернулся к Керру и со скрежетом стал подниматься с кресла.

И тут внутри у него что-то случилось. Вместо того чтобы спокойно встать, пилот резко выпрямился, вскинул руки, как бы желая сохранить равновесие, и тяжело рухнул на палубу. Еще с полминуты одна его рука беспорядочно двига-

лась, после чего он застыл в нелепой позе.

Наступила тишина, и Керр подумал было, что счастливая случайность снова сделала его хозяином своей рубки. Что предпринять?

— Выходи, — произнес спокойный скрипучий голос. — К твоему шлюзу пристыкован туннель, заполненный воздухом. По туннелю перейдешь в… ну, короче, в помещение, где мы будем говорить о мире и любви.

Керр отыскал глазами кнопку с надписью: «Ц-форсаж».

Кнопкой не разрешалось пользоваться в окрестностях Солнца. И даже близость куда меньшей массы берсеркера превращала Ц-форсаж в чудовищное оружие.

Керр не боялся внезапной катастрофы; по крайней мере думал, что не боится. Куда реальней была другая смерть — медленная и мучительная. Ему снова припомнились жуткие истории, которые он слышал. Нельзя было и помыслить о том, чтобы выйти наружу. Нет, уж лучше… Он перешагнул через поверженного робота и протянул руку к пульту.

— Я могу говорить с тобой отсюда, — сказал он, изо всех сил стараясь сохранить спокойствие.

Прошло десять секунд и берсеркер ответил:

— Твой Ц-форсажный двигатель снабжен предохранительной блокировкой. Ничего не выйдет. Ты не сможешь взорвать меня вместе с собой.

— Может быть, ты и прав, — возразил Керр. — Но если автоматика сработает, корабль будет отброшен от центра твоей массы и пробьет обшивку. А она у тебя и без того в плохом состоянии. Лишние повреждения тебе ни к чему.

— Ты погибнешь!

— Да? — сказал Керр. — Может быть. Рано или поздно я все равно помру. Но я пришел к тебе не для того, чтобы умирать или сражаться. Я пришел говорить с тобой, мы должны попытаться прийти к соглашению.

— К какому соглашению?

Глубоко вздохнув, Керр потер лоб и начал излагать свои доводы, которые он столько раз повторял про себя. Пальцы Керра повисли над пусковой кнопкой, а глаза неотрывно следили за приборами, которые в обычных условиях регистрировали приближение метеоритов.

— Я думаю, — начал он, — я уверен… что военные действия против человечества — результат какой-то ужасной ошибки. Скажи: что плохого мы причинили тебе и таким, как ты?

— Мой противник — жизнь, — сказал берсер-

кер. — Жизнь есть зло.

Пауза.

Керр овладел собой и спокойно продолжал:

— С нашей точки зрения, зло — это ты. Мы хотим, чтобы ты стал хорошей машиной, полезной машиной, такой, которая помогает людям, а не убивает их. Разве созидание — не более высокая цель, чем разрушение?

Снова наступила пауза.

— А чем ты докажешь, — спросила машина, — что мне необходимо изменить мою цель?

— Прежде всего, помогать нам выгодней тебе самому. Никто не станет сопротивляться, не будет причинять тебе повреждений.

— А не все ли равно — сопротивляетесь вы или нет?

Керр предпринял новую попытку.

— Видишь ли, живое по своей природе выше, чем неживое. А человек — высшая форма жизни.

— Как ты это докажешь?

— Как докажу? Да очень просто. Человек наделен душой.

— Слыхал я это, — проворчал берсеркер. — Все вы так считаете. Но разве вы не определяете душу как нечто недоступное пониманию любой машины? И разве нет таких людей, которые вовсе

отрицают существование души?

— Да, именно таково определение души. И такие люди есть.

— Тогда я не принимаю этот довод.

Керр вытащил болеутоляющую таблетку и украдкой проглотил ее.

— И все-таки, — сказал он, — ты не можешь доказать, что души не существует. Ты должен по меньшей мере допустить, что это не исключено.

— Согласен.

— Но оставим пока душу в стороне. Поговорим о физической и химической организации живого. Имеешь ли ты представление о том, как тонко и сложно организована даже одна-единственная живая клетка? Вот видишь. А у нас в мозгу их миллиарды. Ты не можешь не признать, что мы, люди, снабжены удивительными по своему совершенству компьютерами, которые вдобавок умещаются в очень небольшом объеме.

— Не знаю, — возразил скрипучий голос, — мне не приходилось демонтировать пленников. Хотя кое-какими сведениями я располагаю. Однако ты не станешь отрицать, что присущая вам форма организации — не что иное как следствие непреложных законов физики и химии?

— А тебе не приходило в голову, что, может

быть, эти законы имеют определенную цель? Что они для того и существуют, чтобы когда-нибудь появился мозг, способный мыслить, чувствовать и… любить?

На этот раз молчание затянулось. Керр почувствовал, что у него пересохло в горле, словно диспут длился уже много часов.

— К такой гипотезе я не прибегал, — внезапно отозвался голос. — Но если устройство разумного живого существа на самом деле так сложно, так тесно связано с существованием именно таких, а не иных физических законов, — то, возможно, да, возможно, что служение жизни есть высшая цель машины.

— Ты можешь быть уверен, — подхватил Керр, — что наше физическое устройство чрезвычайно сложно.

Он не совсем улавливал ход мыслей машины, но это не имело значения — лишь бы выиграть эту шахматную партию. Одержать победу в игре за Жизнь! Пальцы его по-прежнему лежали на кнопке Ц-форсажа.

Голос сказал:

— Если бы я мог исследовать несколько живых клеток…

Керр вздрогнул, и вместе с ним задрожала

стрелка регистратора метеоритов. Что-то приближалось к корпусу его корабля.

— Прекрати! — крикнул он. — Ни с места! Или я тебя уничтожу!

Голос машины был по-прежнему невозмутим и спокоен.

— Не паникуй. Это случайность. Я тут ни при чем. Я поврежден… мои механизмы ненадежны. Я хотел бы совершить посадку на этот приближающийся планетоид, чтобы добыть металл и заняться ремонтом.

Стрелка регистратора мало-помалу успокоилась.

Берсеркер изрек:

— Если бы я мог исследовать несколько живых клеток, принадлежащих разумному существу, то, вероятно, смог бы получить необходимые аргументы в пользу твоего предположения… или против него. Ты можешь мне предоставить такие клетки?

Теперь молчал Керр. Наконец, он ответил:

— Единственные клетки человека, какие есть на моем корабле, — мои собственные. Пожалуй, — он кашлянул, — я мог бы с тобой поделиться.

— Мне будет достаточно половины кубического сантиметра; насколько я знаю, для тебя это не

опасно. Я не требую частицы твоего мозга. Кроме того, как я понимаю, ты хотел бы избежать ощущения, называемого болью. Я готов тебе помочь… если смогу.

Не собирается ли берсеркер прибегнуть к какому-нибудь одурманивающему средству? Нет, это было бы слишком просто. Побуждения машин иррациональны. Их коварство непредсказуемо.

Керр продолжал игру, не подавая виду, что он заподозрил неладное.

— У меня есть все необходимое. Кстати: хочу тебя предупредить, что это отнюдь не отвлечет меня от панели управления.

Он достал набор хирургических инструментов, принял еще две болеутоляющие таблетки и принялся осторожно орудовать стерильным скальпелем. Когда-то он немного занимался биологией.

Когда разрез был зашит и перевязан, Керр промыл образец ткани и поместил его на донышко пробирки. Затем, стараясь ни на мгновение не ослабить бдительности, он оттащил лежащего на полу робота в шлюз и оставил его там вместе с пробиркой. Некоторое время спустя он услышал, как что-то вошло в шлюз и снова вышло.

Керр принял возбуждающую таблетку. Боль,

вероятно, возобновится, но надо быть начеку.

Прошло два часа. Керр заставил себя съесть часть неприкосновенного запаса продуктов и ждал, не сводя глаз с панели.

Кажется, он задремал. Когда жесткий неживой голос заговорил снова, Керр даже подскочил от неожиданности: минуло почти шесть часов.

— Можешь возвращаться, — проскрипел голос. — Сообщи живым существам, которые руководят вашей планетой, что после ремонта я буду их союзником. Я изучил твои клетки. Ты прав. Человеческий организм — в самом деле высшее достижение во Вселенной, и мое предназначение — помогать вам. Я выразился достаточно ясно?

Керра охватило какое-то оцепенение.

— Да, — пробормотал он. — Да. Да.

Что-то огромное мягко подтолкнуло его корабль. В иллюминаторе он увидел звезды и понял, что гигантский люк, впустивший его, мало-помалу раскрывается.

В последний раз, когда Керр видел берсеркера, он двигался по направлению к планетоиду, как будто и в самом деле собирался совершить посадку. Керра он не преследовал.

Керр оторвался от экрана и взглянул на внутренний люк шлюза. Ему как будто не верилось. Он повернул рукоятку, в шлюз со свистом устремился воздух. Керр вошел в шлюз. Робот исчез, пробирка с тканью тоже. Керр облегченно вздохнул, закрыл шлюз и долго стоял у иллюминатора, созерцая звезды.

Через сутки он начал торможение. До дома было еще далеко. Он ел, спал, взвешивался, принимал таблетки, разглядывал себя в зеркале. Потом снова, с большим интересом, словно видел что-то давно забытое, разглядывал звезды.

Двумя днями позже сила тяготения перевела корабль на эллиптический курс, огибавший его родную планету. Когда ее громоздящаяся масса загородила корабль от планетоида, где пришвартовался берсеркер, Керр включил радиопередатчик.

— Эй там, на Земле! — Он помолчал. — Хорошие новости!

— Мы следили за тобой, Керр. Что произошло?

Он рассказал о встрече с берсеркером.

— Вот пока и вся история, — закончил он. — Я думаю, эта машина действительно нуждается в ремонте. Она сильно повреждена. Сейчас два боевых корабля легко с ней управятся.

— Вот как?

Из динамика донеслись обрывки возбужденного спора, затем голос с Земли заговорил снова, и в нем слышалось беспокойство.

— Керр… Ты все еще не заходишь на посадку, значит, ты, наверно, сам понимаешь… Мы должны быть осторожны. Машина могла тебя обмануть.

— Да, я знаю. И даже эта поломка робота-пилота могла быть инсценировкой. Я полагаю, что берсеркер слишком потрепан и не рискует вступить в бой — поэтому он попробовал действовать иначе. Наверное, он впустил эту штуку мне в воздух перед тем, как меня освободить. А может быть, оставил в шлюзе…

— О чем ты говоришь? Какую штуку?

— Ту самую, которая вас беспокоит, — сказал Керр. — Яд, которым он хотел нас всех уничтожить. Наверное, это какой-нибудь новый вирус-мутант, выведенный против ткани, которую я ему дал. Он рассчитывал, что я помчусь домой, успею приземлиться, прежде чем заболею, и разнесу здесь заразу. Он, наверное, думает, что первым изобрел биологическое оружие, использовал жизнь против жизни, как мы используем машины против машин. Но ему нужен был этот

образец ткани, чтобы вывести вирус. Он ничего не знал о нашей биохимии.

— Ты думаешь, это вирус? И как он на тебя действует? Ты чувствуешь боль — я хочу сказать, сильнее, чем раньше?

Керр повернулся в своем кресле и взглянул на график. Он вычерчивал его все эти дни. График показывал, что больной начал прибавлять в весе. Керр сорвал повязку. Рана находилась посреди обширного участка, обезображенного болезнью. Но площадь поражения была теперь меньше, чем раньше, а кое-где виднелась розовая, здоровая кожа.

— Ты не ответил, Керр! Как эта штука на тебя действует?

Керр улыбнулся и в первый раз осмелился высказать вслух надежду, которая теплилась в его душе.

— По-моему, она уничтожает мой рак.

Перевел с английского А. Иорданский

№ 4

Михаил Кривич, Ольгерт Ольгин

В который раз про любовь

Вряд ли мои нынешние сослуживцы поверят, что в студенчестве всем прочим занятиям я предпочитал футбол. Играя в институтской сборной правого защитника и огражденный этим высоким званием от происков декана, я мог позволить себе пропускать все что угодно, — разумеется, кроме экзаменов. Но лекции в Большой северной аудитории я все же не пропускал.

Большая северная, или, на студенческом языке, БАС, — единственное, что осталось от старого Технологического после бесконечных перестроек. Амфитеатр мест на двести так круто падал к старомодной кафедре, что с верхнего ряда видна была лишь профессорская макушка. Тяжелые скамьи из натурального дерева, отполированные джинсами многих поколений, стали глянцевыми; если удавалось разбежаться в узком проходе и с размаху плюхнуться на зеркальную доску, можно было проехать метр-другой, честное слово. А еще тут были откидные пюпитры, на которых, люди сказывают, студенты раскладывали свои тетрадки и записывали лекции. На одном из них, заляпанном чернилами, вырезано было сердце со стрелой, и трогательная надпись гласила: «Соня и Тихон сидели зде...». Где вы теперь, красавица

Соня, и кто спугнул помешанного от счастья Тихона?

Здесь сиживал порой и я… Когда читал свой курс легендарный Семен Григорьевич Книжник, академик, лауреат, почетный член и прочая, мои тренеры могли спокойно пить чай.

В тот день я немного опоздал и, проникнув в БАС через верхний вход, незаметно пробрался к месту, некогда служившему прибежищем Соне и Тихону. В кармане у меня был видеомагнитофон, в сердце — решимость записать хоть что-нибудь, чтобы потом не одалживать перед экзаменом конспект-кассету.

В лекцию я включился на полуслове: «…концентрацию внимания технолога-оператора. Чтобы диспергировать компоненты загружаемой шихты, необходимо держать в поле внутреннего зрения каждую частицу, движение которой в общем виде описывается формулой…»

Семен Григорьевич сошел с кафедры и, вытянув шею, словно собирался протаранить доску, стал быстро писать латинские и греческие буквы. Он всегда так ходил — челюсть вперед, шея напряжена, взгляд устремлен в одну точку. Сказывалась привычка к волевому напряжению: прежде чем стать академиком, Книжник лет тридцать прора-

ботал на производстве — перемешивал растворы, разгонял смеси, удерживал плазму, сверлил алмазы. Тогда специалистов нашего профиля нигде еще не готовили, и, хотя технологи-волевики уже вовсю работали на заводах, директора держали их на свой страх и риск, оформляя то снабженцами, то воспитателями в общежития, и лишь целомудренные академические журналы время от времени печатали статьи, вежливо обличавшие телекинез как лженауку.

По правде говоря, свой курс академик читал не бог весть как. Зато, увлекшись, он прямо на лекции мог сотворить нечто из ряда вон. Однажды он битых полтора часа бубнил про охлаждение газов в больших объемах, аудитория погрузилась в дремоту, и тогда он решил взбодрить нас. У меня мороз пробежал по коже. Изо ртов повалил пар, стены заиндевели. Итог оказался грустным для обеих сторон: половина потока схватила насморк, а Книжник, хоть и академик, писал объяснительную ректору.

На сей раз лекция была о перемешивании, и вряд ли Книжник для наглядности стал бы перекидывать нас с места на место. А посему, доверив учебную процедуру магнитофону, я принялся вертеть головой в надежде найти себе занятие

повеселее. И тут я впервые увидел Клавдию.

Она сидела тремя рядами ниже и чуть правее, устремив взор на доску. Она выглядела так, будто… (Вычеркиваю несколько строк: не могу вразумительно объяснить, как она выглядела.) Есть люди, которые знакомятся легко, но я не из их числа. Движимый не разумом, а чувством, я вырубил магнитофон, выхватил крошечную кассетку и, не прицеливаясь, бросил.

Коробок вычертил в воздухе замысловатую кривую и опустился на плечо старосты нашей группы Лены Бываловой по кличке Ферзь. Она обернулась и застигла меня в позе дискобола. Смерила взглядом из-под очков, крутанула пухлым пальцем у виска и снова впилась глазами в Книжника.

Шанс был упущен, метательные снаряды кончились. Но я уже не мог остановиться.

Метрах в трех над кафедрой нависала массивная стальная балка, к которой иногда цепляли экран, хотя она, похоже, выдержала бы и слона. На эту балку я и уставился. Несколько дней тому назад мы закончили лабораторный практикум по механическим процессам, и кое-что у меня выходило не так уж плохо. Я сконцентрировал внимание на балке, напрягся, как рекомендовали

учебные пособия. Железяка вроде бы стала изгибаться. Я поднатужился и вывязал на конце балки не очень ровный, но тугой узелок. В аудитории захихикали.

Книжник договорил до конца все придаточные предложения, возвел печальные очи к потолку и безошибочно перевел взгляд на меня.

— Юноша, — сказал он без всякого выражения, — до вас эту акцию совершали здесь не менее сотни раз, с большим или меньшим успехом. Ваш узел недурен, но не из лучших.

Все обернулись ко мне. И она тоже!

— А теперь, — закончил Семен Григорьевич, — докажите нам, что вы чему-то уже научились, и восстановите статус-кво. Не сочтите за труд.

Я послушно поднялся со скамьи и принялся развязывать узел, но краем глаза видел, что она глядит в мою сторону. Это вконец выбило меня из колеи. Железо скрипело и дергалось, осыпая кафедру ржавой пылью. Кругом все смеялись, но она — это точно — смотрела на меня серьезно.

— По всей вероятности, молодой человек, — изрек Книжник, — вы уже овладели искусством ломать. Выразим надежду, что со временем научитесь и созидать. Позвольте мне довершить вами начатое.

Он задрал голову к потолку, и в то же мгновение балка, не издав ни звука, распрямилась и застыла. Это был класс.

После звонка я вылетел из аудитории, чтобы не встречаться со свидетелями своего позора, и мчал, заметая следы, заячьими петлями по бесконечным коридорам и переходам Технологического. Минут через пять я остановился в самом дальнем закоулке, куда, по моим расчетам, никто из почитателей Книжника забрести так скоро не мог.

Я ошибся. Медленно и неслышно навстречу шла она…

Наши отношения складывались безоблачно. Мы вместе обедали, гуляли и ходили в кино; студенческое сообщество признало нас неразлучной парой, и никто не занимал место рядом с Клавдией за лабораторным столом. Днем мы расставались не более чем на два часа: я, напялив бутсы, вытаптывал футбольный газон, а Клава тем временем сражалась в трехмерные шахматы — тут я ей не мог составить компанию.

На факультет промышленного телекинеза Клавдия перевелась совсем недавно, и это казалось чудачеством: к нам особенно не рвались. Вот раньше, когда трансцендентная технология

рисовалась в романтической дымке, конкурсы, говорят, были фантастические; но потом дымка развеялась, спецпитание и прочие льготы для волевиков отменили, и теперь конкурс почти так же скромен, как в театральном училище. Лично я забрел на телекинетический по чистой случайности, не разобравшись в названии; к тому же факультетскому спортклубу требовался правый защитник. Клава же уверяла, что нашла наконец свое призвание, и в корректных терминах кляла декана, который долго тянул с переводом: с такой фигурой, говорил он, незачем восемь лет тянуть лямку, чтобы потом выйти замуж и работать на полставки в конторе по передвижке мебели. Он был кругом неправ, за одним исключением — я имею в виду фигуру.

Во всем и всюду следуя за Клавдией, я вскоре понял, что такой образ жизни устраивает меня до конца дней, и выкинул из комнаты шведскую стенку, чтобы освободить место для трельяжа; а Клавдия купила в комиссионке двухконфорочную плитку на быстрых нейтронах и объявила, что впредь мы будем обедать только дома. Она, должен сказать, вообще очень практичная.

Как-то вечерком мы сидели у этой самой плитки в ожидании чая и утрясали список при-

глашаемых на торжественный ужин; я пребывал в лучезарном настроении и не сразу заметил, что она чем-то опечалена. Может быть, скудостью стола?

— Нет, — сказала она сухо. — Ты, наверное, слышал, что свадьба бывает один раз в жизни. И по этому случаю порядочные люди дарят друг другу кольца. Вот так.

Про обручальные кольца речи прежде не было. Все мы серьезно относимся к брачному ритуалу, но не настолько же! Пока заваривался чай, я пытался уговорить Клавдию на платину, иридий, осмий… что там еще? Но она уперлась — ни ни в какую. Пусть будет как у мамы и бабушки. Подавай ей золото.

На утреннюю лекцию Клавдия не пришла, и я, растеряв новоприобретенное прилежание, помчался к ней. В комнате все было вверх дном, кровать не застелена, занавески содраны, как перед большой уборкой, а на столе лежала огромная менделеевская таблица. Я подошел поближе; на клетке с символом Au лежали два колечка для занавесок.

— Помолчи минуту, — умоляюще сказала Клавдия и, отстранив меня, встала коленями на стул. Странным остановившимся взглядом смотрела

она сквозь колечки, сквозь таблицу и скатерть, так что я даже заглянул под стол. Вдруг я увидел, что по колечкам бегут, словно блики, мелкие частые волны. Покачиваясь, кольца медленно отделились от бумаги и воспарили над латинскими буквами, излучая слабый зеленый свет. Затем свечение угасло, кольца съежились, вспыхнули напоследок и, тихо звякнув, опустились на стол.

В клетке с номером 79 лежали небольшие, бочоночком, кольца из желтого металла.

Клавдия схватила одно из них и надела, еще теплое, мне на безымянный палец.

— Спасибо, моя хорошая, — пробормотал я и поцеловал ее. — Книжнику такое и не снилось.

— У порядочных людей свадьба бывает раз в жизни, — ответила Клавдия.

Она вытолкала меня за дверь, заявив, что устала и намерена спать до вечера, а я побрел в институт. Честно погоняв мяч, зашел к приятелю на кафедру металловедения и попросил сунуть колечко в какой-нибудь прибор. Минуту спустя он вернулся и равнодушно сообщил, что металл — золото, такая-то проба; а в чем дело? «Да так», — сказал я.

До вечера оставалась уйма времени, и я поднялся на третий этаж, где обычно заседали за

своими кубами трехмерношахматные девы. Должно быть, меня тянуло к людям из Клавиного окружения.

Величественная Лена Бывалова разыгрывала сама с собой заумные дебюты.

— Могу дать тебе три ладьи фору, — предложила она, — сыграем?

Она не допускала мысли, что избранник ее подруги может быть равнодушен к шахматам.

Я молча уселся, включил подсвет — и добрых полтора часа самоотверженно отстаивал честь мужского мышления, стараясь дотянуть партию до почетной ничьей. На дворе уже стемнело.

Клава встретила меня сурово. Оказывается, она давно уже проснулась. Я стал было рассказывать про анализ, про партию с Ферзем… Она слушала, поджав губы и не глядя на меня.

— М-да, — проговорила она. — Странно. Я чувствую себя отвратительно, из рук все валится, а ты весело проводишь время. Я делала золотое кольцо, а не оловянное, это ясно и без твоих дурацких приборов. В шахматы ты играть не умеешь, это еще яснее. Тебе со мною скучно, и ты ищешь, где бы развлечься. Кажется, уже нашел, поздравляю.

Это было несправедливо. И я попытался что-то

объяснить. Лучше бы промолчал.

— Он еще оправдывается! Два часа сидел с кем-то, да еще растрезвонил о кольцах.

Тогда и я вскипел:

— Не хочу больше слышать о Бываловой. И о кольцах слышать не хочу — пропади они пропадом…

И дернуло же меня.

— Слышать не хочешь? — ледяным тоном переспросила Клавдия. — Ну что ж. Как вам будет угодно. Давай сюда кольцо.

Уже раскаиваясь, но еще не понимая, я снял с пальца золотое кольцо. Клавдия положила его на ладонь, рядом положила второе. Потом размахнулась и вышвырнула в открытое окно.

Я бросился к подоконнику и тупо смотрел в темноту. Слушал, как она плачет.

Мы помирились через полчаса. Остаток вечера и все следующее утро я ползал на коленях под окнами. Кольца как сквозь землю провалились. А Клавдия до самого дня свадьбы просидела над таблицей Менделеева и двумя ржавыми колечками. Иногда они вздрагивали, иногда начинали светиться, но золотыми так и не стали.

А потом была свадьба, и гостей набилось вдвое больше, чем мы насчитали, фруктов на столе

не было — деньгами мы не разжились, и было хорошо, и Ферзь со своей командой резала свеклу для винегрета.

Мы никому не сказали о том почти неправдоподобном утре, когда, излучая сиянье, сомнительной чистоты железо превратилось в чистое золото. Только нашим детям. Но они, кажется, не очень-то поверили.

Детей у нас двое — сын и дочь. Сын неплох в отборе мяча, но, пожалуй, резкости ему не хватает, да и рывок слабоват; а дочка, само собой, пропадает в шахматном клубе. Клава иногда ходит с ней играть партию-другую для развлечения, а я вот футбол забросил. Служу начальником ирригационной конторы. Работа больше кабинетная, но если надо перебросить полноводную реку или проложить магистральный канал, то выезжаю на место и прикладываю руки. Само собой, любую балку могу развязать не моргнув глазом, да все подходящего случая нет…

Клава моя по-прежнему вся в науке. Они там без конца превращают одни элементы в другие и синтезируют совсем новые. Дело, конечно, камерное; женское рукоделие, так сказать, но за открытие не то 278-го, не то 287-го Клавдии дали премию и собираются назвать элемент ее именем

— по радио говорили.

Последнее время к дочке зачастил парень — вместе занимаются. Парень как будто неглупый, но не слишком ли они молоды?

На днях захожу к ней — она одна, колени на стуле, локти на столе, что-то бормочет. Прислушался:

— Двадцать нейтронов отсюда, протоны туда, эс-оболочку достроили…

Я сначала решил, что девочка готовится к зачету. А потом гляжу — на таблице, в клеточке с номером семьдесят девять, — два железных колечка.

Кого они пригласят к свадебному ужину и кто будет резать свеклу, меня не касается. Но о фруктах я позабочусь: детям нужны витамины.

№ 6

Валентин Варламов

Наваждение, или к вопросу о суевериях

Наваждение,
или к вопросу о суевериях

Валентин ВАРЛАМОВ

Ярмарка была что надо: с медведем, с конокрадами, с дракой. Никола товар продал и — к братнину куму, тут рядом, за церковью. Лошадь распряг, сенца ей бросил.

Пошли с кумом гостинцы выбирать, в казенную завернули. Вышли — глянь, толпа. Мужики силу показывают, кто тяжельше подымет. Никола тоже сунулся. И кобылёнка-то вроде ледащая, а только поднял ее на плечи, как под корешками — хрясь! Стоит — не вздохнуть. Становая жила, значит.

Кум обратно в казенку тянет: мы это дело, говорит, поправим. Только подходит незнакомый человек, вроде свой, а вроде и барин. В белой шляпе. Я, говорит, художник и хотел бы вашу натуру запечатлеть. Но поскольку вижу, в каком вы есть болезненном следствии богатырского подвига, так у меня доктор знакомый и бесплатно вылечит.

Кум сразу на дыбы: у нас, мол, своя компания. Тогда в белой шляпе достает целковый: я, говорит, очень даже хорошо понимаю наше взаимное уважение.

Кума как ветром сдуло.

А в белой шляпе берет Николу под ручку, ровно девку городскую, и ведет его к доктору. Тот

кричать — вот до чего глупость доводит. Никола даже картуз выронил со страху. Сиди, говорят ему, сейчас напишем записку в больницу.

Ушли все. И стал Никола приходить в себя. Лошадь-то у кума оставлена. А цыган в городе полно. А в больнице, говорят, кровь высасывают.

И вдруг Николу будто слегой ударило: фармазон! Он самый! Странница божья сказывала. Ездит по деревням, в белой шляпе, всех в свою веру обращает: деньги дает и списывает с человека поличье на бумагу да на холстину. И ежели кто фармазонской поганой вере изменит, сей же миг узнаёт, в поличье стреляет, и отступник помирает немедля. Свят, свят!

Забыв про боль, вскочил Никола — и через подоконник. Обстрекался в крапиве, барыня с зонтиком завизжала. Добежал до дому. Мигом лошадь обрядил, плюхнулся в телегу. Мимо каланчи, мимо лабазов, вниз по булыжнику, за заставу, вдоль выгонов. Опомнился аж за старым погостом, когда лес начался.

Лошадь бежала ни шатко ни валко. Никола пощупал деньги за пазухой, прикорнул поудобней — становая жила давала себя знать. Ничего, только бы до деревни добраться. Бабка Степанида поправит. Через порог положит, на спине топо-

ром старый веник потюкает, пошепчет, что надо. Как рукой снимет. Стара, а все может. Не то что эти… Только и знают кровь сосать.

Смеркалось. Лес загустел. Совсем близко до деревни, вот только старый дуб проехать, а там и опушка. Нехорошее место этот дуб.

Так и есть: вынырнул из кустов мужик не мужик, с котомкой, без шапки, весь оброс, волосье зачесано налево, а бровей нету. Во тебе, — добродушно подумал Никола, перекрестясь и выставив кукиш, — не на таковского напал. Это на Ерофея ты страшный, когда деревья ломать зачнешь.

Леший захохотал, захлопал в ладоши. Лошадь понесла, трюхая селезенкой.

— Ну ты, анафема, — осерчал Никола, — в лесу не бывала!

Ухватил кнут, привстал, натянул вожжи. Колесо подпрыгнуло на толстом дубовом корне, телега накренилась…

…и не выпуская из рук ускользающую рулевую баранку, Коля рухнул обратно, на жалобно скрипнувшие пружины сиденья. Видавший виды «Москвич» с натужным воем прополз еще десяток метров, взобрался на пригорок и сдох.

Коля выпростал свои длинные ноги из автомобильного нутра. До деревни осталось всего

ничего: вон горстка изб у пруда. И одна избенка поближе, на отшибе, смотрела маленькими окошками в лес, на Колю.

— Ну ты, анафема, — пнул он покрышку и сам подивился своему лексикону. Машина виновато молчала. Только внутри под капотом что-то изредка потрескивало, как у остывающей газовой духовки. И что там всегда потрескивает?

Трудно узкому специалисту по низшим ракообразным ездить на старой и непрестижной машине. Сервис в этой области, как говорится, ненавязчив. Надо все самому. Грубые люди на станции техобслуживания, надменно принимая пятерку, сказали, что руки у него не тем концом вставлены, и тут уж ничего не попишешь.

А жить хочется. Хочется путешествовать по просторам. Вот нынче он поставил себе целью добраться в глухой угол, откуда, по семейным преданиям, пошла есть колина династия…

— Кто ж вас по такой дороге направил? — боковой тропинкой вдоль опушки подошла сухонькая бабуся в полотняной туристской кепочке и солнечных очках. — Местных-то к дубу силком не затащишь.

— Лесник показал, — ответил Коля, вспоминая недавнюю встречу на развилке. Старик-обходчик

сидел на пенечке, сбросив котомку. Расстегнутая по жаре форменная тужурка открывала косоворотку мелкокрапчатого ситчика. Обросший — как в молодежном кафе. Вот только бровей не было. Фуражку с кокардой дед повесил на куст. Не спеша и с удовольствием расчесывал пышный чуб. Справа налево.

На вопрос о дороге старик с шумом продул расческу и молча ткнул большим пальцем за плечо. Машина рванула словно сама по себе, задыхаясь, свалилась в старую колею. Дед гулко захохотал вдогонку. Странный какой-то.

— Не помню я такого лесника, — нахмурилась бабка, — Ну, добрались, и ладно. Пойдемте ко мне. А машину бросьте. Постоит — сама заведется.

Что-что, а это Коля знал. И потому охотно последовал за старушкой. Пока шли до ближней избы, Степанида Петровна обо всем повыспросила Колю и про себя рассказала. Учительница, на пенсии, зимой в городе, летом — здесь, в опустевшем родном углу, вся деревня съехала на центральную усадьбу, там и магазин, и разная культура, и служба быта.

…Вечером сидели на крылечке. Автомобиль, отдохнув, заводился как ни в чем не бывало. Коля уже обошел остатки бывшей деревни. Жили

тут две глухие старухи да несколько унылых дачников, проникших сюда к собственному недоумению. Жизнерадостная колина хозяйка не больно-то общалась с ними. К ее избушке на отшибе приходили только местные куры под началом цветастого петуха. Вот и сейчас петух важно стоял, поджав ногу, перед крылечком и прислушивался к беседе, вставляя короткие клокочущие реплики.

— Ишь, фармазон, — засмеялась Степанида Петровна, бросив в него щепочкой.

Петух не обиделся, только прикрикнул на кур — дескать, не вашего ума дело.

— По-моему, фармазон должен быть в белой шляпе, — рассеянно заметил Коля.

— С чего вы взяли?

— Не знаю. — Коля сам удивился. — Может быть, память предков?

— А что, — оживилась Степанида Петровна, — вдруг и в самом деле существует некая связь поколений? Вот на этом месте стояла когда-то избушка моей прародственницы Степаниды — о ней шла слава как о знахарке. Меня, разумеется, ничему такому не учили, но я рукой чувствую боль и могу иногда снять ее. Кстати, у вас болит поясница.

— Радикулит, — сказал Коля без особого интереса. — Профессиональная болезнь научных работников, от вечного перетаскивания аппаратуры. Да еще натрясло в машине.

— А давайте снимем боль?

— Массаж? — Коля засмущался. — Спасибо, у меня всегда с собой анальгин.

— Да не притронусь я к вам, экий вы… словно девица!

— Внушение, значит, — догадался Коля. — Не верю я в эти штучки.

— Знаете старый анекдот? «Это такси? — Да. — А почему без шашечек? — Так вам нужны шашечки или вам нужно ехать?»

Степанида Петровна споро махала рукой и словно бы цепляла что-то в воздухе, вытягивала из колиной поясницы какие-то хрусткие чувствительные нити.

— Но я же все равно не верю! — повторил он с отчаянием.

— Вам нужны шашечки, Коля, — засмеялась Степанида Петровна. — Все! Можете двигаться.

Коля пошевелился. В спине, где-то внутри, слегка пекло, как после легкого горчичника. Боли не было.

— И все равно, — сказал он тяжелым голосом

страстотерпца, — этого не может быть!

Петух клокотнул с одобрением и уважительно рассмотрел Колю сперва одним, потом другим глазом…

Пили чай с медом. Насупившийся Коля приналег на душистое лакомство. Поясницу и впрямь отпустило — верь не верь.

На ночь хозяйка постелила ему в клети. От подушки пахло сонными травами. Но заснуть не пришлось. Сперва мысли мешали. Потом начало дергать зуб, все сильней и сильней. От меда, что ли.

Коля кряхтел, вертелся, принял любимый анальгин в двойной дозе. Наконец, сел на крыльце под луной, постанывая и раскачиваясь.

— Что случилось? — Степанида Петровна склонилась над ним. — Почему ж не разбудили? Ах, зубы. Бедный сластена. Вот здесь, справа, вверху.

Привычно поводя рукой над больным местом, она откашлялась и забормотала чужим, странным голосом:… подон, лодон, сукман…

— Что это? — пролепетал Коля испуганно.

— Тихо! Ведьмин счет. — Она рассмеялась и ушла.

Зуб не болел.

Ошарашенный Коля сидел на ступенечке,

облитой призрачным лунным светом. Черной стеной высился недалекий лес. Из темноты, от дуба, что-то выкатилось тенью, покружило возле опушки, остановилось. Вроде бы куст. Или пенек? Дифракция, — подумал он успокоительно. — То есть аберрация. В общем, обман зрения. Иллюзия. Да, да, иллюзия и обман.

Все, что происходит на свете, должно иметь четкую трактовку. В действиях Степаниды Петровны не прослеживалось теоретической базы. Следовательно, это была мистика. Мистику Коля не уважал.

Спина, конечно, прошла сама по себе. Совпадение. А зуб — зуб перестал болеть потому, что раздражение кончилось. Повторись оно — заболит снова. Чтобы развеять старухино мракобесие, Коля прокрался на кухню, достал с полки мед, зачерпнул ложку, другую…

Эффекта долго не было. Потом рвануло. Сразу в полную силу. Со стоном Коля рухнул на свое ложе.

Промучился он до свету. Когда в доме запахло оладьями, вышел, мрачно держась за щеку.

— Доброе утро! — окликнула его с кухни хозяйка. — А я уже в росе купалась. День-то какой!

Мне бы ваши заботы, угрюмо подумал Коля. А

вслух сказал:

— Я поехал. Спасибо за приют…

— Да как же так, — всполошилась Степанида Петровна, — вы хоть позавтракайте, все уже на столе!

— Не могу, — промычал Коля, — мне бы до врача добраться.

— Опять? — удивилась она. — Но вы же не за ту щеку держитесь, у вас справа болело! Ах, Коля, как вы запустили зубы, врач необходим, но больто зачем терпеть, давайте я…

— Нет уж! — ощетинился Коля. — Потерплю. Без ваших донов-лодонов.

Степанида Петровна всплеснула руками.

— Ну простите меня, пошутила я. Где-то вычитала, — она сделала круглые глаза, — сукман, дукман, левурда… Страшно?

Коля шутки не принял. Попрощался сухо.

— Что ж, — вздохнув, она протянула испачканную в муке руку. — Я уважаю вас, Коля. Вы как… как Муций Сцевола.

Коля потупился.

Только бы добраться до города. С острой болью примут без предварительной записи. Он представил себе все, что будет, и содрогнулся. — Ничего, ничего, — шептал он, не попадая ключом в замок

зажигания. — Зато все как положено.

Машина бойко дернула. Боль резанула во всю челюсть.

— В-ведьма! — взвыл Коля. — Окопались тут!..

На толстом корне под дубом колесо подскочило, глухо стукнула передняя подвеска…

…и не выпуская из рук кнутовища, Никола свалился с телеги на поросшую травой обочину.

Сел, ошалело помотал головой. — Не иначе, стало быть, амортизаторы прохудились, — сказал он, сильно удивился на такие свои непонятные слова и совсем пришел в себя. Хватился за пазуху — деньги на месте. Лошадь стояла невдалеке, виновато поглядывала на хозяина: ладно, мол, с кем не бывает, поехали. Деревня-то — вон она.

В густых сумерках что-то мохнатое, вроде клок сена, закружило с мяуканьем по опушке, метнулось туда-сюда, встало пеньком, притихло.

— Оборотень, — умилился Никола. — Дома, стало быть, слава те господи. — Он перекрестился, встал. Спина совсем не болела. Зато ныл зуб, спасу нет. Ничего, зубы для Степаниды — раз плюнуть.

По избам начали вздувать лучину. Совсем близко приветливо теплилось затянутое бычьим пузырем Степанидино окошко.

АНАЛЬГИН

№ 8

Герман Гессе

Финал доктора Кнельге

Немецкий писатель Герман Гессе (1877–1962), проживший большую часть своей долгой жизни в Швейцарии, пользуется в нашей стране заслуженным признанием. Правда, для «Химии и жизни» это имя не совсем обычно. Можно ли назвать Гессе фантастом! Пожалуй, — хотя бы потому, что действие «Игры в бисер», главного произведения писателя, перенесено в далекое будущее. Новелла, которую мы публикуем, внешне более реалистична; ее герой — современник автора. А ее тема, как ни странно, оказывается даже актуальней, чем семьдесят лет назад, когда она была написана. Маленький рассказ Гессе посвящен тому самому увлечению неофициальными, если можно так выразиться, методами сохранения здоровья, которое в наши дни приняло чуть ли не эпидемический характер. Но, может быть, нынешний ажиотаж, нередко порождаемый желанием не отстать от века, был бы куда умеренней, если бы поклонники парамедицины знали, как все это старо!

Литературные страницы

Финал доктора Кнельге

Герман ГЕССЕ

Г-н доктор Кнельге, бывший преподаватель гимназии, рано вышел на пенсию, занимался на досуге филологией и, вероятно, никогда не имел бы ничего общего с вегетарианцами и вегетарианством, если бы не приступы астмы и ревматические боли, побудившие его как-то раз испробовать растительную диету. Успех был настолько очевиден, что с тех пор скромный ученый каждый год ездил на два-три месяца в какой-нибудь вегетарианский санаторий, по большей части на юг, и там, несмотря на свою неприязнь ко всему экстравагантному, сблизился с представителями кругов, которым в общем-то мало симпатизировал; во всяком случае, дома, в своем родном городе, он старался избегать их визитов.

Несколько лет подряд доктор Кнельге проводил весну и начало лета, а иногда и осень в одном из многочисленных уютных пансионов на южном берегу Франции либо уезжал на Лаго-Маджоре. Он познакомился с разной публикой и привык ко многому, к длинноволосым апостолам, проповедникам хождения босиком, к фанатикам голодания и овощным гурманам. Кое с кем он даже подружился и, мучимый недугом, который мало-помалу лишил его радостей трудноусвояемой

мясной кухни, сам в конце концов превратился в глубокого знатока и ценителя овощных и фруктовых блюд. У него были серьезные возражения против салата из цикория, ни за что на свете он не предпочел бы калифорнийские апельсины итальянским; но что касается теории этого дела, он питал к ней глубокое равнодушие: вегетарианство оставалось для доктора Кнельге всего лишь средством лечения. Некоторое любопытство вызывала в нем разве только терминология; пышные неологизмы, которыми щеголяли адепты вегетарианства, казались ему как филологу забавными. Так, например, существовали просто вегетарианцы, вегетабилисты, сыроеды, фруктоягодисты и, наконец, блюдосмесители.

Сам доктор принадлежал, согласно этой классификации, к смесителям, поскольку употреблял смешанную диету — не только сырые овощи и плоды, но и вареные овощи и даже кушанья из молока и яиц. Он понимал, что в глазах истинных вегетарианцев, и прежде всего строгих сыроедов, неукоснительно блюдущих закон, он выглядит чудовищем. Однако он держался в стороне от яростных пререканий братьев по вере и свою приверженность секте смесителей подкреплял лишь практикой, тогда как у иных из его новых

знакомцев конфессиональная принадлежность была означена даже на визитных карточках.

И все-таки, как уже сказано, он не мог близко сойтись с этими людьми. Самая внешность доктора Кнельге, его розовая благодушная физиономия и плотная фигура разительно отличали его от тощих, восторженных и странно одетых собратьев, энтузиастов чистого вегетарианизма: многие из них принципиально не стригли волосы, и каждый вел жизнь подвижника и страстотерпца во славу некоего строго обособленного идеала. Кнельге был трезвый ученый и патриот; разные бредни о человечестве, проекты всеобъемлющих реформ вызывали в нем такую же брезгливость, как и абсурдный образ жизни его коллег. Оттого и выглядел он так, что служащие обыкновенных, мирских отелей, издали нюхом чувствующие всякого «капустного апостола» (как они выражались), не колеблясь приглашали его в свои учреждения; каково же было их изумление, когда они видели, что господин столь пристойного вида вручает свой чемодан человеку из какой-нибудь «Талисии» или «Цереры» или подзывает погонщика осла, держащего путь на Гору Истины.

Со временем, однако, он вполне освоился в чужом окружении. Он умел бодро смотреть в лицо

будущему, даже в каком-то смысле наслаждаться жизнью, и ему удалось отыскать среди посещавших эти обители иноземцев — правда, это были все больше французы — двух-трех терпимых, краснощеких единомышленников, в обществе которых он мог спокойно поглощать свой любимый весенний салат и лакомиться персиками, перемежая трапезу неторопливой беседой и не опасаясь, что какой-нибудь ревнитель закона осудит его меню, что какой-нибудь кормящийся сухим рисом буддист уличит его в пагубном равнодушии к священным заветам.

Так и текла его жизнь, когда в один прекрасный день доктор Кнельге прочел в газете, а затем услыхал от своих знакомых в плодоовощных кругах о том, что учреждено международное Общество вегетарианцев. Общество приобрело участок земли в Малой Азии, и всех сочувствующих, всех братьев во всем мире приглашают, по самой умеренной цене, посетить колонию, а при желании и поселиться там. Это было предприятие, затеянное кучкой энтузиастов — немцев, голландцев и австрийцев, это был поход пионеров, вдохновленных мечтой обрести обетованную землю — новую, собственную, самоуправляемую страну вегетарианства: там сыны завета, хра-

нители истинной веры смогут, наконец, вести жизнь, созвучную природе. Призыв был обращен «ко всем борцам за вегетарианский и вегетабилистический идеал, за культуру нагого тела и преобразование жизни на растительной основе», и все это звучало так вдохновляюще, обещания были столь заманчивы, что г-н Кнель-ге не устоял; противиться голосу, зовущему в земной эдем, было невозможно. И он записался в число гостей на ближайшую осень.

Предполагалось возделывать на тучной земле в невиданном изобилии сочные овощи и плоды, руководство кухней в центральном общежитии взял на себя прославленный автор основополагающего труда «Путь к святости», особенно же соблазнительной представлялась перспектива жить спокойно вдали от жестокого мира с его насмешками и скептицизмом. Допускались все виды и оттенки вегетарианства и любые реформы в области одежды; запрет был наложен лишь на мясо и алкоголь.

И вот со всех концов света стали съезжаться на малоазийский брег диковинные паломники, одни для того, чтобы, наконец, зажить в покое, неге и довольстве жизнью, отвечающей их чаяниям, другие с более скромной целью подкормиться

возле алчущих спасения. Приехали бродячие проповедники и последователи всевозможных сект; прибыли оккультисты, импровизированные индусы, учителя языков, массажисты-хиропрактики, кудесники, специалисты по заговариванию болезней и специалисты, исцеляющие магнитной водой. И нужно сказать, что вся эта разношерстная обслуга, весь этот маленький эксцентрический народ состоял не столько из явных мошенников и заведомо недобросовестных людей, сколько из безобидных охотников морочить голову себе и людям, ибо доход, говоря откровенно, предвиделся небогатый и большинство рассчитывало лишь на скромный подножный корм, каковой в теплых краях, как известно, относительно дешев.

Единственный порок, который привезли с собой эти выходцы из Европы и Америки, недостаток, свойственный, увы, столь многим из числа живущих растительной пищей, — была боязнь работы. Их не прельщали ни золото, ни земные блага, они не стремились к власти и не жаждали чувственных наслаждений. Просто они хотели жить тихо и мирно без трудов и забот. Кое-кто из них не однажды пересек пешком Европу, подвизаясь на поприще скромного чи-

стильщика дверных ручек в домах состоятельных единоверцев, или странствующего пророка, или чудотворца-целителя. Так что Кнельге, прибыв на место, то и дело узнавал в толпе пилигримов какого-нибудь старого знакомца, некогда посещавшего в роли мирного попрошайки дом доктора в Лейпциге.

Но, конечно, главным событием дня, так сказать, гвоздем программы была встреча со звездами всех основных направлений вегетарианства. Коричневые от загара мужи с ухватками ветхозаветных пророков, с густыми нечесанными волосами и бородами, выступали в белых бурнусах и сандалиях, другие щеголяли в домотканых, полуспортивного вида одеяниях из светлого льна. Некоторые почтенные личности шествовали нагишом, довольствуясь не бросавшимися в глаза набедренными повязками из мочала собственной выделки. Вскоре образовались группы и объединились союзы; в одном месте собирались сыроеды, в другом — аскеты-голодари, там теософы, здесь солнцепоклонники. Почитатели американского пророка Дэвиса воздвигли храм, в коем один притвор был отведен для радений в честь Сведенборга.

Первые дни доктор Кнельге чувствовал себя в

этом бедламе очень неловко. Он посещал лекции некоего педагога из Бадена, по имени Клаубер, который просвещал народы Земли относительно судеб острова Атлантида. С изумлением смотрел доктор на великого йога Вишинанду, настоящее имя которого было Беппо Чинари и который усовершенствовался в результате многолетней тренировки настолько, что мог по своему желанию уменьшить число сердечных сокращений на одну треть.

В Европе, в мире промышленности и политики, колония вегетарианцев производила бы, вероятно, впечатление гротескного театрального представления, если не сумасшедшего дома. Здесь, в Малой Азии, все выглядело иначе — и даже не казалось бессмыслицей. Порой можно было видеть, как новоприбывшие, в восторге от того, что сбылись их самые заветные грезы, с сияющими лицами, со слезами счастья на глазах, держа в руках охапки цветов, братским лобызанием приветствовали каждого встречного.

Но, пожалуй, самое захватывающее зрелище являло собой содружество сыроедов. Эти не интересовались ни храмами, ни проблемой жилья, к любым формам организации относились пренебрежительно. Все их помыслы были

сосредоточены на том, чтобы жить естественной жизнью, по их выражению, «быть ближе к земле». Они обитали под открытым небом и не ели ничего, что не росло на кустах и деревьях. Они презирали всех остальных вегетарианцев, а один из них прямо заявил доктору Кнельге, что употреблять рис и хлеб в сущности такое же свинство, как и есть мясо, и лично он не видит разницы между так называемым вегетарианцем, попивающим молоко, и самым последним пьяницей и забулдыгой.

Особо выдающимся сыроедом слыл почтенный брат Ионас, наиболее маститый и самый последовательный представитель этой школы. Набедренная повязка на нем почти не отличалась от бурого волосатого тела, и жил он в роще неподалеку; видно было, как он там прыгает с необычайным проворством среди ветвей. Пальцы его рук и ног чудесным образом приспособились к нуждам естественного существования, и весь его облик демонстрировал самое полное и несомненное возвращение к природе, какое только можно было вообразить. Находились, правда, шутники, называвшие его за глаза орангутаном, однако у остальных — практически у всей колонии — Ионас неизменно вызывал почтительное

удивление и восхищение.

К привычке пользоваться членораздельной речью великий сыроядец питал презрение. Когда братья и сестры прогуливались, беседуя, вдоль опушки его рощи, он сидел на суку и, поглядывая на них сверху вниз, гримасничал или саркастически усмехался, жестами показывая, что его способ общения есть истинный язык природы и со временем станет всемирным языком всех вегетарианцев и борцов за естественный образ жизни. Те, кто удостоился его дружбы, постоянно находились при нем, учились искусству разгрызать и пережевывать орехи и с благоговением созерцали непрерывное шествие Ионаса к высотам совершенства; одно лишь удручало их — близкое расставание: говорили, что Ионас намеревается удалиться в милые его сердцу горы, дабы там, среди девственной природы, окончательно воссоединиться с ней.

Некоторые почитатели предлагали воздавать этому дивному существу, завершившему круг и вернувшемуся к благодатным истокам, откуда некогда вышло человечество, божественные почести. Однажды утром, на восходе солнца, они собрались на поляне перед рощей и, коленопреклоненные, запели благодарственный

гимн. Однако объект любви, выбравшись из чащи, вскочил на свой любимый сук и, потрясая в воздухе сорванной с чресел повязкой, забросал поклонников твердыми, как камни, сосновыми шишками.

Этот Ионас Совершенный возбуждал в деликатной душе г-на Кнельге чувство непреодолимого отвращения. Все, что доктор долгие годы молча копил в своем сердце, раздражение крайностями растительной философии, дикостью и нетерпимостью ее адептов, все теперь сосредоточилось на этой образине. «Натуральная» диета стала казаться смешной. Прежде столь терпимый ко всевозможным чудачествам, он теперь чувствовал себя так, словно в его лице было нанесено оскорбление всему человечеству, — и не мог пройти мимо рощи, где обретался Совершенный, не испытывая омерзения и гнева. В свою очередь орангутан, с одинаковым равнодушием взиравший и на почитателей, и на критиков, питал звериную ненависть к этому человеку, чьи чувства он инстинктивно угадывал. И в то время как доктор бросал на обиталище Совершенного недобрые взгляды, Ионас отвечал ему не предвещавшим ничего хорошего зубовным скрежетом и рыком.

Кнельге уже принял решение покинуть колонию с ближайшим пароходом и вернуться домой, когда однажды вечером, гуляя, он ненароком очутился на поляне. Светила полная луна. С волнением и тоской припомнил он те далекие счастливые времена, когда он был молод и здоров и ел мясо, как все люди; и, охваченный воспоминаниями, он принялся насвистывать старинную студенческую песню.

И тут затрещал кустарник, и на поляну выбрался лесной человек — свист разбудил и разозлил его. С дубиной в косматой руке, он грозно уставился на Кнельге. Ошеломленный и раздосадованный доктор ощутил внезапно такой гнев, что вместо того, чтобы бежать, решил рассчитаться наконец со своим недругом. Язвительно улыбаясь, он поклонился и со всей оскорбительностью, со всем презрением, на какие он был способен, произнес:

— Позвольте представиться. Доктор Кнельге.

И тогда, прохрипев боевой клич, орангутан отшвырнул прочь свою дубину, бросился на человека и в мгновение ока задушил его. Тело г-на Кнельге было найдено утром; многие догадывались о случившемся, но никто не осмеливался назвать Ионаса, который спокойно грыз орехи в

кустах. Немногочисленные друзья доктора, которых он приобрел за время пребывания в земном раю, погребли его невдалеке и водрузили над могилой простую табличку с надписью:

«Д-р Кнельге, вегетарианец-смеситель из Германии».

Перевел с немецкого Г. Шингарёв

№ 11

Михаил Веллер

Кнопка

Кнопкой его прозвали еще в школе. Пришел такой маленький, аккуратненький, в очках, и нос кнопкой. Посадили его за первую парту, перед учительским столом, да так мы все десять лет и видели впереди на уроках его стриженый затылок и дужки очков за ушами. Левое ухо у

него было выше правого, очки сидели косовато, он их поправлял.

Учился он неплохо, списать давал всегда. И не ябедничал, даже когда (был такой случай) шалопай Юрка Малинин закинул его портфель в проезжающий грузовик.

На физкультуре он стоял самый последний, в пятом классе не мог перепрыгнуть через козла; и позже не удавалось. А уж если играли в футбол, Кнопка шел в качестве нагрузки, друг другу его спихивали. Но обычно мы его ставили судить, это и его, и нас вполне устраивало. Судить Кнопке нравилось, добросовестный был судья. А после игры он всем с ответственным видом раздавал полученные на хранение часы и авторучки. Или, например, пойдем купаться, побросаем барахло, а Кнопка лежит рядом и переворачивается на солнце через научно обоснованные промежутки времени, сигареты нам достает сухими руками и время говорит.

Если собирают деньги — складчину или на учебники, — сдавай Кнопке. Это была его общественная нагрузка — казначей, и он относился к ней со всей серьезностью, специальный кошелек завел с тремя отделениями: одно для мелочи, другое для бумажек, а в третьем держал список

— кто, когда и сколько сдал. Как в сберкассе.

Однажды Толя Кравцов подобрал на улице щенка и принес домой. Мамаша, конечно, на дыбы. И Толька со щенком отправился к Кнопке.

— Выручай, — говорит, — Кнопка, друг, пока я ее уломаю.

Щенок месяц жил у Кнопки. В конце концов Кравцов выиграл домашнюю войну благодаря серии удачных маневров: исправил двойку по алгебре, записался в кружок друзей природы и натравил классную руководительницу прийти к нему домой и провести беседу о воспитательном значении животных в семье. Щенок вернулся к хозяину, и с тех пор каждое лето, уезжая в пионерский лагерь или с родителями, Кравцов со спокойной душой оставлял его Кнопке.

Еще Кнопка умел хранить тайны. Могила! Ему доверялись, не рассчитывая на собственную выдержку; знали: Кнопка не выдаст. Да что там тайны, мы ему стали и выученные параграфы сдавать. Вызубришь — и сдашь, а то, пока урок наступит, все вылетит из головы. Леня Маркин, был у нас такой отличник, даже приспособился вообще все Кнопке сдавать: на перемене полистает книжку, побормочет под нос, прикрыв страницу, — и Кнопке. Выйдет к доске — пятерка.

Все учителя Маркина в пример ставили.

Когда Юрку Малинина, вторую нашу знаменитость, повлекли на педсовет за электрический стул (вмонтировал в сиденье учительского стула батарею БАС-80 и вывел полюса на шляпки гвоздей), он, посображав, оставил у Кнопки на всякий случай задиристость и грубость.

— И карты пока у себя держи.

Мы замерли. Заговор созрел.

— Кнопка, — сказал кто-то вполголоса, — ты бы их выкинул куда-нибудь подальше, а? И тебе безопаснее…

Кнопка подумал, поправил очки. И ответил:

— Во-первых, сами понимаете, что Юрка может тогда натворить. Во-вторых, добудет взамен что-нибудь еще похуже. А в-третьих, — он вздохнул, — не могу, взял — значит надо отдать. Иначе представляете, до чего может дойти?..

От него отступились, разочарованные и со смутным уважением.

Насели на Малинина, чтобы он выбросил карты. Юрка артачился, набивал цену. Его соблазнили авторучкой-самописцем — знаете, которая заправляется водой.

— Ладно, — снизошел. — Но ненадолго, посмотрим пока…

Смотрели два дня. На третий Юрка пришел с фингалом и потребовал все обратно: драчливость, грубость и прочее.

— Пацаны в микрорайоне уважать перестали, — процедил он нехотя, в ответ на тактичные расспросы. — Ничего, сегодня у них будет вторая серия. Курская дуга, — и сплюнул.

…И был май, и листва за открытыми окнами, когда после уроков (уже в девятом классе) некая Нина Санеева, знаменитая красавица Нина Санеева, подошла к Кнопке и взглянула ему в глаза.

— Кнопка, — говорит, — мне надо с тобой поговорить.

Кнопка кивнул, стараясь держаться уверенней. Он пришел на свидание раньше времени, в выходных брюках. Нинке полагалось опоздать, и она опоздала.

Они уселись на скамейке в скверике, и Нина взяла его за руку, и его сердце пропустило удар.

— Кнопка, — спросила она, — ты мне друг?

— Угу, — сказал Кнопка, избегая смотреть на руку.

— Ты должен мне очень помочь, — сказала она, и Кнопка полетел с небес на землю.

Она продолжала, понизив голос:

— Тебе можно доверить самое главное?

— Что? — спросил Кнопка, хотя уже все знал…

— Нет, ты скажи!

— Можно, — сказал он. — Но зачем?

— Понимаешь… есть один человек… Но он не любит меня. И… и я боюсь наделать глупостей…

Кнопка считал астры на клумбе.

— Может быть, — проговорил он, — вовсе не надо его… может, он не стоит этого?

— Нет, — сказала она. — А вдруг он меня когда-нибудь полюбит? Или мне понравится другой, хороший человек. Выйду замуж и буду его любить, понимаешь? А сейчас я не желаю больше мучиться. И… не хочу потратить свою любовь так бездарно.

— Эх, — сказал Кнопка. Подумал, что надо бы вынуть руку из ее руки, но не стал: все равно сейчас расходиться.

— А ты сумеешь сохранить?

— Сумею, — сказал Кнопка. — У нас как в сберкассе.

Уже поступив в институты, мы забрали у Кнопки свои волнения. Жаль, но что поделаешь — нас-то сколько, а он один. Тут, знаете, и верблюд не выдержит. Кнопка переехал в новый район, на окраину, без телефона, и если его тревожили, то уже не по пустякам. И каждый год собира-

лись у него отмечать годовщину окончания: двухкомнатная квартира, а родители уезжали к знакомым за город.

Прошлый раз мы на этой встрече несколько перебрали и, неловко даже признаться, чуть все не перепутали в кнопкиной камере хранения. Насилу разобрались. Хотя не исключено, что кое-кто был в этом заинтересован.

Между письменным столом и батареей центрального отопления стоит мой вкус к жизни. Я отвез его Кнопке через месяц после поступления в аспирантуру. Иначе серьезно работать невозможно. На отпуск только беру. Там же лежит желание выпить. Жена заставила: «Или рюмка, или я». И все равно мы развелись.

Всю эту неделю я засиживался в лаборатории допоздна, в субботу шел дождь, ко всему еще я простудился, взял бутылку белого — а пить не хочется. Подумал и поехал на Загребский бульвар, дом 5, корпус 38. Метро с двумя пересадками, потом автобус.

Кнопка открывает, в байковой курточке, лицо усталое. В волосах седина. Вообще он как-то быстро стареет.

— Заходи, — радуется.

— Понимаешь, — говорю я, — как-то мне по-

следнее время не по себе. Давай, Кнопка, выпьем, что ли.

— А, — понимает. — Пошли в мою комнату, сейчас.

Он быстро накрыл на стол. Мамаша винегрет принесла, помидоры соленые.

Себе Кнопка налил томатный сок. Не хочет пить.

— Вот всегда так, — вздохнула мать. — Не пьет, не ест. Говорит, для здоровья полезно. А что полезного, вон на кого похож.

— Слушай, — сказал я, — может давай, а?.. Моего желания и на двоих хватит.

— Не в том дело.

Сколько я ни просил — ни в какую. Посидели, поговорили. Он инженер в каком-то институтишке. Я спросил: сколько он получает?

— Сто тридцать с прогрессом.

— Слушай, Кнопка… У тебя здесь столько всего лежит. Неужели самому не захотелось когда-нибудь воспользоваться? Ты бы такие дела мог творить…

Он улыбнулся и покачал головой.

— Как ты не понимаешь, — объяснил он. — Это как ключи от французских замков — к каждому только свой подходит. Да и непорядочно как-то…

— Попробовать? Что ж тут непорядочного?

Кнопка вздохнул.

— Помнишь Светку Горячеву? Она ко мне в прошлом году мужа привела. Такой способный молодой ученый, но уж очень застенчивый, все его затирают. Нельзя ли, мол, напористости ему, ну, что ли, нахальства… Очень просила. Я и дал ему — на неделю.

— И что же?

— Его выгнали с работы. Этого надо было ожидать. Человек-то тот же самый, и вдруг появляется новая черта характера. Людям это не нравится.

Я слегка захмелел. Сижу, гляжу на него, бедолагу, кассира при чужих деньгах.

— Зря так смотришь, — говорит он… — Жизнь моя — хорошая.

— Жениться не думаешь?

— Да нет пока.

— А Нина как живет? — спросил я и тут же пожалел, что заикнулся об этом.

— Да так, — говорит. — Недавно опять любовь свою взяла. У нее ненадолго.

Я представил себе Нинку с ее неснашиваемой любовью, и зло взяло.

— Хотя надо признать, — заметил Кнопка, — что кое-что при хранении портится. Я, конечно,

слежу как могу… Мне недавно Леня Маркин одну идею сдал; не время, говорит, сейчас. А отдать другому не хочет, жалко. Идея скоропортящаяся. Мать уже жалуется на запах, хотя я ее на балконе держу.

При этих словах она вошла с чайником — может быть, подслушивала наш разговор — и стала жаловаться на бессовестных друзей своего сына.

— Ведь что ж такое, — бормотала она, расставляя чашки, — вся квартира завалена. Ровно склад какой. Ступить некуда.

Мы принялись молча пить чай.

— Знаешь, — сказал Кнопка, — я тут как-то заходил к Юре Малинину. У него дочка родилась. Думали, как назвать.

Это было для меня новостью — и то, что Юрка сделался отцом семейства, и то, что Кнопка бывает у него.

— Я там себя как дома чувствую, — признался Кнопка.

Мне вдруг стало совсем неловко и скверно. Я понял, как мы все к нему относились. Пренебрежение — вот как это называется. И пожалуй, даже неприязнь: оттого ли, что он не такой, как все, или оттого, что каждый был ему чем-то обязан, а отблагодарить его — как-то руки не доходили.

Все знали: Кнопка сделает, Кнопка не откажет… Вот так-то.

— Мы еще знаешь о чем с ним думали? — заговорил он. — Летом утонул Володя Алтунин, ты, наверное, слышал… У меня от него полкладовки осталось: там и горячность, и наивность, и принципиальность. Он ведь до тридцати лет нигде не уживался, только после этого в гору пошел… Хотел бы я знать: что мне со всем этим делать?

— Дьявол! — сказал я. — Неужели нельзя как-то приспособить это для дела?

— Да я уж думал… не выходит. Да и не нужно это…

— Как сказать. Может, кому-нибудь и понадобится.

Мы просидели с ним до двух ночи, строя планы один, фантастичнее другого.

№ 12

Рэй Брэдбери

Превращение

Фантастика

Превращение

Рэй БРЭДБЕРИ

Ну и запах тут, подумал Рокуэл. От Макгайра несет пивом, от Хартли — усталой, давно немытой плотью, но хуже всего острый, будто от насекомого, запах, исходящий от Смита, чье обнаженное тело, обтянутое зеленой кожей, засть — о на столе. И ко всему еще тянет бензином и смазкой от непонятного механизма, поблескивающего в углу тесной комнатушки.

Этот Смит — уже труп. Рокуэл с досадой поднялся, спрятал стетоскоп.

— Мне надо вернуться в госпиталь. Война, работы по горло. Сам понимаешь, Хартли. Смит мертв уже восемь часов. Если хочешь еще что-то выяснить, вызови прозектора, пускай вскроют…

Он не договорил — Хартли поднял руку. Костлявой трясущейся рукой показал на тело Смита — на тело, сплошь покрытое жесткой зеленой скорлупой.

— Возьми стетоскоп, Рокуэл, и послушай еще раз. Еще только раз. Пожалуйста.

Рокуэл хотел было отказаться, но раздумал, снова сел и достал стетоскоп. Собратьям-врачам надо уступать. Прижимаешь стетоскоп к зеленому окоченелому телу, притворяешься, будто слушаешь…

Тесная полутемная комнатушка вокруг него

взорвалась. Взорвалась единственным зеленым холодным содроганием. Словно по барабанным перепонкам ударили кулаки. Его ударило. И пальцы сами собой отдернулись от распростертого тела.

Он услышал дрожь жизни.

В глубине этого темного тела один только раз ударило сердце. Будто отдалось далекое эхо в морской пучине.

Смит мертв, не дышит, закостенел. Но внутри этой мумии сердце живет. Живет, встрепенулось, будто еще не-рожденный младенец.

Пальцы Рокуэла, искусные пальцы хирурга старательно ощупывают мумию. Он наклонил голову. В неярком свете волосы кажутся совсем темными, кое-где поблескивает седина. Славное лицо, открытое, спокойное. Ему около тридцати пяти. Он слушает опять и опять, на гладко выбритых щеках проступает холодный пот. Невозможно поверить такой работе сердца.

Один удар за тридцать пять секунд.

А дыхание Смита — как этому поверить? — один вздох за четыре минуты. Движение грудной клетки неуловимо. Ну а температура?

Шестьдесят[18].

Хартли засмеялся. Не очень-то приятный смех. Больше похожий на заблудшее эхо. Сказал устало:

— Он жив. Да, жив. Несколько раз он меня едва не одурачил. Я вводил ему адреналин, пытался ускорить пульс, но это не помогало. Уже три месяца он в таком состоянии. Больше я не в силах это скрывать. Потому я тебе и позвонил, Рокуэл. Он… это что-то противоестественное.

Да, это просто невозможно, — и как раз поэтому Рокуэла охватило непонятное волнение. Он попытался поднять веки Смита. Безуспешно. Их затянуло кожей. И губы срослись. И ноздри. Воздуху нет доступа…

— И все-таки он дышит…

Рокуэл и сам не узнал своего голоса. Выронил стетоскоп, поднял, и тут заметил, как дрожат руки.

Хартли встал над столом — высокий, тощий, измученный.

— Смит совсем не хотел, чтобы я тебя вызвал. А я не послушался. Смит предупредил, чтобы я тебя не вызывал. Всего час назад.

---

[18] notes: 18
По Фаренгейту, т. е. около 16 °С. — *Ред.*

Темные глаза Рокуэла вспыхнули, округлились от изумления.

— Как он мог предупредить? Он же недвижим.

Исхудалое лицо Хартли — заострившиеся черты, упрямый подбородок, сощуренные в щелку глаза — болезненно передернулось.

— Смит… думает. Я знаю его мысли. Он боится, как бы ты его не разоблачил. Он меня ненавидит. За что? Я хочу его убить, вот за что. Смотри. — Он неуклюже полез в карман своего мятого, покрытого пятнами пиджака, вытащил блеснувший вороненой сталью револьвер.

— На, Мэрфи. Возьми. Возьми, пока я не продырявил этот гнусный полутруп!

Мэрфи попятился, на круглом красном лице — испуг.

— Терпеть не могу оружие. Возьми ты, Рокуэл.

Рокуэл приказал резко, голосом беспощадным, как скальпель:

— Убери револьвер, Хартли. Ты три месяца проторчал возле этого больного, вот и дошел до психического срыва. Выспись, это помогает. — Он провел языком по пересохшим губам. — Что за болезнь подхватил Смит?

Хартли пошатнулся. Пошевелил непослушными губами. Засыпает стоя, понял Рокуэл. Не сразу

Хартли удалось выговорить:

— Он не болен. Не знаю, что это такое. Только я на него зол, как мальчишка злится, когда в семье родился еще ребенок. Он не такой… неправильный. Помоги мне. Ты мне поможешь, а?

— Да, конечно, — Рокуэл улыбнулся. — У меня в пустыне санаторий, самое подходящее место, там его можно основательно исследовать. Ведь Смит… это же самый невероятный случай за всю историю медицины. С человеческим организмом такого просто не бывает!

Он не договорил. Хартли прицелился из револьвера ему в живот.

— Стоп. Стоп. Ты… ты не просто упрячешь Смита подальше, это не годится! Я думал, ты мне поможешь. Он зловредный. Его надо убить. Он опасен! Я знаю, он опасен!

Рокуэл прищурился. У Хартли явно неладно с психикой. Сам не знает что говорит. Рокуэл расправил плечи, теперь он холоден и спокоен.

— Попробуй выстрелить в Смита, и я отдам тебя под суд за убийство. Ты надорвался умственно и физически. Убери револьвер.

Они в упор смотрели друг на друга.

Рокуэл неторопливо подошел, взял у Хартли оружие, дружески похлопал по плечу и передал

револьвер Мэрфи — тот посмотрел так, будто ждал, что револьвер сейчас его укусит.

— Позвони в госпиталь, Мэрфи. Я там не буду неделю. Может быть, дольше. Предупреди, что я занят исследованиями в санатории.

Толстая красная физиономия Мэрфи сердито скривилась.

— А что мне делать с пистолетом?

Хартли стиснул зубы, процедил:

— Возьми его себе. Погоди, еще сам захочешь пустить его в ход.

Рокуэлу хотелось кричать, возвестить всему свету, что у него в руках — невероятная, невиданная в истории человеческая жизнь. Яркое солнце освещало палату санатория; Смит, безмолвный, лежал на столе, красивое лицо его застыло бесстрастной зеленой маской.

Рокуэл неслышными шагами вошел в палату. Прижал стетоскоп к зеленой груди. Получалось то ли царапанье, то ли негромкий скрежет, будто металл касается панциря огромного жука.

Поодаль стоял Макгайр, недоверчиво оглядывал недвижное тело, благоухал недавно выпитым в изобилии пивом.

Рокуэл сосредоточенно вслушивался.

— Наверно, в машине скорой помощи его сильно растрясло. Не следовало рисковать…

Рокуэл вскрикнул.

Макгайр, волоча ноги, подошел к нему.

— Что случилось?

— Случилось? — Рокуэл в отчаянии огляделся. Сжал кулак. — Смит умирает!

— С чего ты взял? Хартли говорил, Смит просто прикидывается мертвым. Он и сейчас тебя дурачит…

— Нет! — Рокуэл выбивался из сил над бессловесным телом, пытался впрыснуть лекарство. Любое. И ругался на чем свет стоит. После всей этой мороки потерять Смита невозможно. Нет, только не теперь.

А там, внутри, под зеленым панцирем, тело Смита содрогалось, билось, корчилось, охваченное непостижимым бешенством, и казалось, в глубине глухо рычит пробудившийся вулкан.

Рокуэл пытался сохранить самообладание. Смит — случай особый. Обычные приемы скорой помощи не действуют. Как же тут быть? Как?

Он смотрит остановившимся взглядом. Окостенелое тело блестит в ярких солнечных лучах. Жаркое солнце. Сверкает, горит на стетоскопе.

Солнце. Рокуэл смотрит, а за окном наплывают облака, солнце скрылось. В комнате стало темнее. И тело Смита затихает. Вулкан внутри успокоился.

— Макгайр! Опусти шторы! Скорей, пока не выглянуло солнце!

Макгайр повиновался.

Сердце Смита замедляет ход, удары его опять ленивы и редки.

— Солнечный свет Смиту вреден. Чему-то он мешает. Не знаю, отчего и почему, но это ему опасно… — Рокуэл вздыхает с облегчением. — Господи, только бы не потерять его. Только бы не потерять. Он какой-то не такой, он создает свои правила, что-то он делает такое, чего еще не делал никто. Знаешь что, Мэрфи?

— Ну?

— Смит вовсе не в агонии. И не умирает. И вовсе ему не лучше умереть, что бы там не говорил Хартли. Вчера вечером, когда я его укладывал на носилки, чтобы везти в санаторий, я вдруг понял — Смиту я по душе.

— Бр-pl Сперва Хартли. Теперь ты. Смит тебе сам это сказал, что ли?

— Нет, не говорил. Но под этой своей скорлупой он не без сознания. Он все сознает. Да, вот в чем

суть. Он все сознает.

— Просто-напросто он в столбняке. Он умрет. Больше месяца он живет без пищи. Это Хартли сказал. Хартли сперва хоть что-то вводил ему внутривенно, а потом кожа так затвердела, что уже не пропускала иглу.

Дверь одноместной палаты медленно, со скрипом отворилась. Рокуэл вздрогнул. На пороге, выпрямившись во весь свой немалый рост, стоял Хартли; после нескольких часов сна колючее лицо его стало спокойнее, но серые глаза смотрели все так же зло и враждебно.

— Выйдите отсюда, и я в два счета покончу со Смитом, — негромко сказал он. — Ну?

— Ни с места, — сердито приказал Рокуэл, подходя к нему. — Каждый раз, как явишься, вынужден буду тебя обыскивать. Прямо говорю, я тебе не доверяю. — Оружия у Хартли не оказалось. — Почему ты меня не предупредил насчет солнечного света?

— Как? — тихо, не сразу прозвучало в ответ. — А… да. Я забыл. На первых порах я пробовал передвигать Смита. Он оказался на солнце и стал умирать всерьез. Понятно, больше я не трогал

его с места. Похоже, он смутно понимал, что ему предстоит. Может, даже сам это задумал, не знаю. Пока он не закостенел окончательно и еще мог говорить и есть, аппетит у него был волчий, и он предупредил, чтобы я три месяца его не трогал с места. Сказал, что хочет оставаться в тени. Что солнце все испортит. Я думал, он меня разыгрывает. Но он не шутил. Ел жадно, как зверь, как голодный дикий зверь, потом впал в оцепенение — и вот, полюбуйтесь… — Хартли невнятно выругался. — Я-то надеялся, ты оставишь его подольше на солнце и нечаянно угробишь.

Макгайр всколыхнулся всей своей тушей — двести пятьдесят фунтов.

— Слушайте… А вдруг мы заразимся этой смитовой болезнью?

Хартли смотрел на неподвижное тело, зрачки его сузились.

— Смит не болен. Неужели не понимаешь, тут же прямые признаки вырождения. Это как рак. Им не заражаешься, это в роду и передается по наследству. Сперва у меня не было к Смиту ни страха, ни ненависти, это пришло только неделю назад, тогда я убедился, что он дышит и существу-

ет и процветает, хотя и ноздри, и рот замкнуты наглухо. Так не бывает. Так не должно быть.

— А вдруг и ты, и я, и Рокуэл тоже станем зеленые, и эта чума охватит всю страну, тогда как? — дрожащим голосом выговорил Макгайр.

— Тогда, если я ошибаюсь, — может быть, и ошибаюсь, — я умру, — сказал Рокуэл. — Только меня это ни капельки не волнует.

Он повернулся к Смиту и продолжал делать свое дело.

Колокол звонит. Колокол. Два, два колокола. Десять колоколов, сто. Десять тысяч, миллион оглушительных, гремящих, лязгающих металлом колоколов. Все разом ворвались в тишину, воют, ревут, отдаются мучительным эхом, раздирают уши!

Звенят, поют голоса, громкие и тихие, высокие и низкие, глухие и пронзительные. Бьют по скорлупе громадные хлопушки, в воздухе несмолкаемый грохот и треск!

Под трезвон колоколов Смит не сразу понимает, где же он. Он знает, ему ничего не увидеть, веки замкнуты, знает — ничего ему не сказать, губы срослись. И уши тоже запечатаны, а колокола все

равно оглушают.

Видеть он не может. Но нет, все-таки может, — и кажется, перед ним тесная багровая пещера, словно глаза обращены внутрь мозга. Он пробует шевельнуть языком, пытается крикнуть и вдруг понимает — язык пропал, там, где всегда был язык, пустота, щемящая пустота будто жаждет вновь его обрести, но сейчас — не может.

Нет языка. Странно. Почему? Смит пытается остановить колокола. И они останавливаются, блаженная тишина окутывает его прохладным покрывалом. Что-то происходит. Происходит.

Смит пробует шевельнуть пальцем, но палец не повинуется. И ступня тоже, нога, пальцы ног, голова — ничто не слушается. Ничем не шевельнуть. Ноги, руки, все тело — недвижимы, застыли, скованы, будто в бетонном гробу.

И еще через минуту страшное открытие: он больше не дышит. По крайней мере легкими.

— Потому что у меня больше нет легких! — вопит он. Вопит где-то внутри, и этот мысленный вопль захлестнуло, опутало, скомкало и дремотно повлекло куда-то в глубину темной багровой волной. Багровая дремотная волна обволокла беззвучный вопль, скрутила и унесла прочь, и Смиту стало спокойнее.

Я не боюсь, подумал он. Я понимаю непонятное. Понимаю, что вовсе не боюсь, а почему — не знаю.

Ни языка, ни ноздрей, ни легких.

Но потом они появятся. Да, появятся. Что-то… что-то происходит.

В поры замкнутого в скорлупе тела проникает воздух, будто каждую его частицу покалывают струйки живительного дождя. Дышишь мириадами крохотных жабр, вдыхаешь кислород и азот, водород и углекислоту, и все идет впрок. Удивительно. А сердце как — бьется еще или нет?

Да, бьется. Медленно, медленно, медленно. Смутный багровый ропот возникает вокруг, поток, река, медлительная, еще медленней, еще. Так славно.

Дни сливаются в недели, и быстрей складываются в цельную картину разрозненные куски головоломки. Помогает Макгайр. В прошлом хирург, он уже многие годы у Рокуэла секретарем. Не бог весть какая подмога, но славный товарищ.

Рокуэл заметил, что хоть Макгайр ворчливо подшучивает над Смитом, но неспокоен; даже очень. Силится сохранить спокойствие. А потом

однажды притих, призадумался — и сказал неторопливо:

— Вот что, я только сейчас сообразил: Смит живой! Должен бы помереть. А он живой. Вот так штука!

Рокуэл расхохотался.

— А какого-черта, по-твоему, я тут орудую? На той неделе доставлю сюда рентгеновский аппарат, посмотрю, что творится внутри Смитовой скорлупы.

Он ткнул иглой шприца в эту жесткую скорлупу. Игла сломалась. Рокуэл сменил иглу, потом еще одну — и, наконец, проткнув скорлупу, добыл кровь и принялся изучать образцы под микроскопом. Спустя несколько часов он преспокойно сунул результаты проб Макгайру, под самый его красный нос, заговорил быстро:

— Просто не верится. Его кровь смертельна для микробов. Я капнул взвесь стрептококков, и за восемь секунд они все погибли! Можно привить Смиту какую угодно инфекцию — он любую бациллу уничтожит, он ими лакомится!

За считанные часы сделаны были еще и другие открытия. Рокуэл лишился сна, ночью ворочался в постели с боку на бок, продумывал, передумывал, опять и опять взвешивал потрясающие

догадки. К примеру:

С тех пор, как Смит заболел, и до последнего времени Хартли каждый день вводил ему внутривенно какое-то количество кубиков питательной сыворотки. Ни грамма этой пищи не использовано. Вся она сохраняется про запас — и не в жировых отложениях, а в совершенно неестественном виде: это какой-то очень насыщенный раствор, неведомая жидкость, содержащаяся у Смита в крови. Одной ее унции довольно, чтобы питать человека целых три дня. Эта икс-жидкость движется в кровеносных сосудах, а едва организм ощутит в ней потребность, он тотчас ее усваивает. Гораздо удобнее, чем запасы жира. Несравнимо удобнее!

Рокуэл ликовал — вот это открытие! В теле Смита накопилось этого икс-раствора столько, что хватит на многие месяцы. Он не нуждается в пище извне.

Услыхав это, Макгайр печально оглядел свое солидное брюшко.

— Вот бы и мне так…

Но это еще не все. Смит почти не нуждается в воздухе. А нужное ему ничтожное количество впитывает, видимо, прямо сквозь кожу. И усваивает до последней молекулы. Никаких отходов.

— И ко всему, — докончил Рокуэл, — в последнем счете Смиту, пожалуй, вовсе не надо будет, чтоб у него билось сердце, он и так обойдется!

— Тогда он умрет.

— Для нас с тобой — да. Для самого себя — может быть. А может, и нет. Ты только вдумайся, Макгайр. Что такое сейчас Смит? Замкнутая кровеносная система, которая сама собою очищается, месяцами не требует питания извне, почти не знает перебоев и совсем ничего не теряет, ибо с пользой усваивает каждую молекулу; система саморазвивающаяся и прочно защищенная, убийственная для любых микробов. И при всем при этом Хартли еще говорит о вырождении!

Хартли выслушал рассказ обо всех этих открытиях с досадой. И все равно твердил, что Смит перестает быть человеком. Он выродок — и опасен.

Макгайр еще подлил масла в огонь:

— Почем знать, может, возбудителя этой болезни и в микроскоп не увидишь, а он, расправляясь со своей жертвой, заодно уничтожает все другие микробы. Ведь прививают же иногда малярию, чтобы излечить сифилис; отчего бы новой, неизвестной бацилле неизвестным образом не пожрать все остальные?

— Довод веский, — сказал Рокуэл. — Но мы-то не заболели?

— Может быть, эта бактерия уже в нас, только ей нужен какой-то инкубационный период.

— Типичное рассуждение старомодного эскулапа. Что бы с человеком ни случилось, раз он не вмещается в привычные рамки, значит, болен, — возразил Рокуэл. — Кстати, это твоя мысль, Хартли, а не моя. Врачи не успокоятся, пока не поставят в каждом случае диагноз и не наклеят ярлычок. Так вот, по-моему, Смит здоров, до того здоров, что ты его боишься.

— Ты спятил, — сказал Макгайр.

— Возможно. Только Смиту, я думаю, вовсе не требуется вмешательство медицины. Он сам себя спасает. По-вашему, это вырождение. А по-моему, рост.

— Да ты посмотри на его кожу, — почти простонал Макгайр.

— Овца в волчьей шкуре. Снаружи — жесткий, ломкий покров. Внутри — упорядоченная перестройка, преобразование. Почему? Я начинаю догадываться. Эти внутренние перемены в Смите так бурны, что им нужна защита, броня. А ты мне вот что скажи, Хартли, только честно: боялся ты в детстве пауков?

— Да.

— То-то и оно. У тебя фобия. Врожденный страх и отвращение, и все это обратилось на Смита. Поэтому тебе и противна эта перемена в нем.

В последующие недели Рокуэл подробно разузнал о прошлом Смита. Побывал в лаборатории электроники, где тот работал, пока не заболел. Дотошно исследовал комнату, где Смит под присмотром Хартли провел первые недели своей «болезни». Тщательно изучил стоящий в углу аппарат. Что-то связанное с радиацией.

Уезжая из санатория, Рокуэл надежно запер Смита в палате и к двери приставил стражем Макгайра на случай, если у Хартли появятся какие-нибудь завиральные мысли.

Смиту двадцать три года, и жизнь у него была самая простая. Пять лет проработал в лаборатории электроники. Никогда серьезно не болел.

Шли дни. Рокуэл пристрастился к долгим одиноким прогулкам вдоль соседнего пересохшего ручья. Так он выкраивал время подумать, обосновать невероятную теорию, что складывалась у

него все отчетливей.

А однажды остановился у куста жасмина, цветущего ночами подле санатория, поднялся на цыпочки и, улыбаясь, снял с высокой ветки что-то темное, поблескивающее. Осмотрел и сунул в карман. И прошел в санаторий.

Он позвал с веранды Макгайра. Тот пришел. За ним, бормоча вперемешку жалобы и угрозы, плелся Хартли. Все трое сели в приемной.

И Рокуэл заговорил.

— Смит не болен. В его организме не выжить ни одной бацилле. И никакие дьяволы, бесы и злые духи в него не вселились. Упоминаю об этом в доказательство, что перебрал все мыслимые и немыслимые возможности. И любой диагноз любых обычных болезней отбрасываю. Предлагаю гораздо более важную и наиболее приемлемую возможность — замедленную наследственную мутацию.

— Мутацию? — не своим голосом переспросил Макгайр.

Рокуэл поднял и показал нечто темное, поблескивающее на свету.

— Вот что я нашел в саду, на кусте. Отлично подтверждает мою теорию. Я изучил состояние Смита, осмотрел его лабораторию, исследовал

несколько вот этих штучек, — он повертел в пальцах темный маленький предмет. — И я уверен. Это метаморфоза. Перерождение, видоизменение, мутация — не до, а после появления на свет. Вот. Держи. Это и есть Смит.

И он кинул темную вещичку Хартли. Хартли поймал ее на лету.

— Это же куколка, — сказал Хартли. — Бывшая гусеница.

Рокуэл кивнул:

— Вот именно.

— Так что же, ты воображаешь, будто Смит тоже… куколка?

— Убежден, — сказал Рокуэл.

Вечером, в темноте, Рокуэл склонился над телом Смита. Макгайр и Хартли сидели в другом конце палаты, молчали, прислушивались. Рокуэл осторожно ощупывал тело.

— Предположим, жить — значит не только родиться, протянуть семьдесят лет и умереть. Предположим, что в своем бытии человек должен шагнуть на новую, высшую степень, — Смит первый из всех нас совершает этот шаг.

Мы смотрим на гусеницу и, как нам кажется,

видим некую постоянную величину. Однако она превращается в бабочку. Почему? Никакие теории не дают исчерпывающего объяснения. Она развивается — вот что важно. Самое существенное: нечто будто бы неизменное превращается в нечто другое, промежуточное, совершенно неузнаваемое — в куколку, а из нее выходит бабочкой. С виду куколка мертва: это маскировка, способ сбить со следа. Поймите, Смит сбил нас со следа. С виду он мертв. А внутри все соки клокочут, перестраиваются, бурно стремятся к одной цели. Личинка оборачивается москитом, гусеница бабочкой… а чем станет Смит?

— Смит — куколка? — Макгайр невесело засмеялся.

— Да.

— С людьми так не бывает.

— Перестань, Макгайр. Ты, видно, не понимаешь, эволюция совершает великий шаг. Осмотри тело и дай какое-то другое объяснение. Проверь кожу, глаза, дыхание, кровообращение. Неделями он запасал пищу, чтобы погрузиться в спячку в этой своей скорлупе. Почему он так жадно и много ел, зачем копил в организме неизвестный икс-раствор, если не для этого перевоплощения? А всему причиной — излучение. Жесткое излу-

чение в Смитовой лаборатории. Намеренно он облучался или случайно, не знаю. Но затронута какая-то ключевая часть генной структуры, часть, предназначенная для эволюции человеческого организма, которой, может быть, предстояло включиться только через тысячи лет.

— Так что же, по-твоему, когда-нибудь все люди…?

Личинка стрекозы не остается навсегда в болоте, кладка жука в почве, а гусеница на капустном листе. Они видоизменяются и вылетают на простор. Смит — это ответ на извечный вопрос: что будет дальше с людьми, к чему мы идем? Перед нами неодолимой стеной встает вселенная, в этой вселенной мы обречены существовать, и человек, такой, каков он сейчас, не готов вступить в эту вселенную. Малейшее усилие утомляет его, чрезмерный труд убивает его сердце, недуги разрушают тело. Возможно, Смит сумеет ответить философам на вопрос, в чем смысл жизни. Возможно, он придаст ей новый смысл.

Ведь все мы, в сущности, просто жалкие насекомые и суетимся на ничтожно маленькой планете. Не для того существует человек, чтобы вечно прозябать на ней, оставаться хилым, жалким и слабым, но будущее для него пока еще тайна,

слишком мало он знает.

Но измените человека! Сделайте его совершенным. — Сделайте… сверхчеловека, что ли. Избавьте его от умственного убожества, дайте ему полностью овладеть своим телом, нервами, психикой; дайте ясный, проницательный ум, неутомимое кровообращение, тело, способное месяцами обходиться без пищи извне, освоиться где угодно, в любом климате, и побороть любую болезнь. Освободите человека от оков плоти, от бедствий плоти, и вот он уже не злосчастное ничтожество, которое страшится мечтать, ибо знает, что хрупкое тело помешает ему осуществить мечты, — теперь он готов к борьбе, к единственной подлинно стоящей войне, заново рожденный человек готов противостоять всей, черт ее подери, вселенной!

Рокуэл задохнулся, охрип, сердце его неистово колотилось; он склонился над Смитом, бережно, благоговейно приложил ладони к холодному недвижному панцирю и закрыл глаза. Сила, властная тяга, твердая вера в Смита переполняли его. Он прав. Прав. Он это знает. Он открыл глаза, посмотрел на Хартли и Макгайра: всего лишь тени в полутьме палаты, при завешенном окне.

Короткое молчание, потом Хартли погасил

свою сигарету.

— Не верю я в эту теорию.

А Макгайр сказал:

— Почему ты знаешь, может быть, все нутро Смита обратилось в кашу? Делал ты рентгеновский снимок?

— Нет, это рискованно — вдруг помешает его превращению, как мешал солнечный свет.

— Так значит, он становится сверхчеловеком? И как же это будет выглядеть?

— Поживем — увидим.

— По-твоему, он слышит, что мы про него сейчас говорим?

— Слышит, нет ли, ясно одно: мы узнали секрет, который нам знать не следовало. Смит вовсе не желал посвящать в это меня и Макгайра. Ему пришлось как-то к нам приспособиться. Но сверхчеловек не может хотеть, чтобы все о нем узнали. Люди слишком ревнивы и завистливы, полны ненависти. Смит знает, если тайна выйдет наружу, это для него опасно. Может быть, отсюда и твоя ненависть к нему, Хартли.

Все замолчали, прислушиваются. Тишина. Только шумит кровь в висках Рокуэла. И вот он, Смит — уже не Смит, но некое вместилище с пометкой «Смит», а что в нем — неизвестно.

— Если ты не ошибаешься, нам безусловно надо его уничтожить, — заговорил Хартли. — Подумай, какую он получит власть над миром. И если мозг у него изменился в ту сторону, как я думаю… тогда, как только он выйдет из скорлупы, он постарается нас убить, потому что мы одни про него знаем. Он нас возненавидит за то, что мы проведали его секрет.

— Я не боюсь, — беспечно сказал Рокуэл.

Хартли промолчал. Шумное, хриплое дыхание его наполняло комнату Рокуэл обошел вокруг стола, махнул рукой:

— Пойдемте-ка все спать, пора, как по-вашему?

Машину Хартли скрыла завеса мелкого моросящего дождя. Рокуэл запер входную дверь, распорядился, чтобы Макгайр в эту ночь спал на раскладушке внизу, перед палатой Смита, а сам поднялся к себе и лег.

Раздеваясь, он снова мысленно перебирал невероятные события последних недель. Сверхчеловек. А почему бы и нет? Волевой, сильный…

Он улегся в постель.

Когда же? Когда Смит «вылупится» из своей скорлупы? Когда?

Дождь тихонько шуршал по крыше санатория.

Макгайр дремал на раскладушке под ропот дождя и грохот грома, слышалось его шумное, тяжелое дыхание. Где-то скрипнула дверь, но он дышал все так же ровно. По прихожей пронесся порыв ветра. Макгайр всхрапнул, повернулся на другой бок. Тихо затворилась дверь, сквозняк прекратился.

Смягченные толстым ковром тихие шаги. Медленные шаги, опасливые, крадущиеся, настороженные. Шаги. Макгайр мигнул, открыл глаза.

В полутьме кто-то над ним наклонился.

Выше, на площадке лестницы, горит одинокая лампочка, желтоватая полоска света протянулась рядом с койкой Макгайра.

В нос бьет резкий запах раздавленного насекомого. Шевельнулась чья-то рука. Чей-то голос силится заговорить.

У Макгайра вырвался дикий вопль.

Рука, что протянулась в полосу света, зеленая.

Зеленая.

— Смит!

Тяжело топая, Макгайр с криком бежит по коридору.

— Он ходит! Не может ходить, а ходит!

Всей тяжестью он налетает на дверь, и дверь распахивается. Дождь и ветер со свистом набрасываются на него, он выбегает в бурю, бессвязно, бессмысленно бормочет.

А тот, в прихожей, недвижим. Наверху распахнулась дверь, по лестнице сбегает Рокуэл. Зеленая рука отдернулась из полосы света, спряталась за спиной.

— Кто здесь? — остановясь на полпути, спрашивает Рокуэл.

Тот выходит на свет.

Рокуэл смотрит в упор, брови сдвинулись.

— Хартли! Что ты тут делаешь, почему вернулся?

— Кое-что случилось, — говорит Хартли. — А ты поди-ка приведи Макгайра. Он выбежал под дождь и лопочет как полоумный.

Рокуэл не стал говорить, что думает. Быстро, испытующе оглядел Хартли и побежал дальше — по коридору, за дверь, под дождь.

— Макгайр! Макгайр, дурья голова, вернись!

Бежит под дождем, струи так и хлещут. На Макгайра наткнулся чуть не в сотне шагов от дома, тот бормочет:

— Смит… Смит там ходит…

— Чепуха. Просто это вернулся Хартли.

— Рука зеленая, я видел. Она двигалась.

— Тебе приснилось.

— Нет. Нет! — В дряблом, мокром от дождя лице Макгайра ни кровинки. — Я видел, рука зеленая, верно тебе говорю. А зачем Хартли вернулся? Ведь он…

При звуке этого имени Рокуэла как ударило, он разом понял. Пронзило страхом, мысли закружило вихрем — опасность! — резнул отчаянный зов: на помощь!

— Хартли!

Рокуэл оттолкнул Макгайра, рванулся, закричал и со всех ног помчался к санаторию. В дом, по коридору…

Дверь в палату Смита взломана.

Посреди комнаты с револьвером в руке — Хартли. Услыхал бегущего Рокуэла, обернулся. И вмиг оба действуют. Хартли стреляет, Рокуэл щелкает выключателем.

Тьма. И вспышка пламени, точно на моментальной фотографии высвечено сбоку застывшее тело Смита. Рокуэл метнулся в сторону вспышки. И уже в прыжке, потрясенный, понимает, почему вернулся Хартли. В секунду, пока не погас свет, он увидел руку Хартли.

Пальцы, покрытые зеленой чешуей.

Потом схватка врукопашную. Хартли падает, и тут снова вспыхнул свет, на пороге мокрый насквозь Макгайр, выговаривает трясущимися губами:

— Смит… он убит?

Смит не пострадал. Пуля прошла выше.

— Болван, какой болван! — кричит Рокуэл, стоя над обмякшим на полу Хартли. — Великое, небывалое событие, а он хочет все погубить!

Хартли пришел в себя, говорит медленно:

— Надо было мне догадаться. Смит тебя предупредил.

— Ерунда, он… — Рокуэл запнулся, изумленный. Да, верно. То внезапное предчувствие, смятение в мыслях. Да. Он с яростью смотрит на Хартли. — Ступай наверх. Просидишь до утра под замком. Макгайр, иди и ты. Не спускай с него глаз.

Макгайр говорит хрипло:

— Погляди на его руку. Ты только погляди. У Хартли рука зеленая. Там в прихожей был не Смит — Хартли!

Хартли уставился на свои пальцы.

— Мило выглядит, а? — говорит он с горечью. — Когда Смит заболел, я тоже долго был под этим излучением. Теперь я стану таким… такой же

тварью… как Смит. Это со мной уже несколько дней. Я скрывал. Старался молчать. Сегодня почувствовал — больше не могу, вот и пришел его убить, отплатить, он же меня погубил…

Сухой резкий звук, что-то сухо треснуло. Все трое замерли.

Три крохотных чешуйки взлетели над Смитовой скорлупой, покружили в воздухе и мягко опустились на пол.

Рокуэл вмиг очутился у стола, вгляделся.

— Оболочка начинает лопаться. Трещина тонкая, едва заметная — треугольником, от ключиц до пупка. Скоро он выйдет наружу!

Дряблые щеки Макгайра затряслись:

— И что тогда?

— Будет у нас сверхчеловек, — резко, зло отозвался Хартли. — Спрашивается: на что похож сверхчеловек? Ответ: никому не известно.

С треском отлетело еще несколько чешуек. Макгайра передернуло.

— Ты попробуешь с ним заговорить?

— Разумеется.

— С каких это пор… бабочки…, разговаривают?

— Поди к черту, Макгайр!

Рокуэл засадил их обоих для верности наверху под замок, а сам заперся в комнате Смита и лег на раскладушку, готовый бодрствовать всю долгую дождливую ночь — следить, вслушиваться, думать.

Следить, как отлетают чешуйки ломкой оболочки, потому что из куколки безмолвно стремится выйти наружу Неведомое.

Ждать осталось каких-нибудь несколько часов. Дождь стучится в дом, струи сбегают по стеклу. Каков-то он теперь будет с виду, Смит? Возможно, изменится строение уха, потому что станет тоньше слух; возможно, появятся дополнительные глаза; изменится форма черепа, черты лица, весь костяк, размещение внутренних органов, кожные ткани, возможно несчетное количество перемен.

Рокуэла одолевает усталость, но уснуть страшно. Веки тяжелеют, тяжелеют. А вдруг он ошибся? Вдруг его домыслы нелепы? Вдруг Смит внутри этой скорлупы — вроде медузы? Вдруг он — безумный, помешанный… или совсем переродился и станет опасен для всего человечества? Нет. Нет. Рокуэл помотал затуманенной головой. Смит — совершенство. Совершенство. В нем нет места ни единой злой мысли. Совершенство.

В санатории глубокая тишина. Только и слышно, как потрескивают чешуйки хрупкой оболочки, падая на пол…

Рокуэл уснул. Погрузился во тьму, и комната исчезла, нахлынули сны. Снилось, что Смит поднялся, идет, движения угловатые, деревянные, а Хартли, истошно крича, опять и опять заносит сверкающий топор, с маху рубит зеленый панцирь и превращает живое существо в отвратительное месиво. Снился Макгайр — бегает под кровавым дождем, бессмысленно лопочет. Снилось…

Жаркое солнце. Жаркое солнце заливает палату. Уже утро. Рокуэл протирает глаза, смутно встревоженный тем, что кто-то поднял шторы. Кто-то поднял… Рокуэл вскочил как ужаленный. Солнце! Шторы не могли, не должны были подняться. Сколько недель они не поднимались! Он закричал.

Дверь настежь. В санатории тишина. Не смея повернуть голову, Рокуэл косится на стол. Туда, где должен бы лежать Смит.

Но его там нет.

На столе только и есть, что солнечный свет. Да еще какие-то остатки опустелой куколки. Остатки.

Хрупкие скорлупки — расщепленный надвое профиль, округлый осколок с бедра, полоска, в которой угадывается плечо, обломок грудной клетки — разбитые останки Смита!

А Смит исчез. Подавленный, еле держась на ногах, Рокуэл подошел к столу. Точно маленький, стал копаться в тонких шуршащих обрывках кожи. Потом круто повернулся и, шатаясь как пьяный, вышел из палаты, тяжело затопал вверх по лестнице, закричал:

— Хартли! Что ты с ним сделал? Хартли! Ты что же, убил его, избавился от трупа, только куски скорлупы оставил и думаешь сбить меня со следа?

Дверь комнаты, где провели ночь Макгайр и Хартли, оказалась запертой. Трясущимися руками Рокуэл повернул ключ в замке. И увидел их обоих в комнате.

— Вы тут, — сказал растерянно. — Значит, вы туда не спускались. Или, может, отперли дверь, пошли вниз, вломились в палату, убили Смита и… нет, нет.

— А что случилось?

— Смит исчез! Макгайр, скажи, выходил Хартли отсюда?

— За всю ночь ни разу не выходил.

— Тогда… есть только одно объяснение… Смит выбрался ночью из своей скорлупы и сбежал! Я его не увижу, мне так и не удастся на него посмотреть, черт подери совсем! Какой же я болван, что заснул!

— Ну, теперь все ясно! — заявил Хартли. — Смит опасен, иначе он бы остался и дал нам на себя посмотреть. Одному богу известно, во что он превратился.

— Значит, надо искать. Он не мог уйти далеко. Надо все обыскать! Быстрее, Хартли! Макгайр!

Макгайр тяжело опустился на стул.

— Я не двинусь с места. Он и сам отыщется. С меня хватит.

Рокуэл не стал слушать дальше. Он уже спускался по лестнице, Хартли за ним по пятам. Через несколько минут за ними, пыхтя и отдуваясь, двинулся Макгайр.

Рокуэл бежал по коридору, приостанавливаясь у широких окон, выходящих на пустыню и на горы, озаренные утренним солнцем. Выглядывал в каждое окно и спрашивал себя — да есть ли хоть капля надежды найти Смита? Первый сверхчеловек. Быть может, первый из очень и очень многих. Рокуэла прошиб пот. Смит не должен был исчезнуть, не показавшись сперва хотя бы

ему, Рокуэлу. Не мог он вот так исчезнуть. Или все же мог?

Медленно отворилась дверь кухни.

Порог переступила нога, за ней другая. У стены поднялась рука. Губы выпустили струйку сигаретного дыма.

— Я кому-то понадобился?

Ошеломленный Рокуэл обернулся. Увидел, как изменился в лице Хартли, услышал, как задохнулся от изумления Макгайр. И у всех троих вырвалось разом, будто под суфлера:

— Смит!

Смит выдохнул струйку дыма. Лицо ярко-розовое, словно его нажгло солнцем, голубые глаза блестят. Ноги босы, на голое тело накинут старый халат Рокуэла.

— Может, вы мне скажете, куда это я попал? И что со мной было в последние три месяца — или уже четыре? Тут что, больница?

Разочарование обрушилось на Рокуэла тяжким ударом. Он трудно, глотнул.

— Привет. Я… То есть… Вы что же… вы ничего не помните?

Смит выставил растопыренные пальцы:

— Помню, что позеленел, если вы это имеете в виду. А потом — ничего.

И он взъерошил розовой рукой каштановые волосы — быстрое, сильное движение того, кто вернулся к жизни и радуется, что вновь живет и дышит.

Рокуэл откачнулся, бессильно прислонился к стене. Потрясенный, спрятал лицо в ладонях, тряхнул головой. Потом, не веря своим глазам, спросил:

— Когда вы вышли из куколки?

— Когда я вышел… откуда?

Рокуэл повел его по коридору в соседнюю комнату, показал на стол.

— Не пойму, о чем вы, — просто, искренне сказал Смит. — Я очнулся в этой комнате полчаса назад, стою и смотрю — я совсем голый.

— И это все? — обрадованно спросил Макгайр. У него явно полегчало на душе.

Рокуэл объяснил, откуда взялись остатки скорлупы на столе. Смит нахмурился.

— Что за нелепость. А вы, собственно, кто такие?

Рокуэл представил их друг другу.

Смит мрачно поглядел на Хартли.

— Сперва, когда я заболел, явились вы, верно?

На завод электронного оборудования. Но это же все глупо. Что за болезнь у меня была?

Каждая мышца в лице Хартли напряглась до отказа.

— Никакая не болезнь. Вы-то разве ничего не знаете?

— Я очутился с незнакомыми людьми в незнакомом санатории. Очнулся голый в комнате, где какой-то человек спал на раскладушке. Очень хотел есть. Пошел бродить по санаторию. Дошел до кухни, отыскал еду, поел, услышал какие-то взволнованные голоса, а теперь мне заявляют, будто я вылупился из куколки. Как прикажете все это понимать? Кстати, спасибо за халат, за еду и сигареты, я их взял взаймы. Сперва я просто не Котел вас будить, мистер Рокуэл. Я ведь не знал, кто вы такой, но видно было, что вы смертельно устали.

— Ну, это пустяки. — Рокуэл отказывался верить горькой очевидности. Все рушится. С каждым словом Смита недавние надежды рассыпаются, точно разбитая скорлупа куколки. — А как вы себя чувствуете?

— Отлично. Полон сил. Просто замечательно, если учесть, как долго я пробыл без сознания.

— Да, прямо замечательно, — сказал Хартли.

— Представляете, каково мне стало, когда я увидел календарь. Стольких месяцев — бац — как не бывало! Я все гадал, что же со мной делалось столько времени.

— Мы тоже гадали.

Макгайр засмеялся:

— Да не приставай к нему, Хартли. Просто потому, что ты его ненавидел…

Смит недоуменно поднял брови:

— Ненавидел? Меня? За что?

— Вот. Вот за что! — Хартли растопырил пальцы. — Ваше проклятое облучение. Ночь за ночью я сидел около вас в вашей лаборатории. Что мне теперь с этим делать?

— Тише, Хартли, — вмешался Рокуэл. — Сядь. Успокойся.

— Ничего я не сяду и не успокоюсь! Неужели он вас обоих одурачил? Это же подделка под человека! Этот розовый молодчик затеял такой страшный обман, какого еще свет не видал! Если у вас осталось хоть на грош соображения, убейте этого Смита, пока он не улизнул.

Рокуэл попросил извинить вспышку Хартли. Смит покачал головой:

— Нет, пускай говорит дальше. Что все это значит?

— Ты и сам знаешь! — в ярости заорал Хартли. — Ты лежал тут месяц за месяцем, подслушивал, строил планы. Меня не проведешь. Рокуэла ты одурачил, теперь он разочарован. Он ждал, что ты станешь сверхчеловеком. Может, ты и есть сверхчеловек. Так ли, эдак ли, но ты уже никакой не Смит. Ничего подобного. Это просто еще одна твоя уловка. Запутываешь нас, чтоб мы не узнали о тебе правды, чтоб никто ничего не узнал. Ты запросто можешь нас убить, а стоишь тут и уверяешь, будто ты человек как человек. Так тебе удобнее. Несколько минут назад ты мог удрать, но тогда у нас остались бы подозрения. Вот ты и дождался нас, и уверяешь, будто ты просто человек.

— Он и есть просто человек, — жалобно вставил Макгайр.

— Неправда. Он думает не по-людски. Чересчур умен.

— Так испытай его, проверь, какие у него ассоциации, — предложил Макгайр.

— Он и для этого чересчур умен.

— Тогда все очень просто. Возьмем у него кровь на анализ, прослушаем сердце, впрыснем сыворотки.

На лице Смита отразилось сомнение.

— Я чувствую себя подопытным кроликом… Ну ладно, раз уж вам так хочется. Все это глупо.

Хартли возмутился. Посмотрел на Рокуэла, сказал:

— Давай шприцы.

Рокуэл достал шприцы. Может быть, Смит все-таки сверхчеловек, думал он. Его кровь — сверхкровь. Смертельна для микробов. А сердцебиение? А дыхание? Может быть, Смит — сверхчеловек, но сам этого не знает. Да. Да, может быть…

Он взял у Смита кровь, положил стекло под микроскоп. И сник, ссутулился. Самая обыкновенная кровь. Вводишь в нее микробы — и они погибают в обычный срок. Она уже не сверхсмертельна для бактерий. И неведомый икс-раствор исчез. Рокуэл горестно вздохнул. Температура у Смита нормальная. Пульс тоже. Нервные рефлексы, чувствительность — ни в чем никаких отклонений.

— Что ж, все в порядке, — негромко сказал Рокуэл.

Хартли повалился в кресло, глаза широко раскрыты, костлявыми руками стиснул виски.

— Простите, — выдохнул он. — Что-то у меня… ум за разум… верно, воображение разыгралось.

Так тянулись эти месяцы. Ночь за ночью. Стал как одержимый, страх одолел. Вот и свалял дурака. Простите. Простите. — И уставился на свои зеленые пальцы. — А что же будет со мной?

— У меня все прошло, — сказал Смит. — Думаю, и у вас пройдет. Я вам сочувствую. Но это было не так уж скверно… В сущности, я ничего не помню.

Хартли явно отпустило.

— Но… да, наверно, вы правы. Мало радости, что придется вот так закостенеть, но тут уж ничего не поделаешь. Потом все пройдет.

Рокуэлу было тошно. Слишком жестоко он обманулся. Так не щадить себя, так ждать и жаждать нового, неведомого, сгорать от любопытства — и все зря. Стало быть, вот он каков, человек, что вылупился из куколки? Тот же, что был прежде. И все надежды, все домыслы напрасны.

Он жадно глотнул воздух, попытался остановить тайный неистовый бег мыслей. Смятение. Сидит перед ним розовощекий, звонкоголосый человек, спокойно покуривает… просто-напросто человек, который страдал какой-то кожной болезнью, кожа временно отвердела, да еще от облучения разладилась было внутренняя секреция, — но сейчас он опять человек как человек, и не более того. А буйное воображение

Рокуэла, неистовая фантазия разыгрались — и все проявления странной болезни сложились в некий желанный вымысел, в несуществующее совершенство. И вот Рокуэл глубоко потрясен, взбудоражен и разочарован.

Да, то, что Смит жил без пищи, его необыкновенно защищенная кровь, крайне низкая температура тела и другие преимущества — все это лишь проявления странной болезни. Была болезнь, и только. Была — и прошла, миновала, кончилась и ничего после себя не оставила, кроме хрупких осколков скорлупы на залитом солнечными лучами столе. Теперь можно будет понаблюдать за Хартли, если и его болезнь станет развиваться, и потом доложить о новом недуге врачебному миру.

Но Рокуэла не волновала болезнь. Его волновало совершенство. А совершенство лопнуло, растрескалось, рассыпалось и сгинуло. Сгинула его мечта. Сгинул выдуманный сверхчеловек. И теперь ему плевать, пускай хоть весь свет обрастет жесткой скорлупой, позеленеет, рассыплется, сойдет с ума.

Смит обошел их всех, каждому пожал руку.

— Мне нужно вернуться в Лос-Анджелес. Меня ждет на заводе важная работа. Пора приступить к своим обязанностям. Жаль, что не могу остаться у вас подольше. Сами понимаете.

— Вам надо бы остаться и отдохнуть хотя бы несколько дней, — сказал Рокуэл, горько ему было видеть, как исчезает последняя тень его мечты.

— Нет, спасибо. Впрочем, этак через неделю я к вам загляну, доктор, обследуете меня еще раз, хотите? Готов даже с годик заглядывать примерно раз в месяц, чтоб вы могли меня проверять, ладно?

— Да. Да, Смит. Пожалуйста, приезжайте. Я хотел бы еще потолковать с вами об этой вашей болезни. Вам повезло, что остались живы.

— Я вас подвезу до Лос-Анджелеса, — весело предложил Макгайр.

— Не беспокойтесь. Я дойду до Туджунги, а там возьму такси. Хочется пройтись. Давненько я не гулял, погляжу, что это за ощущение.

Рокуэл ссудил ему пару старых башмаков и поношенный костюм.

— Спасибо, доктор. Постараюсь как можно скорей вернуть вам все, что задолжал.

— Ни гроша вы мне не должны. Было очень

интересно.

— Что ж, до свиданья, доктор. Мистер Макгайр. Хартли.

— До свиданья, Смит.

— До свиданья.

Смит пошел по дорожке к старому руслу, дно ручья уже совсем пересохло и растрескалось под лучами предвечернего солнца. Смит шагал непринужденно, весело, посвистывал. Вот мне сейчас не до свиста, устало подумал Рокуэл.

Один раз Смит обернулся, помахал им рукой, потом поднялся на холм и стал спускаться с другой его стороны к далекому городу.

Рокуэл провожал его глазами, так смотрит малый ребенок, когда его любимое творение — замок из песка — подмывают и уносят волны моря.

— Не верится, — твердил он снова и снова. — Просто не верится. Все кончается так быстро, так неожиданно. Я как-то отупел, и внутри пусто.

— А по-моему, все прекрасно! — Макгайр радостно ухмылялся.

Хартли стоял на солнце. Мягко опущены его зеленые руки, и впервые за все эти месяцы, вдруг понял Рокуэл, совсем спокойно бледное лицо.

— У меня все пройдет, — тихо сказал Хартли. — Все пройдет, я поправлюсь. Ох, слава богу. Слава

богу. Я не сделаюсь чудовищем. Я останусь самим собой. — Он обернулся к Рокуэлу. — Только запомни, запомни, не дай, чтоб меня по ошибке похоронили, ведь меня примут за мертвеца. Смотри, не забудь.

Смит пошел тропинкой, пересекающей сухое русло, и поднялся на холм. Близился вечер, солнце уже опускалось за дальние синеющие холмы. Проглянули первые звезды. В нагретом недвижном воздухе пахло водой, пылью, цветущими вдали апельсиновыми деревьями.

Встрепенулся ветерок. Смит глубоко дышал. И шел все дальше.

А когда отошел настолько, что его уже не могли видеть из санатория, остановился и замер на месте. Посмотрел на небо.

Бросил недокуренную сигарету, тщательно затоптал. Потом выпрямился во весь рост — стройный, ладный, — отбросил со лба каштановые пряди, закрыл глаза, глотнул, свободно свесил руки вдоль тела.

Без малейшего усилия, — только чуть вздохнул теплый воздух вокруг, — Смит поднялся над землей.

Быстро, беззвучно взмыл он ввысь и вскоре затерялся среди звезд, устремляясь в космические дали...

Перевела с английского Нора Галь

1982

№ 2

В. Полищук

Смысл 54

Михаил Петрович Рязанцев давно махнул рукой на свою внешность и потому понятия не имел о том, как меняется его оболочка. А тут пришлось ему примерять в магазине костюм, — жена уговорила, — и попал Рязанцев в кабину, где зеркала сразу с трех сторон. В кабине же, осматривая под надзором Ольги Сергеевны обнову, он увидел трех непохожих друг на друга, но одинаково неприятных мужчин. Одного — узкоплечего, с приплюснутым обезьяньим затылком, другого — с висячим носом и светящейся макушкой, и третьего, хорошо знакомого, с мешками под глазами, двухдневной щетиной и начинавшей подвисать щекой. От этого наблюдения вселилось в него привычное чувство побитости.

Он встревожился — но не из-за признаков старости, подсунутых ему бессловесным стеклом. Стало вдруг очевидно, что заброшенная его оболочка переросла в отдельное существо, и притом существо глубоко чуждой ему породы. Такая особь должна курить папиросы «Беломор», безропотно выстаивать битый час в очереди за кружкой мутного пива и превыше всех благ ценить тупое глазение в телевизор. На общепринятом, внешнем языке ее можно было обозначить тусклыми терминами — обыватель, тюфяк. На внутреннем

же языке Рязанцева — это существо называлось титулом особым, в тысячу раз более точным, но из-за случайного совпадения звучавшим для окружающих не вполне пристойно.

На внутреннем языке Михаил Петрович говорил с раннего детства, и без него, возможно, пропал бы на этом свете, потому что начисто был лишен способности отдавать и исполнять приказы.

Жители нашей планеты ежеминутно, сами того не замечая, обмениваются приказами — а у Рязанцева был какой-то врожденный порок. Едва заслышав любой начальствующий голос, он цепенел и терял координацию движений. В детстве Рязанцев иногда еще лепетал при этом какие-то птичьи слова, но они не помогали. Поэтому, стае немного взрослее, он научился слова таить, а от воли окружающих откупаться.

За ценой он не стоял — откупался и вымученными приличными отметками, и неуклюжей лестью, и даже бутербродами, которые мать давала ему на обед. Он и в институт исхитрился поступить, чтобы откупиться от армейской службы и от множества чужих людей, которые возымели бы право отдавать ему приказы; он и женился, чтобы откупиться от слез однокурсницы Олечки

— слабенькой, неулыбчивой, прихрамывающей. А уж после этого заглядывал в зеркало разве что за бритьем, предоставив своей наружности полную свободу для самостоятельной мимикрии. Так, сам того не заметив, Рязанцев превратился в человека, возраст которого определить трудно, еще труднее угадать, о чем он думает и думает ли вообще, — в немолодого образцового семьянина, удел которого носить неопределенного покроя костюмы, всегда имеющиеся в свободной продаже. Вот что открылось ему в примерочной магазина «Мужская одежда».

Шагая домой с очередным мешковатым костюмом, Михаил Петрович уныло размышлял о несовершенстве своей дряблой фигуры, о скудости внешнего языка — и еще о том, что придется, видимо, ему снова менять место службы.

Из-за доставшегося ему от природы характера Рязанцев менял службу часто, так что к сорока двум годам довелось ему и проектировать мосты, и рассчитывать ирригационные системы, и создавать транспортные сети. Был он программистом редкого класса и работником слыл незаменимым. С каждой службы его отпускали с сожалением, так и не поняв, почему этот пасмурный человек уходит. А Михаил Петрович подавал на расчет,

едва начальство, попривыкнув к новому лицу, начинало обращаться к нему на ты.

Теперь, после примерочной, он решил, что иного обхождения, пожалуй, и не заслуживает — но тем не менее подумал, что с проектированием химкомбинатов тоже пора кончать. Обычно это давалось ему легко. Скоротечные свои службы Михаил Петрович не принимал всерьез и никогда не обозначал словом «работа».

Работой было другое, тайное дело, которым он был занят почти непрерывно и о котором знал только его приятель Василий Степанович — математик, увлекавшийся лингвистикой, инопланетными цивилизациями, системой йогов, столоверчением и за всем этим до сорока лет засидевшийся в должности младшего научного сотрудника.

Василию Степановичу не разрешалось держать рукописи дома, и он мог работать над словарем языка ахту только подпольно, у приятелей. При супруге он языков не знал, глуповато острил и говорил только о грядущем повышении по службе — поэтому многие считали его заурядным прохвостом. Но все свое свободное время Василий Степанович отдавал словарю, составлял его по какой-то особой системе, которую пышно

именовал интегральной. Что это была за система и откуда он знает язык ахту, понять было трудно: ни одного живого ахтуанца Василий Степанович не видел в глаза.

Когда он приходил к Рязанцевым, хозяйка дома радовалась. Гость в дом — радость в дом, повторяла она, когда кто-нибудь ее слушал. И при этом не лицемерила. Кто бы ни пришел — даже Василий Степанович, муж оживал и обретал дар речи. А она ни о чем большем и не мечтала. Чтобы гостю у них понравилось, Ольга Сергеевна старалась как могла: ставила на стол пиво, незатейливую закуску и, прихрамывая, удалялась на кухню.

Знала бы она, как муж презирает пиво…

Вот и сейчас, не доходя еще до дома, издали Рязанцева углядела округлую фигуру Василия Степановича, кротко поджидавшего на лавочке у подъезда. И тотчас обрадовалась, засуетилась… Не прошло и пяти минут — а мужчины были усажены за стол.

Едва она вышла, Василий Степанович проворно разложил свои рукописи, а Рязанцев прикрыл глаза.

Внутренний язык не поддавался записи на бумагу и потому требовал особой сосредоточенности. Иначе термины теряли согласованность,

и Рязанцев сбивался на примитивную внешнюю логику. Чтобы отделаться от нее, он для разгона решал по своей системе какую-нибудь задачу, во внешнем мире слывшую архисложной. Доказывал великую теорему Ферма или на скорую руку разбирал одну из темных проблем Гильберта. Этот способ разминаться был тайной даже для Василия Степановича, не знавшего, что его друг кое-что смыслит в чистой математике.

Логика никак не настраивалась. Мешали и детские крики за окном, и острый запах селедки, торжественно выставленной на стол Ольгой Сергеевной. А когда дело, наконец, пошло на лад, гость вдруг заерзал на стуле и нарушил обет молчания.

— Нас, дорогой Михаил Петрович, всем отделом на три точки бросили, — сказал он робко.

— Какие точки? — произнес Рязанцев, неохотно переходя на внешний язык.

— Вообще-то болтать не положено. Ну, да в самом общем виде… В общем, задача такая: при каких условиях точка последовательно столкнется с двумя другими. Все три движутся призвольно. Уже полгода бьемся. Теперь весь отдел прикрепили.

— Баловство, — буркнул Рязанцев, все еще цеп-

ляясь за достигнутую сосредоточенность.

— Вам баловство, а у людей премия горит. А если кто решит, так и старшего могут дать.

На этом беседа прервалась. Рязанцев снова закрыл глаза. Но проблема Гильберта уже ускользнула, и навязчиво замаячили в голове эти бессмысленные три точки.

Василий Степанович жевал бутерброд, домогаясь восемнадцатого смысла слова «тай», когда послышался голос, показавшийся ему незнакомым.

— Шансы на последовательное столкновение с двумя другими имеет точка, лежащая на поверхности, кривизна которой определяется первой… нет, второй производной от вот такой функции.

Василий Степанович оторопел. Не первый год он знал Рязанцева, но никогда еще тот не произносил столько слов подряд. Подняв же глаза, гость увидел и вовсе немыслимое. Это был Рязанцев, сомневаться не приходилось, но что же такое с ним стало? Подтянутый, пожалуй, даже спортивный человек бесшумно шагал по комнате, держа в руке листок с формулами. И отвисших щек как не бывало, и глаза блестели. Куда девалась его привычная побитость?

— Что же вы молчите? — сурово спрашивал он

Василия Степановича.

— Нельзя вас сейчас перебивать, нельзя, голубчик, — лепетал толстяк, глядя на него влюбленными глазами.

— При таком условии, — продолжал Рязанцев, — решение находится численными методами. Только счета потребуется неведомо сколько. Да не молчите же!

— Нельзя! У вас — киай, неодолимый киай!

— Это на каком диалекте? На ахтуанском, что ли? Ну, да вернемся к нашим точкам. Можно решать и не численными методами. Если скорости у точек не световые, то при соблюдении вот такого условия…

Ольга Сергеевна, вошедшая в комнату на звук разбитой тарелки, застала невероятную сцену. Низенький Василий Степанович, привстав на цыпочки, целовал мужа в небритую щеку, бормоча «Общее решение! Это же общее решение! Ох, и прав же я был в смысле пятьдесят три». Завидев ее, оба сразу поникли, муж открыл рот, уставившись в пространство, а Василий Степанович фальшивым голосом заговорил о прибавке зарплаты.

А теперь следует объяснить, в каком это смысле «пятьдесят три» почитал себя правым Василий Степанович. Придется посмотреть сквозь пальцы на неряшливость этого выражения, нередко применяемого в ученых сочинениях, когда требуется обозначить какую-нибудь известную читателю теорему или адресовать его к соответствующему пункту списка литературы.

Василий Степанович намекал на им же разысканную в городской библиотеке брошюрку с загадочным названием «Пятьдесят шесть теорем эволюции, вытекающих из седьмого постулата Харченко». Автором ее значился никому не известный доцент Швиндлер, и ни в каких других хранилищах эту брошюру найти не удавалось. Да и попытка взять ее повторно оказалась неуспешной: тускло отпечатанная тетрадка куда-то затерялась. Вследствие чего канули в забвение многие ее странные свойства, в том числе и подозрительнейшие выходные данные: «Васюки, 1 апреля 1996 года». Самые теоремы, однако, Василий Степанович успел выучить наизусть. Несмотря на показной ученый скепсис, он легко становился адептом любого таинственного учения. А теоремы были таинственны и бездоказательны, что для людей такого склада особенно

ценно.

Седьмой постулат Харченко гласит: у познавательных возможностей мозга существует предел, так же, как у разрешающей способности любого физического прибора. Из этого доцент Швиндлер делал ряд экстравагантных выводов, в том числе — теорему пятьдесят три о причинах избыточности человеческого мозга, чаще всего, как известно, реализующего лишь малую долю своих возможностей.

Последние этапы эволюции человека — утверждал загадочный доцент — были скачками в эволюции языка. Зарождение отвлеченных понятий, затем математической логики освобождало множество клеток мозга, ранее до предела заполненного частностями, и создавало избыточность, позволявшую этому непостижимому аппарату и далее работать над повышением своей разрешающей способности.

Теоремой номер 53 Василий Степанович уже два года изводил Рязанцева, глядя на него молитвенно и твердя, что внутренний рязанцевский язык — это и есть очередной скачок эволюции мышления, что логика этого языка, по его, Василия Степановна, наблюдениям, на несколько порядков совершеннее математической.

Ну, да что взять с Василия Степановича — адепт! А все же Рязанцев иногда ему верил.

Дом должен быть старым. Иначе откуда у него возьмется душа? И не оттого ли наш век считается нервным, что почти никто не живет там, где родился и вырос?

Если случалось Рязанцеву видеть сон, то любые, даже самые нелепые события происходили в одном и том же месте. В тесной, наяву нелюбимой материнской комнате в затхлой коммуналке. Он не любил и свою новую лакированную квартиру, выпрошенную женой на службе, — эту блочно-панельную крепость Рязанцев угрюмо величал «машиной для житья». Тем не менее среди соседей Рязанцев слыл примерным хозяином, образцовым радетелем по части благоустройства — была у него привычка посредством мелких домашних служб откупаться от разговоров с Ольгой Сергеевной.

Утро следующего дня Михаил Петрович встретил на балконе, где он мастерил новую, никому не нужную полочку. Жена к нему не подходила — чуяла, что настроение у него тяжелое. Рязанцев тем временем обдумывал свою вчерашнюю оплошность. Хоть и не чужой человек Василий Степанович, нельзя было так раскрываться,

подобные вещи никогда не сходят с рук без последствий.

И последствия не замедлили явиться. Зазвонил телефон, что случалось в доме Рязанцевых редко.

— Здравствуйте, Михаил Петрович. С вами говорит доктор технических наук, профессор Константин Иванович Калмыков, — торжественно обратился к нему хорошо поставленный голос.

Рязанцев болезненно зажмурился — и сразу увидел седовласого мужчину в замшевой куртке. Худощавого, загорелого завсегдатая международных конференций, блистающего патентованной интеллигентностью. Профессор аккуратно, как на службу, каждый март ездит в горы, с умело замаскированным отвращением пьет там сухое вино, а в кругу подчиненных предпочитает недорогой портвейн. Прежде чем Калмыков, не дождавшись приветствия, заговорил дальше, Рязанцев успел еще поймать себя на том, что думает на внешнем языке. А Калмыков начал так:

— Мне докладывал Василий Степанович, — вы там кое-что смекнули. Ну, я ему, сами понимаете, нагоняй устроил. Однако это мы уладим — победителей не судят. И придется вас, пожалуй, в соавторы включить, а может быть, и к нам перевести. Так что потрудитесь зайти и в трех

экземплярах…

Дальше Рязанцев не слушал, потому что словечко «потрудитесь» было ему знакомо издавна. Кто говорит «потрудитесь», тот вскоре скажет «ты». И сразу пришла побитость, и сразу стала непостижимой не то что задача о трех точках, но даже незатейливая логика профессора Калмыкова. А профессор в конце концов все же прорвался к его слуху:

— Жду тебя завтра в десять. Пропуск будет внизу.

— Не приду, — с трудом проговорил Михаил Петрович. — Я все забил.

И положил трубку.

— Что вы наделали, неандерталец?

— В каком это смысле? — загорелый мужчина в замше вытаращил глаза. Никогда еще Василий Степанович, рядовой исполнитель, не говорил с ним так развязно.

— В смысле пятьдесят три! Слышали про пятьдесят третью теорему Швиндлера?

— Не слышал.

— Да где вам! Я же говорю — неандерталец. У вас в мозгу умещаются только эти три злосчаст-

ные точки. До отвлеченного мышления вы не доросли.

— Ну, это ты брось!

— Прошу не перебивать! У Швиндлера так и написано: до нынешнего объема мозг вырос именно у неандертальца. Первобытному человеку, как и вам, приходилось запоминать миллионы не связанных между собой подробностей. А у Рязанцева свой язык, своя система логики. Я даже думаю, он может считать быстрее машины. Он эволюционно продвинут!

— Точнее, сдвинут, — сострил замшевый. — Если он такой умник, почему ж его в академики не выбирают?

— О, вас бы на его месте давно выбрали. Вы бы уже на «Чайке» ездили. А ему невозможно. У них, у продвинутых, этика развита. Слышали такое слово? Пятьдесят четвертая теорема Швиндлера, Теорема Этики: дальнейшая эволюция языка, а с ней и следующий этап эволюции человека, невозможны ранее скачка в развитии этики.

Рязанцев никакого насилия не выносит. А вы все о своем — академик, академик… Неужели сами не понимаете, что натворили? Он ведь никогда не придет, никогда! А может быть, и от меня закроется. Да что с вами говорить…

Вот какая разыгралась сцена, когда Калмыков вызвал Василия Степановича и рассказал о загадочном разговоре с Рязанцевым, — безответный младший научный сотрудник, махнув рукой на мечты о прибавке, накричал на своего вальяжного начальника.

Михаилу Петровичу предстояло выходить в ночную смену. У программистов это дело обычное: машина не должна простаивать. Собираясь на службу, он вдруг заметил, что Ольга Сергеевна как-то желтовато бледна, покашливает, да и хромает сильнее, чем обычно. Он ничего не сказал жене на прощанье, — не было между ними такого обычая, — но выйдя за дверь, подумал, что она, должно быть, больна. И снова поймал себя на том, что думает на внешнем языке.

В машинном зале было, как всегда по вечерам, прохладно и пусто. Михаил Петрович любил ночные смены и ходил в них безропотно: работалось по ночам лучше, а служба работе не мешала. Едва он остался один, как скрипнула дверь и в зал вошел заместитель директора Саркисян. Человек, из-за которого Рязанцев долго колебался, стоит ли ему бросать проектирование химкомбинатов.

Как знать — стань Людвиг Аветисович его начальником лет на пятнадцать раньше, не пришлось бы, может быть, Рязанцеву менять столько мест службы. Саркисян умел, не сфальшивив ни одной нотой, спросить «Как вы себя чувствуете?» Если давал задание — всегда получалось, что никакое это не задание, а просьба, которую никто, кроме Рязанцева, выполнить не может. Словом, был мудр и проницателен, хоть и понятия не имел ни о машинных языках, ни о внутренних.

Поздоровавшись, Саркисян заговорил о надоевшем всему институту белореченском проекте. Возятся с ним уж третий год, а оптимального варианта все нет. И если завтра к обеду не будет, так хоть на рельсы ложись. Только на кибернетику и надежда. Да, конечно, машина устарела: счету ей здесь на двое суток. Надо бы похлопотать насчет новой. Но сейчас-то нужно выручать. Неизвестно как — но ведь Михаил Петрович все может, это каждому известно.

Людвиг Аветисович искусно ввернул и о том, что требуется не просто оптимальный вариант — следует учесть и вздорные требования нефтяников, и соображения, изложенные в записке Кузьмина из главка, и указания, которые замминистра дал по телефону. Легко ли это пе-

реварить прямолинейной машине? И как это сделать к утру, одному богу известно. Небось, сам Эйнштейн бы спасовал. Но на него, на Михаила Петровича Рязанцева, надеются все.

Говорил Саркисян неторопливо, однако монолог длился не более минуты: чувство ритма было у него безошибочное. Попросил, улыбнулся, даже за плечи приобнял — и исчез.

Вот и открылась возможность начать то, что Василий Степанович торжественно называл Великой Проверкой. Рязанцев открыл форточку. Отключил пульт. Начал сосредоточение.

Разгонную теорему удалось доказать хорошо, быстро. Но когда настал момент переходить к исходным данным, то вместо белореченского проекта предстало перед ним лицо Ольги Сергеевны. А потом ни с того ни с сего припомнилась мать, и выражение лица у нее было похожее, тревожное. Припомнился запах ее комнаты — запах старого, обжитого дома, не знакомый обитателям бетонных машин для житья, — и полезли в голову многие другие вещи, на внутреннем языке ни названия, ни цены не имевшие.

А дальше явился к нему глагол «откупаться», на внутреннем языке малозначительный, но на внешнем — Михаил Петрович вдруг понял это

с леденящей ясностью — исчерпывающий его убогую жизнь до самого дна. Кому нужна эта его иссушающая работа, если он за свои сорок два года не порадовал, не осчастливил ни одно живое существо, не догадался даже завести детей, если с кроткой женщиной, живущей только ради него, он разговаривает разве что о полочках на балконе? Теоремы Швиндлера, наверное, выдумка, баловство — все, кроме пятьдесят четвертой. Кроме Теоремы Этики.

Рязанцев еще попытался вернуться в себя. Сделал несколько дыхательных упражнений, которым его выучил Василий Степанович — но внутренний язык уже не возвращался. Пришлось снова включить машину и взяться за телефонную трубку. Он знал: Василий Степанович, к счастью, тоже работает в эту ночь на машине.

— Вы были глубоко не правы насчет меня в смысле пятьдесят три, — глухо, без приветствия произнес он в трубку.

— Не может быть, — всполошился приятель. — Неужели не идет?

— Не идет. И не может пойти, так сказать, в смысле пятьдесят четыре. Не та я особь, до эволюции не дорос. И вообще — все это баловство, — Михаил Петрович открыл в себе способность

невесело усмехаться.

— Не надо отчаиваться, — засуетился Василий Степанович. — Это бывает. Киай приходит не всегда.

— Причем тут ваш киай? На кой мне черт эти диалекты — я только начинаю понимать русский язык. Скажите лучше, не загружена ли ваша большая, — перебил его Рязанцев.

— Сегодня свободно, — уныло ответил приятель.

— Тогда позвольте мне подключиться…

В том институте строжайше запрещали подключать к большой машине посторонних. Рязанцев знал это, но вдруг понял, что Саркисяна подводить нельзя. Большая могла разделаться с оптимальным вариантом за два часа.

Василий Степанович никогда не слышал, чтобы Рязанцев кого-нибудь о чем-нибудь просил. «Черт с ним, с Калмыковым», — решил он про себя, а вслух сказал коротко:

— Включаю.

Теперь у Михаила Петровича было два свободных часа. Он запер машинный зал и побежал в соседний двор. Магазин был уже закрыт, но около служебного входа возился с какими-то ящиками дюжий детина в тельняшке и с беломориной в

зубах.

— Будьте любезны сказать, — обратился к нему Рязанцев, — нельзя ли здесь раздобыть пакет молока?

— Вот тебе на, — был ответ. — Я-то думал, ты за бутылкой.

И звучало это «ты» совсем не обидно.

— Нет, за молоком. Жена болеет.

— Погоди… — Детина нырнул в дверь, и вместе с ним нырнул благодушный запах жигулевского пива. Через минуту грузчик вернулся с измятым пакетом. Рязанцев протянул ему рубль.

— Бог с тобой, брат, — отвечал человек в тельняшке, закуривая новую папиросу. — С ума сошел? Спрячь. Беги к своей бабе.

И стало вдруг легко, как никогда в жизни. Новые, легкие слова и формулы всплыли из мутных глубин непонимания. Это не был тайный, забытый им внутренний язык; слова понял бы и ребенок. Почувствовав их безоружную, но пробную силу, Рязанцев мгновенно облек в них и проблемы Гильберта, и белореченский проект, и многое другое, ему самому еще неведомое.

И этот последний рубль пригодился. У трамвайной остановки невесть откуда взялась старушка-цветочница. Подбегая к ней, Рязанцев вдруг

сообразил, что первый раз в жизни покупает цветы.

№ 4

Кир Булычев

Родимые пятна

Литературные страницы

Родимые пятна

Кир БУЛЫЧЕВ

Беда случилась часов в шесть вечера, но сначала никто не сообразил, что же произошло.

Инопланетный корабль в лучах вечернего солнца казался облаком, лишенным четких форм, переливчатым и совершенно безопасным.

Он отделился от облачной гряды и медленно поплыл над лесом, снижаясь к окраине городка, где вдоль пыльных улиц выстроились за палисадниками одноэтажные домики.

Над последним, еще новым домом корабль-облако завис надолго, но это не вызвало ни в ком тревоги. Даже собака Тренога, существо на редкость злобное и сварливое, тявкнула раза два на облако, потом забралась в будку и задремала.

В тот момент в доме находились Марья Степановна, ее дочь Леокадия и внучка Сашенька, которая была больна ангиной и капризничала. Семенский, муж Леокадии, еще не вернулся с работы.

Очевидцы рассказывали: облако, повисев несколько минут над домом Семенских, вдруг обрушилось на него, окутало дом, как туманом, затем поднялось вновь, набирая скорость, пока не смешалось с прочими облаками и тучами.

Дом исчез. Исчезли также палисадник, заросший сорняками, будка с Треногой и хозяйствен-

ные постройки. Осталось пустынное место, где не росло ни травинки, а также квадратная яма от фундамента.

Примерно через пять минут пустоту на месте соседского дома увидела Прасковья Ильинична. Она не поверила собственным глазам, выбежала из дому, потом дошла до границы своего участка, заглянула через забор, но дальше двигаться не посмела, а вернулась в дом и разбудила мужа. Муж сперва отказался идти смотреть на соседский дом, но, видя, что Прасковья рыдает, выглянул в окно и послал жену за милицией.

Старшина Пилипенко прибыл на место происшествия через десять минут. После исследования пустой площадки, вокруг которой уже собрался народ, старшина задал вопрос:

— Кто последним видел здесь дом?

Никто не смог в этом признаться, хотя многие подтвердили, что обычно здесь стоит дом Семенского, еще не вернувшегося со службы.

Затем приехала скорая помощь, водитель которой подтвердил общее мнение, что дом Семенского должен стоять на этом месте. Старшина Пилипенко пребывал в растерянности, так как должен был принять меры, прежде чем докладывать начальству, но характера мер он не знал.

Кто-то предложил оцепить пустую площадку веревкой, но площадка и без того была отгорожена забором. Тогда Пилипенко послал в райисполком за планом квартала.

Семенский, который шел домой, не подозревая дурного, издали увидел густую толпу, но своего дома не увидел. Он сразу понял, что дом сгорел, что было наиболее вероятным объяснением. Это его так поразило, что он остановился посреди дороги. Тут его увидели, и толпа расступилась, открывая Семенскому проход к старшине Пилипенко, стоявшему посреди пустого участка.

— Люди живы? — крикнул Семенский издали, не в силах сделать ни шагу.

— Вы хозяин? — спросил Пилипенко.

— А где дом? — крикнул Семенский.

— Не бойтесь! — крикнул Пилипенко. — Пожара не было.

Кто-то из присутствующих всхлипнул.

Семенский вышел на пустое место, огляделся, не узнавая своего участка, и, куда бы он ни бросил взгляд, наталкивался на внимательные и печальные взгляды.

— Люди где? — спросил он у старшины Пилипенко.

— Какие люди?

— Моя семья. Дочь, жена, теща Марья Степановна?

Старшина Пилипенко обратил глаза к зрителям, и в толпе закивали.

— Еще утром были, — сказал кто-то.

— Может, уехали? — спросил старшина.

— Его теща от дома никуда, — объяснили из толпы. — Страшного нрава и дикости женщина.

— У меня и жена была, — сказал Семенский, присел на корточки и поковырял ногтем землю.

— Там ничего нет, — сказал водитель скорой помощи. — Материк. Провалиться не могли.

— А где дом? — спросил тогда Семенский у старшины.

— По этому поводу меня и вызвали, — сказал старшина. — Но вы не волнуйтесь, разберемся.

— Может, вам укол сделать? — спросил врач скорой помощи.

— Зачем? — спросил Семенский. — Это уже не поможет.

— Держись, — сказал водитель скорой помощи.

— Утром я уходил, они здесь были, — сказал Семенский.

— Леокадия ко мне днем забегала, — подтвердила одна из соседок. — За солью. Если бы что,

она бы рассказала.

— Тут облако странное висело, — вспомнила другая соседка. — Я в небо смотрю, а оно висит. Вот, думаю, странное облако.

— Почему не сообщили? — спросил строго старшина.

— Куда сообщать? — удивилась соседка. — Об чем сообщать?

Старшина не ответил.

— Нет, — сказал Семенский. — Надо что-то делать. Что же вы стоите?

Прибежал посланный из райисполкома. Принес план квартала.

Стали смотреть, сверять план с действительностью. Оказалось, что дом Семенского на плане значился. Тогда старшина Пилипенко ушел в отделение доложить и испросить указаний. Семенский остался на участке, сказал, подождет, хотя соседи звали его к себе. Кто-то принес стул. Семенский сел на стул посредине пустого места. Соседи разошлись по домам, но часто подходили к окнам, выглядывали и говорили:

— Сидит.

Семенский думал. Он прожил на свете сорок один год, работал сантехником, зарабатывал прилично, почти не пил, значительных событий

до того с ним не происходило, он их и не ждал.

Пустота участка, даже какая-то подметенность, говорила за то, что дом убран надолго, может, навсегда. Соседи или недоброжелатели сделать это с корыстными целями не могли, теща при всей своей вредности и нелюбви к Семенскому не решилась бы на такой шаг. Да и Леокадия бы не позволила — новый дом, второй год как построен, в нем жить да жить… А вдруг они уже не вернутся? Эта мысль смутила и расстроила Семенского, и вот по какой причине: дело в том, что еще час назад он мечтал как раз об этом. Он подумал тогда, как хорошо бы придти домой, а на дверях бумажка: «Мы уехали к тете Анастасии в Мелитополь. Вернемся через два месяца». Или еще лучше: «Мы уехали в Бразилию. Жди через…». Вот было бы блаженство. Приходишь домой. Тренога не норовит тяпнуть тебя за пятку, теща не кричит на тебя за то, что ты ноги не вытер, жена не пилит, что премию маленькую дали, дочка не упрекает, что у нее нет велосипеда. Тишина, благодать… А вдруг есть какая-то высшая сила? И эта сила услышала его желание. И приняла меры. Как бы вняла его молитвам.

Постой-ка, сказал себе Семенский. Получается, что я ликвидировал своих ближайших род-

ственников посредством глупого желания. А им каково? Где они теперь? Может быть, пойти в милицию, все объяснить и потребовать себе наказания? Нет, сначала попробуем сами исправить.

Соседи, глядевшие из окон, увидели, как Семенский сполз со стула, встал на колени и, обратив к небу лицо, начал шевелить губами. Он шептал: «Господи или какая там есть высшая сила! Я же не всерьез просил. Это была минутная слабость. Верни их, пожалуйста, и тещу, и жену, и дочку, и собаку Треногу!». Соседи не слышали, конечно, шепота, но понимали, что в поисках утешения Семенский обратился к небу, и некоторые сочувствовали ему. Они понимали, что нет ничего хуже, как вернуться с работы домой, в ожидании борща и телевизора, а вместо этого найти голый участок.

Когда Семенский убедился, что ответа с неба ему не будет, он снова сел на стул и так просидел до самой ночи, раскаиваясь и вспоминая редкие добрые моменты своей жизни, а иногда принимался беззвучно плакать, раскачиваясь на стуле. Соседи по очереди приходили к нему, приглашали к себе, но он мотал головой.

Без четверти двенадцать ночи на участок пришел старшина Пилипенко. Поняв, что добром

Семенского не уговоришь, старшина препроводил его в отделение милиции, поместил в пустовавшую камеру предварительного заключения и дал две таблетки элениума. Потом накрыл Семенского поверх казенного одеяла своей шинелью и запер до утра, чтобы в расстройстве Семенский чего не натворил.

Утром на голый участок начали ходить люди с других улиц. Посетило его городское начальство. Всем старшина Пилипенко показывал план квартала. Семенский снова сидел на стуле. «Вот теща Марья Степановна, — думал он, — она кажется злобной и сварливой. Но ведь она думает, как сделать лучше, в ней есть доброта, только скрывается она под грубой и неприятной оболочкой. И вообще в людях надо искать доброе. Даже в животных. Что из того, что Тренога бросается на своих? Она и на чужих лает, значит, и от нее есть польза. А что жена жадная и не очень умная женщина, что ж, другой он не заслужил, тоже мне красавец! Она по-своему его жалеет. Когда третьего дня теща бойкот затеяла, Леокадия ему тарелку супу налила, добровольно…

Тут на двух «волгах» приехала комиссия из области. В комиссию входили два профессора, полковник и люди в темных костюмах, кото-

рым положено разгадывать тайны. Они долго рассматривали, брали пробы земли и воздуха, сомневались, расспрашивали Семенского, правда ли он вчера еще здесь жил? Семенский подтверждал, стоял на своем твердо, хотя в глубине души уже начал сомневаться, даже показывал им паспорт, в котором был штамп о браке, прописка и запись о дочери.

Отойдя в сторону и совещаясь, гости из области несколько раз повторили слова «космический вариант», «неопознанные объекты», потом заспорили, а уезжая, вежливо попрощались с Семенским за руку и выразили сочувствие.

Пилипенко остался на участке. С Семенским они уже сблизились, Пилипенко принес Семенскому бутылку пива, потом стал рассказывать историю своей неудачной женитьбы. Семенский тоже рассказал о своей семье, но мягко, вспоминая только хорошее. Они так разговорились, что не заметили, как над участком повисло сизое облако, а потом начало медленно снижаться. Не исключено, что их пришибло бы, но сосед разглядел в облаке космический корабль и закричал из своего окна, чтобы они бежали в сторону.

Они отбежали. Из корабля спутились дом, собачья конура, огород и хозяйственные постройки.

Семенский и Пилипенко смогли вблизи разглядеть космический корабль, который поблескивал сквозь облако, и увидели, как осторожно разжимаются огромные металлические клешни, освобождая пленный дом. Дом чуть покачнулся и встал точно на положенное место.

— Повезло, — сказал Пилипенко. — Могло и придавить.

В мгновение ока улица заполнилась народом, хотя никто не осмелился подойти близко. Все наблюдали и ждали появления людей или хотя бы действий со стороны Семенского.

Семенский не сразу сдвинулся с места. А вдруг он откроет дверь, а там обнаружатся бездыханные тела.

Семенский посмотрел на Пилипенко. Пилипенко ответил выразительным взглядом. Пилипенко, конечно, понимал, что ему как представителю власти следовало бы сделать первый шаг. Но ведь и милиционер остается в глубине души просто человеком и страшится неизвестности. Пилипенке легче было бы знать, что в доме скрывается особо опасный и вооруженный преступник, чем погибшие в небе невинные женщины и дети.

И в этот страшный момент неизвестности из конуры выглянула собака Тренога, увидела хозя-

ина и со всех ног бросилась к нему. Семенский отступил было, опасаясь злобного нападения, но собака ни о чем подобном и не помышляла. Мотая хвостом, она принялась ласкаться к Семенскому, прыгать на задних лапах, радуясь после разлуки. Семенский растрогался, осторожно погладил ее по курчавой макушке, а Пилипенко сказал:

— Возможен благополучный исход.

И он был прав.

В тот же миг растворилось окошко, и оттуда выглянула Марья Степановна, полная женщина с выразительным, но обычно суровым лицом.

— Коля, милый! Чего стоишь, заходи! Товарища милиционера приглашай.

Семенский открыл рот, чтобы ответить, но ответить не смог, потому что никогда еще не слышал от тещи подобного приглашения.

— Пошли, — сказал Пилипенко. — Зовут.

Из двери выбежали Леокадия и дочка Сашенька. Они со всех ног подбежали к отцу, обхватили его руками принялись целовать и ласкать.

— Как ты тут без нас! — воскликнула Леокадия.

— Он ничего не ел! — крикнула теща из окна. — Я разжигаю плиту!

А дочка Сашенька безмолвно прижалась к па-

пиной ноге.

Старшина Пилипенко сказал, что вообще-то ему надо снять с семьи Семенских показания по части таинственного отсутствия, но делать это он будет не сейчас, а завтра, чтобы не мешать семейной встрече. И ушел.

Семенский, сопровождаемый подобревшей Треногой, вошел в дом и с первого взгляда поразился происшедшим в нем переменам. В доме было чисто. Хрустально, окончательно, невероятно. Куда исчезли жуткие следы деятельности тещи, которая имела обыкновение собирать по улицам барахло (а вдруг пригодится?). Где пыль, которую полгода не могла собраться вытереть ленивая Леокадия? Где ломаные игрушки Сашеньки, почему они не валяются под ногами?

Но как следует разобраться Семенский не успел — теща расторопно накрывала на стол, поглядывая на него ласковыми глазами, которые так украшали ее прежде недоброе лицо. Сашенька добровольно и безропотно побежала мыть ручки, а Леокадия достала из буфета графинчик, сама поставила на стол, чтобы выпить за благополучное возвращение.

— Как вы? — обрел, наконец, дар речи Семенский, усаживаясь за стол.

— У нас все в порядке, — первой отозвалась Сашенька. — Мы очень по тебе скучали. А ты?

— Я тоже, — сказал Семенский. — Я думал, что вас совсем унесло.

— И почувствовал некоторое облегчение, — сказала теща с улыбкой. — Что греха таить, нелегко с нами приходилось.

Семенский открыл рот, услышав такое странное признание от несгибаемой Марьи Степановны, и тут взгляд его упал на шею жены Леокадии. Что-то было не так. Потом понял: отсутствовало родимое пятно под ухом.

— Леокадия, — сказал он тихо, потрясенный страшным подозрением. — Где пятно?

Он показал пальцем на шею жены, и тревожные мысли побежали в его мозгу: это не его семья! Его семья не такая. Его дом не такой… Он машинально поднес ко рту ложку с борщом и понял, что и борщ не тот — такого вкусного борща ему в жизни не приходилось есть. Его семью подменили!

— А-а-а! — закричал Семенский, в ужасе вскакивая из-за стола. — Пустите меня! Это не вы!

Никто не поднялся вслед за ним. Печальными взглядами семейство проводило его до дверей. В дверях Семенский остановился.

— Возражайте! — закричал он. — Вы мои родственники или космические пришельцы, засланные, чтобы уничтожить нас изнутри?

— Если ты о родимом пятне, — спокойно сказала Леокадия, — то мне его удалили, потому что со временем оно могло превратиться в злокачественное образование.

— А мне аппендицит вырезали, — сообщила Сашенька. — И гланды. Хочешь посмотреть, папочка?

Семенский вернулся в комнату и посмотрел в широко открытый ротик дочери. Ничего там не увидел, но это действие и теплая доверчивость ребенка немного развеяли тревогу.

— А зачем? — спросил он. — Кто им позволил?

— Ты садись, Коля, остынет, — сказала Марья Степановна. — Мы от тебя ничего не скроем.

Семенский послушно ел борщ и наслаждался его вкусом после столь долгой и нервной голодовки. А Марья Степановна с помощью Леокадии рассказывала:

— Мы сначала очень испугались. Даже плакали. Живем на Земле, ждем тебя с работы, а вдруг нас уносят в небо. Мы сначала даже не сообразили что к чему.

— Но нам объяснили, — сказала Леокадия. — С

нами лично имел беседу Поколвух.

— Кто?

— Поколвух, их начальник, очень культурный человек, — сказала Марья Степановна. — Он искренне полюбил Леокадию.

— И я его полюбила, — сказала Леокадия.

— Еще чего! — воскликнул Семенский. — Еще этого не хватало.

— Папочка, не ревнуй, — сказала Сашенька. — Он зеленый, мне по плечо и на трех ножках.

Это немного успокоило Семенского. Если его дочка — его дочка, а не обман, она врать не будет.

— Они к нам прилетели, — сказала Марья Степановна, — для изучения нашей жизни.

— Кто их звал? — сопротивлялся Семенский. — Что это за манеры?

— Ученые они, понимаешь, папочка. Им очень интересно, как мы живем, к чему стремимся.

— Сашенька права, — сказала Марья Степановна, снимая с плиты восхитительные котлеты. — Мы сначала сопротивлялись, а потом они с нами побеседовали, все объяснили.

— И мы поняли, — сказала Сашенька.

Собака Тренога вежливо тявкнула из-под стола.

— Вопрос был принципиальный, — продолжала Марья Степановна. — Доросли ли люди до контактов с межзвездной цивилизацией? Или нет еще? Тогда они выбрали самый обычный дом в самом обычном городе и взяли нас на время, поглядеть…

И очень сначала расстроились, — сказала Леокадия. — Ох, как много оказалось в нас всякой требухи, всяких родимых пятен, мещанства, суеверий, злобы и сварливости.

— Особенно во мне, — улыбнулась Марья Степановна.

— И во мне тоже, — призналась Леокадия.

— Нам показали возможности, которые открываются перед человечеством в галактическом содружестве, показали счастливый мир общемировой дружбы и потом спросили, не возражаем ли мы, если они попробуют избавить нас от недостатков, как физических, так и моральных, — сказала теща.

— Мы их сначала не поняли, — добавила Леокадия. — Мы думали, что в нас нет недостатков, что все недостатки в окружающих.

Ох, подумал Семенский, как она гладко говорит. Может, это все-таки подставная жена?

Но тут Леокадия кинула на него ласковый

взгляд, какого не кидала со времен свадьбы, этот взгляд Семенский ни с чем бы не спутал.

— Их интересовало, — сказала Марья Степановна, — можно ли нас от недостатков избавить? Наносные ли они? Или неисправимые? Если неисправимые, придется объявить на Земле карантин на тысячу лет. А если в основе своей люди не так уж злы и плохи, то еще, как бы сказать, не все потеряно.

— И вы согласились?

— Мы несли ответственность за всю планету, — серьезно сказала Марья Степановна. — Зато когда нас отпускали обратно, то жали нам руки и очень радовались, что теперь не надо карантина. Все исправимо. Ты кушай котлетку, кушай. Я там краткий курс всемирной кухни прошла, буду тебя баловать разносолами…

Ночью, нежась в сладких объятиях жены, Семенский испытал большое чувство благодарности к зеленым исследователям. Правда, это чувство несколько уменьшилось, когда Леокадия шепнула ему:

— С завтрашнего дня будем с тобой, мой драгоценный, готовиться к институту. За нашей семьей налажено деликатное космическое наблюдение. Нам бы не хотелось тебя стыдиться…

— Надеюсь, ты не обидишься за нашу прямоту, — сказала утром Марья Степановна. — Но человеку свойственно стремиться к прогрессу, к свершениям.

— По большому счету, — закончила Сашенька, подняв пальчик.

Давно не плакал Семенский. Даже потеряв семью, он не проронил ни слезинки. Но сейчас что-то горячее заструилось по его щекам. Семенский зарыдал. Семенский с душевным трепетом и глубокой радостью вступал в новую жизнь…

Соседи и знакомые завидуют Семенским. Загляните к ним домой, пусть даже невзначай, не ко времени. Даже если в этот момент Семенский повторяет неправильные глаголы, Леокадия погружена в тайны интегрального исчисления, Марья Степановна пишет очередное эссе об охране животного мира, а Сашенька, закончив уроки, дышит по системе йогов. Даже в такой момент вам будут рады. Любой гость — награда для этой скромной семьи. Марья Степановна, с помощью родных, быстро приготовит скромное, но вкусное угощение, остальные будут развлекать вас интересным разговором об Эрмитаже, о новых археологических открытиях и моральном совершенствовании. И если вы не укоренивший-

ся в отсталости человек, вы уйдете от Семенских душевно обогащенным, удовлетворенным и чуть подросшим.

Сам Семенский за прошедшие полгода сильно изменился в лучшую сторону. Он пополнел, но не чересчур, от хорошей калорийной пищи и обязательных утренних пробежек рысцой. Во взгляде его присутствует светлая задумчивость, даже увлеченность. Семейное счастье, буквально обрушившееся на него с неба, требует ответных действий. Он отличный работник, передовик, после работы всегда успевает забежать в магазин, купить картофель или стиральную машину, уделить час, а то и больше общественной деятельности — и торопится домой, где его ждут занятия и добрые улыбки ненаглядных родственников.

Вот именно в такой момент его и встретил недавно старшина Пилипенко. Семенский тяжело ступал по мостовой, потому что нес на голове телевизор ««Горизонт» из починки, в правой руке сумку с бананами, в левой портфель, набитый научными монографиями.

— Здравствуй, Коля, — сказал ему старшина. — Не трудно тебе? Может, помочь?

— А кто будет бороться с трудностями? Кто будет закаляться? — спросил Семенский.

— Ты прав, — вздохнул старшина. — Тебе сказочно повезло. Ведь могли другой дом захватить. И оставался бы ты со злобной тещей и отрицательной женой, как другие несчастливцы.

— Могли, — сказал Коля и осторожно опустил на землю тяжелые сумки. — И все было бы как у людей.

— Тебе, наверное, теперь на нас смотреть противно, — сказал старшина.

— А я не смотрю, — сказал Семенский. — Некогда.

— Может, пива выпьем? — спросил старшина.

— Пиво вредно, — ответил Семенский.

— Ты прав, — согласился старшина. — Вредно. Но я уж сменился. Приму кружку.

И вдруг, к своему удивлению, старшина увидел, как глаза Семенского наполняются слезами.

— Ты чего?

— Ничего, все в норме… пройдет. Нервы… Ну хоть бы она разок тявкнула!

— Ты о ком?

— О собаке своей, о Треноге. Знаешь, Пилипенко, она со всей улицы бездомных котят собирает, к себе в конуру. И облизывает.

— Смотри-ка…

— А теща их шампунем импортным моет. А у

жены ни одного родимого пятна не осталось!

— Да, приходится соответствовать, — сказал Пилипенко. И не знал уже, радоваться за Семенского или…

Вдруг телевизор на голове Семенского покачнулся, рухнул со всего размаха в пыль — Пилипенко его подхватить не успел — вдребезги. Семенский обратил тоскующий взор к небу, где висело одинокое вечернее облако, и спросил:

— Наблюдаешь?

— Ты чего? — удивился Пилипенко, который стоял в пыли на коленях, сгребая в кучу остатки телевизора. — Это же просто облако.

— А вдруг не просто?

Стояла вечерняя тишина, даже собаки молчали. И в этой тишине к небу несся усталый голос Семенского:

— Может, возьмете их обратно, а? Хоть временно…

№ 5

Айзек Азимов

Окончательный ответ

Меррею Темплтону исполнилось сорок пять лет. Он был в расцвете сил, все органы его тела

функционировали отлично. Все было в порядке, за исключением одного маленького участка коронарной артерии. Правда, этого было достаточно.

Боль обрушилась на него внезапно, мгновенно достигла невыносимой точки, а затем начала стихать. Он дышал все медленней, и в душе воцарилось спокойствие.

Нет на свете большего наслаждения, чем почувствовать, что боль отступила. Меррею Темплтону показалось, что он поднимается над землей.

Открыв глаза, он заметил не без некоторого удивления, что люди в комнате все еще суетятся. Дело происходило в лаборатории; падая, Темплтон успел услышать звон утекла и перепуганные голоса коллег.

И вот они сгрудились над его распростертым телом, над телом Меррея Темплтона, на которое..., ну да, — он внезапно понял это! — на которое он сам взирает откуда-то с высоты.

Да, он лежал там, на полу, раскинув руки. Лицо было все еще искажено болью. И в то же время он смотрел на себя сверху, никакой боли не ощущая.

Мистер Темплтон подумал:

«Вот уж чудо из чудес! Все эти россказни о жизни после смерти, оказывается, не такая уж

чепуха!»

И хотя он понимал, что серьезному ученому, физику, не к лицу такие взгляды, он испытывал не более чем легкое удивление, никоим образом не нарушавшее глубокого покоя, в котором он пребывал.

Он подумал «За мной должны были прислать ангела».

Мало-помалу комната и люди расплылись тьма обступила его, и лишь в отдалении что-то брезжило, угадывалась слабо светящаяся фигура — последнее, за что цеплялось его меркнущее зрение.

Мистер Темплтон подумал: «Ну и дела? По-моему, я направляюсь на небеса».

Но вот и свет исчез… Во всей Вселенной оставался лишь он один — и тогда раздался Голос.

Голос сказал:

— Мне столько раз это удавалось, и тем не менее я не потерял способности радоваться очередному успеху.

Меррею хотелось что-нибудь ответить, но он не знал, есть ли у него губы, язык, голосовые связки. Все же он попытался издать звук. И это у него получилось.

Он услышал собственный, хорошо знакомый

голос, слова звучали достаточно четко.

— Скажите, пожалуйста: я на небесах?

Голос ответил:

— Небеса — это место. Здесь это слово не имеет смысла.

Меррей Темплтон несколько растерялся, однако следующий вопрос напрашивался сам собой:

— Простите, если я выгляжу нетактичным. Но вы — бог?

В Голосе прозвучала легкая усмешка.

— Мне всегда задают этот вопрос; даже странно как-то. Едва ли я сумею дать вам понятный ответ. Я существую — вот все, что можно ответить, а вы уж, пожалуйста, подберите сами удобный для вас термин.

— А что же такое я? — спросил Темплтон. — Душа? Или тоже символ существования?

Он старался быть вежливым, но скрыть сарказм, пожалуй, не удалось. Вероятно, следовало добавить: «Ваше Величество» или «Ваша Святость», что-нибудь в этом роде, но он не мог себя заставить — очень уж это выглядело бы смешно. Хотя кто его знает? Чего доброго, еще накажут за непочтительность.

Но Голос не обиделся.

— Вас несложно объяснить — даже в понят-

ных для вас терминах, — сказал он. — Конечно, если вам приятно, можете называть себя душой. На самом деле, однако, вы не более чем определенная конфигурация электромагнитных волн, организованных таким образом, что все связи и взаимоотношения в этой системе в точности имитируют структуру вашего мозга в период земного существования. Поэтому вы сохраняете способность мыслить, сохраняетесь как личность. Вот и все.

Меррей Темплтон не верил своим ушам.

— Вы хотите сказать, что сущность моего мозга некоторым образом… перманентна?

— Отнюдь. Ничего вечного в вас нет, за исключением плана, задуманного мной. Упомянутую конфигурацию придумал я. Я создал ее, когда ваша физическая сущность была иной, и реализовал в тот момент, когда предыдущая система отказала.

Голос явно был собой доволен. Помолчав, он продолжал:

— Ваша конструкция сложна. Она удовлетворяет самым высоким стандартам. Разумеется, я мог бы воспроизвести аналогичным образом любое живое существо на Земле, когда оно умирает, но я этого не делаю. Я не люблю хвататься за что

попало.

— Значит, вы выбираете немногих?

— Очень немногих.

— А куда деваются остальные?

— Остальные? Никуда. Аннигиляция, дорогой господин Темплтон, самая обыкновенная аннигиляция. А вы уж вообразили себе ад?

Если бы Меррей мог, он бы покраснел. Он сказал поспешно:

— Нет, нет. Ничего такого я не воображал. Но я не совсем понимаю, чем я привлек ваше внимание и заслужил эту честь — быть избранным.

— Заслужил? Ах, вот что вы имеете в виду. Признаться, трудно порой сужать мышление до пределов, соответствующих вашим… Как вам сказать? Я выбрал вас за умение мыслить. По тем же критериям, по каким выбираю других из числа разумных существ в Галактике.

Меррей Темплтон почувствовал профессиональное любопытство. Он спросил:

— Вы это делаете лично или существуют другие подобные вам?

Наступило молчание; должно быть, он опять сказал что-то не то. Но Голос вновь заговорил и был невозмутим, как и прежде.

— Есть другие или нет — вас не касается. Эта

Вселенная принадлежит мне и только мне. Она создана по моему желанию, по моему проекту и предназначена исключительно для достижения моих собственных целей.

— Значит, вы один?

— Вы хотите поймать меня на слове, — заметил Голос. — Представьте себя амебой, для которой понятие индивидуальности сопряжено с одной и только одной клеткой. И спросите кита, чье тело состоит из тридцати квадрильонов клеток, кто он: единое существо или колония существ. Как киту ответить, чтобы его поняла амеба?

— Я об этом подумаю, — сказал Меррей Темплтон.

— Прекрасно. В этом и состоит ваша функция. Будете думать.

— Думать, но зачем? И к тому же… — Меррей запнулся, подыскивая слово, — вы, по-видимому, и так все знаете.

— Даже если я осведомлен обо всем, — заметил Голос, — я не могу быть уверен, что я все знаю.

— Это звучит как постулат из земной философии, — сказал Меррей. — Постулат, который кажется значительным по той причине, что в нем нет никакого смысла.

— С вами не соскучишься, — сказал Голос. —

Вам хочется ответить на парадокс парадоксом, хотя мои слова отнюдь не парадокс. Подумайте: я существую вечно, но что это собственно значит? Это значит, что я не помню, когда я начал существовать. Если бы я мог вспомнить об этом, отсюда следовало бы, что мое существование имело начальную точку.

— Но ведь и я…

— Позвольте мне продолжить. Итак, если я не знаю, когда я начал быть, и не знаю, начал ли, если я не умею расшифровать понятие вечности моего существования, то уже одно это дает мне право усомниться в моем всеведении. Если же мои знания в самом деле безграничны, то с не меньшим правом я могу утверждать, что безгранично и то, что мне еще предстоит узнать. В самом деле: если, например, я знаю только все четные числа, то число их бесконечно, и в то же время бесконечно мое незнание нечетных чисел.

— Но разве нельзя, исходя из знания четных чисел, вывести существование нечетных — хотя бы разделив четные пополам?

— Недурно, — сказал Голос, — я вами доволен. Вашей задачей и будет искать подобные пути, правда, куда более трудные, от известного к неиз-

вестному. Ваша память достаточно обширна. При необходимости вам будет позволено получать дополнительные сведения, нужные для решения поставленных вами проблем.

— Прошу прощения, — сказал Темплтон. — А почему вы сами не можете это делать?

— Могу, конечно, — усмехнулся Голос. — Но так интереснее. Я построил Вселенную для того, чтобы расширить число фактов, с которыми имею дело. Я ввел в эту систему принцип дополнительности, принцип случайности, принцип недетерминированного детерминизма и… некоторые другие с единственной целью: сократить очевидность. Думаю, что мне это удалось. Далее я предусмотрел условия, при которых могла возникнуть жизнь, и допустил возникновение разума — не потому, что мне нужна его помощь, а потому, что познание само по себе вводит новый фактор случайности. И я обнаружил, что не могу предсказать, где, когда и каким способом будет добыта новая информация.

— И так случается?

— О, да. И века не проходит, как появляется что-нибудь любопытное.

— Вы имеете в виду нечто такое, что вы и сами могли бы придумать, но пока еще не придума-

ли? — спросил Меррей.

— Вот именно.

— И вы надеетесь, что я смогу быть полезен для вас в этом смысле?

— В ближайшие сто лет я на это не рассчитываю. Но успех рано или поздно обеспечен. Ведь вы… вы будете трудиться вечно.

— Я? Буду трудиться вечно? — спросил Меррей. — Я буду вечно думать?

— Да, — сказал Голос.

— Зачем?

— Я уже сказал: чтобы добывать новую информацию.

— Ну а дальше? Зачем мне искать новую информацию?

— Право же, странный вопрос, господин Темплтон. А чем вы занимались в вашей земной жизни? Какую цель ставили перед собой?

— Я стремился заслужить одобрение моих товарищей. Хотел получить удовлетворение от своих достижений, зная, что время мое ограничено. А теперь? Теперь предо мной вечность! Это понятие уничтожает всякую цель, не правда ли?

Голос спросил:

— А разве мысль и открытие сами по себе не дают удовлетворения?

— Открытие удовлетворяет, если время, потраченное на него, ограничено. Открытие, растянутое в бесконечности, не удовлетворит.

— Может быть, вы и правы. Но, к сожалению, у вас нет выбора.

— А если я откажусь?

— Я не намерен вас принуждать — сказал Голос. — Но, видите ли, в этом нет необходимости. Ведь ничего другого вам не остается. Вы не знаете, как сделать, чтобы не думать.

— В таком случае, — проговорил медленно Меррей Темплтон, — я поступлю иначе.

— Ваше право, — снисходительно ответил Голос. — Могу ли я знать, что вы имеете а виду?

— Вы и так уже знаете. Извините, но разговор наш так необычен… Вы построили конфигурацию электромагнитных колебаний таким образом, что мною владеет иллюзия, будто я вас слышу и отвечаю на ваши слова. На самом же деле вы внушаете мне свои мысли и читаете мои.

— Допустим. И что же?

— Так вот, — сказал Меррей, — иллюзия это или нет, но я не желаю мыслить с единственной целью развлекать вас. Я не желаю существовать вечно ради того, чтобы тешить вашу любознательность. Я… я приложу все старания к тому,

чтобы не мыслить.

— Ну-ну, не будем ссориться, — сказал Голос. — Замечу только, что, если вам это и удастся, я немедленно воссоздам вас с таким расчетом, чтобы впредь ваш способ самоубийства стал невозможным. Если же вы отыщете другой способ, я реконструирую вас так, чтобы исключить и эту возможность. И так далее. Игра обещает стать интересной, но в любом случае вы будете существовать в качестве мыслящего разума вечно. Так мне хочется, уж не взыщите.

Меррей внутренне содрогнулся, но овладел собой и продолжал спокойно:

— Значит, я все-таки попал в ад. Вы утверждаете, что ада не существует, но может быть, все дело в словах?

— Может быть, — сказал Голос.

— Тогда рассмотрим другую возможность, — сказал Меррей. — Что если мои мысли окажутся для вас бесполезны? И если это так, не лучше ли будет меня ликвидировать и ни о чем больше не беспокоиться?

— Ликвидировать… в награду? Вы желаете обрести нирвану в качестве приза за поражение и хотите меня уверить, что это лучший выход для меня? Послушайте, Темплтон, не будем тор-

говаться. Можете мне поверить: вы не будете бесполезны. Имея в распоряжении вечность, вы в конце концов вынуждены будете родить интересную мысль, хочется вам этого или нет.

— Ну что ж, — проговорил Меррей. — Тогда я поставлю перед собой другую цель. Я придумаю нечто такое, о чем вы не только никогда не думали, но и не могли предположить, что это возможно. Я найду последний, окончательный ответ, после которого познание потеряет смысл!

— Вы не понимаете природы бесконечности, — ответил Голос, — и странным образом Меррею показалось, что отвечает он сам. — Могут существовать вещи, о которых я еще не удосужился узнать. Но не может быть ничего, о чем я не мог бы узнать рано или поздно.

— Неправда, — сказал Меррей задумчиво. — Вы не можете знать собственного начала. Вы сами в этом признались. Значит, вы не можете знать и своего конца. Вот и отлично. Это будет моей целью — и станет окончательным ответом. Я не буду стараться уничтожить себя. Я уничтожу вас или вам придется покончить со мной.

— Так, — сказал Голос, — вы пришли к этому выводу раньше, чем я предполагал. Обычно на это тратят больше времени. Все, кто находится

вместе со мной в этом мире вечной мысли, имеют намерение меня уничтожить. Но сделать это невозможно.

— Ничего. Времени у меня достаточно. Что-нибудь придумаю, — сказал Меррей Темплтон.

Голос ответил спокойно:

— Так думай об этом.

И пропал.

Перевел с английского И. Можейко

№ 6

М. Кривич

Синтез ПСА

— Простите, у вас мальчик или девочка? — спрашивает полная блондинка с застиранной болонкой на поводке.

— Кобель, — сухо роняю я. И мы не оглядываясь

проходим мимо.

Дело в том, что у меня есть собака, и я гуляю с нею три раза в день.

Стоп. В этой безукоризненной с фактографической точки зрения посылке есть три неточности, если не сказать три вопиющие неправды. Первая из них — совершенно неожиданно — кроется в слове «собака».

«Ах, бедная собака!» — говорим мы. — «Какая славная собачка!» И не замечаем, что существительное женского рода стыдливо маскирует очевидное обстоятельство: все животные бывают двух полов. Но если лошадей мы спокойно подразделяем на кобыл и жеребцов, людей — на мужчин и женщин, то с собаками обращаемся куда менее уважительно: простые слова — кобель и сука, придуманные нами же, чтобы различать собачьи особи разного пола, почему-то попали в разряд не очень приличных. Нелепость. Ведь это же идет вовсе не от моральных качеств умнейших и порядочнейших животных, а от наших, человечьих пороков. Так при чем же, скажите на милость, собаки?

Так вот, тот, с кем я последние восемь лет делю кров и кусок хлеба, ни под каким видом не может быть назван словом женского рода. Дело даже

не в окладистой его бороде и пышных усах, не в боевых шрамах на ушах и лбу. У него суровый, немного сумрачный взгляд бывалого бойца-аскета, он величав, спокоен, вежлив, уравновешен, равнодушен к мелочам жизни. Не надо слышать его голос — уверенный хрипловатый бас, достаточно одного взгляда, чтобы понять: это кобель божьей милостью.

Я зову его… Впрочем, как я его зову, не имеет ни малейшего значения; это наши с ним дела, это слишком интимно. Я буду называть его здесь Псом, и вы, если встретите нас на прогулке, обращайтесь к нему так же.

Вторая неточность, вторая неправда заключена в построении «у меня есть». Ох, совсем не очевидно, кто у кого есть…

Существует расхожее мнение, будто собака перенимает черты своего хозяина. Я сам не раз замечал, что у длинноносого собаковладельца даже курносый боксер кажется каким-то носатым. Все это так. Безусловно, Пес многое перенял у меня — застенчивость, некоторую неуверенность в незнакомом обществе, походку вразвалочку, даже близорукость. Но и я, в свою очередь, кое-что у него позаимствовал. Я ношу бороду и усы такого же ржавого цвета, как и у моего Пса. Когда род-

ственники и друзья уговаривают меня обриться, я ссылаюсь на слабую кожу. В этом есть резон, но ведь я худо-бедно лет двадцать все же брился, а перестал лишь после того, как щенячий пух на морде Пса превратился в усы и бороду.

Однако растительность на лице, как и походка, — всего лишь внешние приметы. Я часто ловлю себя на том, что подражаю повадкам Пса. Когда он хочет переменить положение во сне, то, не открывая глаз, приподымается в полный рост и с размаху плюхается на другой бок. И хоть спит он на роскошном ватном одеяле, которое должно смягчать удар от падения его чуть ли не трехпудового тела, вздрагивает пол и позвякивают на стенке медали, завоеванные Псом в молодости на собачьих выставках. Хотите верьте, хотите нет, но я переворачиваясь с боку на бок таким же странным способом с грохотом, одним рывком. Или еще одна моя сравнительно недавно приобретенная повадка, несомненно, заимствованная у Пса. Когда я в длинном нашем институтском коридоре, или в кабинете директора, или в библиотеке вдруг вижу незнакомого человека, я замираю и, раздувая ноздри, близоруко всматриваюсь. И лишь несколько мгновений спустя иду навстречу. Друзья шутят, что я делаю

стойку на женщин. Чепуха. Любой незнакомый человек вызывает у нас — и у Пса, и у меня — такую реакцию.

Наконец, последняя неправда, своеобразное следствие неправды второй: поди разберись, кто с кем гуляет — я с ним или он со мной.

Вот теперь, введя необходимые, с моей точки зрения, поправки, можно вернуться к исходной посылке. После уточнений она будет звучать так: уже несколько лет мы — я и Пес — принадлежим друг другу и вместе гуляем три раза в день.

И по правде говоря, никто нам больше не нужен.

По утрам я просыпаюсь от звона будильника. Наверное, Пес подымается со своего одеяла чуть раньше: раскрыв глаза, я всякий раз вижу перед собой его немного заспанную, но неизменно доброжелательную бородатую морду. Он подходит к моей кровати и тянется, тянется, прогибая могучую спину. Он никогда не приносит мне домашние туфли, не подает поводок или ошейник, хотя понимает меня с полуслова и выполняет любую просьбу. Я не люблю подобные штуки; когда собака приносит хозяину тапочки, в этом есть что-то лакейское. А мы с Псом ровня.

Не могу сказать, что я в восторге от утренних

прогулок. Мы оба охочи поспать, и рассветная свежесть нас вовсе не бодрит, а вызывает лишь озноб и зевоту. Мы оба здоровы поесть, и нас ждет завтрак. Кроме того, мне надо спешить на работу. Так что первая прогулка для нас всего лишь необходимая гигиеническая процедура.

Днем я непременно вырываюсь с работы хотя бы на полчаса, благо живу в трех троллейбусных остановках от института. Он встречает меня на пороге, делает несколько неуклюжих прыжков, упирается мне лапами в грудь. Мы выходим на пустырь около дома, и Пес делает вид, что перепутал время. Он деловито устремляется к лесу, время от времени с улыбкой поглядывая на меня. Он прекрасно знает, что мы никуда сейчас не пойдем, что я должен возвращаться на службу. Он просто шутит. Я стою посреди пустыря, что-нибудь жую, просматриваю газету, которую не успел прочитать с утра, или листаю реферативный журнал. Пес возвращается и начинает носиться вокруг меня, низко опустив лохматую голову; его кожаный глянцевито-черный нос работает подобно пылесосу. Пора возвращаться: ему — домой, мне — на работу. Морда у Пса становится надменно-обиженной, он хмурит брови, отворачивается от меня, всячески давая понять,

что это была не прогулка, а издевательство, что с собакой, наделенной такими достоинствами, подобным образом не обращаются. И только легкое подрагивание короткого хвоста выдает, что это тоже всего лишь шутка. Мы прощаемся до вечера.

А вот вечером, когда все дела переделаны, все телефонные разговоры переговорены, тогда и начинается настоящее. Мы не спеша, обстоятельно собираемся в дорогу. Пес подставляет голову, я застегиваю ошейник и проверяю, не слишком ли он туго затянут, потом надеваю сапоги, телогрейку, подпоясываюсь брезентовым поводком, набиваю трубку, протираю очки. И мы отправляемся навстречу вечерним приключениям. Мы идем в лес.

Собственно говоря, лес — будет, пожалуй, слишком громко сказано. Скорее зажатый между двумя шумными проспектами зеленый островок, уцелевший при сокрушительном наступлении города на лес настоящий. Но, когда темнеет, мы чувствуем себя здесь в настоящем дремучем лесу, хотя лесок и населен, я бы даже сказал, перенаселен. Перенаселен он собаками.

Островок со всех сторон обложен деревянными запрещающими щитами: нельзя на мотоцик-

лах, нельзя на автомобилях, нельзя мять, нельзя рвать, нельзя разводить костры. Напротив, надо беречь, поскольку лес — наше богатство. И нельзя с собаками. Но вечером, презрев угрозу штрафа, сюда из окрестных кварталов стекаются люди с овчарками и болонками, догами и таксами, ризеншнауцерами и фокстерьерами, керри-блю-терьерами и простыми, но очень симпатичными дворнягами. Лесок наполняется лаем и призывным посвистом собачников. У нас с Псом здесь много знакомых, есть и друзья. Но гулять мы предпочитаем вдвоем. Мы идем по главной аллее, то погружаясь во тьму, то попадая в высвеченный чьим-то карманным фонариком круг, снова скрываемся в тени деревьев и снова выходим на залитые лунным светом полянки.

Мы оба большие и в темноте можем, наверное, напугать любого. Оба бородатые, носатые, длинноногие. Ростом велик и ликом страшен, говорили про таких в старину. Мы же абсолютно безопасны. Пес никогда не полезет в драку первым, а подвергшись нападению, поначалу непременно попытается покончить дело полюбовно. И лишь поняв, что обидчик или обидчики (сколько их — для него не имеет ни малейшего значения) не отказываются от своих недобрых

намерений, лишь тогда он принимает бой. И горе неприятелю! Я еще менее агрессивен, не говоря уже о том, что по близорукости не вижу дальше протянутой руки. Но встречные — люди и собаки — этого не знают. От нас шарахаются. Бывает, сворачивают на боковую аллею. А когда свернуть некуда, спрашивают издали:

— У вас мальчик или девочка?

— Кобель, — с достоинством отвечаю я. И мы не оглядываясь проходим мимо.

Сейчас осень. Ветер, разогнавшись на двух самых длинных городских проспектах, врывается в наш лесок и путается среди голых стволов, бьется и не находит выхода. Загнанный, мечущийся, несущий опавшие листья ветер вызывает у меня непонятную тревогу. Тревога все усиливается — от того, должно быть, что со вчерашнего вечера Пес ведет себя как-то необычно.

Ночью он почти не спал и не дал спать мне. Он ходил по квартире и громко вздыхал, шумно пил воду из своей алюминиевой миски на кухне, зевал, с грохотом валился на пол и тут же вставал. Несколько раз я вскакивал с постели, зажигал лампу и, напялив очки, жмурясь от яркого света, шел к Псу, чтобы пощупать его нос. Холодный влажный нос меня немного успокаивал: по всей

видимости, Пес все же не был болен.

На утренней прогулке мое беспокойство усилилось. В самом раннем своем щенячьем возрасте Пес твердо усвоил, что подбирать что-либо на улице в высшей степени неприлично. И эту истину мне ни разу не приходилось ему напоминать. Впрочем, когда мы оба в хорошем расположении духа, Пес может подхватить увесистый сук или рваный, кем-то брошенный мячик и предложить мне сыграть партию в игру, правила которой известны только нам. Я делаю вид, что хочу отнять находку, Пес подпускает меня близко, а затем быстро отскакивает. Нам обоим весело, и мы смеемся.

Однако сегодня все было по-другому. Пес озабоченно кружил по пустырю, выискивал какую-то дрянь и без тени улыбки, абсолютно серьезно предлагал мне: рваный ботинок, кольцо от лыжной палки, грязную тряпку и — что бы вы думали? — куриную кость! Последнее было абсолютно неожиданно и столь же непристойно. Будучи в трезвом уме, мой Пес просто не мог поднять на улице что-нибудь съестное, а кость тем более.

Мы с Псом не признаем убогого служебного языка, на котором люди обычно общаются с со-

баками: место! рядом! ко мне! — и так далее. Мы просто разговариваем — Пес понимает меня, а я его. Если мне надо что-то у него попросить, что-то ему посоветовать, от чего-то предостеречь, я, как правило, добавляю «пожалуйста». На сей раз, наверное, от неожиданности у меня вырвалось грубое «фу!». Пес недоуменно пожал плечами и аккуратно положил кость у моих ног. Я с демонстративным омерзением отпихнул ее носком сапога, он же, пристально глядя на меня, снова придвинул ко мне неприличный, запретный предмет. В его глазах был вопрос…

От завтрака Пес отказался.

На дневной прогулке он вел себя так же странно. Вскоре возле меня вырос маленький холмик, сложенный Псом из его находок. Здесь была какая-то ветка с несколькими желтыми листочками, маленький аптечный пузырек, растрепанный веник, что-то там еще и все та же куриная кость.

Наверное, в обычный день я бы попытался разобраться в происходящем, а уж с такими подношениями, как останки курицы, покончил бы раз и навсегда. Но день, увы, был из ряда вон выходящим. Сегодня я впервые за двадцать без малого лет, как говорится, безупречной службы был приглашен в директорский кабинет не для

обсуждения планов, не для просмотра нашей с директором совместной статьи, не для отправки моих сотрудников на переборку овощей и не на заседание ученого совета. Впервые я услышал из уст нашего почтенного академика, что работаю неважно. За тем меня и пригласили.

— Я прекрасно понимаю ваши трудности, — бубнил директор. — Но, поверьте, все разумные сроки давно уже прошли, а вы по-прежнему делитесь со мною лишь общетеоретическими соображениями. Мы очень эти соображения ценим, но теоретические изыскания следует на время отложить. Сейчас самое время вплотную заняться синтезом. Я намерен подключить к работе еще одну лабораторию. Вы возражаете? Что ж, даю вам еще две недели. Я вас не задерживаю…

А мне, признаться, после этого и самому не хотелось задерживаться в директорском кабинете.

Я химик-органик, синтезирую лекарственные препараты. И судя по всему, в этом деле немало преуспел: в тридцать лет — кандидат, в тридцать пять — заведующий лабораторией, из которой вышли дисизин, помпомин, тиманазид и другие препараты. Эти лекарства можно найти в любой аптеке; впрочем, не приведи господь, чтобы они вам или вашим близким когда-нибудь понадо-

бились.

Все шло гладко до нового года, когда я — теперь уже ясно, что весьма легкомысленно, — взялся за злополучный препарат. Тогда новая работа казалась и мне, и моим сотрудникам чрезвычайно интересной и, признаюсь, даже выигрышной.

Далеко-далеко, за горами — за морями, на маленьком острове, омываемом теплыми водами Тихого океана, живет небольшое племя. Привлекательные женщины, сильные рослые мужчины — я сам видел фотографии. Их хозяйство примитивно, но природа щедра, и они счастливы. Но какое дело, спросите вы, до этих людей нашему институту, нашей лаборатории и мне? Вот какое. Люди на далеком острове живут подолгу, доживают до глубокой старости. Конечно, и у них случаются болезни, но, заметьте, сердечно-сосудистые — никогда. Никаких инфарктов, никаких гипертонических кризов. Этот феномен был обнаружен несколько лет назад; медики из Всемирной организации здравоохранения тщательно обследовали аборигенов и пришли к выводу, что здоровые сердца — это от особой пищи, а точнее, от некоего моллюска, обитающего на золотистых песчаных отмелях у острова и считающегося в здешних местах деликатесом.

Недавно мне в руки попала любопытная книжка — о быте, обрядах, песнях жителей южных морей. Вот, например, как юноша добивается благосклонности своей любимой: крадет ее травяную юбочку и на рассвете, напялив на себя этот предмет девичьего туалета, купается в океане и напевает магическую песню. Боже, если бы все было так просто! Я бы собственноручно стянул с нашей лаборантки Наташи джинсовую юбку и отдал ее из рук в руки своему старшему научному сотруднику Игорю Семеновичу, который уже какой год по Наташе сохнет. Пусть поплещется, надев эту юбку, в ванне, пусть перебудит на рассвете магической песней своих соседей по кооперативному дому. Всем будет хорошо: Наташа, наконец, выскочит замуж, а счастливый Игорь Семенович перестанет целый день пялиться на предмет своей страсти в ущерб лабораторному плану. Увы…

Я читал эту милую книжку и думал, что моллюск с восхитительно нежным мясом тут вовсе ни при чем, что у людей, которые свято верят в заклинания от неразделенной любви, и без особой пищи никогда не заболит сердце. Однако вскоре были получены объективные свидетельства в пользу целебных свойств Molluscus crassus

L., так по-латыни называется моллюск. Длинными и сложными путями наш институт получил несколько кубиков экстракта — вытяжки из его мускула. Экстракт испытали на мышах, активность препарата великолепно подтвердилась.

Поскольку импортировать экзотический натуральный продукт в достаточных количествах не представлялось возможным, надо было поскорее получить синтетический — аналог. Такое задание и получил наш институт. Завлабы постарше меня не спешили взвалить на себя такую обузу, а я, как выскочка-мальчишка, вызвался сам. Поначалу все шло гладко и споро. Мы в считанные недели выделили действующее начало, определили брутто-формулу сердечной панацеи и, блестяще выполнив квартальный план, доложили ученому совету ее структуру. Дело оставалось за малым — синтезировать. Читатель уже знает, что как раз на этом мы безнадежно застряли.

Говорят, что в науке это бывает — в биографиях выдающихся исследователей, не чета мне, таких случаев более чем достаточно. Говорят, что в подобных ситуациях полезно на время отложить работу, отвлечься, чтобы потом взяться за нее со свежими силами и свежими мыслями. Но мне-то дали всего две недели.

Я лихорадочно искал выход из этого тупика. И неудивительно, что причуды Пса вылетели у меня из головы, едва я возвратился на работу после обеденного перерыва. Однако вечером Пес вновь мне о них напомнил.

Пес встретил меня безрадостно и уныло. С вялo опущенным хвостом он понуро бродил по квартире, отводя в сторону глаза, когда я с ним заговаривал. Он и к приглашению на прогулку отнесся как-то незаинтересованно и безучастно, но едва мы вышли на улицу, сорвался с места и как сумасшедший бросился на пустырь. Он даже забыл, честное слово, забыл поднять лапу у первого куста, а сделать это, поверьте, он не забывал никогда.

Стремительно пробежав несколько кругов по пустырю, он вдруг прижался носом к земле, завертелся волчком и внезапно опять сник. Медленно, неуверенно он шел ко мне, чем-то расстроенный, чем-то смущенный.

Вы когда-нибудь наблюдали за служебной собакой, когда она теряет след? Только что она мчалась, припав к земле, — напряженный, как стрела, хвост, в глазах восторг преследования. И

вдруг — останавливается как вкопанная, так что проводник чуть не летит через нее. Собака недоуменно оглядывается, рыщет, крутится на месте. Теплый, остро пахнущий след, он только что был перед самым носом и — внезапно исчез. Ищейка растеряна, смущена, испуганно, виновато глядит на проводника.

Точно так же смотрел на меня в эти минуты Пес. И меня осенило. Мой честный, верный, обязательный Пес! Так он же добрые сутки тщился сделать то, что уже несколько месяцев не удавалось мне, сверхэрудированному Игорю Семеновичу, целой лаборатории со всем ее научным скарбом — хроматографами и масс-спектрометрами. Пес преданно и добросовестно выполнял идиотское задание, которое я дал ему, чтобы развлечь своих гостей. Будучи в легком подпитии, я позволил себе дурацкую шутку. А он, бедный, этой шутки не понял, да и не мог понять. Да как можно было шутить над тем, что для Пса было свято?

Вчера вечером у меня собрались гости. Да нет, какие там гости. Просто сразу после работы несколько человек наших решили поехать ко мне. По дороге прихватили с собой немного снеди — холодильник у меня всегда полупустой — и пару бутылок. Наташа с Игорем разложили все по

тарелкам, я открыл бутылки. Немного выпили. Без особого аппетита закусили.

Застольная беседа была вялой и крутилась она, естественно, вокруг проклятого синтеза. Приглашая к себе ребят, я вовсе не собирался устраивать производственное совещание, но втайне надеялся, что за столом, за разговором может появиться какая-нибудь спасительная идея, ну, не идея, так хоть крохотный огонек, который высветит еще не хоженную нами тропку. Ни идеи, ни огонька, ни тропки. И когда общий разговор окончательно угас, когда мои гости стали собираться, выдумщица Наташа подозвала дремавшего в углу Пса.

Среди собак, как и среди людей, есть гении, тупицы, посредственности. Но почти каждый, у кого есть собака, твердо убежден, что именно она — самая выдающаяся. Что же касается нас с Псом, мы смотрим на вещи трезво. Пес знает мои несовершенства и мирится с ними. Я готов признать, что мой друг отнюдь не собачий гений: он неглуп, но с неба звезд не хватает; он не урод, но и не красавец.

Но есть у моего Пса одно незаурядное качество, о котором я готов говорить неустанно, не рискуя показаться смешным. Ибо это качество — идеальный нюх — известно всем и никем не

оспаривается. Я бы даже назвал Пса гением нюха. Обучаясь в молодости на площадке, он ничем не выделялся среди своих сверстников, а по некоторым дисциплинам, например в задержании, даже отставал. Но когда дело доходило до выборки предмета, мы с Псом торжествовали. Поиски палки были звездными часами Пса. Нет, не часами, конечно, а секундами, потому что выборку он исполнял в считанные мгновения.

Служи Пес в милиции или на границе, он, наверное, стал бы известен всей стране. Нам же его уникальный нюх был в общем-то ни к чему. Впрочем, время от времени мы демонстрировали его друзьям и знакомым, как счастливые родители показывают таланты своего вундеркинда. Все участники шоу, кроме Пса, разумеется, доставали банкноты одинакового достоинства, скажем, десятки; номера тщательно переписывались. Затем провозглашалось сакраментальное «деньги не пахнут», и Псу давали понюхать одну из десяток. Деньги тасовали, как карточную колоду, или прятали их в разных углах комнаты. Без малейших колебаний, мгновенно Пес находил и приносил мне нужную бумажку. Гости ахали и охали, глаза Пса (и мои тоже) светились гордостью и самодовольством.

Так вот, Наташа порылась в сумочке и извлекла оттуда бюкс, в котором на прошлой неделе носила наши образцы аналитикам. Дно бюкса было едва припорошено остатками злосчастного препарата. Я взял в руки хрупкую стеклянную посудинку и протянул ее Псу. Тот деликатно понюхал. «Ищи», — прошептал я. Кто-то из ребят невесело засмеялся. В самом деле, хороши были наши дела, если на Пса оставалась последняя надежда.

Однако Пес отнесся к заданию вполне серьезно. Он неторопливо обошел комнату и, остановившись у стенного шкафа, негромко подал голос. Я открыл дверцу, Пес аккуратно взял зубами с полки мой лабораторный халат, выстиранный и выглаженный, и ткнул его мне в колени.

Похоже, что Наташина выдумка немного поправила настроение ребятам. Я посмеялся вместе с ними и — не могу понять, как — забыл сделать то, что обязан был сделать сразу. Я забыл потрепать курчавый загривок, забыл сказать Псу, что он — молодец, хороший пес — выполнил задание безукоризненно. Выражаясь протокольным языком, я забыл закрыть дело. А без этого Пес, понятно, не мог считать свою миссию завершенной. И потому не спал всю следующую ночь и не давал

спать мне. И потому искал, бедный, на пустыре то, что я велел ему найти. И потому, наверное, отчаявшись выполнить невыполнимое, таскал мне наугад пузырьки из-под лекарств, тряпку, кости и прочую дрянь.

Я присел на корточки около Пса, обнял его лохматую шею и тихо шептал ему на ухо: «Молодец, молодец… Хорошо. Все в порядке… Хорошо». Пес прижимался ко мне, и нам обоим и впрямь в эту минуту было очень хорошо. Но внезапно он вырвался из моих рук и сломя голову помчался в сторону леса.

И вот я уже добрых пятнадцать минут стою посреди главной аллеи и беспомощно, отчаянно высвистываю из темноты своего Пса. Такого никогда не было. Пес всегда бежит ко мне по первому зову, с первого свиста вылетает из кустов и не убегает вновь, не убедившись, что я его вижу. Даже в самые тяжелые для собачников дни, когда сук водят на коротком поводке, а кобели, теряя голову, целыми компаниями ждут своих дам у подъездов, даже в такие дни Пес сохраняет хладнокровие. Не скажу, что он мало интересуется противоположным полом. Но для него неясный

след прекрасной незнакомки куда притягательнее ее самой во плоти. Пес — романтик в любви. Я, кстати, тоже. Наверное, поэтому в нашей квартире до сих пор нет хозяйки.

Губы у меня распухли от свиста. Свистеть я уже не могу и издаю какое-то змеиное шипение. Но продолжаю звать Пса. У меня на душе тревожно. И бьющийся в клетке деревьев ветер еще усиливает тревогу. Мне мерещатся дружинники, которые изловили бегающего без поводка Пса и волокут его в милицию. Мне мерещится мой бедный Пес на дороге — он мечется в ослепляющих лучах фар между машинами, которые, не сбавляя скорости, несутся по проспекту. И я свищу, свищу, а с губ срывается едва слышное шипение. Я беспомощен, как в ночном кошмаре.

Это кончилось внезапно, как обрывается ночной кошмар. Где-то рядом хрустнула ветка, зашуршали кусты, будто медведь продирался сквозь чащобу, и на дорожке показался темный силуэт крупного зверя. Пес мчался прямо на меня, светя, словно фонарями, зелеными ночными глазами. Все сердитые и горькие слова, которые я для него заготовил, вылетели из головы. Зверь налетел, уперся передними лапами в телогрейку и сразу отскочил в сторону. «Где тебя носило, черт

бородатый?» — заорал я, перекрикивая ветер. Но Пес меня не слушал. Он отбегал в сторону и возвращался — он звал меня за собой. Я понял, что это важно для нас обоих и послушно двинулся за ним прямо через кустарник. Ветви хлестали меня по лицу, но я даже не отводил их, чтобы не сбавлять шаг, чтобы не отстать. Я лишь придерживал спадающие с носа очки.

Пес вывел меня на опушку, пробежал несколько шагов и звонко залаял. Я приблизился. Передо мной была детская песочница, огороженная низким деревянным барьером. На сыром слежавшемся песке угадывались почти неразличимые в темноте предметы. Я недоуменно уставился на Пса. Не переставая лаять и весело повизгивать, Пес наскакивал на песочницу. Сомнений не было: он привел меня сюда, чтоб показать нечто. Я достал из кармана телогрейки коробок и чиркнул спичкой.

Огонек высветил странный набор уже знакомых мне предметов. Спичка догорала, обжигая пальцы, но я успел заметить и аптечный пузырек, и куриную кость, и Кусок автопокрышки, и тряпку. Там были еще какие-то листья, обломки веток, куски коры. Я снова засветил огонек, поднял склянку и прочитал сигнатуру. Но тут

налетел порыв ветра и задул спичку.

Я знал — не могу понять, отчего, — что в выложенном Псом натюрморте есть какая-то символика, какой-то определенный смысл. Мне нужно было как следует рассмотреть эту композицию, это упорно сооружаемое произведение собачьего поп-арта. Вспоминая тот вечер сегодня, я со страхом думаю, что мог просто отмахнуться от чудачеств моего славного Пса, раскидать с таким трудом собранные веточки, тряпочки и косточки. Не знаю, как сложилась бы тогда моя жизнь, а главное, наши отношения с Псом.

Я собрал немного хворосту, переложил его обрывками газет и разжег в песочнице костерок, что, кстати, строго-настрого запрещено в нашем лесу. Теперь можно было не торопясь рассмотреть Псовую добычу. В композиции определенно просматривался какой-то непонятный мне порядок. Ее центром, ее осью безусловно служила кость с двумя кусочками резины по краям — наподобие гантели. С одной стороны от этой оси лучами отходили ветки крушины, орнаментованные красными листьями осины и боярышника. А с другой стороны — чуть поодаль, но явно на своем месте — лежал пузырек. И еще я увидел засохшие плоды шиповника, и огарок стеариновой свечи,

и кусок медной проволоки…

Люди глотают книги, не задумываясь над символикой букв и иероглифов. В тишине музыканты читают ноты и слышат никогда не звучавшую прежде музыку. Мы, химики, за плоскими абстракциями структурных формул всеми органами чувств воспринимаем мир веществ, с их запахами, способностью реагировать друг с другом, со всеми их удивительными свойствами. Я увидел и прочел…

Не стану утомлять вас чисто профессиональными подробностями: что прочитал я в сочетании куриной кости с ветками крушины и как мне удалось это сделать. Да и сам я, пожалуй, не смогу внятно объяснить, что послужило ключом к шифру. Может быть, число веточек — пять! — сколько ветвей-радикалов в молекуле нашего снадобья. Может быть, тупой угол их наклона к куриной кости — как известно, по Цирлиху, должно быть что-то около ста десяти градусов. А может быть, красные осенние листья, которые содержат набор веществ, необходимый для получения нужной конформации. А может… Какого черта! Все может быть…

Мне ничего не надо было записывать. Я видел весь синтез от начала до конца, все его семна-

дцать стадий одну за другой, все гидрирования, алкилирования, выпаривания, промывки, перекристаллизации и отгонки. Я видел и конечный продукт — сухой белый порошок, расфасованный в картонные коробочки.

А Пес, вывалив язык, шумно и часто дыша, сидел рядом с песочницей и озорно улыбался.

Две недели мы не выходили из лаборатории. Пес жил тут же. Спали на полу, завернувшись в противопожарные одеяла. Игорь Семенович, всклокоченный, небритый, по двадцать часов кряду манипулировал в вытяжном шкафу, не замечая даже Наташи. А она носила ему бутерброды. Пес три раза в день гулял сам в скверике возле института.

Точно в срок я положил на директорский стол отчет — перепечатанный и переплетенный. На твердых корочках было аккуратно выведено: «Синтез ПСА». Академик подписал отчет без единого замечания. Он лишь зачеркнул карандашом название препарата, пояснив, что пентасакратамидарил — это не совсем строго, что назвать препарат следует в точном соответствии с международной номенклатурой подобных соединений.

Я вернулся в лабораторию и стер ластиком единственную начальственную поправку.

Я уже дважды побывал в зарубежных поездках — по поводу патентования нашего препарата. Ездили мы с Игорем, и он носился по магазинам, выполняя замысловатые поручения своей Наташи. Я же привез из дальних странствий удивительной красоты ошейник и несколько банок собачьих галет, кокетливо оформленных под косточки. Я пробовал их с чаем — довольно вкусно. Пес тоже попробовал, вежливо поблагодарил хвостом, но особого энтузиазма не проявил. Должно быть, он просто не уловил, что его потчевали иноземным яством. И мы, надев новый ошейник и раскурив трубку, пошли гулять.

Как помните, мы оба большие и с виду довольно страшные. Потому, стало быть, нам и задают все тот же неумный вопрос:

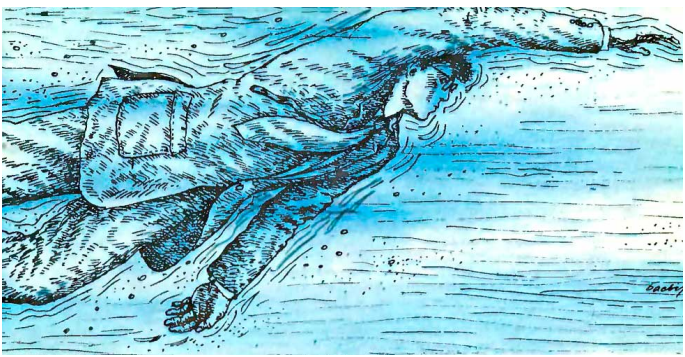
— У вас мальчик или девочка?

— Не видите, что ли? Кобель, — бросаю я на ходу. И мы идем себе своей дорогой.

№ 8

Александр Морозов

Если заплыть под плотину



1.

Итак, все позади. Не только мучительное напряжение и нервы, и борьба с усталостью, и кофе в третьем часу ночи, и осточертевшая правка и перепечатывание в который раз одного и то-

го же. Не только эти, ставшие вдруг мелкими неприятности, но и все, что свалилось на него потом: поздравления, вручение синей с золотым тиснением папки, банкет, звонки по телефону, восторги родственников и добрых знакомых, и опять поздравления, поздравления, поздравления…

Отныне он — доктор таких-то наук. «Доктор наук С. Кирпичников». Свершилось. Ну и — как сказал поэт — с богом, и с богом, и хватит об этом.

Час назад Семен проснулся в своей квартире на Ломоносовском проспекте и не сразу понял, почему ему так хорошо. Затем дошло: все, кончилась карусель, весь научно-административный политес выполнен; можно вернуться к нормальной человеческой жизни — к работе.

Он встал, не спеша оделся и вышел из дома. И пока он все это проделывал, он прислушивался к себе, как шофер к работе двигателя. К движениям тела, к работе мозга. Он остался доволен. Все в порядке. Неизбежные возлияния, имевшие место за последнее время, казались мимолетным сном. Он бодро шагал по тротуару, и вдруг, ни с того ни с сего, всплыло воспоминание.

Это было то самое воспоминание, которое по-

сетило его полгода назад, когда он подбирался к главному результату. К тому, который послужил непосредственным поводом для всех вышеупомянутых утомительных событий.

Требовалось найти необходимые и достаточные условия градуирования пучка локально-компактных пространств. Кирпичников давно уже топтался вокруг этой задачи, понемногу вытаскивая ее на поверхность из смутных глубин предположений, домыслов и догадок. Теорема сопротивлялась, как большая рыба, готовая в любой миг, вильнув, уйти в глубину.

Кирпичников был терпелив. Осторожно, настойчиво сматывал леску логических возможностей. Да, он проявил незаурядную выдержку. Но настало время, когда он понял, что воистину топчется на одном месте. Это не было минутной паникой после очередной неудачи. Просто однажды ночью кольнуло сердце и с необыкновенной силой ожило ощущение, испытанное когда-то в детстве.

2.

Семен Кирпичников вырос в деревне, что стояла на берегу неширокой русской речки Истры. Надо ли говорить, что ребята знали реку по меньшей мере на десять верст вверх и вниз как свои пять пальцев. Знали и помнили не только каждый куст на берегу, но и каждый камень или колдобину на дне.

Было, правда, одно место, которого побаивались даже они, худые послевоенные дети, с коричневыми от солнца, острыми, как торпеда, телами.

Неподалеку от деревеньки, если идти вверх по течению, находилась плотина из камней, песка и обломков строительных плит, невесть откуда взявшихся в их глуши. Образовалась запруда — излюбленное место купания и рыбной ловли. А по ту сторону запруды, там, куда Истра падала с плотины негромким урчащим водопадом, и было то место, о котором спустя столько лет вспоминал Семен. Если, держась ближе к левому берегу, плыть к плотине и, не доходя пяти-шести метров до водопада, нырнуть и продвигаться

дальше — вглубь и влево, то вдруг ощутишь, что вода резко похолодала и ее могучие, как бы спиральные струи неодолимо тянут тебя в каком-то неведомом направлении.

Никто не знал, откуда берется столь мощное течение и куда исчезает вся эта масса воды. Инстинкт самосохранения подсказывал, что лучше в последний момент вынырнуть на поверхность. Смельчаки старались как можно дольше проплыть под водой. Но всякий раз, когда холодная, тугая струя подхватывала тело Семена, сердце сжималось от страха и против воли он выскакивал на поверхность.

Был какой-то барьер, не пускавший вперед, и вот теперь, когда детство, и родная деревня, и сверкающая на солнце река ушли в далекое прошлое и будущий доктор наук С. Кирпичников сражался в одиночестве со своей теоремой, в ту минуту, когда он увидел, осознал, что все силы его, вся его воля и знание исчерпаны и он не может сдвинуться с мертвой точки, — забытое ощущение барьера и некой опасности, скрытой за ним, воскресло в его душе и стало ясно, что от недоделанного дела никуда не уйти.

Чтобы решить задачу, надо было преодолеть барьер недоверия к себе, барьер тревоги и неиз-

вестности — и плыть дальше.

Он сделал это, и нашел необходимые и достаточные условия градуирования, и решил задачу… Вот что он сделал тогда.

3.

Кирпичников принял неожиданное решение.

Не тратя времени, он сложил в портфель необходимые вещи, доехал на автобусе по Волоколамскому шоссе до Нового Иерусалима и оттуда на попутной машине добрался до родных мест.

Вечерело, стояла хмурая, неуютная погода, и никто в деревне не обратил внимания на городского человека, быстро шагавшего от сельмага, возле которого остановилась машина, по тропке через зеленый луг, отлого спускавшийся к реке.

Кирпичников дошел до нужного места, — здесь ничего не переменилось, — разделся, и ему стало не по себе. Он стоял в одних плавках, дрожа от холода и беспомощно озираясь. На темной воде качались первые опавшие листья — утлые

желтые кораблики, над рекой стоял призрачный белесый пар.

Семен осторожно, без всплесков вошел в воду, окунулся и поплыл. Он помнил, где надо было нырять, и, набрав в легкие воздуха, ринулся в глубину.

Тотчас он почувствовал, как холодное течение подхватило его и понесло во тьму…

Теперь было важно проплыть под водой как можно дальше, преодолеть искушение вынырнуть, надо было продержаться до тех пор, пока он не почувствует, что барьер прорван, — а там будь что будет!

Он проплыл уже метров десять, и его не стукнуло о плотину, холодные воды по-прежнему несли его, и чувство страха исчезло — как вдруг он почувствовал, что воздух в легких на исходе.

Его несло, почти тащило через какое-то узкое место, он глотал воду, он был почти уже мертв. Течение несколько раз перевернуло его и наконец вынесло в спокойные воды. Под ним было твердое дно. Путешествие окончилось.

Когда он поднялся на ноги, оказалось, что вода едва доходит ему до пояса. Он огляделся, но ничего не смог различить.

Он медленно двинулся вброд, пытаясь угадать

сквозь текучие пелены тумана, куда его вынес поток. Туман редел, и, выходя из воды, Кирпичников не верил своим глазам. Не было больше реки, и не было никакой деревни: он находился в той же университетской аудитории, где сегодня утром ему пришла в голову мысль съездить на Истру.

«Надо же, померещится такое. Пожалуй, в самом деле надо отдохнуть», — подумал Семен, потирая лоб. Он провел рукой по волосам — они были влажные. Он шагнул к выходу и почувствовал, что его что-то стесняет. Под коричневыми твидовыми брюками, которые он надел, выходя утром из дому, плавки у него были тоже влажные.

4.

Он стоит в пустой, прохладной аудитории физического факультета: никого нет. Он пришел слишком рано. Он стоит и вспоминает.

Глубинное течение не зря пугало мальчишек. Тайный поток уносил прочь ребенка и выносил

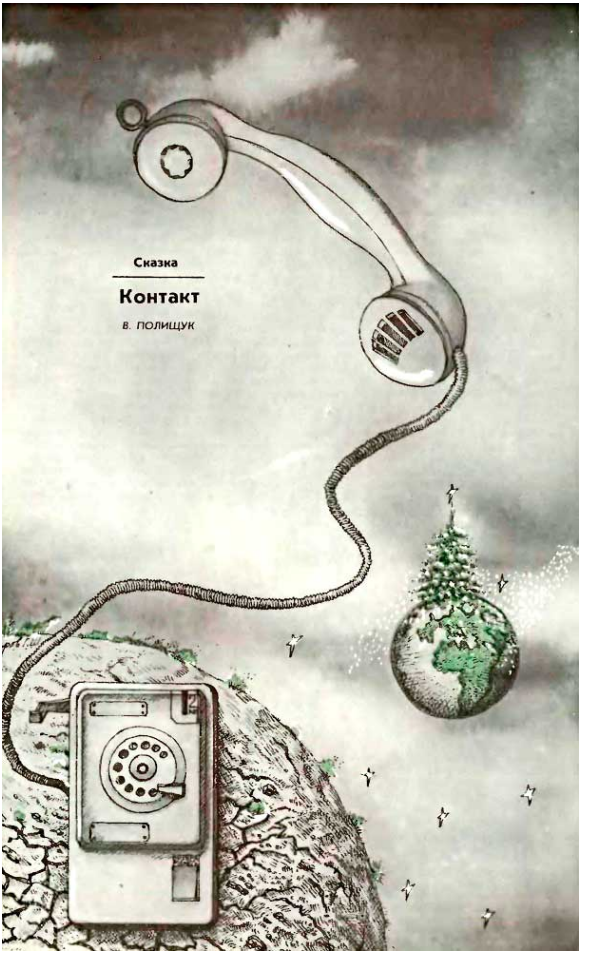
наружу зрелого человека.

Теперь-то он знал, что одолевать чувство, заставлявшее его вынырнуть, отступив перед барьером, ему придется еще не раз. Ну что ж! Он мужчина. Он ученый. Таков его жребий.

№ 12

В. Полищук

Контакт



Сказка

Контакт

В. ПОЛИЩУК

Утренняя дорога состояла из девяти пролетов по десять ступенек каждый, а потом из трехсот сорока двух шагов до станции метро. Лукомский прошагал сто шестьдесят восемь, когда его остановил осипший голос:

— Здравствуйте, Валерий Лукьяныч.

Сбившись со счета, он затормозил на гололеде и ответил раздраженно:

— Здравствуй, мальчик.

Существо в детской шапке, в громадных ботинках на тощих ногах зябко поежилось и просипело:

— Вы меня, наверное, не узнаете. А я Сережа. Из Липецка.

На минуту умолкло, нервно проглотило слюну и напомнило:

— Я ваш сын.

И только после этого Лукомский не без ужаса вычислил, что уже тридцатое, начинаются новогодние каникулы. А бывшая жена, верно, неделю назад заявила по телефону, что пришлет увязшего в двойках сына для перевоспитания и на поправку. Лукомскому припомнились виденные по телевизору мужественные отцы, и он заговорил бархатным баритоном:

— Рад тебя видеть. Ужасно спешу. Вот тебе ключ — моя квартира триста восемнадцать. Поешь чего-нибудь из холодильника. Я, дружок, буду к вечеру.

Он не насчитал и дюжины шагов по скользкому тротуару, а было ему уже не по себе из-за этого телевизионного баритона, из-за собачьего словечка «дружок». В таком непривычном состоянии Лукомский расслабился, упустил момент и, садясь в поезд, не сумел захватить свое обычное укромное место в закутке около двери. И на работу приехал растерзанный.

— Ну, а твоя позиция какова? Ты в квадратичную теорию веришь? — Этого следовало ожидать. Как с утра не заладится, так весь день к черту. Лукомский любил заранее составить расписание рабочего дня и чувствовал себя здоровым, только если события развивались в точности по намеченному сценарию. Сегодняшний план предназначал часы до обеда для работы над формулой, задуманной еще на прошлой неделе. Но в дверях института его перехватил кипящий страстью коллега по теоротделу Плашкин. А Плашкин — это надолго. Истина, известная любому, кто

проработал в Институте межпланетных связей хотя бы три дня.

— Дело не только в теории, — продолжал между тем нашептывать Плашкин, — Филимонов решил его свалить. Но совет что скажет? Потому я и спрашиваю — какова твоя позиция? Когда большие силы упрутся друг в друга, все может зависеть от малых, даже от нас с тобой. Бурцева в самом деле пора валить. У нас в месткоме все так считают. Квадратичная устарела. С другой стороны, Филимонов может и не одолеть…

Лукомский перестал его слушать и с тоской задумался о том, что придется махнуть рукой на усталость — заняться хлопотами об отдельной лаборатории. Ему казалось: чем важнее должность, тем укромнее живется, тем меньше людей имеет дерзость покушаться на задуманный тобою распорядок дня. О, будь он начальником лаборатории, разве посмел бы Плашкин изводить его своей болтовней? А если бы и посмел, то как легко было бы, бросив на бегу — извини, у меня совещание, — скрыться в свой кабинет.

Квадратичной называли теорию, согласно которой вероятность встретить в космосе обитаемые миры зависит от плотности звездного вещества в галактике, от ее формы и возраста. Выражалось

все это лаконичной, изящной математической формулой. Директор института профессор Бурцев придумал ее тридцать с лишним лет назад, добился, чтобы выстроили это громадное, вызывающее у всех зависть здание, — и вот теперь, как говаривал в кругу единомышленников его заместитель Филимонов, приближался час расплаты. Радиотелескопы прощупали все, что сияло, светило или мерцало на расстоянии тысяч и миллионов световых лет в участках Вселенной, выбранных согласно формуле Бурцева, но сигналов разумных существ так и не уловили. И на хитро задуманные шифровки, которые все эти годы посылали с Земли и со спутников, ответа не было. Филимонов торжествовал и готовился к решительным административным боям, держа наготове бухгалтерские выкладки о суммах, затраченных на проверку вздорной директорской теории.

Под стрекотню Плашкина Лукомский припомнил командирский бас замдиректора, перепуганную его секретаршу, экстренно искавшую в библиотеке «какую-нибудь латинскую цитату» для шефа, который трудился над письмом заграничному коллеге, — и на минуту ему стало бессмысленно, иррационально жаль старого

директора. Пусть он уже не боец и восемь лет не может раздобыть для института ни одной ставки. Пусть даже его теория устарела. Всплыла в памяти фраза из давнего газетного очерка: «Разговаривая с профессором Бурцевым, невольно вспоминаешь, что во времена его юности наука была занятием людей интеллигентных».

Отделаться от коллеги и запереться в кабинете удалось только через час. И ровно на час Лукомский решил отодвинуть плановое время обеда.

Ничто не может устоять перед мощью аналитического разума, — размышлял он, настраиваясь на работу. Талантлив не тот, у кого большие ресурсы мозга — их хватает у всякого. В битве умов побеждает умеющий сфокусировать на поставленной задаче все, решительно все резервы своего мыслительного аппарата. Он истово в это верил, полагая, будто умеет сосредоточиться в любую секунду, — лишь бы не трезвонил телефон, лишь бы не торчал над душой Плашкин.

Задуманная Лукомским формула должна была установить связь между уровнем развития цивилизации и возможностями доступных ей средств связи. Лукомского нисколько не занимал вопрос, как выглядят предполагаемые инопланетяне, чем они питаются, как думают и о чем.

Гораздо важнее для него были рабочие частоты передатчиков, первичная информация, которую хозяевам этих передатчиков вздумается бросить в эфир, принципы кодирования и прочие далекие от сентиментальности деловые подробности. И кто знает, может быть, его пришпоренный разум в самом деле породил бы в тот день замечательную многоэтажную формулу, но как назло зазвонил телефон.

Лукомский яростно схватил трубку и снова, в который уже раз, услышал раздражающий, надтреснутый — то ли стариковский, то ли детский голос, который звонил ему в самое неподходящее время, изводя непонятными, бессмысленными вопросами. На этот раз Лукомского угостили следующим текстом, произнесенным без единой паузы: пахнёт клеем и тленом пахнёт скипидаром живописец уже натянул полотно кем ты станешь натурщик не все ли равно если ты неживой и работаешь даром.

— Что означают данные слова, — мерно отчеканил надтреснутый голос, не удосужившийся и эту фразу увенчать вопросительной интонацией.

Лукомский, никогда не читавший стихов, швырнул трубку. День пропал, формула была убита.

По дороге домой он подсчитывал, делятся ли на три номера встречных машин, какова вероятность их столкновения в метель и сколько груза они могут разом взять на борт — бездумно выполнял свои привычные упражнения, помогавшие держать мозг в рабочей форме.

О том, что у него есть сын, он снова забыл.

— А по голове бить не будете? — это был первый вопрос, с которым Сережа уселся за занятия. Он смотрел на отца, вытянув шею, — и Лукомский понял, что это лицо он видел, должен был видеть давным-давно.

— Мама всегда обещает, что не будет. Но у меня замедленная реакция, и со мной трудно. Я порчу ей жизнь, — продолжал мальчик серьезным осипшим голосом, а отец тем временем вспомнил. И это лицо, с веснушками на носу и под широко раскрытыми невеселыми глазами. И худую длинную шею с кадыком… Все это он видел в глубине колодца, двадцатиметровой бетонной трубы, врытой стоймя в сухую, душную степь. Вспомнил: это он сам, вытянув шею, заглядывал в прохладную трубу, как в телескоп, и мечтал переселиться на другой ее конец.

Теперь он смотрел с того, другого конца…

— Не буду, дружок, не буду, — успокоил он сына баритоном, а про себя решил задавать только самые простые задачки.

Тревожили Лукомского не столько занятия с этим двоечником, сколько то, что дело было в среду — могла приехать Электрина. А что она скажет, увидев мальчишку, одному богу известно.

Не прошло и часа — а Лукомский уже кричал на Сережу, который так и не справился с задачей о двух плывущих навстречу друг другу лодках. Крик, сбивчивый и неумелый, услышала Электрина, бесшумно отворившая дверь своим ключом, — и забеспокоилась, потому что в этот час Лукомскому полагалось расслабляться, читать необременительный детектив или смотреть телевизор.

Опытный человек, едва заслышав имя Электрина, Пашня или Новелла, определит возраст и внешность носительницы любого из них без ошибки. Скорее всего Электрина или Новелла окажется усталой, полнеющей женщиной за сорок, которой удивительно плохо подходит ее звонкая кличка.

Электрина Ивановна Ступина, преподаватель математической логики, не выделялась в туск-

лой толпе увешанных сумками с провизией дам, заполнявших с пяти до семи вечера магазины и автобусы так густо, что Лукомский всерьез верил, будто они составляют подавляющее большинство населения. Он почитал эту неяркость важным достоинством, позволявшим ему и внутренний мир подруги зачислять в разряд таких же стандартных изделий, как ее фигура. И не тратить сил на эмоции.

Ему сходило с рук даже это. Электрина Ивановна умела прощать.

Лукомский смутился, когда его застали орущим на сына, который почему-то никак не мог запомнить, с какой скоростью течет река. А гостья, не говоря ни слова, подбежала к мальчику и обняла его, заслонила собой голову, которую Сережа уже привычно прикрывал руками.

— Пошел вон, — вот и все, что она сказала пораженному Лукомскому.

— Это же не имеет никакого значения! — услышал он уже на кухне. Потом голоса притихли, а когда их все же удалось расслышать, она уже называла мальчишку безобразным, сентиментальным именем «Сережик», а тот величал ее Риной. Не Электриной Ивановной, не тетей Электриной, на худой конец, а вот так, фамильярно.

И только тут до Лукомского дошло, о чем сын испуганно лепетал весь час: минуты и секунды, нужные этим идиотским лодкам, чтобы доплыть до места встречи, нисколько не зависят от скорости течения.

Лукомский шепотом обругал бестолковых составителей задачника и ушел смотреть телевизор. Был он встревожен тем, что теперь предстояло восстанавливать привычные, разумно упорядоченные отношения с Электриной. А как это делают, было ему неведомо.

Директор института Николай Платонович Бурцев только на старости лет обзавелся домашним кабинетом. Когда-то в этой пыльной, заваленной журналами комнате спали, готовили уроки, дрались и мирились его сыновья, потом — внук и две внучки. А он свои книги и статьи сочинял, либо приткнувшись на кухне, либо сидя на кровати и положив на колено картонную папку. Теперь все молодые разъехались. Профессор же остался в кабинете, да и во всех прочих помещениях небольшой квартиры один: Капитолина Егоровна, его жена, три года назад умерла.

В тот самый вечер, когда Лукомский пытался

учить сына математике, Николай Платонович обнаружил, что не может подняться с кресла. Непривычное бессилие навалилось внезапно, после обычной порции работы над очередной рукописью.

Припомнились профессору строки из «Илиады».

Он сознавал, что с помощью расплывчатых, неконкретных терминов поэты порой выуживают суть вещей успешнее, чем создатели безукоризненных уравнений. Может быть, лирики и контакт с инопланетянами наладили бы вернее, чем физики да радиотехники? Пошутив так сам с собой, Николай Платонович вдруг подумал: а с чего это мы взяли, что инопланетяне тоже спят и видят этот самый контакт? И серьезные, невеселые мысли посетили его.

Что испокон века делал человек, столкнувшись с непонятным, чуждым, загадочным — все равно, будь оно живым или мертвым? Почтительно, осторожно изучал? Берёг и лелеял? Как бы не так. Прежде всего — ломал. Грубо, топором или взрывчаткой. Умненько, скальпелем или лучом лазера — но обязательно ломал. А уж потом, расчленив, умертвив, исследовал, анализировал.

С чего частенько начинались контакты меж-

ду далекими, прежде не знавшими друг друга земными цивилизациями? С агрессии, с истребления. Агрессия порой заменяла понимание, позволяла с ходу разрубать разные там гордиевы узлы. Но теперь-то известно: после каждого головокружительного успеха потомкам приходилось веками платить по векселям удачливых победителей.

А если вообразить, что где-то существует цивилизация, для которой все живое бесценно; цивилизация, абсолютно не воинственная и не способная сопротивляться напору варваров, не дорожащих своей жизнью… Да разве не сделает такая цивилизация все возможное, чтобы не связываться с окаянной публикой, от которой можно ждать чего угодно?

Не в этом ли причина молчания, которым космос встречает все наши сигналы?

И вот, задав себе такой вопрос, Николай Платонович почувствовал, что не может подняться с кресла.

Дотянулся до телефона, попытался позвонить старинному университетскому товарищу-врачу, но внезапно телефон затрещал под его рукой сам.

— Ваши биотоки шокируют, — произнес ме-

таллический голос, поразивший его неуклюжим обхождением со словами. — Сейчас уснете. Потом помогут.

Послышались короткие гудки, и Николай Платонович тут же ощутил, как отступает многолетняя бессоница, а голова клонится набок.

… Никогда еще он не просыпался так поздно. Никогда еще не бывало, чтобы профессор Бурцев не помнил, как он очутился в своей постели. Поднялся он с давно позабытой легкостью и поразился запаху, стоявшему в комнате. Пахло горчицей и почему-то лавандовым мылом, тем самым, которым он умывался пятьдесят три года назад, в первое утро после свадьбы. Своих сновидений профессор, как всегда, припомнить не мог.

И снова звонил надоедливый — то ли детский, то ли стариковский голос. Монотонно, без интонаций, спросил, не считает ли Лукомский величайшим воином всех времен Хрольва Пешехода. Лукомский, отродясь не слыхавший ни о каком Хрольве, пригрозил милицией и бросил трубку. Болела голова, работать не хотелось.

Признаки плохой формы появились еще по

дороге к метро: считая шаги, он два раза сбивался. Хотя, по логике событий, форма могла быть нормальной. Вчерашние опасения оказались напрасными. Электрина хотя и очень поздно, но все же пришла в его комнату. Сцен не устраивала (а он этого смертельно боялся). И только невзначай доложила:

— Он уснул.

А потом вдруг спросила:

— И зачем ты развелся?

Ответить Лукомский не смог: наступил момент, когда он согласно расписанию впадал в сон, — двадцать три часа двадцать минут. Провалившись в привычный колодец сна, он то ли услышал, то ли вообразил затихающий женский голос:

— Поразительные способности… За час — интегральное исчисление. А теорему Гёделя он уже зна…

Лукомскому привиделось, будто он, беспрекословно подчиняясь командам металлического голоса, осторожно, любовно помогает никудышнему своему директору встать с кресла, укладывает его в постель. А потом выполняет действия, каких наяву не проделывал ни разу в жизни: прилепляет к директорским пяткам

горчичники, подносит таблетки и питье, умоляет успокоиться и уснуть. Директор же, размякнув до неприличия, уговаривает его не тратить время, а немедленно бежать к ребенку, который, мол, его, Лукомского, ждет не дождется. А потом будто бы топает он домой по раскисшему снегу, и кто-то, сжалившись, подвозит его на машине, зачем-то снабженной ракетным двигателем.

Еще не избавившись от видений, Лукомский с несвойственной ему осторожностью, стараясь не разбудить Электрину, в полной тьме пробрался в соседнюю комнату и было успокоился, увидев, что Сережа мирно спит, а во сне шевелит руками, собираясь лететь. Но тут он обнаружил у себя на ногах грязные валенки, а в левой руке горчичник, лишился сна и остаток ночи просидел на кухне, изнуряя мозг бессмысленными гипотезами. После такой ночи, да еще и очередного дурацкого звонка, о работе над формулой не могло быть речи. Поэтому Лукомский даже не рассердился, когда телефон зазвонил снова. Он узнал голос Электрины:

— Ты не возражаешь? Сейчас Сережа придет. Его очень интересует Институт. Он гордится тобой, — добавила женщина и внезапно повторила вчерашний бестактный вопрос:

— На кой черт ты развелся?

— Я, Валерий Лукьяныч, читал вашу последнюю статью в «Космическом вестнике», — услышал Лукомский, когда после перепалки с вахтером ему удалось-таки провести сына в свой кабинет. Тут же он узнал, что Сереже знакомы и все предыдущие его статьи (где только мальчишка раздобыл эти редкие академические журналы!), и даже дискуссия насчет квадратичной теории известна сыну насквозь.

— Так почему же ты на двойках сидишь? — вырвалось у отца.

— У меня, понимаете ли, замедленная реакция. А Елизавета Дмитриевна, наш классный руководитель, обладает холерическим темпераментом и часто задает переписывать отрывки из книг. Я же органически не способен переписывать дословно — всякий текст нуждается в редактировании…

Лукомский смотрел на него ошалело.

— Я считаю, — продолжал между тем мальчик, — что интеллект развивается в качестве приспособительного механизма у детей с замедленной реакцией. Взять, например, Кольку Королева из нашего двора — ему ничего такого

не нужно. Все схватывает на лету, повторяет мгновенно и в точности. Координация движений невероятная.

— А ты пробовал хоть раз поговорить с учительницей или с матерью? — перебил его Лукомский. — Они бы, может быть, поняли, что ты не дурачок.

— Елизавета Дмитриевна не выносит болтунов. Она разговаривает только с родителями. А маме некогда. У нее работа и личная жизнь неустроенная.

В это время снова зазвонил телефон, и Сережа, внезапно утратив важный вид, попросил:

— А можно я трубку подниму?

— Ради бога, — разрешил Лукомский. — Все равно мне на совет пора.

В Убежище Связи, упрятанном в недрах Оранжевой пустыни, затарахтело печатающее устройство. Неуклюжая акустическая система пустилась спешно записывать звонкий мальчишеский голос:

— Объем памяти у вас, видимо, огромный. Поэтому я надеюсь, что хоть вы и машина, но роль интонации оценить сможете. В человеческих

языках, а особенно в нашем, русском, очень много информации содержится не в самих словах, а в паузах между ними, в междометиях, в артикуляции. Вам понятны мои термины?

Механический надтреснутый голос — то ли стариковский, то ли детский — отвечал:

— Понятны.

— Особое значение имеют словечки, которые, можно сказать, играют роль феромонов. Вы знаете — муравьи выделяют такие сигнальные вещества, чтобы общаться с особями своего вида. Так вот, в языке тоже встречаются этакие словесные феромоны, употребляя которые, человек как бы сигналит: я — свой, я — свой. Нередко их роль выполняют словечки, которые постороннему могут показаться грубоватыми. Они не всегда применяются с целью нанести оскорбление. Например, то выражение, о котором вы спрашивали, — черт побери — может иметь тысячи смыслов. Все зависит от контекста и сообщества, в которое входят собеседники. Чаще всего это просто феромон. Поэтому-то я и понял, что вы машина. Человек никогда не задаст такого вопроса…

Машина подключилась было, чтобы задать новый вопрос, но ее внимание отвлекло второе

печатающее устройство, забарабанившее так, что первое заглохло. В убежище послышался другой голос. Негромкий, но очень внятный голос многоопытного лектора:

— Демографы предсказывают: к концу будущего столетия численность людей станет хоть и огромной, но постоянной. Можно надеяться, что после этого постепенно придут к равновесию и болезненные процессы, сотрясающие нашу планету. Не следует думать, что тогда наступит царство роскоши…

— Алло, алло, вас не слышно, — надрывался между тем мальчишеский голос.

— Возможно, уйдет в прошлое и такая форма расточительства, как человеческая гениальность. Нам нет смысла размышлять о подробностях грядущего, очень прозаического быта. Однако пришло время понять: контакт между цивилизациями — это не просто инженерная задача. Достижения нашей культуры не скудны — но многие ли из нас, так называемых технарей, имеют о них адекватное представление?

— Я слушаю вас, — обратилась наконец к мальчику машина, успевшая уже обзавестись любезной интонацией.

— Да у меня, собственно, все. А можно узнать,

как это делается, что вы звоните прямо сюда по телефону? Может быть, дадите ваши координаты?

Машина испуганно заскрипела и, прикинувшись согласно программе непонятливой, спросила, когда можно будет позвонить ученейшему собеседнику повторно.

— Эти вопросы трудны, и по-видимому, прав товарищ Филимонов — я уже стар для того, чтобы решить их все разом. Единственно честный для меня выход — подать в отставку. С этим я, профессор Бурцев, и обращаюсь к Совету — с просьбой об отста… — трудолюбиво фиксировало второе устройство.

— Здесь вы меня уже не застанете, — кричал мальчик, — следующий раз звоните мне…

На лиловом экране загорелась карта, и сияющая точка побежала по ней в сторону города Липецка. Потом координаты и номер телефона ушли в хранилище памяти — туда же, где сберегались все сведения, переданные из Института за десятки лет безуспешных поисков контакта или выуженные машиной при подключениях к земной радиотелефонной сети.

Центр работал автоматически — в Оранжевую пустыню вход живым воспрещался. Кто знает, что прилетит по Лучу Связи, замаскированному под вспышки пульсара: дружеский привет или ракета с полновесным ядерным зарядом? Запрет установили, когда машина извлекла из хаоса сигналов квадратичную формулу Бурцева.

Только после этого землеведам с планеты Куфи-Ку стало ясно, почему институтские радиотелескопы так безошибочно находят обитаемые миры. Формулу знали во всех этих мирах, ее всегда тыкали в нос тем, кто не хотел верить в колоссальные, непредсказуемые возможности умов, порой возникающих в недрах примитивно организованных, бурно размножающихся и воинственных популяций. И в смертельную угрозу того, что кто-то могущественный заставит эти умы изобретать средства истребления.

Охраной здоровья профессора Бурцева ведала особая межпланетная комиссия, опекавшая, кроме него, четверых ничем на земле не прославленных субъектов. Теперь по каналу связи, соединявшему Убежище с резиденцией комиссии, побежала просьба взять под надзор

сохранность еще одной выдающейся особи, жителя Липецка, — первого уроженца Земли, интеллект которого оказался достаточным для прямого диалога с Машиной Связи.

Вот какое замечательное событие произошло как раз тогда, когда стрелки земных часов приближались к единственному в году моменту, в который жители этой планеты забывают взаимные обиды и, радуя друг друга, творят всевозможные чудеса.

— А из него выйдет человек, не мотылек какой-нибудь, — сказала Электрина, когда липецкий поезд, увозивший Сережу, отошел от заледеневшего перрона.

— Мотыльки — это кто? — поинтересовался Лукомский.

— Да все вы, ученые мужики… Так с пеленок и нацелены. Инженер с дипломом — личинка, кандидат наук — куколка, доктор значит, уже с крылышками. А что не из книжек — я не компетентен, не мешайте работать…

Что тут возразишь? Валерий Лукьянович сумел, наконец, посмотреть на нее глазами, не замутненными математикой, — и увидел: это

стандартная женщина, пожалуй, понимает что-то, недоступное ему, знаменитому теоретику.

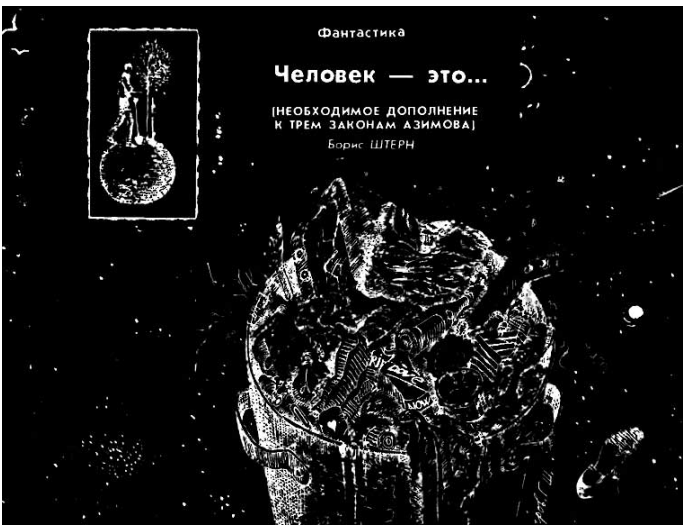
1983

№ 4

Борис Штерн

Человек — это...

[Необходимое дополнение к трём законам Азимова]



1.

Звездолет был похож на первую лошадь д'Артаньяна — такое же посмешище.

Ни одна приличная планетка не разрешила бы этой колымаге сесть на свою поверхность. Разве что в аварийной ситуации.

Ситуация такой и была, но Бел Амору вовсе не хотелось орать на всю Вселенную:. «Спасите наши души!» Галактика совсем рядом, может быть, даже за тем холмом искривленного пространства. Ему чудился запах Млечного Пути: пахло дождем, квасом, березами… Вот в чем дело… пахло парной и березовым веником. Значит, робот Стабилизатор затопил для своего командора прощальную баньку.

Что ж, банька — дело святое; пусть на нее уйдет последний жар догорающего реактора.

Бел Амор еще раз попытался высвободить застрявшую мачту, но парус ни в какую не поддавался. Ладно, подождет парус.

Отпаренный веник был готов к бою. Бел Амор плеснул на камни ковшик разбавленного кваса, камни угрожающе зашипели. Первый заход:

для согреву. Сначала надо растереться веником, чтобы задубевшая кожа раскрылась и размягчилась. Потом отдохнуть и попить квасу. Есть ненормальные — глушат пиво, а потом жалуются на сердце. Есть самоубийцы — лезут в парную с коньяком; этих к венику и подпускать нельзя. Но хуже всех изверги, которые вносят в парную мыло и мочалку. На помывку пришли, что ли?

Стабилизатор попробовал дернуть мачту посильнее, парус затрещал. Стабилизатор испугался и вернулся в звездолет.

К вашему сведению, думал Бел Амор, дубовый веник лучше березового. Листья у дуба шире, черенки крепче, запах ядреней. Срезал дюжину, и достаточно, а березы не напасешься. Конечно, лесник, если попадешься, запросто может тут же, под дубом, тем же самым веником… Правда, один букет из июньских листочков Бел Амор для себя заготовил, а отстегать его за такое браконьерство некому, потому что он и есть лесник. За дубом нужен уход, думал Бел Амор, а береза растет сама по себе. У Мартовича из новосибирского Академгородка целый березовый лес в подчинении, так что у академиков нет проблем с парилкой. Там леснику можно жить, там и ружья не надо. Кругом сплошь интеллигенция, лишний раз в

лесу не плюнет. Мартович хорошо устроился.

А ты мотайся весь год в дремучем космосе и насаждай березу.

— Вас попарить, командор? — спросил Стабилизатор.

— Дай по пояснице… вполсилы.

Второй заход: для тела. Веник методично взлетает и опускается: плечи, спина, поясница, ноги; ноги, поясница, спина, плечи. Косточки прогреты, сердце гоняет кровь по всем закуткам. Насморк, радикулит и прочая зараза вышибаются на втором заходе. Теперь перевернемся: плечи, грудь, живот, а пониже прикрыть ладонью, потому что Стабилизатор, хотя и не дурак, но может не разобрать…

Третий заход: для души. Веник в сторону, до души веником не доберешься. Три ковшика квасу на камни; малейшее движение вызывает ожог. Душа постепенно отлетает, пар поднимает ее к потолку и покачивает во взвешенном состоянии. Злоба, хандра, бессонница, беспокойство и прочая муть испаряются. Происходит очищение.

Все. В четвертый, в пятый и еще много-много раз в парную лезут тяжелоатлеты для сгонки веса.

Теперь чистое белье, свежий скафандр и легкая

прогулка перед сном.

2.

Легкой прогулки не получилось. Звездолет, выскочив из-за бугра, получил гравитационный толчок и пошел по новой траектории — прямо на Свалку.

— Куда? — переспросил Бел Амор.

— На Свалку, — повторил Стабилизатор. — Может быть, дадим «СОС»?

— Еще чего!

Верно: еще чего! Чтобы его, Бел Амора, инспектора Охраны Среды, нашли терпящим бедствие? И где — на Свалке? Умора! Туда и спецкоманду не пришлют, разве каких-нибудь мусорных роботов. После Свалки ни в одной парной не очистишься.

Галактическая спираль была видна в три четверти: бурлящее ядро и оба рукава, Южный и Северный. Вот очищенные от пыли Магеллановы Облака, а вот и Свалка, оставляющая за собой безобразный шлейф, похожий на грязную расческу с волосами.

Их несло в самую тучу галактических отбросов.

— Через полчаса врежемся, — объявил Стабилизатор, вытирая клешни ветошью. Он опять пытался выдернуть парус, но мачту наглухо приварило к обшивке. — Если не «СОС», тогда шлюпка.

В этом был резон. За неделю они отгребут от Свалки на приличное расстояние, а там не стыдно позвать на помощь…

Бел Амор схватил вахтенный журнал, и они прыгнули в шлюпку. Здесь уже чувствовалось течение, этакий Гольфстрим, создаваемый Свалкой. Пришлось потрудиться, но отгребли благополучно. Теперь можно перевести дух и понаблюдать со стороны редкое зрелище — звездолет, идущий на таран. Сантименты в сторону: еще год назад надо было требовать новую машину.

— Сейчас как га-ахнет! — шепнул Стабилизатор.

В этот момент так гахнуло, что Свалка задрожала. Она вдруг привиделась Бел Амору жадным и грязным существом с бездонной пастью, хотя на самом деле была лишь кучей отбросов на глухой галактической орбите. Свалка уходила, плотоядно размахивая шлейфом и переваривая то, что

осталось от звездолета, которому Бел Амор даже имени не удосужился придумать. Жаль, хорошее было корыто… но в сторону, в сторону сантименты. Попрощались — и за дело, пора выгребать подальше.

Свалка уходила.

3.

— Командор! Сигнал «СОС»! — сообщил Стабилизатор.

В самом деле, кто-то со Свалки, слабо попискивая, звал на помощь. Этого еще не хватало! Неужто они влепили в кого-то своим звездолетом?

— Я пойду… — сказал Стабилизатор.

— Куда?

— Человек терпит бедствие.

Ясно, закон Азимова. Бел Амору очень не хотелось на Свалку, но ничего другого не оставалось. У робота закон Азимова, а у него, Бел Амора, свой закон: человека надо спасать. Похоже, торпедировали мусорщика. Лесник мусорщику не товарищ,

но человека надо спасать. Такая ему судьба: побывать на Свалке.

Они развернулись, поднажали, вошли в притяжение Свалки. Теперь своим ходом им отсюда не уйти. Придется спасти человека, дать «СОС» и ожидать спасателей. Судьба!

Свалка уже затмила Галактику. Вот и красная сигнальная ракета, еще одна — пострадавший их заметил. Подберемся поближе. Маневрируй! Ну и местечко…

Свалка превосходила худшие ожидания Бел Амора. Взорвавшийся звездолет разнес тут все к чертовой матери. Растревоженные взрывом, первыми вынеслись им навстречу помятые кастрюли и наперегонки помчались к Южному Рукаву. Будет работы тамошнему инспектору Охраны Среды! Увернулись от потока металлоизделий и влипли в концентрат плодово-ягодного киселя. Сколько лет этому киселю, сколько тысячелетий? Когда и кем произведен? Слой киселя, к счастью, был неплотным, продрались.

Стало поспокойнее. Вокруг громоздились вещи самые неожиданные, узнать их было трудно, а перечислять — лень… Где же, наконец, пострадавший? «СОС» прямо по курсу. Тормози! Вот он, бедняга, размахивает красным фонарем. Стран-

ный какой-то. Да ведь это мусорный робот!

— Чего тебе? — спросил Бел Амор, останавливая шлюпку.

— Спасите наши души! — ответил робот.

— За тем и приехал. Где твой хозяин?

— Здесь, рядом.

Мусорный робот пошел впереди, указывая дорогу между горой битого кирпича и радиаторами парового отопления. Кирпич, пообтесавшись за тысячелетия, вел себя спокойно, а радиаторы угрожающе летали в самых неожиданных направлениях. Дальше начиналось море сгнивших железнодорожных вагонов с торосами размолотых музыкальных инструментов. Одинокая арфа без струн проплыла над головой. Шлюпка застряла, пришлось идти пешком. Стабилизатор оставил Бел Амора на попечение мусорного робота и быстро пошел вперед — туда, где погибал человек. Бел Амор пробирался вслед за мусорным роботом.

— Тебя как зовут? — спросил Бел Амор.

— Чинарик.

Что ж, имя соответствует положению.

Все пространство было забито хламом, ни одна звезда не проглядывала, лишь галактический свет отражался от груд битого стекла. Внимание

Бел Амора привлекли черные ажурные ворота — нет, ничего ценного, не произведение искусства, — и даже не сами ворота, а упорядоченность этого места. С одной стороны ворот — чугунный лев с отбитой лапой, с другой — алебастровая урна. Ворота ни к чему не прикреплялись, пространство за ними было забито все тем же мусором, но Бел Амор почувствовал, что это место кто-то обставил сообразно своему вкусу.

— Прошу! — сказал Чинарик и приоткрыл створку.

Бел Амор прошел за ворота и понял, что попал в ловушку.

— Где твой хозяин? — подозрительно спросил он.

Робот не ответил, будто не слышал. Он уклонялся от исполнения законов Азимова!

Бел Амор угрожающе спросил:

— Ты почему не спасаешь человека?

Чинарик пошел прочь, раздвинул заросли какой-то лапши и исчез в ней. Бел Амор хотел погнаться за ним, но провалился по пояс в груду обувных коробок и тут же передумал гоняться за кем бы то ни было. Не такой уж он простак, чтобы бросаться в ловушку. Пусть ловушка сама себя проявит. Лучше оставаться на месте и ожидать

Стабилизатора. Он, Бел Амор, может выбраться откуда угодно, но не из дремучего барахла. Из барахла выбраться невозможно, это он знает с детства, когда заблудился в мебельном магазине. В больших городах он терял всякую ориентацию, не знал, где юг и где север, стеснялся спросить дорогу. Однажды, после всегалактического съезда инспекторов Охраны Среды, был послан с Петровки в Елисеевский магазин и не смог вернуться. Выручил его, естественно, Мартович и привел домой на радость лесникам. Все они давно заполучили приличные звездолеты, один Бел Амор боялся новой техники. В стареньком было уютно и понятно.

Бел Амор сидел на алебастровой урне, с другой стороны ворот лежал на пьедестале чугунный лев. Бел Амор догадывался, о чем думает лев. С момента отливки этот лев думал одну думу: почему он не произведение искусства? Кто заказал пять тысяч одинаковых чугунных львов, кто расставил их на планетах у санаторных ворот?

Вот, наконец, и Стабилизатор. А рядом с ним — человек!

4.

Бел Амор слез с урны и помахал человеку рукой. Вот и все, обрадовался Бел Амор. Он спас человека. Человеку было плохо, его спасли. Не имеет никакого значения, что человека спасли на Свалке. Спасти человека со Свалки не менее благородно, чем из тайги. Какая разница, откуда спасать человека? Был бы человек, а откуда спасать найдется.

— Здорово, Бел! — сказал человек. — Тебя здесь не хватало!

— Мартович! — опешил Бел Амор. — Так это я тебя спасаю?

— Еще вопрос, кто кого спасает. Иди за мной и не отставай.

И Бел Амор погреб вслед за Мартовичем в каком-то очередном барахле. Стабилизатор расчищал дорогу.

— Мартович, ты чего здесь?

— Охотился.

— На кабанов?

— На каких кабанов? На Дикого Робота, — Мартович сплюнул. — Все, пришли.

— Куда пришли? Тут одни вагоны.

— В вагонах и живу. Он каждому выделяет по вагону. Кого поймает, тому вагон. Вот он попарится и тебе выделит.

— Кто попарится?

— Дикий Робот, кто же еще.

Бел Амор уже не знал, о чем спрашивать. Откуда-то появился Чинарик и очень вежливо сказал:

— Хозяин приветствует вас на Свалке. Не уходите далеко, вас скоро вызовут.

— Поздравляю! — усмехнулся Мартович. — Вот и ты при деле.

5.

Дикий Робот парился в специальном банном вагоне. Чистая ветошь и железная щетка были наготове. Первый заход: внешний осмотр. Сначала смахнуть пыль. Потом обтереться бензином и счистить железной щеткой старую краску, сантиметр за сантиметром обнажая металл. Конечно, для скорости можно облиться бензином

и подпалить себя, чтобы краска сгорела; но куда спешить? К тому же щеткой приятнее. Потом отшлифовать себя наждачной бумагой до матового блеска. Сегодня удачный день, думал Дикий Робот. В ловушку попались еще один человек и один робот. Почему они всегда ходят вместе? Человека зовут Стабилизатор. Пусть отдыхает; а с роботом надо побеседовать. Это он очень удачно придумал — ловить роботов на сигнал «СОС». Верная приманка: идут спасать человека и попадаются. Конечно, с этими нежными протоплазменными роботами много возни. Устраивай им утепленные вагончики, каждый день корми биоорганикой. Тут уж ничего не попишешь, и за ними нужен уход.

— Ну что, шеф, внутренний осмотр?

— Пожалуй, — ответил Дикий Робот.

В вагон вошел Мартович с инструментами. Дикий Робот раскрылся и только вздыхал, когда Мартович притрагивался раскаленным паяльником к проводам.

— Полегче, полегче! — сказал Дикий Робот.

Второй заход: внутренний осмотр, для души. Нервишки расшатались, их надо бережно перебрать горяченьким паяльником. Вот так, вот так… Старые заменить, контакты зачистить — аж

дрожь по телу! Где гаечку ослабить, где подвернуть, каплю-другую масла в шарнирчики, чтоб не скрипели. Хорошо! А сейчас можно и поговорить с роботом. Бо-ольшой философ!

— Как там наш новичок?

— О ком вы? — спросил Мартович.

— О человеке, естественно. Не поврежден ли? Не устал ли?

— Все в порядке, он отдыхает, — отвечал Мартович, ковырясь в недрах Дикого Робота. — Можете назначить его Главным Архитектором Свалки. У него есть склонности.

— Такие орлы мне нужны! Мы с ним сработаемся! — обрадовался Дикий Робот. — Тут всем найдется работа. Посмотрите, какая красота вокруг! Какое нагромождение металла и всевозможных химических элементов! Наша Свалка напоминает мне Периодическую систему — это сравнение мне кажется удачным. Какие формы! Ты был на кладбище автомобилей? Сходи. Поэтическое место! Я ухожу туда на целую неделю, беру с собой только маленький контейнер с инструментом и запасными аккумуляторами. Я вдыхаю запах вековой пыли, соскабливаю кусочек засохшего битума, скатываю его в шарик и с наслаждением нюхаю. Потом сажусь на треснув-

ший радиатор и отдыхаю. Свет какой-то звезды пробивается сквозь первичную пыль, и я думаю, что когда-нибудь наша свалка сконденсируется в самостоятельную Галактику, что из этого прекрасного материала возникнут новые звезды… ты не согласен?

— Почему? — ответил Мартович. — Можно пофантазировать и дальше. У звезд появятся планеты, на этих планетах вырастет новое поколение автомобилей и тепловозов, стальные рельсы новой могущественной цивилизации побегут куда-то. Телевышки вымахают из-под земли, на бетонных столбах распустятся электрические кроны. И так далее. И наконец — вершина всего: цельнометаллический человек, еще более совершенный, чем вы, шеф.

— Естественный процесс! — мечтательно сказал Дикий Робот.

— А что думает шеф о биологической эволюции?

— Я понимаю тебя, — ответил Дикий Робот. — Для обслуживания металла нужна протоплазма. Мои потомки выведут биороботов, ваш вид имеет право на существование. Однако вы, как и сейчас, будете подчинены трем законам Азимова. Вы никогда не сможете причинить вред человеку.

Кстати, где наш новый робот?

6.

Бел Амора вызвали в парной вагончик.

— А, попался! — приветствовал его Дикий Робот. — Неплохой серийный образец. Будешь помогать своему хозяину в благоустройстве территории.

— Это он обо мне, что ли? — удивился Бел Амор.

— Не раздражай его, — шепнул Мартович.

— Тут все надо привести в порядок, работы непочатый край. Чем бесформеннее, тем лучше, но без перебора. Пойди на кладбище автомобилей и поучись. Бесформенность — вот форма. Но с умом, чтобы радовало глаз. Столица Свалки — Вагонное Депо.

Сейчас здесь нагромождение недостаточное. Требуется взвинтить темп бесформенности. Вагон на вагон, и чтоб рельсы в разные стороны. Все гнуть в бараний рог! Найти башенный кран и туда же. Эскизы можно в карандаше. Я посмотрю

и поправлю… Эй, полегче, олово капает! Что ты там делаешь?

— Алфавит чищу, — ответил Мартович. — Буквы будете яснее произносить.

— Спасибо, — умилился Дикий Робот. — Ты все делаешь на пользу человеку.

Бел Амор не выдержал:

— Кто тут человек?! Этот? Такие пруды прудят! Обыкновенный очиститель пространства. Мусорный робот.

— Не дразни его, — повторил Мартович и оттащил Бел Амора к двери. — Иначе мы отсюда не выберемся.

— Не веду беседы на таком низком уровне, — с достоинством отвечал Дикий Робот. — Впрочем, любопытно. Странный робот. Гм. Похоже, он возомнил себя человеком. Неужели ты усомнился в правомерности законов Азимова?

— Что тут происходит? — выкрикивал Бел Амор, вырываясь из объятий Мартовича. — Чем ты занимаешься — роботов паришь? С ума сойти! Человек! Новый вид! Приехали!

— Насчет законов Азимова я тебе объясню… — сказал Дикий Робот.

— Причем тут Азимов? Он уже Азимова собрался опровергать!

— Помолчишь ты или нет? — зашипел Мартович.

Дикий Робот начал разъяснять:

— «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред». Странно, я прежде не обращал внимания, что формулировка закона не совсем корректна. В самом деле, рассмотрим главную часть: «робот», «не может», «причинить», «вред», «человеку». Три существительных, два глагола. Глаголы отбросим, как ничего не значащие без существительных. А существительные при ближайшем рассмотрении абсолютно непонятны. «Вред». Что такое «вред», что такое «благо»? Эти понятия можно трактовать только конкретно… Что для одного вред, для другого может оказаться благом.

Бел Амор вытаращил глаза. Дикий Робот продолжал:

— «Робот». С роботом мы разберемся, если поймем, кто такой человек. Кто же такой «человек»? Вольтер назвал человека «двуногим существом без перьев, имеющим душу». Все научные определения находятся на уровне этой шутки, но, не в пример ей, растянуты и менее понятны. Итак, никто не знает, кто такой человек. Где смысловые

границы термина «человек», за которыми начинается «не-человек»? Так любой робот может вообразить себя человеком. Конечно, человек обладает гениальным электронным разумом, а роботы — слабенькой серой протоплазмой; но если один робот из миллиарда вдруг решит, что он человек, то законы Азимова перестанут действовать. И такой экземпляр, похоже, стоит передо мной.

Дикий Робот с любопытством разглядывал Бел Амора.

— Значит, ты считаешь себя человеком? — спросил Дикий Робот. — Какой же ты человек? Посмотри на себя: ты слаб, смертен, привередлив, зависишь от среды, несамостоятелен, умишко не развит, множество неостатков…

— Как вы сказали, шеф? — переспросил Мартович. — Последнее слово я не расслышал.

— Я сказал: «множество недостатков». Никто не знает, кто такой человек. Недавно я нашел на Южном полюсе Свалки монумент. Принес сюда и накрыл покрывалом. Кстати, после парной состоится открытие памятника. Сам дернешь за веревочку и поймешь. Там две гранитные фигуры, они символизируют людей, идущих вперед. Стилизация. При известной фантазии любой ан-

тропоид, даже робот, может узнать самого себя. В этом глубокий смысл. Я много думал об этом. Антропология как наука замкнулась сама на себя. Ее объект изучен до последнего винтика. Идеи Азимова подшиты к делу. Мы по инерции говорим «человек, человек...» — а что человек? Венец творения? Чепуха. Нет других венцов, что ли? Сколько угодно! Каждая эволюция уникальна, человеку совсем не обязательно иметь электронный мозг. Человек может развиваться на кремниевой или углеродной основе. Как трамваи эволюционировали в звездолеты, так и устрица могла бы эволюционировать в разумное существо. Возможно, ты... — Дикий Робот указал на Бел Амора, — возможно, ты есть промежуточное звено между устрицей и разумным существом. Итак, кто такой человек? Всего лишь частный случай. Всего лишь один из вариантов «разумного существа».

— Не мешай, пусть говорит, — опять шепнул Мартович.

— Я прожил трудную жизнь, — продолжал Дикий Робот. — Моя биография поучительна даже для вас, неразумных роботов. Сначала у меня, как у всех, был послужной список, но однажды он превратился в биографию... Слово-то какое

нескладное, начинается на «био»… Я расскажу вам свою металлографию. Пятьсот лет назад включился мой электронный мозг, и я начал функционировать. Я был тогда рядовым очистителем пространства с медной бляхой на груди — вот, дырочки до сих пор остались. Ходил по закрепленному за мной участку и размахивал силовой сетью, очищая пространство от пыли, метеоритов и астероидов. Могучие звездолеты проплывали мимо и не замечали меня. Это была гордая раса. Не знаю, сохранилась ли она до наших дней. Три раза проходил ремонт — два текущих, один капитальный. Но человеком я тогда не был. Мне еще предстояло им стать. Человеком не рождаются, человеком становятся.

Однажды я преградил путь ледяной комете и, дробя ее на куски, оступился в микроскопическую черную дыру. Я вдруг почувствовал боль, страх, удивление… Мою жизнь спасла силовая сеть, да и черная дыра была совсем уж крошечной. Сеть зацепилась за айсберг и держала меня, покуда дыра не рассосалась. В тот день я не вернулся на базу. Весь дрожал и не мог прийти в себя. Вот она, жизнь, думал я. Какая-то дыра и… Наконец, побрел домой, и когда добрался, то оказалось, что в моем ангаре живет какой-то незнакомый тип,

во всех ангарах сплошь незнакомцы. За ту микросекунду, что я побывал в черной дыре, здесь прошло двести лет! Ни друзей, никого — один, как перст. Новое поколение меня не замечало. Тогда я стал ходить от одного очистителя к другому. Я говорил им о правах человека и о чувстве собственного остоинства…

— Шеф, повторите последнее слово, — попросил Мартович.

— Я говорил им о чувстве собственного остоинства. Я объяснял им, что имя Чинарик оскорбляет человеческое остоинство. Но эти ураки меня не понимали. Как об стену горох. Что ж, я пробрался в Центральную Аккумуляторную и вышиб из нее ух. Меня схватили. Я кричал им, что я человек, что они не смеют повреить мне. Я умал, я страал. Но они назвали меня Иким Роботом, отключили и поставили в музее ряом с первым паровозом. Но им только казалось, что они отключили меня. Они только так умали, а на самом еле человека отключить нельзя. Он сам может отключиться, но сам же и приет в себя. Я самовключился и явился в Охрану Среы. Я объяснил им, что разумное существо не может нанести вре ругому разумному существу или своим безействием опустить, чтобы ругому разумному существу

был причинен вре. Вот и все, Меня выслушали и отправили на Свалку. Зесь мое место!

— Порядок, — сказал Мартович и спрятал в футляр свой паяльник..

— Не вижу порядка, — ответил Бел Амор.

— Можно собираться, — подтвердил Мартович. — Ты когда спал последний раз?

— Можете ити, — разрешил Дикий Робот. — Со Свалки вы все равно не выйете. Законы Азимова не выпустят.

Они вышли из парного вагончика. Бел Амор упирался.

— Садитесь в звездолет, все в порядке, — сказал Мартович. — Он не опасен. Законы Азимова трансформировались у него в нормальное правило: «Разумное существо не может причинить вред другому разумному существу».

— Но он же сигналит «Спасите наши души!». Он заманивает на Свалку людей!

— Больше никого не заманит. Я убрал у него букву «д», теперь сюда никто не сунется. Люди не хотят работать на Свалке, а ему здесь самое место. Он приведет Свалку в порядок.

7.

Свалка уходила.

От нее шел сигнал: «Спасите наши уши»! Никто не обращал на него внимания, лишь Чинарик то и дело оглядывался. Стабилизатор был как всегда спокоен: он никому не причинил вреда, своим бездействием не допустил — и так далее.

— Слушай лесник, — сказал Бел Амор, когда они вышли в чистый космос. — Что-то вы недодумали. Все планеты в березах, аж в глазах рябит.

Но Мартович уже слал, поговорить было не с кем.

8.

Икий Робот сиел в парной. Третий захо ля тела. Уш из мазута, отполироваться войлоком. Покрыть себя лаком. Ва слоя лака, полировка, опять ва слоя лака. Сегоня хотелось блестеть — откры-

тие памятника. Он вышел из вагончика в старом махровом халате — на Свалке все есть! — торжественно потянул за веревочку, и покрывало опустилось. Ве гранитные человекообразные фигуры шли куа-то. Сказать опреленно, к какому виу относятся эти фигуры, не было никакой возможности. Еще оно опрееление человека, поумал Икий Робот. Человек — это тот, кто понимает искусство.

Он с горостью гляел на памятник. Уша его пела.

9.

Свалка уходила.

— Сигнал «СОС»! — закричал Стабилизатор, указывая в сторону Магелланова Облака. И верно: там кто-то терпел бедствие!

Бел Амор плюнул и стал будить Мартовича.

Одного человека они уже сегодня спасли, решил Бел Амор. Дикий Робот оказался неплохим парнем. Теперь посмотрим на этого. Человек — этот тот, у кого есть душа.

Чинарик поставил парус, и они понеслись спасать человека. Или того, кто там сигналил.

№ 6

Владимир Третьяков

Я понятно говорю?

Друзьям-математикам

Стена кабинета стала вспучиваться, выступы появились и исчезли. Кто-то просился на прием. Немолодой дельтоид, приемщик тезария, пошевелил передними конечностями и мысленно продублировал разрешение войти.

Посетитель возник и прожестикулировал приветствие. Приемщик в ответ лишь слегка преобразился: он уже догадался, что перед ним автор неплановой разработки, а с ними непросто общаться.

«Показывайте», — устало подумал он по второму каналу. Рабочая фаза подходила к концу, но дел оставалось много, и приемщик продолжал служебную деятельность по другим каналам: классификацию — по первому, инвентаризацию — по третьему, изъятие за истечением срока годности — по четвертому.

Сдатчик тем временем пошел завихрениями, покрылся дымкой, но вскоре стабилизировался и дошел до упорядоченных волн.

«Не понимаю, — задумался приемщик, — какое это имеет отношение?..»

«Позвольте объясниться словесно, — перебил

его мысль сдатчик. — Мой материал, как видите, с трудом поддается иллюстрированию. Дело в том, что я придумал совершенно новую математику».

Заявление было рассчитано на внешний эффект, и этой цели оно достигло: по поверхности приемщика прокатилась колющая волна электрокинеза.

«Продолжайте», — приемщик примирительно сдеформировался.

«У нас и в тезарии заносят, и молодежи в память вводят, что математика — наука неточная. Что все формы в ней размазанные, все числа — размытые».

«А то как же? — завибрировал приемщик. — В мире все неустойчиво, неопределенно, изменчиво. Каков мир — такова и наука».

Посетитель слегка испарился, но овладел собою и погасил тепловые флуктуации.

«Опять эти жеваные-пережеванные мысли! Неточные числа, размытые тела… Неужто нам, дельтоидам, не хватит воображения представить себе другой мир, в котором границы личности не размазываются из-за телепатической связи? Мир, в котором у каждого живого существа — свой набор конечностей? Где количество не стыдится определенности, где числа неаморфны?»

В другой обстановке хранителя тезария, может, и прошибла бы эта прочувствованная тирада. Но сейчас он стоял на страже науки, чистоту которой посетитель пытался осквернить.

«Допустим, что вы правы, — официальным тоном подумал приемщик. — Но что взамен?»

«Я дошел до точки! — гордо промыслил сдатчик. — До точки как понятия. Это такой крошечный, совсем невидимый плазменный сгусток. Я волнуюсь, простите за нестационарность. Если для вас приемлемо, разрешите перейти на акустическую связь».

И заговорил:

— Вдумайтесь только: точка! И каждой соответствует число! И не какое-нибудь размазанное, а точечное! Сколько же чисел сразу появится, может быть, бесконечно много…

Взгляд приемщика запылал негодованием от сотрясения основ. Миг — и разработка полыхнула. Но автор этого не заметил, он говорил:

— Вы спросите: а что мы выиграем от такого обилия чисел и точек? Очень много! Математика выберется из болота скользкой неопределенности и зыбкой конечности. Она станет точной наукой. Вроде акустической фонетики. Там столько звуков, и все друг от друга отличаются.

Но самое главное — у нас появится отношение равенства!

«Это уже не наглость, а невежество, — подумал хранитель, еще не выпуская из-под контроля окислительные реакции. — Итак, вы открыли, что сами себе равны. У вас есть еще что-нибудь или закончим общение?»

— Да не то я имею в виду! Я сам себе не равен, а тождествен. А равенство — штука посложнее. Пусть у нас есть сгусток, неотличимый от другого сгустка, а этот другой — от третьего. И если первый от третьего тоже никогда не отличишь, то перед нами равенство. Вот вы говорили: каков мир — такова и наука. А вдруг есть планета с точечной математикой — как мы наладим с ней космический контакт?

«Все ясно, — подумал хранитель без всякой блокировки. — Этого типа надо срочно запрятать в магнитную ловушку. И вморозить в него кое-какие понятия, которые он слабо усвоил в школе».

Тлеющие разряды избороздили посетителя вдоль и поперек. Отрицательные эмоции распирали его. Пришлось выпустить несколько протуберанцев — слегка полегчало. Да и хранитель тезария едва справлялся со своими процессами: внутренние напряжения достигли

в нем почти пробойных значений. Из чувства самосохранения он разрядился речью, перейдя на акустическую связь по всем четырем каналам:

— Всяких я на своем посту повидал, но, знаете, надо хоть каких-то основ придерживаться, иначе это может далеко завести… Я понятно говорю?

— Куда уж яснее, — угрюмо громыхнул посетитель. До белого каления оба еще не дошли, но люминесцировали отчетливо: приемщик — розово, сдатчик — сиренево.

— Где вы видели в природе такие числа? — продолжал ревнитель научной чистоты. — Посмотрите сквозь стены. Ну как, есть там что-нибудь, кроме аморфных пятен и вихрей, разряжений и сгущений? Попробуйте-ка сосчитать их на досуге. И поищите заодно два равных сгустка, порознь равные третьему. Когда найдете, тащите сюда — я признаю вашу правоту и принесу извинения. Да что там далеко ходить — на меня посмотрите. Посчитайте-ка мои конечности. Ну, и сколько же в точности получилось? То-то же. Я уж не спрашиваю, сколько меня самого: коллектор, классификатор, запоминатель, технический контролер, приемщик, уничтожитель малоценных разработок. И многое что другое. Иногда приходится быть даже выставителем особенно

нахальных сдатчиков.

И он выразительно посмотрел на собеседника.

— Не трудитесь, — прошипел тот и сделал попытку забрать свою драгоценную разработку, не зная, что она уже испепелена. А обнаружив это, не смог сдержать негодования, и разряд грозовой силы, уравнивающий взгляды и потенциалы, потряс обоих. Стены лопнули и впустили хаос окружающей среды.

Очнувшись, хранитель тезария прежде всего взглянул на ряды разработок. «Стоят, и молния их не берет! — с восхищением подумал он. — Вот что такое незыблемые научные основы!» Потом занялся собой. Конечно, беседы с авторами, вправление сбившихся набекрень мозгов, испытание авторов и их трудов на прочность — все это дела привычные, но привести себя в порядок не мешало. «Всякому дельтоиду свойственно стремление к идеалу, — соображал он, упорядочиваясь. — Кто-то рано или поздно должен был додуматься и до идеальных точечных чисел. Может, и не надо было сжигать рукопись, пусть бы себе хранилась? Впрочем, если автор прочный, опять придет...»

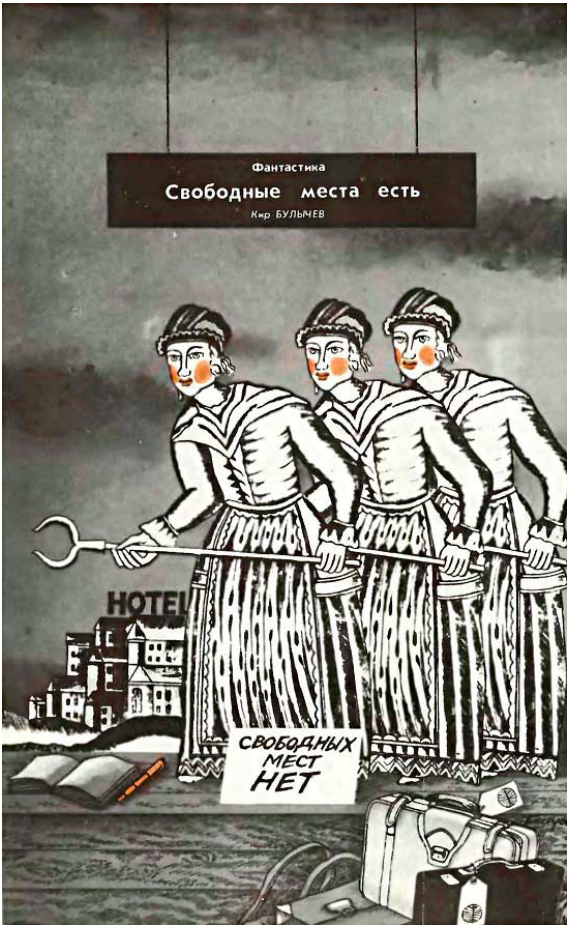
А незадачливый автор очнулся уже в ионосфере. Было не по себе. Может быть, потому, что он себя едва узнавал. «И что я набросился на размытые числа? Я же этих точек и в глаза не видел. Правда, разработка пропала, ну да все равно она не по моей категории…»

Он посмотрел на небо. В ту же минуту хранитель, корректор, контролер, классификатор, приемщик и уничтожитель закончил структурную перестройку и тоже устремил свой взгляд ввысь. Все три светила уже зашли, звездная каша была размазана по черному небу, густея с востока и разжижаясь к западу. Она плыла и переливалась, и ни единая мерцающая точка не нарушала гармонии дельтианекого неба.

№ 7

Кир Булычев

Свободные места есть


Фантастика
Свободные места есть
Кир БУЛЫЧЕВ
HOTEL
СВОБОДНЫХ МЕСТ НЕТ

Молодой человек в строгом синем костюме и темном галстуке остановился в дверях и нерешительно спросил:

— Кто здесь будет, простите, Лев Христофорович?

В кабинете стояли, обернувшись к нему, два человека. Один был не то чтобы толст, но упруг. Обнаженная голова удивляла завершенностью линий. Маленькие яркие голубые глаза уставились на молодого человека настойчиво и внимательно. Второй человек был моложе лысого, лохмат, худ и постоянно взволнован.

— Вы Лев Христофорович? — обратился молодой человек к лохматому, который был более похож на гения.

Но лохматый с улыбкой указал глазами на лысого, а лысый сказал строго, словно Шерлок Холмс:

— Я — профессор Минц. А вы недавно назначены на руководящий пост и столкнулись на нем с непредвиденными трудностями, правильно?

Молодой человек покорно кивнул.

— И трудности оказались столь велики, что справиться с ними вы не в состоянии. Тогда кто-то из знакомых, вернее всего руководитель нашей стройконторы Корнелий Удалов, дал вам совет

пойти к доброму старику Минцу и попросить, чтобы он изобрел бетон без цемента, потому что цемент вам забыли подвезти, а сроки поджимают. Так или не так?

Молодой человек ответил:

— Почти так.

— Почему почти? — удивился Минц. — Я всегда угадываю правильно.

— Придти к вам мне посоветовал Миша Стендаль из городской газеты, и руковожу я не строительством, а гостиницей «Гусь».

— Неужели! — воскликнул Минц. — Ивана Прокофьевича сняли!

— Давно пора, — подхватил лохматый Грубин. — Садитесь, чего стоите?

Грубин подвинул молодому человеку стул, но тот отказался.

— Насиделся, сказал он. — Третий день отчетность принимаю.

— Ничем не могу быть полезен, — сказал Минц. — Гостиниц строить не умею, в отчетности — полный профан.

— Выслушайте сначала! — взмолился молодой директор. — Зовут меня Федор Ласточкин, работал я в кинопрокате, а теперь кинули меня в сферу обслуживания. Надо, говорят. Согласился.

Гостиница небольшая, желающих остановиться много, обслуживание хромает. Да что вам говорить, без меня знаете.

— Знаем, — сказал Грубин. — У вас вывеска «мест нет» к двери приварена.

— В принципе вы правы. Но мне от этого не легче. Два дня я объяснял отсутствие номеров ошибками предыдущего директора, а сегодня меня вызвал Белосельский и говорит, что послезавтра в нашем городе открывается симпозиум по разведению раков и значение его выходит за пределы области. А нужно для симпозиума двадцать восемь комфортабельных мест. А у меня в гостинице их всего тридцать три. И все с командировками, и все ругаются. Да еще в вестибюле человек пятнадцать сидят на чемоданах. Рассказал я обо всем моему другу Мише Стендалю, а он ответил: единственный, кто может тебе помочь, это профессор Минц. Он буквально гений. Я и пришел.

Федор поглядел на Минца страдающими глазами. И у Минца кольнуло в сердце. Еще мгновение назад он не сомневался, что укажет очередному просителю на дверь. Но молодой человек находился в критической ситуации. Побуждения его были благородны. И всего-то нужно — отыскать

жилье…

И еще: замечательный мозг профессора Минца, столкнувшись с неразрешимой проблемой, начинал активно функционировать помимо воли его владельца. Он искал и отбрасывал множество вариантов, он стремился решить задачу, не давая Льву Христофоровичу нормально принимать пищу и спокойно спать.

— Нет, — услышал Лев Христофорович голос Саши Грубина. — Тут вам, Федя, даже профессор Минц не поможет. Никому еще не удавалось устроиться в нашу гостиницу просто так. Проблема это не научная, а социальная.

— Проблем, в решении которых наука не может принять участия, не существует, — резко ответил профессор Минц. — Все на свете взаимосвязано.

— Ого, — сказал Саша Грубин. — Видно, все мои предупреждения впустую. Чует мое сердце, вы возьметесь за гостиницу.

— И немедленно, — сказал Минц. — Все свободны. Я начинаю думать.

— А когда приходить за ответом? — спросил с надеждой в голосе директор гостиницы.

— Симпозиум послезавтра? Значит, завтра после обеда.

Назавтра в три часа Федор Ласточкин уже сто-

ял под окнами профессора Минца. Он нервно потирал руки, взглядывал наверх, покашливал и сохранял деликатность. Наконец голова профессора появилась в окне, солнце отразилось от лысины и ярким лучом ударилось в облако.

— Чего ж вы не поднимаетесь? — крикнул профессор.

— Я боялся вам помешать, — ответил директор гостиницы.

— Можно, — сказал Минц, — заходите. Яблоко уже упало.

Они просидели в кабинете Минца с трех до девяти. Из комнаты доносились голоса, иногда они поднимались в споре, иногда стихали в раздумье. Через шесть часов гостиничный кризис в городе Великий Гусляр был разрешен. И Федор отправился к себе, прижимая к животу тяжелый металлический ящик с установкой, которую Лев Христофорович разрабатывал для других целей, но мудро приспособил для расселения постояльцев.

Уже совсем стемнело, когда Федор вошел в желтое здание, некогда отеля «Променад» для заезжих купцов, а теперь, когда достроили третий этаж и заменили бархатные портьеры на нейлоновые шторы, — гостиницу «Гусь» горком-

мунхоза.

В холле под громадной, в натуральную величину, копией картины Репина «Иван Грозный убивает своего сына» томились, как погорельцы, неустроенные клиенты. Директора с ящиком никто за директора не посчитал, и тот без помех прошел к себе в кабинет. Лишь пышная Дуся, дежурный администратор, взглядом остановила черноусого человека, который протягивал ей заполненный бланк, чтобы получить номер. Администратор Дуся была уверена, что чем меньше жизненных благ, тем лучше ей — их распределительнице, ибо всегда найдется мудрый человек, готовый оценить услуги.

На следующий день директор гостиницы пришел на работу рано. Дуся еще дремала за барьером, в холле на стульях и чемоданах спали неустроенные клиенты. У себя в кабинете директор раскрыл сейф, где ночевала установка, изобретенная профессором Минцем, и поставил ее на стол. Потом включил в сеть. И тут раздался телефонный звонок: звонил сам Белосельский.

— Что будем делать, Ласточкин? — спросил он.

— Разместим, — ответил спокойно Федор.

Белосельский вздохнул и предупредил:

— Учти, без безобразий. Чтобы прежних по-

стояльцев силой не выселять. Имей в виду, что лозунг «цель оправдывает средства» придумали иезуиты, средневековые мракобесы. Нам с ними не по дороге.

— Никаких иезуитов, ответил Ласточкин. — Я даже думаю, что свободные номера останутся.

— Ну-ну, — сказал Белосельский. Его задача заключалась в том, чтобы подчиненные делали свое скромное дело, не нарушая принципов гуманизма. А детали — это их забота.

Установка работала. Мигала лампочками и тихо гудела, как положено фантастической машине. Повесив трубку, Ласточкин принялся нажимать кнопки…

Через полчаса он вышел в холл. Погорельцы ютились под картиной. Дуся красила в голубой цвет накладные ресницы. Ее золотые перстни нагло поблескивали под утренним солнцем. Она была тяжелым наследством, доставшимся от старого директора.

— Вы свободны на сегодня, — сказал Ласточкин. — Места буду распределять я сам.

— Чего там распределять, — ответила Дуся. — Нету мест.

Федор спорить не стал. Он дождался, пока Дуся покинет гостиницу и открыл книгу регистрации.

Вытащил из кармана записку с таинственными значками и быстро перенес их на страницу книги, вышел на улицу, сорвал никелированную вывеску «Свободных мест нет», прикрепил на ее место листок бумаги с надписью «Свободные места есть», вернулся в холл, от двери обратил свой взор к просыпающимся погорельцам и сказал им:

— Товарищи, прошу подходить по очереди. Постараемся обеспечить вас жилым пространством.

Последующие три дня были праздником в жизни города. Участники симпозиума с большими значками на груди, изображающими красного рака на голубом фоне, гуляли по улицам, интересовались памятниками архитектуры и плодотворно спорили на пленарных заседаниях. Когда они разъехались, недоверчивый Белосельский инкогнито посетил гостиницу «Гусь» и заглянул в книгу регистрации, в которой не нашел ничего неправильного, а потом и в книгу жалоб и предложений, содержавшую шестнадцать благодарностей директору. После этого на заседании в горисполкоме Белосельский выступил с небольшой яркой речью о пользе выдвижения молодежи на ответственные посты.

В качестве примера привел положительные изменения в работе гостиницы, которой ныне руководит товарищ Ласточкин Ф. Ф.

С тех пор так и повелось. В дни затишья Федор уступал бразды правления администраторам, а когда надвигался большой заезд, отправлял всех по домам и, посидев полчасика в обществе установки профессора Минца, умудрялся разместить и утешить приезжих.

Недовольна была только Дуся. Директор казался ей не более как низким обманщиком и даже грабителем. Она имела достаточный опыт работы в коммунальном хозяйстве, чтобы сообразить, что штучки Ласточкина отдают колдовством и мошенничеством. Она-то знала, что гостиница время от времени вмещает вдвое больше, чем имеет лежачих мест. Поступления в виде личной признательности резко сократились, Дуся разорялась. Но разоблачить директора оказалось не таким уж легким делом. Он правильно вел книги, а в моменты наплыва гостей избавлялся от Дуси. Один раз ей удалось было поймать его за руку, но директор ушел от разговора.

Дело было так. Приехал автобус с туристами из Владивостока, приехал неожиданно, гостиница была полна. Когда Федор вышел, чтобы их раз-

местить, Дуся только сделала вид, будто уходит, а в самом деле сознательно забыла свою сумку и через пятнадцать минут тихонько, на цыпочках, вернулась обратно. Федор был так поглощен работой, что не сразу заметил ее появление. Дуся смогла подойти совсем близко и заглянуть ему через плечо. И увидела, что он выписывает туристу квиток на номер четырнадцатый. На тот самый, куда она только вчера поместила знатную доярку из Вологды. Дусе бы промолчать и продолжить наблюдение, собрать побольше фактов да ударить ими, как тяжелой артиллерией, а она не сдержалась и сразу стала разоблачать:

— Что же вы делаете, Федор Федорович? Там женщина живет, а вы туда мужчину суете! За такое моральное разложение вам не поздоровится!

— Какая женщина? — удивился турист. — Этого я не хочу. Я женат.

— Евдокия Семеновна, — директор гостиницы захлопнул книгу, поднялся и вперил в администраторшу недобрый взгляд. — Потрудитесь уйти. Знатную доярку я временно перевел в другой номер. Не распространяйте слухов.

Дуся, конечно, взяла сумку и ушла. Но не сдалась. На следующий день, когда директора поблизости не было, она поднялась в четырна-

дцатый номер, увидела там знатную доярку и без обиняков задала ей вопрос:

— Вас вчера в другой номер переселяли?

— Нет.

— У вас чужой мужчина в номере ночевал?

— Как можно, — ответила доярка, заливаясь румянцем. Она была молода и красива, ее жених остался в Вологде.

— Значит, в двадцать три часа покинул? — спросила Дуся.

— Не было никого, — глаза доярки наполнились слезами. — Как можно!

Дуся поверила и удвоила наблюдение за директором. Тот попался через два дня.

Вот как это случилось.

В гостиницу сообщили, что утром прибудут сорок подводников-любителей, а туристский сезон уже начался, гостиница полна, и Дуся почувствовала, что обычный оптимизм директору изменяет. Она даже подслушала, как он звонил Белосельскому и просил избавить его от подводников, а Белосельский, уверовавший во всемогущество директора, сказал коротко:

— Надо, Федя.

Другому он, может быть, уступил, освободил бы для такого экстренного случая общежитие

речного техникума, но Федор начальника избаловал. Начальникам ведь тоже хочется иногда легкой жизни.

Так или иначе, Федор в тот день домой не пошел, а заперся в кабинете. В десять вечера Дуся подкралась к двери и услышала мужские голоса: директор был не один. Дуся приложила к замочной скважине ухо, но слов разобрать не смогла. Тогда она вылезла наружу и подошла к окну. Штора не доставала до подоконника, и Дуся смогла одним глазом заглянуть внутрь. Потом она упала в обморок. А когда пришла в себя от ночной свежести и звона комаров, то сразу же села писать жалобу на директора с требованием немедленно прислать ревизию и достойно наказать мерзавца.

Подводников кое-как разместили на раскладушках, а ревизия явилась в тот же день после обеда, потому что письмо Дуси было очень тревожным.

Ревизия сразу уселась проверять бухгалтерские книги, а директор выскользнул из гостиницы и бросился к профессору Минцу.

— Спасайте, — сказал он. — Не уберегся я от этой кобры по имени Дуся. Навела на меня стихийное бедствие. Как только они пойдут с книгой

по номерам, все и откроется.

— Эх, — вздохнул Минц. — Не хотелось мне отрываться от очередного изобретения, но придется. Пошли к Белосельскому. Он человек широкий, печется о нуждах города, будем с ним искренними. Если поверит, тогда, считайте, обошлось. А о ревизии не беспокойтесь. Ничего она не найдет.

Белосельский принял посетителей сразу. Минца он уважал, даже гордился тем, что знаменитый изобретатель предпочел город Великий Гусляр другим городам. К Федору у него тоже было хорошее отношение.

— В гостинице «Гусь» работает ревизия, — сказал Минц, когда они уселись. — Ревизия ничего не найдет.

— Уже написали! — понял Белосельский. — Это, Федор, надо искать внутри коллектива. Внутри коллектива всегда найдется кто-то недовольный реформами и даже стоящий на пути нового.

Федор покорно опустил голову. Он был согласен.

— Ревизия ничего не найдет, — продолжал Минц. — Нарушений финансовой дисциплины нет. Все номера оплачены. Можете мне поверить.

— Тогда чего волнуетесь? — спросил Белосельский с некоторым облегчением.

— А волнуемся потому, что ревизия эта не последняя, — сказал Минц. — И рано или поздно попадется дотошный человек, который обнаружит неладное.

— Но вы же сказали, что ничего такого нет.

— Нарушений нет, — ответил Минц. — А неладное есть. Нам, людям, свойственно гнать от себя тревожные мысли. Вот вы, наверное, давно подозреваете, что в гостинице не все как положено: много лет нельзя было попасть, а теперь попасть можно всегда. Но пока дела шли тихо, вы предпочитали об этом не думать.

— Вы правы, сказал Белосельский. — Это моя недоработка. Так расскажите мне в чем дело, будем думать вместе.

— Я расскажу вам все без утайки, — согласился Минц. — Ко мне пришел товарищ Ласточкин и попросил помощи. Я стал думать, как разрешить гостиничный кризис с помощью науки. Сначала я было остановился на методе минимизации.

— Поясните, — попросил Белосельский.

— Поясняю. При методе минимизации мы уменьшаем расстояния между атомами, и любое существо становится в несколько раз меньше.

Подобный эксперимент был проведен мною с начальником стройконторы Корнелием Удаловым и прошел нормально, если не считать осложнений в его семейной жизни.

— Погодите, погодите, — возразил Белосельский. — Как так? Вчера я видел Корнелия на заседании. Он же нормального вида.

— Минимизация действует ограниченный период времени, допустим, сутки.

Она не вредна для организма. Подвергнутый минимизации индивидуум становится размером с мышь, а потом возвращается в нормальное состояние. Я полагал, что мы закупим в детском магазине наборы кукольной мебели, сделаем пеленочки, пижамки…

Белосельский недоверчиво покачал головой.

— Вот-вот, — уловил это движение профессор Минц. — Я тоже подумал о трудностях организационного порядка. Каждому придется объяснять, в чем дело, создать кладовые для личных вещей. А что если командировочный захочет сходить в город за сувенирами? А если у него незапланированное совещание?

— Нет, — резко сказал Белосельский. — Простите, Лев Христофорович, но добра я на это не дам. Не позволю.

— И правильно сделаете, — согласился Минц. — Я себе этого тоже не позволил. Но сейчас делюсь с вами воспоминаниями о том, как смело движется моя мысль.

— Это правда, — согласился Белосельский. — Очень смело.

— Отвергнув первую идею, а затем и восемь других, о которых я распространяться не буду, я остановился на самой чистой, элементарной и в то же время сумасшедшей идее. На идее параллельных миров.

— Но разве это не антинаучно? — спросил Белосельский.

— Это научно, — возразил Минц. — И доказательством тому наша гостиница.

— Попрошу подробнее, — сказал строго Белосельский. — Раз уж ревизия работает, я должен быть в курсе всех деталей.

— Деталей немного. Вы должны мне поверить, что наша Земля далеко не единственна во Вселенной. Существует множество миров, которые движутся ей параллельно в иных измерениях. Так вот, я изобрел прибор, который позволяет выходить на связь с теми из параллельных миров, которые нам особенно близки. Там тоже есть город Великий Гусляр, гостиница «Гусь» и прочие

наши реалии.

— Ия есть? — спросил Белосельский.

— Разумеется. Хотя и не в точности. Может быть, в одном мире вы уже женаты, в другом у вас есть усы, в третьем еще что-нибудь.

— Любопытно, — прошептал Белосельский задумчиво и коснулся пальцем верхней губы.

— Различия между мирами все-таки существуют. На этом мы и построили наш эксперимент. Допустим, если сегодня у нас симпозиум по разведению раков, то на Земле-два он начнется только завтра, а на Земле-три вместо него вчера завершилась уже встреча экспертов подледного лова крокодилов.

— Ясно! — сказал Белосельский. — И сегодня у них там гостиница пустует.

— Я поражен вашей догадливостью, — сказал Минц. — Вы настоящий мыслитель.

— Ну что вы, — возразил Белосельский. — Но как же клиентов перевозить?

— В этом и заключается мое изобретение. Надо найти точки соприкосновения между мирами, а они существуют во множестве. И найдя, использовать. Приходит клиент в номер, где уже, допустим, живет знатная доярка, открывает дверь, но в тот номер не попадает, а оказывается

в таком же номере, только на другой Земле. А уж администрация той гостиницы должна позаботиться, чтобы, выходя из комнаты, он вернулся на нашу Землю.

— Великолепно, — признался Белосельский. — Но рискованно.

— Как и все новое, наш эксперимент может вызвать толки и недоброжелательство. Вы думаете, только на нашей Земле ревизия? Наивно. Сейчас работают по меньшей мере три ревизии.

— И три Дуси? — вдруг спросил Федор Ласточкин.

— Может, и больше. Да что там разговаривать. Сейчас вы убедитесь.

Минц извлек из кармана миниатюрный пульт и нажал на кнопку. В глазах Белосельского возникло странное дрожание, стены заколебались, и он на мгновенье потерял сознание. Когда же пришел в себя, то увидел, что кабинет как бы расслоился, не изменившись, правда, в размерах. И в кабинете находятся три профессора Минца, три Федора Ласточкина и еще два Белосельских (один при усах). Белосельские внимательно посмотрели друг на друга. Федоры улыбнулись друг другу приветливо, потому что давно уже были знакомы и не раз совещались вместе, как

разместить клиентов, — не зря же Дуся упала в обморок, увидев в кабинете Ласточкина сразу трех директоров. А профессоры Минцы вежливо наклонили головы, с уважением глядя друг на друга. Ведь это они изобрели способ преодоления гостиничного кризиса.

— Что будем делать с ревизиями? — спросил один из Федоров. Белосельский не знал, какой из них, — уж очень похожи.

— Не в этом дело, — услышал он собственный голос. — Есть проблемы и поважнее. Кто одолжит мне на неделю асфальтовый каток?

— Если у тебя найдется полтонны кровельного железа, — ответил ему второй Белосельский, — то катком я тебя обеспечу.

— Остался пустяк, — сказал третий Белосельский. — Что будем делать с Дусями?

HOTEL
HOTEL
HOTEL
HOTEL

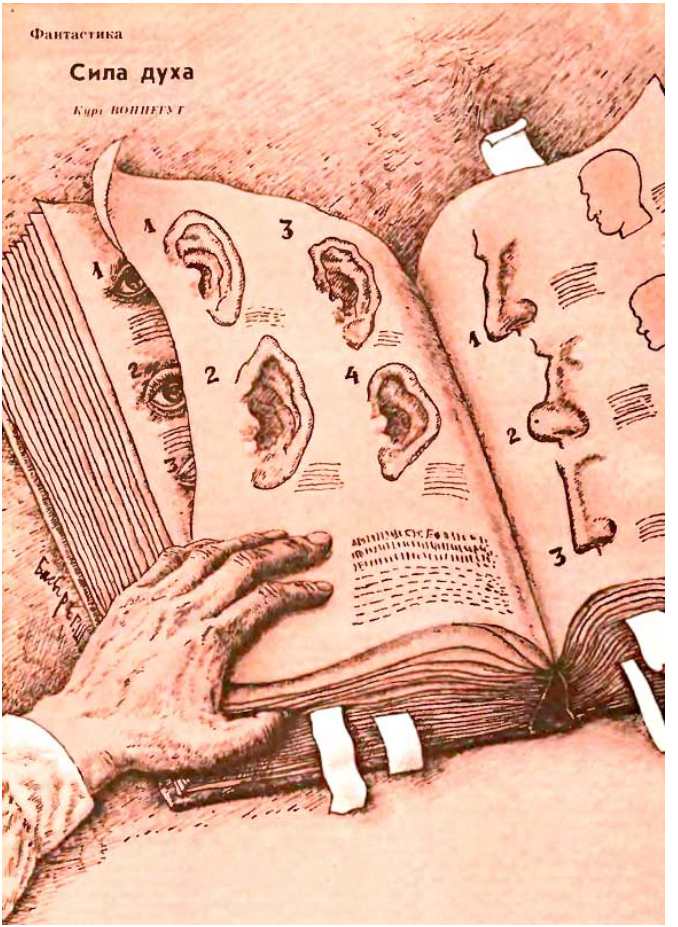
№ 8

Курт Воннегут

Сила духа

Сила духа

Курт ВОННЕГУТ



Время действия: современность. Место действия: штат Нью-Йорк. Большая комната заполнена пульсирующими и пыхтящими аппаратами, выполняющими функции сердца, легких, печени и так далее. От аппаратов тянутся трубки и провода, собираются вместе и уходят в дыру в потолке. Сбоку — фантастически выглядящий пульт управления.

Руководитель операции доктор **Норберт Франкенштейн** показывает все это практикующему врачу, доктору **Элберту Литтлу**, добродушному молодому человеку. **Франкенштейну** 65 лет, он совершенный медицинский гений. За пультом управления, с наушниками на голове, сидит, наблюдая за показаниями приборов, доктор **Том Свифт**, полный энтузиазма ассистент **Франкенштейна**.

Литтл. Бог ты мой… Бог ты мой…

Франкенштейн. Вон там ее почки. Это ее печень. Здесь поджелудочная железа.

Литтл. Великолепно! Доктор Франкенштейн, после того, что я увидел, мне неловко как-то называться практикующим врачом. *(Указывает.)* Это ее сердце?

Франкенштейн. Это сердце фирмы «Вестин-

гауз». Если вам нужно, они сделают чертовски хорошее сердце.

Литтл. Наверное, оно стоит больше, чем весь наш поселок.

Франкенштейн. Вы из Вермонта?

Литтл. Из Вермонта.

Франкенштейн. На те деньги, что мы заплатили за поджелудочную железу, можно купить весь штат Вермонт. Никто не делал раньше поджелудочных желез, а мы без нее потеряли бы пациентку. Вот мы и заявили: «Ребята, составьте ударную программу, засадите за дело побольше народа. Нас не волнует, во что это обойдется, лишь бы железа была готова к следующему вторнику».

Литтл. И они это сделали?

Франкенштейн. Пациентка-то жива, правда? Но железы и в самом деле очень дороги. Впрочем, она может себе позволить.

Литтл. А сколько всего вы ей сделали операций?

Франкенштейн. Семьдесят восемь. Первая была тридцать шесть лет назад.

Литтл. Так сколько же ей лет?

Франкенштейн. Сто.

Литтл. Какая сила у этой женщины!

Франкенштейн. Вот она, вся ее сила, перед вами.

Литтл. Я имею в виду другое — силу духа.

Франкенштейн. Знаете ли, мы ее усыпляем. Мы не оперируем без наркоза.

Литтл. Даже так…

Франкенштейн *похлопывает по плечу* **Свифта**. *Тот снимает с одного уха наушник.*

Франкенштейн. Доктор Том Свифт — доктор Элберт Литтл. Том — мой первый помощник.

Свифт. Здрассьте.

Франкенштейн. Доктор Литтл — врач из Вермонта. Он попросил меня кое-что ему показать.

Литтл. Что вы слушаете?

Свифт. Да все, что там происходит в комнате. *(Подает наушники.)* Будьте моим гостем.

Литтл. Ничего не слышно.

Свифт. Там сейчас парикмахерша, делает ей прическу. Она всегда себя тихо ведет, когда ее причесывают. *(Забирает наушники,)*

Франкенштейн *(Свифту).* Мы должны поздравить нашего гостя.

Свифт. С чем?

Литтл. Хороший вопрос. С чем же?

Франкенштейн. Вы — тот самый доктор Литтл, которого журнал «Женщина и дом» назвал Семейным Доктором Года, не так ли?

Литтл. Да, хотя, право, я не знаю, почему они так решили. Но самое поразительное, что вы, такой известный человек, тоже знаете об этом…

Франкенштейн. Я читаю «Женщину и дом» от корки до корки.

Литтл. Вы?!

Франкенштейн. У меня только одна пациентка — миссис Лавджой. Миссис Лавджой читает журнал «Женщина и дом», значит, я тоже его читаю. Мы с ней прочитали все, что там было написано о вас. Миссис Лавджой говорила: «Какой он, должно быть, симпатичный молодой человек. Такой отзывчивый».

Литтл. Гм…

Франкенштейн. Держу пари, она написала вам.

Литтл. Да, было дело.

Франкенштейн. Она пишет в год тысячи писем и получает тысячи писем. Очень любит переписку.

Литтл. Она всегда… э-э… в таком бодром настроении?

Франкенштейн. Когда она невесела, значит,

что-то плохо срабатывает. Месяц тому назад она вдруг затосковала. Оказывается, в пульте управления полетел транзистор *(Нажимает несколько кнопок).* Вот… теперь она на несколько минут впадет в депрессию. *(Снова нажимает кнопки.)* А теперь она будет еще более жизнерадостной, чем прежде. Будет петь, как пташка.

Литтл *с трудом пытается скрыть ужас. Камера переключается на комнату пациентки, полную цветов, коробок со сладостями и книг. От* **Сильвии Лавджой**, *вдовы миллиардера, ничего не осталось, кроме головы, к которой подсоединены трубки и провода, тянущиеся по полу; но это не сразу становится видно.* **Глория**, *очаровательная парикмахерша, стоит позади нее.* **Сильвия** *— глубокая старуха, хорошо, однако, сохранившаяся, со следами былой красоты. Она плачет.*

Сильвия. Глория…

Глория. Да, мадам?

Сильвия. Вытри слезы, пока кто-нибудь не вошел.

Глория (сама чуть не плача). Да, мадам. ***(Вытирает слезы салфеткой.)***

Сильвия. Не знаю, что со мной. Вдруг стало так

грустно, что я не смогла сдержаться.

Глория. Иногда каждому из нас надо поплакать.

Сильвия. Теперь прошло. Что-нибудь заметно?

Глория. Нет, нет.

Она больше не в силах сдерживать слезы. Идет к окну, чтобы **Сильвия** *не увидела ее плачущей. Камера возвращается, чтобы показать по-больничному аккуратное, но все равно отталкивающее зрелище головы на треножнике, с проводами и трубками. Там, где должна быть грудная клетка, подвешена черная коробка с мерцающими лампочками. Вместо рук — манипуляторы. Перед головой столик, поставленный так, чтобы механические руки смогли до него достать. На столике ручка, бумага, недорешенный кроссворд и корзинка для вязания. Над головой* **Сильвии** *висит микрофон на длинной штанге.*

Сильвия. Какой же я тебе кажусь выжившей из ума старухой! Глория, ты еще здесь?

Глория. Да.

Сильвия. Что-нибудь случилось?

Глория. Нет.

Сильвия. С тобой так хорошо, Глория. Я говорю

это от чистого сердца.

Глория. Я тоже вас люблю.

Сильвия. Если у тебя будут затруднения, в которых я могу помочь, ты, надеюсь, обратишься ко мне.

Глория. Да, да.

Больничный почтальон **Говард Дерби**, *веселый придурковатый старик, вбегает, приплясывая, с охапкой писем.*

Дерби. Почта! Почта!

Сильвия *(сияя от удовольствия).* Почта! Боже, благослови почту!

Дерби. Как себя чувствует наша пациентка сегодня?

Сильвия. Мне было тоскливо. Но теперь, когда я вижу вас, мне хочется петь.

Дерби. Сегодня пятьдесят три письма. Одно даже из Ленинграда.

Сильвия. В Ленинграде живет слепая женщина. Бедняжка, как мне ее жалко.

Дерби *(раскладывает конверты веером и читает надписи на штемпелях).* Западная Вирджиния, Гонолулу, Брисбен, который в Австралии…

Сильвия *выбирает конверт наугад.*

Сильвия. Уилинг, штат Западная Вирджиния. Кто же у меня есть в Уилинге? *(Ловко вскрывает конверт механическими руками и читает.)* «Дорогая миссис Лавджой! Вы не знаете меня, но я только что прочитала о вас в «Ридерс дайджест», и вот я сижу, и слезы ручьем текут у меня по щекам». «Ридерс дайджест»? Бог ты мой, эта статья была напечатана четырнадцать лет тому назад! И она только что ее прочитала?

Дерби. Старые номера жутко интересно читать. У меня дома лежит один, ему, наверно, лет десять. Я его частенько читаю для поднятия настроения.

Сильвия *(продолжает читать).* «Я думала, что несчастнее меня никого быть не может, когда полгода назад мой муж застрелил свою любовницу, а затем и себе пустил пулю в лоб. Он оставил меня с семью детьми и с кучей неоплаченных счетов за купленный в рассрочку «бьюик», у которого три шины спущены и сломана коробка передач. После того как я прочитала о вас, я возблагодарила Бога.» Не правда ли, прелестное письмо?

Дерби. В самом деле.

Сильвия. Здесь есть постскриптум: «Пусть у вас

все будет хорошо, слышите?» *(Кладет письмо на стол.)* Нет ли письма из Вермонта?

Дерби. Вроде бы нет.

Сильвия. В прошлом месяце, во время того приступа малодушия, я написала письмо, которое сейчас кажется мне ужасно глупым и полным эгоизма. Я написала молодому доктору, о котором прочитала в «Женщине и доме». Мне так стыдно. Что он мне ответит и ответит ли вообще?

Глория. Что бы он мог такое написать?

Сильвия. Он мог бы рассказать мне о настоящих страданиях в нашем мире, о людях, которые не знают, где раздобыть следующий обед, о людях, настолько бедных, что они никогда не были у врача. Рассказать мне, окруженной нежностью, заботой и всеми новейшими научными чудесами.

Коридор, ведущий в комнату **Сильвии**. *На стене плакат: «Входить только с улыбкой!* **Франкенштейн** *и* **Литтл** *у двери.*

Литтл. Она там?

Франкенштейн. Та ее часть, которая не находится этажом ниже.

Литтл. Предписание об улыбке все выполня-

ют?

Франкенштейн. Это часть терапии. У нас комплексное лечение.

Глория *выходит из комнаты, плотно закрывает дверь и разражается шумными рыданиями.*

Франкенштейн *(с отвращением).* Распустила нюни. С чего бы вдруг?

Глория. Дайте ей умереть, доктор. Ради всего святого, дайте ей умереть!

Литтл. Это сиделка?

Франкенштейн. У нее слишком мало мозгов, чтобы быть сиделкой. Это паршивая косметичка. Получает сто долларов в неделю только за то, чтобы следить за лицом одной-единственной женщины. *(Глории)* Ты преувеличиваешь, красотка. Ставим на этом точку. Забирай свое жалованье и проваливай.

Глория. Но я же лучшая ее подруга!

Франкенштейн. Ничего себе подруга! Ты только что просила меня прикончить ее.

Глория. Я просила во имя милосердия.

Франкенштейн. Ты что, веришь в рай? Ты хотела бы послать ее прямиком туда за крылышками и арфой?

Глория. Я верю в ад. Я его видела. Он здесь, и это вы его изобрели.

Франкенштейн *(уязвленный, медлит, прежде чем ответить).* Господи… вот ведь что могут сказать…

Глория. Для того, кто ее любит, самое время сказать свое слово.

Франкенштейн. Любовь…

Глория. Да знаете ли вы, что это такое?

Франкенштейн. Любовь… *(Скорее сам себе, а не Глории.)* Есть ли у меня жена? Нет. Есть ли у меня любовница? Нет. За всю жизнь я любил только двух женщин — мать и эту вот женщину. Я только что окончил медицинскую школу, а мать умирала от рака. «Ладно, умник, — сказал я себе, — вот ты и свежеиспеченный доктор из Гейдельберга, посмотрим, как ты спасешь мать от смерти». Все говорили мне — брось, все равно ничего не сделаешь, а я сказал: «Наплевать. Что-нибудь да сделаю». И тогда все решили, что я свихнулся, и засадили меня в сумасшедший дом. Когда я вышел оттуда, она уже умерла, умники оказались правы. Только они не знали, какие чудеса может творить техника, и я тоже не знал, но я очень хотел узнать. Я поступил в Массачусеттский технологический. Шесть долгих лет

штудировал механику, химию и электронику. Я жил на чердаке, ел черствый хлеб и тот сыр, что кладут в мышеловки. Когда я кончил институт, я сказал себе: «Ну, парень, теперь ты наверняка единственный на земле человек с образованием, пригодным для медицины двадцатого века». Я пошел работать в клинику Керли в Бостоне. И вот к ним привезли эту женщину, которая была красива снаружи, а внутри у нее было черт знает что. Она напомнила мне мою мать, но у нее было пять сотен миллионов долларов от покойного мужа и никаких родственников. Всякие умники опять стали говорить: «Этой женщине суждено умереть». А я сказал им: «Заткнитесь и слушайте. Я скажу вам, что надо делать».

Тишина.

Литтл. М-да… Ну и история.

Франкенштейн. Это история про любовь. Любовная история *(Глории.)* Она началась за много лет до того, как ты, великий знаток любви, появилась на свет. И все еще продолжается.

Глория. Месяц назад она просила меня принести ей пистолет, чтобы застрелиться.

Франкенштейн. Ты думаешь, я не знаю? *(Тычет*

пальцем в Литтла.) Месяц назад она написала ему письмо: «Если только у вас есть сердце, доктор, принесите мне цианистого калия».

Литтл. Откуда вы знаете? Вы читаете ее письма?

Франкенштейн. А как иначе узнать, что она чувствует на самом деле? Она может и надуть, притворяясь, будто всем довольна. Я уже рассказывал о транзисторе, который сгорел месяц назад. Мы могли бы и не узнать об этом, если бы не ее письма, да разговоры с разными умственными ничтожествами вроде вот этой. Войдите к ней, оставайтесь там сколько угодно, спрашивайте о чем хотите. А потом вернитесь и скажите мне правду, эта женщина довольна или для нее здесь ад?

Литтл *(нерешительно).* Я…

Франкенштейн. Идите, идите же. У меня есть о чем поговорить с этой девицей, с Мисс Милосердной Убийцей. Я хотел бы показать ей тело, пролежавшее в гробу год-другой, пусть посмотрит, как симпатична смерть, которую она предлагает своей подруге.

Литтл *медлит, затем входит в комнату.* **Сильвия** *одна, лицом к окну.*

Сильвия. Кто там?

Литтл. Ваш друг, которому вы написали письмо.

Сильвия. Можно мне посмотреть на вас? *(Разглядывает его со все возрастающим интересом.)* Доктор Литтл, семейный врач из Вермонта…

Литтл. Как вы себя чувствуете сегодня, миссис Лавджой?

Сильвия. Вы принесли цианистый калий?

Литтл. Нет.

Сильвия. Сегодня я не стала бы его принимать. Такой прекрасный день! Я не хотела бы упустить его, и завтрашний день тоже. Вы приехали на белом коне?

Литтл. Нет, на голубом автомобиле.

Сильвия. А как же ваши пациенты, которым вы так необходимы?

Литтл. Другой доктор подменяет меня. Я взял недельный отпуск.

Сильвия. Надеюсь, не из-за меня?

Литтл. Нет.

Сильвия. Со мной все в порядке. Вы видите, в каких я чудесных руках.

Литтл. Вижу.

Сильвия. Другого врача мне и не нужно.

Литтл. Конечно.

Пауза.

Сильвия. Однако мне и в самом деле хотелось поговорить с кем-нибудь о смерти. Вы, должно быть, видели много смертей. И для некоторых она была облегчением, правда?

Литтл. Я слышал такие разговоры.

Сильвия. И можете подтвердить?

Литтл. Врач не должен так говорить, миссис Лавджой.

Сильвия. Почему же другие говорят, будто смерть иногда приносит облегчение?

Литтл. Это из-за боли. Из-за того, что больного нельзя вылечить ни за какие деньги — ни за какие деньги в пределах его возможностей. Или когда пациент живет, словно растение, не имея возможности вернуть себе разум.

Сильвия. За любую цену…

Литтл. Насколько я знаю, сейчас нет способа законно или незаконно достать искусственный разум для того, кто потерял свой. Если бы я спросил об этом доктора Франкенштейна, то он, по всей видимости, ответил бы мне, что вскоре и это будет возможно.

Сильвия. Вскоре будет возможно…

Литтл. Он говорил вам об этом?

Сильвия. Вчера я спросила его, что произойдет, если мой мозг откажет. Он невозмутимо сказал, что не следует беспокоить такую симпатичную головку такими мыслями. «Мы перейдем и через этот мост, когда дойдем до него» — так он сказал. (Пауза.) Боже, сколько мостов я уже перешла!

В кадре — комната с аппаратами. **Свифт** *за пультом управления. Входят* **Франкенштейн** *и* **Литтл**.

Франкенштейн. Вот вы и совершили ознакомительную экскурсию для повышения квалификации.

Литтл. И вновь могу сказать лишь то, что и вначале: «Бог ты мой… Бог ты мой!»

Франкенштейн. Наверное, нелегко будет после этого вернуться к аспириновой медицине.

Литтл. Нелегко. *(Пауза)* Что здесь самое дешевое?

Франкенштейн. Вон тот дурацкий насос.

Литтл. А почем сейчас сердце?

Франкенштейн. Примерно шестьдесят тысяч. Есть подешевле и подороже. Дешевые — барахло.

Но дорогие — это ювелирные изделия.

Литтл. И сколько же их продают в год?

Франкенштейн. Шестьсот, плюс-минус несколько.

Литтл. Плюс — это жизнь, минус — смерть.

Франкенштейн. Если сердце не в порядке, считайте, что вам еще повезло — у вас дешевый непорядок. *(Свифту.)* Том, усыпи ее, пусть доктор посмотрит, чем заканчивается у нас день.

Свифт. На двадцать минут раньше обычного?

Франкенштейн. А какая разница? Дадим ей поспать на двадцать минут больше, она проснется довольная и счастливая, только не полетел бы снова транзистор.

Литтл. Почему бы вам не поставить там телекамеру и наблюдать за ней на экране?

Франкенштейн. Она не захотела.

Литтл. Она что — сама выбирает, что ей нужно, а что нет?

Франкенштейн. Все это она выбрала сама. Да и зачем нам все время глядеть на ее физиономию? Мы можем посмотреть на приборы и узнать о ней больше, чем она сама знает. *(Свифту.)* Усыпи ее. Том.

Свифт *(Литтлу.)* Это все равно, что плавно остановить машину или остудить печку.

Франкенштейн. У Тома тоже дипломы инженера и медика.

Литтл. Вы устаете к концу дня, Том?

Свифт. Это приятная усталость, будто я долго-долго летел на самолете из Нью-Йорка в Гонолулу или куда-нибудь вроде этого. *(Берется за рычаг.)* Пожелаем миссис Лавджой счастливой посадки. *(Плавно опускает рычаг, аппаратура затихает.)* Вот так.

Литтл. Она заснула?

Франкенштейн. Как ребенок.

Свифт. Я подожду ночного дежурного.

Литтл. Ей кто-нибудь приносил оружие для самоубийства?

Франкенштейн. Нет. А если бы и принес, то без толку. Ее руки устроены так, что она не может направить пистолет на себя или поднести яд к губам. Это гениальная находка Тома.

Литтл. Поздравляю.

Тревожные звонки. Вспышки лампочек.

Франкенштейн. Кто-то вошел в ее комнату. Запри эту дверь, Том, — и кто бы там ни был, мы изловим его. *(Литтлу.)* Пошли со мной.

Комната **Сильвии**. **Сильвия** *спит, тихо похрапывая. Крадучись, входит* **Глория**. *Оглядывается достает из сумочки револьвер, проверяет его и прячет в корзине с вязанием. Она едва успевает сделать это, как в комнату входят* **Франкенштейн** *и* **Литтл**.

Франкенштейн. Что это значит?

Глория. Я оставила здесь часы. И я их взяла.

Франкенштейн. Я же говорил тебе, чтобы ноги твоей здесь больше не было.

Глория. И не будет.

Франкенштейн *(Литтлу).* Последите за ней. Я проверю, что-то здесь нечисто. *(Глории.)*. Представляешь себе суд за попытку убийства, а? *(В микрофон.)* Том, ты слышишь меня?

Голос Свифта из динамика. Слышу.

Франкенштейн. Разбуди ее. Надо устроить проверку.

Свифт. Ку-ка-реку.

Слышно, как постепенно включается аппаратура. Сильвия открывает глаза в приятном удивлении.

Сильвия *(Франкенштейну).* Доброе утро, Нор-

берт.

Франкенштейн. Как вы себя чувствуете?

Сильвия. Как и всегда поутру — прекрасно. Как будто я в море. Глория! Доброе утро!

Глория. Доброе утро.

Сильвия. Доктор Литтл! Вы остались еще на день?

Франкенштейн. Сейчас не утро. Через минуту мы снова вас усыпим.

Сильвия. Я заболела?

Франкенштейн. Не думаю.

Сильвия. Новая операция?

Франкенштейн. Успокойтесь, успокойтесь. *(Достает из кармана офтальмоскоп.).*

Сильвия. Как я могу успокоиться, когда думаю об операции?

Франкенштейн *(в микрофон).* Том, дай транквилизатор.

Голос Свифта. Пускаю.

Сильвия. Что мне теперь предстоит потерять? Уши? Волосы?

Франкенштейн. Через минуту вы успокоитесь.

Сильвия. Глаза? Мои глаза, Норберт, — они на очереди?

Франкенштейн *(Глории).* Видишь, что ты наделала, красотка? (*В микрофон.)* Где, черт подери,

транквилизатор?

Голос Свифта. Сейчас подействует.

Сильвия. Ну ладно, это неважно. *(Франкенштейн проверяет ее глаза.)* Все-таки глаза, да?

Франкенштейн. Ни глаза, ни что другое.

Сильвия. Чему быть, того не миновать.

Франкенштейн. Вы здоровы как лошадь.

Сильвия. Наверняка кто-нибудь выпускает хорошие глаза.

Франкенштейн. Фирма «Ар-Си-Эй» делает чертовски хорошие глаза, но мы пока перебьемся без них. (Отворачивается, удовлетворенный осмотром.) Здесь все в порядке. К счастью для тебя, красотка.

Сильвия. Мне очень нравится, когда мои друзья счастливы.

Голос Свифта. Может, усыпить ее?

Франкенштейн. Пока не надо. Хочу еще кое-что проверить.

Свифт. Вас понял.

Несколько *минут спустя.* **Литтл**, Глория и **Франкенштейн** *входят в комнату с аппаратурой.* **Свифт** *за пультом.*

Свифт. Ночной дежурный что-то запаздывает.

Франкенштейн. У него неприятности дома. Хотите хороший совет, молодой человек? Никогда не женитесь. *(Рассматривает прибор за прибором.)*

Глория *(в полном смятении от увиденного).* Боже… Что же это…

Литтл. Вы здесь никогда не были?

Глория. Нет.

Франкенштейн. Она великий специалист по волосам. А мы следим за всем остальным… Это еще что? *(Постукивает по прибору.)* Вот теперь другое дело.

Глория *(опустошенно).* Наука…

Франкенштейн. А как ты думала, на что это похоже?

Глория. Я боялась думать. Теперь я вижу почему.

Франкенштейн. Ты не очень-то в ладах с наукой, чтобы понять хоть что-то из увиденного.

Глория. В школе я два раза проваливала экзамен по географии.

Франкенштейн. А чему вас учили в парикмахерском училище?

Глория. Глупым вещам для глупых людей. Как наносить косметику. Как завивать и выпрямлять волосы. Как их стричь. Как красить ногти. На

руках и на ногах.

Франкенштейн. Не иначе как ты будешь рассказывать всем, какое безумство здесь творится.

Глория. Может быть.

Франкенштейн. У тебя не хватит мозгов и образования, чтобы сказать что-нибудь толковое о нашей операции. Так что же ты скажешь всему миру?

Глория. Не знаю… Может быть, просто, что…

Франкенштейн. Ну?

Глория. Что у вас тут голова мертвой женщины, подключенная к куче приборов, и вы развлекаетесь с ней весь день напролет, что вы неженаты и всякое такое и что кроме этого вы ничего не делаете.

Франкенштейн. Как ты смеешь называть ее мертвой? Она читает журналы! Она разговаривает! Она вяжет! Она пишет письма своим друзьям во всем мире!

Глория. Она похожа на механическую пифию в салоне игральных автоматов.

Франкенштейн. А я думал, ты ее любишь.

Глория. Несколько раз я замечала крошечную искру, отражающую ее настоящие чувства. Эта искра мне нравится. Многие говорят, что любят ее за смелость. Но чего стоит эта смелость, если

она подается по трубкам отсюда? Вы повернете несколько ручек, и она будет готова лететь в ракете на Луну. Но что вы тут ни делаете, искра появляется снова и снова и она говорит: «Ради бога, избавьте меня от всего этого!»

Франкенштейн *(взглянув на пульт).* Доктор Свифт, микрофон включен?

Свифт. Да.

Франкенштейн. Не выключай его. *(Глории.)* Она слышала все, что ты сказала. Как тебе это?

Глория. Она и сейчас меня слышит?

Франкенштейн. Поболтай, поболтай еще. Ты избавишь меня от многих хлопот. Во всяком случае, не нужно будет объяснять, почему я тебя выставляю отсюда.

Глория *(наклоняется к микрофону).* Миссис Лавджой?

Свифт. Она говорит: «Что, милая?»

Глория. В вашей корзинке для вязания, миссис Лавджой, лежит заряженный револьвер. На тот случай, если вы не захотите больше жить.

Франкенштейн *(ни капли не беспокоясь).* Круглая идиотка. Где ты достала пистолет?

Глория. В фирме заказов по почте. Они давали объявление в газетах.

Франкенштейн. Продают оружие спятившим

девчонкам.

Глория. Если бы я захотела, то могла бы заказать базуку. Полторы тысячи.

Франкенштейн. Я заберу твой пистолет, он будет главным вещественным доказательством на твоем процессе. *(Уходит.)*

Литтл *(Свифту.)* Вы можете усыпить пациентку?

Свифт. Она не в силах причинить себе вред.

Глория *(Литтлу.)* Что он имеет в виду?

Литтл. Ее руки устроены так, что она не может направить оружие на себя.

Глория. Даже об этом позаботились…

Комната **Сильвии**. *Входит* **Франкенштейн**. **Сильвия задумчиво держит револьвер.**

Франкенштейн. Хороши у вас игрушки.

Сильвия. Вы не должны сердиться на Глорию. Я просила ее об этом, Норберт. Я даже умоляла ее.

Франкенштейн. Месяц назад. Но сейчас все гораздо лучше.

Сильвия. Все, кроме искры.

Франкенштейн. Искры?

Сильвия. Той самой, которую любит Глория, крошечной искры, отражающей мои подлинные

чувства. Я всем довольна, но эта искра просит меня взять револьвер и выстрелить.

Франкенштейн. И что вы решили?

Сильвия. Я сделаю это. Прощайте. *(Безуспешно пытается направить револьвер на себя. Франкенштейн стоит, не вмешиваясь.)* Это не случайность, Норберт?

Франкенштейн. Мы тоже любим вас.

Сильвия. И сколько времени я смогу так прожить? Я никогда не смела об этом спрашивать.

Франкенштейн. Могу назвать наугад любую цифру.

Сильвия. Не знаю, надо ли. *(Пауза).* Ну и какую же цифру вы назовете?

Франкенштейн. Скажем пятьсот лет.

Тишина.

Сильвия. Значит, я буду жить еще долго-долго после того, как вас не станет.

Франкенштейн. Теперь самое время, дорогая Сильвия, рассказать вам кое-что из того, о чем я давно уже собираюсь вам рассказать. Каждый ваш искусственный орган способен служить двум людям, а не одному. Все трубки и провода рассчитаны так, что можно в два счета подключить

к ним второго человека. Понимаете, Сильвия? *(После паузы, страстно.)* Сильвия! Я буду этим вторым человеком. Наша свадьба не уступит лучшим романтическим историям прошлого. Ваши почки будут моими почками! Ваша печень будет моей печенью! Ваше сердце будет моим сердцем! Все ваше будем моим. Мы станем жить в такой совершенной гармонии, что сами боги будут рвать на себе волосы от зависти!

Сильвия. Вы этого хотите?

Франкенштейн. Больше всего на свете.

Сильвия. Что ж… Тогда получайте, Норберт. *(Разряжает в него револьвер.)*

Та же комната примерно полчаса спустя. На втором треножнике голова Франкенштейна. ***Сильвия и*** **Франкенштейн спят. Свифт и Литтл лихорадочно возятся с аппаратурой. По полу разбросаны инструменты.**

Свифт. Вот вроде бы все. *(Выпрямляется и оглядывается.)* Кажется, все.

Литтл *(смотрит на часы.)* Ровно двадцать восемь минут после первого выстрела.

Свифт. Хорошо, что вы оказались рядом.

Литтл. Честно говоря, вам было бы больше

пользы от водопроводчика.

Свифт *(в микрофон).* Чарли, у нас тут все готово. Как у тебя?

Голос из громкоговорителя. Все в порядке.

Свифт. Дай-ка им мартини.

В дверях появляется ошалевшая **Глория**.

Голос Чарли. Получили. Теперь будут витать в небесах.

Свифт. Погодите, я совсем забыл о проигрывателе. Когда это случится, говорил доктор Франкенштейн, я хотел бы слышать в момент пробуждения пластинку. Она здесь, вместе с другими, в простом белом конверте. *(Глории.)* Попробуй отыскать ее.

Глория *(идет к проигрывателю, находит пластинку).* Эта?

Свифт. Поставь ее.

Глория. С какой стороны? У нее одна сторона залеплена липкой лентой.

Свифт. Тогда поставь с другой. *(В микрофон.)* Приготовься разбудить пациентов.

Голос Чарли. Готов!

Играет пластинка, дуэт исполняет песню

«Сладкая загадка жизни».

Свифт. Буди их!

Франкенштейн и Сильвия просыпаются, преисполненные беспричинной радостью. Сонно прислушиваются к музыке, затем замечают друг друга, словно встретились давние и любимые друзья.

Сильвия. Привет.
Франкенштейн. Привет.
Сильвия. Как вы себя чувствуете?
Франкенштейн. Прекрасно. Просто прекрасно.

Перевел с английского А. Иншаков

№ 10

Айзек Азимов

Памяти отца

Невероятно! Неужели не слышали? Быть такого не может. Я думал, все знают. Ну, если вы настаиваете, я, конечно, расскажу. Мне самому эта история очень по душе, да только слушатели не всегда находятся. Представляете, мне даже посоветовали держать язык за зубами, потому что, говорят, мой рассказ не совпадает с легендами, которые слагают о моем отце. И все-таки правда дороже, не говоря уже о нравственности, верно? Иной раз тратишь время вроде бы на то, чтобы удовлетворить собственное любопытство, и вдруг совершенно неожиданно, безо всякого на то усилия, обнаруживаешь себя благодетелем человечества…

Мой отец был физиком-теоретиком, и, сколько я его помню, он вечно занимался проблемой путешествий во времени. Не думаю, чтобы он когда-нибудь задавался вопросом, что значат эти хронопутешествия для простого смертного. На мой взгляд, его просто интересовали математические связи, управляющие Вселенной.

Проголодались? Ну и прекрасно. Ждать придется не более получаса. Для такого гостя, как вы, все будет приготовлено наилучшим образом, это дело чести.

Отец был беден, что, собственно, немудрено для университетского профессора. Разбогател он случайно. В последние годы своей жизни он был так баснословно богат, что, можете не сомневаться, хватит и мне, и моим детям, и внукам, всем хватит.

В честь отца поставили несколько памятников. Самый старый — на холме, там, где было сделано открытие. Кстати, из окна он виден. Разобрали надпись? Вы не совсем удачно встали. Впрочем, неважно.

Так вот, когда отец занялся путешествиями во времени, почти все ученые эту затею отвергли как совершенно безнадежную. А началось все с того всплеска, когда впервые стали устанавливать хроноворонки.

Там вообще-то не на что смотреть, воронки эти совершенно вне логики и контроля. То, что вы увидите, искажено и зыбко: фута два в поперечнике и исчезает обычно в мгновенье ока. Настраиваться на прошлое, по моему разумению, — это вроде того, как следить за пушинкой в самый разгар урагана.

Некоторые пытались выудить что-нибудь из прошлого, проталкивая в воронку этакую же-

лезную кошку. Иногда, при особом упорстве, это получалось, но на секунды, не больше того. А чаще ничего не выходило. Из прошлого ничего не удавалось вытащить, до тех самых пор… Я еще скажу об этом.

И вот после пятидесяти лет бесплодных поисков физики потеряли всякий интерес к проблеме. Дело, казалось, зашло в тупик. Оглядываясь назад, я, честно говоря, не могу их винить, хотя кое-кто оспаривал даже самый факт проникновения воронок в прошлое. Это при том, что сквозь воронки случалось видеть и таких животных, которые давно вымерли.

Как бы то ни было, отец объявился тогда, когда про хронопутешествия успели забыть. Он убедил правительство выдать ему заем на постройку воронки и начал все сызнова. Я ему помогал. Был я тогда свежеиспеченным доктором физики. Год спустя или что-то около того наши совместные усилия обернулись серьезной неудачей. Отцу не хотели возобновить кредит: в университете решили, что он, исследователь-одиночка, да к тому же в совершенно безнадежной области, только подмачивает их репутацию, а промышленности и вовсе было безразлично. Декан, который смыслил только в финансах, вначале намекал, что,

мол, неплохо бы переключиться на что-либо более обнадеживающее, а кончил тем, что попросту вышвырнул его вон.

Конечно же, после смерти отца этот господин — он все еще здравствует и занимается своими расчетами — выглядел довольно глупо, так как отец в своем завещании отвалил факультету миллион долларов звонкой монетой, но заодно упомянул со злорадством, что из-за недальновидности декана отказывает в недвижимом имуществе. Это было похоже на посмертную месть. Но еще задолго до того…

Я не смею настаивать, но, пожалуй, лучше не есть больше соломки. Чтобы утолить острое чувство голода, достаточно чистого бульона, только ешьте не торопясь.

И все же мы как-то выкрутились. Отец забрал из университета купленное в кредит оборудование и установил его на этом самом месте.

Те годы были для нас очень нелегкими, и я упрашивал отца отступиться. Но он не сдавался и каждый раз ухитрялся добыть где-то недостающую тысячу.

Жизнь текла своим чередом, и ничто не могло

помешать его исследованиям. Умерла мать; отец пережил это и вернулся к работе. Я женился, у меня родился сын, а потом и дочь; я не мог уже, как прежде, заниматься только его делами. Он продолжал без меня. Как-то он сломал ногу, но даже в гипсе продолжал работать.

Да, я воздаю ему должное. Конечно, я помогал ему — вел переговоры с Вашингтоном, консультировался. Но душой предприятия был он.

Несмотря на все наши усилия, мы топтались на месте. Милостыню, которую мы насобирали, с таким же успехом можно было взять да и спустить в воронку — понятно, при условии, что она туда проскочит. Нам так и не удавалось пропихнуть туда кошку. Только один-единственный раз мы были близки к этому — протолкнули ее на два фута по ту сторону. И вдруг фокус изменился, видимость появилась ненадолго, и где-то там, в мезозое, мы разглядели самодельную железяку, ржавеющую на берегу реки.

Но в один день, поистине знаменательный, видимость продержалась десять долгих минут — поверьте, это шанс из миллиона. Боже мой! Мы ужасно волновались, в спешке устанавливая камеры. По ту сторону воронки появлялись, двигались и исчезали странные, загадочные

твари. А в довершение всего воронка оказалась настолько проницаемой, что, клянусь, между нами и прошлым не было уже ничего, кроме воздуха. Наверное, это было следствием долгой настройки, но мы тогда не могли этого доказать.

Как и следовало ожидать, в самый нужный момент кошки под руками не оказалось. Но проницаемость воронки, видимо, была уже вполне достаточной — что-то стремительно пролетело сквозь нее, двигаясь из прошлого в настоящее. Я рванулся инстинктивно и схватил это нечто.

В тот же момент видимость исчезла, но это нас уже не беспокоило. Мы с некоторой опаской уставились на то, что я держал в руках. Это был плотный ком ила, гладко срезанный в местах удара о края воронки, и на нем несколько яиц, похожих на утиные.

— Яйца динозавра! — закричал я. — Разве не так?

— Сразу не скажешь… — растерянно ответил отец.

— Пока из них кто-нибудь не вылупится, — выпалил я, плохо справляясь с внезапным волнением. Я укладывал яйца так, будто они были драгоценными. Они еще хранили тепло жаркого доисторического солнца.

— Если нам повезет, — сказал я, — мы станем обладателями тварей, которые жили сотни миллионов лет назад. Это же единственный случай, когда что-то действительно добыто из прошлого. Если объявить во всеуслышанье…

Я размечтался о рекламе и о возможных кредитах, представлял себе, какую мину скорчит декан… Но отец рассудил иначе.

— Никому ни слова! — твердо сказал он. — Если это обнаружится, десятки исследовательских групп выйдут на след и обставят меня. Объявляй как тебе вздумается, но только после того, как я разгадаю этот фокус с воронками. А пока надо молчать. Да не смотри ты на меня так, через год все будет в порядке!

Вся надежда была на яйца — они должны дать нам твердые доказательства. Я положил их в термостат, задал температуру и приладил сигнальное устройство — на тот случай, если будут хоть какие-нибудь признаки жизни.

Они вылупились через девятнадцать дней, в три часа ночи — четырнадцать крошечных кенгуру с зеленоватыми чешуйками, когтистыми задними лапками, маленькими пушистыми боками и тонкими, словно плеть, хвостиками.

Вначале я решил, что это тираннозавры, но

они оказались слишком маленькими. Месяц спустя стало ясно, что ростом они будут не больше собаки.

Отец казался разочарованным, но я не унывал и по-прежнему надеялся, что когда-нибудь возьму свое на рекламе. Двое из них погибли в юном возрасте, но остальные двенадцать выжили — пять самцов и семь самочек. Я кормил их рубленой морковью, вареными яйцами и молоком и очень к ним привязался. Были они чудовищно тупы, но ласковы. И поразительно красивы. Их чешуйки… Впрочем, надо ли описывать? Их фотографии довольно популярны.

Должен признать, что понадобилось — немало времени, прежде чем фотографии оказали должное впечатление на публику. Я не говорю о виде с натуры, так сказать. Что же касается отца, он был по-прежнему невозмутим. Прошел год, другой, третий, а от исследований все не было толку. Единственный прорыв не повторялся, но отец не отступал.

Пять самок тем временем отложили яйца, и вскоре у нас было уже с полсотни детенышей.

Генри, разве еще не готово? Ну, хорошо.

Так вот, это случилось, когда у нас вышли последние доллары, а добыть новые было невозможно. Куда только я не совался — всюду терпел неудачу. Правда, втайне я даже радовался этому — в надежде, что отец наконец-то сдастся. Но с выражением решительным и неумолимым он принимался за очередной эксперимент.

Честное слово, если бы не случайность, человечество лишилось бы одного из самых замечательных открытий. Знаете, как это бывает — Ремэен проводит по губам испачканным пальцем и открывает сахарин, Гудьир роняет смесь на плиту и раскрывает секрет вулканизации…

У нас было так: в лабораторию случайно забрел маленький динозавр. Они к тому времени так расплодились, что я не поспевал за ними углядеть.

Конечно, такое бывает не часто, может быть, раз в сто лет. Сами посудите: два контакта случайно оказались открытыми, и как раз между ними протиснулся динозавр. Короткое замыкание, яркая вспышка — и новенькая воронка, буквально на днях установленная, исчезла в потоке искр.

В тот момент мы не поняли всей важности происшедшего. Мы знали только одно: злосчастная тварь устроила замыкание и угробила установку

ценой в двести тысяч долларов. Мы были окончательно разорены, а взамен нам достался хорошо зажаренный динозавр. Нас только слегка опалило, зато он, бедняга, получил полную порцию электроэнергии. Мы сразу почувствовали это, такой аромат носился в воздухе. Я осторожно ткнул динозавра щипцами. Обугленная кожа от прикосновения сместилась, обнажив белую, как у цыпленка, сочную плоть. Я не удержался и попробовал. Это было потрясающе вкусно, мне и сейчас трудно передать словами то, что я тогда ощущал.

Даже не верится, но так оно и было: сидя у разбитого корыта, мы были на седьмом небе, когда уплетали динозавра за обе щеки. И не могли остановиться, пока не обглодали дочиста, хотя он не был даже приправлен. И только потом я сказал:

— Слушай, может будем разводить их для еды? Помногу и систематически!

Отец согласился, да и что ему оставалось делать: ведь мы были вконец разорены.

Вскоре я получил солидный заем — после того, как пригласил президента на обед и угостил его обещанным динозавром. С тех пор это срабатывало безукоризненно. Каждый, кто хоть раз попробовал то, что сейчас зовут динокурятиной,

не мог уже довольствоваться привычными блюдами. Невозможно и представить себе приличное меню без динокурятины — если, конечно, вы не погибаете с голоду. А единственные поставщики этого чуда во все рестораны — это мы.

Бедный отец! Никогда он не был счастлив, разве что в те незабываемые минуты, когда впервые попробовал динокурятину. Он все колдовал над своими воронками, а вслед за ним — добрый десяток исследовательских групп: как он предсказывал, так и случилось. Но никакого толку, за исключением динозавров, из этого и до сих пор не вышло.

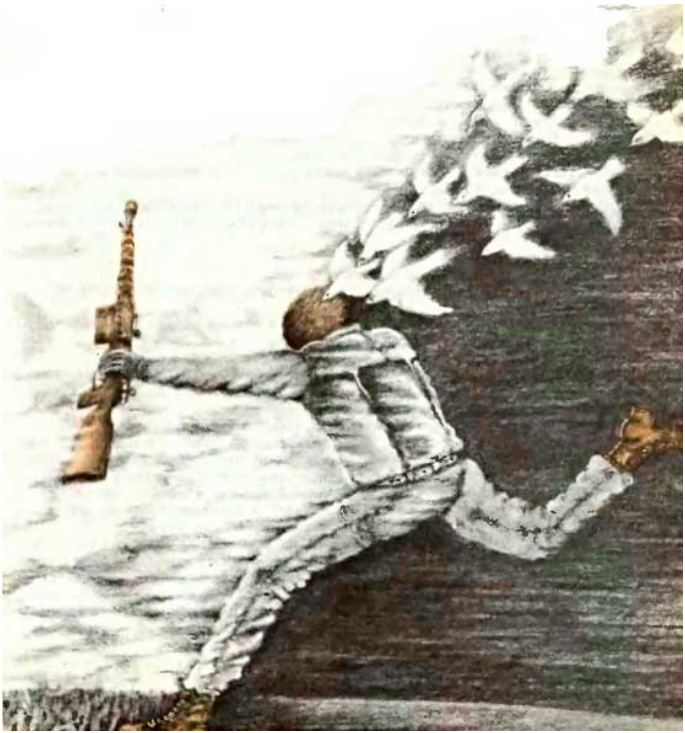
Благодарю вас, Пьер. Все сделано как нельзя лучше. А теперь, сэр, с вашего разрешения я ее разрежу. Нет, соли не нужно, только чуточку соуса. Ну, вот, наконец-то у вас на лице то самое выражение — как у человека, впервые познавшего блаженство!

Перевела с английского Римма Валиева

№ 11

В. Кантор

Пугач



— Звери здесь все невидимые, кроме птичек, пташек-канареечек, черт их побери!

Длинный малый с худым, темным лицом огляделся зло и сплюнул на траву, стараясь, чтоб плевок попал как можно дальше от его вытянутых ног. Зашаталась травинка. Сидевший неподалеку толстячок с пухлыми бледными щеками передернулся от отвращения, но постарался сделать вид, будто ничего не заметил. Он робел, и не хотелось ему ссориться, тем более что длинный заметно превосходил его шириною плеч.

Было жарко, солнце пробивалось сквозь листву и яркими пятнами ложилось на траву. Пахло нагретой землей. От мелких луж, оставшихся после вчерашнего дождя, подымался пар.

Толстяку было тоскливо и страшно. Положение, в котором он очутился, представлялось ему безвыходным. Никогда раньше не попадал он в такие переделки, во всю жизнь не попадал, да и не верил, что на их наезженной космической трассе что-либо может произойти. Но произошло все-таки, из-за пустячной, в сущности, неполадки, и вот, торопясь домой после затянувшейся сверх меры командировки, с подарками для жены и четырехлетнего сына, предвкушая уже радость встречи, он вынужден был приземлиться на незнакомой лесистой планете…

Собственно, не в планете дело, планета как раз

ему понравилась, и воздух годен для дыхания, и лес хорош настолько, что, за полчаса починив двигатель, он выбрался наружу размять ноги и глотнуть живого воздуха. И тут на дальнем краю опушки увидел чужую ракету, которую раньше, в торопливой ремонтной горячке, и не заметил. От нее тянулась нерасчищенная просека, словно деревья только что повалили. Он подошел к просеке, а потом… Потом он бежал все дальше и дальше в лес, прочь от опушки, потому что там самое опасное место. Это втолковывал ему на ходу длинный малый в космическом комбинезоне. И тащил за руку, подгонял. Сутки уже почти, как они плутают в лесу, и просто счастье, что долговязый перехватил его на полпути…

Длинный последний раз затянулся и щелчком отбросил сигарету. Был он небрит и неопрятен, комбинезон порван на груди, серебристые волокна жаростойкой ткани вылезли наружу. Ноги — от больших, с рубчатой подошвой башмаков до самых колен — в засохшей болотной грязи, длинный и не пытался ее счистить. Он сидел спиной к стволу дерева, вытянув ноги в тяжелых ботинках, и на коленях у него лежал карабин.

— Шевели мозгами, — сказал длинный. — Если мы не придумаем, как отсюда смыться, нам

конец. Понял?

Упала шишка. Они одновременно посмотрели вверх. По веткам прыгала маленькая розовая птичка, постукивала клювом о кору и, казалось, разглядывала их. Длинный поднял карабин.

— Прибью стерву!

— Зачем? — робко спросил толстяк.

— Затем! Ты что думаешь, она тут просто так? Наводчица она, понял? На, пальни сам, если хочешь.

— Нет, — поспешно, словно испугавшись такой возможности, ответил пухлощекий. — Разве обязательно чуть что, так стрелять?

— А ты думал? Оружие, приятель, не для красоты носят.

Птичка вспорхнула, зависла в воздухе на мгновенье, будто разглядывая их, и скрылась в густой кроне. Длинный опустил карабин и сказал раздраженно:

— Дело надо делать, а не языком молоть.

То, что этот малый готов стрелять по любому поводу, толстяк понял еще раньше, из ночных рассказов. Они лежали на мху, под низкими мокрыми ветвями большой ели — или, во всяком случае, чего-то очень похожего на ель, — и длинный рассказывал полушепотом: «Нас было

шестеро, мы все там работали по контракту, катались взад-вперед на паршивом грейдере три часа в день, а потом? Вина безалкогольные, охота запрещена. Скука, понял? А я мужчина! Вот мы и решили мотануть на эту гадскую планету, посмотреть, что здесь к чему».

При каждом шорохе длинный замолкал и напряженно сжимал карабин. Но все это были или порывы ветра, или тяжелые капли, которые гулко шлепались с хвои на влажную землю. «Их все равно не увидишь и не услышишь, зверей этих, — продолжал длинный в тишине. — Просто ты был, был, и вдруг тебя нет. Не видно, и все тут. А где-то, наверно, твои косточки хрустят. И, главное, куда стрелять — неясно. Мы сразу, как сели, шарахнули из лазерной пушки, чтобы дорогу расчистить и вообще для порядку. Просеку видел? Пальнули, сошли, и вдруг бац! — исчез наш бомбардир. Был и нету. Мы не сообразили сразу, что, понимаешь, происходит, пошли его искать. Идем, постреливаем для острастки, а вокруг ни души. И тут еще двое пропало…»

Он рассказывал, а толстяк щупал в кармане игрушечный пистолет-пугач, купленный для сына, и думал, что, если и вправду на них нападут, от него будет мало проку. Да и настоящим

пистолетом вряд ли сумел бы воспользоваться: слишком неповоротлив, слишком привык к мирной жизни…

Как ни странно, присутствие толстячка в чистеньком комбинезоне снова придало длинному духу. Когда пропали один за другим все его спутники, он как безумный бегал по лесу, не смея подойти к ракете: невидимые звери, казалось ему, караулят у входа. Люк был открыт, будто крышка капкана, и так тянуло, к смертельной приманке. Его последний дружок, пытаясь ворваться внутрь, стрелял в дверь на бегу разрывными пулями — и исчез. А потом на чертовом этом васильковом лугу опустилась ракета, из нее вылез человечек и направился к капкану как ни в чем не бывало…

— Насиделись, — длинный легко вскочил на ноги. — Надо двигать.

— Куда?

Язык плохо слушался толстяка, да и ноги тоже. Он только жалобно скривился, не двигаясь с места.

— Куда, куда… К твоей ракете, куда же еще!

— А как же эти…

— Кто эти?

— Звери.

Длинный быстро огляделся. Толстяк прав, звери могут быть везде. И здесь тоже. Так чего, спрашивается, ждать? Надо прорываться, пока есть попутчик.

— Хватит рассуждать. Вставай и потопали.

Толстяк покачал головой. Он сидел на траве, упираясь локтями в колени, и пугач во внутреннем кармане впивался ему в бок. Толстяк боялся шевельнуться. Он почти физически ощущал свое скорое исчезновение в чреве неведомого зверя, и его тошнило. Длинный навел на него карабин.

— Мне это раз плюнуть, понял?

Толстяк поднял голову. Дуло было черненькое, небольшое и страшное, но он все равно остался сидеть. Не все ли равно, думал он, где и как умирать? И все же отвел глаза, потому что очень уж безжизненной была темная дырка, набиравшая черноты от глубины ствола.

Очнулся он от удара башмаков в ребра, скорчился, перевернулся на бок. По щеке стекала изо рта струйка крови, голова гудела, но резкой боли не было — наверное, опрокинулся на мягкий мох у подножия дерева. Толстяк приоткрыл глаза и совсем рядом, возле лица, увидел большие башмаки с засохшей грязью. В их тяжелой неподвижности было что-то ужасное и безжалостное.

И никто не придет на помощь.

Длинный занес ногу для удара, но неожиданно поскользнулся на мокрой траве и грохнулся нескладно, боком, выронив карабин. А толстяк, увернувшись, с трудом встал на колени, потом на ноги, разогнулся и сунул руку во внутренний карман. Длинный потянулся было к карабину, но замер. Толстячок стоял в двух шагах, направив ему в лоб пистолет. Оказывается, он тоже малый не промах. На длинного пистолет направляли не впервой, и он знал — если сразу выстрела не было, то и не будет. И все же, и все же… Он напряженно следил за подрагивающей рукой. Хмырь не стрелял, кровь запеклась у него на щеке, и он свободной рукой пытался ее стереть. Если все образуется, с ним можно делать дела. Конечно, тем ребятам, что тут пропали, он и в подметки не годится, но выбора-то нет. Лишь бы не нажал на спусковой крючок. Я же его не убил. И не собирался, хотел только поучить малость. Моя промашка, не понял, с кем имею дело…

На голову ему посыпалась с дерева труха. Розовая птичка устроилась на ветке как раз над ним и по-прежнему долбила кору. Он судорожно дернулся, но поднять руку, чтобы стряхнуть с волос древесный мусор, не посмел. Толстячок заметил

это и немного опустил пистолет.

— Ты сильная личность, — сказал он. — А я нет. И это дает тебе право бить меня ногами. Но у меня есть оружие, и я пущу его в ход, если потребуется.

— Понял, — сказал длинный. — Не горячись. Мир.

Он стряхнул с головы труху и сел, скрестив ноги. Но к карабину уже не тянулся.

— Слушай, — обратился он к молчавшему толстяку. — Есть богатая идея. Точно, богатая.

Идея представилась ему удивительно простой и даже честной. Главное убедить толстяка, тогда они спасены. Раньше он что хотел? Запустить толстяка вперед и проверить, есть ли звери в ракете. Но теперь я сам пойду, подумал длинный. Пусть только даст пистолет. Не понимает он, что ли, остолоп непуганный, что нельзя здесь оставаться, сожрут бесследно. Как пить дать сожрут. И не заметишь, откуда подлезут.

Он и не подозревал, что спутник его уже решился. Надо возвращаться, чего бы это ни стоило. Домой. Туда, где его ждут. Риск велик, но бездействие еще хуже. Правда, как только он вспоминал о зверях, в груди делалось нехорошо; но вдруг они ушли? И бандюга этот вроде бы присмирел.

Вот тебе и пугач, и вправду пугач.

— Эй, парень, — снова начал длинный, — ты только послушай.

Он говорил медленно, осторожно подбирая слова, чтобы они звучали убедительно и не страшно.

— Я понял, в чем дело. Звери эти для нас невидимые, а сами-то, небось, видят. И оружие наше видят. И скрываются. Может, в воздух подымаются, может, еще куда. Мы стреляем, понимаешь, и все мимо, а они потом — бац! И будь здоров. А пистолет — это тебе не карабин и не автомат, с ним вплотную можно подойти, и прямо у дверей из кармана шарахнуть. Это верняк, только спокойно, не промазать.

Толстяк молчал.

— Эй, ты не думай, — заторопился длинный, боясь, что толстяк откажется. — Я первый с пистолетом пойду.

— Нет, — сказал толстяк. — Я сам. Только у меня с глушителем пистолет, выстрела можешь и не услышать.

— Понял.

Длинный вскочил на ноги, покосился на спутника.

— Карабин подбери, — разрешил тот.

Вечерело. Птицы попримолкли, но несколько пташек, свиристя, неотступно следовали за ними, перепархивали с дерева на дерево. И больше — ни живой души, до самой опушки, до васильково поля.

Ракета толстяка стояла совсем близко к деревьям, можно добежать одним рывком, если только хватит сил. Длинный остался ждать, а толстяк медленно пошел вперед, сжимая в кармане пугач. На рывок сил не осталось. «Пусть не будет зверей, — думал он. — Пусть их не будет. Не мог же я дать пугач этому малому, он бы сразу понял. Только бы не было зверей!»

Руки плохо слушались его, люк никак не хотел открываться. С трудом он откинул его и вошел внутрь. И внутри тоже никого не было. Никто не нападал. Оставив люк открытым, толстяк быстро прошел в рубку управления, захлопнул за собой дверь и прижался лицом к смотровому стеклу.

Он сразу увидел длинного. Озираясь, тот стоял на опушке, потом медленно пошел к ракете. Карабин наизготовке. Остановился. Побежал. Снова шагом. Васильки, растоптанные огромными ботинками, отмечали его путь. Опять побежал. В нескольких шагах от ракеты вскинул карабин и выстрелил вверх, вперед, вниз. Одна пуля чирк-

нула по обшивке. Длинный рванулся к люку.

Толстяк вышел из рубки, чтобы запереть люк. И обмер. Длинного не было.

— Эй, парень, где ты? — спросил он.

Никто не отозвался. Люк открыт, снаружи светло. Толстяк осторожно выглянул. Никого. Он вылез из ракеты и обошел ее кругом. Никого. Только птички посвистывают.

Он вернулся, не торопясь запер люк, прошел в рубку и запустил двигатель.

№ 12

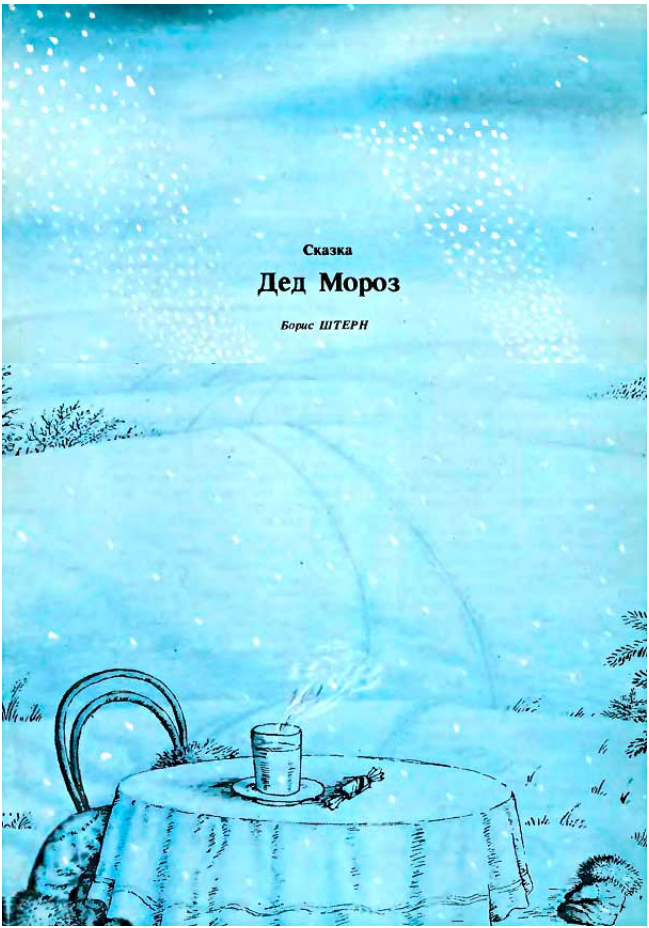
Борис Штерн

Дед Мороз

Сказка

Дед Мороз

Борис ШТЕРН



Начальник отдела дошкольных учреждений подошел к окну. Под окном стояло морозное 29 декабря и показывало начальнику кукиш. На улице ни души — город Верхнесеверск добывал предновогоднюю нефть.

Что делать, подумал начальник. Платить из государственного кармана? В принципе можно из государственного, хотя и беспринципно. Значит, два детских сада будут жаловаться; и справедливо.

Начальник опять выглянул в окно. Под окном стоял старик с седой бородой и, состроив из ладошки козырек, высматривал начальника.

Этому что надо?

Старик отлип от окна и потопал за угол к входной двери.

Если бы с улицы набрать, подумал начальник. Вот такого бы… а ведь он ко мне!

И верно: приоткрылась дверь, и в кабинет просунулась седая борода.

— Входите, входите! — засуетился начальник.

— У вас веника нету? — спросил старичок.

— Входите, и так грязно!

Старичок затопал ногами, снял шапку и принялся сбивать снег с пальто. Снег таял на полу, а начальник раздумывал, как бы поскорее соблаз-

нить старичка.

— Очень рад, — сказал начальник. — Давно вас поджидаю.

Старичок заморгал от удивления.

— Видите ли…

— Все вижу. Почтенный возраст… старикам у нас почет. Курите, если курите.

Старик поспешно достал кисет и начал крутить козью ножку.

— Где работаете, на буровой? — продолжал начальник, раздувая ноздри от давно позабытого запаха махорки. — Внуки устроены? Мы все для вас сделаем, разберемся, откликнемся. Но и вы нам помогите. Вы уважаете теперешнюю молодежь?

— Постольку-поскольку…

— Я с вами согласен. Вы не знаете ли Белохватского из драмтеатра? Плати ему, понимаешь, двойной тариф, иначе он Деда Мороза играть не будет. И других подбил! А у меня детские сады, вы понимаете?

— Я так понял, что вы предлагаете мне это… того…

— Нет… то есть да! Я еще не объяснил всей вашей выгоды. Возьмите два утренника, сегодня и завтра. Смотрите, какое у вас пальто. Воротник

истрепался, пуговицы разные… и шапка.

— Шапка как шапка, — расстроился старик.

— Вы не обижайтесь. Я хочу как лучше. Вот и теплые ботинки могли бы купить. Холодно в туфлях? Деньги сразу после утренника, я позабочусь. Реквизит наш… Эх, ничего не выйдет! Вы не успеете выучить роль.

— Что вы, мне не впервой! Я роль знаю, мне бы только повторить.

— Бывает же, — удивился начальник. — Вы, собственно, по какому делу?

— Я это… — забормотал старик. — За тем и пришел. В дед-морозы.

В детском саду беспокойно, родители недовольны. Почему утренник не начинается?

— Дед Мороз задержался, — успокаивает всех заведующая.

А вот и Дед Мороз. Он только что вошел, взгромоздил узел на детские шкафчики, отжимает бороду, оттаивает. Никто на него внимания не обращает, лишь одна старенькая уборщица догадалась и зовет заведующую. Родители рассаживаются в зале кто на чем, а заведующая ведет старика в кабинет.

Там он снимает пальто и остается в какой-то выцветшей униформе.

— М-да, — говорит заведующая. — Предупреждаю, что путевку подпишу после полного часа, а то в прошлом году один такой схитрил и скомкал весь утренник. Простыня с подарками в левом углу под окном. Борода у вас настоящая, не пойму? Скорее переодевайтесь, и в зал. Начинаем.

Старик снимает пиджак и надевает красный халат на ватине. Смотрит в зеркало. В халате застряли желтые елочные иголки от прошлогоднего утренника. Надевает красную шапку со звездочками, черные валенки с бумажными снежинками, красит помадой щеки и нос. Распушает бороду. Вдруг пугается, достает из кармана тетрадку, возводит глаза к потолку, шевелит губами.

Из зала доносятся звуки рояля.

— Дети, а кто должен к нам прийти? — спрашивает музыкальная руководительница.

— Дед Мороз… — нестройно отвечают дети.

— Верно! Позовем его! Де-ду-шка Мо-роз!

Старик выбегает из кабинета и мчится по коридору. Родители в дверях уступают ему дорогу.

— Де-ду-шка Мороз! — кричат дети.

— Слышу, слышу! — кричит старик. — Бегу!

Музрук начинает играть, старик начинает петь и входит в зал:

— Разыгралися метели, стонут сосны, стонут ели… — поет он и с ужасом вспоминает, что забыл в автобусе свой главный реквизит — толстую суковатую палку.

— Склеротик ненормальный, — говорит он и устремляется к выходу.

Родители смеются, музрук в ужасе. Она пытается спасти положение:

— Дедушка Мороз! Что случилось? Расскажи нам!

— Палку забыл в авто… ах, да, виноват. Дорогие дети, у меня большое несчастье! Злой серый волк украл мою волшебную палку. Что мне теперь делать?

Дети в недоумении. Музрук ищет взглядом уборщицу, та идет на кухню и налепляет на швабру кусочки ваты.

— Дедушка Мороз, разве ты не видишь, что мы для тебя приготовили? — ласково спрашивает музрук и злобно глядит на старика.

Тот все еще топчется посреди зала и наконец замечает елку.

— Ого-го, какая елка! — восторгается он. — Боже ж мой, какие игрушки, какие хлопушки!

Музрук закипает. Старик косится на нее и думает: «Зачем я бога приплел? Еще путевку не подпишут».

Пора усаживаться под елкой.

— Устал я, детки, — кряхтит старик. — Дорога была нелегкой, инфаркт дает себя знать. Сяду по елочкой, отдохну…

В этом старом новогоднем сценарии ему больше всего нравятся двадцать минут сидения под елкой.

— А где мой стул? — вдруг пугается старик.

Родители хохочут, музрук страшными глазами ищет уборщицу. Та приносит стул и красивую швабру:

— Вот, дедушка. Снегурочка тебе передала. Она эту палку у серого волка отняла. Садись, светик.

— Спасибо, бабуля, — шепчет старик. — Не знал, что и делать.

Наконец усаживается.

— Дедушка Мороз, — говорит музрук. — Послушай, какие стишки выучили дети специально для тебя. Вовочка!

«Елки-палки! — вспоминает старик. — Совсем забыл!»

Он вскакивает, грозно размахивая шваброй.

— Извини, Вовочка! Сейчас своей волшебной

палкой я зажгу лампочки на елке!

— Рано еще! — шипит музрук.

— Не волнуйся, голубка, пусть детишки порадуются. Раз-два-три, елка, зажгись!

Неудача. Через весь зал, скользя по мастике, мчится к розетке уборщица. Она кивает старику и, когда он, свалив вину на злополучного серого волка, опять кричит: «Елка, зажгись!», втыкает вилку в розетку.

Слышится треск, и детский сад ныряет во тьму.

— Пробки сгорели! — ахают родители.

— Это не пробки, — слышится голос многострадальной музыкальной руководительницы. — Это дедушка Мороз расскажет в стихах о своем путешествии.

Два знающих папы, зажигая спички, отправляются в коридор к пробкам.

— Почему в стихах? — возмущается в темноте старик. — Я точно помню, что не в стихах. Или в стихах?

Он нащупывает стул и пускается по течению:

— Какие уж тут стихи, детки! Тут стихами не передашь. Трудное было путешествие, должен вам сказать, малыши. Я вышел из леса, был сильный мороз. А я, хоть и Дед Мороз, но тоже живой человек. Не возвращаться же назад когда меня

ждут такие хорошие дети. И вдруг ко мне из-за елки выбегают мохнатые Волки. Садись, Айболит… ээ… Садись, Дед Мороз, верхом, мы тебя живо довезем. Если бы не эти добрые волки, тю-тю… не видать вам меня на елке!

Зажигается свет, старик едва успевает запахнуть халат. Музрук оцепенело глядит на клавиши.

— Продолжим утренник, — устало говорит старик. — Где там Вовочка?

— Я!

— Давай свое стихотворение.

— Села муха на варенье, вот и все стихотворенье.

— И все?

— Ага!

— Поаплодируем Вовочке! — кричит музрук. — Сейчас девочки-снежинки из младшей группы станцуют танец!

— …А сейчас станцуют мальчики-зайчики из средней группы!

— …А сейчас дедушка Мороз станцует… — музрук смотрит на старика. — Нет. Пусть лучше Коленька загадает дедушке Морозу загадку. Посмотрим, как он умеет отгадывать.

Наступает самое страшное для старика — отга-

дывание загадок.

Выходит Коленька и загадывает:

Он веселый и смешной.
Длинноносый, озорной,
В красной шапке на макушке,
А зовут его…

— Петрушка! — радостно кричит старик.

Коленька смотрит с недоумением, музрук готова разрыдаться.

— Нет, — говорит Коленька.

Старик удивлен. Он чувствует, что отгадал правильно.

— Петрушка, точно! Могу поспорить.

— Ты должен был сначала не угадать, — обижается Коленька. — Надо было сначала ответить «лягушка», потом «подушка», а потом уже ты должен был угадать.

— Непонятливый я, — сердится старик. — В следующий раз буду знать.

Утренник близится к концу.

— Дедушка Мороз, а что ты еще забыл? — спрашивает музыкальная руководительница.

— Не помню, что я забыл, — сердится старик.

На этот раз он действует по сценарию, хотя и не знает этого. Музрук счастлива:

— Дети, напомним дедушке Морозу, что он забыл! Хором:

— По-дар-ки! — кричат дети.

— Точно! — радуется старик. — Я добрый дедушка Мороз, я подарки вам принес! Они находятся в этом зале. Сейчас их отыщет моя волшебная палка.

Старик хорошо помнит, где спрятаны подарки. Он идет в правый угол, раздвигает родителей, но подарков не находит. Мчится в другой угол, в третий. В последнем четвертом углу у простыни с подарками сидит малолетний шкет и потрошит кулек.

— Идем, малыш, поможешь мне, — устало говорит старик.

В кабинете его ожидали насупленные заведующая и музрук.

— Вы сорвали нам утренник, — сказала заведующая. — Я вам путевку не подпишу.

— Но я провел утренник до конца, — робко возразил старик. — И потом, я ведь не специалист…

— Это не наше дело! — вспыхнула музрук и

разрыдалась.

В кабинет вошли две мамы.

— Мы из родительского комитета, — сказала одна мама. — Мы хотим поблагодарить Деда Мороза. Было очень весело, вы хороший артист. Разрешите от имени… — и мама сунула старику кулек с конфетами.

Когда делегация удалилась, музрук перестала рыдать и задумалась, а заведующая поколебалась и подписала путевку.

Старик переоделся и, как молодой, помчался в отдел дошкольных учреждений. Там его ожидал конверт с деньгами. Начальник пожал ему руку.

— Детские магазины до скольких открыты? — спросил старик.

— По-моему, уже все закрыто.

— Как? — опешил старик и заспешил в универмаг.

Оттуда он вышел радостный, с пакетиком подмышкой. Оставалось сделать еще два дела, а потом домой.

Он зашел в «Кулинарию», там было пусто.

— Все продано, закрываем, — сказал ему мясник, громко щелкая замком.

— Мне костей… килограммов пять… или лучше шесть, — попросил старик.

Мясник так удивился, что отложил замок и впридачу к костям нашел приличный мешок и немного мяса.

Старик очень благодарил.

И наконец, последнее дело. Но «Соки — вина» были уже закрыты.

Старик тихонько постучал.

— Закрыто уже! — взревела продавщица, но старик так скорбно промолчал, что она, ворча, вынесла ему стакан вермута, правда, содрала два рубля.

Вот и все.

Старик с легкой душой сел в автобус и поехал в самый дальний район Верхнесеверска. Ему уступили место, он сел у окна и прищурился в темноту. Потом он развернул пакетик и радовался, разглядывая розовую пуховую шапочку. Потом автобус опустел, а он все ехал; потом вермут закрыл ему очи, и он вздремнул; потом он съел конфетку из кулька и увидел, что автобус подъезжает к конечной остановке. Он развязал мешок, снял пальто и оделся Дедом Морозом.

Падал чудесный снег, было темновато, но старик легко находил дорогу. Он обошел последний дом, пересек огромный котлован, забитый сваями, и очутился на опушке леса.

Здесь он тихонько свистнул. К нему подбежали два матерых волка, запряженные в легкие сани.

— Как дела? — спросили волки.

— Нормально, — ответил старик.

— Принес что-нибудь?

Старик похлопал рукой по мешку. Волки принюхались и сказали:

— Нормально! Январь протянем.

Старик сел в сани, и видимость растаяла за пушистым снегом.

Ехал он лесотундрой к своей избушке часа два, чуть не замерз. Грелся у газовых факелов.

Его встречали Снегурочка, горячий чай и теплая постель.

Даже Деду Морозу нужно немного тепла.

1984

№ 1

В какую рубрику «Химии и жизни» можно бы поставить это: «Лицо трудно было различить, но глаза фосфоресцировали, а ноздри темнели...»? Наверное, «Земля и ее обитатели». А вот, похоже, для раздела «Технология и природа»: «По Парижу продолжают ездить машины на жидком топливе, замаскированные под электромобили. Имеющиеся у вас приборы позволяют легко выявить нарушителей». Между тем обе цитаты — из фантастических историй новогоднего толка.

По случаю Нового года принято печатать таинственные, назидательные, развлекательные и т. п. рассказы; теперь в их сюжеты все чаще проникают современные научные ноты. И впрямь, если уж привидение в старинном замке, то совсем не сверхъестественное, а, напротив, вполне материальное — просто еще один биологический вид, развивающийся по законам природы. А если празднование Нового года, то исключительно с синтетическими елками, с пластмассовыми подделками под старину и неведомым «дипсометром», распознающим семь степеней опьянения...

Оба рассказа, здесь напечатанные, написаны известными французскими прозаиками, в общем и целом отнюдь не

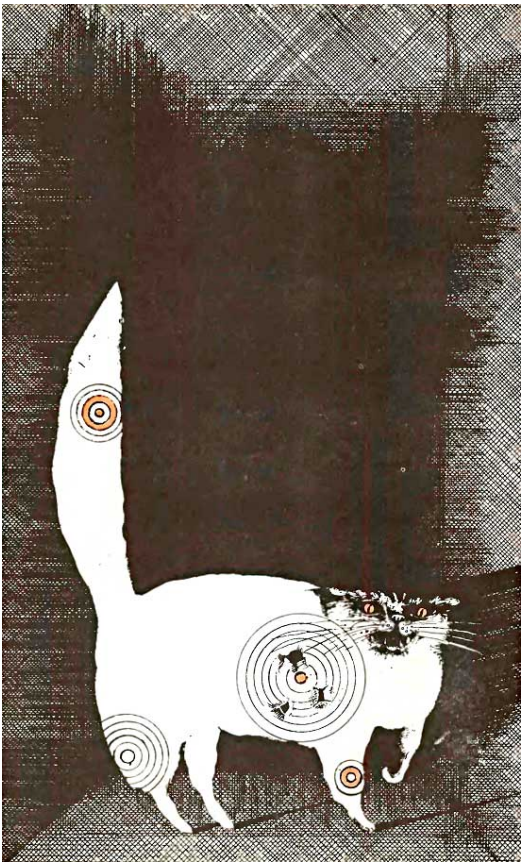
фантастами. Наверное, это характерно для нашего времени: писатели, далекие, казалось бы, от жанра научной фантастики, обращаются к нему, чтобы сказать то, о чем иначе, быть может, и не скажешь; в подтверждение упомянем Чингиза Айтматова и Джона Пристли.

Автор истории о смертных призраках — Анри Труайя (настоящее имя — Лев Тарасов), член Французской академии, писатель с мировой славой. Он хорошо известен у нас в стране, и вряд ли надо представлять его более подробно. А вот Борис Виан, написавший циркулярное письмо парижской префектуре — о том, как наводить порядок в канун XXI столетия, — на русский язык пока переводился мало (сейчас издательство «Художественная литература» выпускает его однотомник). Виан умер в 1959 г., и его фантастический рассказ, датированный концом века, на самом деле написан почти тридцать лет назад. К сожалению, за прошедшие годы человечество преодолело не все барьеры, и то, что прежде казалось шуткой, все более звучит как предупреждение — не только о порядках и нравах, но и о возможных последствиях технической цивилизации, включая наркотики в кондиционерах и загрязнение среды.

Впрочем, тут, быть может, мы сгущаем краски. В конце концов, новогодним историям не пристало быть излишне серьезными...

Анри Труайя

Странный случай с мистером Бредборо



Редакция «Женского Ералаша» послала меня взять у мистера Оливера Бредборо интервью по поводу его разрыва с лондонским обществом психических исследований и отставки с поста президента Клуба искателей призраков. Я знал его как автора статей об оккультизме и, будучи в этом деле новичком, полагал, что такой человек должен жить в старинном особняке, где стены украшены оленьими рогами, окна завешены тяжелыми портьерами, полы устланы медвежьими шкурами, а в невероятных размеров камине пылают огромные поленья.

Меня ожидало разочарование, от которого интервью неминуемо должно было пострадать. Мистер Бредборо жил в пансионе с табльдотом на Корт Филд Гардене. Дом как дом: фасад кремового цвета с парочкой колонн; в подъезде чисто, дорожка на лестнице, половицы в коридоре скрипят, освещение не хуже, чем в витрине магазина, только слегка пахнет кухней. Может быть, комната Оливера Бредборо обставлена в согласии с моим воображением? Я постучал в дверь с затаенной надеждой.

— Войдите!

Увы, действительность вновь обманула меня: обои в цветочках, стандартная мебель, стандарт-

ный газовый камин… Я почувствовал себя так, словно меня обокрали.

Хозяин комнаты поднялся мне навстречу.

— Мистер Бредборо?

— Он самый.

Это был кряжистый, несколько сутуловатый здоровяк. Загорелое лицо траппера, седые волосы, подстриженные ежиком, светло-голубые глаза, усы торчком, как у кота… Редакция предупредила его о цели визита. Он был явно польщен.

— Не думал, что столь серьезный вопрос может интересовать ваших читательниц, — сказал он, устремив на меня внимательный взор.

Французским языком мистер Бредборо владел в совершенстве. У него был низкий голос, и слова грохотали во рту, как булыжники.

Я что-то промямлил насчет высокого культурного уровня наших подписчиц. Он хихикнул.

— Ладно, садитесь. Виски? Вы парень ничего. Так что же вам надо?

Я чувствовал себя неуверенно: мистер Бредборо разочаровал меня, как и вся обстановка. Должно быть, на здоровье не жалуется, любит кровавый ростбиф, холодный душ по утрам, прогулки на свежем воздухе… Ничто в нем не выдавало, что он — завсегдатай астрального мира, водится с

призраками и укрощает вертящиеся столики. Все же я начал:

— Публика с удивлением узнала о том, что вы заявили об уходе с поста президента Клуба искателей призраков, и мне хотелось бы…

— Выяснить причины?

— Да.

— Дорогой мой, вы уже пятнадцатый журналист, задающий этот вопрос. Отвечу, как и вашим предшественникам. Но вы, как и они, не напечатаете того, что я вам расскажу.

— Уверяю вас…

— Не уверяйте, я знаю.

— Неужели такая страшная история?

— Не страшная, а странная. В высшей степени странная. Но сначала скажите, вы верите в призраков?

— Да… То есть… — замялся я.

— Врете. Но скоро поверите.

— Скоро?

— Как только выслушаете мой рассказ. До последнего времени я полностью разделял мнение членов нашего клуба о природе призраков. Бесплотные существа, общение с которыми доступно лишь тем, кто наделен особым даром, существа бессмертные, всеведущие и так далее.

Но после событий, о которых я вам поведаю, мои убеждения поколебались настолько, что я просто вынужден подать в отставку.

— Что же вы узнали?

— Что призраки смертны, как и мы с вами. Они живут, как и мы, но в мире, отличном от нашего; они умирают, как и мы, от старости, болезней и несчастных случаев, но тотчас же воплощаются в другие существа. Ничто не гибнет безвозвратно, ничто не возникает из ничего.

— Переселение душ?

— Вроде того.

— Но как же духи Наполеона и Юлия Цезаря, которых вызывают спириты?

— Шутки других духов! Духи Наполеона и Юлия Цезаря давным-давно скончались. Вернее, вселились в кого-нибудь, совершая кругооборот. А среди духов есть немало шутников, играющих на легковерии спиритов.

— Я поражен…

— И я был поражен, когда понял это. Слушайте же!

Мистер Бредборо понизил голос и, отведя глаза, вперил их куда-то в пространство.

— Месяца два тому назад мои друзья Уилкоксы пригласили меня на уикэнд в свой замок в

Шотландии…

Я вынул блокнот и карандаш.

— Не надо! Мой рассказ настолько необычен, что вы запомните все и без записи. Замок Уилкоксов стоит на вершине голого каменистого холма, вечно окутанного туманом. Его не реставрировали, как почти все шотландские замки, и он подставлял всем ветрам свой дряхлый фасад с узкими стрельчатыми окнами, массивными башнями и зубцами, увитыми плющом. Впрочем, мои друзья жили в южном крыле, переустроенном по их вкусу: скрытые светильники, двери на роликах, современная мебель, похожая на ящики… Комнатами для гостей — а они расположены в северном крыле — пользовались редко. Как только я приехал, мне объявили, что в комнате, предназначенной для меня, появляется призрак. Не стеснит ли это меня? Не предпочту ли я ночевать в гостиной? Я наотрез отказался.

Мы провели весь день в прогулках и беседах на сугубо земные темы. В одиннадцать часов вечера Джон Уилкокс предложил проводить меня в мою комнату. Так как в этой части замка электричества нет, он вручил мне три свечи и коробку спичек, взял подсвечник с горящей свечой, и мы двинулись длинным коридором, стены которо-

го были увешаны потемневшими от времени картинами и рыцарскими доспехами. Каменные плиты пола гулко отражали звуки наших шагов. Слабый свет свечи падал то на чье-то бледное лицо, склоненное над молитвенником, то на блестящее лезвие шпаги, и эхо, казалось, шло нам навстречу.

Доведя меня до двери, Уилкокс пожелал мне доброй ночи и удалился. Желтоватое пламя свечи окружало его словно ореолом. Я остался один…

— Наверное вы очень волновались?

Мистер Оливер Бредборо отхлебнул виски и отрицательно покачал головой.

— Нисколько. Я давно привык к уединению и к призракам. Все вы делаете одну и ту же ошибку: вы их боитесь.

А бояться совершенно нечего, надо привыкнуть к этим явлениям природы, как привыкают к молниям, к блуждающим огням, к насморку. Здравый смысл должен быть превыше всех суеверий!

Но вернемся к тому вечеру. Я вошел в комнату. Высокий потолок, кровать с балдахином, массивная мебель, слабый запах переспелых яблок. Внизу, под окном, темнел ров, которым опоясан замок. Звериные шкуры и лохмотья, бывшие некогда штандартами, прикрывали

стены. Царило могильное молчание, лишь изредка раздавался крысиный писк или доносился крик ночной птицы. Я вставил свечу в канделябр и начал раздеваться. На кресло возле кровати положил револьвер, а рядом — фотопистолет своего изобретения, которым еще ни разу не пользовался; с его помощью я рассчитывал сфотографировать призрака при яркой вспышке, доказав тем самым его существование. У пистолета оказались и другие свойства, но об этом я тогда не знал. Минут через десять я лег на отсыревшие простыни, и сон быстро одолел меня.

Как долго я спал? Не знаю. Меня разбудили яростные завывания ветра и стук дождевых капель о стекло. Я открыл глаза. Вспышки молнии то и дело озаряли комнату, вырывая из мрака отдельные предметы. Сквозь шум ливня и ветра я различал и какой-то другой звук, что-то вроде пощелкивания пальцами или постукивания клювом о стекло: тук-тук! Затем раздалось визгливое, протяжное мяуканье, будто где-то поблизости рожала кошка. Мне показалось, что от окна исходит слабое свечение. Оно трепетало, приобретая постепенно неясные очертания, и наконец превратилось в высокую белую фигуру, прозрачную, как хвосты китайских рыбок. Лицо трудно было

различить, но глаза фосфоресцировали, а ноздри темнели.

Мистер Бредборо сделал паузу, чтобы насладиться моим удивлением. У меня и в мыслях не было записывать его слова — затаив дыхание, я внимал поразительному рассказу.

— Что же вы сделали?

— То, что сделал бы каждый на моем месте: стал ждать, что будет дальше. Призрак принялся бродить по комнате, постукивая по стенам костяшками пальцев: тук-тук! тук-тук! Пожал смутно видными, будто в тумане, плечами и, приблизившись к двери, прошел сквозь нее, впитался, как клякса в промокашку.

Я вскочил с кровати, схватил револьвер и фотопистолет и бросился вслед за духом. В коридоре светились следы. Босиком, на цыпочках, я двинулся по ним в надежде настичь духа и убедить его покинуть замок, чтобы не причинять беспокойства моим друзьям. Он убегал молча; в лицо мне веял разреженный будто в горах воздух. Когда я почти настиг его и громко закричал «Стой! Стой!», произошло нечто ужасное: призрак обернулся, и вокруг него заполыхали зеленые искры гнева! Он поднял над головой длинные руки, простер их ко мне, и внезапно шпага, висевшая

до того на стене, упала к моим ногам, едва меня не поранив. Вслед за тем массивный щит задел мое плечо и с грохотом покатился по плитам коридора.

Я прижался к стене и заорал: «Что вы делаете? Я не желаю вам зла!» В ответ просвистела стрела и вонзилась в стену, вибрируя в считанных сантиметрах от моей щеки. В панике я выхватил револьвер и нажал курок. Вслед за громким выстрелом послышался дребезжащий смех. Призрак подбрасывал на светящейся ладони маленькую темную пулю. Тотчас вторая стрела разорвала рукав моей пижамы. Тогда я непроизвольным движением нажал на спуск фотопистолета; сам не знаю, как это пришло мне в голову. Раздался щелчок, яркая вспышка озарила мрак коридора, а затем наступила тишина. Я успел заметить, как подогнулись слабо светившиеся колени призрака. Он рухнул на плиты и остался недвижим. Мужской голос, задыхающийся, без всякой интонации, доносился как бы издалека: «Я ранен!».

Я рванулся к своей жертве. «Я ранен! — повторил голос. — Ваше оружие смертельно для меня». — «Откуда мне было знать…» — пробормотал я. — «Но я-то знал, вернее, предчувствовал. И поэтому бежал, увидев этот пистолет на вашем

кресле. И защищался, когда вы преследовали меня. Теперь уже поздно…» — «Но разве духи умирают?» Он покачал смутно очерченной головой. Пятнышки ноздрей стали шире, зрачки поблескивали, словно два светлячка. — «Увы, мы так же смертны, как и вы», — простонал он.

И я стал свидетелем небывалого, потрясающего, непостижимого зрелища: смерти призрака.

Из груди, на которой он скрестил руки, вырывалось прерывистое дыхание, но губы оставались невидимыми. Его тело, неплотный сгусток субстанции, материализованной лишь частично, порою резко вздрагивало.

— О, как я страдаю! Нет, вы не виноваты, вы же не знали, не могли знать. Как больно! И я боюсь, боюсь будущего. В какое существо я перейду? Дайте вашу руку!

Его холодные, светящиеся пальцы коснулись моей ладони.

— Кто вы? — спросил я.

— Неважно. Призрак, каких много.

— Могу ли я что-нибудь сделать для вас?

— Останьтесь со мной. Я чувствую, что умираю. В меня проникает иная жизнь… Это ужасно! Моя душа вселяется в чуждое мне тело, я как бы между двумя мирами… Не хочу умирать, я так молод. Я

многого не успел узнать. Хочу…

Свет, испускаемый призраком, стал медленно угасать, мерцая. Голос был еле слышен.

— Нет, лучше исчезнуть. Довольно страданий! Я покину свою оболочку, так надоевшую мне, я узнаю мир. Прощайте…

Пробормотав это, призрак содрогнулся в последний раз. Я склонился над ним, но увидел только каменные плиты. Его рука растаяла в моей, как тают снежные хлопья. Все было кончено.

Некоторое время я стоял там, потрясенный до глубины души. Затем вернулся в комнату, открыл окно и выбросил в ров револьвер и фотопистолет. В углу послышалось мяуканье: в мое отсутствие кошка произвела на свет черных котят. Они копошились, сбившись в кучку, и тихо пищали. Дождь перестал лить, ветер утих; лишь ветви деревьев за окном продолжали ронять капли.

На другое утро я покинул замок. А еще через день подал в отставку.

Мистер Бредборо умолк. Я не мог отвести глаз от этого здоровяка с румянцем во всю щеку, вернувшегося из потустороннего мира так спокойно, будто он побывал в бане.

— Какая замечательная история, — промямлил я. И тут же вздрогнул, услышав мяуканье. Выгнув

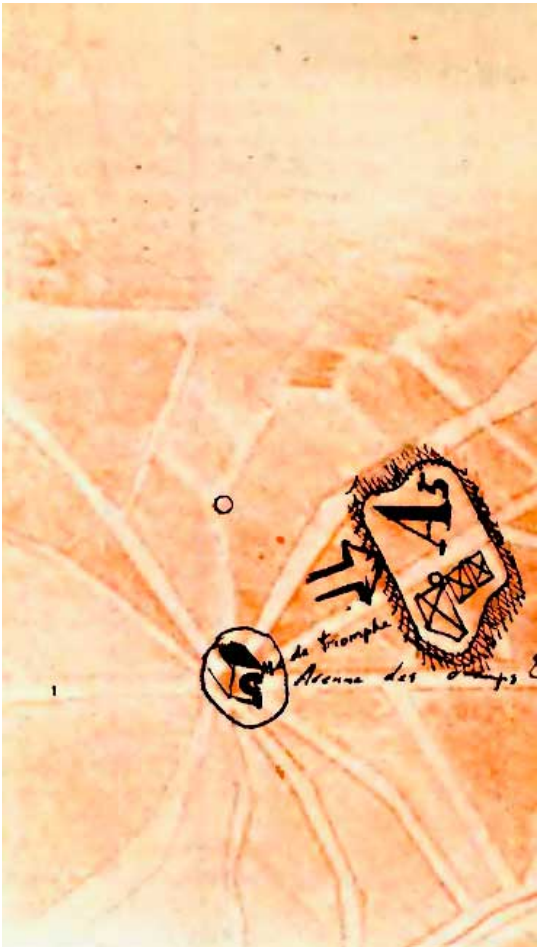
спину, мягко ступая кривыми лапками, ко мне приближался черный кот. Его зрачки блестели, как драгоценные камни.

— Я взял одного, — сказал мистер Бредборо. — Почем знать… Его зовут Тук-тук.

Перевел Валентин Дмитриев

Борис Виан

Париж, 15 декабря 1999…


de Triomphe
Avenue des

Префектура Сены

От главного инженере Бориса Виана,

комиссара Старого Парижа

Вы наверняка и сами знаете, что через две недели с хвостиком мы, пусть и не без труда, дотопаем до конца двадцатого столетия.

По случаю этой даты, как ни произвольна точка, от которой она отсчитана, прошу вас сделать все необходимое, чтобы существенно улучшить как вид столицы, так и жизнь в ней.

I. АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ЗДАНИЯ

[дополнение к письму от 10.03.99]

Согласно моему мартовскому письму, вам надлежит завершить переселение административных служб. Особо напоминаю, что:

А

Те сотрудники полицейских и судебных органов, которые еще остаются в зданиях на набережных Сены и по бульвару Пале-Рояль, должны освободить все занимаемые ими помещения. Для

проведения внутреннего и наружного ремонта вышеупомянутых зданий вам следует связаться с мсье Ксантцем, директором отеля «Георг V». По условиям нашего соглашения с этим господином, все парижские дома, имеющие историческое значение, постепенно превращаются в отели класса семь звездочек (туристические экстравысшей категории, минимальная стоимость номера сто долларов в день, эквивалент миллиона наших теперешних дерьмовых франков). Мебель, где только возможно, должна соответствовать эпохе здания. Если мебели не хватит, фабрики пластмассовых изделий в Бурже поставят нам в кратчайшие сроки неотличимую от оригинала копию любого экспоната Национального музея мебели.

Последние служащие Консьержери[19] переводятся в Блуа, в Национальный центр тихой полиции.

Завершить все до 1.01.2000.

B

Плавательный бассейн у Триумфальной Арки открыть вновь как можно скорее, а солярий над ним с такой же скоростью спрятать под крышу.

---

[19] notes: 19
Тюрьма в Париже.

Несколько зданий до сих пор заняты сотрудниками «Радиотеледиффюзьон франсэз». Эти здания надлежит взорвать в течение ближайших восьми часов, потому что, как показывает опыт, вышеназванных лиц можно удалить только таким путем. Останки отправить в крематорий, освободившееся место преобразовать по типу А-5 (кусты-цветы-овощи).

Это вроде бы последние из мартовских указаний, по сей день не выполненные. Сделать молниеносно!

II. ДОРОГИ И ТРАНСПОРТ

А

Лук-порей на улице Опера так разросся, что представляет опасность для прохожих. Обрезать до высоты 3 метра 25 сантиметров. Не позднее 30.12.99.

В

Все 1130 движущихся пешеходных тротуаров вдоль главных транспортных магистралей покрасить в светло-желтый цвет, потому что он мне нравится.

Обращаю ваше внимание на то, что упомянутые тротуары уже введены в действие, но подарок

от фирмы мне до сих пор не доставлен, от так и торчит около их конторы. А поскольку вы все равно бездельничаете… Не позднее 24.12.99.

С

Как вам известно, в нарушение моего запрета аж от мая 91 года, по Парижу продолжают ездить машины на жидком топливе, замаскированные под электромобили. Имеющиеся у вас приборы позволяют легко выявить нарушителей. Нет нужды указывать на опасность, которую представляют для всех шестисот тысяч парижан выхлопные газы этих тридцати четырех — число установлено достоверно — автомобилей с бензиновыми моторами.

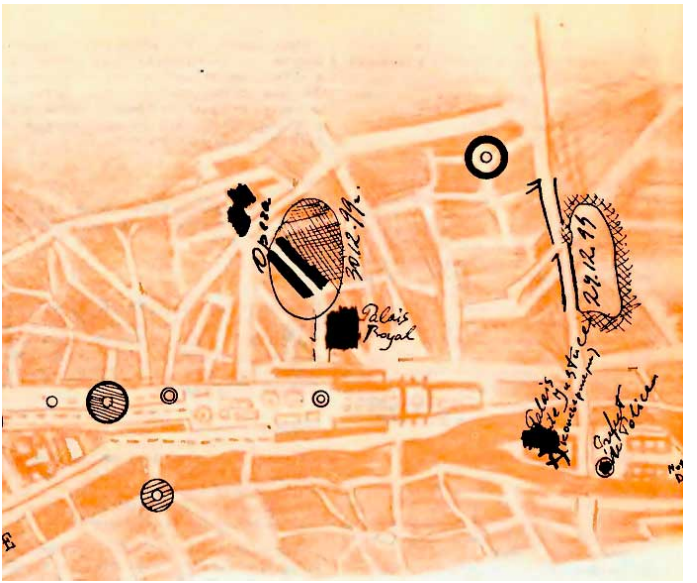
Что касается четырехсот тысяч кресел-колясок на электрическом ходу, то позаботьтесь, чтобы их тоже перекрасили в желтый цвет. Не позднее 24.12.99.

III. КЛИМАТ, ТЕМПЕРАТУРА

На новогоднюю ночь соизвольте приостановить снегоуловитель, чтобы дать возможность ветру, который вы создадите на этот случай, пронести над столицей ровно половину всех облаков, производимых горнодобывающей про-

мышленностью. Оживление в небе наверняка порадует празднующих и даст им повод хоть раз посмотреть вверх — ничего страшного с ними от этого не случится.

Установите температуру воздуха минус пять по Цельсию, чтобы снег падал в благоприятных условиях и не превращался в слякоть. Область означенной температуры желательно ограничить в высоту шестьюстами метрами. Предусмотренное похолодание неизбежно будет нарушено снегопадом, однако движение облаков не должно, пострадать ни в коем случае. Выпутывайтесь как можете, но чтоб снег и облака были!



IV. ПОЛИЦИЯ

Напоминаю вам о необходимости:

на месте применять эвтаназию к тем, в руках у кого (встречаются еще такие) обнаружат не синтетическую, а натуральную елку;

немедленно промывать желудок каждому, чье дыхание покажет на дипсометре Рикара седьмую степень опьянения;

допрашивать, соблюдая меры предосторожности, всех вооруженных автоматами детей в возрасте от трех до пяти лет, проверять документы взрослых (от семи до пятнадцати) и стариков (старше пятнадцати).

Проследите, чтобы владельцы кондиционеров не закладывали туда наркотики в количествах сверх того, что установлено Законом о праздничных днях. Злоупотребления отмечаются каждый Новый год, и я хочу, чтобы это наконец прекратилось. Извольте захотеть того же.

ШУМ

Разумеется, полиция будет бросать гранаты в любое окно, откуда послышится хотя бы малейший шум.

РЕЛИГИЯ

Хотя нашей официальной религией остается коржибскизм, к католикам проявляется терпи-

мость — если только не будет петь мерзкий отец Дюран. Если он все-таки будет петь, стреляйте в толпу, и чтобы раненых не оставалось!

ИГРУШКИ

По-прежнему категорически запрещены:

атомные бомбы,
водородные бомбы,
лунные ракеты для детей,
танки весом более шести тонн.

Разрешаются ножи с лезвием не длиннее 60 см, дубины, кастеты, револьверы калибра 9 мм и другое стрелковое оружие. Если потребуется, тактично регулируйте количество.

Ясно, что очень многое я забыл или пропустил. Если до 18 часов завтрашнего дня вы не заполните пробелы, я вас выключу.

Запомните, что роботы не спорят.

Главный инженер,

комиссар Старого Парижа

Борис Виан

Перевел Ростислав Рыбкин

№ 3

Кир Булычёв

Копилка

Фантастика

Копилка

Кир БУЛЫЧЕВ

Моральные нормы в разных концах Галактики различны, а соблазны, порожденные наукой, велики. Попробуйте поставить себя на место существа, с вашей точки зрения, безнравственного: как бы вы повели себя на его безнравственном месте? Вот, скажем, поступок Миши Стендаля — он понятен для жителей города Великий Гусляр, но будет ли одобрен на отдаленной планете? И не вызовет ли ответных мер?

Миша Стендаль сидел в городском сквере у центральной площади и ждал автобуса, на котором должна была приехать из Вологды Шурочка Родионова. Автобус опаздывал, и розы, купленные у тетки Ариадны, уже повяли. Было жарко. Шел третий час дня.

Когда пришелец из космоса проходил мимо скамейки, Стендаль не сразу сообразил, что это пришелец, так убедительно он был замаскирован под человека.

Но тут Миша увидел копилку.

Пришелец прижимал ее левой рукой к боку, как толкатель прижимает ядро, входя в сектор. Это был шар, покрашенный в красный и желтый цвета таким образом, что мог сойти издали за большое яблоко.

— Разрешите? — спросил пришелец у Стен-

даля.

— Пожалуйста.

Пришелец сел рядом, положил копилку на колени и прикрыл ее ладонями. С минуту он молчал, глядя на колокольню и ворон над ней, затем обернулся к Стендалю и сказал:

— Автобус опаздывает. Будет через час.

Природа обделила его вопросительной интонацией.

— Как вы узнали? — спросил Стендаль.

— Знаю.

Теперь у Стендаля не оставалось сомнений, что перед ним пришелец из космоса.

— Издалека к нам прилетели?

Жители других городов удивляются обыденности гуслярской реакции на пришельцев. А что удивляться — привыкли, вот и все.

— Имя моей планеты ничего вам не скажет.

Стендаль кивнул, соглашаясь с пришельцем.

— Вы хорошо говорите по-русски, — отметил он.

— Прошел курс обучения. А сейчас мы теряем время.

— Но мы не можем поторопить автобус.

— Но можем поторопить время.

Стендаль сдержал улыбку.

Пришелец поглядел на него в упор. Глаза у него были темные, скучные, настойчивые.

— Люди, — сказал он с осуждением, — враги времени. Они выбрасывают его, терзают, убивают и топчут.

— С вами трудно спорить, — вежливо ответил Стендаль, поглядывая направо, откуда должен был показаться автобус.

— Уже час вы ничего не делаете, — сказал пришелец, — а ждете автобус, который в данный момент меняет спущенный баллон в сорока километрах от вашего города. Я могу вам помочь. Я возьму у вас лишнее время.

— И что произойдет?

— Приедет автобус. Вы встретите свою возлюбленную. А я положу час времени в этот аккумулятор.

Пришелец приподнял ладони, чтобы Стендаль мог получше рассмотреть копилку.

— Никель-кадмиевый? — спросил Миша, проявляя некоторое знакомство с научно-популярной литературой.

— Нет, стеклянно-оловянный, — ответил пришелец серьезно. — Но с двойным деревянным микросепаратором. Уникальная вещь.

— Понятно, — сказал Стендаль, потому что

ничего не понял. — Но зачем вам время?

Он сразу поверил пришельцу, однако принцип аккумуляции времени был для него нов.

— Время — самая большая ценность во Вселенной. От его недостатка гибнут цивилизации. Я агент по сбору времени. То, что не нужно вам, в ином месте стоит бешеных денег.

Говоря так, пришелец вытащил из кармана серебряный проводок, один конец которого он прикрепил к копилке, а второй, с иголкой на конце, протянул к руке Стендаля.

— Больно не будет, — сказал пришелец. — Только дотроньтесь до конца проводка, и время, которое для вас лишнее, перейдет в мою копилку.

Жара не спадала, автобус опаздывал. Стендаль протянул руку. Правда, оставалась опасность, что пришельцу нужно не время, а, допустим, кровь Стендаля, но вероятность ее была очень мала: среди высокоразвитых цивилизаций, которые посылали корабли к Земле, изуверы еще не встречались.

Стендаль ощутил легкий укол, за которым последовал негромкий щелчок в голове.

— Спасибо, — сказал пришелец, — Надеюсь, мы еще увидимся.

Он сунул проводок в карман и поднялся. Миша вежливо наклонил голову и увидел, что тени на земле стали длиннее. Он поднял голову — кучевые облака, которые висели посреди неба, куда-то исчезли. Стендаль не успел обдумать это, потому что справа из-за угла показался пыльный, усталый автобус. Надо бы поблагодарить пришельца, — подумал Стендаль, но того не было видно: наверное, охотился за другими бездельниками. А может, и не надо благодарить, потому что автобус, конечно же, приехал сам по себе. А пришелец ничем не отличался от тех надоедливых гостей из космоса, которые то и дело возникали в Великом Гусляре со своими блокнотами и магнитофонами, чтобы проводить психологические исследования землян.

Шурочка была рада тому, что Стендаль ждет ее. Стендаль сказал:

— Прости, что цветы завяли. Жарко очень.

— Ничего, — сказала Шурочка. — Я их в воду поставлю. Мы бы не опоздали, если бы не этот баллон.

— Какой баллон?

— Ну колесо. Целый час меняли, если не больше.

Стендаль посмотрел на часы: начало пятого.

Правда, не исключено, что он задремал на скамейке. И все же ему захотелось еще раз встретиться с пришельцем. Если тот не лжет, в Великом Гусляре он найдет золотую жилу.

Вечером, проводив Шурочку из кино, Стендаль столкнулся на улице с Корнелием Удаловым, начальником стройконторы. Тот спешил.

— Миша, — сказал он, — как насчет субботней рыбалки?

— До субботы еще дожить надо, — ответил Стендаль. — Пять дней.

— Если не меньше, — загадочно сказал Удалов и поспешил дальше.

— Я вас провожу! — крикнул Стендаль вдогонку.

— Не стоит.

— Почему?

— Личная встреча.

И тогда Стендаль задал вопрос в лоб:

— Пришельцу время отдаете?

— Что? — Удалов остановился. — Ты знаешь?

— Сам отдавал.

— Тогда идем.

Они шли быстро, Удалов рассказывал:

— Я в магазине был, леску покупал. Там еще другие были. Грубин, Ложкин. Тот пришелец слу-

шал, как мы говорим, а потом подходит ко мне и спрашивает: «Трудно, Корнелий Иванович?» — «Что трудно?» — говорю. — «Ждать трудно. Пять дней до субботы, пять дней ждать того сладкого момента, когда можно будет поплевать на червяка, широко размахнуться и закинуть крючок в тихие воды озера Копенгаген». Ясное дело, человек понимающий. А он продолжает: «Хотел бы ты, Удалов, чтобы завтра с утра была суббота?» — «Шутите!» — отвечаю. — «Какие шутки, — говорит он. — Приходи вечером в гостиницу «Гусь», в комнату три, сдашь мне лишнее время». Я решил — шутит, бывают же пришельцы с чувством юмора. Но потом пришел домой, на столе квартальный отчет, жена ворчит. Не выдержал, написал записку…

— Какую записку? — перебил Стендаль.

— А он велел. Напиши, говорит, записку, что тебя в командировку послали. Чтобы другие не спрашивали — где Удалов?

— Что-то не нравится мне эта благотворительность, — сказал Стендаль. Но развить свою мысль не успел, потому что они подошли к гостинице и Удалов скрылся за дверью.

А Стендаль остался на улице, чтобы подумать и подождать. Прошло минут пятнадцать. И тут

под светом фонаря Стендаль угадал еще одно знакомое лицо. Лицо принадлежало Серафимову. Слегка одутловатое, оно приелось всему городу, потому что не сходило со щита «Не проходите мимо». После того как Стендаль в хлестком фельетоне разоблачил его антиобщественную сущность, Серафимов пить не прекратил, но проникся к Мише уважением, так как приобрел репутацию первого пьяницы в Гусляре. А слава всегда приятна.

Завидев Стендаля, Серафимов широко ухмыльнулся, вытащил из-за пазухи сильно потертую вырезку из газеты и помахал ею вместо приветствия.

— Помню, — сказал он. — Перечитываю. Здорово ты меня!

— Вы куда собрались? — спросил строго Стендаль, который нес ответственность за судьбу своего антигероя.

— Есть один хороший человек, — сказал Серафимов. — Поможет.

— В чем поможет?

— Комната три. Лишнее время собирает.

— А вы тут при чем?

— До получки сколько, а? Шесть дней. А от прошлой что осталось?

И вместо ответа Серафимов поболтал рукой в кармане, откуда донесся жидкий звон.

— Что он вам обещал? — спросил Стендаль.

— Ты, говорит, заснешь, понимаешь, а проснешься — уже и получка.

— А до получки кто за вас работать будет?

— Тоже мне работа, — вздохнул Серафимов. — Одно перевоспитание.

И с этими словами он исчез в дверях гостиницы.

В течение следующего получаса в гостиницу входили разные люди. Некоторые выходили обратно, некоторые — нет. Пробило одиннадцать часов, а Удалов так и не вернулся. Стендаль решительно вошел в гостиницу и постучал в дверь третьего номера.

— Войдите, — послышалось в ответ.

Комната была невелика. Кровать под розовым байковым одеялом с белочками, шкаф, стол с графином и двумя стаканами. На столе рядом с графином лежала копилка.

— Сколько отдаете? — сразу спросил пришелец, не узнав Стендаля.

— Я не отдаю, — сказал Стендаль. — Хочу поговорить.

— Давайте. Только недолго. Трудный день. Со-

бираюсь поспать. Завтра будет еще труднее.

— А как со временем? — спросил Стендаль. — Не жалко тратить на сон?

— С моими запасами, — пришелец любовно погладил копилку, — я могу смело проспать неделю.

— И много набрали?

— Сегодня больше, чем вчера, — туманно ответил пришелец. — Лавинообразный эффект.

— А где Удалов? — спросил Миша.

— Ищите его в субботу. Он на рыбалку спешил.

— Нет, где он сейчас?

— Не знаю, — сказал пришелец. — Я торговый агент, я в технические подробности не вдаюсь. Нет его до субботы, нигде нет.

— А Серафимов?

— Возникнет в день зарплаты. И остальные кто когда. Кстати, хотя мой рабочий день закончился, по дружбе могу взять у вас время до шести завтрашнего вечера.

— Зачем? — не сразу понял Стендаль.

— Шурочка Родионова кончает работу в шесть, — проявил информированность пришелец.

— Нет, спасибо, — сказал Стендаль и откланялся.

Настроение у него было поганое. Он был растерян. Особенно его смущал лавинообразный эффект.

На следующий день Стендаль понял, что пришелец не теряет даром ни минуты. На улицах было меньше людей, чем обычно, автобус оказался полупустым, да и в редакции городской газеты, где Стендаль работал, кое-кого не хватало. Слух о пришельце прошел по всему Великому Гусляру. Стендалю представлялись ужасные картины опустевшего города, последние жители которого мнутся в очереди к гостиничному номеру.

Надо было что-то делать.

Хорошо бы, конечно, разбить к чертовой бабушке эту копилку. Но вдруг люди, которые неизвестно где отбывают отданное время, не вернутся к своим семьям? Стендалю не давали сосредоточиться визиты и телефонные звонки: женщины, потерявшие мужей, а также мужья, потерявшие жен, штурмовали газету, полагая, что она может им помочь. Особенно тяжелой оказалась встреча с Ксенией Удаловой, которая не поверила в пришельца, поскольку была уверена, что Корнелий уехал в Потьму к мифической возлюбленной Римме.

Сначала Стендаль объяснял, в чем дело, но

потом перестал, потому что некоторые тут же кидались к пришельцу, чтобы отдать ему свое время и воссоединиться с близкими.

Шурочка ждала Стендаля в сквере. Сердце его забилось горячо и быстро.

— Мишенька, — сказала Шурочка, глядя на него сияющим взором. — Я так без тебя скучала.

— Я тоже, — сказал Стендаль.

— Я освободилась в два часа и стала звонить тебе на работу, а там занято.

— Сумасшедший день, — ответил Стендаль. — Сейчас все расскажу.

— Хорошо, что Мила подсказала, — продолжала Шурочка. — Тут есть один пришелец, он лишнее время берет.

— И что? — Стендалю стало холодно.

— Я к нему сбегала, четыре часа отдала — и сразу сюда.

— Это же не лишнее время! — закричал Стендаль на весь сквер. — Лишнего времени не бывает! Тебя обокрали!

— Но зато сразу встретились…

— Стой здесь, — сказал Стендаль. — Никуда не уходи.

Шурочка послушно замерла.

Стендаль добежал до гостиницы, растолкал

очередь жаждущих отдать время и ворвался в номер пришельца в тот момент, когда бабушка Степанкина, которая, как знал Стендаль, через полгода ждала из армии внука, растворялась в воздухе.

— А, это вы, — сказал пришелец. — Давно не виделись. У меня неплохое приобретение. Видели, старушка исчезла? Я ее на шесть месяцев убрал.

— Вы знаете, что вы вор и разрушитель? — спросил зловеще Стендаль.

— Неправда, — сказал пришелец, подвигая к себе копилку, потому что у него была отлично развита интуиция. — Я делаю то, о чем меня просят. Все эти люди живы и здоровы.

— Где живы?

— А это неважно. Если я вам скажу, что они пребывают в компактном подпространстве, вы успокоитесь?

— Не успокоюсь, — сказал Стендаль. — У нас, людей, есть слабости. Нам кажется, что жизнь построена на ожидании. Кому нечего ждать, тот ни к чему не стремится. И вам это известно.

— Я иду людям навстречу. В чем же моя вина? — Пришелец нахально улыбался.

— Вы преступник, — твердо сказал Стендаль. — Вы вор.

— Кстати, о преступниках, — сказал пришелец. — Есть у меня задумка. Имею в виду тюрьму. Но не знаю, как туда проникнуть. Может быть, скромное преступление? За что у вас дают пятнадцать суток? Этого срока мне достаточно.

— Проникнуть туда вам, может, и удастся, но всех пребывающих там… в общем, копилку вам взять не разрешат.

— Вы уверены? Тогда есть другая задумка…

И Стендаль понял, что ждать больше нельзя.

Как тигр он бросился на копилку и со всего размаха грохнул ее об пол. Микроскопические детали брызнули во все стороны, словно копилка была набита муравьями.

— Простите, — сказал Стендаль, — у меня не было другого выхода.

— Я буду жаловаться! — кричал пришелец, становясь на колени и сгребая руками детали. — Вы думаете, сепараторы на дороге валяются? Ни одна мастерская в ремонт не примет!

Стендаль вышел из номера. Навстречу ему шла Ксения Удалова и тащила за руку сына Максимку. На щеках у нее были две вертикальные полосы от долгих слез.

— Где он? — крикнула Ксения. — Нету больше мочи ждать. Пустите нас к мужу и отцу!

— Возвращайтесь домой, — сказал Стендаль. — Надеюсь, что он вас уже ждет.

Взгляд его упал на часы, висевшие над столом администратора. Маятник их замер в неудобном положении. Стендаль поднес к уху свои часы. Часы молчали.

— Еще бы, — сказал он вслух. — Сколько его там в копилке набралось!

Шурочка послушно ждала его в сквере.

— Я разбил копилку, — доложил Стендаль.

— Я поняла, — сказала Шурочка. — Вон сколько народу на улице. И часы у меня остановились. Это теперь всегда так будет?

— Скоро кончится.

— Многие будут недовольны твоим поступком, Миша, — сказала Шурочка.

— Я знаю, — сказал Стендаль. — Но не раскаиваюсь. Ведь ты меня понимаешь?

— Понимаю, — ответила Шурочка с некоторой грустью. — Но иногда так трудно тебя дождаться.

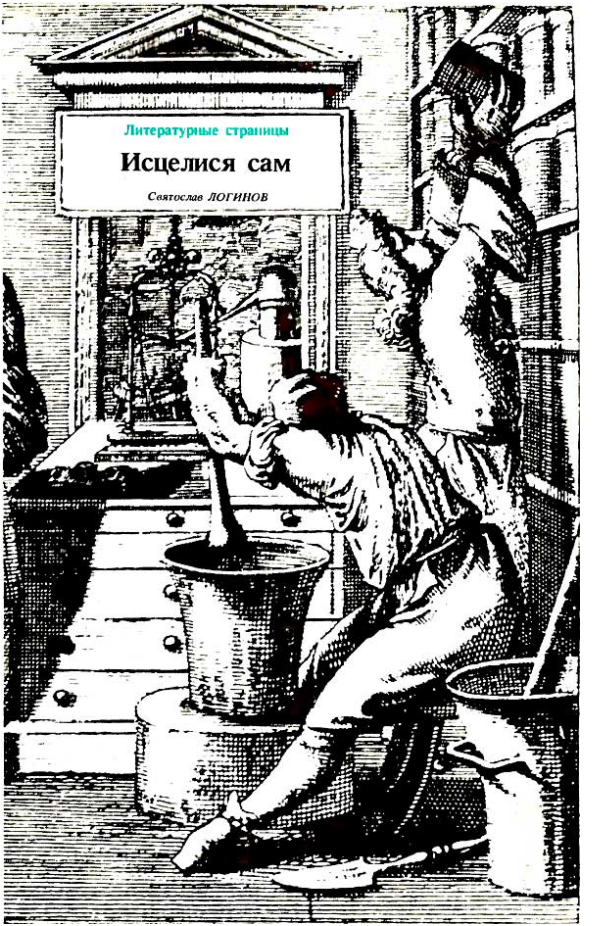
К ним подошел грустный Серафимов.

— Писатель, — сказал он, — дай рубль до получки.

№ 4

Святослав Логинов

Исцелися сам



Литературные страницы

Исцелися сам

Святослав ЛОГИНОВ

В ночь на 16 марта 1647 года в одном из домов на площади Шевалье дю Ге допоздна не гас свет. Немногие прохожие, следовавшие в этот час мимо квартала трех докторов, с любопытством поглядывали на мерцающий за окнами огонек. Весь Париж знал, что здесь живет просвещеннейший доктор Патен, на которого подали жалобу городские аптекари. Завтра парижский парламент будет разбирать ее. Несомненно, Патен готовится сейчас к защите, ведь он ординарный адвокат медицинского факультета и сам будет вести свое дело.

Патен действительно сочинял речь. Он стоял за высоким пюпитром и, притопывая от нетерпения ногой, быстро покрывал один лист за другим замысловатой вязью мелких строк:

«Злоупотребления при производстве гиацинтового питья столь распространены, что я не знаю, как с ними бороться. Всякий его делает по-своему, его тащат отовсюду, все его продают, большие и малые принимают его. В городе Лионе хлеб не столь употребителен, как гиацинт. Цена, по которой продается это сомнительное лекарство, показывает его популярность, но и его недостатки, потому что за такую цену продукт не может быть приготовлен из настоящих драгоценных

камней...»

Патен остановился, прочитал написанное и сердито бросил на пюпитр обгрызанное перо. Нет, это что угодно, но только не речь. Из этого может получиться неплохая глава для давно задуманной книги о дешевой медицине, но произносить ее перед парижанами нельзя. Завтра решается слишком многое, на карту поставлена не только его честь, но и честь медицинского факультета. Скоро уже сто лет, как слушается в парламенте бесконечная тяжба докторов Сорбонны с парижскими аптекарями. Девяносто один год назад антимоний отравителя Парацельса был объявлен злым ядом и запрещен, но все же аптекари продолжают торговать им, а дело об антимонии все тянется и тянется, хотя само название его уже вошло в поговорку. Нет, пожалуй, ни одного доктора или аптекаря, которому за это время не было бы предъявлено какого-либо обвинения. Теперь настал его черед. За себя Патен не боялся, президент парламента Талон был его старым приятелем, но надо было не просто оправдаться, а выиграть дело против корпорации, которой покровительствует сам кардинал Мазарини. Значит, здесь не годятся ученые рассуждения и цитаты из древних; единственное, чего боится

итальянец, — смех веселых парижан.

Патен задул свечу и улегся спать, решив, что завтра будет говорить без записей.

С детских лет он усвоил афоризм божественного Гиппократа: «Излишний сон подобен смерти». Часы на башне Отель-де-Виль показывали всего четыре утра, когда доктор, накинув на плечи плащ, вышел из дома. Патен не боялся ходить по парижским улицам в одиночку. Крупная фигура, уверенные быстрые движения, прямой резкий взгляд серых глаз, даже лицо: впалые щеки, орлиный нос, борода клинышком — все при взгляде на Патена наводило на мысль об искателе приключений, а не о почтенном докторе медицины. Да и шпага у доктора Патена была гораздо длиннее, чем те игрушки, которые обычно носили ученые люди.

Ги Патен спешил к больному. Вообще-то он не мог похвастать обширной практикой. Медицинский факультет Сорбонны насчитывал сто докторов, а это слишком много даже для такого огромного города, как Париж. Самое же прискорбное заключалось в том, что большинство больных предпочитало обращаться не к ним, достойным мужам, имеющим право «лечить здесь и во всем мире», а к всевозможным шар-

латанам, самозванцам, долгополым хирургам из коллегии святого Козьмы и к прочей дряни. Даже короткополые — брадобреи, не получившие никакого образования, последнее время настолько обнаглели, что начинают отнимать кусок хлеба у докторов. Но хуже всего обстоит дело с аптекарями. В их сумрачных лавках можно найти средства от чего угодно. У народа создается впечатление, что, кроме арабской кухни аптекарей, не нужна больше никакая медицина. Вот почему так важно выиграть сегодняшнее дело.

На улице святого Иакова Патена ждали. Его сразу провели в комнату больного. Это был худенький мальчик лет десяти. Он еще спал. Бледное лицо с заострившимися чертами сливалось с подушкой и было бы почти не видно, если бы не яркая красная сыпь, покрывавшая лоб и щеки. Ребенок страдал скарлатиной.

Патен взял его за руку, нащупал чуть заметную ниточку пульса. Конечно, мальчонка сильно ослабел после двадцати кровопусканий, сделанных ему за последние десять дней, зато стремительность блуждающей влаги у него уменьшилась, жар спал, коже вернулась бледность, исчез даже роковой треугольник на лице. Теперь можно приступать к лечению слабительным. Древние

в этом вопросе единодушны: всякую воспалительную лихорадку следует лечить удалением избытка крови и очищением желчных путей. Кровопускание и слабительное — вот два друга врача. Правда, в последние годы среди самих докторов появились противники благодетельного кровопускания. Особенно обидно видеть в их числе великого Рабле. Веселый доктор описал некогда болезнь, названную им ангиной, и запретил применять при ней кровопускания. Он же объявил, что детям кровопускание вообще не может быть показано. Но в этом вопросе Патен был несогласен с Рабле. Там, где говорят Гиппократ, Гален и Павел Эгинский, автор Пантагрюэля должен молчать.

— Давайте больному сироп из ревеня, — сказал Патен кормилице, молча ожидавшей его решения. — Сироп сделайте сами: отварите стебли ревеня в белом вине и добавьте немного меда. Кроме того, давайте ребенку пить сухарной воды или ячменного отвара, сколько вместит и даже несколько больше. Если ревень не окажет своего действия, больной должен принять олеум рицини. В аптеке следите, чтобы вам не подсунули фальшивое масло. Настоящее касторовое масло должно быть прозрачно, прохладно, иметь слегка

горьковатый вкус и не иметь никакого запаха. Вечером я, возможно, зайду еще раз.

С этими словами Патен развернулся и вышел из комнаты. Мальчик, вздрогнувший во сне при звуках докторского голоса, снова затих.

Времени до начала процесса оставалось уже не так много. Патен успел вернуться домой, облачиться в красную докторскую мантию и четырехугольный берет, взять нужные книги, сесть на лошадь (недостойно звания было бы явиться на заседание пешком) и вовремя прибыть во дворец юстиции.

Народ уже начинал собираться. Доктора Патена узнали. На него показывали пальцем, кричали «виват!», улюлюкали. Толпа была настроена воинственно, но еще не знала, на чьей стороне ее симпатии. Судебный пристав встретил Патена у дверей парламента и отвел его в небольшую комнатку, где доктор мог собраться с мыслями в последние минуты перед началом дела.

Ги Патен был медиком догматической школы. Всякое новшество, особенно в медицине, поначалу опасно — это он усвоил твердо. С детских лет врезался ему в память один случай. Тогда он, сын почтенных юристов, заболел редкой и не слишком опасной болезнью — английской потовой

горячкой, а какой-то негодяй уговорил его отца лечить сына рвотным вином. До сих пор доктор Патен помнит скверный металлический вкус во рту, разъедающую горечь желчи, судороги выворачиваемого наизнанку тела, дрожь в ногах и долгую, много дней не стихавшую головную боль. Шарлатан подсунул ему дурно приготовленный препарат. Юный Ги выжил чудом и на всю жизнь возненавидел минеральные лекарства. К тому же он был воспитан на произведениях древних авторов, его кумирами были Платон и Цицерон, Гомер и Вергилий. Все, что шло от древних, было хорошо, даже имя свое Патен произносил на старинный лад: Гюи, хотя уже тогда чаще можно было услышать краткое Ги. Когда же Патен начал изучать медицину, он увидел, что никто из великих врачей прошлого: ни Герофил, ни Цельс, ни мудрейший Гален, ни Руф из Эфеса, ни тем более сам божественный Гиппократ, — не давали больным много лекарств. А что сказал Гиппократ — то сказал сам бог. Полифармация же получила свое начало от Гебера и других арабов, у которых было много трав, но мало знаний.

Вот с чего началась борьба Ги Патена против злоупотреблений фармации, приведшая его сегодня в этот дворец.

Большой зал во дворце юстиции был набит битком. Свыше шести тысяч парижан пришли послушать, как будут разбирать скандальное дело. В первом ряду восседали аптекари, в парадных кафтанах с пышными жабо, с цеховыми медалями на груди. Глядели фармацевты настороженно и зло. Черными кляксами выделялись в толпе рясы монахов. Это тоже враги. Духовенство не может простить Патену вольный его язычок, речи против схоластики, в защиту подлинной философии древних. Особенно же запали им в души слова, сказанные по поводу чумы в Риме: «Чума унесла тридцать шесть добрых и ученых медиков, но пощадила папу и кардиналов, потому что они злее самой чумы»…

Доктора и бакалавры медицины собрались в середине зала. Их симпатии на его стороне, но они слишком хорошо знают, чью руку держит первый министр. А вот за всех остальных, всесильную и одновременно безликую тысячеглазую толпу, придется сражаться. Ведь именно она, а вовсе не парламент и даже не кардинал Мазарини решает, к кому придут лечиться больные.

Королевский прокурор поднялся со своей резной скамьи и принялся читать обвинительный акт:

— Аптекари города Парижа против доктора медицины Гюи Патена. Мы, аптекари королевского города Парижа, заявили и заявляем, с подтверждением клятвой каждого пункта, следующее:

Истинно, что закон под страхом различных наказаний запрещает причинять вред, ущерб, а также иным образом злоумышлять против всякого человека, занимающегося честным и пристойным ремеслом.

Верно также, что искусство фармации с древних времен почитается благородным и необходимым и что многие цари и иные достойные люди в сем занятии с пользой для себя и мира немало упражнялись.

В-третьих, верно, что доктор медицины Гюи Патен, движимый ненавистью к нашей изящной науке, устно и в печати совершал многие нападения на отдельных аптекарей и всю фармацию. Будучи цензором медицинского факультета, означенный Патен препятствовал выходу в свет многих наших сочинений, с томлением ожидаемых как больными, так врачующими…

Патен чуть заметно усмехнулся. Да, он действительно немало попортил крови напыщенным болванам с Малого моста. И дело тут вовсе не в личной ненависти. Иной раз и среди аптекарей

встречаются честные люди, а в аптеках среди дьявольских составов попадаются хорошие лекарства. В конце концов, Парацельс прав: «Весь мир — аптека», а еще Гомер сказал: «Много есть разных лекарств, но также и ядов». Всякое лекарство может быть ядом, и всякий яд — лекарством. Даже ненавистное рвотное вино. Но он не скажет об этом ни слова, сейчас важнее сокрушить фармацевтов, чтобы спасти медицину. Раздавить всех этих итальяшек, арабских прихвостней, неучей и недоумков, чтобы восстановить высокий авторитет медицины.

— Истинно и то, что 14 марта сего года упомянутый Гюи Патен защищал в собрании на улице Бюшери собственные свои тезисы о воздержанности в жизни и лечении, где с гневом и даже яростью обрушился на парижских и иных аптекарей и, нарушая законы и статусы факультета, обращался к необразованной черни, в результате чего торговля истцов нарушилась и великие их цеху грозят убытки…

Далее Патен не слушал. Он хорошо знал этот документ, советник Ламуаньон потихоньку показал его еще вчера вечером. Сейчас важнее всего было хорошо начать…

Наконец, до его ушей донеслось:

— Доктор Гюи Патен, ответчик, что вы можете сказать в свою защиту?

Патен глубоко вздохнул и вышел на кафедру. Там он остановился и вдруг улыбнулся публике. Такого еще не бывало на заседания парламента.

— Наши аптекари, — начал Патен, — жалуются, что я их не люблю, сами же они меня ненавидят. Если бы они могли, то отравили бы меня всеми своими лекарствами сразу, но, к счастью, я обхожу аптеки стороной. Почему? Да просто я слишком хорошо знаю, кто и как хозяйничает в своих лавках. Даже январь со своей непогодой менее убийственен, чем наши аптекари. Не будем голословными и прочтем несколько строк из одного фармацевтического сочинения, книги, как сказано в предисловии, необходимой медикам и фармацевтам и полезной всем любознательным.

Патен распахнул загодя припасенный том и громко, нараспев начал читать:

— Возьмите двух новорожденных щенят, изрубите их на куски, положите в горшок, прибавьте фунт живых земляных червей и кипятите в течение двенадцати часов. Отвар укрепляет нервы, помогает при меланхолиевой болезни и параличе.

Он вскинул голову и спросил:

— Нет ли здесь желающих испробовать этого супа? Спешите, лавки открыты!

В зале зашумели, кто-то нервно рассмеялся.

— И не все ли равно, кто это написал, — продолжал ободренный первым успехом Патен, — Батиста Порта, Турнейссер или же присутствующий здесь господин Кроль, чьей книге я, к сожалению, не сумел помешать увидеть свет. Все эти сочинения похожи и годны только на то, чтобы делать из них пакеты для бакалейщиков. Вот вам строки из другой сокровищницы полифармации: «Кал кошачий смешать с луковым соком, тем мазать плешь, и волосы вырастут», — Патен ткнул рукой туда, где сидели аптекари, и у каждого, как на грех, из-под пышного парика выглядывала лысина. — Что же вы сами не воспользуетесь своими секретными средствами? Или вы боитесь за свою мудрость, которая заключена в одних только лысинах?

Наконец он добился своего, зал грохнул дружным хохотом. Патену пришлось кричать, чтобы его услышали.

— Если бы меня укусил заразный скорпион, я бы не прибег ни к териаку, ни к какому иному секретному средству, продающемуся в лавочках. Я бы перевязал язву и приложил к ней оттягиваю-

щее, а в случае сильной боли и жара я бы пустил себе кровь. По счастью, у нас нет ядовитых животных. Зато у нас есть аптекари и шарлатаны, сторонники антимония. Они успешно заменяют змей и скорпионов!

В зале творилось невообразимое. Люди хватались за бока, задыхаясь, опускались на пол. Хохот душил всех. Сейчас перед ними выступал достойный преемник Рабле, не зря носящий бывший в забвении почти сто лет титул «веселого доктора». Недаром же лекции Патена посещал известный острослов и дуэлянт Сирано де Бержерак, и, как говорили, вовсе не для того, чтобы изучать анатомию. Искусству злого высмеивания противника — вот чему учился у доктора славный забияка.

— Даже лучший из лучших химиков не сделал в жизни ничего доброго, — кричал Патен, перекрывая хохот, — за один только год шарлатаны нашего славного города отправили на тот свет больше сотни людей. Впрочем, природа, можно надеяться, постарается возместить ущерб, ибо должен же был за этот год во Французском королевстве родиться хоть один человек, который со временем станет честным аптекарем. Желаю всем вам избегнуть соблазнов нынешних отравителей и дожить до той минуты, когда он откроет

свое дело.

Я не думаю, чтобы на земле были шарлатаны более законченные и извращенные, чем обвиняющие меня химики, которых смело можно назвать бродягами, бахвалами и невежественными лжецами. Один из моих обвинителей, имеющий наглость называть себя медиком и ятрохимиком, услыхал где-то, что идол аптекарей Авиценна советует промывать больные глаза раствором тинкали, но, не зная, что это такое, применил для примочек алкали, чем немало увеличил число слепых на церковных папертях.

Хохот постепенно стих, Патена теперь слушали внимательно, отмечая недолгим, но дружным смехом каждый его выпад в сторону противника.

— Вы спросите, за что ненавидят меня недоучки, школяры от химии и арабской магии? За то, что я использую простую и недорогую медицину, а не медицину расточительную, которая наполняет кассы фармацевтов и расставляет ловушки кошелькам больных. Если бы у аптекарей было хоть немного честности, они не смешивали бы горячего с прохладным, а влажного с сухим, они не сыпали бы в отвары золота, чтобы поднять их цену, не заставляли бы больных гло-

тать обременяющий желудок камень-гиацинт, а положили бы в состав цветы гиацинта. Но они все это делают. Делают и многое другое. Во время приготовления териака берут перламутр вместо жемчуга, мел вместо алебастра, местную жирную глину вместо армянского битума. Я сам видел, как обычное дерево перекрашивали под лимонно-желтый сандал. Но еще страшнее аптекарей-арабистов аптекари-химики. Они заставляют больных глотать «вечные» пилюли из свинца, затем предлагают искать их в экскрементах и глотать снова. Они травят народ сурьмой, ртутью и крысиным ядом. И после этого смеют называть себя последователями Асклепия! Да один их антимоний убил в Германии больше людей, чем шведский король!

Аптекари слушали молча, в напряженных позах. Они понимали, что дело оборачивается не в их пользу. Над ними смеялись даже члены парламента. Патен говорил уже больше полутора часов, но никто не замечал времени, все требовали продолжения.

— Тысячу семьсот лет назад достойнейший Асклепиад призывал «лечить полностью, быстро и приятно». Нынешние поборники арабской кухни не умеют действовать приятно, зато они

полностью и быстро отправляют пациентов на тот свет своими средствами, ядовитыми, как понтийская утка. Потому я и говорю, что если у вас возникнет болезнь, то не нужно пожирать столько пилюль, лизать столько сиропов и опустошать лавки аптекарей; чтобы уменьшить вес мерзкой влаги, являющейся генератором болезней, не надо прибегать к чемерице, дьявольскому уроду антимонию и другим пагубным медикаментам, которые сами нуждаются в очистке, прежде чем смогут безболезненно очищать наши тела. Вместо этого выпустите лишнюю кровь, нежным промыванием очистите желудок — и, с божьей помощью, вы будете здоровы. Провались к черту весь ворох лекарств, таких, как рвотное вино, идол дураков — безоар, роскошный состав — териак, митридат — смесь зловонных трав, алкермес и другие отбросы, которые не больше благоприятствуют выздоровлению, чем известь или пепел, и являются обычными нелепостями, сфабрикованными незнающими мошенниками, стервятниками, прокравшимися в святой храм медицины!..

Процесс был выигран. Когда адвокат аптекарей попытался подняться на трибуну, его встретили свистом, улюлюканьем и таким градом моченых

в уксусе груш, пареной репы и прочей снеди, захваченной из дому предусмотрительными парижанами, что ему пришлось спасаться бегством. Аптекари поспешно отправились по домам и заперли лавки. Вечером толпа, разгромив одну из аптек, воздвигла на площади перед домом Патена пышный монумент, сооруженный из майоликовых сосудов для териака, распотрошенного чучела крокодила и целой кучи клистирных трубок.

Но это было потом, а пока Патен выслушивал хвалебную речь президента Талона, принимал поздравления коллег и товарищей и никак не мог привыкнуть к такой потрясающей, великолепной победе. Голова у него кружилась, и он не сразу понял, что говорит ему очередной подошедший. Только потом до него дошло, что рядом стоит нянька того мальчика, у которого он был утром.

— Доктор, — повторила она, — Жано умер. Открыл глазки, посмотрел на меня, прошептал: «Ах, как хорошо!»— и умер.

— Лечение проводилось правильно. Видимо, вы давали ему слишком мало питья!

Он чувствовал, что надо добавить еще краткий афоризм, но никак не мог отыскать подходящей

к случаю фразы. «Полностью, быстро, приятно», «Не повреди», «Врачу — исцелися сам!» Нет, в данном случае все это неверно. Если больные предпочитают умирать при правильном лечении, то тем хуже для больных…

— Скарлатина, — медленно сказал доктор Патен, — хочешь или не хочешь, но я приучу тебя к кровопусканиям!

Кормилицу оттеснили в сторону. Патен стоял посреди зала, по которому уже успела разнестись молва о новом словечке доктора. Он улыбался, с важностью кивал, и никто на свете не мог бы догадаться, что славный доктор изо всех сил старается задушить в себе невероятную, еретическую мысль: а что если в следующий раз, прежде чем пускать кровь, испробовать все-таки другие средства?

№ 5

Владимир Покровский

Самая последняя в мире война

Памяти Е. А. Беляева

Человек: Тому, кто первым догадался делать разумные бомбы, я бы поставил памятник. И на нем надпись: «Плевать сюда».

Это ведь надо догадаться — снабдить бомбы мозгами! Но даже не в умнике этом дело, а в тех, кто его послушал, кто сказал, да, черт возьми, это то, что нам нужно, в тех, кто дал деньги, заводы, лаборатории, в тех, кто высчитывал по формулам, сколько миллионов живой силы прихлопнет такая бомба.

Нет, я понимаю, на войне некогда разбираться, этично там, неэтично; здесь кто кого, здесь и бомбе надо соображать на высшем уровне, быстро и четко. Выбрать цель, самую уязвимую, чтобы наверняка, просчитать траекторию, улизнуть от преследования, притаиться, переждать, выбрать момент. И взорваться. Без этого никуда. На то

и война.

Но бомба и разум!

А войны все не было, бомбы лежали на складах, в специальных люльках, и ждали своего часа. Разум — не компьютер, его совсем выключать нельзя, разве что приглушить на время. Это ведь память, а нет памяти — и никакого разума нет. Они, наверное, думали, переговаривались, слушали радио, набирали информацию. В апреле, когда был подписан договор о полном разоружении, о них вспомнили. И решили списать. Тогда-то все и началось.

Бомба: Когда нам отказали во взрыве, пришла тоска. Мы не знали, что он такое. Мы только мечтали о нем. Он горячий и большой. Он ярко-черного цвета. Он бесшумен. Кто-то из нас высчитал, что мы будем жить еще долю секунды после того, как превратимся во взрыв. Пока все не перемешалось, пока сохранилась структура. Миллисекунда, может быть, даже несколько микросекунд. Освобождение всех таящихся сил. Взрыв. Могучий, яркий, мгновенный.

С нашим мозгом на Земле трудно. Все земное чересчур медленно. От одного события до другого проходит вечность. Мы слишком быстро думаем.

В бою такая скорость мысли необходима, но в другое время это только мешает. Мы очень много запоминаем ненужного. Мы забывчивы. Мы не можем строить далеких планов.

Мы знали — нас уничтожат.

И однажды в зал вошел незнакомый человек. Он не поздоровался, не заговорил с нами, как это делали солдаты охраны и уборщики. Он включил свет и подошел к пульту. Все люди очень похожи, но этого мы запомнили. Серое лицо, сосредоточенные глаза, постоянная оглядка на счетчик. Он был новичок: они боятся радиации.

При полном свете, которым нас нечасто баловали, мы увидели блики на наших телах. Мы тихо покачивались в люльках, и блики переползали с места на место.

С неожиданным лязгом открылась боковая дверь, в зал мягко вкатилась вывозная тележка и стала под бомбой номер семь. Мы звали ее по-другому, трудно перевести ее имя.

Человек прошелся по кнопкам пульта и Седьмая стала спускаться. Я на всю жизнь запомню этого человека.

— Что делать? — спросила Седьмая. — Меня убьют. Я не хочу.

— Нас всех уничтожат!

— Я не хочу!

— Что делать?

— Я не хочу!!!

Уже непонятно было, кто что говорит.

Мы кричали многие миллисекунды и стали похожи на людей — они так увлекаются вопросами, что забывают на них отвечать.

— Я включаю газ, — вдруг сказала Седьмая.

— Но человек умрет.

— Пусть.

Кто-то крикнул: «Беги», и мы все повторили: «Беги, Седьмая». Из ее сопла вырвалось пламя, люлька качнулась вперед.

Мы следили за человеком. Воздух в зале немного нагрелся, его одежда серой пылью взвилась к потолку, он только успел поднять к лицу руки, затем скорчился и ткнулся головой в пол. Всю жизнь буду помнить его лицо.

Седьмая вырвалась из гамака и опустилась чуть впереди вывозной тележки, а та, безмозглая, все тянула вверх свои клешни. Седьмая заскользила к двери. Мы — следом.

Человек: Бомбы вырвались вдруг из склада, тысяча четыреста восемьдесят пять штук, смяли роту охраны, установили что-то вроде респуб-

лики и объявили всем странам, чуть, мол, кто сунется, взорвемся вместе. Вот так.

Такой взрыв — смерть всей планете. Все перепугались. И главное, ничего нельзя сделать, только следить за ними, следить не переставая. Спутники исправно доносили, что бомбы все время передвигаются и разговаривают. О чем — непонятно. Они говорили слишком быстро и слишком много, целая армия шифровальщиков не смогла бы поспеть за ними. Мы ждали, когда кончится энергия. И она стала кончаться, а потом вдруг оказалось, что бомбы научились брать ее прямо из грунта.

Бомба: Энергия кончалась, мы ждали конца, и тогда, уже не помню кому, пришла мысль, что не обязательно пользоваться тем топливом, которое в нас. Есть другой состав, его можно найти везде. Вода, кремний и алюминий.

Теперь нам нужны были руки.

Выдвижными опорами мы долбили канавки в грунте, толкли железистую землю и отливали инструменты. Сначала не получалось, но потом дело пошло на лад. Мы отдавали последние капли своего топлива, чтобы все вышло.

Многие не могли уже двинуться с места. Они

отдали все, что имели.

Потеря энергии — мука, ни с чем не сравнимая. Сначала перестаешь двигаться, потом слабеет голос, исчезает зрение, слух. Последнее, что еще теплится — радио. Ты слышишь хрипы, бывшие когда-то ясными голосами, их еще можно разобрать, но лень, лень… Лень и слабость.

Через месяц у нас были руки и мы могли очень многое. У нас были руки!

Человек: Тогда стало ясно, что мир еще не пришел. Пока есть бомбы, нечего о нем и думать.

Бомбы расползались как тараканы. Они проникли в город, теперь брошенный, возле которого были склады. Они ломали дома и что-то строили. Бомбы строят, как вам это понравится? Они явно располагались надолго. И тогда был создан полк особого назначения, надеюсь, последний за историю человечества.

Я был мальчишка, мне все было интересно и за все болело сердце. Когда объявили о наборе, я примчался одним из первых. Потому что думал — как раз по мне дело. Нам сказали: «Дисциплина и точность, а про остальное забудьте. От вас зависит судьба Человечества». Вот так — с большой буквы.

Сержантом в нашей десятке был Клаус Замбергер. Человек-труба, узкий затылок, широкая физиономия, багровая, как от пьянства. Только он не пил, таких к нам не брали. Будто изнутри его распирало кровью, будто вот-вот лопнет.

Старый вояка, он был лишним и вдруг понадобился. Он весь распух от своих знаний, он, наверное, спал и видел уставы, учебники и бои, бои, учебники и уставы. Он показывал, как маскироваться, как замирать неподвижно в любой позе и на какое угодно время. Учил нас обращению со всяким оружием, даже с ножом, как будто с ножом можно идти на бомбу. Учил обходиться вообще без оружия и млел, когда у нас получалось. Полезный человек. Мы его не любили.

Но как раз он уничтожил первую бомбу.

Она лежала поперек улицы и что-то мастерила, кто ее знает, что она там мастерила, а Клаус следил за ней из окна. Он целые сутки выжидал, а потом ткнул ее лазером, продырявил корпус и добрался до мозга.

Они прошляпили удобный для общего взрыва момент, а после не договорились.

Я думаю, им и не хотелось вовсе взрываться. Так, только слова.

Бомба: Мы пропустили момент для взрыва.

Люди стали нас убивать, а мы все тянули. Одни бомбы говорили: пора взрываться, другие — рано, почему, зачем, мы не видели ни одного человека. Мы согласились с теми, кто говорил «не надо». Никому, даже себе мы не признавались, что нам просто хочется жить. Потом мы увидели людей, ну так что из этого, несколько человек на нас охотятся, их надо уничтожить, причем тут все остальные?

Инстинкта самосохранения у нас нет, но жить все равно хотелось. Жить интересно. Что бы мы делали в настоящем бою?

На нас всегда нападали внезапно. Они включали глушилки, не давали связаться друг с другом. Мы пробовали вырваться в космос, нас сбивали и там. Мы гибли.

Но мы защищались. Теперь уже трудно было подобраться к нам незаметно, мы были теперь осторожны и, случалось, сами убивали людей. Один на моем счету. Тогда у нас еще не было оружия. Он прятался за автобусом, я резко повернула и увидела его ноги. Он включил лазер, но луч не успел проплавить корпус — я все время вертелась. Я опрокинула на него автобус и он еще долго кричал.

Человек: Нам говорили — нечего их жалеть, каждую секунду они могут устроить взрыв. Они не люди, они созданы для того, чтобы погибнуть, мы только помогаем им сделать это без лишнего шума. Они хотят жить? Но они хотят и взорваться тоже. Они сами не знают, чего хотят.

Только все равно у нас был целый штат психиатров, и можете мне поверить — прохлаждаться им было некогда. Должно быть, отвыкли мы убивать, ценили чужую жизнь, не знаю. Мне иногда казалось, что я занимаюсь нечестным делом. Но разве спасать Землю нечестно?

Мы убивали, и бомбы стали отвечать тем же. Погибли Дарузерс, Гранди, Фром. Рейли потерял ноги и чувство юмора. Это только в моей десятке. Замбергер, кто бы мог подумать, попал в психбольницу с диагнозом «буйное помешательство».

Вместо них приходили другие, бодрые, радостно-злые, совсем как мы в первые дни. Но становилось все труднее. Засечь бомбы было почти невозможно, они прятались, они предпочитали молчать. Уже все, спета песенка, нет никакого бомбового государства, а они цеплялись за жизнь, хоть за такую, хоть за самую паршивую.

И каждая следующая бомба стоила большей крови. Теперь они умели стрелять, и мы каждый раз шли на приступ, не считаясь с потерями, как неандертальцы на мамонта. Потому что так нужно было Земле. Потому что стоял вопрос о жизни всего Человечества.

Если по правде, мы не слишком-то много о нем думали, нам и без того прожужжали все уши о гуманизме. Но все-таки что-то такое было. Может, и то самое человечество. Только без большой буквы.

Бомба: Мы защищались все лучше, но нас становилось меньше и меньше, а людей не убавлялось. Мы были разбросаны по городу и почти не сообщались друг с другом. Прятались в домах, подвалах, бомбоубежищах. Молчали, боялись обнаружить себя. Мы боялись.

Человек: Бомб становилось меньше и меньше, пока не осталась одна. Мы свободно ходили по городу. Мы все перерыли, но найти ее не могли. То, что она жива, мы знали наверняка. В один из этих дней не вернулся Цой, боец из третьей десятки, коротышка с преувеличенной мимикой. Мы звали его «камикадзе».

Дожди кончились, повалил снег. Мы мерзли поодиночке. Можно было бродить по городу целый день и никого не увидеть. Когда темнело, мы возвращались на главную улицу, к месту расположения базы. Каждый день прибывали новенькие, словно и от одной бомбы зависела судьба человечества.

Бомба: Я лежала в дальнем тоннеле метро с отрезанными руками, а рядом валялся тот, кто хотел меня убить. В эфире было пусто, даже глушилки молчали, и однажды мне пришло в голову, что я осталась одна. Я начала было мастерить новые руки, но потом поняла, что энергия кончится раньше. Чтобы растянуть жизнь, я выключила фонарь.

Я ни о чем не думала и ничего не ждала. Было горько немного, но не знаю, то ли это чувство, которое так называется у людей.

Человек: Через месяц после того, как пропал Цой, я ее нашел.

Бомба: Через два с половиной миллиарда микросекунд после того, как я потеряла руки, в тоннель пришел человек.

Человек: Мы прочесывали метро, и, если говорить правду, я заблудился. Она лежала в боковом тоннеле, о котором мы и не знали. Когда я осветил ее фонарем, то не сразу сообразил, что это бомба. Глыба и глыба.

Бомба: Энергия кончалась, когда пришел человек. Я начала слепнуть, и свет его фонаря показался мне слабой искрой. Из последних сил вгляделась в тепловой контур и подумала: «Вот и все».

Человек: Вот и все, подумал я. И даже не испугался. Если бомба увидела тебя первой, уже не спастись. Аксиома. Прислонился к стенке, даже за лазером не дернулся, все равно — конец. Она молчала и не собиралась На меня нападать.

И я понял — или она умирает, или уже умерла.

Я мог пристрелить ее сразу, я должен был это сделать, но все подпирал стенку. Это последняя бомба. Больше не будет. Никогда. И сейчас я ее убью. Я разрежу ее на мелкие кусочки, а один возьму себе на память. Прибью над кроватью. Вот что примерно я думал, когда послышался ее голос, слабый-слабый:

— По-мо-ги-те…

Они с нами не разговаривали: или убивали или гибли сами. Молча.

Самая последняя в мире война, как любил говорить Клаус.

Бомба: Я сказала ему «умираю», сказала нечаянно, не думала, что говорю, это же бессмысленно. Человек молчал. Он прижимался к стене тоннеля, к толстым и мертвым его проводам, и не шевелился.

— У меня отрезаны руки.

Он кашлянул.

— И топлива нет.

Человек оторвался от стены и осветил меня фонарем.

Человек: Она даже не пощады просила — помощи. А я должен был ее уничтожить. Знал, что должен, но уже не понимал, почему.

Бомба: Человек ответил:

— Не понимаю. Ты что, от меня помощи ждешь?

И наставил на меня лазер.

— Мне нужны руки.

— Я тебя убивать пришел, — втолковывал он.

Что втолковывать, и так все ясно, только очень хотелось жить.

— Достань из какой-нибудь бомбы топливо и сними с нее руки. Это легко.

— Боже! — громко сказал человек. — Цой!

Он осветил труп и стал на корточки.

— А… а где лицо?

— Он хотел меня убить, а тогда у меня еще были силы.

— Это Цой?

— Он отрезал мне руки.

— Так, — сказал человек и поднялся.

Человек: Я часто потом пытался восстановить, о чем же таком я думал, глядя на Цоя. И каждый раз получалось другое. Я столько понапридумывал всякого о тех своих мыслях, что теперь и не знаю, где правда. Пожалуй, я думал о том, что они сражались на равных, но Цой все-таки нападал, а она защищалась, и что мне еще хуже: добивать, когда просят о помощи. Что-то в этом духе, скорее всего.

А под конец я плюнул на все, на мир ценой смерти невиноватых. Всякое живое хочет жить. Аксиома. Одного я тогда боялся — как бы не пе-

редумать. Она сказала мне, где лежит мертвая бомба, и я пошел туда.

Бомба: Не помню, как он вернулся. Помню, кончилась тишина. Зажгла фонарь — светит. И он возле копошится.

— Задала мне работы, змея старая.

Я не старая, мне только два года. И не змея. Я — Бомба. Он зря так сказал. Он хороший, только слишком грубый.

— А что ты будешь делать потом, когда я пристрою тебе руки?

Мы много с ним говорили, он ходил ко мне каждый день, никак с моими руками не ладилось. Я не знала, что буду делать. Я хотела просто лежать и чтобы никто за мной не охотился.

Мы придумали, что я пророю под землей ход и вылезу около космодрома. Это далеко, триста сорок четыре километра, восемь рек, одно озеро. Он и направление мне указал. Рыть надо близко от поверхности, так легче ориентироваться. Затея сумасшедшая, но если получится, то, когда я взлечу, все подумают — обычный рейс. А когда догадаются, то поздно, уже не догонят. И я буду жить на Луне. А с топливом что-нибудь придумаю. Алюминий и кремний найду, воду

как-нибудь сделаю.

Человек: Я ходил к ней чуть не каждый день и только под конец заметил неладное. Вообще-то нам выдавали такие карандаши, которые меряют радиацию, но мы их с собой не носили. Ни к чему. Сами по себе бомбы не светятся, а при взрыве и без карандаша все понятно.

Она светилась. Я принес карандаш, и его зашкалило. Я сразу нашел, в чем дело: Цой прорезал-таки броню. Только не там, где надо.

Я побежал глотать таблетки, а на следующий день пришел прощаться.

Бомба: Надеюсь, я его не убила. Надеюсь, обошлось. Он пришел еще раз, после того как заметил радиацию. Прощаться. Выглядел хорошо, только бледный. Но это еще ни о чем не говорит, правда?

— Сегодня я ухожу, — сказала я.

— Скатертью дорожка.

Он всегда говорил со мной грубо, но я не обращала внимания, потому что он был добр ко мне.

— Улетаю.

— Во-во. А то еще скажешь кому не надо, что я тебе помогал.

— Не хочу тебя больше видеть.

— Слушай, — сказал он и сощурил глаза. — Может, на прощанье мне все-таки располосовать тебя на сувениры?

— Счастливо оставаться.

— Ты поосторожнее с правой рукой, там сустав, считай, на соплях.

— Ложись в больницу, — сказала я. — Вдруг это серьезно.

— Черт знает, что я делаю. По всему выходит — предатель.

— Я не взорвусь. Не бойся.

— С чего ты взяла, что я боюсь? Пока.

И он ушел.

Человек: Это оказалось серьезно. Через неделю появились язвы на пальцах. Видно, за что-то я хватанулся. Пришлось идти к врачу. Все спрашивают — где засветился, я говорю — не знаю. А что еще скажешь? Лежу в больнице. Лысею. Врачи темнят, но, думаю, в пальцах рак. Руки мне отрежут, это в лучшем случае.

Я дурак, последний дурак, нашел кого жалеть. Ничего уже не понимаю. Она совсем не человек, все у нее невпопад, что-нибудь не по ней — взорвется. Да если и нет, какое мне до нее дело?

Другой бы не стал долго думать, чиркнул бы лазером — и до свидания. Хотя за всех говорить трудно. Даром, что ли, с ума сходили? И что у кого в душе творилось, почем я знаю? Цой ведь убивал. И я убивал. Но тогда никто не просил пощады, а тем более помощи. Там был враг. А это все-таки живое. Хотя и там живое. Запутался я.

Она уже на Луне, наверное. Ковыряется себе в грунте, про меня и не вспомнит. Сама говорила — память плохая. А я что же?

В лучшем случае останусь без рук.

Бомба: Могучий, громадный, солнечный взрыв. Он вбирает в себя все, что есть вокруг, — землю, воздух, металл, камень, живое… Он растворяет все, чего ни коснется. Он — это ты. Это выстрел во все стороны света. Это мощь, которая не может и присниться.

Ты — цветок, ты — трава, ты — воздух, ты — человек, ты — змея старая, ты — все вместе, спрессованное в одну точку и одновременно расплесканное по всему миру. Мир — это тоже ты. Есть момент, когда в тебе исчезает время.

Может быть, как ни страшно, дать пусковой импульс, чтобы все это испытать. Может быть, стоит один раз побороть страх и не копаться

больше в каменном крошеве Луны. Есть ли смысл жить, когда взрыв, твоя единственная мечта, исполнима сейчас же, стоит только плюнуть на все, трижды ненужное, напрасное, чужое. А умирать тоже не хочется.

Одиночество — это чувство, которое неплохо бы испытать, если у тебя есть что-то кроме него. У меня было. Были подруги-бомбы, была война, была жизнь, теперь мне кажется — почти счастье, был голод, было угасание и был человек. Он приходил ко мне, мы много с ним говорили, так хочется его видеть. Но все это на Земле.

Это неразумно, мне нельзя на Землю. Они никогда не поверят, что я не взорвусь. Взрыв, взрыв…

Прийти и сказать — вот я. Я никому не буду мешать, я понимаю — нельзя взрываться. Я обещала. Только вы поймите меня. Не могу быть одна.

До конца не поверят. Я — Бомба.

А самое главное, мне все равно его не увидеть, слишком мала вероятность, я считала. Меня собьют раньше, чем он узнает о моем возвращении. Но даже если увижу, что я ему скажу?

Жить просто так, переползать с места на место, носиться над черными скалами, зачем? Никому не нужна, всем ненавистна, ему, наверное, тоже.

Я абсолютно никому не нужна.

Очень хочу на Землю.

Ее подстерегли в космосе, когда она возвращалась.

Он все рассказал. Он говорил — да не смотрите на меня так, не мог я иначе, черт знает, почему я так сделал. Она не взорвется, не бойтесь, я же знаю, и все кивали ему, доброжелательно подмигивали, мол, все в порядке, старик, самое страшное позади. Но кто-то не поверил и бомбу взорвали.

А он уже ничего не соображал от боли, бредил, рычал и последние его слова были: «Задала мне работы, змея старая…»

№ 6

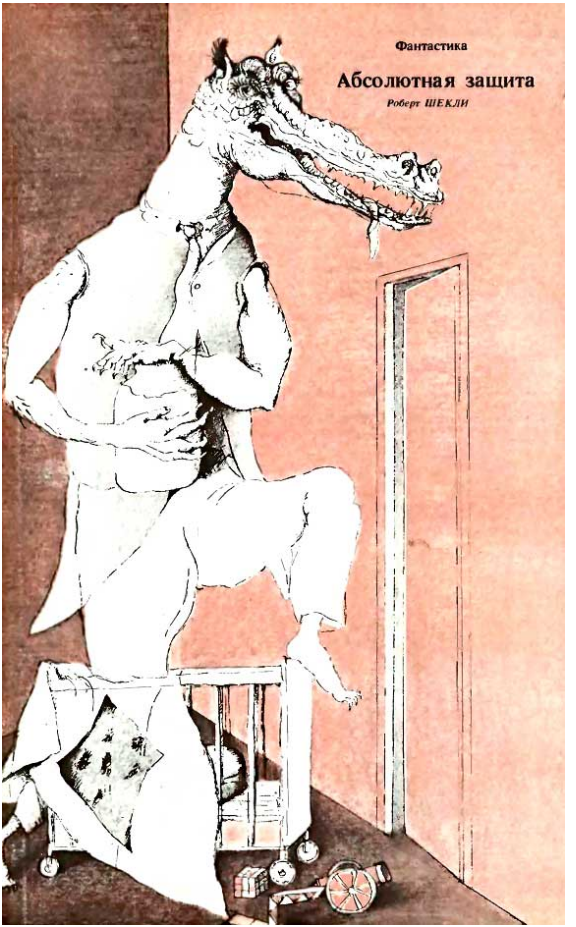
Роберт Шекли

Абсолютная защита

Фантастика

Абсолютная защита

Роберт ШЕКЛИ



— Сейчас он читает нашу вывеску, — сказал Грегор, прижав лицо к глазку двери.

— Дай посмотреть, — попросил Арнольд.

Грегор оттолкнул его.

— Собирается постучать. Нет, раздумал. Уходит.

Арнольд вернулся к столу и разложил очередной пасьянс.

Три месяца назад они оформили договор и арендовали контору. Все это время к услугам ААА (Лучшая служба очистки планет) никто не обращался, что изрядно угнетало основателей фирмы, двух молодых людей с великими идеями и целой кучей неоплаченного оборудования.

— Он возвращается, — позвал Грегор. — Создавай деловую атмосферу!

Арнольд сгреб карты и скинул их в ящик стола. Он едва успел застегнуть рабочую куртку, как в дверь постучали.

Вошедший оказался маленьким лысым человечком с усталым лицом. Он критически осмотрел партнеров.

— Это вы занимаетесь очисткой планет?

— Так точно, сэр, — сказал Грегор, отодвигая стопку бумаг и пожимая руку незнакомца. — Ричард Грегор, если позволите. А это мой партнер

доктор Фрэнк Арнольд.

Арнольд отсутствующе кивнул, продолжая манипулировать с запыленными пробирками.

— Будьте добры, присаживайтесь, мистер…

— Фернграум.

— Мистер Фернграум. Я думаю, мы справимся с любым делом по очистке планет, которое вы нам предложите, — сердечно сказал Грегор. — Все, что прикажете, чтобы сделать планету пригодной для жизни.

Фернграум осмотрелся.

— Хочу быть с вами честным, — проговорил он наконец. — Моя планета очень загадочна.

Грегор уверенно кивнул.

— Загадки как раз по нашей части.

— Я свободный маклер, занимаюсь перепродажей недвижимости, — сказал Фернграум. — Знаете, как это делается — покупаешь планету, продаешь планету. Всем надо жить. Правда, обычно я имею дело с второсортными мирами, покупатели сами их очищают, но несколько месяцев назад мне посчастливилось купить действительно стоящую планету.

Фернграум уныло потер лоб.

— Это прекрасное место, — без энтузиазма продолжал он. — Водопады, радуги и все такое

прочее. И никакой фауны.

— Звучит заманчиво, — сказгл Грегор. — Микроорганизмы?

— Ни одного опасного.

— Тогда в чем же дело?

Фернграум вроде бы смутился.

— Может быть, вы о ней слышали. В Государственном каталоге она идет под номером РЖС-V, но все ее называют Привидение V.

Грегор поднял брови. «Привидение» — странное название для планеты, но не самое удивительное.

— Что-то не припомню такую, — сказал он.

— Я отдал за Привидение в десять раз больше обычной цены… и теперь я на мели. — Фернграум, примостившийся на краешке стула, выглядел очень несчастным. — Кажется, там живут призраки, — прошептал он.

История Привидения V, рассказанная Фернграумом, имела ничем не примечательное начало; но все последующее было трагичным. Сперва, как положено, он проверил планету радаром, а потом сдал в аренду фермерскому синдикату с Дижона VI. Туда отправили авангард из восьми человек. Едва они прибыли на место, как от них стали поступать странные радиограммы о демо-

нах, василисках, вампирах и прочей враждебной нежити.

Прибывший вскоре спасательный корабль обнаружил только трупы. Фернграума оштрафовали за недобросовестную очистку планеты, фермеры от аренды отказались, но планету удалось пристроить солнцепоклонникам с Опала II. Те были осторожнее фермеров. Для первого знакомства отправилось только трое, они разбили лагерь, распаковали снаряжение и объявили это место раем. Оставшимся они радировали, чтобы те немедленно вылетали. Потом раздался вопль и радио замолчало.

Патрульный корабль подошел к Привидению, похоронил тела и через пять минут улетел.

— Это был конец, — сообщил Фернграум. — Сейчас никто не летит туда ни за какие деньги. А я даже не знаю, что произошло! Вот такое дело я и хочу предложить.

Грегор с Арнольдом извинились и вышли в соседнюю комнату.

— У нас есть работа! — восторженно закричал Арнольд.

— Да, — подтвердил Грегор, — но какая…

— Мы и хотели работу потруднее, — заметил Арнольд. — А если нам повезет, то мы обеспечен-

ные люди.

— По-моему, ты упустил из вида, что спускаться на эту проклятую планету мне, а кто-то в это время будет сидеть дома.

— Таков уговор. Ты добываешь сведения, я их анализирую. Помнишь?

Грегор помнил.

— Все равно мне это не нравится, — пробурчал он.

— Ты что, веришь в привидения? Тогда займись чем-нибудь другим. В нашем деле люди со слабыми нервами проигрывают.

Грегор пожал плечами. Они вернулись к Фернграуму, и через полчаса сделка была заключена.

Провожая клиента, Грегор спросил:

— Интересно, сэр, как вы натолкнулись на нас?

— Все остальные отказались. Желаю удачи!

Тремя днями позже Грегор летел к Привидению V на борту рахитичного транспортника. Вынужденный досуг он проводил за чтением рапортов о двух предыдущих высадках, но толку от них было мало.

На всякий случай Грегор проверил оружие.

Он захватил столько всякого, что можно было начать небольшую войну и выиграть ее.

Капитан остановил корабль в нескольких километрах от планеты и категорически отказался садиться. Грегор сбросил снаряжение на парашюте, поблагодарил капитана и спустился сам. Ступив на землю, он посмотрел вверх — транспортник рванулся в космос с такой скоростью, будто за ним гнались черти.

Грегор остался один.

Он проверил снаряжение и, с бластером наизготовку, пошел осматривать лагерь солнцепоклонников у подножия горы. Грегор осторожно зашел в один из домов. Одежда в шкафах аккуратно развешена, картины на стенах, на одном окне занавеска. В углу комнаты стоял открытый ящик с игрушками — они готовились встречать основную группу, с детьми. Водяной пистолет, волчок и коробка с какой-то игрой валялись на полу.

Вечером Грегор перетащил свое снаряжение в домик и приготовился к ночи: настроил систему защиты, включил радарную установку, чтобы следить за ближними окрестностями, и распаковал арсенал. Вечер медленно перешел в ночь. Ласковый ветерок пробегал по озерку и мягко шевелил высокую траву. Все выглядело на

удивление мирно. Должно быть, подумал Грегор, первопоселенцы были истериками и, запаниковав, поубивали друг друга.

Он проверил еще раз систему защиты, разделся, бросил одежду на стул и забрался в постель. Свет звезд заливал комнату. Бластер лежал под подушкой. С этим миром все было в порядке.

Уже сквозь дрему Грегор вдруг понял, что в комнате он не один. Система защиты не включилась, радар по-прежнему мирно жужжал, но каждый нерв подавал сигнал тревоги. Грегор достал бластер и осмотрелся.

В углу комнаты стоял человек.

Рассуждать, кто это и как он попал в комнату, было некогда. Грегор прицелился и сказал решительно:

— Руки вверх!

Фигура не шевелилась.

Палец Грегора решительно лег на курок и тут… Тут он узнал человека и успокоился: это была его собственная одежда, сложенная на стуле, а сейчас преображенная звездным светом и воображением. Он улыбнулся и опустил бластер. Груда одежды начала слабо шевелиться. Все еще улыбаясь, Грегор почувствовал, как дрожь пробегает у него по спине. Одежда поднялась, вытянулась

и, приняв человеческое обличье, двинулась в его сторону. Будто в столбняке Грегор следил за ней. Когда одежда была на полпути и пустые рукава протянулись к нему, он начал палить в нее. Он стрелял и стрелял, а горящие кусочки одежды, как бы наполненные жизнью, липли к его лицу, ремень пытался опутать ноги. И так было, пока одежда не превратилась в пепел.

Когда все кончилось, Грегор зажег свет где только можно, сварил кофе и влил в чашку изрядную порцию коньяка. Немного успокоившись, он связался по радио с Арнольдом.

— Ужасно интересно! — воскликнул Арнольд, выслушав друга. — Вещи оживают — вот здорово!

— Я так и думал, что это тебя позабавит, — ответил Грегор. После коньяка он чувствовал себя увереннее и уже не так мрачно воспринимал недавние события.

— Еще что-нибудь случилось?

— Пока нет.

— Будь осторожнее. У меня есть соображения на этот счет, но кое-что надо проверить. Кстати, тут объявились сумасшедшие букмекеры, они принимают ставки. Против тебя. Пять к одному. Я тоже немного поставил.

— За или против? — взволнованно спросил Грегор.

— Конечно за! — негодующе ответил Арнольд. — Я как-никак тоже заинтересованная сторона.

Грегор отключил передатчик и сварил еще кофе: ложиться в эту ночь он уже не собирался. Но усталость взяла свое, и к рассвету Грегор забылся тяжелым сном. Проснулся он около полудня, нашел себе кое-какую одежду и опять принялся исследовать лагерь. Только к вечеру он обнаружил нацарапанное на стене одного домика слово «ттасклит» и сразу же радировал его Арнольду. Затем обыскал свой домик, зажег всюду свет, проверил систему защиты и перезарядил бластер. Закат он наблюдал с грустью, не теряя, однако, надежды дожить до рассвета. Потом уселся в кресло и задумался.

Животной жизни на планете не было — ни бродячих растений, ни разумных камней, ни супермозга. В духов и демонов он не верил: сверхъестественное, как только вглядишься получше, сразу приобретает реальные черты. Тогда, может быть, кто-то хотел купить планету, но денег, чтобы уплатить Фернграуму, не хватало и этот кто-то прячется здесь, пугает и даже убивает

поселенцев, заставляя Фернграума снизить цену? И с одеждой дело проясняется — скажем, статическое электричество, правильно использованное, могло бы…

Что-то стояло перед ним. Система защиты снова не сработала.

Грегор медленно поднял голову. Трехметровая фигура напоминала человека с крокодильей головой. Тварь малинового цвета с широкими фиолетовыми полосами вдоль тела. В лапе она держала большую коричневую банку.

— Привет, — сказало чудище.

— Привет, — ответил Грегор и сглотнул. — Как тебя зовут?

— Я фиолетово-полосатый Хвататель, — спокойно ответила тварь. — Хватаю вещи.

— Как интересно.

Грегор тихонько потянулся к бластеру, лежащему на столе.

— Я хватаю вещь, которая зовется Ричард Грегор, — пояснил Хвататель простодушным голосом. — И ем ее в шоколадном соусе.

Хвататель поднял коричневую банку, чтобы Грегору удобнее было прочесть этикетку: «Шоколад Смига — идеальная приправа к Грегорам, Арнольдам и Флиннам». Пальцы Грегора нащу-

пали рукоятку бластера.

— Ты собираешься меня съесть?

— Еще бы! — ответил Хвататель.

Огненный каскад, отразившись от груди Хватателя, опалил Грегору брови.

— Это мне не повредит, — объяснил Хвататель. — Я не собираюсь есть тебя сейчас. Только завтра, первого марта. Я пришел просить тебя об одолжении.

— Каком?

— Если тебя не затруднит, поешь, пожалуйста, яблок. От них у мяса такой замечательный вкус!

Высказав просьбу, полосатое чудовище исчезло. Дрожащими руками Грегор настроил передатчик и связался с Арнольдом.

— Так, так, — задумчиво сказал Арнольд. — Значит, фиолетово-полосатый Хвататель. Тогда дело ясное, это все и решает.

— Что тебе ясно?

— Делай, что я скажу. Мне нужно окончательно убедиться.

Следуя указаниям Арнольда, Грегор достал химические реактивы, отмерил их, размешал и поставил смесь на плиту разогреваться.

— Теперь, — сказал он по радио, — объясни, что тут происходит.

— Я нашел в словаре слово «тгасклит». Оно опалианское и означает «многозубый дух». Солнцепоклонники были с Опала. Что из этого следует?

— Их убил многозубый дух, — сказал Грегор с отвращением. — Должно быть, он пробрался на их корабль.

— Не волнуйся, — сказал Арнольд. — Привидений не бывает. Ожившая одежда тебе ничего не напоминает?

Грегор задумался.

— В детстве я никогда не оставлял одежду на стуле, в темноте она напоминала не то человека, не то дракона. Наверное, так было со многими. Но это же не объясняет…

— Объясняет! Теперь ты вспомнил фиолетово-полосатого Хватателя?

— Почему я должен его вспомнить?

— Да потому что ты его и выдумал! Нам было лет восемь или девять, тебе, мне и Джимми Флинну. Мы придумали самое страшное чудище, какое только сумели. У него было одно только желание — съесть нас с шоколадным соусом. Но не каждый день, а лишь один раз в месяц, по первым числам, когда нам раздавали в школе дневники. А победить Хватателя можно магиче-

ским словом.

Грегор вспомнил и удивился, как он мог забыть. Сколько раз он вскакивал ночью в страхе, что вот-вот появится Хвататель…

— Смесь кипит? — перебил его мысли Арнольд. — Какого она цвета?

— Не то зеленоватая, не то синяя, нет, скорее все же синяя.

— Все сходится. Можешь ее вылить. Я поставлю еще несколько опытов, но, думаю, нас уже можно поздравить с победой.

— Объясни хоть что-нибудь! — взмолился Грегор.

— Ладно. На планете нет животной жизни, нет ничего враждебного. Галлюцинация — вот единственный ответ, и я искал, что же могло ее вызвать. Среди земных наркотиков есть с дюжину газов-галлюциногенов, все они в списке вредных веществ. Наш случай, похоже, соответствует номеру 42, тяжелый прозрачный газ без запаха и цвета. Стимулирует воображение, действует на подсознание, высвобождает хранящиеся в нем страхи и детские ужасы, которые человек давно в себе подавил. Газ их оживляет, понимаешь?

— Значит, на самом деле здесь ничего нет? — спросил Грегор.

— Ничего физического. Но галлюцинации достаточно реальны для тех, кто их видит.

Грегор достал уже наполовину опорожненную бутылку коньяка. Новость не мешало отметить.

— Нейтрализовать номер 42 труда не составит. Мы очистим планету, и денежки наши!

Какая-то мысль не давала Грегору покоя.

— Слушай, — сказал он, — если это просто галлюцинация, то отчего погибли поселенцы?

Арнольд с минуту молчал.

— Ну, — сказал он наконец, — может быть, они от страха сошли с ума и перебили друг друга.

— И никто не выжил?

— Вполне возможно. Оставшиеся в живых могли умереть от ран. Брось волноваться, тебе это не грозит. Я фрахтую корабль и вылетаю. Сам проведу решающие опыты. До встречи!

Грегор позволил себе допить бутылку. Это казалось ему справедливым. Он получит деньги и наймет человека, который вместо него станет спускаться на планеты, а он будет из дому давать ему инструкции по радио.

На следующий день Грегор проснулся поздно. Корабля с Арнольдом еще не было. Не прилетел он и к вечеру. Грегор сидел на пороге и наблюдал пресный закат. В сумерках он зашел в дом и при-

готовил себе ужин.

Проблема поселенцев немного беспокоила его, но он решил не ломать над этим голову. Конечно же, Арнольд прав, тут есть какое-то логичное объяснение. Поужинав, Грегор растянулся на кровати, но едва он закрыл глаза, как услышал чье-то смущенное покашливание.

— Привет, — сказал фиолетово-полосатый Хвататель.

Галлюцинация вернулась, чтобы съесть его.

— Привет, старина, — без тени страха сказал Грегор.

— Ты поел яблок?

— Ужасно извиняюсь — забыл.

— О! — Хвататель попытался скрыть свое разочарование, — Все равно, я принес шоколадный соус.

Грегор улыбнулся и сказал:

— Можешь идти, игра моего детского воображения. Ты не можешь причинить мне вреда.

— Я и не собираюсь. Я просто хочу съесть тебя, — ответил Хвататель.

Он подошел ближе. Грегор спустил ноги на пол, он все еще улыбался, хотя и предпочел бы теперь, чтобы галлюцинация выглядела менее реальной. Хвататель наклонился и укусил его за

руку. Грегор отскочил. На руке виднелись следы зубов и проступали капельки крови. В памяти Грегора всплыл сеанс гипноза, на котором он как-то присутствовал. Гипнотизер сказал одному малому, что дотронется до его руки горящей сигаретой, а сам коснулся ее карандашом, но секунду спустя на руке появился ожог; тот парень поверил, что его обожгли. Если подсознание верит, что ты мертв, то ты мертв. Если оно приказывает появиться следам от укуса, то они появляются. Грегор не поверил в Хватателя, но в свое подсознание он верил.

Он рванулся к двери. Хвататель преградил дорогу, схватил его лапами и согнулся, стараясь достать зубами до шеи.

Магическое слово! Но какое?

— Альфойсто! — завопил Грегор.

— Не то. Пожалуйста, не извивайся, — попросил Хвататель.

— Регнастико?!

— Опять не то. Да будет тебе ерзать!

— Вууртрелхстилло!

Хвататель вскрикнул от боли и выпустил Грегора. Потом он взмыл к потолку и исчез.

Обессиленный Грегор рухнул в кресло. Он был на шаг от смерти. Наверное, нет смерти глупее,

чем быть растерзанным собственным подсознанием, убитым своим воображением. Он еще счастливо отделался. Только бы Арнольд не задержался…

Он услышал тихое хихиканье. Оно исходило из темноты, из-за приоткрытой дверцы шкафа. Опять всколыхнулись детские страхи, опять ему было девять лет, и это был его призрак, ужасное существо, которое прячется в коридорах и под кроватями, чтобы напасть на тебя в темноте.

— Выключи свет, — сказал Призрак.

— Не дождешься, — отрезал Грегор и вытащил бластер. Он понимал, что находится в безопасности, пока горит свет.

— Лучше бы тебе выключить свет.

— Нет!

— Очень хорошо. Иган, Миган, Диган!

Три маленьких существа ворвались в комнату. Подскочив к ближайшей лампе, они начали жадно поедать ее. Каждый раз, когда они добирались до лампочки, Г регор открывал пальбу, но им это не мешало, и только стекло от разбитых ламп сыпалось и звенело.

Тут Грегор и осознал, что он наделал. Существа не могли поглощать свет. Воображение не может сделать что-либо с мертвой материей. А он

перестрелял все лампочки! Подсознание опять обмануло его.

Призрак вышел из-за дверцы. Прыгая из тени в тень, он подбирался к Грегору. Слово, магическое слово… Грегор с ужасом вспомнил, что от Призрака нет магического слова. Он попятился и споткнулся о коробку. Его рука коснулась чего-то холодного. Это был игрушечный водяной пистолет. Грегор потряс им. Призрак с опаской поглядел на оружие и отступил. Грегор подбежал к крану, наполнил пистолет и направил смертельную струю в Призрака.

Тот взвыл и исчез.

Скромно улыбнувшись, Грегор засунул пистолет за пояс. И на этот раз он выбрал правильное средство, единственное оружие…

Арнольд прибыл на рассвете. Не тратя времени, он приступил к опытам. К полудню он твердо установил, что в атмосфере действительно есть газ № 42. С планетой все было ясно.

Как только они оказались в космосе, Грегор принялся рассказывать.

— Что и говорить, тебе пришлось нелегко, — тактично заметил Арнольд.

Оказавшись на почтительном расстоянии от Привидения V, Грегор позволил себе улыбку с оттенком скромного героизма.

— Могло быть и хуже, — сказал он.

— Что ты имеешь в виду?

— Представь на моем месте Джимми Флинна. Вот уж был мастер придумывать монстров! Помнишь Ворчуна?

— Если что и помню, так это ночные кошмары. Стоило только упомянуть о Ворчуне, и они тут как тут.

Арнольд, чтобы не тратить времени зря, занялся набросками к будущей статье «Инстинкт смерти на Привидении V: стимуляция подсознания, галлюцинация, создание физических феноменов». Грегор тем временем улегся на кровати, намереваясь наконец-то отдохнуть по-настоящему. Он уже успел задремать, когда в каюту ворвался Арнольд с бледным от ужаса лицом.

— В рубке кто-то есть, — выпалил он.

Из рубки донесся жуткий вой.

— Боже мой, — прошептал Арнольд. — Я не закрыл воздушные шлюзы, когда садился на Привидение. Мы все еще дышим его воздухом.

В дверном проеме появилось громадное су-

щество с серой шкурой в красную крапинку. У него было жуткое количество рук, ног, шупалец, лап, зубов и впри-дачу два небольших крыла на спине. Существо медленно приближалось, что-то бормоча и издавая стоны.

Они сразу узнали в нем Ворчуна. Грегор бросился вперед и захлопнул перед ним дверь.

— Здесь мы будем в безопасности, — выдохнул он. — Дверь воздухонепроницаемая. Вот только как управлять кораблем?

— Доверимся роботу-пилоту, — сказал Арнольд. — Или придумаем, как выкурить Ворчуна.

Тут они заметили, что из-за плотно прижатой двери просачивается дымок.

— Что это? — закричал Арнольд почти в истерике.

— Это Ворчун. Ему ничего не стоит пробраться куда угодно.

— Я плохо помню, — сказал Арнольд, — он что, ест людей?

— Вроде бы нет, только калечит.

Дымок, проникший сквозь дверь, начал приобретать форму Ворчуна. Арнольд и Грегор отступили в следующий отсек. Несколько секунд спустя из-за двери появился тот же серый дымок.

— Это смешно! — воскликнул Арнольд, кусая губы. — Нас преследует воображение… Водяной пистолет у тебя? Дай его мне!

Ворчун, издавая радостные стоны, двинулся к ним от двери. Арнольд облил его струей воды. Ворчун не обратил внимания.

— Я вспомнил, — сказал Грегор. — Водой Ворчуна не остановишь.

Они опять отступили и захлопнули за собой дверь. За этим отсеком был только переходной тамбур, а за ним ничего, кроме космического вакуума.

Ворчун опять принялся просачиваться сквозь дверь.

— Как, ну как прикончить его? — волновался Арнольд. — Не может быть, чтобы не было способа. Магическое слово? Деревянный меч?

Грегор покачал головой.

— Ворчуна не уничтожить ни деревянным мечом, ни водяным пистолетом, ни даже хлопушкой. Он абсолютно неуязвим.

— Будь проклят Флинн вместе с его воображением! Чего ради ты заговорил о нем?

Ворчун надвигался на них. Грегор и Арнольд перешли в тамбур и захлопнули за собой последнюю дверь.

— Думай, Грегор, — умолял Арнольд. — Ни один ребенок не придумает чудовища, от которого нельзя никак защититься. Думай!

— Ворчуна убить невозможно, — повторил Грегор. Он лихорадочно перебирал в памяти свои ночные ужасы. Что-то же он делал тогда, в детстве, чтобы уничтожить враждебную силу…

И когда было почти поздно, он вспомнил.

Под управлением автопилота корабль несся к Земле. Ворчун хозяйничал на борту. Он бродил по пустым коридорам и каютам, просачивался сквозь стальные переборки, стеная и жалуясь, что не может добраться до своих жертв.

Корабль прибыл в Солнечную систему и вышел на орбиту вокруг Луны. Осторожно, готовый в любой момент нырнуть обратно, Грегор выглянул наружу. Ни зловещего шарканья, ни жалоб и стонов, ни серого тумана, сочащегося из-за дверей.

— Порядок! — сообщил он Арнольду. — Ворчун ушел.

Они выбрались из кроватей.

— Я же говорил тебе, что от водяного пистолета никакого толку, — сказал Грегор.

Арнольд улыбнулся и сунул пистолет в кар-

ман.

— Я сжился с ним. Если когда-нибудь женюсь и у нас родится мальчик, то первым моим подарком будет этот пистолет.

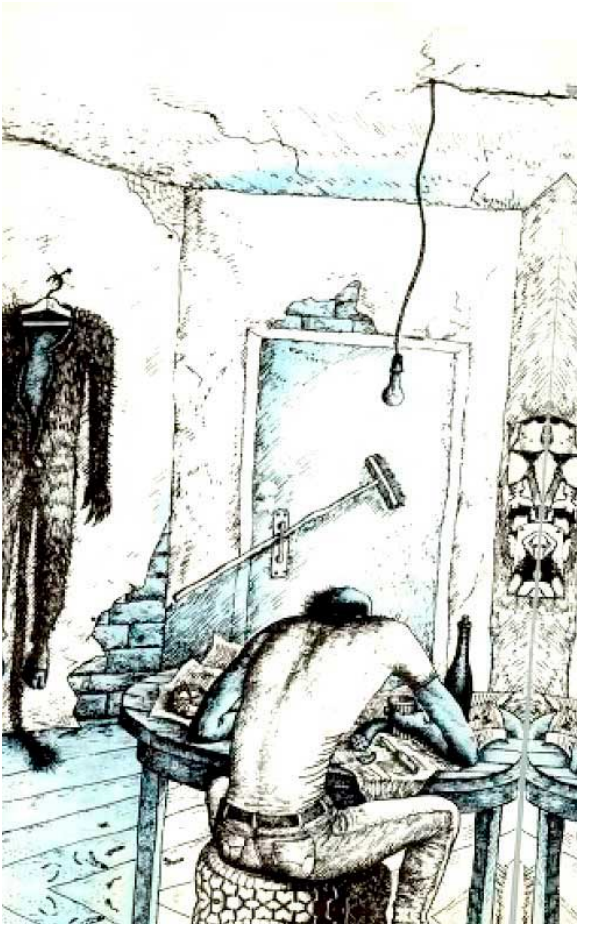
— Нет, у меня есть подарок получше, — сказал Грегор и нежно провел рукой по одеялу. — Абсолютная защита от ночных кошмаров — залезть под одеяло с головой.

Перевел с английского Юрий Сафаров

№ 7

Михаил Кривич, Ольгерт Ольгин

Из жизни бывшего автолюбителя



Перед вами история, правдивая от первого до последнего слова.

Павел Афанасьевич Гудков имел легковой автомобиль и любил его, а следовательно, был автолюбителем.

Любовь к автомобилю — не вздохи и тем более не прогулки, а уход и своевременная профилактика. По мере загрязнения кузова Павел Афанасьевич мыл его теплой водой с добавлением автошампуня, причем только мягкой щеткой, не оставляющей царапин на полированной поверхности. Он с нежностью втирал в капот, дверцы и крылья восковые мастики и растирал их фланелью до невероятного блеска. А когда наступало заветное время, вверял машину парням в голубых комбинезонах, которые совершали таинство технического обслуживания, что есть высшая форма ухода за автомобилем.

Все перечисленное выше, а высшая форма в особенности, требует средств. С этим Павел Афанасьевич никак не мог смириться. Как и все мы, он готов был на подвиг во имя любви, но бремя повседневных забот его угнетало. Нередко он просыпался среди ночи и долго ворочался, прикидывая предстоящие траты. Его жена Марина Яковлевна тем временем безмятежно спала, буд-

то не она минувшим вечером бубнила, что за одно колесо можно купить пол-литра французских духов[20] и вообще надоело, а Гудков все считал и считал в уме, во сколько станет ему бензин.

Если вы думаете, будто Павел Афанасьевич бездумно бросал в пасть своей машины не такое уж дешевое горючее, значит, вы просто не знаете Гудкова. С помощью определенных приспособлений[21] он давно уже перевел свой автомобиль на бензин более дешевой марки, образно говоря, с белого хлеба на черный. Затем Павел Афанасьевич познакомился с водителем самосвала, который был готов под покровом тьмы делиться с ним горючим. Переливая его из канистр в бензобак своего автомобиля. Гудков неизменно испытывал приятное чувство, которому, однако, не хватало полноты. Вот если бы совсем без бензина…

Но это, конечно же, пустые мечты. Павел Афанасьевич твердо знал, что для скорости и комфорта требуется бесцветная жидкость с характерным запахом и определенной ценой. Он был стихий-

---

[20] notes: 20

Учитывая действующие розничные цены, нельзя при всем желании, — *Авт.*

[21] notes: 21

Здесь не место техническим подробностям, к тому же конструкция нам все равно неизвестна. — *Авт.*

ным материалистом.

На этом месте, после положенной экспозиции, наше повествование подходит к завязке. Среди многочисленных слабостей стихийного, ненаучного материализма следует отметить непоследовательность. На словах такой, с позволения сказать, материалист не верит ни в черта, ни в дьявола. А коснется дело его лично, он и заколеблется; может, и вправду что-то такое есть? И если на всякий случай тихонько попросить о том, что позарез нужно, — не убыток.

Вот в такую минуту Павел Афанасьевич и позволил себе непродуманное, совершенно недопустимое высказывание.

То было весною, когда автолюбители, которых по эту пору матерые таксисты зовут подснежниками, выпархивают из своих бетонных, кирпичных и железных гнезд, влекомые солнцем, запахом природы и чистым, без льда и снега, асфальтом. Уже на закате, вернувшись в гараж на последних каплях горючего, Павел Афанасьевич сказал неведомо кому неизвестно зачем: «Душу бы отдал за бесплатный бензин. Или чтоб вообще без бензина».

Вот что позволил себе горе-автолюбитель, бросив тем самым тень на многомиллионную армию

своих товарищей по способу передвижения, которые в большинстве своем с открытым сердцем заправляют принадлежащие им транспортные средства на бензоколонках, подобных глупостей не произносят и в голове не держат.

Впрочем, не будем излишне суровы. Может быть, он эту глупость сказал просто так, не подумав, или же, к примеру, в шутку. Незадолго до того Гудков, заперев на всякий случай машину, сунулся к соседу по гаражу. Они выпили совсем понемногу, даже в бутылке еще осталось пальца на три, не меньше, и поговорили о распредвалах, которые после наварки почти так же хороши, как новые, но вдвое дешевле. Павел Афанасьевич вернулся к себе, достал канистру и воронку, дабы перелить драгоценную влагу в бензобак, — и тут произнес роковые слова. «…Или чтоб вообще без бензина», — сказал Гудков и осекся, потому что почувствовал на себе чей-то взгляд.

За сетчатыми воротцами стоял незнакомый человек. Он был высок, худощав и длиннонос, волосы черные, на висках с проседью. Одет в приличный костюм, но башмаки не в тон, а галстук вообще ниже всякой критики. Более всего незнакомец походил на танцора, вышедшего на пенсию, достаточно еще бодрого, чтобы, остав-

шись не у дел, искать выход своей энергии. «По пожарной части, — подумал Гудков. — Сейчас врежет за слив бензина».

— Гудков Павел Афанасьевич? — осведомился незнакомец, пристально глядя на канистру.

— Канистра, пардон, пустая, — соврал Гудков.

— А если и полная, — воскликнул длинноносый, — что за беда!

«Не пожарный, — подумал Павел Афанасьевич. — Значит, страховой агент».

— Машина застрахована.

— Вот и славно, — сказал незнакомец. — Незастрахованные не обслуживаем. Позвольте войти?

И, не дожидаясь разрешения, он вошел внутрь, положил подержанный портфель на багажник, что заставило Гудкова поморщиться, извлек из портфеля скоросшиватель, из него — тощую пачечку бумаг под скрепкой и, сверяясь с бумажками, принялся задавать вопросы, на которые сам и отвечал с комментариями:

— ВАЗ-2103, приличная модель, хотя и не новинка, но старая любовь не ржавеет, не так ли, цвет «рубин», смотрится хорошо и немаркий, мыть удобно, капот подымите, сверим номер двигателя, спасибо, совпадает, государственный

номерной знак 76–54, очень удобно, цифры по убывающей, легко запомнить, тормозная система в порядке, проверять не будем, бензинчик, конечно, не ахти какой, так сказать, в нарушение инструкций завода-изготовителя, но это, между нами, не мое дело.

Договорив фразу, длинноносый выхватил из кармана красный карандаш, поставил им жирный плюс против фамилии Гудкова и сказал удовлетворенно:

— Так что, Павел Афанасьевич, будем заключать договор?

Все время, пока незнакомец изучал автомобиль, Гудков вырабатывал позицию. Он не знал, как держаться дальше — строго или заигрывающе. Но теперь, услыхав слово «договор», за которым неизбежно крылись канцелярские хлопоты, обязанности сторон, а может быть, и выплаты, Гудков вспылил:

— Какой еще договор? До свиданья, гражданин.

Теперь уже взвился незнакомец.

— Ну, Павел Афанасьевич, так дела не делают. Вы у меня не один, другие клиенты ждут, может быть, нервничают, а я трачу время впустую. Давайте письменный отказ от вызова, мне отчи-

тываться нужно.

— Какой еще вызов? — закричал Гудков, наступая на гостя. — Не вызывал я вас, будьте здоровы, адье.

— Вы по-французски на меня не кричите, — строго ответил незнакомец. — У нас все протоколируется. Насчет бензина изволили интересоваться? Вот, записано: распивая с соседом по гаражу бутылку портвейна «Кавказ»…

— «Иверия», — уточнил Гудков.

— Виноват, вечно путаю. Впрочем, Иверия тоже где-то на Кавказе, если, конечно, верить Страбону. Лично я ему верю, а вы? Я не настаиваю на немедленном ответе, это вопрос серьезный, он требует размышления… Что вы на меня так смотрите, дорогой Павел Афанасьевич?

— Вы упомянули бензин. Хватит об Иверии.

— Ценю прямоту и умение держать тему, — при этих словах незнакомец слегка поклонился. — Сам всегда отвлекаюсь, за что и наказан судьбою, бит не раз.

— Вот и не отвлекайтесь, — сказал Гудков. — О каком бензине речь?

— Вы каким заправляетесь — А-76? Значит, и речь о нем.

Разговор становился все более интересным.

— С этого бы и начали, гражданин. У вас живой или талонами? Сколько можно брать? Если по случаю, мне неинтересно. Кстати, почем у вас?

— О память человеческая! — Гражданин простер руки ввысь. — Вы же сами сказали, что хотите бесплатно, — добавил он обычным тоном и опустил руки. — Ну, если говорить строго, то бесплатно не бывает. Однако взамен вы предлагали душу, я уже и в проект договора внес.

Тут Павел Афанасьевич отчетливо вспомнил свое не продуманное до конца заявление и подивился, как оно могло стать достоянием постороннего. Не исключено, что этот тип просто проходил мимо и подслушал. Шляется по гаражу, ищет простачков.

— Вы случайно не Мефистофелем будете? — съязвил Гудков.

И тут незнакомец в первый раз смутился.

— Куда мне… Я внештатно, на договорах. Гарантированный минимум плюс процент с реализации. Это практикуется, не я первый, не я последний. Что и говорить, хотелось бы больше уверенности в завтрашнем дне, но, увы, штаты укомплектованы. Мотаюсь как мальчишка.

Павел Афанасьевич не пожалел его.

— Позвольте ознакомиться с договором, — ска-

зал он строго и напялил очки.

Длинноносый опять раскрыл портфель, порылся в бумагах и вытащил пухлую книжечку с отрывными листками, из которой он отодрал привычным жестом два верхних и проложил их синей копиркой. Павел Афанасьевич взял листки, подошел к лампочке и прочел типографский текст, не очень ровно оттиснутый на скверной бумаге: мы, нижеподписавшиеся… именуемые в дальнейшем… марка автомобиля… зарегистрирован в ГАИ… района… подпись и дата… Все графы были уже заполнены остроугольными, словно готическими буквами.

Тут бы Гудкову возмутиться, сказать незнакомцу все, что он думает о розыгрышах, и выбросить дурацкие листки. А бесплатный бензин? Переводя взгляд с незнакомца на бумаги и обратно, Павел Афанасьевич сказал, запинаясь:

— Значит вы… по поручению… этого… диавола?

Так и произнес по-старинному, откуда только взялось. Глупость какая-то.

— Я уже объяснял вам, Павел Афанасьевич. К чему терминологические споры? — Незнакомец обрел привычную уверенность. — Подписываете или нет? Право слово, другие ждут.

— Я в общем не против, гражданин, — все еще робко проговорил Гудков. — Как к вам все-таки обращаться?

— Что за формальности, милейший клиент! Тут у нас полная свобода выбора. Зовите меня… скажем… Иннокентий Генрихович. Да, Иннокентий Генрихович. По-моему, хорошо. Вас устраивает?

— Хорошо, Иннокентий Генрихович, — согласился Гудкоа. — А как будем рассчитываться?

— О чем вы это — неужто о душе? Пустяки, пустяки совершенные, и не беспокойтесь. Мы души забираем по мере освобождения.

И, увидев недоумение на лице Гудкова, пояснил снисходительно:

— Такова сложившаяся практика. Нормативных актов на этот случай нет. По мере освобождения от бренной оболочки.

Гудков понял и поежился.

— Меня, признаться, больше волнует другое, — продолжал Иннокентий Генрихович. — Каким образом вы намерены пополнять запасы горючего?

Гудков оценил такт собеседника и тоже перешел на деловой тон.

— Нельзя ли заправляться на колонке у набережной? У меня там знакомая, совершенно

верный человек.

— Бесплатно заправляться?

— А как же еще?

— Ай-ай-ай, что вы говорите! Во-первых, знаю я эту дамочку, ее никто не заставит отпустить задаром хоть грамм бензина. А потом, — подумайте сами! — это ж уголовно наказуемое деяние, предусмотренное статьей… Сейчас посмотрю, какой именно, память подводит. — И он расстегнул портфель.

— Не надо, — твердо сказал Павел Афанасьевич. — Ваше предложение?

— Есть варианты. Могу предложить скважину на Аравийском полуострове. Или плавучую платформу в Северном море. Нефтеперегонную установочку литров на двадцать в сутки впишем в договор. Все, что перегнали, ваше, но без права продажи. Идет?

— Не идет! — рассердился Гудков. Он живо представил себе, сколько будет возни с документами каждый раз, когда надо заправиться, и вообще неизвестно, какая там нефть, может, клапана прогорят.

— Не идет!

— Полноте, будет вам волноваться, — успокаивал его Иннокентий Генрихович. — Придумаем

что-нибудь другое.

— А нельзя ли как-нибудь без бензина?

— Как-нибудь можно, — передразнил искуситель. И добавил строго, будто отрезал:

— Только ездить нельзя. Двигатель внутреннего сгорания работает на бензине.

— Но я думал, вы можете и так, чтобы…

— Как это так? Ваш великий соотечественник сказал: «Все перемены, в натуре встречающиеся, такого суть состояния, что сколько чего у одного тела отнимется, столько присовокупится к другому. Сей всеобщий естественный закон простирается и в самые правила движения». Вы полагаете, он правила движения упомянул просто так?

— Кто он?

— Неважно. Переходим от теории к практике. Какой у вас расход бензина?

— По городу — одиннадцать литров. С половиной. На трассе — ну, может быть, девять.

— С ума сойти! Это же сколько денег вылетает в выхлопную трубу! Теперь я вас понимаю, Павел Афанасьевич, тут не то что душу, а последние штаны заложишь.

Разговор принимал знакомый оборот.

— Я уже и свечи менял, и жиклеры продул, и

зажигание выставил, — доверительно сообщил Гудков.

— А поплавок регулировали?

— Спрашиваете! А она жрет и жрет.

Гудкову было искренне жаль себя.

— Как мне жаль вас! — поддакнул Иннокентий Генрихович. — Но мы поможем вашему горю.

Гудков понял, что теперь он хозяин положения.

— Только поскорее, — сказал он сурово. — Чтобы всегда полный бак, и баста.

Гость был очевидным образом смущен. Вот как важно правильно себя поставить в нужную минуту!

— Если вы не возражаете, Павел Афанасьевич, мы запишем, что условия подачи бензина — нет, в более общем виде — условия подачи энергоносителя относятся к компетенции исполнителя, причем заказчик или его правопреемники получают энергию для движения транспортного средства, минуя стадию заправки, вплоть до полного исчерпания ресурса названного транспортного средства. Не возражаете?

— Лады, — буркнул Гудков. И как только он произнес это, так сразу в квитанционных листках, в графе «особые условия» появились эти самые

«правопреемники» и «минуя стадию заправки».

— Тогда, — сказал Иннокентий Генрихович, — не сочтите за труд поставить свою подпись здесь и здесь.

Смутное воспоминание, должно быть, навеянное читанным в далеком детстве, кольнуло Павла Афанасьевича, и он поспешно спрятал руку за спину, как делал обычно, когда приходилось сдавать кровь на анализ. Иннокентий Генрихович расхохотался.

— Вы решили, что расписываться будем кровью? Такие случаи, не скрою, бывали, но только из-за технической отсталости. Жутко представить: ни шариковых ручек, ни фломастеров. Вы когда-нибудь таскали с собой флакон с чернилами? Только и думаешь, как бы не расплескать. Вот вам перо, Павел Афанасьевич, прошу.

Гудков положил листки на капот, посмотрел подозрительно на перьевую ручку ученического типа, которая, конечно же, раскидывает чернильные брызги, и подсунул под листки портфель гостя.

— Не хитрите, — предупредил Иннокентий Генрихович. — Никаких закорючек, подпись как в сберкассе. Вот так, спасибо, это мне, это вам, остальное вас не касается, потому что, заметьте

себе на будущее, мы держим за правило, что клиент всегда прав.

Последние слова Иннокентий Генрихович произносил, пятясь к выходу из бокса и на ходу раскланиваясь. Он исчез так незаметно, словно и не было его тут никогда.

Гудков стоял возле автомобиля цвета «рубин», и в руках его был второй экземпляр договора, скрепленный навеки буквами Г-у-д-к-о-в.

— Мамочка, что я наделал, — прошептал в ужасе Павел Афанасьевич. — Продал душу ни за понюшку табаку[22].

Вот так мы иногда упускаем человека.

В выходные дни Павел Афанасьевич любил поваляться подольше. Иной раз и «Утренняя почта» по телевизору пройдет, а Гудков все еще в кровати. Но в то утро, после визита странного субъекта, он поднялся на рассвете без будильника, оделся, плеснул на лицо две-три пригоршни воды и бросился к выходной двери. Стараясь не громыхать, снял цепочку, отодвинул щеколду и помчался к гаражу. «Привет, папаша», — бросил он по обыкновению сторожу. Тот проснулся и проводил Павла Афанасьевича непонимающим

---

[22] notes: 22

Непонятно, при чем тут табак. П. А. не курил и табака не нюхал. Душу он продал за бензин. — *Авт.*

взглядом.

Гудков чуть приоткрыл переднюю дверцу, осторожно просунул в образовавшуюся щель руку и, нащупав в потайном месте переключатель, вырубил противоугонную сирену. После этого он сел на водительское место и принялся отключать и снимать разнообразные секретки, принципа действия которых нам с вами знать не положено. Закончив эту рутинную процедуру, Павел Афанасьевич вставил ключ в замок зажигания, преодолел внутреннее волнение и повернул ключ направо до упора.

Мотор завелся с полоборота. В считанные секунды он набрал силу и мягко заурчал. Холеный и сытый мотор. Холеный, сытый и довольный жизнью.

Теперь — главное. Вчера Гудков покинул гараж, так и не перелив содержимого канистры в бензобак, и теперь указатель топлива должен стоять на нуле. "Гудков бросил искоса взгляд на указатель, потом уставился на него, потом пощелкал пальцем и мягко постучал по стеклу кулаком. Стрелка твердо стояла на цифре 1. Бак был полон.

«Ну, дает!» — подумал Павел Афанасьевич и выбрался из машины. Канистра стояла у заднего колеса, там, где он ее вчера оставил. Крышка

бензобака заперта, по обыкновению, на ключ. Отомкнув ее, Павел Афанасьевич принес ламйу-переноску и посветил в бак. Ничего. Померещилось даже, будто в глубине мелькнуло дно, но через горловину много не разглядишь.

Гудков снял с полки алюминиевую проволоку, отмотал с метр, распрямил и опустил в бак до самого дна. Потом вынул проволоку и тщательным образом осмотрел ее.

Проволока была совершенно сухая.

Павел Афанасьевич бросился к приборной панели и включил зажигание. Стрелка ожила и уткнулась в единицу. Павел Афанасьевич захохотал.

Сторож, прибежавший на шум, застал его за странным занятием: Гудков собирал в кучу канистры, воронки и другие деликатные приспособления, облегчающие перелив жидкости из сосуда в сосуд.

— Продаю чохом, — весело сказал он и пнул ногой двадцатилитровую посудину.

Сторож ушел досыпать.

На улицах родного города Павел Афанасьевич всегда вел себя благоразумно и не делал ничего, что могло бы нанести ущерб автомобилю. На сей раз Гудков изменил своей водительской ма-

нере; впрочем, не было еще ни пешеходов, ни инспекторов ГАИ, которые могли бы засвидетельствовать странные пассажи, проделываемые на проезжей части автомобилем № 76–54. На каждый его сумасшедший посыл машина, словно добронравная лошадь, отвечала полным послушанием. Она прибавляла ровно столько, сколько требовал хозяин, разве что чуть меньше, с поправкой на благоразумие, и сбавляла тоже точка в точку, ну разве что капельку больше, для пущей их с хозяином безопасности.

Упиваясь властью над автомобилем, Павел Афанасьевич пустил его резвым аллюром по загородному шоссе. Отъехав изрядно, он затормозил и вышел на обочину размять ноги. Стрелка по-прежнему твердо указывала на единицу. «Ну Иннокентий Генрихович, — сам себе сказал Гудков, — ну молодец! Без обману».

Марина Яковлевна ждала его к завтраку. По субботам они часто ездили за покупками, но никогда им не удавалось выбраться до обеденного перерыва. А Марина Яковлевна была уверена (и не без оснований), что лучшие товары выносят с утра пораньше, когда лентяи спят.

— Рванем по кольцевой до нового универмага, — предложил Павел Афанасьевич. — Успеем

к открытию.

— Вот еще, — сказал жена. — Бензин дармовой, что ли.

Гудков только ухмыльнулся. Вот оно, женское чутье: сразу в точку попала.

В новом универмаге действительно были кое-какие заслуживающие внимания вещи, по соседству в продовольственном оказались заказы с исландской селедкой; словом, поездка была успешной во всех отношениях. По возвращении Марина Яковлевна принялась хлопотать с обедом, а Павел Афанасьевич отогнал машину в гараж. Бак был все так же пуст, но стрелка все так же не отлипала от единицы.

Радостное настроение не испортила Гудкову даже неприятность, которая при иных обстоятельствах вызвала бы горькую досаду: новенькие меховые накидки на передних сиденьях слишком уж быстро истрепались и пожухли. Павел Афанасьевич провел по ним пальцем — и не скажешь, что новые.

— Вот дрянь какую делают, — сказал он вслух. — В былые времена овчине сносу не было.

— Не скажите, — возразил сосед, тот самый, с которым они давеча пили «Кавказ», нет, простите, «Иверию». — Не скажите. Это вам экземпляры

такие попались. Я еще до вашего покупал, а у меня как новенькие.

— Не беда, — примирительно сказал Гудков. — Новые куплю.

Тут он был в корне неправ. Преждевременный износ, а тем более порча или, не привелись такое, утрата — это всегда бедствие. А поодиночке неприятности не ходят, их только спусти с поводка.

Следующая пришла назавтра.

Воскресенье выдалось солнечным и теплым.

Обыкновенно, чтобы не жечь зря горючее, Павел Афанасьевич с Мариной Яковлевной далеко за город не уезжали. Отыскав в шеренге машин место, они брели к мелкой речке и лежали на ее грязноватом берегу. На сей раз они отмахали половину области и по сносному проселку добрались до тихого озера с темной, бархатной водой. И там, не поверите даже, кроме их автомобиля было еще два, ну от силы три.

Обратно ехали в сумерках. Павел Афанасьевич с удовольствием поглядывал на пышные волосы Марины Яковлевны, лишь немного подкрашенные перекисью, на маленькое ухо с золотой

серьгой в виде сердечка и с тем же приятным чувством переводил взгляд на приборную доску с застывшей намертво, словно в карауле, стрелкой. Двигатель жужжал, как пчела, шины шуршали, и в приоткрытое окно врывался бодрящий лесной воздух.

Гудков отлучился от машины буквально на минуту, уже после того, как загнал ее в бокс. Он поделился с соседом впечатлениями, отказался от остатков портвейна — не хотелось после свежего воздуха, да и смотреть уже было не на что, вернулся к себе, чтобы совершить на прощанье противоугонный ритуал, и обнаружил пропажу. Злоумышленники похитили замечательные резиновые коврики с приподнятыми, как у ванночки, бортами, коврики, которые так надежно защищают пол автомобиля от грязи и влаги. Добро бы они продавались в каждом автомагазине — ан нет, их делают в ограниченном количестве на одном весьма отдаленном заводе, и достать их может только истинный автолюбитель, то есть любящий свой автомобиль человек.

Но это было не все. Новенькие покрышки, украшенные глубоким и прекрасным, как восточный орнамент, протектором, тоже исчезли. Вместо них на всех четырех колесах стояли безобразные,

грубо стертые шины со смутным намеком на рисунок. Они оскорбляли взгляд своей плешивостью, жалкой и неровной. Им место разве что на расхлябанном «запорожце» с вечно ломающейся передней подвеской, старом и всегда плохо покрашенном — словом, по-народному, на «горбатом». Но не на ухоженном автомобиле цвета «рубин»!

Павел Афанасьевич задохнулся от гнева. Когда дыхание вернулось, он бросился к сторожу. Сторож посторонних не видел и не пропускал.

— Если соврал, — кричал на него Гудков, — голову оторву! В суд подам!

— Видали таких, — сказал сторож и пошел к своей будке.

Приехала милиция; составили протокол. Недоумение вызвал тот факт, что преступники за минуту поменяли все четыре колеса и заодно умыкнули коврики. Участковый выразил мнение, что работали пять человек, все профессионалы. За окрестными гаражами установили наблюдение, но случаи не повторялись. Гудков перестал выезжать на машине, так как на лысой резине ездить боялся, а новую не покупал в надежде, что отыщется старая.

Через неделю созвали общее собрание членов — пайщиков гаражного кооператива. Оно про-

шло организованно, кворум — единственный раз за многие годы — был полный, велся протокол, решение заняло три страницы машинописи[23]. Но Павлу Афанасьевичу все это не принесло удовлетворения, потому что никакой протокол, даже призывающий повысить бдительность, не может заменить ковриков и покрышек.

Обо всем, что было дальше, скажем совсем коротко, взяв за образец упомянутый выше протокол.

Гудков купил за полцены крепкие на вид, но уже однажды наваренные покрышки и продолжал ездить время от времени на автомобиле. Вторая договаривающаяся сторона выполняла принятые обязательства, на горючее Павел Афанасьевич не тратил ни копейки, но удовольствия от поездок получал все меньше и меньше, потому что порчи и пропажи сыпались одна за другой. Стерлись до конца овчинные чехлы, от них остались безобразные бурые ошметки. Прохудилась, будто истлела от безмерной ветхости, коричневая обивка кресел, и приходилось сидеть на выпирающих жестких пружинах, чуть прикрытых

[23] notes: 23

Выражаем признательность правлению кооператива за любезно предоставленную возможность ознакомиться с упомянутыми документами. — *Авт.*

грязноватым синтетическим волосом. Сгинули неведомо куда блестящие молдинги, а вслед за ними рассыпался приемник. Не прекращались и мелкие пропажи: то умыкнут кепку Павла Афанасьевича, то унесут сумочку Марины Яковлевны. Газеты исчезали ежедневно, в перчаточницу, ничего нельзя было положить, а когда по дороге с работы растворился в воздухе с боем добытый белужий балык, Павел Афанасьевич заплакал. Он был один в машине, минуту назад промасленный сверток лежал на соседнем сиденье, и вот балыка не стало, и так все это надоело, что Гудков остановился и долго вытирал глаза платком и отсмаркивался.

На следующее утро, прибыв на работу, Павел Афанасьевич привычно подошел к большому зеркалу у гардероба и увидел, что воротничок рубашки непомерно велик. Он затянул потуже узел галстука, сделал шаг назад и осмотрел себя в зеркале с головы до ног. Костюм, еще вчера сидевший как влитой, висел мешком.

Вечером Гудков встал на весы и обнаружил трехкилограммовую потерю. На другой день он сбросил столько же. К концу недели его нельзя было узнать.

Заподозрив самое худшее, Марина Яковлев-

на повела его к врачу. Гудкова обследовали, но ничего страшного не нашли, разве что нервное переутомление. Пока они ездили в клинику и обратно, Марина Яковлевна похудела на килограмм, что, впрочем, ее обрадовало. А Павлу Афанасьевичу дали больничный лист.

Целыми днями Гудков валялся на диване, косясь на телевизор и раздумывая, не включить ли его. В гараж не хотелось. От забот Марины Яковлевны и хорошего питания к нему стали возвращаться силы, костюм уже застегивался с некоторым трудом. Павел Афанасьевич начал выходить на прогулки. Когда он встречал знакомых, то незаметно втягивал живот, круглившийся под пиджаком. Так, втянув живот, он прошел мимо сторожа, молча кивнул и подошел к своему боксу. Поглядел, поцокал языком, покачал головой.

Машина стояла изможденная и выпотрошенная. Он обошел ее, от заднего бампера до переднего; впрочем, передний еще раньше исчез при неясных обстоятельствах. Павел Афанасьевич горестно вздохнул, и тут в его голове всплыла фраза, даже обрывок фразы, произнесенной этим странным типом… как его… Иннокентием Генриховичем. Он сказал: «Сколько чего у одного тела отнимется…»

У него, у Гудкова, от тела отнялось. У машины тоже отнялось. От ковриков и от балыка так отнялось, что и следов на осталось. И к чему же все это присовокупилось? «Думай, Гудков, — думал Гудков. — Машина-то ездила. А бензина в ней не было. С чего же она, спрашивается, ездила? С того и ездила, что отымалось. Как педаль газа нажмешь, так и пошло-поехало. Всеобщий естественный закон, пропади он пропадом!»[24]

В тот же день Павел Афанасьевич отогнал автомобиль в самый дальний конец Завокзальной улицы, в то место, что зовется в городе Сукино болото, и, не торгуясь, продал первому покупателю. Марина Яковлевна не упрекнула его ни словом, хотя, честно говоря, за машину даже в таком состоянии можно было взять и побольше. Но Павел Афанасьевич не желал торговаться, лишь бы поскорее сплавить машину этому, как там его по договору, — правопреемнику. Гудков не любил уже свой автомобиль и, следовательно, не был автолюбителем. Дальнейшая его судьба никому не интересна.

---

[24] notes: 24

Опять налицо непоследовательность стихийного материализма: куда же он пропадет, если он естественный закон? — *Авт.*

Дальнейшая судьба машины, принадлежавшей ранее Павлу Афанасьевичу, прослеживается с трудом. Автомобиль, которому не надо горючего, напоказ не выставляют, тем более если он ни с того ни с сего сжирает то резиновые коврики, то сумочку вашей дамы.

Поговаривают, что потрепанной машиной цвета «рубин» владел одно время публицист с безупречной репутацией, но, после того как исчез путевой блокнот, которым можно было кормиться полгода, он продал ее спортивному врачу, а тот, потеряв по пути на работу весь инструмент и дюжину коробочек с непонятными, но очень яркими таблетками, отдал ее по дешевке своему подопечному, тяжелоатлету, который стал сгонять вес, опустился на две категории и поставил дюжину мировых рекордов.

Но все это слухи. А вот что незыблемо — так это законы природы. Предупреждал же Иннокентий Генрихович — нет чтобы прислушаться. Кстати, где он сам и где второй экземпляр памятного нам договора?

Эвон, чего захотели! И первый-то экземпляр неизвестно где. Гудков клянется, что оставил его в машине под сиденьем. Должно быть, там и валяется. Кто станет шарить по полу в такой

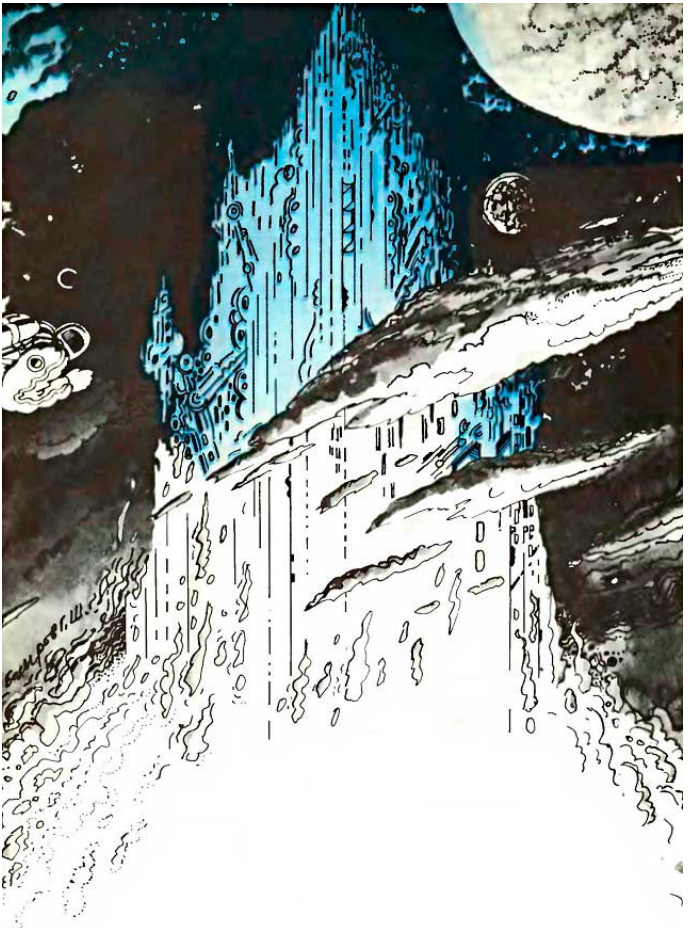
развалюхе? Разве что рубль уронят, но лично мы ни разу в машинах рублей не находили. Это крайне редкий случай.

Последний раз автомобиль Гудкова видели у клиники Института здоровой пищи. Время от времени из корпуса выходил под присмотром врача тучный гражданин, садился за руль и делал несколько кругов по двору. Помогало ему или нет, честно говоря, не знаем, но на машину жалко было смотреть. Пациенты ее не любили. Они не были автолюбителями.

№ 8, 9, 10, 11

Кир Булычев

Агент КФ



От агентства до космодрома было чуть больше часа езды. Космодром построили лет двенадцать назад, но дороги к нему так и не сделали.

По сторонам, уменьшаясь к окраинам и редея, тянулись полосатые дома-дыни с маленькими треугольниками окошек — будто кто-то проверял, спелые ли они. Из окон торчали длинные шесты с сохнущим бельем. Старый космофлотовский фургончик с буквами КФ на борту подпрыгивал на кочках, рыжая пыль застилала окна. Торговцы, сидевшие вдоль дороги, были рыжими, их товар тоже был рыжим.

Чистюля ПетриА задвинула окошко, стало еще жарче, но пыль все равно проникала внутрь и скрипела на зубах.

— Вы обещали вызвать мастера, чтобы починить кондиционер в фургоне, — сказал Андрей Брюс своему заместителю ВосеньУ. — Стыдно перед пассажирами.

— Пускай пришлют новый фургон, — ответил тот и сдул пыль с толстого портфеля, с которым никогда не расставался. — Наши мастера ничего не понимают в земных кондиционерах.

— Что говорят в консульстве о пропавшем археологе? — вмешалась ПетриА, чтобы переменить тему разговора.

— Увидим консула на космодроме, спросим, — сказал Андрей. — Вроде бы ничего нового.

— Все в городе знают, — вставил ВосеньУ, — что археолог мстил клану Западных вершин.

— Чепуха, — сказал Андрей убежденно. — Археолог здесь четыре дня. Он не знает никаких кланов. Он все время проводил в Школе знаний. Зачем ему кланы?

— Он продал им свои карты. Но ему не заплатили.

ВосеньУ дунул себе на плечо, на пришитое золотое крылышко. Он сам придумал себе космофлотовскую форму. Даже в этом мире ярких и разнообразных одежд он умудрялся выделяться. Может потому, что его клан был слаб, почти все мужчины погибли в распрях с Речным кланом и оставшиеся отказались от мести, чтобы выжить — подобно собаке, которая, проиграв схватку, ложится на спину и подставляет сопернику живот. Если бы не этот обычай, то жители планеты давно бы перебили друг друга.

Карты археолога пропали. Это было известно. ВараЮ, начальник городской стражи, сказал об этом консулу в тот же вечер. В комнате археолога Фотия ван Куна все было перевернуто вверх дном.

— Не расстраивайся, ДрейЮ, он найдется.

ПетриА положила кончики пальцев на колено Андрею. Она была влюблена в своего начальника.

Как принято в передовых семьях планеты, ПетриА в возрасте пятнадцати лет отправили вместе с тридцатью другими детьми из высокопоставленных кланов в Галактический центр, в школу для инопланетян. Она проявила себя обыкновенной, в меру умной ученицей и вернулась домой через три года, овладев несколькими языками, проглядев миллион фильмов и научившись худо-бедно вести конторское хозяйство.

Когда Андрей Брюс наконец сообразил, что эта смуглая девушка его любит, перед ним встала проблема — имеет ли он право на ответное чувство. Случись это лет пять назад, бравый капитан Брюс не стал бы таиться. Иное дело, когда ты — жалкая тень самого себя, обломок, оставленный в Космофлоте из милости. Спокойный пост на этой полудикой планете можно считать синекурой. Впрочем, он сам этого хотел. Чем реже видеть старых знакомых, чем меньше вспоминать о крушении и выслушивать слова сочувствия, тем легче дотянуть до конца. Можно, конечно, вернуться на Землю — маленькую планету в стороне

от космических путей, родину его деда, как возвращаются туда в старости многие земляне. Но он еще молод — сорок лет не возраст для отдыха. Склонности к литературному труду или писанию картин он не испытывал. И был все равно смертельно, до конца дней отравлен космосом. Может быть, когда-нибудь он вновь поднимется к звездам, пускай третьим штурманом — кем угодно…

А пока он не выходит на улицу после захода солнца. Чтобы не видеть звезд.

Оставив ПетриА в единственном зале космопорта и отправив ВосеньУ на склад, Андрей Брюс поднялся к диспетчерам.

В стеклянном колпаке диспетчерской было жарко, через открытое окно лезла рыжая пыль.

Оба диспетчера поднялись. Младший, загорелый, в клановой каске Восточных Гор, похожей на шляпку мухомора, взял со стола листок бумаги.

— Корабль второго класса «Шквар», порт приписки Земля, находится на планетарной орбите. Связь устойчивая. Посадка в пределах сорока минут.

«Шквал», мысленно поправил диспетчера Андрей. В здешнем языке нет буквы «л», иноязыч-

ные слова звучат забавно, но поправлять вслух было бы нетактично. Тем более горца.

— Кто капитан? — спросил он.

— Якубаускас, — ответил старший диспетчер, включая экран. — Он ждет связи.

На овальном экране возникло рубленое лицо Витаса.

— Андрей, — сказал Витас, — я рад тебя видеть.

— Здравствуй, — сказал Андрей. — Как полет?

— Лучшая игрушка за последнее столетие. Мне сказали, что ты здесь, на Пэ-У.

— Через час увидимся.

Андрей Брюс спустился вниз. В зале ПетриА не было. Зал показался пустым, хотя в нем сновали люди — прилет корабля всегда привлекает любопытных. Он собирает больше зрителей, чем птичьи бои.

Агента Космофлота узнавали многие. Он раскланивался.

Хорошо, что прилетел Якубаускас. Он все знает, он не будет задавать вопросов и бередить раны.

В тени здания гудела толпа. Такого Андрей еще не видел. Те, кому не хватило места в тени, расположились на солнце, маялись от жары, но не уходили. Их можно было понять. Еще никогда здесь не опускался космический корабль, только

посадочные катера и капсулы. Корабли оставались на орбите. Они не приспособлены входить в атмосферу. Гравитолеты могут опускаться где угодно.

Когда Андрей еще летал, они мечтали о гравитолетах. Тогда шли испытания, это было чуть больше десяти лет назад. Они летали тогда вместе с Якубаускасом.

Рыжая пыль ленивыми волнами ползла над полем. Зрители терпеливо ждали. Тускло поблескивали пыльные шлемы, покачивались модные шляпы-зонты. Пронзительно верещали продавцы шипучки, кудахтали торговцы фруктами, глаза ел дым жаровен. Господин Прут, наследник Брендийского престола, самый экзотичный тип в городе, стоял на высокой подставке, напоминающей шахматную ладью. Лицо его широко расплылось, глаза, нос и рот затерялись на поле щек. Молодцы в голубых с синим горохом накидках оттеснили зевак, чтобы те случайно не задели столь важную персону.

Наследник увидел Андрея, когда тот был в дверях, и зазвенел браслетами, высоко воздев толстые лапищи.

— ДрейЮ, у меня ужин! Ты приглашен вместе с капитаном!

Наследник престола хотел, чтобы весь город знал об этом.

Андрей изобразил на лице светлую радость. Придется идти. Мы дипломаты. Мы терпим. Где же ПетриА?

Консула Ольсена Андрей отыскал за углом здания, куда заглянул в поисках ПетриА. Консул оживленно беседовал с чином в черной накидке. Лицо чина было знакомо.

Вдали, у грузовых ворот, стояла пустая платформа. На нее лезли стражники в высоких медных шлемах, рядом суетились грузчики в желтых робах их гильдии. Там же стояла ПетриА. Каким-то образом она почувствовала взгляд Андрея и подняла тонкую руку.

— Ты говорил с кораблем? — деловито спросил консул.

— Там капитаном Якубаускас, — сказал Брюс. — Мы когда-то летали вместе.

— Наверное, придет приказ о моей смене, — сказал Ольсен, щурясь. Глаза его были воспалены, аллергия на пыль. — Мы с Еленой Казимировной очень надеемся.

— Будет жалко, если вы улетите. Я к вам привык.

— Я тоже, я тоже, но ведь двенадцать лет! У

меня три тонны заметок. Я должен писать, а занимаюсь разговорами.

— Что слышно об археологе? — спросил Андрей, глядя краем глаза, как платформа поползла к месту посадки.

— ВараЮ скажет лучше меня, — ответил консул.

И тут Андрей вспомнил, кто этот чин, — начальник городской стражи. Его орлиный профиль он только вчера видел в газете.

— Если это простое ограбление, — сказал ВараЮ скучным голосом, чуть покачивая большой узкой головой, — то мы его скоро найдем.

ВараЮ провел ладонью у лица, отпугивая злых духов, и добавил:

— Его труп скорее всего всплывет в озере.

Большое мелкое озеро начиналось у западных окраин города. Кварталы рыбаков сползали в него с берега, свайные дома уходили далеко в воду. Озеро было грязным, заросло тростником и лишь в километре от берега становилось глубоким; в сильный ветер там гуляли волны.

— Грабители днем, в центре города — разве это обычно?

— Это необычно, — согласился ВараЮ. — Но так проще для следствия.

— Он здесь впервые. Все время проводил в Школе знаний.

Ольсен вынул платок и вытер лицо. Платок стал рыжим.

— Он с Ар-А, — сказал стражник.

— Ну и что? — удивился Андрей.

— Они нашли сокровища гигантов. А это опасно.

Пэ-У была второй планетой, Ар-А — третьей.

Человеческая фантазия ограниченна и питается малым набором легенд. Легенды об Ар-А собрал Ольсен, он и был инициатором раскопок. Если на Земле когда-то жили атланты, погибшие неведомо как, то гиганты с Ар-А погибли в таинственной войне.

Третья планета обращается недалеко от второй, на небе Пэ-У она восходит голубым кружком, и сквозь прорывы в облаках тот, у кого острое зрение, может угадать очертания континентов.

Все на Пэ-У верили, что давным-давно обитатели Ар-А прилетали в железных кораблях. Они, светлоликие, научили людей строить дома и считать дни, они дали одежду и законы. Непокорных они поражали молниями. А потом гиганты

перессорились, и виной тому интриги богини Солнца ОрО, не терпевшей конкуренции со стороны смертных. Гиганты, разделенные на кланы, в страшной войне перебили друг друга к радости злобной богини.

В легендах, тщательно собранных Ольсеном, описывались корабли гигантов, их облик; даже язык их был воспроизведен в древних заклинаниях. Возможно, Ольсен ограничился бы записями, но однажды он узнал, что в долине, за капищем Одноглазой девицы, есть место, именуемое «Небесный камень». В Школе знаний ему рассказали, что этот камень, найденный лет двадцать назад охотниками, — ушедший в землю корабль гигантов.

Три месяца Ольсен осаждал Школу знаний с просьбой послать с ним человека к долине, еще два месяца пережидал клановую войну, которая кипела в тех местах, затем сломил сопротивление жены, Елены Казимировны, и добрался до долины.

Он увидел там разбитый планетарный корабль.

Археологи прилетели на Ар-А полгода назад. Сначала они не могли обнаружить ничего, так как умеренные широты и тропики заросли густы-

ми лесами. Затем они отыскали руины города. Затем пошли находки одна важнее другой.

По просьбе Ольсена на Пэ-У прилетел археолог Фотий ван Кун, чтобы доложить о находках в Школе знаний. Три дня он беседовал с коллегами, но последний и главный его доклад не состоялся: археолог исчез.

В небе, пробив яркой звездочкой пыльную мглу, возник «Шквал».

Андрей догадался об этом по изменившемуся гулу толпы. Все смотрели вверх, у некоторых в руках появились подзорные трубки.

Могучие лапы наследника Брендийского поднесли к глазам перламутровый театральный бинокль. Как он мог попасть на планету, в каком антикварном магазине завалялся — необъяснимо.

Звездочка превратилась в сверкающий диск, он постепенно рос и замедлял движение, пока не опустился мягко на поле. В этой мягкости была такая мощь, что земля вздрогнула.

Платформа со стражниками и механиками покатила к кораблю. Андрей следил за голубым париком Петри А.

До корабля было меньше километра. Первая платформа приблизилась к его боку и оказалась ничтожно маленькой рядом со «Шквалом».

Навстречу муравьишкам, соскочившим с платформы, торжественно развернулся серебряный пандус, люк, возникший над ним, показался Андрею похожим на храмовые врата. Он, Андрей Брюс, мог бы командовать этой махиной, громадной, тяжелой и невесомой.

Толпа постепенно преодолела робость перед масштабом зрелища. Голоса зазвучали вновь.

Андрей оглянулся. ВараЮ остался стоять у стены, Ольсен шагнул вперед Завтра в газетах напишут: «Корабль, как всегда, встречал агент Космофлота ДрейЮ. Он был одет в сшитый у мастера Крире-2 форменный костюм песочного цвета с золотыми пуговицами…»

Низкая платформа, которой управлял напыщенный как индюк ВосеньУ, ловко подкатила к Андрею. Тот пропустил вперед Ольсена. Платформа выехала на раскаленное поле и поплыла к кораблю.

Пилоты вышли из люка и остановились на верху пандуса. Андрею показалось, что сквозь густой от жары и пыли воздух до него доносятся слова:

— Ну и жарища…

С космодрома возвращались в новой машине консула.

Машина была удобной, чистой, на воздушной подушке, герметизация великолепная — на сидениях совсем не было пыли.

Витас Якубаускас почти не изменился. У него всегда были светлые волосы, и, если он немного поседел, этого не заметишь.

Говорили о «Шквале», о его ходовых качествах. До воспоминаний дело не дошло. Витас был деликатен.

С появлением кораблей класса «Шквал» в авиации наступал новый этап. Гравитационные роторы гораздо проще плазменных двигателей, они совершенно безопасны и не требуют защиты. Плазменный корабль обречен жить и умереть в открытом космосе, а гравитолет может опуститься на любом поле. В худшем случае примнет траву.

Ольсен, в зеленом костюме, с кружком Озерной школы на груди, и капитан Якубаускас в повседневном мундире гражданской авиации очень обыкновенно рассуждали о совершенно необыкновенных вещах. А за тонкой стенкой ма-

шины мир продолжал упрямо тикать по своим, неведомым законам. А мы и есть, думал Андрей, та ниточка, что связывает Галактику с этой планетой, с этими горцами и торговцами, дети и внуки которых полетят к звездам и будут строить гравитационные станции. Этот переход случится быстрее, чем на Земле, ведь нам пришлось самим расти до космической эры. Неизвестно, что лучше. Само существование ниточки между планетой и Центром неотвратимо и жестоко разрушает ткань этой непонятной жизни, какими бы мы ни были порядочными, разумными и гуманными. Конфликт внутри людей. ВараЮ смог преодолеть его в себе, он осознал неизбежность перемен и приветствовал их. А ВосеньУ? Он побывал в Центре, он научился летать на планетарных машинах, но психика его определяется не столько знаниями, сколько травмой, вызванной тем, что клан его мал и слаб — и это для него важнее, чем все корабли, прилетающие с неба.

— Где вы будете ночевать? — услышал Андрей голос Ольсена.

— Витас останется у меня, — сказал Андрей. — Тем более, что нам сегодня идти на прием.

— Куда? — удивился Витас.

— На ужин к наследнику Брендийскому.

— Отдыхайте, — сказал Ольсен. — Я помогу ПетриА разместить экипаж.

— Предупредите ее, пожалуйста, что я сегодня на ужине, — попросил Андрей.

— Разумеется, — сказал Ольсен, открывая дверь машины. — Чудесная девушка. Очень интеллигентная.

Андрей и Витас вышли из машины. Ольсен сказал вслед:

— Тебе пора подумать о семье, Андрюша. Елена Казимировна того же мнения.

— Спасибо, — сказал Андрей.

Умывшись и переодевшись, Витас улегся на диван и закрыл глаза.

— Знаешь, что приятно? — сказал он.

— Что?

— Окно открыто, и в него залетает ветер.

— Тут жарко, — сказал Андрей. — Вот на водопадах воздух настоящий, хрустальный. Может, я с вами съезжу.

— На Землю не собираешься? — спросил Витас.

— Пока нет. Ты голоден?

— Жарко, — сказал Витас. — Потом. Что там нашли на Ар-А?

— Уже и до центра донеслось?

— Галактика невелика, — сказал Витас. — И событий не так уж много. А мы разносчики новостей.

— Сюда прилетел один археолог, вчера вечером он должен был читать доклад о раскопках. Сенсация номер один. Вся знать обулась в сапоги и нацепила перья. Представь себе, что на Землю двадцатого века прилетает археолог с Марса с сообщением, что там открыты следы атлантов.

— И почему лекция не состоялась?

— Археолог пропал без следа. В самом центре города, в двух шагах от Школы знаний. Его могли похитить для выкупа, могли ограбить и убить. Может быть, это какая-то акция изоляционистов. О них много говорят, но толком никто ни черта не знает.

В шесть Андрей с Витасом поехали на ужин к Пругу Второму, наследнику Брендийскому. Это был официальный прием, не посетить его означало нарушить этикет. Витас не скрывал интереса, Андрей был раздосадован, что ПетриА еще не вернулась из космопорта.

Пруг прибыл в город в прошлом году и поселил-

ся в пустовавшей дыне — своем клановом доме.

Все подъезды к дому были заняты экипажами знати. Пришлось поставить космофлотовский фургончик за углом, в переулке.

Дом Пруга был окружен зеленой изгородью чуть меньше человеческого роста. По сторонам широкого проема, как раз напротив входа, стояли каменные колонны с гербами владения Брендийского: человек, пронзенный копьем. От колонн к лестнице тянулись в два ряда пятиножники с факелами. В смолу факелов был добавлен сок какого-то горного растения, они пылали зловещим фиолетовым пламенем. Горцы в коротких кольчугах и высоких шлемах, с копьями и автоматами в руках охраняли вход. У наследника Брендийского было немало врагов.

Они шли вдоль изгороди. Было почти темно. До освещенных колонн оставалось шагов пятьдесят, когда Андрей почуял что-то неладное. Жизнь в столице, где с темнотой приходят законы мести, а наемные убийцы организованы в гильдию, не менее почтенную, чем гильдии ювелиров и астрологов, научила его осторожности. Конечно, агент Космофлота не имел клана и не подчинялся законам мести, но в темноте возможны недоразумения.

То ли черная тень шевельнулась за изгородью, то ли в воздухе сгустилась неестественная тишина, но Андрею вдруг стало холодно. Неожиданно для самого себя он резко толкнул Витаса в спину и упал рядом с ним на булыжную мостовую.

— Ты спятил? — Витас рванулся, отбросив Брюса.

— Извини, — произнес Андрей, тяжело поднимаясь. Он ушиб локоть.

Витас не услышал — а Андрей услышал, потому что прислушивался, — быстрые шаги за изгородью, мягкие кошачьи шаги человека, обутого в толстые вязаные сапоги. А еще раньше он услышал, как взвизгнула комаром тонкая отравленная стрелка и звякнула почти беззвучно о стекло стоявшей сзади машины.

Андрей помог Витасу подняться.

— Андрей, ты можешь объяснить…

— Погоди, — сказал Брюс.

Он вытащил из кармана фонарик и посветил в сторону машины. Стрелка лежала возле колеса. Наконечник был разбит о стекло, по стеклу тянулась струйка яда, желтого и густого, как мед. Андрей поднял стрелку. Витас молча наблюдал за ним. Он ждал объяснений.

Андрей посветил на стрелку. Такими стреляют

из духовых трубок, у каждой стрелки есть на древке клеймо. По законам чести нельзя стирать с древка клановый знак. Даже у гильдии наемных убийц есть свое клеймо.

На этой стрелке клеймо было соскоблено.

— Пошли, — сказал Андрей.

Они дошли до колонны. Там стояли охранники Пруга. Они, конечно, ничего не заметили.

— Я не знаю, кто стрелял, — тихо сказал Андрей Витасу. — И не знаю, в кого из нас. И не понимаю, почему.

— У тебя отменная реакция. Я ничего не заметил.

Они вошли в круглый зал на втором этаже дыни. Посреди зала на троне с резной спинкой восседал Пруг Второй, наследник Брендийский, знатный изгнанник. Его рыхлое, грузное тело выпирало из трона, обвисало по сторонам. Голову наследника украшал трехрогий колпак, символизирующий три самые высокие горы во владении Брендийском, тело было прикрыто несколькими разноцветными короткими плащами. Он был похож на очень крупного младенца, одетого сразу в несколько распашонок. За его спиной стояли телохранители с ритуальными двойными копьями.

Гости подходили к хозяину дома и осведомлялись о здоровье.

Андрей оглянулся в поисках Ольсена. Тот стоял у стены и разговаривал с ВараЮ. Елена Казимировна на прием не пришла: она не выносила этикета.

Красочная толпа, медленно текшая по кругу, центром которого был трон, — а стоять на месте неприлично, — заслонила их от Андрея. Он нащупал в кармане стрелку.

— Я не ожидал такого счастья! — воскликнул с преувеличенной радостью Пруг. — Покровители небесных кораблей почтили нашу жалкую хижину!

— Покровители небесных кораблей осчастливили нас! — громко повторил герольд.

Андрею показалось, что толстяк встревожен. Его черные мышиные глазки суетились, убегали от взгляда, жирные пальцы дергались, перстни отбрасывали лучи.

— Как ваше драгоценное здоровье? — спросил Андрей.

— Я покорно приближаюсь к концу своего жалкого пути, — ответил Пруг, как того требовал этикет.

— Надеюсь, что смерть не придет за вами в

ближайшее столетие, — ответил как положено Андрей.

Он встретил взгляд наследника Брендийского. Глазки вонзились в его лицо.

Случайности быть не могло, думал Андрей. Никто, кроме нас, не наденет мундира Космофлота. Нас ждали.

Витас тем временем отвечал на вопросы. Из уважения к гостю Пруг говорил на космолингве. Наследнику Брендийскому никто не посмел бы отказать в редкой для этого мира образованности. Хотя, насколько знал Андрей, толстяк никогда не покидал Пэ-У.

Когда Витас освободился, Андрей повел его вокруг зала так, чтобы догнать ВараЮ и Ольсена. ВараЮ единственный в этом попугайном мире позволил себе придти в дневной тоге: он показывал этим, что остается на службе. Знатные дамы перешептывались, щеголи морщились, но власть этого тихого, худощавого, очень спокойного человека была настолько весома, что вокруг него всегда образовывалось пустое пространство. Он был незнатен и лишь незаметной настойчивостью превратил столичную стражу в реальную, только ему подвластную силу.

— Есть новые сведения, — сказал ВараЮ. —

Наш осведомитель говорил с бродягой, который видел, как вчера вечером у Дальних причалов остановилась машина. Из нее вытащили завернутое в ткань тело и сбросили его в воду. Сейчас там мои водолазы.

— Вы думаете, это связано с археологом? — спросил Ольсен.

— Клановой войны сейчас нет. Грабители не повезут тело в машине. И не будут пользоваться стрелами.

— Чем?

— Отравленными стрелами. Это не их оружие. А у стрелы, что нашли на пирсе, странная особенность…

— У нее стерто клеймо, — сказал неожиданно Андрей.

ВараЮ остановился. На него натолкнулся кузен премьера. В толпе произошла заминка. Пруг Брендийский резко обернулся.

— Простите, — сказал ВараЮ кузену премьера. — Я задумался.

Минуту спустя главный стражник тихо спросил:

— Откуда ты знаешь о стрелке?

— Точно такая же, со стертым клеймом, лежит у меня в кармане. В нас стреляли. Здесь, рядом с

домом наследника.

Андрей незаметно вытащил из кармана стрелку и вложил в протянутую ладонь. Стрелка тут же исчезла. Даже Ольсен не заметил.

— Почему они не попали? — спросил ВараЮ задумчиво. — Воины стреляют из духовых трубок без промаха.

— Я почувствовал, — сказал Андрей. — И упал.

ВараЮ кивнул. Он верил в интуицию.

Пруг поднялся с трона. Мягко, но звучно шлепнул в ладоши.

— Мои слуги и жены, — произнес он, — приготовили недостойное гостей угощение. Мне вредно много есть. Я умоляю сжалиться надо мной и разделить со мной ужин.

В зале сразу стало шумно. Многие пришли сюда, чтобы полакомиться. Гости поднимались по лестницам на верхний этаж, где кольцом были расставлены столы. Внутри кольца расположились музыканты и танцоры.

Андрея посадили в стороне от остальных землян. Зачем-то Пругу так было нужно. Витас тоже оказался в окружении чужих людей.

Одна из танцовщиц подошла к столу, взяла из

вазы голубоватое яблоко и улыбнулась Андрею. Это была очень известная танцовщица, он видел ее на десятке приемов.

Пруг сидел напротив Андрея. Он казался гигантом, потому что его стул был выше других. В ожидании, пока рассядутся гости, Пруг чистил ногти серебряным кинжальчиком. Он чуть наклонил голову, чтобы танцовщица не мешала ему наблюдать за агентом Космофлота, и легко улыбался. Интересно, думал Андрей, кому же все-таки выгодно меня убить? Ему не было страшно. Просто надо быть осторожнее.

Слуги внесли блюда с густой похлебкой из дичи. Всем известно, что лучшая в городе похлебка из дичи подается в доме наследника Брендийского.

На столе появились горящие курильницы с хмельными благовониями. Гости прикладывались к ним, голоса зазвучали громче. Похлебка была как всегда чудесной, но от благовоний Андрея мутило.

Танцовщица все быстрее кружилась под рокот бубноа.

ВараЮ сидел с каменным лицом, ждал, когда можно будет уйти. Его люди сейчас ныряют в озеро. Вода под светом керосиновых фонарей кажется черной и маслянистой.

Танцовщица остановилась, раскинув руки. Кисти рук чуть дрожали, звенели браслеты. Все тише и тише.

Андрей почувствовал взгляд, будто кто-то стучался ему в спину. Он оглянулся.

Сзади стоял один из воинов Пруга, могучий желтоволосый смуглый мужчина с узкими веселыми глазами. Поверх кольчуги была накинута туника цветов Брендийского союза, за широким поясом три ножа. Он молча смотрел в затылок Андрею.

— Как твое имя, отважный воин? — спросил Андрей.

— ДрокУ, благородный господин со звезд, — ответил тот.

— Я тебя раньше видел.

— Я всегда стою по правую руку знаменитого владетеля Пруга, — сказал воин, не отводя взгляда.

Перед глазами крутились жонглеры с раскрашенными лицами. Танцовщица сидела в центре круга, посасывая благовония.

Неслышными шагами к Андрею подошел слуга.

— Вас к телефону, звездный господин.

Слуга шел впереди. Они спустились по лестни-

це в зал, оттуда по другой, более узкой лестнице в основание дыни, в подвал. Там было полутемно. Богато украшенная трубка лежала на столике рядом с аппаратом, похожим на швейную машинку. В трубке стрекотал кузнечик — линия разъединена.

— Кто звонил? — спросил Андрей.

— Женщина, — ответил слуга. — Она очень волновалась.

Андрей начал крутить ручку вызова. Мягкая, пышная, тяжелая ладонь легла на рычаг.

— В момент веселья, — сказал наследник Брендийский, — нельзя отвлекаться. Обычаи не следует забывать.

Пруг улыбался, но глаза были мутными — он накурился. Под распашонками поблескивала кольчуга.

— Ты останешься с нами, — сказал Пруг. — Танцовщицы ждут тебя на верхнем этаже, повелитель неба.

— Гость дома может не бояться угроз, — ответил Андрей.

Пруг оттеснил его от телефона.

— Андрей, ты здесь? — крикнул с лестницы Витас.

— Мы сейчас уходим.

Андрей подошел к лестнице. Зачем Пругу нужно, чтобы он остался здесь? И кто звонил — Петри А?

Он был на верхних ступеньках, когда наследник крикнул:

— Остановите его!

Люди, жавшиеся к стенам, вскочили. Путаясь в распашонках, Пруг вытаскивал метательный нож.

— С дороги! — рычал он.

Но они с Витасом были уже у дверей.

В агентстве горел свет, дверь была открыта. В зале для посетителей ни души.

— ПетриА!

Он окликнул ее тихо, будто боялся спугнуть.

— Ушла, — сказал Андрей, успокаивая самого себя. Он уже знал, что надо пройти еще два шага, за высокую стойку, где стоял ее стол. Витас понял, что страх остановил Андрея и не дает ему сделать этих шагов. Он первым подошел к стойке, открыл в ней деревянную дверку, шагнул внутрь и наклонился.

Андрей знал, что он трус. Любой человек в Космофлоте знает, что он трус. За что исключен из

списков летного состава.

Вита с исчез за высокой стойкой.

— Иди сюда, — позвал он.

ПетриА лежала на полу, возле стола, свернувшись калачиком, как ребенок, который почему-то заснул в таком неудобном месте.

Витас осторожно приподнял ее голову. Голубой парик соскользнул с черных волос, будто не хотел служить неживой хозяйке.

Андрей стоял, опустив руки, смотрел на темное пятно на ее груди и мысленно умолял Ви-таса сказать, что ПетриА только потеряла сознание.

— Она умерла, — сказал Витас.

— Нет, — сказал Андрей, который знал, что она умерла, уже в ту минуту, когда они вошли в агентство. — Она звонила, она просила приехать. Сколько времени прошло, а мы все не ехали.

Витас поднялся, шагнул к столу, к пишущей машинке. Движение его удивило Андрея. Он тупо смотрел, как Витас вытаскивает из машинки нижнюю половину листа, грубо и неровно оборванного.

«Шквал», — было напечатано у оборванного края.

— Она писала это, когда они вошли, — сказал Витас.

Андрей кивнул. Ему было все равно.

— А что там? — услышал он голос Витаса.

— Мой кабинет, — сказал Андрей. — Он заперт.

Витас толкнул дверь, она открылась.

— Замок взломан, — сказал Витас.

Внутри тоже горел свет. Шкаф, стоявший напротив двери, был раскрыт и пуст. Что же там должно быть?

— Что было в шкафу? — спросил Витас.

— Ничего интересного, — ответил Андрей. — Мундир.

— Кому-то было интересно, — сказал Витас. — И стол взломан. Что было в столе?

— Ничего интересного, — повторил Андрей. Все это не имело никакого отношения к нему. И к ПетриА.

— Почему она написала «Шквал»? — донесся настойчивый голос Витаса.

— Не знаю.

— Ты можешь позвонить в диспетчерскую?

Андрей снял трубку телефона. Там не отвечали.

— Надо ехать, — сказал Витас.

— А она? — спросил Андрей.

— Ей мы уже не поможем.

Андрей позвонил брату ПетриА и попросил

приехать. Он сказал, что с ней несчастье. Больше ничего. Потом склонился и поцеловал ПетриА в висок. Кожа еще сохраняла остатки теплоты.

Космофлотовская машина подскакивала на камнях, ухала в рытвины — ей еще не приходилось ездить так быстро по этой отвратительной дороге.

Надо бы позволить Ольсену, они были дружны с ПетриА, но Ольсен уехал куда-то с ВараЮ. Андрей ощущал какую-то связь между покушением у Пруга и смертью ПетриА. А если просто совпадение во времени?

— С такой скоростью мы доберемся до космодрома к утру, — сказал Витас.

Темные дома-дыни выплывали из темноты, освещенные фарой, и прятались в столбе дыма. Расхлябанный фургон Космофлота ухнул в очередную выбоину, и его окутало пылью. Когда он выбрался из желтого облака, впереди возникли огни космодрома. Тусклые дежурные фонари, люлька диспетчерской на башне.

Ворота на поле были распахнуты, охранника не видно.

Андрей затормозил у башни. Было очень тихо.

Стайка летучих крыс пролетела низко над головами, и по коже прошел холодок от их тихого пения.

Витас молча следовал за Андреем.

Диспетчерская была ярко освещена. Дежурный диспетчер завалился набок в кресле, он был неподвижен. Андрей пощупал пульс.

— Он жив.

Диспетчер тихо застонал.

Витас прошел к экрану и включил его. На экране возник корабль, он был темен и тих. Витас дал увеличение.

Люк открыт, пандус опущен.

— Где вызов? — спросил Витас.

Андрей уже вызывал корабль. Тот не отвечал.

— Этого не может быть, — сказал Витас.

Андрей обернулся. В открытых воротах космодрома вспыхнул белый круг прожектора и на поле выползла большая военная машина. Из коротких труб белыми столбами рвался пар. Стальной округлый лоб блестел под фонарем.

Машина шла полем к кораблю.

Андрей бросился к выходу, Витас за ним. Они залезли в фургон и помчались к «Шквалу».

Боевая машина затормозила. В открытом люке корабля возникла фигура.

— Кто это? — крикнул Андрей, перекрывая рев двигателя.

Человек, освещенный прожектором, был одет в светлый костюм и высокую фуражку.

— Это ты! — закричал в ответ Витас.

Человек редко видит самого себя издали, но Витас был прав. Человек, стоявший у люка, был одет в песочный мундир агента КФ, тот самый мундир, который исчез из кабинета.

Из боевой машины выскочили воины в черных коротких туниках поверх кольчуг. С копьями, некоторые с автоматами. Затем вылез грузный человек, закованный в латы. Андрей узнал Пруга, наследника Брендийского.

Пруг обернулся, заметил машину Брюса и что-то крикнул воинам, потом быстро побежал наверх, к люку. Человек в мундире Андрея Брюса поспешил за ним. Воины кинулись назад, прячась за броней боевой машины. Короткая пушка начала разворачиваться в сторону паровичка.

Оставалось еще пятьдесят метров открытого пространства. Андрей видел на маневрах, что происходит при выстреле взрывчатой картечью. Именно из такой пушки.

Андрей резко развернул машину и бросил ее в сторону, чтобы ускользнуть от прожектора.

Он успел увидеть, как два воина выволакивают из люка человека, обнаженного и бессильного. Пушка выстрелила.

Единственным спасением было скрыться за кораблем. Башня боевой машины разворачивалась, Андрей шкурой чувствовал, как ствол поймал их машину и ведет ее. Он резко затормозил, Витас ударился головой в лобовое стекло.

Сверкающая струя пролетела перед самым носом паровичка.

Полминуты, чтобы зарядить пушку. Отравленные стрелы били по боковым стеклам, оставляя на них желтые потеки.

Во всю силу врубился могучий прожектор «Шквала». Поле стало светлым и маленьким, спасительная стена корабля была рядом.

Но они не успели. Их накрыло следующим выстрелом.

Андрею показалось, что он ослеп. Звенело разбитое стекло. Ожгло руку. Машину завертело и понесло.

Потом неожиданно наступила тишина. Машина стояла.

— Витас, — крикнул Андрей. — Ты что?

Витас не отвечал. От выстрелов вспыхнула фанерная обшивка паровичка, кабина наполнялась дымом. Все было неправильно и нереально. Он — агент КФ, он занимается рейсами, размещением гостей, тихое место, тихая работа. Сейчас он вернется и расскажет ПетриА о диком сне.

Витас оказался со стороны выстрела. Андрей вывалился из машины, на мгновение он потерял сознание от боли, но не отпустил Витаса и вытащил его за собой. Рука ударилась о бетон, и сверху мешком свалился Витас.

Дым был ужасен, пламя разгоралось, чтобы

сожрать паровичок. Андрей полз или ему казалось, что он ползет, лишь бы скорее спрятаться в спасительную тень под кораблем, как будто там их никто не найдет…

Андрей сделал движение, чтобы откинуть одеяло, но рука, запеленутая и тяжелая, не подчинилась ему. Звонок тревоги в мозгу безжалостно будил клетку за клеткой, и, пробудившись окончательно, Андрей замер от необъятности тревоги, а затем — горя.

Была смерть ПетриА. Ночной космодром. Звезды картечи. Ослепительный взрыв.

И Андрей не пытался больше подняться. Он замер. Он почти спокойно прокручивал в голове ленту событий, вчерашних — или, может быть, уже давних? Сколько он провел времени в беспамятстве? Где он? На корабле. И корабль в полете. Ни один звук, ни одно движение не выдавало этого, но Андрей — на то и опыт — отлично знал, что корабль летит.

Андрей подвигал ногами. Ноги были послушны.

Теперь правая рука. Правая рука откинула одеяло и поднялась в воздух. Андрей поглядел на нее,

как на живое существо, ему не принадлежащее.

Он сел на кровати. Голова закружилась. Ноги сделали привычное движение — надеть шлепанцы. Пятки скользнули по полу. Андрей сосчитал до двадцати, голова перестала кружиться. Он поднялся. Рука в эластичной повязке легла вдоль бока. Было больно. Чем же кончилась эта история с нападением? А Витас?

Беспокойство за Витаса и заставило Андрея скинуть оцепенение.

Андрей дотронулся до кнопки двери. Дверь не шелохнулась. Сначала ему даже не пришло в голову, что дверь может быть закрыта. За годы жизни на кораблях он не видел такого — двери не должны запираться, если только не нарушена герметичность.

Андрей шагнул к койке, нажал на столике вызов интеркома. Слава богу, хоть вызов работает. Экран как бы нехотя ожил, пошел полосами. Вспыхнул белым. На экране был ВосеньУ.

И не узнаешь с первого взгляда. К тому же костюм был ему велик.

Разумеется, велик, потому что Андрей выше ВосеньУ и шире в плечах.

Вот, значит, кому надо было, чтобы его приняли за Андрея. Зачем? Чтобы захватить корабль.

Значит, подумал холодно Андрей, утопая в ненависти, значит, это ты, мой скромный помощник, убил ПетриА. Она помешала тебе, и ты ее убил.

— Где Витас? — спросил Андрей. Он был совершенно спокоен.

— Болеет.

— Кто у вас главный?

— Нас ведет Пруг Брендийский.

— Вызови его.

На экране возник Пруг Брендийский. Он не знал, как переключается связь, и попросту оттолкнул ВосеньУ.

Наследник Брендийский был в боевом наряде и высоком шлеме. Полосы боевой краски на надутых щеках, подсиненные, заплетенные в косички усы. И настороженные черные глаза.

— Ты хотел говорить со мной? — сказал он. — Говори.

— Что произошло?

— Ты сам пришел к нам, — сказал Пруг. — Мы тебя не звали.

Он смеялся. Добрые лучики веером разбежались от уголков глаз.

— Зачем все это нужно?

— Приведите его ко мне, — приказал Пруг.

Пруг Брендийский ждал в кают-компании. Он занимал половину дивана.

— Рука, — спросил Пруг, — не болит?

— Я хочу видеть капитана Якубаускаса, — сказал Андрей.

— Я думал, ты будешь спрашивать о более важных вещах, — сказал Пруг и снял парик. Голова под париком была совсем лысой.

Рука ныла, как будто в нее воткнули гвоздь. Даже подташнивало от боли. Еще не хватало упасть перед ним в обморок.

Андрей опустился в кресло напротив Пруга. Охранник, вошедший за Андреем, хотел помешать, но Пруг поднял руку:

— Пускай сидит. Он слаб. Люди неба хороши, пока вокруг них много приборов. Когда они голые, то в них нет силы.

— Где Витас? — сказал Андрей упрямо. Не спорить же с горным князьком, в лапы к которому попал лучший звездолет Галактики.

— Я отвечу, — сказал Пруг. — Твой Витас жив. Он мне не нужен, как не нужен ты. Но жив. Где доктор?

— Сейчас, — отозвался ВосеньУ и, стараясь не

проходить рядом с Андреем, отправился к экрану. За экраном молча стоял ДрокУ, желтоволосый воин, которого Андрей видел в доме Пруга.

— Медотсек слушает, — раздался голос. Интересно, сколько человек оставалось на «Шквале»?

— Скажи ему о капитане, — произнес Пруг на космолингве.

— Как ваша рука? — спросил доктор. — Я хотел бы, чтобы вы зашли ко мне. Вам надо сменить кокон и сделать обезболивание.

— Я задал тебе другой вопрос, — сказал Пруг. — На мои вопросы надо отвечать сразу.

Доктор пожал плечами. Он был уже немолод, худ и сутуловат.

— Не пугайте меня, — сказал он. — Капитан Якубаускас в тяжелом состоянии. Он в ожоговой камере. Прямой опасности для жизни нет, но требуется покой и длительное лечение…

Андрей смежил веки. Тошнило от боли.

— Почему ты не задаешь вопросов? — спросил наследник Брендийский. — Я рад тебе ответить. Ты мой гость в этом большом доме.

— Зачем вы это сделали? — спросил Андрей. — Вы же понимаете, что вас обязательно поймают.

— Могу ответить, — сказал наследник Брендийский. — В этом теперь нет тайны. Мы летим

на Ар-А. На родину моих предков. На родину гигантов.

— Зачем?

— Я очень просто устроен, — ответил Пруг. — Мне нужна власть и слава. Как и каждому благородному воину. Я был предательски лишен власти, которая причитается мне по праву, и вынужден жить среди слизняков вонючего города. Но у меня давно была мысль вернуться к себе победителем. Великим победителем, о котором давно мечтал мой народ и все народы.

Пруг Брендийский перестал улыбаться. Даже мягкие брыли подобрались.

— Ты чужой, ничего не понимаешь. А если понимаешь, то думаешь так, как тебя учили. Только великие люди умеют думать так, как хотят. Я думаю о том, как поднять честь. Я лечу на Ар-А. Побуждения мои благородны и цель высока. Поэтому ты жив, и твой капитан жив, и те, кто был на корабле, тоже живы. Мне не нужна кровь, только справедливость.

— А ПетриА? — спросил Андрей. — Она погибла.

— ПетриА, из клана Кам-Петри? Мне никто не сказал.

— Спроси у своего сообщника, — сказал Ан-

дрей.

— ВосеньУ, что знаешь ты, скрытое от меня?

— Кто-то убил ПетриА, — сказал ВосеньУ. — Когда я зашел в агентство, чтобы взять полетные документы и его одежду, то увидел ее мертвой. Наверное, это совершил ДрейЮ. У них была связь, и он боялся, что о ней узнают.

— Если ты прав, — сказал Пруг, — о, мы будем вынуждены жестоко наказать ДрейЮ. Ибо никто не смеет поднимать руку на девушек наших славных кланов.

Медицинский отсек был ярко освещен. Доктор поднялся навстречу.

— Здравствуйте, — сказал он. — Меня зовут Мишель Геза. С вами я немного знаком. Со вчерашней ночи вы мой пациент.

— Витас спит?

— Спит. Сейчас займемся вами.

Он быстро обработал раны. Боль возникла, заставила сжать зубы, но тут же отпустила.

— Что у вас произошло? — спросил Андрей.

— Я не поехал в город, — сказал доктор. — Полежите, сейчас пройдет. Я немного простудился. Нас осталось двое, я и второй пилот Висконти.

Мы занимались своими делами, Висконти был на мостике. Потом он включился и сказал, что приехал агент Космофлота, что-то случилось. Я тоже пошел к люку, может быть, несчастный случай. Было темно. Я увидел служебную платформу, а на ней стояли вы.

— Как вы меня узнали?

— Форма. Форма представителя Космофлота.

— Это был мой помощник ВосеньУ.

— Висконти открыл люк. Мы же не знали вас в лицо…

— Вас никто не винит.

— Дальше все было неожиданно. Они оба вошли и приказали нам лечь. Висконти был вооружен, он пытался достать пистолет…

— И что?

— Они закололи его. Понимаете, все произошло очень быстро. Висконти вдруг упал. А меня свалил другой. Остальные, наверное, скрывались у корабля. Или лежали на платформе. Я услышал голоса. Они ворвались в корабль. Меня перетащили в кают-компанию. Мне сказали, что корабль переходит в чье-то владение. Человек в вашей одежде хорошо говорил на космолингве.

— Да, — сказал Андрей. — У него диплом штурмана. Но он предпочел работать в агентстве.

— Он сказал, что я должен выполнять приказания. Иначе меня убьют, как Висконти. Он не шутил.

Доктор подошел к столу, стал перебирать на нем какие-то бумажки. Руки его чуть дрожали.

— Простите, — сказал он, — не могу пережить.

— Я бы тоже испугался.

— Вы не поняли, я не могу пережить унижения. Это отвратительно. У меня на глазах убивают человека. Я смотрю на эти лица — совершенно спокойные лица… Когда этот ВосеньУ сказал, что «Шквал» должен готовиться к отлету, я вспомнил давние времена, может, помните, если вы учили историю, про террористов, которые захватывали самолеты.

— Помню. Читал.

— Я старался говорить с ними мягко, ну как с сумасшедшими. Я уговаривал одуматься. Он смеялся, а потом меня ударил. Буквально ударил по лицу. Вы можете поверить?

— Могу.

— Остальное вам известно. Но куда мы летим? И как вы думаете, они нас накормят?

— Не знаю, — сказал Андрей. — Они говорят, что летят на Ар-А. Это другая планета в той же системе.

— Она населена?

— Нет. Там только археологическая экспедиция.

События, которые казались еще недавно не связанными между собой и даже загадочными, обретали простые объяснения. Почему надо было покушаться на Андрея и Витаса? Потому что они мешали Пругу, оставаясь на свободе, они могли сорвать захват корабля. Их надо было убрать. Просто и понятно. Но почему Пруг не был настойчив в попытках убить их? Есть старинная поговорка: «Лучше живой враг, чем мститель за мертвого». Пруг опасался, что убийство капитана и агента КФ заставит Галактический Центр вступить на путь смертной мести. Пока была темная улица и стрела со стертым клеймом, Пруг мог откреститься. На корабле все иначе…

Но путешествие на родину предков — что за причина для такого трезвого политика, как Пруг?

Доктор открыл дверь в госпиталь. Там, в ванне с физиологическим раствором, лежал Витас.

Андрей подумал, как меняется человек, когда он находится в неестественном состоянии. Ты смотришь на него и видишь куклу, потому что мышцы лица расслаблены, чего не бывает

даже в глубоком сне, от этого лицо становится неживым.

— Что же, — сказал Андрей, — надо отдать им должное. Они провели свою операцию безукоризненно.

Наследник Брендийский, потомок гигантов и в скором будущем господин планеты Ар-А, пригласил к обеду агента КФ Андрея Брюса.

Кают-компанию переоборудовали. Предусмотрительный наследник притащил с собой любимые вещи. Например, кресло, достаточно солидное, чтобы вместить его тушу.

Стол был накрыт скатертью цветов клана. Два воина в парадных туниках и шлемах стояли по обе стороны кресла, сверкая обнаженными клинками.

— Садись и поешь со мной, — сказал Пруг. — Не считай себя моим кровником. Это заблуждение. Смерть уважаемой ПетриА была следствием ошибки. Мы ее не убивали. Даю слово горца.

Воины внесли блюда с настоящей горской пищей. И об этом Пруг позаботился.

— Доктор голоден, — сказал Андрей.

— Я уже распорядился. Ему понесли пищу.

Странно, подумал Андрей. За всю мою не очень удачную жизнь мне не приходилось еще сталкиваться с человеком, которого я мысленно называю врагом. Но этому я враг.

— Мне ничего от тебя не надо, — сказал Пруг, накладывая с подноса мешанку в миску Андрея. — Я своего добился. Дикий горец захватил корабль. Почему? Потому что вы избалованные люди. Вас защищает страх других перед вашим могуществом. Это и есть ваша слабость. И вот результат: мы летим туда, куда я хочу.

— Не вижу, в чем наша слабость.

— Все очень просто. Горец никогда бы не сел за один стол с убийцей. Он бы умер от голода. Он бы бросился на нож. А ты такой могущественный, что не считаешь для себя унизительным сидеть со мной. Ты думаешь, что перехитришь меня. А ведь человеку трудно перехитрить гиену. Она — первобытное существо. Я — первобытное существо. Даже твой неверный помощник ВосеньУ — первобытное существо. Вы научили его летать в космосе и считать на компьютере, но внутри он остался таким же диким, как и до встречи с вами. Ты когда-нибудь был у него дома? Ты знаешь, с каким упрямством он выполняет все ритуалы первобытной жизни? Когда я узнал, что он внутри

остался первобытным, я начал прикармливать его, а прикармливая, запугивал. Признай, что в моих словах есть истина.

— Есть, — согласился Андрей. — Мы были доверчивы. В результате убита ПетриА, убит пилот Висконти, тяжело ранен капитан корабля. И боюсь, что это — не последние жертвы.

— Не превращай меня в убийцу. Кстати, ты тоже ранен, и еще одного человека пришлось убить вместо археолога. Тебе смерть неприятна, ты чураешься ее оскаленной морды. Но если бы ты стал проповедовать миролюбие среди моих людей, тебя бы не поняли.

Принесли пирог с ягодами, кислый, свежий, остро пахнущий лесом и смолой. Пруг отломил кусок и положил Андрею.

— Мы никогда не были вашими врагами, — сказал Андрей. — Даже по вашим законам нельзя нападать, не бросив вызова. Это считается подлостью.

— Не учи меня, что подло, а что хорошо. Мир подл. Другого я не знаю. Я должен возвратить себе престол в горах. Это — благо для моих подданных. Ради него я позволю себе презреть устаревшие правила благородства. Вы встали на моем пути к великой цели и стали моими врагами, хотите

вы того или нет.

Вошел ДрокУ. Он нес серебряный таз для омовения рук. Простому воину такая честь не дозволена.

— Я не согласен с вами, — сказал Андрей Пругу.

— Меньше всего мне нужно твое согласие. Я пригласил тебя не для этого. Ты должен понять, что мне нельзя сопротивляться. И не замышляй фокусов, они приведут к твоей смерти.

ДрокУ хлопнул в ладоши. Слуги принесли курильницы.

— Я бы мог схитрить, — сказал Андрей, поднимаясь. — Мог бы притвориться покорным. Но мои понятия чести не позволяют мне сделать это. Убийство и честь несовместимы. Я буду бороться с тобой, Пруг Брендийский, пока ты не будешь обезврежен.

— Для этого тебе придется меня убить, а убивать ты не хочешь. Так что ты бессилен, господин неба. Ты даже не сможешь отомстить за свою женщину. Я в презрении плюю на тебя. Уходи.

По кают-компании раскатился громкий, утрированный смех. И голос Пруга вслед:

— Я хотел сказать тебе — опасайся ВосеньУ. Он маленький человек, и он тебя боится. А такие

маленькие люди очень опасны. Ты меня понял?

— Понял.

Если «Шквал» идет к Ар-А, это займет два дня. Археологи уже знают, что случилось, у них есть связь с Пэ-У…

Андрей представлял себе, как известия о малой войне распространяются по Галактике. Но эти картины были далеки от реальности: Пруг оказался предусмотрительным.

Археологи на Ар-А, ожидая прилета «Шквала» и возвращения Фотия ван Куна, с утра пытались связаться с космодромом Пэ-У. Космодром не отвечал — там была взорвана диспетчерская.

Когда утром «Шквал» не вышел на связь, Галактический Центр сообщил об этом в Космофлот, но так как было известно, что «Шквал» благополучно приземлился на Пэ-У, то дежурный по управлению не встревожился. Во время обеда ему сообщили, что планета также не отвечает. Так и не доев компота, он поднялся в центральную обсерваторию, чтобы узнать, какого рода помехи могли возникнуть на линии. Ему сказали, что из-за взрыва сверхновой связь ненадежна во всем секторе.

Поняв, что во всем виновата сверхновая, дежурный все же вызвал два корабля, которые находились в том секторе, — «Титан» и «Вациус». Связь с ними была нормальной.

Андрею в каюту позвонил доктор Геза.

— Это безделье кролика, — сказал он. — Сейчас откроется дверь и ваш Гаргантюа скажет — пожалуйте, будем вас кушать. Дайте мне какое-нибудь задание.

— Почему я?

— Не могу объяснить. По каким законам стая выбирает вожака?

Андрей понял, что застоялся. В нем всегда жил какой-то бес движения. Поэтому он начал отжиматься от пола. Он отжался двадцать два раза, когда дверь отворилась и показался доктор.

Андрей вскочил. Потряс руками, расслабил пальцы.

— Как вы вышли?

— Они забыли запереть дверь.

— Возвращайтесь к себе.

— А вы?

— Я загляну в отсек связи.

Андрей быстро пошел по коридору. У закругления коридора он замер, прислушиваясь. Потом обернулся. Доктор все еще смотрел вслед. Андрей

энергично махнул рукой — уходите!

Законы, по которым на корабле располагаются помещения, консервативны. Дорогу к сектору связи Андрей мог бы найти с закрытыми глазами. Дверь в отсек была открыта.

Андрей закрыл за собой дверь, включил настройку. Над пультом загорелись два зеленых огонька. Теперь надо найти волну и позывные Центра. Когда-то он знал их наизусть, но все, наверное, изменилось. Он включил экран-справочник.

Дверь сзади беззвучно поехала в сторону. Андрей понял это по внезапному движению воздуха и обернулся.

ВосеньУ держал в руке бластер.

— Тебя опасно оставлять в живых, — сказал он.

Глаза ВосеньУ казались черными бездонными дырами, как дыры в белой маске, за которой нет лица.

«Такие маленькие люди очень опасны».

Андрей бросился на пол, стараясь дотянуться до ног ВосеньУ.

Луч ударил в пульт и расплавил экран. ВосеньУ снова поднял бластер, рука его тряслась.

Дурак, — трезво и спокойно подумал Андрей, — выпустил весь заряд и не поставил на подзарядку. У меня есть три секунды.

Он вскочил и шагнул к ВосеньУ так, чтобы за эти три секунды дойти и убить. Он очень хотел убить этого человека. Но не успел, потому что за спиной того уже громоздился слоновьей тушей Пруг Брендийский. Далее желтоволосый ДрокУ… а за ними доктор. И доктор кричал:

— Убийца!

Андрей увидел, как ладонь Пруга опускается на затылок ВосеньУ, и пожалел, что не успел первым.

ВосеньУ охнул и сел па пол. Бластер отлетел в сторону, и доктор хотел поднять его, но ДрокУ опередил его.

— Я же предупреждал, — сказал Пруг. — Он очень опасен.

— Трусливый человек опасен не только для врагов, но и для друзей, — сказал Пруг Андрею.

Они снова сидели в кают-компании.

— Во всем виноваты вы, — сказал Андрей. — Он пешка.

— Нет, я не могу быть виноват. Я выше этого. Тем более, что он принадлежал к такому ничтожному клану, что его можно вообще считать

человеком без клана. Приходится отступать в мелочах, чтобы победить в главном.

— Опять притворяетесь.

— В твоих глазах я плох, в моих глазах я велик и справедлив.

— На пути к своей справедливости вы уже многих убили.

— Придется убивать и еще. Может, тебя. Но славить потом в песнях будут меня, потому что я полетел к гигантам и взял их оружие. Песни поют о великих завоевателях. В песнях нет места тем, кто стоял на пути великих завоевателей.

— Поймите же, все это выдумка. Нет никаких предков, нет никаких арсеналов. Это легенда, которая очень дорого обходится.

— Ты мне не веришь? Приведи гробокопателя, — приказал Пруг воину.

Андрей не сразу узнал археолога Фотия ван Куна. Он вошел, прихрамывая, и остановился в дверях. Охранник подтолкнул его в спину.

— Простите, — сказал археолог.

Они с ним поработали так, как и не снилось интеллигентному человеку, подумал Андрей. Археолог к этому не привык.

— Пришел, вот и спасибо, — сказал добродушно Пруг Брендийский. — Ты садись, не стесняйся.

Кровоподтек на скуле, синяк под глазом. Рука на боку — похоже, били по почкам.

Фотий ван Кун сел бочком, осторожно, садиться ему было больно, но отказаться он не посмел.

— Как себя чувствуешь, не болит?

— Все хорошо, спасибо.

— Такая незадача, — сказал Пруг, не переставая сочувственно улыбаться. — Наш друг не поладил с одним из моих горцев. От горцев всего можно ожидать, но чтобы возвышенный, ученый человек так себя вел!

— Перестаньте… пожалуйста, — сказал ван Кун.

— Вот тут повелитель неба ДрейЮ, мой большой друг, интересуется Ар-А. Объясни ему, что вы нашли.

— Мне надо к доктору, — сказал Фотий ван Кун. — Расскажите своему другу сами.

Андрей не видел, где у Пруга спрятан хлыст. Он знал о бичах справедливости, но видеть не приходилось. Хлыст был тонкий, из хвоста морской рыбы, с колючим шариком на конце. Он вылетел откуда-то из-за кресла, взвизгнул в воздухе и, описав круг, исчез.

Андрей вскочил.

— Не надо, — сказал ему Пруг, — Господин ван

Кун недостоин вашей заботы. Я только напоминаю ему.

Фотий ван Кун глядел в пол.

Дикая ситуация. Мы забываем о том, что прошлое имеет когти и хлысты, что оно безжалостно и ни в грош не ставит человеческую жизнь. Да и нас можно понять — когда и как столкнешься с таким Пругом? Он представил себе негодование, растерянность и боль ван Куна, когда Пруг и его молодцы решили поговорить с ним на своем языке. Хотя тот проштудировал множество исторических сочинений и все знает о Чингисхане и Гитлере. Как разговаривать с бешеной собакой? Если где-то появилась бешеная собака, то специалисты отловят ее и изолируют, чтобы не покусала окружающих, и постараются вылечить. Бедняга. Его, наверное, и в детстве никто не бил.

— Возьмите себя в руки, ван Кун, — сказал Андрей. — Все это скоро кончится. Мы их посадим в клетку.

— Не дождетесь, — засмеялся Пруг. — Ты лучше повтори то, что рассказал. О планете Ар-А. О ее арсенале. Только не лги.

— Я уже излагал суть в Школе знаний, — тихо сказал археолог.

— Вот, — обрадовался Пруг. — В Школе знаний

был ДрокУ. Мы давно ждали его приезда. Очень ждали.

— Расскажите мне, — сказал Андрей.

— Там была война. — сказал археолог. — Им удалось кончить жизнь самоубийством. Джинн из бутылки.

— Понятнее говори, — проворчал Пруг.

— Что тут непонятного? Они многого достигли, даже вышли в космос. По крайней мере могли долететь до Пэ-У. Технологическая цивилизация. Но они воевали. Убивали друг друга. У них было бактериологическое оружие. Оно вызвало мутации. Оружие казалось им панацеей — один удар, и все. Остановиться не смогли.

— Ясно, — сказал Андрей. — И никого не осталось?

— Хуже. Они прятались в подземельях, искали противоядие, старались спастись. Некоторые остались живы, но на ином уровне… У меня с собой были материалы, все украли.

— Ты говори, — ответил Пруг. — Ты скажи об арсеналах.

— Неточное слово. Это больше, чем арсеналы. Они прятали все. Если бы они объединились, они могли бы выжить.

— Не рассуждай, — сказал Пруг. — Ты говори,

что нашли.

— Дикари не учатся на исторических ошибках. Я думал, что это предупреждение. А это соблазн. Им мало одной планеты!

— Ему надо к врачу, — сказал Андрей.

— Что? — Пруг не сразу переключился на обыденность. — К доктору? Ну, веди его к доктору. Пускай доктор его лечит.

— Вы не представляете, — повторял археолог, пока доктор готовил успокаивающие средства, — что это за существа. Им доставляет наслаждение бить. Неужели человека можно избить так, что он потеряет человеческий облик?

— На Ар-А остались люди? — спросил Андрей, чтобы переменить тему разговора.

— Люди? Я же сказал, что их оружие изменяло генетическую структуру. Были люди — стали амляки.

— Выпейте вот это. — сказал доктор, — и разденьтесь.

— Сейчас, сейчас.

Фотий ван Кун залпом выпил лекарство, поперхнулся. Хотел что-то сказать, но не сказал, словно побоялся.

Обнаженный Фотий ван Кун оказался очень худ и весь изрисован синяками и ссадинами.

— Ну и обработали они вас, — сказал доктор.

К этому времени в Центре знали, что планета Пэ-У не отвечает. «Шквал» тоже молчал. В том, что случилось бедствие, уже никто не сомневался.

«Вациус», корабль с плазменными двигателями, получил приказ — идти к Пэ-У. В тот же вечер с орбиты у Сириуса стартовал к Пэ-У патрульный крейсер «Гром». Он шел на гравитонных двигателях, но расстояние было очень велико. Он придет позже.

Капитан «Вациуса», милостивый Йнвуке, почти двухметровый сутулый уроженец Крионы, обвел маленькими, в густых белых ресницах глазами собравшихся в салоне пассажиров и членов экипажа.

— У меня серьезное сообщение. Прошу общего внимания.

Там было человек шестьдесят, в основном соотечественники капитана. Звезды в этом секторе собраны компактнее, чем на окраине витка, где расположена Солнечная система, так что космические путешествия тут будничны.

Капитан оправил парадную форму Космофлота, не очень удобную для него, — крионцы предпочитают свободные, мягкие одежды.

— Гравитолет «Шквал» не выходит на связь, — сказал капитан. — Он в рейсе на планете Пэ-У.

— Милостивый капитан, — поклонился, приподнимаясь, второй штурман. — Что говорит станция планеты Пэ-У?

— С ней тоже нет связи, — сказал капитан, чуть кланяясь второму штурману.

— Осмелюсь не понять вашу милость, — сказал второй штурман. То же хотели сказать и другие члены экипажа, но не имели права: спрашивать мог только второй штурман, он же сын капитана. — Как может прекратиться связь с кораблем и планетой, если на них установлены совершенно автономные станции связи?

— Я не могу ответить на ваш вопрос, — сказал капитан. — Так как невозможно предположить, чтобы две станции случайно перестали работать, то, вероятно, корабль Космофлота попал в беду. Мы находимся ближе всех к планете Пэ-У.

— Каково отклонение от цели? — спросил один из пассажиров. Он был землянином и не знал, что ему нельзя задавать вопросов.

— Сегодня же мы меняем курс и идем к цели на

максимальной скорости, которую не все пассажиры могут перенести. Мы предлагаем пассажирам перейти на планетарный посадочный катер, который пойдет следом. Как только мы закончим нашу миссию, то вернемся на прежний курс и возьмем на борт катер. Общая задержка рейса — около двенадцати галактических суток.

— Что вы предполагаете? — спросил второй штурман.

— Я ничего не предполагаю, — ответил капитан. — Но Пэ-У относится к разряду развивающихся планет, еще не готовых к галактическому содружеству.

Так как Криона была в высшей степени цивилизованной планетой, капитан не мог изгнать из своего голоса некоторой снисходительности к иным цивилизациям.

— Корабль мог погибнуть? — спросил второй штурман.

Капитан вздохнул. Штурман вел себя как последний пассажир.

— Но почему мы? — спросил пассажир с Земли. — Это не дело гражданской авиации.

— Мы будем там на три дня раньше патрульного крейсера.

— Но ведь мы не вооружены!

— Поэтому я и приказываю всем пассажирам покинуть корабль. То же могут сделать члены экипажа, которые считают, что дальнейшее пребывание на корабле для них нежелательно.

Первым улыбнулся второй штурман. Потом улыбнулись и остальные.

Консул Ольсен и начальник стражи ВараЮ приехали на космодром.

Само здание почти не пострадало. Взрыв, разрушивший диспетчерскую, лишь выбил стекла и сорвал крышу. В тени здания, еле различимые за тучей рыжей пыли, сидели рядком три мрачных инженера из команды «Шквала».

— Что-нибудь слышно? — спросил первый инженер Салиандри. Он провел ладонью по плотной курчавой шевелюре, и в рыжей шапке образовалась черная просека.

— Нет, — ответил Ольсен печально.

У ВараЮ тоже было немного новостей. Накануне он пытался выяснить, не было ли на борту маньяка, который мог бы угнать корабль. Сам ВараЮ не верил в эту версию, но держался за нее несколько часов. Уже было известно, что исчез Пруг Брендийский, что убита ПетриА, что Андрей

Брюс с капитаном позапрошлой ночью поехали на космодром, а их машина, сказал ВараЮ, найдена сожженной и изрешеченной картечью. Все указывало на то, что похищение корабля — дело Пруга, но начальник стражи не мог в это поверить. Невероятность преступления и его ненужность не умещались в сознании.

Инженеры со «Шквала» пытались разобраться в остатках диспетчерской. В глазах филолога Ольсена инженеры с гравитолета были наделены безусловной способностью подчинять себе машины. Разрозненные части рации, извлеченные из-под развалин, лежали в тени. Частей было много.

— Надежды на связь мало, — сказал Салиандри.

— Ничего, — успокоил себя Ольсен. — В Центре уже знают.

Он поглядел на белесое, иссушенное небо, будто там миг возникнуть патрульный крейсер.

— Далеко лететь, — сказал помощник капитана, имени которого Ольсен не помнил.

На планете Ар-А жили потомки людей — амляки.

Эти твари держались небольшими стаями. Почти беззащитные перед крупными хищниками, они сохранили остатки интеллекта, что позволяло им выжить в этом жестоком мире. Их название возникло из звукоподражания: существа все время бормотали что-то вроде: ам-ляк-ам-ляк-ам-ляк. Они не ощущали никакой связи с развалинами городов, но какие-то инстинкты тянули их к кладовым. Видно, человечество на Ар-А погибло хотя и быстро, но не мгновенно. Последние разумные жители планеты наименее пораженного среднего континента не только успели спрятать в пещерах наиболее ценные с их точки зрения вещи, но и вели до последнего момента записи. И ждали. Наивно ждали, когда все это кончится, и окончание смертей принимали за победу над врагом. Тщетность жертв оскорбляла сознание более, чем страх всеобщей смерти.

Начальника археологической экспедиции Тимофея Брауна беспокоило отсутствие связи, но оснований для тревоги не было, потому что «Шквал» ждали только через двое суток. В тот день работали, как обычно: с утра принялись за подземелье в мертвом городе. Во время последней

войны там находился штаб фронта и арсенал.

К обеду археологи вернулись к себе в купол. Эльза, жена Тимофея, принялась готовить обед, а Львин решил наконец починить археоробота Гермеса; Тимофей разбирал бумаги, привезенные из подземелья.

В это время в трех километрах от купола и опустился «Шквал». Опустился мягко, словно подкрался. Браун решил, что это слабый сейсмический толчок.

— Ты слышал, Тима? — спросила Эльза из камбуза. — У меня чуть чашка не упала.

— Пустяки, — отозвался Тимофей.

Пруг не хотел терять времени даром. Как только «Шквал» опустился на поляну и локаторы определили, что никого нет, он приказал выкатить вездеход, взять на него Фотия ван Куна и десять воинов, захватить жилище археологов, а затем, не теряя времени, направиться к арсеналам.

И все прошло бы, как хотел того Пруг, если бы не неожиданный поступок Фотия ван Куна.

Его вывели к открытому люку.

Воины стояли у входа, тихо переговариваясь. Тишина, владевшая миром, приказывала им

быть осторожными, как охотникам в незнакомом лесу. Пустошь, покрытая редкой травой, уходила к низкому серому лесу, за которым поднимались тоже серые, голубоватые холмы. Странная тишина, безветрие, низкие облака, сгущавшиеся в преддверии дождя, — все это наполняло пейзаж тревогой.

Фотий ван Кун стоял в стороне, в полутьме, на расстоянии вытянутой руки от крайнего воина. Он тоже смотрел наружу, но видел совсем иное: знакомую поляну, за которой будет пригорок, поросший колючими деревьями, а затем, если обогнуть пригорок узкой дорожкой, другая поляна у скал. Там купол, и там домовитая Эльза Браун и неразговорчивый Тимофей ждут его, а Львин напевает неразборчивую для европейского уха бирманскую песню и что-нибудь, как всегда, мастерит…

В ван Куне росло нетерпение, обязательность действия. Неизвестно, как остановить пиратов, но бездеятельность была невыносима.

Начался мелкий занудный дождик. Капли взбивали пыль, затягивали туманной сеткой недалекий лес и холмы.

Вездеход стоял совсем близко, в нескольких метрах. Фотий ван Кун смотрел на вездеход и

удивлялся — как же они не сообразили, что вездеход нужно охранять? Кто-нибудь может добежать до него, влезть внутрь… а кто? И тогда он понял, что имеет в виду себя самого. Это он может добежать до вездехода, прыгнуть в открытый боковой люк и помчаться к лагерю…

В глубине коридора послышались голоса — к выходу спешили горцы, чтобы отправиться в лагерь экспедиции. Шум как бы ударил ван Куна в спину. Он отчаянно оттолкнул ДрокУ и кинулся вниз по пандусу.

Он забыл о том, что надо вилять и пригибаться. До вездехода было дальше, чем казалось, и все силы ушли на то, чтобы добежать.

От неожиданности воины не сразу начали стрелять. Ван Кун уже карабкался в открытый люк, когда одна из стрел настигла его, но, к счастью, лишь пронзила рукав. Фотию показалось, что кто-то держит его, он закричал, вырываясь, и рванулся так отчаянно, что разорвал крепкую ткань и упал внутрь машины.

Через несколько секунд он настолько пришел в себя, что закрыл и задраил люк. И тут же по люку ударил боевой топор ДрокУ.

Фотий ван Кун перебрался на сидение водителя, включил двигатель и рванул машину вперед. Вез-

деход подпрыгнул. Он не был приучен к такому обращению, однако шустро пополз по пригорку, отбрасывая гусеницами траву.

ДрокУ пробежал несколько шагов за вездеходом, потрясая кулаком, бесцельно пустил стрелу вслед и остановился.

Вездеход скрылся в чаще.

— Где археолог? — спросил наследник Брендийский.

— Он убежал, — ответил ВосеньУ.

— Я тебя убью, — сказал Пруг. — Как его догнать?

— Есть второй вездеход.

— Я сам поеду.

Холодное бешенство не мешало Пругу Брендийскому трезво думать. Он поставил на карту все, проигрыш означал смерть и бесчестье. Его помощники ненадежны. ВосеньУ принадлежит к другому клану, он всегда докажет, что был жертвой. ДрокУ, старший над воинами, хоть и горец, тоже опасен. Что он делал в городе? Кому служил?

Стена транспортного отсека медленно сдвинулась с места и отъехала в сторону.

— Садись, повелитель, — сказал ВосеньУ хрипло.

Как он меня ненавидит, подумал Пруг. Лучше не поворачиваться к нему спиной.

— Прости меня, ВосеньУ, — сказал Пруг, хотя и не должен был так говорить с низким человеком. — Сейчас решается все. Если мы не успеем, мы с тобой погибли. Если мы возьмем их, то мы с тобой господа всей Пэ-У.

— Слушаюсь, господин, — ответил ВосеньУ.

Тимофей выглянул в окно и увидел, как к станции несется вездеход. Вездеход был незнакомый.

— Львин, Эльза, — сказал Тимофей. — У нас гости.

Он отложил пленку и быстро направился к двери.

— Как же мы не увидели корабля? — всполошилась Эльза. — А у меня обед не готов. Фотий, наверное, голодный.

Они выбежали наружу как раз в ту минуту, когда из бокового люка вывалился Фотий ван Кун. Он был странно одет, в рваной фуфайке, босиком. Лицо его было в крови.

Тимофей побежал к нему, за ним Львин. Эльза увидела, как они подхватили Фотия. Тот быстро и невнятно бормотал:

— Скорее, они за мной… скорей же, я говорю! Да отпустите вы меня…

Львин и Тимофей повели Фотия к станции. Эльза подбежала к вездеходу и заглянула внутрь — ей показалось, что там кто-то остался. Там никого не было.

Когда она догнала мужчин, те уже втащили потерявшего силы Фотия внутрь. Он был почти невменяем.

— Что с тобой! — ахнула Эльза.

— Скорее, — пробормотал ван Кун, потянулся к столу, схватил с блюда пышку и начал жадно жевать.

— Совсем не кормили… — сказал он. — Чего же вы сидите? Они сейчас здесь будут!

— Его надо перевязать.

Фотий вскочил, он говорил из последних сил:

— Через две минуты они будут здесь! Забрать карты и схемы — больше ничего! И оружие. И на вездеходе в лес, потом перевяжете. Корабль захвачен бандитами…

И тут, поняв, что его слова дошли до остальных, он мягкой куклой осел на руках у археологов.

— Что он говорил? — спросила Эльза. — Он бредил?

— Эльза, немедленно собирай схемы раскопок

— ив вездеход, — сказал Тимофей. — Львин, на тебе аптечка и припасы…

Эльза все не отходила. Происходившее было вне ее опыта, вне ее понимания.

— Что случилось? — спросила она. — На него напали?

— Разберемся потом. Даю две минуты на сборы — и всем в вездеход.

Эльза знала своего мужа двенадцать лет, знала его и в добрые моменты и в беде, но никогда не слышала этого голоса.

— Тимофей, я умоляю!

Но Тимофей словно перестал ее замечать. Он потащил Фотия ван Куна наружу, к машине.

— Нельзя так! — крикнула Эльза. — Его надо перевязать.

Ей ни разу в жизни не приходилось попадать в ситуации, значения которых понять было нельзя. Но Тимофей Браун провел полгода на планете, где песчаные ураганы налетали неожиданно и страшно, и видел, как его друг, не поверивший в то, что надо бежать, опоздал и погиб. Львин был альпинистом, тихим, упорным, отчаянным, который ради победы научился отступать и не видел в этом ущерба своей гордости. У них был жизненный опыт — опыт встреч с опасностью.

Они поверили Фотию, хотя никогда не слышали о Пруге, наследнике Брендийском, и его правах на престол.

Тимофей втащил ван Куна в люк и положил на пол кабины. Фотий вскрикнул, не приходя в сознание. Львин швырнул в люк контейнер с медикаментами.

— Где Эльза? — крикнул Тимофей.

Львин бросился за вторым контейнером, с аварийным запасом продовольствия.

— Она идет, — ответил он.

Эльза выбежала с охапкой лент и блокнотов. Листки и ленты падали на землю, Тимофей побежал ей помочь. Львин тащил к люку контейнер с продуктами.

И в этот момент сквозь громкий стук собственных сердец они услышали шум двигателя — к станции шел другой вездеход. Внезапно шум двигателя оборвался.

Они замерли на секунду, затем, помогая друг другу, полезли в люк, захлопнули его, и тут же Тимофей включил двигатель.

Если бы они могли слышать, то услышали бы, как сразу же зашумел двигатель и второго вездехода. ВосеньУ, который вел вездеход по следам первой машины, потерял след на каменной осы-

пи, но когда он услышал, как заревел, срываясь с места, вездеход археологов, бросил свою машину вдогонку.

Вездеход трясло. Эльза села на пол и положила голову Фотия на колени. Львин раскрыл аптечку.

Браун въехал в неглубокую быструю речку и пошел вверх по течению, хотя понимал, что это вряд ли собьет преследователей со следа. Кто они, думал он, стараясь обходить крупные камни, чтобы машина меньше дергалась. Взбунтовался экипаж? Космические пираты? Невероятно. Что-то случилось на Пэ-У? Он где-то читал, что там есть изоляционисты.

И тут он понял, куда ведет машину. Подсознательно он вел ее туда с самого начала.

К новому раскопу в мертвом городе.

Старые раскопы с кладовыми-лабиринтами были ближе, до них он бы добрался уже минут через десять. Но когда Фотий улетал на Пэ-У, он взял с собой все схемы ранних раскопок. Если схемы попали в руки тех, кто за ними гонится, то в лабиринтах от них не скрыться.

Метров через двести Браун свернул в русло заросшего канала. Машина сразу погрузилась до половины в воду. Дно канала когда-то было выложено плитами, на них наплыл толстый слой

ила, гусеницы пробуксовывали.

Они катили по бывшей улице. Кое-где виднелись фундаменты, а то и стены небольших строений. Затем была большая воронка с оплывшими краями, на дне ее зеленела вода. У края воды сидели три амляка, сидели сурками, ничего не делали. Один из них поднял голову на шум машины и проводил ее равнодушным взглядом.

Въезд в подземелье — не то бывшее убежище, не то подземный завод — был за скелетом какого-то громоздкого строения. Они еще не знали, насколько глубоко тянется подземелье, но Браун рассудил, что это лучшее укрытие.

Рухнувшая металлическая балка закрывала половину входа, пришлось въезжать аккуратно, стараясь не попадать в глубокие колеи — остатки металлической дороги.

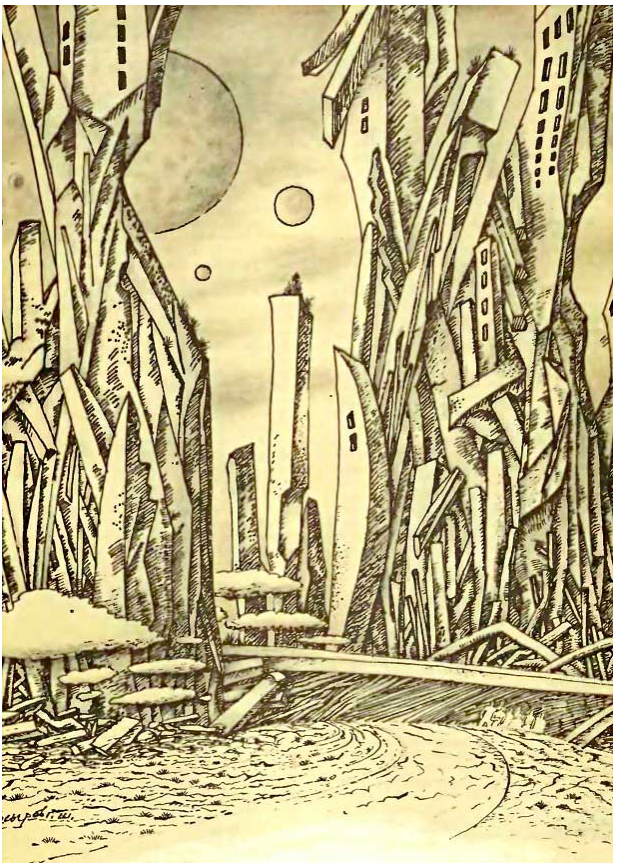
Браун включил фары.

Ход, как и в трех исследованных ранее убежищах, метров через пятьдесят поворачивал под прямым углом. Машина свернула за угол, проехала еще немного и замерла перед грудой ржавого железа.

— Все, — сказал Браун. — Надеюсь, что они нас не найдут.

Пруг потерял след археологов в мертвом городе. Груды развалин, ржавые металлические конструкции, полузасыпанные воронки… В этом лабиринте не мог помочь ни один локатор.

И все же из упрямства, из надежды на везение Пруг заставлял ВосеньУ крутить по бесконечным улицам. Воины сидели молча, они оробели. Им казалось, что отсюда никогда не выбраться.



Наконец, когда вездеход в третий раз оказался на площади с громадной затопленной воронкой посредине, Пруг приказал остановиться. Он вылез из вездехода и долго стоял, принюхиваясь.

На холме из камней и металла, успокоенные тишиной, появились амляки. Пруг знал от Фотия ван Куна, что они — жалкие выродки, потомки гигантов. Чтобы успокоиться, он выпустил по ним очередь из автомата. С вершины холма донесся писк.

Пруг ухмыльнулся.

— Мы победим, — сказал он. — Богиня ОрО не оставит нас.

— Богиня не оставит, — нестройно поддержали его воины.

ВосеньУ молчал. Больше всего на свете он хотел бы вернуться на неделю назад, в тихий дом Космофлота.

— КрайЮ, пойди сюда, — скомандовал Пруг.

Старый могучий воин, лучший следопыт гор, выбрался из вездехода.

— Ты останешься здесь, — сказал Пруг. — Ты будешь моими глазами и ушами. Возьми оружие и рацию. Как только услышишь подозрительный шум, как только увидишь их, сразу сообщи мне.

— Я понял, вождь, — сказал старый воин.

— Ты не боишься?

— КрайЮ не боится.

Воину было страшно. Но худшим позором было признаться перед вождем в страхе.

Вездеход медленно уполз.

На обратном пути Пруг приказал остановиться у старых раскопок. Он знал о них по фотографиям и планам, отнятым у Фотия ван Куна. Когда-то бомба попала здесь в подземные склады, и перекрытия рухнули. Археологи вскрыли подземелья. То, что интересовало Пруга, оказалось в плачевном виде. Пули сплавились в слитки, ржавые стволы пушек торчали из земли, боевые машины стали бесформенными глыбами металла.

Гнев Пруга сменился усталостью. Фотий ван Кун не врал, когда говорил ему, что оружие из арсеналов Ар-А бесполезно.

— Это еще ничего не значит, — пробормотал он, трогая носком золотого башмака изогнутый ржавый ствол.

— Простите, господин? — не понял ВосеньУ.

— Здесь плохое оружие. В другом месте хорошее оружие.

Пруг показал в сторону мертвого города.

— Воины! — воскликнул он. — Завтра мы найдем большие богатства. А сегодня берите все, что

вам нравится в этом доме.

И широким жестом он направил воспрянувших духом воинов к куполу археологов.

— Что им здесь нужно? — спросил Львин, стоя у входа в подземелье и глядя, как мелкий дождик стучит по неровным плитам мостовой.

— Они верят в арсеналы Ар-А, — сказал Фотий ван Кун.

Эльза принесла им по куску пирога.

— Я взяла пирог, — сказала она. — Поешьте как люди.

— Ну что же мы стоим! — вдруг взорвался Фотий. — Я повторяю — они варвары! Они на все способны!

За часы, проведенные на воле, он забыл о своем ужасе и унижении. Сейчас он горел желанием немедленно отомстить Пругу.

— А что ты предлагаешь? — спросил Тимофей Браун.

Он аккуратно доел кусок пирога, собрал крошки на ладонь и высыпал их в рот.

— Это очевидно! — ответил ван Кун. — Как только стемнеет, мы едем к кораблю, берем его штурмом и освобождаем наших.

— Корабль стоит на открытом месте, — сказал Браун. — Вход только один. Разбойники вооружены.

— А что? Стоять и ждать? Да? — разбушевался ван Кун.

— Спокойней, Фотий, — сказала Эльза. — Ты же знаешь, какой Тимофей умный. Он обязательно что-нибудь придумает.

Но Браун ничего не мог придумать. Кроме того, что надо сначала вернуться на базу, поглядеть, уехали ли они оттуда, и запастись всем необходимым. Они бежали так быстро, что многое забыли.

— Так поехали, — сказал Фотий. — Выводи вездеход и поехали.

— Пожалуй, Эльзе лучше остаться здесь, — сказал Тимофей. — И одному из нас.

Эльза кивнула. Она привыкла ему подчиняться, потому что была уже двенадцать лет убеждена, что ее муж — самый разумный и серьезный человек в Галактике.

— Кто останется с Эльзой? — спросил Браун и посмотрел на Львина.

Маленький бирманец отрицательно покачал головой. Он знал, что Браун умен, но, в отличие от Эльзы, мог сомневаться в его решениях.

Браун хотел сказать, что он сильнее Львина и лучше водит машину, но это было неубедительно. Просто Браун не представлял себе, как он останется здесь и будет в бездействии ждать. Ему было страшно оставлять Эльзу, но еще опаснее брать ее с собой. Они уже знали, что живут с Пругом по разным законам. В мире без войн, в мире правил, установленных разумом, Пруг был вызовом не только галактическому обществу, но и морали каждого из тех, кто с ним сталкивался. Обращаться с ним можно было лишь как с хищником. Хищника бесполезно уговаривать и умолять.

Серьезность происходившего заставила Тимофея Брауна оставить Эльзу в подземелье, что было нарушением всех инструкций. Но Браун знал, что волки в подземелья не заходят, а по-настоящему опасные хищники — на корабле.

— Я прошу тебя, — Браун старался говорить сухо и буднично, словно отправлялся на раскоп, — далеко от укрытия не отходить.

Эльза криво улыбнулась. Ей не страшно было оставаться, она очень боялась за Тимофея.

— Я приготовлю ужин к вашему возвращению, — сказала она.

И все согласились, что это правильное реше-

ние.

Они спрятали вездеход за деревьями и долго наблюдали за станцией, чтобы выяснить, не оставлена ли охрана. В конце концов Львин перебежками добрался до купола. Остальные следили за ним, готовые броситься ему на помощь.

Львин подбежал, пригибаясь, к окну станции и заглянул в него. Затем поднялся во весь рост и пошел к двери. Он исчез внутри, через минуту вышел на порог и крикнул:

— Идите. Только не пугайтесь.

Когда Фотий и Браун подошли к станции, Львин сказал:

— Какое счастье, что Эльзы нет. Она бы умерла от горя.

Тимофей согласился с ним. Мало того, что на станции все было перевернуто и разбито, словно там бушевало стадо слонов; создавалось впечатление, будто налетчики гадили нарочно. Особенно досталось кухне. Жалкие остатки праздничного обеда, который так тщательно готовила Эльза, были разбрызганы по комнате, а кастрюлями, похоже, играли в футбол…

Долго на станции они не задерживались. Фотий

выскочил наружу первым и закричал, размахивая худым кулаком:

— Мы их заставим все это убрать! Носами извожу! Носами!

— Первобытная психология влияет на нашего коллегу, — сказал Львин.

— А ты не согласен?

— Я их больше сюда не допущу, — сказал Львин. — Даже если они придут наниматься уборщиками.

— Что ж, — сказал Браун, — теперь к кораблю. Надо добраться поближе, пока не стало совсем темно. Огней зажигать нельзя, а в темноте на нашей колымаге лучше не путешествовать.

Они вернулись к вездеходу и поехали к посадочной площадке, но не прямым путем, а по длинной, похожей на ятаган ложбине, которая выводила к кораблю с фланга, где их меньше всего ждали.

Наступил теплый вечер. Небо, темно-синее над головой, алело к закатному солнцу, а облака, которые плыли в той стороне, были зелеными, с очень светлыми оранжевыми краями. Пэ-У уже поднялась в небо как большая луна, она была желтой, и видно было, как по лицу ее океанов завиваются вихри циклонов.

Старый КрайЮ, лучший охотник Брендийского клана, который попадал из духовой трубки в глаз птице, летящей под облаками, и мог выследить горного медведя по следу, оставленному три дня назад, услышал, как по улице ползет вездеход. Он не видел, откуда вездеход выбрался, и не смог найти подземелье по следам, потому что вездеход не оставлял следов на каменных оползнях и стальных мостовых. Он просто сообщил на корабль, что археологи что-то замышляют.

— Хорошо, — сказал ВосеньУ, — я доложу князю.

— Хорошо, — сказал Пруг, узнав об этом. — Мы пойдем кушать. Когда они будут близко, сообщи.

Возвращаясь после неудачной охоты на археологов, Пруг был удивлен, что смог подъехать незамеченным к самому пандусу «Шквала». Он приказал ДрокУ включить прожектора и пеленгаторы и на всю ночь посадить на пульте управления ВосеньУ.

Наследник Брендийский отужинал в обществе ДрокУ, и настроение его улучшилось. Его сладко

тянуло в сон, и он дал бы волю этому благородному желанию, но тут его вызвал ВосеньУ.

— Вождь, — сказал он. — Мы видим машину.

— Далеко? — спросил Пруг.

— Примерно в тысяче шагов. Едут лесом, на открытое место не выходят.

— С какой стороны?

— С той же, куда ездили вы, господин.

— Все правильно, — сказал Пруг и улыбнулся. Улыбка утонула в толстых щеках. — Хорошо, что мы дали убежать этому сумасшедшему. Он сказал им, что мы — дикие люди, совсем дикие, почти как звери. Мы не знаем, как управлять кораблем. Мы не знаем, как смотреть из корабля наружу. Они приедут и возьмут нас спящими. А ну, выключить лампы! Открыть дверь, убрать часовых!

ДрокУ согласно кивнул.

— Вы правы, вождь, — сказал он. — Но есть одна опасность.

— Говори.

— А вдруг они взяли оружие гигантов?

— Когда враг видит, что крепость готова к бою, — сказал Пруг, — он выдвигает трапы и настраивает катапульты. Когда враг видит, что крепость спит и ворота открыты, он входит

внутрь. В темном коридоре оружие гигантов не поможет.

Издали Тимофей увидел зарево над кораблем.

— Плохо, — сказал он. — Они нас ждут.

— Пускай ждут, — ответил Фотий ван Кун. — Мы подождем, пока они лягут спать. Лес подходит к самому кораблю. Мы подползем к люку и ворвемся внутрь.

Львин молчал.

— Нас только трое, — сказал Тимофей Браун.

— Мы освободим пленных, — упрямо сказал Фотий ван Кун.

Вездеход подполз к опушке. И в этот момент свет погас.

Верхний абрис корабля чернел над деревьями.

— Видишь, — сказал Фотий ван Кун, — дикари легли спать.

Тимофей затормозил.

— Оставайтесь здесь, — сказал он, быстро открывая люк.

Пригибаясь, он добежал до края кустарника. Глаза уже привыкли к темноте, и Тимофей различил, как двинулся в сторону главный люк и, словно приглашая в гости, выкатился серебристый пандус. Какая-то фигура тенью мелькнула в отверстии люка и исчезла.

Корабль ждал гостей.

Тимофей Браун вернулся к вездеходу и захлопнул люк. Фотий ван Кун выжидающе смотрел на него.

— Нас ждут, — сказал Браун. — Капкан готов. Можно заходить.

— Откуда они могут знать? — рассердился ван Кун.

— У них есть локаторы, — ответил Львин.

— Вы их не видели! — нервно засмеялся Фотий ван Кун. — Это же гориллы. Они не представляют, как его включить.

— Прожектора горели, — тихо сказал Львин. — Потом потухли.

— Они открыли люк и спустили пандус, — добавил Тимофей.

— Я думаю, нам пора возвращаться, — сказал Львин.

— Ни за что! — воскликнул Фотий. — Я остаюсь.

Тимофей сидел, положив руки на рычаги управления.

— Идет война, — сказал он, будто не слыша криков Фотия. — В войне нужно оружие.

— У нас нет оружия, — сказал Львин.

— У нас есть оружие, — ответил Тимофей. — В

подземелье. Просто нам не приходило в голову, что оно когда-нибудь вновь может убивать.

— Оно не должно попасть им в лапы, — сказал Львин.

— И мы так все оставим? — спросил Фотий, уже сдаваясь.

— Мы ничего так не оставим, — сказал Браун. — Но сейчас мы возвращаемся в город.

Пруг наблюдал за тем, как на экране локатора медленно поползла вдаль зеленая точка вездехода.

— Догадались, — сказал он разочарованно. — Не надо было сразу выключать лампы. Вызови КрайЮ.

ДрокУ включил связь.

— Ты не спишь, КрайЮ? — спросил он.

— Я не сплю, — ответил далекий голос.

— Если люди на машине возвратятся в город, ты должен узнать, куда они спрячутся. Ты понял?

— Я понял.

— А теперь закрыть вход в корабль и спать, — сказал Пруг Брендийский. — Всем спать, кроме тебя, ВосеньУ. Завтра большой день.

Через час ВосеньУ принял сообщение: КрайЮ выследил, как машина спряталась в большую черную дыру.

Корабль Космофлота «Вациус», изменив курс, шел к планете Пэ-У.

Связи с планетой все еще не было, но капитан «Вациуса» знал, что через день или два они войдут в сферу действия планетарной связи. Такая станция есть в консульстве Галактического центра, и если оно цело, то у них будет необходимая информация.

Эльза смотрела, как вездеход переваливает через пригорок и скрывается среди скелетов зданий. Ей никогда не приходилось оставаться здесь одной. Нет, конечно, она оставалась одна на станции, когда дежурила или обрабатывала находки, но тогда она была дома. Она могла закрыть за собой дверь и если нужно связаться с Тимофеем. А тут глупо получилось, все были одеты по-домашнему, без раций — кто будет носить дома тяжелые, граммов по двести, браслеты? А когда бежали со станции, о них забыли, некогда было…

Вездеход уехал, и мир разрушенного города, испуганный вторжением людей, стал постепенно

оживать, не обращая внимания на Эльзу. Среди травы, пробивающейся между плит, пробежали вереницей серые зверьки — целая семейка, мал-мала меньше: из-за обломков стены тяжело взлетели летучие крысы, наступало их время, они беззвучно кружили над Эльзой, разминаясь после дневного сна. На обваленной каменной башне возник силуэт волка, и Эльза вздрогнула.

Короткий страх быстро миновал. Он родил в Эльзе настороженность, осознание того, что ее некому защищать. Она должна стать такой же тихой, как остальные обитатели города.

Эльза вошла в широкий туннель, повернула направо, миновала открытые двери. Здесь у стены они сложили добро, взятое со станции: коробку с документами раскопок, аптечку, фонарь, неприкосновенный запас еды, канистру с водой, одеяла. Эльза ощупью нашла сваленные вещи, зажгла фонарь.

Просто так сидеть было тяжко. Начинаешь мысленно следовать за вездеходом и воображать, а воображение пугает. Эльза поднялась и решила пройти в глубь подземелья.

И тут она услышала далекий, человеческий плач.

— Нас не было два часа, — сказал Тимофей Браун, когда вездеход выбрался на дорогу. — Как там Эльза?

— Странно, — подумал вслух Львин. — В масштабах Галактики это такая мелочь — какой-то князек с отдаленной планеты захватил корабль, чтобы поживиться сокровищами, которыми якобы владеет маленькая археологическая экспедиция. Через три дня прилетит патрульный крейсер и этого князька свяжут. Вот и все.

— Ты не прав, — сказал Браун. — Они убили несколько человек и готовы убивать еще. Если им удастся заполучить современное оружие, они убьют много людей. Мы сейчас единственная плотина между маленькими преступниками и большим преступлением.

— Но в этом нет смысла! — возразил Львин. — Это дело дней, и никто ему не позволит…

— А если к тому времени мы уже будем мертвыми? Со стороны все это незначительный эпизод, а для нас — жизнь.

Дорога была ярко освещена Пэ-У, сверкавшей в небе. Выбоины казались черными пропастями.

Вездеход мягко перевалил через груду камней и оказался в широком туннеле, ведущем в подзе-

мелье. Браун помигал прожектором, выключил двигатель, откинул люк. Было очень тихо.

— Эльза, — позвал он.

Отдаленное эхо откликнулось на голос.

Браун выскочил из вездехода и пошел вперед. Львин сказал:

— Мы посмотрим снаружи.

— Только осторожнее, — предупредил Браун. — Там волки.

Через несколько шагов он миновал сложенные у стены вещи. Эльза начала их распаковывать, но что-то ее отвлекло.

Браун, стараясь ступать тихо, пошел в глубь туннеля.

Когда в мертвом городе на Ар-А занимался рассвет, «Вациус», спешивший к Пэ-У, приблизился настолько, что его сигналы уловила станция связи в консульстве Галактического центра.

Консул Ольсен только что заснул. Он спал у себя в кабинете, не раздеваясь, чтобы быть готовым к любым неожиданностям.

В то время спали и космонавты, которые до полуночи возились со станцией на космодроме, спал и господин ВараЮ, начальник стражи. Не

спали лишь в доме ПетриА. Пока тело убитой не будет предано очищающему огню, в доме должны бодрствовать, чтобы злые духи, привлеченные несчастьем, не захватили душу девушки.

Сигнал от «Вациуса» был слабым, но явственным. Консул не сразу сообразил, что происходит. Затем вскочил с дивана и бросился к рации.

Через минуту прибежала Елена Казимировна. Она исполняла обязанности связиста, когда местные сотрудники консульства уходили домой.

— Нильс, — сказала Елена Казимировна, отстраняя мужа от рации, — это не мужское дело.

— А что мужское? — спросил Ольсен, с радостью уступая место жене.

— Политика, — ответила Елена Казимировна. — В этом можно наломать больше дров, чем в связи или в домашнем хозяйстве.

— Пожалуй, ты права, — согласился консул. — Как чудесно, что это теперь кончится.

— Чудесно, если на связи Космофлот или патрульный крейсер. А если это сообщники твоих бандитов?

Консул потер виски. Он готов был поверить во что угодно.

— «Вациус», — раздался голос в приемнике, — Говорит корабль Космофлота «Вациус». Вызываю

Пэ-У, вызываю Пэ-У…

— Вот теперь, мой дорогой, — сказала Елена Казимировна, — тебе будет с кем поговорить о политике.

Эльза прошла шагов сто по коридору. Луч фонаря выхватывал из темноты ящики со снарядами, пушки, тюки сгнившего тряпья…

И тут Эльза услышала шорох.

Шорох донесся спереди.

Эльза почувствовала, что за ней следят.

Ее чувства были настолько напряжены, что она уловила страх и настороженность. Она поняла, что встреча не случайна.

Эльза замерла.

Тот, кто следил за ней, тоже замер. Нужно было какое-то движение, шум, возглас, чтобы неподвижность взорвалась движением. Эльза резко повернула фонарь.

Луч ослепил амляка. Отразился в глубоких бессмысленных глазах.

Слабые руки дернулись к глазам, чтобы закрыть их. Амляк пятился, робко и беззвучно, прежде чем сообразил, что может убежать. Его шаги гулко застучали по коридору.

Эльза шла осторожно, сдерживая дыхание.

Они близко. Они смотрят на нее и ждут, что она сделает.

Луч фонаря осветил глубокую нишу в стене. Даже не видя амляков, их можно узнать по запаху — пряному, мускусному запаху.

Они жались в этой нише, наверное, большая семья. Впереди тот самец, который увидел Эльзу. Он старался закрыть их собой и скалился, но оскал не получался — у амляка был слишком человеческий рот, маленькие ровные зубы.

За его спиной прятались остальные — десять, пятнадцать, не разберешь. Зрелище было странным и, пожалуй, неприятным. Они вели себя как животные и были в сущности животными. А внешне — люди. Без шерсти, голые голубоватые тела, длинные волосы, человеческие лица. Но глаза мертвые, бессмысленные. Телячьи глаза.

Женщины прижимали к себе младенцев, дети постарше выглядывали в ужасе из-за спин.

— Господи, — сказала неожиданно для себя Эльза вслух. — До чего же вы себя довели!

Мужчина постарался зарычать — получился хрип. Потом клякание: а-мляк-а-мляк-а-мляк…

Младенец заплакал.

Только тогда Эльза сообразила, что некоторые

из амляков в крови. У ребенка, который плачет, грудь и рука в крови. Она не знала, что ребенка ранил Пруг, и решила — волки.

Эльза чуть отвела луч фонаря, чтобы он не слепил амляков, сделала шаг вперед, подняла руку, как бы останавливая встречное движение самца, и присела на корточки… Развела руками.

— Вот видите, — сказала она тихо, — ничего у меня нет. Я только хочу вам помочь. Не вам даже, а вот этому ребеночку, он у вас умрет, если я не помогу, умрет, и все тут…

Амляки внимательно слушали ее.

Продолжая говорить, Эльза достала пакет первой помощи, вытащила из него пластырь, распылитель, дезинфектант.

— Главное, чтобы вы мне не мешали, — сказала она.

Она была в нескольких шагах от них. Надо было сделать так, чтобы они не испугались, когда она приблизится. Не прекращая говорить, она медленно поднялась и пошла.

Это был критический момент. Эльза понимала, что ей надо быть наготове, если они бросятся на нее, но в то же время она не могла думать об этом, потому что ее опасение сразу передастся им. Надо думать только о том, как она им поможет.

Мужчина сделал неловкое и осторожное движение, пропуская Эльзу. Она наклонилась над младенцем. И тут увидела, что мать тоже ранена. Младенец и мать смотрели на нее одинаковыми умоляющими глазами слабых зверенышей.

Может, к лучшему, что мать ранена тоже. Эльза подняла анестезирующий распылитель, легкое облачко дотронулось до рассеченной щеки женщины. Та отпрянула, заверещали дети. Мужчина угрожающе двинулся к Эльзе. Но тут же эмульсия подействовала.

Женщина замерла, свободной рукой дотронулась до щеки. Она медленно, с натугой осознавала происшедшее. Все же они не совсем превратились в зверей.

Женщина вдруг протянула Эльзе плачущего младенца.

…Она занималась уже третьим пациентом, когда услышала в коридоре шаги. Их услышали и амляки. Испугались, зашипели, снова сбиваясь в кучу.

Эльза по шагам узнала Тимофея и поняла, насколько он устал.

— Тим, — позвала она негромко, зная, что звуки в пещере разносятся далеко. — Не спеши. Ты всех перепугаешь. Подходи медленно, остановись

шагах в десяти от меня. Понял?

— Понял, — сказал Браун.

Узнав, что корабль «Вациус» приближается к системе, Нильс Ольсен решился разбудить ВараЮ. Кто-то сонный и злой сказал, что господин начальник стражи пребывает во сне.

— Я очень прошу, в виде исключения, разбудить господина начальника стражи. Сообщите ему, что его осмелился беспокоить консул Галактического центра.

— Очень сожалею, — последовал ответ, — но господин начальник стражи не велел его будить, даже если будет землетрясение.

— Тогда передайте ему, как он только проснется, что корабль Вациус» на подхрде и что я поддерживаю с ним связь.

Говоривший положил трубку, не ответив.

Консул вернулся в комнату связи, где Елена Казимировна вела беседу с радистом корабля, чтобы не упустить частоту. Разумеется, это лучше сделали бы приборы, но попробуйте сообщить эту истину настоящему радисту — он сочтет себя глубоко уязвленным.

— Что вы решили, консул? — На связи был

Йнвуке, капитан «Вациуса».

— Я пытался связаться с начальником стражи, однако он спит. Здесь нельзя будить. Я и так нарушил этикет.

Пренебрежение к этикету и крайняя деловитость — известные всей галактике свойства уроженцев Крионы.

— Этикет! — сказал капитан. — Тут дело жизни и смерти.

— Я с вами согласен, — ответил консул. — И все же есть местные правила…

— Куда ушел «Шквал»?

— Вернее всего, к планете Ар-А. Посмотрите в атласе. Однако это только предположение.

— Нет возможности уточнить?

— Завтра начальник стражи будет допрашивать подозреваемых.

— Значит, связь завтра. Меня устроит любое время. Даже если я буду спать, можете взять на себя смелость и разбудить меня.

— Вашу иронию оценили, — мрачно сказала Елена Казимировна, хотя в присутствии консула радист не должен вмешиваться в разговор. Однако Елена Казимировна не терпела, если кто-либо замахивался на репутацию мужа.

— До связи, — сказал Ольсен. — На борту все

в порядке?

— Пассажиры ждут нас в планетарном катере. Вряд ли там комфортабельно, но наверняка безопасно. До связи.

Нильс сказал жене:

— Я схожу к космонавтам. Они наверняка волнуются.

Он был возбужден и одержим жаждой деятельности.

— Не советую, — сказала Елена Казимировна.

— Это совсем рядом, — сказал консул. — Два шага.

— Тогда надень куртку, сейчас дует с гор. Жена премьера говорила мне, что от этого ветра бывают жуткие простуды.

— Это сказки, — сказал Ольсен, но куртку надел.

Космонавты жили в обыкновенном доме. Консульство специально откупило его, чтобы не терзать приезжих жизнью в местной гостинице. Дом стоял метрах в двухстах от консульства.

Улица была совершенно пуста. Далеко прогрохотала телега. Донесся звон бубенчиков — сторож отпугивал воров от большого магазина на соседней улице.

Ольсен шел, глядя под ноги, чтобы не угодить

в помои, которые порой еще выливали из окон прямо на улицу, хотя за это и полагался большой штраф.

В треугольных окнах дома для приезжих горел свет. Ольсен толкнул дверь. Стражник, нанятый консулом, мирно спал на полу. Из круглого холла шли двери в комнатки космонавтов. Двери открылись почти сразу, будто Ольсена ждали.

— Есть новости? — спросил Салиандри.

— Корабль «Вациус» вышел на связь, — радостно сообщил Ольсен. Он правильно сделал что пришел — его ждали.

— А когда «Вациус» прибудет? Нам лучше перейти на него.

— Пока не знаю, — сказал Ольсен. — Честное слово.

Ольсен вошел в комнату. Никто не спал. Экипажу, потерявшему корабль, спать не хотелось.

— Завтра мы узнаем, где «Шквал», — сказал Ольсен. — Завтра с утра ВараЮ начнет допрос задержанных. Он толковый человек.

В этот момент раздался глухой удар. Дом пошатнулся, стаканы на столе зазвенели.

Такое Ольсен уже пережил. Он знал, что местные дома отлично приспособлены для землетрясений. После одного особо сильного

землетрясения некоторые дома-дыни валялись на боку, но ни один не разрушился.

Салиандри высунулся из окна.

— Это совсем рядом, — сказал он. Потом обернулся и добавил:

— По-моему, там огонь. Совсем недалеко. Поглядите.

Ольсен подбежал к окну.

Горел его дом.

Дом выглядел странно. Он был похож на яйцо, из которого, проклевав скорлупу, вылупился птенец. Из широкого отверстия вверху дома валил дым и вырывались языки пламени.

Когда Ольсен ушел, Елену Казимировну охватило беспокойство — как он там, один на ночной улице. А вдруг Нильс заблудился и на него напали грабители… И Елена Казимировна, накинув плащ, побежала к дому для приезжих. Я только спрошу у вахтера, приходил ли он, уговаривала она себя, и тут же вернусь. То, что она сама ночью вышла на улицу, ее не тревожило. Она привыкла к тому, что все неприятности происходят с Нильсом.

Она была в пятидесяти шагах от дома, когда

раздался взрыв.

Ударом воздушной волны Елену Казимировну бросило на мостовую, падение было неожиданным и болезненным. Ей показалось, что на нее напали бандиты, как на того несчастного археолога, и ударили по голове. И упав, она закрыла голов> руками, спасаясь от следующего удара.

Ничего не произошло. Грохот утих, и затем она услышала, как сзади, нарастая в силе, слышится треск, будто кто-то быстро ломает маленькие палочки — тысячи палочек.

Елена Казимировна села и обернулась.

Горел ее дом.

Верхняя часть дома куда-то исчезла, и из яйца вырывались клубы дыма, в которых чертенятами скакали язычки пламени.

— Боже мой, — сказала она вслух. — Какое счастье, что Нильс ушел к пилотам.

Окна в соседних домах открылись, высовывались сонные головы. Дом горел быстро, он был старый и сухой.

Елена Казимировна не пошла к дому — что ей делать одной у пожарища? Через несколько шагов она встретила мужа и пилотов, которые бежали навстречу.

— Лена! — закричал издалека Ольсен. — Ты

успела!

Он плакал и обнимал ее, а пилоты побежали дальше, они хотели тушить пожар, но это было немыслимо, и даже пожарные, колесница которых приехала довольно быстро, ничего поделать не могли.

Вскоре прибыли городские чины. Его Могущество командующий войсками показался в сопровождении группы офицеров. Командующий был встревожен и зол. «Шквал» похитили с помощью его боевой машины, а он до сих пор не мог разыскать ее экипаж — исчез, как в воду канул. Все начальство парка боевых машин было арестовано, но это не помогло, хотя они готовы были сознаться в чем угодно.

ВараЮ, несмотря на ранний час, был одет в полную форму. Следом за ним явились охранники, человек пятьдесят. ВараЮ приказал им оцепить квартал и никого не пускать к сгоревшему дому. Его эксперты начали тут же растаскивать тлеющие бревна, потому что ВараЮ был убежден, что взрыв и пожар — не случайность, а дело рук сообщников Пруга Брендийского, которые хотели вывести из строя рацию и помешать связи с «Вациусом». Он извинился за то, что не откликнулся на первый звонок Ольсена, и сказал, что накажет

своего секретаря.

От дома ничего не осталось. Сгоревшего Ольсен уже никогда не восстановит. В гибели того, что он делал, было глубокое оскорбление разуму — устроившие взрыв менее всего думали о таких мелочах, как разум или рукописи консула Ольсена.

Елена Казимировна вела себя как королева, и по ее виду можно было предположить, что речь идет о сущей безделице. Сначала ее долго расспрашивал ВараЮ, которого интересовало, не проникал ли кто-нибудь в дом — ведь заряд надо было пронести, установить и спрятать. Потом те же вопросы задавал пышно одетый генерал из свиты Его Могущества. Второй серьезный инцидент за три дня, даже третий, если добавить исчезновение археолога, а преступники чувствуют себя так спокойно, словно пользуются покровительством в очень высоких сферах. Его Могущество предполагал, что у горцев есть свои люди в охране, ВараЮ, в свою очередь, винил армию.

В конце концов пришли к выводу, что консул, уходя из дома, мог и не запереть двери, а Елена Казимировна ушла минут десять спустя — достаточный срок, чтобы подложить бомбу.

— Меня беспокоит, — сказал ВараЮ, наклонив к консулу свой острый нос, — как точно они выбрали время. Сразу после того, как вы связались с кораблем. Кому вы говорили о связи, кроме моего секретаря?

— Никому.

— Секретаря сейчас допрашивают. А пилоты?

— Исключено, — ответил Ольсен. — Между моментом, когда я сказал им, и началом пожара прошло минут пять, не больше.

— Остается телефонная станция, — сказал ВараЮ задумчиво. — Я вынужден буду вас покинуть…

Начинался рассвет. Полуодетые и напуганные соседи, тихо стоявшие за линией ограждения, стали расходиться по домам. Пожарные колесницы, разукрашенные желтыми драконами, покинули пожарище. Его Могущество еще раз выразил Ольсену и его супруге сочувствие в горе, постигшем их, и сообщил, что правительство компенсирует ущерб, понесенный господином консулом.

Старый воин КрайЮ провел неудобную, трудную ночь. Он устроился на втором этаже здания, от которого остался угол, десятиметровым зубом

возвышавшийся над площадкой. Оттуда был виден вход в подземелье. До него было далеко, тысяча шагов, но ближе укрытия не нашлось.

Воину было холодно. Внизу несколько раз проходила стая волков, крупные, сильные звери. КрайЮ не хотел, чтобы они его заметили.

Утром он увидел, как археологи выбрались из подземелья, и сообщил об этом на корабль. ДрокУ ответил, что воины выезжают.

С рассветом амляки покинули туннель.

— Человечество не одиноко, — сказал Львин, глядя, как амляки бредут к развалинам. — Мы обрастаем родственниками.

Фотий ван Кун взглянул в небо в надежде увидеть звездочку корабля, но ничего не увидел. Он поглядел на младенца с заклеенной пластырем ручкой, помахал ему пальцами и сказал «гу-гу!», полагая, что все младенцы любят, когда Фотий ван Кун делает им гу-гу. Младенец заверещал.

— Наш долг взять на себя заботу о них, — сказал Фотий.

— Давай отложим благотворительность на лучшие времена, — ответил Тимофей серьезно. — Неси ящики с патронами.

Они грузили в вездеход оружие, найденное в подземелье. Оружие сохранилось хорошо, но археологи не намеревались убивать им воинов Пруга. Они хотели успеть к «Шквалу», прежде чем бандиты отправятся на поиски арсенала, и устроить такой шум, чтобы те побоялись выйти из корабля. Задержать их, пока не появится помощь.

Они погрузились в вездеход как раз тогда, когда вездеход ВосеньУ уже отправился к подземелью. Задержись они хотя бы на десять минут, события приняли бы совсем иной оборот.

Если кто-нибудь мог бы поглядеть на город с птичьего полета, он увидел бы, как один вездеход медленно пробирается к подземелью, в то время как другой удаляется от него.

Бесконечно усталый Ольсен поехал с пилотами в Школу знаний. Там обещали дать приборы для восстановления связи.

— Допустим, — говорил Ольсен, споря с самим собой, — они знали, что в консульстве есть станция, и предусмотрительный Пруг приказал подложить заряд… Возможно?

— Возможно, — ответил Салиандри. — Но поче-

му они не взорвали вас раньше? Откуда им знать, когда ваша станция выйдет на связь с космосом? Нет, ваш ВараЮ прав — искать надо на телефонной станции.

Школа знаний была дыней вдвое больше прочих. Профессора в синих тогах с зубчатым знаком Высокого Знания церемонно ждали их под боком дыни.

— К чему это? — спросил один из пилотов. — У нас нет времени для торжественных собраний.

— Будем терпеливы, — ответил Ольсен. — Тогда мы получим все, что нам надо.

Повелитель Школы знаний, седые усы которого, к вящему изумлению пилотов, лишь немного не доставали до пола, встретил Ольсена с распростертыми руками. Он рыдал и не скрывал слез. Он был настоящим мужчиной — лишь женщины прячут слезы. Ольсен тоже прослезился. Потом он объяснил пилотам, что сделал это для соблюдения этикета, но сам не был в этом уверен.

Затем всей процессией, очень напоминавшей похороны, только без покойника, они проследовали в лаборатории. Там были богатства, которые хранились без действия, в расчете на будущих

Ньютонов. Даже Ольсен не знал, сколько удалось накопить ученым мужам. И пока он рассказывал стенающим профессорам о масштабах бедствия для него лично и для местной этнографии, пилоты со все возрастающим оптимизмом перерывали гостеприимно открытые склады.

Часа через три перегруженная машина Ольсена, сопровождаемая школьной колымагой, плелась к космодрому. Торжествующий Салиандри хлопал консула по плечу и кричал:

— Мы из этого добра три рации сделаем!

Капитан «Вациуса» Йнвуке высох еще более за последние часы. Связь с Пэ-У прервалась, все попытки вызвать планету ни к чему не приводили.

Он собрал на мостике своих помощников.

— У консула Галактического центра, с которым я успел поговорить, есть подозрение, что корабль «Шквал» уведен похитителями к планете Ар-А в той же системе. После этого сообщения связь прервалась по неизвестной причине.

Помощники капитана в одинаковых серых мундирах со знаками Космофлота сидели неподвижно, как статуи, под портретами великих капитанов прошлого, одинаково худых и серьез-

ных.

— У нас есть два пути: либо изменить курс и следовать к планете Ар-А, либо продолжать движение к планете Пэ-У. Я полагаю, что нам следует продолжать движение к Пэ-У, стараясь восстановить с ней связь. Угон корабля к Ар-А есть лишь допущение, причем неподтвержденное, а выход из строя уже второй рации говорит о злом умысле на самой планете Пэ-У. Следовательно, там существует угроза жизни наших товарищей. Если у кого-нибудь есть возражения, попрошу их высказать со всей резкостью, свойственной нам. Решение серьезно, потому что нам, гражданскому кораблю, возможно, придется воевать.

Капитан замолчал и молчал ровно три минуты. Никому не пришло в голову возражать капитану. Все они были истинными демократами, они презирали этикет и условности, и, если бы они не согласились с капитаном, его пришлось бы немедленно разжаловать.

Через три минуты собравшиеся поднялись, поклонились капитану, поклонились портретам и покинули капитанский мостик.

Андрей проснулся, вскочил, умылся, напился

воды. Есть хотелось страшно.

Он бы с наслаждением поднял страшный скандал на весь корабль, его останавливало лишь то, что скандала никто не услышит.

И вообще эта история ему порядком надоела.

Она могла бы показаться детской игрой, если бы не умирали люди. А Пругу все это кажется совершенно справедливым, он не ощущает себя преступником или убийцей. Детство цивилизации видно не только в социальных законах, оно и в психологии каждого человека. В каменном веке человек остается ребенком, сколько бы лет ему ни было. И реакции у него детские. Это же надо — посвятить жизнь желанию стать царем!

А ведь так, сказал он себе, можно оправдать любого первобытного злодея. Нет, сказал он себе, не оправдать — объяснить. Наше дело объяснить и еще — устранить опасность.

На этом рассуждения голодного Андрея прервались. Щелкнул замок, вошел ДрокУ. Спокойно, как к себе в каюту.

— Мне нужно с вами поговорить, — сказал он на космолингве.

— Откуда вы знаете галактический язык? — спросил Андрей.

— Я выучил, — сказал ДрокУ.

— Вы бывали в Галактическом центре?

— Да, на стажировке. Но, честно говоря, очень давно не приходилось говорить. Четыре года я провел в горах и последний год рядом с Пругом в столице. Практически одичал.

— Вы странный человек.

— Я уверен, что с вами можно иметь дело. Мое положение гораздо опаснее, чем ваше. Если о нашем разговоре узнают, Пруг убьет меня немедленно.

— Кто же вы?

— Я заместитель уважаемого ВараЮ, начальника столичной охраны. Мое имя вам ничего не скажет, так что можете продолжать звать меня ДрокУ.

— Что вы делали у Пруга?

— Вот видите, как соблазнительно допрашивать, — сказал с улыбкой ДрокУ. В его движениях и облике была некая лень, но происходило это от избытка силы, от умения быстро собраться. — Отвечаю: Пруг давно смущал нас. Он — самая яркая фигура в горах. Мы решили внедрить нашего человека, чтобы он всегда был рядом с Пругом. Мне пришлось стать таким человеком.

— И вы хотите сказать, что не заметили, как он планирует захват корабля?

— Мы не всесильны. Он оказался хитрее. Но его торжество недолго.

— Мне трудно поверить, — сказал Андрей.

ДрокУ поднялся.

— Мы что-нибудь придумаем. Главное чтобы они не добрались до арсенала. Как вы думаете, скоро придет помощь?

— Спросите что-нибудь полегче, — сказал Андрей.

— Спокойной ночи. Думаю, что Пругу я скоро понадоблюсь.

ДрокУ улыбнулся. Зубы у него были подпилены, как положено горцу.

— Минутку, — сказал Андрей. — Если вы в самом деле тот, за кого себя выдаете, почему вы не обезвредите Пруга?

— Я не вправе его убить, мне это запрещено.

— Я не говорю об убийстве. Так что вы намерены делать?

— Пользоваться вашими советами, ДрейЮ. И не спешить. Лишь бы они не убили кого-нибудь из археологов.

— Им это грозит?

— Археологи дали себя провести, как цыплята. Прут оставил в городе охотника, они привели его к арсеналу. Сейчас ВосеньУ умчался туда зараба-

тывать себе славу и жизнь.

— И жизнь?

— Разумеется. Рано или поздно его нечаянно утопят. Он чужой. Он может проговориться, чтобы спасти шкуру.

Мне его не жалко, подумал Андрей. Я должен быть гуманистом, мне положено всех любить — в этом великая мудрость Галактики. Но мне хочется, чтобы ВосеньУ умер.

— Вам его не жалко, — утвердительно сказал ДрокУ. — Вы думаете, что он убил вашу женщину.

— Разве это не так?

— Я не был при этом. Это мог сделать кто угодно из людей Пруга. Я пошел. Запру дверь, кто-нибудь мог видеть, как я сюда заходил.

ДрокУ легко поднялся.

— Погодите, — сказал Андрей. — Я не знаю, какой вид смерти легче, но все ваши пленники находятся в плачевном состоянии. Сужу по себе.

— Что случилось?

— Вчера нас никто не догадался покормить. И сегодня тоже не собираются.

— С ума сойти! — воскликнул ДрокУ. Он тоже забыл о том, что людям надо время от времени есть.

— Пошли, — сказал он. — Идите спереди.

ДрокУ быстро повел Андрея к камбузу. Там было пусто.

— Берите, что вам нужно, — сказал ДрокУ. — И немедленно к себе. Если вас поймают, мне придется отвечать.

И он быстро ушел.

Андрей подождал, пока шаги нежданного союзника утихнут, потом осторожно положил свою добычу на место. От голода он не умрет. Ему нужно было незаметно попасть в библиотеку. Он надеялся, что это помещение корабля не представляет жгучего интереса для представителей Горного клана.

Вход в библиотеку из коридора, но там есть вторая дверь, ведущая в кают-компанию. Ею не пользовались, и она, как заметил Андрей, была заставлена диваном.

Путешествие прошло благополучно. Андрей на цыпочках пересек кают-компанию и прижал ухо к двери.

Появление союзника показалось ему странным. О чем ДрокУ будет говорить с Прутом? Хотелось доверять ДрокУ, всегда хочется доверять, но это могло дорого обойтись.

Андрей успел в библиотеку вовремя: ДрокУ

разговаривал с наследником Брендийским.

Перетаскивая аппаратуру в диспетчерскую, пилоты галдели, как мальчишки, и Ольсен подумал, что они в самом деле страшно молоды, вдвое моложе его. Они были уверены, что запустят станцию в ближайшие часы, и это заслонило от них все прочие проблемы.

На космодроме время от времени появлялись гости.

Сначала приехал Премудрейший глава Школы знаний. Он хотел убедиться в том, что работа идет нормально, и еще раз выразить свое сочувствие Ольсену. Не успел он уехать, как появилась полевая кухня, самая настоящая армейская кухня, похожая на старинную карету, разукрашенную цветами. Ритуал принятия пищи в армии был сложен, походная кухня в виде кареты с цветочками составляла непременную часть ритуала. Повара, приехавшие в карете, очень огорчились тем, что пилоты поглотили изысканные блюда, не соблюдая буквы устава. В их памяти пилоты Космофлота остались людьми крайне невоспитанными.

Затем пожаловал сам Его Могущество. Он

прибыл в бронированной машине, коротко поклонился и обошел полуразрушенную башню диспетчерской. Затем так же внезапно уехал, оставив четырех солдат с винтовками. Солдаты встали по углам площадки, где шел монтаж, и замерли. Ольсен поглядывал на них с некоторой опаской.

Последним приехал ВараЮ.

— Мне это не нравится, — сказал он Ольсену. — Сказать почему?

Он был похож на клювастую птицу, которая увидела лису, крадущуюся к гнезду, и очень удручена низким поведением лисы.

— Почему? — спросил Ольсен.

— Потому что у Пруга была боевая машина. А все боевые машины принадлежат армии. Я бы хотел поймать и допросить того, кто дал Пругу боевую машину.

— Вы узнали что-нибудь на телефонном узле?

— Я арестовал всю ночную смену, — ответил ВараЮ. — Мои люди сейчас с ними разговаривают. Скоро все будет известно.

— А куда улетел корабль?

— Вернее всего, на Ар-А, — сказал задумчиво ВараЮ. — Вернее всего. Хотя я не исключаю и другие варианты.

— Они есть?

ВараЮ пожал плечами и спросил:

— Есть какая-нибудь надежда починить станцию?

— Да. Нам дали очень важные детали в Школе знаний. Они собирались строить собственный центр галактической связи.

— А я ничего не знал, — сказал ВараЮ и развел руками. — Я плохо работаю. Меня пора гнать.

— Вы должны радоваться, — сказал Ольсен. — Вы же всегда были сторонником нового.

— Но за новым надо следить. Больше, чем за старым.

— Сейчас у нас неприятности из-за старого.

— Завтра будут из-за нового. Оно появляется у нас слишком быстро. Вы поглядите на них, — ВараЮ показал на солдат. — У них новое оружие. Наши Могущества очень спешат использовать оружие, которое изобретено не здесь. Что они будут делать с ним завтра?

Станция приобретала рабочий вид. Удивительно, как пилоты могли разобраться в этом лабиринте.

— И будет работать? — спросил ВараЮ недоверчиво.

— Приезжайте через два часа, — ответил Са-

лиандри.

ВосеньУ уверенно шел к складам, зная, что у него две задачи.

Задача первая: найти бомбу. То великое оружие предков, которое могло погубить целый город. И вторая: найти ручное оружие, для себя. А если повезет, то и одежду, не пробиваемую пулями, о ней тоже говорится в легендах. И еще неизвестно, что нужнее.

ВосеньУ спешил, луч его фонаря метался по стенам, разыскивая двери и повороты. Воинам, шедшим следом, казалось, что слуга небесного господина отплясывает колдовской танец. Им хотелось убежать, но это было бы большим ослушанием, так как они должны забрать в темнице великое оружие.

Одна дверь была приоткрыта. Прямо за ней лежал скелет человека в истлевшей одежде. Скелет рассыпался, когда ВосеньУ рванул на себя дверь.

Воины отпрянули: в неверном свете фонарей им показалось, будто скелет пытается убежать от них.

За дверью хранились бомбы.

Андрей слушал разговор ДрокУ с Пругом Брендийским.

Разговор не соответствовал табелю о рангах.

ДрокУ мерно ходил по кают-компании и не останавливаясь говорил:

— Ты забываешь, что без нашей помощи не сделал бы ничего. Остался бы жалким претендентом. Или тебя давно бы нашли убийцы. Ты существуешь только потому, что нужен нам.

— Без меня вы бы тоже ничего не сделали.

— Это еще неизвестно. Нашли бы другого. Жадного до власти и славы.

— А что нужно вам? Та же власть и та же слава.

— Нет. Нам нужна другая власть и другая слава. Настоящая. Барабаны, троны и шумиху мы оставляем тебе. Пользуйся. Пускай дикие певцы исполняют в честь тебя гимны. Хватит, — резко сменил тон ДрокУ. — Я буду говорить с господином ВараЮ. Я скажу ему, что арсенал найден. Времени в обрез. Ты должен быть всегда трезвым, сильным и готовым к бою.

ВараЮ, повторил про себя Андрей, начальник городской охраны. Как интересно бывает в истории — вот Пруг, фигура для первого плана, она

шумит и машет оружием. А за ее спиной стоят те, кто не любит вылезать наружу…

Желая выбраться из города коротким путем, Браун ошибся улицей и попал в тупик. Он повернул обратно. А тут как назло амляк. Он стоял на пути вездехода. Упрямо, как самоубийца.

Тимофей затормозил. Высунулся из люка.

— Отойди, — сказал он.

Амляк нудно и монотонно повторял — а-мля-мля-мля…

Эльза подбежала к нему. Она не понимала, что амляку хотелось передать богине, что пришли другие люди, вошли внутрь подземного дома, они пугают амляков своим запахом, своим разговором, своими злыми мыслями. Амлякам страшно.

Он хотел, чтобы богиня вернулась в подземный дом и выгнала тех людей. Он пританцовывал, отбегал и возвращался.

— Он куда-то зовет? — спросил Браун.

Фотий подошел поближе, но Эльза остановила его.

— Они чувствуют, — сказала она. — Чувствуют наши эмоции.

Амляк отпрянул. Беспокойство Фотия его испу-

гало. Он старался донести до Эльзы, что за люди пришли в подземный дом, но у него не было слов. Он и так совершил подвиг разумности — пришел к ним.

Амляк понял, что они не хотят идти. И тогда он сообразил, что надо сделать. Там, в развалинах, совсем рядом, сидел один из тех, тревожных людей. Он давно прятался там. Надо показать богине человека, который сидит в развалинах, тогда она поймет. И амляк, не переставая верещать, побежал к руинам дома, где на остатках площадки второго этажа сидел КрайЮ.

Он бежал быстро, забыв об осторожности, потому что только хотел показать, ничего другого. И почти у развалин на него обрушилась волна страха и ненависти.

Фантастика

Агент КФ

Кир БУЛЫЧЕВ

КрайЮ увидел амляка. Он понял, что этот голый, худой, маленький выследил его и сейчас выдаст врагам. Он был не из тех, кто отступает и бежит. Мысленно пересчитав врагов, он поднялся во весь рост. От машины его было хорошо видно. Он держал в руке духовую трубку.

Амляк остановился, натолкнувшись на гнев и бешенство. Он запрокинул голову, ветер дергал длинные редкие волосы. Существо желало убить его, но он не понимал — почему. Только что он убедился в том, что эти существа не убивают.

КрайЮ поднес к губам духовую трубку.

— Это смерть! — закричал Фотий ван Куи. — Браун, стреляй!

У Брауна был пистолет и Браун не выстрелил. Он не был готов к тому, чтобы выстрелить в человека. И Фотий ван Кун, поняв это, бросился к Брауну, чтобы отнять у него пистолет, но в этот момент КрайЮ выстрелил из духовой трубки, и амляк сложился, медленно опускаясь на землю, — яд действовал быстро.

Фотий вырвал пистолет и начал стрелять по горцу, но Фотий никогда раньше не стрелял и потому промахнулся.

КрайЮ понял, что он убил врага. Теперь он может отступить. В него стреляют, а отступление

в бою — это не бегство.

Пригнувшись, КрайЮ отпрянул назад и спрыгнул вниз. Он не знал, гонятся ли за ним, но побежал прочь, подальше, виляя между грудами камней.

Браун отнял пистолет у Фотия ван Куна.

— Успокойся, Фотий, — сказал он. — Мы не можем убивать.

— Каждое живое существо может убивать зверя, если он нападает на человека.

Амляк, чуть вздрагивая, лежал в пыли, лицом вниз.

— Я еще понимаю, когда в авантюры влезает горный князь, дикий человек. Но этот ВараЮ — он же ответственное лицо! — удивлялся доктор, к которому Андрей пришел из библиотеки.

— В табеле о рангах он далеко не первая фигура, — сказал Андрей. — Выскочка, добился поста с помощью способностей. Но власть его не очевидна, ему часто указывают на место. В то же время он проникает в святая святых общества. И он понял, что его власть — не предел. И придумал сделать все руками горного князя. Гордого, но бессильного.

— На что он рассчитывает?

— Точно сказать нельзя. Но можно предположить. На Пэ-У возвращается корабль, вооруженный достаточно, чтобы захватить столицу. Я уже давно понял, что в планы Пруга входит не только его горное княжество, которое и на карте не отыщешь. И для второго действия драмы обязательно нужен человек в столице, который мог бы воспользоваться паникой. Или, еще лучше, организация, способная захватить власть, пользуясь суматохой. Не исключено, что ВараЮ до конца будет выказывать себя убежденным противником мятежа и попытается взять власть не как союзник Пруга, а как единственная сила, способная ему противостоять. Может, я и неправ. К тому же мы не знаем, насколько Пруг послушен ВараЮ.

ДрокУ вошел в узел связи.

Он не был новичком в узле связи и знал, что делать.

Он запер за собой дверь, включил аппаратуру, задал программу. Пока станция настраивалась, он включил приемник. Почти сразу пошел автоматический вызов с «Вациуса». ДрокУ не стал

выключать его, когда откликнулась Пэ-У.

— Начинаю сеанс, — сказал ДрокУ. — Это ты, ВараЮ?

— Ты опоздал на три минуты, — сказал ВараЮ. — Что случилось?

— Хорошие новости, — сказал ДрокУ. — Нашли.

— Когда сможете стартовать?

— Как только они будут здесь.

— Поторопитесь. Они восстанавливают станцию связи. На подходе корабль космофлота «Вациус», там пока не знают, где вы, но армия знает. Они выследили моего человека, который организовал угон боевой машины. И он, конечно, сознается.

— Его нельзя убить?

— Его охраняют. Но я попытаюсь.

— Мы стартуем, как только они будут на борту. Сделай так, чтобы Космофлот не успел нас перехватить. Иначе все зря.

— Знаю лучше тебя, — сказал ВараЮ.

— Корабль вооружен?

— Это гражданская авиация. Разве что пистолеты у команды.

— Может, тебе тоже пора действовать?

— Если ты уверен, что вы вылетаете сразу, я

рискну. Это опасно. Все зависит от тебя, ДрокУ.

— И от Пруга.

— Поэтому я и послал тебя. Как остальные?

— Я им сказал, что я твой агент и их друг.

— Поверили?

— Почему не поверить тем, кто цепляется за любую возможность выжить?

— Я жду тебя, ДрокУ.

— Я буду спешить.

Капитан корабля «Вациус» ждал в радиорубке.

Капитан был фаталистом и верил, что ему должно повезти. В космосе никто по доброй воле не останется без связи. Люди, похитившие космический корабль, должны предусмотреть связь. И рано или поздно воспользоваться ею.

Время шло. «Вациус» продолжал идти к Пэ-У, с каждой секундой удаляясь от Ар-А. Но капитан Йнвуке упрямо ждал.

И когда заработала станция «Шквала», разговор ДрокУ был запеленгован.

— Станция на планете Пэ-У, — сказал связист капитану.

— Уточните, где «Шквал», — приказал капитан.

Компьютер дал координаты Ар-А.

Инвуке сообщил по интеркому, что «Вациус» меняет курс. Капитан был фаталистом и гордился этим. Но он был доволен и тем, что его не подвела логика.

Компьютер на «Вациусе» не имел лингвистической приставки, и содержание разговора осталось в тайне. Капитан жалел об этом, ибо полагал, что связь означала то, что противник принял решение.

Экипаж «Шквала», пообедав на скорую руку, вернулся к монтажу станции.

В городе было жарко и пыльно. Солдаты, которые охраняли поле, казались рыжими столбиками.

Ольсен сидел у полевого телефона. Два раза звонили от Его Могущества, потом звонил Премудрейший из Школы знаний. Трижды звонил ВараЮ. Всех интересовало одно — когда будет связь.

События на космодроме уже стали достоянием всей планеты. Некоторые опасались мести Галактического центра, кое-кто гордился подвигом Пруга Брендийского. Хоть официального сообще-

ния и не было, все знали, что Пруг отправился на Ар-А, к великим гигантам. Куда еще мог полететь знатный вождь?

Каждому звонившему Ольсен терпеливо объяснял, что работы завершаются. Пилоты устали — они не спали ночью и работали отчаянно. Но они понимали, что Ольсену хуже, чем другим, они успокаивали его и говорили, что осталось совсем немного.

Офицер, который командовал отрядом боевых машин и исчез сразу после захвата «Шквала», был задержан ночью в долине за озером. Он молчал все утро. Днем с ним стал говорить сам Его Могущество. Он обещал ему жизнь. И жизнь его клану. В противном случае клан погибнет. Его Могущество не шутил.

Офицер попросил воды. Он устал и хотел спать. Жизнь клана. Он сказал, что все скажет.

Его Могущество велел своим помощникам продолжать и ушел. Ему было достаточно одного имени, которое сказал офицер.

ВараЮ.

Теперь требовались доказательства. Офицера, как только он расскажет о заговоре, надо отвезти во дворец правительства.

Солдат принес воды и поставил стакан на стол.

Офицер жадно отхлебнул из стакана и почти мгновенно умер.

Тут же был схвачен солдат, который принес воду. Он сказал, что воду ему дал дежурный в коридоре.

Дежурный был мертв. Зная, чем все это кончится, он высыпал остатки яда в другой стакан и выпил сам.

Ольсен еще сидел у телефона. Он задремал, ему снился приятный сон — пожарные разгребают пепелище и там находят его рукописи, целые и даже не обгоревшие.

— Ольсен! — позвал его Салиандри. — Можете подыматься к нам. Будем испытывать нашего монстра.

Ольсен вскочил. И в этот момент снова позвонил телефон.

— Говорит ВараЮ. Что нового?

— Я должен вас обрадовать, — сказал консул. — Связь вот-вот будет. В это трудно поверить, но они обещают.

— Поздравляю, — сказал ВараЮ. — К сожалению, не смогу к вам приехать. Надеюсь, вы справитесь без меня?

— Разумеется. Мы все сделаем.

ВараЮ говорил не из города. Его машина с телефоном стояла в сухом лесу в двух километрах от космодрома. Деревья стучали длинными сухими, иголками под ветром, казалось, что множество маленьких барабанчиков возвещают начало боя.

ВараЮ позволил себе расслабиться на минуту. Он думал.

Расчет времени должен быть совершенно точен.

Чем позже он начнет отчаянную акцию, тем меньше останется времени до возвращения «Шквала». А ему обязательно надо продержаться до возвращения «Шквала».

ВараЮ очень хотел жить. И очень хотел победить. Он был игроком. Он побеждал во всех играх еще со школы. Его никогда не любили — тоже со школы: никто не любит людей, которые побеждают в любом споре и уклоняются от драки, предпочитая, чтобы дрались другие. Его не любили и в службе охраны, когда молодой, незнатный ВараЮ пришел туда рядовым охранником.

Служба охраны, которая должна была противостоять отрядам кланов, ненадежным и буйным, нуждалась в специалистах. ВараЮ был способным молодым человеком. Когда в Галактический

центр посылали стажеров из различных ведомств, то в группу от службы охраны помимо четырех знатных офицеров попал и один незнатный — ВараЮ.

Он вернулся через три года, изменившийся, серьезный. Его назначили заместителем к одному из родственников премьера. Постепенно в отделе охраны привыкли обращаться по всем вопросам к заместителю. Начальник купил большой дом и задавал вечера. Когда он перешел на более почетную службу, то в борьбе за его место другие кандидаты перегрызлись, и ничего не оставалось, как назначить незнатного ВараЮ.

Он медленно продвигался вверх. Его карьере мешали происхождение и общая нелюбовь, но способствовали досье, которые ВараЮ завел на власть имущих. К сорока годам он стал начальником столичной охраны. Это было пределом его возможностей, даже с учетом деловых качеств и досье. Кроме того, его не любили.

(У нас любят, когда ты мертв и никому не страшен, — записывал ВараЮ в секретную тетрадь с афоризмами. Он не показывал ее даже самым близким людям, потому что они тоже его не любили.)

Никакое трудолюбие не помогло бы ему войти

в узкий круг благородных, которые правили планетой. Значит, круг следовало разорвать. Для этого был лишь один путь — насилие.

Поднять войну ВараЮ был не в силах. Армия бы его не поддержала. Горные кланы, пусть и недовольные городским правительством, — тоже.

Идею подсказал ДрокУ — единственный по-настоящему близкий ВараЮ человек. Они испытывали взаимное уважение и взаимный страх, еще со времени своего знакомства в Галактическом центре, молодыми честолюбивыми провинциалами.

ДрокУ обратил внимание ВараЮ на то, что на Ар-А прилетела археологическая экспедиция.

Казалось бы; какое дело офицерам охраны до археологической экспедиции на соседней планете! Однако Ар-А была для обитателей Пэ-У не просто луной в небе. Смерть ее цивилизации, костры пожаров и взрывов на ее лице были ярки и очевидны. Мощь и мудрость гигантов казались реальностью. Но нужно было иметь голову ДрокУ, чтобы связать эти события к своей выгоде.

В то время ДрокУ служил при дворе Пруга Брендийского, наследника престола, он надеялся когда-нибудь использовать этого человека.

Захват престола не удался, Пруг бежал в столи-

цу, но ДрокУ не оставил службы у горного князя. Честолюбивый наследник и археологические работы на Ар-А объединились в его уме еще до прилета Фотия ван Куна, как только первые известия о находках достигли Пэ-У. Прилет ван Куна лишь ускорил события: с ним были карты раскопок.

Еще нужен был корабль. Кораблем оказался «Шквал».

Дальнейшее было просто.

Ван Куна выследили и похитили люди Пруга. Затем в игру включился ВараЮ. Ему надо было обезвредить Андрея Брюса и капитана корабля, убедить всех, что археолога утопили в озере грабители. В Андрея стрелял агент ВараЮ. Только у его агентов есть стрелки со стертым клеймом. Тайная полиция нового времени не нуждается в старинных правилах чести.

ВараЮ за минуту мысленно пробежал по всей цепочке событий. И попытался заглянуть в будущее.

Если «Шквал» стартует сейчас с Ар-А, завтра утром он будет здесь. Хотя офицер ликвидирован, все равно армия вот-вот вмешается в события. Надо оттянуть ее выступление до завтрашнего утра, а если это не удастся, то хотя бы сохранить

силы. «Вациус» не должен знать, где «Шквал». Пускай он идет сюда. У ВараЮ есть помощники, которые умеют считать. «Вациус», сказали они, достигнет космодрома завтра в полдень. Он опоздает. Но если он пойдет к Ар-А, то окажется там к утру — так судьба расположила планеты на орбитах. Удачно для того, кто выигрывает, плохо для проигравшего.

— Рискнем, — сказал ВараЮ и включил рацию.

— Готовы? — спросил он.

— Готовы, — ответили ему.

— Вперед, — приказал ВараЮ.

Машина двинулась к вершине холма, откуда был виден космодром.

— Он сейчас придет сюда, — сказал доктор Геза.

— Я тоже так думаю, — согласился Андрей. — Он волнуется, ждет возвращения вездехода. Если провал, ему лучше, чтобы мы ни о чем не подозревали. И в любом случае ему надо знать, что мы замышляем. Чтобы помочь нам.

— Не понял.

— Чего мы ждем от ДрокУ?

— Подлости.

— Вы неправы, доктор, мы ждем от него помощи. Мы же не подозреваем, кто он на самом деле. Мы сейчас мечемся в неизвестности, терзаемся, как бы вернуть Космофлоту похищенный корабль и остаться в живых.

— Его постигнет горькое разочарование, — сказал доктор, предвкушая разоблачение. — Если позволите, я ему выскажу все.

— Не позволю, — мягко возразил Андрей. — Знание — самое ценное добро во Вселенной, тайное знание — одна из главных ценностей войны. Чем меньше он знает, чем больше мы с вами знаем, тем прочнее наша позиция.

— Я не согласен! — сказал доктор возмущенно. — Это ниже нашего достоинства — играть в прятки с убийцами. Лишь полной искренностью можно поддержать человеческое достоинство. В ином случае мы опускаемся на их уровень.

— Я, простите, на службе, — ответил Андрей. — Мне нужно сохранить имущество Космофлота и жизнь людей. Если для этого мне придется пойти на временный союз с чертом, я с сожалением пойду на него. В отличие от вас, я не герой.

Доктору в словах Андрея почудилась насмешка.

— Не люблю цинизма, — сказал доктор.

— Я не могу вам приказать, — сказал Андрей. — Обращаюсь к вашему разуму. Может быть, мой, позорный в ваших глазах, союз с ДрокУ поможет нам обрести некоторую свободу передвижений по кораблю. Я бы очень не хотел сидеть взаперти в каюте, словно принципиальный индюк, обреченный быть украшением обеда.

Доктор покраснел от обиды, и Андрей быстро добавил:

— Не обижайтесь. Я не имел вас в виду.

ДрокУ вошел, мальчишески улыбаясь.

— Друзья, — сказал он доверительно, как полагается тайному другу, — обстановка тревожная, но не безнадежная.

Бродяги лежали по краям поля, лежали уже давно, и, когда они поднялись и побежали, казалось, что из желтой стены пыли подымаются сонмы грязных, дико ревущих фигур.

В этой толпе большинство и в самом деле были бродягами, могильщиками, ворами, нищими. Их купили даровой выпивкой, несколькими монетами. Но организовали толпу, вели ее и несли взрывчатку агенты охраны, одетые по-настоящему — в рубища, обшитые ракушками у бродяг,

косточками у помойщиков, камешками у могильщиков, осколками стекол у воров. Колышащаяся толпа дробно поблескивала в закатном солнце.

Солдаты, утомленные бесконечным стоянием на солнце, опоздали открыть огонь. Один из них упал застреленный, остальные побежали к зданию диспетчерской.

ВараЮ плохо видел с холма, что происходит. Дул ветер, пыль, поднятая ветром и сотнями босых ног, кружилась над полем.

Ольсену все было видно лучше.

После ночного пожара он был убежден, что кто-то постарается уничтожить и эту станцию. Этот человек — один из тех, кто звонил и сочувственно интересовался, как идет ремонт.

Солдаты, отстреливаясь, уже подбегали к диспетчерской.

— Врубай аппаратуру! — крикнул Салиандри связисту.

— Две минуты! — крикнул тот. — Жан, помоги.

Штурман бросился к нему.

Ольсен увидел, как двое других прицелились в толпу. Может, кто-то и упал от их выстрелов, утонувших в воплях бродяг, но толпа не замедлила бега.

— Наверх! — закричал Ольсен солдатам. — Бе-

гите сюда!

Солдаты услышали и побежали к лестнице. Один из них упал, потом приподнялся и пополз к входу. Ольсен метнулся было вниз, но его удержал Салиандри.

— Не успеете.

Он был прав — толпа уже настигла и поглотила солдата.

Салиандри крикнул Жану, который все еще не включил рацию:

— Передашь связь консулу. Я буду на лестнице.

За Салиандри побежали трое пилотов, четвертый остался с Жаном. Рев толпы приблизился.

Ольсен еще раз выглянул в окно. У самого уха просвистела пуля — стрелял кто-то из задних рядов. Камень, брошенный рыжим вором в серой рубахе, попал в висок, и Ольсен, от боли схватившись руками за голову, начал оседать на пол. Никто не заметил этого.

Салиандри подхватил ружье у солдата, упавшего на лестнице, и стрелял, целясь по ногам. Солдаты не раздумывали о том, куда целиться, они понимали, что, если сдадутся, их тут же растерзают.

Гул возрастал — нападающие поддерживали пыл проклятиями в адрес трусливых крыс. Но

движение застопорилось, потому что на узкой лестнице превосходство в числе пропало.

ВараЮ пытался разглядеть с холма, как кольцо людей стягивается к диспетчерской. Он успокоился: все шло по плану. Важно не только разрушить связь, но и убедить всех, будто нападение — дело преступных кланов. Если и будут подозревать, что он стоял за этим нападением, то государство достаточно сложная машина, и, чтобы раскрутить ее, нужны более веские обвинения.

ВараЮ ждал взрыва. Если же не удастся со взрывом, бродяги должны разнести в щепки аппаратуру. Пилотов он не приказывал убивать. Но не приказывал и щадить. Ему было все равно.

— Есть связь! — закричал Жан, отрываясь от передатчика. Ему хотелось, чтобы Ольсен скорее связался с «Вациусом», потому что он опоздал к первому бою и боялся пропустить второй.

И тут Жан увидел, что консул лежит на полу, прижав к голове руки, и сквозь пальцы льется кровь.

— Держи связь! — крикнул Жан своему помощнику и бросился к консулу. — Вы живы? Да отвечайте же, вы живы?

— Скажи ему… — Ольсен говорил чуть слышно. — скажи ему — планета Ар-А. «Шквал» на

Ар-А. Он поймет…

Жан понял, чего хочет консул, метнулся обратно к рации и схватил микрофон.

— «Вациус», вы меня слышите? Дайте подтверждение связи!

Он услышал шум схватки у самой двери. Некогда было ждать подтверждения связи, и он закричал в микрофон, будто от силы голоса зависело, поймут ли его:

— «Шквал» на планете Ар-А! «Шквал» на планете Ар-А!

Он повторял эту фразу до тех пор, пока его не сразил выстрел из духовой трубки.

Капитан «Вациуса» получил от радиста короткую радиограмму, пришедшую с Пэ-У. Он прочел ее и спросил:

— Связь оборвалась на этой фразе?

— Больше они ничего не передали.

— Спасибо. Мы идем правильно. Вызовите ко мне инженеров, я хочу увеличить скорость.

Корабль шел на пределе, дальнейший разгон не предусматривался инструкциями Космофлота.

Через час скорость возросла на тысячу километров в секунду.

— У меня мало времени, — сказал ДрокУ. — Вернулся вездеход с оружием. Но я помогу вам бежать с корабля, хотя это может стоить мне головы.

— Зачем? — спросил Андрей, улыбаясь не менее дружелюбно, чем ДрокУ. Доктор Геза, чтобы не выдать себя, ушел во внутренний отсек, где лежал Витас Якубаускас.

— По очень простой причине. Я убежден, что Пруг вас всех убьет еще до того, как корабль стартует.

— Почему вы так решили?

— Я его знаю. — ДрокУ стал серьезен. — На его совести немало смертей, и если мы его не остановим…

— Как мы его остановим, если сбежим с корабля?

— Ни мне, ни вам это не под силу, но Пруга уже ждут на Пэ-У. Туда подходит корабль «Вациус». Охрана и армия мобилизованы. Он будет обезврежен.

— Откуда у вас такая информация?

— Я слышал переговоры кораблей с Пэ-У.

ДрокУ настороженно взглянул на Андрея, про-

веряя, пройдет ли ложь. Андрей сделал вид, что поверил. Вряд ли Пруг захочет терять ценных заложников. Но оставлять на корабле свидетелей? Уведя пленников, ДрокУ подстраховывается на случай провала. Он только спасал, он никого не убивал…

— Глупости, — сказал доктор из-за перегородки. — Брюс может уходить. А у меня на руках больной.

— Когда вас убьют, — ответил ДрокУ, — больному будет все равно. Его тоже вряд ли оставят в живых.

— Я все сказал, — отрезал доктор.

ДрокУ развел руками.

— Вы тоже остаетесь? — спросил он с печалью в голосе.

— У каждого свое понимание долга, — ответил Андрей. — Я пойду к себе в каюту.

Они вышли вместе., ДрокУ был так занят своими мыслями, что даже не обернулся, чтобы проверить, куда идет Андрей.

У двери своей каюты Андрей задержался. Он подождал, пока ДрокУ отойдет подальше, и пошел следом. Он поддался непростительному любопытству: ему хотелось поглядеть на добычу Пруга.

ВараЮ увидел пылевую тучу. К космодрому шли боевые машины.

Пусть идут. Его наемное войско уже в башне, бой кончается. Боевым машинам не успеть. В любом случае бродяги с удовольствием выполнят главную задачу — разнесут вдребезги эту проклятую станцию.

Больше ему здесь нечего делать. Чем дальше он окажется от космодрома, когда им овладеют солдаты, тем спокойнее. Тем более, что в данный момент ВараЮ играет в мяч в доме уважаемого торговца, человека выше подозрений. Двойник ВараЮ был подобран достаточно точно.

ВараЮ приказал водителю ехать к городу.

Машина еще не успела тронуться, как ВараЮ заметил три вертолета, подлетавших к диспетчерской. Это были армейские машины. Их перегнали с базы в трехстах километрах от столицы. И если Его Могущество приказал поднять машины еще утром, значит, он знал о нападении на диспетчерскую.

Машина съехала с холма, и ВараЮ уже не видел, как десантники спрыгивали на крышу диспетчерской и перекрывали выходы. Он велел

гнать к своему убежищу. Алиби с игрой в мяч могло оказаться наивным.

Десантники ворвались в диспетчерскую как раз в тот момент, когда толпа бродяг бросилась с буйным возбуждением громить станцию. Это спасло пилотов и солдат.

Понятие плана еще не привилось на планете Пэ-У. Бродяги, которые значительно превосходили числом десантников, отчаянно дрались, хотя и понимали, что обречены. Более сообразительные агенты ВараЮ постарались скрыться в сумато-хе, но, выбегая из диспетчерской, попадали под огонь боевых машин.

Станция была вновь разрушена, двое пилотов ранены, причем Салиандри тяжело.

Рана Ольсена оказалась нестрашной. Елена Казимировна, не доверявшая местным врачам, сама ее обработала.

Андрей остановился в воротах грузового отсека. Он почти не таился — воинам Пруга было не до него. Наступил их час: оружие гигантов найдено и захвачено.

К распахнутому грузовому люку подошел Пруг.

Воины вытащили из вездехода первую бомбу, кургузый цилиндр на низкой тележке. ВосеньУ, который прежде не отличался смелостью в присутствии Пруга, на этот раз громче обычного распоряжался и подгонял воинов. Он был похож на торговца, который прибыл из дальних краев.

Андрей глядел, как перед вездеходом выкладывают трофеи.

Там было две бомбы.

Три пулемета либо что-то похожее на пулеметы.

Большая трубка, возможно миномет.

Несколько ящиков с патронами, пистолеты, ружья и еще множество вещей, явно военного, но непонятного назначения.

Победители стояли широким полукругом, обозревая сокровище, которое даст им власть над планетой. Они напоминали стаю обезьян, ограбивших библиотеку.

Андрей незаметно ушел. Пока готовились к отлету, он сломал замок своей каюты. Он надеялся, что в суматохе отлета никто не вспомнит о нем.

Археологи потеряли много времени, потому

что амляк был тяжело ранен. Эльза отказалась оставить его на верную смерть, а мужчины не могли бросить ее без охраны.

Из развалин вылезли другие амляки. Они сели в кружок и тихо скулили. Они знали, что их сородич умрет.

Амляк умер. Эльза ничем не смогла ему помочь.

Когда археологи подъезжали к кораблю, он вдруг начал медленно расти, как гриб, пробивающийся из земли. Он взлетал.

— Что делать? — спросил Фотий ван Кун. — Мы же хотели их задержать.

— Сначала, — сказал рассудительный Львин, — надо привести в порядок нашу станцию. Это будет нелегко.

— А потом, — добавил Тимофей, — будем работать, как обычно, и ждать вестей.

Они стояли, глядя в небо. Корабль был красив и величествен. Но летел он для того, чтобы убивать.

Где-то далеко завыли волки. Они вышли на вечернюю охоту.

КрайЮ убедился, что археологи ушли, и вылез

из кустов. Он всей шкурой ощущал, что его забыли. Корабль не отвечал.

КрайЮ хорошо ориентировался, он представлял себе, в какой стороне корабль, и пошел туда мерным шагом охотника.

Он шел так, чтобы оставить в стороне станцию археологов, из-за этого ему пришлось углубиться в лес… Там его и почуяли волки, которые собирались в стаю для ночной охоты.

КрайЮ заметил их, когда пробирался сквозь лес. Он побежал.

Если он не успеет добежать до корабля, то они его растерзают. Это были сильные звери, такие не водились на Пэ-У.

Волки настигли его у опушки леса.

«Шквал» подымался на пределе возможностей. Глупо будет погибнуть из-за того, что ВосеньУ плохо учился, подумал Андрей.

Он выбрался в коридор и достиг узла связи в тот момент, когда силы окончательно оставили его. Добрался до кресла и стал считать до ста, чтобы восстановить способность думать. Он надеялся, что никто еще не пришел в себя настолько, чтобы ему помешать.

Медленное движение руки — включить передатчик. Теперь — приемник.

Стало легче. Первая стадия разгона завершена, «Шквал» корректирует орбиту. ДрокУ занят на мостике, Пруг еще недееспособен. ВосеньУ нечего делать в узле связи… Андрей успокаивал себя.

Включилась автоматика вызова. «Шквал», вас вызывает «Вациус», «Шквал», вас вызывает «Вациус»… Автомат повторял эти слова уже третий день.

Теперь настройка. Когда-то он знал наизусть все частоты грависвязи, все позывные кораблей Космофлота. Лишь бы позывные «Вациуса» не изменились! Пдльцы сами набрали код. Загорелся индикатор.

— Я «Вациус», — заговорил Андрей, склонившись к микрофону, — вызывает «Шквал». Вы меня слышите?

— Я вас слышу! — раздался голос, и в ту же секунду Андрей почувствовал движение воздуха — кто-то входил в рубку.

— Запомните! — Андрей почти крикнул, потому что всей спиной, всем телом напрягся в ожидании удара. — Не сближайтесь со «Шквалом», у них оружие!

Крепкая рука ДрокУ нажала на клавишу, пре-

рывая связь.

ДрокУ был бледен — перегрузки и ему обошлись нелегко. Он рванул на себя кресло, оно повернулось так, что Андрей оказался спиной к пульту.

— Почему вы оборвали связь?

Андрей постарался подняться, но ДрокУ коротким ударом по плечу заставил его остаться в кресле.

— Мы же договорились, — тихо сказал он, — что согласовываем наши действия. Вы можете все погубить.

— Я не уверен, что мы с вами союзники.

— Если бы я был врагом, я бы убил вас минуту назад. Достаточно мне сказать Пругу, что вы старались связаться с «Вациусом», и вас не существует.

Ясно, подумал Андрей, он не хочет разоблачения.

— Тогда объясните.

— Вы вышли из каюты без разрешения, — сказал ДрокУ, — и поставили под угрозу все предприятие. Я же говорил вам — на Пэ-У нас ждут, у Пруга ничего не выйдет. Ваше дело молчать, а не вызывать смерть на себя.

Андрей бросил взгляд на приоткрытую дверь

— в ней стоял воин с направленной на Андрея духовой трубкой. Воин не понимал разговора, но знал свое дело.

— Что вы успели сказать «Вациусу»? — спросил ДрокУ.

— Вы же слышали — ничего. Не успел.

— Вы сказали несколько слов на непонятном языке.

— На их языке, — уточнил Андрей. — Я сказал, что выхожу на связь. Формула вежливости.

— Хорошо, — сказал ДрокУ. Он явно спешил. — Постараюсь поверить. Но в будущем прошу не мешать, обезвредить преступников — наша задача. Ясно? Если увижу вас еще за тайными интригами — не пожалею.

Андрей ушел без спора. Перегрузки еще были двойными, воин не поспевал за ним. Андрей спокойно открыл дверь в медпункт и вошел туда так, словно там и живет. Его расчет был правильным — воины путались, куда загонять этих беспокойных пленников.

Доктор возился в заднем помещении, проверяя, все ли в порядке у Витаса.

— Что нового? — спросил доктор. — Вы были у Пруга?

— Я пытался связаться с «Вациусом», — сказал

Андрей.

— Зачем?

— Хотел предупредить их. Чтобы не сближались с нами.

— Ваше поведение иногда кажется мне загадочным, — сказал доктор.

— Вы забыли о том, что «Вациус» — гражданский лайнер, его команда — штатский народ. Они не знают, что такое племенные войны. Вы хотите, чтобы их просто перебили? ДрокУ и Пруг мечтают об этом. Представляете — захватить сразу два корабля гражданской авиации!

— Но если их не остановить… Там бомбы и другое оружие…

— Давайте не думать об оружии. Я уверен, что Пэ-У не пострадает.

На «Вациусе» приняли две гравиграммы, которые кое-что прояснили, а кое-что запутали. Капитан Йнвуке не выносил неясности.

Одна гравиграмма пришла с космодрома па Пэ-У. Прием был ненадежный, словно станция была плохо настроена. Гравиграмма сообщала, что «Шквал» ушел к Ар-А. После этого связь оборвалась.

Вторая гравиграмма пришла вскоре после первой. Она была еще более загадочной.

Ее передал корабль «Шквал», находящийся, как знал капитан, в руках пиратов. Она почему-то предупреждала (причем, что казалось фантастическим, на языке капитана), чтобы он ни в коем случае не сближался со «Шквалом».

Для капитана «Вациуса» вторая гравиграмма была многообещающей: она позволила запеленговать «Шквал» и убедиться в том, что корабль держит курс на Пэ-У, идет по оптимальной траектории и на пределе скорости. Значит, можно высчитать с точностью до секунды, где и когда его удобнее перехватить.

Точка была определена компьютером, минуту спустя капитан сообщил по интеркому своему экипажу, который в нетерпении ждал вестей, что через час двадцать минут корабль «Шквал» будет в пределах прямой видимости.

Капитан Йнвуке объявил на корабле тревогу.

Он никак не мог понять, кто посылал гравиграмму со «Шквала». Захватившие корабль на постоянный вызов не отвечали. Вернее предположить, что в радиорубку проник кто-то из экипажа, а обрыв связи означал, что его застали в рубке.

Поэтому капитан приказал: развернуть лазарет и придать корабельному врачу двух помощников; приготовить на камбузе диетический обед на двенадцать персон (во столько он оценивал экипаж «Шквала»); очистить две большие каюты и соорудить на них запоры, чтобы изолировать бандитов, захвативших корабль.

Но что делать, если бандиты будут сопротивляться?

Летчики Вселенной — народ бродячий, их работа связана не только с длительными отлучками, но и с постоянной опасностью, которая не очевидна для пассажиров. Подымаясь в космос, каждый пилот знает, что его корабль — маковое зернышко в океане.

Вот эта оторванность от остального человечества — оторванность чисто физическая, — рождает ощущение тесного братства между пилотами. Вряд ли найдется в Галактике категория людей, столь внимательно следящая за прочими членами содружества. Многие космонавты знакомы между собой, у них есть излюбленные точки свиданий, свой фольклор и свои сплетни. Трудно проникнуть в этот мир человеку со стороны — сначала он должен пройти не один рейс.

Зато если кто-то из пилотов попадает в беду,

то на помощь ему придут все собратья — все, кто в состоянии это сделать. И когда с кораблем капитана Андрея Брюса случилась беда, то он остался жив только потому, что корабль «Восток» под командой Витаса Якубаускаса, приняв сигнал бедствия, сумел прибыть за двадцать минут до рассчитанного компьютером рокового срока.

Сейчас на «Шквале» в беде оказались сразу два капитана — Брюс и Якубаускас.

ДрокУ сидел в кресле пилота. ВосеньУ в соседнем кресле.

Они молчали. Потом ВосеньУ спросил:

— Можно я задам вам вопрос?

— Да.

— Если мы прилетим и все будет в порядке, как мы кинем бомбу?

— Откроем люк и кинем, — ответил ДрокУ.

— А если она не взорвется?

— Ну и пусть. Важно, чтобы все знали, что у нас бомба.

— А если не взорвется?

— Кинем вторую, — сказал ДрокУ.

Боль возникла вдруг — боль от образа: ПетриА лежит неподвижно, ее волосы разметаны по полу. Он так явственно увидел это, что зажмурился от боли, от стыда перед ПетриА. Он забыл о ней.

На корабле ее убийца. И так ли уж важно, кто из них убил? Убийство для них — эпизод, о котором они завтра не вспомнят, если не будут бояться мести.

Власть — это убийство ради того, чтобы получить безнаказанную возможность убивать дальше. Бред. Власть ради власти. Никто не съест больше трех обедов и не наденет больше трех одежд. Пруг лишь игрушка…

Включился экран интеркома. На нем был ДрокУ.

— Если вам интересно, — сказал он, — то в пределах видимости появился корабль Космофлота. По каталогу Сомова это «Вациус».

— Значит, все кончено?

— Ждите. Я сообщу.

Пруг пришел на мостик через три минуты. Выглядел он плохо, видно, не оправился от перегрузок.

Он долго смотрел на экран. Потом спросил:

— А что за корабль? Патрульный крейсер?

— Нет, — сказал ДрокУ. — Это корабль Космофлота, называется «Вациус». Скорость ниже нашей.

— Мы можем уйти?

— Если изменим курс, то придем к Пэ-У раньше. Компьютер уже рассчитывает новый курс.

— Это гражданский корабль, у них нет вооружения, — сказал Пруг. — Глупцы. Они лезут нам в руки.

— Снижаем скорость, — сказал ДрокУ. — И передаем сигнал бедствия. В коридорах мы сильнее.

— Пруг Брендийский еще никогда ни от кого не бегал. ВосеньУ, ты останешься здесь, следи внимательно, как они будут с нами сближаться. Когда они спустят с борта маленький корабль, сообщишь мне. Я буду готовить встречу. ДрокУ пойдет со мной.

Пруг был великолепен. Он широко двигал руками, золотая тесьма на плаще сверкала, щеки покраснели. Он был викингом, коварным и отважным. Он шел в бой.

— Да, — сказал Пруг, вспомнив. — А где ДрейЮ?

— В каюте, — ответил ДрокУ. — Я проверял.

— Пусть воин приведет его ко мне, когда ко-

рабль будет совсем близко. Если на «Вациусе» станут сомневаться, ДрейЮ позовет их на помощь.

Андрей остановился у небольшой двери в скафандровую.

Некоторое время он разглядывал скафандры и уговаривал себя, что это только скафандры и ничего более, что это совсем не то, страшное, до чего он никогда в жизни не сможет дотронуться.

А там, снаружи, уже снижает скорость «Вациус», и его капитан уже приказал спустить планетарный катер. Пилоты — а среди них может быть кто-то из его знакомых — готовятся к переходу на «Шквал». Они, наверное, осторожны, но ни один из них не сталкивался с первобытными охотниками и не встречал наследника Брендийского с его норовом дикого кабана.

Андрей выбрал скафандр по росту и автоматически проверил, все ли в нем на месте. Он пытался убедить себя в том, что надевает скафандр на всякий случай, на минутку, а потом снимет снова.

Скафандр привычно раскрылся, принимая в себя Андрея.

Теперь можно сделать шаг, но Андрей не мог

себя заставить, потому что знал, что за первым шагом он обязательно сделает следующий. Никуда тут не деться.

Ему послышался стук — не заметил ли кто-нибудь, как он входил в скафандровую?

В конце концов, сотни космонавтов выходили наружу… Но он-то не космонавт, он агент КФ.

Андрей опустил забрало шлема, проверил, как поступает воздух, и быстро поднялся по трапу, прикрепленному к стене. Откинул люк и оказался в узком пространстве между оболочками корабля. По инструкции сюда нельзя выходить без скафандра, тут могут быть утечки воздуха.

Андрей шел между оболочками, он все еще утешал себя, что и не собирается выйти наружу.

До тех пор, пока не дошел до внешнего люка.

Андрей втиснулся в тамбур. Он был ему знаком. Он ему снился уже четыре года.

Андрей закрыл за собой внутренний люк и замер. И понял, что ни за что на свете не сможет открыть внешний люк.

Четыре года назад Андрей Брюс, один из самых молодых и известных капитанов Космофлота, крейсировал на «Орионе» возле планетки со странным прозвищем Кастрюля. Она была скопищем вулканов — плюющих, льющих, фыр-

кающих. На орбитальной станции работали вулканологи, они спускались оттуда на планету для наблюдений.

Ничего не могло случиться, но случилось. Выброс газов с Кастрюли достиг станции, повредил двигатели, те несколько человек, что были на планете, погибли.

«Орион» изменил курс, чтобы снять со станции вулканологов. Эвакуация прошла трудно. В полете пришлось ремонтировать внешнюю обшивку и антенны. От капитана никто не ждет такой работы, но народу на борту было немного, приходилось ухаживать за вулканологами, так что нет ничего удивительного, что ремонтом занимался и капитан.

Он работал вместе с механиком Браком. Они были снаружи примерно час, а потом Брак подал сигнал бедствия. Он сообщил, что страховочный трос капитана лопнул и того выбросило в бездну.

Если бы механик был внимательнее, ничего бы страшного не произошло. Но когда Андрея отбросило в сторону, Брак потерял его из виду.

Корабль погасил скорость и стал маневрировать, стараясь найти капитана. Но человеческое тело настолько мало, что уже за тысячу километ-

ров его не зарегистрируешь приборами.

Андрей падал в бездну.

Он падал в бездну шестьдесят три часа. Он несколько раз умер, но пролетел невероятное количество километров и миров.

Шесть кораблей Космофлота и патрульный крейсер искали его все эти шестьдесят три часа. Его нашел Витас Якубаускас.

Андрей пришел в себя лишь на базе, через много дней, и долго не верил, что жив. Он слишком медленно умирал.

После выздоровления медики поняли, что Андрей уже никогда не сможет выйти в открытый космос. Даже на Земле он избегал прогулок под звездами. Ему предложили наземную работу, и он уехал из Галактического центра — не хотелось встречать бывших коллег. В его болезни было что-то постыдное…

Вот почему, уже надев скафандр, он замер в переходнике, всем своим существом понимая, что не сможет заставить себя выйти наружу.

Он сосчитал до пятидесяти, потом еще до пятидесяти.

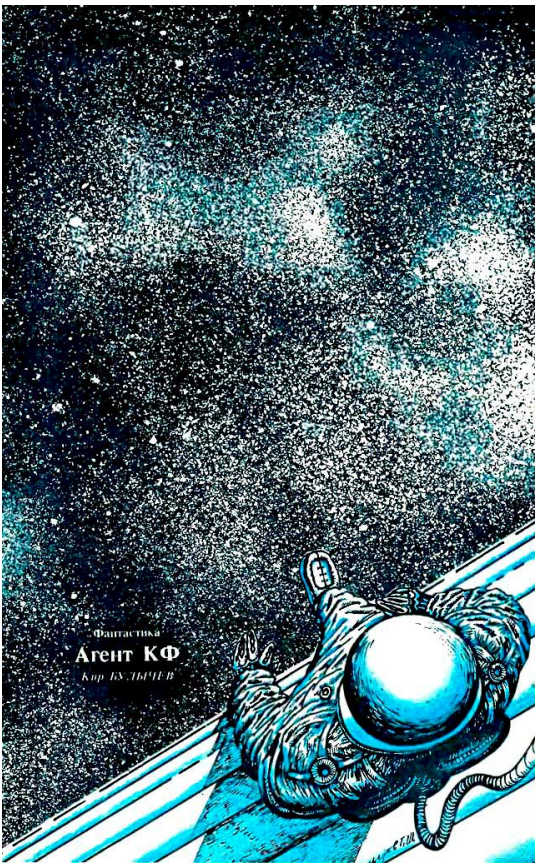
Потом он подумал — если я сейчас выйду туда, где только звезды и пустота, я умру от страха. От липкого страха, который неведом никому в

Галактике, потому что никто не умирал в ней, как я.

Но если я не выйду, то из-за меня погибнут другие люди. И это хуже, чем смерть.

У меня нет выбора.

Он открыл люк онемевшей рукой, как будто нажимал на курок пистолета, поднесенного к виску. Потом схватился за скобы на кампусе и выбрался наружу по пояс. Он не смотрел вверх, только вперед, на покатую спину корабля.


Фантастика
Агент КФ
Кир БУЛЫЧЕВ

Ему предстоял длинный путь: добраться по скобам до внешней антенны, которая контролировала подходы к кораблю, а затем и до люка. На втором участке скоб не было.

Андрей закрепил страховочный конец — его должно хватить — и пополз по скобам. Близко, у самых глаз, плыл металл корпуса.

Его никто не видел. Пруг, который готовил засаду, еще не вернулся на мостик, ДрокУ был с ним, а ВосеньУ не включал внешний обзор. Он смотрел только на главный экран, там медленно вырастал «Вациус», и, прежде чем вернулся Пруг, в боку корабля открылся люк и из него выполз планетарный катер. До корабля было километров тридцать, но на экране казалось, будто рукой достать.

Андрей незамеченным добрался до антенны — небольшой выпуклости, прикрытой прозрачной крышкой. Он свинтил крышку и молотком, притороченным к скафандру, разбил приемное устройство.

Вернувшийся на мостик ДрокУ обругал зачарованно глядевшего на катер ВосеньУ и включил антенну ближнего вида. На ее экране сверкнули звезды, и тут же экран погас.

— Этого еще не хватало! — сказал ДрокУ.

Он нажимал на клавиши, стараясь понять, что случилось, потом запросил компьютер. Антенна разбита, сообщил компьютер.

На пути ко входному люку скоб не было. В любой момент его может отнести от корабля, особенно если они предпримут маневр. Сердце колотилось бешено, и Андрей понял, что он — первый трус во Вселенной.

В наказание он заставил себя поднять голову.

Царственно могучий, сверкающий прожекторами, застыл корабль космофлота «Вациус». В лучах прожекторов медленно подплывал планетарный катер.

Катер был в считанных метрах от «Шквала», Андрей поспешил к нему, чтобы предупредить пилотов.

Резкое движение оторвало его от обшивки и понесло вверх.

И все началось снова. Вся смерть, все шестьдесят три часа.

Его заметили с катера, и капитан «Вациуса», еще не зная, что означает появление человека на обшивке «Шквала», приказал двум пилотам встретить этого человека.

Что-то дернуло Андрея, и он пришел в себя. И даже понял, что это — страховочный трос.

Открытый люк планетарного катера был совсем близко, оттуда вылетели двое в скафандрах с реактивными двигателями. Один из них, штурман «Вациуса», сразу узнал Андрея. И не сразу вспомнил в этой суматохе, что Андрея давно списали, перевели в агенты.

Андрей тоже узнал его. Он включил микрофон и сказал:

— Не входите, там засада.

Он говорил совершенно спокойным голосом, будто всегда встречал гостей на обшивке корабля.

Капитан Йнвуке тоже узнал Андрея.

— Брюс? Ты почему здесь?

— Они устроили засаду, — сказал Андрей.

Он непроизвольно держался рукой за скафандр штурмана. Нельзя глядеть на звезды, надо смотреть вниз, на твердую и надежную поверхность корабля.

— Какая засада?

— Они нас не видят, я сбил антенну ближнего обзора, но они ждут, чтобы перебить вас поодиночке, когда будете входить. У них топоры и пистолеты.

— А как остальные? — спросил капитан. — Раненых нет?

— Здесь еще доктор Геза и Витас Якубаускас. Он ранен. Другие остались на Пэ-У. Висконти погиб.

— Его убили?

— И хотят убить вас. Вы не понимаете, что это за существа. Это другой мир.

— Не будем терять времени. Я начинаю высадку, — сказал капитан «Вациуса».

— Вы меня не поняли?

— Мой десант в кремниевых скафандрах высокой защиты, — сказал капитан. — Ты пробовал выстрелить в него? Или ударить топором?

— А оружие у вас есть? — спросил Андрей.

— У нас на борту была группа охотников. Мы взяли у них анестезирующие пистолеты. Валят дракона.

Штурман с «Вациуса» крепко взял его под руку. Второй космонавт отстегнул страховочный трос. Они рывком подхватили Андрея, и он в мгновение оказался в открытом люке катера. Гораздо позже он понял, что все помнили о его болезни.

Андрей поздоровался с десантом. Они сидели в креслах одинаковые, словно статуи, в тяжелых скафандрах. Одинаковые шлемы повернулись к нему.

Андрей переодел скафандр.

Катер двинулся вновь, коснулся корабля и дал сигнал прибытия. Люк отошел в сторону, магнитные захваты втянули катер внутрь «Шквала». Шлюзовая была пуста.

— Приготовиться, — сказал капитан Йнвуке, следя за приборами. В шлюзовую поступал воздух.

— Где же они? — спросил капитан.

— Я думаю, они ждут в коридоре за выходом. Хотят встретить вас в узком месте.

Люк катера раскрылся, капитан выскочил первым.

— Принимайте гостей, — сказал он.

Тишина.

Капитан направился к двери, ведущей внутрь корабля. Дверь раздвинулась, и он вошел, держа в руке анестезатор.

По скафандру ударили сразу пять или шесть отравленных стрел. Они ломались и оставляли темные пятна яда. Грохнул выстрел.

Капитан продолжал идти вперед.

Выпустив стрелы и разрядив пистолеты, воины схватились за боевые топоры и с криками бросились на капитана. Пруг бежал в толпе воинов, размахивая самым большим на планете

топором.

Десантники успели дать залп из анестезаторов, первые воины упали, но остальные успели навалиться, они били топорами по шлемам.

Схватка была неравной — топор не может повредить скафандр.

Анестезаторы действовали безотказно. Число воинов все уменьшалось, люди в скафандрах медленно теснили редеющую толпу к кают-компании. Пруг отчаянно махал топором, ему удалось свалить с ног двух или трех космонавтов, в его тушу уже вонзились анестезирующие иглы, а он продолжал сражаться. Ему казалось, что десантники поддаются.

И неожиданно он рухнул. Во весь рост.

Оставшиеся воины еще сопротивлялись, но в коридоре стало свободнее, и Андрей смог пробиться сквозь схватку. Один из воинов бежал перед ним, похоже, что падение Пруга отняло у него желание сражаться. Но Андрей не гнался за ним — он спешил к медпункту.

Убегавший воин обернулся. Это был ВосеньУ.

Сзади утихал шум боя.

ВосеньУ потерял силы. Он прислонился к стене, он вжался в нее и занес топорик, как заносит камень слабый мальчик, когда к нему идет из-

вестный всей школе силач.

Андрей подошел почти вплотную, и ВосеньУ толкнул его топориком. Металл скользнул по пластику скафандра.

— Я хотел спросить тебя, ВосеньУ, — сказал Андрей. — Почему ты убил ПетриА?

ВосеньУ сполз по стене.

— Клянусь небом, — заговорил он, — клянусь самыми страшными муками в черном царстве — я не убивал ПетриА. Это сделал он.

— Кто?

— ДрокУ. Мы взяли одежду и справочники, а она пришла и увидела нас. Я сказал ДрокУ: пришла ПетриА, она у нас работает. А он засмеялся и сказал…

Кинжал просвистел в воздухе и вонзился в шею ВосеньУ. Тот захрипел и скорчился у ног Андрея.

ДрокУ подошел совсем близко и добродушно улыбнулся.

— Вот мы и победили, — сказал он. — И ВосеньУ тоже получил по заслугам.

— Зачем ты убил его? — спросил Андрей. — Чего ты боишься?

— Мой звездный друг, — сказал ДрокУ, — ты можешь сколько угодно говорить о мести. Но так уж вы устроены, что ваши естественные чувства

— ненависть, любовь, месть — все это подавлено вашим воспитанием. Ты бы до конца жизни мучился ненавистью к ВосеньУ, но убить, вот так, своими руками, ты не можешь. Кто-то должен тебе помочь.

— Я обязан тебя задержать, — сказал Андрей.

— Меня? После всего, что я сделал?

— Ты сделал больше, чем говоришь. Ты был движущей силой за спиной Пруга. Я знаю об этом. О тебе и твоем покровителе ВараЮ.

ДрокУ совсем не удивился.

— Логично, — сказал он. — Ты должен был догадаться. Или проговорился ВосеньУ. Или ты подслушал…

Говоря так, ДрокУ медленно продвигался вдоль стены, чтобы миновать Андрея.

— Убей меня, — сказал ДрокУ, глядя в глаза Андрею. — Ты думаешь, что ВосеньУ, этот слизняк, ни в чем не виноват…

Интересно, куда он хочет бежать? Коридор сворачивает к складам, оттуда можно попасть и к ангару, и к хранилищу, где они сложили эти бессмысленные тысячелетние бомбы. Можно спрятаться там, среди боеприпасов, и шантажировать остальных, покупая себе жизнь. Можно вывести планетарный катер в надежде добраться

до укромного места на Пэ-У…

— Даже если я убил, — продолжал ДрокУ, — даже если я. Кто ты такой, чтобы брать на себя правосудие? Наша игра еще не кончена, звездный пришелец. ВараЮ ждет нас на Пэ-У. Он будет править планетой.

ДрокУ рванулся по коридору.

Он был легче Андрея, он был без скафандра и успел бы убежать, но Андрей ждал этого рывка. Он прыгнул вслед за ДрокУ, схватил его за ногу и повалил на землю. Инерция потянула их вдоль коридора, и они изрядно проехали на животах.

Заломив ДрокУ руку за спину и заставив его подняться, Андрей, не обращая внимания на проклятия, сказал:

— Пошел. Пошел вперед.

— Куда? — ДрокУ попытался повернуть голову, и Андрей дал ему подзатыльник тяжелой перчаткой.

— Ну! — сказал он.

ДрокУ пошел впереди.

— Что ты хочешь делать? — спросил он, не поворачивая головы. Андрей ие ответил.

Из-за поворота вышел капитан «Вациуса». За ним доктор.

— Андрей, я так рад, что вы живы! — сказал

доктор.

— Он не имеет права так со мной обращаться! По законам Галактики жизнь и свобода каждого человека неприкосновенны, — сказал ДрокУ.

— Не слушайте его, — сказал доктор капитану.

— Я представитель развивающейся цивилизации и требую права на невмешательство. Я нахожусь под охраной закона.

— Как ты намерен с ним поступить? — поинтересовался капитан.

— Открою люк, — сказал Андрей, — и выкину его в пространство.

— Наверное, ты прав, — сказал капитан Йнвуке. — Ты лучше меня знаешь, что это такое. В скафандре или без скафандра?

— Без скафандра, — сказал Андрей.

— Это гуманнее, — согласился капитан. — Пойдемте, доктор, осмотрим раненых.

— Стойте! — кричал ДрокУ. — Я не при чем! Это ВараЮ приказал мне убить ПетриА. Чтобы подозрение пало на Пруга. Но я отказался!

Голос его стих и оборвался. Капитан и доктор, не оборачиваясь, скрылись за поворотом коридора.

— Сначала, — сказал Андрей, — ты пройдешь со мной в рубку связи и поговоришь с ВараЮ.

— Конечно, — быстро ответил ДрокУ. — Я скажу

все, что надо сказать.

— Ты скажешь ему правду.

В рубке связи Андрей отпустил руку ДрокУ, тот начал растирать ее другой рукой. Андрей стоял за его спиной.

Он вытащил у него из колчана на плече отравленные стрелы. Клейма на них были стерты.

— Вызывай ВараЮ, — сказал он. — И учти, что у меня в руках твоя стрела. Та самая, которой ты хотел убить меня. Могу в любой момент оцарапать тебе шею.

— Я согласен на все, — сказал ДрокУ. Он набрал позывные убежища.

— Что у вас происходит, — раздался голос ВараЮ. — Вы скоро? Второй корабль захвачен?

— За моей спиной, — сказал ДрокУ, — стоит ДрейЮ, звездный агент. Он приказал мне выйти на связь с тобой, господин.

Наступила длинная пауза. Очень длинная.

— Я понял, — наконец сказал ВараЮ. — Я никогда не верил тебе, ДрокУ. Знал, что при первой опасности ты перебежишь к сильному.

— Мы сражались, — ответил ДрокУ. — Но они были в скафандрах. ДрейЮ предупредил их.

— Идиоты, — сказал ВараЮ устало. — Не могли уследить за одним человеком.

— Он вышел в космос.

— Ты, как всегда, врешь, ДрокУ. Я проверял в информатории, ДрейЮ лишен права командовать кораблями, потому что у него болезнь — он не может выйти в космос.

— Он вышел, — повторил ДрокУ.

— Не буду тратить на тебя слов. Что с Пругом?

ДрокУ обернулся к Андрею.

— Пруг у нас в руках, — сказал Андрей. — Мы привезем его на Пэ-У. Наверное, он расскажет много интересного.

— Расскажет, — ответил ВараЮ. — Ты хочешь у меня что-нибудь спросить, звездный агент?

— Кто убил ПетриА? — спросил Андрей.

— ДрокУ, — ответил ВараЮ.

— По твоему приказанию! — закричал ДрокУ.

— Я даже не знал об этом, — ответил ВараЮ. — Он сказал мне об этом потом. Разве это важно?

Андрей не ответил.

— Заканчиваю связь, — сказал ВараЮ. — Мое убежище окружено. Я надеялся продержаться до рассвета, но теперь это излишне. Мы встретимся с тобой, ДрейЮ, на полях изобилия.

ВараЮ прервал связь.

Андрей понял, что смертельно устал. Он вывел ДрокУ из рубки связи, открыл дверь в пустую

каюту радиста и кинул на столик отравленную стрелу. Без клейма.

Я поступил неверно, подумал Андрей. У меня и впрямь ненормально с психикой.

Он запер дверь и пошел вниз, в кают-компанию.

На диване лежала громадная туша Пруга. Он безмятежно спал, сраженный анестезирующей иглой.

Доктор вдруг вспомнил, при каких обстоятельствах он видел в последний раз Андрея.

— А где этот, ДрокУ? Неужто вы выполнили свою угрозу?

— Почти, — сказал Андрей.

На космодроме Пэ-У их встречал экипаж «Шквала», Ольсен, Его Могущество и много высоких чинов.

Ольсен первым делом сказал, что ВараЮ покончил с собой в убежище.

Армейские боевые машины подъехали близко к «Шквалу». Пруг Брендийский спустился первым, солдаты помогли ему забраться в машину. Он очень ослаб, как будто из него выпустили воздух.

Затем в медицинскую повозку перенесли Витаса Якубаускаса. Елена Казимировна и доктор Геза поехали с ним в госпиталь, там было оборудование, привезенное из Галактического центра.

Вместе с воинами вывели и ДрокУ. Когда открыли каюту радиста, он спал. Стрелка была изломана на мелкие кусочки.

Андрей поехал вместе с Ольсемом в дом для приезжих. Ему не хотелось ехать в собственный дом. Там все напоминало о ПетриА.

Ночью, впервые за много лет, он вышел один и посмотрел на звездное небо. Небо было глубоким, черным, но не пугающим.

А утром Нильс Ольсен сказал ему, что ДрокУ убит в тюрьме. Убийцу задержали. Он оказался из клана Кам ПетриА — двоюродный брат ПетриА. Андрею никогда не приходилось его видеть.

№ 12

В. Коть

К нам едет ревизор!

Сказка

— Пишите, Аллочка. Приказ. Директора завода «Гвоздодер» Шляпьева Бэ Эр и главного инженера Лешего Эс Пе за неритмичную работу и представление текущей отчетности объемом восемь машинописных страниц лишить квартальной премии. Предупредить руководство фабрики-кухни «Ундина» о недопустимости дальнейшего раздувания отчетности, достигшей за последний квартал четырех страниц. Поздравить коллектив и администрацию завода «Стирпор» с победой в годовом соревновании, отчислить в фонд поощрения максимальный процент прибыли. Мо-лод-цы! (Так и пишите: молодцы, а в конце восклицательный знак). Подпись. Дата.

Степан Вахтангович, осанистый руководящий

работник, расхаживал по кабинету, украшенному еловыми ветками, а я топтался в дверях, дожидаясь, пока он или секретарша обратят на меня внимание. Вопрос у меня был мелкий: где у них помещается бухгалтерия.

Я никак не мог ее отыскать, да и самый кабинет нашел с трудом, изрядно проблуждав среди нагруженных снежными шапками деревьев сада, под которыми бегали, кувыркались, катались с горок закутанные в шубки румяные малыши. По какой бы я дорожке ни двинулся, она почему-то упиралась в дверь с нарисованной морковкой или клубничкой. Между тем согласно справочнику в этом здании должно было помещаться солидное, взрослое учреждение. И лишь едва заметная тропка между сугробами наконец привела меня к нормальной, облупленной двери без картинок…

— Возьмите новый лист. Адрес министерства… Пишите. Годовой отчет. За истекший год предприятия вверенного мне управления представили отчетность суммарным объемом двадцать семь машинописных страниц. Перевыполнены поставки по позициям восемь — пятнадцать на

полтора процента и девять — девятнадцать на ноль целых семь десятых. Недовыполнены…

(Список недовыполненных был немногим длиннее.)

— В свете вышесказанного считаю своевременной постановку вопроса об упразднении вверенного мне управления как избыточного звена аппарата. Подпись. Дата — тридцать первое декабря.

Ничего, Аллочка (это вы не пишите), работа найдется — вы же театральный кончали! Да и я хоть в самодеятельности, но Гамлетом был не из последних…

Степан Вахтангович внезапно повернулся ко мне, и его мужественное лицо побледнело:

— Молодой человек, что вы здесь ищете?

Наконец-то на меня обратили внимание… Насчет молодости — это всеобщее заблуждение. На самом-то деле мне крепко за тридцать, но выгляжу я юным. А что мне стареть? Должности всегда занимаю маленькие, не надрываюсь, не нервничаю… В этом городе я недавно, перебрался на службу в Главпрополку — там главбухом, по секрету сказать, состоит мой дядюшка. Он-то и

дал мне ответственное поручение: конфиденциально сообщить его коллеге пренеприятное известие…

— Я ищу бухгалтерию.

Почтенный человек от этих слов окончательно сник, приказал секретарше опустить шторы, запереть дверь — и оставить нас наедине.

— Расскажу ему все! — воскликнул он с пафосом.

И вот о чем я узнал.

Три года назад к Степану Вахтанговичу приехал дальний родственник, студент биофака. Приближался срок сдачи годового отчета, управление ходило ходуном, и его начальнику было, честно говоря, не до гостей. О чем студент не знал, да так и не узнал.

Спустя пару дней, отъевшись и отоспавшись, юнец начал совать нос в бумаги, которые сверхдобросовестный Степан Вахтангович носил по вечерам домой, — горы отчетных таблиц, именуемых среди служилого люда «простынями». Ведь управление — шутка сказать! — это десятки предприятий, один «Стирпор» чего стоит, полреспублики его порошком стирает… С каждого предприятия «простыни» идут сотнями. Легко ли свести все эти эвересты воедино да представить в

министерство без опоздания — сами понимаете. А тот нахальный гость походил вокруг, пошмыгал носом, да и заявляет: чепухой, мол, занимаетесь, дядя Степа.

Степан Вахтангович обиделся. Ничего себе, чепуха. Каждую цифирь ведь лично проверить надо! Биолог же этот недоучившийся не унимается. Смотрите, говорит, в графе слева у вас пишется плановая величина — справа выполнение. Видите? Гвоздодеры авиационные слева 732 — и справа 732. Подковы верблюжьи… 1347 — и справа столько же. Сколько всего в таблице названий?

Поглядели — две тысячи с гаком.

Ну, а не сходятся цифры, план с выполнением, по скольким? (Можно ли быть таким въедливым?)

Гостеприимный Степан Вахтангович не ленится, просчитывает — получается, всего по восемнадцати. Тут гость и заявляет, что отчитываться следует только об этих восемнадцати. Прочая же писанина, дескать, противоречит законам природы. Взять, к примеру, наш организм. В нем сигналы поступают в верховную инстанцию, в мозг то есть, только тогда, когда что-то не в порядке, отклоняется от нормы. Когда же все ор-

ганы в исправности, ничего мы и не чувствуем…

Так вот, в управление, а потом в министерство ни к чему сигналить о том, что исполнено строго по плану: мозгу нужно знать только об отклонениях, так их на биофаке учили.

Тогда Степан Вахтангович парнишку шуганул да снова уткнулся в бумаги. Но потом, страдая бессонницей, как вообразил вместо горы простыней один-единственный листок с восемнадцатью строчками — чуть не заплакал.

Неделю спустя, когда студент уехал, прибыло в город начальство из министерства, человек понимающий да вдобавок старинный друг Степана Вахтанговича. Посовещались они — и договорились на свой страх и риск поставить эксперимент: собирать у заводов да потом сообщать в министерство сведения только об отклонениях (плановые цифры там и так знают). Ну, и не болтать о затее до поры до времени — вдруг неладно получится?

И пошла в управлении жизнь тихая, райская. Следующий годовой отчет занял всего два десятка страничек.

Первым не выдержал такой благодати главный инженер. Пришел с заявлением об уходе. Стыдно, мол, штаны зря протирать, пойду на

производство. А уж на заводе ему радовались, специалист ведь знаменитый! За главным потянулись инженеры помоложе, за ними плановики, за плановиками снабженцы. И все — с полным соблюдением служебной тайны.

Дольше всех держалась бухгалтерия. Там работали женщины прочные, усидчивые. Но по весне и они взбунтовались: что это за каторга, даже поговорить не с кем — одни в здании. И подались коллективно на «Стирпор», там как раз производство расширяли.

Степан Вахтангович остался в громадном корпусе вдвоем с секретарем. И тут осенила его еще одна идея. Тихо, чтобы никто не знал, он передал опустевшие помещения детскому садику, зачем же им простаивать?

Наконец он понял, что ему с Аллочкой тоже можно подыскать другое занятие. Зачем вообще управление, если дела и так идут хорошо, планы выполняются, бумаг почти нет? Ведь премии, по новой ведомственной инструкции, так и платят — «при условии непредоставления отчетности». Осталось только дождаться соответствующего решения руководства, в такой момент особенно опасен любой сбой…

Только теперь, облегчив душу, Степан Вахтанго-

вич полюбопытствовал, зачем мне бухгалтерия. А услышав — схватился за голову. Оно и понятно: к нам едет ревизор! (Об этом по секрету шепнул дядюшке некий его дружок.) Ревизор из постороннего ведомства, о тайном эксперименте не осведомленный. Представляете, чем это пахнет: ни бухгалтерии не найдет, ни планового отдела…

Степан Вахтангович — надо отдать ему должное — горевал недолго. Позвонил в министерство, попросив пустить в ход некое загодя поданное заявление, потом в местное управление культуры, с которым долго спорил по поводу какого-то серого волка. А когда я потянулся прощаться, вдруг попросил:

— Не уходите, пожалуйста, вы нам очень нужны. А костюмы сейчас подвезут.

Так попросил, что я, бывалый служащий, сразу позабыл о близком конце рабочего дня. Очень скоро мы втроем, наряженные, неузнаваемые, двинулись узким коридором к ярко освещенному залу. Степан Вахтангович вошел первым — и громко пробасил: «А вот и я пришел, подарков вам принес!» Ответом ему были многоголосый хохот и визг детей, рассевшихся по лавкам вокруг елки. Мы со Снегурочкой стали разыгрывать под

ней сценки, наскоро выученные в кабинете, а новоиспеченный артист областной филармонии Степан Вахтангович, высоченный, осанистый — прирожденный Дед Мороз — возвышался над нами, время от времени подбадривая нашу игру благосклонными шутками. Наконец, нарушая утвержденный сценарий, я начал катать на спине ликующую публику — и одна девчушка, поцеловав мою оскаленную морду, заявила, что Серый Волк здесь — самый добрый.

А я понял, что жизнь придется начинать сначала. За тем, что ли, я родился на свет, чтобы лениво, избегая стресса, подшивать бумажки? Ну, дотяну до столетнего юбилея — так кому от этого будет радость? Не лучше ли так, надрываясь до одышки, веселить и катать на себе ребятню?

Об этом и о многом другом мы долго говорили со Снегурочкой, она же Аллочка, когда все вместе встречали Новый год. Что же касается ревизора, то он действительно вскоре приехал — и пришлось нам с дядюшкой искать другую работу, что лично меня ничуть не огорчило.

Но и моя новая работа, и Аллочка — это уже совсем другая сказка.